Джек

МАКДЕВИТ

Послание Геркулеса. Звездный портал. Берег бесконечности

Послание Геркулеса. Звездный Портал. Берег бесконечности

Джек Макдевит

Аннотация
Джек Макдевитт. Послание Геркулеса. Звездный Портал. Берег бесконечности
Послание Геркулеса
ОТ АВТОРА
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Глава тринадцатая
Глава четырнадцатая
Глава пятнадцатая
Глава шестнадцатая

Глава семнадцатая
Глава восемнадцатая
Глава девятнадцатая
Глава двадцатая
Глава двадцать первая
Джек Макдевит. Звездный Портал
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

21
22
23
25
26
27
28
29
30
31
32
33
ЭПИЛОГ
ОТ АВТОРА
Джек МакДевит. Берег бесконечности
Пролог
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
Эпилог

Аннотация

Сборник избранных романов.

Содержание:

Послание Геркулеса *(Перевод: М. Левин, Н. Штуцер, В. Ковалевский)*

Звездный Портал *(Перевод: Александр Филонов)*

Берег бесконечности *(Перевод: Михаил Левин)*

Джек Макдевитт
Послание Геркулеса. Звездный Портал. Берег бесконечности

Послание Геркулеса

ОТ АВТОРА

Когда Стивен Пагель позвонил мне и сказал, что хотел бы издать вот этот том, я тут же сообразил, что мне придется в какой-то степени переработать «Послание Геркулеса». Во-первых, потому, что описанная в нем компьютерная технология устарела. Во-вторых, потому, что сценарий «холодной войны», который служил роману фоном и во многом определял сюжетную линию, был отброшен самой историей. И не только в смысле конфронтации, существовавшей между сверхдержавами, которая все еще есть, хотя и в значительно ослабленном виде. Дело в том, что в определенной степени произошло изменение самого национального менталитета. Кто, например, сейчас поверит, что атомная держава способна нанести упреждающий удар из-за трений в вопросе развития атомного арсенала? А ведь именно эта проблема лежала в основе оригинальной версии романа. И в 1986 году эта версия не казалась невероятной.

Вполне возможно, что разработанная мной тогда историческая перспектива была вообще не верна, но в те времена это обстоятельство не ощу-

щалось. Я прекрасно помню тогдашние учения по гражданской обороне, проводившиеся в старших классах школы, когда мы гуськом спускались в расположенный в подвале кафетерий и залезали под столы, что, как считалось, должно было защитить нас от падающих бомб. А дома у нас еще с тех пор, когда отец во время Второй мировой войны был бойцом гражданской обороны, стояло ведро с песком, которым полагалось тушить «зажигалки». Почему-то мы его не выбросили. Оно служило нам напоминанием о том, какие жуткие вещи могут с нами произойти.

Помню я и то, как ехал по дороге между Вашингтоном и Филадельфией во времена ракетного кризиса 1962 года. Как раз в эти дни происходила реконструкция скоростного шоссе Балтимор - Вашингтон, но катастрофа казалась такой реальной, что никто не понимал, какого дьявола мы занимаемся этим делом. Ночь была наполнена страхами и ощущением, что все это в скором времени разлетится в прах,

Конечно, ничего подобного не произошло, реальность оказалась другой, и мы обязаны ею целой серии американских президентов и русских премьеров, которые умудрились сохранить на плечах трезвые головы. Но ведь легко могло

сложиться и иначе.

Теперь же, когда те годы, обернувшиеся к нам своей светлой стороной, миновали, у читающей публики перед глазами предстала совсем иная перспектива, а поэтому передо мной и встала необходимость переделать «Послание Геркулеса» в свете тех лет, которые оказались для нас счастливыми. Я так и сделал, и по мере удаления от версии 1986 года у меня крепло ощущение, что нам вообще нет нужды ждать послания со звезд. И не имеет значения то, как далеко мы продвинулись в Проекте СЕТИ и что именно нам могут сообщить инопланетяне. Нет новостей - это хорошие новости.

Что же касается «Военного таланта», то я его не переделывал.

Если бы этот роман печатался впервые сейчас, то я бы изменил только его название, которое вводит читателя в заблуждение. Многие любители НФ были разочарованы и даже возмущены тем, что купленная ими книга оказалась вовсе не из жанра «боевой» НФ. Говорят, что какой-то воришка в Сент-Луисе якобы спер ее во время вооруженного налета на книжный магазин, приняв за полицейский справочник.

А если уж говорить правду, то «Талант» от-

носится к тому редкому виду любимых мной романов, которые встречаются как в НФ, так и вне ее. В них раскрывается тайна, которая насчитывает уже более двухсот лет. В данном случае тайна связана с одним эпизодом, имевшим место в сражении между человечеством и инопланетянами, с которыми люди встретились наконец после долгих блужданий в пределах галактики.

Пожалуй, сейчас самое время вспомнить Льюиса Шайнера - писателя и редактора, с которым я познакомился во время работы над «Талантом». Это случилось на семинаре в Сикамор-Хилл (Рали, Северная Каролина).

В разговоре с ним я пересказал ему одну из центральных сцен романа. После нее роман пошел как-то не так, как я планировал, и я не знал, что мне делать.

Он зажмурился, подумал и сказал:

- Вы работаете на рефлексах. - Потом открыл глаза, внимательно поглядел на меня и добавил: - Прекратите пальбу.

Лью не уважает бессмысленного насилия, которое хлещет на нас со страниц книг и экранов. И, как я понял, не только потому, что считает его дурным вкусом, но и потому, что герои, уничтожающие друг друга, по необходимости плоские.

Скучные. Реальные люди так не поступают. Они не походят на психов, которые интересны лишь в тот момент, когда жмут на гашетку. Айзек Азимов как-то сказал, что насилие демонстрирует не только дурное воспитание, но и слабость воображения. Вы сами отыщете эту сцену. Версия Шайнера куда лучше моей.

Джек Макдевит, Брансуик, Джорджия, 11 ноября 1999 года.

Глава первая

Гарри Кармайкл чихнул. Глаза у него были красные, из носа текло, голова раскалывалась. На дворе стояла середина сентября, и воздух был насыщен пыльцой трав - амброзии, чертополоха и гусиных лапок. Гарри уже принял дневную порцию лекарства - самого новейшего антиаллергена, - но в результате обрел лишь сонливость.

Сквозь витражное стекло «Вильгельма Телля» Гарри видел комету Рамсея. Сейчас это было уже яркое расплывчатое пятнышко, висящее меж голых веток вязов, окаймляющих парковочную стоянку. Холодный размытый свет кометы вполне соответствовал холодному сиянию зеленых глаз Джулии, которая казалась погруженной в созерцание высокой изящной ножки винного бокала. Она уже отказалась от попытки поддерживать легкий разговор и теперь сидела в замкнутом пространстве ледяного одиночества. Ей было очень жаль Гарри. Он определил это по выражению ее лица, по глазам, которые смотрели мимо, будто на кого-то, кто стоит за его правым плечом. Пройдут годы, подумал Гарри, и он будет вспоминать этот вечер, эту минуту, и перед его

глазами появятся эти глаза, и эта комета, и эти полки, набитые старинными томами, назначение которых - создавать атмосферу в сумеречно освещенном зале. Он вспомнит тогда и свой гнев, и страшное ощущение близящейся утраты, и нарастающую уверенность в своем бессилии сделать что-либо. Ничто сделанное им не изменит ничего. А главное - именно жалость Джулии к нему будет больше всего терзать его душу.

Кометы приносят беду - таков широко распространенный предрассудок. Комета Рамсея вернется сюда через двадцать два столетия, но к тому времени она уже начнет разрушаться. Астрономы предсказывают, что либо во время своего следующего визита, либо через один она превратится в ливень каменных и ледяных осколков. Ну совсем как брак Гарри.

- Извини, - сказала Джулия и вздрогнула. - Ты ни в чем не виноват, Гарри.

Еще бы! В чем же может она обвинить старого верного Гарри, который так серьезно относится к брачным узам, на которого можно положиться как на каменную гору и который так много работает, чтобы обеспечить свою семью? Разве в том, что он слишком сильно любит Джулию?

Он всегда знал, что случившееся неизбежно.

Изменения отношения Джулии к нему происходили медленно, но неуклонно. Сперва какие-то мелочи, над которыми можно было посмеяться вдвоем, начали вызывать легкое раздражение, потом оно, как песок в колесах, разъедало семейную жизнь до тех пор, пока Джулии трудно стало переносить само присутствие Гарри.

И поэтому сейчас они сидят как два посторонних человека, тщательно соблюдающих дистанцию, создаваемую круглым столиком между ними, а Джулия с помощью сверкающих ножа и вилки аккуратно отрезает себе кусочки мяса, прожаренного гораздо больше, нежели Джулия любит.

- Понимаешь, мне просто необходимо какое-то время побыть одной, Гарри. Ну, просто чтобы подумать. Я устала постоянно делать одно и то же, заниматься одним и тем же изо дня в день.

Я устала от тебя - вот о чем говорит она, только не прямо, а подбирая мягкие слова, чтобы не причинить ему боль, и эта жалость стаскивает с Гарри защитную кору гнева, как кожуру с печеной картошки. Джулия поставила бокал на скатерть и в первый раз - возможно, за весь вечер, - поглядела на Гарри. И улыбнулась. Той добродушной и виноватой улыбкой, которой

улыбалась всегда, когда вела машину и умудрялась загнать ее в кювет или сильно подскочить на рытвине в асфальте. Боже мой, подумал Гарри, как же я буду жить без нее!

- А ведь сегодня и пьеса была тоже плохая, верно? - сухо сказал он.

«Вильгельм Телль» был театром с рестораном, и они с трудом высидели до конца нудную комедию-детектив. Хотя, конечно, Гарри никак не обвинишь в том, что он серьезно пытался вникнуть в ее содержание. Он с ужасом предвидел то, что должно произойти потом, и поэтому тратил время на подготовку возражений и отражение доводов Джулии, многократно повторяя в уме свои контрдоводы, выверяя стратегию защиты и объяснений. Уж лучше бы смотрел пьесу!

Самое смешное, что в кармане у него лежал абонемент на спектакли всего сезона.

- Да, - ответила Джулия. - Мне она тоже не очень понравилась.

Она не добавила ничего, что могло бы успокоить Гарри. Например, что ей было не до пьесы, что вечер выдался тяжелый, что она никак не могла заставить себя вникнуть в эту чушь, когда ее брак должен был развалиться. Вместо этого Джулия протянула руку через стол и удивила

Гарри, прикоснувшись к его ладони.

Для него любовь к Джулии была единственной всеохватывающей страстью, которую он знал, тем, что наполняло жизнь и придавало смысл его поступкам. Прошедшие годы не приглушили эту страсть. Наоборот, почти целое десятилетие семейный опыт обогащал жизнь, он связывал их такими тесными узами, что эмоциональный разрыв в представлении Гарри стал просто невозможным. Он не мыслил расставания с Джулией.

Гарри снял очки и, аккуратно сложив их, сунул в пластмассовый очечник. Без них Гарри видел плохо. Джулия не могла не понять, что означал этот жест.

До их слуха долетали обрывки разговора за соседним столом. Там двое подвыпивших мужчин злобным шепотом спорили о каких-то деньгах и родственниках. Гарри и Джулия никогда не позволили бы себе такого. Их отношения всегда были в высшей степени корректными. Даже когда спрятанный нож неожиданно вылез наружу.

Красивый молодой официант - надо полагать, студент колледжа, - терся на заднем плане, его красный пояс настойчиво подчеркивал осиную талию. Звали его Фрэнк. Странно, что Гарри, который обычно напрочь забывал имена случайных

знакомцев, запомнил его имя, как будто оно было важной деталью этого вечера. Фрэнк часто подходил к их столику, наливал кофе, спрашивал, чем еще может быть полезен. А в самом конце осведомился, удовлетворены ли они качеством блюд.

Гарри с трудом мог припомнить то время, когда отношения между ним и Джулией были совсем другими, не мог определить момент, когда вдруг исчезли смех и бессловесные приглашения в постель, которые раньше казались такими милыми и легкими.

- Мне кажется, - откровенно сказала Джулия, - что теперь нас вряд ли назовешь хорошей парой. Как будто мы все время сердимся друг на друга. Мы перестали разговаривать... - Она с вызовом посмотрела ему в глаза. Гарри ответил ей взглядом, который, как он надеялся, выражал чувство достойного возмущения. - А ты знаешь, что Томми на прошлой неделе написал сочинение о тебе и этой идиотской комете? Не знаешь? Гарри, - продолжала она, - я не знаю, как это выразить, но скажи, если бы что-нибудь случилось с Томми или со мной, это хоть как-нибудь отразилось бы на тебе? Заметишь ли ты хотя бы, что нас нет с тобой рядом? - Ее голос дрогнул, она отодвинула тарелку и опустила глаза на свои колени. - Запла-

ти по счёту и давай уйдем отсюда.

- Ты не права, - отозвался Гарри, взглядом отыскивая Фрэнка. Ему не хотелось продолжать этот разговор, который мог перерасти в неприятную публичную сцену. Но Фрэнк был занят. Гарри отсчитал несколько двадцаток, положил их на стол и встал. Джулия медленно набросила на плечи жакет и, сопровождаемая Гарри, проплыла между столиков к выходу.

Комета Томми висела над парковочной стоянкой. На сентябрьском темном небе она была видна отчетливо. Ее длинный хвост перекрывал сразу чуть ли не дюжину созвездий. В последний визит ее, возможно, наблюдал сам Сократ. Банк данных в Годдарде содержал уйму информации о соотношении метана и циана, о массе кометы, ее скорости, орбитальном наклоне и эксцентриситете. Гарри все это было до лампочки, но ведь он вообще невежда, и какой-то там переохлажденный газ не способен вызвать у него особых волнений. Вот Доннер и его ребята принимают телеметрические расчеты с чем-то вроде экстаза.

Воздух снаружи оказался неожиданно холодным, хотя в безветрии это почувствовалось не сразу. Джулия остановилась на гравийной дорожке, пока Гарри открывал дверь машины.

- Джулия, - сказал он, - не стоит все-таки десять лет выбрасывать на помойку.

Она внимательно смотрела, как паркуется какой-то фургон.

- Я знаю, - ответила она.

Возвращаясь домой, Гарри выбрал Фаррагут-роуд, хотя обычно он пользовался дорогой № 214, где можно было заехать к «Манси», чтобы выпить по стаканчику, а то и добраться до «Красной черты» в Гринбелте. Но не сегодня. С трудом ища в уме нужные слова и не находя их, он вел свой «крайслер» по спуску двухполосной дороги через лес вязов и мелколистных лип. Дорога вилась, оставляя за машиной темные сараи и старинные здания ферм. Вот такие дороги Гарри обожал. А Джулия любила оживленные шоссе. Может, именно отсюда берут исток их разногласия?

Какая-то машина с трейлером появилась позади «крайслера» и стала выжидать момент, чтоб обогнать его и уйти в вихре пыли и палых листьев. Когда она исчезла и ее красные задние огоньки превратились на фоне темного леса в звездочки, Гарри наклонился вперед, чуть ли не касаясь подбородком рулевого колеса. Луна.и комета быстро неслись слева от него. Они исчезнут примерно в одно время. Вчера в Годдарде «комет-

ная» группа что-то отмечала. Выпивку ставил Доннер, но Гарри, поскольку все его мысли были зациклены на Джулии, уехал домой до того. А Джулия, кажется, даже не обратила внимания.

- Так что же Томми написал про комету? - спросил он.

- Что вы к ней запустили ракету, которая привезет на Землю кусочек звездного вещества, и он обещает показать его всем людям. - Джулия улыбнулась, как показалось Гарри - через силу.

- Это не наше дело, - ответил Гарри. - Программу встречи отрабатывал Хьюстон.

Он почувствовал тяжесть воцарившегося молчания и чихнул.

- Ты полагаешь, что для него важны эти административные мелочи?

Ферма старика Киндельбриджа в лунном свете производила впечатление холодной и заброшенной. Посреди обширного двора стояли три или четыре пикапа и побитый старый «форд».

- И куда же мы разбежимся отсюда?

Последовало долгое молчание. Никто из них еще не продумал детали.

- Возможно, - сказала Джулия, - мне было бы неплохо пожить некоторое время у Эллен.

- А как будет с Томми?

Она зачем-то порылась в сумочке. Достала «Клинекс». Закрыла сумочку и промокнула глаза.

- Ты полагаешь, что сумеешь найти для него время, Гарри? Дорога сделала длинный S-образный зигзаг, пересекла две железнодорожные колеи и снова нырнула в густой лес.

- Что ты хочешь этим сказать? - спросил Гарри.

Она начала было отвечать, но голос ей изменил, так что она только качнула головой и безмолвно уставилась в лобовое стекло.

Машина промчалась через Гопкинсвиль - крошечный поселок из нескольких домишек и скобяной лавки.

- Может, у тебя кто-нибудь есть? - спросил он. - Кто-нибудь, кого я не знаю?

Джулия зажмурилась.

- Нет у меня никого. Я просто больше не хочу быть замужем. - Сумочка соскользнула с ее колен, и когда она наклонилась, чтобы поднять ее с пола, Гарри увидел, как побледнели суставы ее пальцев.

Болинброк-роуд была покрыта толстым слоем палых листьев. Гарри давил их с чувством извращенного удовольствия. Гараж Мак-Громана - третий дом от угла - был ярко освещен, и громкий гул электропилы резал на куски ночной воздух.

То был особый субботний ритуал Мак-Громана - в эти дни он работал по дереву. А для Гарри это место стало островком надежности в начавшем исчезать мире.

Он свернул на подъездную дорожку. Джулия открыла дверь машины, грациозно вышла наружу и тут почему-то замешкалась. Она была высока - шесть футов, а в туфлях с каблуками еще на пару дюймов выше. Прекрасная пара, говорили люди. Супруги-гиганты. Гарри же отлично понимал, как разительна разница их движений: Джулия двигалась с плавной грацией, а он довольно неуклюже.

- Гарри, - сказала она, и в голосе ее прорезалась сталь, - я тебя никогда не обманывала.

- Ладно. - Он обошел ее и вставил звякнувший ключ в замок. - Приятно было услышать.

С ребенком оставалась кузина Джулии Эллен Кросвей. Она удобно расположилась перед включенным телевизором: на коленях у нее лежал открытый роман, а справа стояла чашка кофе.

- Как пьеса? Понравилась? - спросила она с той же улыбкой, которая была у Джулии в «Вильгельме Телле».

- Полный провал, - ответил Гарри. Он боялся, как бы голос не подвел его.

Джулия повесила свой кардиган в шкаф.

- Актеры только и делали, что допускали ляпы. А разгадка тайны была ясна с самого начала.

Гарри Эллен нравилась. Попытка природы создать вторую Джулию - только не такую высокую, не такую красивую и совсем не такую целеустремленную. Результат получился вполне удовлетворительный. Гарри частенько подумывал, а как бы сложилась жизнь, встреть он Эллен первой? Сомнений нет - он предал бы ее и ушел к ослепительной двоюродной сестре.

- Что ж, - сказала Эллен, - по ящику тоже ничего интересного не показывали. - Она отложила книгу. В комнате стояла напряженная тишина. Эллен окинула супругов внимательным взглядом. - Ладно, ребятишки, время топать домой. С Томми - полный порядок. Почти весь вечер мы провели с Шерлоком Холмсом. - Она имела в виду театрализованную игру. Томми очень любил играть Ватсона и бродить со знаменитым сыщиком по табачным лавочкам и тавернам Лондона образца 1895 года.

Гарри понял, что Эллен знает об их проблемах. Значит, Джулия с ней уже поделилась. Знала ли Эллен, что ее кузина выбрала именно этот вечер, чтобы покончить все разом?

Эллен поцеловала Гарри и чуть дольше обычного подержала его в объятиях. Потом вышла в сопровождении невозмутимой Джулии, и Гарри услышал их приглушенные голоса на дорожке. Он выключил телевизор, отправился на второй этаж и заглянул в спальню сына.

Томми спал. Одна рука свешивалась с кровати, другая засунута под подушку. Простыня, как всегда, сбита. Гарри ее поправил. Парочка книжек издательства «Пинат» валяется на полу. А бейсбольная форма гордо висит на дверце шкафа.

Томми выглядел нормальным ребенком. Но в верхнем правом ящике бюро лежали шприц и флакон инсулина. У Томми диабет.

За окном поднялся ветер. Он что-то шептал в ветвях и в оконных занавесках. Свет, проникавший сквозь жалюзи, падал на фото «тарелки» Аресибо, которое Томми купил за несколько недель до поездки в Годдард. Гарри долго молча и неподвижно стоял у постели мальчика.

За последний год он много чего прочел по проблеме детского диабета, который считался самой опасной формой этой болезни. Еще недавно Томми ожидала бы слепота или другие, еще более страшные последствия, в том числе и ранняя смерть. Теперь положение улучшилось, иссле-

дования шли своим чередом и вселяли надежду. Прорыв мог произойти в любое время.

Никто не знает, откуда берется эта болезнь. В их семьях случаев заболевания не было. И тем не менее… Доктора говорят, что иногда она возникает на чистом месте.

Гадство.

А ребенка он не отдаст.

Но еще до того, как он вышел из комнаты, Гарри знал, что другого выхода у него нет.

Примерно в два ночи пошел дождь. Молнии за стеклами окон сверкали почти непрерывно, ветер свирепо ломился в стены дома. Гарри лежал на спине, уставясь в потолок, и прислушивался к ровному дыханию жены. Выносить это дольше он не мог, встал, накинул на плечи халат, спустился вниз и вышел на крыльцо. Дождевая вода хлестала из частично забитой чем-то трубы. От этого звук льющейся воды приобрел какой-то легкомысленный оттенок, который контрастировал с ревом ливня. Гарри уселся в качалку на крыльце и долго смотрел, как снаружи крупные дождевые капли плюхаются на ступеньки. Крепление на уличном фонаре то ли сорвало ветром, то ли оно само лопнуло, и теперь фонарь мотался в налетавших шквалах ветра и воды.

С Кленовой улицы свернули яркие фары и медленно поплыли в его направлении. Это был «плимут» Хола Эстергази. Фары направились к подъездной дорожке Хола прямо напротив калитки Гарри, остановились, дожидаясь, пока откроются ворота гаража, и въехали внутрь, по пути осветив стену дома.

Сью Эстергази - третья жена Хола. Где-то в пространстве существовали две разведенные жены и пять или шесть ребятишек. Хол как-то сказал Гарри, что у него прекрасные отношения с бывшими женами и он навещает их, когда есть время. Правда, признался он, это бывает не так уж часто. Он обеим платит алименты и дает деньги на воспитание детей. При всем при том он вполне доволен жизнью. А еще у него новая машина и дача в Вермонте.

Гарри никак не мог понять, как это все здорово у Хола получается.

Внутри дома зазвонил телефон.

Джулия подняла трубку в спальне еще до того, как Гарри добрался до лестницы. Она вышла на площадку и крикнула вниз:

- Это из Годдарда.

Гарри кивнул и поднес трубку к уху.

- Кармайкл слушает.

- Гарри, это Чарли. Мне пришлось побеспокоить тебя так поздно, но сегодня с сигналом с Геркулеса что-то произошло. Я только что кончил говорить с Эдом. Он чуть из штанов не выскочил.

- По-моему, ты тоже, - ответил Гарри.

Чарли - дежурный сотрудник Лаборатории исследовательских проектов.

- А в чем дело-то? - спросил Гарри. - Что у вас там стряслось?

- Так ты же курируешь нашу работу, не так ли?

- Отчасти.

Гарри был заместителем директора и ведал административными делами - был специалистом по кадрам в мире физиков, астрономов и математиков. Он старался быть в курсе различных разработок в Годцарде, чтобы иметь определенный авторитет в глазах научного персонала, но отдача была невелика. Космологи презрительно улыбались, глядя на физиков - специалистов по элементарным частицам, и те, и другие вместе смотрели свысока на астрономов, которые, как они считали, просто не способны понять тайны мышления теоретиков. Магистерская степень Гарри тут вообще не котировалась - она имела отношение к области гуманитарных наук.

Его работа заключалась в том, чтобы НАСА

набирала нужных специалистов, а также отыскивать таковых самому, следить, чтобы они вовремя получали зарплату, обеспечивать соблюдение графика отпусков и заключение страховых соглашений. Он вел консультации с профсоюзами, пытался мешать техническим менеджерам НАСА увеличивать число своих чиновников и занимался общественными связями. В последнее время он опекал преимущественно Доннера и «кометную» группу и немного запустил контакты с другими проектами Годдарда.

- Так что случилось с сигналом?

На другом конце линии Чарли разговаривал с кем-то еще. Затем его голос стал громче.

- Гарри, он просто прекратился.

Джулия спустилась на половину ступенек и с интересом наблюдала за Гарри. Не так-то часто ему звонили ночью.

- Я думал, тебе это будет интересно, - продолжал Чарли. Гарри не так уж хорошо просекал физику. Эд Гамбини и его ребята с начала весны начали наблюдать рентгеновский пульсар где-то в созвездии Геркулеса. Они полагали, что тамошняя система состояла из красного гиганта и нейтронной звезды. Последние месяцы оказались для группы тяжелыми, так как все ресурсы Годдарда

были брошены на комету.

- Чарли, так что же здесь неожиданного? Я хочу сказать, что эта идиотская штуковина вертится вокруг большой звезды и периодически скрывается за ней, ведь так? Именно это произошло и сейчас.

- Пульсар не должен был скрыться за звездой раньше среды, Гарри. А когда он заходит за нее, мы отнюдь не теряем сигнала. Просто он экранируется и приходит к нам в ослабленном виде. А сейчас сигнал исчез совсем. Заглох. Эд думает, может, что с оборудованием?

- И вы не можете понять, что именно?

- Сеть в порядке. НАСКОМ все проверил досконально. Гарри, Эд сейчас в Нью-Йорке и вернется в Годдард только через несколько часов. Он не хочет садиться в аэропорту Рейгана. Думаем, будет проще послать за ним вертушку.

- Так и сделайте. Кто сейчас в оперативном центре?

- Маевский.

Рука Гарри непроизвольно сжала трубку.

- Ладно, - сказал он. И добавил, будто это было важно: - Выезжаю немедленно.

- Что случилось? - спросила Джулия. Обычно поздние звонки из Годдарда ее очень раздражали.

Сейчас же в ее голосе звучала лишь некоторая тревога.

О том, что случилось, Гарри рассказал ей, пока одевался.

- Это тот пульсар, что излучает в рентгеновском диапазоне, - объяснил он. - Эд наблюдает за ним днем и ночью уже несколько месяцев. - Он улыбнулся своему шутливому тону. - Чарли говорит, что выдача прекращена.

- А почему это важно?

- Очевидно, потому, что они не могут объяснить, почему он замолчал.

Он поднялся по лестнице, прошел мимо жены и вошел в спальню. Она последовала за ним, сбросила пеньюар и забралась в постель. Гарри собрал свои вещи в охапку.

- А не может ли быть, что между нами и пульсаром прошло облако пыли?

- На «Скайнет» космическая пыль не влияет. Во всяком случае, на рентгеновские телескопы. Что бы это ни было, но событие важное, раз Гамбини вылетает из Нью-Йорка прямо ночью.

Она смотрела, как одевается Гарри.

- Знаешь, - сказала Джулия, стараясь говорить спокойно, но явно не в силах удалить из голоса эмоции, - это ведь то, о чем мы говорили весь

вечер. За проект «Геркулес» отвечает Эд Гамбини. Так почему же именно ты должен лететь туда сломя голову? Спорю, он даже пальцем не пошевелит, когда у тебя будут трения с профсоюзами, и не полезет в твой офис.

Гарри вздохнул. Он не достиг бы своего нынешнего положения, если бы нежился в постели, когда происходили важные события. Верно, за «Геркулес» он непосредственно не отвечал, но кто знает, как там развернутся дела. Чиновник, который хочет сделать карьеру, должен прежде всего быть на виду. Он с трудом подавил желание сказать ей, что теперь не испытывает желания выслушивать ее мнение. Вместо этого просто сказал, что, уходя, закроет дверь на ключ.

Рентгеновский пульсар находился в созвездии Геркулеса и был кое в чем необычен. Считалось, что он образует Совершенно независимую систему, которая не связана ни с какой другой группой звезд. Расположен он был в полутора миллионах световых лет от Годдарда, в невообразимой пустоте между галактиками.

Необычайно было и то, что ни один из компонентов этой системы не являлся голубым гигантом. Альфа Алтеи - видимая с Земли звезда - светилась кирпичным светом и была куда холод-

нее нашего Солнца, хотя по величине превышала его в восемьдесят раз. Если бы она находилась в центре нашей системы, то наверняка поглотила бы Меркурий.

Сейчас Альфа проходила фазу сгорания гелия. Вообще-то ей полагалось бы расти еще примерно миллионов десять лет, пока она не взорвется и не превратится в новую.

Но просуществовать так долго ей было не суждено. Другой компонент этой системы - Бета Алтеи - представлял собой умершее солнце, то есть тело куда более массивное, нежели ее компаньон. Бета была так сжата из-за своего колоссального веса, что ее диаметр вряд ли составлял более тридцати километров - примерно то расстояние, которое разделяет туннель Холланд и берег пролива Лонг-Айленд. Две минуты полета на самолете или день пешего хода. Но Бета была угрозой существованию Альфы. Она вращалась по орбите, которая всего на пятнадцать миллионов миль отстояла от края красного гиганта, то есть так близко, что буквально проходила через верхние слои атмосферы этой звезды, причем вращалась с такой скоростью, что уносила за

собой волну раскаленных газов, извлеченных, можно сказать, из самых печенок Альфы.

Именно таков был механизм работы пульсара. Существовал постоянный поток мощно заряженных элементарных частиц от Альфы к ее спутнику, летящий на релятивистских скоростях. Точки соприкосновения потока с поверхностью Беты не были беспорядочно разбросаны, а концентрировались на магнитных полюсах, то есть в зонах диаметром примерно в километр, не больше. Эти полюса, как и на Земле, не совпадали с полюсами оси вращения. Высокоэнергетические частицы, ударяясь о необычайно. плотную и скользкую поверхность Беты, выбивали поток рентгеновского излучения. В результате создавался как бы маяк, чьи лучи пронизывали весь близлежащий космос.

«Крайслер» Гарри пробивался через новый шквал ливня, тогда как его хозяин был погружен в мысли о том, какая же энергия была нужна, чтобы внезапно выключить этот маяк.

Охрана знаками показала Гарри, чтобы он въехал в ворота. Он тут же свернул влево и подъехал к зданию № 2 - Лаборатории исследовательских проектов. Под яркими фонарями системы безопасности уже стояли восемь-девять машин, что было делом необычным для такого позднего времени. Гарри припарковался рядом с изящ-

ной серой «хондой» Корда Маевского и побежал, стараясь выбирать путь под кронами мокрых деревьев, к входу, расположенному в задней стене здания - очень утилитарного и не слишком красивого.

Проект «Геркулес» вначале занимал территорию центра связи и прилегающую к нему площадь. Но Гамбини был хорошо знаком с политическим маневрированием, а потому и численность, и значение его персонала стали быстро расти. Так что он выбил еще две большие рабочие комнаты, компьютерную и еще несколько комнат под кабинеты для руководящего состава. Проект начался с обычного исследования нескольких десятков пульсаров, а затем сфокусировался на аномалиях той группы, которая расположилась в пяти градусах к северо-востоку от скопления НГС6341.

Гарри вошел в операционный центр. Несколько техников сидели, освещенные зеленоватым светом мониторов. Двое или трое, сняв наушники, пили кока-колу и тихо беседовали. Корд

Маевский, хмурясь, что-то записывал в блокнот, прислонившись небрежно к столу. Он был куда больше похож на футболиста, чем на математика: плечистый, жилистый, пронзительные

голубые глаза и темная бородка, которая должна была придавать мужественность его оскорбительно юношескому лицу. Вообще же он был хмур и замкнут, и Гарри недоумевал, почему Маевский пользуется таким поразительным успехом у женщин.

- Хелло, Гарри, - сказал Корд. - Ты-то тут как оказался в такое время?

- Услыхал, что пульсар дал сбой. Что тут у вас?

- Будь я проклят, если понимаю.

- Может, у него бензин кончился? - спросил Гарри. - Такое ведь возможно?

- Бывает. Но не похоже. Если Бета потеряла свой источник энергии, мы бы заметили постепенное ослабление сигнала. Но эта штуковина просто заткнулась - и все. Не знаю, что и думать. Может, Альфа в новую превратилась? - Он бросил блокнот на стол. - Гарри, не сможешь ли ты вырвать у Доннера оптический телескоп на несколько часов, а то он уже три месяца пялится на эту чертову комету?

- Напиши мне заявку, Корд. Маевский одарил Гарри злобным взглядом.

- Жаль терять время. Нам ведь обещана возможность иногда поглядывать на свой объект.

- Вот и погляди, - отозвался Гарри. - Оторвись на

пару минут и заполни форматку.

Гарри сказал, что если он понадобится, то будет у себя, и отправился к своей машине.

Пульсары его не так уж интересовали, а уж сегодня ночью вряд ли его внимание могло привлечь что-либо менее серьезное, чем падение черной дыры на штат Мэриленд. Зато он получил возможность не думать о домашних делах. Оторваться от них и отдохнуть, надеясь, что все образуется, было само по себе отлично.

Сильный дождь перешел в холодную морось. Гарри по дороге № 3 добрался до стоянки у здания № 18 - административная секция. Его кабинет находился на втором этаже. Помещение было обставлено со спартанской простотой - подержанные стулья, обшарпанные зеленые стены, казенные картинки на стенах, закупленные оптом хозяйственным управлением по бросовым ценам у одного из постоянных поставщиков. На столе между телефоном и небольшой окантованной репродукцией из «Мальтийского сокола» стояли фотографии Джулии и Томми. Томми был в форме детской лиги, и на майке хорошо видна надпись «Пираты». Задумчивая Джулия в профиль на фоне серого неба Новой Англии. Память о медовом месяце.

Он зажег настольную лампу, потушил верхний свет и опустился на пластиковую кушетку, которая была куда короче, чем надо. А может быть, и в самом деле пришло время бросить все это? Найти какой-нибудь заброшенный маяк на берегу Мэна? Он видел объявление о таком в Провиденсе - сдается за символическую плату один доллар, только надо там жить. А работать можно в местном универсаме, изменить фамилию и остаток жизни играть в бридж с новыми приятелями.

Жизнь с Джулией окончена. И самое несправедливое - он теряет не только ее, но и Томми. Да еще и приличную часть дохода. Неожиданно он ощутил какую-то странную симпатию к Альфе Алтеи, отягощенной нейтронной звездой, от которой она не может отделаться. Ему уже сорок семь, брак его рухнул, а теперь он еще понял, что и работу свою тоже не любит. А ведь люди, которые всего этого не знают, завидуют ему. Он же участник Большого Приключения, он возглавляет наступление на планеты, он работает бок о бок с крупнейшими физиками и астрономами. А если по правде, то они в большинстве - не все, впрочем, - грубияны или мальчишки вроде Маевского. И ровней себе его не считают.

Он же просто составитель графиков и распи-

саний, он - тот парень, который следит за их отпусками, отвечает за их госпитализацию, за выход на пенсию, он занят такой тягомотиной, о которой они - Гамбини и прочие - и разговаривать не желают. Он - по их классификации - всего лишь профан. Хуже того - профан, который имеет право вмешиваться в работу Годдарда.

Постепенно он впал в дремоту. Ветер утих, дождь прекратился. Единственным звуком в здании было жужжание моторов в подвале.

Когда телефон зазвонил, офис Гарри был залит дневным светом. Он взглянул на часы. Начало девятого. Бог мой, да неужели он проспал столько!

- Гарри! - Опять этот Чарли. - Пульсар включился!

- Ладненько, - сказал он. - Похоже все-таки на сбой в оборудовании. Проверь, не пропустили ли вы что-нибудь. А я попрошу ремонтников еще раз проверить. - Наступило воскресенье, и нет нужды сидеть тут без особых причин. - Эд уже вернулся?

- Ждем с минуты на минуту.

- Скажи ему, что я тут.

Гарри повесил трубку. Теперь он абсолютно уверен, что события сегодняшней ночи сведутся к какому-нибудь дефекту в проводке.

Центр космических полетов мирно дремал в

свете воскресного утра. А если сказать правду, то Гарри всегда нравилось ночевать в своем кабинете, если попадался какой-нибудь серьезный предлог для этого. Странно. Несмотря на страсть, которую он питал к Джулии, в этих холмах, в тумане, который поднимался вместе с солнцем, в самой тишине этого места, где в другие дни кипела жизнь, было что-то, околдовывавшее Гарри. Даже сейчас. Сейчас, пожалуй, особенно.

МОНИТОР

ИРА
ОПРОВЕРГАЕТ СВОЮ ПРИЧАСТНОСТЬ К ВЗРЫВАМ В БЕЛФАСТЕ

Религиозные лидеры протягивают друг другу руки…

СЕНАТ ПРОВАЛИЛ НОВЫЙ ОБОРОННЫЙ ЗАКОН

«Вашингтон ньюс»: Коалиция северных демократов и республиканцев кукурузного пояса провалила пакет оборонных законов, разработанный правительством, опять вставив президенту палки в колеса…

РОССИЯ ПРЕДЛАГАЕТ НОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВ АТОМНОГО ШАНТАЖА

СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЕ ПО НОВЫМ ДАННЫМ ПЯТЬ МИЛЛИАРДОВ ЛЕТ

Пробы вещества из кометы Рамсея свидетельствуют, что ей свыше миллиарда лет…

АМЕРИКАНСКАЯ ПОМОЩЬ АРГЕНТИНЕ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ ОКАЗАЛАСЬ ПУСТЫШКОЙ

Продовольствие и медикаменты ушли на черный рынок. Ожидаются новые подземные толчки и эпидемия тифа…

ВВОЗ КОКАИНА В ГРАФСТВО ДЕЙД ПРЕВЗОШЕЛ ВСЕ РЕКОРДЫ

ЧИСЛО РАЗВОДОВ ПРОДОЛЖАЕТ РАСТИ

По сообщению «Нью-Йорк таймо», почти три четверти браков заканчиваются разводом. Таковы данные исследования, проведенного в Принстонском университете…

ЛИГА ВОЗМУЩЕННЫХ РОДИТЕЛЕЙ

ТРЕБУЕТ ОТ СУДОВ ПРИНЯТЬ МЕРЫ К ЗАПРЕЩЕНИЮ
ПЕРЕДАЧ,
РЕКЛАМИРУЮЩИХ ПОРНОГРАФИЮ И НАСИЛИЕ

Глава вторая

Если Эдуард Гамбини и не спал всю ночь, то по нему этого сказать было нельзя. Он шнырял по Оперативному центру, движимый неуемной энергией, - маленький, похожий на птичку, с зорким взглядом воробьиных глаз. Эд обладал каким-то специфическим видом достоинства, которое свойственно некоторым пернатым, великолепно понимал место, которое занимает в жизни, и в избытке владел тем качеством, которое политики именуют харизмой, а актеры - умением вживаться в роль. Хотя Гарри был гораздо выше Эда ростом, но в присутствии Гамбини всегда ощущал себя чуть ли не коротышкой.

В отличие от большинства своих коллег, которые крайне редко вступали в дружеские отношения с администраторами, хотя и могли извлечь из этого кое-какие преимущества, Гамбини искренне симпатизировал Гарри Кармайклу. Когда Гарри изредка начинал жаловаться ему на то, что ошибся в выборе жизненного пути - ведь свою карьеру он начинал физиком в университете Огайо, а потом решил, что ему никогда не одолеть квантовой механики, - Гамбини начинал

убеждать его, что он только выиграл от этого. И хотя никаких конкретных объяснений Гамбини не давал, но Гарри его понял: только обладая мозгом «чистой воды», то есть таким, какой был у самого Гамбини, можно было преуспеть в этой абстрактнейшей дисциплине. Едкое чувство юмора Гарри и его осторожная натура не выдержали бы испытания, столкнувшись с необходимостью понять метод Гилберта-Шмидта или теорему Бернулли.

Кроме того, Гамбини добродушно соглашался с тем, что человек, который занимается делами, каковыми занимается Гарри, тоже имеет право на существование. «Должен же, Гарри, ктогто выписывать чеки», - как-то сказал он. И добавил, что чиновник с мозгами - редкость, которую надо ценить.

Гарри прибыл в лабораторию сразу же после девяти, захватив с собой булочку с корицей, так как считал, что Эд еще не успел позавтракать.

Корд Маевский стоял перед монитором, сжимая ладонью подбородок и разглядывая поток цифр, которые бежали по экрану. Глаза его не отрывались от цифр. Прочие компьютерщики, специалисты по системному анализу, техники-связисты были погружены в свои дела глубже,

чем это бывало обычно. Даже Анджела Делласандро - местная губительница сердец, высокая, стройная и черноглазая, - и та не отрывала взора от консоли. Гамбини занял место подальше от них и жадно откусывал куски от коричной булочки.

- Гарри, ты можешь сегодня обеспечить нам полное обладание оптическим телескопом на всю ночь?

Гарри мог.

- Я уже предпринял кое-какие шаги. Мне только надо, чтобы ты или Корд написали заявку.

- Заметано! - Гамбини довольно потер руки. - Между прочим, было бы хорошо, если б ты покрутился тут еще некоторое время.

- Зачем?

- Гарри, объект нашего наблюдения - чертовски странная штука. Если быть искренним, то я не уверен, что он вообще имеет право на существование. - Гамбини оперся на стол, заваленный распечатками и банками кока-колы. За его спиной на стене, заклеенной фотографиями спутников, шаттлов и звездных скоплений, висел огромный календарь, изображавший локомотив в депо. - Во всяком случае, он не должен находиться там, где находится сейчас. Непонятно, что

он, черт бы его побрал, делает в самом центре пустоты?

- А что такого? Разве звезды никогда не исторгаются из галактик?

- Нет, дело в том, что этот вовсе не получил пинка оттуда, где был рожден. Кроме того, эта двойная система не разделилась. Альфа и Бета все еще продолжают крутиться друг вокруг друга. Та сила, что вышибла их в пустой космос, должна была при этом разорвать связывающие их узы. - Он покачал головой. - Есть и еще тайна: кажется, этот объект прибыл сюда из скопления Девы.

- И?..

- Это скопление находится в шестидесяти пяти миллионах световых лет от того места, где сейчас крутятся звезды Алтеи. Эти звезды удаляются от Девы со скоростью тридцать пять километров в секунду, но векторы их движения не расходятся. Следовательно, эта система сформировалась не в Деве, причем сами звезды недостаточно стары, чтобы добраться сюда откуда-нибудь еще. И я утверждаю это, невзирая на то, что Альфа - красный гигант - очень стара. - Гамбини наклонился к Гарри и сказал тоном заговорщика: - Есть и еще кое-что, что тебе не помешало бы знать.

Гарри ждал продолжения, но Гамбини после

продолжительного молчания соскользнул со стола и сказал:

- Пошли в мой кабинет.

Стены кабинета были покрыты панелями из красного кедра и украшены наградами, которые физик получил в прошлом. Была там и Нобелевская премия за 2002 год за работу над плазмой высоких энергий, и диплом Человека Года за 2003 год, присвоенный Джорджтаунским университетом, награда колледжа Белот за изобретение особо точного спектрометра и дюжина других.

До перехода в НАСА Гарри работал в Казначействе и перенял у тамошних чиновников привычку вывешивать в своих кабинетах свои дипломы, но то, что он увидел здесь, ни в какое сравнение не шло. У него всего-то и было, что награда Казначейства «за исключительные успехи», диплом за программу трехдневных курсов повышения квалификации, благодарность от учащихся старших классов средней школы в федеральном округе Колумбия за проведение семинара на тему выбора профессии и прочее в том же духе. Гарри все это спрятал в коробку, а на стене кабинета повесил лишь фото горного ландшафта. И больше ничего.

Кабинет Гамбини широкой стеклянной пере-

городкой выходил в Г-образный коридор оперативного пространства Проекта. Толстый ковер покрывал пол. Каждая горизонтальная плоскость в кабинете была завалена книгами и распечатками, длинная лента распечатки - в несколько ярдов - свисала со спинки кресла хозяина. Войдя в кабинет, Гамбини включил проигрыватель, стоявший на книжном шкафу, и музыка Баха тут же заполнила комнату.

Гамбини жестом предложил Гарри сесть, но сам не смог заставить себя последовать примеру гостя.

- Бета, - произнес он, подходя к двери, чтобы плотнее прикрыть ее, - выбрасывает рентгеновские лучи в достаточно регулярном режиме. Это длится все время, пока мы ведем наблюдения. Детали не имеют значения, но интервалы между пиками удивительно постоянны. Во всяком случае, были до этой ночи. Я знаю, что Чарли сообщил тебе о полном прекращении поступления сигнала где-то около полуночи.

- Да. Именно поэтому я тут и нахожусь.

- Передача не велась ровно четыре часа семнадцать минут и сорок три секунды.

- Это важно?

Гамбини улыбнулся.

- Умножь на шестнадцать, и ты получишь время орбитального вращения Беты. - Он явно ждал бурной реакции Гарри, и когда ее не последовало, был разочарован. - Гарри, - сказал он, - это не может быть простым совпадением. Приостановка прохождения сигнала означает попытку привлечь внимание. *Умышленную,* Гарри. А продолжительность перерыва должна продемонстрировать наличие разумного контроля. -

Глаза Гамбини сверкали, губы раздвинулись, обнажив острые белые зубы. - Гарри, - выкрикнул он, - это сигнал МЗЧ! Свершилось!

Гарри непроизвольно поежился. МЗЧ означал «Маленький Зеленый Человечек». Такой шуточной аббревиатурой называли долгожданную передачу из другого мира, которую так долго искали работники СЕТИ, обшаривая волны космоса почти сорок лет. Когда два года назад началась программа «Скайнет», ее первой задачей было выявление планет земного типа вне Солнечной системы и поиск среди них таких, где спектрограф обнаружил бы следы присутствия кислорода. Свидетельство жизни. Результаты были разочаровывающими.

- Эд, - сказал Гарри, тщательно подбирая слова,

- я думаю, нам не следует делать слишком поспешные выводы.

- Черт бы тебя побрал, Гарри! Я не делаю никаких поспешных выводов! - Он хотел продолжать, но взял себя в руки и сел. - Послушай... - Он вдруг успокоился. - Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. Но пойми - ничто не имеет значения, кто бы и что бы там ни думал. Для сомнений нет места. - Эд бросил вызывающий взгляд на Гарри, явно требуя возражений.

- И пока это *все* доказательства? - спросил Гарри. - Все, чем мы располагаем? А может, сигналу что-нибудь помешало?

- Это были бы совсем невероятные совпадения, Гарри. - Улыбка Гамбини была образцом терпения. - Но... да, есть и еще кое-что. - Его челюсть непрерывно двигалась, а выражение лица было такое, будто помесь хитрости и нетерпения пытается прорваться изнутри сквозь толстую кожу.

- А именно?

- Постоянство сигнала, который мы получали раньше, зарегистрировано нашими записями. Если не считать незначительных изменений в интенсивности и в ширине диапазона пульсаций. Основные параметры передачи не менялись за все время наблюдений. Почти всегда в серии

было пятьдесят шесть пульсаций, а серии разделялись интервалами в три с половиной секунды. Фактически чуть меньше. - Гамбини встал, обошел стол и воздел руки к потолку. - Черт меня побери, я и сам не могу в это поверить. Тем не менее сегодня утром, когда передача возобновилась, общий характер сигнала сохранился лишь в главном. Возникли важные изменения. Кое-какие пульсации исчезли, но они ушли только из дублирующих серий. И всегда одни и те же. Ну как если бы ты взял Третий концерт, проиграл бы его раз, а потом еще несколько раз, каждый раз опуская несколько нот, но оставляя пробелы, чтобы общая длина серии не претерпела бы изменений. И ты продолжал бы повторять это снова и снова, сначала проигрывая полную версию, а потом измененную, причем изменения были бы те же самые. - Из верхнего ящика стола Гамбини вынул блокнот и вверху страницы написал число 56.

- Вот нормальное число пульсаций в серии, - сказал он. - А в сокращенных их только сорок восемь.

Гарри покачал головой.

- Извини, Эд. Я чего-то туго соображаю.

- Ладно, забудем. Все это лишь метод, чтобы получить периодическую дробь. Особенный ин-

терес представляет расположение исчезнувших пульсаций. - И написал в блокноте: 3, 6, 11, 15, 19, 29, 34, 39, 56. Серые глаза Гамбини остро глянули в глаза Гарри. - После окончания этой серии мы получаем другую, с пятьюдесятью шестью пульсациями, а затем все повторяется снова.

Гарри кивнул, будто понял.

- А теперь давай повтори это по-нашему, по-простому. Гамбини выглядел как человек, только что схвативший крупнейший приз в лотерее.

- Это код! - вскричал он.

Когда впервые стал действовать проект «Скайнет», Гамбини начал разговаривать так, будто надеялся в самом ближайшем времени разгадать все загадки Вселенной. Жизнь на других планетах, сотворение мира, проблема темной материи - все это должно пасть к ногам Новейшей Технологии. И разумеется, все пошло совсем не так, как ожидалось. Все упомянутые проблемы остались нерешенными. Гамбини с точки зрения философии больше всего интересовал вопрос о том, какую роль играет в космосе жизнь. И «Скайнет» позволил ученым обнаружить планеты земного типа, что крутятся вокруг далеких звезд. Гамбини и Маевский, Уиллер в Принстоне, Рим-форд в Калтехе, тысячи других во множестве мест рылись

в отчетах и поздравляли друг друга. Планеты плавали повсюду! Сравнительно скромное число солнц оказались столь нищими и столь стерильными, что не имели сопутствующих планет. Даже системы из нескольких солнц неизвестно каким образом обзавелись планетами и умудрились удержать их. Образовались целые семьи миров! Часто они болтались на эксцентричных орбитах, что, как считалось, создает нестабильность среды и препятствует возникновению жизни. И все же планеты существовали! Теория формирования планет получила мощную энергетическую подпитку. И как-то в прошлом году воскресным апрельским вечером, в маленький юбилей открытия «Скайнета», Гамбини сказал Гарри, что у него не осталось сомнений: Вселенная кишит жизнью!

И вдруг весь этот безмерный оптимизм ушел в глубокую тень, отброшенную спектрографом, способным определять бесконечно малые следы различных элементов. Анализ света показал, что планеты, имеющие массу, сходную с Землей, и расположенные на расстоянии от звезды, которое позволяет воде оставаться жидкой, сходны скорее с Венерой, чем с Землей. Полученные данные позволяли сделать вывод, что большая

часть Вселенной неописуемо враждебна жизни, и предположение Саганеско о том, что Млечный Путь «населен» сотнями тысяч обитаемых миров, должно уступить подозрению, что мы, вероятно, все же одиноки во Вселенной. Сны Гамбини померкли, а самое смешное то, что убил их тот самый спектрограф, над которым Гамбини работал сам.

Это было мрачное время, одинаково болезненное как для агентства, так и для работавших там исследователей. Если и в самом деле в космосе нет ничего, кроме мертвых камней и газов, так зачем доить налогоплательщиков и вкладывать деньги в долгосрочные проекты? Пошли разговорчики о сокращении ассигнований, и в самом деле приток средств в агентство на такие специальные проекты, как «Скайнет», заметно ограничился. В следующем финансовом году ожидалось новое сокращение, и Гарри вовсе не желал будить радужные надежды, которым не светит осуществиться.

- Думаю, нам нужны более веские доказательства, - сказал он очень мягко.

- Вон оно как! - Гамбини облизал губы. - Гарри, я думаю, ты не слишком внимательно вникал в характер сигнала. - Он поднял блокнот с нацара-

панными цифрами и протянул его Гарри. Пока тот делал вид, что вчитывается в них, Гамбини тупо уставился на телефон, а затем стал набирать номер. - Надо доложить Квинту, - буркнул он. Гарри нахмурился.

- Я бы не стал спешить с вызовом сюда директора, - сказал он.

Квинтон Розенблюм был оперативным директором НАСА и одновременно директором Годдарда. Дело в том, что автомобильная авария, случившаяся несколько недель назад, неожиданно освободила директорское место в Годдарде. Изменения в руководстве ни к чему хорошему не привели. Старый директор хорошо знал Гамбини и спокойно смотрел на его выходки. Розенблюм же был консерватором и приверженцем твердолобого *здравого* смысла.

Гарри все еще вчитывался в запись Гамбини, но ничего особенного в ней не видел.

Гамбини мрачно рассматривал телефонную трубку.

- Автоответчик, - сказал он.

Розенблюм никогда не брал на выходные сотовый телефон и вообще не любил, чтоб его беспокоили. Правильно было бы, чтобы Гамбини оставил на автоответчике объяснения, в чем

состоит чрезвычайность ситуации. Тогда ответ будет получен спустя несколько часов.

Однако Гарри любил доставать Розенблюма, а сейчас это можно было сделать чужими руками.

- Скажи автоответчику, что Розенблюму следует позвонить нам сразу же, как он заявится домой. И не говори зачем.

Гамбини пожал плечами и подчинился.

- Мне кажется, тут есть какой-то свой ритм, - сказал Гарри.

Физик кивнул.

- И очень существенный. В начале серии два удара, за которыми следует пропуск на том месте, где раньше был удар. Потом еще два и потом четыре. Геометрическая прогрессия. Затем три пропуска между 11-й и 15-й пульсациями, еще три между 15-й и 19-й. Девять между 19-й и 21-й. Два, два, четыре. Три, три, девять. Четыре, четыре, шестнадцать. Неужто не понимаешь?

Квинт Розенблюм был перекормлен, задаст и раздражителен. Он обладал талантом отклонять помощь со стороны и действовать на основании той теории управления, которая гласит, что главная обязанность менеджера - глушить инициативу, исходящую от подчиненных, а не от него. Очки у него были плохие, да и костюм мог

бы быть получше. Тем не менее это был чиновник с определенным техническим талантом, к на его действия можно было положиться. В НАСА он пришел из КОСМИКа - Центра по разработке компьютерных программ университета Джорджии. Под его руководством была разработана интегрированная система управления полетами с Земли. Приложение бюрократического пресса было его инстинктом. Ужасно любил давить на подчиненных.

Кроме того, он весьма не любил теоретиков. Они быстро сбивались, были слабо связаны с реальностью, в лучшем случае ни в чем не были уверены, и полагаться на них было нельзя. Конечно, он понимал их роль - примерно так же, как они понимали роль подписи бюрократа на платежках, которые выписывались им при получении жалованья. И Розенблюм всегда старался отделить себя от них еще хотя бы одним уровнем управления. Этим промежуточным звеном между ним и работниками был Гарри.

Эд Гамбини был типичным теоретиком. Он обожал ставить вопросы, которые открывали простор для бесконечного теоретизирования без всякого риска, что вдруг да вопрос решится окончательно. Розенблюм, разумеется, не считал,

что это само по себе плохо, но такие склонности утверждали его во мнении, что суждения теоретиков по меньшей мере ненадежны.

Он решительно противился назначению Гамбини, но его собственное начальство, чья научная подготовка была весьма ограниченной, было заворожено ореолом Нобелевского лауреата. Розенблюм так и не простил Гамбини, что тот его переиграл, действуя через его голову. «Этот сукин сын понимал, что я его ни за что не взял бы», - сказал он однажды Гарри. Квинт боролся до конца, но проиграл.

Если Розенблюм и сомневался в результатах Гамбини, когда познакомился с ними воскресным утром, то не потому, что считал подобное явление невозможным, а потому, что такие неожиданности не должны иметь места в хорошо управляемом государственном учреждении. Он также чувствовал, что если события выйдут из-под контроля, то он в самом близком будущем может оказаться в одной из тех, к счастью, очень редких ситуаций, в которых слишком велик карьерный риск и слишком малы шансы на карьерный рост. Если заверения Гамбини окажутся в конце концов ошибочными, виноват будет Розенблюм - это он принял опрометчивое

решение. Если же они окажутся правильными, то все дивиденды загребет сам Гамбини.

Раздражение директора было очевидно с момента его появления в оперативном центре.

- Кажется, он не любит приходить на работу по воскресеньям,- заметил Гамбини, когда они с Гарри наблюдали за торжественным появлением толстого начальника в широких белых дверях. Розенблюм действительно не терпел неожиданностей, а воскресный вызов на работу предвещал проблемы, с которыми лучше было бы дела не иметь.

Стояла жара. Розенблюм накинул на плечи поношенный зеленый блейзер, трикотажная рубашка заправлена в брюки. Его, видимо, отыскали на площадке для гольфа, и после короткого телефонного разговора с Гамбини он приехал сюда в том, в чем был.

- Ничего я не понимаю в ваших точках и тире, Эд, - сказал он. - Но думаю, найдутся и такие, которые разберутся. Что говорит Маевский?

- Альтернативу он предложить не может.

- Это маленьким-то зеленым человечкам? А как вы, Гарри?

- Это не его область, - заявил Гамбини.

- А мне показалось, что я задал вопрос самому

Гарри.

- Пока не могу ничего сказать, - ответил Гарри, начиная накаляться.

Розенблюм достал из грудного кармана сигару и сунул ее в рот.

- Наше агентство, - начал он очень спокойно, - уже без того имеет уйму проблем. Дела с Луной идут под уклон. Администрация недовольна нашей медлительностью в выполнении любимых заказов военного ведомства. Трубы Страшного Суда гудят нам прямо в уши. И я не могу не напомнить вам, что в будущем году состоятся президентские выборы.

Действительно, у НАСА были неприятности. В прошлом году один из работавших в агентстве ученых показал журналистам снимки квазара и в шутку сказал, что, возможно, это и есть Большой Взрыв. И тут же в прессе появились сообщения, что ученые наблюдают Акт Творения. Среди крайних религиозных групп поднялся вопль.

- Мы тратим уйму денег, и теперь налогоплательщики начинают спрашивать - а на что они идут? Харли очень даже просто может прекратить нам платить. Возьмет нас за нашу общую... глотку и повесит сушиться на солнышке. А ежели мы еще начнем треп о маленьких зеленых

человечках, а окажется, что это туфта, мы сами ему преподнесем эту веревку. - Розенблюм сидел на своем деревянном стуле задом наперед, слегка наклоняя его. - Возможно, он сделает это даже в том случае, если мы окажемся правы.

- Мы не обязаны делать заявления для прессы, - возразил Гамбини. - Давайте опубликуем только сигнал. Он сам за себя все скажет.

- И еще что-нибудь добавит. - Розенблюм был единственным человеком в их хозяйстве, который рисковал говорить с Эдом Гамбини в таком тоне. В формах обращения директора со своими сотрудниками было нечто, напоминавшее Гарри трактор с прицепным трейлером, в котором все барахло болтается и рассыпается от толчков. - Эд, люди и без того в нервной горячке. На прошлой неделе эта погоня за террористами в Чикаго, Пакистан и Индия обмениваются угрозами. Президент вряд ли захочет слушать сообщения о беседах с марсианами.

Глаза Гарри слезились. Пыльца явно набилась ему в горло. Он чихнул. Его слегка познабливало, хотелось взять отгул и залечь в постель.

- А почему нет? - спросил Гамбини. - Какое отношение имеет сигнал МЗЧ к Пакистану?

Розенблюм глубоко вздохнул. Выглядел он как

взрослый, уговаривающий капризного ребенка.

- Нарушается статус-кво. В год выборов, когда все идет хорошо, ни один президент не захочет, чтобы статус-кво нарушался.

- Квинтон. - Гамбини произнес это имя так, будто в дороге оно потеряло второй слог. Внешне он сохранял спокойствие. - Кто бы там ни был у источника сигнала, но этот источник далеко. Очень далеко. Здесь люди еще жили в пещерах, когда сигнал был послан из Алтеи.

- Мое искреннее желание, - продолжал Розенблюм, как будто никто ему не ответил, - чтобы вся эта проблема провалилась в тартарары.

- Но этого не случится!

- Тогда пусть кто-нибудь другой открывает этих дурацких МЗЧ. Если они действительно существуют, особого труда открытие не представит.

- Квинт! - В голосе Гамбини появилась жесткость. - Имея дело с таким открытием, нельзя сделать вид, что его не было, и надеяться, что его повторит кто-то другой. Это идиотизм.

Розенблюм кивнул:

- Полагаю, вы правы. - Стул Розенблюма жалобно затрещал, пока тот устраивался поудобнее. - Гарри, вы не ответили на мой вопрос. Готовы ли вы встать вот тут и заявить тремстам миллионам

американцев, что вы только что побеседовали с марсианами?

Гарри прямо взглянул в эти пронзительные глаза. Ему совсем не хотелось предстать в роли противника Гамбини, да еше в его личном кабинете. Но трудно было бы поверить, что все это окажется дефектом какого-нибудь маховика.

- Это как НЛО, - сказал он дипломатично и немногословно и тут же понял, что его слова могут быть истолкованы двояко. - Их никто не принимает всерьез, пока они не сядут у вас во дворе.

Лицо Розенблюма выразило полное удовлетворение.

- Кармайкл, - сказал он решительно, - работает тут дольше любого из нас. Он обладает прекрасным инстинктом выживания, которым я искренне восхищаюсь. - Он добродушно улыбнулся Гарри. Нет, он не преувеличивал, говорил то, что думал. Да, я так к тебе отношусь. - И, - сказал он, - Гарри очень близко принимает к сердцу интересы агентства. Эд, я прошу вас прислушаться к Гарри.

Гамбини, стоявший у своего заваленного бумагами стола, на слова Розенблюма просто не обратил внимания.

- Что думает администрация, не имеет значения. Важно лишь то, что ни один природный объект не может передавать геометрической прогрессии.

Розенблюм пожевал сигару, которую так и не закурил, вытащил ее изо рта, повертел в пальцах и швырнул в мусорную корзину. Отвращение Гамбини к курению было общеизвестно, и Гарри не мог не увидеть в жесте директора скрытого презрения.

- Вы не правы, Эд, - сказал Розенблюм. - Слишком много времени торчите в обсерватории. А Гарри живет в реальности. Верно я говорю, Гарри?

Гарри замялся.

- Думаю, Эд в чем-то прав. Розенблюм пропустил реплику мимо ушей.

- А вы, Эд, значит, хотите, чтобы проект «Скайнет» был ликвидирован? Вас не интересует судьба телескопов в Море Ума?

Гамбини побагровел. Он явно обозлился, но смолчал.

- Так вот. - Розенблюм воздел руки, будто подчеркивая, что вещает истину в последней инстанции прямо с вершины Синая. - Будете проталкивать эту туфту с пульсаром, будете мутить воду, и я вам гарантирую, что всему придет ко-

нец. Сенат с восторгом прихлопнет целый пакет проектов. Все, чем вы располагаете, - это лишь дурацкая серия бип-бипов. Они, может, для вас убедительны, но не для Конгресса. Для него это только бипбипанье.

- Квинт, то, что у нас есть, - это серьезное свидетельство в пользу разумного управления пульсаром!

- Ладно. Верю. Есть у вас *свидетельство.* - Он внушительно поднялся со стула и заложил руки в карманы. - И больше ничего нет. Свидетельство - это еще далеко не доказательство. Гарри прав. Если вы собираетесь толковать о маленьких зеленых человечках, то будьте добры иметь их в заначке, чтобы вывести на пресс-конференцию. Такие вещи - они по вашей части, а не по моей. Но вот сегодня утром я перед тем, как ехать сюда, посмотрел, что такое пульсар. Если я правильно понял, это то, что остается после взрыва сверхновой, когда она разлетается в куски. Я прав?

Гамбини кивнул:

- Более или менее.

- Тогда успокойте меня, - продолжал Гамбини, - и скажите, каков будет ваш ответ, если на пресс-конференции вас спросят о том, как мог тот мир пережить взрыв?

- Этого мы знать не можем, - возразил Гамбини.

- Возможно, но вам придется подготовить что-то более убедительное для Касс Вудбери. Это не женщина, а кобра, Эд. И еще ей, надо думать, захочется узнать, кто может управлять энергией пульсара. - Он с нарочитой медлительностью вытащил из кармана сложенную бумажку, тщательно развернул ее и долго поправлял очки. - Вот тут говорится, что энергия, производимая вашим пульсаром с его рентгеновскими лучами, в десять тысяч раз превышает светимость Солнца. Так как же тогда? Как можно управлять такой энергией, Эд? Как это может быть?

Гамбини вздохнул.

- Скорее всего мы говорим о существах, чья технология на миллион лет опережает нашу. Кто знает, на что они способны?

- Ага, но вы должны извинить мой скепсис, ибо кошке ясно, что это слабый ответ. Надо что-то более убедительное.

Гарри чихнул и вступил в разговор.

- Послушайте, - сказал он, вытирая нос платком. - Не мое это дело, конечно, но, как мне кажется, могу объяснить, как бы я использовал пульсар, если бы захотел с его помощью посылать сигналы.

Розенблюм потер толстый нос толстыми пальцами.

- И как же? - спросил он.

- Я бы ничего не делал с пульсаром. - Гарри встал и пересек комнату.. Смотрел он не на директора, а на Эда. - Я бы установил там что-то вроде проблескового маячка. И поставил бы его на пути излучения.

Блаженная улыбка разлилась по суровому лицу Розенблюма.

- Роскошно, Гарри! Вы могли бы удивить тех из нас, кто считает, что люди с воображением есть только в группе ученых. О'кей, Эд, в это я готов поверить. Может, это и в самом деле разумные сигналы, может, что другое. Предлагаю поспешных выводов не делать, а язык держать за зубами. Во всяком случае, до тех пор, пока мы не поймем, с чем имеем дело. А пока все публичные заявления - только через мой офис.

- Это значит, что их не будет.

- Пока да. Не будет. И если в сигнале будут изменения, немедленно извещать меня. Понятно?

Гамбини кивнул.

Розенблюм поглядел на наручные часы.

- Прошло десять с половиной часов с тех пор, как он заработал. Я понимаю так, что вы это счи-

таете сигналом, призывающим к вниманию?

- Да, - ответил Гамбини. - Они хотят привлечь наше внимание. Позднее, когда они сочтут, что добились своего и что мы готовы, они перейдут к передаче текста.

- Если все будет так, то каковы шансы, что мы сможем прочесть их послание?

- Трудно сказать. Безусловно, они должны понимать, что их аудитория нуждается в помощи. Полагаю, они ее нам окажут.

- Уж очень много получается предположений. - Взгляд директора остановился на Гарри. - Гарри, обойдите всех, кто был сегодня в лаборатории. Предупредите их, что ни единого слова о том, что тут произошло, не должно просочиться наружу. Если хоть что-то станет известно, я лично буду отрывать головы. Эд, если у вас есть необходимость пригласить сюда еще каких-нибудь специалистов, их кандидатуры следует согласовать с моим офисом.

Гамбини нахмурился.

- - Квинт, вам не кажется, что мы немного нарушаем ряд пунктов нашего трудового соглашения? Годдард - не оборонное предприятие.

- Но это и не то заведение, которое станет посмешищем для всех на ближайшие двадцать лет

из-за того, что вы не хотите подождать несколько дней.

- Меня не волнует необходимость скрывать информацию от журналистов, - сказал Гамбини, явно закипая, - но над различными аспектами этой проблемы работает множество людей. Они имеют право знать, что произошло сегодня ночью.

- Пока не имеют. - Розенблюм демонстрировал несгибаемую уверенность. - Я сам скажу вам, когда придет время.

Мрачная аура - свидетельство пребывания директора - все еще ощущалась в кабинете Гамбини. Его экзальтация почти пропала, и даже Гарри, который давно уже понял, что необходимо соблюдать стерильную чистоту и не ввязываться в научные свалки, чувствовал явное раздражение.

- Проклятый болван! - произнес Гамбини. - Хочет как лучше, хочет защитить агентство, а сам - ходячая бомба. - Он порылся в бюваре, отыскал нужный телефон и стал набирать номер. - Прошлой ночью, Гарри, - говорил он тихо, - мы с тобой пережили критический момент в истории человечества. Я прошу тебя записать все, что ты запомнил. Когда-нибудь, в самом недалеком будущем, ты напишешь об этом книгу, которую

люди будут читать еще через тысячу лет. - Он склонился над телефоном. - Можно отца Уиллера? Это Эд Гамбини из Годдарда.

Гарри покачал головой. Он был противником ненужных склок. Они портили отношения, снижали уровень эффективности в работе, а поэтому он смотрел с презрением на их участников, даже если в определенных условиях их действия были оправданны. То, что происходило сейчас, его раздражало. Стены в кабинете Гамбини были уставлены книгами, и это были вовсе не папки личных дел и толстые тома федерального законодательства в черных переплетах, которые стояли на полках кабинета Гарри, а таинственные фолианты с труднопроизносимыми названиями: Стивен Хоукинг «Перспективы космологии», Римфорд «Молекулярные основы темпоральной асимметрии», «Трансформация галактики» Смита. Некоторые тома валялись раскрытыми на таблицах. Тут же небрежно брошенные, захватанные пальцами оттиски из журналов «Современная физика», «Физические обзоры», «Перспективы космологии».

Этот бардак оскорблял чувство собственного достоинства Гарри. Первейший принцип государственного учреждения - идеальный порядок.

Он был поражен, что Розенблюм не только не сделал Гамбини выговор, но, казалось, даже не заметил этого хаоса. Возможно, отсюда следовало сделать вывод, что директор и Гамбини не так уж отличались друг от друга?

- Я был бы весьма обязан, если бы вы его отыскали и попросили немедленно мне позвонить. Это очень важно. - Гамбини положил трубку. - Уиллер - в округе Колумбия. Читает в Джорджтауне лекцию. Если повезет, он будет здесь к полудню.

Гарри скорчил гримасу.

- Что с тобой, Гарри? В чем дело?

- Ты ставишь под удар свою карьеру. Мне кажется, Розенблюм высказался очень определенно. Он хочет давать добро на каждого человека, которого ты намерен сюда пригласить.

- Лично мне он ничего не сделает, - прорычал Гамбини. - Если захочу, завтра же уйду отсюда и соберу пресс-конференцию. И он это знает. И тебя он не тронет. Никто, кроме тебя, не знает, как надо правильно руководить нашими делами. А раз ты волнуешься, я присмотрю, чтобы его штаб был проинформирован. Но если мы будем дожидаться, пока он даст добро, то лучше уж закрыть нашу лавочку.

Гарри был противником обострения отноше-

ний.

- Да не будет он против приглашения Пита Уиллера. - Уиллер был космолог, член ордена норбертинцев, и он разделял главный интерес Гамбини - вопрос о возможности существования жизни вне Земли. Он много писал по этим вопросам и задолго до создания «Скайнета» предупреждал, что миры, где жизнь существует, должны встречаться крайне редко. У него сложились хорошие отношения с Розенблюмом, с которым они участвовали в местных соревнованиях по игре в бридж. - А кого еще ты хочешь привлечь?

- Давай-ка выйдем отсюда, - предложил Гамбини. Поколебавшись - снаружи пыльцы было еще больше, - Гарри последовал за ним. - Если дело пойдет, нам потребуется Рим-форд. А еще хорошо бы заполучить Лесли Дэвис. Ну а если мы начнем получать текст, нам потребуется обязательно Сайрус Хаклют. Я был бы рад, если бы ты немедленно занялся всей связанной с этим делом писаниной.

Римфорд был, пожалуй, наиболее известным космологом. Он выдвинулся в последние годы, часто появлялся на различных авторитетных телевизионных ток-шоу, писал книги об ар-

хитектонике Вселенной, которые получали отличную рекламу как великолепная литература для рядового читателя, но в которых Гарри так и не понял ни строчки. В последние годы двадцатого века, утверждал Гамбини, Римфорда превосходил лишь Хоукинг. Его имя связывали со сложнейшими топологическими теоремами, темпоральными отклонениями и космологическими моделями. И еще он был выдающимся экспертом.. Кроме того, он пользовался репутацией отличного актера-любителя - Гарри как-то видел его на сцене и поразился энергии, с которой тот играл отца Элизы Дулитл.

Но кто такие Дэвис и Хаклют?

Они вышли через парадную дверь прямо в яркий солнечный полдень, прохладный и пахнущий сентябрем. Гамбини явно обретал былой энтузиазм.

- Сайрус - микробиолог из университета Джона Хопкинса. Человек эпохи Ренессанса. Его специальности включают еще эволюционную механику, генетику, морфологию и ряд связанных с ними дисциплин. А еще он пишет статьи.

- Какие такие статьи? - спросил Гарри, понимая, что Эд имеет в виду не научные статьи.

- Это более или менее философские коммента-

рии к истории естествознания. Его публикуют «Атлантик» и «Харпер». Том его избранных статей вышел в прошлом году и получил хороший отзыв в «Таймсе». Кстати, назывался он «Нерешительный бронтозавр».

- А Дэвис?

- Психолог-теоретик. Заметь, *работающий* психолог-теоретик. Кто ее знает, может, она и с Розенблюмом чего-нибудь сотворит.

- Эд!

- О'кей. Понимаешь, раз мы будем беседовать с разумными существами, то нам потребуется хороший психолог.

- Зачем?

- А кто же еще сумеет реконструировать психику того, кто будет сидеть на том конце провода?

Чудесный был денек. И Гарри, глядя на прочную реальность проехавшего мимо пикапа, на такие домашние индивидуальные офисы на той стороне дороги № 3, на балки и вагонку, сложенные у стены того здания, из которого они вышли, - остатки затеянной бывшим директором перестройки, им же и заброшенной, подумал: а может, Розенблюм все-таки прав в своей оценке Гамбини?

- А зачем Уиллер и Римфорд? - спросил он, - Ка-

кое отношение имеет космология к СЕТИ?

- Если строго между нами, Гарри, то математиков и астрономов у нас как грязи. А Уиллер - мой старый друг и заслуживает того, чтобы быть с нами. Римфорд - непременный участник каждого выдающегося открытия вот уже сорок лет. Кроме того, он лучший математик Земли. Если контакт будет развиваться, то есть если у нас будет текст, астрономы нам не нужны, а вот Бейнс и Пит понадобятся, чтобы расшифровать сигнал. А потом будет очередь Хаклюта и Дэвис, чтобы понять, какой там смысл.

Около семи Гарри отправился домой. Когда он приехал, машины Джулии не было. В воздухе стоял запах сгоревших листьев. Быстро холодало. В наступивших сумерках голые ветви деревьев торчали мертво и четко. Следовало бы пройтись граблями по газону. А соседские мальчишки опять сорвали калитку с петель. С того первого дня, когда он привез калитку из магазина и присобачил ее к штакетнику, она всегда висела криво. С ней надо обращаться деликатно - чуть что, а она уже срывается с петель. Несколько раз он чинил ее, а результат - все тот же.

Дом был пуст. На буханке хлеба лежала записка: *«Гарри, мы у Эллен. Мясо в холодильнике».*

На мгновение сердце замерло. Но не могла же она выкинуть с ним такой трюк - уйти без предупреждения и так скоропалительно. С небывалой яркостью вспомнилось все, что было вчера.

Гарри открыл банку пива и отнес ее в гостиную. Несколько листов «синек» Джулии - она работала на полставки в маленькой архитектурной фирме в округе - заложены за подставку телевизора. Их присутствие действовало успокоительно. Когда придет время ухода, уйдут и они.

Несколько пластмассовых драконов Томми лежали в обувной коробке рядом с низенькой скамеечкой. Странные создания с длинной мордой, хвостом аллигатора и крыльями летучей мыши. И тем не менее драконы тоже успокаивали, равно как и старинное бюро, которое они купили в первый год супружеской жизни. Года два-три назад они обновили его березовую фанеровку.

Пиво было холодное. И вкусное.

Гарри скинул туфли, включил «ящик» и приглушил звук. В комнате стояла приятная прохлада. Он допил пиво, улегся на софу и закрыл глаза. В доме всегда тишина, когда нет Томми.

Звонил телефон.

Было темно. Кто-то прикрыл его пледом. Гарри нашарил телефон и прижал к уху трубку.

- Хелло!

- Гарри, ты нам оптический обеспечил? - Гамбини. - Управление говорит, что ему ничего не известно.

- Подожди минуту, Эд. - Телевизор был выключен, но Гарри слышал, что на втором этаже кто-то ходит. Попробовал посмотреть, сколько времени на ручных часах, но куда-то подевались очки. - Который сейчас час?

- Почти одиннадцать.

- О'кей. Я сообщил Доннеру, что ему придется потесниться, и известил управление запиской. Сейчас позвоню им, чтоб убедиться, что они не забыли. Ты должен приступить в полночь. Однако они предупредили, что Шампольон не выйдет на линию раньше двух.

- Ты не думаешь подъехать?

- Что-нибудь случилось?

- Да трудно сказать. Это же первый оптический контакт с системой, от которой до сих пор мы получали только рентген. Единственное изображение было получено с орбитального спутника. - Гарри все еще прислушивался к шагам над головой. - Впрочем, мы наверняка получим лишь кой-какую техническую информацию, так что тебе вроде ехать не обязательно. Разве что, - сказал

он с подковыркой, - эти сукины дети пошлют нам еще и оптический сигнал.

- А это возможно? Гамбини подумал.

- Не уверен. Но вообще-то от них всего можно ждать.

Гарри еще поговорил о всяких разностях, возможно, ожидая, чтобы появилась Джулия. Наверху открылась и захлопнулась дверь спальни, раздались шаги на лестнице. Он видел, как Джулия остановилась у окна внизу. Ее силуэт был хорошо различим на фоне звездного неба.

- Хелло, - сказала она, но он увидел только движение губ. Гарри кивнул телефону.

- Эд, - сказал он. - Я буду через часок. - И удовольствие, которое он извлек из этой игры, из того, что он смог дать понять Джулии, что снова покидает ее, удивило его самого. Он повесил трубку и спросил Джулию, как она себя чувствует, причем постарался, чтобы в голосе не прозвучало равнодушие и в то же время не было бы особой тревоги. - Жаль, что я не повидал Томми, - добавил он.

- Мы приехали около часа назад, - ответила она. - Он уже спит.

И чтобы что-то сказать:

- Опять «Геркулес»?

Она выглядела разочарованной. Может быть,

рассчитывала, что он с большим упорством будет пытаться удержать ее? Его отношение к ней сейчас определялось мужской гордостью, а также ощущением, что любая откровенная попытка повлиять на ее решение будет отвергнута, заслужит только презрение и уменьшит ничтожную вероятность того, что Джулия все же попытается спасти обломки семьи.

- Надо принять душ и переодеться, - сказал он. - У нас напряженка. Сегодня я опять, наверное, буду ночевать у себя в кабинете.

- Гарри. - Она зажгла маленькую настольную лампу. - Тебе вовсе не надо так поступать.

- Это не связано с нами, - сказал Гарри как можно легче. Но голос плохо повиновался. Все получалось или грубовато, или неискренне.

Ему показалось, что на ее лице отразилась внутренняя неуверенность.

- Я говорила с Эллен, - сказала Джулия. - Она может принять нас с Томми. На время.

- О'кей. Действуй как считаешь нужным.

Гарри быстро принял душ и выехал обратно в Гринбелт. Поездка предстояла длинная.

Достопочтенный Питер Е. Уиллер - отец-настоятель - поднял свой бокал с ромом и кока-колой.

- Джентльмены, - сказал он, - я предлагаю

выпить за вашу блестящую научную организацию, за федеральное правительство, которое, я полагаю, привело нас к этому историческому моменту. - Гамбини и Гарри присоединились к тосту. Маевский тоже поднял стакан, но было ясно, что он куда более интересуется сидящими в зале женщинами, многие из которых были молоды и обладали потрясающими формами.

Дело происходило в полночь в «Красной черте».

Где-то на высокой орбите сложная система зеркал, оптических фильтров и объективов медленно разворачивалась в сторону туманности Геркулеса.

Принесли сандвичи: со стейком для Гамбини, ростбифом для Гарри и Маевского. Уиллер удовольствовался тарелочкой с арахисом.

- Пит, ты действительно не хочешь ничего более съедобного? - спросил руководитель проекта. - Ночь предстоит долгая.

Уиллер отрицательно покачал головой. Его внимательные темные глаза, редеющие темные волосы, резкие черты лица и выступающие вперед зубы придавали ему сходство с Джейсоном Хомади, который сделал себе состояние, играя Дракулу. Это сходство не доставляло ему удоволь-

ствия, что хорошо помнил Гарри, который в свое время имел несчастье случайно напомнить о нем Питу.

- Надо бы поужинать как следует, - сказал Гарри. - Ночь будет и в самом деле долгой.

- Я поел перед тем, как добрался до вас, - отозвался Пит с улыбкой знаменитого вампира. - Ничто не может быть хуже толстого монаха. - Уиллер был относительно молод - разве что достиг сорока, - хотя в последний раз, когда он был в Гринбелте, он печально уверял Гарри, что «перевалил, за гребень». Это, конечно, догма: если космолог не сделал основополагающих работ к моменту своего тридцатилетия, то, почитай, он человек конченый.

Уиллер сделал глоток.

- Вы же не ожидаете текстового сигнала в рентгеновском диапазоне? - спросил он.

- Нет, - ответил Маевский. Он пристально смотрел мимо священника, туда, где у стойки бара сидели две красотки. - Слишком слабое будет разрешение. Кроме того, очень много квантового шума. Мы думаем, они переключатся на широкодиапазонный сигнал. На что-то такое, чего мы не можем пропустить, по их мнению.

- Но мы не собираемся полагаться на счастли-

вый случай, - добавил Гамбини. - Сейчас на них направлены все наши технические возможности. Включая многоканальное слежение. В каком бы диапазоне электромагнитных волн они ни транслировали, мы их обязательно выловим.

- Отлично, - похвалил Уиллер.

- Будем надеяться, - вмешался Маевский, - что они пользуются теми же видами темпоральной динамики, что и мы. Как было бы здорово узнать еще при нашей жизни, что именно они расскажут нам о самих себе. - Одна из двух красоток, на которых он откровенно пялился, глянула в его сторону. Маевский извинился, взял свою выпивку, оставляя недоеденный сандвич, и направился в сторону дамы.

- Жаль, что с вашими инопланетянами нельзя познакомиться так же легко и непосредственно, - сказал Уиллер.

Гамбини покачал головой.

- Любопытно, каким бы стал двадцатый век, будь Эйнштейн таким же бабником.

- М-м-м… Тогда не было бы атомной бомбы, - ответил Уиллер, подумав.

- Что ж, нам всем жилось бы получше, - отшутился Гарри.

- На самом деле я думаю, - сказал Уиллер, - что

особой разницы не было бы. Ведь Альберт не был незаменимым. Те же события произошли бы просто в другое время, но они произошли бы неизбежно.

Начался обычный беззубый треп. Когда общая болтовня на мгновение иссякла, Гарри вдруг задал вопрос, почему так стал важен оптический телескоп.

Гамбини объяснил ему это между двумя кусками кровавого ростбифа.

- Мы не знаем, чего ожидать, - сказал он, - и вполне логично предположить, что наступит второй этап передач, ибо нынешний сигнал должен лишь известить мир о присутствии передатчика. Цивилизация, способная создать подобный пульсар, может создать что угодно еще. И кстати, Гарри, нетрудно предположить, что они могут манипулировать этим пульсаром как с помощью экрана, так и без него. Впрочем, вреда от того, что мы пошарим в их окрестностях, разумеется, не будет.

Уиллер приподнял свой бокал.

- Эд, сдается мне, что мы все уютнее располагаемся на этой симпатичной бомбочке.

- Розенблюм требует от нас, чтобы мы подождали и подумали хорошенько, прежде чем в прессу

просочится хоть одно слово.

- И правильно делает, - отозвался Уиллер, пристально глядя в глаза Гамбини, который, однако, никак не отреагировал на его слова.

Позже, когда руководитель проекта вышел в туалет, Гарри спросил священника насчет сигнала из туманности Геркулеса:

- А что думаешь ты? Он действительно искусственный? Неужели кто-то в самом деле передает его?

Уиллер сделал знак официанту.

- С очевидностью трудно спорить, Гарри. Я, как и все остальные, понятия не имею, что за ним стоит. Но не забывай, что мы рассуждаем о чем-то таком, что нам очень хочется обнаружить. И это обстоятельство автоматически делает наши умозаключения весьма некорректными. Надо подождать и посмотреть, что будет дальше.

Гарри поворошил вилкой остатки еды на тарелке.

- Но что *могло бы* породить такой сигнал? Я имею в виду естественные причины.

Подошел официант, и Уиллер заказал еще один кофейник.

- Не имею представления. Но зато могу сказать, что *не могло* его породить.

Гарри с интересом вытянул шею.

- Его не могло породить то, что думает Эд.

- Откуда ты знаешь?

- Гарри, ты представляешь, что такое пульсар?

- Это погасшая звезда, которая мигает.

Глаза священника, казалось, глядят куда-то вдаль.

- Это труп сверхновой. Сверхновой, Гарри. Эд мне сам сказал, что по их подсчетам взрыв произошел менее шести миллионов лет назад. - Он взял с тарелочки несколько арахисовых орешков, один уронил, другие ловко кинул в рот. - Взрыв такой мощности должен был сжечь или разнести в клочья любую оказавшуюся поблизости группу планет. И если там и сидел кто-то с передатчиком, то у него не осталось места, куда опустить свою задницу.

- Розенблюм тоже упоминал об этом, - сказал Гарри.

- Что ж, значит, это весьма серьезное возражение.

На обратной стороне Луны установлены два 24-метровых телескопа. Оба находятся на западном склоне кратера Шампольона на 37^{e} с. ш. Еще два таких же строятся вблизи Моря Ума в южном полушарии. Рефлекторы Шампольона

являются сердцем «Скайнета». Функционируя в тандеме с восемью двухсполовинойметровыми «Хаббл-Альфа», вращающимися вокруг Земли, они вполне могут достичь взглядом границ обозримой Вселенной.

Этой системе едва исполнилось два года. Завершение работ над ней сопровождалось длительной борьбой за финансирование. Имели место нарушения графика работ, перерасход средств, возникали многочисленные политические скандалы. Все это, естественно, помешало своевременному окончанию строительства второй пары телескопов, так как найти деньги для этого оказалось делом трудным. Открытие, что планетные системы в пределах ста с лишком световых лет так же пустынны и безжизненны, как Луна, отрицательно повлияло на воображение налогоплательщиков, а следовательно, интерес к проекту снизился. Шансы на дальнейшее финансирование этих работ стремились к нулю.

Проект «Скайнет» включал в себя систему радиотелескопов и рентгеновских телескопов, а также огромную базу данных, заложенных в самые современные компьютеры. Все это представляло собой великолепно скоординированную оптическую систему. Иначе говоря, все

десять рефлекторов, соединяясь, могли быть нацелены на один объект, и, пользуясь памятным выражением Бейнса Римфорда, можно было бы различить белку, сидящую на дереве в Андромеде. Во время первых восьми месяцев работы Гарри частенько стоял с Гамбини, Маевским и Уиллером у экранов и смотрел, затаив дыхание, на голубовато-белый диск божественного Ригеля, длинные нити спирали галактики, затянутую туманом поверхность сходной с Землей планеты Альфа Эридана III. То были пьянящие дни, полные ожидания и волнений. Исследователи, пресса и рядовая публика - все терзались жаждой немедленных открытий, до которых, казалось, было рукой подать. Гарри пришлось посадить в офис еще четырех человек, ведавших связью с общественностью, чтобы отвечать на телефонные звонки и гасить слухи. Его, как и всех остальных, подхлестывала волна ожиданий.

Но большие новости так и не пришли. Долгая и холодная зима была заполнена анализом надоевших таблиц содержания двуокиси углерода и метана. Обследование нескольких десятков планет, расположенных в пределах биозон своих солнц, не выявило никаких доказательств существования там живых организмов. В апреле,

с приходом весны, Гарри пришлось объявить о временном прекращении деятельности Эда в качестве консультанта и отправить его в отпуск.

Линда Барристер, отвечавшая за коммуникационное обеспечение космического центра, тихо разговаривала с НАСКОМом, когда Гарри вслед за Гамбини и другими учеными вошел в центр управления. Она мило улыбнулась, что-то повторила в телефонную трубку и подняла глаза на руководителя программы.

- Им нужно еще несколько минут, чтобы завершить калибровку, доктор.

Гамбини кивнул и прошел туда, где стояла группа мониторов, связанных с оптическими телескопами. Впрочем, скоро ему здесь наскучило, и он принялся слоняться по всему отделу, тихо переговариваясь с техниками.

Маевский же вообще ушел в зал для конференций, который теперь также превратили в рабочее помещение.

Уиллер удобно расположился в глубоком кресле.

- Вы, кажется, не ждете ничего интересного, Пит? - спросил Гарри.

- От оптики? Пожалуй, нет. Впрочем, кто знает? Слушайте, в прошлом году я доказывал с пеной

у рта, что бинарная система вообще не может существовать, а она вот, еще как может. Так что не все так просто, как кажется.

Два младших техника - оба обросшие бородами, оба вступившие в четвертый десяток, оба слишком толстые - стащили наушники, повисшие у них на шее, и склонились над своими консолями.

Откуда-то - вероятно, из какой-то мастерской, - неслась какофония звуков, которая в наше время сходит за музыку. Гарри прислонился к рабочему шкафчику. Почти над его головой вспомогательный монитор выдавал серии цифр, да так быстро, что глаз не успевал за ними следить.

- Это информация со спутников, - объяснила Линда, - СППСД - система получения и передачи спутниковых данных. Она передает рентгеновскую пульсацию из Геркулеса. - Тонким пальцем она коснулась правого наушника и добавила: - А это подключился Шампольон.

Гамбини, который старался сохранять свое обычное достоинство, дрожал от возбуждения. Несмотря на работу кондиционеров, на его рубашке проступили влажные пятна. Он приблизился вплотную к монитору Линды.

- Мы получаем данные, уловленные системой,

- сказала она.

Свет померк.

Из лаборатории появился Маевский.

- Пошла запись, - сказал один из бородатых техников.

Монитор мигнул, потемнел, и на нем возникло изображение звездного неба. Красная точка начала расти так быстро, что вскоре превзошла по интенсивности все прочие звезды.

По центру управления пронесся шорох.

- Альфа Алтеи, - шепнул Пит. -Вот она. Гарри слышал собственное учащенное дыхание.

- Остальные - преимущественно звезды первой величины, - продолжал Уиллер, - да, пожалуй, парочка далеких галактик.

- Увеличение 2,0, - сказала Линда. Это означало, что полученное изображение увеличено в двести тысяч раз.

- Сфокусируйте, - приказал Гамбини. Периферийные объекты стали исчезать. Красные тона увеличили яркость.

- Мне кажется, ничего экстраординарного нет, - заметил Гарри.

Уиллер пододвинул кресло и уселся поудобнее. - Вряд ли вам понравилось бы жить там, - сказал он. Гарри не мог оторваться от монитора.

- Почему, собственно?

- Если бы там была планета, то на ее небесах не было бы ни единой звездочки. А луна оказалась бы темно-красной. Да и солнце было бы съедено этим невидимым объектом.

- Три ноль, - сказала Линда.

- Культура, которая развивалась бы в этих условиях…

- Была бы чертовски богобоязненной, - подхватил Маевский.

Альфа Алтеи становилась все ярче. Ее диск стал отчетливо виден. В дальнем конце зала кто-то вскрикнул.

- Что за чертовщина? - произнес Гамбини, пытаясь чуть ли не влезть в монитор. Он споткнулся в полутьме и упал, но быстро вскочил без видимых повреждений.

Желтая маленькая точка возникла рядом с огромной звездой.

- Взять сектор! - рявкнул Гамбини. Линда поправила наушники.

- 3 и 6, - сказала она.

Уиллер встал с кресла и оперся на плечо Гарри.

- В этой системе есть третья звезда, - сказал он.

- Класса G, - шепнул аналитик. - Данных о массе еще нет. Абсолютное увеличение 6 запятая 3.

- Не слишком-то яркая, - сказал Гамбини. - Неудивительно, что ее пропустили.

Гарри улыбнулся Уиллеру.

- Вот вам и проблема вашей сверхновой, - сказал он. - Теперь мы знаем, где искать планеты.

- Я в этом не уверен. Если тело класса G является частью системы, а похоже, так оно и есть, взрыв должен был захватить и этот мир. Однако... - Уиллер был явно ошеломлен. Он повернулся к Гамбини. - Что скажешь, Эд?

- Понимаю тебя, Пит, - сказал тот. - Что-то тут не вяжется.

Гарри эти две звезды ничего не говорили - одна красная, другая - желтая.

- В чем дело? - спросил он. - В чем тут неувязка?

- Вокруг системы должна быть «скорлупа» из газов, - ответил Уиллер. - Что-то вроде остатков сверхновой. Эд, как ты полагаешь?

Гамбини нахмурил брови.

- Здесь не было сверхновой.

Голос Уиллера опустился почти до шепота.

- Эд, этого не может быть.

- Я знаю, - отозвался Гамбини.

МОНИТОР

...места для установки 24-метровых телескопов в Шампольоне и Море Ума подобраны с таким расчетом, чтобы обеспечить возможность наблюдения оптимального числа объектов как в области Млечного Пути, так и вне ее. Одновременное использование обоих механизмов позволяет увеличить изображение любого объекта

примерно на 30%. Это преимущество несколько уменьшается в случае, когда эти телескопы с фиксированным местоположением используются как элементы единой системы вместе с орбитальными. Но и в последнем случае изображение будет наилучшим.

Когда создание системы «Скайнет» завершится, она будет иметь неоценимое значение и сможет принести неизменимо большую пользу, чем любой другой современный проект. Даже экспедиция к Альфе Центавра - и та бледнеет в сравнении с ним.

В свете сказанного даже суммы, уже

затраченные на «Скайнет», и относительно скромные средства, необходимые для завершения работ, представляются…

Из ежегодного отчета НАСА президенту

Давайте взглянем в глаза фактам.

Мы знаем, что за пределами Земли Вселенная беспримерно враждебна жизни. Это царство экстремальности, царство пустоты, где можно найти лишь голые камни да мертвые газы - и больше ничего. Может быть, такие места способны вызвать интерес у каких-нибудь народов Севера, но уж техасцы отвернутся от них с негодованием.

Мы прекрасно знаем, что НАСА теперь уже не в состоянии извлечь какую-либо прибыль от изучения ^булыжников, поскольку свет, отраженный ими, не достигнет нас на протяжения нашей жизни.

Мы обнаруживаем убийственный факт - НАСА хотела бы затратить еще 600 миллионов долларов на завершение пары телескопов в Море Ума. Ее аргументация, по-видимому, состоит в том, что, затратив

уже гигантскую сумму на этот проект, невозможно закрыть его, отказавшись от дальнейшего финансирования;

На сей раз пришло время покончить с такими тратами.

Редакционная статья из «Мемфис геральд» (12 сентября)

…На самом деле главное заключается в том, что научные концепции ушли столь далеко, что наша технология безнадежно отстало от них. Пример тому - «Скайнет». Теоретически вполне возможно воспользоваться техникой, описанной мной в этой статье, чтобы построить магнитные линзы диаметром, равным диаметру земной орбиты. Такие линзы могли бы быть использованы для телескопов так же, как сейчас в них используются обычные стеклянные линзы. Нам трудно себе представить, какое огромное увеличение будет достигнуто таким образом. Но, хотя мы не в состоянии пока построить такое приспособление, технически это вполне возможно, и нет оснований полагать, что оно не будет работать.

Бейнс Римфорд, «Сайенс» (12 сентября)

Глава третья

Бейнс Римфорд стоял на вершине лесного холма у самого края Млечного Пути и смотрел в сторону центра галактики. Он всем телом ощущал величественное вращение этого гигантского колеса, удерживаемого в равновесии гравитацией и центробежной силой. Над огнями Пасадены скользили по своим орбитам отдельные звезды.

Солнце совершает оборот вокруг центра галактики за 225 миллионов лет. За время прохождения последнего витка на Земле успели появиться и исчезнуть птеродактили, наступали и отступали ледники, и только где-то перед самым завершением круга появился человек. Что же тогда представляет в сравнении с этими величинами продолжительность жизни самого Римфорда? К пятидесяти годам Римфорду стало ясно, насколько трудно для человека, имеющего в запасе ничтожную щепоть отведенных ему лет, оценивать колоссальные бездны времени и пространства, которые составляют хлеб космологии.

На какую ничтожную величину сократились запасы водорода на Солнце с тех пор, как он, Римфорд, сидел на ступеньках крыльца дедовского

дома в трущобном пригороде южной Филадельфии и читал про Ахилла и Прометея? Насколько глубже был в те времена Большой Каньон?

Римфорд ощутил биение собственного сердца, механизма смертности, шепчущего что-то в груди, и это биение было одним целым с вращением галактик и танцем кварков, как и он сам был един с любым созданием, когда-либо поднимавшим взор к звездному небу.

Пока что его сердце было еще в хорошем состоянии, насколько можно ожидать от механизма, созданного для саморазрушения в течение немногих десятков зим и лет.

Где-то внизу, среди огней Лейк-авеню, залаяла собака. Вечер был прохладный. Жители отключили кондиционеры и сидели с открытыми окнами. Слышался телевизионный голос, комментирующий бейсбольный матч. Пасадена более прозаична, но гораздо более понятна, чем Вселенная. Известно, как зажигаются светофоры и зачем они нужны, и для понимания жизни Пасадены и Лейк-авеню не стоит привлекать концепцию Большого Взрыва.

Любопытно, что в те дни, когда он создавал космологическую модель, носящую теперь его имя, многие из его озарений приходили к нему на вер-

шине холма вблизи Феникса, очень похожего на этот. Но в памяти от прогулок в одиночестве ярче всего сохранились не жонглирование материей и энергией, не размышления о новых концепциях и галактиках, летящих к окраинам Вселенной под влиянием расширяющегося пространства, а скорее городские собаки, заполнявшие ночи своим лаем.

Было уже поздно. Комета и Луна заходили на западе. Рим-форду кометы были безразличны, и он с трудом понимал тех, кто интересовался ими. Он чувствовал, что о кометах нельзя узнать почти ничего нового, ничего сколько-нибудь важного, чего бы мы еще не знали. Разве что такие тривиальные вещи, как их состав, а может быть, какие-то сведения, позволяющие увеличить или уменьшить возраст Земли еще на несколько миллионов лет.

Он начал спускаться по склону, с удовольствием вдыхая прохладный ночной воздух и наслаждаясь одиночеством. Вблизи пальмовой рощицы, примерно в сотне ярдов от вершины, было местечко, откуда отлично виднелся его дом. Римфорд всегда останавливался здесь, чтобы как ребенок порадоваться теплоте света в окнах и знакомым очертаниям постройки. В конце

концов, на что он может жаловаться? Конечно, иногда холостяцкая жизнь наскучивала. Тогда он жалел, что у него нет семьи, но как-то.уж так получилось, что он ее не завел. А в остальном жизнь была прекрасна. За исключением того, что она так коротка.

Геродот рассказывает про греческого философа, который посетил некое азиатское царство, и там царь спросил его, кто является счастливейшим человеком. Философ понимал, что сам властитель был бы не прочь, чтобы столь завидную позицию отвели ему, но все же дал совершенно неожиданный ответ. «Возможно, - сказал философ, - что это - один знакомый мне крестьянин, что жил неподалеку от Афин. У него чудесные дети, любящая жена, а сам он погиб в бою, защищая свою страну». Разумеется, Римфорд не собирался закончить жизнь в бою, но считал, что он и так неплохо сражается, правда, не за родину, а за человечество вообще. И хотя у него не было семьи, которая могла бы в свое время его оплакать, он имел все основания думать, что найдется немало людей, которые с сожалением узнают о его уходе.

В темноте губы Римфорда сложились в легкую улыбку. Он был в мире с самим собой. Возможно,

концепция Вселенной Римфорда когда-нибудь встанет в один ряд с евклидовой геометрией или физикой Ньютона. Ее будут помнить и изучать, хотя не все окажется в ней верным. Ну и что? Когда будут оценивать гигантские научные прорывы конца XX - начала XXI века, вспомнят и Римфорда. И если даже он и Хоукинг в чем-то ошиблись, будет видно, что в основном они были правы.

Он может быть спокоен.

Со временем его, конечно, ожидает уход на покой. Может, скоро так оно и будет. С недавних пор все труднее становится вырабатывать новые идеи. Уравнения, которые когда-то прямо взрывались у него в голове, теперь еле-еле всплывают где-то на периферии мозга. Уходят творческие способности. Время уступить дорогу другим.

Агнесса - его родная сестра, живущая у него в доме, - разговаривала по телефону, когда он вошел.

- Вот и он, - сказала она в трубку и протянула ее Римфорду со словами: - Это Эд Гамбини, кажется, ему нужна помощь.

В понедельник Лесли Девис выехала из Филадельфии в Гленбарни, переночевала там у друзей, а наутро поехала в Годдард по хайвею Балтимор - Вашингтон..

Центр космических полетов затаился меж невысокими холмами и серенькими домиками среднего класса Гринбелта, штат Мэриленд. Комплекс состоит из зданий офисов, лабораторий и служб обеспечения, тесно расположившихся на холмистом участке, занимающем около тысячи двухсот акров, Поселок украшают несколько тарелок-антенн, стоящих на специальных фундаментах или взгромоздившихся на крыши домов, водонапорная башня и гостевой центр. По общему впечатлению все скорее напоминает военную базу, чем выдающийся научный центр.

У ворот Лесли предъявила документы. Ей выдали временный пропуск, зарегистрировали и объяснил», как проехать в Лабораторию научных исследований.

Лесли сама не имела понятия о причине, по которой ее пригласили в Годдард. По телефону Гамбини говорил весьма таинственно. Он лишь заверил ее, что она не пожалеет о потраченном времени. Тем не менее она заподозрила, что у Гамбини сейчас проблемы с научным персоналом. В начале своей карьеры Лесли специализировалась на работе с людьми технических профессий, особенно связанных с изучением космоса. Они часто страдали от стрессов во время аналитиче-

ских споров. Хуже того, в их разработках иногда отражалась изначальная нестабильность психики, свойственная людям этих профессий.

Но даже если они тут между собой перегрызлись, то непонятно, почему они решили обратиться именно к ней. Один Бог знает, сколько есть специалистов по съехавшим крышам в округе Колумбия, и уж точно найдется несколько с нужной специализацией.

Но как бы то ни было, Лесли была рада выбиться из привычной рутины. Сейчас она руководила медицинскими исследованиями по проблеме сознания, которыми занималась одна научная группа в университете Пенсильвании. Но эта работа не заладилась. Более того, ее собственная практика, ограниченная теперь двумя днями в неделю по утрам, тоже не приносила удовлетворения. Теперь она начала подозревать, что все это время она почти не помогала своим пациентам и что она слишком хороший психолог, чтобы прятать этот факт от себя самой.

При входе в лабораторию ее встретила дама в отличном костюме и осведомилась, не заблудилась ли Лесли в поисках Космического центра. Ей выдали гостевой пропуск и повели по длинному коридору.

- Вас ожидают, - сказала дама. Лесли подавила желание спросить, кто именно ее ждет и почему. Они свернули налево в более короткий коридор. Из открытой двери слышались голоса. В одном из них Лесли узнала голос Эда Гамбини.

Эд с двумя неизвестными ей мужчинами сидели в конференц-зале и тыкали пальцами друг в друга. Ее появление нисколько не помешало этому занятию. Сопровождающая знаком показала Лесли, что Гамбини сейчас ею займется, и удалилась. Лесли встала в дверях, стараясь понять, что же здесь происходит. До нее доносились обрывки фраз о красных гигантах, векторах, угловых скоростях и слинг-эффектах. Больше всех говорил самый молодой - очень темпераментный, бородатый, сухощавый красавец. Говорил он с холодной уверенностью человека, не знающего поражений в споре. Он рассуждал о чем-то, что именовалось «распределением Фишера», когда заметил Лесли. Оценив ее одним взглядом, он продолжил говорить, будто ее здесь и не было.

Лесли ощетинилась, но заметила, что такое же действие он производил и на остальных. Эд Гамбини сидел к ней спиной, но его поза явственно говорила о враждебном отношении к оратору. Он хрустел пальцами, явно демон-

стрируя, что оратор - его подчиненный, а может быть, еще и желание прихлопнуть говорившего. Мужчина, сидящий напротив Гамбини, худой, черноволосый, с резкими чертами лица и острыми внимательными глазами, тоже выражал нетерпение. Гостевой пропуск криво висел на лацкане его мятого пиджака.

Каким-то образом Гамбини почувствовал присутствие Лесли. Он резко повернулся к ней, вскочил и стал трясти ее руку.

- Лесли! - воскликнул он. - Как я рад, что снова тебя вижу. Ты уже завтракала?

Она кивнула. Много лет назад, в более радостные времена, ей пришлось работать с Гамбини в комиссии Национального научного фонда по финансированию целого ряда проектов. Тогда Гамбини произвел на нее впечатление человека с широким научным кругозором - качеством, редко встречающимся в научной среде, где большинство составляют узкие специалисты. С этой точки зрения он идеально подходил для той работы.

Особенно ярко ей запомнилось одно заседание, на котором обсуждался вопрос об одобрении гранта на расширение программы СЕТИ. Заседание было полно неожиданностей.

Какой-то астроном, чье имя она начисто забыла,

сделал эмоциональный доклад, иллюстрированный картами, слайдами и массой статистических данных, которые должны были доказать существование тысяч, а может быть, и миллионов развитых цивилизаций только в одной нашей галактике. Это был вопрос, который Гамбини очень интересовал, и тем не менее он проголосовал против. Когда Лесли спросила его почему, он ответил, что не может всерьез принимать мифические проекты. «Все эти расчеты построены только на опыте земного существования, - сказал он. - А насколько мы знаем, вместе со всей начинкой нас создал Иегова. Нет, если они всерьез хотят получить деньги, пусть дадут нам для этого рациональные обоснования». И позднее, когда они сидели в маленьком ресторанчике на Массачусетс-авеню, он добавил, что в следующий раз, если они его попросят, он будет рад сам представить такой проект.

- Да, - сказала Лесли, - я уже поела.

- Это Пит Уиллер. - Гамбини указал на мужчину в мятом пиджаке.

Уиллер встал, и она протянула ему руку.

- А этот юный лев - Корд Маевский.

Маевский небрежно кивнул, надеясь поскорее вернуться к дискуссии.

- Я понимаю, - продолжил Гамбини, - как вам хочется узнать, что тут происходит.

Джулия собрала вещи вечером в понедельник. Гарри отнес чемоданы вниз и поставил их у входной двери.

По утрам он обычно уходил, когда Томми еще спал. Но этим утром он отложил свой отъезд и позавтракал вместе с сыном, пока на втором этаже хлопали двери - это Джулия собирала то, что намеревалась захватить с собой. Томми был рад видеть отца и сказал ему это. Но мальчик, который знал только, что после школы они с мамой едут погостить к двоюродному брату, при первой же возможности побыстрее удрал к себе в комнату. Когда наступило время уходить в школу, мать появилась проверить, правильно ли он надел свитер, и дала ему коробку с завтраком, таким же, какой получают американские морские пехотинцы.

- Томми, - сказала она. - Не забудь, что сегодня тебе не надо возвращаться на автобусе. Я заберу тебя сразу после занятий.

- А папа? - Томми оглянулся на отца. - Ты ведь тоже поедешь к Эллен?

Джулия побелела.

- Он останется дома, - сказала она, как будто

муж угрожал последовать за ней.

Они договорились обо всем еще прошлой ночью, но сейчас все звучало как-то иначе.

- Томми, - вмешался Гарри, которому хотелось поскорее покончить с этим. - Мы не будем больше жить вместе как одна семья.

- Проклятый идиот! - бросила Джулия.

Гарри поглядел на нее. Его внешнее спокойствие вмиг улетучилось.

- На кого из нас ты намекаешь? - холодно спросил он. Глаза Томми округлились. Он был девятилетний мальчишка, темноволосый, веснушчатый, увлекающийся динозаврами и бейсболом. Сейчас он посмотрел на мать, на отца, и у него покраснели веки.

- Нет! - выкрикнул он.

Джулия опустилась перед ним на колени.

- Все будет хорошо.

- Не будет! - Слезы прорвались наружу. - Ты сама знаешь, что не будет.

Гарри гордился сыном. Томми запустил пластмассовую коробку с завтраком через всю кухню. Сандвичи, диетическая кола и обезжиренный кекс посыпались на пол.

- Нет! - кричал он, бросаясь к отцу и пряча лицо в его объятиях. - Папа, не уходи от нас!

Гарри крепко обнял мальчика.

- Это не мой выбор, малыш, - сказал он.

- Отлично! - прошипела жена. - Сваливай все на меня!

- А кого же, черт побери, мне винить, спрашивается? Голос Гарри дрожал от злости.

Глаза Джулии гневно сверкнули. Но тут она вспомнила о Томми, и то, что ей хотелось выкрикнуть, осталось невысказанным.

Мальчик рыдал.

- Это что касается школы, - сказала она наконец. - Гарри, я думаю, будет лучше, если ты уйдешь на работу.

- Как пожелаешь, - прохрипел он. - Тут мы обойдемся без ссоры.

Она попыталась оторвать от него Томми, уверяя, что с отцом он будет видеться часто. Но ребенок не хотел расставаться с отцом. Она взглянула на Гарри, молча умоляя о помощи.

Гарри зло взглянул на нее, попрощался с сыном, что вызвало новый водопад слез, и вышел.

Было около половины десятого, когда он вошел в конференц-зал и наткнулся на Лесли Дэвис. В своем сером деловом костюме она выглядела стройной и очень энергичной. Классический отточенный подбородок и внимательные глаза.

Тут же стояли Уиллер и Маевский.

- Лесли думает, - сказал Гамбини, когда знакомство было закончено, - что инопланетяне будут следовать логическим параметрам, свойственным нам самим.

- Мне казалось, - сказал Гарри, - что по этому поводу двух мнений не может быть. Какие другие логические параметры тут могут быть?

- Есть и другие возможности, - возразила психолог. - Ведь многое зависит и от таких вещей, как расстояние, качество приема, система ценностей, методы коммуникации и так далее. Но, - она бросила взгляд на Гамбини, - нам придется подождать. Пока у нас слишком мало материала для выводов.

- Может быть, ждать придется очень долго, - вмешался Гарри. - Корд упомянул, что у алтейцев шкала времени могла быть совсем не такой, как у нас. - Он усмехнулся. - Честно говоря, не совсем понимаю, что он хотел этим сказать.

- Ощущения, - сказал Гамбини. - Субъективность времени. Возможно, что минута для них тянется гораздо дольше, чем для нас. Или быстрее. Это феномен, который даже мы ощущаем. Например, время бежит быстрее, когда…

- Когда мы веселимся, - закончила Лесли. - Но я

не думаю, что это может стать проблемой. - Она была миниатюрной, но всегда привлекала к себе внимание. Зеленые как море, широко расставленные глаза очень точно выдавали ее настроение, меняя оттенок под влиянием изгиба губ и - если она хотела их показать - ровных белых зубов. В общем, заключил Гарри, было в ней что-то от акулы. Рыжевато-каштановые волосы она стригла коротко, а ее манеру говорить отличала четкость. Никакой болтовни, никакого пустословия. В целом она производила впечатление экономной женщины, которая терпеть не может ни лишних слов, ни лишних движений. - Их ощущение времени вряд ли сильно отличается от нашего, - продолжала она, - Я сомневаюсь, чтобы нам пришлось ждать десять тысяч лет, чтобы узнать о дальнейшем развитии событий, так что, если вас беспокоит...

- Откуда это известно? - спросил Гарри.

- Это очевидно, - ответила она. - Сам сигнал доказывает их возможность управлять огромными мощностями экрана в доли секунды. Есть и другие свидетельства. Например, как они включали и выключали энергию на протяжении одного утра. А если нужны другие доказательства, укажу, что вода течет с одинаковой скоростью по

всей Вселенной.

- Ну, это, положим, не совсем так, - сказал Гамбини. - Скорость ее течения зависит от силы тяжести. Но я понимаю твою мысль.

Гарри же не понял.

- Живые существа должны синхронизировать, свою жизнь со скоростью течения, - объяснил Эд. - Чтобы напиться, чтобы не утонуть во время прилива, чтобы успеть выбраться из лужи, прежде чем какой-нибудь хищник тебя сожрет. Верно, Лесли?

Она кивнула.

- Думаю, мы можем считать, что если передача будет продолжена, то это произойдет сравнительно скоро.

- У меня есть к вам вопрос, Лесли, - сказал Гарри, который все еще думал о предположении Уиллера. - Выглядели бы мы другими, если бы наше небо оказалось пустым? Ну, если бы на нем не было звезд, а только одно сильно поврежденное солнце?

Ее взгляд остановился на нем, глаза неожиданно вспыхнули.

- В этом проекте, во многом поневоле, придется опускаться до малообоснованных рассуждений. Многие из них будут в высшей степени гипоте-

тическими, и это одно из них. Причина в том, что мы слишком сильно связаны с нашей средой обитания. Суточные ритмы, менструальные циклы, различные физиологические характеристики, привязанные к временам года, к восходу и заходу солнца, к лунным фазам и так далее. Более того, картина неба всегда влияет на наше представление о самих себе: хотя каждый из нас видит более или менее одну и ту же астрономическую карту, но детали могут разниться. Все мы считаем себя союзниками богов Солнца, а смерть представляем себе как спуск в подземный мир, во тьму. Взгляните, как разнятся северная мифология и классическая. В Средиземноморье, где солнце теплее и люди могут купаться когда им заблагорассудится, боги в целом народ жизнерадостный, заняты преимущественно военными играми и погоней за женщинами. А Один живет в стране, похожей на Монтану, где люди начинают работать еще в темное время и в темноте же кончают работу. В результате в Северной Европе пантеон богов более консервативен и к тому же обречен судьбой на исчезновение. В конце их ждет Рагнарёк - всеобщая гибель. В Германии, где зимы тоже холодны, система столь же фаталистична.

Ее брови нахмурились.

- Я никогда не думала раньше о таких вещах, но сейчас предполагаю, что немцы вряд ли пошли бы маршем на Европу в четырнадцатом и тридцать девятом годах, если бы у них были средиземноморские пляжи.

Уиллер перебил ее.

- У арабов, - сказал он, - есть средиземноморские пляжи. Но они совершенно не останавливаются перед пролитием крови.

- Их страны слишком горды, Пит, - ответила Лесли. - Кроме того, ситуация на Ближнем Востоке мне кажется весьма специфической. В связи с религией. Ну да дело не в этом. Возможно, мой тезис не выдерживает критики. Попробую ответить Гарри одним словом: да, ваши инопланетяне будут находиться под воздействием своей странной для нас среды, и я рискну предположить, что с нашей точки зрения это воздействие не будет положительным. От дальнейших догадок я, пожалуй, воздержусь.

- А между прочим, никто пока не высказал догадок о том, почему они вообще что-то передают. Ведь кто бы ни послал этот сигнал, он мертв уже миллионы лет.

- Если продолжительность их жизни более или менее равна нашей, - сказал Гамбини.

- Что ж, пожалуй, такое предположение можно сделать. Но действительно, почему они начали передачу? Ведь задача была достаточно сложной с инженерной точки зрения, а на ответ рассчитывать было трудно, так что уверенности в успехе - никакой. Так что зачем они этим занимались, догадаться нелегко.

- Кстати, о предположениях, - сказал Маевский, - почему мы предполагаем органический характер этих жизненных форм? Может, к нам обращается что-то вроде компьютера, для которого течение времени значит очень мало.

- Компьютерами я не занимаюсь, - нежно улыбнулась Лесли.

Гамбини кивнул.

- Тем не менее, - сказал он, - эту возможность следует учесть. Но давайте вернемся к вопросу о мотиве.

- Швырнули бутылку в океан, - ответил Гарри. - Как в свое время поступали наши первопроходцы и пионеры.

- Согласна, - ответила Лесли. - На самом деле, если мы имеем дело не с компьютером или иным представителем расы бессмертных, я не могу придумать иного мотива. Они хотят, чтобы мы знали об их существовании во времени. Где-то

там меж галактик они жили в прошлом столь отдаленном, что нам его и представить невозможно, без всякой надежды на встречу с другими разумными существами не своего мира. И тогда они разработали огромный инженерный проект и послали нам письмо. Можно ли придумать более человеческий поступок?

В долгом безмолвии, которое последовало за этой фразой, Уиллер взял кофейник и наполнил пустые чашки.

- Письма мы еще не получили, - сказал он. - Корд, вы проанализировали спектрограммы Гаммы? Что они показали?

- Не знаю, - ответил Маевский. На его лице застыло странное выражение.

- Не знаете? Литий, что ли, израсходовался?

- Нет, не в этом дело.

- А что такое Гамма? - спросил Гарри.

- Звезда класса G в этой системе, - ответил Маевский.

- Позвольте мне ввести Гарри в курс последних событий, - сказал Гамбини. Он открыл большой пакет, лежавший перед ним на столе. - Звезда класса G, - объяснил он Гарри и Лесли, - по мере старения использует свой запас лития. Благодаря этому мы имеем хорошую возможность рассчи-

тать ее возраст, определив, сколько лития в ней осталось. - Он достал из конверта несколько листов бумаги с цветными столбиками и передал их Уиллеру. - Это спектрограммы Гаммы. Мы делали их несколько раз, и результаты практически неизменны.

Уиллер был заметно удивлен тем, что он увидел. Он наклонился вперед и стал пристально разглядывать спектрограммы.

- И давно вы знаете об этом? - спросил он.

- Мы получили результаты вчера, - ответил Гамбини. - Потом мы проверили оборудование и сделали новые анализы. Мы передали эти данные в Китт-Пик. - Он сделал руками жест, означающий бессилие. - Их результаты оказались такими же.

- И что это значит? - спросила Лесли.

- Одна из проблем, стоящих с самого начала, - сказал Гамбини, - это вопрос о происхождении системы Алтеи. Откуда она, собственно, взялась? Составляющие ее звезды должны были бы слиться еще до ухода из родной галактики. Сама по себе возникнуть в пустоте Алтея тоже не могла. И вот мы смотрим на три звезды, которые, по-видимому, находятся здесь дольше, чем вообще существуют. Поэтому очень трудно как-нибудь объяснить их присутствие.

- А теперь, - спросила Лесли, - у вас такое чувство, будто появилось решение?

Уиллер все еще рассматривал спектрограммы. Гамбини кивнул.

- Теперь у нас появилась любопытная возможность. Гарри прочистил горло.

- Извини, Эд, но я ничего не понял из того, что ты сказал. О чем вообще идет речь?

- Подобные спектрограммы совершенно невозможны для звезды класса G. В ней нет линий металла, нет даже H- и K-линий. Нет кальция, нет железа, нет титана. Вообще нет никаких металлов. Оказывается, Гамма состоит из чистого гелия и водорода. Вот почему Корд не смог датировать ее возраст - лития тоже нет.

Маевский почесал затылок. Нарушил тишину опять Гарри:

- Все равно не понимаю, что это значит.

Гамбини нервно постучал карандашом по крышке стола.

- Все звезды класса G относятся к молодым звездам. Они богаты металлами. Даже более старые звезды в каком-то количестве содержат металлы, которые кипят в их плавильнях. Но в этой, - он потряс спектрограммами, - металлов просто нет.

Краска сошла со щек Уиллера.

- И что это нам дает? - спросил Гарри. Священник поднял на него озадаченный взгляд.

- Лишенных металлов звезд не бывает, - сказал он. - *Эта звезда не может иметь естественного происхождения.* Что там с Альфой, Эд?

- То же самое. Как-то так получилось, что о спектрограммах никто не подумал. Мы получили их только после последних событий. Ни одна из этих звезд не содержит металлов.

МОНИТОР

КУБА ТРЕБУЕТ ВОЗВРАТА ГУАНТАНАМО

Куба заявляет, что хранение атомного оружия нарушает соглашение…

ПАРТИЗАНЫ НАРАЩИВАЮТ ДАВЛЕНИЕ НА ТАИЛАНД

Бангкок обвиняет Ханой в поддержке инсургентов оружием…

ФРАНЦУЗЫ ТРЕБУЮТ НОВЫХ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ НЕФТЕНАЛИВНЫХ СУДОВ

Де Плейн заявляет: «Хватит с нас разлива нефти в Гавре»…

НОВЫЙ

ЗАКОН ПОТРЕБУЕТ ОТ КАНДИДАТОВ НА ВЫБОРАХ СФОРМУЛИРОВАТЬ СВОИ РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЗГЛЯДЫ

«Что вам скрывать?» - спрашивает Фримен…

МАК-ГИННИС И РАФФЕРТИ ОСУЖДЕНЫ

Ирландским террористам угрожает смертная казнь. Организация «Господь с нами» предупреждает, что осужденные будут отомщены…

СКАНДАЛ
В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Врачи в Сиэтле и Споккейне попали в ловушку ФБР…

В ТЕХАСЕ В ЧАС ПИК РУХНУЛ МОСТ

Сотни погибших. Мост осматривался месяц назад…

ВООРУЖЕННЫЙ
ПРЕСТУПНИК ЗАСТРЕЛИЛ ШЕСТЕРЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ В БИБЛИОТЕКЕ

Пошел домой за пистолетом после уплаты 30-центового штрафа. Во всем обвиняет полнолуние…

БЕСПОРЯДКИ В БРАЗЗАВИЛЛЕ

НАЦИОНАЛЬНАЯ КОМИССИЯ ПО АТОМНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕКОМЕНДУЕТ УСИЛИТЬ ОХРАНУ

«Миннеаполис трибюн»: Попытка захвата атомной станции в Плейнфилде вооруженным террористом на этой неделе заставила Комиссию ввести целый ряд новых ограничений на посещение подобных объектов…

СТУДЕНТКА ИЗ КАНЗАСА ВЫИГРАЛА КОНКУРС «МИСС АМЕРИКА»

Студентка авиационного института надеется стать пилотом на коммерческих линиях…

Глава четвертая

Римфорд должен был прибыть в аэропорт Рейгана вечерним рейсом.

Эд Гамбини настоял, что он его встретит и привезет. Гарри, когда-то шапочно знакомый со знаменитым космологом, но никогда не имевший возможности с ним поговорить, поехал с Эдом. Гамбини, несмотря на свою заинтересованность, не хотел обсуждать передачу из системы Алтеи. Гарри подумал, не собирается ли он строить из себя твердокаменного скептика перед прилетающим гостем. Но нет, сразу завязался разговор о погоде, об общей неприязни к Квинту Розенблюму и возможности, что «Краснокожие» наконец сдадутся и сменят название. Но мысли свои оба они держали при себе.

Гарри пытался заставить себя осознать факт, что Джулия ушла от него, и на фоне этой горькой реальности странное поведение тройки звезд имело очень мало значения. Но стояла приятная ранняя осень, и можно было любоваться ею, глядеть на молодых женщин в блузках с короткими рукавами и толпы детей со школьными ранцами. В такой день приятно было бы гулять вдвоем с

женщиной по аллеям парка.

- Расскажи мне про Гамму, - попросил он. - Действительно возможно, что ее кто-то *построил?*

Солнце ярко светило, машина ехала с опущенными стеклами мимо белых правительственных зданий. Какое-то время Гарри казалось, что Гамбини не расслышал вопроса. Он вывел темно-синюю правительственную машину на северо-восточное шоссе, справа блеснул купол Капитолия.

- Гарри, - сказал он, перекрывая шелест ветра, - очень мало что будет недоступно тому, у кого есть ресурсы и время, чтобы придумать технологию. Вряд ли можно путешествовать быстрее света, и наверняка невозможно вернуться назад во времени - по крайней мере на макроуровне. Нельзя увеличить общую энергию Вселенной. Но построить звездочку - почему бы и нет?

Вопрос не в том, *может* ли это быть сделано, а действительно ли перед нами достоверный пример подобного достижения. В спектре звезд всегда есть линии металлов - *всегда.*

Их может быть много, может быть мало, но звезда без металлов в природе встретиться не может. В наше время.

- А когда-то такие были?

- В самом начале образования звезд. Больше миллиардов лет назад, чем мы можем посчитать. Но теперь этого не случается, и даже самые старые звезды из тех, что до сих пор горят, малость металлов наварили уже давно. - Вид у него был недоуменный. - Гамма - звезда молодая, то есть второго поколения. Как все звезды класса G. Они создались из остатков звезд первого поколения, где и образовывался металл, который мы теперь видим во Вселенной. Даже то железо, на котором работает *твой* организм.

- Меня тоже изготовили внутри звезды?

- Именно так, если говорить о строительных материалах. Когда взрываются звезды первого поколения, происходит создание звезд типа Солнца. - Он помолчал. - Я не могу себе представить какой бы то ни было естественный процесс, приводящий к появлению звезды второго поколения без металлов.

Мимо промчался потрепанный зеленый пикап, выдавая семьдесят пять миль в час.

- Так что Пит был прав, что кто-то убрал металлы. Но зачем?

- Вопрос неправильно поставлен, Гарри. Пит не говорил, что кто-то убрал металлы. На самом деле он сказал, что Гамма не является естественной

звездой. Понимаешь, никто не даст себе труд убирать из звезды металлы - в этом нет смысла. То есть это не будет усовершенствованием звезды, она не станет работать лучше. И уж точно они не занимались добычей металлов. - Он чуть поморщился, будто от солнца в глаза, но оно светило сзади. Гарри решил, что Гамбини думает, можно ли ему доверять. - Я еще точно не знаю, как это будет звучать, и не хочу, чтобы меня цитировали, но я тебе скажу, во что я верю, единственное, что я могу придумать хоть сколько-то осмысленное. Гамма - не естественное солнце. Я считаю, что оно построено. *Собрано.*

- Боже мой! - ахнул Гарри.

- Металлы ни для чего не нужны, потому их туда и не поместили.

- Э-э… но как, черт возьми, кто-то может сделать солнце?

- Физических законов, которые это запрещали бы, нет. Это очевидно, иначе природа не могла бы создать звезды. Все, что требуется, - это энергия и чертова уйма газа. И в космосе они есть - немереные запасы водорода и гелия. Их надо была только собрать вместе, а дальше делом займется гравитация.

Машина миновала Сауз-Кэпитол-стрит. Длин-

ный товарняк ехал на восток - вагоны с дозаторами сыпучих грузов и несколько платформ с пиломатериалами.

- И это, - продолжал Гамбини, - открывает новые интересные возможности. Рентгеновские пульсары славятся коротким временем жизни. Они - однодневки космоса. Вспыхивают, мигают лет этак тридцать тысяч и гаснут. Шансы на обнаружение такого пульсара в независимой системе, не связанной с галактикой или иными видами звездных скоплений, практически нулевые. - Последние слова он почти шепнул голосом заговорщика.

Гарри смотрел на тень автомобиля, бегущую по ограждению улицы.

- Ты полагаешь, - заключил он, - что пульсар тоже они построили.

- Да! - просиял Гамбини. - Именно это я и предполагаю.

Рейс запоздал почти на час. Обычно Эд Гамбини сильно злится, но сегодня подобные обыденности до него не доходили. Ему предстояла встреча с гигантом, а благодаря сути открытия, сделанного в Годдарде, он сам чувствовал, что вступил на порог, за которым обитают бессмертные. Даже Гарри ощущал некоторый благоговейный вос-

торг.

Он понимал важность встречи с Римфордом. Калифорнийский космолог мог увидеть иные возможности, предложить альтернативные объяснения. Но если он этого не сделает, позиция Гамбини (и его самоуверенность) могут усилиться неизмеримо.

Гарри и Гамбини ждали в коктейль-холле главного терминала. Гамбини сидел, играя бокалом, полностью уйдя в свои мысли. Гарри вспомнил лихорадку прошлого года, когда «Скайнет» перебирал длинный ряд бесперспективных экстрасолярных планет земного типа, и подумал, не окажется ли Гамбини вторым Персивалем Лоуэллом, увидевшим каналы, которых больше никто не видел.

Когда объявили рейс Римфорда, Гарри вместе с Гамбини пошли к выходу. Длинной чередой стали выходить пассажиры, тут же рассасываясь в толпе встречающих. Несколько отставших сошли по пандусу, и Гарри начал гадать, правильно ли они записали номер рейса, когда нужный им человек появился из туннеля.

С виду он был абсолютно обычен. Волосы светлее, чем казались по телевизору, и одет он был как скромный, но процветающий бизнесмен со

Среднего Запада. Гарри почти ждал, что он предъявит визитную карточку. Но у этого человека, как у Лесли, были проницательные глаза. Римфорд при представлении явно оценивал Гарри про себя, и Гарри почувствовал, что его душу читают как открытую книгу:

Рукопожатие оказалось достаточно сердечным.

- Спасибо, что пригласили меня, Эд, - сказал он, обнимая Гамбини за плечи. - Если вы действительно что-то нашли, мне бы не хотелось оставаться в стороне.

Они направились к выдаче багажа, и по дороге Гамбини стал рассказывать о том, что у них сегодня есть.

Римфорд слушал, иногда кивал, иногда говорил, что то или это хорошо. Когда руководитель проекта закончил рассказ, у Римфорда засветились глаза. Повернувшись к Гарри, он сказал, что им всем посчастливилось жить в выдающееся время.

- Если вы правы, - сказал он, великодушно включая Гарри в рассмотрение, - то с этой минуты жизнь уже не будет такой, как раньше.

Но, вопреки высказанным чувствам, вид у него был озабоченный.

- В чем дело? - спросил Гамбини, у которого нервы частенько шалили.

- Я подумал, насколько все это неудачно. Они очень далеко от нас. Мы, кажется, все считали, что, когда возникнет контакт - если возникнет, - источник сигналов будет лежать в пределах шара радиусом пятнадцать - двадцать световых лет. Не больше. Тогда теоретически существовала бы возможность двустороннего обмена. - Он бросил сумки в багажник и сел впереди рядом с Гамбини. - Ну ладно, будем благодарны и за то, что можем получить. Хотя это больше всего похоже на археологическую находку. И притом старую.

Гарри устроился на заднем сиденье.

У гостя было много вопросов. Он спрашивал о периодах обращения компонентов системы, о характеристиках пульсара, о качестве и природе поступающего сигнала. Гарри многого не понимал, но интерес его возрос, когда стали обсуждать физические странности Альфы и Гаммы. Гамбини избегал упоминать свои гипотезы, но Римфорд заморгал, увидев спектрограмму.

- У вас есть какие-нибудь объяснения этого явления? - спросил он.

- Нет, - ответил Гамбини.

- Совсем никаких? Даже предположительных?

- Нет.

С этого момента Римфорд перестал слушать комментарии Гамбини, только сидел, задумчиво глядя в ветровое стекло. К моменту выезда на Кенилворт-авеню молчали все.

Гарри никогда не обращал особого внимания на одиноких мужчин и женщин, ужинающих в «Красной черте», «Кариоке» или «Вильгельме Телле». Но сейчас, в тускло освещенной кабинке, пытаясь читать «Пост», он как-то резко обратил внимание на пустые выражения их осунувшихся лиц. Одиночество редко бывает добровольным, по крайней мере среди молодых. И все же они приходили сюда каждый вечер, процветающие обломки жизненных крушений, одинокие среди мигающих свечей и глаженных льняных скатертей.

Гарри обрадовался, когда пришел Питер Уиллер. Он решил поесть в «Красной черте» ради возможности, что там появится кто-то из ученых или администраторов. Никого приглашать специально он не хотел, потому что это повлекло бы за собой объяснения, а он пока не готов был сознаться, что жена его бросила. Приходилось всерьез думать, как объявить об этом своим товарищам по работе. Они с Джулией решили, что

их брак фактически распался, и потому считают, что лучше всего будет для всех его участников его расторгнуть. Да, так и следует говорить. По крайней мере в этом есть правда. Какая-то.

Уиллер сразу его увидел и подошел.

- Ну, - сказал он, - я думаю, мы произвели впечатление на Великого Человека.

- Он приехал уже под впечатлением, - ответил Гарри.

- Эд собирается повезти его на уик-энд к себе домой. Кажется, то, что Римфорд стал называть его по имени, для него чуть ли не важнее всего остального. - Уиллер улыбнулся. - Ты там когда-нибудь был, Гарри?

- Один раз. - У Гамбини был дом окнами на океан возле Сноу-Хилла, штат Мэриленд. Он почти всегда ездил туда на выходные или когда на него накатывало настроение и он чувствовал, что его физическое присутствие в Годдарде не требуется. Дом был подключен к компьютерной сети Годдарда, хотя доступ к наиболее секретным системам был отрезан. - Что-нибудь новое есть от Геркулеса?

- Ничего, - ответил Уиллер. - Сигнал просто повторяется.

- И что такого забавного?

- Не знаю даже. Наверное, Лесли. Представление Эда, что мы можем привлечь к делу психолога и положить алтейцев на кушетку. - Он покачал головой. - Он всегда высмеивал попытки Дрейка, Сагана и сотрудников СЕТИ создать статистическую базу для оценки вероятности цивилизаций в галактике на том основании, что мы имеем в наличии лишь один образец. Не слишком он последователен.

Они заказали еду и напитки, и Гарри устроился поудобнее.

- А они там на самом деле есть, Пит? Я имею в виду инопланетян. Мне показалось вчера, что ты в этом убежден.

- Из-за спектрограмм? На самом деле, Гарри, если бы не Эд, я бы с самого начала не сомневался. Слишком трудно спорить с такой очевидностью. Но саму концепцию трудно принять. Особенно если учесть, что Эд так жадно хотел что-нибудь подобное найти. Уже одно это ставит все под подозрение. Он подрывает доверие к самому себе.

- Ты хочешь сказать, что результаты могут быть как-то подделаны?

- Нет-нет, ничего подобного. Скорее здесь просто отсутствие объективности. Чувство, что энтузиазм Эда действует на нас на всех. И я пони-

маю, что говорю сейчас не очень осмысленно, но терпеть не могу поспешных заключений. Даже когда…

- Когда что?

- Когда не видно альтернативных предположений.

Принесли напитки, ром с колой для Уиллера, скотч с водой для Гарри. Когда официант ушел, Гарри поднял стакан, пригубил и поставил на стол.

- То есть, - сказал он, - ты считаешь, что в системе Алтеи *действительно* есть какая-то цивилизация.

- Можешь назвать ее разумом. Да, что-то там должно быть. И я подозреваю, что Римфорд именно это сейчас говорит Эду. Всем нам предстоит попасть в учебники истории, Гарри.

- Всем? - Гарри засмеялся. - Кто был первым помощником Колумба?

И все же его охватил восторг. Приятно было принимать участие в великом открытии. Даже пусть его роль состоит в том, чтобы стоять у кромки поля и подбадривать игроков. Наверное, что-то прорвалось наружу, потому что из-за соседних столиков на него посмотрели с любопытством. Но ему было все равно. И это тоже было странно:

Гарри всегда заботило, как его воспринимают.

Уиллер не обратил внимания на принесенный ему стакан.

- Я никак не могу избавиться от мысли, - сказал он, - что нас ждут еще сюрпризы. Эд считает, что у него все под контролем, но здесь слишком много неизвестных.

- Что ты имеешь в виду?

- Мы продолжаем предполагать, что они такие же, как мы. Например, все мы ждем следующего сообщения. Но алтейцы обозначили свое присутствие и, быть может, не видят причин что-нибудь еще передавать. В конце концов, какой от этого толк им?

- Я об этом не подумал, - сказал Гарри. Глаза Пита хитро вспыхнули.

- А так может быть. Очень забавная картинка, как наши люди до старости ждут продолжения того, что уже кончилось. Ты можешь себе представить, что это значит для Эда или Маевского?

- Злобный ты, Пит, - небрежно бросил Гарри, хотя ему не по себе было от веселья Уиллера. - Для Эда это было бы хуже смерти.

- Подозреваю, что ты прав. И по-моему, это многое говорит о том, как Эд себя настроил. - Он пригубил стакан и выразил на лице одобрение.

- Многое может случиться. Мы склоняемся к предположению, что любая передача будет содержать массу технического материала.

- Почему ты так думаешь?

- Энтузиазм от общения с цивилизацией, способной создавать звезды и нажимать кнопки на пульсаре. Дело не просто в том, что придет привет из далекой темноты. Все думают, что мы многое должны узнать. Очень многое. Это ясно по манере, в которой об этом говорят. Алтейцы могут нам рассказать, как они делают пульсар и Гамму. Подумай только, какой это будет для нас прорыв. Сегодня я слушал разговор Эда с Римфордом, они говорят в терминах БЕТ.

- БЕТ?

- Больших Единых Теорий. Мы имеем дело с видом, у которого очень высокая технология существует невообразимо долгое время. Они могут вполне предполагать, что вся эта техника известна каждому. Могут счесть ее настолько тривиальной, что и упоминать о ней не стоит. Или слишком опасной для другой цивилизации.

- Опасной? Каким образом. Пит пожал плечами:

- Может, она включает инструкцию, как построить дешевую карманную атомную бомбу?

Или искривитель света.

- Пит, притормози. Что такое искривитель света?

- Способ сделать себя невидимым. Представь себе, на что станет похожа жизнь, если каждый сможет натянуть куртку и стать невидимым.

- Мне кажется, ты слишком далеко загляды-ваешь.

- Разумеется. Но вся эта штука с очень дальним прицелом. В любом случае, *если* мы получим текстовую передачу, второе послание, я очень удивлюсь, если оно не будет содержать что-то совершенно иное, а не то, что мы ожидаем. Такое, чем они гордятся, но что Эда не позабавит.

- Например?

Темные глаза Уиллера мерцали в свете свечей. Он более других, для которых космология и астрономия были разделами математики, был похож на человека, знающего, что такое на самом деле световой год.

- Что ты скажешь о романе? - предположил он. - Конфликт на космической сцене между существами с передовой философией и совершенно чуждыми эмоциями. Быть может, они будут считать этот роман своим высшим достижением и захотят поделиться им со Вселенной, как мы

могли бы захотеть поделиться «Гамлетом». Но для нас он даже после перевода остался бы непостижимым.

Гарри усмехнулся:

- Вряд ли НАСА будет в восторге.

- А может, они нам пришлют симфонию. Гарри осушил стакан:

- Лишь бы она не оказалась попсой. Но ты действительно думаешь, что именно так и выйдет?

Принесли бифштексы, и официант расставил их, пока Уиллер думал над вопросом Гарри.

- В такой ситуации все возможно, - сказал он наконец. - У нас нет опыта. И отправители могут не ожидать от передачи ничего, кроме разве что удовлетворения, что послали сигнал, который, быть может, никто никогда не примет. Ты упоминал таблички на «Пионерах» и «Вояджерах». У нас не было места, чтобы многое там сказать, но если бы даже было, вряд ли кому-то пришло бы в голову писать там инструкции, скажем, по расщеплению атома - на случай, если табличку найдет какая-нибудь цивилизация каменного века. Нет, главное они нам уже сообщили. Они сказали: «Мы здесь». Если будет что-то большее, я надеюсь, что у нас хватит ума понять, что это, извлечь из этого всю возможную выгоду и вместе

с тем проявить осторожность, которой требует ситуация.

Бифштексы оказались отличными, и еще на тарелке громоздилась жареная картошка и булочки.

- Слишком на многое надеешься, - сказал Гарри уже за кофе.

- Ты сегодня работаешь до ночи? - спросил Уиллер, очевидно, удивившись, что Гарри не ужинает дома.

- Нет.

Слово это неловко повисло в воздухе. Гарри знал священника дольше, чем знал Гамбини, но отношения у них были не столь близкими. Сейчас он смотрел на собеседника, и у него было искушение воспользоваться случаем и что-то рассказать о Джулии. Но сколько подобных жалких историй пришлось Уиллеру выслушать за многие годы просто потому, что он носит сутану?

- Я дал кухарке выходной, - сказал он.

Но Уиллер, очевидно, понял по голосу и внимательно посмотрел на Гарри.

- Я бы хотел попросить тебя об одолжении. Я еду на вечер в Карфаген, завтра днем вернусь. - Он записал телефон и протянул его Гарри. - Позвони мне, если что-нибудь изменится. О'кей?

- О'кей.

Они попросили счет, оплатили пополам и вышли.

- Как Джулия? - небрежно спросил Уиллер. Гарри удивился:

- Я и не знал, что вы знакомы.

- Она как-то была на завтраке у епископа несколько лет назад. - Уиллер глянул на запад и посмотрел на часы. Над горизонтом начинала восходить луна. - Комета зашла.

Гарри что-то хмыкнул.

- Такую женщину трудно забыть, - добавил Уиллер.

- Спасибо на добром слове, - ответил Гарри. Они со священником шли, похрустывая ботинками по гравию, к машине Уиллера, бежевому «саксону» последней модели. - У нас сейчас некоторые трения.

- Прискорбно слышать. Гарри пожал плечами. Уиллер огляделся:

- Где твоя машина?

- У ворот. Я сюда пришел пешком.

- Садись, я тебя подвезу, - предложил Уиллер.

Он выехал со стоянки, проехал Гринбелт-роуд, свернул на стоянку у главного входа и плавно затормозил возле «крайслера» Гарри.

- У тебя есть несколько минут, чтобы послушать? - спросил Гарри.

- Если ты хочешь говорить, - ответил Уиллер.

Гарри описал нарастающее напряжение последних месяцев, убеждение Джулии, что он слишком много времени проводит на работе и слишком мало оставляет для семьи, его собственное растущее недовольство, что она не хочет понимать его профессиональной увлеченности. Он говорил об ужине с Джулией в тот вечер, когда было сделано открытие, о его грустном результате и ее уходе. Он скрыл - или попытался скрыть - свое возмущение. Закончив речь, Гарри сложил руки на груди, будто защищаясь.

- Пит, у тебя в таких делах должен быть большой опыт. Каковы шансы, что все наладится?

- В своем опыте я не уверен, - сказал Уиллер. - Как правило, норбертинцы не несут пастырского служения, а это именно то, что нужно, когда сталкиваешься с семейными трудностями. Я лично вообще *никогда* этим не занимался. Но могу рекомендовать хорошего консультанта, если хочешь. Ты не католик?

- Нет.

- Это не важно. Я могу тебя с ним свести или рассказать, каково общее мнение по подобным

проблемам, как это все происходит и какой образ действий обычно рекомендуют.

- Рассказывай, - попросил Гарри.

- Судя по тому, что ты мне рассказал, у нее нет кого-то другого, у вас нет споров из-за денег, из-за пьянства и не было драк. Обычно, когда нет очевидной причины для распада брака, более или менее благополучного в течение многих лет, то дело в том, что двое перестали вести общую жизнь. Каждый ушел куда-то на свою орбиту, и эти орбиты не Слишком соприкасаются, разве что за столом или в постели. Сами участники могут этого не сознавать, но брак начинает их тяготить - кого-то из них или обоих. Ты в своей профессии из лучших, Гарри. Сколько вечеров в неделю ты проводишь на работе?

- Два-три, - сказал Гарри, испытывая неловкость от такого поворота разговора. - Иногда больше.

- А уикэндов?

- Примерно один в месяц.

- Только один?

- Ну, вообще-То я работаю по полдня каждый уик-энд, - поморщился Гарри. - Но этого требует сама работа. Она же у меня не с девяти до пяти.

- Понимаю, - кивнул Уиллер. - Без тебя вообще центр пришлось бы закрыть.

Это был болезненный укол. Гарри молча посмотрел на монаха.

- Извини, - поспешил сказать Уиллер. - Научись поручать другим свою работу. Дай шанс своим помощникам себя проявить. Они отлично справятся.

- Понимаешь, Пит, когда такое творится, мне просто надо здесь быть…

- Знаешь, Гарри, мне иногда все-таки приходится выполнять функции священника.

Гарри моргнул:

- Не совсем понял.

- Когда кто-то серьезно болен, лежит на смертном одре, то посылают за мной.

- Понимаю.

- Иногда последнее человеческое лицо, которое они видят, - мое.

- Понимаю.

- И ни один из них никогда не говорил мне, что должен держаться, потому что на работе без него не обойдутся. - Порыв ветра шевельнул верхушки деревьев у края стоянки. - И есть шанс, - продолжал монах, - что, когда ты все-таки дома, у тебя тоже для нее нет времени.

Этот разговор начал Гарри доставать.

- Нет, я не думаю, что это правда. Мы регулярно

куда-нибудь ходим, в кино, в театр, в местные клубы.

- Тебе лучше знать.

- А часто такое случается? В смысле, между людьми, которые довольно давно женаты? Я думал, что после первых нескольких лет дальше можно, в общем, уже не опасаться.

- Все время случается.

- И что я могу сделать? - спросил Гарри. - Не думаю, чтобы она сейчас была согласна на задушевную беседу.

Уиллер кивнул.

- Гарри, покосившийся брак очень трудно исправить. Мне неприятно тебе это говорить. Я видел твою жену только один раз, но она не произвела на меня впечатление женщины, которая действует поспешно. Если это так, то вернуть ее будет трудно. Но я думаю, что ты можешь попытаться. Я бы попробовал увезти ее от всех старых ассоциаций куда-нибудь на пару дней, просто чтобы все обсудить. Постарайся сделать это как можно более ненавязчиво, но отвези куда-нибудь, где никто из вас раньше не бывал. И поговори с ней - но не о вашем браке, о твоей работе или общих проблемах. Попытайся все начать сначала - ты и она.

- Это не выйдет, - ответил Гарри. - Сейчас - нет.

- Это наверняка так, если ты решил, что это так. Но тебе при этом нечего терять. И я могу тебе предложить идеальное место.

- Норбертинцы содержат мотели?

- Вышло так, - объяснил Уиллер, - что у нас есть монастырь для послушников возле Бэзил-Пойнт на берегу Чесапикского залива. Его нам передали в дар пару лет назад, но дело в том, что нам его трудно использовать. Слишком велик. Он находится в прекрасном месте с отличным видом на залив. Я обычно там живу, когда бываю вблизи Вашингтона. Сейчас там где-то с дюжину Наших людей, не больше. Кстати, один из них - это Рене Сандерленд, один из лучших бриджистов штата, если не самый лучший. Пару больших зданий мы превратили в аббатство и семинарию. Но в семинарии всего два студента.

- Какие-то не слишком радужные перспективы, - заметил Гарри.

- Об этом поговорим в другой раз.

Уиллер включил отопление в машине, и Гарри только тогда заметил, что становится холодно и ноги мерзнут.

- В семидесятых годах тогдашние владельцы пристроили гостиницу. Мы ее зарезервировали

для посещающих прелатов, но они приезжают довольно редко. Регулярно к нам ездят только аббат и директор Национального Братства Христианской Доктрины - оба они любят играть в бридж с Рене, а это значит, что они останавливаются в главном здании. Поэтому гостиница не используется годами. И я уверен, что для доброго дела я могу вам ее обеспечить.

Гарри обдумал предложение. Может быть, это стоило попробовать в субботу вечером вместо той дурацкой провальной пьесы. Но сейчас уже поздно.

- Спасибо, Пит, - сказал он. - Буду иметь в виду.

Обычно Уиллер получал удовольствие от двухчасовой дороги до Карфагена. Но сегодня он ехал по мрачному вечернему ландшафту: голые деревья и длинные пожухлые стебли трав на пологих холмах, Какой-то упадок ощущался в воздухе, будто вот эта дорога № 50 сделала объезд во времени и теперь вилась по очень постаревшей Виргинии.

Хайвей петлял и нырял среди увядших пастбищ, мимо брошенных тракторов и комбайнов. Поодаль от дороги стояли темные фермерские дома, кое-где в пыли и высохшей грязи торчали ушедшие в землю по кабину старые автомобили,

на земле на деревянных щитах были выложены двигатели и карбюраторы.

Возле Миддлберга Уиллер включил радио и попал на какое-то ток-шоу. Он не стал прислушиваться, но гул голосов успокаивал.

Сначала он думал, что его взволновала проблема Гарри. Но что-то было еще и за этим, какой-то второй слой, связанный не только с тем, что распадался еще один брак, но и с передачей из Геркулеса. Сейчас это созвездие было невидимо, скрыто проплывающими облаками. Впереди, в сторону Карфагена, небо было затянуто, и звезды на нем не виднелись. Иногда у горизонта вспыхивали молнии.

Вполне знакомая, хотя и зловещая картина облачности. В последние годы Уиллер стал любить знакомое и близкое, ценить то, что можно тронуть рукой или узнать непосредственно, - камень и песок, дождь и деревья. Полированное красное дерево и прохладное стекло. Детская рука. Длинный тубус телескопа.

Но чем глубже человеческое видение проникало в ночь, тем дальше отступало земное. Каждый шаг вперед всегда означал утрату чего-то. Появился Галилей - и человека выпихнули из центра мироздания. Появилось телевидение - и ушли

в прошлое разговоры на крылечке. Интересно, что будет утрачено, когда закончатся события, связанные с Геркулесом. Может быть, куда лучше будет для всех, если собирающаяся гроза заглушит будущий сигнал.

За дорогой № 81 первые брызги оросили ветровое стекло.

В Карфаген он приехал почти в одиннадцать вечера, под ровную морось. Колокольня Св. Екатерины с большим серым крестом высилась посреди делового района. Уиллер свернул за церковь и заехал на небольшую стоянку для священников и причта. Полицейская патрульная машина притормозила, посмотрела, как он вышел, и поехала дальше.

Дом приходского священника был простым двухэтажным строением. Сзади, над скользкой от дождя дверью, горел фонарь. При подходе Уиллера дверь открылась, зажегся свет и появился Джек Пиплз. Он приветственно помахал, протянул руку за чемоданом и втащил Уиллера в дом.

С годами Джек почти не менялся. С последней их встречи он прибавил несколько фунтов, но волосы сохранили черноту, и он все так же лучился энергией и энтузиазмом, если его вдохновляло правое дело. Их в последние годы было не слиш-

ком много, учитывая продолжающийся дрейф церкви назад, к девятнадцатому веку.

Если бы обстоятельства для Пиплза сложились по-иному, если бы он не родился в старинной католической семье, где сыновей обычно отдавали на служение церкви - хотя в своем поколении только Джек ощутил это призвание, - он бы мог стать вполне успешным бухгалтером или специалистом по компьютерам. У него был талант в том и в другом, а кроме того, он был человеком, внушающим уверенность.

- Рад тебя видеть, Пит! - сказал он и посмотрел мимо колокольни на небо. - Собачья погода, а?

Джек был из тех молодых священников, что предались Ватикану сразу и до конца, которые выматывали себя, давая сексуально озабоченным подросткам чувство собственной значимости, устраивая гитарные мессы для утомленных родителей. Он был одним из первых, кто выкорчевал скамейки для коленопреклонений, но Общество Господне так и не настало. Всемогущий остался в своем привычном отдалении, а прихожане, которые должны были найти друг в друге радость и мир, снова стали думать о карьерах и закладных, еще глубже ушли каждый в свою скорлупу и оставили Джека Пиплза и ему подобных под

развалинами.

Уиллер и Пиплз познакомились на семинаре по ораторскому искусству и с тех пор регулярно навещали друг друга. Старший священник был фонтаном церковных преданий и сплетен, отлично приправленных остроумием, которое навлекло бы на него крупные неприятности от кардинала, если бы его рассказы дошли до начальства.

Сегодня Уиллер приехал по официальному поводу: отпраздновать с Джеком его повышение в монсеньоры и одновременное назначение пастором церкви Св. Екатерины. Назначение было произведено в прошлую субботу, хотя напрашивалось давно: Джек уже три года был в этой церкви единственным священником.

Уиллер поздравил Джека с повышением, заранее зная, что его старший друг, все такой же бунтовщик, только отмахнется, как от не стоящей внимания чепухи. Все же было видно, что Джеку приятно.

Уиллер внес сумку в свою комнату, которую всегда ему отводили при приездах в Карфаген, принял душ и вернулся вниз в кабинет пастора.

Джек отложил книгу и достал яблочный бренди.

- Как твоя программа в Джорджтауне? - спросил он. Дождь, набирая силу, уже барабанил по окнам.

- У меня перерыв, - ответил Уиллер, садясь на вытертый кожаный диван. - Не помню, говорил я тебе или нет, но мой курс - это обзор работ Бейнса Римфорда. А сейчас Римфорд сам оказался в городе, и я думаю как-нибудь на вечер залучить его в университет.

Почти весь вечер разговор шел о вопросах внутрицерковной политики. Джек, который вышел из норбертинцев в начале своего церковного пути, чтобы стать епархиальным священником, продолжал придавать важность вопросам принятия решений в церковной иерархии, будто эти решения как-то влияли на судьбы мира. В глазах Уиллера, у которого воззрения поменялись в результате знакомства с безднами пустоты, властная структура церкви приобрела несколько призрачный вид.

Где-то около двух часов ночи, когда кончились сыр и подливка, а вторая бутылка стояла на конце стола уже пустая, Уиллер сообразил, что говорить он хотел о Геркулесе. Возникла пауза, и Джек вышел, чтобы поставить кофе. Дом священника, как и сама церковь, был построен в конце девят-

надцатого века. Точеные балясины, подвесные светильники и застекленные книжные полки содержались в образцовом порядке. Многочисленными томами стандартных теологических трудов была забита стена за столом пастора, и там же стояли книги по церковным финансам, сборники проповедей и несколько романов Диккенса, которые кто-то пожертвовал, а Джек держал на виду. «Когда уйду в отставку, прочитаю», - сказал он как-то Уиллеру.

Уиллер вышел за ним на кухню. Джек накладывал на тарелку датское печенье.

- Джек, - сказал Уиллер, - в Годдарде кое-что происходит. На самом деле Римфорд потому и появился в округе Колумбия.

И он кратко описал события последней недели. Джек часто служил ему аудиторией, на которой Уиллер опробовал различные рассуждения. Эта роль доставляла ему удовольствие, а также скрыто льстила приходскому священнику, глубоко изучившему труды Фомы Аквинского, но мало что помимо этого. Но на сей раз обычный ряд непонятных концепций отсутствовал. Джек слушал, иногда кивал и задумчиво пожевывал губу.

- И что *ты* об этом думаешь? - спросил он, когда Уиллер закончил.

- Я думаю, к нам обращается иной разумный вид. Джек улыбнулся.

- Ватикану это не понравится, - сказал он. - На самом деле это ничему не противоречит, но неудобно с доктринальной точки зрения. - Он разлил кофе в две чашки и одну протянул Уиллеру. - Так ты говоришь, передача отправлена миллион лет назад?

- Ага.

- Это долгий срок, Пит. Сейчас они все мертвы и забыты. Может, даже вся их цивилизация, если таковая действительно существовала.

В наступившем молчании очень громко звучало тиканье электрических часов над холодильником.

- И когда об этом будет объявлено? Сегодня в новостях? Уиллер отпил кофе.

- Будут тянуть сколько смогут. Никто не захочет рискнуть выставить себя дураком и всю организацию тоже. Так что ничего официального не будет до тех пор, пока не останется вопросов о смысле сигнала.

- А такие вопросы есть?

- Не с моей точки зрения. Друзья вернулись в офис Джека.

- Интересно мне, - подумал вслух пастор, - боль-

шой ли будет от этого эффект. - Он имел в виду мир за дверями церкви. - Трудно угадать, как люди отреагируют.

Уиллер вернулся на тот же диван.

- Сомневаюсь, что вообще что-нибудь изменится, - сказал он. - Вера пережила открытие, что Земля движется, а потом - что мы не в центре Вселенной. И это она тоже переживет.

Джек наклонился к краю стола.

- А ты?

Уиллер задумчиво разглядывал корешки теологических трудов.

- Для меня, - ответил он, - просто лишний разрыв в ткани. Ради кого принял смерть Иисус?

Джек подтянулся вперед, сел на стол. Вот такие разговоры ему нравились, хотя он никогда не позволял себе вести их ни с кем, кроме избранных коллег, ибо эти разговоры могли потрясти веру у человека, у которого она слабее, чем у него самого.

- Ради детей Адама, - ответил он негромко. - Другим группам придется заботиться о себе самим.

- Но Адам вообще не существовал, и мы оба это знаем. Джек пожал плечами:

- Я говорил метафорически, и это мы оба тоже знаем. Смерть Иисуса - это доказательство его

любви. *К нам.* Это не значит, что Бог не любит все Свои создания, но Он по крайней мере явился в виде человека. И в этом виде Он принял смерть. С этим трудно спорить.

- Джек, я тебе честно скажу: мне от всего этого несколько не по себе. Я всю жизнь был убежден, верил, что мы одни. Но планет земного типа, вероятно, миллионы. Признай один раз второй акт творения, и где мы тогда остановимся? Наверняка ведь среди звезд найдется и третий. И миллионный. И где же конец?

- Я не думаю, что это имеет значение. Бог бесконечен - мы ведь всегда так говорили? Может быть, нам предстоит узнать, что значит это слово.

- Может быть, - согласился Уиллер. - Но мы также приучены считать распятие центральным событием истории.

Последняя жертва, предложенная Богом из любви к созданию, сотворенному по образу и подобию Его.

- И?..

- Как можно принимать всерьез смертные муки Бога, Который повторяет страсти Свои? Кто умирает вновь и вновь, в бесконечных версиях, на бесконечном числе планет, по всей Вселенной, которая тоже может быть бесконечной?

Незадолго до рассвета Джек Пиплз, утомившись, ушел спать, а Уиллер продолжал бродить по дому, проводя руками по корешкам книг, иногда выходя на крыльцо подышать. Мокрая улица блестела в свете вывески круглосуточной аптеки.

Церковь была построена в стиле, который Уиллер про себя называл Огайской готикой: приземистая, очень урбанистическая, прямоугольная, из серого камня и с неуклюжей колокольней. Окна населены агнцами, голубями и коленопреклоненными ангелами. Между двумя зданиями огороженный участок травы с надгробием отца Уиткомба, первого пастора прихода, - грубо обтесанный камень с датами его рождения и смерти.

Небо прояснилось, и над колокольней парила пригоршня звезд. К востоку за складами начинало светлеть.

Зачем творение так огромно? «Скайнет» заглядывает на пятнадцать миллионов световых лет, до Красной черты, границы наблюдаемой Вселенной. Но это граница лишь в том смысле, что свету, идущему из более дальних мест, просто не хватило времени добраться до земных телескопов. Вот почему есть все основания считать, что наблюдатель, помещенный у Красной черты

- космологической, а не бара «Красная черта», - будет во всех направлениях созерцать такое же звездное небо, что выгнулось сейчас над Виргинией. В некотором смысле, подумал Уиллер, церковь Св. Екатерины для кого-то является краем наблюдаемой Вселенной.

Если есть хоть какая-то правда в старом верование, что Вселенная создана для человека, зачем же она тянется так далеко, что человек и надеяться не может когда-нибудь всю ее увидеть?

Так далеко, что никак не может на него повлиять?

Уиллер вернулся в дом, запер дверь и побрел по коридору, соединявшему дом и церковь, к ризнице. Вышел он возле кафедры.

Свет храмовой лампы падал на длинные ряды скамеек. Аварийные лампочки подсвечивали святую воду в купелях и -Остановки Крестного Пути. Видны были потертости на мраморном полу, где останавливаются молящиеся, чтобы зажигать свечи возле икон св. Антония и Богоматери. Старый мраморный алтарь, служивший еще в дни тридентинской мессы, давно был убран и заменен современной мясницкой колодой из тех, что резко диссонируют с убранством и архитектурой всех церквей, кроме самых новых.

Он вышел за ограждение алтаря, преклонил колени и сел на скамью первого ряда.

Было душно, сладковато пахло расплавленным воском. Высоко позади алтаря в круглом окне свинцового стекла безмятежно сидел над бегущим ручьем Иисус.

Он сейчас был далек - нарисованный силуэт, друг детства. В мальчишеских летах Уиллер иногда, в избытке юношеского самомнения, просил знамения, не для подтверждения собственной веры, которой в те времена подтверждение не было нужно, но как знака особой милости. Связи между друзьями. Но Иисус и тогда молчал, как сейчас. Кто шел вдоль Иордана с Двенадцатью? Слишком много раз, подумал Уиллер, я глядел в телескоп. И видел только камни в небе и световые годы.

Господи, если я сомневаюсь в Тебе, то лишь потому, что Ты слишком хорошо Себя скрываешь.

Примерно в то же время в центре управления Линда Барристер заполняла строки кроссворда в «Нью-Йорк тайме». Это она умела хорошо, и такое занятие помогало сохранять бодрость, когда тело просило сна. Она как раз пыталась вспомнить имя русской реки из семи букв, когда заметила перемену. Линда посмотрела на часы - четыре тридцать утра.

Вспомогательный монитор, транслирующий сигнал СППСД от небесного тела «Геркулес Х-3», замолк. Сигнал перестал поступать.

МОНИТОР

ГДЕ ОНИ ВСЕ?

Эдуард Гамбини из НАСА недавно выступал на ежегодном астрономическом симпозиуме в Миннесотском университете, предположительно на тему о внутренних механизмах звезд класса К. В своих замечаниях он обратился к вопросу о стабильных биозонах, вероятных сроках, необходимых для развития жизни на планете, и наконец - к неизбежности, если мы можем принять эту логику, появления машинных цивилизаций.

Меня несколько смутила такая параллель между теорией звезд класса К и научной фантастикой. Похоже, что независимо от того, куда хочет прийти доктор Гамбини, что бы ни значила предложенная им тема, в результате оказывается, что он говорит о внеземных цивилизациях - маленьких зеленых человечках. И очевидно, маленьких зеленых девушках

(смех в зале).

За две недели до выступления в Миннесоте он выступал в Нью-Йорке на собрании ученых, озабоченных уничтожением ядерного оружия, как предполагалось, в рамках обсуждения способов избавления мира от этих громоздких опасных устройств. Но озабоченные ученые в результате услышали заявление, что мы все должны сдержать свои разрушительные инстинкты, чтобы получить возможность вступить в «галактический клуб», который когда-нибудь для себя откроем.

Я бы мог назвать более неотложные причины установления жесткого контроля над запасами атомного оружия разных стран.

Факт тот, что кто бы ни приглашал Эдуарда Гамбини для произнесения речи о чем бы то ни было, услышит он об инопланетянах. И о СЕТИ.

Это все выглядит не просто странным, но совершенно нелепым, если вспомнить, что «Скайнет», к которому имеет доступ д-р Гамбини, весьма пристально рассматривал ближайшие планетные

системы и не нашел ничего, что подтверждало бы мысль, будто где-то там есть что-нибудь живое.

Многие выражали твердое мнение, что такой результат явно означбет, что мы во Вселенной одиноки. С этой позицией любому разумному человеку было бы достаточно трудно спорить.

Есть даже более убедительный пункт, на котором следует остановить внимание. Несомненно, что если бы цивилизации возникали с какой бы то ни было регулярностью, то в статистически необъятной Вселенной они должны были бы появляться настолько много раз, что в Млечном Пути после всех этих миллиардов лет они бы просто кишели. Повсюду сновали бы туристы, миссионеры и экспортеры.

Даже одна цивилизация, используя относительно несложные средства для межзвездных путешествий, такие, которые мы сами сможем построить через одно-два столетия, сейчас заполнила бы все пригодные для обитания планеты Млечного Пути и продолжала бы завое-

вание запада. Так что, как спрашивал в прошлом веке Энрико Ферми, почему мы их не видели, если они здесь?

Где они все?

Майкл Пападопулос, выступление в Национальном пресс-клубе 1 октября.

Глава пятая

Такого холодного октября в Вашингтоне Гарри не помнил. Небо побелело, промозглые порывы ветра пробирали до костей. Впервые за месяц температура упала ниже точки замерзания и там застряла. Гарри, конечно, был доволен. Ассорти всякого рода пыльцы, иногда повисающей в воздухе чуть ли не до Рождества, осело на землю, и можно было рассчитывать на семь спокойных месяцев до цветения всякой дряни, от которой снова аллергия сорвется с цепи. В конце лета и осенью Гарри радовался мерзкой погоде.

И еще в этом месяце Гарри уступил своего сына. Он не видел способа обеспечить мальчику дом без Джулии. И этот факт его удручал, поскольку Томми ожидал, что отец окажет большее сопротивление.

Мальчик играл в детской баскетбольной лиге. Джулия ходила на все игры, и Гарри тоже старался вырваться, когда мог, хотя это бывало и нечасто. Почти всегда мальчик играл хорошо, и Гарри радовался не только умению сына, но и его отношениям с товарищами по команде.

Но после разъезда Джулию стало стеснять

общество Гарри, и она предложила составить расписание и ходить по отдельности. Гарри с неохотой согласился.

Дома забарахлил водонагреватель - стучал, гремел и плевался деталями. Гарри вызвал мастера, который почистил прибор, содрал восемьдесят пять долларов и отбыл. После этого хреновина вообще перестала работать, пришлось покупать новую.

Геркулес молчал, и надежда на скорую передачу после второго сигнала таяла. К концу месяца подозрения Уиллера, что инопланетянам больше нечего сказать, стали набирать вес. Но, как возражал Гамбини, молчание - тоже не естественное состояние пульсара.

И потому наблюдения продолжались.

Второй вторник ноября выдался тусклым зимним днем, сдиравшим остатки листьев с вязов за административным зданием. В космический центр без предупреждения заявился Розенблюм и пригласил Гарри и Гамбини в кабинет директора.

- Как мне кажется, - начал он без предисловий, - вас обоих ждет карьерный взлет. Президента информировали о Геркулесе, и он собирается завтра сделать заявление от имени Белого дома.

Он хотел бы, чтобы вы оба присутствовали. В три часа дня.

- Я-то зачем? - удивился Гарри. Розенблюм посмотрел на него с подозрением:

- Мне и самому интересно, Гарри. Он назвал тебя особо. По имени.

- Потрясающе. Президент знает *меня?* Директор бросил на него сердитый взгляд:

- Очевидно.

Тогда Гарри понял, в чем дело: эффект Клинтона. Оба преемника Билла Клинтона переняли у него технику представления лиц, которые были на месте событий. Предпочтительно, чтобы это были герои того или иного рода, но куда важнее, чтобы это были простые американцы, совершившие свой вклад в доброе дело. И ни в коем случае не большие шишки. Так что президент выполнил домашнюю работу и нашел Гарри. Ничего героического Гарри не сотворил, но в ординарности ему трудно отказать.

Поскольку Розенблюм в Годдарде проводил очень мало времени, в кабинете пахло полированной мебелью, а не сигарами. Сейчас он закурил и опустился в кресло под рисунком углем с изображением Стоунхенджа.

- Эд, - начал он. - Тебя, наверное, попросят ска-

зать несколько слов. В любом случае репортеры на тебя набросятся. И тебе стоит подумать, что ты будешь говорить. Я бы предложил, чтобы ты упомянул р непосредственных выгодах, которые мы получили от контакта с Геркулесом, или от применяемой технологии. Наверняка есть какие-то выходы в лазерную хирургию, в волоконную оптику или еще куда. Подумай. - Он покачал головой, будто посылал в бой необстрелянного новичка. - И ни при каких обстоятельствах не надо рассуждать насчет второго сигнала. Я бы предпочел подчеркнуть, что перехват предполагает куда более высокий уровень техники. Такой, что даже оценить невозможно. Надо оставить впечатление, что инцидент исчерпан и мы теперь знаем, что мы не одни. И пусть так и будет. Как бы там ни было, больше мы действительно ничего не знаем.

- А что собирается говорить президент? - спросил Гамбини, рассерженно поджав губы.

- «Что же сотворил Господь?» Всегда одно и то же. Я ручаюсь, что, даже пока мы здесь разговариваем, его люди ищут цитаты из Библии.

Гамбини сплел пальцы на животе.

- Это наверняка будет воодушевляющее зрелище. Но если вам все равно, Квинт, то езжайте вы

с Гарри. Я его пропущу.

- У вас нет такой возможности, - твердо возразил Розенблюм.

Они гневно уставились друг на друга.

- Я отнюдь не горжусь тем фактом, - сказал Гамбини, сдерживаясь, - что мы молчали об этом - сколько уже? - два месяца. Очень многие будут нами весьма недовольны, в том числе возможные будущие наниматели, и те, кто премии раздает, - тоже, так что я бы предпочел не высовываться.

Розенблюм отмахнулся, как от мухи.

- Эд, я понимаю ваши чувства. И все же ваше присутствие необходимо, вопрос не обсуждается. - Он повернулся к Гарри. - От вас вряд ли ожидается что-то больше поклона. Но с репортерами и вам придется иметь дело.

- Я администратор. От меня технических подробностей не ожидают.

- Репортеры - народ неграмотный. Они знают лишь, что ты из НАСА, и больше ничего знать не хотят. Так что те же рамки, что у Эда, ладно? Без предположений, без безумных предсказаний. Кстати, я бы предложил не поднимать вопрос с искусственным солнцем. Это может как-то подурацки прозвучать. Будем побольше говорить о неимоверных расстояниях между нами и ими.

Согласны? Если бы Юлий Цезарь послал туда «Аполлон», он бы еще не долетел - вот в таком духе. Может, еще можно проиллюстрировать масштаб - Землю представить размером с апельсин, а инопланетяне где-то в Европе. Или на Луне. Да, лучше даже на Луне. О'кей?

- Кто-нибудь наверняка поинтересуется, - заметил Гарри, - зачем мы так долго это не обнародовали. Что будем отвечать?

- Правду. Мы в буквальном смысле слова не верили своим приборам. Мы обязаны были все перепроверить. И объявить лишь тогда, когда уверенность будет стопроцентной. Против этого никто не сможет возразить.

- Если вы так думаете, - предложил Гамбини, - то сами и отвечайте.

- Я буду доступен репортерам, Эд. Можете не бояться. Выйдя из кабинета директора, Гамбини стал бурчать насчет предлагаемой ему роли на пресс-конференции.

- Игра стоит свеч, - успокоил его Гарри. - Тебе придется очень жарко, но зато в долгосрочной перспективе ты выигрываешь. Послезавтра тебя будет знать вся страна.

К удивлению Гарри, никто, даже Эд Гамбини, не был более увлечен проектом «Геркулес», чем

Лесли Дэвис. После первых совещаний она вернулась к себе в Филадельфию, но раз в несколько дней наезжала в Годдард пообщаться с исследователями, побыть там (по мнению Гарри), где делается история.

- Это должно случиться, - говорила она Гарри с ожиданием. - Эд прав. Если бы что-то не готовилось, пульсар вернулся бы к норме.

Она пригласила Гарри поужинать, и он с благодарностью согласился. Из всего остального высшего персонала только

Гамбини и Уиллер вели холостяцкую жизнь и потому могли составить компанию для ужина. Но священник вернулся в Принстон, а Гамбини не проявлял склонности к общению.

По предложению Гарри решили не идти в «Красную черту», а поехали в «Коучмен» в Колледж-парке, где атмосфера была более экзотической.

- Лесли, - обратился к ней Гарри, когда они сели за стол, - я не очень понимаю, почему вы так заинтересовались. Мне казалось, что для психолога это ни с какой стороны не интересно.

- Почему? - удивилась она.

- Это не ваша область.

Она улыбнулась. Это была глубинная реакция,

сдержанная, обдуманная, с некоторой долей веселья.

- А чья? Гарри, если человека не захватывает такой контракт, связанный с Геркулесом, то это мертвец. Или ходячий мертвец.

- Ну да, - согласился Гарри. - Кажется, я сказал глупость.

- В любом случае, - продолжала она, - я не думаю, чтобы кому-нибудь здесь открывались профессиональные перспективы больше, чем мне. Для Эда и Пита проект представляет только философский интерес. Может быть, не только, но в первую очередь.

Подошедший официант принял заказы - крабовые котлеты для Гарри, дежурное блюдо для Лесли. И белое вино.

- Но я, быть может, единственный здесь человек с серьезным профессиональным интересом, - говорила Лесли. - Понимаете, если *действительно* существуют алтейцы, то для астронома или математика они представляют чисто академический интерес. Эти специалисты не занимаются вопросами существования или несуществования мыслящих созданий. Это, Гарри, *моя* область. *Если* вторая передача состоится, если мы получим что-то, что можно перевести, мне удастся первой

заглянуть в нечеловеческую психику. Вы можете себе представить, что это значит?

- Нет, - сознался Гарри. - Понятия не имею.

- Мы что-то узнаем об алтейцах, но еще важнее может быть узнать, какие качества характеризуют разумных существ изначально, а какие привносятся культурой. Например, окажутся ли алтейцы в настоящем или в прошлом охотничьим видом? Будет ли у них какой-то этический кодекс? Подвержены ли они психическим заболеваниям? Могут ли они демонстрировать полностью иррациональное поведение?

- Например?

- Война, преступление. Есть ли у них групповые мифологии, индуцирующие антиобщественное поведение?

- Религия и политика, - сказал Гарри.

- Назовем это трайбализмом. Позволяют ли они себе акты индивидуальной жестокости? Или это раса благожелательных существ? Или что-то среднее? Есть ли у них понятие эстетики? Любят они музыку, или это чисто человеческое отклонение? Держат ли они у себя в домах смертоносное оружие? Собираются ли в большие социальные группы? - Она склонила голову набок и посмотрела на Гарри сквозь прищуренные

веки. - Вообще-то я думаю, на последний вопрос ответ уже есть. Без политической организации не осуществить масштабный инженерный проект. И мы знаем, что им хочется быть услышанными кем-то еще.

Принесли вино. Гарри его попробовал, кивнул одобрительно, и официант наполнил бокалы.

- Й вы думаете, что на все эти вопросы мы получим ответы? - спросил он.

Она пожала плечами:

- Вероятно, нет. Если они просто сказали «здравствуйте» и ничего добавлять не собираются, мы так и будем дальше строить догадки, а они станут для нас интригующей тайной, которая никогда не будет раскрыта. В результате мы ничего не узнаем об алтейцах, зато узнаем многое о самих себе.

Гарри когда-то приобрел неприятную привычку сравнивать с Джулией любую женщину, которая чем-то его интересовала. Лесли нельзя было бы Назвать неинтересной, но ей не хватало той природной чувственности, что была у его жены. Гарри понял, что дело тут не в сопоставлении обыкновенного человеческого лица с классическими чертами Джулии. Дело еще было в том, что Лесли более открыта. Дружелюбна. И, как ни странно, это работало против нее. А такое

наблюдение - что оно говорит об извращенности человеческой натуры?

- Вы знаете, - спросил он, - что Белый дом собирается завтра сделать заявление?

- Эд мне говорил. Я собираюсь засесть в баре на Арлингтон-стрит и записывать комментарии посетителей. - Она снова улыбнулась - совершенно недвусмысленно, просто показывая, что ей сейчас хорошо. У Джулии проявления подобных чувств он не видел уже давно.

- Лесли, если они хотят послать второй сигнал, зачем они так долго ждут?

Она пожала плечами:

- Какие-то причины можно было бы назвать. Например, просто надо подготовить аппаратуру. Или само послание. Может быть, они очень похожи на нас, и сейчас какой-то комитет обсуждает, что и как передавать. Может быть, мы просто разговариваем с компьютером, а в нем что-то перегорело. Я вам вот что скажу: если второй передачи не будет, то с Эдом начнутся реальные проблемы. - Она с удовольствием попробовала вино; лицо ее стало серьезным. - Вы его хорошо знаете?

- Эда? Мы уже давно время от времени с ним работаем.

- Он прямо напрашивается на сердечный приступ. Когда-нибудь бывает, чтобы он не сидел за компьютером?

- Когда смотрит в телескоп.

- И все?

- В основном. Когда мы познакомились несколько лет назад, он ездил в Канаду охотиться, но ему надоело. Или оленей стало жалко - не помню. Но его трудно было бы представить себе на дорожке для боулинга или на поле для гольфа.

- Ему что-то подобное необходимо. - Она задумчиво прищурилась. - Он так поглощен изучением архитектуры космоса, что света не видит. Бейнс не такой, и Пит тоже. Надо бы ему кое-что у них перенять.

Ни Гарри, ни Гамбини никогда раньше не бывали в Белом доме в официальном качестве. Гамбини спокойно признался, что вообще ни разу там не был, хотя существенную часть жизни прожил в Вашингтоне.

Они вошли, как их проинструктировали, по туннелю из Казначейства и были препровождены в кабинет на первом этаже, где обнаружился Розенблюм в компании исполненного самоуважения энергичного мужчины, в котором Гарри узнал Абрахама Хилтона, чиновника по связи с

прессой.

До вступления в штат Белого дома Хилтон был популярным радио- и телеобозревателем консервативного толка. У него был голос, подобный щелчку бича, и навыки участника диспутов, весьма помогавшие ему в периодических стычках с репортерами. При входе Гамбини и Гарри он многозначительно посмотрел на часы.

- Я был бы очень благодарен вам, джентльмены, если бы в будущем вы смогли приходить вовремя.

- Нам было сказано прийти в три, - возразил Гамбини.

- В три начинается пресс-конференция. Вы же не хотите войти туда без подготовки? *Мы* начинаем - точнее, мы хотели начать, - в два. - У Розенблюма был вид человека, совершившего оплошность. - Кто из вас Гамбини?

Физик холодно поклонился.

- Президент попросит вас сказать несколько слов. - Хилтон полез в кейс и достал лист бумаги. - Мы бы хотели, чтобы ваши замечания были вот в этом роде. Постарайтесь, чтобы они прозвучали экспромтом.

Тут он сбил Гарри с толку короткой улыбкой, означавшей, что никто не должен ничего этого

принимать всерьез. Но улыбка тут же исчезла, едва успел Гарри понять, что она значит.

- Вы трое будете сидеть в переднем ряду, когда войдет президент. Он сделает заявление. Потом он представит каждого из вас и пригласит вас, - он показал рукой на Гамбини, - на трибуну. Доктор Гамбини, когда вам предоставят слово, постарайтесь быть кратким и после этого верните трибуну президенту. Но будьте рядом на случай, если вы ему понадобитесь. Не забывайте придерживаться сценария. Потом президенту начнут задавать вопросы. Через тридцать минут все закончится - на вопросе Эдди Янга. Это такой коротышка со светлыми волосами, только их уже почти не осталось. Он из Эн-пи-ар, будет сидеть за доктором Розенблюмом. Когда президент выйдет, вы, джентльмены, окажетесь под градом вопросов. Предлагалось быстро вас вывести, чтобы выручить вас, но было решено, что не стоит. Вас все равно поймают, куда бы вы ни пошли, так что лучше со всем этим покончить сразу на месте. Пока все ясно?

- Мне ничего не придется говорить? - спросил Гарри.

- Нет. Просто встаньте, когда он назовет ваше имя, и улыбнитесь в камеры. - Хилтон скривился,

будто вспоминая, не забыл ли он чего, и решил, что нет. - О'кей, у нас не слишком много остается времени. Давайте обсудим, что могут спросить репортеры.

Джон У. Харли энергично вышел из-за штор с улыбкой на лице и занял место за кафедрой с эмблемой президента. Справа от него висели лекционные плакаты, слева расположился администратор НАСА Эймс Аткин. Харли был очень невысок- самый низкорослый президент на памяти современного поколения, и его рост служил материалом для бесконечных анекдотов. Карикатуристы изображали, как он разговаривает с Вашингтоном, Линкольном или Вильсоном, но он это воспринимал с юмором, сам смеялся анекдотам о себе и даже иногда их рассказывал. Недостаток внушительности, обычно фатальный дефект для серьезной политической карьеры, сделал его символом среднего человека с улицы. Харли был президентом, с которым идентифицировал себя каждый.

В небольшой зал набилось человек двести. По центральному проходу покатились на тележках телекамеры, президент благодарно улыбнулся в ответ на аплодисменты, посмотрел в первый ряд на Гарри и улыбнулся еще раз.

- Леди и джентльмены! - начал он. - Я знаю, что вы все видели сегодняшние экономические показатели и ждете, что я буду что-то вещать по этому поводу. Так вот, я эту тему затрагивать не собираюсь.

Раздались смешки. Дело в том, что, хотя точка зрения президента обычно бывала куда правее, чем у большинства представителей прессы, сам он среди них тем не менее пользовался популярностью.

Он вдруг посерьезнел и обвел взглядом аудиторию. Корреспонденты притихли.

- Я хочу сделать довольно важное заявление. - Авторучки нависли над бумагой, всякое другое движение прекратилось. - В воскресенье семнадцатого сентября, перед рассветом, США приняли сигнал, который, по всей видимости, имеет внеземное происхождение. - Гарри был поражен наступившей абсолютной тишиной в забитом народом зале. Сзади кто-то приглушенно кашлянул. - Наши ученые утверждают, что передача исходит от небольшой группы звезд за пределами нашей галактики. Эти звезды расположены в созвездии Геркулеса и, как мне было сказано, крайне далеко от Земли. Настолько далеко, что и речи нет о возможности двустороннего обмена.

Мистер Аткин мне сообщил, - кивок в сторону Аткина, - что сигналы были в пути около полутора миллионов лет.

Скрипнули стулья, несколько удивленных восклицаний, но вся пресса затаила дыхание.

- Это не текст. Передается некоторая математическая последовательность, которая явно не допускает иной интерпретации, кроме той, что я вам изложил. Кстати, я хочу воспользоваться моментом и указать, что это открытие было бы невозможно без системы «Скайнет».

Мы продолжаем слежение за этой группой звезд, но она уже несколько недель молчит, и мы не ожидаем дальнейших передач. - Президент сделал паузу, а когда снова заговорил, голос его был переполнен эмоциями. - Мы фактически ничего не знаем о том, кто сообщает нам о своем присутствии. Мы не можем надеяться на разговор с этими существами. Мне объяснили, что эта группа звезд удаляется от нас со скоростью восемь миль в секунду, и сигнал был послан более миллиона лет назад. Дошел он до нас только сейчас из-за этих огромных расстояний.

К сожалению, эти… существа не сочли нужным сообщить нам хоть что-либо о себе. Но они кое-что сообщили нам о Вселенной, в которой мы

живем. Мы теперь знаем, что мы не одиноки.

Опять никто не шелохнулся. Телевизионщик, отъезжающий на тележке, чуть не потерял равновесие.

- Двое из тех, чьей заслугой было это открытие, - продолжал президент, - находятся сейчас среди нас. Я бы просил их подняться сюда ко мне и ответить на технические вопросы, которые могут у вас возникнуть. Это Эймс Аткин, администратор НАСА, и доктор Эд Гамбини, возглавляющий группу ученьгх в Центре космических полетов Годдарда.

Кто-то захлопал, и это нарушило оцепенение. Зал взорвался бурей аплодисментов. Гарри, который ожидал, что его тоже назовут, испытал одновременно облегчение и разочарование.

Аткин встал. Вид у него был величественный - седой, неторопливый, в глазах светится интеллект. Он оглядел собрание и уверенным жестом перевернул первую страницу стопки плакатов. Быстро рассказав о том, что такое пульсар, сопровождая лекцию иллюстрациями, подобранными группой Маевского, он перешел к описанию системы Алтеи, упомянул о межзвездных расстояниях и привнес немножко поэзии, упомянув о встретившихся в ночи кораблях.

Президент поблагодарил его и передал слово Гамбини, который почему-то нервничал. Ученый коротко рассказал о своей первой реакции, о невозможности сначала поверить, а затем о том, как почувствовал, что его настигла История. Фраза была точно из выданной ему бумажки, и он произнес ее деревянным голосом. Оставаясь в рамках, обозначенных Белым домом, он явно злился. Это было, говорил он дальше, почти религиозное переживание - понять, что еще кто-то есть во Вселенной.

- Разум, пославший передачу с Геркулеса, осознавал, что ни одной обитаемой планеты не может быть к нему ближе миллиона световых лет, и потому ему нужен был передатчик неимоверной силы. Этот разум задействовал звезду. - Только здесь Гамбини отклонился от сценария: - Каждый, кто захочет крикнуть «привет» через такую бездну расстояния, через полтора миллиона световых лет, кажется мне очень похожим на нас. Я могу понять эту потребность, как и, по-моему, все в этом зале. Кто бы ни был там, вдали, какова бы ни была эта технология, есть у него какие-то качества, которые будут знакомы *нам.* И нам повезло свести с ним знакомство.

Когда он закончил, начались вопросы. Поли-

тический обозреватель из «Вашингтон пост» спросил, имея в виду Бету, как объект с диаметром всего лишь в несколько километров может оказывать столь разрушительное действие на звезду, которая во столько раз больше Солнца. Гамбини попытался описать плотность Беты, но президент, продемонстрировав склонность к образному мышлению, предложил газетчику представить себе железное солнце.

- Да-да! - благодарно подхватил Гамбини. - Хотя железо такой плотности обеспечить никогда не могло бы. Спичечная коробка вещества этой звезды весила бы больше всей Северной Америки.

В ответ послышались скептические смешки. Конечно, доктор Гамбини преувеличил.

Репортер из «Уолл-стрит джорнел» выступил с вопросом:

- Если сигнал шел полтора миллиона лет, то они все там давно мертвы. Кто-нибудь может прокомментировать?

Аткин сообщил свое мнение, согласно которому к настоящему времени алтейцев давно уже нет на свете.

Кто-то еще поинтересовался, возможно ли, чтобы какие-либо инопланетяне когда бы то ни было посещали Землю.

- Нет, - ответил Гамбини, не скрывая, что вопрос его развлек. - Мы можем сказать с уверенностью, что они никогда не были ближе к нам, чем сейчас.

- Существует ли военная угроза? - Вопрос корреспондента «Чикаго трибюн».

Президент рассмеялся и успокоил мир.

- Имеем ли мы представление, как они выглядят?

- Есть ли у них название?

- Куда они теперь направляются? - Вопрос задала корреспондентка Эй-би-си, молодая чернокожая дама с ослепительной улыбкой. - И не является ли Альфа первым кандидатом на взрыв?

На Гамбини вопрос произвел впечатление.

- Они направляются к шаровому скоплению NGC6341, но к моменту их прибытия скопления там уже не будет.

Отвечая на вторую половину вопроса, он начал говорить о графиках распределения водорода и звездной эволюции, но президент его вежливо прервал и объяснил, что подробности Гамбини сможет изложить интересующимся после окончания пресс-конференции.

Последний вопрос Харли задал Эд Янг из Пи-

би-эс:

- Сэр, предвидите ли вы какое-либо влияние этих событий на международную напряженность?

Президент искусно обошел вопрос.

- Эд, - заметил он, - в течение многих лет существовало мнение, что технологическая цивилизация разрушает сама себя, что в ближайшем будущем мы сами себя взорвем и ничем этого не предотвратить. Теперь мы по крайней мере уверены, что это не обязательно должно случиться. Доктор Аткин утверждает, что цивилизация, умеющая манипулировать телами звезд, подобно тому, что мы видим, не может не быть старой. И в этом смысле послание с Геркулеса благотворно для всех народов Земли.

Президент повернулся, помахал рукой аудитории, попрощался, пожал несколько рук и удалился.

Гарри открыл дверь, бросил кейс на пол, пальто на спинку дивана и включил свет. Рухнув в мягкое кресло, он потянулся за телевизионным пультом. Дом был наполнен звуками - часы на втором этаже, холодильник, тихое бормотание труб в стенах. Пластиковое пресс-папье на столе с надписью «Здесь работает Супермен» - подарок

Томми.

Его впечатление, что Гамбини отлично выступил, подтвердилось подачей материала по телевизору. Ученый, преодолев первоначальную нервозность, проявил заинтересованность и компетентность. Конечно, он серо смотрелся на фоне шоумена-президента и аристократа-администратора, но в некоторые моменты бывал почти красноречив. И все, знавшие руководителя проекта, не преминули бы заметить мечтательность, с которой он отвечал на вопросы после пятидесяти дней молчания.

Сообщения в новостях были сдержанными по сравнению с масштабом события. Ведущий Си-би-эс Холден Беннет начал с простого заявления: «Мы больше не одиноки». И почти весь тридцатиминутный выпуск был посвящен пресс-конференции с объявлением о специальном выпуске в девять вечера. Приводились видеосъемки из космического центра и лаборатории космических исследований.

Еще передавали кадры заторов, снятые на Гринбелт-роуд, когда люди, слышавшие новости днем, стали съезжаться посмотреть на место, где произошло открытие. На самом деле при облетевших деревьях лаборатория была видна

уже с хайвея.

Интервью с прохожими показывали, что интересуются разные люди по-разному. Некоторые реагировали бурно, другие же высказывали мнение, что страна слишком много тратит денег на проекты, от которых никому никакой пользы, а плечи народа трещат под бременем налогов. Кое-кто интересовался, не является ли угроза вторжения реальной, несмотря на все заверения политиков. Другие пытались связать Геркулес с Розуэллом.

Сообщения из Парижа, Лондона, Брюсселя и прочих европейских столиц показывали, что европейцы тоже реагируют спокойно. Пекин упрекнул США за столь долгую задержку информации, указывая, что подобное событие одинаково важно для всех стран. Китайский премьер по телевизору поинтересовался, что еще может скрывать американское правительство.

Си-эн-эн передавало интервью с двумя ближневосточными министрами иностранных дел, когда зазвонил телефон.

- Мистер Кармайкл? - спросил сочный, звучный и смутно знакомый голос.

- Это я.

- Эдди Симпсон. Мы бы хотели включить вас в

завтрашнюю передачу.

Гарри вежливо выслушал, потом объяснил, что сейчас он слишком занят, так что спасибо. Второе приглашение прозвучало через шесть минут, и потом телефон не умолкал. Около половины девятого прибыла бригада новостей местного телевидения во главе с Артуром Мак-Катченом, энергичным ведущим из Балтимора. Гарри, слишком усталый, чтобы спорить, просто не пустил их в дом, «о разрешил взять у себя интервью на крыльце.

- Мне больше нечего сказать, - утверждал он. - Вы теперь знаете столько же, сколько и я. И вообще я не исследователь. Я только выписываю зарплату.

- А что вы скажете об обвинении, - целеустремленно спросил Мак-Катчен, - выдвинутом сегодня Пападопулосом? Он утверждает, что правительство хранило эти сведения в секрете в расчете получить военное преимущество.

Этого Гарри еще не слышал.

- А кто такой Пападопулос?

Мак-Катчен перешел на снисходительный тон:

- Несколько лет назад он выиграл Пулитцеровскую премию за книгу о Бертране Расселе. Еще он декан факультета философии в Кембридже и

кое-что очень неприятное сегодня говорил о вас.

- Обо *мне?*

- Ну, не конкретно о вас. Но вообще о том, как Годдард прогнулся под политиков. Вы не хотите прокомментировать?

Гарри стало очень неуютно под камерами и прожекторами. На той стороне улицы послышался звук открываемой двери, а у начала подъездной дорожки вроде бы стали скапливаться люди.

- Нет, - сказал он. - У Пападопулоса есть право на собственное мнение, каково бы оно ни было. Но говорить о каких-то военных соображениях просто бессмысленно.

И Гарри, пробормотав извинения, протолкался к себе в дом и закрыл за собой дверь. Телефон зазвонил опять.

На этот раз это оказался Фил Кавано, астроном, иногда работавший по контракту с Годдардом, и он был вне себя.

- Я могу понять, Гарри, что вы не хотели давать никаких интерпретаций, - сказал он срывающимся голосом, - но скрывать сам факт передачи - это бессовестно. Я знаю, что это решали не вы, но мне очень жаль, что у кого-нибудь из вас - вас лично, Гамбини, кого угодно - не хватило духу сказать Харли, в чем состоят обязанности НАСА!

Несколько позже позвонил Гамбини.

- Я в мотеле, - сказал он. - И судя по тому, как до тебя не дозвониться, у тебя те же проблемы, что и у меня. У меня такое чувство, что я прошелся по мозолям всей научной общественности. Даже философы и теологи жаждут моей крови. - Его ворчание перешло в смешок. - Я их всех отсылаю к Розенблюму. Так вот, Гарри, я хочу, чтобы ты знал, где я, на случай, если всплывет что-нибудь важное...

Без четверти девять позвонила Джулия.

- Гарри, я смотрела новости. - Она говорила осторожным голосом, и он понял, как ей трудно было позвонить. - Я за тебя рада. Поздравляю.

- Спасибо. - Гарри постарался, чтобы голос не звучал враждебно.

- Тебе теперь отдадут должность Квинта.

- Может быть.

Дом был погружен в темноту, но на дорожке появились огни фар.

- Томми хочет с тобой поговорить, - сказала она.

- Давай ему трубку. Кто-то постучал в дверь.

- Пап? - Голос ребенка дрожал от радостного волнения. - Я тебя по телевизору видел!

Гарри засмеялся, мальчик тоже, и Гарри услы-

шал, как сын напряжен. Они поговорили об алтейцах и о баскетбольной команде Томми, а стук становился громче.

- А у нас завтра игра, - сообщил Томми.

Когда Джулия снова взяла трубку, ее голос звучал спокойнее.

- Наверное, у тебя на работе сейчас очень интересно.

- Да. - Гарри не смог скрыть напряженность в тоне, хотя больше всего на свете ему сейчас хотелось, чтобы голос звучал естественно. - Я ничего подобного не видел.

- Ну, в общем, - сказала она после некоторой заминки, - я позвонила просто так.

- Ага.

Стук становился настойчивым.

- Кажется, у тебя там посетители.

- Весь вечер достают. Телевизионщики и газетчики. Почти все время перед домом толпится народ. Эда тоже достали, он спрятался в каком-то мотеле.

- И тебе тоже стоило бы, Гарри.

Он помолчал, успокаивая дыхание, но почувствовал, что сердце забилось быстрее.

- Не люблю я мотелей, - выдавил он. - Послушай, мне надо выйти. Что-то сделать насчет тех людей,

что собрались снаружи.

- Нет, Гарри, серьезно, почему бы тебе не запереть двери и не смотаться?

Ему послышалась приглашающая интонация, но сейчас он не доверял своей беспристрастности там, где дело касалось Джулии.

- Джулия, - ответил он, - я думаю, что это надо отпраздновать. А мне надо с кем-нибудь поговорить. Не хочешь со мной выпить? Строго... по-дружески.

Никак не находилось нужное слово.

- Гарри, я бы с удовольствием, нет, в самом деле... - В ее голосе звучало сомнение, и Гарри понял: она хочет, чтобы он повторил приглашение. Но видит Бог, он меньше всего хотел выставлять себя просителем.

- Я не подбиваю клинья, - сказал он наконец. Дыхание у него перехватывало. - Жуть сколько всякого происходит...

Она рассмеялась - глубокий, красивый звук, который он так хорошо помнил с лучших дней.

- О'кей, - сказала она. - Одноразовое мероприятие. Куда поедем?

А действительно, куда? Она, наверное, говорила о ресторане, но Гарри надеялся на большее. И все же отель не подойдет - слишком очевидно.

Нужна романтика, а не соблазнение.

- Предоставь это мне, - сказал он уверенно. - Я за тобой через час заеду.

С Уиллером связаться было непросто - очевидно, священник тоже был захлестнут волной телефонных звонков. В конце концов пришлось позвонить общему приятелю и попросить его зайти к Уиллеру. Когда норбертинец перезвонил, Гарри объяснил, чего он хочет.

- Постарайся не занимать телефон, - сказал Уиллер. - Я тебе перезвоню, как только организую - это займет пару минут. Я дам тебе один звонок и тут же позвоню опять.

Гарри за это время решил принять душ и переодеться. Телефон несколько раз звонил, но Гарри не снимал трубку, пока не дождался условленного сигнала Уиллера.

- Все о'кей, - сообщил священник. - За гостевым домом две водосточные трубы, ключи будут оставлены за той, что с юга. Полотенца и все прочее берите свои. Завтрак будет в холодильнике.

- Пит, я у тебя в долгу.

- Это точно. Удачи.

Гарри нарочно опоздал на несколько минут. Ему открыла Эллен, спросила, как он поживает, и сообщила, что она рада его видеть. Ее голос и

настроение говорили, что она тоже многого ждет от этого вечера.

Джулия вышла в холл в белом и зеленом. Каблуки поднимали ее до шести футов трех дюймов. Часто она шутила, что вышла за Гарри, потому что ни с кем другим не может одеться как следует.

Сейчас, удрученная нерешительностью и сожалениями, она смотрелась невероятно прекрасной. Губы Джулии чуть сжались от неловкости, но тут же она широко улыбнулась.

- Гарри, привет!

По дороге разговор пошел свободно, как у двух старых друзей, встретившихся с общими трудностями. Аура напряжения и злости, отравлявшая последний месяц, растаяла. Но Гарри знал, что она вернется, как только кончится эта интерлюдия.

- У Эллен жить неплохо, - сказала Джулия. - Но я бы предпочла быть сама по себе.

- Я почти все время ночую в офисе, - сознался Гарри.

- Есть вещи, которые не меняются.

- Я там не так часто ночевал, - обиделся он.

- Ладно, - ответила Джулия. - Давай не будем сегодня начинать.

Шоссе вело на восток, к Аннаполису. Гарри свернул к югу по дороге № 2 и спросил, не хочет ли Джулия поесть в «Анкоридже». Они там бывали, но это было очень давно.

- Да, вполне, - согласилась она.

Это было тихое приятное место возле Уэйнсвиля. Через несколько минут Гарри к нему подъехал, они с Джулией вышли на гравий стоянки, вошли внутрь и сели за стол у дальней стены.

Выпивка помогла согреться.

- Тебя теперь должен ждать карьерный взлет, Гарри, - сказала Джулия. - Ты был рядом с Харли.

- Вряд ли президент вообще знает, кто я такой. Меня должны были представить вместе с администратором НАСА и Эдом, но что-то случилось. Либо Харли забыл, как меня зовут, либо решил, что троих многовато. Трудно сказать. Но мне, во всяком случае, вреда не будет. Я только боюсь, что кто-нибудь предложит альтернативное объяснение сигнала. В этом случае я окажусь в числе людей, которые заставили президента выглядеть дураком.

- Он при любом раскладе будет весь в белом, - возразила Джулия. - Он постарался не оставить сомнений, что сообщает лишь то, что вы ему дали.

Заехать в «Анкоридж» оказалось удачной мыслью. Помимо того что тут шла дорога на Бэзил-Пойнт, здесь еще играл задумчивый пианист и горели дымными шарами черничные свечи.

Эд Гамбини остановился в «Хейтсвиль Рамада» под вымышленным именем. Мотели он терпеть не мог, потому что там не бывает ламп для чтения и никогда не дают достаточно подушек, а если попросить, смотрят на тебя с непередаваемым возмущением. Так что сейчас он лежал на кровати, умостив кое-как имеющиеся подушки и свернув верхнюю вдвое, и смотрел спецвыпуск новостей. Все главные каналы передавали одно и то же, и он щелкал пультом, переходя с одной программы на другую. В общем, говорили разумно. Факты поняли правильно, и вопросы задавались приемлемые. Все насквозь видели усилия администрации притвориться, что вопрос исчерпан, и сам он тоже выглядел вполне прилично.

Потом он переключился на перебранку - спором ее назвать он не решился бы - между Бобби Фрименом из «Блэквудса», телепроповедником и основателем Американского христианского союза, и сенатором Дороти Пеммер, демократом от штата Пенсильвания. Дело шло о попытках Союза потребовать от всех кандидатов на федераль-

ные должности изложения своих религиозных взглядов.

- А почему вы возражаете, - вопрошал Фримен, - если вам нечего скрывать?

Тут зазвонил телефон, и Гамбини приглушил звук. Звонил Маевский.

- Эд, - обратился он, - я сейчас говорю с Мелом. Дать ему твой телефон?

Этого звонка Гамбини и боялся.

- Да, - ответил он без колебаний и повесил трубку.

Мел Яблонский - астроном из Нью-Хэмпширского университета. Что еще важнее, они с Гамбини всю жизнь были друзьями, познакомились когда еще учились в Калифорнийском университете. Гамбини был у Мела шафером на свадьбе, а Мел помог ему получить место в НАСА. С тех пор прошло много времени, но контакты не прерывались.

- Эд? - прозвучал издалека усталый и знакомый голос.

- Привет, Мел, как жизнь?

- Нормально. До тебя добраться чертовски трудно.

- Стараюсь. Очень тяжелый выдался день.

- Да, - сказал Яблонский. - Понимаю. Гамбини

подумал, что бы можно сейчас сказать.

- Вы действительно приняли сигнал еще в сентябре? - спросил Мел.

- Да.

- Эд, - грустно сказал Мел. - Ты сволочь.

Потом его нашли еще двое старых друзей и сообщили, что они на его стороне, если понадобится помощь. Но оба они при этом дали понять, что он был совершенно не прав, и это было даже больнее, чем замечание Мела.

Примерно в то время, когда Гарри и Джулия съезжали со скоростного шоссе на дорогу № 2, Гамбини спустился в бар. Там было народу под завязку и очень шумно. Гамбини взял себе «манхэттен» и вышел на террасу.

Вечер выдался теплый - впервые за месяц в Вашингтоне установилась приличная погода. Над столицей выгнулось ясное небо. На горизонте, к востоку от Беги, виднелся Геркулес, грозящий своей палицей, как обычно.

Дом жизни.

На западе сверкали летние молнии.

Вслед за Гамбини вышла пожилая пара. Очерченные огнями города, они громко обсуждали поведение упрямого сына-подростка.

Гамбини подумал, будет ли на самом деле вто-

рой сигнал. Наедине с собой такая перспектива казалась весьма и весьма реальной, но даже если контакт не продолжится, на один существенный вопрос ответ уже есть. Мы не одни во Вселенной! Теперь мы знаем, что еще где-то случилось такое же чудо. А тогда приходится думать, что это не чудо, но вполне обычное следствие наличия солнечного света и воды. Подробности об этом другом событии и тех существах, их история, их технология, их представление о космосе были интересны невероятно. Но при всем том это действительно только подробности по сравнению с самим фактом, что они существуют.

Гамбини поднял стакан в сторону созвездия.

Для Гарри критический момент наступил тогда, когда он выехал со стоянки возле «Анкориджа», намереваясь свернуть к югу на дорогу № 2. Джулия слегка напряглась, но ничего не сказала. Он рискнул на нее покоситься: она смотрела прямо перед собой. Руки она сложила на коленях, на лице не выражалось никаких эмоций. Если Гарри хоть сколько-нибудь ее знал, то в сумке у нее лежала зубная щетка, но тем не менее она лишь сейчас принимала решение.

Разговор шел об алтейцах, о том, есть ли какая-то вероятность, что от них что-нибудь осталось,

о том, что может сделать с видом эволюция за миллион с лишним лет. Потом стали обсуждать новую работу Джулии - участие в проекте круглой башни из стали и стекла, пристраиваемой к Зерновой Бирже, заговорили о том, как переменилась жизнь у них обоих. Гарри с удивлением узнал, что его жена тоже не слишком счастлива, что она одинока и смотрит в будущее без оптимизма. И все же она ни разу не дала повода подумать, будто жалеет о своем уходе.

- Пройдет, - говорила она. - Пройдет у нас обоих. - И тут же поправилась: - У всех троих.

На западе громоздились грозовые тучи.

Гарри чуть не пропустил поворот. Мало что отмечало дорогу, которую Уиллер велел ему высматривать, -она резко уходила влево среди деревьев. Мелькнул обшарпанный каменный дом, и дорога пошла на долгий извилистый подъем.

- Гарри, - спросила Джулия, - куда мы едем? Голос ее был похож на шепот ручья.

Туда, куда везу я сейчас свою женщину, подумал Гарри. И чуть не сказал вслух, но решил, что лучше не напирать.

- Там наверху - участок ордена Пита Уиллера. Оттуда, - сказал он невинно, - открывается классный вид на Чесапик.

Машина проехала ворота в каменной стене, где было написано, что вы въезжаете на территорию монастыря аббатства Св. Норберта. За воротами дорога стала гравийной, и деревья расступились в стороны. Машина выехала к паре старинного вида зданий на гребне подъема.

Они были похожи друг на друга, идиллическая гармония камня и цветного стекла, куполов и портиков. По крыше одного из них тянулась пешеходная галерея. За домами, далеко внизу, был еле различим залив.

Джулия стала рассматривать здания.

- Мы же не туда? - удивилась она. - Гарри, это же монастырь!

Она с трудом подавила смешок.

- Нет, не туда, - ответил он. Дорога перевалила через смотровую площадку и ныряла обратно под тень вязов. - Мы вон куда.

За парковкой дорога круто уходила вниз, и фары сверкнули по верхушкам деревьев аллеи. Гарри выключил свет. Джулия не шевельнулась. Молчание заполнило салон.

- Уиллер! - выдохнула она. - Разве он норбертинец?

- Мне так кажется, - ответил Гарри невинным голосом.

- И это он помог тебе все это устроить? Гарри вздохнул.

- Секс в семинарии. Ну ничего святого! - Она вдруг стала серьезной. - Гарри, я тронута, что ты дал себе столько труда, что ты даже вообще хочешь меня сейчас, после всего, что было. Я буду с тобой сегодня ночью, и, быть может, Все получится как было раньше. Но только на эту ночь, ладно? Ты должен понять, что ничего не изменилось.

На миг, на славный и дерзкий миг, Гарри захотелось добродушно засмеяться, повернуть обратно и отвезти Джулию домой. Но он лишь пассивно кивнул и повел Джулию в ярко освещенный холл. Кто-то оставил на столе два бокала и пару бутылок бордо.

- Очень мило, - оценила Джулия, ступая на толстый каминный коврик, - особенно если учесть, что ты предупредил в последний момент.

Исполнение Уиллера оказалось лучше обещания: яичница с ветчиной, жареная картошка и апельсиновый сок в холодильнике; застеленные постели, еще вино в кухонном шкафу и бутылка скотча. А еще, вопреки предупреждению Пита, полотенца в достаточном количестве.

Они еще немного повспоминали, посожалели,

что все теперь стало так, как оно есть, но не стоило долго предаваться рефлексии.

Гарри осторожно поцеловал Джулию. Никогда он не любил ее сильнее.

Она была приятна на вкус, и дыхание ее теплом обдавало горло. И все же в ее ответе было что-то искусственное.

- Очень много времени прошло, - сказал Гарри. Джулия осторожно высвободилась.

- Здесь тепло. Пойдем посмотрим на залив. Обращенный к заливу склон, вдали от главных зданий,

был крутой и каменистый, а деревьев почти не было. Пешеходная тропа вдоль гребня сменилась каменистой дорожкой, раздвоилась: одна тропинка вела к монастырю, другая - даль-

ше по гребню, завершаясь деревянными ступенями, уводящими на тридцать футов вниз, к пирсу.

На развилке они остановились. Огни монастыря отражались в черной воде.

- Уиллер - гений, - сказала Джулия. - Он не своим делом занимается.

Ярко освещенный сухогруз медленно двигался к югу, в сторону Атлантики, и кильватерный след расплывался долгими светящимися волнами.

Звезд не было, хотя Гарри не заметил этого, пока не услышал гром и не увидел озарившую небо зарницу.

Свернув налево, они с Джулией спустились вниз. Длинная неровная гряда казалась результатом древнего катаклизма. Гарри шел впереди, отводя с дороги ветки, пробуя каждую ступеньку. Внизу раскинулся пляж.

Пирс оказался коротким, выдаваясь в море всего на пятнадцать футов. У основания, под самым обрывом, Гарри заметил зеленый лодочный сарайчик с белой дверью. Он был свежеокрашенный, и на крыше стояла телевизионная антенна.

Джулия подошла поближе и заглянула в окно.

- Кажется, у отцов здесь парусная лодка.

В темноте трудно было разглядеть подробнее, но Гарри увидел нос и мачту.

В воздухе запахло озоном. Со стороны залива надвигалась стена дождя.

- Стоит пойти обратно, - предложил Гарри.

- Сейчас. - Она отвернулась от сарая и залюбовалась дальним берегом, красочным зрелищем далеких огней. - До чего красиво!

Гарри смотрел на приближающийся дождь. Она тоже видела идущую бурю, но слишком была захвачена красотой момента.

- Гарри, - спросила она, - а где он? Источник сигнала?

- То есть где Геркулес? -Да.

- Если бы небо было чистое, то он был бы вон там. - Гарри показал на горизонт. - Там четыре звезды образуют что-то вроде ящика - это голова Геркулеса. Пульсар с правой стороны от нее, примерно посередине между верхними и нижними звездами.

Упали первые капли дождя.

Джулия потянулась и взяла Гарри за руку.

- Знаешь, - сказала она, - я тобой горжусь.

Над головой полыхнула молния, и буря разразилась. Струи дождя хлестнули по камням обрыва.

- Бежать не надо, - сказал Гарри. - Все равно промокнем.

- Не сомневаюсь, - улыбнулась она. Он направился к лестнице.

- Знаешь, я плохо подготовилась к вылазке, - сказала она, переходя вслед за ним на бег. - У меня только одна смена одежды.

Они прошли лишь несколько шагов, когда Джулия остановилась, охваченная неудержимым смехом, и сняла туфли.

- Лодочный сарай! - сообразил Гарри и направился туда. Ливень лупил по пляжу, и его рев

сливался со стонами

прибоя. Огни монастыря вверху скрылись. Двери сарая были заперты на висячий замок, но обнаружился боковой вход, и Гарри с Джулией вломились внутрь.

- Знаешь, - сказала Джулия, отводя мокрое платье от тела, - неплохо бы чем-нибудь тут согреться.

Гарри с надеждой огляделся в поисках нагревателя.

- Разве что ты готова сжечь яхту, - сказал он.

Это была шестнадцатифутовая яхта, двухмачтовая. На полке нашелся фонарь, а в каюте - одеяла.

- Отлично, - похвалила его Джулия.

Она скрылась за яхтой и почти сразу вынырнула, завернутая в одеяла, с одеждой в руках.

- Сама виновата, - сказала она. - Но все вышло к лучшему.

Дождь молотил по крыше. Гарри закрыл дверь, оставив ветер снаружи.

- Долго такой ливень продолжаться не может, - сказал он. - Когда ослабеет, побежим в дом.

Она покачала головой:

- Нет, мне здесь нравится.

Он нахмурился. Силуэт Джулии перестал быть

виден в наступившей темноте, но что-то странное послышалось в ее голосе. И тут она потянула Гарри, к себе, стала расстегивать на нем рубашку.

- О Боже! - сказал он в притворном испуге. - Мы же не там, где должны быть! А вдруг кто-нибудь войдет?

Тут же над головой оглушительно ударила молния.

- В такую погоду? - засмеялась Джулия. - Вряд ли.

На смену полагалось являться не менее чем за пятнадцать минут до начала. Обычно Линда Барристер была пунктуальна, но сегодня она здорово повеселилась в городе с одним старым знакомым: ресторан, кино - и чувство времени ей изменило. Когда она с красными глазами и виноватым видом появилась на месте, опоздав более чем на час, ее напарник, Элиот Паркер, сидел за своей консолью. Он был самым молодым из связистов, почти еще подросток - высокий, веснушчатый, с невероятно серьезным отношением к работе, с избытком энтузиазма. В этот вечер он ее удивил.

- Линда! - сказал он с такой забавной небрежностью, что после Линде трудно было поверить в ее искренность. - Опять он есть.

- Кто? - спросила она, введенная в заблужде-

ние.

- Сигнал.

Она уставилась на него, потом на висящий наверху монитор. Паркер щелкнул переключателем, и появился звук - жужжащее стаккато рассерженной пчелы.

- Господи! - ахнула Линда. - Ты прав. Давно он появился?

- Когда ты пальто снимала. - Паркер глянул на консоль. - Но это не пульсар.

МОНИТОР

ОБВИНЕНИЕ ПРОТИВ ФЕРМ БОЙЦОВЫХ ПСОВ

Недавняя гибель детей несет фермам крах. Спрос остается высоким…

ШИРИТСЯ ПОЖАР НА СПИРТОЗАВОДЕ В ГАЛВСТОНЕ Тысячи людей эвакуированы…

Дым заволакивает город…

Многомиллионный ущерб; Харли объявляет чрезвычайное положение…

В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ УБИТ НОЧНОЙ НАСИЛЬНИК

«Не на ту напал»…

Преступник застрелен на месте…

Опознан как страховой агент из графства Ориндж, отец троих детей…

ВЗРЫВ БОМБЫ НА АВТОБУСНОЙ ОСТАНОВКЕ В ЛИВАНЕ

Трое убитых. Обвиняется Христианский Союз…

ЕЩЕ ДВОЕ ОСУЖДЕННЫХ ПО ДЕЛУ О ШПИОНАЖЕ В ПЕНТАГОНЕ

Ожидается первая смертная казнь в мирное время…

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СНОВА НА ПОДЪЕМЕ

Индекс Доу-Джонса перевалил за 20 000… Компания «Текнолоджи стокс» лидирует…

«ДЖЕНЕРАЛ МОТОРЗ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ «СПЕКТР»

Первая практическая машина с аккумуляторным питанием…

ВОДОПРОВОДЧИК ИЗ ТРЕНТОНА

ВЫИГРАЛ 200 МЛН В ЛОТЕРЕЮ

«Работу не брошу», - говорит он…

«ЛЮБОВЬ СРЕДИ ЗВЕЗД»

Вырвалась на первое место за неделю проката…

ХАРЛИ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ПЕРЕГОВОРОВ С ТЕРРОРИСТАМИ НА АТОМНОЙ СТАНЦИИ

Отвергает план сохранения кризиса в тайне… Не станет эвакуировать Саут-Джерси… Но люди все равно уезжают…

«ИГЛЗ» СНОВА ВЫИГРЫВАЮТ. ИДУТ БЕЗ ПОРАЖЕНИЙ

Глава шестая

Примерно в семь утра Гарри привез жену к дому ее кузины, в трех четвертях мили от своего дома, и получил от нее короткий прощальный поцелуй. Это был, пожалуй, самый горький миг за всю его жизнь.

Когда он приехал в офис, телефоны раскалялись - реакция на пресс-конференцию. Электронная почта обрушилась лавиной. На помощь прибыли четверо практикантов. Звонили люди, о которых он уже годами ничего не слышал. Старые друзья, коллеги, с которыми он работал еще в Казначействе до перехода в НАСА, и даже брат жены, который, очевидно, ничего не знал о семейных проблемах Гарри, позвонил поздравить. Впервые за последние недели у Гарри поднялось настроение. И он уже сиял, когда нашел записанное сообщение Эда Гамбини:

«Проявись, пожалуйста. Здесь что-то происходит».

Гарри не стал возиться с телефоном.

В операционном центре был сумасшедший дом. Свободные от работы ученые и техники собирались у мониторов, смеялись и подталкивали

друг друга локтями. Маевский замахал свитком распечатки в сторону Гарри и что-то прокричал, чего за шумом не было слышно. Насколько Гарри мог вспомнить, впервые за всю историю ассистент Гамбини был рад его видеть.

Лесли сидела в конференц-зале, склонившись над компьютером. Когда она выпрямилась, Гарри увидел у нее на лице такую незамутненную радость, как будто она приближалась к оргазму. (У Джулии никогда не бывало такого лица за пределами спальни.)

- Что стряслось? - спросил он у ближайшей лаборантки. Та показала на монитор СППСД. По экрану быстро летели буквы, цифры, знаки препинания.

- Началось в час ночи, - сказала она дрожащим от возбуждения голосом. - И с тех пор идет непрерывно.

- В час ноль девять, если точно. - Гамбини увесисто хлопнул Гарри по плечу. - Этот паразит все-таки пробился, Гарри! - Лицо Гамбини сияло. - Прием сигнала прекратился 20 сентября в 4.30. Второй сигнал пришел 11 ноября в 1.09. Учти изменения стандартного времени и поймешь, что они работают интервалами, кратными периодам обращения Гаммы. На этот раз одиннадцать и

одна восьмая.

- Снова заговорил пульсар?

- Нет, не пульсар. Что-то другое: идет прием радиосигнала. Он сильно размазан по нижним частотам, но распределен вокруг частоты 1662 МГц. Первая линия спектра гидроксильной группы. Гарри, это идеальная частота для дальней связи. Но передатчик у них - боже мой, даже самые осторожные наши оценки показывают, что они вкладывают в сигнал полтора миллиона мегаватт. Невозможно себе представить управляемый источник такой мощности.

- А почему они могли бросить пульсар?

- Ради лучшего разрешения. Они полагают, что привлекли наше внимание, и потому переключились на более изощренную систему.

Они поглядели в глаза друг другу.

- Черт побери! - сказал Гарри. - Это же в самом деле!

- Да. - Гамбини стиснул ему руку. - Это в самом деле. Анджела прыгнула ему в объятия, притянула голову вниз и поцеловала.

- Добро пожаловать!

Она была вне себя от радости и несколько затянула поцелуй. Гарри неохотно освободился и по-отечески похлопал ее по плечу.

- Эд, что-нибудь мы можем прочесть?

- Слишком рано. Но они знают, что нам нужно для начала перевода.

- Они используют двоичную систему! - вставила Анджела.

- Гарри, надо ввести в дело пару математиков, и Хаклюта тоже вреда не будет притащить.

- Лучше только известить Розенблюма.

- Уже сделано, - ухмыльнулся Гамбини. - Очень мне интересно узнать, что он сейчас говорит.

- Ни единого слова! - набычился за своим столом Розенблюм. Он был похож на человека, внезапно ввалившегося в полосу боев. - Ни одного, черт побери, слова, пока я не скажу!

- Этого нельзя скрывать! - В голосе Гамбини звучал гнев бессилия. - Есть много людей, имеющих право знать!

- И слишком много тех, кто *уже* знает, - добавил Гарри. - Утечка будет все равно, что бы мы ни делали. И вообще в чем тут проблема? Какой риск? Это же научная сенсация века...

- В том-то и проблема, - оборвал Розенблюм. - Такие вещи должны объявляться сверху, а не нами. - Он повел рукой, приглашая садиться. - Вряд ли это займет много времени, но пока мы не получим разрешения, я требую, чтобы ни еди-

ного слова наружу. Вам ясно?

- Квинт! - Гамбини изо всех сил старался не повысить голоса. - Если мы это зажмем, то моя карьера, карьера Уиллера, всех наших людей кончена. Послушайте, мы не находимся на государственной службе. Мы на контракте. И если мы примем участие в сокрытии информации, нам нечем будет прикрыться. И мы всюду станем персонами нон грата. Всюду, понимаете?

- Карьера? - произнес Розенблюм, вставая со стула. - Вы тут рассуждаете со мной о карьерах? Тут на карту поставлено куда больше, чем где вы будете работать ближайшие десять лет. Подумайте сами, Эд, как мы можем объявить о второй передаче раньше, чем будем готовы опубликовать ее содержание? А этого мы сейчас не можем.

- Почему? - требовательно спросил Гамбини.

- Потому что у меня нет полномочий для действий такого масштаба. И вообще, Эд, мы же говорим о сроках порядка одного дня. Мне просто нужно получить разрешение, будьте же разумны.

- То есть мы уперлись в чиновников.

- Этого я не говорил.

- А что вы говорили?

- Что у меня нет полномочий. Почему вы не

хотите понять?

- Вы получите полномочия, просто взяв их на себя.

- Это потенциально опасно. Мы же не знаем, что там может быть.

- Например?

- Например, рецепты самодельной чумы. Или управления погодой. Или еще бог знает чего.

- Это смешно.

- Да? Так вот, когда мы это узнаем, тогда нам точно позволят выпустить эту чертову штуку. Но не раньше. Кстати, вам будет интересно узнать, что русские запустили срочную программу создания «Скайнета» для себя.

- Еще одна шутка, - буркнул Гамбини. - «Скайнет» был изначально предназначен для общего пользования.

- И так оно и есть. Кроме некоторых критических проектов. - Розенблюм махнул рукой, прекращая дискуссию. - Я же все это не сам придумал, вы понимаете? И спорить мне надоело. Вопрос в том, какие рекомендации дать наверх. У нас три варианта. Можем предложить все обнародовать, и плевать на последствия; можем все скрыть и опровергать все слухи; можем признать, что сигнал получен, но содержание передачи

скрыть. Ваше мнение?

Гамбини встал из кресла.

- Проще простого, - сказал он. - Обнародовать - и все.

- Слишком поздно секретить, - согласился Гарри. - Весть уже утром разошлась. Вы же понимаете, что у каждого есть друзья вне работы..

Розенблюм пожал плечами:

- Слухи, лишенные оснований. Недоразумения. Мы сами неправильно истолковали данные. Это не проблема - по крайней мере сейчас. - Он посмотрел на Гамбини. - Белый дом не пустит это на широкую публику, а если мы ему это порекомендуем, там решат, что мы политически наивны, и после этого вообще нас слушать не станут.

- Может, нам вообще все отменить? - предложил Гарри. - Возьмем да выключим «Скайнет»? Перестанем слушать? Так же будет куда проще?

Гамбини испепелил его взглядом, но Розенблюм посмотрел сочувственно:

- Такая мысль была у меня изначально.

- И почему я не удивлен? - бросил Гамбини с непередаваемым презрением. - Послушайте, я не спорю, что риск есть. Но он ничтожен, особенно по сравнению с тем, что мы можем обрести. А вам не пришло в голову, что если вся планета запо-

дозрит нас в утаивании передачи со звезд, то это тоже риск? Бог один знает, что сейчас творится по всей Земле в правительствах после вчерашней пресс-конференции.

- Я полагаю, - произнес директор, стараясь сбить накал дискуссии, - что эти соображения уже учтены. Вы могли бы заметить, что мы резко усилили службу безопасности. Белый дом прислал нам своих людей. Кстати, я слышал, что Мэлони требует переноса всей операции «Геркулес» отсюда в Форт-Мид.

- А кто такой Мэлони? - спросил Гамбини.

- Специальный помощник из Белого дома, - ответил Гарри. - Специалист по вопросам безопасности.

Гамбини скривился, как от больного зуба.

- Это же бессмыслица! Форт-Мид для такой операции не оборудован!

- А в чем дело? - поинтересовался Розенблюм, набрав побольше воздуху. - Что мы тут такого делаем, что нельзя туда перетащить?

- С допусками будет возня, - сказал Гарри. - Туда никого не пустят без очень тщательной проверки. Потребуется время.

- И кое-кто из наших людей может даже и не пройти,- буркнул Гамбини.

- Насчет этого, думаю, вам волноваться не надо, Эд, - успокоил Розенблюм. - Если операция будет перенесена в Форт-Мид, то вряд ли кто-нибудь будет приглашен, кроме вас, Бейнса и еще, быть может, Уиллера. И зачем? Математики и дешифровальщики у них есть свои. Я думаю, они теперь даже считают, что справятся лучше нас.

- Квинт! - Гамбини подался вперед. - С президентом кто-нибудь это обсуждал? Указывал на преимущества обнародования? Вы-то ведь вряд ли взяли на себя эту работу?

- О каких преимуществах вы толкуете, Эд? Я вам скажу, что это не в интересах НАСА. Если президент обнародует то, что у нас есть, а оно лопнет, что вполне может быть, полетят головы. И я не хочу, чтобы среди них были наши.

- Какие-то уже полетели, - возразил Гамбини. - Например, известно ли вам, какая теперь у меня должность дома?

Дома - то есть в Калтехе, где Гамбини был профессором.

- Бросьте, Эд. - Розенблюм вышел из-за стола, вена у него на шее взбухла, как обычно бывало в напряженные минуты. - Мы хотим поступить так, как будет правильно для нас и для президента. Постарайтесь не гнать волну. Я понимаю ваши

чувства, но горькая правда в том, что Харли хочет пока тишины, и он прав. Может быть, когда все кончится, вы даже награду какую-нибудь получите. Гамбини проницательно прищурился:

- Вы сегодня говорили с Харли? - Да.

- Допустим, я откажусь во всем этом участвовать? Просто выйду и объявлю на весь мир обо всем, что знаю?

- Не знаю, - терпеливо стал объяснять Розенблюм, - в каком вы окажетесь статусе. Если вы обратитесь в СМИ, то непременно попадете под судебное преследование. Хотя мы оба знаем, что агентству этого делать очень не захочется. Вы понимаете, как это будет выглядеть? Подумайте, Эд. Подобная акция ничего не изменит, кроме того, что *вы* окажетесь за бортом. И знать вы будете только то, что и вся прочая публика. Этого вы хотите?

Гамбини медленно поднялся, губы сжались в ниточку, на скулах горели пятна.

- А все-таки вы сволочь, Квинт, - сказал Гарри. Директор резко обернулся к нему, и на поросячьей морде

отразилась искренняя обида. Но тут же он отвернулся обратно к руководителю проекта.

- Давайте подытожим. Гарри, очевидно, прав:

мы не можем утаить все полностью, поэтому мы рекомендуем Белому дому признать факт передачи, засекретить ее и заявить, что мы не в силах ее расшифровать. И еще рекомендовать не обнародовать ее, пока неизвестно ее содержание. Ради общей безопасности.

Гамбини смотрел сердитыми глазами. Розенблюм улыбнулся:

- Ну, Гарри, а ты? Ты тоже согласен?

- Я не возражаю против того, чтобы провентилировать вопрос у начальства, - ответил Гарри. - Но мне не нравится, как вы с людьми обращаетесь.

Розенблюм посмотрел долгим, тяжелым взглядом.

- Ладно, - сказал он наконец. - За честность спасибо. - И настала еще одна долгая пауза. - Эд, у вас сегодня все на местах?

- Да. Домой никто не уходил. Но телефоны есть во всем здании.

- Пойдем поговорим с людьми. Сделаем что можем.

В 20.00 передача все еще продолжала поступать.

Гарри контрабандой протащил в здание ящик французского шампанского. Конечно, это было

против правил, но случай требовал чего-нибудь в этом роде. Пили из бумажных стаканчиков и кофейных кружек. Римфорд, которому позвонили на Западное побережье, сразу понял суть без подробностей и тоже привез несколько бутылок. С ними тоже покончили, а когда таинственным образом появилось еще вино, пришел Гамбини.

- Хватит, - заявил он. - Остальное в «Красной черте», если кто-нибудь захочет.

Гарри нашел на доске объявлений первые пятнадцать страниц передачи. Двоичные символы.

- С какого конца вы попытаетесь подступиться? - спросил он Маевского, глядевшего на него с любопытством.

- Прежде всего, - ответил тот, сложив руки на груди, подобно юному Цезарю, - мы спросим себя, как бы мы сами зашифровали сообщение.

- И как же?

- Мы бы начали с передачи инструкций. Например, надо сообщить число бит в байте. У нас их восемь. - Он неуверенно посмотрел на Гарри. - Байт - это символ, - пояснил он. - Обычно буква или цифра, хотя и не обязательно. Он складывается из отдельных битов. Как я сказал, у нас их в байте восемь. У алтейцев - шестнадцать.

- Откуда вы знаете?

Маевский вывел на ближайший монитор какую-то последовательность.

- Вот начало передачи.

Оно состояло из шестнадцати нулей, шестнадцати единиц. И эта картина повторялась несколько тысяч раз.

- С виду просто, - заметил Гарри.

- В этой части - да.

- И что мы сделали бы потом?

- Что бы мы хотели сделать, но пока не можем, - создать самозапускающуюся программу. Нам пришлось бы делать какие-то предположения об устройстве их компьютеров, но есть основания считать, что цифровой подход, который используется в наших компьютерах, - наиболее эффективен. Если нет, то все равно это был бы наиболее простой компьютер, такого типа, которым может обладать технологическая цивилизация - или хотя бы знать о нем. И мы хотели бы иметь программу, которая будет работать на достаточно простой модели с ограниченной памятью.

В идеале от тех, кто на том конце, должно требоваться только одно действие - засунуть информацию в компьютер и запустить какую-нибудь программу поиска. Иными словами,

программа должна запуститься при любой попытке анализа, поиска закономерностей.

- Красивая идея, - сказал Гарри. - Я так понимаю, что алтейцы этого не сделали?

Маевский мрачно покачал головой:

- Насколько нам пока понятно, нет. Мы пропустили ее через самые мощные системы. И я не понимаю, почему мы не получили хоть каких-то результатов. Просто не понимаю. Это был бы самый логичный способ. - Он прикусил губу. - Я даже начинаю сомневаться, возможна ли такая самозапускающаяся программа.

К концу дня Гарри вернулся к себе в кабинет все в том же приподнятом настроении. В кабинете лежала новая гора сообщений, и некоторые из них Эдна пометила к его вниманию. Прочитав их, он начал перезванивать. Один звонок был от Хаузнера Дила, декана факультета английской литературы в Йеле, которого Гарри видел только раз, на выпускном вечере.

Дил сам взял трубку.

- Я хотел бы знать, не можете ли вы мне кое-что объяснить, - начал он медовым голосом. - Не имею в виду вас лично, но зачем было скрывать информацию о Геркулесе почти два месяца?

Гарри вздохнул.

Изложив свои претензии вместе с предупреждением, что вполне вероятен официальный протест из Йеля, Дил задал волновавший его вопрос.

- Многие из нас не убеждены, - заявил он, - что нам сообщено все полностью. Есть ли что-то, что вы еще скрываете? Что-то, чего нам не сказали?

- Нет, - ответил Гарри. - Больше ничего нет. И тогда прозвучал второй вопрос:

- Не было еще одного сигнала? Гарри замялся, щеки у него загорелись.

- Мы описали все, что у нас есть.

Обычно его работа не вынуждала его врать. Он этого не умел и даже несколько удивился, как легко дал свой ответ - теоретически говоря, верный. Но все равно ощущал тяжесть своего обмана.

В такой вечер одному ужинать не хотелось. Он позвонил Лесли.

- Да, - ответила она. - С удовольствием.

Гарри предпочел бы на несколько часов вообще уехать из Годдарда. Вопрос Дила был типичным среди тех, которыми его целый день закидывали. Он сомневался, что, когда все это кончится, ему хоть кто-то вообще будет верить. И ничего ему не хотелось сильнее, чем быть подальше от собственного кабинета. Но Лесли хотела быть

поближе, и он согласился.

- В любой момент что-нибудь может случиться, - объяснила она. - Не такой момент, чтобы далеко уезжать.

И они пошли в «Красную черту».

В абажуре дымного стекла горела свечка. Официант принес меню и представился. Когда он ушел, Гарри наклонился к столу, чтобы можно было говорить тише.

- Ты не думаешь, что они уже сегодня могут начать расшифровку?

- Нет, - ответила она. - Нет, конечно. Но Эд беспокоится.

- Почему?

- Я думаю, они, когда увидели начальное построение, ждали немедленного прорыва. Когда я уходила, он говорил, что либо решат задачу сейчас же, либо будут решать годами.

- А возможно ли, - спросил Гарри, - что текст так и не смогут перевести?

- Ну-ну, - сказала она, подняв глаза от меню. - Что за мрачные мысли?

Они заказали дежурное блюдо и графин белого вина. При свечах Лесли казалась еще притягательнее, чем Гарри ожидал.

- Гарри, - спросила она тихо, - дома у тебя все в

порядке? Вопрос застал его врасплох.

- Ты говорила с Питом?

- Нет, это и так заметно. У тебя на пальце кольцо, но ты никогда не уезжаешь ужинать домой. - Она пожала плечами. - А сейчас сидишь здесь со мной.

- Ага, - согласился он. Поел, выпил вина, промокнул губы салфеткой и ответил просто: - Там капут.

- Тогда извини. Он пожал плечами.

- Я не хотела лезть в душу.

На ее губах играли блики света. Лесли была одета в белую блузку, и две верхние пуговицы расстегнуты. Как можно незаметнее Гарри оглядывал фарфоровое полукружие левой груди.

- Да нет, ничего.

Она улыбнулась, потянулась через стол и тронула его за руку ниже локтя.

- Все у нас распалось в ту ночь, когда пришел сигнал. - Гарри мотнул головой. - Нет, раньше, наверное. Намного раньше. Но в эту ночь все выплыло наружу.

- Дети есть?

- Один. Мальчик.

- Да, это еще тяжелее.

Гарри услышал голоса вокруг, звон стекла и

тарелок, тихую музыку из колонок.

- Ладно, к черту, - сказал он.

Тут принесли рыбу, и тема была оставлена на время еды. Гарри осушил графин до дна и хотел заказать еще один, когда увидел, что она на него смотрит.

- Не одобряешь?

- Я не одобряю, только когда мне за это платят, Гарри. Тогда я вообще ничего не одобряю. - В глазах ее мелькнуло сожаление. - Может быть, потому что это всегда плохо кончается.

Гарри усмехнулся.

- Да, ты жуть до чего психолог. Ты это всем говоришь?

- Нет. Пациентам я говорю то, за что они мне платят, чтобы услышать. И это для них на ближайшее будущее хорошо, потому что на самом деле так оно и есть. А тебе я могу высказаться откровенно.

- Высказывайся.

- Ты интересный мужик, Гарри. В некоторых очень трудных вещах ты отлично умеешь адаптироваться. Например, ты сумел очень здорово поладить с самыми замечательными умами столетия. И с самыми толстыми задницами, попирающими правительственные кресла, если

простишь мне такое выражение.

Гарри стал серьезным, ожидая продолжения.

- Люди вроде Гамбини и Квинта Розенблюма, - сказала она. - Большей разницы просто не придумать. Но оба они верят, что человеческая раса не очень многого стоит, и оба они тебя уважают. Корд Маевский разговаривает только с математиками, космологами и девственницами. Бейнс - только с Богом. И все они тебя принимают. Это, достижение немалое.

- Спасибо, - сказал Гарри. - Могу подломить кассу и сбежать. - Он разломил булочку пополам, намазал маслом, попробовал. - Ты не любишь Корда?

- Я такое говорила?

- Мне показалось.

- Кажется, люди вроде Маевского заставляют меня проявлять эмоции - того или иного рода. Но к обсуждаемому вопросу это отношения не имеет.

- А в чем же этот вопрос?

- Гарри, мне неприятно видеть тебя в таком состоянии.

- В каком?

Она повертела бокал в руке.

- Любой человек с улицы заметил бы, что ты

ведешь себя не как обычно. По крайней мере последние месяца два. Пока я здесь.

- Откуда же ты знаешь, какое у меня поведение нормальное?

- Ты легко улыбаешься, Гарри. Но я еще ни разу не видела, как ты это делаешь, не опуская грустных глаз. Черт, да ты и сейчас так улыбаешься.

- Мне жаль, что это так заметно. Это время было для меня… необычным. Мотался между Геркулесом и Джулией. И что же ты мне предпишешь?

Она наклонилась вперед, блузка открылась еще чуть-чуть.

- Не знаю. Еще можно что-то исправить?

Да, хотелось ему крикнуть. *Она. на самом деле не ушла. Нам просто нужно время.*

- Нет, - ответил он.

- Ты уверен?

- Уверен.

- Если так, ты прежде всего должен с этим свыкнуться. Это требует времени.

Он кивнул.

- Что-то я слишком разговорилась, - сказала Лесли. - От вина, наверное.

- Ты наверняка знаешь много таких случаев. Бывает, что люди потом сходятся снова?

- Мне горько это говорить, но я не думаю, что

такое бывает в хоть сколько-нибудь существенном смысле. Даже если происходит примирение, люди обнаруживают, что тот супруг, которого они помнят, переменился. В каком-то смысле его или ее *больше нет.* Как будто человека заменили кем-то другим. - Она нашла его взгляд. Глаза ее мерцали. - То, что у людей было общего, пусть даже очень хорошее, разбивается необратимо, когда кто-то уходит. И потом уже никогда не восстанавливается. Примирение - это в лучшем случае скрепа или склейка.

- Ты говоришь как Пит Уиллер.

- Извини, Гарри, но если он так сказал, то он прав. Твою жену зовут Джулия?

- Да.

- Так вот, эта Джулия полная дура. Ей нелегко будет тебя заменить. Может быть, у нее хватит сообразительности это быстро просечь. И когда это случится, есть приличная вероятность, что она вернется. Если это то, чего ты хочешь, и ты правильно разыграешь свои карты, у тебя очень неплохие шансы. Но ты влипнешь в неприятную ситуацию. - Она отодвинула остатки ужина. - Все, наелась.

Гарри молчал.

- Ты этого хочешь? - спросила она.

- Не знаю. Я только знаю, что хотел бы ее вернуть.

- А я бы хотела, чтобы мне снова было двадцать два. - Она посмотрела пристально. - Гарри, мне очень жаль. Я не хотела быть жестокой. Но это один и тот же вопрос.

Маевский скучал.

Он сидел в кабинете Гамбини, закинув голову назад, закрыв глаза и раздувая щеки, а руки свесил по бокам кресла. Руководитель проекта, присев на край стола, что-то объяснял. Математик кивал, потом снова кивал. Но глаза открывал редко.

Гарри с любопытством наблюдал эту сцену через окно, пока Гамбини не заметил его и не махнул рукой, чтобы он зашел.

- Есть у меня к тебе вопрос, - начал он, когда Гарри закрыл дверь. Маевский обернулся посмотреть, кто пришел.

- Давай.

- Что будет, если мы пошлем копию передачи в АНБ и они что-нибудь из нее поймут?

- У них есть «Суперкрей», сделанный по спецзаказу, - перебил Маевский. - Этого может хватить, чтобы мы получили инструкции. А больше нам ничего и не надо. Хватит, чтобы начать.

Гарри задумался. Своего коллегу из АНБ он не знал. Тамошние ребята держались друг Друга. Они знали свое дело, ощущали себя элитой, страшно таились и до смерти боялись даже с кем-нибудь говорить, чтобы собеседник из интонации чего-нибудь не вытянул.

- Вряд ли этот проект заинтересует АНБ, и я подозреваю, у них хватает своих дел, чтобы еще брать на себя чужие. Но... - Он глянул на Гамбини. - Ты слышал, что сегодня говорил Розенблюм. Белый дом хочет забрать проект «Геркулес» из Годдарда в Форт-Мид. Если мы обратимся за помощью к АНБ, мы им сами пистолет зарядим. Стоит нам это сделать - и можем почти наверняка прощаться с программой.

- Точно моя мысль, - сказал Гамбини.

- Так мы будем работать над проектом в Форт-Миде, - пренебрежительно сказал Маевский. - Какая разница?

- Та разница, - объяснил Гарри, - что *ты*, Корд, уже над ним работать не будешь. Как только проект попадет к ним в руки, это будет уже их проект. Ты работаешь на НАСА, не на АНБ. И они тебя задействуют, только если сочтут незаменимым. Ты незаменим?

- Значит, выходит, что компьютеры для рас-

шифровки передачи существуют, но мы не можем ими воспользоваться, чтобы не утратить проект? Это же идиотизм!

Гарри пожал плечами:

- Мы это называем межведомственными отношениями. - Он глянул на Гамбини. - Сигнал все еще идет?

- Да, - ответил Гамбини. - Наверное, они нам энциклопедию посылают. - Он был благодарен Гарри за смену темы. - Вот то, о чем мы говорим. - Гамбини протянул Гарри компакт-диск. - Это мы считаем руководством пользователя. Как работать с системой.

- А почему?

- Этот фрагмент давался в начале передачи и был четко отделен от остального текста. Это должно быть объяснение.

- Но, - сказал Маевский, - нужен будет достаточно мощный компьютер.

- А нашей аппаратуры не хватит? - спросил Гарри. - Я думал, теория говорит, что программа должна работать на чем-то самом простом.

- А кто знает, - сказал Гамбини, - что для алтейцев самое простое? Я не знаю, как тут поступить, Гарри. Мне очень не хочется терять время на обходные пути, когда на самом деле, вероятнее

всего, достаточно найти правильный компьютер с правильными программами. Если мы ошиблись в предположениях и надо будет решать задачу каким-нибудь статистическим анализом, то мы с тобой вряд ли доживем до разгадки.

Гарри повертел в руках диск.

- Может быть, - сказал он, - вы не с той стороны заходите? Вы пользовались айбиэмовскими машинами?

- Конечно.

- Самыми большими, что у нас есть. А сейчас мы хотим найти еще большую. Однако логика Маевского предполагает меньшую. Менее сложную. - Гарри глянул на ноутбук Гамбини. - Я в этом не слишком разбираюсь, только знаю, что более мощные - они заодно и более сложные. Больше места для хранения информации. Больше инструкций, чтобы заставить машину работать. Я прав? Маевский кивнул.

Гамбини ясно давал понять, что Гарри заставляет его зря тратить время.

- А вы попробуйте машину поменьше, - предложил Гарри. - Дайте ей шанс. Что мы теряем?

- А ведь может быть, - задумчиво сказал Маевский. - Программа, которая не обращается ко всем адресам памяти машины, может не работать.

Гамбини помотал головой, поглядел на одного, на другого.

- Ты хочешь сказать, что маленький компьютер может то, чего не может большой?

Маевский кивнул.

Гамбини раскрыл ноутбук, включил его и взял у Гарри диск. Экран засветился, Маевский включил программу поиска и вставил диск в дисковод.

Засветилось окно:

ДЛЯ
ВЫПОЛНЕНИЯ ПРОГРАММЫ НЕДОСТАТОЧНО ПАМЯТИ.

Маевский покачал головой:

- Погоди-ка секунду!

Он вышел, и видно было, как он говорит с каким-то техником. Вернулся он хмурый.

- У нас нет программы поиска, требующей меньше памяти, - сказал он. - Надо попробовать на настольной машине.

- То есть опять более мощный компьютер, - вздохнул Гарри. - На круги своя.

- Можно переписать какую-нибудь из программ, - предложил Гамбини. - Но это потребует времени.

- Постоцте! - Маевский снова выскочил из кабинета, покопался в ящиках и вернулся с диском.

- «Звездный путь», - сказал он. - Эта штука тут валялась годами. Ей не нужно много памяти, и у нее есть фрагмент, который позволяет «Энтерпрайзу» анализировать тактические позиции Клингона. - Он осклабился: - А, черт с ним, попробуем.

Маевский загрузил игру, выбрал задание, а когда на экране засветился запрос, включил инструкции поиска. Потом он повернулся к Гарри.

- Давай, - сказал он. - Твоя была идея.

На экране отображалась имитация локаторов «Энтерпрайза». Видна была горсточка звезд, несколько десятков планет и любопытное возмущение по левому борту, которое могло быть каким-то объектом, прикрытым устройством невидимости. Нижнюю часть экрана занимали две панели состояния: строй кораблей слева, боевой поиск и анализ справа. Там светилась надпись: КОНТАКТОВ НЕТ.

Гарри добавил диск с Геркулеса и включил поиск.

Замигали красные лампочки дисководов.

- Читает, - сказал Гамбини.

Звездолет разгонялся. Возмущение, которое могло быть невидимым кораблем, исчезало с экрана. Звезды летели мимо «Энтерпрайза», как в старом телефильме, потом они стали реже и

тоже пропали.

- В игре этого не происходит, - заметил Маевский. Надпись КОНТАКТОВ НЕТ мигнула и исчезла. Панель

состояния опустела.

И появилось изображение куба.

- Такого точно в игре нет! - Маевский облокотился на стол, положил подбородок на руки и вдвинулся в экран.

Куб повернулся под сорок пять градусов, остановился и закрутился в обратную сторону.

Гамбини смотрел с надеждой. Когда он заговорил, голос прозвучал хрипло.

- Может быть, - сказал он. - Может быть.

Это был совершенно обычный куб. И в официальном отчете он выглядел бы чертовски глупо. Может, алтейцы отличные инженеры, но им бы не помешал ликбез по пиару.

- Зачем? - спросил Гарри. - За каким чертом они нам послали кирпич?

- Это не кирпич, - ответил Римфорд. - Это они нас приветствуют самым простым из возможных способов. Когда мы обсуждали проблемы общения между культурами, ранее полностью изолированными, мы думали только в терминах передачи инструкций. Но они пошли на шаг

дальше. Наверное, они решили, что нам нужно какое-то ощутимое поощрение, и потому послали картинку. И еще они установили некоторые параметры архитектуры компьютера, который мы, по их мнению, будем использовать, чтобы согласовать их с передачей.

Маевский со своими помощниками заканчивал регулировку компьютера. Математик вставил на место какую-то панель и дал сигнал Гамбини. Руководитель проекта загрузил стандартную программу поиска и вставил диск с записью передачи.

К машине были подключены несколько мониторов, чтобы всем было видно. Лаборатория была забита народом: люди, чья смена кончилась, еще остались, и царила атмосфера праздника.

Гамбини махнул рукой, требуя тишины.

- Кажется, мы готовы, - сказал он, включил компьютер в режим сканирования, и веселый шум затих. Все глаза смотрели на экраны.

Замигали красные лампочки.

- Работает, - произнесла Анджела Делласандро. Где-то в здании хлопнула дверь, послышался шум бойлера. Экраны были пусты. Лампочки погасли.

И появилась черная точка, едва различимая. Гарри попытался понять, не мерещится ли ему,

но точка раздулась в выпуклость. От нее протянулась черта через весь экран. Потом она свернула вниз под прямым углом и описала петлю. От основания петли протянулась вторая линия параллельно первой, а на конце ее возникла еще одна петля, касающаяся первой прямой.

Это был цилиндр.

Кто-то радостно завопил. Послышался хлопок и шипение пены.

Римфорд стоял у монитора, свет экрана падал на его лицо.

- Вот тебе и тезис Брокмана, - сказал астроном.

- Нет еще, - возразил Гамбини. - Пока еще рано говорить.

Под цилиндром появилась надпись из двенадцати знаков. Стало слышно, как напряженно дышит Римфорд.

- Это будет его название, - сказал он. - Обозначение для цилиндра. Нам передают словарь.

- А что такое тезис Брокмана? - спросил Гарри. Лесли посмотрела на Бейнса, тот кивнул.

- Гарви Брокман, - сообщила Лесли, - это психолог из Гамбурга, который утверждает, что две полностью чуждые друг другу культуры не смогут общаться иначе как на самом поверхностном уровне. Он обосновывает свою мысль тем, что для

интерпретации данных очень существенны психология, среда, общественные условия и история, следовательно, они же важны для общения и понимания мыслей друг друга. Нет параллельного опыта - нет разговора. - В голосе ее зазвучало сомнение. - Эд тебе скажет, что Брокман может еще оказаться прав, поскольку мы только начинаем. Но я думаю, мы уже видим некоторые свойства подхода алтейцев к разрешению проблем, очень похожие на наши. И сегодня вечером мы можем получить еще одно этому подтверждение.

Римфорд заинтересовался:

- А какое, Лесли?

- А ты представь себе нас, - сказала она. - Если бы мы кодировали картинку для другого вида, какое изображение мы бы послали обязательно?

- Наше собственное, - ответил Гарри.

- В точку. Гарри, из тебя вышел бы отличный психолог. Так вот, я скажу вам, что нам предстоит узнать. Способность к созданию технологической цивилизации требует по самой своей сути определенной логики и типа восприятия, что перевешивает, и намного, быть может, факторы, о которых говорит Брокман.

- Посмотрим, - пожал плечами Гамбини. - Надеюсь, что ты права.

На глазах у Гарри цилиндр исчез.

Снова появилась точка. На этот раз получилась сфера. И снова с надписью. Пирамида. Трохоида.

- Розенблюм уже знает? - спросил Гарри.

- Я не уверен, что мы уже готовы выходить на директора, - ответил ему Гамбини. - Можно сообщить ему позже, когда поймем, что у нас тут получается. Ведь именно это он и любит? А пока что выкинем отсюда этих алкоголиков.

Он возвысил голос на последней фразе, и несколько «алкоголиков» зааплодировали.

Через некоторое время снова появился цилиндр, но под прямым углом к ранее показанному. И новая надпись.

- Она должна быть похожа на предыдущую, - сказал Маевский, - и общая часть, значит, будет определять сам предмет. А различие - угол наклона или что-то в этом роде.

Гарри не понял, но спрашивать не стал. Появился третий цилиндр.

И еще долго продолжалась демонстрация геометрических фигур. В конце концов Гарри заскучал и сказал, что пойдет известить Розенблюма. Было уже за полночь.

Директор не выразил удовольствия ни поздним временем звонка, ни содержанием сообщения.

- Цилиндры! - буркнул он. - О'кей, Гарри, но это не то, что нам нужно. Ладно, ты присматривай, что будет дальше, и извести меня, если появится что-то новое.

Гарри нашел пустой кабинет и часок вздремнул. Когда он вернулся в центр, то все еще ощущал жуткую усталость. Найдя Гамбини, он описал ему реакцию директора и хотел уже попрощаться, когда заметил, что физик вообще ничего из его слов не слышал. И вообще настроение в зале как-то изменилось.

- Что случилось? - спросил Гарри.

На рядах экранов все еще красовались разные геометрические фигуры. Гарри понял, что программа кончила работу, что инструкции получены и теперь ученые собираются начать более детальное исследование. Гамбини подтащил его к одному компьютеру.

- Вот на это ты должен посмотреть.

Он включил машину и отошел, чтобы не закрывать Гарри обзор.

Рядом появилась Лесли.

- Привет! Кажется, серьезное дело сегодня делается. И я так понимаю, что это твоя заслуга, Гарри. Поздравляю.

Она сияла.

На экране обрела форму и стала вращаться сфера. На приличном расстоянии от ее поверхности появились четыре точки, раздулись и выбросили параллельные кривые, быстро окружившие сферу. На образе нарисовались тени и углы, придавая ему глубину.

- Боже мой! - ахнул Гарри. - Это же Сатурн!

- Вряд ли, - усомнился Гамбини. - Но я думаю, нет ли колец у их родной планеты.

Картинка исчезла.

И снова стала видна знакомая черная точка. На этот раз она постепенно раздулась в нечто вроде тетраэдра. Фигура была похожа на паука и шевелила конечностями.

- Мы думаем, что так выглядит алтеец, - сказал Гамбини.

На следующий день Гамбини ушел к себе на квартиру в VIP-секции в северо-западном углу Годдарда. Он не знал, сможет ли уснуть, но сейчас делом занимались компьютеры, и Гамбини хотел сохранить на будущее хоть какую-то работоспособность.

Он рухнул на кровать, довольный, и погрузился в забытье со счастливой мыслью, что исполнились честолюбивые мечты его жизни. На самом деле все мечты, к которым можно было относить-

ся серьезно, превзойдены многократно.

Когда через несколько часов зазвонил телефон, Гамбини не сразу сообразил, где находится. Он зарылся головой в подушки, но телефон звонил настойчиво, и физик, пошарив рукой, стукнул по нему.

Голос на другом конце принадлежал Чарли Хофферу.

- Кончилось, - сказал он.

- Что? Передача сигнала?

- Да. Пульсар снова заработал. Гамбини поглядел на часы:

- Девять пятьдесят три.

- Полный оборот по орбите, - подтвердил Хоффер.

- Они последовательны. Каков объем?

- Мы еще не подсчитали.

- О'кей, спасибо, - сказал Гамбини. - Если что-нибудь изменится, Чарли, дай мне знать.

Он вбил цифры в калькулятор. Объем переданной информации был около 46,6 миллиона символов.

МОНИТОР

Выдержка из интервью с Бейнсом Римфордом, опубликованного в октябрьском

номере журнала «Дип спейс».

Вопрос: Профессор Римфорд, цитируются ваши слова, что есть несколько вопросов, которые вам особенно хотелось бы задать Богу. Вы не могли бы нам сказать, что это за вопросы?

Ответ: Для начала было бы приятно иметь работоспособную БЕТ.

В: вы имеете в виду Большую Единую Теорию, связывающую воедино все физические законы?

О (со смехом): Нас бы устроило знать, как связаны слабые и сильные ядерные взаимодействия, электромагнетизм и гравитация. Есть некоторые основания полагать, что когда-то очень недолго это была одна и та же сила.

В: И когда это могло бы быть?

О: В первые наносекунды после Большого Взрыва. Если вообще был Большой Взрыв.

В: В этом есть сомнения?

О: Есть довольно много людей, которые пытаются найти придирки к этой теории. Но я лично не считаю, что здесь есть в чем сомневаться. Сегодня, я думаю, куда

актуальнее вопрос, было ли это событие единственным в своем роде.

В: Вы хотите сказать, что Большой Взрыв был не один? О: Ну конечно, не здесь. На самом деле вы спрашиваете, единственна ли Вселенная. Одна ли она.

В: И как? Она единственна?

О: Мне неизвестно. И никому не известно. Вероятно, и не будет известно никогда.

В: Чему еще вы хотели бы получить объяснения? О: Мне бы хотелось знать, почему вообще что-то существует. Почему не ничто? Мне хочется знать, откуда взялся порядок. Мне удивительно, что во Вселенной есть что-то, кроме холодной грязи, скользящей в темноте.

В: Не уверен, что я вас понял.

О: Тогда вернемся к Большому Взрыву.

В: Если таковой был.

О: По всей видимости, в Большом Взрыве содержалось ровно столько энергии, сколько нужно для создания долгоживущей Вселенной. Будь он на ничтожную долю слабее, все очень быстро схлопнулось бы опять. Слабее - в смысле слабее на

исчезающе малую долю процента. С другой стороны, будь он хоть чуть сильнее, не могли бы сформироваться галактики.

Или обратимся к сильным взаимодействиям, которые удерживают от распада ядра атомов. Снова-таки, нет видимой причины, по которым эти силы должны быть именно таковы. Будь они хоть чуть сильнее, не было бы ни водорода, ни воды. Будь они слабее, не было бы желтых солнц. И на самом, деле таких совпадений чертова уйма, почти бесконечное число. Можно вспомнить атомные веса, и точки замерзания, и кванты, и почти любой физический закон, который может прийти на ум. Измените одну константу из значительного их числа, суньте лишний протон, скажем, в атом гелия, и это даст вам отличный шанс дестабилизировать Вселенную. Такое впечатление, что мы живем в доме, тщательно спланированном, вопреки поистине космического масштаба шансам, как колыбель разумной жизни. И очень мне хотелось бы знать, почему так вышло.

Перепечатка из «Системик эпистемолоджи», т. XIV

Глава седьмая

Эдна закрыла дверь за крупным седовласым мужчиной. Он был импозантен, в дорогом угольно-черном костюме с не подходящим по цвету зеленым галстуком, в черных ботинках, начищенных до армейского блеска. Но он не был военным. Острый взгляд серых глаз небрежно обежал обстановку, будто Гарри здесь и не было, оценил ее с ленивым презрением. Наконец его взгляд остановился на Гарри.

- Мистер Кармайкл?

Гарри встал и вышел из-за стола. Это было неожиданное появление.

- Да, - сказал он, протягивая руку. - Доброе утро, профессор.

Посетитель сделал вид, что не видит руки.

Это был Майкл Пападопулос, декан философского факультета Оксфорда, почетный член Королевского общества, действительный член Союза философов, автор полудюжины основополагающих работ, в том числе классической «Божественность и судьба». Гарри ощутил в его поведении что-то от барабанной дроби.

Профессор оглядел Гарри как экземпляр, не

представляющий особого интереса.

- Доброе утро и вам, сэр.

- Прощу вас, садитесь, профессор. Чем могу быть вам полезен?

Пападопулос остался стоять.

- Вы можете убедить меня, что здесь хоть кто-нибудь понимает значение передачи с Геркулеса.

- Об этом вам нет необходимости беспокоиться, - дружелюбно ответил Гарри. - Мы знаем, что она значит.

- Счастлив это слышать. К сожалению, из ваших действий это не следует. НАСА получила сигнал с Геркулеса утром семнадцатого сентября и решила, непонятно по каким причинам, скрыть его существование до пятницы десятого ноября. Вам не кажется это несколько безответственным, мистер Кармайкл?

Гарри смущенно поежился.

- Мне кажется, - начал он, - что безответственно было бы делать преждевременное заявление, пока мы не были уверены во всех фактах. Мы сочли такое решение наилучшим.

- В этом я не сомневаюсь. И именно об этом решении сейчас и идет беседа.

Пападопулос был мужчина крупный - вполне

подходящий контейнер для трезвого подхода к неокантианскому материализму, который и создал профессору репутацию сначала в научных кругах, потом и вообще в мире. С лица его не сходило выражение бесстрастной скуки, тон всегда был сух и официален. Чем-то он напомнил Гарри старый фолиант по метафизике - сухой, пыльный, подавляющий просто своим присутствием.

- Я с грустью констатирую, - продолжал профессор, - что, вероятно, последует совершенно аналогичный образ действий, если будет принято продолжение передачи. - Он сделал паузу и среагировал на что-то в лице Гарри. - Итак, произошло еще что-то? Вы опять скрываете информацию?

- Мы обнародовали все, что у нас есть, - ответил Гарри.

- Не пытайтесь, пожалуйста, отвечать уклончиво, мистер Кармайкл. - Пападопулос наклонился через стол, выразив на лице скучающее раздражение и легкое отвращение. Такого человека, подумал Гарри, легко невзлюбить с первого взгляда. Под этой самоуверенностью, вопреки его репутации и достижениям, скрывалась болезненная тяга самоутвердиться. Он все время боялся, что его оценят не так высоко, как он того заслуживает. - Итак, происходит ли сейчас что-то

такое, о чем миру следует знать?

«Когда будет время, я вам скажу».

- Нет.

Черт бы побрал Розенблюма. И президента вместе с ним.

- Понимаю. И почему же я не верю вам, мистер Кармайкл? - Он облюбовал кресло и опустил себя в него. - К вашей чести надо сказать, что вы неумелый лжец. - Тяжело отдуваясь, будто после долгой ходьбы, профессор Пападопулос прервал речь, чтобы собраться с силами. - Секретность - безусловный рефлекс в этой стране, как и в моей. Она душит мысль, тормозит научный прогресс и разрушает целостность. - Профессор подался вперед. - *Уничтожает* ее. - Глаза Пападо-пулоса сощурились в щелки; он созерцал невежественное самодовольство окружающего мира. - Я предположил, что единственной причиной опубликования информации явилось то, что передача, очевидно, кончилась и ничего более не поступало. Такой факт имеет место?

- Профессор, все это нас ни к чему не приведет. Я отмечу ваш протест и доведу его до сведения моего начальства.

- В этом я не сомневаюсь. Таким образом, как я понимаю, дальнейшая передача *имела ме-*

*сто?*Это была текстовая передача? Вы достигли каких-либо успехов в ее расшифровке?

- Если будут какие-либо дальнейшие передачи, - сказал Гарри,- мы обнародуем информацию.

- Истинные слова ливрейного лакея. - Пападопулос поднял глаза на портрет Роберта Х. Годдарда, висевший на стене за столом Гарри. - Ему, знаете ли, все это было бы крайне неприятно.

Гарри встал.

- Очень любезно было с вашей стороны посетить нас, профессор.

Пападопулос кивнул и опустил глаза. «Вы, Кармайкл, не стоите, чтобы я на вас время тратил». Гарри как профессиональный чиновник жил взаимопониманием и компромиссом. Конфликты, которые никак не могут оказаться продуктивными, были совсем не по его части.

- Что случилось, то случилось, - заключил Пападопулос. - Меня же теперь волнует будущее. Я намеревался спросить вас, какова будет ваша позиция в случае, если из Геркулеса будет передано еще что-нибудь. *Ваша* позиция, мистер Кармайкл, а не правительства. Я опечален, что получил подобный ответ.

Гарри сделал несколько шагов к двери, приглашая профессора покинуть кабинет.

Пападопулос остался сидеть в кресле.

- Даже у чиновника должна быть совесть. Люди, на которых вы, мистер Кармайкл, работаете, заинтересованы только в одном: в политических преимуществах, которые можно извлечь из ситуации. Позвольте мне напомнить, что ваш долг прежде всего перед нами всеми, а не перед вашими закоснелыми нанимателями. Восстаньте против этих негодяев! - Он возвысил голос. - Вы обязаны так поступить ради всех, кто пытается понять природу мира, в котором мы живем. И ради себя самого.

- Профессор, у меня действительно нет больше… Пападопулос продолжал вещать:

- Спустя много лет, когда и вы, и я давно сойдем со сцены, вас #163;ще будут помнить за вашу храбрость и вклад в общее дело. Промолчите, покоритесь вашим жалким хозяевам, и я заверяю вас, что вы более чем заслужите забвение, в которое и уйдете. - Он сунул руку в жилетный карман. - Это моя карточка, мистер Кармайкл. Звоните не колеблясь, если я смогу быть вам полезным. - Он встал и направился к двери. - И прошу вас не сомневаться, что я буду счастлив встать на вашу сторону.

Вся передача была записана, и техники сделали

несколько копий на компакт-дисках, каждая с этикеткой и в герметической пластиковой упаковке.

Бейнс записал один набор дисков на себя и еще час провел у себя в кабинете, просто листая вводную инструкцию, разглядывая геометрические узоры, пытаясь воспринять ту реальность, что эти фигуры были составлены мозгами, не принадлежащими людям. Это знание в буквальном смысле подняло его на новый эмоциональный уровень.

Теперь он, конечно, будет работать круглые сутки. И ему нужен будет экземпляр полной записи дома, на квартире. Так будет куда удобнее. Он пошарил вокруг и нашел несколько болванок дисков.

Вернувшись в офис, он сдублировал набор, вернул оригиналы на место и унес копии с собой. Через час он уже был у себя на вилле, сидя над раскрытым ноутбуком, готовый к первому серьезному погружению в потусторонний мир внеземной передачи.

На улице неугомонный ветер облизывал деревья.

Гарри ворвался в кабинет Гамбини, описал разговор с Пападопулосом, выслушал от хозяина

пару аналогичных историй, и они друг другу посочувствовали.

- Кому-то надо поговорить с президентом, - сказал Гамбини, наливая Гарри кофе. - Он слышит только одну сторону, соображения безопасности. Людей вроде Мэлони да политических консерваторов, которые только о том и думают, как бы чего не вышло. Дальше собственного носа они не видят. Гарри, я не хочу быть объектом политической возни.

- Входит в должностные обязанности, - пожал плечами Гарри.

Он давно работал в правительственных учреждениях и знал, что проекты, где есть риск, никогда не обнародуются, пока не будет достигнут успех. Разве что уж деваться некуда.

- Черт побери, Гарри, я всю жизнь ждал чего-то вроде этого события и даже надеяться не смел, что оно случится!

Теперь эти сукины сыны начинают путаться под ногами. Слушай, Гарри, у Харли есть шанс сделать по-настоящему полезное дело. Мир во всем мире от этого не получится, но хоть некоторые заборы можно будет посшибать. Мы же до сих пор никогда не действовали как единый биологический вид. Был такой шанс в конце Вто-

рой мировой войны, и еще один после холодной войны. Но сейчас, Гарри, сейчас - разве может быть что-то естественнее, чем собрать всех воедино четким и твердым знанием того, что, - как любит говорить Пит, - там кто-то есть? И больше всего меня злит, что Розенблюма сегодняшнее положение более чем устраивает.

- Но мы же не знаем, что может оказаться в передаче, Эд. Мне кажется, это вполне законное замечание.

- Ты прав. Эта штука может взорваться, и будут трупы. Но все шансы против такого поворота. Гарри, какого черта - в прошлом веке почти все время мы сползали к войне, и я не вижу, почему в этом должно быть лучше. Может, нам нужна азартная игра, такая, чтобы играть вместе на одной стороне, и тогда сползание остановится? Перед нами тайна, и куда лучше привлечь к ее разгадке всех, чем стараться самим ее расколоть, никому ничего не говоря. - Он сузил глаза. - И нам надо сделать решительный шаг.

- Вот ты и делай, если хочешь, - ответил Гарри. - А меня уволь. Я не хочу оказаться в Колорадо младшим писарем ведомства по охране диких животных.

Гамбини поправил галстук и посмотрел на

Гарри тяжелым взглядом.

- О'кей, я тебя даже понимаю. Но и ты пойми, что мы становимся персонажами истории, Гарри. То, что здесь происходило последние два месяцами то, что произойдет, когда мы разберемся с передачей получше, будут рассматривать и описывать еще очень долго. И я хочу быть уверенным, что, когда будут подбивать бабки, я окажусь не там, где минус.

- Забавно. То же самое говорил Пападопулос.

- Так оно будет, Гарри. Такой масштаб, что не получится по-другому.

- А зачем тебе я?

- Затем, что я не могу просто так ввалиться в Белый дом. А вот ты можешь меня провести.

- Как?

- Там в четверг будет ежегодное собрание национального научного фонда. Президент будет раздавать награды школь-

никам. Полно журналистов, и идеальная возможность подобраться к президенту. Но сначала я должен туда попасть. Для НАСА, если попросить, несколько билетов выделят. - Гамбини нагнулся вперед. - Ну так как, Гарри?

- То есть тебе наплевать, если меня запрут в горы? Гарри очень хотелось, чтобы все это рас-

сыпалось само

собой. Как его семья. Если Гамбини пойдет к президенту и весть дойдет до Розенблюма, Гарри крупно влип. С другой стороны, что ему могут сделать? Он на гражданской службе, так что уволить его нельзя. Но можно запихнуть в самый глухой угол какого-нибудь офисного небоскреба, где придется целый день скучать над кроссвордами.

В Годдарде ему нравилось, но он ощущал свою второсортность по отношению к людям, которые заглядывают в глубокий космос, пока он им организует социальное страхование. Может, он сам начинал усваивать их презрение к его профессии,

- Я посмотрю, что можно сделать, - сказал он.

- Пригласи еще и Бейнса, - посоветовал Гамбини. - Президент ему симпатизирует.

- Я все время думаю, - произнес Джон Харли своим звучным баритоном, оглядывая два десятка молодых людей, что сидели по обе стороны от его стола, - нет ли здесь среди нас нового Фрэнсиса Крика или Джонаса Солка. Или Бейнса Римфорда.

Оживление в зале, аплодисменты, постепенно захватывающие всех. Римфорд с подобающей скромностью поднялся и поклонился.

Президент снова обратился к школьникам.

- В некотором смысле, - начал он, - достаточно для нас будет задуматься, что нас здесь сегодня собрало вместе. Уверен, профессор Римфорд согласится со мной, что будущее само о себе позаботится. Так что давайте вопрос о нем пока отодвинем в сторону и подумаем о достигнутом. Гордитесь тем, что вы сделали. Радуйтесь своему успеху. Он и привел вас сюда. Но я подозреваю, что для большинства из вас это только начало.

Сидя за одним из дальних столов, Гарри с интересом наблюдал. Харли никогда не говорил по бумажке, всегда экспромтом, и это о нем сказано, что есть люди, которые способны зачаровать публику, читая телефонный справочник. Старожилы Вашингтона утверждали, что он - лучший оратор со времен Кеннеди. Может быть, вообще лучший. Но Гарри никогда по-настоящему не думал о президенте как об ораторе и не считал, что в этом его гений. Когда слушаешь Харли, не возникает ощущения декламации. Скорее будто сидишь напротив на табуретке, в тускло освещенном баре, и ведешь непринужденный разговор. Иногда Харли создавал иллюзию, что разговор двусторонний, обмен мнениями. И уже не важно, кто ты, докер или экономист: Харли с каждым

говорил на его языке и часто - одновременно. Дар языков, называл это Том Брокау.

Римфорд явно был необычайно доволен. Они приехали пораньше, по настоянию великого человека, и он побродил среди молодых лауреатов, задавал вопросы, выслушивал ответы, пожимал руки.

Запрос был подан поздно, и потому на почетные места попасть не удалось. Конечно же, Римфорд был возвышен до кресла в переднем ряду. Гарри сидел за спиной школьников, а Гамбини вдвинули между двумя говорливыми представителями школьного округа Индианаполиса, которые в этом году воспитали двух лауреатов. Когда один из них попросил его поменяться с ним местами, он оказался рядом с молодой дамой из Лаборатории реактивного движения, которая, узнав его, тут же начала критиковать всю его манеру руководить проектом «Геркулес» и продолжала выражать свою неприязнь к нему в течение всего банкета.

- Профессор Римфорд, - обратился Харли, - можем ли мы попросить вас вручить награды?

- Это для меня честь, мистер президент, - сказал Бейнс, вставая и спускаясь к трибуне.

Зал снова зааплодировал. Зрелище было спе-

циально на репортеров: президент взял на себя роль шестерки, называя имена победителей, передавая грамоты Римфорду, и скромно стоял рядышком, пока космолог вручал награды. Гарри оценил спектакль как блестящий. Неудивительно, что столько людей любят президента, хотя он исполнил так мало своих обещаний.

После конца церемонии президент поблагодарил Римфорда, добавил несколько заключительных фраз и двинулся к двери. Гамбини, захваченный врасплох столь быстрым уходом президента, вскочил на ноги и бросился следом. Но его не охраняла секретная служба, и на него тут же налетели стаей репортеры. Гарри смотрел, как он с отчаянием пытается выбраться, а Харли уходит к двери.

Президент остановился поговорить с Касс Вудбери из Си-би-эс. Подскочила пара других репортеров. Засверкали вспышки, кто-то засмеялся. Зрители, пытаясь подобраться ближе к Харли, проталкивались мимо стула Гарри, кто-то сбил на пол стакан. Гамбини не было видно.

Харли все еще разговаривал с Вудбери, поглядывая на часы и подаваясь к выходу. Хилтон, пресс-атташе Белого дома, держал дверь открытой.

Гарри медленно поднялся, более или менее надеясь, что Харли уйдет и ему не придется встревать в это дело. Но Вудбери пока не отставала. Гарри протолкнулся вперед, влез на сцену и встал между президентом и выходом. Харли как раз пытался закончить разговор с журналисткой.

- Честно, это все, что я могу сказать, Касс, - развел он руками. - Нью-Джерси не просил федеральной помощи. Но если надо будет, мы там будем.

Он отвернулся, улыбнулся в телекамеру, помахал кому-то в зале и дал своим людям знак его вывести.

Гарри был возле самого его плеча, и один из агентов уже на него поглядывал.

Какая-то корреспондентка попыталась что-то спросить насчет Ближнего Востока, и другой агент оттер ее прочь, а Харли направился к двери. В этот момент Гарри попался ему на глаза.

- Мистер президент! - сказал он, зная, что совершает ужасную ошибку.

Харли понадобился лишь миг, чтобы вспомнить, кто перед ним.

- Гарри? - сказал он. - Я не знал, что вы здесь сегодня.

- И доктор Гамбини тоже здесь, сэр. Мы бы хотели сказать вам словечко, если это возможно.

Дело действительно важное.

Добродушное веселье, не оставлявшее президента в течение всей церемонии, никуда не делось. Но стали видны морщины вокруг рта, и темные глаза за очками глянули устало.

- Десять минут, - сказал президент. - У меня дома.

На полках вдоль стен стояли Достоевский, Толстой, Диккенс и Мелвил, все в кожаных переплетах, и одна книга лежала открытой на кофейном столике - «Анна Каренина».

- Потрепанные, - сказал Гарри, оглядев тома. - Ты мог бы подумать, чтобы не кто-нибудь, а именно Харли читал русские романы?

- Если это так, я думаю, у него хватает ума об этом не распространяться.

Гамбини сидел, засунув руки в карманы, закрыв глаза.

Комнату заливало солнце. Внизу была видна группа из Национального научного фонда, расходившаяся по газонам Белого дома, чиновники, родители, учителя, дети - все фотографировали, показывали друг другу медали и вообще радовались жизни.

Из коридора послышались голоса, потом распахнулась дверь, и вошел Харли.

- Здравствуйте, Эд! - Он протянул руку. - Рад вас видеть. - Президент повернулся к Гарри. - Хотел сказать вам спасибо, что предложили Бейнса. Он был сегодня великолепен.

У президента есть некоторый вкус к преувеличениям, подумал Гарри.

Харли взял себе стул и спросил, как понравилась церемония. Гамбини выразил должное восхищение, хотя Гарри был слишком занят своими мыслями, чтобы сильно прислушиваться.

- Я рад, что вы пришли, - сказал президент. - Дело в том, что я собирался с вами связаться. Эд, Геркулес открывает интересные возможности, и меня очень интригует, что вы и ваши люди там делаете. Но вы же знаете, как я получаю информацию? Вы говорите с Розенблюмом, он еще с кем-то, пока не дойдет до самого верха в НАСА, а потом сюда, к Шнайдеру. - Имелся в виду Фред Шнайдер, честолюбивый советник президента по научным вопросам. - Когда наконец информация попадает ко мне, только остается гадать, какие вкрались искажения, что выпало, а что переврано. - Он написал телефон на бумажке из стопки, оторвал ее и протянул Гамбини. - По этому телефону вы можете связаться со мной в любую минуту. Если я не смогу подойти, я потом

перезвоню. В любом случае звоните каждое утро, скажем, в четверть девятого. Я хочу быть в курсе того, что у вас делается. Вы меня понимаете?

- Да, мистер президент.

- Особенно я хочу знать о любом прогрессе в прочтении посланий. Я хочу знать, что за материал мы получаем. И меня интересует ваше мнение по поводу всех возможных последствий.

Почему-то от переданного телефона Гарри занервничал. В комнате было чуть слишком тепло.

- Вы продолжаете двигаться вперед? - спросил президент. - Отлично. Если так, может быть, вы мне расскажете, с чем вы пришли?

- Мистер президент, - нерешительно начал Гамбини, - мы работаем не так эффективно, как могли бы.

- Вот как? А почему?

- Во-первых, у нас слишком ограниченный персонал. Мы не смогли привлечь всех людей, которые нам нужны.

- Проблемы с оформлением? - понял Харли. - Я посмотрю, нельзя ли его чуть упростить. А пока, Эд, вы должны понимать, как тщательно нам надо охранять эту операцию. Я даже сегодня утром приказал присвоить код секретности посланию с Геркулеса. И к вечеру вам помогут с вопросами

безопасности.

На лице Гамбини отразилось страдание.

- В этом и есть проблема, мистер президент! Мы мало что можем сделать, не имея возможности контакта с самыми разными специалистами. Оформление допуска занимает время, и мы не всегда можем знать заранее, кто нам будет нужен. Если надо ждать шесть месяцев, пока человек к нам придет, то и суетиться не стоит.

У Харли чуть заметно сжались губы.

- Я посмотрю, что можно сделать. Еще что-нибудь?

- Мистер президент! - произнес Гарри, нарушив обещание самому себе не высовываться. - Среди сотрудников проекта, в научных и университетских кругах есть сильное чувство, что мы не имеем права скрывать открытие Такого масштаба от общественности.

- А у *вас* какое чувство, Гарри?

Гарри посмотрел прямо в проницательные глаза президента.

- Я думаю, что они правы.

- Научные и университетские круги, - повторил Харли с почти незаметной досадой, - не должны иметь дело с китайцами. Или с арабами. Или со ста сорока карликовыми режимами, которые

ничего так не хотят, как создать дешевое новое супероружие и подкинуть через забор на задний двор кому-нибудь, кто им не нравится. Если *научные и университетские круги* ошибутся, трупов не будет. У меня несколько другая ситуация, и от меня требуется осторожность. - Он зажмурился. - Кто знает, что может оказаться в этой передаче?

- Я думаю, - сказал Гамбини, ставя все на кон, - мы становимся малость параноидальными.

- Вы так думаете? Вам легко сделать такое предположение, Эд. Если вы ошибетесь… - президент передернул плечами, - подумаешь, важность! - Он закрыл шторы, отрезав солнце от комнаты. - Вы думаете, я не знаю, как мы при этом выглядим? Пресса считает меня фашистом, а Американское философское общество заламывает пальцы в тоске. Но где окажется это самое Американское философское общество, если мы запустим цепь событий, ведущих к катастрофе? - Харли вздохнул, и в этом вздохе была усталость, нерешительность, досада. Подобного выражения на публике Гарри на лице президента не видел. - И вам нельзя будет привлекать дополнительных людей, пока мы не убедимся, что им можно доверять. Если это потребует несколько дней или несколько лет, значит, так оно и будет. Мы сохраним содержа-

ние передачи для себя. Я вот на что могу для вас пойти: вы можете объявить о втором сигнале, можете обнародовать картинки - треугольники там и прочее. Но все остальное, то, что мы пока еще не можем прочесть, останется под крышкой.

Через час их с последними новостями встретил Маевский:

- Мы нашли теорему Пифагора!

МОНИТОР

АМЕРИКАНСКИЙ СОЮЗ УЧЕНЫХ КОПАЕТ ПОД ХАРЛИ

Группа ученых требует обнародования «Геркулеса»...

ДВИЖЕНИЕ
ЗА ЛЕГАЛИЗАЦИЮ НАБИРАЕТ ОЧКИ В КОНГРЕССЕ

Кокаин и другие наркотики будут распространяться через клиники...

АМА поддерживает такие меры...

ТУПИК В ЖЕНЕВЕ

Китайцы грозят уходом...

ОЛИМПИЙСКАЯ НАДЕЖДА БОЛЕН

ЛЕЙКЕМИЕЙ

Звезда велотрека Брэд Конрой свалился на дистанции спринта…

ДЕТИ ПОДЛОЖИЛИ ЛОМ НА РЕЛЬСЫ

Локомотив сошел с рельсов, двое раненых…

СРЕДСТВО ОТ ДИАБЕТА ПОЯВИТСЯ ВОТ-ВОТ

ТРЕБОВАНИЕ ОГРАНИЧИТЬ ДОСТУП ПУБЛИКИ В ОКАМЕНЕВШИЙ ЛЕС

Это единственный ответ на вандализм, говорит Мюррей… Оппоненты спрашивают, что будет дальше…

МИЛБУРН НЕ СЧИТАЕТ ИНФЛЯЦИЮ ОПАСНОЙ

Обзор рынков…

КАК ДОЖИТЬ ДО СТА ЛЕТ

Папаша Деккер в свой день рождения рекомендует чувство юмора…

Но утверждает, что чем дальше, тем труднее…

ТЕРРОРИСТЫ ВСЕ ЕЩЕ УДЕРЖИВАЮТ ДВОИХ ЗАЛОЖНИКОВ В ЛЕЙКХЕРСТЕ

Атомное облако может накрыть Филадельфию… Губернатор запретил использование войск… «Мы сможем договориться с этими людьми»…

АНГЛИЧАНЕ ОБЕЗВРЕДИЛИ БОМБУ ИРА

Летучий эскадрон явился в бар в Манчестере по наводке…

ПЕНТАГОН ОТВЕРГАЕТ ОБВИНЕНИЕ В ПЕРЕРАСХОДАХ

Отвертки за две тысячи долларов… Двое обвиняемых…

Глава восьмая

Пресс-конференцию Гарри назначил на десять утра. Он заказал художнику несколько рисунков звездной системы Алтеи и приличный кусок вечера провел, помогая бурчащему Теду Паркинсону подготовить заявление, отрепетировать вопросы и обнародовать вводную часть передачи. Паркинсон, директор Годдарда по связям с общественностью, был очень недоволен. Как и многие участники проекта, он чувствовал, что его честность сильно страдает от того, как ведется дело. Не стесняясь, он отпускал комментарии насчет начальства, явно давая понять, хотя и не говоря прямо, что не исключает Гарри из этой презренной категории.

Но в настоящий момент искусство Паркинсона и его превосходные отношения с прессой были ценным капиталом. Он походя подпустил Гарри еще одну шпильку - что надеется, что эти отношения переживут наступающий день. Хотя прямо он уходом не угрожал, но у каждого, кто дал бы себе труд, могло сложиться такое впечатление.

Утром Розенблюм был явно не в духе.

- Приказ президента, - неопределенно объяснил

Гарри, не вдаваясь в детали.

Директор фыркнул:

- И где я был, пока все это происходило?

- Не знаю, сэр. Я вам оставил сообщение на автоответчике. Розенблюм прищурился. Он нацарапал себе что-то для памяти, и его настроение несколько улучшилось.

- Это жуткий ляп, Гарри, - сказал он. - Но этот чертов дурак все равно сделает по-своему, кто бы ему что ни говорил. - Он сердито возвел глаза к потолку. - Ладно, никуда не денешься. Только пусть Тед постарается как можно короче.

Зал для прессы в центре для посетителей был бы слишком мал. Гарри захватил все свободные стулья, которые смог найти, и занял самый просторный из доступных залов в здании № 4. В зале сняли драпировку и повесили изображения клубящихся галактик, рядов антенн и взлетающих ракет. Почти вся задняя стена была уже покрыта четвертой картой каталога UHURU, где были показаны главные источники рентгеновского излучения в галактике. Паркинсон принес из гостевого центра несколько моделей спутников и ракет-носителей.

Закончив подготовку, Гарри объявил, что он удовлетворен.

- Надо будет оставить этот зал за собой, - сказал он Паркинсону, когда стали прибывать фургоны телевидения. - Он нам еще понадобится.

Уйдя к себе в кабинет, он погрузился в хозяйственные отчеты. Без нескольких минут десять он включил телевизор. Двое ведущих Эн-би-си строили догадки'насчет пресс-конференции в Годдарде и, не так чтобы к удивлению Гарри, предположили, что пришел второй сигнал.

Си-эн-эн гнала в эфир виды центра и пересказывала его историю. В конце показали клип с пресс-конференции президента на прошлой неделе. Ровно в десять камеры дали интерьер здания и входящего в зал Паркинсона.

Молодой директор по общественным отношениям производил именно то впечатление, которое Гарри хотел: моложавый, энергичный, с добродушным юмором, знающий и преданный делу. Слава Богу, не будет такого, как бывает на правительственных брифингах: чиновник монотонно зачитывает заявление и ныряет в заднюю дверь.

Рядом с трибуной стоял компьютер. . Паркинсон оглядел собравшихся, и журналисты притихли.

- Доброе утро, леди и джентльмены! - начал Паркинсон. - В час девять минут ночи на субботу

«Скайнет» принял второй сигнал от звездной системы в Геркулесе.

Дальше он описал характеристики передачи, а потом бросил бомбу:

- Могу также сообщить вам, что нам удалось расшифровать относительно малую часть…

Дальше говорить было невозможно. Разразился пандемониум. Кто-то кричал, требуя разъяснений. Он говорит, что мы поняли, что передают инопланетяне? И что же они говорят? Будут ли опубликованы записи?

Паркинсон поднял руки и ждал тишины.

- Если вы меня еще немного потерпите, леди и джентльмены… - Он сбросил темп, томя аудиторию ожиданием. - Да, мы смогли прочесть небольшую часть передачи. Пока что это только начало: несколько математических символов и кое-какие известные теоремы.

- Какие именно? - спросила корреспондентка «Вашингтон пост».

- Общеизвестные. Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Такого сорта. Этот материал содержится в первом сегменте, или наборе данных, передачи. Сама передача в настоящий момент, по-видимому, завершена. Алтейцы ее разделили на четыреста семнадцать наборов

данных. Вот этот, - Паркинсон показал диск, - представляется нам приветствием и инструкцией к дальнейшему. Здесь я должен сказать, что, несмотря на некоторые достижения, нам предстоит еще долгий путь, пока мы сможем прочесть текст.

Кто-то захотел узнать, передают ли алтейцы сигнал именно на Землю. *Знают ли они, что мы здесь?*

- Я был бы благодарен, если бы вы потерпели с вопросами, пока я не закончу, - попросил Паркинсон. - Но на этот я отвечу. Нет, они наверняка не знают о нас. Учтите, что сигналы отправлены очень давно. И очень издалека.

Смех в зале.

Он описал метод, который использовался для анализа двоичного кода.

- Неоценимую помощь нам оказал «Энтерпрайз».

Снова смех в зале, и напряжение спало. Гарри сомневался, стоит ли рассказывать этот эпизод, но Паркинсон настаивал, что именно такого рода красочная деталь вызовет отличную реакцию и настроит аудиторию дружелюбно. Тем не менее по традициям космического центра об индивидуальных заслугах не говорилось, и Гарри упустил

свой шанс на бессмертие.

- А теперь, - сказал Паркинсон, - я покажу вам первые картинки, полученные с другой планеты.

Заранее подготовили видеоленту. Она занимала две минуты, и в ней показывались кубы и цилиндры из инструкции. Пока образы плыли на экране, Касс Вудбери театральным шепотом прокомментировала «контраст между обыденностью изображений и их невероятным значением».

Появилось изображение Сатурна. Аудитория удивленно загудела. Гарри в этот момент подумал, что создалась эмоциональная связь между человеческой расой и существами на том конце передачи.

Теперь на экране появилась фигура, напоминающая паука.

- А это что? - спросила седовласая женщина из «Филадельфия инкуайрер». По тону было ясно, что она считает это чьей-то шуткой.

- Мы не знаем, - ответил Паркинсон. - Это может быть что угодно. Дерево, схема проводки. И я думаю, что до конца работы мы найдем еще очень много такого, чего объяснить не сможем.

Хороший ответ. И все же Гарри овладело нехорошее чувство. При подготовке он подумывал

исключить этот эпизод и сейчас пожалел, что не сделал этого.

Пресс-конференцию показали по всем каналам.

- Пришел второй сигнал, - сказал Холден Беннет на Си-би-эс.

Его профессорская манера - сосредоточенность, сухость, спокойствие - была включена до отказа. Если что-то и могло объяснить его господство в телевизионных новостях, то это умение соединить ощущение кризиса с впечатлением, что лично он видит куда дальше сегодняшних мелких последствий, зрит далекие синие вершины.

Недавно НАСА утвердила для себя эмблему - стилизованное изображение первого «Хаббла» с раскинутыми крыльями солнечных батарей. Сейчас эта эмблема сменила на экране ведущего.

- На судьбоносной пресс-конференции, которая закончилась несколько минут назад в Космическом центре Годдарда в Гринбелте, штат Мэриленд, - продолжал Беннет со своей великолепной дикцией, - официальные представители центра заявили, что получили вторую передачу из звездной системы Алтея в созвездии Геркулеса. Но на этот раз есть одно важное отличие.

Эмблема сменилась видом на комплекс с пти-

чьего полета.

- Первый сигнал представлял собой всего лишь повторяющуюся последовательность, которая, согласно заявлению представителя НАСА Теда Паркинсона, должна была лишь известить нас, что среди звезд есть иная цивилизация. Но сейчас эта далекая цивилизация отправила нам настоящее послание. Аналитики НАСА уже сумели прочесть часть этого текста. - Изображение центра уступило яркой, величественно вращающейся галактике. - Так что же там такое? Эти исторические события в Годдарде наблюдала на месте наш корреспондент Касс Вудбери. Касс?

Ну и так далее.

В общем, освещение событий было сдержанным и даже преуменьшенным. На экране показывали кубы и треугольники, а приглашенные математики пытались предположить, что они значат. Показали шар с кольцами, и приглашенный астроном заявил, что это, несомненно, планета. Но гвоздем передачи была последняя конструкция, и все каналы показали ее в точности так, как она была выведена на монитор в Годдарде.

Эффект был страшноватый - в том смысле, в котором Гарри не предвидел. Предмет почему-то казался более четким, более зловещим. В одино-

честве своего кабинета Гарри как-то сильнее его воспринял, чем тогда в лаборатории. Как будто это зрелище всколыхнуло первобытные эмоции со дна души.

Кроме того, арабская террористическая организация устроила взрыв в парижском отеле, а в профессиональном футболе разразился очередной допинговый скандал.

В конце сюжета ведущий Эй-би-си Мак-Катчен дал убийственный комментарий:

- В заключение сегодняшней пресс-конференции правительство распространило копии той части передачи, которую назвали «Набор данных - один». Остались еще четыреста шестнадцать наборов данных, о которых ничего не было сказано, кроме того, что они есть. В ответ на вопрос по этому поводу Паркинсон заявил, что они будут обнародоваться по мере их перевода. Если *перевести* это двусмысленное заявление администрации на человеческий язык, получается вот что: этот исторический материал нам показан не будет, пока начальство не решит, что нам следует об этом знать.

Через десять минут позвонил Гамбини.

- Слушай, ты знаешь, что у нас тут творится?

- Где? Ты в лаборатории?

- Ага. Наверное, тебе стоит посмотреть.

Внутри у главного входа стояли двое, которых он никогда раньше не видал: мужчина и женщина. Пластиковые карточки на лацканах, большими черными буквами слово БЕЗОПАСНОСТЬ. У двери поставили устройство вроде металлоискателя в аэропорту, и на глазах у Гарри двух уходящих практикантов заставили через него пройти.

И еще висели две заметные надписи:

ВЫНОС КОМПЬЮТЕРНЫХ ДИСКОВ ИЗ ЗДАНИЯ ЗАПРЕЩЕН

И вторая:

ВНИМАНИЕ! ПОПЫТКА ВЫНОСА ДИСКОВ НАКАЗУЕМА СОГЛАСНО ФЕДЕРАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

- Кто вы такие? - спросил Гарри у женщины, которая казалась из двоих главной.

Она нахмурилась, будто он высказался не по делу, и глянула на свою карточку.

- Агент Харт, специальный отряд службы охраны президента. Чем могу быть полезна?

Ей было за сорок - высокая, темноволосая, с некоторыми следами былой привлекательности, съеденной не столько временем, сколько несгибаемостью.

- Что вы тут делаете? - грозно спросил Гарри. Она смерила его холодным взглядом:

- Могу я поинтересоваться, кто *вы* такой?

- Гарри Кармайкл, - ответил он, стараясь не брызгать слюной. - Я здесь…

- Мне известна ваша должность, мистер Кармайкл. - Она протянула руку назад, вытащила пластиковую карточку с надписью ВРЕМЕННОЕ и протянула Гарри. - Мы расположились в офисе безопасности главного входа. Там вам дадут постоянное удостоверение, которое вам придется всегда иметь при себе.

- По чьему приказу?!

- Я бы предложила вам спросить у них, мистер Кармайкл. Я не уполномочена отвечать на такие вопросы.

Кэтрин Хассон, секретарша, вышла из какого-то кабинета на первом этаже, кивнула Гарри, прошла сквозь металлоискатель и вышла. На площадке второго этажа появился Гамбини, помахал Гарри рукой и пожал плечами.

- Что это за штука? - спросил Гарри.

- Прибор для стирания компьютерных дисков, - ответила агент Харт. - Вносить их можно, но выносить нельзя.

- Вы не имеете права! - возмутился Гарри. Она

пожала плечами:

- Поговорите с тем, кто здесь командует, мистер Кармайкл.

«Я здесь командую!» - хотел рявкнуть Гарри, но сдержался. Увидев, что Гамбини скрылся, он вынул сотовый телефон.

Через десять минут он уже был в кабинете Розенблюма.

- Привет, Гарри! Я как раз собирался тебе звонить и ввести в курс, что здесь происходит. - На диване сидел Пэт Мэлони, а большую часть софы занял какой-то афроамериканец в безупречном сером костюме. - Пэта ты знаешь, - сказал Розенблюм.

Мэлони кивнул. Он был тощий, мускулистый, с идеально подстриженными усами, в костюме-тройке и с постоянной гримасой отвращения на лице. Начинал он как агент по недвижимости - где вполне преуспел, но потом был избран в совет по водопроводу и канализации города Джерси и совершил карьерный взлет до специального помощника по безопасности в Белом доме.

Гарри пожал ему руку. Она была влажная.

Розенблюм повернулся к чернокожему.

- Дэйв Шенкен, - представил он незнакомца. - Из людей Пэта.

Шенкен оценивающе посмотрел на Гарри. Он был высокий, массивный, чисто выбритый, с тяжелым взглядом.

- Дэйв проведет с тобой сегодняшний день, - сообщил директор. - Ему надо оценить местные системы безопасности, чтобы внести свои предложения.

- Вообще-то, - небрежно бросил Шенкен, - мы уже рассмотрели вашу организацию безопасности. - Голос его был сух, как долго пролежавшая на солнце бумага. - Не хочу вас обидеть, Кармайкл, но не удивился бы, если бы отсюда спокойно вынесли телескоп.

- У нас нет телескопов, - ответил Гарри и повернулся к Мэлони. - Послушайте, давайте прежде всего поймем, что мы - не оборонное учреждение. Мы не храним секретов.

Мэлони покачал головой, показывая, что Гарри допускает фатальную ошибку.

- Дело в том, доктор Кармайкл, - сказал он, - что вы начнете хранить секреты, или мы передадим проект «Геркулес» туда, где это умеют делать.

- Я не доктор, - поправил его Гарри.

- Так вот, для сведения, - продолжал Мэлони, оставив поправку Гарри без внимания, - все материалы по проекту «Геркулес» являются сек-

ретными. Подробности вам сообщит Дэйв. Между прочим, нижний уровень лаборатории исследовательских проектов заменен, так что вы теперь сможете работать и здесь.

- *Заменен?*

- Мы ограничили доступ, - сообщил Шенкен. - И кое-какие конструктивные переделки вносим в здание.

Мэлони оперся на край массивного директорского стола.

- Кроме того, - добавил он, - мы сейчас проверяем ваших служащих. По указанию президента мы предоставили временный допуск гражданам США. Возможно…

- Погодите! - перебил Гарри. - Здесь не все граждане США. У нас есть канадцы, британцы, пара немцев. Один русский.

- Уже нет.

У Гарри пульс заколотился чаще. Он посмотрел на Розенблюма, а тот подавал ему знаки не гнать волну.

- Мне очень жаль, - продолжал Мэлони. - Я знаю, что это может создать неудобства, но всех, кто не из США, вам придется заменить.

- Мы не можем… - начал Гарри.

- Это не от меня зависит, доктор Кармайкл. - Он

развел руками. - Я только следую правилам.

Шенкен достал переплетенный том и протянул Розенблюму.

- Мы бы просили вас это прочесть, - сказал он. - Каждый участник проекта «Геркулес» получит такую книгу. Здесь правила работы с секретными сведениями. Описаны обязанности руководства и служащих и наказания за несоблюдение правил.

- У нас же есть служба безопасности! - возмутился Гарри. Мэлони с интересом рассматривал столешницу.

- Она недостаточно подготовлена. Он повернулся к Розенблюму. - С этой минуты всей работой службы безопасности будет руководить Дэйв.

- Понимаю, - ответил Розенблюм.

- Хорошо. - Взгляд Мэлони обратился на Гарри. - Доктор, постарайтесь понять. Изменился сам характер работы. Речь не идет о выписывании талонов на парковку или о выводе пьяного из гостевого центра. В вашем распоряжении жизненно важная информация, которую необходимо охранять от целенаправленных действий иностранных разведок. Что вы будете думать - это ваше дело, но попытайтесь понять, что это не игрушки.

Он кивнул Шенкену, который явно принял

команду.

- Ситуация меняется быстро, - продолжал Мэлони, - и при настоящем положении вещей в Годдарде имеются серьезные провалы системы безопасности. Я не был бы честен до конца, если бы не сообщил вам заранее, что собираюсь рекомендовать прекращение работ и их перенос.

- Перенос? наконец среагировал Розенблюм. - Куда?

- Вероятно, в Форт-Мид. А тем временем мы постараемся здесь прикрыть все дыры.

- Они могут такое сделать? - спросил Гарри у Розенблюма.

- Это необходимо сделать, - ответил директор и обратился к Шенкену: - Дайте мне знать, что вам понадобится.

Мэлони кивнул и глянул на Гарри.

- В общем, мы друг друга поняли, Кармайкл: мне все это нравится не больше, чем вам. Я понимаю ваши проблемы и постараюсь не создавать трудности сверх самых необходимых. Но доступ к проекту мы *будем* контролировать, а от вас я ожидаю полной готовности к сотрудничеству.

В этот вечер Гарри и Пит Уиллер ужинали на вилле Римфорда в секции для почетных гостей за геохимической лабораторией. Пока жарились

бифштексы и пеклась картошка, они пили холодное пиво и обсуждали катастрофу со службой безопасности. Римфорд не разделял негодования своих собеседников.

- Это неизбежно, - заметил он. - Кто знает, что там есть? Вы действительно хотите дождаться, что какой-нибудь сумасшедший диктатор научится делать водородную бомбу?

Гарри уже позвонил всем не-гражданам США, чтобы сказать об отказе от их услуг с этой секунды. Некоторые из них были служащими НАСА, и их переводили на другую работу. Трое были консультантами, которым просто заплатили и отпустили на все четыре стороны.

- Ты не волнуйся, - успокоил его Уиллер. - Они это поймут.

К тому времени, когда мясо было готово, разговор снова вернулся к занимавшей всех теме.

- В общем, дела идут неплохо, - ответил Римфорд на вопрос о том, как движется перевод. - Числа мы уже можем прочитать, и некоторым байтам, складывающимся в картину, мы пока что дали рабочие обозначения.

Некоторые из этих символов - управляющие. То есть мы почти уверены, что они выполняют работу модификаторов или союзов в грамматике.

Другие что-то обозначают, и мы начинаем кое-какие из них понимать. Например, мы выделили термины, означающие «магнетизм», «система», «гравитация», «окончание» и еще некоторые. Остальные термины *должны* переводиться, потому что помещены в знакомые уравнения или формулы. Но не переводятся.

- Понятия, для которых у нас нет эквивалентов? - предположил Гарри.

- Может быть, - усмехнулся Уиллер. Темнело; еду вынесли на веранду и сели при настольной лампе. - Насколько они нас опередили, если могут делать такое, как мы видели? И найдется ли у нас что-нибудь общее?

- Мы уже знаем, - заметил Гарри, - что математика, геометрия у нас общая.

- Конечно, - нетерпеливо отмахнулся Уиллер. - Как может быть иначе? Нет, я думаю об их философии, об этических стандартах. Меня заинтересовал ващ рассказ о страхах Харли насчет содержания передачи. - Уиллер посмотрел на Римфорда. - Может, вы правы насчет этих ребят из безопасности. - Налив себе пива, он решительно осушил кружку. - Но я боюсь, он не о том беспокоится. Не так я боюсь технологии, которую мы можем обнаружить, как яда иного рода.

- Культурные ценности...

- Вот именно. И допущения, которое мы можем сделать: что раз они настолько нас старше, то у них есть монополия на истину.

Римфорд поглядел в стекло на угасающий свет.

- Знаете, - сказал он, - до сигнала с Геркулеса я считал, что мы одиноки. Меня убеждал парадокс Ферми. Будь в галактике жизнь, она не могла бы не наполнить небо сигналами. Если бы другие цивилизации существовали, то было бы свидетельство их существования.

Уиллер подцепил вилкой последний кусок бифштекса, рассмотрел его в свете лампы и доел.

- Как-то ночью ехал я через Роанок, - продолжал Уиллер, - и мне стукнуло в голову, почему может не быть такого свидетельства. - Разговаривая, он жевал печеную картошку. - Есть ли корреляция между интеллектом и сочувствием?

- Есть, - ответил Гарри.

- Нет, - сказал Уиллер. - Если и есть, то отрицательная.

- Я так и думал, что консенсуса не получится. - Римфорд развел руками в сторону неба. - Я бы согласился с Питом.

- А к чему это вы? - спросил Гарри.

- Любое общество, у которого хватит ума пере-

жить ранний технологический период, должно заключить, что даже *знание* о том, что оно существует, произведет на возникающую культуру разрушительное действие. Ведь *мы* до этого додумались? Это же оказывается главным выводом «Звездного пути». Кто знает, что может сделать знание, например, с религиозными основами общества?

- Мысль известная, - сказал Уиллер. - Но вы предполагаете, что мы сейчас слышим сообщение от некоей культуры, активно злонамеренной. Она радуется, что разрушает общества, которые никогда не видела. И не увидит.

- Это может восприниматься как религиозный долг, - сказал Римфорд несколько ехидно.

Уиллер кивнул, не попадаясь на крючок.

- Меня бы это не удивило.

- Есть объяснение получше, - предложил Гарри. - Старая мудрость: никогда не приписывай злонамеренности то, что легко объяснить глупостью.

- Кретины, обладающие технологией своих гениальных предков, - заключил Римфорд. - Вот *это* действительно интересная мысль.

Он разлил пиво по кружкам и уставился на лес за окном.

- Но есть одна вещь, которую мы должны учесть.

Мы знаем, что передатчик в Геркулесе - продукт невероятно сложной технологии. Что случится с нами, если мы технологические знания миллионов лет получим за одну ночь? - Лицо его не было видно в тени. - Пит говорил о философских проблемах, которые могут возникнуть. Вот вариант: в конце девятнадцатого столетия некоторые физики утверждали, что в их науке уже нечего открывать. С их точки зрения, осталось только кое-что домерить и занести в каталог. Весьма интересная концепция, и недавно она вновь выявилась. Конец науки. Прорыв к Общей Теории Всего, и дальше уже делать нечего. И что будет с нами, со всеми нами, если это вдруг произойдет? Если нам вдруг просто расскажут, как все устроено, и нам нечего будет больше делать?

Гарри нашел себе раскладной стул и блаженствовал в нем, поставив пиво рядом на стол.

- Большинства людей это просто не коснется, Бейнс. В основном мы хотим спокойно выплачивать кредит и смотреть телевизор. И только горстка смутьянов будет поднимать шум, потому что больше не нужны будут суперколлайдеры.

Римфорд хмыкнул и посмотрел на часы.

- Может быть, мы на пороге открытия истинной природы времени. Только мы его не откроем.

Нам все объяснят алтейцы. - Он покачал головой. - Я думаю, что эти паразиты, если такое сделают, очень злобные. И трудно поверить, что они не будут ведать, что творят.

- Может быть, - сказал Уиллер, - в такой вечер имеет смысл поискать другой предмет для размышлений? Например, сыграть в бридж?

- Хорошо бы, - вздохнул Римфорд, - но я сегодня договорился на интервью. Эн-би-си собирает несколько человек поговорить о передаче. В студии где-то в округе Колумбия.

- Следи, что говорить будешь, - напомнил Уиллер. - А ты как, Гарри?

Гарри последнее время не любил вечера пятницы, и перспектива безболезненно провести один из них казалась привлекательной.

- А мы найдем еще двоих?

- Я знаю, где можно набрать полный стол, - ответил Уиллер. - В аббатстве всегда найдется пара ребят, готовых сыграть.

Преподобный Рене Сандерленд, отец-настоятель, играя против трех без козырей, удивил Гарри в самом начале вечера, сбросив на открывающий ход туза треф. Почти сразу же, перехватив ход бубновым королем, Сандерленд поймал даму и десятку треф Гарри на короля и валета своего

партнера, передавая ему ход для розыгрыша длинной трефы. Без трех. Гарри оглянулся посмотреть, нет ли у него за спиной зеркала.

И это было только начало.

- Они смухлевали, - пожаловался Гарри Питу Уиллеру во время перерыва на кофе с булочками. - Он никак не мог этого знать, они семафорили. Он сделал с полдюжины таких ходов, которые нельзя было сделать, не зная расклада.

Уиллер и Гарри уже отстали на семь тысяч очков.

- Если бы здесь был доминиканский монастырь, - ответил Уиллер, - ты бы еще мог быть прав. Послушай, Гарри: Рене *очень* хорошо играет. И совершенно не важно, с каким партнером. Бывало, что напротив сидел я, и он действовал точно так же. Он всегда играет так, будто все карты видит насквозь.

- И как ты это объясняешь? Он сам что говорит? Уиллер улыбнулся:

- Он говорит, что это награда за его преданность Святой Деве.

Вторая половина вечера оказалась ничуть не лучше. Гарри внимательно следил за партнером Сандерленда - скрипучим братом с пустыми глазами, ловя признаки тайных знаков. Но видел

только нервный тик, который был, безусловно, случаен.

Он даже долго рассматривал колоды, но все рубашки были одинаковы.

Общий зал был пуст, если не считать игроков в бридж, пожилого священника, читающего газету перед телевизором, где шло какое-то дурацкое ток-шоу, которое никто не смотт рел, и еще кто-то склонился над паззлом-мозаикой.

- На выходные все уходят? - спросил Гарри без особого интереса.

Сандерленд только что доиграл малый шлем.

- Это почти вся наша община и есть, - ответил он. Уиллер поднял глаза от листка с записью очков:

- Гарри, ты хотел бы купить себе кусок земли у залива?

- Неужели он действительно продается? Сандерленд кивнул.

- Не может быть, чтобы до такого дошло.

- Времена не очень хорошие, нам это место больше не нужно.

- Вы серьезно?

- О да.

- А с вами что будет, Рене?

- Снова под ярмо, наверное. К сожалению, у нас

у всех нет такого образования, как у Пита.

- Или такого таланта, - вставил монах.

- И это тоже. Как бы там ни было, где-то через год я, наверное, снова буду учителем в Филадельфии.

- Вас должны были бы послать в Лас-Вегас, - заметил Гарри.

- Пит, - вдруг неожиданно серьезно спросил Сандерленд, - что происходит в Гринбелте? Ты связан с этим радиосигналом?

- И весьма, - ответил Уиллер. - Мы оба работаем в проекте «Геркулес». Но мало что осталось такого, что еще не обнародовано.

- Но там действительно кто-то есть?

- Да. - Гарри взял лежащую слева от него колоду и стал сдавать.

- И на что они похожи?

- Мы не знаем.

- Они похожи на нас?

- Мы не знаем, - повторил Уиллер. - Но я сомневаюсь. К концу вечера Гарри и Уиллер что-то отыграли, но даже уважения к себе не восстановили.

Потом, гуляя над обрывами, они вдвоем, священник и чиновник, говорили мало - слушали море и ветер. Было прохладно, и оба они кутались

в пальто.

- Жаль будет все это потерять, - сказал Гарри. - У ордена никак не получается сохранить землю?

Луна стояла низко над водой, и когда Гарри поймал нужный наклон головы, луна скрылась за высокой тощей фигурой Уиллера, осветив его туманной аурой.

- Другой земли у нас нет, - ответил священник. Гарри отвернулся от залива, подставив ветру спину. Сверху нависали два здания, похожих на замки, и только кое-где светились на них желтые прямоугольники. Темные деревья шевелились, неутомимо шепчась о двух ночных наблюдателях. Такой лес мог бы тянуться до края планеты.

- Вот в таком месте, - сказал Гарри, - я бы и ожидал встретить что-нибудь сверхъестественное.

Уиллер засмеялся:

- Так Рене действует на людей. Ладно, каково бы ни было духовное воздействие этого поместья, расходы оправдать мы не можем. - Он поежился. - Пошли обратно?

Несколько минут они шли молча по мощенной плоскими камнями тропе. В дальнем ее конце Гарри увидел деревянные ступени, ведущие к воде.

- Кстати, я хотел сказать тебе спасибо за при-

глашение провести здесь уик-энд с Джулией.

- Не за что. Всегда рады помочь.

Они вышли на гравийную дорожку, миновали группу вязов и срезали угол к заднему входу, где обрадовались теплому воздуху.

- У нас были проблемы, - сообщил Гарри. - Мы вышли погулять вдоль обрыва и попали под грозу. - Он усмехнулся. - Промокли до нитки.

- Рад слышать.

- Полночи проторчали в лодочном сарае.

- Я знаю этот сарай, - ответил Уиллер. Гарри несколько повеселел.

- Отличное место. Я имею в виду сарай. Похоже, туда последние двадцать лет никто не заходил.

Уиллер не ответил.

- Мы когда-то с Джулией говорили, каково было бы жить на острове, вдалеке от всего и всех. И многое к этому склоняет. Я думаю, если бы мы как-то могли отрешиться от остального мира… - Гарри оглянулся через плечо, в темноту. - Как бы там ни было, а на несколько часов я свой остров получил.

МОНИТОР

Знаете, друзья мои, вчера вечером я собирался домой после нескольких часов

с нашими добрыми людьми в больнице. И я уже вышел в вестибюль, когда увидел знакомого молодого человека. Не важно, как его зовут. Он хороший мальчик; я его знаю много лет и его семью тоже. Вышло так, что он узнал о моем присутствии там, в больнице, и что-то его томило, кое-что такое, о чем он хотел спросить меня.

С ним были несколько его друзей, но они держались поодаль - как делают мальчишки, притворяясь, что пришли по каким-то другим причинам. Я видел, что мальчик расстроен - все они расстроены.

- Джимми, - спросил я, - что случилось?

Он оглянулся на своих друзей, и они отвернулись.

- Преподобный Фримен, - сказал он, - мы тут смотрели вести из Вашингтона - знаете, насчет больших телескопов, что там у них стоят, и насчет голосов с неба, которые они слышали. Многие говорят, что этого нельзя делать.

- А почему? - спросил я его.

И он не смог ответить. Но я знал, что он пытается сказать. Некоторые люди боятся того, что могут там обнаружить.

Джимми не первый, кто задал мне подобный вопрос с тех пор, как те ученые в Вашингтоне заявили пару лет назад, что видели Сотворение. Больше об этом почти не слышно.

Но я вот что вам скажу, братья и сестры: я одобряю их действия. Я аплодирую попытке слушать эту нашу великую Вселенную. Я верю, что любая машина, которая может приблизить нас к Его работе, может лишь укрепить ту веру, что мы храним уже больше двух тысяч лет. (Аплодисменты.)

Сегодня утром звезды пели вместе, и все сыны и дочери Господни кричали от радости. (Бурные аплодисменты.)

Меня спрашивают: «Преподобный Фримен, почему Вселенная так огромна?» Да, она велика, как вы знаете, куда больше, чем ученые, которые кичатся великим знанием, предполагали еще пятьдесят или шестьдесят лет назад. И как вы думаете, почему она такова? Если, как недвусмысленно говорит Писание, Человек есть венец творения, зачем Господь сотворил мир столь огромным, что ученые

даже не могут увидеть его край, какие бы ни были хорошие у них телескопы?

Когда я был мальчиком, я любил сидеть летним вечером у сарая и смотреть на Звезды. И я считал их тогда тем, что они и есть: сияющими следами Всемогущего. И вы спросите меня, почему они так далеко друг от друга? И я отвечу: потому что Он знает надменность тех, кто пытается украсть Его тайны и разложить их на числа и теоремы. И я говорю вам, что размеры Вселенной и огромные пространства между звездами и галактиками, которые есть огромные звездные острова, суть живые символы Его реальности и мягкое напоминание нам о расстоянии между нами и Им.

Есть сейчас люди, которые стали говорить, что голоса, шепчущие с небес в эти большие правительственные телескопы, - голоса дьяволов. Я об этом не знаю. Я не вижу ничего, что подтвердило бы эту концепцию. В конце концов, небеса принадлежат Богу, так что я бы скорее предположил голоса ангелов. (Смех в зале.)

> Вероятно, те, кого мы слышим, окажутся очень похожими на нас. Нет ничего в Писании, что ограничивает Бога единственным творением. Так что я говорю вам, братья и сестры, не имейте страхов перед тем, что могут узнать в Вашингтоне ученые, не волнуйтесь из-за их теорий. Они любуются на работу Всемогущего, но взгляд их ограничен их телескопами. Мы же имеем куда лучший прибор, и это - наша вера.

Выдержки из проповеди прп. Бобби Фримена на воскресном телевизионном богослужении (полный текст можно получить бесплатно в Американском христианском союзе).

Глава девятая

Кардинал Джордж Джесперсон пришел к должности епископа как консерватор в бурные времена. Он заработал себе репутацию сильного и открытого приверженца Ватикана и «старой» церкви. Его выступления по животрепещущим вопросам целомудрия священнослужителей, противозачаточных средств и роли женщин всегда звучали блестяще и не остались незамеченными в Риме. Главный шанс представился ему в борьбе с Петером Леезенбаргером, немецким теологом-реформистом, по вопросу об авторитете священноначалия. Леезенбергер утверждал примат личной совести над вековой мудростью церкви. А его расходящийся как пожар бестселлер «На камне сем» грозил вызвать вторую революцию среди верных католиков Америки.

Ортодоксальные церковники настаивали, что книга должна быть формально предана проклятию, но папа рассудил мудрее, по мысли кардинала Петерсена, указав, что его одобрения книга не получила. И кардинал, тщательно избегая любого упоминания о «На камне сем», подкрепил папское решение рядом хорошо обос-

нованных статей, которые подхватила даже та католическая пресса, что традиционно была Ватикану враждебна. Леезенбаргер ответил в столбцах «Нейшнл католик рипортер», ставшей после этого ареной бортовых залпов обоих участников. В результате Джесперсон вышел безусловным победителем в глазах всех, кроме самых пристрастных наблюдателей. Он был объявлен несомненным наследником Джона Генри Ньюмена, в то время как Леезенбаргеру была отведена роль неудачника Кингсли.

В отличие от других американских кардиналов, занятых собственным выживанием в век падения доходов и влияния, Джесперсон рано понял, что способ защиты истинной веры в Соединенных Штатах никакого отношения не имеет к долговременным ссудам, экономии или заманиванию верных гитарами и подложной теологией Ватикана II. Он занял наступательную позицию.

- Мы - свидетели о Христе, - сказал он совету священников. - У нас есть Новый Завет, мы поддерживаем сильные семейные связи, Бог у нас на наших алтарях. Вопросы, разделяющие нас, не просты, но это все же вопросы средств, а не целей.

Наверное, он был лучшим психологом, чем

любое облеченное властью лицо Ватикана: их он раздражал умением сочувственно слушать тех, кто с ним не соглашался.

И таким образом он в удивительной степени сумел размыть либеральное движение в американской церкви. Многим его лидерам он и тогда, и потом казался их самым сильным союзником.

Но в эту пятницу вечером, когда сообщения из Годдарда еще звенели по всей стране, перед ним встала новая проблема. И потому он собрал свой причт, Дюпре, Кркса и Барнега-та, и удалился с ними в свое святилище.

- Джентльмены, - сказал ол, опускаясь в мягкое кожаное кресло, - нам надо обдумать, что происходит. И надо подготовить наших людей, чтобы они не испытали слишком сильного потрясения. Насколько я понимаю, грядет серьезное испытание веры. Совершенно не похожее на все, что было на нашей памяти. Во-первых, мы должны обдумать, в чем состоят опасности; во-вторых, какой реакции мы можем ожидать от нашей паствы; и в-третьих, какую позицию должны мы занять, чтобы ограничить вред.

Филипп Дюпре был существенно старше всех присутствующих. Он служил кардиналу пробным камнем, неизбежным автором провокационных

комментариев, которые изменяли угол зрения на конкретный вопрос. Не отличаясь творческими способностями, он обладал хорошим слухом на чушь, от кого бы она ни исходила, даже от кардинала.

- Здесь нет проблемы, - мог сказать он, - разве что наша реакция ее создает.

Сегодня он слушал молча, пока излагались вопросы, потом глянул на Кокса и воспринял его молчаливый жест как приглашение говорить.

- Мне кажется, ты переоцениваешь вопрос, Джордж, - сказал он. - Я не вижу реальной связи между этим делом в Годдарде и нами.

Джек Кокс чиркнул длинной деревянной спичкой и разжег трубку. Он был бухгалтером-контролером, благоразумным инвестором, но притом человеком, который, по мнению кардинала, рассматривал спасение души как последовательность операций по вкладу.

- Фил прав, - сказал он. - И все же, в зависимости от занятой нами позиции, могут возникнуть неудобные вопросы.

- Например? - спросил Дюпре с искренним недоумением.

Ли Барнегат, пожилой мужчина, чьи безмятежные голубые глаза скрывали первоклассного

администратора и переговорщика, снял орденскую цепь и положил ее на подлокотник.

- Есть ли душа у инопланетян?

Хмурое лицо Дюпре медленно расплылось в улыбке.

- Не все ли нам равно?

- Если мы по-прежнему принимаем Аквината, - сказал Кокс, - то способность абстрагироваться от материи, способность *мыслить* непреложно определяется как бессмертная душа.

- А насколько приложимо учение Христа, - спросил кардинал, - к существам, не рожденным от Адама?

- Брось, Джордж, - возразил Дюпре. - Мы больше не привязаны к Эдему. Пусть на эту тему волнуются библейские фанатики.

- Хотелось бы, - сказал Джесперсон. - Но я думаю, у нас тоже полно уязвимых мест. - Несмотря на свои полета, кардинал выглядел так же молодо и свежо, как в годы семинарии. - Вы видели картинки из передачи? Одна из них очень отличается от других.

Барнегат кивнул.

- Ты про ту, где что-то вроде картины Дали. Обычное безмятежное спокойствие кардинала стало поверхностным. Он явно был взволнован.

- Да. Есть предположение, что это - автопортрет, В любом случае я рад видеть, что вас это не шокировало. Надеюсь, что люди, которые придут в воскресенье в собор, разделят ваше спокойствие.

- А почему нет? - спросил Дюпре.

- Человек создан по образу и подобию Бога. Хотя есть причины усомниться в этой простой истине, если посмотреть на современную уличную публику. Но таково учение, неколебимое и вечное. И что же нам сказать об этих существах, которые, как напомнил нам Джек, сами должны обладать бессмертной душой?

Последние слова кардинал произнес с расстановкой, подчеркивая их значимость.

Дюпре неловко поерзал. Точно такое же выражение лица было у него, когда кардинал на последнем заседании предложил совету священников принять еще большую терпимость.

- Надеюсь, - сказал он, - что мы не собираемся все это принимать всерьез. Я определенно не готов поверить, что эта штучка из палочек есть портрет создания, обладающего душой.

- Вероятно, нет, -,, согласился Джесперсон. - Но я не думаю, что это важно, потому что, если можно верить экспертам, когда мы встретим инопланетян, они будут совсем не похожи на нас.

- Но ведь, - возразил Барнегат, - сходство, о котором говорится в учении, духовно, а не телесно. Бог не обладает подобием какому-либо физическому созданию.

- Разумеется. Но даже при этом многие могут найтись среди мирян, чья вера подвергнется суровому испытанию при мысли о спасении, общем, скажем, с переростками-насекомыми. - Кардинал осмотрел своих приближенных, коротко остановив взгляд на каждом. - Что мы скажем, если их передача покажет нам, что они, по нашим меркам, по меркам Нового Завета, - полностью безбожны и аморальны?

- В этом я не вижу проблемы, - ответил Барнегат. - Род человеческий отпал от благодати. И нет причины, чтобы другая его версия, если можно ее так назвать, не поступила аналогично. Просто еще одно падшее создание.

- То есть, - улыбнулся Дюпре, - у Бога полоса неудач. Кардинал вздохнул.

- Какова же должна быть наша позиция при встрече с существами, обладающими состраданием и очевидной мудростью, которые после миллиона лет изучения проблемы решили, что Бога нет? С созданиями, которые отказались верить в Него намного раньше, чем Иисус сошел на

Землю? Даже до Авраама?

Дюпре задумчиво произнес:

- Джордж, я думаю, здесь говорит недостаток нашей собственной веры. Не может быть нам дано такого откровения, которое поставит под вопрос то, что мы знаем воистину. В конце концов, нас ведь никогда не волновало, что думают в Индии.

- Это звучит весьма и весьма резонно, - согласился Барнегат. - Если эти создания так не похожи на нас, как предполагает эта фигурка из палочек, то вряд ли кому-нибудь будет интересна их теология. Если они признают авторитет универсального божества - отлично. Проблемы нет. Если же не признают, то Фил наверняка прав. Их можно просто не брать в расчет.

- Давайте я изображу адвоката дьявола, - предложил Кокс, - и задам несколько вопросов, которые могут прийти людям в голову после размышлений на эту тему. Каждый ли разумный вид во Вселенной подвергается испытанию, как подвергался ему Адам?

- Не надо говорить всерьез об Адаме, - перебил Дюпре.

- Тогда род человеческий. В этом мы готовы согласиться? Все мы были испытаны и испытания не выдержали. В этом же и смысл воплощения

Бога в Христе?

Кардинал кивнул, давая знак продолжать.

- Некоторые не выдержали испытания, - заключил Кокс, - но, предположительно, некоторые должны были выдержать.

- Может быть, они не подвергались ему? - предположил Барнегат.

Дюпре прикрыл глаза, обдумывая гипотезу.

- Это выглядит нечестно, - сказал он.

- Не по-американски, - уточнил Кокс.

- Хорошо, - подытожил Дюпре. - Кто-то выдержал испытание, кто-то не выдержал. Говори дальше.

- Ценой провала была смерть.

- Понимаю, к чему ты ведешь, - сказал кардинал. - У тех, кто выдержал испытание, сегодня должны быть бессмертные тела.

Дюпре закашлялся.

- Нам нужна логическая цепочка, не приводящая к бессмертному виду. Вряд ли кто-нибудь будет воспринимать такие утверждения всерьез. Ничто в природе бессмертным быть не может.

- Смерть, - продолжал настаивать Кокс, - есть расплата за грех. Либо среди звезд есть бессмертные, либо испытания не выдержал никто. И я предполагаю, если верно последнее, что испыта-

ние - фальшивое.

Наступило короткое молчание.

- Если, - заговорил Барнегат, - мы отринем подлинность испытания...

- То мы отринем и подлинность Искупителя, - договорил кардинал. - Джентльмены, вот такие вопросы меня й волнуют. А ведь они наверняка возникнут, когда будет разыгрываться это дело.

Дюпре был явно обеспокоен.

- Трудно это все прожевать, Джордж. Я думаю, лучший для нас образ действий - не говорить ничего, просто спускать на тормозах. Или ждать указаний из Ватикана. Пусть *они* разбираются. Если это станет вопросом, то будет и пастырское заявление.

- И ты думаешь, - спросил Кокс, - у них есть ответы получше наших?

- Не в этом дело, - возразил Дюпре.

- Именно в этом, - сказал кардинал. - Мы здесь не для того, чтобы перекладывать с себя ответственность. Нам нужен ответ, который охранит веру людей в этой епархии, тех людей, которые будут искать ответа. Если мы скажем не то, что надо, и не тогда, когда надо, можем оказаться по пояс в яме с крокодилами.

Даже в глубине покоев кардинала слышен был

щелчок включившегося отопления. Дюпре рисовал фигурки в блокноте на краю стола. Сейчас он отложил ручку.

- Кто-нибудь помнит отца Балконского? - спросил он. - Кажется, нам грозит опасность повторить его пример.

- А кто такой отец Балконский? - спросил Барнегат. У Джесперсона весело сверкнули глаза.

- Он преподавал апологетику в Сен-Мишеле. Метод у него был такой: сформулировать какое-либо классическое опровержение веры - проблему зла, свободной воли, Божественного предвидения, чего угодно. Потом он начинал громить этот тезис, опираясь более или менее на св. Фому. Проблема была в том, что у него гораздо убедительнее получались опровержения веры, чем контраргументы. Довольно много семинаристов жаловались, у других возникали преждевременные сомнения о вере, а некоторые вообще уходили из Сен-Мишеля. Из Церкви, насколько я знаю, тоже.

- Если у нас не будет цельной и убедительной позиции, - сказал Кокс, - то мы можем посеять те самые сомнения, которые хотим отвести.

- И надо помнить еще кое-что, - добавил Кардинал. - Нам совершенно не нужна теологическая

позиция, которая впоследствии станет доказуемо ложной.

- Или хуже того, - подхватил Дюпре. - Смешной.

- Я согласен с Филом, - заявил Барнегат. - Давайте ограничимся общим заявлением, что из Годдарда не может исходить ничего такого, что не предусмотрено заранее учением Церкви. Просто краткое заявление для широких масс.

Кардинал прикрыл веки. Серебряный наперсный крест сверкнул в лучах настольной лампы.

- Джек?

- Это было бы благоразумно.

- А я не столь уверен, - возразил Дюпре. - Не могу себе представить лучшего способа встревожить людей, чем сказать им, что волноваться не о чем.

На минуту воцарилось молчание.

- Может быть, - предложил Барнегат, - не следует вообще делать заявлений, пока не будем точно знать, с чем имеем дело. В приходы сообщим, что причин для тревоги нет. Всем, кто будет задавать вопросы, по крайней мере на данном этапе, мы просто предложим иметь веру, пока все не прояснится само.

Кардинал кивнул.

- Мне это не очень по душе, но таков, думаю, са-

мый безопасный образ действий. Есть серьезные возражения?

- Это действительно лучший подход, - согласился Дюпре. - Люди будут верить, что бы ни случилось. - Он улыбнулся Коксу: - А нам остается лишь следовать их примеру.

- Значит, решено. Составим черновик письма главам приходов, строго конфиденциально. Ты его напишешь, Джек. Вырази нашу озабоченность. Дай инструкцию в ответ на вопросы говорить, что вера есть послание Бога человеку и ничего общего не имеет с внешними воздействиями. Сами священники этот вопрос поднимать не должны.

Оставшись один, кардинал еще долго сидел молча, погрузившись в кресло. До недавнего времени иные миры, о которых он думал, не имели физической природы. Но с тех пор, как правительство начало слушать звезды, у него было время задуматься о последствиях. И когда двумя годами раньше наблюдения над ближайшими солнечными системами привели к выводу, что человек одинок в создании Божьем, кардинал испытал облегчение.

Но вот теперь - вот это.

Когда я смотрю в небеса Твои, на дело рук Твоих,

на луну и звезды, которые Ты поместил там, - что есть человек, что Ты должен думать о нем, или сын человеческий, чтобы Ты о нем заботился?

Доктор Арлай Паккард поправил на носу бифокальные очки и разложил на кафедре приготовленную речь. Это было его третье выступление перед обществом каролингов. В предыдущие разы он отличился, открыв существование дневника, который вел слуга Юстиниана Первого, где в деталях описывалась реакция императора на Ипподромный бунт; и документ, написанный рукой Григория Великого, направленный против турок и призывающий употреблять против них арбалеты. Сейчас он заранее дал понять, что в этом году у него тоже есть для общества интересный сюрприз.

И потому аудитория была в состоянии напряженного интереса. Паккард с удовольствием отметил присутствие Перро из Тампля, Дюбая и Комменеса из Принстона, Обюшона из Ла-Салля. И сказать, что сам Паккард не испытывал радостного подъема, значило бы недооценить ситуацию. Богатые венские гардины у него за спиной скрывали стеклянный сосуд с голографической копией письма Джона Виклифа ранее неизвестному сторонникy, и в этом письме сооб-

щалось о намерении создать английский перевод Библии. Письмо было найдено в каком-то лондонском сундуке всего несколько месяцев назад - в имуществе умершего галантерейщика, который сам не знал, чем владеет.

Паккард на кафедре сделал паузу, давая Таунсенду Харрису отойти назад после вступительных слов и в это время изучая текст и давая нарасти напряжению. Когда же он поднял глаза от бумаги, то неожиданно увидел, что Аллен Дюбай встал с места.

- Пока мы не начали, Алрай, - сказал Дюбай извиняющимся тоном, - я бы хотел сказать несколько слов по другой теме, но довольно срочной.

Неформальная манера всегда была фирменной маркой каролингов, но откровенной грубости они терпеть не собирались. Сидящий в переднем ряду Олсон буркнул довольно громко что-то насчет то ли филистимлян, то ли филистерства, а остальные повернулись к Дюбаю с видимым неудовольствием. Паккард, сумевший сохранить невозмутимость, хотя и чуть поджал губы, слегка наклонил голову и отступил от кафедры в сторону.

Какой-то был любопытный оттенок цвета ли-

ца у Дюбая - может быть, от солнечного света, прошедшего через цветное стекло витража с изображением Беатрисы Фалькенбергской. Или тому были внутренние причины более обыденной природы - во всяком случае, он казался явно не в себе. Жидкие волосы растрепаны, галстук съехал набок, кулаки агрессивно засунуты в карманы твидового пиджака.

- Я очень сожалею, что прервал доктора Паккарда, который знает, что я не сделал бы этого из-за пустяков, - произнес Дюбай, пробираясь от своего места в задних рядах к центральному проходу и потом быстрым шагом направляясь к кафедре.

- Сядьте, Дюбай! - проревел голос из переднего ряда, знакомый всем голос Гарви Блэкмена, палеонтолога из университета Виргинии, чей интерес в обществе каролингов был скорее социальным, нежели профессиональным. Он неровно дышал к другому члену общества, юной специалистке по древностям из Тампля.

Арт Хассель, специалист по Фридриху Барбароссе, вскочил на ноги.

- Сейчас не время для политики! - закричал он сердито, из чего все поняли, что он уже пытался отговорить Дюбая от этой выходки.

- Леди и джентльмены! - Дюбай протянул руки

ладонями вперед, прося тишины. - Прежде всего я хочу поблагодарить доктора Паккарда за то, что он уступил мне…

- Не уступил, а ты его спихнул! - крикнул чей-то голос.

- …уступил мне микрофон. Я уже говорил частным образом со многими из присутствующих, и *мы* одинаково были встревожены и раздосадованы событиями последнего времени. Послание Геркулеса принадлежит нам всем, а не только правительству и не привилегированному меньшинству. И если кто-то должен осознать значение момента, то это мы…

- Хватит, Дюбай! - крикнул Таунсенд Харрис, вставая с председательского кресла. - Вы нарушаете порядок!

Но Дюбай гнул свое:

- И потому я предлагаю, чтобы мы сделали заявление… Харрис схватил его за рукав и попытался стащить с кафедры.

Тогда справа в первом ряду величественно поднялся Эверетт Тартаковер, высокий седеющий археолог из университета штата Огайо.

- Минутку. - Он ткнул в сторону Харриса скрюченным пальцем. - Я не одобряю методов доктора Дюбая, Харрис. Но в его словах есть смысл.

- Тогда пусть внесет предложение в оргкомитет! - отпарировал Харрис, продолжая бороться с Дюбаем.

- Й когда его рассмотрят? На следующий год?

Грейс Мак-Эвой, куратор университетского музея, поинтересовалась вслух, не умнее ли будет сначала хоть что-то узнать о содержании передачи с Геркулеса.

- В следующем месяце, - сказала она, - мы планируем электронное совещание…

Слева разразился хор воплей. Радакай Мелис из Бангкока вспрыгнул на просцениум и призвал к порядку. Когда наступил порядок или его подобие, он проклял экономическую политику Соединенных Штатов и их роль в непрекращающейся эксплуатации угнетенных народов Азии. Харрис, успевший оттащить в сторону Дюбая, бросился к Мелису.

Паккард воспользовался моментом, чтобы вернуться к микрофону.

Тут вскочила женщина в задних рядах, которую Паккард вообще никогда не видел.

- Если предоставить все доброй воле и человечности *этого* правительства, -г заорала она, - то мы никогда не узнаем правды! И сейчас уже может быть поздно! Мы теперь будем вечно задавать

вопросы и гадать, какие еще важные куски от нас утаили, потому что какой-то бюрократ у себя в кабинете решил, что для национальной безопасности они представляют угрозу! Я вам скажу, в чем настоящая угроза: в сокрытии правды!

Все уже повскакали с кресел, и крик стал всеобщим. Где-то в восьмом ряду завязалась потасовка, выплеснулась на просцениум, поглотила стол председателя и накрыла Дюбая.

Единственный присутствующий журналист из «Эпистемолоджикал ревью» получил свой звездный час.

Паккард, умеющий понять, когда дело проиграно, несколько секунд грустно посмотрел на это зрелище, получил локтем в глаз, вышел за гардины, открыл витрину, вытащил письмо Виклифа и вышел через задний выход.

H = .000321 y/1t/98733533y

Что ж, подумал Римфорд, старый черт все еще что-то может.

Было почти шесть часов утра. Римфорд занял для себя кабинет в западном крыле здания, отведенного под проект «Геркулес». Сейчас он там и сидел, усталый и раздраженный, закинув ноги на стол и уставясь в потолок. После получения

второго сигнала он ни черта не мог понять. Вопреки его репутации в работе над переводом его затмевал узконаправленный талант Маевского и мощь компьютеров. Удалось вполне разумным образом разделить передачу на четыреста семнадцать разделов. Наборы данных, разделенные повторяющейся последовательностью символов.

Четыреста семнадцать предметных областей? Четыреста семнадцать глав истории? Четыреста семнадцать глав какой-то инструкции? Кто знает.

Сорок шесть и шесть десятых миллиона знаков составляют примерно семь миллионов слов плюс-минус сколько-то. Эквивалент, скажем… чего? Британской энциклопедии? Им прислали энциклопедию?

Следующий шаг анализа оказался более трудным: выделить несколько десятков синтаксических конструкций, тем самым показав, что у послания есть какой-то язык. Некоторые синтаксические функции удалось установить, и даже начали составлять предварительный словарь. Пока что лишь математических терминов, но это только начало. Во всем этом Римфорд был практически сторонним наблюдателем.

Все знают, что математика - занятие людей

молодых, но видеть такую яркую к этому иллюстрацию, да еще в лице нахального типа, который вроде как не знал о репутации Римфорда, было очень неприятно. Числа больше не составляли для него стройную картину. Он не ощущал ослабления способностей, но интуиция прежних дней, когда уравнения возникали из того уровня подсознательного восприятия, которого он сейчас дортичь не мог, исчезла.

Но быть может, не совсем. Кто еще понял бы значение формулы в наборе данных № 41, а потому важность сегмента в целом?

Проект «Геркулес», если только Римфорд сможет заставить себя работать на полную мощность, составит вершину его карьеры. Когда он будет закончен, суть передачи разгадана и тайны ее раскрыты, когда подробности можно будет спокойно предоставить техническим работникам, он с удовольствием уйдет в созерцательное существование. И в историю.

H = .000321 y/lt/98733533y

Где *y* есть расстояние, которое проходит свет за время одного оборота Беты вокруг Альфы, а *t* равняется 68 часам 43 минутам 34 секундам - период обращения Беты, а результат подозрительно бли-

зок к его собственной оценке константы Хаббла: скорости расширения Вселенной.

Великолепно! Это был один из лучших моментов жизни, богатой победами большими и малыми. Римфорд занялся рассмотрением других математических соотношений: возможно, эффекта Комптона или принципа Маха. Харли всем им говорил: кто знает, что может быть скрыто в этих электронных импульсах?

Но при всем своем радостном возбуждении Римфорд ощущал усталость. И нарушил свое жизненное кредо: работать в собственном темпе, отводить необходимое время на восстановление и не реагировать на давление обстоятельств. Однако слишком многое было заключено в лежащих перед ним числах и символах такого, что не давало спать: предположения и соотношения мучительно знакомые, но значение их ускользало.

И он начал ощущать нежелание разгадывать передачу от культуры, способной управлять звездами. Какими знаниями может обладать такая культура? Измерили ее носители длину и ширину видимой Вселенной, подсчитали все ее досточки, разобрались в ее зубцах и шестеренках? Может быть, они даже узнали, как она была создана? И нашли рациональное объяснение ее

существованию?

Он так и сидел с закрытыми глазами.

Надо было отдохнуть^ И к тому же центр и его кабинеты не являлись проводниками мысли. Работать у себя дома Римфорд не любил. Хоть он и взял себе полную копию передачи, но не имел доступа к программам центра или к его развивающимся базам данных, а без них трудно было бы работать с материалом.

Он просто был слишком измотан, чтобы сейчас сидеть в офисе. И потому он отключил компьютер, надел пиджак, попрощался с лаборантами, глядевшими ему вслед, и прошел через пост службы безопасности, который теперь поставили перед лабораторией.

Вилла, отведенная ему центром, была скромной, но удобной. Застекленную веранду Римфорд превратил в рабочий кабинет, где проводил почти все время. В маленькой гостиной стояла уютная мебель, и Гарри снабдил комнату запасом книг по предмету второй любви Римфорда - театру.

Он принял душ и попытался отвлечься, готовя яичницу с ветчиной, хотя есть не особенно хотелось. Все же он торопливо позавтракал, оставив недоеденный тост. Свой кабинет на веранде он

закрыл, когда вступили в действие новые процедуры безопасности, и перенес все внутрь, чтобы его не могли увидеть за работой. Делать записи за пределами лаборатории запрещалось, как и обсуждать любые данные проекта «Геркулес». Конечно, это был идиотизм - ожидать, что исследователи ничего не будут говорить об открытии такого рода, но повсюду висели плакаты, обещающие для нарушителей баснословные штрафы и тюремный срок.

Римфорд прятал компакт-диск с данными среди «Избранного» Баха. Вздохнув по поводу затруднений, создаваемых ретроградным внешним миром, он достал диск и вставил его в компьютер. Но сосредоточиться оказалось трудно. Минуту он тупо смотрел на экран. По нему бежали строки цифр и букв, представляющих алтейские символы. Еще раз вздохнув, Римфорд отключил это все, сунул диск обратно в коробку с музыкой Баха и лег на софу.

- Гарри, у нас тут полно народу, - сказал Паркинсон. Он говорил из гостевого центра сразу за восточными воротами.

- Неудивительно, - отозвался Гарри. - И наверняка большие толпы так и будут собираться, пока вся эта история немного не притихнет. Мы

можем справиться?

- Гарри, в лавке не хватит сувениров. Но они уже переполняют демонстрационные зоны.

- Есть враждебно настроенные?

- Есть, не слишком много. В основном люди того типа, что у нас обычно здесь бывали, только их очень много. И у некоторых в руках плакаты.

- Какие, например?

- «Руки прочь от Гондураса» - вроде таких. Есть транспарант, где нас обвиняют, что из-за таких, как мы, не хватает школьных завтраков. Еще плакаты с Иисусом. Эти, наверное, хотят, чтобы мы обращали алтейцев.

- О'кей, - сказал Гарри. - Работайте как обычно. Постарайтесь ускорить операции, чтобы побольше пропустить народу и выпустить. А я извещу службу безопасности, пусть они тебе кого-нибудь пришлют.

Гарри позвонил Шенкену. Через несколько минут вошел Сэм Флейшер, помощник Гарри по административным вопросам. Он был пожилой, лысый, с венчиком рыжеватых волос.

- Насыщенный сегодня обещается день, Гарри.

- Я думал, у нас *год* ожидается насыщенный. В чем дело, Сэм?

- Телефоны раскаляются. Я посадил на них

опять Донну и Бетти плюс еще парочку прихватил из других отделов. Кстати, почти все звонки с комплиментами. Люди считают, что мы тут прекрасно работаем. И очень интересуются Геркулесом.

- Отлично.

- Несколько психов. Одна дама из Гринбелта божится, что у нее в гараже стоит летающее блюдце. Еще кто-то предупредил, что банда террористов в пикапе едет захватывать нас штурмом. - Его улыбка погасла. - Но некоторые звонки жутковатые. Ходят слухи, что мы связаны с дьяволом. Говорят, что мы творим дело Сатаны и суем нос туда, куда Господь не велел, ну и так далее. Знаешь, сидеть и такое слушать - это несколько нервирует.

- Надо выпустить на телевидение Пита, - сказал Гарри. - Пусть изобразит Дракулу в самом лучшем виде. Это их отпугнет.

- Послушай, есть ещё одна вещь, и я боюсь, что она связана с синдромом дьявола. Та забавная картинка из ручек и ножек: она очень многих напугала. Все хотят'Знать, что это такое, и очень трудно объяснить, насколько далеко от нас алтейцы.

- И что мы сейчас говорим?

- Тед Паркинсон кому-то сказал, что считает,

будто это вроде кабельной разводки. Мы примерно в этом духе и отвечаем.

- О'кей, это хорошо. Так и делайте, пока события нас не догонят.

- Кстати, Гарри… - Голос Флейшера вдруг изменился. - Да?

- Ты думаешь, так эти типы и выглядят?

- Возможно. Еще что-нибудь?

- Да. Нам достается сильнее за то, что мы не все рассказываем. Я понимаю, что в Белом доме им тоже несладко приходится. Очевидно, многое устраивают конгрессмены-демократы, которые пытаются использовать вопрос как дубину для головы президента.

Правдоподобно. Гарри сделал глубокий вдох, очередной раз искренне пожалел, что не стал зубным врачом, как хотел в детстве, и решил, что надо хоть ненадолго отсюда слинять.

Эдне он сказал, что пойдет в гостевой центр, натянул пиджак и вышел к своей машине.

Политики всегда готовы пожертвовать общим благом ради лишних голосов. И предстоящие в будущем ноябре президентские выборы действовали как увеличительное стекло на все, связанное с проектом «Геркулес». Забавно, что событие, произошедшее более миллиона лет назад,

оказывает влияние на президентскую кампанию двадцать первого века.

Одним из первых действий Дэйва Шенкена было строительство непроницаемого барьера вокруг гостевого центра, чтобы отделить его от остальной территории. Гарри припарковался на стоянке у семнадцатого здания и вошел через вспомогательные ворота. Паркинсон не преувеличил: воскресная толпа захлестнула ведущую к центру дорогу и всю парковку. Люди несли воздушные шары и транспаранты, мешки и кулеры с едой. Приехала по Консервейшн-роуд полиция Гринбелта и пыталась как-то регулировать движение на двухполосном асфальте.

Гости рассыпались по всей территории, а на северной стороне напирали на забор Шенкена. Многие вообще не проявляли желания войти в центр - они бродили, лениво переговариваясь, поглощая сандвичи и колу. Немногочисленные транспаранты занимали стратегические высоты, но их вроде бы никто не принимал всерьез. У Гарри создалось впечатление, что эти люди просто ощутили дыхание истории и захотели оказаться поближе.

Так, собственно, и должно было быть: спокойное и дружелюбное празднование достижения,

которое в некотором смысле принадлежит всем. Он сперва хотел войти в гостевой центр через заднюю дверь, минуя толпу, но обошел здание спереди и вошел с толпой.

Здесь были люди всех возрастов и рас. Некоторые подозрительно походили на правительственных чиновников в выходной день. Может быть, отгул взяли. Не такой день, чтобы торчать в стенах офиса. Люди пели, поднимали детей на плечи, щелкали фотоаппаратами. Но в основном просто сидели на теплом солнышке и любовались на тарелки антенн.

Преподобный Роберт Фримен, доктор богословия, закончил начерно письмо с призывом жертвовать, приложенное к отчету больницы, который должен был выйти к концу недели. Перечитал его, с удовлетворением отметил, что такое письмо должно привлечь сочувствие и деньги двух миллионов его последователей, и бросил его в коробку исходящих для перепечатки.

Фримен, подобно большинству своих коллег, горячо не одобрял других телевизионных проповедников, но его недовольство базировалось не на доктринальных расхождениях и не на естественном раздражении против соперников, запускающих руку в тот же котел. Просто Фримен

не любил обманщиков. Он возражал в недвусмысленных терминах против жульнического вздора, переполнявшего воскресные передачи. «Это нас всех ставит под подозрение!» - орал он на преподобного Билла Притчарда во время знаменитой стычки двух ведущих телепроповедников на ежегодном религиозном собрании Притчарда, которое до того происходило в Арканзасе, родном штате Фримена. Бобби из Блэквудза был раритетом в сети фундаменталистов. Он старался никогда не говорить такого, во что не верит искренне, - политика, которой трудно придерживаться, поскольку он замечал в трактовках фундаменталистов определенные проблемы. Тем не менее, если и было скрыто несоответствие или противоречие в Писании, он знал, что это лишь ляп переводчика или недосмотр переписчика. Божественная опечатка, как он сам однажды сказал. Не дозволено опровергать Евангелие только потому, что мы не знаем, в чем может заключаться проблема. Писание следует рассматривать как реку: берега и течения с веками меняются, но поток уверенно направлен в Землю Обетованную.

Фримен нажал кнопку интеркома:

- Будьте добры, Барбара, пригласите Билла.

Билл Лам был специалист по отношениям с об-

щественностью и зятем Фримена. Многие из его подчиненных счита-і ли, что это единственное достоинство Билла как работника. Но Лам был предан своей семье и своему Богу. Он был красив, добродушно весел, не боялся личных бед. Жена его, сестра проповедника, болела лимфогранулематозом, и у них была умственно отсталая дочь. Лам выглядел именно так, как, хотелось верить Фримену, выглядел его типичный последователь. Богобоязненный, многострадальный и, вопреки всему, счастливый. Такой человек, которого хочется иметь своим соседом.

- Билл, - сказал Фримен, когда Лам удобно устроился с сигарой и кока-колой, - у меня есть идея.

Лам всегда носил спортивные вязаные рубашки с открытым воротом. Он сохранял поджарость в годы, когда многие мужчины начинают расплываться.

- И какая, Бобби? - спросил он.

Свой энтузиазм он всегда проявлял в открытую.

- Сейчас много внимания обращают на все, что исходит из Годдарда, - сказал проповедник. - Но истинное значение того, что там происходит, теряется во всем этом научном жаргоне. Надо, чтобы кто-то ясно указал: мы нашли еще одну

ветвь семьи Божией.

Лам сделал приличный глоток колы.

- Ты собираешься в воскресенье сказать еще одну проповедь, Боб?

- Вот не знаю, правильно это будет или нет, - ответил Фримен. - Я бы хотел организовать выезд с кем-нибудь из наших людей в Вашингтоне. Надо съездить в Годдард. Устроить там сборище.

Лам посмотрел неуверенно:

- Не знаю; мне может быть неловко в таком месте. А чего беспокоиться? Мы же об этом говорили на той неделе в передаче. И мне кажется, ты отлично выступил, Бобби.

Проповедник заморгал:

- Билл, в Годдарде происходит событие века. Кто-то должен дать стране правильную точку зрения. Всему миру.

- Можешь сделать это из студии.

- Не тот эффект. Те, до кого мы должны достучаться, не смотрят «Олд байбл чэпел». Нет, нам нужна кафедра повыше. И я думаю, ступени космического центра подойдут.

- О'кей, - сказал Лам. - Но я думаю, что это ошибка. У тебя не будет там власти над толпой, Боб. Помнишь сборище в Индианаполисе в прошлом году? С ними вообще говорить нельзя было.

Проповедник взглянул на календарь.

- Думаю, что рождественская проповедь - отличное время. Организуй как раз перед праздниками. Четыре - шесть автобусов для местного народа. - Он прикрыл глаза, вспоминая гостевой центр. - Нет, лучше восемь. Мне кажется, народу соберется прилично. Постарайся организовать так, чтобы мы приехали где-то часа в три дня, о'кей? Я сам поеду первым.

- Боб, ты не хочешь сперва объявить о своем намерении? Если известить Белый дом, нам очистят путь.

Фримен подумал.

- Нет. Если предупредить Харли, он постарается меня отговорить. Или появится сам и перехватит все камеры.

Когда Лам вышел, проповедник стал себе представлять, как он ведет вековую борьбу между безбожной наукой и верой прямо в лагере противника. Вот возможность занять свое место среди пророков.

Когда Тед Паркинсон объявил о приеме второго сигнала, российский министр иностранных дел Александр Тайманов находился в Соединенных Штатах. Он немедленно попросил встречи с президентом, на которую госдепартамент со-

гласился. Она была назначена на десять утра во вторник.

Тайманов на публике был суров и бескомпромиссен, а также несгибаемо скептически относился ко всем намерениям Запада. Он происходил из землевладельческой аристократии, вознесся к власти в последние дни СССР и пережил неразбериху последующих лет. Без публики же он был совершенно другим человеком.

- А, эти вчерашние замечания, - мог он сказать после бешеной атаки на тот или иной аспект политики США, - это ведь на публику. Входит в программу спектакля. Надо же поддерживать образ, иначе народ не поймет.

Дипломаты США считали его предсказуемой и поддерживающей стабильность силой в стране, которая иногда еще угрожающе хмурилась.

Нельзя сказать, что Харли с удовольствием имел дело с Таймановым, чьи заявления для СМИ слишком часто доводили его до отчаяния. Но он невольно привязался к этому человеку, которого пресса окрестила Медведиком. Госсекретарь Харли, Мэтью Янович и русский министр иностранных дел не менее двух раз совместно распутывали взрывоопасную ситуацию на Балканах.

Янович приехал за несколько минут до Тайманова. Высокий, с грубыми чертами лица, с бородой, рокочущим басом и склонностью рассказывать небылицы - таков был Янович, бывший адвокат из глубинки и когда-то влиятельный политик в Арканзасе. Харли подозревал, что сходство с Линкольном не совсем случайно. Но он был талантливый дипломат, упорный переговорщик и проницательный аналитик. Он сообщил, что Тайманов сказал ему лишь одно: он хочет говорить с президентом о послании из Геркулеса.

- Они хотят доступа к данным, - добавил он. *Еще бы они не хотели.*

- Мне докладывают, - сказал Харли, - что это просто информационная мусорница. Они даже не начали еще ее разбирать.

- Мы не можем выпустить информацию, - откликнулся Янович. - По крайней мере пока сами не поняли, что в ней содержится.

- Я знаю, - ответил Харли.

Тайманова пригласили войти ровно в десять часов.

Министр заметно постарел за последний год. ЦРУ не могло подтвердить слухи о том, что он болен раком. Но Харли видел, что с ним что-то не

так. Холодные и умные глаза смотрели из глубоких колодцев отчаяния. Он обрюзг, и остроумие, с которым он парировал выпады западных дипломатов и журналистов, его оставило.

- Господин президент, - заявил Тайманов после первых вежливых фраз, - я уверен, вы понимаете, что у нас есть проблема.

Харли давно научился не разговаривать с русскими из-за стола. По причинам, которые он до конца не понимал, они воспринимали это как попытку замкнуться и становились подозрительными.

Тайманов расстегнул пиджак и сел напротив Яновича. Харли велел принести любимый сорт водки министра. Себе он попросил бокал красного вина. Янович, выздоравливающий от алкоголизма, остановился на кофе.

Президент опустился на софу.

- А что за проблема, Алекс? - спросил он. - И чем я могу вам помочь?

- Сэр, ваши действия по сокрытию передачи с Геркулеса от широкой публики вполне правильны.

- Спасибо, - сказал Харли. - Если бы и все так считали…

- Какой курс ни выбери, в СМИ все равно кто-

нибудь будет его критиковать. - Он глянул на Яновича. - В старые времена, - улыбнулся он, - *эта* проблема была у нас под контролем. А теперь… - Он пожал плечами. - При этих благах западных свобод редакторы свободны кусать честных людей за ноги и очень сильно затруднять управление.

- Да, такое складывается впечатление, - согласился Харли, терпеливо ожидая, пока гость перейдет к сути дела.

Тайманов еще минуту-другую поразмышлял вслух на эти темы, а потом повернулся так, что оказался с президентом лицом к лицу.

- Согласитесь, господин президент, что хотя мы полностью понимаем ваш образ действий в этом вопросе, тем не менее текущее положение дел создает серьезные трудности обеим нашим странам.

- Каким образом?

- Президент Росковский поставлен в нетерпимое положение. Научный истеблишмент страны обладает определенным влиянием.

- Мы знаем, что значительным, - сказал Янович.

- Да. Нашим ученым не хватает политической власти, но у них есть прямой доступ к СМИ, и

симпатии народа на их стороне. Как вы знаете, господа, моя страна переживает трудные времена. Экономика остается слабой, правительство не столь стабильно, как нам хотелось бы, а люди готовы окончательно потерять веру в способность администрации исправить положение. - Он наклонился вперед, взгляд его стал пристальнее. - И не очень много нужно, чтобы столкнуть страну в хаос. Даже, быть может, в гражданскую войну. Враги президента не задумаются обратить против него волну народного гнева, если представится возможность. - Он пригубил водку, кивнул, снова пригубил. - Научная общественность возмущена тем фактом, что открытие такой важности для нас всех скрывается. Как я уже сказал, я понимаю, что вы поступили как должны были поступить. Понимает и президент Росковский. Но опасность все равно остается.

- Я понимаю, - сказал Харли.

- Я знал, что вы поймете. Необходимо обязательно учитывать щекотливость ситуации, в которой находится наш президент, и возможность спекуляций на этом деле с радиосигналами. Я лично не верю, что вы найдете что-нибудь, что стоило бы скрывать, то есть имеющее военное значение. Но ведь наверняка мы ничего не можем знать? И в

этом заключается трудность. - Он бросил проницательный взгляд на Яновича, и Харли понял, что Тайманов пытается прочесть мысли по лицам.

- Вы играете в шахматы, господин президент?

- В общем, играю.

- А в вашей президентской кампании этот факт не упоминался.

- Это не прибавило бы мне голосов. Быть может, даже убавило бы.

Тайманов улыбнулся:

- Никогда не пойму Америку. Эта страна превозносит посредственность и создает инженеров выдающегося качества.

- А почему вы вспомнили о шахматах? - спросил Харли.

- Ах да, к чему это я. Я к тому, господин президент, что всякий хороший шахматист знает: угроза существенно сильнее ее исполнения. Как и в дипломатии. Враги правительства не станут намеренно провоцировать реакцию на ситуацию, потому что они тоже знают: события могут выйти и из-под их контроля. Свергни правительство - и никто не знает, что будет дальше. Вместо этого они попытаются использовать неизвестность вокруг послания с Геркулеса, чтобы подорвать веру в правительство. Они знают, что для них дорога к

власти лежит через объятия прежней политики. Возврат к национализму семидесятых.

Он говорил о последних сталинистах старой закалки. Сейчас у них было новое имя - неоконсерваторы, но они вполне готовы были принести в жертву своим амбициям скромный прогресс России и возможность стабильного международного порядка.

Тайманов поднял бокал, наклонил, посмотрел на свет и снова пригубил. Президент поднял бутылку и хотел долить ему еще, но Тайманов отказался.

- Больше мне не позволяют, - вздохнул он. - Джон... - Из его голоса исчезла официальность, и Харли увидел искреннюю тревогу у него в глазах. - Я не верю, что в передаче может содержаться хоть какая-то опасность, сравнимая с тем, что сейчас грозит моей стране. Нам нужна ваша помощь. Я настоятельно прошу вас обнародовать передачу и хотя бы выбить это оружие у них из рук. Президент кивнул:

- Алекс, я подумаю о ваших словах. Тайманов встал и застегнул пиджак.

- Спасибо, что уделили мне время, господин президент. Я вылечу в Москву не раньше среды, если вы захотите продолжить этот разговор.

- Он хочет отвезти ответ, - сказал Янович, когда министр вышел.

Через несколько минут президент вышел из Розового сада на следующую встречу - предстояло фотографироваться с профсоюзными деятелями. Собеседникам он показался рассеянным. Его обычное умение дистанцироваться от любых проблем и сосредоточиться на текущем деле ему изменило.

МОНИТОР

АНАКОНДА УЖЕ ДВА ГОДА ЗАМУЖЕМ

Популярная рок-звезда - жена страхового агента…

ИЗРАИЛЬТЯНЕ И ПАЛЕСТИНЦЫ ДОСТИГЛИ НОВОГО СОГЛАСИЯ

Янович: «Мы вступаем в новую эру»…

Договор о Святой Земле принесет процветание обеим сторонам…

БРИТАНИЯ РАЗОРИЛАСЬ

Клири просит помощи для уплаты долгов…

Банкиры ищут формулу кредита…

«Следующей может быть Франция», - предупреждает Гуле…

МАРИАННУ НАШЛИ В КОЛОДЦЕ

Спасатели копают вторую шахту. Дожди продолжаются…

ЖИТЕЛЮ ЛЬЮИСТОНА, ШТАТ МЭН, ПРЕДЪЯВЛЕНО
ОБВИНЕНИЕ
В СОВЕРШЕНИИ 81 УБИЙСТВА

Новый рекорд серийных убийц…

Тихий плотник «каждый день ходил в церковь»…

КОНРОЙ НЕ СДАЕТСЯ

Звезда велотрека продолжит выступления, несмотря на лейкемию… На родине открыт сбор средств в пользу Брэда Конроя…

«ИНДИЙСКАЯ
ГРУППА» ВЗЯЛА ШТУРМОМ АТОМНУЮ СТАНЦИЮ ЛЕЙКХЕРСТ

3 террориста и 1 заложник убиты… Волна критики и протестов…

«Она могла взорваться», - говорит мэр

Филадельфии… Харли принимает ответственность на себя…

ТРЕБОВАНИЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ ЗА ЯДЕРНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

САМОЛЕТ КОМПАНИИ TWA СБИТ РАКЕТОЙ НАД О'ХАРОЙ

FAA ведет расследование; 166 человек на борту…

ТОРГОВЛЯ ОЖИДАЕТ МАССОВЫХ РОЖДЕСТВЕНСКИХ РАСПРОДАЖ

Розничные фирмы лидируют в росте Доу-Джонса…

Глава десятая

Эд Гамбини был поглощен событиями и просто плевался, когда приходилось выкраивать время для политиков. Даже для президента. Хотя он и составил несколько докладов для Белого дома, эта работа очень скоро стала обязанностью Гарри. Руководитель проекта поручил Маевскому каждый вечер составлять краткий отчет, который Гарри находил по утрам у себя на столе. Он аккуратно звонил по закрытому номеру, который сообщил ему президент, и в тот же день со спецкурьером пересылал распечатку отчета с пометкой «в собственные руки».

Гарри не стал уклоняться от этой процедуры, хотя ему неловко было действовать через голову начальства. Он известил Розенблюма о требовании президента, и директор только пожал плечами.

- Проследи, чтобы мне отсылали копию, - сказал он. - И если будет что-то экстраординарное, я тоже хочу об этом знать.

Конечно, Гарри не должен был доставлять Харли свои доклады. Сначала для этого назначили помощника, а месяца через полтора его заменили

другим. Отчеты, разумеется, были составлены в общих словах. Когда же возникала тема, которую, по мнению Гарри, можно было счесть секретной, он сам отвозил в Белый дом меморандум Гамбини, где документ в запечатанном конверте передавали помощнику и давали за него расписку.

Гарри довольно быстро понравилось появляться в окрестностях Овального кабинета, понравилось, что его узнают люди из президентской команды, и даже пару раз мелькнул сам Харли. Однажды Гарри представили советнику по национальной безопасности, который поразил его, вспомнив через несколько дней не только его фамилию, но и имя. Серьезное впечатление для мелкого федерального служащего. Если дело пойдет хорошо, если он сможет избежать ляпов и точно определить, какая информация нужна Харли, то ему мог светить пост директора агентства. И потому Гарри непропорционально много своего времени уделял проекту «Геркулес». Гамбини, надо отдать ему должное, никогда не терял терпения от его вопросов. Этот идеалист, как понял Гарри, не искал в поведении собеседника своекорыстных мотивов. Он был полностью поглощен азартом охоты за неуловимой природой

алтейцев.

Работа по пониманию «языка» передачи шла медленно, но с заметными успехами. То, что вообще есть прогресс, как Римфорд объяснил Гарри, учитывая неимоверную сложность встречающихся проблем, - это заслуга Корда Маевского и его группы математиков.

В день, открытый для посетителей, Гарри привез сына в Годдард. Дома пришлось задержаться, поскольку запасы инсулина подходили к концу и пришлось заехать с мальчиком в аптеку. Это всегда производило гнетущее впечатление, усугубляемое смирением, с которым Томми принимал свою болезнь.

Мальчику понравилось ездить по космическому центру, разглядывать тарелки антенн, оборудование связи и модели спутников. Но к концу ему интереснее всего оказался пруд с утками. На холодной поверхности еще плавало их семь или восемь, и Гарри подумал, когда же они улетят.

Томми был для своего возраста высок, с тонкими чертами лица матери и большими ногами Гарри. («Пройдет, когда он станет старше», - уверяла Джулия.) Утки знали, что такое дети, и потому сгрудились вокруг еще раньше, чем он успел

открыть пакет попкорна. Они были совершенно ручные, и когда Томми оказался несколько медлителен, они попытались выхватывать корм у него из рук. Мальчик испуганно хихикнул и попятился.

Гарри, глядя издали, вспомнил вечера, когда он поздно работал, уик-энды, занятые теми или иными проектами. Правительство вознаграждало его грамотами и денежными премиями, а в последний год он получил звание старшего правительственного служащего. Неплохо в целом. Но накапливался некоторый итог, где, с одной стороны, были все эти грамоты и премии. А с другой?

Томми среди уток.

Джулия в лодочном сарае.

Потом они поужинали и пошли в кино. Показывали тупой научно-фантастический фильм о группе космонавтов-археологов, запертых кровожадным инопланетным существом в развалинах на неизвестном мире. Спецэффекты были хороши, но диалоги дубовые, а персонажи неправдоподобные. Никто, подумал Гарри, не может быть так опрометчиво храбр. К концу фильма Гарри почувствовал, что его толерантность к инопланетянам почти исчерпана.

Джулия теперь жила в кондоминиуме в Силвер-Спринг. Когда Гарри вечером привез Томми, они ему показали свое жилье. Выглядело оно дорого - полированное дерево, центральный пылесос и куча антикварных безделушек.

Но Джулия была подавлена, и экскурсия оказалась в лучшем случае демонстрацией комнат и уголков.

- В чем дело? - спросил он, когда они остались одни в патио, глядя на Джорджия-авеню с четвертого этажа. Было холодно.

- Томми увеличили дозу, - сказала она. - У него обмен стал хуже. Вот почему пришлось докупать сегодня утром.

- Он мне ничего не сказал, - ответил Гарри.

- Он об этом не говорит. Он напуган.

- Мне очень жаль…

- Гарри, всем нам очень жаль. - Она зажмурилась, но слезы по щекам продолжали течь. - Ему теперь делают два укола.

Джулия набросила на плечи белый шерстяной свитер. Внизу к Спринг-стрит подъезжала полицейская машина, настойчиво и громко завывая сиреной. Гарри и Джулия смотрели, как она виляет через забитый перекресток и набирает скорость, свернув на Бакли. И еще долго была

слышна сирена.

Утренний меморандум Гамбини оказался странным: «Нашли локон Аньезе».

Гарри отложил его в сторону, перерыл коробку входящих и избавился от более срочных дел. Он как раз просматривал новые указания по анализу управления, когда загудел зуммер.

- Мистер Кармайкл, вас хочет видеть доктор Кмох.

Гарри нахмурился. Он понятия не имел, в чем дело. Адриан Кмох был специалистом по физике высоких энергий, и центр его пригласил в группу консультантов для обсерватории астрономии высоких энергий, входившей в сеть «Скайнет».

И вид у него был недовольный.

Гарри указал ему на стул, но даже не стал пытаться разводить дипломатию.

- В чем дело, Адриан?

- Гарри, мы хотим устроить собрание. - Немецкий акцент Кмоха был едва заметен, но отчетливая дикция выдавала в нем европейца. - Я зарезервировал зал Джиаконни на час дня. И я подумал, что ты тоже захотел бы прийти.

- А на какую тему?

- Здесь становится очень трудно работать. Возникли серьезные этические проблемы.

- Понимаю. Я полагаю, мы говорим о Геркулесе?

- Конечно. Мы не можем с чистой совестью поддерживать политику сокрытия научной информации подобной природы.

- Мы - это кто?

- Существенная масть исследователей, работающих в Годдарде. Мистер Кармайкл, поймите, что лично к вам это никакого отношения не имеет. Но то, что делает здесь правительство, совершенно неправитьно. Кроме того, его действия ставят в крайне неловкое положение тех из нас, о ком коллеги полагают, что мы соглашаемся на такое поведение. Например, университет информировал Кэррола, что, если он не выступит против позиции правительства по Геркулесу, срок его пребывания в должности может быть пересмотрен.

- Мне прискорбно это слышать. Я считаю, что его университет поступил необдуманно. - Начала возникать боль над переносицей. - И какова же цель собрания, Адриан?

- Думаю, ты сам понимаешь. - Кмох смотрел на Гарри, не отводя глаз. Он был длиннорук и длинноног и ходил странной зажатой походкой - то есть, как казалось Гарри, точно так же, как

работал у него ум. Кмох был приверженцем идей и этических систем, человеком, который очень серьезно относится к принципам, какие бы тяжелые последствия из этого ни происходили. Очень много было в его мышлении от деревянной доски. - Я попытаюсь настоять, чтобы мы ушли.

- То есть забастовка? Бастовать вы не можете. Это было бы нарушение вашего контракта.

Гарри встал и обошел вокруг стола.

- Я это знаю, Гарри. - Голос его зазвучал более угрожающе, когда он стал обращаться по имени. - И пожалуйста, не пытайся меня запугать. Многие из нас рискуют карьерой. А что сделает для нас правительство, если мы не сможем зарабатывать себе на жизнь? Вы мне гарантируете работу по специальности?

Гарри ответил беспомощным взглядом:

- Ты же знаешь, что это не в моих силах. Но у вас есть обязательства…

- А у *вас* есть обязательства перед *нами.* Не забывай об этом.

Кмох встал и вышел из комнаты. Гарри смотрел ему вслед, прикидывая свои возможности. Он мог отказать в предоставлении помещения для собрания, мог предупредить о санкциях, а мог прийти на собрание лично и воспользоваться

возможностью представить точку зрения правительства.

Гарри знал, что какие-то трения есть. Кое-кто из людей Гамбини говорил о нарастающем холоде среди своих коллег. Гарри думал, не следует ли известить службу безопасности. Сообщать им о любых переменах политического свойства - это стандартная процедура. Но это подразделение больше ему не подчинялось, а Шенкену он не доверял. Присутствие людей в форме или мужчин с жесткими глазами в фетровых шляпах само могло спровоцировать волнения.

Ладно, черт с ним.

Он полез в словарь, нашел «локон Аньези» и улыбнулся. Этим геометрическим термином называлась плоская кривая, симметричная относительно оси ординат и асимптотически приближающаяся к оси абсцисс. Слово «асимптотически» Гарри не совсем понял, полез в «Вебстер» снова, но так и не понял до конца. Что-то такое, связанное с бесконечностью.

Гарри добавил локон к другим принципам, которыми, как было известно, владеют инопланетяне: закон Фарадея об электромагнитной индукции, теорема Коши, различные варианты гипергеометрического уравнения Гаусса,

функции Бесселя и так далее. Ни один из этих терминов Гарри ничего не говорил. Но они вызывали вопрос: когда алтейцы скажут нам что-то, чего мы еще не знаем?

Было очевидно, что Белый дом теряет терпение. Реакция на нежелание администрации снять завесу секретности тоже становилась интенсивнее. Даже на родине лишь несколько правых газет поддерживали позицию президента, а телевизионные каналы бросались в атаку каждый вечер. Движение каролингов, названное так по обществу взбунтовавшихся историков, которые сорвали конференцию в Пенсильванском университете, мелькало в заголовках всех газет. Каждое утро звонили возмущенные граждане, и каждый день та или иная научная группа выступала с антипрезидентским заявлением.

Кое-где забрасывали камнями американские посольства. Госдепартамент создал специальную группу для ответа на официальные протесты, которые шли практически отовсюду, даже от ближайших союзников. Воздержались только Великобритания и Германия, хотя английский астрофизик Эван Холкрам лично выступил по Би-би-си с критикой политики президента - акция, которая, по мнению Гарри, имела больше

веса, чем любое официальное заявление. В ООН каждый день правительство пригвождали к позорному столбу. И на все это президент мало что мог ответить: аналитики Гринбелта нашли пока что лишь известные математические упражнения, нынче дополненные еще и локоном Аньези.

Постепенно Гарри стал возмущать его ежедневный доклад. Кажется, уже все об этом докладе знали, и почему-то с ним ассоциировалась доля виновности и сговора. На Гарри лично никто не нападал лишь потому, что он слишком мелкая сошка. В отличие от Гамбини, которому все время доставалось в научных и академических журналах, Гарри был просто шестеркой, недостойной даже презрения тех, кто понимал его роль.

Гарри понимал, что Харли просто отдал себя на милость Гамбини. Если у руководителя проекта лопнет терпение и он выйдет на публику, администрация не оберется хлопот. Но президент явно доверял Гамбини, как доверял ему и Гарри. И все же Гарри понимал, что любое открытие военного значения, такое, которое может касаться безопасности Соединенных Штатов, увеличит шансы, что проект у него отберут. А это уничтожит любую возможность, что правительство даст ему желаемое: обнародование протоколов.

Следовательно, если сделают такое открытие, у ГамбиНи будет соблазн его скрыть.

Гарри знал, а президент не мог не догадываться, что Гамбини находится под страшным давлением со стороны коллег, которые после окончания работы в Гринбелте никак не встретили бы его с распростертыми объятиями. Не проходило и недели, чтобы какой-нибудь крупный деятель не нападал на Гамбини, требуя от него отказа сотрудничать с «параноидальными» политиками, его нанимателями. Эд не давал себе труда отвечать и никогда публично не критиковал президента. - Но когда работа кончится, он окажется парией.

Эдна позвонила в зуммер.

- Тед Паркинсон на линии. Гарри нажал кнопку.

- Да, Тед?

- Гарри, я думаю, надо на время закрыть гостевой центр. Может быть, даже очистить его.

- Почему?

- Там публика становится похуже. Появилось больше демонстрантов, и какие-то студенты с каролингскими эмблемами. Сегодня уже была парочка инцидентов.

- Есть пострадавшие?

- Пока нет. Но это только вопрос времени. У

многих студентов с собой алкоголь. И простого способа этому помешать нет. Охранники выставляют тех, кого поймают, но от этого только хуже становится. Час назад здесь один тип размахивал пистолетом.

- Стрельбы не было?

- Нет, к счастью. Пока нет.

- Я бы хотел избежать закрытия, Тед. Это будет похоже, будто мы засели в осаде, а тогда появится еще больше демонстрантов.

- Гарри, дело может стать еще хуже. Пару минут назад мне звонила Касс Вудбери. Она сказала, что Бобби из Блэквудза и несколько автобусов его сторонников появятся здесь после обеда.

- Ты шутишь?

- Хочешь узнать самое интересное?

- Давай.

- В этот раз он на нашей стороне.

- Ага, - согласился Гарри. - Как и должно быть. Он же не хочет, чтобы китайцы получили хоть что-нибудь из того, что у нас есть. И вообще *этого* президента он всю дорогу поддерживал. Они одинаково думают. Харли просто чуть более утонченный.

- Я дам знать службе безопасности.

- Да, им сегодня будет работка. Когда он должен

приехать?

- Около трех.

- Станет хитом вечерних новостей. Фримен не дурак. Ему нравится смотреть, как исследователи вцепляются друг другу в глотки. Тут ему шанс и повеселиться, и получить рекламу в масштабе страны. Мы можем на него рассчитывать - он сделает все, что в его силах, чтобы внести побольше неразберихи. - Гарри глянул на часы. - Ладно, Тед. Пока ничего не делай. Я подойду попозже. Вряд ли Фримен захочет с нами говорить, но если да, то поаккуратнее с ним. Он здорово умеет выворачивать слова наизнанку.

- Кстати, - сказал Паркинсон. - Я слыхал, что в институте Ферми неладно. Сейчас, пока мы разговариваем, у них собрание, где они решают, что делать. До меня дошла весть, что формальный протест - дело предрешенное, и обсуждается только, насколько жестко вести себя с правительством.

- Дураки, они сами себе носы прищемят, - ответил Гарри. - Кому какое дело, закроют или нет ускоритель в Иллинойсе? Уж точно не широкой публике. А значит, и не президенту.

Было восемь сорок пять. У Гарри оставалось время только пойти поговорить с Гамбини. Мо-

жет быть, наконец появится что-то новое в долгой серии отрицательных докладов Белому дому.

Корд Маевский не мог бы сказать, когда понял, что строчки цифр составляют какой-то порядок. Он узнал основную конструкцию из соленоидов и датчиков. Вроде бы это были нагревательные и охлаждающие элементы с таймером.

- А все остальное, - сказал он Гамбини, - я пока еще определить не могу.

Он нарисовал грубую схему, но она не была похожа ни на что знакомое.

- Работающую модель можем построить? Маевский заморгал и почесал переносицу.

- Может быть, - ответил он.

- А в чем дело?

- Я не могу найти никаких спецификаций питания, Эд. Как ты думаешь, сколько надо будет, чтобы эта штука заработала?

Гамбини усмехнулся.

- Начни с бытового напряжения. Посмотри, сложится ли, Корд. Только этой работе присвой низкий приоритет. Я хочу полезть в перевод глубже.

- Насколько глубже? - Маевский не скрывал разочарования.

- *Очень глубоко.* Что мы действительно хотим

знать, так это - кто там?

- На это могут уйти годы, Эд. Материала целая куча.

- Я думаю, справимся быстрее. Но пока что отложи эту штуку подальше. Вернешься к ней, когда сможешь.

* * *

Гарри нашел Лесли в кафетерии. Она задумчиво жевала сандвич с тунцом и не заметила Гарри, пока он не сел рядом.

- Привет, Гарри! Как жизнь?

- Нормально. Я не знал, что ты опять здесь.

- Приехала вчера вечером. И видимо, как раз вовремя. Слышала я, что Бобби Фримен собирается нанести нам сегодня визит.

- Значит, это известно?

- По всем каналам передают.

- Его ожидают сегодня в гостевом центре. - Гарри не мог понять, серьезно она говорит или нет. - Ты интересуешься Фрименом?

- Гарри, - сказала она, - на одном этом человеке можно изучать психологию толпы. Он никогда не сказал ни одного слова, имеющего смысл, и все же два миллиона американцев считают, что он может ходить по водам.

- Блэквудз Бобби - живое доказательство, что в этой стране можно прийти к власти, не имея мозгов. Уродом быть нельзя, но если ты дурак, это никого не волнует.

- Ты сгущаешь краски, - добродушно заметила она. - По каким стандартам он дурак? Если удается сбить его с религиозных тем, он вроде бы достаточно разумен. А если учесть, в каких параметрах он работает, то он просто замечательно им соответствует. Если Библия должна считаться божественным откровением, то он поумнее нас выходит.

- Ты чушь несешь, - отмахнулся Гарри.

- Конечно. - Лесли хитро улыбнулась. - Ты, наверное, слышал, что вчера было что-то вроде прорыва.

- Здесь нельзя о таком говорить, - напомнил Гарри. - Секретность - душа режима. Так что случилось?

Она кивнула.

- Кажется, мы все пленники века. Я просто не знаю, что стала бы делать на месте Харли. Хотя я не так уж уверена, что следует волноваться насчет чертежей оружия. Я думаю, что •бы я почувствовала, если бы мы узнали, что эти существа все как один гении. Если рядом с ними

Бейнс - болван.

Гарри извинился и пошел за кофе.

- Бейнс - болван? - переспросил он, вернувшись. - Ему бы это понравилось.

- А может быть, мы неправильно поняли фигуру из палочек. Может, они все выглядят как ангелы. И окажется, что они устроены куда лучше нас.

- К чему ты клонишь, Лесли?

- Сама не знаю. Я думаю, что содержание передачи опасно, но не по тем причинам, по которым все думают. Что с нами случится, если выяснится, что мы в чем-то безнадежно ниже их?

- А ничего. С некоторыми из нас - никогда и ни за что.

- С Бобби, например?

- Пример хороший.

- А с Эдом? - спросила Лесли. - Как он отреагирует? Скажем, если на том конце окажется потрясающий гений?

- Я не думаю, что Эда легко напугать. Он был бы очень рад найти конгениальный разум. Кого-то, с кем можно разговаривать. Не могу себе представить его запуганным чем бы то ни было. А вот Бейнсу, наверное, это бы не очень понравилось.

- Может, ты и прав, - согласилась она. - Я думаю, больше всего Бейнс хочет узнать, будет ли жить

модель Римфорда. А ты, Гарри? Что бы ты хотел увидеть?

- Конец всего этого. Слишком много неприятных ощущений. На нас нападают со всех сторон. Я устал от этой враждебности.

- Представляю.

- *Представляешь?*Хочешь просидеть день на моем месте, отвечая на звонки?

- Нет, спасибо. И все равно, Гарри, это интересно. Мы участвуем в самом главном приключении века - так что радуйся. Ты еще много лет будешь вспоминать это время и говорить «ага, самые замечательные события за всю историю человечества - и я был в самом центре».

- Прямо сейчас это скорее грызня и склока. Последние сведения - намечается собрание, созванное исследователями на контракте. Они угрожают уходом.

- Так вот, - сказала она, будто угроза забастовки была сущей ерундой, - мы начинаем немного схватывать структуру языка. Но что-то в ней есть очень странное.

- Послушай, Лес, странного будет еще чертова уйма, пока доберемся до конца.

- Странное не в смысле необычное, а в смысле иррациональное. Очень неуклюжий язык, Гарри,

настолько неуклюжий, что его даже трудно назвать языком.

- Неуклюжий?

- Громоздкий. Например, степени сравнения выражаются числовыми значениями, положительными и отрицательными. Как будто ты оцениваешь прилагательное «хороший» по десятибальной шкале, не вводя даже понятий «лучше» или «наилучший».

- Зато дает разумную точность.

- Да, точность есть. И еще какая! То же самое с прилагательными. Например, ничто не бывает темным. Устанавливаются количественные стандарты для освещенности и дается способ определения такого стандарта. Но что меня сильнее всего поразило - это то, что при переводе на английский получается весьма впечатляющая поэзия. Это, конечно, не поэзия, но я не знаю, как еще назвать. - Она озадаченно покачала головой. - Одно я тебе скажу, Гарри: в той форме, тем способом, которым они его передают, - это не естественный язык. Слишком он математизирован.

- Ты думаешь, они создали его специально для передачи?

- Вероятно. И если это так, то мы теряем огромный источник информации о них. Есть прямая

связь между языком и свойствами его носителей. Гарри, нам действительно необходимо это все открыть. Я знаю многих людей самых разных профессий, которые должны на это взглянуть. Слишком много областей, где я не могу быть экспертом, где у меня даже надежных рабочих знаний нет. И вот так сидеть здесь закупоренной - это меня бесит.

- Понимаю. Но теперь многое переменится. Пришли допуски, и можно будет привлечь людей побольше.

- Это код, Гарри. Код, и больше ничего. И знаешь, что во всем этом самое странное? *Мы* могли бы сделать лучше. Ладно, главное, что мы начали его читать. Это пока медленно, потому что еще многое надо сделать. - Тут она увидела свой сандвич, почти нетронутый, и откусила кусок. - Думаю, Харли будет разочарован.

- Почему?

- Пока что основная масса материала, которую нам удалось расколоть, похожа на философию. И я думаю, что начало технологического скачка, который он рассчитывал получить…

- А он рассчитывал именно на это?

- Не сомневайся. Читать надо между строк, Гарри. В массовой прессе, в научных журналах полно

рассуждений на тему, что *может* заключаться в передаче. И ты не думаешь, что у него до сих пор слюнки текут?

- А это все - философия?

- Ну, уверенности быть не может, потому что мы большинство терминов не понимаем, а может, и не поймем никогда. Я даже не знаю, не прислали ли нам какое-то межзвездное евангелие.

У Гарри поплыли образы перед глазами - он представил себе, как могут на это реагировать президент и Бобби Фримен. И он осклабился.

- Может быть, этот вариант для нас лучший из всех.

- Гарри, я рада, что тебе весело, потому что там этой философии до черта.

- А история их есть? Они что-нибудь о себе рассказывают?

- Ничего, что нам удалось бы обнаружить. Есть комментарии, но абстрактные, и мы не можем по-настоящему понять, к чему они относятся. Есть длинные математические разделы. Кажется, мы нашли описание их солнечной системы. Если мы прочли правильно, то у них шесть планет, и у их родной планеты действительно есть кольца. Кстати, она кружит вокруг желтого солнца.

- Гамма.

- Верно, Гамма. - Лесли состроила гримасу. - Но все остальное… они пишут широкими мазками, Гарри. Судя по тому, что я видела, они не очень интересуются тем, из чего делается оружие. Знаешь, что я думаю об этой передаче? Что она представляет в своей основе?

Гарри не знал.

- Серию пространных эссе о добре, истине и красоте.

- Ты шутишь.

- Мы знаем, что они интересуются космологией. Они достаточно знают физику, чтобы ставить Эда в тупик. Они дают математическое описание процессов всех видов, включая много такого материала, который мы еще не начали идентифицировать. Может быть, мы действительно узнаем, что держит атомы вместе, Почему вода замерзает при нуле Цельсия и как возникают галактики. Но текст вызывает такое чувство, будто все это… - она поискала слово, - …случайно. Тривиально. Так они, наверное, вручают свои верительные грамоты. А что им на самом деле интересно, и, как мне кажется, они говорят всерьез вот в этих разделах рассуждений.

- Вполне правдоподобно, - согласился Гарри. - А что мы могли бы ожидать от столь развитой

расы?

- Я тебе скажу. Помнишь, мы упоминали энциклопедию? Так вот, это все больше и больше на нее похоже. Полное хранилище их знаний. Все, что они считают существенным.

Гарри начинал понимать, как приятно было ему проводить с ней время. Ее смех радовал его, ободрял, и когда ему нужно было говорить, она слушала. Ее готовность бросить практику в Филадельфии и по малейшему капризу съездить в Гринбелт говорила не только о профессиональной гибкости, но и о том, что дома у нее нет сильных эмоциональных якорей. Конечно, в лоб он не спрашивал, поскольку это могло бы быть неправильно понято. Лесли была слишком прозаической женщиной, чтобы затевать романтические истории. И все же он безотчетно радовался своему умозаключению, что в ее жизни нет мужчины.

Они вместе пошли в лабораторию, и Гарри тщательно держал нужную дистанцию, но с теплым чувством осознавал, быть может, впервые, ее физическую привлекательность. Ей надо было почти два шага на его один, но она не отставала, и они продолжали разговор. Она заключила, что у алтейцев был о эстетическое чувство, и сей-

час думала вслух, должно ли это качество быть неотъемлемым свойством разума. И если да, то почему? В конце концов, трудно видеть, в каком смысле оно способствует выживанию.

Они прошли через тусклый пейзаж под серо-белым декабрьским небом, с которого в любую секунду грозил посыпаться снег. В лаборатории Лесли поспешила к кабинету в глубине корпуса, который она за собой закрепила, а Гарри пошел говорить с Питом Уиллером.

Священник сидел за компьютером, тщательно вбивая символы с листков блокнота. Он явно был рад поводу оторваться.

- Привет, Гарри! - сказал он. - Идешь на кмоховское собрание?

- Еще не решил.

- Там будет разогретая публика. И достаточно враждебная. Ты знаешь, что даже на Бейнса уже начинают давить? К нему вчера вечером явилась целая делегация. Джексон, Чанг и Гропнер среди прочих. Они хотят, чтобы он отказался от дальнейшего сотрудничества с проектом. И выступил вместе с ними перед общественностью.

- Каким чертом можно давить на Бейнса?

- Прямо - никак. Но ты же его знаешь. Он терпеть не может, когда о нем кто-нибудь плохо

думает. Особенно люди, с которыми он работал всю жизнь. И что еще хуже, он сочувствует обеим сторонам.

- А ты?

- Нашлись люди, которые пожаловались аббату. Он говорит, что на него несколько давит американская церковь, но поощряет меня держаться и решать самому. Они попали меж двух огней - не хотят, чтобы их считали пособниками тех, кто скрывает информацию, а с другой стороны - не хотят быть камнем на пути прогресса.

- Галилей, - напомнил Гарри.

- Вот именно.

- У тебя встревоженный вид.

- Я все думаю, как это должно выглядеть в глазах Харли. Он в ситуации, где невозможен выигрыш, и его будут проклинать, как бы ни повернулось дело. Хочешь знать, Гарри, что я на самом деле думаю? - Он потер затылок. - История показывает, что правительства не умеют хранить тайны. Особенно в области технологий. Единственная известная мне страна, которая умела сохранить контроль над передовым оружием достаточно долго, это Константинополь.

- Греческий огонь? - спросил Гарри.

- Греческий огонь. И другого случая я не могу

вспомнить за всю историю человечества. Что бы ни привелось нам узнать, Гарри, что бы ни оказалось в тексте, все это рано или поздно станет общим достоянием. - Темные глаза Уиллера смотрели тревожно. - Если Харли прав и мы откроем способ создания новой бомбы или нового вируса, то лишь вопрос времени, когда этот способ узнают китайцы, ИРА или какая-нибудь другая кучка психов на этой планете.

Но я не думаю, что это реальная опасность, по крайней мере в ближайшем будущем. Гарри, почти наверняка нас скоро захлестнет культура иной планеты. На этот раз мы окажемся островитянами Южных морей. - Он выключил монитор. - Помнишь, как пару лет назад Эд с Бейнсом и Брейкерсом вели нескончаемые споры о количестве цивилизаций в Млечном Пути? И Брейкере всегда говорил, что, если бы они были, мы бы какие-то из них слышали. Они бы нам что-нибудь передавали. - Уиллер снял диск, с которым работал, и уставился на него. - Так вот, теперь мы получили визитную карточку, и я не уверен, что в ней окажется добрая информация.

- А если там есть лекарство от рака? - спросил Гарри.

- Приятно было бы. Но это вряд ли. - Уиллер по-

ложил диск и встал. - Мне надо подышать свежим воздухом. Пойдешь со мной?

- Я только пришел, - ответил Гарри, но все-таки последовал за священником, думая о Брейкерсе. Это был старый циничный хмырь из Гарварда, и он умер за пару недель до первой передачи из Геркулеса. Чуть-чуть не дотянул.

- Бейнс недавно опубликовал статью, - продолжал Уиллер, - с названием «Синдром капитана Кука» и в ней утверждает, что мудрая культура может осознать, что контакт с более примитивным обществом, пусть с самыми лучшими намерениями, для более слабой стороны не создаст ничего, кроме проблем.

- Главная мораль «Звездного пути».

- Вот именно. Даже сведения о существовании более передовой культуры могут обернуться бедой. Опрокинуть религиозные воззрения, например. И потому Бейнс предположил, что есть что-то вроде согласованной этики, требующей от всех отказа от использования радио. Если вообще между развитыми обществами имеется связь, то осуществляется она с помощью более тонких технологий.

А наши инопланетяне болтают. И не просто болтают, а используют радио. И они нам рас-

сказывают все. Зачем бы это? Эд считает, что они не слишком умные. Может быть, так на них подействовала изоляция в межгалактическом пространстве. Помнишь, мы обсуждали небеса без звезд? Это ведь значит, что какая бы развитая технология у тебя ни была, тебе некуда лететь. Абсолютно некуда. Так что алтейцы, быть может, несколько свихнулись. И неудивительно - сидеть в полной изоляции миллионы лет.

- Я об этом не подумал, - сказал Гарри.

- Эд также убежден, что они запутали код передачи, сделали его труднее, чем нужно. Это подразумевает, что они могут быть несообразительными. Неумелыми.

- Как так? Они же управляют пульсаром?

- Может быть, это была заслуга их предков. Может быть, для передачи нужно было всего лишь выполнить бюрократическую процедуру и нажать на кнопку.

- Нет, - сказал Гарри, - не верю я, что они тупицы. Слишком сильная натяжка.

- Какова бы ни была реальность, Гарри, но мы на пороге вторжения, что так же верно, как если бы зеленые человечки прилетели в летающих блюдцах и побежали бы по земле на своих треножниках. Мы только начинаем сейчас рас-

шифровывать передачу, и я тебе гарантирую: что бы там ни было, оно изменит нас до неузнаваемости. Не только наши знания, но и наш образ мышления. Не могу сказать, что я радуюсь такой перспективе.

- Пит, если ты так думаешь, зачем ты участвуешь?

- По той же причине, что и все прочие. Я хочу узнать, кто они такие. Что они имеют нам сказать. И быть может, приложить руку к смягчению эффекта, хотя на этот счет я не питаю оптимизма. И больше меня сейчас ничего не интересует, Гарри. Как и всех остальных. Все остальное кажется мне мелочами, и это возвращает нас обратно к собранию, которое созывает Кмох. И почему столько народу так взволновано. Если бы я был вне проекта, я бы тоже волновался. Поэтому все участники проекта испытывают сильное давление со стороны.

- Кмох говорит о забастовке.

- И не он один. Но если ты туда сегодня пойдешь, тебе повезет, если к тебе не полезут драться. Народ стал очень вспыльчивым.

С северо-запада потянул сильный холодный ветер. Гарри заметил падающие хлопья. За оградой три человека ходили по крыше двухэтажного до-

ма, меняя шифер. Рядом во дворе двое подростков разгружали дрова с грузовика.

На голове Уиллера сидела уродливая зеленая шапка, не по размеру большая.

- Она принадлежала одному студенту, который был у меня в Принстоне несколько лет назад в семинаре по космологии. Я ею восхищался, наверное. Слишком открыто. И в конце семестра он мне ее подарил.

Козырек выдавался далеко вперед.

- Выглядит так, будто ты ее у балаганного актера взял. Они остановились на перекрестке, пропуская почтовый грузовик.

- Я тебе должен сказать одну вещь, - объявил священник. Гарри повернулся спиной к ветру.

- Я нашел в тексте некоторые уравнения, описывающие планетные магнитные поля. Почему они возникают, как действуют. Что-то из этого нам известно, что-то нет. Там много подробностей, и это не совсем моя специальность. Но я думаю, что вижу способ черпать энергию из магнитного поля Земли. Много энергии.

- И это можно сделать на практике? - спросил Гарри. - Использовать энергию магнитного поля?

- Вполне, - ответил Уиллер. - И легко. Все, что для этого нужно, - запустить несколько спутников,

преобразовать энергию, например, в лазерный луч и направить на наземные приемники. Если получится, наши проблемы практически могут решиться на бесконечный срок. И энергия будет *чистой.*

- Насколько ты уверен?

У Гарри сердце заколотилось быстрее. Наконец что-то, чем можно подсластить ежедневный доклад.

- В разумной степени. Я хочу сегодня рассказать Эду.

- Ты вроде сомневаешься.

- Сомневаюсь, Гарри. И сам не знаю почему. Решение проблемы энергии, избавление от геологического топлива и атомных станций кажется очень заманчивым. Но мне хотелось бы лучше понимать, как подобная вещь, возникшая вдруг откуда ни возьмись, может потрясти существующее положение вещей. Может быть, нам нужен экономист.

- Слишком много беспокоишься, - сказал Гарри. - Именно такая информация нам и нужна - нечто полезное. Добро, истина и красота - это прекрасно для разговора за обедом, но налогоплательщики больше заинтересуются тем, что понизит счета за электричество.

- Это да. И все же я не думаю, что стоит это сейчас обнародовать, Пока мы не будем знать точно.

- Пит, - сказал Гарри, - ты абсолютно прав. Но это и есть причина, почему сегодня Адриан Кмох начинает бунт.

Гарри позвонил по закрытому номеру Белого дома.

- Пожалуйста, сообщите ему, что у нас кое-что есть. Голос на другом конце провода принадлежал одному из

помощников.

- Вы не хотите мне сказать, в чем дело, чтобы я мог его проинформировать?

- Нет, - ответил Гарри. - Мне надо его видеть. Скажите, что дело стоит его времени.

Наступила долгая пауза, и потом в линии возник другой голос, молодой и женский.

- Мистер Кармайкл? Приезжайте сегодня вечером. К семи часам.

МОНИТОР

Звезды безмолвны.

Путник среди темных гаваней, я слушаю, но полночный ветер доносит только шелест деревьев и плеск воды о борт да

еще одинокий крик ночной ласточки.

Рассвета нет. Не парит солнце ни на западе, ни на востоке. Скалы над Калумелем не серебрятся, и огромный круглый мир плывет в пустоте.

Строфа 32 из НД-87 Вольный перевод Лесли Дэвис (Рассекречено)

Глава одиннадцатая

Пузырь Вселенной дрейфовал в океане суперпространства.

Лицо Римфорда расплылось в широкой улыбке. Он столкнул груду бумаг с кофейного столика на пол и в неожиданном приливе чистой радости запустил авторучку через всю комнату и кухню.

Потом подошел к холодильнику, вернулся с банкой пива в руке и набрал номер кабинета Гамбини. Ожидая ответа, он сорвал пломбу и сделал долгий глоток.

- Лаборатория исследовательских проектов, - отозвался женский голос.

- Пожалуйста, доктора Гамбини. Говорит Римфорд.

- Профессор, он как раз сейчас занят, - ответила женщина. - Сказать, чтобы он вам перезвонил?

- А Пит Уиллер есть?

- Он только что вышел с мистером Кармайклом. Я не знаю, когда он вернется. Есть доктор Маевский.

- О'кей, - разочарованно сказал Римфорд. -Спасибо, я потом перезвоню.

Он повесил трубку, обошел груду тетрадей и

распечаток на полу и снова сел.

Происходил звездный миг двадцатого столетия, и не с кем было его разделить.

Квантовая Вселенная. Может быть, Страбонович и другие были с самого начала правы.

Он еще не понял всю эту математику, но поймет, он на верном пути. К Рождеству, даст Бог, механизм создания будет ясен.

Во многом он ясен уже сейчас. Вселенная есть квантовое событие, прокол пространства-времени. Она была вызвана к существованию точно так же, как продолжают происходить, видимо, беспричинные события на субатомном уровне. Это был скорее пузырь, чем взрыв. И, возникнув, пузырь расширялся экспоненциально. В эти первые наносекунды не существовало светового барьера, потому что правящие принципы еще не сформировались. Следовательно, размеры Вселенной за эту долю мгновения превзошли размеры Солнечной системы и Млечного Пути. Вначале материи не было, только ускользающая ткань пространства-времени и энергии, разлетающаяся в космическом взрыве. Появление материи немедленно установило железную стабильность, физический закон: расширение затормозилось ниже скорости света, и существен-

ная часть энергии первых мгновений застыла водородом и гелием.

Уже не впервые Римфорд задумался о «причине» беспричинных эффектов. Наверное, он сможет найти и секрет неисчислимости: суп ер пространство де Ситтера, из которого сформировался пузырь Вселенной. Возможно, где-то в тексте своей передачи алтейцы обратятся к этому вопросу. Но Римфорд понимал, что как бы ни была развита цивилизация, она с необходимостью привязана к данной Вселенной. Вряд ли найдется способ сделать туннель наружу, заглянуть за физические пределы или раньше самых ранних моментов. Можно только строить теории, какова бы ни была мощность телескопов или изощренность разума.

На самом деле в теории множественных Вселенных ничего нового нет. Но она всегда казалась не слишком вероятной - отчаянная попытка описать конструкцию, не прибегая к понятию Создателя, - и не поднималась выше уровня чистых догадок. И все же было утешительно и даже несколько радостно узнать, что алтейцы пришли к тому же заключению. А может быть, они смогут даже представить доказательство того или иного рода - кто знает?

Римфорд расхаживал по комнате, не в силах усидеть на месте. Были некоторые люди, с которыми ему бы хотелось поговорить, люди, посвятившие свою жизнь тем загадкам, частичное решение которых он теперь знал, но этому препятствовали правила секретности. Например, Хорнер из Висконсина двадцать лет работы посвятил разгадке тайны расширения Вселенной. Кестлер из Массачусетского технологического почти ослеп, изучая темную материю. Аморант из Иеля - автор ценных работ по гибкости границ расширяющегося пространства.

Теперь Римфорд понимал, что скорость расширения переменна: она иногда увеличивается для поддержания равновесия, и по-другому быть не может. Последний эффект вызывается, по крайней мере частично, неожиданным фактором: по мнению алтейцев, гравитация не постоянна. Она меняется слабо, но все же меняется. И если Римфорд правильно понял формулы, изменения временны и локальны и через несколько лет возвращаются к стандартным значениям. Все это, как он был уверен, объясняет недавно обнаруженные расхождения между наблюдениями глубокого космоса и теорией относительности.

Ему бы хотелось видеть лицо Хорнера, когда

тот узнает содержание передачи.

Не в силах усидеть дома, он вышел из коттеджа, выехал на Гринбелт-роуд и повернул на восток под шиферным небом.

Полчаса он успел проехать, когда начался дождь, ледяные капли мокрой кашей стали заляпывать ветровое стекло. Почти все машины исчезли в сером тумане, зажглись фары, потом дождь перестал, небо очистилось, и Римфорд радостно ехал по сельским дорогам, пока не увидел симпатичную гостиницу на Гудлак-роуд. Он остановился, зашел, взял себе скотч и заказал бифштекс.

Его прежнее представление о начальных наносекундах расширения, которое включало создание материи одновременно с пространством-временем, вызванное внутренней нестабильностью пустоты, казалось теперь полностью неверным. Римфорд подумал, не рухнут ли теперь и некоторые другие из его идей. В зеркале на стене зала он выглядел как процветающий бизнесмен, уверенный в себе, довольный собой, даже несколько нагловатый. Но ведь он - часть мыслящей Вселенной. Венец творения. Если так, то для некоторого самодовольства есть основания.

- Мягкий вкус скотча углубил задумчивость.

Римфорд не мог за всю свою жизнь вспомнить такого наплыва эмоций, как сейчас. Это был момент славы, восторга, изящества - такой, который вряд ли когда-нибудь еще придется пережить.

К ужину он попросил бутылку зинфанделя.

Хотя сообразил, что праздновать ему особо нечего. Работа всей жизни пошла прахом, но сожалений он все же не испытывал. Да, приятно было бы оказаться Правым. Но *знать* - куда важнее.

Стейк получился великолепным. Римфорд отрезал длинные сочные куски, со вкусом прожевывал и запивал вином. Посреди обеда он нацарапал на салфетке уравнение и поставил так, чтобы оно хорошо виднелось. Это было описание свойств и структуры пространства. Если о какой-то математической формуле можно сказать, что она составляет тайну Вселенной, то вот она.

Боже мой, теперь, когда все это у него в руках, картина становится такой логичной! Как можно было раньше этого не видеть?

Да, алтейцы, по выражению Гамбини, манипулируют звездами, и не только в смысле Гамбини - добавлял или отнимая от них материал, но в более широком смысле слова, Фактически они манипулируют космосом, меняют его текстуру,

варьируют степень его кривизны. Могут свести ее совсем к нулю, если захотят.

А если будет адекватный источник энергии, он тоже это сможет сделать!

Руки его дрожали, когда он впервые подумал о практических применениях.

На него надвинулась тень - но это всего лишь официантка принесла кофе. Симпатичная молодая дама, яркая и улыбчивая, как и полагается быть официантке в придорожной гостинице. Но Римфорд не ответил на ее улыбку, и она наверняка подумала об унылом типе за угловым столиком. Вряд ли она привыкла, что мужчины смотрят сквозь нее.

Он допил кофе, вытер губы уравнением расширения, бросил его на стол, оставил щедрые чаевые и медленно вышел в ночь.

- Я не совсем понимаю, зачем вам мое участие. - Сайрус Хаклют аккурат но переплел пальцы на коленях, внимательно глядя на потрепанный фургон, уходящий мимо правительственной машины в вихре слякоти и грязной воды.

- В нашем распоряжении, - ответил Гамбини, - полное физиологическое описание внеземной формы жизни. Вам это интересно?

- Вы серьезно? - произнес Хаклют тонким

напористым голосом. Если попытаться охарактеризовать микробиолога одним свойством, то Это был бы контраст между его эфирным голосом и убежденностью, с которой он обычно говорил. Улыбка у него была слабая и небрежная, длинное тело и узкие плечи. Глаза моргали за тяжелыми бифокальными очками. Гамбини знал, что Хаклюту едва перевалило за тридцать, но с виду ему можно было дать все сорок пять. - Эдуард, это действительно так?

- Да, это действительно так. Кое-какой материал в тексте из Геркулеса кажется нам попыткой описать генетическую структуру и более широкие биологические функции. Мы считаем, что они хотят дать нам полное представление о биосистеме своей планеты. - Гамбини помолчал. - К сожалению, у нас нет людей с нужной квалификацией, чтобы подтвердить эту догадку.

- Куда мы сейчас едем? - спросил Хаклют.

- В Годдард. Там для вас отведена вилла для особо важных гостей, если вы захотите остаться.

Острый язычок Хаклюта облизал тонкие губы.

- Вилла подождет. Я хочу сначала посмотреть, что у вас есть.

Это если мы тебя протащим через охрану.

Лесли и Гарри были уже в гостевом центре,

когда прибыл караван из четырех блестящих церковных автобусов, возглавляемый Бобби Фрименом. Автобусы по такому случаю отскребли, а вручную написанные буквы на бортах объявляли, что это есть собственность Библейской Церкви Троицы. Из толпы донеслись приветственные клики. Автобусы прокатились мимо оживленного автомобильного движения на парковку, миновали демонстрантов, несущих плакаты с требованием импичмента Харли и сожжения текста из Геркулеса. Водители, повинуясь указаниям полицейских, заехали на приготовленные для них стоянки под взглядом телекамер.

Фримен сошел с первого автобуса, широко улыбаясь в ответ на энтузиазм публики. Он был без шляпы, в поношенном пальто и длинном шарфе. Толпа продолжала напирать. Кто-то вопил молитвы, другие благодарили Господа за встречу с великим человеком. Охранники, фрименовские и из центра, смешались с толпой, сдерживая ее, пытаясь поддержать видимость порядка. Проповедник обнял группу детишек, концы шарфа развевались на ветру. Его сторонниками были люди среднего класса, в основном белые, детишки, их матери, пожилые пары. Все

были тщательно причесаны, дети сияли умытыми лицами и цветными школьными куртками. Каждый держал в руках Библию. Было холодно, но этого, кажется, никто из них не замечал.

Фримен поднял на руки мальчика и что-то сказал, но Гарри ничего не расслышал. Толпа снова радостно завопила. Люди тянулись дотронуться до рукава своего наставника. Какой-то старик залез на дерево и чуть не свалился, когда Фримен ему помахал.

Ветер развевал седые волосы проповедника. У Фримена были полные щеки, широкий плоский нос и до противности довольный вид. Но в манере его не чувствовалось благостной снисходительности, как обычно у телепроповедников. Нет, он казался человеком, который вплотную столкнулся с великими дилеммами жизни и теперь верит, что нашел решение.

- Он искренний, - сказала Лесли.

- Он фальшивый, - ответил Гарри, не слишком уверенный в своей правоте, но рефлекторно считавший своим долгом долбать телеевангелистов.

Она поправила солнечные очки на лице:

- Гарри, они все прутся к нему. Кого-нибудь затопчут. Команда Фримена выстроилась клином, расчищая ему

дорогу. Гарри высмотрел двоих охранников и пробился через толпу поближе к проповеднику.

- Преподобный Фримен, - сказал он, - мы проведем вас через боковой вход. Вокруг толпы. - Гарри примерно показал рукой куда.

- Спасибо. - Проповедник добавил свои слова в общий шум. - Я подожду своей очереди к главному входу. С моими друзьями.

Он встал в хвост долгой очереди, а те, кто стоял рядом и слышал, разразились приветственными кликами.

Гарри подумал, не стоит ли настоять, но решил не начинать свалку посреди народа. Вернувшись к Лесли, он покачал головой:

- Надо было знать, ему это по душе. Ради этого он и приехал.

Гарри нажал на сотовом телефоне кнопку с номером Паркинсона.

- Как там у нас, Тед?

- Пропускаем всех как можно быстрее, Гарри.

- Отлично. Делайте все, что можете, чтобы ускорить дело. Устройте демонстрацию в каком-нибудь конференц-зале, если понадобится. Желательно побыстрее впустить отсюда внутрь хотя бы сотню.

Паркинсон буркнул:

- А почему нам не объявить об аварии электросети и не закрыться на весь день?

- При национальных-то телеканалах? - ответил ему Гарри. Из автобусов все еще вылезали пассажиры. Качались в воздухе плакаты с противоречивыми лозунгами, кому-то досталось плакатом по голове, и началась потасовка. Дэйв Шенкен, возникший рядом с Гарри, что-то заговорил в рацию.

Тут подъехал автобус с эмблемой Молодых Республиканцев. Оттуда высыпали студенты и радостно влились в толпу контрдемонстрантов.

Какой-то молодой человек в пиджаке и галстуке, явно из людей Фримена, вспрыгнул на капот автобуса.

- Преподобный Бобби! - завопил он, перекрывая шум толпы, Преподобный Бобби, ты здесь?

Взлетели крики «аминь».

- Это подстроено, - сказала Лесли.

- Я здесь! - отозвался радостный баритон проповедника.

- Я не вижу тебя, преподобный Бобби! - заявил молодой человек на капоте.

Наверное, кто-то прихватил с собой переносную трибуну или деревянный ящик: Фримен внезапно приподнялся над толпой - голова, пле-

чи, корпус. Он воздел руки.

- Теперь ты видишь меня, Джим? А вы видите меня, друзья?

Толпа ответила радостным криком. Но, когда шум стих, Гарри услышал еще и несколько кошачьих воплей.

- Зачем мы здесь, преподобный? - спросил человек на автобусе.

- Не нравится мне эта ситуация, Гарри, - сказала Лесли.

- Мы здесь, чтобы принести свидетельство, друзья мои, - заговорил Фримен глубоким раскатистым голосом, от которого сам стал казаться намного больше. Раздались новые аплодисменты, и на этот раз прорвалось и негодующее уханье. - С нами тут, очевидно, есть футбольные фэны из Филадельфии, - пошутил проповедник, и толпа захохотала. - Мы стоим там, где люди не всегда дружелюбны к миру, но где мир все равно их касается.

Смех стих. На краях толпы возникло шевеление - туда проникали люди с плакатами «ОБНАРОДУЙТЕ ТЕКСТ», и «СКАЖИТЕ ПРАВДУ», и «ВСЕ МЫ ИМЕЕМ ПРАВО ЗНАТЬ», и даже «САТАНА ЛЮБИТ ЛОЖЬ». Кто-то из задних рядов что-то бросил, и оно упало возле Гарри.

- Джимми хочет знать, - продолжал проповедник, - зачем мы сегодня здесь. Я скажу вам: мы здесь, поскольку Бог использует это место, это научное учреждение, - интонация была такая, будто он произносил слова «дом разврата», - для Своих целей. Сегодня Бог творит Свое дело, используя сооружения этих людей, не имеющих веры, дабы посрамить их.

Гарри заморгал. Кто это говорил, будто Фримен на нашей стороне?

- Но это не важно, - продолжал проповедник. - Бог может посрамить неверующих в любой момент, когда только Он захочет. - Слово «Бог» он произносил нараспев, как двухсложное. - А важно то, что послание с небес, что бы в нем ни было, послано, как было на Синае, лишь народу, которому еще предстоит научиться страху Божьему. - Все новые телекамеры поворачивались в его сторону, группа телевизионщиков залезла на крышу фургона Си-эн-эн. - Среди нас есть такие, которые боятся того, что может обнаружиться в послании. И даже среди *вас* некоторые требуют, чтобы оно было сожжено. Сжечь, не читая, говорите вы. Но я не премину указать вам, что послание может быть лишь от одного из двух источников, и скажу вам, возлюбленные братья и сестры, что я отличу

их без труда.

- Слезь, приятель! - крикнул сердитый голос. - Ты только очередь задерживаешь!

Кто-то, не расслышав, опять завопил «ура». Гарри против воли улыбнулся.

- Не понимаю, почему ты смеешься, - заметила Лесли. - Ситуация здесь у тебя опасная.

Между Фрименом и центром образовалось приличное открытое пространство.

- А этот человек прав, - добродушно сказал Фримен. Он слез и исчез в толпе, которая подалась вперед, и снова воздвигнулся уже ближе к зданию. - Джимми, ты еще здесь?

- Здесь, преподобный Бобби! - махнул рукой человек с автобуса.

- Ты видишь эти антенны? - Он протянул обе руки к сдвоенной антенне на здании номер двадцать три, заметной над ветвями деревьев. - Мы далеко ушли от Моисея, друзья мои. Или нам хочется думать, что ушли.

- Шел бы ты домой! - заревел чей-то голос. - Здесь никому это не надо - тебя слушать!

- И психов своих с собой забери, - добавил кто-то ещё.

Толпа вдруг хлынула, и несколько человек упали на газон, окружающий центр. Раздались

крики злости и испуга, и Гарри увидел, как плакат с надписью «Иисус» взлетел в воздух и обрушился на голову пожилого человека. Тот упал, и толпа раздалась. Держательница плаката, женщина средних лет, еще несколько раз стукнула упавшего, пока плакат не разлетелся.

Возле автобусов вспыхнули очаги драки. Толпа закипела. Люди выламывались из толпы и бросались к своим машинам.

- Началось, - сказал Шенкен в сотовый телефон. - Прекратить немедленно.

- Малость поздновато, - заметил Гарри. Люди в форме надвинулись на толпу.

А Фримен продолжал говорить. Свалка возникла так быстро, что застигла его в середине фразы, а он был не из тех, кто не заканчивает начатую мысль. Однако он сильно дергался, и Гарри подумал, что его кто-то пытается за ногу стянуть на землю.

- Лесли, - крикнул Гарри, перекрывая шум, - ушла бы ты внутрь!

Она глянула на столпотворение в центральных дверях - кто-то пытался вырваться из свалки, другие рвались в нее.

- Мне сейчас туда не попасть, и оттуда ничего не видно.

- Можешь потом посмотреть по телевизору, - ответил Гарри, высматривая маршрут отхода.

- Друзья! - провозгласил Фримен, воздевая руки и возвысив голос. - Почему вас так легко разгневать?

Лесли прикрыла рот ладонью:

- Его надо оттуда убрать. К такого рода толпам он не привык.

- По голове бы ему дать, это бы помогло, - сказал Гарри. И проповедник вдруг исчез.

Место, где стоял Фримен, было теперь полностью поглощено толпой, и толкотня между противниками переросла в общую схватку. Драки у автобусов слились в глобальную потасовку, полетели пивные бутылки, очередь в гостевой центр заколебалась наезжающими друг на друга волнами, потом распалась. Большая часть народу бросилась вокруг здания, некоторые попытались спасти свои машины, а другие радостно устремились в драку, угрожая охранникам, до невозможности довольные.

Гостевой центр был построен из стали и стекла. На глазах у Гарри камень взлетел с парковки, описал изящную дугу над головами и влепился в дверь.

Охранники быстро вытащили из толпы

нескольких подростков, и на миг показалось, что ситуация будет взята под контроль. И тут кто-то выстрелил.

Если праздничное настроение еще у кого оставалось, то теперь оно исчезло. Заблудившимся ветром пронесся над толпой вой. На миг люди застыли в тяжелой нерешительности, и вторая волна бросилась наутек. Один-два там, несколько человек здесь, и вдруг бегство стало всеобщим. Люди рассыпались по дорожкам, ныряли в окружающие деревья. Мелькнула одна из охранниц Шенкена, закрывая голову руками, и кровь била между пальцами ключом.

Толпа накрыла группу вопящих школьников, которых пытались собрать две испуганные учительницы. Гарри огляделся в поисках помощи, никого не увидел, велел Лесли бежать за здание и бросился в толпу. Тут же его подхватило и понесло. Скользящий удар пришелся по плечу, и кто-то - кажется, женщина, - лягнул по ноге. Лесли больше не было видно, а двое оказавшихся рядом охранников могли только наблюдать.

Его бы сбили с ног, если бы было куда падать. Кто-то орал на него, непонятно почему, но Гарри не отводил глаз от места, где только что были дети, и пробивался вперед. Кто-то из детей уже упал,

остальные плакали, один или два извивались рядом на бетоне. Нескольким удалось выбраться и прижаться к сочувствующим взрослым. Кто-то из охранников на глазах у Гарри подхватил двоих детишек и попытался вытащить в безопасное место. Прозвучали еще выстрелы. Как петарды, не слишком громко, но толпу охватила паника, и Гарри видел, как топчут упавших. Небольшая группка раненых детей чуть в стороне вдруг оказалась на пути бегущего стада.

В этот, наверное, самый славный миг своей жизни Гарри протолкался через свалку и встал между толпой и детьми. Бегущее стадо налетело на него, отбросило назад. Отдельные крики слились в общий вопль, в оглушительный рев. Кого-то Гарри сумел отшвырнуть, уперся, выдержал волну и остался стоять, когда толпа пронеслась мимо.

Рев внезапно стих, будто истощил энергию. Его сменили плач, крики, стоны, вопли, клаксоны машин. Какие-то люди в шоке бродили по полю битвы. В стороне Гарри увидел Лесли, хрупкую, в порванном жакете. Кажется, с небольшими синяками.

С ревом влетел вертолет телевизионщиков и повис над сценой. Машина «скорой помощи» космического центра, стоявшая наготове, выеха-

ла из служебных ворот на западной стороне и через газон устремилась вперед, мигая красными огнями. Через минуту появились машины из Гринбелта.

Один из церковных автобусов попытался выехать через неразбериху со стоянки, имея на борту всего полдюжины человек. Кто-то бросил в него краской, несколько окон были разбиты. Окровавленный мальчик, на пару лет моложе Томми, неподвижно лежал на траве прямо рядом с Гарри. К нему побежала Лесли, и тут же к ней присоединился человек со «скорой». Он приложил к груди мальчика стетоскоп, послушал и махнул рукой, чтобы подали носилки.

Подошел Шенкен - пожаловаться на слишком большое количество людей, допущенных в гостевой центр.

- Ограничения нужны, - требовал он. - Видите, что получается, если действовать вот так легко и свободно? Мы тут на воротах поставим проходную, как на главном входе, и хватит пускать всех и каждого.

- То есть вы хотите закрыть центр для гостей?

- Знаете что? - спросил Шенкен. - У меня трое оказались в больнице из-за всего этого, а в помещениях - беспорядки. И это не слишком для моей

карьеры хорошо, а потому я не очень радуюсь. Так что не надо со мной умничать, понятно? - Он собрался уходить, но тут же обернулся и ткнул пальцем в Гарри. - Будь моя воля, этого проклятого гостевого центра вообще бы не было. Кому он нужен?

- Именно ради него мы здесь находимся. - Гарри закипел. - И кстати, если вы еще раз тыкнете пальцем мне в лицо, он вам же достанется на обед.

Шенкен посмотрел, понял, что Гарри говорит всерьез, и попятился. Впервые во взрослой жизни Гарри кому-то угрожал физической расправой. И после такой бойни это было ему приятно.

- Почему началась стрельба? - требовательно спросил он. Шенкен все еще глядел сердито, но решил, наверное, что

нет смысла углублять конфликт.

- Один из охранников преподобного - коп, свободный сегодня от службы, - выстрелил первым. Нам он сказал, что это был предупредительный выстрел. Можете в такое поверить? В такой тесноти!ще! - Шенкен глубоко вздохнул, будто дивясь глубинам человеческой глупости. - Размахивать оружием в толпе, псих ненормальный! Источник остальных выстрелов мы пока не знаем, но, кажется, ни в кого не попало.

- А что с Фрименом?

- Его мы вытащили в первую очередь. Он сейчас в медпункте. Малость хромает.

Шенкен злобно улыбнулся.

Земля была усыпана мусором: пивные бутылки, плакаты, палки, бумага, даже несколько предметов одежды. Несколько рабочих центра в синих комбинезонах уже начали убирать. На стоянке осталось дюжины две машин, некоторые были побиты, другие вымазаны краской. Какая-то молодая женщина стала записывать номера, чтобы можно было начать искать владельцев - в больнице или в кутузке.

Гарри извинился и поехал в медпункт, где нашел Фримена, сидящего на пластиковой кушетке. Правая рука у него была на перевязи, челюсть и переносица заклеены пластырем.

- Как себя чувствуете? - спросил Гарри. У проповедника был ошалелый вид.

- Как дурак, - ответил он, не сразу сфокусировав взгляд на гостя. - Это не вы предлагали мне войти через боковую дверь?

- Было дело, - кивнул Гарри.

- Надо было послушаться. - Он протянул руку. - Я преподобный Фримен.

- Я знаю.

Гарри сделал вид, что не видит протянутой руки.

- Да, конечно. Наверняка знаете.

- Моя фамилия Кармайкл. Я здесь работаю. Сейчас я хотел проверить, все ли с вами в порядке. И поинтересоваться, зачем вы это сделали.

- Что сделал? Вот сукин сын!

- Затеяли беспорядки, - прохрипел Гарри. Фримен кивнул.

- Да, наверное, это я. Мне очень жаль. Я приехал помочь. И не понимаю, как это случилось. То есть там же было не очень много людей, кроме моих. Но я знаю, почему они не хотели слушать мои слова. Потому что очень трудно смотреть в глаза правде.

- Правды хотите, преподобный Фримен? Так вот вам правда: на улице холодно, а вы задерживали очередь.

Президент смотрел сурово. В свете настольной лампы черты его лица казались высеченными из кремня.

- Гарри, мне было прискорбно слышать о сегодняшней беде. Кто бы мог подумать?

Они были одни в Овальном кабинете.

- Я пока точно не знаю, как все произошло, - сказал Гарри. - Но Фримен порядка не прибавил.

- Так мне говорили. Почему вы дали ему возможность выступать? - В голосе президента звучала усталая горечь. - Уж Шенкен должен был понимать.

Гарри был удивлен, что президент знает Шенкена. Харли пристально посмотрел на Гарри и явно остался неудовлетворен.

- Ладно, это не ваша вина. Вы знаете, что есть один смертельный случай?

Гарри знал. Только не знал, не тот ли это ребенок, которого уносили у него на глазах.

- Третьеклассник из Мейкона. - Харли взял со стола пачку сигарет, предложил Гарри и закурил сам. Никогда раньше Гарри не видел, чтобы Харли курил. - Судя по видеозаписям, нам повезло, что погибший только один. Хотя очень жаль, что это ребенок. Я так понял, что Фримен хочет провести завтра поминальное богослужение. Я бы его попросил этого не делать, если бы думал, что он хоть сколько-нибудь прислушается.

- Зачем он это делает? - спросил Гарри. - Он ведь уже признал свою виновность.

- Как же. Перед кем?

- Передо мной.

- Я так понимаю, не на публике?

- Нет. В медпункте.

- Это не много дает. - Харли хмуро поглядел на сигарету, затянулся, выпустил облако дыма и затушил сигарету в пепельнице. - Эта чертова штука убьет, меня когда-нибудь. Не люблю быть циником, но этот паразит только потому устраивает богослужение, что знает наверняка: его покажут по телевизору, а он любит мелькать. Использует каждое появление для проклятия безбожным элементам, кто бы они ни были. Но дураками будем выглядеть мы. - Президент прижал пальцы к вискам. - Надеюсь только, что вы принесли что-то, стоящее той цены, которую мы платим.

Гарри сидел под портретом Теодора Рузвельта. Тедди расположился в кресле подле камина, в задумчивом настроении. Возглавляя наступление, на сафари, на охоте на бизона Тедди всегда казался Гарри самым неприятным из президентов. В отличие, например, от Джефферсона или Мак-Кинли, принадлежащих далекой эпохе, этот кавалерист-доброволец был олицетворением романтического века, которого никогда и не было. А кто сегодня представляет реальность? Джон У. Харли или Эд Гамбини?

- Мистер президент, Пит Уиллер думает, что нашел способ извлечения энергии из магнитного

поля Земли.

- Вот как? - Выражение лица Харли не изменилось, но в глазах сверкнул интерес. - И сколько энергии? -- Он наклонился вперед. - И насколько сложен процесс?

- Пит считает, что в свое время эта энергия удовлетворит мировую потребность. Источник чертовски близок к неисчерпаемому. Практических деталей у нас пока нет. Они потребуют определенного времени, но Пит утверждает, что механизм не будет сложным.

- Господи! - Харли просиял. - Гарри, если это правда, *если* это правда... - Он уставился в даль. - Когда я получу что-то на бумаге?

- К концу недели.

- Давайте завтра. К середине дня. Дайте, что у вас есть, пусть это даже будет записано на обороте конверта. Меня не интересует теория. Я только хочу знать, какую можно получать мощность и сколько надо будет ресурсов, чтобы запустить систему. Гарри, вы меня поняли?

- Мистер президент, я не уверен, что мы сумеем так быстро собрать данные.

- Сумеете, сумеете.

- Но мне кажется...

Президент встал и посмотрел на часы. Гарри

понял намек и тоже встал.

- У вас челюсть распухла. Это во время беспорядков, или к вам слишком пристают дамы? - Он заулыбался, придя в радостное настроение. - Поберегите себя, вы мне нужны. Эд и его команда - это хорошие люди, но у них нет чувства ответственности. Разве что перед собой. Я их понимаю - они живут в мире, где люди разумны и нет других врагов, кроме невежества. Мне нужно ваше здравое суждение, Гарри.

Харли подтвердил свои слова кивком, который яснее слов сказал Гарри, что теперь он входит в президентскую команду.

- Преступники стреляют в людей. Спроси я у Эда, что делать с этой проблемой, он бы предложил мне прекратить производство огнестрельного оружия. Прекрасный логический ответ и никуда не годный, конечно, поскольку политический климат такого не позволит. Зато мы, быть может, решим наши внутренние проблемы, подключив новый источник энергии. Поживем - увидим. У вас еще что-нибудь есть ко мне?

- Нет, сэр, - ответил Гарри, направляясь к двери.

Он понимал, что его снова взяли за шкирку и выставили. Но Харли это сделал настолько

искусно, что из Белого дома Гарри вышел в приподнятом настроении.

Бейнс Римфорд, покинув гостиницу на Гудлак-роуд, не поехал к себе домой. Он несколько часов бесцельно ездил по пустым хайвеям, между стенами темного леса. Дождь, переставший днем, зарядил снова. На ветровом стекле стала намерзать наледь.

Видит Бог, Римфорд не знал, что делать.

Он въехал на подъем, слишком быстро спустился вниз и вошел в длинный поворот, выходивший к мосту. Не было видно, что там внизу - вода, или рельсы, или просто ложбина, но в некотором смысле это был мост через время. На той стороне ждал его Оппенгеймер. И Ферми, и Бор. И все, кто спустил с цепи небесный огонь.

Наверняка был такой момент, думал Римфорд, в Лос-Аламосе, или в Оук-Бридже, или в университете Чикаго, когда они поняли, по-настоящему поняли последствия своей работы. Случилось ли им тогда сойтись и обсудить? Было ли решение о продолжении работы сознательным, когда зимой сорок третьего - сорок четвертого стало ясно, что нацисты далеки от создания бомбы? Или просто они действовали по инерции? В экстазе от проникновения в тайны Солнца?

Римфорд говорил когда-то с Эриком Кристофером, единственным участником проекта «Манхэттен», которого знал лично. Кристофер был уже удручен годами, когда Бейнс подошел к нему на встрече, где Кристофер подписывал книги. Он уже тогда сошел с нарезки и пытался связать физику с дальневосточным мистицизмом. Римфорд купил экземпляр и был обрадован реакцией старика, когда назвал свое имя. А потом безжалостно задал ему вопрос. Единственный случай, когда он мог вспомнить за собой намеренную жестокость. Кристофер тогда сказал, что вам теперь, шестьдесят лет спустя, легко говорить, что надо было делать. А в нашем мире были нацисты и страшная война на Тихом океане, грозившая гибелью миллионам американцев, если бы мы не сделали бомбу.

Но не могло не быть у них часа, мига, когда они усомнились в себе, когда была возможность действовать ради будущего, направить историю по другому пути. Этот выбор существовал, как ни короток был тот миг. Они могли отказаться выпускать джинна из бутылки.

«Выбор «Манхэттен».

Римфорд гнал машину в ночь, искал по темным сельским дорогам что-то, чего сам не мог назвать.

И яростно думал, не будет ли миру спокойнее, если он сейчас разобьется.

* * *

Глаз у Лесли распух. Было и еще несколько весьма заметных синяков. И она поморщилась от боли, когда села.

- Какое-то время тебе не придется ходить на молитвенные собрания, - отметил Гарри. - Ты похожа на боксера.

- И не слишком умелого. Что сказал Фримен?

Они сидели в ресторане «Неаполь» на Массачусетс-авеню, рядом с Дюпон-серкл.

- Принял на себя ответственность. Я был удивлен.

- Да, ему это наверняка было трудно. Мне кажется, он в своей жизни редко сталкивался с бедствиями. По крайней мере такими, за которые сейчас принимает на себя долю вины. Он знает, что погиб ребенок, и знает, что этого не случилось бы, если бы он не приехал. Или хотя бы не раскрывал пасть и не взбудоражил всех. Это ему будет тяжело. Тут нелегко даже перед собой оправдаться.

- *Я его* спросил, зачем он это сделал. Ответ я знал: была возможность выступить перед ка-

мерами.

- Это правда, - согласилась Лесли. - Но это не вся правда. Не думаю, чтобы он так поступил исключительно по эгоистическим причинам. Если не считать внутреннего удовлетворения от ощущения себя правой рукой Господа. Кем бы Фримен ни был, он не лицемер. Он искренне верит. И когда он говорит о мире, окруженном водами Иордана, управляемом божеством, которое любит свои создания, когда Фримен цитирует псалмы столь прекрасные, что поневоле задумаешься, порождены ли они человеческим умом, очень просто захотеть, чтобы все это было правдой. Захотеть, чтобы все было в мире по Фримену. И эта картина мира получше, чем у любого из нас. Эд пытался когда-то мне объяснить, почему у Вселенной нет края, вопреки тому факту, что она возникла из взрыва, и я никак не могла взять в толк, о чем он говорит. Мир физиков холоден, темен и огромен. Мир Фримена - это сад, или когда-то был садом. На самом деле, Гарри, для меня Бог - вещь куда более понятная, чем четвертое пространственное измерение.

Блестящие глаза Лесли стали далекими, как было в тот первый вечер, когда он ее увидел.

- Эд не захотел бы жить в саду, - сказал он.

- Да, вряд ли захотел бы. Разве в Эдеме будут работать телескопы? И что он там мог бы увидеть? И тем не менее все эти годы его вела идея - какая? Он хотел получить ответы на большие вопросы. Он по-своему похож на Августина двадцатого века. И вряд ли совпадение, что среди его ближайших сотрудников есть католический священник.

Лесли осторожно приложила платок к распухшему глазу и поморщилась от боли.

- Завтра он не будет видеть, - пожаловалась она. - А ты как себя чувствуешь?

У него все болело.

- Не слишком, - сознался он.

Принесли ужин - спагетти и котлеты для Гарри и язык для Лесли.

- Ты очень по ним скучаешь? - вдруг спросила она. Гарри попробовал чесночный хлебец.

- Отлично, - сказал он. Лесли ждала.

- Они составляли приличный кусок моей жизни, - ответил он. - Джулия сказала, будто мне все равно, живы они или нет. И она говорила всерьез, она верила в свои слова. Но это неправда и никогда не было правдой. Сейчас в моей профессиональной жизни самое интересное время, и Бог один знает, куда оно выведет. Но если правду сказать, мне от него никакой радости. Я бы все

это выменял… - Гарри поковырял еду на тарелке. - Ладно, не стоит. Ты же этим зарабатываешь на жизнь? Слушаешь рассказы людей, как они сами себе жизнь испортили.

Она потянулась через стол и взяла его за руку.

- Я тебе не психолог, а друг, Гарри. Я знаю, что сейчас у тебя трудное время. И знаю, что впечатление у тебя такое, будто оно никогда не кончится. Ты сейчас на самом дне. Но ты не один, и дальше будет становиться лучше.

- Спасибо, - ответил он. И, помолчав, добавил: - Ее трудно заменить. - Он улыбнулся Лесли: - Какую-то секунду мне казалось, будто ты сейчас скажешь, что сама через такое прошла.

Дрожащее пламя свечей накрывало тенями ее шею и глаза. Лесли казалась задумчивой, и Гарри вдруг понял, как она до боли прекрасна. И почему он такую простую вещь заметил только сегодня?

- Ты прав, - ответила она, - считая ее неповторимой. Никогда ты не найдешь другой с теми же самыми параметрами. Но это не значит, что ты не найдешь другой с параметрами равно желательными. Или даже улучшенную модель. - Она не улыбалась, но что-то лукавое было в глазах. - И я не собиралась тебе говорить, что переживала нечто подобное. Я одна из немногих счастливцев,

которых никогда не касалась Великая Страсть. Могу сказать, к стыду своему, наверное, что никогда не встречала мужчину, которого нелегко было бы бросить.

- Кажется, ты о нас не слишком высокого мнения. Гарри попытался сказать это шутливо, но сам понял, что не получилось.

- Да нет, я люблю мужчин, - сказала она, сжав руку Гарри. - Нормальный народ, и не оставить ли нам эту тему?

В «Красную черту» они зашли выпить по рюмке на ночь. Было поздно, и они немного посидели, слушая музыку. Лесли задумчиво покачивала стакан, глядя в него, и Гарри наконец спросил, продолжает ли она мысленно переживать сегодняшние беспорядки.

- Да нет, ничего такого. - Они посмотрели друг другу в глаза, и Лесли пожала плечами. - Я почти все время занята переводом. И впечатление, которое мы получаем от этого текста, оно... ну, несколько сбивает меня с толку.

- В каком смысле?

Она задышала чуть глубже, открыла сумочку, покопалась там и нашла смятый конверт с логотипом банка Филадельфии. Разгладив бумагу, Лесли достала ручку и стала писать. Гарри смот-

рел на строку, вверх ногами, и текст был похож на стихи.

- Вот дословный перевод, - сказала она. - Но я думаю, что он вполне передает дух текста.

Дописав, Лесли пододвинула ему бумагу.

Я говорю с поколениями
О тех, чьи кости лежат в курганах.
Мы не знаем покоя, они и я.

Гарри перечитал несколько раз.

- Мне это ничего не говорит, - сказал он. - Что бы это значило?

Она снова написала на конверте:

Пройдя сквозь ту силу,
Что правит цветком мира,
Я знаю пульс галактик.

- Прошу прощения, - сказал Гарри, - но я пас.

- Это вне контекста, - сказала Лесли. - И только Бог знает, насколько точен этот перевод. Но «цветок мира», как я понимаю, - это процесс эволюции. А сила, которая им правит, - это смерть.

Гарри заказал еще по одной. Лесли откинула локон с лица.

- Набор данных, над которым я работаю, наполнен вот такими штуками, предполагающи-

ми весьма случайное знакомство с понятием смертности. И есть еще упоминание о проектировщике.

- Проектировщике?

- Наверное, это Бог.

- Мы напоролись на планету, населенную пресвитерианами?

- Смешно. - Она закрыла глаза. - Вот еще из текста:

> Я коснулся живой цепи,
> Познал танцы внутри протона.
> Я говорю с мертвыми.
> И я почти знаю проектировщика.

- Просто стихи, - сказал Гарри.

- Да, я знаю. Но не понимаю их. Гарри, сочинитель этих стихов повторяет нам снова и снова, разными способами, что они умерли, что они - сообщество живых и мертвых.

- Можно было бы возразить, что христианские общества - это тоже объединение живых и мертвых. А некоторые религии утверждают, что в каждой личности живут ее предки.

- Я полагаю, здесь тоже что-то вроде этого. - Лесли смяла конверт и бросила его на стол. - Я не знаю. И это не просто несколько странных катре-

нов. Во всем материале - ощущение расы, которая превзошла смертность.

- Я бы хотел еще что-нибудь из этого прочесть.

- О'кей, - просияла Лесли. - С удовольствием. Хотелось бы получить впечатление от свежего взгляда.

Когда Кармайкл ушел, Джон Харли еще долго простоял возле занавески, глядя на движение на Экзекьютив-авеню. В Белый дом он пришел три года назад, убежденный, что может руководить в этот трудный период, когда столько стран владеют оружием массового поражения, когда в стольких местах бушуют вооруженные конфликты и геноцид, когда на Запад давят с полдюжины грошовых диктаторов, плюющих на приличия и эмбарго и постоянно грозящих своим соседям.

Точно так же стояли у этого окна в ночную пору другие президенты: Кеннеди, Никсон, Рейган - в тени нависшего ядерного молота. И потом, после развала Советского Союза, Буш и четверо его преемников боролись с трудностями иного рода: создание нового мирового порядка, где национальные государства смогут жить в мире и где голод и болезни будут стерты с лица земли.

Это была благородная задача, но такая, которая выходит за пределы сил любой группы стран.

Население несколько стабилизировалось, но продолжало расти, опережая все усилия создать хотя бы шанс обеспечить всем достойное существование.

Страшной правдой было то, что на планете постоянно продолжала литься кровь. Но если Гарри Кармайкл прав, если под рукой есть неисчерпаемый источник энергии, то возникает реальная возможность сделать шаг к мечте Джорджа Буша-старшего.

И президент понял, что сегодня, быть может, Кармайкл принес ему бессмертие.

МОНИТОР

КИТАЙСКАЯ ПОДВОДНАЯ ЛОДКА ПОЙМАНА В ЗАЛИВЕ ЧЕСАПИК

Ассошиэйтед пресс: Информированные источники сегодня сообщили, что береговая охрана США и корабли ВМФ выследили китайскую подводную лодку класса Y у входа в залив Чесапик…

ТУРИСТ
В ЙЕЛЛОУСТОНЕ УБИТ МЕДВЕДЕМ

Парень хотел спасти завтрак, сообщает его подруга…

КОНГРЕСС УТВЕРДИЛ ФИНАНСИРОВАНИЕ ГОРОДОВ

Полиция, образование и программы занятости получат помощь…

БОЛИВИЙСКИЕ ПАРТИЗАНЫ ЗАХВАТИЛИ ПОЛИЦЕЙСКИЙ ПОСТ НА ГРАНИЦЕ С ПЕРУ

Бои армии с повстанцами под городом Титикака…

ЛЕЙКХЕРСТСКОМУ ТЕРРОРИСТУ ПРЕДЪЯВЛЕН ИСК О ВОЗМЕЩЕНИИ УЩЕРБА

Сотрудник спецполиции при захвате станции получил перелом черепа…

СЕВЕРНАЯ ДАКОТА УРЕЗАЕТ РАСХОДЫ НА МЕДОБСЛУЖИВАНИЕ

По новому закону плату определяют власти штата… АМА предупреждает о снижении качества медицинской помощи…

ПАКИСТАН ПРОСИТ У ВСЕМИРНОГО БАНКА ССУДУ В 6 МЛРД ДОЛЛАРОВ

ПРАГА ОТВЕРГАЕТ УЛЬТИМАТУМ АРМИИ

Беспорядки на заводах; армия отказывается подчиняться…

УГРОЗА ЯДЕРНОГО ШАНТАЖА В ЭТОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ БУДЕТ РАСТИ

Двадцать шесть стран объединяют усилия разведок…

Глава двенадцатая

Примерно в три часа ночи у Гарри зазвонил телефон. Гарри перевернулся, уставился в темноту, нашарил аппарат и сбил трубку на пол.

- Кармайкл! - рявкнул он в микрофон.

- Гарри?

Что за черт? Звонил Римфорд. Что могло его всполошить в такой час?

- Да, Бейнс? Что случилось?

- Ничего. Но мне нужно с тобой поговорить.

- *Сейчас?*

- Да. Тут есть круглосуточная вафельная на Гринбелт-роуд. «Арло» называется.

- Я знаю, где это.

- Будь там через сорок минут.

Он повесил трубку, а Гарри остался лежать и таращиться в невидимый потолок.

Что может хотеть от него Римфорд? Гарри подумал мельком, не позвонить ли Гамбини, но решил, что Римфорд хочет говорить с ним наедине, иначе сам бы позвонил Эду. Он сбросил ноги с кровати, помотал головой, прогоняя остатки сна, и направился в душ.

Когда Гарри приехал, Римфорд сидел и читал

«Пост». Если не считать его и двух полинявших официанток средних лет, зал пустовал. Дождь только что перестал, и большие стекла еще были покрыты каплями. Очень ярко светили лампы, и пахло хорошим кофе.

Римфорд поднял глаза от стола и без улыбки поздоровался.

Гарри сел, и ему принесли кофе.

- Заказывать будете? - жизнерадостно спросила официантка.

- Можно, - согласился Гарри. - Яичницу с ветчиной. И тост.

Когда официантка отошла, он повернулся к Римфорду.

- Так в чем дело? - спросил он, понизив голос.

У Римфорда был усталый и подавленный вид. Он полез в карман, достал пакет в пластиковой обертке и передал Гарри посмотреть.

- Это же текст передачи, - удивился Гарри.

- Полный.

- И как ты его получил?

- Просто вынес. Я эту копию сделал раньше, чем ввели ограничения. Тебе я ее отдаю как напоминание, что могут быть и другие. Вряд ли мне одному было удобнее работать дома.

- Спасибо, - сказал Гарри, не зная, хочет ли он

даже трогать этот пакет. - Лучше всего его прямо на месте уничтожить и забыть. Иначе начнется дело о нарушении секретности, и мы с тобой весь следующий год будем только писать объяснения.

Римфорд кивнул и глотнул кофе.

- Если ты так считаешь.

- Бейнс, что это должно значить? Он впился в Гарри глазами:

- Хочешь совет?

- Давай. - Гарри осторожно сунул пакет в карман.

- Когда избавишься от *этого,* - он посмотрел на карман Гарри, - воспользуйся *этим* и избавься от всего остального.

Он вытащил диск и передал его через стол.

На диске была надпись «Меланхолический вальс».

- Что это, Бейнс?

- Вирус. Внеси его в лабораторию, загрузи в систему, и он сотрет все.

- Ты шутишь!

- Можешь его назвать «Выбором «Манхэттен». Так должен был поступить Оппи.

- Бейнс…

- И не забудь, - продолжал Бейнс, будто Гарри

ничего и не говорил, - что есть еще несколько копий, не знаю точно сколько, пять или шесть, - на компакт-дисках. - Он посмотрел на часы. - Сейчас как раз подходящее время. Можешь стереть жесткие диски и без проблем добыть все копии.

Гарри подумал, не случилось ли у Римфорда срыва.

- Зачем? - спросил он. - Зачем это надо?

Он видел, что космолог не в себе, и потому постарался говорить помягче, приготовился уговаривать. И это было какое-то странное удовлетворение - говорить по-отечески с

Бейнсом Римфордом. «Ничего, Бейнс, ничего. Все будет хорошо».

Синие глаза полыхнули.

- Что бы ты меньше всего хотел найти в этой передаче, Гарри?

- *Не знаю,* - ответил Гарри, усталый от всего этого. Никак не кончаются эти чертовы проблемы. - Чуму. Большую бомбу. Способ взорвать планету. - Он сунул вирус в тот же карман. - А что ты нашел?

- Сегодня я встал с намерением ехать в лабораторию и сделать это самому. Можешь поверить?

В кафе стало холодно.

- И почему ты не стал? Почему позвонил мне?

- Не мне принимать такое решение. Ответственность здесь не моя. Это должно быть стерто - диски, записи, чертежи, все, что там есть. Но... - Официантка принесла две тарелки - вафли для Римфорда, яичницу с ветчиной для Гарри.

- Я рад, - заметил Гарри, - что эта проблема не повлияла на твой аппетит.

Римфорд засмеялся, намазал вафли маслом и посыпал сахарной пудрой.

- Гарри, это *не моя* проблема, и если я пойду и сотру текст, моя карьера кончена, и я, наверное, стану самым презираемым специалистом на всем земном шаре. Я на это не напрашивался, и решать не мне. Жертвовать собой я совершенно не собираюсь.

- Так что же там такое? - спросил Гарри. Римфорд надкусил вафлю.

- Дешевый способ устроить конец света. На это хватит ресурсов почти любой ближневосточной страны. Или даже хорошо обеспеченной террористической организации. Процедура нетрудная, если знать, что делать. И по любым меркам, - заключил он, - я сейчас самый опасный человек на свете.

- У меня было впечатление, - сказал Гарри, - что ты ограничивался космологическим материа-

лом, который был в тексте.

- Верно.

- И что же, ради всего святого, мог ты найти в космологических рассуждениях?

- Способ изгибать пространство, Гарри.

- Объясни.

- Благодаря алтейцам мы теперь знаем конкретные цифры кривизны пространства. Или по крайней мере знаем, какие цифры они поддерживают. Очевидно, в нормальных обстоятельствах эта кривизна где-то около пятидесяти семи миллионов световых лет на дуговой градус. Это значение меняется в зависимости от местных условий. А если оно кажется очень малым, то потому, что Вселенная не есть сфера в гиперболическом пространстве, как я предсказывал и как мы все полагали.

Гарри попытался понять, но это было безнадежно.

- Я думал, - сказал он, - что Вселенная предполагалась плоской.

- В конце века все мы так думали. Точка зрения менялась туда и обратно, Гарри. Но если алтейцы правы - а нет оснований полагать, что это не так, - то она представляет собой искаженный цилиндр. Нечто вроде четырехмерной ленты Мебиуса.

Понимаешь, если пойти точно *туда,* - он показал на темное и беззвездное небо на востоке, - и продолжать идти, то в конце концов ты придешь *оттуда.* - Он ткнул рукой в противоположную сторону. - Только пониже, конечно. Окажешься под горизонтом.

- О'кей, - сказал Гарри.

- Я вижу, ты правша.

Гарри намазывал тост, но при этом наблюдении остановился.

- И что?

- А вернешься ты левшой.

Гарри не стал допытываться подробностей.

- Так почему ты хочешь уничтожить передачу?

Очень неловко было вести такой разговор в общественном месте.

- Гарри, ты чего-нибудь в физике понимаешь? Мы говорим об искривлении пространства. В некоей конечной области степень кривизны может быть увеличена, обнулена или инвертирована. И это только дело техники. Мы говорим о гравитации! Антигравитации, искусственной гравитации. Это все теперь у нас в руках.

- Вроде бы это хорошие новости, Бейнс?

- Если бы дело ограничивалось этим, я бы с тобой согласился. Никаких проблем с выведением

грузов на орбиту. Хозяйка прилепит к холодильнику пару антигравитационных дисков и сама отнесет его в подвал. Но ведь можно заставить весь Нью-Йорк упасть в небо - как тебе это? Или превратить штат Мэриленд в черную дыру. - Римфорд устало поднялся. - Бог знает, что еще есть в этих дисках, Гарри. Но я думаю, что ты, или твой начальник, или кто-то еще повыше должен избавиться от них. Просто это для нас слишком.

Мышцы Гарри парализовало холодом.

- Это все уже засекречено.

- Гарри, не будь дураком. Ты знаешь, что утечка - это только вопрос времени. Сведения украдут. Или используют. Единственный надежный способ - прикрыть это все начисто, пока информация не вырвалась на волю. *Если* она еще не вырвалась.

- Ты говоришь о других копиях?

- Конечно. И может быть, уже поздно.

- Бейнс, ты же знаешь, что мы не можем уничтожить текст. Гамбини об этом даже слушать не станет. У Розенблюма случится сердечный приступ. И они будут правы. Диски с Геркулеса - источник знаний, о каком мы и мечтать не могли. И выбросить их мы не имеем права!

- А почему? Что мы можем из них узнать такого,

что существенно превышает наши теперешние знания? Харли это понимает. Они показали нам, что мы не одни, как он сказал, до того, как мы точно узнали, что они заговорят снова. Вот это важно. Только это и важно. А все остальное - детали.

Он доел вафли, допил кофе и жестом попросил счет.

- Я лечу утренним рейсом, Гарри. Если ты сотрешь эту чертову штуку и тебя поймают или если ты сделаешь это открыто и на тебя будут нападать, можешь сказать, что поступил так по моему совету. На это я согласен. И я скажу, что ты поступил правильно.

Диск с Бейнсовской копией передачи Гарри положил в левый нижний ящик стола и прикрыл газетой, будто это могло защитить от кого-нибудь, кто этот ящик взломает. Потом он запер ящик и несколько минут смотрел на него. Потом встал и с вирусом в кармане вошел в лабораторию.

Еще не было шести. Когда Гарри вошел, в лаборатории находились только Маевский и двое лаборантов. Корд посмотрел на Гарри, кивнул и стал чертить свои схемы.

Гарри даже не рассматривал всерьез идею взять на себя стирание записей. Но не мог удержаться от искушения пройти по лаборатории и

посмотреть, как это можно сделать.

Он знал, что есть шесть нумерованных копий. Плюс информация на жестких дисках. Четыре в ящике. Маевский работал с пятой, и еще одна была у лаборанта.

Насколько это было бы трудно?

Гарри оставил сообщение на голосовой почте Уиллера, вышел в кабинет Гамбини, написал записку и оставил у него на столе. В обоих посланиях было, в сущности, одно и то же:

«Позвони мне, как только придешь».

- Как бы опасно это ни было, - заявил Гарри, - но решение принимать не нам.

- Согласен, - сказал Гамбини. - Нам надо избежать слишком активной реакции. - Придя утром, он нашел второе сообщение, от Римфорда, которое гласило: «Эд, к сожалению, больше не могу работать в проекте. Желаю удачи».

Они собрались в офисе у Гарри. Он описал им ночной разговор, опустив тот факт, что Римфорд передал ему лишнюю копию. Гамбини все это время кивал, будто предвидел, что Римфорд выкинет такую штуку. Уиллер эмоций не выражал.

- Что меня пугает, - произнес Гамбини после рассказа Гарри, - это как легко сюда зайти и все уничтожить. Мне в голову не приходило, что об

этом надо беспокоиться. Прежде всего надо сделать запасную копию и хранить ее под замком. - Он посмотрел на Гарри. - Где вирус?

Гарри достал диск и протянул его, как вещественное доказательство. Гамбини взял диск, повертел под лампой и разломал.

У Гарри упало сердце.

- Он тревожился, - сказал Уиллер. - Теперь, оглядываясь назад, я это вижу. Надо было знать, что может случиться нечто подобное.

Гамбини покачал головой:

- Бедняга. Жаль, что он ни с кем не поговорил.

- Он поговорил со мной, - напомнил Гарри.

- Я имею в виду - со специалистом. Ладно, это не важно. Послушайте, я ему позвоню. Попробую переубедить.

- И что ты ему скажешь? - спросил Уиллер. - Судя по тому, что говорил Гарри, его только одно может успокоить: что мы все разрезали на кусочки и сожгли.

Гамбини нахмурился:

- Ты что, с ним согласен?

- Наверное, стоит об этом поговорить, - предложил Гарри. - Я, кажется, до сегодняшней ночи не понимал, насколько эта штука опасна.

Он глядел на сломанную дискету.

Губы Уиллера сложились в тонкую улыбку.

- Гарри, как ты мог этого не понять? Зачем, по-твоему, все эти режимные ограничения?

- Конечно, риск есть, - сказал Гамбини. - Мы все это знаем. Но риск управляемый.

- Ты действительно так думаешь, Эд? - спросил священник. - Мы говорим о технологии, которая жонглирует звездами. Если она действительно есть в тексте, разве мы готовы ею управлять? Мы еще никак с порохом не можем сладить.

- А до сих пор ты об этом молчал В тряпочку, Пит, - просипел Гамбини. - Если ты так беспокоился, почему ничего не сказал?

- Я - священник. - Уиллер глубоко вздохнул. - Любое мое действие отражается на церкви. И в подобном деле это очень большая трудность. Мы все еще пытаемся объясниться за Галилея. Я потому и сидел пассивно, действовать, как Бейнс, я никак не мог. Но я могу вам сказать, что, каковы бы ни были их мотивы, алтейцы оказали нам медвежью услугу. И жаль, что они не ограничились просто приветом.

- Но почему? - вопросил Гамбини. - Потому что Римфорд увидел способ злоупотребить частью информации? Черт побери, такой риск всегда есть. На каждом шаге вперед есть риск. Но вы

подумайте, что нам сейчас досталось! Послание из иного мира. Новые перспективы. Шанс сравнить то, что мы знаем, и что думаем, что знаем, с чьей-то еще наукой. Шанс понять, действительно ли есть у человека смысл существования. Уж если кто-то должен заинтересоваться, то это ты, *падре.* Мы должны спокойно думать и не впадать в панику. Я бы предложил просто известить исследователей о наших соображениях и предложить им докладывать обо всем, что может создать проблему. И тогда, если что-то возникнет, действовать рационально.

- Я не уверен, что мы говорим о вещах, которые так легко идентифицировать, - сказал Уиллер.

- Черт побери, Пит, против такой логики действительно невозможно спорить! Но давайте все-таки будем разумными. Вам не приходило в голову, что наше выживание как вида может зависеть от того, что мы узнаем от алтейцев? Если добиться технологических прорывов, то появятся способы решения каких-то наших проблем. - В его голосе была мольба о понимании. - С такими дарами все нам будет открыто. Представить себе невозможно, чего мы достигнем, победив гравитацию и покорив такую энергию, которая нам предлагается. - Он глянул на Гарри. - *Ты* хотел бы

взять на себя ответственность за уничтожение такого источника знания? Даже Бейнс, во что бы он ни верил, не мог себя заставить так поступить.

- Вот почему это так опасно. Это смоляное чучелко. Каков бы ни был потенциальный вред, избавиться от него мы не сможем.

- Нужно политическое решение, - предложил Гарри. - Быть может, следует повременить. Остановиться. Чтобы понять истинную природу проблемы, надо больше узнать о том, что у нас в руках.

- Согласен, - сказал Гамбини. - Это вполне разумно. Но прямо сейчас нам надо понять пару других вещей. Пит, ты готов остаться в проекте?

- Да, - тихо ответил священник.

- И мне не придется беспокоиться за безопасность текста?

- Нет. От меня - нет.

- Так, ясно. Я рад, что мы это урегулировали. Теперь... - Он проницательно посмотрел на Гарри. - У кого-нибудь еще возникли моральные проблемы?

- Я лично брать решение На себя не собираюсь, - сказал Гарри. - Но ни за кого другого не ручаюсь. Лучше бы сделать дополнительную копию и убрать ее в безопасное место.

- Это я первым делом сделаю, как только вернусь к себе.

Гарри ощутил, что напряжение оставляет его.

- Есть еще одна вещь, которую надо обсудить. Для разнообразия - новость хорошая.

- Буду рад ее услышать.

- На Белый дом по-прежнему сильно давят, чтобы текст был опубликован. И потому Харли создает официальный орган, который пересмотрит все, что нами получено. Говорят, что будет опубликовано все, что только можно.

- Что ж, приятно знать, - сказал Гамбини. Но, секунду подумав, спросил негромко: - И кто будет решать, что можно и что нельзя?

Гарри сохранил бесстрастное лицо:

- Оскар де Сандр.

- *Кто?*

Даже Уиллер улыбнулся.

- Оскар де Сандр, - повторил Гарри. - Мне сказали, что он главный по военным технологиям. И я думаю, он подберет штат экспертов в соответствующих областях, и они будут обращаться к нам, если возникнут сомнения.

- Много мы знаем, - буркнул Уиллер.

Гамбини поглядел на него с нескрываемым раздражением.

- О'кей, - сказал он.

- Я думаю, - предложил Уиллер, - было бы мудро вести себя политично и не выкладывать все сразу.

- Поддерживаю, - согласился Гарри. - Эд, я тебе дам телефон де Сандра. Хорошо бы ты позвонил ему сегодня, ввел в курс дела и попытался дать ему понятие о том, что ему следует искать. Про Бейнса не упоминаем. О'кей?

- Конечно, не упоминаем, - буркнул Гамбини. - Если это просочится, у широкой публики штаны от страха полопаются. Кстати, он ничего не сказал, собирается ли он говорить на эту тему с журналистами?

Гарри мысленно прокрутил весь разговор.

- Нет. Он совершенно ясно дал понять, что предоставляет дело мне. *Нам.* Абсолютно уверен, что он ничего не скажет.

- О'кей. Я постараюсь взять с него обещание, когда буду с ним говорить.

Гарри нахмурился:

- Эд, на твоем месте я бы его не трогал. Так, что еще? Надо создать процедуру, гарантирующую, что все, что мы будем выдавать, прочтет кто-то, кому мы доверяем. И надо привлечь еще Корда, Лесли и Хаклюта. Скажем им, что стоит на ко-

ну, и попросим отсекать все, что может создать проблему.

- Мне кажется, - сказал Уиллер, - что у нас будет информация трех категорий: материал для де Сандра, материал, идущий только к Харли, и то, что вообще не должно выходить наружу.

Гамбини встал и сделал пару кругов по кабинету.

- Не знаю, - задумчиво протянул он, - но, кажется, разговор по делу. Гарри, какой же из тебя, к черту, чиновник?

- Наверное, не очень хороший, - ответил Гарри. Уиллер кивнул.

- А как ты думаешь, что было бы с Римфордом, если бы кто-то запустил его вирус?

Гарри улыбнулся.

- Ему предъявили бы обвинение в заговоре с целью уничтожения федерального имущества.

Хотя Оскар де Сандр считал себя сотрудником Белого дома, фактически он работал в здании администрации. И не был доволен своей жизнью. Несмотря на все подаваемые просьбы и получаемые обещания, ему дали только одну помощницу и еще стажерку на полставки для участия в проекте «Геркулес». И стажерка еще даже не получила допуска.

Первый пакет от Гамбини прибыл, не успел де Сандр еще войти в дверь. Его обязанностью был прочесть протокол, убедиться, что в нем нет ничего, прямо угрожающего национальным интересам, и передать советнику по национальной безопасности, который либо сделает свои замечания, либо нет. Если материал вернется к нему на стол со штампом ВЫПУСК РАЗРЕШЕН, то де Сандр его передает на распространение на ежедневной пресс-конференции Белого дома. Вроде бы все очень просто, но в этой простоте прятались огромные волчьи ямы. Должность с отрицательным потенциалом; единственный способ справиться - это быть очень осторожным. Стоит что-то пропустить - и конец всей карьере. То есть куча возможностей оступиться и ни одной - отличиться. Начальство его заметит, только если он напортачит.

Более того, время у него ограничено прямо сейчас. Пасти стадо в Гринбелте не было его единственной обязанностью. Еще он занимался рутинными тестами на детекторе лжи в процедурах получения допуска высшей категории, и еще у него были обязанности в Форт-Миде. Так что де Сандр быстро пролистал девяностопятистраничный документ, чтобы понять, о чем там, и вызвал

помощницу - ту, что с допуском.

Она принесла с собой несколько телефонных сообщений и список запросов электронной почты с просьбой посмотреть. Он быстро глянул, отодвинул их в сторону и протянул ей отчет из Гринбелта.

- Поищите материал по технике, - сказал он. - Почти все здесь что-то вроде философского трактата, с этим вообще нет проблем. Но нельзя, чтобы отсюда вышло что-то, имеющее неявные военные последствия. Это ясно?

Помощница кивнула.

И вот каким образом существование ряда философских максим инопланетян стало достоянием вечерних новостей. Они появились довольно скромно, заняв вторую позицию после голосования в Конгрессе, где была отвергнута попытка администрации лишить электронную промышленность ценовой поддержки.

Максимы не возымели того эффекта, который могли бы, поскольку версии, выданные де Сандру, были дословными и мало носили сходства с более поэтическими переводами Лесли. Более того, этическое и эстетическое сходство с общепринятыми ценностями бросалось в глаза, и именно на этом сосредоточились все комментаторы. Лишь

через два дня Эн-би-си выдало набор поэтических переводов и создало некоторую сенсацию. Касс Вудбери своим поставленным и звучным голосом подчеркнула некоторые строки:

Я в одиночестве.
Я создаю жизнь, управляю атомом
и говорю с мертвыми.
И Бог меня не ведает.

Было и еще много подобных строчек. Глядя у себя дома телевизор, Гарри поежился.

* * *

И кардинал тоже.

Телефон у него начал звонить примерно в четверть десятого, и наутро первым делом он созвал свой причт. Барнегата достать не удалось, он был в Чикаго. Кокс и Дюпре прибыли с интервалом в несколько минут и уже завязали горячий спор, когда прибыл Джесперсон с Джо Марчем, главой Общества по распространению веры в епархии. Марч не входил в ближний круг кардинала, но тот никогда не задумывался приглашать людей, от которых может быть толк. Дюпре, видевший телерепортажи, был возмущен.

- Общение с мертвыми! Это абсурд. Я надеюсь

все-таки, что телекомпании вспомнят об ответственности. Они придают сенсационность всему, чему только могут, но протоколы, опубликованные Годдардом, не оправдывают подобной интерпретации.

- Проблемы бы не было, если бы журналисты в нее не вцепились, - сказал Кокс. - Все это случилось миллион лет назад. Но раз они это проигрывают, люди могут быть введены в заблуждение. Так что мы обязаны действовать.

Дюпре сдвинул густые брови.

- Никто не будет принимать этого всерьез, если не примем мы. - Он посмотрел на кардинала. - Ватикан будет делать заявление?

- В свое время. Там не хотят производить впечатления, будто их подхватило общим потоком. - Джесперсон позволил себе улыбнуться. - Наверняка они подняли его святейшество среди ночи. Было что-то вроде совещания. Я сегодня утром говорил с Аччиари, и он думает, что все это - заговор западных держав в отместку за то, что Святой Престол отказался сотрудничать в ближневосточной инициативе.

Кокс состроил скучающую гримасу:

- Ты не знаешь, какая будет официальная линия?

- Это еще не решено. Но Аччиари верит, что его святейшество поведет себя так, будто в передаче нет ничего, кроме стихов. Он ожидает, что вся история будет сочтена абсурдом, и будет сделано несколько выдержанных замечаний на тему о том, сколь неверные пути выбирает нынешнее общество.

- Иными словами, - сказал Кокс, - всем будет велено не обращать на это внимания.

- Разумная позиция, - подхватил Дюпре. - И нам следует поступить так же.

- Брось, Фил! - возразил Кокс. - Что может больше привлечь внимания к факту, как не то, что у нас от него коленки дрожат? - Он прищурился на Дюпре, будто изучая балансовый отчет. - В Италии это, быть может, сойдет. Но не у нас. Журналисты налетят с вопросами, и у нас не будет возможности просто пожать плечами и отмахнуться.

- Джек, - начал Дюпре с возрастающим жаром, - я не предлагаю говорить людям, чтобы смотрели в другую сторону. Но мы должны очень осторожно действовать, чтобы не завести толпу. Ватикан прав: это всего лишь стихи. Полностью вырванные из контекста. Если бы они были не из этой смехотворной передачи, никто бы и внимания не обратил. Я думаю, было бы правильно не созда-

вать самим себе проблем. Просто игнорировать, будто этого и нет. Вот, по-моему, единственно правильный подход.

Кокс покачал головой:

- Люди будут требовать ответов. А у нас их нет, потому что на самом деле нет вопросов.

- Все это полный идиотизм, - заявил Марч - приземистый коренастый мужчина далеко за шестьдесят. Но на голове у него сохранились густые черные волосы. Он был родом из южного Чикаго, трудяга, настойчивый, упорный, умелый. Звезд с неба не хватал, и кардиналу это было известно, но работу свою делал. Священник-работяга - тот тип, который Джесперсону больше всего нравился.

- Люди говорят с мертвыми! Милостивый Господь такого не допустит. Фил прав абсолютно. Мы не должны удостаивать такое предположение даже вниманием.

Дюпре рисовал кружочки в блокноте.

- Совершенно верно. Хотя я предложил бы воздержаться от заявления, что Бог допустит и что не допустит.

- Фил! - В минуты напряжения глаза кардинала начинали сиять алым блеском под цвет его мантии. Он будто излучал внутренний свет. - Каков

теологический статус общения с мертвыми? Оно запрещено?

- Да нет, - протянул Дюпре, обдумывая продолжение. - Многие чудеса, в сущности, и есть подобные события. Фатима и Лурд, в частности, если считать Марию усопшей. Если даже нет, то некоторые посмертные явления святых официально признаются. Как вам известно. И сам Иисус говорил с Моисеем и Илией в присутствии свидетелей. Чем, в конце концов, является молитва, как не попыткой общения с потусторонним миром?

- Только в нашем случае, - заметил Кокс, - потусторонний мир отвечает.

- Да. - Дюпре поднес к губам указательный палец. - Как бы это ни было неудобно, подобные понятия не новы, и думаю, лучше, если нам показать, что мы вовсе не удивлены и не слишком заинтересованы. Будет предполагаться, что мы вообще не собираемся как-то реагировать. Я бы сказал по-прежнему, что лучше всего ничего не делать, а на вопросы - вежливо улыбаться.

- Полностью согласен, - со смешком сказал Марч. - Для меня это все отдает гаданием и спиритизмом. Ватикан здесь прав, нам следует от всего этого держаться в стороне. Или осудить. Бог знает, что они дальше там найдут.

- Мне кажется, - произнес Кокс, - что способность общаться с Церковью Торжествующей могла быть неким сверхъестественным даром, утерянным после грехопадения Адама. Мы уже об этом говорили, но теперь я задумываюсь, не имеем ли мы дело с культурой, основатель которой был мудрее нашего. И первому, представителю ее хватало ума держаться подальше от яблок или вообще чего-то, что было первородным грехом.

В ответ на это замечание послышался скрип стульев. Кардинал уставился на него в упор:

- Джек, ты действительно допускаешь такую возможность? Кокс сам удивился реакции, вызванной его словами.

- Нет, конечно. Но с *теологической* точки зрения это вполне возможно.

Марч выпрямился в кресле, но ничего не сказал. Хотя кардинал редко смотрел на него прямо, он тем не менее внимательно наблюдал за старым священником, будто измеряя его реакции. Марч все это время сохранял спокойно-скептический вид. Бог и Адам. В теологии Джо Марча не было места для второго акта творения. Любой, кто сейчас внимательно наблюдал за кардиналом, мог бы отметить его облегчение.

- Все, что у нас есть, - продолжал Кокс, - это чья-

то интерпретация фразы, написанной на языке, которого никто раньше не видел. И которого, пожалуй, никто не может прочесть. Я согласен с Питом, что мы не должны выставлять себя в глупом виде. С другой стороны, нельзя не признать, что некоторых наших прихожан могут взволновать эти события. Следовательно, мы должны их разуверять. Наверняка будет безопасно указать, что какие бы события ни происходили на Марсе или где это там, нас это не касается. Мы ничего в этом не видим такого, что должно смутить доброго католика.

Кардинал слушал, пока аргументы не начали повторяться, а тогда вмешался.

- Я не был бы до конца честен, - сказал он, - если бы не сознался, что это дело меня несколько заботит. Быть может, мы входим в новую эпоху, а новая эпоха всегда неудобна для тех, кто стоит у руля. Странным парадоксом кажется мне, что князья церкви традиционно сопротивлялись прогрессу науки.

Дюпре и Марч нахмурились, но кардинал жестом показал, что не интересуется остроумными возражениями.

- Этот вопрос закрыт для опровержений, - продолжал он, не давая себя перебить. - Мы, которым

полагается быть на переднем крае поисков истины, имеем в этом смысле прискорбную историю. И давайте не станем на этот раз попадать в ту же ловушку. По крайней мере в *этой* епархии. Мы примем позицию Джека, что истина нам ничем не может угрожать, что нас хранит наш Искупитель и мы не менее всякого другого заинтересованы в новых откровениях величия творения Божия.

- Я такого не говорил! - возразил Кокс.

- Странно, а мне показалось, - ответил кардинал, безмятежно глядя на своих подчиненных. - Мы не будем давать понять словом или делом, что в Годдарде ошибаются, что люди там извращают факты или что они дезинформированы. Мы дадим событиям развиваться естественно. И быть может, вверив себя в руки Господа, мы даже получим радость от этого. Тем временем любые комментарии по этому вопросу должны исходить из канцелярии кардинала и ниоткуда более.

- Джордж, - начал Дюпре, - но Ватикан может все это переменить, если сделает заявление…

- Имей веру, - улыбнулся кардинал. - Люди уже давно не прислушивается к Ватикану, так с чего бы вдруг им снова начинать?

Гарри, который, быть может, совсем не так

интересовался философией алтейцев, как позволил о том думать Лесли, уселся провести вечер с пухлой папкой, которую она ему дала. Он читал три часа подряд, но дело шло туго. Некоторые термины еще не были переведены, синтаксические связи не всегда ясны, и у Гарри было чувство, что адекватный перевод на английский дал бы просто абракадабру. Текст напоминал нечто среднее между Платоном и хайку; но нельзя было избавиться от ощущения мрачного разума или, парадоксально, намека на мрачный юмор, который все время ускользает.

Алтейцы интересовались многими проблемами, которые заботили и его биологический вид, но были и тонкие различия. Например, рассуждения о морали в достаточных подробностях показывали ответственность разумного существа перед другими формами жизни и даже неодушевленными предметами; но совершенно не говорилось об ответственности перед представителями собственного вида. Далее, философская трактовка природы зла касалась только катастроф, вызванных природными силами, оставляя без внимания то, что совершалось людской (или нелюдской) злой волей. Гарри заключил, что Лесли спутала *зло* и *бедствие.*

Планета алтейцев должна была быть похожа на Землю. Снова и снова появлялись сравнения с морями, метафора блуждающего корабля или моряка-пришельца. Но воды спокойны. Нигде нет ни шквалов, ни огромных тяжелых волн. Ни скал, ни мелей, и мирно проплывают мимо берега.

Наверное, слишком даже мирно.

Одинаково холодны в бездне большие острова, и темны берега.

МОНИТОР

Разд. 102

а) Настоящим Конгресс заявляет, что политика Соединенных Штатов состоит в том, что любая деятельность в космосе должна быть посвящена мирным целям и совершаться на благо всего человечества.

б) …Осуществлять таковую деятельность и руководить ею должно гражданское ведомство… за исключением случаев, когда указанная деятельность специфична или изначально связана с разработкой новых систем оружия, военными операциями или обороной Соединенных Штатов… должно осуществлять

и руководить Министерство обороны…

в) Деятельность Соединенных Штатов в области воздухоплавания и космоса должна осуществляться таким образом, чтобы вносить материальный вклад в…

1) расширение пределов человеческого знания об атмосферных и космических явлениях…

Закон США об использовании воздушного и космического пространства от 1958 года.

Глава тринадцатая

Очень трудно было указать точно, что в Сайрусе Хаклюте так раздражает людей, но коллеги, сотрудники, случайные знакомые, даже родственники - всем неизбежно в его присутствии было неуютно. Может быть, виноваты были его глаза, неестественно сдвинутые - легко было себе представить, что он всматривается в микроскоп. Говорил он очень сдержанно и никак не интересовался окружающими. Он никогда не давал прямых доказательств своего раздутого самомнения, и все же у присутствующих создавалось впечатление, что они еще не доросли до уровня Сайруса. Гарри подозревал, что он в чем-то ограничен рамками своей специальности. Легко было сделать вывод, что, будучи биологом, других людей он воспринимает скорее как колонии, нежели как индивидуумы. Тем не менее в первом докладе на ежедневном совещании у Гамбини в канун Рождества он продемонстрировал неожиданное чувство театра.

- Я более или менее могу вам сказать, - произнес он, - как они выглядят.

Тут все стали внимательно слушать. Гамбини

отложил очки, которые до того протирал, Уиллер слегка выпрямился, сонные глаза Маевского ожили. А Лесли кинула на Гарри острый взгляд.

- У них в генетическом коде тоже используется ДНК, что неудивительно. И эту ДНК я выделил. - Он оглядел слушателей, явно довольный собой. - Еще остался огромный объем работы, но предварительный доклад уже готов. Я должен вас предупредить, что в нем довольно много догадок, поскольку я не могу в каждом случае быть уверен в конструкционных материалах. Кроме того, мне не хватает оборудования для некоторых существенных экспериментов, но это всего лишь вопрос времени.

Начнем с того, что алтейцы наверняка не гуманоиды. Я не знаю еще точно, как их систематизировать, и лучше, наверное, даже не пытаться. Что я *могу* сказать - что подобные создания чувствовали бы себя в Гринбелте вполне комфортно. - Губы его шевельнулись в узкой улыбке. - Тем не менее они ни на что в земной биологии не похожи. Алтейцы сочетают свойства и растений, и животных. Например, они способны к фотосинтезу.

Он глянул прямо на Лесли.

- Потом, у них никогда не было охотничьего об-

щества. Это может значить отсутствие не только войн, но даже самого понятия войны.

- А следовательно, - добавил Маевский, - никаких мыслей о военном потенциале.

- Очень хорошо, - одобрительно кивнул Хаклют. - Вы точно угадали мою мысль. Алтейцы также, по-видимому, не обладают сосудистой системой, легкими и сердцем. Зато зубы у них есть. И большие.

- Погодите, - перебил Уиллер. - Как это может быть? У них нет желудка? Так зачем им зубы?

- Для самозащиты, отец Уиллер. Я бы предположил, что когда-то им приходилось иметь дело с хищниками. У них есть нервная система и органы управления, которые суть мозги - своего рода. Система размножения - половая. И хотя здесь у меня нет уверенности, я считаю, что они несколько крупнее нас. На Земле они наверняка были бы крупнее. У них экзоскелеты, вероятно, из хитиноподобного материала, и, кажется, органы чувств, аналогичные нашим. Я бы рискнул предположить, что слух у них не хуже нашего.

Хаклют откинулся на спинку кресла, довольный собою.

- Особенно любопытны глаза: их четыре, но пары их различаются и, как я подозреваю, вос-

принимают волны разной длины. Здесь нам опять-таки нужно было бы провести эксперименты.

Лоб Хаклюта наморщился, и голос его стал несколько менее лекторским:

- Есть и третья пара глаз, которая, я почти уверен, *не воспринимает* света. Более того, нерв, соединяющий их с мозгом, с виду не способен выполнять функции зрительного. Нет, этот орган что-то воспринимает или что-то излучает, насколько я могу понять, но будь я проклят, если знаю, что именно. Уж точно никакой знакомый мне вид излучения.

- Тогда я не понимаю, что остается, - сказал Маевский.

- Я тоже. - Хаклют уставился на стол. - Продолжительность жизни я бы оценил примерно в сто пятьдесят лет.

- Солнечных лет? - уточнил Маевский.

- Разумеется! - резко ответил Хаклют. - И в примечаниях я бы добавил: мы можем быть уверены, что они способны к генетическим манипуляциям.

- Почему? - спросил Гарри.

- Потому что мы сами их умеем производить в довольно скромной степени. - Из тона ответа

можно было понять, что вопрос совершенно идиотский. - Я от них узнаю очень много нового, Кармайкл. Я не знаю, каков максимум их возможностей, но о минимуме имею отличное представление. И тут возникает еще одна любопытная вещь. Продолжительность жизни у них крайне низкая по любым разумным стандартам.

- Низкая? - переспросил Гамбини. - Вы же сказали - сто пятьдесят лет!

- Это немного для вида, который умеет менять архитектуру собственной ДНК.

Совещание шло в конференц-зале на этаж выше основных рабочих помещений. Зал был просторен, с длинным столом посередине. На стенах висели снимки шаттлов, Годдарда, капсулы «Аполлона» и знаменитого следа ноги Нила Армстронга. Модель предложенного Одноступенчатого Орбитального Корабля (ООК) красовалась в стеклянном футляре.

- Может быть, - предположил Гарри, - они добавляют лишние годы *после* рождения, а не до.

- Это слишком сложный способ, - возразил Маевский.

- Верно, - улыбнулся Хаклют. - Зачем выполнять изменения у миллионов индивидуумов, когда можно сделать их один раз? Я этого не понимаю.

Такое впечатление, что они сознательно выбрали ранний износ.

- Интересно, - спросила Лесли, - не может ли это быть вид со сложным циклом жизни? Например, впадающий в анабиоз? Мы могли легко ошибиться в терминологии и перевести словом «смерть» некоторое состояние остановки. Что-то вроде куколки.

Хаклют покачал головой:

- Я не вижу этому подтверждений. Но на данном этапе я не очень понимаю, насколько это важно. Если нет какого-то неизвестного фактора - а он вполне может быть, - создание, развивающееся по плану ДНК, который они нам прислали, умирает биологической смертью точно так же, как любая земная форма жизни. И после этого остается мертвым. Точка. Никакого воскресения. Никакого «потом».

Уиллер кивнул и зачеркнул что-то, написанное у себя в блокноте.

- Меня удивляет, - сказал он, - что и мы, и они используем для управления генетикой ДНК. Других возможностей нет?

- Есть. - Хаклют дал этому слову повисеть в воздухе. - Диацетилены можно использовать. Или кристаллы. Но эти альтернативы не дают такой

гибкости и эффективности, как группа нуклеиновых кислот. На самом деле возможности природы в этом вопросе на удивление ограниченны.

- Профессор Хаклют, - спросил Гарри, - вы сказали, что у них есть средства продления жизни. Какие-либо из них вам понятны?

- Кармайкл, вам сейчас, судя по виду, примерно пятьдесят?

- Чуть меньше, - ответил Гарри. - У меня жизнь напряженная.

Улыбка Хаклюта не изменилась.

- Вы можете ожидать прожить еще лет тридцать. Или сорок, при современной тенденции увеличения продолжительности жизни. К тому времени волосы у вас поседеют, кровоток замедлится, и, подозреваю, воспоминания о молодости будут довольно болезненны. - Он перевел глаза на Лесли. - А какой станете вы через сорок лет, доктор Дэвис? А почему, как вы думаете? Почему механизм, в котором вы обитаете, должен развалиться за такое короткое время? Гамбини, сколько это - восемьдесят лет?

- Мгновение ока, - буркнул Гамбини, не отрывая глаз от блокнота.

- Если хотите спросить человека, который действительно понимает, что такое время, спросите

космолога, - сказал Хаклют. - Так вот, все вы, я уверен, знаете, почему так быстро распадаетесь. Потому что вас выключает ваша ДНК.

- Объясните, пожалуйста, - попросил Уиллер.

- Это просто. - У Гарри было такое чувство, что Хаклют готов в любую минуту объявить контрольную на усвоение материала. - Мы привыкли думать, что старение - это накопление износа и травм, болезней, злоупотреблений, пока не будет исчерпана возможность тела к самовосстановлению. Но на самом деле процесс иной. ДНК управляет не только строением наших физических тел, но также эволюцией вида. Некоторые склонны представлять себе ДНК как отдельную сущность, которая стремится к собственному развитию, а живые существа использует как... - он огляделся, ища термин, - как бутылки. Контейнеры. В любом случае одна из ее функций - обеспечить, чтобы мы вовремя ушли и не стояли на дороге нашего потомства. И она нас убивает.

- Заставляя стареть? - спросил Маевский.

- Именно так. Она отключает механизмы восстановления. Этот процесс идет в вас прямо сейчас, Корд. - Он оглядел собравшихся. - А у всех остальных процесс отключения начался уже давно, и повреждения накапливаются. Клетки

перестают размножаться, уровень отходов растет, органы сдают. И через какое-то время мы ломаемся окончательно. - Хаклют устроился поудобнее, поправил очки и сменил выражение лица - оно стало мрачно светиться, как уголек в потухающем костре. - Если вы хотите избежать старения, необходимо только подменить инструкции, которые выполняет ДНК. Аппаратура для вечной молодости уже установлена, надо только ее запустить. Алтейцы должны знать очень много об этой технике, чтобы такое смочь.

- А сколько, - спросил Уиллер, повторяя вопрос Гарри, - знаете о ней вы?

- Вы хотите спросить, сколько я узнал из текста? Кое-что. Не много, но кое-что. Слишком мало у меня было времени и слишком много материала мы пока еще не можем прочесть. Но я вам могу твердо сказать: там это есть. И еще многое.

Под конец совещания открылась дверь, и просунулась голова Розенблюма.

- Джентльмены, - сказал он. - И доктор Дэвис. Я знаю, что вы заняты, но не могли бы вы на несколько минут спуститься?

В операционном центре собрался народ, и впереди красовался Патрик Мэлони. Черно-серый галстук заколот золотой булавкой, остроносые

ботинки отполированы до зеркального блеска. Глянцевого качества мужик, подумал Гарри.

- Леди и джентльмены! - провозгласил Розенблюм. - Думаю, почти все вы знаете Пэта Мэлони из Белого дома. Пэт, вот группа «Геркулеса».

Гарри услышал гордые нотки в голосе Розенблюма. Отличный для него момент, подумал Гарри.

Однако Мэлони, наверное, много раз председательствовал в подобных случаях. Вопреки своему роду занятий, он производил впечатление человека публичного - быть может, неудачливого политика, человека слишком честного для своего призвания и недостаточно изощренного, чтобы скрыть этот недостаток.

- Я думаю, что со многими из вас я уже встречался раньше, - начал он, - и я знаю, насколько вы заняты. Так что я не займу много вашего времени. - Он приподнялся на носках и опустился снова. - Вы все работаете под тяжелым грузом ответственности, и мы знаем, что это нелегко. Но мы хотим, чтобы и вы знали, насколько важен ваш вклад.

Позвольте мне начать с того, что проект «Геркулес» уже принес огромные дивиденды. В нашем распоряжении есть теперь средства защитить се-

бя от любого агрессора с помощью лучей частиц со спутников, бьющих по наземным или воздушным целям. От *любого* противника в *любой* точке земного шара. Теперь нам больше не надо будет рисковать жизнью летчиков, бомбя территорию противника. - Он оглядел слушателей, уловил нарастающее настроение и добавил: - Да не возникнет никогда подобной необходимости, на что мы все надеемся.

Мэлони сделал паузу для эффекта. Раздались вежливые аплодисменты - совсем не такие, какие полагались бы по ситуации. Это было мрачное отражение презрения ученых к политике правительства, символом которой сейчас стал Мэлони. В задних рядах один из математиков Американского университета демонстративно встал и вышел.

- В последние недели, - продолжал Мэлони, решив не заметить инцидента, - президент находился под серьезным давлением, поскольку он не обнародовал послание с Геркулеса для широкой публики. Мы знаем, что это создавало дополнительные трудности в вашей работе, а многим из вас создало и личные проблемы. Но теперь мы видим мудрость этого решения. Нашим прорывом мы обязаны доктору Питеру Уиллеру. Доктор

Уиллер, могу ли я пригласить вас выйти вперед?

Священник неуверенно встал. Коллеги отодвинулись, й он подошел к Мэлони с энтузиазмом человека, всходящего на эшафот.

Мэлони снова приподнялся на носки и медленно опустился.

- Эта новая оборонительная система получила название проекта «Орион». Сегодня Белый дом заявит о ней официально. - Мэлони взял мрачного Уиллера за руку и вытащил в открытый круг. - Выражая свою высокую оценку, президент распорядился, чтобы проект «Геркулес» был награжден медалью Джефферсона за успехи в искусствах и науках. - Мэлони открыл черный футляр, достал золотой медальон на бело-зеленой полосатой ленте. - К сожалению, - добавил он, - как часто бывает при награждениях такого рода, связь «Ориона» с «Геркулесом» остается засекреченной. Поэтому и награждение также является секретным. Вне этих стен о нем упомянуто не будет. Обычно информация такого рода сообщается только тем, кому необходимо ее знать, но президент считает, что люди, сделавшие столь значительный вклад в оборону страны, должны быть осведомлены о значимости своей работы. Сама же медаль будет выставлена в соответству-

ющем помещении данного центра. Кроме того, президент Харли выразил желание, чтобы доктор Уиллер был награжден грамотой Оппенгеймера за выдающиеся заслуги.

Две дюжины присутствующих зааплодировали, когда Мэлони поднял на всеобщее обозрение грамоту с лентами в рамочке, а потом торжественно передал Уиллеру, Сверкнула фотовспышка.

- У вас есть все основания гордиться, доктор Уиллер, - продолжал Мэлони. - Вы сделали, весьма вероятно, решающий вклад в оборону своей страны. - Уиллер промямлил что-то благодарное и смущенно улыбнулся коллегам. - Грамота, - добавил Мэлони, - будет выставлена вместе с медалью Джефферсона.

После церемонии Уиллер на миг задержался с Гарри. - - Я думал, - сказал Гарри, - что ты работал над добычей энергии из магнитного поля планеты.

- Я тоже так думал. Наверное, мы только сейчас увидели такое применение. - Он набрал воздуху в грудь. - Знаешь, имя для грамоты очень точно выбрано.

- То есть?

- Я все думаю о словах Бейнса: «Оппенгеймер - тот человек, который должен был сказать *нет*».

Долгий день Гарри провел, бродя по магазинам. Он шел по улицам делового центра столицы, надеясь затеряться в тол: пе, набирая компьютерные игры *и* книжки для Томми и думая, какой подарок был бы уместен на Рождество для бывшей жены. В конце концов он купил комнатное растение - вполне нейтральный подарок.

К дому Джулии он подъехал в семь. Лампочки на крыльце подмигивали сквозь кусты азалии. Джулия встретила его у дверей дружеским, решительно целомудренным объятием.

В гостиной доминировала яркая убранная елка, хвойные венки висели на всех окнах, и ярко светили лампочки гирлянды. Весь дом был увешан хвоей, и сама Джулия, казалось, вполне обрадовалась Г^арри. Поддавшись праздничному настроению, она вспоминала, как раньше они встречали Рождество. Но напрасно Гарри пытался высмотреть какие-либо признаки сожаления.

Она должным образом поблагодарила его за цветок. Поставив его у окна, Джулия дружески поцеловала Гарри и вручила ему приготовленный подарок - ручку с золотым пером.

- Такая должна быть у каждого начальника, - сказала она. Он не был уверен, что не услышал ироническую нотку. Игрушечная железная доро-

га Томми была разложена в

гостиной. Джулия попыталась выложить стрелки обычной восьмеркой, но недостаточно надежно соединила рельсы, чтобы модель работала. Гарри доделал дорогу и час провел с сыном, глядя, как товарный поезд делает бесконечные круги через горный туннель, мимо пары ферм и главной улицы заснеженного городка с мигающими светофорами.

Джулия налила шерри себе и Гарри, и они выпили безмолвный тост: Гарри - за то, что могло бы быть, Джулия - за будущее. Потом они снова обнялись, уже не так официально. И оба знали: они в последний раз встречаются так посемейному.

Президент Харли решительным шагом вышел в зал для прессы, занял место на трибуне и приветствовал журналистов.

- Обычно мы в канун Рождества не занимаемся делами, и я приношу свои извинения, что оторвал вас на сегодняшний вечер от родных и близких. Поэтому я постараюсь быть кратким.

Мне приятно объявить вам, что вскоре Соединенные Штаты введут в отрой орбитальную систему на высокоэнергетических пучках, способную поражать цели как наземные, так и воздушные. Эта система, имеющая кодовое

название «Орион», снимает необходимость в наличии военных пилотов в случае, если страна будет вовлечена в военный конфликт. Леди и джентльмены, мы сделали еще шаг к созданию сокрушительной оборонительной системы против любого потенциального агрессора и одновременно - к сохранению жизни наших людей в военной форме.

Мы повысили свои возможности по сохранению мира…

Президент говорил одиннадцать с половиной минут, перечислил все преимущества для страны и всего мира, ответил на несколько вопросов, пожелал всем счастливого Рождества и веселой хануки, после чего отбыл. Направляясь в свои апартаменты на ужин с семьей, президент подумал, что никогда не видел, чтобы группа журналистов была так близка к тому, чтобы разразиться приветственными криками.

Гамбини, Пит Уиллер и Лесли, одиночки проекта, собрались поужинать в «Красной черте». Повсюду висели хвоя и омела, горели свечи. В баре почти не было народу, занято было лишь несколько столиков.

- Сегодня мы закрываемся в девять, - предупредил метрдотель.

Лесли подумала, не поехать ли на Рождество домой, в Филадельфию, но там она была бы так же одинока.

Эд, насколько она знала, собирался остаться в Гринбелте. Завтра с рассветом он будет на работе, хоть Рождество, хоть что. Грустно, что ничего другого у него в жизни нет. Почти, как у нее, только она знает, чего не хватает в ее жизни. Эд вроде бы не осознает, что ведет урезанное существование.

Они заказали графин белого вина и стали изучать меню, а Лесли тем временем обдумывала только что найденное суждение. Эд выглядел достаточно довольным. Если бы у него была семья, кто знает - не оказался ли бы он сейчас в таком же напряжении, как Гарри, пытаясь жить одновременно в двух мирах.

Если ты решишь за кого-то выйти замуж, сказала она себе, лучше всего выбирай водителя такси. Или зазывалу из «Вол-марта». Кого-то, кто будет приходить домой с радостью. В этом соль.

Пит налил вина и произнес тост за нее - «самую прекрасную женщину Гринбелта, штат Мэриленд». Это был приятный поступок, и она благодарно посмотрела на Пита. При свечах черты его лица стали резче.

- Хороший ты человек, Пит, - сказала она. - Если

когда-нибудь ты решишь стать доступным для женщин, дай мне знать.

Она улыбнулась полусерьезно, и все трое засмеялись.

Смех в такие моменты помогает скрыть то, что хочется скрыть. Лесли знала, что скрывает она, и подумала о Пите, который казался куда сложнее Эда - у Эда любая мысль тут же отражалась на лице. А Пит всегда глядел будто из-под маски. И никогда Лесли не могла точно сказать, что он думает.

Она выбрала себе свиную отбивную, остальные взяли бифштексы. Пошел непринужденный разговор - о людях, с которыми надо было связаться на Рождество, но как-то забылось, кто что собирается делать на праздники и что в этом году праздники уже не такие волшебные, как бывало. С этим все были согласны, хотя исходили из разных причин. Пит - потому что обычно он проводил Рождество со старыми друзьями в аббатстве Св. Норберта в Де-Пере, штат Висконсин, где располагалось руководство ордена. У Эда просто не было времени об этом подумать, а Лесли была далеко от дома. Но она понимала, что главное в другом: трое сегодня здесь в одиночестве. В одиночестве с друзьями, но все же в одино-

честве. Какая там цитата? «Нехорошо человеку быть одному». Нет, это было записано в софте, что лучшие моменты жизни будут проходить в компании сыновей и возлюбленных.

Был у Лесли возлюбленный, давным-давно, хоть она и сказала Гарри, что никогда ее не касалась великая страсть. Это было десять лет назад. Он на самом деле был первым, тем, кого она не могла забыть. Тем, которого она всегда надеялась как-то вернуть. Как написал где-то Диккенс: «И неужели не наступит никогда Рождество, когда ты и я…»

Прекрати.

Гамбини ушел рано, объяснив, что ему надо еще подумать над одним аспектом передачи, и пообещав увидеться после праздников.

- Счастливого Рождества, Пит, - сказал он, пожимая руку священнику.

И повторил те же слова Лесли, легко поцеловав ее в щеку. Она рассмеялась и показала на потолок.

- Под веткой омелы! - напомнила она. - Можем устроить что-нибудь получше этого.

Гамбини усмехнулся и, изображая неохоту, поцеловал ее как следует. Настоящий долгий поцелуй с истинной нежностью.

- Так-то лучше, - сказала она. - И тебе счастливого Рождества, Эд.

И он вышел.

- Так где ты будешь завтра утром? - спросила она Уиллера.

Пит единственный из всех заказал десерт. Сейчас он уже съел половину лимонного пирога.

- У меня друзья в Джорджтауне. Они меня примут на ночь.

- Священники?

- Один из них, а второй - преподаватель права. У них дом на двоих на Висконсин-авеню.

- Это хорошо. Сегодня не та ночь, когда стоит быть одному.

- А ты, Лесли?

Она пожала плечами.

- Есть у меня народ в Колледж-парке. Они меня пригласили, но у них дети, а я не хочу, чтобы по мне прыгали. Сегодня по крайней мере.

- Значит, ты все-таки будешь одна. Лесли пожала плечами:

- *Сейчас* я не одна. Он улыбнулся:

- Ты - одна из реальных положительных сторон всего этого дела, Лесли.

- Спасибо, Пит. Значит, ты не слишком оптимистично смотришь на проект?

- Не слишком, - согласился он. - У меня дурные предчувствия.

- Ты ученый, - напомнила она. - Тебе не полагается верить в дурные предчувствия.

- А еще я не первый день живу на свете. И к инстинктам отношусь с большим уважением.

Если Джек Пиплз ожидал, что в результате откровения Годдарда в церковь хлынут толпы, то ему пришлось разочароваться. Число верных не уменьшилось, но и не увеличилось.

Он занял свое обычное место у дверей незадолго до окончания девятичасовой мессы, которую служил молодой священник из округа, помогавший по воскресеньям. Было холодно, и Пиплз кутался в свое черное пальто. На той стороне улицы две девчонки хвастались друг перед другом своими жакетами.

Зазвонил колокол Дароприношения, звонкий серебряный перезвон поплыл в тихом утреннем воздухе. Пиплз подумал о Пите Уиллере и его безнадежном подвиге. Да, конечно, если есть у человека ответ всем безднам за пределами Земли, то он - в этом хрупком звоне колокола в воскресное утро.

Потом началось пение, и слышно было, как люди двигаются к алтарю причащаться. Вышли

несколько причетников - их формальные обязанности были уже выполнены, хотя месса еще продолжалась. Спустившись по каменным ступеням, они в неловком молчании постарались проскочить мимо Пиплза. Пастор всегда до боли старался не судить этих людей, одних и тех же каждую неделю, которые живут так близко к краю собственной веры.

Вторая волна выкатилась после раздачи Святого Причастия, а дальше начался общий исход под аккомпанемент хора сестры Анны, поющего «О город Вифлеем!». Пиплз улыбался, пожимал руки, переговаривался с прихожанами. Они не изменились, ничего не случилось с ними от этих нелепых передач по телевизору. За одним только исключением ничего необычного не произошло.

А исключение явилось в виде ребенка, Харриет Дэниел, девятилетней дочери адвоката, который часто жертвовал церкви свое время. Девочка была умная, воспитанная - заслуга семьи и веры. И она хотела узнать насчет алтейцев и их мертвых.

Фил Дюпре предписал ответ, который годился бы для разумного взрослого:

- Это не имеет к нам отношения. Но что можно было сказать ребенку?

- Я думаю, что здесь где-то недоразумение, Харриет.

Она внимательно посмотрела на Пиплза, и губы ее сложились в вопросительное «о». Ну что ей можно сказать? Ибо их есть царствие небесное.

МОНИТОР

ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫЕ ИНОПЛАНЕТЯНЕ

«Блю Дельта, Инк.», дистрибьютор электронных новинок, сегодня анонсировала с будущего месяца продажи ленты для подсознательного восприятия, содержащую выдержки из текста с Геркулеса. Как утверждает пресс-релиз: «Многое из того, что алтейцы имеют сообщить о природе и храбрости, на удивление напоминает лучшее, что есть в нас самих. Однако их способ выражения этого, если удается преодолеть трудности перевода...»

КОЛЛИ ДОВЕР ПРИМЕТ УЧАСТИЕ В КОНЦЕРТЕ ГАММА

«Уэстенд продакшн, Инк.» сегодня объявляет, что международно признанная кино- и телезвезда Колли Довер примет участие в представлении всех звезд

«Концерт Гамма», который откроется в Голливуде в знак благодарности алтейцам. Билеты быстро расходятся…

ПЕСНЯ ЗВЕЗД ЗАВТРА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ГАЛЕРЕЕ

Коллекция астрономических фотографий Эверетта Лэнсинга, более сотни которых были сделаны с помощью оптических средств «Скайнёта», будет выставлена завтра в Национальной галерее искусств, а для тех, кто не сможет посетить ее лично, - в Интернете. В коллекцию включены «Виды Центавра» - серия потрясающих цветных фотографий ближайшего соседа Солнца. Эта серия получила премию Кастнера в прошлом году по классу научных фотографий…

«ЛОНГСТРИТ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИНОПЛАНЕТНУЮ КУХНЮ

…клиенты с более экзотическими вкусами могут посетить отель Эвери Лонгстрита в Круге или в Шомберге. «Лонгстрит» на этот раз не просто улучшает старые рецепты новыми соусами,

но представляет блюда в основном (но не исключительно) на основе мяса, и это действительно полная новинка. Мы особенно рекомендуем…

«УАЙТ ЛАЙНЗ» ОРГАНИЗУЕТ МЕЖГАЛАКТИЧЕСКИЙ КРУИЗ

Особо прекрасный вид на созвездие Геркулеса открывается с моря - так утверждает компания «Уайт лайнз турз». Она ожидает потока заказов на новый круиз «Морские звезды». Пассажиры четырехдневного круиза могут не только насладиться видом звезд с палубы, но и посмотреть в гигантский рефлектор обсерватории Гобсона в Аризоне с помощью телемоста. Чтобы отправиться к звездам, закажите тур у вашего агента или непосредственно в «Уайт лайнз»…

«КАСС КАУНТИ» ВЫПУСТИТ ФИГУРКИ АЛТЕЙЦЕВ

Небольшая фирма игрушек в Небраске «Касс каунти тойз» будет первой, кто выпустит на рынок большой набор гиб-

ких фигурок алтейцев. Лидия Клауссен, объявляя для держателей акций об этом прорыве, сказала, что инопланетяне «будут несколько напоминать» то изображение, которое считается автопортретом. В детали она не вдавалась…

Глава четырнадцатая

Корд Маевский вылез из широкой кровати, подошел босиком к окну и постоял там, глядя на Андиронакские горы. Перед рассветом они были хороши. В кровати за спиной заворочалась Лиза. Черные волосы ее рассыпались по подушке, обрамляя лицо и плечи.

Маевский был рад, что удалось выбраться на уик-энд. Последнее время с Эдом стало трудно работать. Политическое давление не ослабевало, и что бы ни делал Гамбини, ему все равно доставалось. Здоровье- у него и так было не богатырским. Сейчас оно заметно ухудшилось, а с ним и самообладание. Эд страдал мигренями и болями в груди, отказываясь идти к врачам. Маевский стал подумывать, не предупредить ли Гарри.

Будь Маевский на месте Гамбини, он бы давно послал к черту и Кармайкла, и Белый дом. А сам повернулся бы спиной и ушел восвояси.

Он обернулся, оглядел комнату и остановил взгляд на портативном генераторе Ресселлара на резиновом коврике на столе; на шатком шкафчике с ящиками, купленном несколько лет назад во время гаражной распродажи в Коринфе.

И смотрел долго. Комод этот не был изделием краснодеревца - он был поцарапан, со сколами, выцветший. А нижний ящик заедал.

И кто бы поверил, что там среди носков и белья, в том же самом ящике, стоит инопланетное устройство, машина, придуманная в невообразимо далеком мире?

Да только это инопланетное устройство ничего не делало.

Маевский включил лампу, наклонив абажур так, чтобы не светить на Лизу, и открыл ящик. Эта штука была похожа на карбюратор с завитками, петлями и печатной платой. Два месяца ушло, чтобы его собрать, и Маевский даже не знал, правильно ли он все сделал. Или может ли он вообще собрать его правильно.

Вынув устройство, Корд отнес его на кофейный стол и подключил к Ресселлару. Генератор позволял управлять потоком мощности только грубо, но им можно было манипулировать, как хотел Маевский. И это вроде ничем не помогало.

Сев перед столом, он открыл ящик с инструментами и кое-что в схеме поменял. Действовал он методически и потому всегда знал положение дел, что он уже пробовал, а что нет. Закончив изменения, он включил прибор.

Час спустя Маевский все еще старался получить от него какую-то реакцию, и тут по правой руке, которая была к прибору ближе всего, побежали мурашки. И в тот же примерно момент, когда он еще пытался понять это неожиданное явление, Лиза ахнула, откинула одеяло, вскрикнула и спрыгнула с кровати одним испуганным движением. Бросившись в угол комнаты, она прижалась к стене, глядя на матрас и скомканное одеяло. Потом она повернулась к Маевскому, и в глазах ее стоял ужас.

- Что случилось? - спросил он, нервно оглянувшись на окно за спиной. Тут он заметил, что то ли от шока, то ли по какой-то менее очевидной причине, волосы у него на правой руке встали дыбом.

Лиза не сразу обрела голос.

- Не знаю, - произнесла она наконец. - Меня коснулось что-то холодное.

В иные времена Корвин Стайлз пикетировал бы рестораны вдоль дороги № 40 или закидывал бы призывные пункты пакетами с кровью. Он считал себя идеалистом, но Уиллер подозревал, что на белом коне он возвышается, потому что больше любит обнажать недостатки других, чем действительно исправлять несправедливости. Во

время второго срока президентства Рейгана он получил степень магистра по связи в Йеле и после пяти спокойных лет на коммерческом телевидении прошел по конкурсу в «Сентри электронике», которая поставляла НАСА технический персонал. Когда Пит Уиллер начал исследовать возможности планетарных магнитных полей, Стайлз ему помогал. И если священник был потрясен тем, что его открытие применяется для военных целей, то Стайлз просто горел негодованием.

- Почему он не мог объявить о прорыве в энергетике, а не об этих чертовых лучах смерти? - спросил он Уиллера, сам хорошо зная ответ.

Пучки частиц требовали колоссального количества энергии, и это всегда создавало проблему. Столько топлива не вытащить на орбиту, атомные реакторы запрещены договором и легко поддаются обнаружению, а солнечные зеркала малоэффективны.

Так что выдать секрет Уиллера значит выпустить из рук монополию на пучки частиц.

Весь конец зимы и начало весны Стайлз подзуживал Уиллера и всех, кто готов был слушать, подать формальный протест.

- Мы все должны выйти за ворота, - сказал он как-то Гамбини, - и погрозить кулаками в сто-

рону Овального кабинета. И дать знать об этом журналистам и все им рассказать.

Гамбини никогда не принимал юного техника всерьез - он привык выслушивать нелепые предложения от сотрудников. Но Стайлз стал презирать и бездумную инертность своих товарищей по работе. Даже Уиллер, который, наверное, лучше других понимал чудовищность происходящего, отказывался действовать.

Стайлз постепенно осознал, что если правде и суждено выйти наружу, то только он будет ее проводником. Но его сдерживали привычки, приобретенные в течение всей жизни, которые, к несчастью, заставили упустить несколько возможностей нарушить правила ради благого дела. Сейчас ему придется рискнуть свободой.

Последняя капля упала в первую неделю марта. В Алтуне, штат Пенсильвания, нашли пожилую пару. Супруги замерзли в собственном доме, когда местная компания отключила им электричество за неуплату. Компания оправдывалась тем, что дом по ошибке сочли заброшенным, поскольку его обитатели не отвечали на письма и по телефону с ними связаться не удавалось. Было обещано расследование. Но Стайлз подумал, сколько еще пожилых пар жмутся сейчас в холодных домах от

зимнего холода, пока Джон Харли играет в политику вокруг неисчерпаемого источника энергии.

Где, спросил он Уиллера, где хоть один признак, что администрация заинтересована в освоении новооткрытых гигантских резервов энергии? Ив следующее воскресенье Корвин Стайлз встретился с одним из помощников Касс Вудбери в ресторанчике далекого городка на краю Блю-Ридж.

Человеку на его жизнь полагается только одна великая страсть. Будь то музыка, профессия или любовь - все остальное меркнет в ее сиянии. И когда предмет ее утрачен, такой обжигающий шок изменяет всю биохимию человека, что повториться такая страсть не может. Остается только разочарование.

Сайрус Хаклют, молекулярный хирург, сторонний наблюдатель природного порядка и бывший третий бейзмен команды «Вестминстер уайлдкэтс», в юности стремился к семнадцатилетней болельщице по имени Пэт Уитни. Отсутствие у нее интереса к нему и ее уход из его жизни много лет были центром всего его существования. Теперь, пятнадцать лет спустя, ему было приятно думать, что девушка оказалась слишком развита для своего возраста, что ее ДНК отключила у нее

механизмы ремонта и что никакая красота не вечна.

И это до некоторой степени утешало.

Хаклют вырос в Вестминстере, штат Мэриленд, - тенистом университетском городе к западу от Балтимора. Хотя последние годы он оставался сравнительно недалеко от городка, туда он ни разу не возвращался после смерти отца - это случилось, когда Хаклют был на первом курсе университета Джона Гопкинса. Пэт Уитни, насколько он знал, вышла замуж и переехала. Старых друзей тоже не осталось, и город просто опустел.

В то самое воскресенье, когда Корвин Стайлз завтракал в тени хребта Блю-Ридж, Хаклют отложил работу и поехал на родину в западный Мэриленд. Зачем - он не мог бы сказать. Просто изучение генетики алтейцев вызвало у него острое чувство, что время проходит.

На самом деле Хаклют всегда чувствовал уходящие годы. Свой тридцатый день рождения он пережил очень болезненно и с тревогой смотрел, как преждевременно отступают со лба волосы. Он не мог войти в комнату с тикающими часами и не вспомнить, что он смертен. Но теперь он начал гадать о возможностях, которые могут таиться в

тексте. И почему-то из-за этого менее угрожающими выглядели катящиеся мимо холмы вокруг Вестминстера и утраченные дни юности не были уже такими далекими.

Вестминстер оказался больше, чем ему помнилось. На окраинах выросла пара офисных башен, возникли торговые ряды. Колледж западного Мэриленда расширился, и на южной стороне Хаклют заметил, проезжая, несколько строящихся домов.

Дом, в котором он вырос, был снесен, чтобы освободить место для автостоянки. И почти все соседние дома тоже исчезли. Однако аптека Гундерсона уцелела, и лавка лесоматериалов тоже. Но это и все.

К школе пристроили новое крыло - убоище из стекла и пластика, грозившее поглотить старое кирпичное здание. Проезжая, Хаклют услышал звонок. Как в старые времена, семь дней в неделю звенел звонок, отключаясь только на лето. Приятно было знать, что осталось в мире нечто неизменное.

На спортплощадке установили новую сетку за позицией бэттера. Вопреки плохому зрению, Хаклют был когда-то приличным инфилдером, в те времена, когда все они собирались играть

вечно. Но после отъезда из Вестминстера он ни разу не надевал бейсбольную форму.

Гамбургерная,-куда он водил Пэт Уитни, находилась на том же месте, только хозяева у нее были другие. Он улыбнулся, проезжая мимо, удивившись, что после стольких лет все еще ощущает знакомый пульс в горле, который вызывала у него только Пэт. Где она теперь? В первый раз с того страшного вечера, когда она дала ему отставку, он подумал о ней без гнева.

Рули Миловский прибыл к себе в офис в состоянии полного раздрая, свойственного ему в понедельник утром. Но этот уик-энд был весьма необычным. Он ужинал в субботу вечером с главой городского совета, забрасывая семена нужного решения по проблеме лицензирования для агентства Недвижимости, которым владел один из клиентов _«Бернса и Хофмана». А в воскресенье ему удалось наконец затащить в койку ту чернокожую стерву, которая бегала от него по всему Канзас-Сити.

Двое его бухгалтеров, Абел Уокер и Кэролин Донателли, безуспешно попытались перехватить его по дороге. Оба они озабоченно хмурились, но Уокер всегда из-за всего паниковал, а Донателли - женщина, что с нее взять. Симпатичная, но все

равно всего лишь баба. Он много раз пожирал ее глазами, но руки всегда держал при себе. Никогда не заводи шашни у себя в офисе - такое было у Рули главное моральное правило.

Голова болела от недосыпа. Миловский глотнул апельсинового сока из холодильника, водки решил не добавлять и опустился на кожаный диван.

Загудел интерком. Когда он не ответил, секретарша распахнула дверь.

- Мистер Миловский, Ал и Кэрол оба хотят с вами говорить. - Он еще только думал, что сказать, как она добавила: - При открытии рынка сегодня падение на шестьсот.

Рули хмыкнул, встал и развернулся к экрану компьютера.

- Уже больше чем на восемьсот, - сказал Уокер, протискиваясь мимо секретарши.

Тут же за ним зашла Донателли.

- «Пенсильвания гэс энд электрик» упала на шестьсот.

Господи ты боже мой. У этих хмырей разрыв сердца будет. «Пенсильванская газовая» твердо держалась в списке на покупку для консервативных инвесторов, желающих получать хороший доход без особого риска.

- Что стряслось? - спросил Рули. Донателли приподняла брови.

- Вы сегодня утром телевизор не смотрели? Рули покачал головой.

- Прошел слух, что ребята в Гринбелте - те, что работают с посланием из космоса, - нашли способ производства дешевой энергии. В больших количествах.

- Черт побери, Кэрол, этому же никто не поверит!

- Быть может, - сказала Донателли, - но наверняка какие-то игроки ждали таких новостей, чтобы обрушить рынок. И они точно не станут стоять смирно, пока их будут бить по морде. Они все продали и теперь скорее всего ждут момента, чтобы сегодня днем все скупить обратно с приличной скидкой.

- Твою мать, - буркнул Рули.

- «Вермонт гэс» рухнула на пять с четвертью, - сказал Уокер писклявым голосом. - Коммунальные компаний рушатся по всей доске. Все летит к чертям, абсолютно все. Рули, это свободное падение.

Миловский вызвал на экран статистику. Акции главных нефтяных компаний потеряли уже больше десяти процентов. Фирмы тяжелого

машиностроения, особенно работающие на энергетические компании, разорились. Банки упали до самого дна. И некоторое количество сервисных компаний.

Черт бы побрал. Даже розничная торговля после рекордных рождественских распродаж резко летела вниз.

И только производители автомобилей не поддались общему тренду. «Дженерал моторз», «Форд» и «Крайслер» сделали рывок вверх. Естественно - если слух окажется правдой, цены на нефть рухнут, еще сильнее подешевеет бензин, и люди вернутся к большим автомобилям.

- Мы уже начали обзванивать клиентов? - спросил Рули.

- Они нас, - ответил Уокер. - И все они в трауре. Особенно мелкие клиенты. Рули, кое-кто из них заговаривал со мной о самоубийстве. Они просто раздавлены - сбережения всей жизни развеялись дымом. И это не люди, которые выходят на рынок нажиться. Это наши клиенты - электрические компании!

- Спокойно, - сказал Рули. - Такие вещи иногда случаются. Что мы говорим каждому, кто открывает у нас счет? Не вкладывайте ничего, что вы не можете позволить себе потерять. Это

есть в нашем буклете. Да, но ты, конечно, прав. Под нашим попечением такого случаться не должно. Когда будешь говорить с этими людьми, обязательно указывай, чья тут вина. Но говори еще, что мы ожидаем подъема. Неприятно то, что коммунальные компании от таких ударов оправляются медленно. Что там с нашими крупными клиентами?

- Они тоже звонят, - ответил Уокер.

- Не сомневаюсь. Им мы что говорим?

- Что им сказать, мы не знаем, - сказала Донателли. - Я позвонила Адаму на биржу, и он сказал, что приказы на продажу уже не сыплются так быстро, но все равно их накопилась огромная очередь.

- То есть к полудню мы потеряем еще три-четыре сотни пунктов. Ладно, не будем участвовать в общей панике. - Он уставился на компьютер. - Давайте просто ее переживем. Вероятно, после полудня будет отскок, и мы вернем процентов тридцать своих начальных потерь. А что будет потом - зависит от того, что скажет правительство. - Он крепко зажмурился. - Черт побери, ненавижу я иногда эту работу.

Рули потер лоб.

- Ладно, начинаем обзванивать по списку. Успо-

каивайте народ. Говорите, что мы наблюдаем за развитием событий. Я лично считаю, что сейчас хорошее время покупать. И это вы тоже можете им сказать.

Оставшись один, Рули бросился звонить в Вашингтон.

Чарли Мак-Коллум был железнодорожником. Сейчас он уже вышел на пенсию, но сути его это не изменило. Он водил когда-то через прерии старые «микадо» 2-8-2, таская древесину в Грэнд-Форкс и поташ в Канзас-Сити. Начинал он стрелочником в Нойесе, штат Миннесота, во время Второй мировой войны хотел пойти в морскую пехоту, но из-за астмы ему сказали, что на трудовом фронте он будет полезнее.

Ничего он не любил такого, что не ездит, и потому просился на каждую открывавшуюся вакансию тормозного кондуктора, пока его не устроили на товарняк, ходивший в Твин-Ситиз. Потом он дослужился до машиниста на маршруте Денвер - Миннеаполис, потом был повышен до кондуктора на Грейт-Сентрал. Так он проездил сорок лет и мог даже стать начальником станции в Боулдере, но это его не привлекало, и потому Чарли продолжал ездить, пока волосы не побелели, а ветер не вырезал на губах и щеках морщины,

и лицо стало похоже на щебнистые камни вдоль рельсовых путей в Скалистых горах.

При выходе на пенсию его наградили тысячей долларов и часами. Он осел в Боулдере, в небольшой квартирке неподалеку от главного пути. Тысячу он добавил к своим сбережениям, довольно существенным, поскольку женат он никогда не был - не нашлось женщины, готовой жить с человеком, которого никогда нет дома. Все деньги, до последнего пенни, он вложил в акции «Грейт-Сентрал». Годами он получал щедрые дивиденды, и цена акций поднималась пункт за пунктом.

Но главный источник доходов железной дороги - уголь. Бесконечная лента хопперов везет его из западных шахт восточным электрическим компаниям, и когда в понедельник первого марта угольная промышленность рухнула, вместе с ней улетела и «Грейт-Сентрал», и деньги Чарли.

Было ему девяносто два года.

Во вторник вечером, долго и тщательно надравшись в «Депо прерий» - баре через улицу от железнодорожных путей Боулдера, он поехал в город, подошел к двери брокерской фирмы «Хармон и Мак-Киссик, Инк.» и запустил кирпичом в окно.

Впервые за всю свою жизнь он сознательно нарушил закон.

Мэрией Куртни сразу поняла, что так не должно быть. Синий «плимут» ехал сразу по двум полосам, приближаясь по Гринбелт-роуд с запада. Около главных ворот он притормозил и вдруг свернул влево на встречную полосу. Заревели клаксоны. «Плимут» задел по касательной «тойоту», она завертелась, отброшенная на разделительный газон. У «плимута» ввалился радиатор, и стало бить колесо, но он продолжал движение.

Мэрией вышла из будки на мощеный участок, разделявший полосы дороги. Рефлекторно правая рука тронула пистолет на бедре, но отстегивать клапан кобуры Куртни не стала.

Машина замедлила ход, Мэрией успела заметить водителя, пытающегося справиться с управлением. Холод пробежал по спине, когда она поняла, на кого он похож. На Ли Освальда - создание мрачного настроения и непомерных претензий. Он улыбался, и тут она увидела у него в руках сорокапятикалиберный.

Позади брызнуло оконное стекло. Что-то ударило в живот и сбило Мэрией с ног. Она упала спиной в будку и прижалась к полу, стараясь не

поддаться панике, пока он методично расстреливал остальные стекла. Потом он проехал мимо и полил очередью группу пешеходов, выходящих из проходной. Некоторые упали, остальные с криками разбежались. Когда он проехал, двое или трое остались лежать.

Охранники отреагировали не сразу. «Плимут» уже свернул на дорогу № 2 и почти скрылся из виду, когда из ворот выехала машина преследования. Рация Мэрией ожила. Женщина трясущейся рукой вытряхивала стекла из волос. Начальник бежал к ней из проходной с вытаращенными глазами, протягивая руки. Больше она уже ничего не видела.

Водитель «плимута» убил еще троих в бешеной гонке по газонам и парковкам, пока его не зажали за домом, где раньше жил Бейнс Римфорд, и не разнесли на части автоматным огнем. Всего погибло семь человек. Из тяжелораненых еще трое скончались ночью, включая охранницу.

Преступником оказался безработный отец семейства из Балтимора, уже предупрежденный судом за угрозу сотрудникам электрической и газовой компании восточного Мэриленда.

Сенатор Паркмен Рэндолл, республиканец от штата Небраска, понятия не имел, чему будет

посвящено совещание в Овальном кабинете, знал только, что оно касается комитета Сената по обороне. Желательно, чтобы разговор не шел о закупке вооружений. Хорошо бы, чтобы президент дал что-то такое, что Рэндолл мог бы предъявить своим избирателям для разнообразия. Сельскохозяйственная политика при этой администрации была просто катастрофической. Сенатор изображал верного солдата, поддерживая, что мог, и оспаривая, что должен был, зная, что президент поймет. Почти полностью обрушенный финансовый рынок - уже пятый день - тоже не улучшал ситуацию. И еще три другие постоянные проблемы: аборты, свободная продажа оружия, молитва в школах. Все та же тягомотина, которая никогда никуда не девается, почти не оставляет места для компромисса и превращает в ад жизнь любого- слуги народа. Иногда Рэндолл жалел, что не выбрал другую профессию. Он знал, как любой грамотный политик, что голосование по значимым вопросам никогда не приобретет тебе друзей, но всегда отнимет голоса.

А в этом году предстоит переизбираться.

Члены Сенатского комитета по обороне собрались в комнате совещаний и подземной дребезжащей дрезиной поехали в Белый дом.

Там их встретил Хилтон и отвел в Овальный кабинет.

Президент встретил их стоя и вышел пожать им руки. Он улыбался, и Рэндолл достаточно хорошо знал этого человека, чтобы тут же понять: новости будут хорошие, о чем бы они ни были. Хоть за это спасибо.

- Леди и джентльмены! - обратился президент, когда все расселись. - Я хочу сделать достаточно важное объявление. - Он сделал паузу, наслаждаясь минутой. - Мы успешно испытали оружие наземного базирования на пучках частиц, которое, как вам известно, будет составлять сердце и душу нашей обороны в течение ближайшей половины текущего столетия.

Сидевшие здесь люди в общей сложности провели в политике лет двести. Их нелегко было впечатлить речами. Что испытания ведутся, они знали и слышали, что получены благоприятные результаты. Но сегодня чувствовалось что-то новое. Президент не был красноречив. Вместо мерных ритмических интонаций и блестящих фраз слышно было лишь его воодушевление.

- В начале весны Соединенные Штаты введут в действие «Орион».

В окно Рэндоллу были видны демонстранты.

Сегодня они протестуют против южноамериканской политики, завтра будут насчет экологии. Неустанными кругами ходили они перед воротами. Как аборты и продажа оружия - они всегда присутствуют, всегда портят кровь и так же неразрешимы.

Собравшиеся в кабинете зааплодировали, и Рэндолл присоединился.

- А важные новости таковы: мы избавились от необходимости самоограничения какой-нибудь орбитальной системой. Соединенные Штаты существенно продвинулись в этом вопросе, и вскоре мы сможем устанавливать оружие, излучающее пучки частиц, на беспилотных самолетах или на самолетах с радарным наведением. Все говорит за то, что оружие будет высокоточным - и высокоэффективным.

Он пристально, почти доверительно поглядел на Рэндолла, будто молча говоря, что в этом деле они заодно, что Рэндолл, как человек искренний и прямой, это тоже понимает.

- Я полагаю, - продолжал Харли, - что нам удалось отправить в историю ракеты и бомбы. Теперь мы можем построить внушающую страх национальную оборону без неимоверных расходов на обычные Системы оружия. И если нам

снова придется воевать, мы не будем швырять миллионы на ракеты и боеприпасы. В следующий раз налогоплательщики едва заметят расходы.

Вошел служитель с подносом, где стояло тринадцать бокалов. Семеро мужчин и пять женщин взяли по одному, Джон Харли взял последний, вытащил из-за стола ведерко со льдом, достал оттуда бутылку шампанского и откупорил ее. Когда Эд Ренсайд из Нью-Гэмпшира поспешил на помощь, Харли махнул ему рукой, улыбнулся и разлил вино по бокалам.

- Леди и джентльмены! - провозгласил он. - За Соединенные Штаты!

МОНИТОР

БЕЛЫЙ ДОМ ОПРОВЕРГАЕТ СЛУХИ О НОВОМ ИСТОЧНИКЕ ЭНЕРГИИ

«Хотел бы я, чтобы это было правдой», - говорит президент… Индекс Доу-Джонса рухнул на 2040 пунктов за неделю…

АЛТЕЙСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

«Переводы с алтейского» Майкла Пападопулоса взлетели на верхнюю строку списка бестселлеров за первую неделю после выхода из печати. Вопреки

ехидству критиков, что в книге больше про Пападопулоса, чем про алтейцев, книжные магазины сообщают о росте продаж...

АЙАДИ ОТРИЦАЕТ НАЛИЧИЕ У СЕБЯ БОМБЫ

«Мне она не нужна, - обратился к собравшейся в Багдаде толпе иорданцев и иракцев Айади Итана Аруби. - Всемогущему не нужна моя рука, чтобы уничтожить Израиль». После этого вождь присутствовал на футбольном матче...

В ОБВАЛЕ РЫНКА ОБВИНЯЮТ СПЕКУЛЯНТОВ

Быстрые продажи со стороны инсайдеров, вероятно, и вызвали обвал рынка на прошедшей неделе - так думают некоторые аналитики с Уолл-стрит. «Средние поднялись слишком высоко, и мы созрели для крупной корректировки, - заявил Вэл Кестлер, специалист по электронике компании «Киллбрю и Денкл». - Конечно, следует учесть и другие факторы: ровный подъем процентных ста? вок за последние месяцы, растущую напряженность

на Ближнем Востоке, последние цифры безработицы. Люди стали нервничать...»

РАСКОЛ СРЕДИ БАПТИСТОВ ПО ВОПРОСУ КЛОНИРОВАНИЯ

«Против воли Господа», - заявляют консерваторы...

ЧЕЛОВЕК С КИРКОМОТЫГОЙ УБИЛ СЕМЕРЫХ В БАРЕ В ПЕОРИИ

Он утверждает, что с ним по девятому каналу общались инопланетяне...

КИТАЙ ВОССТАНАВЛИВАЕТ ОГРАНИЧЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

Правозащитные группы возмущаются... Штайглиц требует от США объявить бойкот...

ТАЛЕВСКИЙ ВЫИГРЫВАЕТ ШАХМАТНУЮ КОРОНУ

Шестнадцатилетний русский - самый молодой чемпион мира.

Глава пятнадцатая

Гарри засиделся допоздна на работе, когда мимо пронеслись пожарные машины, направляясь в сторону Венчур-парка, резиденции для почетных гостей. Из окна Гарри Венчур-парк был почти не виден, но в небе горело зловещее зарево.

Было без четверти одиннадцать.

Гарри натянул пальто, быстро пробежал к северному крылу здания и выскочил наружу. Сквозь завесу деревьев виднелись языки пламени и движущиеся огни машин. В центре картины, кажется, была вилла Маевского.

Со стороны главных ворот послышались еще сирены. Гарри пустился бегом с фаталистическим чувством, внушенным последними неделями, что пожар как-то связан с проектом «Геркулес». Теперь все было со всем связано - и ни минуты передохнуть.

Да, это была вилла Маевского. Двухэтажный куб, покрашенный светлой и темной коричневой краской, с узкой крышей на западной стороне, с застекленной зимней дверью над единственной бетонной ступенькой. На газон с двух сторон въехали две пожарные машины и поливали

строение водой. Крутя мигалками, отъезжала машина спасателей. Озадаченные люди стояли небольшими группами, глядя на то, что осталось. Самое страшное зрелище, которое Гарри в жизни видел.

Кухня, задние спальни и часть столовой развалились. Несколько обгорелых бревен опасно повисли над пожарищем, шипя и плюясь огоньками. Воняло гарью, над развалинами висел коричневый дым.

Передняя часть дома не пострадала и сияла в яркой ночи инеем - прекрасное изделие синего хрусталя и холодного огня, и на полированной поверхности мелькали блики вертящихся мигалок. Серебряная дуга с центром в доме раскинулась по газону почти до тротуара. Два вяза и несколько азалий, оказавшиеся внутри дуги, покрылись морозными узорами.

- Что это такое? - спросил кто-то, когда Гарри подошел. - Что случилось?

Чуть в стороне стояла Лесли. Набросив пальто на халат, она крепко держала его у горла и смотрела на пожарище. Приближения Гарри она не услышала.

- Где Корд? - спросил он тихо, кладя руку ей на плечо. Она прислонилась, прижалась к нему.

- Еще не знаю. Только что вынесли женщину.

- В каком состоянии?

Она только мотнула головой. *Мертвую.*

Гарри услышал приказ перекрыть воду, и шланги обвисли. Кто-то из пожарных стал разгребать мусор. Взметнулись искры.

- Почему так холодно? - спросила она. У Гарри уже онемело лицо.

- Откуда-то веет холодом, - ответил Гарри, оглядываясь по сторонам. - Кажется, от фасада дома. - Он протянул туда руки. - Господи, и еще как! Что за чертовщина?

Санитары и сотрудники службы безопасности продолжали прибывать. Через какие-то поля примчался, подпрыгивая, автомобиль Пита Уиллера, вылетел на улицу и остановился за полквартала.

- Весь фасад будто закрыли пластом льда, - сказал Гарри. Среди пожарных началась суета. Они собрались у груды

обломков, где раньше была кухня, и рассматривали что-то среди мусора. Потом кто-то махнул рукой, и одновременно с подбежавшим Уиллером туда бросились двое с носилками. Они спустились в яму, скрывшись из виду, и Гарри увидел чьи-то руки, разворачивающие одеяло и передающие его вниз. Когда люди появились

снова, одеяло было натянуто поверх носилок. Поверх тела.

Лесли задрожала в руках Гарри.

Уиллер подошел и встал рядом, но ничего не сказал. Он только смотрел на дом, на заиндевевшие кусты.

Носилки пронесли прямо мимо них троих к только что подъехавшей машине.

- Это Корд, - шепнул Гарри. - Он католик. Уиллер нетерпеливо покачал головой:

- Потом. Почему здесь все в инее?

- Убей меня, если я знаю, - ответил Гарри, провожая взглядом носилки. - Кто это? - спросил он у ближайшего санитара. - Вы можете сказать?

- Не знаю, мистер Кармайкл. Это мужчина. Пока мы ничего больше сказать не можем.

Гарри потянулся к одеялу, но санитар перехватил его руку.

- Не надо на это смотреть, сэр, поверьте мне на слово. Вы его все равно не узнаете.

Гарри не стал спорить. Охранники с любопытством разглядывали остекленевший тротуар, бетон, кровлю.

- И даже земля, - заметил Уиллер.

Он топнул ногой, и почва пошла трещинами. От дыхания в воздухе шел пар.

Гарри уже не чувствовал носа и ушей. Было чертовски холодно. Камни, галька, бетон возле фасада виллы блестели от льда. Окна покрылись инеем полностью, сосульки повисли на телефонных проводах, дощатая обшивка напоминала темный лед.

Уиллер взял Гарри за локоть и отвел назад, потом повернулся к одному из пожарных.

- Никого не подпускайте к дому, - велел он. - Никто чтобы его *не трогал,* никто чтобы и близко не подходил.

Пожарный кивнул и передал его слова дальше. Женщина в форме сотрудника службы безопасности, представившаяся дежурной, спросила почему. В чем опасность?

- Насколько я понимаю, любой, кто коснется обмерзших частей дома, - объяснил Уиллер, - и даже травы поблизости, может уже не суметь отнять руку. - У Гарри даже в теплых ботинках стали замерзать ноги. - Что бы тут ни случилось, похоже на сверххолод. Если это так, то оттаивать будет не один день. И пока не растает, надо держать людей на безопасном расстоянии.

Дежурная была средних лет, ростом примерно пять футов два дюйма, темноволосая и темноглазая. Звали ее Луиза.

Уиллер спросил, можно ли ему оглядеть место, и она охотно разрешила. Он исследовал границу между сгоревшей и замерзшей частью дома, походил туда-обратно, пиная носком бревна, кирпичную пыль и обгорелые головешки.

- Посмотри на это, - показал он.

Между этими двумя частями не было постепенного перехода - здесь все выгорело, здесь все замерзло. Будто кто-то провел через дом черту, одну половину заморозил, а другую сжег.

- Чего ты ищешь, Пит? - спросила Лесли, подходя сзади.

- Не знаю, - ответил он. - Но что-то здесь найдется. В середине. Вот оно! - довольно вскрикнул он, показывая под какое-то почерневшее бревно. Гарри помог людям Луизы его сдвинуть.

Среди обломков лежала большая капля оплавленного металла.

- Здесь мы нашли тела, - сказала Луиза.

- Пит, - спросил Гарри, - что может вызвать вот такое? У тебя есть предположения?

- С одного конца - инферно, с другого - суперхолод, - сказал Уиллер. - Знаешь, что это мне напоминает? Демона Максвелла.

- А что это такое? - спросила Лесли. Он нахмурился:

- Это такая штука из статистической физики газов в магнитных бутылках. О ней потом, а сейчас я хочу поискать, что еще тут есть.

Гарри проводил Лесли до дома. Она была разгневана и потрясена - вернее, подавлена.

- Нужен какой-то контроль, - говорила она. - Бейнс тоже сам по себе работал. Либо ты, либо Эд должны ввести какие-то правила и прекратить эту самодеятельность. Ты видел ту хреновину, что Пит из обломков вытащил? И кто будет разбираться, что это? Это ведь значит, что кто-то еще взорвется! - Она не отводила глаз от Гарри, и они были круглые, испуганные и мокрые. - Ты не думаешь, что там мог быть кто-то другой?

- А не Корд? Вряд ли.

- Когда нам скажут?

- Они позвонят, как только идентифицируют. При тех медицинских записях, что есть у нас на каждого, это будет довольно скоро.

Гарри никогда особо не любил Маевского и подозревал, что Лесли тоже. Но сейчас это не имело значения.

- Вот так вышло, - развел он руками.

До самого дома Лесли они шли молча. Подойдя, она открыла дверь, вошла и придержала дверь для Гарри.

- Знаешь что? - сказала она. - А ведь Корд - не единственная жертва. Каждый участник проекта - Эд, Пит, Бейнс, ты, даже я, быть может, - все мы должны быть на пике профессиональной карьеры, но почему-то проект начинает рождать несчастья.

Она сбросила туфли. Гарри хотелось ее утешить, заверить, что все будет хорошо. Что сказать о проекте, он не знал: любые слова, которые он мог придумать, прозвучали бы легковесно.

Лесли извинилась, вышла на минуту и вернулась в халате.

- Кофе хочешь?

- Естественно.

Она скрылась в кухне. Открылась и закрылась дверца холодильника, потекла вода в чайник, и снова Лесли возникла в дверях.

- Может, Пит прав, - сказал он. - Может быть, без этой передачи было бы лучше.

- Это на тебя не похоже, Гарри.

- Бейнс говорил насчет «Выбора «Манхэттен», - произнес Гарри. - И еще говорил, что лучше всего было бы избавиться от текста, пока еще можно.

- Гарри! - Целый мир неодобрения звучал в ее голосе. - Так что, мы повернемся и побежим?

- Не знаю, стал ли бы я возражать.

Она стояла в темной столовой, обрамленная светом из кухни. Длинная шея скрывался в объемных складках халата - бесформенной одежде, полностью скрадывавшей линии тела. И все же она стояла так, будто хотела дать Гарри понять, что тело есть.

- Иногда я думаю, - сказал Гарри, - что Пит обеспокоен возможной угрозой для церкви.

Она вошла в гостиную и села в кресло.

- Нет, тут сложнее. Пит - человек странный.

- В каком смысле?

Она посмотрела на Гарри, но не ответила.

- У него свои секреты, - отметил Гарри.

- Можно сказать и так.

- А ты? - спросил Гарри по наитию. - Какие ты скры-.ваешь секреты?

Кофейник подал реплику - свистком.

- Сейчас приду, - сказала Лесли. Когда она вернулась, то ответила:

- Пит никогда не перестает меняться. У него не может быть одного кредо на всю жизнь. - Она улыбнулась Гарри и подумала: и почему это она не замужем? Почему у нее нет в жизни мужчины? Трудно объяснить. - Его образование полностью уводит его в сторону. По профессии он скептик. Зарабатывает на жизнь, разбивая

теории, придуманные другими. Фактически он просто старается быть двумя разными людьми одновременно.

До сих пор Лесли стояла у окна, откуда было видно, что делается у дома Маевского. Теперь она уселась на софу рядом с Гарри. Стандартная мебель с прямоугольными виниловыми подушками. Лесли прикрыла софу ковром, но это не слишком помогло. Она все равно была вся в выбоинах.

- Ты хочешь сказать, - спросил Гарри, - что текст бросает вызов его вере?

- Он может бросить вызов любому христианину, - дипломатично ответила Лесли, - который свою веру принимает всерьез.

Гарри было трудно представить себе, что веру Пита может поколебать хоть что-нибудь.

- А ты? Что угрожает тебе?

Глаза ее затуманились, тени пробежали по подбородку и горлу.

- Не могу сказать. У меня начинает возникать чувство, что алтейцев я отлично знаю. По крайней мере того, который послал передачу. И от него веет страшным одиночеством. Мы полагали, что это обращение одного вида к другому. Но ощущение такое, будто он там совсем один, где-то

в башне. В полном одиночестве. - В глазах ее появилось выражение, которого Гарри раньше не видел. - Ты знаешь, на какую мысль меня наводит весь этот разговор о христианстве? Оди^ нокий Бог, потерянный в безднах.

Гарри положил руку на обе ее руки.

- Передача, - продолжала она, - полна жизни, страсти, той странности, которую люди зовут ощущением чуда. Что-то в ней есть детское. И очень трудно поверить, что отправитель уже миллион лет как мертв. - Она вытерла глаза. - Я уже сама не знаю, что говорю.

Гарри невольно замечал, как поднимается и опускается у нее грудь. Она повернула к нему голову, чувственная геометрия мягко изогнутых губ, широких скул обдала его теплом,

- Я уже никогда не буду прежней, Гарри. Ты понимаешь? Ты говоришь, что мы неправильно обошлись с передачей, а я думаю, что ошибкой было принести сюда переводы и читать их одной по ночам.

- Тебе не полагалось этого делать, - улыбнулся Гарри. - Неужели вообще никто не подчиняется правилам?

- Только несколько заметок. Но в этом случае мне надо было, надо было соблюдать правила.

Мне стали мерещиться видения по ночам, слышаться голоса в темноте.

Она запрокинула голову, из горла ее вырвался звук, похожий на смех. Гарри почувствовал биение собственного сердца.

Он обнял ее за плечи, она прильнула к нему. Глаза их встретились, Гарри остро осознал, что под этим халатом - ее тело. Очень давно уже ни одна женщина не проявляла к нему интереса таким образом - без защиты. Это было восхитительно, но он понимал, что это, наверное, реакция на потрясение от смерти людей на вилле Маевского, а значит, он, Гарри, воспользуется моментом слабости, беззащитности. Но так трудно было бы сказать «нет»...

Он провел пальцами по ее шее, дотронулся до щеки. Щека Лесли была теплой и мокрой. У нее все еще текли слезы, но она прошептала его имя, повернула его к себе, чтобы дотянуться губами до губ.

Они были полны желания, и сладко было дыхание Лесли. Он бережно касался ее зубов, языка.

Она медленно распустила пояс и сдвинула халат с плеч. Под легкой тканью ночной рубашки напряглись соски.

Сотовый телефон Гарри зазвонил без четверти

четыре. Тела принадлежали Корду Маевскому и некоей молодой женщине, пока не идентифицированной. Оба тела обгорели.

- Хуже чем обгорели, - сказал голос в телефоне. - Будто их пропустили через дуговую печь. Мало что осталось.

Гарри передал новости Лесли, вылез из кровати и стал одеваться.

- Куда ты? - спросила она.

- К себе в офис, - ответил он. - Я должен известить родственников.

- Боже мой! Разве это не дело Гамбини? Или Розенблюма? Гарри пожал плечами:

- Квинт просто поручил бы эту работу мне. А на Эда сваливать ее мне не хочется.

- Почему хотя бы не подождать до утра? Гарри натянул рубашку через голову:

Чтобы они сперва не увидели это по Си-эн-эн.

Сенатор Рэндолл знал, зачем они явились, еще до того, как они начали говорить. Он знал это еще тогда, когда они ему позвонили накануне и сообщили, что прилетают. Тереза Берджесс притащила ту же тяжелую черную сумку, которую таскала во время полудюжины кампаний в Небраске. Сумка, подобно своей владелице, была мрачной и жесткой, сделанной из твердой кожи,

и зацеплялась выступами за все, за что могла.

У Терезы, как у всех людей, обуреваемых жаждой соревнования, профессионализм и беспощадность стерли все человеческие черты характера. Она представляла интересы банков из Канзас-Сити и Вичиты, где уже двадцать лет поддерживала Рэндолла так же верно, как ее отец поддерживал первого сенатора Рэндолла.

Ее спутником был Роджер Уитлок, официальный руководитель партии в штате. Уитлок был продавцом автомобилей в «Ролли Крайслер-Плимут» («Покупайте у ваших друзей») в те времена, когда Рэндолл сражался за место в школьном совете Канзас-Сити. Потом он торговал дилерскими лицензиями и наконец - политическим влиянием.

Рэндолл открыл бутылку «Джека Дэниёлса», и они, смеясь, стали вспоминать старые времена. Но гости были напряжены и веселились не вполне искренне.

- Кажется, вы думаете, что мы не победим в ноябре, - сказал он наконец, глядя на них по очереди. Уитлок поднял руку, будто хотел сказать, что подобное им и в голову не приходило, но жест вышел неубедительный.

- Да, Рэнди, времена нельзя назвать удачными,

- признал он. - Это не твоя вина, видит Бог, но ты же знаешь, как народ реагирует. Эти чертовы синдикаты контролируют рынки, процентные ставки высоки, и твои избиратели не слишком благоденствуют. Значит, кто-то должен быть виноват. А потому они будут все валить на президента - и на тебя.

- Я сделал все, что мог, - возразил Рэндолл. - Некоторые голосования, которые огорчают народ - второй сельскохозяйственный билль, мельничные законы, все прочее, - это все компрометирует мою позицию. Если бы я не соглашался, то Линкольн не получил бы школьных ассигнований, а оборонные заказы, которые достались Рэндому и Мак-Китриджу в Норз-Платт - в твои края, Тереза, - ушли бы к этим сволочам из Массачусетса.

- Рэнди, - сказала Берджесс, - нам ты этого можешь не рассказывать. Уж кто-кто, а мы знаем. Но дело не в этом.

- А в чем? - сердито спросил Рэндолл.

Эти люди задолжали ему по горло. Хлебная биржа Берджесс так и осталась бы мелочной лавочкой в Брокен-Боу, если бы не он. А Уитлок свою первую приличную партийную должность получил только из-за влияния сенатора. Осталась ли вообще на свете верность?

- Дело в том, - сказала Берджесс, - что здесь на кону стоит куча денег. Люди, которые тебя поддерживали, рискуют потерять все, если поддержат тебя снова, а ты проиграешь.

- Да выиграю я, Тереза, черт побери! Ты это знаешь.

- Нет, не знаю. Похоже, что партию приложат мордой об стол. Харли проиграет выборы, кого бы ни выставили демократы, и потянет за собой тех, кто с ним связан. Лично к нему люди относятся с симпатией, но за его политику больше голосовать не собираются. А никто не связан с ним теснее, чем ты. Рэнди, если посмотреть правде в глаза, ты даже выдвижения можешь не добиться. Перлмуттер набирает популярность. Религиозные правые у него в кармане, и в Омахе и Линкольне у него сильные позиции.

- Перлмуттер - сопляк. Что он может сделать для штата?

- Рэнди, послушай. - Уитлок заговорил ласково, убедительно. С последней встречи с Рэндоллом он отрастил усы, и трудно было понять зачем. У него и так был достаточно заговорщицкий вид. - Сейчас не то что прежде. Во всем штате не найдется фермера, который за тебя проголосует. Господи, да половина этих людей уже называет

себя демократами! Ты слыхал когда-нибудь про фермера-демократа?

- Фермеры всегда брюзжат, - ответил Рэндолл. - И перестают только в будке для голосования, когда надо выбирать между одним из своих и кем-то из проклятых либералов, которые хотят отобрать у них денежки.

Берджесс задрала подбородок.

- Рэнди, у фермеров нет денег. Больше нет. И чтобы ты не заблуждался - не только у них. Ты пойми, я не говорю, что наш народ отойдет от партии, нет, черт бы побрал! Я говорю другое: они *ради партии* будут требовать свежего кандидата. А Перлмуттер им нравится.

- Вы двое, - сказал Рэндолл тоном обвинения, - могли бы это переменить.

- Мы могли бы удержать за собой основные деньги, - признал Уитлок, - Наверное, могли бы даже отсечь Перлмуттера. Но он увел бы с собой своих избирателей, и тогда у нас был бы раскол, в то время как каждый человек на счету. - Он набрал воздуху, решившись перейти к главному. - Рэнди, если ты сейчас отступишь, губернатор найдет тебе достойное место. Поговаривают о Торговой палате. И заодно ты избавишься от ноябрьской нервотрепки.

- Уит! - Рэндолл попытался поймать взглядом его глаза, и это, как всегда, не вышло. - Харли не проиграет.

Берджесс, услышав что-то в голосе Рэндолла, подалась вперед.

- А почему?

- Оборонные вопросы. - Он помедлил. - Я не имею права этого обсуждать.

Банкирша пожала плечами:

- А я не имею полномочий давать обязательств от чьего-либо имени в обмен на пустые слухи, Рэнди.

Никто не шевельнулся.

- В вооруженных силах грядут коренные перемены, - сказал Рэнди. - Расходы резко снизятся, а эффективность - повысится. Так что, ребята, наши Соединенные Штаты старой доброй Америки покажут всему миру, что на самом деле значит термин «сверхдержава».

В день гибели Корда Маевского и его неизвестной гостьи Сайрус Хаклют находился дома в Кэтонсвиле. В отличие от большинства коллег он не подчинил всю свою личную жизнь проекту. Он не работал сверхурочно, чего, кажется, ожидал от всех Гамбини. Он не собирался пахать семь дней в неделю и возвращаться под утро в кирпичную

коробку виллы, предоставленной Кармайклом в Венчур-парке. Вчерашний вечер Хаклют провел с друзьями, и некоторые из них могли заметить необычное оживление мрачноватого микробиолога. Сай в отличном настроении. Никто из присутствующих, даже Оскар Казмайер, знавший его с Вестминстера, не мог вспомнить, чтобы Хаклют был душой общества.

Такого не бывало на самом деле с того случая, когда Хью-тон Миффлин купил у него сборник научных размышлений под названием «Место, где нет дорог». Даже Нобелевская премия за работы по нуклеиновым кислотам такого оживления у него не вызвала.

Наутро он встал позже обычного и был немного рассеян, когда приехал в лабораторию, где все, конечно же, говорили о гибели Корда Маевского. На доске объявлений висела записка с указанием имени и адреса отца и сестры Маевского.

В несколько минут десятого Гамбини собрал сотрудников в комнате для совещаний.

- Он строил машину, описание которой нашел в тексте, - сказал Гамбини. - Мы не знаем, что это должно было быть. Пит считает, что оно как-то управляло газовой статистикой внутри магнитной бутылки. Но оно, очевидно, вышло у Корда

из-под контроля. Частично виноват в этом я. Он мне показывал схему и говорил, что хочет ее собрать. Мне идея не понравилась, и я должен был его отговорить. Я этого не сделал. Такой ошибки мы впредь не повторим.

В комнате собралось человек двадцать.

- Я хочу воспользоваться возможностью, - продолжал Гамбини, - предупредить вас всех. Больше никаких экспериментов на стороне. Все устройства, найденные в тексте, любые технологии и процедуры должны быть подробно представлены в письменном виде мне лично до производства каких бы то ни было экспериментов. Надеюсь, это всем ясно. Любое нарушение будет считаться поводом к увольнению.

После собрания Хаклют отвел Гамбини в сторонку и спросил о природе устройства Маевского и знает ли Гамбини, почему оно взорвалось.

- Знаешь, Сай, я думаю, он пытался осуществить статистическое управление первым законом термодинамики.

Хаклют не засмеялся, но это потребовало всей его выдержки.

- Это же невозможно, Эд. Разве что я тебя не понял?

- Первый закон не абсолютен, Сай, - ответил

Гамбини. - Совершенно не обязательно, чтобы тепло передавалось от нагретого газа к охлажденному. Это лишь в высокой степени вероятно благодаря обмену молекулами. Но некоторые молекулы горячего газа движутся медленнее, чем самые быстрые молекулы холодного. И наоборот. И я думаю, что устройство Корда должно было управлять этим обменом.

Хаклют попытался представить себе процесс.

- Демон Максвелла, - сказал Гамбини.

- Да, кажется.

Джеймс Максвелл, физик девятнадцатого века, предложил такой мысленный эксперимент. В разделенном перегородкой сосуде в одном отсеке находится горячий газ, в другом - холодный. В перегородке есть отверстие, и. если около него поставить демона, пропускающего в горячую камеру лишь самые быстрые молекулы из холодного газа, а обратно - только самые медленные, может получиться интересный эффект.

- Мы бы увидели, - сказал Хаклют, - как горячий газ становится горячее, а холодный - холоднее. И ты думаешь, что-то такое получилось с Маевским? Это же абсурд.

- Ты видел дом? Пойди посмотри. Когда вернешься, поговорим насчет абсурда.

Хаклют посмотрел в глаза Гамбини. Очки съехали на нос, и во время разговора он смотрел поверх них.

- О'кей, - сказал он. - Может, пришла пора задать себе вопрос, с кем же мы имеем дело на том конце передачи. Не приходило никому в голову, что это могут оказаться злобные типы? Иначе зачем бы им посылать нам спецификации штуки, которая взорвется нам прямо в лицо?

- Не могу согласиться, - возразил Гамбини. - Мы просто были неосторожны. Никто не станет устраивать столько хлопот, чтобы подстроить пакость. Быть может, дело отчасти в том, что мы плохо поняли спецификации. Может, мы не такие умные, как они думают. Мы даже не смогли сообразить, какое нужно напряжение. И вот тут, наверное, все и пошло наперекосяк.

- Может быть, они не пользуются электричеством?

- Тогда магнетизм, бензин. Или кто-то должен вертеть маховик. Откуда мне знать, черт побери? Что бы это ни было, следовало дать какие-то указания по использованию.

- Если это не что-то, чего вы *не измеряете.*

- Можешь привести пример?

Хаклют подумал, потом покачал головой:

- Нет, просто сказал, не врубившись. - У него еще чуть кружилась голова от вчерашнего. - Хорошую новость хочешь?

- Вполне бы пригодилась.

Они пошли в кабинет Гамбини, и руководитель проекта устало опустился в кресло.

- Ни за что не хотел бы пройти через такое еще раз.

- Могу понять, - отозвался Хаклют.

- Так что за хорошая новость?

Хаклют снял очки и положил их на стол Гамбини. Толстые стекла в стальной оправе. Физически слабый Хаклют без них казался еще меньше.

- Всю жизнь их ношу, - сказал он. - Близорукость и астигматизм. У меня в семье все постоянно мучились глазами. - Он неловко улыбнулся, огляделся и увидел «Вебстера». - Миопия у всех. - Взяв словарь, он приподнял его над очками. - Первую свою пару я надел в восемь лет.

Он выпустил словарь, и тяжелый том раздавил стекла вдребезги.

Гамбини только смотрел, заинтригованный.

- Сай, какого черта ты творишь?

Хаклют небрежно смел стекла в корзину. Потом раскрыл словарь.

- Выбери какое-нибудь слово.

- «Ксенофобия». Сайрус… Хаклют перелистнул страницы.

- Страх перед чужими. Или чужим. Хочешь производные? Гамбини смотрел вытаращенными глазами.

Хаклют протянул руки.

- Больше они мне не нужны. - Он оглядел кабинет. Заглавия на корешках книг он видел отчетливо. Как и надписи на всех грамотах. Он мог разглядеть все пуговицы на рубашке Гамбини, пересчитать кнопки на телефоне у двери. Ясно различить текстуру ткани занавесок и надпись на кофейной чашке - «Калифорнийский университет». - А знаешь, почему у нас у всех было плохое зрение?

- Генетика, - ответил Гамбини.

- Разумеется, - нетерпеливо отмахнулся Хаклют. - А почему? А потому что механизмы ремонта не были правильно настроены, вот почему. Хотя аппаратура, которой полагалось поддерживать глаза в порядке, была на месте. Только программа испортилась. Исправь программу, Эд, и зрение в каждом глазу станет по единице.

- Чертов сукин сын! - просиял Гамбини. - И ты это сумел сделать?

- Частично. И для тебя могу сделать, Эд, если

хочешь. Могу сделать тебе глаза двадцатилетнего юноши. - Он глубоко вздохнул. - Понимаешь, всю жизнь я не знал, что значит хорошо видеть. Я всегда смотрел на мир через молочное стекло.

- А теперь…

- Сегодня я из машины видел птицу на ветке над воротами. Пару недель назад мне было бы трудно рассмотреть само дерево.

- И это ты можешь сделать для каждого?

- Вероятно. Все, что для этого нужно, - немножко химии. И анализ крови. Гамбини сел.

- Мы говорим о тексте?

- Разумеется.

- Ты это взял из текста.

- Да. Я это взял из текста.

- Боже мой, Сай, кто бы мог поверить? Они же *инопланетяне,* как все это может быть применимо к *нам?*

- ДНК. Та же самая система. Природа всегда идет по самому легкому пути. И это все применимо. - Он подумал и добавил. - Ну, на самом деле я еще не уверен. Но *что-то* применимо.

- Значит, нас ждет революция в офтальмологии. Но ведь должно быть что-то и большее?

- Уж конечно. Эд, я пока недостаточно знаю, но это только начало. Мы будем играть с этими

программами, менять их.

Исправлять. *Улучшать*. И я не знаю, что мы еще сможем сделать: вылечить рак, усилить сердце… Сам придумай.

- Мы говорим о полном прекращении износа?

- Не вижу препятствий. Перед нами огромная работа. И нам нужно больше информации о геноме. Но как только мы. составим карту собственной системы, метод уже будет ждать. Мы получим средства лечения эпилепсии, лимфогранулематоза, катаракты, чего угодно. И все это - в тексте.

За всю свою жизнь Хаклют не мог вспомнить у себя такого восторга.

Гамбини снял очки. Он использовал их только для чтения. Уже много лет их надо было сменить на новые, но он боялся, что новые стекла еще сильнее ослабят глаза, а потому откладывал визит к окулисту. Здорово было бы от них избавиться. И от болей в спине в сырые дни, и от складок на животе и под подбородком. От темного страха, иногда приходящего по ночам, когда он просыпается от собственного сердцебиения. Господи, чего только не отдашь за это? За возвращенную молодость.

- Кто-нибудь уже знает?

- Еще нет.

- Сай, ведь ты же предлагаешь полный контроль над процессом старения!

- Кажется, мы говорим именно об этом. - Хаклют подумал, - Я еще не знаю, каковы будут психологические эффекты. Но в том, что касается физического здоровья, если собственная ДНК не предаст и если не попадать в авиакатастрофу, я не вижу, почему вообще кто-то должен умирать.

Гамбини взял большую скрепку и стал вертеть ее в пальцах.

- Наверное, какое-то время об этом лучше не говорить.

- Почему? - спросил Хаклют, немедленно став подозрительным.

- Потому что возникнут некоторые проблемы, если люди перестанут умирать.

- Ну конечно, надо будет установить какой-то контроль и что-то подрегулировать.

- А как ты думаешь, что скажет Белый дом?

- Я думаю, президент будет в восторге.

- Это да. Но ты видел, какие у нас были проблемы, когда мы обнародовали кое-какие философские трактаты алтейцев.

А эта чертова история с энергией вызвала обвал рынка. Что же тогда сделает *эта* новость?

- Да плевать, Эд! Мысли масштабно, а о деталях пусть волнуется кто-нибудь другой. Наша обязанность - доложить национальному совету по прогрессу науки. Или национальному научному фонду.

- Или американской организации бойскаутов, - засмеялся Гамбини. - Слишком опасно. Если люди пронюхают о чем-то подобном, один Бог знает, что будет дальше. Я тебе скажу одно: отдать это Харли - значит отдать шайке бессмертных политиков, и больше никто никогда об этой технике не услышит.

- Вот почему мы должны представить ее лично.

- Сай, кажется, мы друг друга не понимаем. Бейнс считал, что нашел в тексте нечто столь опасное, что советовал уничтожить его целиком.

- И что же он нашел?

- Способ управления черными дырами. - Гамбини дал Хаклюту время подумать. - Мы это закопали. Не доложили и не доложим никогда. Но я не уверен, что твое открытие не из той же корзины. Ты представь себе, Сай, мир, в котором люди перестали умирать. Даже ненадолго. Если они не будут умирать от естественных причин, начнут умирать от чего-то другого. Вероятнее

всего, от голода. Или пулевых ранений. Понимаешь, у нас просто нет ресурсов для той цифры населения, что возникнет через несколько лет.

- Но комитет ООН…

- С таким никто не справится. И поступить с этим нам придется так же, как с открытием Римфорда.

- Нет! - Это был почти крик боли. - Такого нельзя скрывать! И кто ты вообще такой, чтобы брать подобное решение на свои плечи?

У Гамбини выступил пот на лбу.

- Я единственный человек, которому это положено по должности. Если сведения выйдут за пределы этого кабинета, мы их уже не удержим. - Несколько секунд Гамбини смотрел на стену. - Мы об этом еще поговорим, - обещал он. - Но пока что работа останавливается. - Гамбини взял со стола гроссбух и перелистал. - Ты работал с набором данных № 101?

- Да.

- Отлично. Сдай все свои записи. Все экземпляры. Все материалы. Из этого здания ничего не должно выйти.

Хаклют был так же подавлен, как недавно восторжен.

- Эд, - сказал он, - такое нельзя скрывать…

- Я и не собираюсь, Сай. Единственное, чего я хочу, - гарантировать, что ничего не случится раньше, чем я этого пожелаю.

Хаклют ощутил полную опустошенность.

- Ты сумасшедший, - сказал он. - Ты знаешь, мне ведь достаточно сказать Розенблюму или Кармайклу, что ты делаешь, и ты тут же окажешься за решеткой.

- Может быть, - согласился Гамбини. - Но перед тем, как ты это сделаешь, остановись и подумай о последствиях. Будь разумен, о большем я не прошу.

МОНИТОР

СОТНИ ПОГИБШИХ НА УЛИЦАХ ЙОХАННЕСБУРГА

Обе стороны обвиняют друг друга в зверствах...

АЛТЕЙСКИЕ ФУТБОЛКИ МАССАЧУСЕТСКОЙ ФИРМЫ ИДУТ НАРАСХВАТ

БЕЙСБОЛЬНЫЙ СЕЗОН ОТЛОЖЕН ИЗ-ЗА ЗАБАСТОВКИ

Первая проверка Союза бейсболистов...

Организации болельщиков угрожают бойкотом…

УСПЕХИ В ВОЙНЕ С РАКОМ

Раннее обнаружение остается главным…

КОНЦЕРТ «СИГНАЛОВ» В ВАШИНГТОНЕ

Новые музыканты приветствуют алтейцев…

ДВОЕ ПОГИБШИХ В ГОДДАРДЕ

Жертвы взрыва бытового газопровода…

БЕЛЫЙ ДОМ ПРЕДСКАЗЫВАЕТ ВОССТАНОВЛЕНИЕ РЫНКА К КОНЦУ ГОДА

Президент указывает на рост жилищного строительства и цифр занятости…

«КАНЗАС-СИТИ СТАР» СООБЩАЕТ О ВОЗРАСТАНИИ РОЛИ ЛУЧЕВОГО ОРУЖИЯ

Пентагон опровергает…

НАПАДКИ АЙАДИ НА ПРОЕКТ «ГЕРКУЛЕС»

«Общение с Сатаной»…

БАГДАД (АП). В сегодняшнем заявлении, зачитанном в доме правительства, Айади Итона Аруби заклеймил проект «Геркулес» США, заявив, что это либо «сплетение лжи», либо общение с Сатаной. В любом случае, заявил он, «этому следует положить конец, и справедливый Бог наверняка вознаградит мстителей». Подавляющее большинство понимает это заявление как призыв террористическим группам, действующим в Западной Европе и Соединенных Штатах…

БЕЙНС РИМФОРД ОБЪЯВЛЯЕТ О СВОЕЙ ОТСТАВКЕ

Глава шестнадцатая

Аллергия у Гарри развивалась с каждым днем. Он зашел в медпункт, чтобы попытаться уговорить дока Мак-Гилла выписать что-нибудь посильнее, и там случилась странная вещь. Пока он ждал, Эмма Уоткинс, красивая регистраторша, украшавшая собой стерильную приемную, случайно упомянула, что она отослала копию медицинской карточки Гарри всего час назад.

- Кому? - спросил Гарри с чувством человека, вошедшего в середине разговора.

- Доктору Адаму Уоллису.

Она показала Гарри официальный запрос с подписью самого Гарри на приложенной форме. Но это был не его почерк. Не совсем его.

- А кто такой Адам Уоллис?

- Вы не знаете, мистер Кармайкл? - Она обращалась к Гарри как к человеку столь высокого ранга, которому трудно держать в памяти мелочи обыденной жизни. - Судя по конверту, он частно практикующий терапевт. - Эмма скрылась в задней комнате и вернулась со «Справочником врачей». - Странно, - сказала она, полистав страницы. - Его нет в книге.

- Это значит, что его не существует?

Эмма посмотрела на обложку. Издание было последнее.

- Нет, наверное, он просто только что открыл практику. Недавний выпускник. А что, здесь какая-то проблема, мистер Кармайкл?

Зачем кому-то нужна его медицинская карта? Гарри не знал никого с фамилией Уоллис - ни врача, ни еще кого-нибудь. Может быть, это как-то связано с Джулией?

Дом, обозначенный в адресе на конверте, располагался в Лэнгли-парке. Гарри подъехал туда вечером и нашел двухэтажный дом-коробку в новом квартале. В доме горел свет, в окнах видны были дети. На почтовом ящике была фамилия Шумейкер. Никаких признаков кабинета врача.

- Никогда не слышал, - ответил человек, открывший дверь. Он жил здесь уже восемь лет. - И не знаю, чтобы в этом квартале был хоть один доктор. Местные врачи живут в Медикал-билдинге.

Гарри остался стоять на пороге, недоумевая.

- Вероятно, завтра вам принесут пакет на его имя из Годдарда. - Он достал копию письма Уоллиса и сравнил адрес. Да, тот самый. - Я был бы вам благодарен, если вы отправите его обратно.

- Разумеется, - ответил жилец.

Через два дня медицинская карта Гарри вернулась с пометкой: «Возвращено отправителю».

Лесли по привычке ездила каждую неделю на три дня в Филадельфию. Но работа с пациентами, у которых были проблемы с детьми или жалобы на сексуальные расстройства - а таких было около девяноста процентов, - стала утомительной. За последние два года тяга к этому аспекту работы полностью пропала. Она собиралась распустить практику и полностью посвятить себя исследовательской и консультативной работе, когда в сентябре пришло приглашение из Годдарда. Теперь Лесли знала, что вскоре закроет свой кабинет и уже никогда не вернется к практике.

Но после «Геруклеса» жизнь казалась мелочной скукой. Лесли подумывала, не принять ли предложение комитета по СМИ палаты представителей провести исследование по порнографии в Интернете и выдвинуть предложения по борьбе с ней. То, что полученные данные окажутся полезны, Лесли не сомневалась, но как скучно будет их собирать! Как скучна будет вся оставшаяся жизнь!

Несколько лет у нее был пациентом Карл Визаки, бывший инфилдер команды Филадельфии, попавший в команду Всех Звезд в двадцать два

года на второй сезон. Он перенес ряд травм, соответственно, потерял класс и в двадцать шесть лет оставил бейсбол. К Лесли он пришел барменом с отвисшим брюхом, и она поняла, как это страшно - достичь слишком многого слишком рано.

Синдром Визаки. Всенародная слава и большие деньги в самом начале взрослой жизни. А дальше - только под гору.

И даже не под гору. Скорее вниз с обрыва.

И Лесли подумала, не движется ли она по той же дороге.

Когда последний пациент позвонил и отменил свой визит, Лесли решила пойти домой пешком. Погода была летняя, и поскольку Лесли ничего на вечер не планировала, машину можно было оставить на стоянке.

Она срезала напрямик через кампус университета Вилла-новы, зашла в книжный магазин купить роман почитать и с удовольствием поужинала на Сити-Лайн-авеню.

В Малхерн-парке почти каждый вечер проходил бейсбольный матч. Сегодняшний не оказался исключением, и Лесли подошла посмотреть последние иннинги. Человек двести следили, за игрой двух команд старшеклассников. Как выяснила Лесли, это было сражение за звание

чемпиона лиги, болельщики наслаждались отличной подачей и защитой с обеих сторон. Особенно Лесли поразил центральный филдер гостей - высокий худой мальчишка исключительной ловкости. Хотя Лесли сама играла в колледже в баскетбол, смотреть организованные зрелища она не особенно любила. Ей это казалось недопустимой потерей времени. Но в теплый вечер, смущенная неопределенностью собственной жизни, она была рада развеяться чем-нибудь безвредным.

Ей оказалось трудно оторвать взгляд от центрального филдера. Он вытянул несколько длинных драйвов, перехватил внебазовый хит, который должен был долететь до самой изгороди, и выбил раннера, который пытался натянуть дубль. Она смотрела, как он после каждого иннинга занимает свою позицию. Глаза у него были синие, в них светилась мысль, и улыбка отличная. Однажды, когда он поднял глаза и увидел ее, он усмехнулся ей и, как следовало ожидать, кивнул.

Красивый мальчик, дай ему Бог счастливой жизни.

Он вышел отбивать при двух аутах, пустых базах и равном счете и тут же направил первую

подачу в переулок слева от центра. Зрители повскакивали на ноги, и Лесли тоже пришлось встать, чтобы видеть.

Мальчишка рванулся вперед, как молодой леопард. Двое аутфилдеров бросились его преследовать, мяч на лету ударился в основание изгороди и непонятным образом отлетел к левому углу поля. Шортстоп бросился перехватить бросок, а раннер тем временем обогнул вторую базу и бросился к третьей. Все поняли, что у него есть шанс пройти до конца. Левый филдер наконец поймал мяч и бросил его передающему. Тренер у третьей базы лихорадочно махал раннеру, чтобы тот бежал в дом.

Он срезал угол мешка и бросился в последние девяносто футов.

- Джек, давай! - орали болельщики.

Шортстоп остановился, пропуская бросок. Мяч отпрыгнул и прилетел, как думала Лесли, одновременно с раннером; но кэтчер загородил плиту и осалил раннера по ноге, когда оба игрока растянулись на глине. Правый кулак судьи дернулся вверх - аут!

Во второй половине иннинга хозяева поля записали на свой счет пару хитов, и игра была закончена.

Центральный филдер помог своей команде собрать биты и перчатки. Но когда они направились к автобусу, он остался возле скамейки. Сначала Лесли подумала, что он неправильно понял ее интерес к нему, но он даже не поднял на нее глаз. Он стоял в тени, и она знала, что он снова и снова проигрывает в уме свой финальный рывок.

Она видела, как отчаянно хотелось ему выиграть. И завидовала, что в ее жизни нет ничего, чего она хотела бы с такой же силой.

Российский разведывательный спутник ХК4415Л серии «Чернов» висел на орбите над пустыней Мохав, откуда можно было наблюдать две американские базы ВВС и полигон запуска ракет.

Тридцатого апреля утром его инфракрасные камеры засекли серию из шести туманных белых полос в небе на востоке. Приборы спутника определили, что это ракеты «МХ», и проследили их за пределы атмосферы. Линейки электронных телескопов и сенсоров передали данные в бортовые компьютеры, которые сравнили их с известными системами. Но куда раньше, чем ракеты достигли апекса, они стали отклоняться. Все они завиляли в неожиданных направлениях, потеряли ско-

рость и начали падать обратно на землю.

Через несколько часов вторая серия из восьми баллистических ракет была засечена системами другого спутника. За несколько минут до полуночи по московскому времени полковник Михаил Зубаров вошел в одну из бесчисленных рабочих комнат на западной стороне Кремля, бросил распухший от бумаг кейс на кафедру и протянул помощнику компьютерный диск. Из кейса он вынул восемь экземпляров анализа данных со спутника, каждый в красной папке со штампом высшей секретности. Почти сразу же вошел маршал Колов. Быстро прошагав через всю комнату, он впился взглядом в Зубарова.

- Это правда? - спросил он. - Да.

- Они уничтожили все четырнадцать? - Да.

Маршал молчал. Один за другим входили другие - Емеленко и Ивановский, Архименов и остальные, - суровые мужчины, понимавшие суть угрозы и сегодня, наверное, впервые за всю свою военную карьеру пессимистично настроенные насчет будущего страны.

Зубаров подождал, пока все рассядутся вокруг накрытого зеленой скатертью стола, потом кратко доложил, что обнаружили два спутника «Чернов». Помощник демонстрировал картинки,

сменяя их каждые несколько секунд, - они показывали неожиданную потерю тяги и управления у всех ракет.

- Есть у нас дополнительная информация по этой технике?

- Нет, - ответил Зубаров. - Есть только то, что они хотели сообщить.

В коридоре послышался голос Тайманова. Через минуту министр иностранных дел вошел и занял место у края стола.

- Это может быть хорошая фальшивка, - не сдавался Колов. - Ракеты могли самоликвидироваться.

- Возможно, - согласился Зубаров. - Но спутник обнаружил микроволны, исходящие с более высокой орбиты. Мы думаем, что это какое-то сопутствующее излучение.

- И что за устройство его испускает?

- Здесь я не специалист. Руднецкий верит заявлениям американцев, что у них действительно есть лучевое оружие на пучках частиц.

- Если оно есть у них, - сказал Тайманов, - то очень скоро будет и у других. - Он угрюмо оглядел своих коллег. - Технология распространяется быстрее здравого смысла. И скоро никто не будет в безопасности.

Гарри мучился. От нового лекарства одолевала сонливость, а других эффектов заметно не было. Глаза опухли, горло болело, и чихал он непрестанно. Было так плохо, что Гарри, проснувшись утром и начав одеваться, решил на все плюнуть, позвонил и сказал, что берет день отгула.

На самом деле он проболел два дня. Когда он появился, все еше в паршивом состоянии, Гамбини ему посоветовал на несколько дней уехать. Найти климат посуше. Потом он сообщил Гарри о некотором прогрессе в переводе алтейских описаний электромагнитных явлений. И в заключение пригласил посидеть на совещании, где сменившая Маевского Кэрол Хедж делала доклад, подтверждавший тезис Уиллера о демоне Максвелла.

Хедж оказалась красивой афроамериканкой из Смитсоновского института. Гарри смотрел на нее с удовольствием и один раз заметил, что Лесли отметила его реакцию. Когда Хедж закончила, Гамбини спросил, нет ли замечаний, выразил некоторые пожелания по безопасности будущих экспериментов и объявил совещание закрытым.

- Но я бы просил, если можно, - добавил он, - чтобы Гарри, Лесли, Пит и Сайрус остались.

Когда все вышли, Гамбини закрыл дверь и кив-

нул Уиллеру.

- Кажется, у нас еще одна бомба, - сказал священник. - Мы нашли что-то вроде подробных и основательных описаний электромагнитного излучения, гармоник, теории частиц и много еще чего. В настоящий момент у меня есть ответы на все виды классических вопросов. Например, я, кажется, знаю, почему у скорости света такое значение. И как построен протон, хотя «построен», быть может, не то слово. И есть некоторые соображения о природе времени.

Почему-то эти сообщения, которым полагалось бы звучать восторженно, были произнесены мрачно.

- Ты, надеюсь, не хочешь сказать, что мы можем построить машину времени? - спросила Лесли.

Уиллер засмеялся:

- Нет, насчет Уэллса нам волноваться не стоит. К счастью, машина времени все-таки запрещена законами физики. Природа Вселенной не позволяет. Но другой вопрос: как вы отнесетесь к невероятно эффективным лучам смерти?

- Спасибо, - ответил Гарри, - но у нас уже, кажется, они есть.

Уиллер покачал головой.

- В зависимости от поставленных целей они

могут оказаться куда лучше пучков частиц. Это артикулированный свет, концентрированное излучение, которое может быть полностью настроено на уничтожение живого. Пучки частиц разносят все. Эти лучи оставят неодушевленные предметы невредимыми. И это может оказаться существенным преимуществом. Их можно настроить на проникновение через основные формы материи, то есть от них нельзя будет укрыться. И я даже не уверен, что их нельзя - как бы это сказать - индивидуализировать, запрограммировать на конкретное лицо. Здесь не моя область, но Сай думает, что если знать некоторые физические характеристики, то можно поразить намеченную цель, никого рядом не затронув.

- И нет проблем борьбы с диктаторами, - заметила Лесли.

- Да, пожалуй, - согласился Гамбини. - Я думаю, этот материал мы тоже должны похоронить.

- Это еще не все, - сказал Уиллер. - Далеко не все, к сожалению. Например, манипуляция гармониками.

- И чего этим можно добиться? - спросил Гарри. Уиллер сложил руки на груди.

- Можно портить климат, вызывать землетрясения, рушить небоскребы. Кто знает? Мне даже

не хочется выяснять. Гарри, что тут смешного?

- На самом деле ничего. Но до меня вдруг дошло, что Харли составляет новый оборонный бюджет на основе оружия, которое только что устарело.

Наступило неловкое молчание.

- Я думаю, - нарушил его Уиллер, - что любое детальное описание физической реальности не может не содержать эффект подобного рода. Я все это вставлю в отчет, который вы получите сегодня к концу дня. Похоже, что мы дошли до Рубикона, и сейчас надо решать, что делать дальше.

Гамбини откинулся в кресле.

- Есть еще одна вещь, о которой вы должны знать, - сказал он. - Сай, расскажи им про ДНК.

Хаклют изменился в лице, и Гарри не сразу понял, в чем дело. Очков нету. Наверное, перешел на контактные линзы.

- Я открыл, - начал Хаклют, -некоторые способы восстанавливать ремонтные функции тела. Мы сейчас выясняем, как перекомпоновать нашу ДНК так, чтобы устранить большинство генетических дефектов, а также те дефекты, что обычно являются следствием старения.

- Погоди-ка, - перебила Лесли. - Сай, скажи точнее, что у тебя есть?

- Сейчас - не слишком много. Эд решил забло-

кировать данные, с которыми я работал.

Гамбини чуть покраснел, но ничего не сказал.

- И над чем же ты работал? - настаивала Лесли.

- Над способом остановить рак. Предотвратить физический износ. Гарантировать, что не будет больше внезапной смерти новорожденных, что опустеют больницы. Мы получали информацию, которая может помочь исключить врожденные дефекты и умственную отсталость и вообще почти все, черт побери. Перед нами вход в новую эру - если Гамбини соблаговолит отпереть дверь.

- Боже мой! - выдохнула Лесли. - Эд, такое нельзя скрывать!

- А ты подумай, - ответил Гамбини. - Это не такая вещь, которую можно выдавать по частям. Ее можно либо дать миру целиком, либо не дать. Люди перестанут умирать. И как ты думаешь, что после этого случится?

- Я знаю, что вопрос этот нелегок, - согласился Хаклют. - Но с помощью того, что мы еще узнаем из текста, мы установим процветание на всем земном шаре. Поднимем образование. Перед нами - золотой век!

- И ты действительно в это веришь? - спросил Уиллер.

- Я думаю, что попытаться надо. Но обнародо-

вать информацию мы должны. Дать ее всем.

- То, что ты дашь всем, - устало произнес Гамбини, - это же новые беды. Когда людей станет слишком много, начнется голод.

- Проблемой будет не голод, - возразил Хаклют, - а рождаемость. И потому это вопрос политический. Предложи людям образование, процветание и крепкое здоровье - тогда не придется волноваться о миллионах новых младенцев. Их просто не будет.

- Слишком ты оптимистичен, Сай, - сказала Лесли. Гамбини посмотрел на всех, задержавшись на каждом взглядом.

- Я хотел, чтобы вы выслушали Сая, потому что такого рода вещи и создают основные проблемы. Меня наша сложившаяся ситуация не очень устраивает - иногда трудно отличить смертоносное оружие от блага. Но я прошу вас понять одно: какие бы слухи до вас ни доходили, я стараюсь действовать в интересах всех, и да поможет мне Бог. Ладно, мы можем потерять то, что нам не нравится. Мы можем передать то, что мы имеем, полностью или частично, на усмотрение вышестоящих. Можем сжать зубы и что-то обнародовать сами. Как прорыв Пита в энергетике магнитных полей. Я хочу видеть ваши точки зре-

ния, в письменном виде, к концу дня. И не орать, мне уже надоело, когда на меня орут. Нам придется работать вместе, и цена ошибки очень высока. Например, если технология Сая выйдет наружу раньше, чем мы будем готовы, у нас очень быстро начнутся серьезные проблемы с ресурсами.

- Я не считаю, что такие решения должны принимать мы, - возразила Лесли. - Страна сама выбирает руководителей…

- Вот это и напиши. - Гамбини прижал пальцы к вискам. - Убеди меня. И помни при этом, что *всенародно избранное руководство* из всего, что мы ему даем, пытается первым делом сотворить оружие. Недели прошли, а ни о каких других выгодах и речи нет.

- И все же, - сказал Уиллер, - я считаю, что Лесли права. Я думаю, мы должны все передать наверх, и пусть президент решает, что с этим делать.

Все, чему учили Гарри, подсказывало ему, что Пит прав. И в своем отчете он будет решительно отстаивать эту позицию. Он даже сочтет своим долгом информировать Эда, что доложит наверх, если сочтет, что группа слишком много берет на себя.

И все же где-то в глубине души он хотел, чтобы Гамбини - или кто-нибудь - передал в СМИ все,

что есть.

- Харли не болван, - говорил Гамбини. - Он не будет благодарен, если мы поднесем ему крупную проблему. Вроде - Сай, мне неприятно это говорить, средства от старости. Такой вопрос надо передавать ему очень тихо, если вообще передавать. И это мы тоже должны обсудить.

- Может, нам полезно будет ознакомиться с другой точкой зрения? - спросила Лесли. - «Арена» прислала нам несколько билетов на «Сигналы». Завтра вечером. Желающие есть?

- Это спектакль о нас? - спросил Гамбини.

- Да. По крайней мере о межзвездных радиоконтактах. Мюзикл.

- Кажется, это то что надо, - сказал Уиллер.

Когда Гарри на следующее утро попал к себе за стол, его ждало резюме Гамбини на доклады группы. Белый дом будет поставлен в известность об открытии Сая, а все остальное пока что будет придержано. С таким решением Гарри вполне готов был жить.

Он позвонил в Белый дом. Очевидно, у помощников был приказ назначать ему время, как только он попросит о приеме.

- Можем вставить вас завтра утром. Но всего на несколько минут.

- О'кей, - согласился Гарри.

Они с Лесли объявили о своем намерении поужинать, потом идти на спектакль. К удивлению Гарри, Гамбини согласился встретиться с ними в театре, и Уиллер, после некоторых уговоров, - тоже.

В «Арене» радиосигнал, пришедший через миллион световых лет, был представлен кордебалетом светящихся крылатых танцоров, парящих посреди сцены под окольцованной планетой и медленно вращающейся галактикой. В этом варианте алтейский сигнал был принят старым приемником «Зенит» на бензозаправке в Теннесси. Сначала, конечно, никто не верил. Отправитель говорил по-английски знойным женским голосом, отвечал на вопросы и отпускал остроумные реплики.

- У нее, - отметила Лесли, - намного более живая личность, чем у наших инопланетян.

Все кончилось благополучно, как и полагается в мюзикле.

Гарри теперь регулярно читал материалы из алтейской папки, куда Лесли присылала последние переводы. Почерк у нее улучшался, хотя Гарри по-прежнему больше половины не мог разобрать. В ночь после «Сигналов» он нашел

подробное обсуждение природы эстетики. Но обсуждались лишь объекты природного происхождения: закаты, туманные моря и крылатые звери непонятного вида.

Да, подумал он, всегда моря. Эти ребята любят свои побережья.

Никогда не было даже намека, что алтейцы видят красоту в своих собратьях - внешнюю или в произведениях ума.

И если был в этой палке образ, от которого Гарри не мог избавиться, то это были темные берега, безмолвно скользящие за бортом.

МОНИТОР

БЕРЕГОВАЯ ОХРАНА ЗАДЕРЖАЛА КАНАДСКИЙ ТРАУЛЕР ВОЗЛЕ ГАТТЕРАСА

Рыбная война с Канадой разгорается…

ФЕЛЬДМАН ВЫИГРЫВАЕТ ТРИ ПРАЙМЕРИЗ

Паркер уступает…

Хэнкок заявляет, что готова к долгой гонке…

ТЕАТРАЛЬНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

Статья Эверетта Гринли…

Сигналы бывают разные. «Сигналы», премьера которых состоялась в «Арене» на прошлой неделе, отличаются хорошей музыкой, энергичной хореографией, хорошо подобранным составом и со- 1 лидной режиссурой. К сожалению, этого всего мало, чтобы спасти либретто, которое с самого начала увязло в болоте дешевого смеха, жертвуя сутью. Мы ожидали большего от Адели Роберте, которая в прошлом сезоне…

СЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ СПОРТСМЕН ПАЛ ЖЕРТВОЙ РАКА

Меза (Трибьюн ньюз сервис). Брэд Конрой, звезда велотрека, еще полгода назад бывший кандидатом в олимпийскую сборную, умер сегодня утром от редкой злокачественной формы лейкемии…

800 ПОГИБШИХ В ПАКИСТАНСКОМ ЛАЙНЕРЕ, СБИТОМ РАКЕТОЙ

Террористы требуют массового освобождения заключенных…

WS amp;G МОЖЕТ ОБАНКРОТИТЬСЯ

Гигантская компания, акции кото-

рой в мартовском обвале потеряли 70 процентов стоимости, все еще испытывает серьезные трудности. Намеченную новую эмиссию, которая должна была помочь выполнить долговременные обязательства, срок которых истекает в этом месяце, придется отменить. Компания пытается уговорить встревоженных кредиторов продлить сроки…

Глава семнадцатая

Вернувшись после утреннего совещания по мотивации, Гарри был удивлен, застав у себя в офисе Сая Хаклюта.

- Мне нужна помощь, - сказал он, когда Гарри повесил пиджак и устало опустился в кресло. - Что ты хочешь сказать Харли?

- О твоей работе?

- Да, конечно.

- Я могу показать тебе доклад, который подготовил Эд.

- Я его видел. Слишком сухо. И в нем чувствуется точка зрения Эда. Президент не может не согласиться, что работа должна быть положена на полку.

Гарри кивнул.

- И что ты хочешь, чтобы я сделал, Сай?

- Поговори с ним. Объясни ему, насколько это важно. Ты мог бы указать, что рано или поздно люди все равно узнают. Когда выяснится, что у него в руках было, скажем, средство от менингита и он ничего не сделал, он не слишком хорошо будет выглядеть.

- Я постараюсь представить дело честно, Сай.

Хаклют посмотрел на него долгую минуту.

- О'кей. Если ты это сделаешь, то этого будет достаточно. У Гарри першило в горле. Он высморкался, сунул в рот эвкалиптовый ингалятор.

- Что бы ты обо мне думал, Кармайкл, если бы я мог вылечить твою аллергию и не стал этого делать?

Гарри снова высморкался и жалко улыбнулся.

- А это всего лишь насморк, Гарри. А подумай, что было бы, если бы у тебя был рак!

- Я уже сказал, Сай, я сделаю так, чтобы он понял. Он не дурак, он знает жизнь.

У Гарри в животе что-то тупо болело. Может, начинается язва? Господи, ну почему всегда все валится на него? Все эти люди вокруг - Гамбини, Хаклют, Уиллер, Лесли, Римфорд, - эти всегда знают, что надо делать. И признаков колебаний он ни в ком из них не видел - если не считать нежелания Римфорда уничтожить текст.

- Я бы хотел провести демонстрацию, если можно.

Хаклют вытащил из кармана кожаный футляр и открыл его.

Гарри посмотрел подозрительно на Хаклюта, потом на футляр. Внутри на красном войлоке лежали ампула, бутылочка спирта и шприц.

- Что это? - спросил Гарри.

- Молодые глаза. И не знаю, что еще. Гарри сделал глубокий вдох.

- Зрение у меня нормальное.

Хаклют взял ампулу и прищурился, вглядываясь в прозрачную жидкость.

- Может снова стать по единице, если захочешь. Гарри снял очки, и контуры Хаклюта слегка расплылись.

- Ты больше не носишь очки, - догадался он.

- Именно, Гарри. Они мне не нужны.

- У меня все в порядке, - произнес Гарри после некоторого молчания. Он настолько же не хотел компрометировать себя, насколько не хотел быть опытным образцом. - Найди кого-то, кому это нужно.

- Никому другому оно не поможет, Гарри. Это сделано для тебя.

- Как это? - Гарри прищурился, вгляделся в микробиолога. - Так ты и есть Адам Уоллис? Несуществующий врач, который запрашивал мою медицинскую карту?

- Мне нужен был последний анализ мочи, образец ДНК и кое-что еще.

- И как ты добыл ДНК?

- С помощью «клинекса». - Он пожал плечами.

- Приношу свои извинения, но я не был уверен в твоей реакции. - Он достал ватный тампон и пропитал спиртом. - Закатай рукав, Гарри. Больно не будет.

С другой стороны, сказал себе Гарри, Саю это помогло. Он без очков.

- Риск есть? - спросил он.

- Гарри, я врач. Расслабься. - Набрав в шприц жидкость, он отмерил ее на глаз, пустил из шприца струйку. - У тебя есть сын?

- Да. - Гарри насторожился.

- Его зовут Томас.

- Верно.

Гарри неохотно закатал левый рукав и ощутил укол иглы.

- Примерно через неделю нужно будет закрепление. Я не имею лицензию на такую работу и не могу никого организовать на нее. Так что я приду к тебе в офис в четверг во второй половине дня.

- И это все?

- Все.

- А почему ты вспомнил Томми?

Зная ответ, Гарри стал покрываться испариной.

- Я так понимаю, что у мальчика диабет. - Да.

- Гарри, на этом этапе я ничего не могу обещать.

Кое-что я знаю, но еще мало. Если получим возможность продолжать исследования, я смог бы что-то найти. - Микробиолог поднялся с места, как божество отмщения. - Скажи президенту, что у нас есть. Ради всего святого, скажи ему.

Роджер Уитлок напустил на свои ангельские черты благосклонную улыбку.

Хобсон жестом попросил секретаршу задернуть шторы от беспощадного солнца Уичиты.

- Ладно, Роджер, - произнес он. - Объясни нам, почему Рэндолл - верняк и почему мы должны его поддерживать.

- Простая арифметика, Рон. Он выиграет, будем мы с ним или нет.

- Брось, Родж, - возразил Тери Кейфер. - Никуда он без нашей помощи не вылезет.

Кейфер был партнером одной из самых престижных юридических фирм города, «Бэбкок и Андерсон».

- Леди и джентльмены, Рэндолл, как вы знаете, очень тесно связан с администрацией президента.

- Администрация сама шатается, - сказал Хорейс Крим, владелец филиала Си-би-эс. - И в ноябре рухнет.

- Друзья, - произнес успокоительно Уиткок, - я

вас прошу подумать о *пучках частиц.*

- Чего? - переспросил Хобсон. - Что такое? Ты действительно думаешь, что новое оружие скажется на результатах голосования? Войны нет. Все теперь - наши друзья.

Уиткок безмятежно кивнул:

- А вы подумайте о применениях.

Все замолчали, не очень понимая, о чем он говорит.

- Представьте себе излучатели на самолетах и кораблях. И сообразите, что бомбы и ракеты теперь полностью устарели.

Крим наклонился вперед, поморщился, достал блокнот и что-то в нем черкнул.

- И спросите себя, кто сможет теперь бросить вызов этой стране. А потом спросите себя, как пойдет избирательная кампания, когда это дело развернется вовсю.

Тайманов от выпивки отказался.

- Господин президент, - сказал он, - я встречаюсь с вами и вашими предшественниками почти тридцать лет. Я должен признаться в личной симпатии к вам. Вы честный человек, насколько человеку нашей профессии дозволено быть честным. И мне было бы приятно верить, что нас связывают узы дружбы.

Харли был наедине с министром. Он назначил встречу на время, когда госсекретарь был занят, и мог поговорить с Таймановым наедине, не оскорбляя Мэтта Яновича.

- Я должен также сознаться, - продолжал русский, - что хотя многие из таких встреч проходили при напряженной обстановке, сегодня я впервые говорю с хозяином этого кабинета… - здесь Тайманов устремил на президента острый, пронизывающий взгляд, - при обстоятельствах столь серьезных.

Русский министр иностранных дел происходил из аристократической семьи, связанной с Романовыми. Революцию она пережила, более или менее не пострадав, сохранила свое влияние и традицию, а сыновей своих по-прежнему посылала учиться за границу. Тайманов родился осенью 1939 года, примерно тогда, когда вермахт начал осеннюю прогулку по ландшафтам Европы.

- О каких обстоятельствах вы говорите? - спросил Харли, разрешая себе проявить озабоченность, но примешав к ней намек, что смысл замечания от него ускользнул.

- Господин президент, учли ли вы дестабилизирующий эффект своего проекта «Орион»? В случае если он будет успешен.

- Вы знаете, что он успешен.

- Да, знаем.

- Вы также знаете, что он не будет использоваться для угроз России.

- Вами - нет, в этом я уверен. Но можете ли вы ручаться за своего преемника? Можете ли вы меня уверить, что не случится очередного всплеска антироссийской паранойи, и причем тогда, когда вы не будете занимать столь высокий пост, чтобы воспрепятствовать ей? То, что я скажу вам здесь, я никогда не повторю за пределами этого кабинета. Но правда в том, что сейчас у вас есть оружие первого удара, против которого не существует защиты. Никакой. Нападение если произойдет, то со скоростью света.

Простите мое предположение, сэр, но президент Соединенных Штатов уже не просто лидер одной страны или даже союза стран. Вы отвечаете теперь перед мировым сообществом. И я хочу обратить ваше внимание на то, что снабжать одну страну, *любую* страну, неотразимым оружием значит навлекать страшные опасности на всех.

Я уже сказал, что я вам верю. Российское правительство вам верит. Но ваше пребывание на этом посту непрочно, как вздох. В любом случае через несколько лет вас в этом кабинете не будет. И

вы, как и я, знаете, сколь длинная череда людей несовершенных сидела за этим столом.

Харли кивнул:

- В разной степени несовершенных. Тайманов тоже кивнул:

- Вы и без меня знаете, что есть много людей в России, как и в других странах мира, людей, для которых такое положение нетерпимо. Спросите своих британских партнеров, что чувствуют они. Спросите израильтян или канадцев. И есть же еще и *другое* соображение.

- Защита секретности.

- Да, именно. Сколько пройдет времени, пока эту технологию получит *кто-нибудь* другой?

- Мы собираемся охранять ее очень внимательно, - сказал Харли.

- И вы сможете *гарантировать*, что никто ее не украдет? Простите мою откровенность, Джон, но ваш послужной список хранения секретов не внушает оптимизма.

- Кому лучше знать, как не вам, Алекс? Тайманов улыбнулся.

Харли много думал над этими вопросами. Будет очень короткая возможность, окно возможности, когда США станет владеть этим оружием эксклюзивно. Но как же это окно использовать?

Президент все чаще видел себя человеком, которого запомнят миротворцем этой эпохи, тем, кто подготовил вход в солнечные луга третьего тысячелетия. В век Харли.

А далее будет процветание, эра добрых чувств, поначалу навязанная миру полным военным господством благоволящих Соединенных Штатов и их партнеров. И в конце концов на земном шаре воцарится порядок, подобного которому мир не видел. И это можно сделать, до этого уже рукой подать.

- Вы не сможете этого добиться, - сказал Тайманов, будто прочитав мысли президента. - Слишком многое может пойти не по плану. Мне горько это говорить, и намерения у вас благие, но вы пытаетесь сесть верхом на тигра.

За окном шел дождь. Харли вдруг заметил холодный серый день и бьющий в стекло дождевой ветер.

- Что вы хотите, чтобы я сделал, Алекс?

- В очередной раз ваша технология грозит нас подавить. И я не знаю, что здесь можно посоветовать. Оружие, идущее на цель незаметно, просто слишком опасно. Для всех. И очень жаль, что нет способа загнать джинна обратно в бутылку. Но если у меня и нет решения, есть вариант, который

я могу предложить, чтобы ослабить напряжение. Он не особенно удовлетворителен, но это будет улучшение сложившейся ситуации.

- Да?

- Подумайте, не поделиться ли этой техникой с нами. Харли улыбнулся.

- Вы же знаете, Алекс, что этого я не могу. Даже если бы захотел, все равно не мог бы. Надо подписать соглашения. Их должен утвердить Конгресс. Попробуй я только - мне устроят единогласный импичмент.

- Да, конечно. Что ж, мне казалось, что попытку сделать стоит. И природа тигра такова, что с него нельзя спрыгнуть.

В Овальном кабинете стало зябко.

Гарри ждал в приемной, когда Тайманов вышел. Обремененный собственными проблемами Гарри не обратил особого внимания на посетителя, который быстро прошел мимо и скрылся в коридоре.

Гарри не знал, как лучше себя вести в Овальном кабинете. И он действительно еще не составил собственного мнения по вопросу о ДНК и все еще пытался разложить все по полочкам, когда секретарь пригласил его войти.

Харли вышел из-за стола, обратился к нему по

имени, пожал руку и сел рядом за рабочий столик у окна. Они были вдвоем, никаких агентов секретной службы, никаких советников по науке.

- Как дела в Годдарде? - спросил Харли.

- Отлично, мистер президент.

Помощник принес кофе, разлил его в две чашки и удалился.

- Что у вас для меня есть, Гарри? - спросил президент.

- Еще один прорыв, мистер президент. Вы знаете, кто такой Сайрус Хаклют?

- Фамилия знакомая.

- Микробиолог, генетик. Он говорит, что сейчас ему становится известно, как управлять генами.

- И что это значит?

- Он раньше носил очки. Сильные. Сейчас у него зрение - единица.

- Вы хотите сказать, что у нас объявился дурак, который ставит эксперименты на себе?

- Сайрус отнюдь не дурак, мистер президент.

- Не важно. Уже был несчастный случай, и больше мне не надо. - Президент вздохнул. - Так какой же вывод следует сделать? Что у нас есть средство от астигматизма?

- Похоже, он считает, что может дергать ДНК так, чтобы она лучше работала. Не только в смыс-

ле зрения.

- В самом деле? Отлично. И это применимо ко всему населению?

- Он говорит, что да.

- Что ж, это прекрасно. Можем дать каждому приличное зрение. - Президент снял очки, посмотрел на них. - Дайте мне какое-то подтверждение, Гарри. Мне нужна абсолютная уверенность. И как только она у меня будет, мы это огласим для публики… - Он остановился и наморщил лоб: - Вы сказали, *не только* зрение? А что еще?

- Он считает, что почти все. Сердечные болезни. Он упоминал менингит.

- Рак? - спросил президент.

- Да, и рак. Так он говорит. Может быть, не излечивать, это я не совсем понял. Но остановить. То есть сделать так, чтобы никто больше им не заболевал.

- Чудесно! Гарри, это просто невероятно! Что еще?

- Я полагаю, практически все. Президент сиял.

- И врожденные дефекты?

- Да.

- О'кей. - Президент внимательно посмотрел на Гарри. - Вы чего-то не договариваете.

- Сайрус считает, что люди перестанут раз-

рушаться с возрастом, мистер президент. Он говорит, что может научиться лечить старость.

У Харли челюсть отвисла, и он повторил будто про себя:

- *Лечить старость*. Что это значит?

- Насколько он мне объяснил, вам делают пару уколов, и вы прекращаете стареть.

- Бог ты мой! Надолго? То есть сколько времени длится эффект?

- Никто не знает. Сайрус говорит, что не видит причин, чтобы это не было бессрочно.

- То есть люди перестанут умирать? - Харли стал медленно подниматься с кресла. На лице его поочередно промелькнули радость, ошеломление, беспокойство, восторг.

- Очевидно. Конечно, пока это все еще теория. Уверенности быть не может, пока не будут проведены кое-какие эксперименты.

- Понимаю.

- Я должен вам сообщить, что никаких серьезных экспериментов не проводилось из-за ограничений секретности, и никого со стороны не привлекали. Но Сайрус пользуется заслуженной репутацией, и он говорит, что не видит причин, почему бы это не получилось.

Наверху прокатился гром, порыв ветра ударил

в окна, хлестнув дождем.

- Так, - сказал президент. - Еще что-нибудь, Гарри?

- Нет, сэр.

- Впрочем, этого уже достаточно, правда? - спросил, улыбаясь, президент.

- Я думаю, что да, мистер президент.

- А что до того, чтобы... - Президент не договорил и подошел к столу, включил спикер. - Джейн, дайте мне Тилмана.

Фамилия была Гарри не знакома. Президент снял трубку телефона.

- Джим, надо усилить охрану «Геркулеса». Вы передаете все работы агентству национальной безопасности. Немедленно. - Он послушал ответ, кивнул и посмотрел в окно, где бушевала непогода. - Так будет правильней. Нельзя терять ни минуты.

Он вернулся к окну и пожал Гарри руку.

- Превосходно, Гарри. Вы с вашими людьми совершили выдающуюся работу. Я этого не забуду.

А Гарри думал: «Бог мой, он нас закрывает. Завтра же. Все кончено». Он хотел сказать Харли, что нельзя отбирать программу у Годдарда. Нельзя отдавать хакерам с приказом все угробить. Но было слишком страшно.

- Спасибо, сэр, - сказал он.

- Кстати, я думаю, что вам можно было бы поручить более ответственную работу. Можете начать приглядываться. Когда это все кончится, может быть, для вас найдется должность заместителя кого-нибудь из главных министров.

Позвонила Джулия.

- Хорошая новость!

- Какая? - спросил он. - Мне бы она не помешала.

- Что-то вроде прорыва. Килгор сказал привезти ему Томми завтра.

- Чудесно. - Килгор - человек осторожный. Если он говорит о прорыве, значит, что-то должно быть серьезное. - Подробностей ты не знаешь?

- Он сказал, что должен выполнить некоторые анализы. Но настроен оптимистично.

- В каком смысле - оптимистично?

- Я тебе скажу, когда буду знать.

> Унллис Уорлд Онлайн
>
> Сегодня на встрече в Уичите мне не без оснований показалось, что Роджер Уиткок, босс республиканской партии в штате, дал понять, будто администрация собирается запустить «Орион» - новое

оружие на пучках частиц - в массовое производство. Это оружие - что-то вроде лучей смерти. Так что, друзья, о бомбах можно забыть...

МОНИТОР

(Эндрю Фельдман, кандидат на выдвижение от демократической партии, выступил по Си-эн-эн в передаче «Защитники»)

Си-эн-эн: Поздравляю, сенатор. Вы обеспечили себе голоса большинства кандидатов. Ваше выдвижение - верняк?

Фельдман: Гарольд, не притворяйтесь наивным. В политике не бывает верняков. Но я думаю, мы сделали все, на что могли надеяться.

Си-эн-эн: Сенатор, учитывая экономический застой и отсутствие насущных внешнеполитических проблем, согласны ли вы, что главными вопросами предстоящей кампании будут финансовая политика и налоги?

Фельдман: Именно этого хотел бы избежать Джек Харли, но вряд ли у него получится. Слишком много в этой стране

людей, до сих пор обездоленных, Гарольд. Мы слишком многое и для слишком многих делали за пределами страны, пора вернуться домой. Позаботиться о себе, наконец.

Си-эн-эн: По вашему мнению, сенатор, где сейчас слабое место у президента?

Фельдман: Мне неприятно говорить такие вещи, Гарольд, но страна* сейчас не слишком верит в президента. Не так давно произошел крупный обвал финансового рынка, от которого мы еще не оправились. Экономического роста нет, и многие люди по этому поводу беспокоятся. И беспокоятся, должен я добавить, потому, что не верят в способность Джека Харли принимать правильные решения.

Си-эн-эн: Опросы показывают, что в состязании ведете вы, сенатор. Вы, наверное, с оптимизмом смотрите в будущее?

Фельдман: Я с оптимизмом смотрю в будущее страны, Гарольд. Мне кажется, у нас есть шанс снова двинуться вперед. И я вижу впереди светлые перспективы под нашим руководством.

Глава восемнадцатая

Гарри привез Лесли к себе домой на Болинброк-роуд и раздел ее при свете уличных ламп в спальне Джулии. Своего рода месть, подумалось ему.

Один за другим бросал он предметы ее одежды на пушистый ковер, который они с Джулией привезли, получив этот дом в свое владение к седьмой годовщине свадьбы. Когда Гарри ее раздел, Лесли чуть отвернулась, то ли по капризу, то ли из застенчивости, и пупок и груди ее вошли в тень. Но глаза продолжали смотреть на Гарри, и светлые волосы лучились в исходящем от штор свете.

- Ты прекрасна, - сказал он.

Она раскрыла ему объятия, и он ощутил сквозь рубашку прижавшееся тело. Губы у Лесли были влажные и теплые, рука Гарри ушла в ее волосы. Они медленно покачивались, обнявшись, а снаружи кусты бузины скребли стену дома, и громко тикал на бюро будильник. Кожа Лесли у основания шеи казалась плотной на ощупь.

Он приподнял ее на руки, она зарылась в него, и слышно было, как бьется у нее сердце. На дву-

спальной кровати Лесли потянула его за рубашку, засмеялась, когда заело пуговицу, и оторвала ее рывком.

- Я потом пришью, - шепнула она, снимая рубашку с плеч Гарри и небрежно бросая в темноту. А потом сунула ладонь под пряжку ремня.

Гарри наклонился над ней, прижался губами к губам и взял ее, когда пришло время.

Они говорили, спали, соединялись и снова говорили.

Говорили в основном о себе и как они рады друг другу, И говорили об алтейцах, о которых надеялись узнать чуть побольше.

- Я все думаю, - лениво сказала Лесли, когда они лежали, сплетенные, - почему они ничего не говорят о своем прошлом. Ничего по истории я не нашла. И по психологии. И вообще ничего по социальным наукам. Все прочли, а иллюзия одинокого инопланетянина в башне стала только сильнее. И этого я никак не понимаю.

Гарри приподнялся на локте.

- А какими станем мы через миллион лет? - Не ожидая ответа, он стал развивать свою мысль: - В ордене у Пита есть священник, который играет в бридж так, что подобного я в жизни не видел. Такое ощущение, что играешь с ним открыты-

ми картами. Понимаешь, он делает такое, что вообще немыслимо, если не видеть, что у кого на руках. И возможно, в каком-то смысле он действительно видит?

- Я бы скорее предположила, - возразила Лесли, - что у него очень хорошие игровые инстинкты. Профессионалы делают нечто вроде того, что ты описываешь. Почитай когда-нибудь отчеты по бриджу в газетах. - Она провела пальцем по его плечу. - Я вот не уверена, что хотела бы,быть настоящим телепатом.

- А это возможно?

- Чтение мыслей? Не думаю.

- Но ты не уверена.

- А уверенности быть не может. Никто никогда еще не показал носителя, который бы это мог сделать. Мы точно еще не знаем, что такое мысль, и понятия не имеем, что может перенести ее из одного мозга в другой.

- Значит, это может случиться?

- Я не знаю.

- Если бы это было возможно, скажем, после миллиона лет эволюции?

Она закрыла глаза и легла на спину, голова ушла в подушку.

- Если экстрасенсорное восприятие возможно и

мы бы его развили, я думаю, что мы через какое-то время потеряли, бы свою индивидуальность.

- И язык тоже? - спросил Гарри. - Зачем нужен язык расе телепатов?

Они переглянулись и одновременно вспомнили вывод Лесли по поводу языка передачи. *Мы бы могли сделать лучше.*

- Сходится, - сказала Лесли. - Для такого общества история, по крайней мере в нашем смысле, перестала бы существовать. Исчезла бы политика, не было бы конфликтов. И вот тебе еще одна мысль: в групповом бытии, если таковое возможно, не было бы истинной смерти. Будут умирать отдельные единицы, члены, клетки, но не центральный разум.

- Только тела умирали бы, - задумчиво сказал Гарри. - А воспоминания жили бы вечно.

- Более или менее.

Она пошевелилась, прижимаясь к нему, и он ласково погладил ее по щеке, по волосам. Алтейцы на время растворились в ночи.

- Я собираюсь созвать пресс-конференцию, - сказал Хаклют Гарри в присутствии Лесли и Пита Уиллера.

- Сай, посмотри на свой контракт. Ты что-то скажешь, и тебя могут запрятать за решетку лет

на двадцать.

- Мне все равно. Люди должны знать, что здесь происходит.

- И что ты сможешь доказать? - спросил Гарри. Хаклют повернулся к нему, и глаза его засияли.

- Я вижу, ты сегодня без очков, Гарри.

- Да, кажется, помогло.

- Еще бы не помогло! Если тебе интересно и если ты сможешь заставить этих олухов открыть нам доступ, я и с твоей аллергией смогу что-нибудь сделать.

Пришлось быстро ввести Уиллера в курс дела. Священник не сразу поверил, но Гарри показал свои вновь обретенные способности, прочитав страницу «Уолл-стрит джорнел» с расстояния в несколько футов.

- Потрясающе, - сказал Уиллер.

- Аллергию мою лечить, боюсь, уже поздно, - сказал Гарри.

- Черт с ней! - ярился Хаклют. - Я считаю, мы должны проверить этот блеф. Все обнародовать. Открыть. Это изменит все условия.

- Этого делать нельзя, - ледяным голосом сказал Уиллер. - И вообще нельзя все это публиковать безоговорочно. Что ты скажешь насчет новых систем оружия?

- У нас и так есть оружие Судного дня, Пит, - возразил Хаклют. - Ты не подумал об атомной бомбе, которая помещается в чемодан? В тексте нет ничего более опасного, чем мы уже имеем.

- В этом есть смысл, - поддержала Лесли. - Человеческая раса за последние полстолетия проявила замечательную способность сама себя ограничивать. Может быть, передача - это как раз то, что нужно было, чтобы заставить нас наконец взглянуть в глаза назревшим вопросам и сделать то, что должно быть сделано.

- А если это не так? - спросил Гарри.

- Тогда, - ответил Хаклют, - все равно хуже не будет. Послушайте, Бейнс так завелся, потому что нашел где-то в тексте Большую Единую Теорию. Но он и без того над ней работал. И даже предсказывал, что к середине этого века она у нас будет. То же самое, вероятно, относится ко всем техническим материалам. А к генетическим данным - так точно относится. И все, что мы делаем, - это на несколько лет сдвигаем сроки. Так давайте, черт нас побери, это и сделаем! Скажем людям, что мы скрываем. Сейчас год выборов, и ему придется это учесть.

- Я думаю, - сказал Уиллер, - что нам надо абстрагироваться от личной вовлеченности в проект и

перестать на пару минут быть исследователями. Мы все склонны считать, что знание само по себе есть добро. Что истина каким-то образом нас освобождает. Но ведь это может быть иллюзией? Мне кажется, что перед нами только один вопрос, и это - благоденствие нашего биологического вида. О чем мы, собственно, говорим? Я вам скажу, что думаю об этом я: на одной чаше весов лежит наше любопытство по поводу строения двойной спирали, на другой - выживание человечества.

- Это безосновательно, - возразил Хаклют, явно задетый таким противопоставлением. - Мое любопытство не имеет к этому отношения. Есть возможность помочь многим ущербным. Ты хочешь это скрыть? Давай. Но когда в очередной раз увидишь ребенка с церебральным параличом, может быть, ты вспомнишь, что имел шанс ему помочь - и выбросил этот шанс на помойку.

Уиллер побледнел, но ничего не сказал.

- Я голосую вместе с Бейнсом, - вмешался в разговор Гарри. - Если Харли захочет спрятать это в сундук, я скажу - пусть его.

- Нет! - Лесли была почти в слезах. - Этого нельзя допустить! Видит Бог, у меня нет ответа, но одно я понимаю: все сложить в мешок и закопать под камнем - это не способ.

- Я не понимаю, - сказал Уиллер, - почему это решение должны принимать мы. Мне кажется, Харли полностью осознает все риски, и я думаю, он выберет разумный образ действий.

Снова и снова разговор шел по тому же кругу. Гарри, чиновник, знал, что Уиллер прав, что текст слишком опасен, чтобы его обнародовать. И пока разговор становился все более резким, он думал об алтейцах под беззвездным небом, о виде, не имеющем ни истории (может быть, время стоит на месте под солнцем Гамма?), ни искусства, об обладателях машин, у которых нет источника питания. И мертвые у них почему-то мертвы не на самом деле. Они сообщают принципы, на которых можно построить ужасное оружие. И они наслаждаются философией Платона.

Человек в башне, говорила Лесли. Есть сходство с отцом Сандерлендом, семенящим по аббатству, выходящему на залив Чесапик, и сверхъестественно играющим в бридж. #

А что она говорила о языковой системе, использованной в передаче? Не естественный язык. Неуклюжий. Мы бы сделали лучше. Как это, может быть?

Наконец разговор перешел, как обычно и бывало, в нерешительность и злость. Когда все

выходили, Гарри все еще думал об отце Сандерленде, и Сайрус Хаклют вытащил его наружу.

- Не знаю, как ты, Гарри, - сказал он, - но я лично не думаю, чтобы отныне мог спать спокойно.

Примерно через час Гарри позвонила знакомая из Общей службы.

- АНБ заказало целый флот фургонов по вашему адресу, Гарри, - сказала она. - Ты об этом знаешь?

- В общих чертах, - ответил он. - На когда?

- На послезавтра на девять утра. А в чем дело?

- Переезжаем, - ответил он.

Повесив трубку, Гарри остался безучастно сидеть в офисе, глядя на стопку финансовых отчетов, когда позвонила Эдна.

- Доктор Гамбини на линии. Гарри нажал кнопку.

- Эд, привет.

- Привет, Гарри! - Голос руководителя проекта был встревожен. - Они приехали!

- Кто? Люди Мэлони?

- Да. Вышибли нас вон. Опечатали все помещения. Никого не впускают.

- А откуда ты звонишь, Эд?

- С улицы, по сотовому.

- А где все люди?

- Да черт побери, я их домой отпустил!

МОНИТОР

ДРОЖЖЕВАЯ ВАКЦИНА ДАЕТ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОТИВ ЛЕЙКЕМИИ

Раннее обнаружение остается жизненно важным фактором…

НАБЛЮДЕНИЕ: ГЛАВЫ ОРГАНИЗАЦИЙ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДИРЕКТОРА ЧАСТО ЭМОЦИОНАЛЬНО УЩЕРБНЫ

У лидеров проявляется вкус и способности к власти…

ВЫ НЕ ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ МАНЬЯК?

Новое исследование обнаруживает ранние признаки…

Ищите человека, который ест в одиночку…

ТОЛПА В ДЕТРОЙТЕ РАЗБИВАЕТ ИНОСТРАННЫЕ МАШИНЫ

Один погибший, 14 раненых в беспорядках…

Жертвы утверждают, что полиция смотрела и не вмешивалась…

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ БЕСПОРЯДКОВ В ДАМАСКЕ

Саудовцы призывают к миру… Алам скрывается…

РОССИЯ ОТЗЫВАЕТ ЛЕТЧИКОВ ИЗ ПРОГРАММ СОВМЕСТНЫХ УЧЕНИЙ

Росковский денонсирует «Орион»… Требует от США открыть полученные из Геркулеса данные…

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В МОНТАНЕ: ШЕСТЕРО ПОГИБШИХ

Колебания продолжаются; ожидаются новые толчки…

РАСТЕТ ПОДДЕРЖКА ДВИЖЕНИЯ ЗА ЦЕНЗУРУ ФИЛЬМОВ

Уровень насилия нетерпим, говорит Мак-Дональд… Давление за отмену Второй поправки набирает силу в Сенате…

ИСЛАНДИЯ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ СПОРЯТ О ПРАВАХ РЫБОЛОВСТВА

Обе стороны угрожают возобновлением Картофельной войны…

ЮЖНАЯ АФРИКА ИСПЫТЫВАЕТ ПЕРВУЮ БОМБУ

Девятая страна вступает в ядерный клуб…

Глава девятнадцатая

На самом деле для проекта «Геркулес» сделать было ничего нельзя. Гарри позвонил по нескольким телефонам и только получил подтверждение того, что уже знал. Официальная версия гласила, что весь персонал Гринбелта отстраняется от работы на время проверки по линии секретности. «Включая вас», - сказал один из голосов.

Это было неудивительно. Гарри постарался выбросить это из головы, насколько возможно, и заняться другими делами. После ленча он провел второе заседание трехдневного семинара по менеджменту на тему о способах поощрения творчества подчиненных. Слушатели были из самых разных правительственных ведомств, и после общения с Хаклютом, Уиллером и прочими Гарри с ними просто отдыхал. Но пока они серьезно обсуждали технику «отпущенных вожжей» и умение не подчеркивать негативные моменты, Гарри сообразил, что стратегия работы проекта «Геркулес» с самого начала находилась в руках исследователей. И в этом, наверное, и была основная проблема. Он должен был продумать заранее все ближайшие и отдаленные эффекты

открытий, отношения с общественностью и правительством, возможность недопонимания на всех уровнях. А он ничего не сделал и пассивно глазел, позволив задавить себя группе гениев, которых собрал Гамбини. Сейчас же уже слишком поздно. Звездный час чиновника пришел и ушел неиспользованный. Проект «Геркулес» потерял контроль над собственной программой, и, вероятнее всего, то, что от него осталось, исчезнет навеки в бездонных подвалах. В архивах Общей службы скорее всего.

И все же Гарри не мог себя убедить, что это была совершенно неудачная мысль.

Когда он приехал, чтобы отвезти Томми в Смитсоновский институт, Джулия отвела его в сторонку, и лицо у нее было серое. Испуганное.

- Получены результаты анализов, - сказала она. - Отрицательные.

- Отрицательные? В каком смысле?

- У Томми что-то не того типа. Для него они ничего сделать не могут. По крайней мере сейчас. - Она опустилась в кресло. - Килгор говорит, что позже, быть может.

В этот день Гарри с сыном бродили среди динозавров и звездолетов в светлых галереях, но, как теперь всегда бывало, между ними лежала

тень. Поведение Томми в присутствии отца было почти траурным. Ощущение потери было видно невооруженным глазом.

В археологическом отделе царила все та же атмосфера, как в старые времена, когда они бродили среди больших камней с потеками из раскопок храмов, когда-то сверкавших башнями на мексиканском солнце.

В зале технологии рядом с моделью проектируемого нью-гэмпширского ускорителя Томми спросил, как всегда бывало, когда они куда-нибудь вместе ходили, не изменилось ли что-нибудь и не вернется ли он теперь домой. Гарри покачал головой. В последние недели он стал забывать Джулию, а жизнь, которую они прожили вместе, казалась теперь давней, как мексиканский храм, ее отдельные фрагменты - археологическими находками, высохшими камнями, выложенными в ряд.

И только Томми сохранял жизнь.

Гарри смотрел, как мальчик следит за мезонами в электрическом поле, быстрыми желтыми полосками на зеленом экране, высвобожденными в процессах, описанных на пояснительной табличке. Мальчик заинтересовался ядерной физикой после разговора с Эдом Гамбини, когда

физик описал ему частицы такие маленькие, что у них вообще нет массы.

«Ничего себе маленькие!» - сказал тогда Томми, пытаясь себе представить это зрительно.

А Гарри стоял тогда рядом, зажав пальцами пакет с сахарными кубиками, которые всегда носил с собой как страховку от гипогликемии. Гарри присутствовал, когда его сына учили вводить себе инсулин. Врачи объяснили Томми, и его родителям тоже, как следует менять место инъекции, чтобы избежать повреждений кожи. Они составили схему, и по ней уколы делались в руки, ноги и живот. Мальчик принял ситуацию куда легче, чем его родители. Наверное, потому, что Гарри и Джулия понимали отдаленные последствия диабета.

Сейчас Гарри смотрел, как Томми вглядывается в устройства, уже виденные раньше. Если не считать бейсбольного стадиона, Смитсоновский институт был любимым местом мальчика в округе Колумбия. И еще Гарри думал, что у Сайруса Хаклюта могло быть лекарство.

Он отступил на несколько шагов и стал разбирать мелкий шрифт на табличке возле генератора мезонов.

И думал, что к этому моменту с проектом «Гер-

кулес» уже, наверное, покончено. Розенблюм, быть может, ждет, что в ближайшие несколько дней Гарри придумает компенсацию для Гамбини. Какой-то вкусный кусок придется найти и для Уиллера, и для Хаклюта. Будут пытаться подкупить группу, гарантировать ее молчание, защитить от возможного презрения.

Томми и Гарри оставались до закрытия. Потом они прошлись теплым вечером по Конституюшн-авеню, разговаривая о птеродактилях и компьютерных играх. Томми объявил, что собирается стать археологом.

- В Египте, - добавил он. Хорошая была минута.

На следующее утро Гарри ждало на работе приглашение зайти к Розенблюму. Он вздохнул, выпил кофе и побрел в офис директора. Гамбини уже был там.

- ...и хорошо, что избавились, - говорил Розенблюм. У руководителя проекта был убитый вид.

- Надо смотреть по-другому, Эд, - сказал Розенблюм. - Вы на этой штуке набрали репутацию, хотя вначале была только головная боль. И лучше вам отойти в сторону. Теперь это проклятое Национальное общество сохранения науки может погавкать на кого-нибудь другого - для разнообразия. - Он кивнул в сторону Гарри. - Вот давайте

у Гарри спросим. Гарри, я прав?

- Прав, - ответил Гарри.

- Послушайте. - Розенблюм постучал костяшками пальцев по столу. - Это все равно никак не могло выйти. При всех этих откровениях, касающихся безопасности страны.

- Они уже едут, Гарри, - сказал Гамбини.

- Фургоны будут здесь в течение часа, - добавил Розенблюм.

- Им от нас что-нибудь будет нужно? - спросил Гарри.

- Они просили всех быть на местах, чтобы открывать шкафы, ящики и прочую дребедень.

- Ах вот как? - спросил Гамбини. - Они собираются нас впустить?

Розенблюм сделал вид, что не слышит сарказма.

- Меня предупредили, что все, что не удастся открыть, предположительно, письменные столы, они заберут с собой.

- О'кей. Когда я могу попасть к себе в офис?

- Когда приедет Мэлони, они откроют. - Розенблюм потер затылок и сморщился, как от боли. - Когда все это кончится, Гарри, я прошу тебя повести Эда и его людей на ленч, Уведи их отсюда. Плати служебной карточкой, я утвержу расхо-

ды. А когда ты это сделаешь, Гарри, возьми себе несколько выходных. Ты их заслужил.

Мэлони приехал со своими людьми на передней машине - фордовском фургоне с надписью «Общая служба» - и глядел величественно вперед, как мог бы глядеть де Голль, въезжая в Париж. С ним ехали еще двое в дорогих костюмах и с каменными лицами. Еще шесть фургонов Общей службы следовали позади.

Они объехали лабораторию и зашли через черный ход, поставив машины поближе к двери. Распахнулись дверцы фургонов, и дюжина человек в рабочих комбинезонах выпрыгнули на асфальт, у каждого на пластиковой нагрудной карточке фамилия с фотографией. Водитель микроавтобуса перебросился парой фраз с Мэлони, взял папку и повел своих людей к зданию. Вели они себя как-то средне между военными и университетской публикой - точность вымуштрованной команды и небрежный разговор о «Краснокожих» и квантовой механике. Гарри понял, что среди этих людей есть несколько ученых, чья обязанность проверить, чтобы ничего не было упущено. Используют ли их потом, чтобы глубже изучить переводы? Может быть. Но у него было предчувствие, что, как бы ни повернулись

ближайшие события, к тому времени, как Джон Харли покинет пост президента, текст Геркулеса перестанет существовать.

Гамбини и Гарри стояли в сторонке и смотрели. К ним подошла Лесли. Парадная дверь открылась, и группа Общей службы прошла внутрь.

Подошел Мэлони.

- Эд, могу я попросить тебя и твоих людей войти и открыть?

Гарри пошел следом и был удивлен, что его впустили. Первое нарушение правил безопасности.

Было видно, что людей Мэлони хорошо проинструктировали. Они разделились на группы и рассыпались по зданию.

В лаборатории они начали с компьютеров - просто отключили и вынесли. В принесенные упаковочные, коробки погрузили прочую аппаратуру. Команда Мэлони систематически обошла все рабочие места и изъяла все диски, лабораторные журналы, записки и распечатки. Их тоже сложили в коробки. Даже мусор из корзин вытряхнули в пластиковые мешки, запечатали и вынесли наружу.

Гарри стоял у дверей, откуда было видно, но не на дороге.

Процесс шел быстро. Лесли, Горди Хопкинс,

Линда Барристер, Кэрол Хедж и другие, так усердно работавшие над проектом последние восемь месяцев, стояли в гневном молчании, глядя, как коричневые коробки выносят по коридору, мимо питьевого фонтанчика, вверх на один пролет по лестнице и на улицу.

Мэлони провел обыск всех запертых помещений, откуда изъял гору заметок и официальных документов. Гарри даже удивился, что в компьютерный век проект породил столько бумаг. Все помечали по месту расположения: «Стол Гамбини, второй левый ящик» и тому подобное.

- Как археологи находки маркируют, - сказал Пит Уиллер, прибывший как раз вовремя, чтобы отпереть стол. - Вряд ли Мэлони ожидает от нас большой помощи.

Хаклют смотрел, как его записи изымают из ящика Гамбини. Охранники вложили их в большой белый конверт, надписали и унесли. Гарри по выражению лица микробиолога решил, что тот подумывал выхватить бумаги из рук захватчиков и убежать.

Когда с офисом Гамбини закончили, владелец подошел к Мэлони.

- От меня еще что-нибудь нужно? Мэлони подумал.

- Нет, Эд, кажется, все.

Гамбини кивнул и отвернулся, не говоря ни слова. Взял свитер, достал из него золотое перо, оставленное им у себя на столе, и подал оба предмета Мэлони для инспекции.

- Это можно, Эд, - ответил Мэлони, не поддаваясь на провокацию.

- Пока, Гарри! - Гамбини протянул руку. - Ты чертовски здорово поработал.

В центре стало тихо. Лесли, Уиллер, Хаклют, системные аналитики, специалисты по общению и лингвисты оставили свою работу и смотрели на Гамбини. У некоторых в глазах стояли слезы.

- Вы все отлично поработали, - сказал он. - Я горжусь, что работал вместе с вами. Некоторых из вас пригласят продолжать работу в проекте. Я знаю, как много она для вас значит, и я хочу сказать вам: если вы действительно захотите, ничего стыдного не будет, если примете предложение. Я пойму. Думаю, все мы поймем.

И он вышел. Наступило неловкое молчание, и его прервал Мэлони, прочистив горло и призвав к вниманию.

- Мне хотелось бы предложить каждому продолжить работу в проекте «Геркулес». К сожалению, наши возможности ограничены. И в любом слу-

чае, как сообщил мне мистер Кармайкл, почти все вы нужны в Годдарде. Некоторым мы предложили должности, список будет роздан. И мы просим тех, чьи имена в нем есть, остаться в проекте. Пожалуйста, сообщите мистеру Кармайклу о своем решении до конца недели.

Он глянул на Гарри, поблагодарил его за помощь и занялся своим делом.

К часу дня из здания вынесли все. Мэлони представил Гарри подписанную ведомость всего изъятого, в том числе грамоты Оппенгеймера и медали Джефферсона.

- Агентство национальной безопасности возместит вам стоимость, - коротко бросил он.

И под сияющим солнцем колонна из шести машин двинулась к воротам.

В тот вечер почти все сотрудники проекта собрались в «Красной черте» на прощальный ужин. На самом деле они не разъезжались: техники оставались в Годдарде в разных проектах. Из исследователей Пита Уиллера и Кэрол Хедж попросят помогать в будущих работах, хотя они еще этого не знали. Гарри не думал, что Пит останется.

Сайрус Хаклют уехал, никому не сказав ни слова.

Лесли собиралась вернуться в Филадельфию.

- А оттуда, может, на какой-нибудь остров в Южных морях, - сказала она. - Хватит пока с меня.

Речей никто не говорил, но Некоторые брали слово, чтобы выразить свои чувства.

- Это было вроде как вместе в бою, - сказал один системный аналитик.

Гарри поблагодарил всех за верность и предсказал, что, когда Джона У. Харли давно забудут, «Геркулес» останется легендой.

- Наших имен, может быть, не запомнят, но будут помнить, что мы были.

Эти слова встретили аплодисментами, и несколько часов под балками и арками «Красной черты» в них верили. А для Гарри это замечание было всего лишь очередной вехой: впервые он на публике высказался нелояльно по отношению к своему работодателю.

Атмосфера прощальных вечеринок всегда напоминает поминки, подумал Гарри, впечатленный символическим окончанием эпохи. Каждое рукопожатие, каждый короткий обмен взглядами получают особое значение. Но относительно нешумный прощальный вечер сотрудников «Геркулеса» был как-то особенно согрет, быть может, потому, что само событие

было уникально в истории человечества, и сорок с чем-то человек, собравшихся в скромном ресторане невдалеке от Гринбелт-роуд, все смотрели на звезды в поисках ответов. Что ж, видит Бог, кое-какие ответы они получили, и вряд ли кто-то может просить большего.

Гарри остался допоздна, пока люди не стали небольшими группами расходиться. Он пожал много рук, будто никогда уже не придется увидеться, хотя все завтра придут на работу.

К концу вечера он оказался наедине с Лесли.

- Когда ты уезжаешь? - спросил он.

- Завтра.

- Мне тебя будет не хватать.

Гарри вдруг заметил, что смотрит в пустоту. Она сжала его руку:

- Филадельфия не так уж далеко, Гарри. Он кивнул:

- Я надеялся, что ты это скажешь.

Анджела Делласандро подождала, пока представится возможность, и сказала Гарри, что он необычайно хорошо выглядит. К тому времени она уже пропустила несколько стаканчиков «манхэттена». И еще она добавила, что Эд Гамбини ее беспокоит. Гарри успокоил ее, и она отошла.

- Она права, - сказала Лесли. - Ему лучше быть подальше от проекта, но, пока он приспособится, это будет неприятный период.

- Нет, - возразил Гарри. - Он нашел своих инопланетян, и, думаю, сейчас он удовлетворен. С ним все будет в порядке.

- Надеюсь. - Лесли задумалась, Гарри даже сказал бы - забылась. - Ты веришь в волшебство, Гарри?

Он вроде бы догадался, какого ответа она ждет, но все равно покачал головой и попытался сбить торжественность момента.

- Нет. Единственная настоящая магия - это пиар.

Она усмехнулась - той лукавой улыбкой, от которой ее лицо преображалось. Потом улыбка исчезла, будто ее и не было, сменившись выражением иным - стоическим, что ли.

- У нас в руках было королевское прикосновение, Гарри, - сказала она. - И мы его выпустили из рук.

- Королевское прикосновение? - нахмурился Гарри. Что-то такое вспоминалось. Ах да, считалось когда-то, что монарх может исцелять недуги простым возложением рук. - Да, думаю, что так.

Она придвинулась к нему в объятия.

- Мне жаль, что я не сделала копий в первый же день и не разослала по свету. - Слишком она, наверное, много выпила или слишком разозлилась. Как бы там ни было, голос ее прозвучал так громко, что к ней обернулись все. - Теперь, увидев больного церебральным параличом или рассеянным склерозом, - сказала она слушателям, - или глухого или слепого, мы будем вспоминать, что в руках у нас было лекарство. А мы стояли и смотрели, как его хоронят.

Гарри всколыхнулся:

- Послушай, мы же сделали все, что могли.

- Милый, этого было мало. - Она вытерла глаза. - Но я не удивлюсь, если наши политики начнут жить необычайно долго.

- Но ты же не всерьез говоришь? - спросил Гарри.

- А что? Я бы лично против такого соблазна не устояла. А ты?

На Гарри волной нахлынуло чувство вины. Лесли пристально на него смотрела, будто знала про полученную им инъекцию. Но она прервала неловкое молчание.

- Гарри, - сказала она, - можно попросить тебя отвезти меня домой? Я слишком пьяна, чтобы вести машину.

Гамбини забылся сном и во сне лез по холму вверх, но вершина не приближалась. Там, на гребне, была скамейка, место, где можно отдохнуть и заглянуть на ту сторону^ но почва осыпалась под ногами, он терял равновесие и сползал по склону вниз. Сердце бешено колотилось, и вдруг гряда холмов мелькнула и исчезла. Гамбини лежал, изогнувшись, на простынях, глядя на сгустившуюся над головой тьму, которая казалась живой. Спальню наполнял рев моря.

Сердце все еще бешено колотилось, стучало изнутри в ребра, угрожая взорваться. Гамбини лежал неподвижно, пытаясь успокоить его усилием воли. Он просто слышал, как ритм сердца сливается с ритмом прибоя.

У него раньше уже бывали сердечные явления - приступы аритмии, ничего серьезного, если слова «ничего серьезного» могут относиться к чему-то, касающемуся сердца. Но сейчас сердце распухало и росло, и Гамбини понял, что это - сердечный приступ. Он нашарил рукой телефон, снял трубку и набрал девять-один-один.

- Сердечный приступ, - сказал он мужскому голосу на том конце. - Мне кажется.

Он назвал имя и адрес, и голос его заверил, что помощь уже в пути.

- Не вешайте трубку, - предупредил голос.
- О'кей.
- Вы в кровати? - Да.
- Есть у вас под рукой аспирин?
- В аптечке. В ванной.
- Ладно, не надо. Сесть можете?
- Не знаю.
- Попробуйте.

Зрение стало затемняться с краев.

- Не выходит, - сказал он в телефон.

Ответа не услышал. Ему подумалось, что пришло время умирать, и это оказалось совсем не так страшно, как он всегда думал. Если где-то там ведется учет, то ему ничего не грозит. Он никогда не пытался нанести кому-нибудь вред. Всегда с добром относился к собакам и тупицам.

И он улыбнулся почти последней своей сознательной мысли.

Мэлони и Харли искренне считают, что поступают правильно.

Интересно, что еще могло содержаться в передаче.

МОНИТОР

САЙРУС ХАКЛЮТ ОТВЕЧАЕТ НА КРИТИКУ

Утверждение д-ра Айдльмена, что смерть есть неотъемлемая часть плана природы для непрестанного обновления вида, неявно предполагает, что существует некая продуманная схема. Фактически читателя вынуждают найти нечто вроде сознательного намерения в той суровой системе, в которой мы рождаемся и которая в конечном счете убивает нас и наших детей. Единственный разум, который можно где бы то ни было обнаружить, - это наш собственный. И можно только удивляться рассуждениям, в которых слепая эволюция рассматривается как благонамеренная и в чем-то более мудрая, чем мы.

Истина же в том, что мы ничего не должны будущему. Мы живем сейчас, и это все. Перефразируя Генри Торо, мы стоим на разделительной линии между двумя огромными бесконечностями - мертвыми и не зачатыми. И давайте спасем себя, если есть такая возможность. Когда мы это сделаем, когда мы перестанем передавать нашим детям в наследство рак, старение и умирание, тогда и

будем планировать то существование, которое должны вести представители разумного вида.

Сайрус Хаклют

Выдержка из раздела писем «Харпер», CLIII, номер 6, ответ автора на сообщение Макса Айдльмена, доктора медицины, акушера из Чикаго, выдвинувшего многочисленные возражения на статью Хаклюта в майском номере журнала. Д-р Айдльмен особо возмущался тем, что Хаклют не увидел тех вредных последствий, которые в долгосрочной перспективе принесет любой крупный успех продления человеческой жизни.

Глава двадцатая

Сон у Гарри был беспокойный. Ему снились люди, которых он не видел годами. Яркие, бессмысленные сны. Он был на своих прежних работах, даже еще в школе. Проснувшись около пяти, он уткнулся в подушку, но заснуть не смог, полежал, плюнул и пошел готовить себе завтрак.

И как раз его заканчивал, когда зазвонил телефон.

Если выделить главное свойство работы Гарри, это будет ее выдающаяся обыденность. Ничто, там происходящее, не могло бы заставить кого бы то ни было позвонить в неурочный час. Кроме, естественно, пришедших из-за края галактики сигналов.

Гарри успел поднять трубку за миг до того, как должен был включиться автоответчик. Звонил Уиллер.

- Гарри, мне позвонил один из наших священников в больнице Св. Луки. Туда ночью привезли Эда с сердечным приступом.

Гарри тяжело опустился на стул:

- Насколько серьезно?

- Я еще не знаю. Он жив, но мне сказали, что со-

стояние критическое. Я сейчас еду туда, позвоню тебе, когда узнаю.

- Спасибо, лучше я там тебя встречу.

- Нет смысла. К нему все равно никого не пускают. Я тебе сообщу.

Гарри подобрал ноги на диван, обхватил руками колени. Потом он позвонил Лесли, и она ответила по сотовому.

- Где ты? - спросил он.

- На девяносто пятой дороге. Двадцать миль к востоку от Балтимора.

Голос ее звучал издали.

- Я не думал, что ты уедешь так рано, - сказал он. Накануне вечером она была совершенно никакая. Интересно, как она смогла прийти в себя.

- Хотела выехать пораньше. До того, как дороги будут забиты.

Он помолчал, услышал, как мимо нее что-то проехало, рокоча мотором.

- Пит только что звонил. Эд в больнице. Сердечный приступ.

- Черт, - сказала она. - И что там говорят? Как он?

- Состояние критическое.

- Ты знаешь, где он? В какой больнице?

- Святого Луки. Воцарилось долгое молчание.

- Ладно, - сказала она наконец. - Мне кое-что надо сделать тут, в Филадельфии, сегодня. А завтра я вернусь.

- О'кей.

- Спасибо, Гарри. - Отстраненность стала уходить из ее голоса. - Мне очень жаль, он отличный парень.

- Да, я знаю.

- Дай Бог, поправится. Сейчас если сердечный приступ захватить вовремя, это совсем не то, что в прошлые времена.

Он умер через час. Уиллер позвонил в офис и сказал, что он так и не пришел в сознание.

- Мне очень жаль, - сказал Пит.

- Семья знает?

- Сейчас тут этот вопрос решается. Мне позвонить Лесли?

- Нет, - сказал Гарри. - Я сам это сделаю.

Он решил не оглушать ее такой новостью, пока она за рулем, а потому позвонил ей в офис и попросил через автоответчик перезвонить ему при первой возможности. Она перезвонила примерно через час, уже догадываясь, в чем дело.

- Не приходя в сознание, - сказал Гарри. Почему эта подробность казалась столь важной?

- Когда похороны? - дрогнувшим голосом спро-

сила Лесли.

- В четверг. Послезавтра.

Он передал подробности - где и когда. Она сказала, что будет.

- Как ты? - спросил Гарри.

- Ничего, все в порядке.

- Ты думаешь, это проект его погубил?

- Ты в том смысле, что все вышло так, как вышло? - Да.

- Не уверена. Обычно люди не умирают от разочарования, вопреки всеобщему мнению. У него все время была какая-то проблема. Можно с уверенностью сказать, что если бы не этой ночью, то все равно с ним это случилось бы через неделю или через месяц. Обычно вопрос только в том, когда.

Они еще немного поговорили, ни о чем конкретно, потом Лесли сообщила, что у нее пациент и ей надо работать, а если она что-нибудь может сделать, пусть он даст ей знать.

- До четверга, - сказала она и повесила трубку. Лаборатория вернулась к нормальной жизни - или должна будет вернуться, когда установят аппаратуру. Старые компьютеры оставила у себя АНБ, но в ближайшие дни должны были привезти новые на замену. Куда лучшие, как заверяли

Гарри. Последнее слово техники.

Было приятно это слышать. И кажется, наступило время избавиться от последнего экземпляра.

Он вытащил из кейса ключи и отпер левый нижний ящик стола. Открыл его, вынул пакет и долго смотрел на блестящий серебряный диск. Потом положил диск в кейс и запер. Потом взял из шкафа пластиковый мешок для одежды, огляделся, заметил пресс-папье времен Гражданской войны с бюстом Роберта И. Ли - чей-то подарок на Рождество, - и бросил его в мешок. Вынес все это в приемную и сообщил Здне, что неважно себя чувствует.

- Меня сегодня не будет, - сказал он.

Спокойно выехав из ворот, он свернул на кольцевую.

Через несколько минут он выехал на дорогу № 50 к востоку и поехал к Аннаполису. Пульс у него начал учащаться. Гарри, как хороший чиновник, терпеть не мог делать что-либо необратимое. Все его инстинкты, весь его опыт восставали против этого. И все же он знал, что, о каких бы принципах ни шла здесь речь, лично ему будет куда легче, когда эта проклятая штука перестанет существовать.

Эта проклятая штука.

Странный термин для сборника обыденного и сакрального знания, который свалился ему в руки.

Утреннее движение было редким, и Гарри быстро миновал Боуи и реку Пэтьюксент. Джулия поймала его по телефону при повороте на бульвар Арис-Аллан.

- Мне нужен твой совет, - сказала она. - Элен считает, что мы не должны так легко сдаваться. Насчет Томми. Она говорит, что надо выслушать еще чье-нибудь мнение.

Гарри терпеть не мог этих взлетов и падений надежды. Джулия читала все научные журналы, вылавливая повторяющиеся предсказания, что исцеление будет неизбежно найдено. Такое случалось чуть ли не каждый месяц - основополагающее открытие того или иного рода. Но почему-то на самом деле ничего не менялось.

- Можем попробовать, - сказал он.

- У тебя не слишком оптимистичный голос.

- Я просто не хочу опять гонять его через обследования, если нет шанса, Джулия.

- Я знаю, - сказала она. - Но мы должны попытаться.

Они договорились, что найдут другого специалиста и покажут ему результаты Килгора. Вреда

от этого точно не будет.

Джулия повесила трубку, а он поехал дальше на юг по бульвару, мимо белых изгородей, широких газонов и ухоженных церквей. Возле магазинчика «семь-одиннадцать» он задумчиво свернул к заливу, пропустил переходившую дорогу женщину с коляской и поехал дальше в Порт-Аннаполис. Припарковавшись у воды, он стал смотреть на блестящий в полуденном солнце залив Чесапик.

Здесь полно было причалов, лодок, магазинов. Он увидел яхту под всеми парусами, входившую в канал. Гарри взял напрокат моторную лодку, жалея, что не может сделать этого под вымышленным именем, но от него, конечно, потребовали водительские права, а таковые у него были только одни. Ладно, один черт. Если кто-нибудь потом спросит, он ответит, что воспользовался советом Розенблюма и взял выходной развеяться.

Служителем оказался скучающий подросток полууголовного вида, которому даже лень было поинтересоваться, зачем Гарри берет с собой на прогулку кейс. Он привел лодку, Гарри сел в нее и не спеша направился к каналу.

На лодке был эхолот, и Гарри смотрел на него, направляясь к востоку, к маяку Лав-Пойнт. В ак-

ватории была еще пара лодок, с одной кормили чаек попкорном. Чайки кружились над головой тучами, некоторые подлетали проверить, нет ли у Гарри для них угощения.

Приятный и теплый был день. Вода гладкая и спокойная, и ветра не было вообще.

Проплыла еще одна яхта - мужчина с парой детишек, мальчик и девочка четырех-пяти лет. Они были в матросских шляпах и спасжилетах, как положено. Мальчик кормил чаек, а девочка не отрываясь смотрела на маяк. Заметив Гарри, она помахала рукой. Гарри помахал в ответ.

Маяк оказался здоровенной ржавой жестянкой, торчащей из воды. Чем ближе подходил Гарри к восточному берегу, тем больше вырастал Маяк.

Глубина стала увеличиваться. Сначала шесть-десят футов, потом девяносто. Примерно за четверть мили до маяка дно ушло на добрых двести футов. Глубокая Дыра. Насколько Гарри было известно, самое глубокое место залива.

И дно илистое. Идеальное место, чтобы что-то потерять навек.

Он заглушил мотор, лодка медленно остановилась. Гарри открыл кейс и достал пакет. Две чайки подлетели поближе, хлопая крыльями, посмотрели и утратили интерес.

Гарри вложил пакет в мешок для одежды, добавил Роберта И. Ли. Так всегда будет с мятежниками. Завязав мешок, он пробил в нем пару дыр, чтобы вошла вода.

Легкий бриз отбросил ему волосы на глаза. Было совершенно тихо, только ветер чуть шелестел да вода плескалась в борта.

Гарри подошел к борту и представил себе, что видит в глубину.

Лодка покачивалась. Далеко на юге маячил серый узкий силуэт военного корабля, наверное, эсминца. Корабль шел в море.

Брось эту штуку в залив, и дело кончено. Сделай свою работу.

Он осмотрел восточный берег, увидел машины, дома, людей. Потрясающее ощущение - снова иметь зрение по единице. Он даже не представлял себе, насколько оно у него ослабло. А теперь весь мир предстал в подробностях - обшарпанные стены маяка, чайки, уходящий эсминец.

Кейс был все еще открыт. И среди бумаг, ручек, резинок и визитных карточек лежали обе пары его очков. Одна обычная, другая с темными стеклами. Обе в пластиковых футлярах.

Гарри достал обе пары, вытащил из футляров и бросил в воду. Они тут же пошли ко дну. Солнце

согревало лицо.

Лодка медленно дрейфовала прочь от Глубокой Дыры, мимо маяка, в канал. Бело-синяя парусная лодка просколь-зила мимо, подойдя на двести футов. Команда ее состояла из двух молодых женщин.

Обе красивые.

- А, черт! - произнес Гарри.

Он вынул диск из мешка и вложил в кейс. Потом запустил двигатель и направился к берегу. Через два часа он положил диск с передачей в сейф Федерального банка Гринбелта.

* * *

Пит Уиллер был более чем рад провести время в аббатстве за бриджем. Начали игру точно в восемь и играли до одиннадцати. Отец Сандерленд был слегка не в форме, но это лишь позволило Гарри и Уиллеру проиграть не с позорным счетом.

- Кажется, вы сегодня оба не в духе, - сказал Сандерленд к концу игры. - Что-нибудь случилось?

Гарри не заметил перемен в обычно сдержанной манере Уиллера. Но сам он действительно был погружен в мрачные мысли.

- Мне просто нужно было больше тузов, - от-

ветил он.

Уиллер только пожал плечами, но когда они вышли, направляясь к неосвещенной стоянке, Гарри спросил, переживает ли Пит до сих пор уход текста.

- Конечно, - ответил тот. - Мы очень много потеряли. Ночное небо было полно звезд. Новый месяц только-только выплывал из-за деревьев.

Гарри чуть замедлил шаг.

- Ты все время говорил, что лучше бы нам от него избавиться, - напомнил он.

- Говорил. И до сих пор так думаю.

- Тогда что же?

- Сам не знаю. Вроде как тебе показывают много хорошего, и одновременно ты узнаешь, что все это тебе не достанется.

Он остановился и стал смотреть в небо.

- Привыкнем, Пит, - сказал Гарри.

- Я знаю. - Они уже дошли до машины. - Но это было у нас в руках, Гарри.

- Имей веру, - напомнил ему Гарри. Уиллер кивнул, не глядя Гарри в глаза.

- Разве это не так? - продолжал Гарри, зная, что заплывает в неизвестные воды, куда не следует соваться.

- Что не так?

- Не так уж у тебя ее много. Веры. Уиллер застегнул свитер от ночной прохлады.

- На самом деле нет, - ответил он.

- А что случилось? Уиллер не ответил.

- Ты извини, - сказал Гарри. - Это действительно не мое дело.

Пит пожал плечами:

- Фейнман где-то говорит, что Вселенная слишком велика, Гарри. Трудно поверить, что Богу все это пространство нужно только для нас.

Гарри открыл машину, и они сели внутрь.

- Библейская история рассыпается в куски, - продолжал Уиллер. - Просто видно, что христианский Бог не подходит к Вселенной того типа, в которой мы живем. - Он сидел прямо, глядя перед собой на темную линию деревьев. - Мне трудно найти слова, чтобы передать смысл. Но инстинкты мне подсказывают, что мы понимаем все это неверно.

- Мне жаль, - сказал Гарри.

- Тебе не о чем сожалеть. Не твоя вина. И ничья вообще. Гарри запустил мотор.

- Ты всю жизнь был астрономом. Если тебе не неприятен мой вопрос, когда это случилось?

- Кризис веры? - Уиллер улыбнулся. - Я полагаю, он наступил постепенно.

Целую минуту они просидели молча.

- Пит, - наконец сказал Гарри, - мне трудно поверить, что человек может утратить веру от смотрения в телескоп. Я бы ожидал обратного эффекта. Ты помнишь, как те ребята молились на орбите и на Луне? Один из них, вернувшись, стал искать Ноев Ковчег.

Уиллер засмеялся, но в этом смехе было ощущение утраты.

- Будь здесь Лесли, она бы тебе сказала, что это лишь легенда прикрытия.

- Ты так думаешь?

- Да. И еще она бы сказала, что в таких случаях помогает поговорить.

Они выехали со стоянки и направились обратно в Грин-белт. Движение на дороге почти отсутствовало, и редкие дома у дороги все были темны.

- Не знаю, - сказал Уиллер после некоторого молчания. - Сразу после рукоположения в орден моим первым назначением было место учителя физики в старших классах, в Филадельфии. Здесь находилась школа епископа Ньюмена. И учился тут другой Гарри, Гарри Токет. Ему было семнадцать, когда он показался у меня на уроках. У него был боковой амитрофический склероз в началь-

ной стадии. Болезнь Лу Герига. И мы все знали, что очень скоро он останется в теле, которое все свои силы будет вкладывать в поддержание дыхания. - Огни хайвея ритмично пролетали мимо каждые секунд двадцать. - Примерно на третий месяц его ввезли в класс в кресле на колесиках. Ты знаешь, как относятся сверстники к ребятам с серьезными увечьями?

Гарри вспомнил мальчика в восьмом классе, у которого бывали эпилептические припадки.

- Знаю.

- Они пытались вести себя хорошо, но срывались - ничего не могли с собой поделать. И потому у мальчика не было друзей. Врачи Гарри говорили, что процесс развивается и вряд ли он проживет больше нескольких лет. Фонд «Исполнение желаний» узнал о нем и вмешался. - Уиллер запнулся.

- И что они для него сделали?

- Он хотел познакомиться с Куртом Шиллингом. Питчером филадельфийской команды. Шиллинг устроил места в ложе для Гарри и его семьи На одну игру, повел их обедать, подарил Гарри бейсбольный мяч с подписями всей команды. И пригласил его приезжать, когда только сможет.

Машина въехала на узкий мостик. На металли-

ческом покрытии звук шин изменился.

- Я близко сошелся с этой семьей. Это, наверное, была ошибка. Мы все были верующие, и я поймал себя на том, что пытаюсь объяснить, почему такое случается. Не только родителям, но и себе. И знаешь что? Я *не нашел* объяснения. Их я еще мог бы удовлетворить. Они готовы были принять аргумент, что страдание входит в уговор. В некий непостижимый договор со Всемогущим. Но само переживание - очень болезненно. Боже мой, Гарри, ты себе не представляешь, как болезненно. Я видел этого парнишку каждый день. И он перед лицом этого ужаса вел себя так, будто у него есть будущее. И где-то среди всего этого я сбился с дороги.

Гарри кивнул, хотя знал, что Уиллер на него не смотрит.

- Я верил тогда, что вера должна подвергаться испытаниям. Что нельзя стать истинно верующим, не пройдя искуса. Мне казалось, что я это понял правильно. - Он сделал медленный вдох. - И это заставляет меня чувствовать себя лицемером.

- Почему?

- Как почему? Гарри, я же священник!

- И хорошо. Миру священники нужны. И у тебя

наверняка есть причина, чтобы им оставаться.

Уиллер задумался.

- Я не готов все бросить. Все переменить.

- Тогда и не надо.

Машина подъезжала к светофору. Он переключился на красный, и Гарри еле успел затормозить.

- Если бы всем управлял я... - начал Уиллер, когда машина остановилась.

- ...то Вселенная была бы устроена по-другому, - подхватил Гарри.

- Да уж, совсем по-другому. Я понимаю, как это самоуверенно звучит. Но я бы все поменял. Не было бы молодых вдов. Не гибли бы дети в автобусных катастрофах. Не рождались бы уроды.

Трейлер с пустой платформой на буксире проехал мимо в левом повороте. Когда стих его грохот, снова зажегся зеленый.

- Я бы просто этого не допустил. Нет причин для такого.

- Дело не в том, что Вселенная так велика, Гарри. А в том, что она такая... механическая. Она действует так, как ты ожидал бы от машины. Какие бы беды ни случались, как бы ни молились люди, ничего не меняется...

- Никогда?

- Иногда Вселенная дает людям силу пережить то, что с ними происходит. Но прямого вмешательства никто никогда не видел. «Просите во имя Мое, и будет дано вам». А я знаю, что родители Гарри могли всю жизнь провести в мольбе, и он бы никогда не встал из кресла. - Уиллер издал какой-то горловой звук. - Если Он есть, Гарри, почему Он допускает такое? Почему Он не вмешивается?

Утром Гарри позвонил Сайрусу Хаклюту. Наверное, он стал слегка параноиком, потому что пошел звонить из автомата.

- Сай, - спросил он, - если бы у тебя были материалы, ты мог бы найти там, что тебе нужно?

- Что случилось? - спросил Хаклют. - Харли передумал?

- Нет. Просто ответь на мой вопрос.

- Наверняка, - сказал Хаклют. - Потребовало бы времени. Чьей-то помощи. Но я вполне мог бы.

МОНИТОР

Единственный вопрос теперь - насколько сокрушительна окажется победа Харли…

Эн-би-си, программа «Сегодня»

Глава двадцать первая

К концу октября стало ясно, что переизбрание - дело решенное. В экономике наметился подъем, несмотря на запланированные сокращения в оборонной промышленности, в стране царил мир, и демократам просто было не к чему прицепиться. Джон Харли вел себя как идеальный президент, приглашая мировых лидеров в Белый дом на широко освещаемые встречи, читал рассказы детям в школе, ездил смотреть на последствия урагана Тулса и стрельбы в Коламбусе, штат Огайо, выражая сочувствие уцелевшим и семьям жертв. Через несколько дней, когда закончился чемпионат мира по бейсболу, он сфотографировался в Розовом саду с победителями. Жизнь была прекрасна.

И потому у него лишь чуть-чуть шевельнулось беспокойство, когда секретарша во второй вторник октября, за четыре недели до дня выборов, сообщила, что его хочет видеть мистер Кармайкл. Она напомнила, что мистер Кармайкл по-прежнему находится в списке быстрого доступа. Действует ли это положение и будет ли президент с ним разговаривать?

От Гарри президент уже несколько месяцев не получал вестей. С тех пор, как «Геркулес» передали в АНБ и там положили под сукно.

Несколько избранных все же еще трудились в проекте, но под крайне пристальным наблюдением. Эти люди жаловались, что не могут привлечь нужных экспертов, но тем лучше. Президент не мог заставить себя уничтожить все следы, но дал понять, что будет вполне доволен, если о «Геркулесе» никогда ничего не услышит.

Так чего же может хотеть Кармайкл? Харли вспомнил, что так и не дошли руки до обещания насчет поста замминистра. Ладно, посмотрим.

Конечно, существовала возможность неприятностей, утечки чего-то в прессу. Харли более или менее знал насчет отчуждения и презрения, который породил этот инцидент с «Геркулесом» среди сотрудников проекта в Годдарде. А Гарри был для него отличным средством раннего оповещения. Надежным.

- Да, Тери, - ответил он. - Посмотрите, можете ли его всунуть куда-нибудь на завтра. В любом случае поскорее.

- Сэр, есть окошко сегодня. Встреча со шведским фотографом отменилась.

- О'кей, вот туда его и вставьте.

Время было назначено на шестнадцать сорок, десять минут. Как президент поступал и раньше, он распорядился принять Гарри наедине.

Харли опоздал на пару минут из-за разговора с руководителем своей предвыборной кампании, но все было отлично, и он пребывал в особенно хорошем настроении, когда вошел в Овальный кабинет, позвонил Тери и велел впустить Кармайкла.

- Привет, Гарри! - сказал он, встречая посетителя в дверях с протянутой для рукопожатия рукой. - Как жизнь?

- Отлично, мистер президент.

Гарри принял руку президента, и Харли повел его к дивану. Тери закрыла дверь снаружи, и они остались одни.

- Я все хотел поговорить с вами, Гарри. У нас тут скоро открывается вакансия в Таможенной службе... - Еще несколько секунд он развивал эту тему, пока не заметил, что посетителю не до того. Президент замолчал и сел рядом с Кармайклом. - Гарри, в чем дело?

- Сэр, известно ли вам о возможном овладении знаниями по генетике, содержащимися в дисках «Геркулеса»?

- Конечно, разумеется. Одна из причин, почему

эта штука так опасна - потому что она так соблазнительна.

- Мистер президент, я бы очень хотел, чтобы мы сделали генетические сегменты информации доступными для исследователей.

Харли покачал головой.

- Гарри, я понимаю ваши чувства. Видит Бог, я их разделяю. Неужто вы думаете, что я не хотел бы помочь серьезно больным людям? Но мы должны учитывать отдаленные последствия. Подумайте, что случится, если люди вдруг начнут жить слишком долго. Вы можете себе представить, что случится с системой социального страхования, если все начнут нормально жить больше ста лет?

- Мистер президент, - ответил Гарри, - идите к черту с вашей системой социального страхования.

Харли стиснул зубы:

- Гарри, я вас не понял?

Гарри посмотрел прямо в глаза президента.

- Извините, что отбираю это из ваших рук, мистер президент. Но я не могу стоять и смотреть, как люди умирают от рассеянного склероза, от лейкемии и от всего прочего, потому что иначе будет слишком напряжена система социального

страхования.

- Гарри, вы, кажется, забываете, где находитесь.

- Я совершенно точно знаю, где нахожусь, мистер президент. И мне очень жаль, что до этого дошло, но я не собираюсь прожить остаток жизни, зная, что сидел сложа руки... - Голос Гаррй дрогнул, но он овладел собой. - Завтра состоится пресс-конференция, и материал этот будет оглашен. Провести ее можете вы, заработав благодарность всей страны, или ее проведу я, а люди сами сделают выводы.

Харли посмотрел на него внимательно.

- Гарри, Гаррй! Возьмите себя в руки. Я понимаю, что это колоссальная для вас дилемма. Но все же будьте разумны.

Гарри встал:

- Вы хотите, чтобы заслуга была ваша? Вам предоставляется шанс.

- Гарри, вы говорите о разглашении секретных материалов. Это государственная измена. Предательство!

- Вы правы, мистер президент. Я уже довольно долго думал, что такое предательство. И понял, что сидеть на информации Хаклюта как собака на сене - это значит предать всех, кто в этой стране

страдает врожденными дефектами. От этого я уйти не могу и вам тоже не дам.

Харли покачал головой:

- Гарри, я не могу этого допустить.

- Вы не можете этого *не* допустить.

- Вот это я как раз могу. Я могу вас задержать прямо здесь. Хотя предпочел бы этого не делать.

- Если вы это сделаете, вместо меня выступит другой. Президент подумал, не позвать ли помощника, но решил,

что пока не надо.

- Мы отправили почтой этот сегмент многим разным СМИ. Так что если даже вы узнаете, кто мои сообщники, и изымете их, разницы не будет.

Харли медленно вдохнул и так же медленно выдохнул.

- Под суд вы все равно попадете, Гарри.

- Поступайте, как считаете правильным, - ответил Кармайкл. - У вас есть время до завтра, когда начнет поступать почта. Я предложил бы вам информировать СМИ, что это по вашему указанию я разослал экземпляры выдержек из текста. Сопроводительные письма это подтверждают.

- Кармайкл, - сказал Харли. - Вы погубили свою страну. Надеюсь, вы это понимаете.

Гарри кивнул и продолжал ждать ответа.

Римфорд отправился выпить гоголь-моголь с ромом, но поехал вместо этого в пустыню. Над горизонтом висела яркая пара - Сириус и Процион. Хранят свои тайны, думал он, глядя на них несколько лет назад. Но теперь эти тайны лежали раскрытые, представленные глазам мира с помощью «Скайнета». У этих двух солнц есть четырнадцать известных планет, занесенных в указатели и каталоги по массе и составу. И все они считались лишенными жизни.

На фоне пустынного неба величественно перемещались столовые горы.

Алтейцы сделали потрясающую вещь. Они исследовали, пару квазаров, далеко отстоящих друг от друга в видимой полусфере, каждый примерно в тринадцати миллиардах светот вых лет - один чуть дальше, другой чуть ближе. *И они определили, что это - один и тот же объект, только видимый с разных точек! Это могло значить только одно: взгляд их телескопов обходит вокруг космического свода!*Более того, поскольку квазары находятся не точно в диаметрально противоположных точках небосвода, становится ясно, что Вселенная не сферична.

Пустыня выглядела непривычно. Много лет

назад, когда сестра только переехала жить к Римфорду, они ездили в сочельник примерно в этот же участок пустыни. Тогда Римфорд работал в обсерватории Китт-Пик. Теперь это казалось очень давно. В те дни небо было полно тайн, а сегодня он держит Вселенную в руках, многое понял в ее устройстве, понял практически все, что в ней важно, - кроме тайны своего собственного существования.

Оставались какие-то подробности, но тривиальные: некоторые пункты теории света и волн - в этом роде.

Он знал размер и форму, основные геометрические характеристики космоса. И он знал, почему цилиндр искажен, единственную для этого причину: он обернут вокруг чего-то еще. И что же это может быть, если не вторая Вселенная? Или, быть может, близнец первой, но из антиматерии. Под звездами пустыни Римфорд пытался вызвать свои прежние способности, визуализировать две системы, сплетающиеся в объятиях, - двойную спираль космоса.

Для него форма Вселенной никогда не была самым важным вопросом - куда важнее тончайшие тайны ее рабочих частей. Почему законы ее оказались такими, что скорость света именно

такова, и сколько энергии должно быть заключено в атоме, и как должно выглядеть внутреннее устройство протона? То, что Вселенная обитаема, и тем более то, что она существует вообще в структурированной форме, требовало серии совпадений совершенно невероятных. Вспомнилась старая аналогия насчет обезьян за пишущей машинкой. Сколько времени уйдет у группы шимпанзе, чтобы совершенно случайно напечатать полное собрание Шекспира?

Так вот, у обезьян шансов куда больше, чем у *вот этой* Вселенной возникнуть случайно. То есть совершенно невозможно, чтобы Бейнс Римфорд вел сейчас машину по пустыне под декабрьским небом.

Все это, конечно, теории. Теории есть и были всегда. Некоторые говорили о бесконечном ряде пузырей-вселенных, плавающих в суперпустоте. Другие утверждали, что Вселенная возникала бесконечное число раз до тех пор, пока *случайно* природа не сделала все правильно.

Последняя концепция теперь вышла из моды.

В свое время звезды исчерпают свое горючее и погаснут. Галактики потемнеют и уйдут в вечную ночь.

Но алтейцы предлагали надежду. Они утвер-

ждали, что черные дыры за некоторым порогом порождают младенческие Вселенные, начинающие цикл снова. Если он правильно их понял, то они также заключили, что в глотках этих сингулярностей может обрабатываться информация, и тогда дитя сохраняет основные свойства родителя. А может быть, даже улучшает их.

Эволюция.

Это очень многое может объяснить. Это работает, а то нет. Механизм эволюции оставался, мягко говоря, неясным. Но инстинктам Римфорда эта идея импонировала. Нравилось ее изящество. В ней ощущалась правильность.

И наконец, через неимоверные бездны времени, возникает развитый космос.

Звездное небо над Пасаденой.

Но тревожил следующий логический шаг: если вселенная действительно развивается, то к *чему?*

Можно говорить, что мы движемся к некоему убежищу, сознательно настроенному дружественно к разуму. А как это может быть, если кто-то не написал заранее космическую программу, директиву поиска такой цели?

Религиозных наклонностей у Римфорда не было. Концепция верховного существа порож-

дала больше вопросов, чем давала ответов. Как и предположение, выдвинутое несколько лет назад, что если верна действительно концепция пузыря-вселенной, то суперпустота, в которой она плавает, может быть обиталищем расы создателей.

А откуда взялась эта раса?

Есть и другая возможность. Римфорд подумал, не может ли сама Вселенная не быть целостной в каком-то смысле - картиной, повторно стремящейся к упорядочению в ранних инкарнациях. И научившись после бессчетных попыток создав вать водород, а тем самым - звезды, она продолжает двигаться дальше в поисках сознания и в конечном счете - разума.

Слева из пустыни взлетели красные и белые огни четырех самолетов, и Римфорд вдруг понял, что доехал до самого Эд-вардса. Он смотрел, как самолеты поднимаются в пестрящую жемчугами тьму, а перед ними лучи луны наполовину скрылись за кучевым облаком. Да, как бы ни возникла эта Вселенная, она величественна.

Сотового телефона у него не было, и потому он доехал до перекрестка с шоссе № 58 и позвонил Агнес из ресторана.

- Остановку проехал, - сказал он.

- О'кей, Бейнс, - ответила она. Он не впервые заезжал куда-нибудь далеко, но все равно в голосе сестры слышалось облегчение. - И где ты?

- На Четырех Углах, - ответил он. Ответ пешехода.

Харли сиял своей фирменной улыбкой.

- Я бы хотел ясно дать понять, что мы ничего еще не знаем наверное. Я не хочу пробуждать напрасных надежд.

Но люди, тесно работавшие с данными текста, говорят, что, по самой осторожной оценке, мы сделаем гигантский шаг вперед. Может быть, мы стоим на грани сокращения или полного уничтожения мириадов болезней, отнимавших жизнь и калечивших людские тела с самых ранних дней человечества. Будем на это надеяться.

И я хотел бы заверить американский народ и народы всего мира, которым мы тоже открываем эту информацию, что наша администрация сделает все, что в ее силах, для достижения благоприятного результата еще при нашей жизни. Чтобы использовать эту информацию на благо всех, в особенности - детей.

Лесли была особенно красива в предвечернем свете.

- Кажется, тебе уже ничего не грозит, Гарри.

В «Красной черте» только начинал собираться народ, и Гарри с Лесли были практически одни.

- Ему еще надо решить несколько проблем.

- Решит. На то и нужны политики - чтобы решать проблемы. - Она улыбнулась. - А чертовски это было смело. Из *моих* знакомых мало кто добровольно пошел бы на конфликт с президентом Соединенных Штатов.

Гарри попытался пожать плечами, сказать, что это пустяки. Но щеки у него загорелись, и действительно - это был один из самых восхитительных моментов жизни, так что нечего отрицать.

- Ага, - признал он. - Но я ведь отлично сработал? Она засмеялась и изобразила поцелуй.

- Зато теперь вряд ли тебя ждет удачная карьера на федеральной службе.

Гарри пожал плечами:

- Никто не знает. Президенты меняются. Меняется все. Им принесли вино. Лесли наполнила в бокалы и подняла

свой.

- За тебя, Гарри!

И выпила до половины.

- И как ты думаешь, сколько времени пройдет до чудесных исцелений?

Она пожала плечами:

- Сколько-то. Сай говорит, что они не могут взяться за работу всерьез, пока не узнают больше о геноме. На это могут уйти годы.

- Ага, - сказал Гарри. - Что ж, можно на время расслабиться.

- У тебя есть еще одна работа, Гарри.

- Какая?

- Найди Пита. Он заслужил знать, какую роль во всем этом сыграл.

- Вряд ли он будет рад это услышать. Лесли допила вино.

- А я думаю, он не до конца сам знал, чего он хочет. Во всяком случае, ему надо услышать, что иногда *вмешательство* все же бывает.

МОНИТОР

У Мильтона в восьмой книге «Потерянного рая» есть сцена, которая, как мне кажется, подходит к ситуации. Бог разговаривает с Адамом, и Адам жалуется на ландшафты, на свое экономическое положение, на то, на это. И еще жалуется на одиночество. «Для разговоров у меня есть только бессловесные животные», - говорит он.

И Бог обещает ему этим заняться. А потом, мне кажется, Он подумал об этом еще немного. «Адам, - сказал он, - кто более одинок, нежели Я, ибо знаю, что никого, подобного Мне, нет во всем огромном мире?»

Я предполагаю, леди и джентльмены, что именно в этом состоит тяжелая дилемма чудесного существа, которое недавно уделило время тому, чтобы известить нас о своем существовании. Есть весьма убедительные свидетельства, что обратившееся к нам сознание есть групповой разум, следовательно, совершенно одинокий.

Прп. Питер Уиллер, отец-настоятель. Заключительное слово о природе алтейцев на ежегодном декабрьском собрании Американской ассоциации философов в Атлантик-Сити.

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

27.01.2009

Джек Макдевит
Звездный Портал

Посвящается Розанне и Эду Гэррити, в чьей компании я всегда мог размышлять вслух.

Хотелось бы выразить особую признательность тем, кто великодушно позволил использовать свое вымышленное alter ego в отчаянной ситуации, описанной в последних главах. Кроме того, я пребываю в долгу перед Галеном Холлом и Брайаном Колом за их комментарии по поводу ранних вариантов рукописи; перед Джимом Кларком, майором ВВС США (в отставке), и перед Джоном Гоффом за технические рекомендации; перед Лорной Шарп из резервации сиу на Дьявольском озере в Северной Дакоте; перед Кристофером Шеллингом из издательства «Харпер-Коллинз» и Сью Варга за помощь в редактуре; перед собственной женой и надомным редактором Морин, не теряющей чувства юмора по отношению ко

всему этому. А также перед Джимом Карасом, привлекшим мое внимание к озеру Агассис.

1

Чудно порой увидеть в янтаре
Травинку, ком земли или жучка —
Все, что найдешь в достатке во дворе...
Но что за дьявол втиснул их туда?

Александр Поп, «Послание к доктору Арбетноту»

— Ну ни черта себе! — Тому Ласкеру пришлось повысить голос, чтобы перекричать вой ветра.

Уилл выпрямился, держа в руках лопату с черноземом, и взглянул, что привлекло внимание отца.

Из земли торчала жесткая треугольная пластина, смахивающая на акулий плавник. Вроде бы металл, но совершенно не тронутый ржавчиной.

Работали они допоздна при свете праздничной гирлянды на невысоком гребне, ограждавшем ферму с западной стороны, прокладывая трубопровод для подачи наверх воды из колодца. Ласкер осветил находку фонариком, а Уилл потрогал ее носком ботинка. В ночном воздухе пахло надвигающейся зимой. Холодный хлесткий ветер раскачивал гирлянду. Ласкер опустился на коле-

ни и руками в перчатках разгреб землю. Предмет оказался ярко-красным, гладким и твердым. Ласкер дернул, но предмет даже не шелохнулся.

Уютный и радостный свет из окон их двухэтажного щитового дома, в четверти мили отсюда, пробивался сквозь стену деревьев, обступивших дом со всех сторон.

«Плавник» оказался монолитной частью шеста, уходившего в землю под углом градусов в тридцать. Уилл поддел шест лопатой и вместе с отцом налег на рукоятку, как на рычаг. Шест закачался, но не стронулся с места.

— На счет «три»! — скомандовал Ласкер.

Они навалились вместе, но не удержались на ногах и со смехом повалились друг на друга.

— Ладно, пап, на сегодня хватит, — сказал Уилл. — Пойдем перекусим.

* * *

Из окон спальни Ласкеров открывался вид на плоскогорье Пембина, состоящее из ряда округлых холмов, гребней и зубчатых скал — весьма впечатляющее зрелище посреди плоской как блин равнины. Десять тысяч лет назад здесь было западное побережье внутреннего моря, покрывавшего изрядную часть Дакоты, Миннесоты,

Манитобы и Саскачевана. Тогда площадка, на которой ныне стоит дом, находилась на глубине нескольких сотен футов.

Ласкер, как большинство крупных и широкоплечих мужчин, отличался некоторой неуклюжестью. Его каштановая шевелюра уже начала редеть. Резкие, грубоватые черты обветренного лица несли на себе неизгладимую печать множества суровых зим. Всю свою жизнь он прожил в районе Форт-Мокси. Сам он себя считал личностью вполне заурядной — обыкновенным фермером, который много работает, мало вращается в обществе и более всего заботится о своей семье. Он любил свою жену, она отвечала ему взаимностью, а двое их сыновей, подрастая, становились рассудительными, надежными мужчинами. А еще Ласкер любил летать; как и многие местные фермеры, он имел пилотскую лицензию, владел самолетом «Катана DV-20», был обладателем боевого «Мстителя» времен второй мировой войны и состоял членом Конфедерации ВВС — группы энтузиастов, увлекающихся восстановлением старых боевых самолетов.

На следующий день вскоре после рассвета они с Уиллом снова были на гребне. В октябре на северных равнинах обычно холодно и бесприютно, и

то утро не отличалось от других. Ласкеру мешала раздутая пуховая куртка, но он еще не упарился от работы настолько, чтобы сбросить ее.

Торчавший из земли дюймов на пять «акулий плавник» был прикреплен к шесту диаметром в пару дюймов. Напорись на такой даже на тракторе — мало не покажется.

— Ну, — вонзая лопату в землю, сказал Уилл, — пора его вывороти́ть отсюда.

Отваленный пласт земли даже в эту пору года источал пьянящий аромат. Вокруг царила удивительная тишь — ни шороха, ни ветерка. На забор присела голубая сойка и, склонив голову набок, принялась наблюдать за людьми. Ласкера вдруг охватило чувство дивного единения с природой. «Плавник» заинтересовал его — трудно даже вообразить, что это за штуковина и как она оказалась погребенной посреди участка, принадлежавшего роду Ласкеров уже добрых шестьдесят лет. Но что важнее — эта загадка позволила ему чуточку сблизиться с сыном.

Далеко ли шест уходит в землю? Отмерив от «плавника» футов пять по прямой, Ласкер принялся методически копать вглубь. Уилл пришел к нему на помощь, и какое-то время спустя лопаты наткнулись на металл. В шесте оказалось никак

не менее полудюжины футов. Они продолжали копать, пока не настало время Уиллу отправляться в школу. Тогда Ласкер пошел в дом, выпил кофе с тостами и снова вернулся к находке. Он все еще занимался раскопками, когда пришла Джинн и позвала его поесть.

После ленча жена пошла вместе с ним — посмотреть, из-за чего разгорелся сыр-бор. Высокая, умная Джинни, коренная горожанка из Чикаго, приехала в Северную Дакоту работать таможенным инспектором, подальше от городской суеты. Вскоре она влюбилась в этого парня, а он зачастил в Канаду в надежде, что на обратной дороге будет проходить контроль у нее. Порой он даже покупал что-нибудь подлежащее обложению пошлиной. Джинни до сих пор вспоминала, как он впервые попытался прибегнуть к этой уловке, потратив тридцать долларов в виннипегском книжном магазине на книгу по истории канадской авиации, и был явно разочарован, когда Джинни дала ему знак проходить, потому что книги пошлиной не облагаются.

Друзья пытались отговорить его от ухаживаний. «Суровые зимы очень скоро допекут ее, — твердили они. — И жизнь в крохотном городке тоже. Рано или поздно она непременно

сбежит к себе в Чикаго». В их устах «Чикаго» звучало примерно так же, как и «Плутон». Но с тех пор утекло уже двадцать лет, а она все еще здесь. И, как Том, обожает, когда по ночам за стенами дома неистовствует вьюга, а в камине потрескивает огонь.

— А что, эта штука сильно мешает? — озадаченно поинтересовалась она, остановившись над траншеей, вырытой Ласкером вокруг находки. Глубина уже достигла шести футов, и из ямы торчала лестница.

— Вообще-то нет.

— Тогда к чему столько мороки? Разве так уж обязательно вырыть ее целиком, а? Просто отпилили ее, и всего-то дел.

— Что случилось с твоей романтической натурой? — парировал Том ее же любимым выражением. — Разве тебе не хочется узнать, что это такое?

— А я и так знаю, — улыбнулась Джинни. — Это шест.

— И как же он там очутился?

Джинни заглянула в траншею:

— Там что-то есть. На самом дне.

Там действительно виднелся кусок ткани. Ласкер спустился, разрыхлил землю вокруг ткани,

потом попробовал вытащить ее.

— Не идет. Привязана к шесту.

— Не стоит затея стольких хлопот.

— Этой штуке здесь явно не место.

— Ладно. Но у нас на сегодня запланированы и другие дела.

Ласкер нахмурился и вонзил лопату в мягкую почву.

* * *

Находка напоминала мачту, к тому же в комплекте с парусом.

Да еще укрепленную в палубе.

Ласкер позвал соседей, и они принялись копать всей компанией.

Палуба принадлежала яхте, и притом немаленькой.

Полностью освободить ее от земли смогли только через неделю объединенными усилиями соседей, однокашников Уилла и даже прохожих. «Акулий плавник» оказался украшением на верхушке одной из двух мачт.

Сама яхта являла собой прекрасный образчик кораблестроительного искусства; на ней имелась даже рубка, каюты и полный комплект оснастки. Совместными усилиями ее выволок-

ли на поверхность и уложили на бок, подперев шлакоблоками. Младший сын Ласкера Джерри принялся мыть ее из шланга. Стекающая грязь обнажала ярко-алые борта, кремовую белизну внутренних переборок и роскошную палубу, крашенную под сосну. Ударяясь о корпус, вода рассыпалась мелкими радужными брызгами. Спереди и сзади на штирборте болтались веревки — должно быть, швартовы.

С каждым часом толпа прибывала.

Бетти Кауснер осторожно потрогала киль раздругой, словно боялась обжечься.

— По-моему, это фиберглас, — предположил ее муж Фил.

Джек Венделл, послуживший на флоте, стоял сбоку, уперев руки в бока и разглядывая судно оценивающим взглядом.

— Нет, это не фиберглас, — возразил он. — Ощущение не то.

— Том. — Бетти Кауснер поглядела Ласкеру прямо в глаза. — Чья это яхта?

Ласкер даже не догадывался, кому могла принадлежать эта великолепная яхта, сверкающая в лучах чахлого дакотского солнца.

Не проходило и пяти минут, чтобы кто-нибудь не поинтересовался, не розыгрыш ли это.

Ласкеру пришла в голову лишь одна причина, по которой владельцу могло вздуматься схоронить подобное судно: без наркотиков тут не обошлось. Он искренне опасался обнаружить внутри трупы и, поднявшись на борт, неохотно осмотрел все помещения одно за другим.

И вздохнул с нескрываемым облегчением, не отыскав ничего экстраординарного.

Судно отличалось от виденных Ласкером прежде, хотя он и не мог определить, чем именно. Может, виной тому резкие перепады освещенности из-за облаков, то и дело скрывающих солнце. А может, дело в пропорциях — то ли грот-мачта расположена не там, где обычно, то ли обводы корпуса режут глаз непривычной геометрией.

— До воды далековато, — заметил Уилл, бросив взгляд на восток, в направлении Ред-Ривер.

— С виду она в полном порядке, прям хоть сейчас на воду спускай. — Рэй Хаммонд, владелец участка к востоку, возле шоссе №11, поскреб в затылке. Потом потрогал паруса носком ботинка. — Вот только постирать их придется.

По проселку подкатил автомобиль Эда Паттерсона, владельца магазинчика «Инструмент по руке» в Валгалле. Автомобиль остановился, и оттуда выбрался Эд, его жена и пятеро детей.

Эд внимательно осмотрел яхту, покачивая головой, потом они с женой поглядели на Ласкеров с таким видом, будто те выставили на обозрение страшную фамильную тайну. Дети, утратив интерес к судну, принялись гоняться друг за дружкой вдоль дороги.

Сходив в свой фургончик, Кауснер вернулся с рулеткой, сделал на земле отметки возле носа и кормы, измерил расстояние и провозгласил:

— Сорок семь футов пять дюймов!

Будь среди собравшихся человек, разбирающийся в парусных кораблях, он опознал бы в судне кеч по наличию полного киля, широкому (чуть меньше семнадцати футов), округлому корпусу и изящному профилю днища. Палубу окружал фальшборт высотой до пояса, сходящийся к носу. Штурвалов оказалось целых два: один в кокпите, а второй — на рубке, расположенной чуть дальше середины палубы. Шпигаты шли и по левому, и по правому борту.

Единственное повреждение, обнаруженное на судне, — сломанный вал гребного винта.

Паруса выстирали и развесили в подвале для просушки. Ласкер смотал с судна канаты, почистил их и убрал в сарай.

На уборку трюма ушло еще два дня.

Под палубой обнаружились две каюты, камбуз и ванная.

В каютах не было ничего особенного — по столу и по нескольку стульев в каждой, да по две койки. В грубо обработанные переборки было встроено с полдюжины шкафчиков.

В камбузе нашелся холодильник, ряд устройств, смахивающих на микроволновые печи, и бачки для воды. Но пиктограммы на холодильнике и печах оказались незнакомыми. В ванной был душ, умывальник и самый странный унитаз из когда-либо встречавшихся Ласкеру: низкий, широкий, без всяких признаков сиденья или крышки. Тут тоже обнаружились символы, прочесть которые никто не мог.

* * *

— Диковато все-таки, — сказал Ласкер вечером жене после того, как они впервые осмотрели трюм. Толпившиеся вокруг яхты соседи через какое-то время утратили интерес и разбрелись, оставив Ласкеров ломать голову над тем, почему судно оказалось под землей. Как заметил Уилл, до воды тут далековато.

После обеда Ласкер устремил неподвижный взгляд на яхту, поблескивавшую в лунном свете.

— Ты в порядке? — осведомилась Джинни.

— Хотел бы я знать, что это значит. Откуда она взялась?

Она пододвинула мужу кусок пирога с лимонным безе:

— Должно быть, осталась от твоего отца. Откуда ж еще?

А еще позже, когда она уселась почитать на сон грядущий, Ласкер натянул куртку и вышел.

Расположенный на отшибе Форт-Мокси словно забыл о времени. Здесь не вводили никаких серьезных новаций, не были заметны и солидные культурные сдвиги, вызванные развитием техники, влиянием приезжих и социальной инженерии. Городок и окружающая его обширная прерия будто угодили в тихую заводь времени, где президент Трумэн все еще у руля, где люди по-прежнему, относятся друг к другу с симпатией, а преступления почти неведомы. Последнее злодейство случилось здесь в 1934 году, когда Багси Морган устроил перестрелку, пробиваясь через границу.

В общем и целом здесь спокойно жить и хорошо растить детей.

Равнина простиралась без конца и без края. Некогда здесь был бассейн озера Агассис —

внутреннего моря, занимавшего куда большую площадь, чем все нынешние Великие озера, вместе взятые.

Агассис... Да только его давным-давно нету. Ласкер посмотрел на запад, где на месте прежнего берега высился гребень. На всей равнине больше ни морщинки. Какой бесславный конец! Ласкер много раз летал здесь, показывая окрестности мальчикам, — ему хотелось, чтобы они тоже любили родной край.

* * *

«Лесли в десять», КЛМР-ТВ, Гранд-Форкс, 22:26, 18 октября

Марки: Джули, тут у нас в Форт-Мокси нынче случилась странная история. Прямо посреди пашни откопали яхту.

Хаукинс (с улыбкой): Неужто на хлебной ниве вызрела настоящая яхта?

(Переход на дальний план Форт-Мокси; панорама по прерии, наезд на лесозащитную полосу и строения фермы.)

Марки: Эй, никто не терял яхту? А то у нас рядом с границей один фермер озадаченно чешет в затылке. Слушайте

репортаж Кэрол Дженсен.

(Переход на общий план: яхта и зеваки; крупный план Дженсен.)

Дженсен: Лесли, говорит Кэрол Дженсен с фермы Тома Ласкера в округе Кавалер.

(Средний план Ласкера.)

Чудесная яхта, мистер Ласкер. Вы действительно утверждаете, будто кто-то закопал ее на вашей ферме?

Ласкер: Именно так, Кэрол. Прямо тут. (Указывает.) Нынче летом эта земля у меня была под паром. Весной собираемся посеять здесь пшеницу. Но для этого мне нужна оросительная система, чтобы качать воду наверх. Так что мы прокладывали трубы и наткнулись.

Дженсен: На яхту?

Ласкер: Да.

(Ракурс, чтобы подчеркнуть габариты яхты.)

Дженсен: Она была закопана целиком? Или частично?

Ласкер: По самую маковку.

Дженсен: Мистер Ласкер, а кто мог оставить нечто подобное на вашей земле?

Ласкер: Кэрол, я даже не догадываюсь.

Дженсен (в объектив): Итак, Лесли, это все. Любопытно, что еще таится в долине Ред-Ривер? Пожалуй, при высадке бегоний будущей весной надо быть чуточку внимательнее. Репортаж вела Кэрол Дженсен с фермы Ласкера у Форт-Мокси.

(Общий план студии.)

Марки: Вот наши новости и подошли к концу. Спокойной ночи, Джули.

Хаукинс: Спокойной ночи, Лесли. (В объектив.) Спокойной вам ночи. Увидимся завтра в десять. Далее в нашей программе «Поздний выпуск».

* * *

Назавтра после репортажа о яхте Ласкера в «Лесли в десять» количество желающих увидеть диковинку сильно подскочило. Их число редко бывало ниже полудюжины, а порой доходило до двадцати. Дети начали продавать им кофе и рогалики и сразу же получили недурной доход.

Заехал и Хол Риордан, владелец склада пиломатериалов в Форт-Мокси — долговязый, педантичный человек, тщательно обдумывающий даже поход в ванную. Он был стариком еще

в те времена, когда Ласкер ходил в школу, теперь же стал седым как лунь. Ласкеры установили в трюме аккумуляторный обогреватель, и там стало тепло. Побродив по каютам, пристально оглядев днище и мачты, Риордан явился на крыльцо хозяйского дома.

— Тебе стоит на это взглянуть, — сказал он Ласкеру, ведя его к яхте. — Очень странно, Том.

— А что такое?

— Ты глянь на стык между мачтой и крышей каюты.

Ласкер послушно оглядел стык:

— И что же?

— Судно цельное. Я полагал, что мачту делают отдельно, а после прикручивают. Но вся эта штуковина будто отлита в одной форме.

Риордан не ошибся: на всем судне нигде не было ни малейшего признака стыков или болтов. Ласкер хмыкнул, не зная, что сказать.

* * *

Утром Ласкер взял в аренду прицеп и вызвал из Гранд-Форкс такелажников, чтобы те подняли яхту на прицеп и перевезли поближе к амбару.

Толпа прибывала с каждым днем.

— Тебе бы пора брать с них за вход, — предло-

жил Фрэнк Молл, экс-мэр и отставной таможенник. — К тебе народ ездит аж из самого Фарго.

Бородатый, коренастый Молл всегда легко находил общий язык с людьми и принадлежал к числу старых приятелей Ласкера.

— Фрэнк, что это, по-твоему? — поинтересовался Ласкер. Они вдвоем стояли на обочине, наблюдая, как Джинни и Пэг, жена Молла, пытаются регулировать дорожное движение.

Молл поглядел на друга, потом перевел взгляд на судно.

— Ты в самом деле не знаешь, как оно тут очутилось, Том? — В его тоне сквозил упрек.

— Нет, — чуточку раздраженно отозвался тот. — В самом деле не знаю.

— Будь на твоем месте кто другой, — покачал головой Молл, — я б решил, что без мистификации не обошлось.

— Никакой мистификации.

— Ладно. Не знаю, каким боком здесь ты. Яхта вроде как в хорошем состоянии. Значит, закопали ее недавно. Когда ж это могло приключиться?

— Не знаю. Для этого надо было раскопать всю округу. — Ласкер с прищуром поглядел на гребень, приставив ладонь козырьком ко лбу. — Не представляю, как это получилось.

— Но чего я в толк не возьму, так это зачем. С какой стати хоронить в земле целый корабль? Он потянет на добрых полмиллиона долларов. — Молл сложил руки на груди и устремил взгляд на яхту. Теперь она стояла на прицепе рядом с дорогой, гораздо ближе к дому, чем раньше. — Кстати, это самоделка.

— Как ты узнал?

— Элементарно. — Молл указал на корму. — Нет регистрационного номера корпуса. Он делается выпуклыми буквами, вроде автомобильных номеров. А тут их нет, — развел он руками.

— Может, ее построили еще до того, как ввели номера корпусов.

— Они обязательны уже давно.

* * *

Вымыв паруса струей из шланга, их развесили у входа в амбар, и теперь они слепили взор своей белизной, особенно когда выглядывало солнце, — будто и не лежали бог весть сколько лет в земле.

Ласкер стоял в амбаре, сунув руки в карманы и разглядывая паруса. Только тут до него впервые дошло, что в его распоряжении вполне исправное судно. До сих пор он все ждал, что вот-вот пожалует истинный владелец и предъявит свои права.

Но в это тихое, блеклое, холодное воскресенье, почти две недели спустя после извлечения яхты из земли, она как-то вдруг стала его собственностью — к добру это или к худу.

Ласкер ни разу в жизни не ходил под парусами, не считая одной-двух поездок в качестве пассажира. Зажмурившись, он вообразил, как они с Джинни плывут мимо невысоких Виннипегских холмов, а летний закат красит небо в багровые тона.

Но стоило ему взобраться по склону к яме, из которой недавно извлекли яхту, заглянуть в эту разверстую рану на западном краю его владений и задуматься о том, кто скрыл ее там, — как оттуда повеяло жутью.

Чего греха таить, ему было не по себе.

* * *

Перила поддерживал ряд балясин, тоже ничем не прикрепленных к палубе, а словно выросших из нее. Когда охотник за сувенирами за день до Хэллоуина решил утащить одну балясину, ему пришлось выпилить ее. Никто не видел, как это произошло, но в результате Ласкер по наступлении сумерек стал завозить яхту в амбар и запирать его двери на засов.

На середину ноября у Ласкера был запланирован полет на «Мстителе» в Оклахома-Сити для участия в воздушном празднике. Обычно Джинни отправлялась на подобные мероприятия вместе с ним, на месте стрелка-радиста. Но на сей раз она была сыта суетой по горло и объявила о своем намерении остаться. Кроме того, зная, что судно наверняка стоит целую кучу денег, Джинни не собиралась просто бросать его в амбаре.

— Все на свете знают, что оно тут, — пояснила она мужу.

Ласкер рассмеялся и возразил, что яхта все время стоит у дороги, и пока что никому и в голову не пришло ее утащить.

— Это тебе не машина, знаешь ли.

В пятницу она взглядом провожала его самолет, пролетевший над домом. Он покачал крыльями, а Джинни помахала ему (хотя и знала, что Том этого не увидит) и вернулась в дом, чтобы развесить выстиранное белье для просушки.

Шесть часов спустя она отдыхала в гостиной, смотрела старый фильм «Коломбо» и слушала, как завывает ветер за стенами. Уилл ушел гулять, а Джерри в своей комнате играл на компьютере. Посвист ветра и шелест листьев действовали очень успокоительно, чем-то напоминая сопение

спящих детей и жужжание миксера, готовящего молочный коктейль после их возвращения из школы.

Во время рекламы Джинни поднялась, чтобы взять воздушной кукурузы. И выглянула в окно.

Ночь была безлунная, а сквозь шторы просачивалось слишком много света, и Джинни прижалась носом к стеклу, напрочь запечатанному от холодного ветра Северной Дакоты и не открывавшемуся даже во время короткого лета.

Сквозь щели в источенных непогодой стенах амбара, находящегося ниже по склону, просачивался зеленоватый свет.

Туда кто-то забрался!

2

Пусть Хейди славная девчушка,
И Мэри тоже хороша.
Но только летчика душа
Принадлежит другой подружке.
Бомбардировщики твердят,
Иного слышать не хотят,
Что если ты в полете,
То для тебя милее нет —
Хоть обойди весь белый свет —
Чем «Молния» в эскорте.

Неизвестный автор, «Молнии в небесах»

«Локхид-Молния» сверкал в лучах солнца, клонящегося к закату. Эта живая реликвия, участвовавшая в великом походе против Гитлера, до сих пор могла подниматься в небо и выглядела по-прежнему грозной боевой машиной. О мощи говорил и сдвоенный хвост, и обтекаемая кабина, и широкие, изящные крылья. Сосредоточенные в носу пулеметы и пушка резко выдавались вперед, и не без резона: их огонь был не в пример точнее, чем огонь расставленных на крыльях

пушек других машин того времени. Попадать в перекрестье прицела этого самолета не стоило.

— Летать на нем не так-то просто, — заметил Макс.

P-38J — самолет с норовом, требует от пилота способности слиться с ним воедино. Пожалуй, такого, как Макс, он умеет каждой клеточкой своего тела отождествить себя с машиной, с каждой гайкой, проводком и рулем.

— Подумаешь, — свысока бросил Керр, вытаскивая чековую книжку. — Я и не собираюсь на нем летать.

Керр — высокий, импозантный, симпатичный, хоть и чуточку подержанный — смахивал на Бронко Адамса, опереточного героя книжек Керра. Вымышленный Бронко излетал Дальний Восток вдоль и поперек в серии высокооктановых, высокосексуальных триллеров. Сам Керр привык определять собственный стиль, как «одна чертовщина за другой». Неудивительно, что именно он надумал завести один из P-38, которых во всем мире остались считанные единицы.

— Не собираетесь летать? — переспросил Макс, решив, что ослышался. — Но он в великолепном состоянии!

— Я не летаю, — со скучающим видом отозвал-

ся Керр.

Макс запоем прочел три его романа — «Желтая буря», «Ночь в Шанхае» и «Полет над Бирмой», они поразили Макса мастерством автора в описании деталей полета.

— И даже не пробовал, — продолжал Керр. — В книгах я все придумал, это совсем нетрудно.

Макс воззрился на писателя, стоявшего на фоне бело-голубой звездной эмблемы, изображенной на гондоле двигателя. Самолет сверкал свежей краской тропического камуфляжа; его бортовой номер «К-9122» был выписан белым на фюзеляже, рядом с названием «Белая молния» и изображением бутылки виски. В 1943 году самолет базировался на аэродроме под Лондоном, где была расквартирована часть эскадрильи, действовавшая совместно с Королевскими ВВС. Потом эскортировал бомбардировщики, летавшие на Берлин, — дальность его полета и огневая мощь идеально подходили для подобных задач. А в 1944 году отправился на Тихий океан.

Послужной список «Белой молнии» был весьма впечатляющим. Макс по крупице восстановил его, копаясь в архивах ВВС, беседуя с пилотами и работниками наземных служб, и записал всю эту информацию на дискету.

— Тут все, что нам удалось раскопать: пилоты, кампании, победы. Кстати, достоверно известно, что он сбил восемь истребителей. И два «Хейнкеля». Это бомбардировщики.

— Ну и ладно. Мне этого не надо, — отмахнулся Керр. Достав ручку с золотым пером, он огляделся в поисках ровной поверхности и подошел к горизонтальному стабилизатору хвостового оперения. — Чек выписать на вас?

— На «Закатную авиацию». Это фирма Макса, восстанавливающая и продающая старые боевые самолеты.

Керр выписал чек. Четыреста тысяч. Доход компании составит сотню с четвертью: Недурно!

На зеленом поле чека была воспроизведена репродукция принадлежащего Бронко Р-38 в полете. Сложив чек, Макс спрятал его в нагрудный карман и поинтересовался:

— Вы что, хотите поставить его в музей?

Вопрос изумил Керра.

— Какой там музей! Я хочу поставить его на газон перед домом.

У Макса вдруг засосало под ложечкой.

— На газон?! Мистер Керр, да во всем мире их осталось всего *шест*ь штук! Он в идеальном состоянии! Его нельзя ставить на газон.

— А мне-то казалось, что я волен поступать с ним, как вздумается. — Керр выглядел искренне озадаченным. — Ладно, когда мы приступим к дальнейшему? — Он посмотрел на папку в руке Макса, где лежал бланк купчей.

Пилот Керра Бронко Адаме — обаятельный, остроумный и очень человечный герой. Его обожают миллионы читателей, они считают, что писатель поднял авиационный триллер на новые высоты. И Макса не могла не потрясти мысль, что замечательный творец — просто ничтожество. Да не может такого быть!

— Если вы оставите его посреди газона, — принялся объяснять Макс, — он будет мокнуть под дождем и проржавеет. — На самом деле Макс думал о том, что подобная реликвия заслуживает лучшей участи, чем превратиться в украшение владений богатого вертопраха.

— А вот тогда я вызову вас, и вы приведете его в божеский вид. Ладно, нельзя ли побыстрее, а то меня ждут дела.

Бразильский рейсовик сделал круг над аэродромом перед заходом на посадку, выделяясь на фоне безоблачного неба своей красно-белой окраской.

— Нет. — Макс достал чек и протянул Керру: — Не пойдет.

— Простите? — нахмурился Керр.

— Боюсь, такая сделка не пойдет.

Взгляды их встретились.

— Может, вы и правы, Коллингвуд. — Керр пожал плечами. — Вообще-то Джени и так была не в восторге от этой идеи. — С этими словами он развернулся на месте, пересек гравийную дорожку и вошел в здание аэровокзала, ни разу не оглянувшись. Максу оставалось лишь догадываться, кто же такая эта Джени.

* * *

Макс принадлежал к династии военных летчиков. Коллингвуды летали над Багдадом и Ханоем, были на авианосце «Хорнет»[1] в Тихом океане и среди Королевских ВВС весной тысяча девятьсот сорокового. Эта фамилия встречается даже в списках эскадрильи Окольцованных Фуражек за 1918 год.

Но Макс оказался пресловутой ложкой дегтя — он не питал пристрастия к армейской жизни и не горел желанием лезть под пули. Надо отдать

---

[1] notes: 1

речь идет о налете американской авиации на Токио 18 апреля 1942 года; успешно проведенная операция оказала существенное влияние на боевой дух и американских, и японских войск; плавучей базой для самолетов послужил авианосец «Хорнет» («Шершень»)

должное его отцу, полковнику ВВС США (в отставке) Максвеллу Е. Коллингвуду — тот постарался не выдавать, как он разочарован в единственном сыне. Но скрыть огорчение до конца все-таки не смог, и Максу не раз доводилось услышать, как отец наедине с матерью высказывает сомнение в непогрешимости генетики.

Это сомнение укреплял тот факт, что юный Макс вообще должен был получить двойную дозу наследственности — на свет его родила Молли Грегори, в прошлом израильская вертолетчица, во время Шестидневной войны заслужившая прозвище Молли Героиня, когда затеяла перестрелку с береговой батареей во время операции по спасению подбитой канонерки.

Молли поощряла решение сына держаться подальше от армии, и он не мог не замечать ее удовлетворения от того, что сын не собирается напрашиваться на неприятности. Как ни странно, одобрение матери огорчало его. Но он умел радоваться жизни, любил общество привлекательных женщин и получал удовольствие, наблюдая метели или закаты. Жизнь дается лишь раз, и Макс не собирался рисковать ее радостями ради чьих-нибудь извращенных представлений о чувстве долга. Главная забота Макса — сам Макс.

Если у него и были какие-либо сомнения насчет собственного характера, то все его подозрения с лихвой подтвердил инцидент в Форт-Коллинз, свидетелем которого Макс стал в двадцать два года. Он работал гражданским пилотом в «Уайлдкэт Эрлайнз», летая с грузами и пассажирами между Денвером и Колорадо-Спрингс. Однажды холодным ноябрьским днем он осматривал свой двухмоторный «Арапахо», стоя под крылом с блокнотом в руках, когда на приземление пошел рейсовый двухмоторный бело-голубой «Боло»; Макс и сам не знал, что привлекло его внимание, но он почему-то решил понаблюдать за посадкой. Солнце стояло еще довольно высоко над горами. Самолет покатил по посадочной полосе, и Макс разглядел лицо широко улыбавшейся девчушки с каштановыми кудряшками в переднем правом иллюминаторе салона. Самолет уже приближался к зданию аэровокзала, когда, выпустив тоненькую струйку черного дыма, левый мотор запылал.

Ужаснувшись, Макс двинулся вперед. Должно быть, взорвался бензопровод, потому что пламя с ревом пронеслось по крылу и охватило фюзеляж еще до того, как пилот успел что-либо предпринять. Улыбающаяся девчушка даже ничего не

заметила.

Из здания выскочил кто-то в белой рубашке, с развевающимся галстуком и во весь дух понесся к самолету. Но он был чересчур далеко. Огонь ревел уже над топливными баками. Макс едва успел сделать пару шагов, когда понял, что это бессмысленно, и остановился в ожидании взрыва, понимая, что все уже слишком поздно, и почти желая, чтобы всепожирающая вспышка положила этому конец.

Девчушка смотрела на него и теперь тоже заметила пламя. Выражение ее лица изменилось, и она опять посмотрела на Макса.

Этот взгляд навсегда отпечатался в его памяти.

Потом человек с галстуком пронесся мимо Макса, громко шлепая подошвами по бетону, и Макс крикнул ему вслед, что он погибнет. Но тот подлетел к самолету, рывком распахнул дверь и скрылся внутри. Девочка все еще смотрела на Макса. Потом чьи-то руки повлекли ее прочь от окна.

В этот миг все и произошло.

Самолет превратился в огненный шар. Волна жара прокатилась над Максом, бросившимся ничком на бетон.

Так он и постиг свою сущность.

* * *

Люди чаще всего осознают наступление решительного момента собственной жизни лишь впоследствии, мысленно оглядываясь в прошлое. Поход в книжный магазин приводит к встрече, ведущей прямиком под венец. Знакомство с попутчиком в позднем такси может перейти в дружбу, два года спустя обеспечивающую повышение по службе. Заранее не угадаешь.

Макс пережил поворотный момент вскоре после взрыва в Форт-Коллинз, когда запланированное обольщение не состоялось и ему надо было как-нибудь убить время в приятное весеннее воскресенье. Друзья уговорили его посетить воздушный парад боевых машин, где Макс и наткнулся на Тома Ласкера и его торпедоносец «Мститель».

Ласкер оказался летающим фермером, владельцем нескольких тысяч акров на северной границе. Он тогда только-только приобрел «Мститель» на аукционе и уже начинал в этом раскаиваться, когда Макс, не желавший обедать в одиночестве и высматривавший компанию, узрел сперва самолет, а затем крупного мужчину с обветренным лицом — тот сидел на стуле задом

наперед и озабоченно разглядывал машину.

Потрепанный «Мститель» стоял кособоко, краска на нем облупилась. Но что-то в нем затронуло романтическую душу Макса — этот грозный, прекрасный, терпящий бедствие самолет воплощал в себе ожившую историю. То была первая встреча Макса со старой боевой машиной. Она-то и перевернула всю его жизнь.

— Да, тут придется поработать, — заметил Макс Ласкеру.

Ласкер разговаривал с самолетом.

— По-моему, я погорячился, — сказал он.

Тогда-то Макс и начал заниматься старинными самолетами. Заключив сделку с Ласкером, он потратил несколько недель на восстановление «Мстителя»: нанял специалистов, чтобы те поменяли мотор и подтянули гидравлику, установил электронное оборудование последнего образца, заново выкрасил самолет серой краской и нанес на него новый комплект эмблем и знаков отличия. Боевые звезды сверкали на фюзеляже и крыльях, и самолет собрал целую толпу, когда Макс прилетел на нем в Форт-Мокси, чтобы вернуть владельцу.

Хотя расставался он с машиной весьма неохотно. Ласкеру настолько понравился результат, что

он вручил Максу щедрую премию. Приехавшая с ним вместе жена Джинни пришла в неистовый восторг при виде итога трудов Макса, чем навечно заслужила его искреннюю симпатию. Она сфотографировалась перед самолетом, а Том уговорил ее прокатиться. Они с Ласкером кружили над городком полчаса, а Макс дожидался их в конторе. Приземлившись, они пригласили Макса к себе на ферму, где Джинни подала обед с ростбифом. Потом они пили, болтали далеко за полночь, и Макс заночевал в гостевой комнате, как еще много раз впоследствии.

С тех пор Макс занялся восстановлением старых самолетов.

Полковник и Молли Героиня одобрили его выбор.

* * *

Под вечер Макс пробил низкие облака, заходя на аэродром Челлис в Фарго. Управлять P-38 было одно удовольствие, и Макс чувствовал себя на седьмом небе. Однако он упустил изрядный куш. Теперь компании придется заново выставлять машину на продажу, и в следующий раз вряд ли подвернется настолько выгодная сделка.

И все же Макс считал себя скорее художником,

нежели бизнесменом. И его искусство вбирало в себя не только дизайн фюзеляжа и боевые эмблемы на нем, но и сдержанную мощь двигателей, и высокие летные качества. Боевые машины «Закатной авиации» не должны гнить на газонах богачей. (Если честно, Макс даже от музеев не приходил в восторг, но там по крайней мере люди могут полюбоваться старыми самолетами в натуральном виде.)

Ну и ладно, гори оно синим пламенем! Может, он и получит за это пару оплеух, зато сегодня снова сидит за штурвалом «Молнии».

Разумеется, он установил в кабине современное навигационное оборудование, так что поймать сигнал радиокомпаса и выйти по прямой на ВПП труда не составило. На трехмильной отметке самолет шел на высоте в пять сотен футов. Макс прибрал дроссель и опустил закрылки. Индикаторы замигали, сообщая, что шасси выпущено. Огни аэродрома приближались. Макс легонько подал штурвал от себя. Левее мелькали фары машин, проносящихся по Плейнс-авеню. Как только под крыльями показался бетон, Макс закрыл дроссель и приподнял нос машины. Самолет немного спланировал и коснулся полосы колесами.

«Закатная авиация» располагает собствен-

ным ангаром, где разместилась и контора. Макс развернул Р-38, радиосигналом открыл ворота ангара и вкатил крылатую машину внутрь. Там стояли еще два самолета, над которыми сейчас трудилась компания: Норт-Американ Р-51 «Мустанг», предназначавшийся для Смитсоновского института, и Рипаблик Р-47 «Удар грома», принадлежащий аризонскому телевизионщику.

Заглушив мотор. Макс выбрался из кабины и ухмыльнулся, вообразив, как удивится механик поутру, когда увидит «Молнию» на прежнем месте. Через минуту он уже был в кабинете. Стелла оставила кофеварку включенной, так что Макс нацедил себе кофе и уселся за стол.

Автоответчик записал пару звонков — один от поставщика запчастей, а второй от Джинни Ласкер.

— Макс, — произнес записанный голос, — пожалуйста, позвони, как только сможешь.

В голосе ощущалось напряжение, чуть ли не испуг. Макс уже было снял трубку, но тут же отложил ее, услышав, что входная дверь открылась.

— Привет, Макс! — с порога улыбнулась Сейл Брэддок и с любопытством взглянула на него. — В чем дело? Сделка сорвалась?

Сейл — хозяйка и единственный пилот ком-

пании воздушных грузоперевозок «Тор», тоже расквартированной в Челлисе, обладательница чарующих синих глаз, пышной копны каштановых волос, задумчивой улыбки и штурмана компании «Ти-Дабл-ю-Эй» из Сент-Пола. У Макса были поползновения на ее счет, но Сейл держала его на расстоянии вытянутой руки. Порой они даже перешучивались на эту тему.

— Ты любишь не меня, а «Бетси», — утверждала Сейл. «Бетси» — так окрестили транспортник модели С-47, который она три года назад купила у «Закатной авиации». Самолет стал флагманом компании «Тор», перевозящим грузы по Соединенным Штатам и Канаде. За это время парк «Тора» пополнился еще двумя самолетами, а теперь Сейл договорилась о покупке четвертого.

Время от времени Сейл участвовала на «Бетси» в воздушных парадах, а однажды они с Максом даже воспользовались самолетом ради доброго дела. В прошлый Новый год Фарго замело, медицинские вертолеты не справлялись с экстренными вызовами, а на дальней ферме в критическом состоянии ждал помощи парнишка, почти отхвативший себе руку циркулярной пилой. Они навесили на С-47 лыжи и слетали на нем в Пеликан-Рэпидс. Приземлившись восточное

городка на льду озера, они захватили парнишку и доставили его в Фарго, где врачи благополучно пришили руку на место.

— Он не заслуживает такой машины, — криво усмехнулся Макс.

Похоже, новость порадовала Сеид. Макс знал, что заботливое отношение к самолетам — одна из тех его черт, которые нравятся ей больше всего.

— И в чем же дело?

— Мне он пришелся не по нутру.

Взяв чашку, она налила себе кофе.

— Не темни. Речь шла о большущих деньгах, так что одной антипатии мало.

— Нет, правда. Слушай, вокруг куча людей, готовых глотки друг другу перегрызть ради обладания этим самолетом. Я не хочу хвататься за первое попавшееся предложение.

— Сомневаюсь, что у многих из них столько же денег, сколько у Керра, они не станут швыряться ими направо и налево.

Порой Максу начинало казаться, что у него есть шансы завоевать сердце Сейл, но он оставил подобные попытки больше года назад.

— Может, и так. — Он пожал плечами. — Пожалуй, что так.

Сев напротив него, Сейл попробовала кофе и

поморщилась:

— Пора заварить новый.

— Что-то ты припозднилась, — посмотрел на нее Макс.

— Лечу завтра в Джексонвилль.

Чтобы участвовать в ежегодном параде на аэродроме Сесил, подумал Макс. Значит, она осматривала свой С-47.

— Все ли в порядке? — осведомился Макс.

— На все сто. — Она поставила чашку и встала. — Пора мне.

— Увидимся как-нибудь, — кивнул он.

Сейл поглядела на него долгим взглядом и удалилась. Входная дверь скрипнула, открываясь, затем захлопнулась.

Проклятие!

Нажав кнопку автоматического набора номера Ласкеров, он услышал гудок, и почти тотчас же Джинни сняла трубку:

— Алло!

— Привет, Джинни. Что стряслось? Ты в порядке?

— Да. Спасибо, что позвонил, Макс, — с тревогой в голосе отозвалась она. — Я в полном порядке. — Джинни на миг замялась. — Но у нас происходит нечто странное.

— Что?

— Я бы не стала тебя беспокоить, но Том отправился в Титусвилль, и я не смогла с ним связаться.

— А зачем он тебе? В чем дело?

— Ты знаешь про судно, что мы нашли?

— Судно? Нет. Где нашли?

— Здесь, на ферме.

Макс представил себе многие и многие акры пахоты, раскинувшиеся на бескрайней, плоской как блин равнине.

— Извини, Джинни, но, по-моему, я что-то недопонял.

— Мы нашли судно, Макс. Откопали. Оно было зарыто. Спрятано.

— Ты шутишь?

— Макс, речь идет не о весельной лодке. Это *яхта.* Про нее рассказывали по телевидению.

— Боюсь, я как-то проглядел.

— Я, собственно, почему позвонила — нынче вечером я выглянула из окна и увидела в амбаре свет. От яхты.

— Она горит?

— Нет. Светится.

— Значит, кто-то забрался туда и включил свет? Ты это хочешь сказать?

— Амбар заперт. Вряд ли ее кто-либо трогал. По-моему, свет включился сам по себе. Это габаритные огни, длинные зеленые лампы на носу.

Макс все еще не мог взять в толк, о чем речь:

— А кто ее зарыл?

— Макс, мы не знаем. Мы ничего не знаем — кто зарыл и когда... — Голос ее дрожал.

— Ты хочешь, чтоб я приехал? — Джинни замялась, и эта пауза оказалась красноречивее слов. — Ладно, уже выхожу.

— Спасибо. — В ее голосе прозвучало облегчение. — Я отправлю Уилла встретить тебя в аэропорту.

3

Вот тихий света предел...

Альфред Теннисом, «Титон»

Ну по крайней мере хотя бы есть повод снова вывести «Молнию» на взлетную полосу.

Лететь от Фарго до Форт-Мокси и границы миль сто пятьдесят на север. Ночь стояла беззвездная, земля была погружена во тьму, изредка разбавляемую огоньками уединенных ферм и одиноких автомобилей, катящих по проселочным дорогам.

В кабине самолета Макс всякий раз чувствовал себя обновленным, славно оставил повседневные хлопоты на земле. Мерный рокот двух моторов наполнил ночь, и Макс попытался вообразить, каково было лететь бок о бок с B-17 над Германией. Потом представил, как выпускает очередь в поединке с двумя «Мессерами-109», и впереди вспухает огненный смерч.

Заходя на посадку в Международном аэропорту Форт-Мокси, он широко улыбался. Уилл Ласкер дожидался его рядом с черным пикапом марки «форд». Одетый в куртку с футбольным номером, парнишка выглядел смущенным.

— Вы уж простите, что мы вас вытащили в такую даль, — сказал он. — В общем, мы не боимся какого-то света, но вы же знаете женщин...

Макс кивнул и забросил сумку в кузов.

Уилл обрушил на него целую лавину сведений, рассказав, как они нашли яхту, как та выглядит, как их до сих пор донимают ежедневные посетители.

— Многие считают, что это мы сунули ее в яму.

— Могу понять, откуда у них такое мнение.

Уилл сосредоточенно всматривался вперед. Машина оставила огни Форт-Мокси позади, выкатившись на темные просторы прерии.

— Только сумасшедшему придет в голову такое, — продолжал парнишка, словно не слышал реплики Макса. — Будь у нас такая яхта, мы спустили бы ее в озеро, а не в яму.

Макс даже не представлял, что за судно можно найти посреди пашни. В его воображении сложился образ прогнившего корыта с фонарями, свисающими с планшира, и он оказался совершенно не готов к зрелищу, ждавшему в амбаре, куда привела его Джинни.

— Боже мой! — выдохнул он. — Вы меня разыгрываете!

Изящная яхта сверкала яркими красками даже

в свете голых ламп накаливания. Уилл оказался прав: подобному судну место в озере Виннипег, а не в обшарпанном амбаре в окрестностях Форт-Мокси.

— Мы не имеем представления, откуда она взялась, — сказала Джинни, угадав его мысли по выражению лица. — Ни малейшего.

Яхта стояла на прицепе. Снабженный шарниром грот был сложен. У стены высилось несколько свертков белого холста.

— Это паруса, — пояснила Джинни, проследив направление взгляда Макса.

По влажной духоте и запаху конюшни Макс догадывался, что в глубине амбара расположены стойла лошадей. Потом разглядел лампу на носу судна, длинную и каплевидную, но та не горела. На всем судне не было ни огонька. Широкий, длинный киль шел от носа до кормы. Штурвал виднелся на корме, но вполне вероятно, что его дубликат имелся и в рубке, установленной чуть впереди от кокпита. На носу, под лампой, были начертаны черные угловатые письмена, не похожие ни на какие известные Максу.

— Ты их выключила? — спросил он. — Лампы, я имею в виду.

— Не совсем. — Джинни щелкнула выключа-

телем.

Амбар погрузился во тьму — непроглядную, вязкую, чуть ли не осязаемую. Лошади забеспокоились.

— Джинни! — окликнул Макс.

— Давай подождем.

Что-то затлело — сперва слабым, фосфорическим блеском, текучим и аморфным, словно лунный свет, просачивающийся сквозь тонкую облачную пелену. Свет становился ярче прямо на глазах, набираясь насыщенной зелени, как лужайка после весеннего ливня или лучи солнца, просачивающиеся в море. Он наполнил стойла, озарил вилы и мотыги, отбросил резкие тени от трактора и яслей, расположенных у стены. Макс изумленно глядел на сияние, теперь уразумев, чем была напугана Джинни.

— С другой стороны еще одна, — сообщила она. — Белая.

— Габаритные огни, — произнес Макс. — Но они ведь неправильные, а? Здесь левый борт. Огонь должен быть красным.

— Не знаю.

— Ну да, красный по левому, а зеленый по правому. — Обойдя яхту, он осмотрел ее с другой стороны. — А белый — это вообще пальцем в

небо. — Он потрогал обшивку, и та оказалась на ощупь приятной, как резное красное дерево или кожаное кресло. Макс обернулся к Джинни. — Она старая?

— Даже не представляю! — махнула та рукой.

Макс сцепил руки за спиной и двинулся вокруг яхты. Итак, прежде всего стоило бы выяснить, зачем зарывать в землю такое сокровище?

— Кто-нибудь предъявлял на нее права?

— Нет.

— Она в прекрасном состоянии, хоть в витрину ставь. — Он недоверчиво разглядывал сверкающие борта, полированные мачты, яркие краски. Потом подошел к полкам с парусами. На ощупь материал оказался совсем не похожим на парусину.

— Мы выстирали их, — сообщила Джинни.

— Вряд ли она долго пролежала в земле.

— Ни за что не поверю, что ее закопали на моей памяти. Сколько я здесь живу, такого быть не могло.

— А что было внутри? Трупы?

— Мы тоже этого опасались. Нет, никаких трупов. И никаких наркотиков.

— А как насчет регистрационного номера? Предыдущего владельца можно вычислить по

нему.

— Если он и есть, то мы не смогли его отыскать. — Джинни подошла к нему поближе. — Макс, в ней нет и мотора.

— Не может быть. У нее же есть винт... — Тут он заметил, что вал сломан. — Во всяком случае, был.

— Знаю. Вал уходит в небольшой зеленый ящик. Открыть ящик мы не смогли, но на мотор он не очень-то похож.

Джинни снова включила свет. Макс сложил ладони чашей над габаритным огнем и наблюдал, как тот угасает.

— Эта штука пугает меня до потери пульса. — Она сплела руки на груди. — Макс, что это такое?

Подобных яхт Макс не видел еще ни разу в жизни.

— Пойдем-ка в дом, — только и сказал он.

Он был рад оказаться подальше от яхты. Джинни настаивала, чтобы оба сына перенесли свои постели в гостиную. Джерри пришел в восторг от возможности поспать на новом месте — тем более что ему тоже было не по себе. Уиллу было все равно, но он сделал вид, что не доволен.

— Уважь мать, — сказал ему Макс с заговорщицким видом: мол, мы-то, мужчины, понимаем,

что к чему.

Дети послушались, и они заночевали в гостиной всей компанией. Джинни оставила свет включенным во всем доме.

4

Скользит по туманной глади морей,
И трюмы полны пространств и времен...[2]

Уолтер Асквит, «Древние берега»

Спал Макс плохо. Он старательно разыгрывал добродушное удивление перед страхами Джинни и ее требованием, чтобы все держались вместе, будто в амбаре завелся некий демонический дух, наведавшийся с равнины. Но именно Макс предложил оставить включенными парочку ламп снаружи. Уж лучше сочащийся в окно свет будет исходить от шестидесятиваттных лампочек «Дженерал электрик», чем от этого бог-весть-чего. И все же Макс втайне гордился, что именно к нему Джинни обратилась за помощью.

Однако причиной его беспокойства послужило отнюдь не загадочное явление в амбаре, а ощущение дома, духа семьи. Подобная атмосфера окружала его лишь в детстве. Порой Ласкер подшучивал над разнообразием и многочисленностью интрижек Макса — дескать, с каждой не

---

[2] notes: 2
эта цитата вымышлена, как и многие другие

больше одного раза. Макс подыгрывал ему, потому что именно такой реакции от него ждали, — но на самом деле отдал бы все на свете, лишь бы в его жизни появилась такая же Джинни.

Утром они разыскали Тома. При свете дня вчерашние тревоги показались высосанными из пальца; Джинни не так-то просто было растолковать, с какой стати она обратилась за помощью, и Макс чувствовал себя очень неуютно.

— Я не хочу, чтобы ты считал меня истеричкой, — говорила она мужу в трубку, — но тут было довольно жутко. Я за то, чтобы избавиться от этой чертовщины.

Голос Ласкера звучал через динамик. Он не мог поверить, что свет включился сам по себе, и все спрашивал, уверена ли она. Наконец он вроде бы счел объяснения достаточными, хотя Макс прекрасно понимал, что Том поверит рассказу жены лишь после того, как увидит все собственными глазами. Что же до избавления от яхты, то:

— По-моему, не стоит принимать поспешных решений. Если хочешь, можно накрыть ее брезентом. Тогда ты ни черта не увидишь.

Джинни бросила взгляд на Макса:

— Том, вряд ли мне станет от этого намного легче.

— Макс, а ты-то что думаешь? — поинтересовался Ласкер. — У тебя есть какие-нибудь соображения на сей счет?

— Нет, ни малейших. Но я скажу тебе одно: в земле яхта пролежала не так уж долго.

Ласкер надолго умолк, потом наконец сказал:

— Ладно уж. Слушайте, я трогаюсь сегодня же, ближе к полудню. Отлетаю свое и сразу же в путь. Буду дома во второй половине дня.

Стоял холодный, серый, унылый день, грозивший то ли дождем, то ли снегом, то ли и тем и другим вместе. Во время завтрака приехали несколько человек, принявшихся стучать в переднюю дверь — мол, нельзя ли взглянуть на яхту? Джинни покорно отперла амбар и вытащила прицеп под хмурое небо стареньким трактором «Джон Дир». Развешанные на прицепе таблички призывали посетителей ничего не трогать.

— А стоит ли утруждать себя? — спросил Макс, за обе щеки уписывая блинчики и бекон. — Оставь судно в амбаре, и все это безобразие прекратится.

— Я бы не задумываясь так и поступила, но Том считает, что это не по-добрососедски. Он думает, что, раз люди приехали поглядеть на эту штуковину аж из Виннипега или Фарго, они имеют

право ее увидеть. — Она пожала плечами. — Не то чтобы я была с этим не согласна, но эта суматоха уже сидит у меня в печенках.

Подъехали новые машины с зеваками, пока Макс заканчивал завтрак.

— Мы надеемся, что скоро им это наскучит. Или они промерзнут. Нам все равно. — На мгновение холодные голубые глаза Джинни встретились со взглядом Макса. В ее глазах до сих пор читался страх, даже при свете дня. — Макс, я бы с радостью избавилась от яхты.

— Тогда продайте ее. — Макс знал, что Джинни может уговорить мужа.

— Мы непременно так и поступим. На это уйдет какое-то время. Но я даже не уверена, что мы можем ею свободно распоряжаться.

Макс доел блинчики и потянулся за новой порцией. Обычно он старался не переедать, но устоять перед стряпней Джинни не мог.

— Любопытно, — произнес он, — не зарыто ли тут что-нибудь еще.

— Надеюсь, нет, — вздрогнув, отозвалась Джинни.

Макс все пытался составить сценарий, сводящий концы с концами, и никак не мог отделаться от мысли о мафии — кто ж еще способен измыс-

лить нечто столь же дикое? Быть может, яхта была важной уликой в каком-нибудь чикагском убийстве?

Кто-то постучал в кухонную дверь.

Открыв, Джинни увидела женщину средних лет, одетую в меха, в сопровождении невозмутимого седовласого шофера.

— Миссис Ласкер? — справилась пришедшая.

Джинни кивнула.

Женщина вошла, расстегнула шубу и тут увидела Макса.

— Доброе утро, мистер Ласкер.

— Моя фамилия Коллингвуд.

При этом известии она лишь слегка приподняла бровь и повернулась обратно к Джинни.

— Я Эмма Маккарти. — Ее острые, инквизиторские черты говорили о высокомерной привычке судить все и вся. — Я хотела бы осведомиться, не продается ли ваша яхта, дорогуша. — Она закрыла за собой дверь, оставив шофера на крыльце.

— Да нет, вряд ли, — ответила Джинни. — Мой муж в восторге от нее. Мы собираемся сами воспользоваться ею ближайшим летом.

Маккарти кивнула и уселась на стул, дав Максу знак налить кофе.

— Прекрасно вас понимаю. На вашем месте я

была бы настроена точно так же. Очаровательная яхта.

Джинни вручила чашку гостье.

— Несомненно, вы хотите иметь возможность выбора, — продолжала та. — Однако могу вас уверить, лучшей цены вам не предложит никто. Может, вы позволите мне взглянуть на судно поближе? Я хотела бы осмотреть каюты. И мотор.

Джинни присела за стол напротив гостьи.

— Должна вам сказать откровенно, мисс Маккарти...

— Миссис, — поправила та. — Мой муж Джордж, упокой, Господи, его душу, нипочем не снес бы, если бы я теперь отреклась от него.

— Миссис Маккарти, — улыбнулась Джинни, — я с удовольствием покажу вам яхту. Но в данный момент я не готова принять ваше предложение.

Миссис Маккарти сбросила шубу, позволив ей упасть на спинку стула и всем своим видом заявляя: «Выложим карты на стол».

Извинившись, Макс пошел собирать вещи. Пора возвращаться в Фарго. Том скоро приедет, по владениям слоняется толпа зевак, так что в присутствии Макса вряд ли есть нужда. Из окна гостиной ему было видно, что автомобили все продолжают прибывать. Заморосил дождь.

Виднеющиеся за дорогой серые, пустынные поля протянулись до самого горизонта.

Откуда ж тут взялась яхта?

Ни регистрационного номера, ни табличек.

А паруса якобы пролежали в земле больше двух десятков лет, как утверждает Джинни. Безумие. Это просто не может быть правдой.

Бросив сумку у входной двери, Макс направился в амбар, чтобы еще раз взглянуть на паруса. Аккуратно сложенные, они были спрятаны в пластиковые мешки. Открыв один из них, Макс извлек ткань — ослепительно белоснежную и мягкую. На ощупь она напоминала скорее рубашку, чем парус.

Вернувшись в дом, он мог даже не спрашивать, как прошли переговоры, — Джинни была на седьмом небе.

— У нее такой же бизнес, как и у тебя, Макс, — сообщила Джинни. — Можешь ты в это поверить? Только она восстанавливает суда.

Джинни протянула Максу визитную карточку. Там значилось: «Пеквод, Инк. Миссис Джордж Маккарти, директор. Судоходство, как в былые дни».

— Как я понимаю, она сделала тебе предложение?

Глаза Джинни округлились.

— Да! — Ее голос сорвался на фальцет. — Шестьсот тысяч!

Она обняла Макса и стиснула с такой силой, что он едва удержался на ногах.

По дороге подкатил небольшой автобус. Дверцы его открылись, но пассажиры — похоже, группа пенсионеров — не спешили выбраться под дождь.

— Не хватайся за это предложение чересчур поспешно, — покачал головой Макс.

— Как? Почему?

— Потому что яхта, наверное, стоит не в пример дороже. Послушай, Джинни, корабли — не моя специальность, но хвататься за первую попавшуюся сделку неблагоразумно. — Макс сосредоточенно нахмурился. Черт его разберет, что тут и как. — По-моему, немного выждав, ты ничего не потеряешь. А если всплывет что-нибудь существенное, то еще и выиграешь.

Джинни надела куртку и вместе с Максом вышла на крыльцо, где прятались от дождя пять или шесть туристов. С неба сеяла мелкая изморось, было ужасно холодно.

— Джинни, — спохватился Макс, — у тебя есть снимки? В смысле, яхты.

— Разумеется.

— А нельзя ли мне взять парочку? И еще одно: я хотел бы прихватить кусочек паруса. Можно?

Джинни неуверенно взглянула на него:

— Ладно, а зачем?

— Я бы хотел выяснить, что это за ткань.

— Смахивает на тонкое полотно.

— Я тоже так подумал.

— Дай знать, если выяснишь, — улыбнулась она и поглядела на стену ливня, надвигавшегося с запада. — Лучше уберу ее под крышу.

Спрыгнув с крыльца, она забралась на трактор и завела двигатель. Большинство посетителей, поглядев на небо, решили убраться, пока можно, и бросились к автомобилям.

Джинни уже завезла судно в амбар до половины, когда обернулась, чтобы проследить, как оно впишется между стойлами, и вдруг затормозила, уставившись на яхту.

— Макс! — Она подозвала его взмахом руки. — Посмотри!

— Да льет как из ведра! — запротестовал он.

Но Джинни продолжала дожидаться его. С обреченным вздохом сунув руки в карманы, Макс двинулся по чавкающему газону к амбару.

— Ну, чего тут?

Дождь усилился, промочив его до нитки.

Не обращая внимания на ливень, Джинни указала ему на корпус яхты:

— Смотри!

— Ничего не вижу.

— По-моему, она не может промокнуть, — шепнула Джинни.

Над яхтой парил легкий туман, как над раскаленным шоссе во время летнего ливня.

— Ну и что? — развел руками Макс.

— Глянь на трактор.

Никакого тумана.

Краска трактора поблескивала, и по крыльям сбегали крупные маслянистые капли.

Зато от корпуса яхты капли разлетались мелкой россыпью, играя радужными красками, будто невидимая сила отталкивала воду.

* * *

Часом позже P-38J прокатился по взлетной полосе Международного аэропорта в Форт-Мокси и взмыл в отсыревшее хмурое небо. Макс взглядом проводил удаляющуюся бетонку. Ветровой конус на крыше одинокого ангара показывал примерно двадцать узлов и направление на юго-восток. К северу от аэропорта шли вперемежку сборно-щи-

товые домики, частоколы, немощеные улицы, рощицы и просторные поляны. Над крышами горделиво вздымалась водонапорная башня, украшенная названием городка и девизом «Славное место для житья». Ред-Ривер даже с виду казалась ледяной.

Макс направил машину вдоль шоссе №11 на запад, в дождь, над просторными полями с поникшими, увядшими подсолнечниками, дожидающимися, когда их запашут в землю. Неподвижность обширного пейзажа нарушал лишь фермерский грузовичок да стая запоздавших гусей, летящих на юг. Пролетев над владениями Тома, Макс увидел, что дорога почти опустела, амбар заперт, и свернул на юг.

Дождь барабанил по стеклу фонаря, серое небо казалось вязким, как кисель. Макс оглядел левый лонжерон, прозаичный и основательный. Силовой привод истребителя составляют два эллисоновских двигателя с жидкостным охлаждением мощностью по 1425 лошадиных сил каждый. Выпущена «Белая молния» была шестьдесят лет назад на заводе корпорации «Локхид» в Сиэтле. Это тоже чудо, как и яхта. Но самолет — настоящий, это чудо, удерживаемое в воздухе законами физики. P-38J и похороненная яхта с

работающими габаритными огнями не могут ужиться в одном и том же мире.

Ни за что.

Макс поднял машину до семнадцати тысяч футов, ее номинальной высоты, и положил на курс до Фарго.

* * *

Обрезок паруса Макс оставил в Колсоновском институте, попросив выяснить состав материала и по возможности место производства. Ему обещали дать ответ в течение недели.

Стелла Везерспун, заместитель Макса по административной части — толстая, ясноглазая матрона с тремя детьми-старшеклассниками и разведенная с мужем, постоянно задерживающим алименты, — занималась в «Закатной авиации» вопросами, требующими организаторской хватки. Она писала контракты, составляла графики работ, нанимала субподрядчиков. Кроме того, будучи прирожденным консерватором, она прекрасно чувствовала разницу между рассчитанным риском и ставкой ва-банк, таким образом, постоянно сдерживала порывы Макса. Будь она вчера на месте, Керр получил бы свою «Молнию» без лишних вопросов. «Не стоит влюб-

ляться в самолеты, — то и дело предупреждала она Макса. — Это деловые предприятия, а не женщины».

Входящего в контору Макса она встретила неодобрительным взглядом:

— Привет, Макс.

— Он не подходил для Р-38.

Стелла возвела очи горе:

— Наше дело — восстанавливать и продавать самолеты, а не приискивать им заботливых хозяев.

— Он ничтожество, — стоял на своем Макс. — Подобные деньги к добру не приведут.

— Ага, как же. Макс, мир переполнен ничтожествами. Если ты откажешься торговать с ними, то вычеркнешь изрядную часть населения.

– *Мужского* населения, — уточнил Макс.

— Ты сказал, не я.

— Вчера вечером я был на границе. — Макс взял почту.

— В самом деле? И зачем же?

— Сам толком не знаю. Том Ласкер раскопал на своей ферме яхту.

— Я видела ее по телеку. Так это у Ласкера? До меня как-то не дошло.

— У него. — Подтянув стул, Макс сел рядом с ней

и открыл портфель. — Стелла, мне нужна твоя помощь. Джинни дала несколько фотографий. — Он протянул ей шесть глянцевых снимков девять на двенадцать.

— Если яхта не один год пролежала в земле, то она прекрасно сохранилась.

— Ты тоже заметила, а? Слушай, чего я от тебя хочу: надо выяснить, кто эту штуковину построил. На ней никаких номеров. Разошли снимки по факсу. Опроси кораблестроителей, посредников, импортеров. И береговую охрану. Кто-нибудь да сможет прояснить ситуацию.

— А нам-то что за дело?

— А то, что мы всюду суем свой нос. То, что твой начальник хочет выяснить, что за чертовщина тут творится. Хорошо?

— Хорошо. И когда тебе все это надо?

— Сию секунду. Дай мне знать, как только что-нибудь выяснишь.

Зайдя в свой кабинет, Макс попытался дозвониться до Морли Кларка из Мурхедского государственного.

— Профессор Кларк на лекции, — сообщил магнитофонный голос. — Вы можете оставить ему сообщение после гудка.

— Это Макс Коллингвуд. Морли, я пошлю тебе

по факсу парочку снимков. Это яхта, а на корпусе что-то написано. Если сможешь распознать язык, а лучше — получить перевод, я буду благодарен.

* * *

Эверетт Крендалл вышел Ласкеру навстречу, чтобы ввести его в свой кабинет.

— Том, я видел твою лодку на днях. Ты везунчик, как я погляжу.

Эв обладал удивительной способностью вечно пребывать в помятом виде, причем это касалось не только одежды, но и лица.

— Из-за нее-то я и пришел.

— А что? Чья это лодка?

— Не знаю.

— Да кончай, Том! Ты должен хотя бы догадываться.

Кабинет Эва был битком набит старыми кодексами, дипломами в рамках и фотографиями, большинство из которых были сделаны во время его пребывания в должности окружного прокурора. Видное место на столе занимал портрет Эва в компании сенатора Байрона Гласса во время прошлогоднего празднования Четвертого июля.

— Эв, — усаживаясь, сказал Ласкер, — у меня наметился выгодный покупатель.

— На яхту?

— Да. Она моя? Ее можно продать?

Эв утвердительно кивнул, хотя его темные глаза сказали «нет». Сняв очки, он расправил скомканный платок и принялся их протирать.

— Трудно сказать.

— Но она же найдена в моих владениях! Значит, она моя, верно?

Эв сжал ладони коленями и уставился на них.

— Том, а если б я оставил свою машину в твоих владениях, она перешла бы к тебе?

— Нет. Но яхта-то была захоронена!

— Ага. — Эв мгновение поразмыслил. — А если я надумаю спрятать свое фамильное серебро, зарыв его у тебя на заднем дворе, станет оно твоим?

— Не знаю. Вряд ли.

— А никто не подавал голоса? То есть — никто не предъявлял прав на яхту?

— Нет. Никто.

— А ты потратил достаточно усилий для выяснения личности владельца?

— А разве это моя обязанность?

— А то чья ж еще? Слушай, она вполне может быть ворованной. Похитители спрятали ее у тебя в земле, уж Бог знает почему. В таком случае она принадлежит прежнему владельцу. — Эв

всегда являл собой осторожность в человеческом обличье. Он гордился тем, что не вырабатывал суждений, не собрав всех фактов до единого. Из чего, естественно, вытекает, что он никогда не становился ничьим безоглядным сторонником. Или противником. — Под вопросом остаются, насколько я понимаю, намерения. Бросили ли ее насовсем? Если да, то ты можешь с полным правом считаться ее владельцем. Я полагаю, если понадобится, это право поддержит любой суд. Если кто-либо надумает его оспорить.

— А кто его может оспорить?

— Ну-у, трудно сказать. Родственники могут заявить, что владелец — или владелица — был недееспособен, когда бросил яхту. Сам факт захоронения может послужить веским аргументом в пользу этого заявления.

— Так как же мне утвердиться в правах на владение судном?

— Давай я выясню этот вопрос, Том. А тем временем было бы небесполезно узнать, как яхта оказалась у тебя.

5

Древности – останки истории, каким-то чудом уцелевшие в кораблекрушениях времени.

Фрэнсис Бэкон,
«Усовершенствование образования»,
гл. 2

Стелла занималась изысканиями три дня, но определить производителя не сумел никто. Обнаружились две более или менее сходные модели яхт, но точно такой же — ни единой. Макс попросил Стеллу продолжить расследование.

Символы с яхты поставили Морли Кларка в полнейший тупик. Более того, Макс даже не сумел убедить его, что это не розыгрыш.

— Эти знаки, — твердил Кларк, — не принадлежат ни к одному из алфавитов ни одной из индустриально развитых стран.

Букв оказалось одиннадцать — скорее всего название судна. А рукописный шрифт мешал определить, где кончается одна буква и начинается другая. Макс распознал «О», и только.

Они сидели в кабинете Кларка, за окном

которого виднелся городок Мурхедского государственного университета. Светило ласковое солнце, и безветренный воздух прогрелся до сорока градусов.

— Не может быть, Морли, — возразил Макс. — Ты что-нибудь проглядел.

Кларк — стройный, широкоплечий, атлетически сложенный фанатик софтбола[3] — снисходительно улыбнулся:

— Не спорю, Макс, но не вижу, что именно. Может, базы данных не так полны, как предполагается. Но для практических нужд, по-моему, мы чертовски хорошо осведомлены. Вот только твоя абракадабра не подходит ни под какой шаблон. В общем, двум символам нашлись эквиваленты. Один в хинди, другой в кириллице. Из чего следует, что это чистой воды совпадение. Если составить наугад несколько черточек и крючочков, непременно выйдет что-нибудь похожее на букву. — Он поглядел на лежащую на столе фотографию. — Макс, это шутка.

Макс поблагодарил Кларка и поехал обратно на аэродром Челлис, гадая, кто тут шутник, а кто — объект насмешек. Проблема попеременно то

---

[3] notes: 3

разновидность бейсбола; размеры поля меньше, а игра ведется более крупным и более мягким мячом

озадачивала, то раздражала его. Это непременно какая-нибудь бандитская штучка, иначе и быть не может.

Он ехал по шоссе №1-29, когда Стелла дозвонилась до него по сотовому телефону:

— Тебе звонят из Колсоновского. Ответишь на звонок?

Уже? Ведь прошло всего два дня!

— Ладно, переключи.

— Хорошо. Да, еще!

— Что?

— На том конце взволнованы.

В трубке щелкнуло.

— Мистер Коллингвуд? — Стелла оказалась права: говорившая будто только что взбежала на пару этажей.

— Да, это Макс Коллингвуд. Чем могу служить?

— Моя фамилия Кэннон. Из Колсоновского института. Насчет образцов, оставленных вами позавчера.

— Ясно.

— Как я понимаю, сейчас вы не у себя?

— Я буду там через десять минут. Что вы выяснили?

— Можно с вами встретиться там? — вопросом на вопрос ответила она.

* * *

Темнокожая стройная женщина лет за тридцать, с доброй улыбкой и широкими скулами, в темно-синем деловом костюме и с кожаным портфелем в руках, едва сдерживала волнение. Визитная карточка именовала ее заведующей лабораторией Колсоновского института.

— Рада познакомиться, мистер Коллингвуд, — протянула она руку для пожатия. — Я Эйприл Кэннон.

— Не ожидал вас увидеть так скоро, — сказал Макс, принимая у нее пальто.

Она лишь заговорщицки улыбнулась, потом села, положив портфель на колени, и пристально поглядела на Макса.

— Признаюсь, обычно мы не доставляем заказы на дом, мистер Коллингвуд. Но мы с вами знаем, что столкнулись с чем-то весьма необычным.

Макс кивнул, словно так и предполагал.

— Где вы это взяли? — Ее взгляд стал пронзительным.

Макс на мгновение задумался, не удержать ли источник в секрете. Впрочем, какого черта! Об этом было по телевидению.

— Она была зарыта на границе.

— Яхта? Та, что нашли на ферме?

Макс молча кивнул.

— Яхта. Ну, черт меня подери! — Эйприл уставилась невидящим взором в пространство. — Можно на нее посмотреть?

— Разумеется. Там уже перебывала куча народу. — Макс заметил, что мысли Эйприл витают где-то далеко. — Так что же вы хотели мне сообщить?

— Позвольте задать вам один вопрос. — Она пропустила его реплику мимо ушей. — Вы больше нигде не оставляли эти образцы?

— Нет.

— Хорошо. — Она расстегнула портфель, извлекла оттуда папку и протянула Максу. — Как у вас с химией?

— Плоховато.

— Ничего страшного. Послушайте, мистер Коллингвуд...

— Полагаю, разговор пойдет быстрее, если вы будете звать меня просто Макс.

— Ладно, Макс, — улыбнулась она. У Макса сложилось впечатление, что она его не видит. — У Колсона оборот маленький. Я делала анализы собственноручно. Больше никто не знает.

— Не знает чего?

Она указала на папку.

Открыв ее, Макс увидел одностраничный формуляр.

— Может, переведете это для меня на нормальный язык?

— А нас не подслушают? — огляделась Эйприл.

— Нет, — изумленно отозвался Макс.

— Ладно. Материал волокнистый. Волокна весьма тонки и переплетены между собой. — Тут ее голос снизился почти до шепота. — У него атомный номер сто шестьдесят один. Это трансурановый элемент.

— Что значит трансурановый?

— Это искусственный химический элемент.

— А это плохо?

— Трансурановый, причем с лихвой. Мы синтезировали один такой, он даже пока не получил названия. Так у того атомный номер сто двенадцать. А ведь он возглавляет список. То есть возглавлял. А этот материал... — Она покачала головой. — Он не должен существовать.

— И что вы этим хотите сказать?

Лицо ее приняло настороженное выражение.

— Технология производства подобных материалов не известна никому на свете. Даже будь она известна, этот химический элемент оказался бы

крайне нестабильным. И горячим.

— Горячим? В смысле — радиоактивным?! — Макс начал лихорадочно прикидывать, долго ли он пробыл рядом с парусами.

— Да. Должно быть. — Она извлекла остатки образца и поднесла его к лампе. — Но он в полном порядке. Может быть, за определенным пределом трансурановые утрачивают радиоактивность. Не знаю. Никто не знает.

— А вы вполне уверены?

— Да. Разумеется, уверена.

Макс встал и подошел к окну. Заходящая на посадку «сессна» только-только коснулась полосы.

— По-моему, я просто не понимаю того, что вы рассказываете.

Эйприл долго не отвечала.

— Некто, — наконец прервала она молчание, — где-то совершил технологический скачок вперед, намного опередив нас. Громадный скачок.

— И насколько это важно?

— Макс, я говорю не просто о продвижении вперед. Я говорю о световых годах. Этого просто не может быть!

— Очевидно, все-таки есть, — развел руками Макс.

— Наверное. — Ее взгляд снова приобрел отсут-

ствующее выражение.

— Ну, и каковы же выводы? Это имеет какую-нибудь коммерческую ценность?

— О, несомненно. Электронные оболочки предельно стабильны. *Предельно.* Я уже проделала ряд испытаний. Ткань не взаимодействует с другими веществами.

— Я что-то по-прежнему не улавливаю сути.

— Она практически не поддается разрушению.

И тут у Макса впервые нашлось возражение:

— Что-то вы путаете! Этот образчик я отрезал обыкновенными ножницами.

— Я говорила не о таком разрушении, — покачала она головой. — Разумеется, материал можно разрезать. Или сломать. Но коррозия ему не страшна. Он не рассыплется сам по себе. — Эйприл пристально вглядывалась в его лицо, должно быть, в попытке угадать, не утаивает ли он что-нибудь. — Как, по-вашему, если я поеду туда прямо сейчас, мне позволят взглянуть на судно нынче вечером?

— Наверняка. Я позвоню и замолвлю за вас словечко, если хотите. — И тут смутная мысль, брезжившая где-то на периферии его сознания, вдруг обрела четкую форму. — Вы говорите, он не разлагается. И каков же возраст образца?

— Неизвестно. Трудно сказать, как определить возраст подобного вещества. По-моему, это просто невозможно. — Эйприл встала.

— А этот материал изнашивается?

— О да, разумеется. Все на свете изнашивается. Постепенно. Но он весьма и весьма износоустойчив. К тому же его легко очистить, потому что другие вещества к нему не пристают.

Макс подумал о водяной дымке вокруг яхты и ее радужном сиянии:

— А не отправиться ли мне вместе с вами? Пожалуй, я подброшу вас на самолете.

* * *

На проселок, ведущий к дому Ласкеров, въехал голубой правительственный автомобиль, прокатился по кольцевой гравийной дорожке перед фасадом, миновал две припаркованные там машины и остановился. Оттуда выбрался пожилой толстячок. Взяв с сиденья потрепанный черный портфель, он окинул взглядом происходящее и направился к двери.

— Джеффри Армбрустер, — представился он, когда Ласкер открыл, — служба контроля за доходами. — С этими словами он предъявил документы с такой ловкостью, будто извлек их

из рукава.

— А что, есть какие-то проблемы? — Ласкер сглотнул слюну.

— Нет-нет, — беззаботно отозвался инспектор. — Ни малейших.

Ласкер отступил, пропуская его, Армбрустер поблагодарил и переступил порог.

— Холодновато, — заметил Ласкер, хотя по местным стандартам день считался довольно теплым.

— Да, пожалуй. — Армбрустер расстегнул пальто. — Как я понимаю, вам недавно довольно крупно повезло, мистер Ласкер?

Налоги. Об этом Ласкер прежде как-то не подумал.

— Вы о яхте?

— Да, — кивнул Армбрустер.

Взгляды их на мгновение встретились, и Ласкер понял, что инспектор не относится к числу людей, получающих удовольствие от своей работы.

— Да, совершенно верно. Вы ведь подали прошение об утверждении вас в правах собственности на судно?

Ласкер предложил ему присесть за кофейный столик.

— Верно. Подал.

— Если прошение будет удовлетворено, мистер Ласкер, пожалуйста, не забывайте, что данный предмет подлежит налогообложению, как обычный доход.

— И в какой сумме?

— Ничего не могу сказать. Первым шагом будет оценка судна. — Он открыл портфель. — Вам следует заполнить вот это.

Ласкер взглянул на бланки, пододвинутые к нему инспектором.

— Спешить некуда. Однако если упомянутое судно перейдет в вашу собственность, вам потребуется внести установленную плату. — Армбрустер вручил Ласкеру карточку. — Звоните мне в любое время, и я с удовольствием вас проконсультирую.

Джинни включила в прачечной стиральную машину, и пол слегка задрожал.

— Удивительно, насколько быстро вы отреагировали, — заметил Ласкер. — Я даже и не подумал о налогах.

— Такова моя работа, мистер Ласкер. — Инспектор закрыл портфель и встал. В его манерах сквозила какая-то печаль.

«Интересно, каково иметь работу, требующую постоянной конфронтации?» — подумал Ласкер

и спросил:

— Как насчет кофе?

— Да, спасибо. — Похоже, предложение Армбрустера обрадовало. — Но только если есть готовый. Мне бы не хотелось никого затруднять.

— Да какие там затруднения!

Инспектор последовал за Ласкером на кухню, где к ним присоединилась Джинни. Поставив кофейник на огонь, она разрезала творожный пирог с вишней. Армбрустер похвалил дом.

— Его построил мой отец, — с гордостью сообщил Ласкер. — Мне тогда было лет двенадцать.

Просторный дом опоясывала широкая веранда, а дубовые полы покрывали толстые ковры, купленные Джинни в Сент-Поле. Чрезвычайно высокий потолок в гостиной являл собой редкость для мест с таким суровым климатом. Они просидели почти целый час, болтая о яхте. Армбрустер считал, что отнюдь не случайно ее нашли в миле к югу от границы.

— Кто-то с чем-то пытался улизнуть, — заявил он. Правда, не сумев объяснить, кто и с чем мог пытаться улизнуть.

Мало-помалу разговор перекинулся на работу Армбрустера.

— Обычно люди начинают нервничать, когда

узнают, на кого я работаю. Моя жена никому не говорит, чем я занимаюсь. — Он улыбнулся.

«У налоговых инспекторов не бывает друзей, — подумал Ласкер. — Не считая других налоговых инспекторов».

— Ни на кого не вешают столько собак, как на налоговых инспекторов, — продолжал Армбрустер. — Так уж заведено от века. Но видит Бог, это мы, а не гуси, спасли Рим. Равно как и все прочие достойные места.

Тут он на мгновение смутился. Затем поблагодарил хозяев, подхватил свой портфель и пальто, попрощался и вышел.

* * *

Несколько минут спустя Уилл подъехал к крыльцу с Максом и Эйприл Кэннон. Макс познакомил ее со всеми, но Эйприл не могла отвести глаз от яхты.

— Хотите взглянуть поближе, доктор Кэннон? — спросила Джинни.

— Если можно. И зовите меня Эйприл.

— А в чем дело? — поинтересовался Ласкер. — Что мы узнали?

Макс, обожающий тайны не меньше любого другого, предложил Джинни устроить для Эйприл

тур, пока он сам введет Тома в курс. Мужчины ушли в дом и подбросили в огонь еще полено.

Женщины отсутствовали чуть ли не целый час, а когда вернулись, у них зуб на зуб не попадал. Ласкер налил всем по порции бренди.

— Итак, Эйприл, — начал Макс, — каковы же выводы?

— Вы в самом деле хотите знать? — Эйприл отхлебнула из бокала. — Не представляю, как могли построить эту яхту.

Прислушиваясь к треску огня. Макс наблюдал, как Эйприл пытается привести мысли в порядок.

— Я понимаю, как это нелепо звучит, — сказала она.

— Что именно вы имеете в виду? — спросил Макс.

— Это за пределами возможностей нашей науки и техники. Впрочем, я знала это еще до приезда сюда.

— Возможностей нашей науки? — уточнил Ласкер.

— Далеко за пределами.

— Так что же вы хотите сказать? — не унимался Макс. — Что яхту построили в Японии? Или на Марсе?

— Может, и на Марсе. А может, здесь, в Южной

Дакоте была когда-то сверхвысокоразвитая цивилизация, исчезнувшая с лица Земли до появления индейцев.

Макс бросил взгляд на Джинни, чтобы выяснить, как та приняла это известие. Вид у нее был скептический, ничуть не изумленный — они с Эйприл наверняка уже обсудили этот вопрос.

— Безумие, — проворчал Ласкер.

— Безумие или нет, но никто на свете в наши дни не способен воспроизвести материал этого судна. — Эйприл допила остатки бренди. — Мне тоже в это не верится.

— С виду это самая обыкновенная яхта, — заметила Джинни.

— Понимаю. Может, если бы она не выглядела такой уж обыкновенной... — Эйприл покачала головой.

— Эйприл, — вступил Макс, — а если серьезно? Неужели вы считаете, что подобную парусную яхту могли построить на Марсе?

— Как хорошо у огня! — Она переставила стул поближе к камину. Полено треснуло, взвился веер искр. — Послушайте, даже если бы ее строили на Альфе Центавра, это не сыграло бы ни малейшей роли. Практичные конструкции парусных судов можно по пальцам перечесть. Могу вам

гарантировать, что ее строителей мы видом не видывали, слыхом не слыхивали.

Ветер посвистывал в ветвях деревьев. Заработала пара автомобильных двигателей.

— Жаль, что я не видела судна, когда вы извлекли его из земли, — проронила Эйприл. — Пока его не вымыли.

— А что? — поинтересовался Ласкер.

— Тогда мы могли бы сделать определенные выводы по возрасту глины. Впрочем, может, это и несущественно. — Она вытащила из кармана белый конверт.

— Это со швартовых, — пояснила Джинни мужу и Максу. — Мы нашли в них щепочки.

— А зачем это? — спросил Макс.

Эйприл наполнила бокал.

— Обычно я отношусь к подобным вещам довольно легкомысленно. Но сегодня я чувствую себя ответственной. — Она обернулась к Максу. — У обоих канатов с одного конца есть петля, а с другого — карабин. Кстати, карабины до сих пор работают. В яхтах я не разбираюсь, но тут вывод довольно очевиден. Причаливая, вы накидываете петлю на утку, а второй конец, с карабином, крепите к пирсу.

— И что нам это дает?

— Мы сможем выяснить, к чему ее привязывали. Не исключено, что это поможет нам узнать, где она была. — Спрятав конверт, она поглядела на Ласкера. — Том, когда вы нашли ее, яхта стояла вертикально?

— Нет, лежала на правом борту. Под углом.

— Под каким?

— Ну, не знаю... Градусов тридцать.

— Хорошо. — Эйприл выглядела довольной. — Склон гребня идет как раз под углом градусов тридцать.

— И что с того? — в который раз спросил Макс.

— Может, ничего. А может, она туда легла.

— Как это легла? — Ласкер никак не мог угнаться за рассуждениями. — Когда?

— Когда затонула.

6

Где та последняя гавань, из которой
нам уже не суждено выйти?

Герман Мелвилл, «Моби Дик»

Эйприл едва не передумала лететь с Максом, когда он показал ей истребитель, на котором собирался подняться в воздух. Вообще-то в этом одноместном боевом самолете можно установить второе сиденье позади пилота. Многие самолеты, купленные после войны коллекционерами, были переделаны подобным образом, и «Белая молния» принадлежала к их числу.

Теперь же, на обратной дороге, Эйприл была настолько взволнована, что забралась в кабину, даже не пикнув. Макс вывел самолет на рулежку, беседуя с Джейком Торалдсоном — директором аэропорта Форт-Мокси и главным диспетчером в одном лице. Работал он всегда прямо из своего кабинета.

— Макс! — окликнула Эйприл.

— Да? — Он привел самолет к ветру.

— Я бы хотела взглянуть кое на что. Мы сможем пролететь над фермой Ласкеров?

— Разумеется. — Макс переговорил с Джейком. Воздушное пространство в том районе оказалось свободным. — И что же вы надеетесь увидеть?

— Сама толком не знаю.

Поднявшись до трех тысяч футов, Макс выровнял самолет и направился на запад. Небо начало затягивать тучами, дул крепкий встречный ветер, а прогноз погоды обещал под вечер дождь, возможно, даже со снегом. Наверное, дождь вдоль границы и снег на юге, если все пойдет, как обычно.

Внизу лежали унылые, выстуженные поля. Хозяева отдали их во власть зимы, а сами подались на дачи в более уютных широтах или прочие места, дающие им приют в межсезонье.

Определить, где именно начинаются владения Ласкера, было невозможно.

— Вся земля на несколько миль к северу от шоссе принадлежит ему, — пояснил Макс.

Обычно землевладельцы ставят дома приблизительно в центре своих обширных участков. Но когда отец Ласкера строил новый дом, он предпочел поставить его поближе к шоссе и под сенью гребня, чтобы загородить дом от ледяного ветра, насквозь продувающего бескрайние просторы прерии.

За гребнем еще на несколько миль тянулась равнина, но дальше земля резко вздымалась, образуя плоскогорье Пембина.

Плоскогорье состоит из цепи холмов, утесов и пиков. В отличие от окружающей равнины они почти не возделаны. Припорошенное снегом плоскогорье встало зубчатой стеной, кое-где перемежающейся с редкими домами и узкими проселками, связывающими дома между собой и с шоссе №32, проходящим вдоль восточной стороны подножия цепи.

— Десять тысяч лет назад, — сказала Эйприл, — мы летели бы над озером Агассис.

Следуя ее указаниям. Макс сделал вираж и направил самолет вдоль цепи холмов на юг. Эйприл вертела головой, попеременно разглядывая то складчатый ландшафт плоскогорья, то плоскую как блин равнину, раскинувшуюся до самого горизонта.

— А где был другой край? — поинтересовался Макс. — Восточный берег?

— Ближе к озеру Вудс. Очень далеко.

Макс попытался вообразить, как этот пейзаж выглядел в те дни. Наверное, здесь было царство непуганой дичи. Канадских гусей.

— Оно просуществовало всего десять тысяч

лет, — продолжала Эйприл. — В геологических масштабах — всего лишь мгновение. Вот почему Тому удается выращивать здесь лучшую на свете пшеницу.

— А что с ним случилось потом?

— Ледники, породившие его, отступили и разрушили северные берега. — Она развела руками. — Вода просто-напросто вытекла.

В воздухе висела мелкая изморось.

— Часть озера уцелела по сей день, — снова повела разговор Эйприл. — К примеру, озеро Вудс. А также озера Виннипег и Манитоба. И множество миннесотских озер.

Перед мысленным взором Макса раскинулась бескрайняя водная гладь, поглотившая прерию, Форт-Мокси и Нойес на севере, Холлок на шоссе №75, а на юге — Гранд-Форкс, Чиф-Ривер-Фоллз и Фарго.

— Если поискать, в земле можно найти множество доказательств. Остатки раковин, планктон и всякое такое. — Мысленно Эйприл пребывала где-то далеко. — Кстати, если уж на то пошло, оно еще может вернуться. Во время следующего оледенения.

И тут до Макса дошло, куда она клонит.

— Так вы хотите сказать, что яхта имеет какое-

то отношение к озеру, верно?

Но Эйприл промолчала.

* * *

В институт она приехала уже под вечер. Под проливным дождем. У дверей ей встретилась целая гурьба работников института, направляющихся к выходу.

— Пошли. — Джек Смит взял ее под руку и развернул на сто восемьдесят градусов. — Тебя подвезти?

Куда подвезти? Лишь через пару секунд Эйприл сообразила: ах да, на вечеринку в честь ухода Харви Кека на пенсию.

Несмотря на симпатию к Харви, ехать ей не хотелось — сейчас мысли Эйприл занимали лишь привезенные образцы. Конечно, можно сослаться на срочный заказ, отставание от графика. На головную боль в конце концов. Но Харви она обязана очень многим.

Проклятие!

Убрав образцы в сейф, она утешила себя мыслью, что займется ими утром, на свежую голову, и спустилась к своей машине. Сорок минут спустя она въехала на стоянку «Бокала».

Совместные праздники в институте поощря-

лись. Праздники устраивались в ознаменование крупных контрактов, в честь работников, заслуживших серьезные награды, и даже по случаю рационализаторских идей сотрудников. И «Бокал» — семейный ресторан с умеренными ценами и хорошим баром — стал более или менее традиционным заведением для подобных мероприятий. Между собой они даже звали его «Колсоновский рай» и ради каждого события развешивали по залу Дельта фирменные эмблемы и флаги. Ради сегодняшнего события позади трибуны повесили лозунг с изложением Кековской философии руководства: заботиться не только о клиентах, но и о коллегах. Кроме того, переднюю часть комнаты украшало его каучуковое деревце в кадке и вешалка с потрепанным стетсоном, который он проносил почти три десятка лет.

Когда Эйприл приехала, большинство сотрудников собрались в ресторане, и многие были уже изрядно навеселе.

Взяв ром с кокой, она подсела к друзьям. Но обычная болтовня о недоразумениях с детьми, перемывание косточек начальству, жалобы на проблемы с отчетами, приходящими от субподрядчиков, казались ей сегодня невероятно скучными. Столкнувшись с настоящей загадкой,

Эйприл не могла дождаться момента, когда можно будет подойти к ней вплотную.

Харви любили все. Похоже, проводить его пришел весь персонал. Он уходил с поста заместителя директора, и у Эйприл открывались вполне приличные виды на эту должность, хотя и не сразу. Новым заместителем будет временно назначен Берт Кода, которому тоже пора на пенсию. При нынешнем положении дел Эйприл двинется вверх, как только Кода отойдет от дел. Если она займет этот пост, то получит прибавку в двадцать пять тысяч и будет еще достаточно молода, чтобы стремиться взойти на самый верх служебной лестницы — не так уж скверно для девочки, начавшей карьеру посудомойкой.

Но сегодня вечером ей было на все наплевать. По сравнению с тем, что лежит в ее сейфе, пост директора — сущий пустяк. Она едва сдерживалась, чтобы не вскочить на трибуну и не провозгласить о своем открытии. «Эй, послушайте! Нас навещали инопланетяне. У меня есть доказательства!»

Впервые оказавшись в этих краях в качестве первокурсницы университета Северной Дакоты, Эйприл попыталась совершить в выходные автомобильный тур по окрестностям, включив в маршрут Черные холмы. Но западные штаты,

как правило, куда просторнее восточных, и скоро ее вывела из себя бесконечная смена шоссе. Развернувшись, она поехала обратно и наткнулась на резервацию сиу на южном берегу Дьявольского озера. (На северном берегу располагается процветающий степной поселок, названный в честь озера.)

В результате она заинтересовалась этим племенем, завела там друзей, а со временем выработала подход к жизни, который привыкла приписывать на счет философии сиу: «Буду жить под открытым небом, где нет стен, где Дух бродит по земле».

Одной из ее подруг стала Андреа Ястребица, специалистка по шоу-бизнесу в резервации Дьявольского озера, выразившая для нее ощущение народа, оставшегося в стороне от хода истории. Эйприл была огорчена бедностью резервации и разочарованием Андреа.

— Мы живем в основном за счет великодушия бледнолицых, — говорила Андреа. — Мы забыли, каково полагаться только на себя.

Она отметила, что индейские мужчины зачастую умирают молодыми от наркотиков, болезней и кровавых стычек, что наиболее респектабельно в большинстве резерваций выглядят кладбища.

В собственной жизни Эйприл со всех сторон натыкалась на стены. Замужество ее кончилось неудачно: она не хотела отказываться ни от семьи, ни от карьеры, но никак не могла добиться равновесия между потребностями мужа и необходимостью подолгу задерживаться на работе. Теперь ей уже за тридцать, и эта суета не доставляет ей ни малейшего удовлетворения. Были, конечно, и достижения, но если она вдруг умрет сегодня вечером, то не оставит после себя ничего. Выходит, что и жила зря.

По крайней мере так Эйприл казалось, пока она не провела исследования куска ткани, принесенного Максом Коллингвудом. Самое смешное, что она почти не замечала собственной неудовлетворенности жизнью, пока не увидела результаты исследований и не поняла, с чем столкнулась.

Сотрудники говорили о Харви с большим теплом, описывая, как наслаждались они работой под его началом, как он вдохновлял их, каким он был хорошим начальником. Двое прежних колсоновских работников, пошедшие гораздо дальше, относили свой успех на счет того, что Харви воодушевлял их.

— Главный его принцип: «Поступай по совести, какие бы последствия это ни сулило» — поддер-

живал меня в самые темные дни, — сказала Мэри Эмбри, ставшая директором-распорядителем в химической компании Доу. — Этот принцип не всегда способствует повышению по службе, но зато он заставил меня понять, что можно не терять самоуважения даже тогда, когда другие от тебя отворачиваются. — Она тепло улыбнулась смущенному Харви.

Директор добавил свою долю похвал:

— Сорок лет — срок немалый. Харви всегда говорил, что думал. Порой мне не хотелось этого слышать. — Взрыв смеха. — Порой мне совершенно не хотелось этого слышать. — Смех громче. — Но ты никогда не увиливал от ответственности, Харв, и я благодарен тебе за это. — Аплодисменты. — Хочу посоветовать всем присутствующим в этом зале, собирающимся пойти на руководящие должности: берите в свою команду людей, подобных Харви, чтобы они говорили вам то, что вам непременно следует услышать. Хольте их и лелейте. Пусть они будут вашей совестью.

Тут начались овации, Харви встал, и Эйприл увидела на глазах окружающих искренние слезы. Харви сиял от нахлынувших чувств. Когда публика утихла, он демонстративно отодвинул трибуну в сторону. (Его нежелание пользоваться

трибунами вошло в легенду.) Поблагодарив по своему обычаю коллег за доброту, он обратился к ним:

— В каком-то смысле сегодня — чудеснейший день в моей жизни. Хотелось бы думать, что Колсоновский институт стал более солидным учреждением, нежели до моего прихода, а также что его работники и клиенты более преуспевают. Если это действительно так, если в этом есть хотя бы частичка и моих заслуг, то эти годы прожиты мной не зря.

Эйприл еще ни разу не видела его таким счастливым за все двенадцать лет своей работы в институте. И от этого ей стало очень грустно.

Заместитель директора посвятил свою жизнь процветанию компании и ее работников. Он не успокаивался, пока не добивался совершенства во всем. И теперь, обращаясь к коллегам, он еще раз повторил:

— Никогда не путайте результат с идеалом. Не совершают ошибок лишь те, кто не делает ровным счетом ничего.

Подчиненные обожали его.

И вот теперь он превозносил рядовых сотрудников, благодарил их, уходя во тьму. Назавтра он вернется в свой кабинет, проработает до конца

недели, и на этом все кончится.

«В каком-то смысле сегодня — чудеснейший день в моей жизни».

Боже, неужели ради этого и стоило жить? Чтобы пара-тройка дюжин гостей за праздничным столом растроганно прослезилась, а после разошлась по домам, оставив Харви Кека наедине со всеми его грядущими проблемами?

Эйприл украдкой утерла глаза.

Нет, с ней ничего подобного не случится. Уж она-то позаботится, чтобы ее жизнь была посвящена высокому предназначению, а не потугам быть любезным начальником. И загадочная яхта Тома Ласкера станет ее золотым ключиком.

7

Дальний рокот времен отшумевших...

Уолтер Асквит, «Древние берега»

Ласкер все утро копался в моторе трактора, заменяя изношенный цилиндр и приводной ремень. Он только-только вернулся в дом и как раз собирался пойти в душ, когда раздался звонок в дверь. Пришли Чарли Линдквист и Флойд Рикетт.

Чарли — дружелюбный здоровяк весом в три сотни фунтов и ростом в шесть футов три дюйма — считал, что можно покорить весь мир, если только правильно отгадывать, что люди хотят услышать, и говорить им это. В принципе эта философия служила ему не так уж плохо: за свою жизнь он сумел организовать в Форт-Мокси полдюжины предприятий, стал владельцем «Городского видео», «Мороженых деликатесов» (разумеется, сейчас закрытых на зиму) и четырех домов рядом с библиотекой, заодно занимая посты директора Рекламной ассоциации Форт-Мокси и председателя городского совета.

Флойд — высокий, седой, остроносый и ост-

роглазый — принадлежал к числу таких же уважаемых лиц. Будучи почтовым служащим, он обладал несгибаемыми принципами и сильным чувством важности собственного времени. «Давай по сути!» — любил говаривать он, пронзая воздух тремя пальцами. Вообще говоря, он всю жизнь действовал, как ледокол: вклинивался в разговоры, громил политических противников на совете и разрубал гордиевы узлы всяческого рода. «Жизнь коротка, нечего тратить время попусту, вперед во весь опор!» На почте Флойд специализировался в разрешении проблем, создаваемых бестолковой публикой, и весьма неодобрительно относился к неряшливой обертке, неразборчивому почерку и неумению правильно написать почтовый индекс.

Так что ничуть не удивительно, что Чарли и Флойд не могли поладить между собой.

Они обменялись с Ласкером рукопожатиями, причем Чарли — сердечно, а Флойд — с некоторой осторожностью.

— Народ все подваливает поглядеть на яхту, как я погляжу, — заметил Чарли, стараясь произнести это как можно небрежнее. Сам он всегда считал себя весьма деликатным человеком.

— Сегодня народу маловато. Это по погоде. —

Ласкер ввел их в гостиную, где все трое уселись вокруг кофейного столика. — По-моему, эта новость уже устаревает.

— А заодно холодает, — подхватил Флойд, для большей выразительности рубанув воздух ребром ладони.

— Мы это заметили еще в городе. Народу поменьше, чем прежде. — Чарли покачал головой. — Жаль, что это не случилось весной.

— Какая разница? — отозвался Ласкер. — Мы все равно уже сыты по горло этой обезьяньей работой. Мне надоело каждый день возить ее из амбара и в амбар. Запру ее, и дело с концом.

— А не стоило бы, Том. — В небрежном тоне Чарли сквозил намек, что подобный поступок был бы весьма эгоистичен и неблагоразумен.

— Это плохо скажется на бизнесе, — кивнул Флойд. — Очень многие из тех, что сюда приезжают, едят в городе. И ходят по магазинам. А некоторые даже остаются на ночлег. — Откинувшись на спинку стула, он заложил ногу на ногу. — Фактически говоря, было бы недурно, если бы у нас нашлось побольше подобных завлекаловок.

— Ты должен понять, — продолжал Чарли, — что от тебя зависят очень многие в городе.

— Чарли, это же всего-навсего яхта! — возразил Ласкер.

— А вот тут ты ошибаешься, — встрял Флойд. — Это новость в масштабах всей страны! И прямо у нас, в Форт-Мокси.

— Да в каких там масштабах! — махнул рукой Ласкер. — Нас показали по телевизору один-единственный раз. И потом, большинство посетителей считают, что я зарыл ее сам. Думают, будто все это липа.

Флойда эта мысль потрясла.

— Но ведь это не так, а, Том?

Ласкер одарил его таким взглядом, что Флойд съежился.

— Слушайте. — Чарли так и лучился великодушием. — Все это к делу не относится. На этом можно сделать большие деньги, и до нас дошло, что ты просто не получаешь своей доли от прибыли, Том. Вот мы и предлагаем поставить это на более деловую основу.

— В каком это смысле?

— Для начала, — снова встрял Флойд, — надо снять достопримечательность с прицепа. То есть, ты только не обижайся, но сейчас это больше смахивает на распродажу подержанных автомобилей. Ничего удивительного, что люди не

воспринимают ее всерьез.

— Достопримечательность? — недоверчиво переспросил Ласкер. — Так она теперь еще и достопримечательность?

— Том, ты не обижайся. — Чарли заерзал, усаживаясь поудобнее, и стул со скрипом осел на сторону. — Мы просто подумали, что было бы неплохо поставить ее на помост.

— Помост вызвался построить Эд, — подхватил Флойд, подразумевая Эда Гранжа, обычно распоряжающегося парадами и прочими церемониями. — Не волнуйся, он все сделает как надо.

— И поставим над ней шатер с обогревом, — продолжал Чарли.

— Не нужен мне никакой шатер перед домом! — скривился Ласкер.

— Мы понимаем. — Добросердечная улыбка Чарли означала, что все учтено. — Мы же не изверги, чтобы так обойтись с тобой, Том. Тем более, как нам кажется, она будет лучше смотреться там, где ты ее откопал. — Взгляд его внезапно омрачился. — Ты, случаем, не засыпал яму, а?

— Засыпал, а то как же. В тот же день, когда мы извлекли эту чертовщину из земли.

— Скверно, — протянул Флойд. — Не следовало тебе так поступать.

— С чего бы это? Яма была тридцать футов глубиной. Если бы туда кто-нибудь свалился, мог бы порядком расшибиться.

— Ладно уж, чего теперь-то руками разводить. Жаль, что мы сразу не додумались. — Чарли побарабанил пальцами по столу. — Делать укрытие надо так и так. Мы знаем, где раздобыть цирковой шатер. Старый, но в отличном состоянии. Да ты не волнуйся, это только на время.

— Что значит «на время»?

— Суть в том, — сказал Флойд, — что, если правильно разыграть карты, мы сможем привлечь постоянный поток туристов. Надо поразмыслить о музее.

У Ласкера голова пошла кругом.

— Ну, не так сразу, — заметил Чарли. — Слушай, мы собираемся раскрутить рекламную кампанию. Начнем брать плату за вход. Естественно, ты будешь получать свой процент. Посмотрим, как оно пойдет.

— Погодите-ка, разве можно брать за это плату?

— А почему нет? — Чарли уже почуял запах наживы. — Если хочешь, чтобы люди воспринимали что-то всерьез, надо заставить их платить — немного, но все-таки. Держу пари, что в первую

же неделю наплыв любопытных удвоится. Мы думали дать тебе тридцать процентов, остальное пойдет в бюджет города. Годится? Для тебя это обернется чистой прибылью. Не будет стоить тебе ни цента. — Он кивнул Флойду, и Флойд кивнул ему в ответ. — За все будет платить город. Вот, у нас тут есть несколько рисунков на футболки. Позволь, покажу...

Он глазами сделал знак Флойду, и тот протянул папку. Чарли открыл ее и извлек оттуда несколько эскизов. На всех была изображена яхта в нескольких ракурсах, но надписи различались. «Дьявольская шхуна», — гласила одна. «Мои предки посетили Форт-Мокси, Северная Дакота, и мне досталась эта фиговая майка», — сообщала другая. На третьей была карта верховьев Ред-Ривер с отмеченным местом находки «дьявольской шхуны».

— Что за бред про дьявола? — удивился Ласкер.

— Это идея Мардж, — объяснил Чарли. То есть Мардж Питерсон, секретаря городского совета. — Это подстегнет интерес публики.

— По-моему, хватили через край.

— Слушай, народ любит подобную дребедень. К тому же от этой находки попахивает «Сумереч-

ной зоной»[4]. — Правда?

— Она светится, разве нет? — добавил Флойд. — Ты уже нашел источник питания?

Ласкер покачал головой.

— Чудненько. Неизвестный источник тока. Надо сделать упор на этом, Чарли. И на литерах. Литеры хороши.

— Ага. — Чарли взялся за пальто. — Слушай, рад был потолковать с тобой, Том. Машина уже раскручена, так что парочка ребят заглянет к тебе завтра, чтобы дать ей ход. Ты главное не дергайся. Тебе останется лишь поплевывать в потолок да загребать денежки.

Они уже направлялись к двери, когда Чарли внезапно остановился, и Флойд едва не налетел на него.

— Да, еще одно! Туалет. Нужен туалет.

— Нет, — отрезал Ласкер.

— Ничего, сделаем что-нибудь снаружи. За деревьями, подальше от глаз.

Они пожали Ласкеру руку, открыли дверь и огляделись. На улице уже было человек двадцать да приближались еще два автомобиля.

---

[4] notes: 4

сериал фильмов ужасов, построенных на ощущении недосказанности и неопределенности, где источник ужаса по большей части остается «за кадром»

— Понял, о чем я? — сказал Чарли.

* * *

Эйприл подняла пакет так, чтобы он был виден на просвет.

— Здесь вы видите несколько волокон, застрявших в швартовых. Это волокна древесины. Древесины ели.

Она передала пакет Максу. Тот прищурился, разглядывая образец:

— И о чем же это нам говорит? Поблизости ни одной елки.

— Сейчас — да. Но раньше были. Одно время они были здесь весьма распространены.

— Когда?

— Когда здесь было озеро.

Они сидели в ресторане, и Макс вполуха слушал ропот голосов и позвякивание вилок.

— Вы уверены?

— Уверена.

У Макса вдруг засосало под ложечкой. Тут подошла официантка, и вместо запланированного клубного сандвича он заказал салат Цезаря.

— Вы что, хотите сказать, что той посудине десять тысяч лет?

— Я бы не стала делать поспешные выводы,

Макс, — смутилась Эйприл. — Будем пока что строго придерживаться фактов. Во-первых, судно не гниет, не ржавеет и не разлагается на протяжении исключительно долгих отрезков времени. Во-вторых, тросы, лежащие в амбаре Ласкера, некогда были привязаны к еловому бревну. Волокна дерева, пошедшего на изготовление бревна, были живыми десять тысяч лет назад.

— Но судного новехонькое! — не удержался Макс.

— Макс, это судно будет всегда выглядеть новым. Его можно зарыть обратно в землю и откопать лет через пятьдесят, и оно будет выглядеть точь-в-точь так же, как сегодня.

— Не верится как-то.

— Вполне понимаю. Видите ли, это выходит за рамки наших представлений, но отнюдь не противоречит законам природы. — Эйприл понизила голос. — Уж и не знаю, какая альтернативная схема способна истолковать эти факты. Возраст древесных волокон не подлежит сомнению. Равно как и состав первоначальных образцов. Я полагаю, здесь кто-то побывал. В давние-предавние времена некие представители высокоразвитой цивилизации катались под парусами по озеру Агассис. И по крайней мере один

раз привязывали судно к дереву или бревну.

— И кто же это был? Мы что, говорим об НЛО? Или как?

— Не знаю. Но вопрос достойный.

Принесли диетическую кока-колу. Макс отхлебнул из бокала, пытаясь привести мысли в порядок:

— Ерунда какая-то получается. Допустим на минуточку, что вы правы. И что это нам дает? Умозаключение, что некто прилетел сюда с другой планеты для того, чтобы покататься на яхте? Неужели вы это серьезно?

— Это отнюдь не противоречит здравому смыслу. Попытайтесь взглянуть на картину пошире, причем пошире в самом всеобъемлющем смысле. Сколько может быть больших озер в радиусе, скажем, двадцати световых лет? Агассис могло казаться орде туристов вполне привлекательным. — Она улыбнулась. — Знаете, давайте оставим бездоказательные рассуждения и сосредоточимся на том, что мы знаем наверняка. А мы знаем, что располагаем совершенно уникальным искусственным химическим элементом.

— А откуда мы это знаем? — поинтересовался Макс.

— Я это гарантирую.

— Значит, вы гарантируете... Эйприл, мне очень не хотелось бы говорить, но всего пару дней назад я даже не знал, что вы есть на белом свете. Не обижайтесь, но вы можете заблуждаться.

— Могу. Но тем временем, Макс, подумайте вот о чем: если я все-таки знаю, о чем толкую, то эта яхта бесценна в самом буквальном смысле. — Эйприл поймала себя на том, что говорит чересчур громко, склонилась к Максу и вполголоса продолжала: — Послушайте меня. Вам хотелось бы получить подтверждение. Я знаю, что оно нам не требуется. Попробуйте получить подтверждение — и вместе с ним получите второго химика. Я же хотела бы сузить круг допущенных насколько возможно. Мы держим в руках фундаментальное открытие и с ним попадем на обложку «Тайма» — вы, я, Ласкеры... — Ее черные глаза заблестели от волнения. — Но есть и еще одна причина, почему стоит пока придержать это в секрете.

— А именно?

— Там может оказаться что-нибудь еще.

* * *

Лайза Ярборо начала свою профессиональную карьеру в роли учителя физики в частной школе в Александрии, штат Вирджиния. Но она была

(и осталась) необыкновенно привлекательной женщиной, от всей души обожавшей секс. При свете дня она рассказывала с кафедры об энергии и сопротивлении, а после сумерек демонстрировала массу первой и полное отсутствие второго.

С самого начала Лайза обнаружила, что ее хобби может быть весьма прибыльным. Не то чтобы она опустилась до установки тарифов, но мужчины по собственному почину проявляли изрядную щедрость. Кроме того, смышленая, обеспеченная молодая женщина, не сдерживаемая ни ханжескими принципами, ни ложными представлениями о долге, способна извлечь из подобных увлечений кое-какую пользу. Она покинула александрийскую школу посреди второго учебного года под громкий гомон молвы, чтобы занять выгодную должность в фирме, работающей на Пентагон; в новой компании считали, что она может оказать влияние на военпредов. Лайза оправдывала возложенное на нее доверие, не брезгуя средствами, и быстро продвигалась по служебной лестнице. Быть может, ее путь на вершину и в самом деле лежал через постель, но она все-таки воздерживалась от романов с мужчинами, непосредственно связанными с ней по службе, и таким образом поддерживала

самоуважение.

Мало-помалу она приобрела интерес к политике и стала работать административным помощником одного сенатора со Среднего Запада, два раза безуспешно баллотировавшегося от своей партии в кандидаты на пост президента. Она занялась лоббированием и неплохо содействовала табачной промышленности и Национальной образовательной ассоциации. Для адвокатской фирмы «Барлоу и Биггс» она исполняла роль канала связи не с одним десятком конгрессменов. Получив политическую должность, она какое-то время послужила заместителем начальника заместителя департамента сельского хозяйства. И со временем стала руководителем мозгового центра консерваторов.

И как раз в этой-то роли Лайза обнаружила в себе дар писателя. С двенадцати лет она вела подробнейшие дневники; привычка эта восходила к тому моменту, когда она впервые уединилась на заднем сиденье отцовского «бьюика» с Джимми Проктором. С Джимми у нее была, так сказать, первая настоящая связь, и этот опыт пришелся Лайзе настолько по душе, что она чуть не лопалась от желания рассказать о нем. Но подруги в средней школе Честер Артур для этого не годи-

лись. А родители были баптистами.

По идее Лайзе и самой следовало быть баптисткой, судя по ее бурной духовной активности: она посещала юношеские вечера по вторникам и четвергам, а также проповеди по средам и воскресеньям. Но к окончанию школы она успела переспать с половиной хора.

Пока мозговой трест помогал обставить Дукакиса в гонке с призом в виде Белого дома, Лайза решила, что может написать автобиографию по своим дневникам. Обещание посмаковать аппетитные подробности взаимоотношений с целым рядом известных лиц из правительства и средств массовой информации привело к семизначному авансу. Из мозгового треста ее тут же вышвырнули, поскольку ограничиваться известными демократами она была не намерена.

К ней началось паломничество прежних возлюбленных и одноразовых кавалеров, моливших о выборочной амнезии. Когда же уговоры и подкуп не срабатывали, они ударялись в слезы или прибегали к угрозам, но Лайза стояла на своем. «Что обо мне подумают люди, если я отклонюсь от правды?» — сказала она телеведущему.

Книга под названием «Капитолий любви» стала бестселлером, а затем и телефильмом, и Лайза

купила сеть магазинов автозапчастей. А остальное, как говорится, ушло в историю.

С Эйприл Кэннон Лайза впервые повстречалась во время работы в департаменте сельского хозяйства, на обеде, устроенном группой «зеленых». Ее кавалер был одним из спикеров — высокий живчик, пышущий энтузиазмом и отягощенный убеждением, что искоренение лесов уже зашло за грань, откуда нет возврата. А еще он был убежден, что женщины вообще и Лайза в частности не способны противостоять его чарам. И тут вдруг Лайза, собиравшаяся завершить вечер в своем обычном стиле, разговорилась с новой знакомой и решила для разнообразия оставить кавалера с носом. На Эйприл ее кавалер тоже не произвел впечатления, и они вдвоем улизнули в ночной Вашингтон.

И с той поры стали близкими подругами.

Так что Лайза ничуть не удивилась, когда Эйприл позвонила и попросила о встрече. Когда же подруга отказалась назвать причину встречи, это только подстегнуло интерес Лайзы, и она дала согласие.

На следующий день после звонка Эйприл приехала, таща за собой какого-то невзрачного типа.

— Лайза, это Макс Коллингвуд.

Женщины знали друг друга слишком хорошо, чтобы предаваться праздной болтовне. Эйприл спокойно рассказала о случившемся на ферме Тома Ласкера. Когда она закончила, Лайза с ответом не торопилась.

— А ты уверена? Это, часом, не жульничество?

— Ошибки тут нет, а жульничество просто невозможно. — Эйприл положила на стол конверт из плотной бумаги, вскрыла его и вытащила стопку фотографий. Яхта снаружи. Изнутри. Паруса. Крупно перила и балясины. И надпись.

— Действительно, странная, — согласилась Лайза. — Неужели ни один язык не подходит?

— Ни один из тех, что мы могли найти.

Лайза продолжала разглядывать фотографии, но мысленно переключилась на Эйприл. Информация настолько сенсационна, что Лайза еще раз решила взглянуть на все это со стороны. Она не могла не задаться вопросом, не пытаются ли ее надуть. Эйприл на подобное не пойдет, в этом нет сомнений. А вот как насчет этого Коллингвуда?..

— И каковы выводы? — спросила она. — Откуда доставлен этот элемент... эта яхта?

— Догадки выходят за рамки того, что я тебе говорила, — устало усмехнулась Эйприл. — Традиционных толкований у нас нет.

— А нетрадиционные?

— Твои годятся ничуть не хуже наших.

Кивнув, Лайза подошла к письменному столу и вытащила чековую книжку.

— И что же дальше?

— Мы хотим тщательно исследовать этот район. Выяснить, не погребено ли там что-нибудь еще.

— Что вам для этого надо?

— Геологический радар. Мы можем нанять его по умеренной цене.

— Но что там можно найти? Вторую яхту?

— Не исключено, — ответил Макс.

— Но у вас уже есть одна! Я понимаю, что две лучше, чем одна, но каким образом вторая яхта углубит наши познания?

— Там могут быть останки, — пояснила Эйприл.

— А-а. Это десять тысяч лет спустя? Да еще после того, как часть из этих десяти тысяч прошла в воде? Вряд ли. Поищите лучше, где они устраивали пикник.

Женщина-химик подалась вперед, и глаза их встретились.

— Лайза, они должны были каким-то образом добраться сюда. Возможно, они так и не верну-

лись домой.

Лайза отметила, как напряженно дышат присутствующие.

— Сколько вам надо?

* * *

Когда прибыл геологический радар Геотехнического института, чтобы начать исследования, Макс уже ждал его. Ему и Ласкерам казалось, что если в земле еще что-то есть, то оно обнаружится чуть ли не сразу. Если же ничего не найдут, то на этом все и кончится.

Максу не хотелось иметь ничего общего с НЛО — это не пошло бы на пользу ни ему, ни «Закатной авиации», так что он решил не слишком высовываться. Но с другой стороны, если в этом действительно что-то есть, не обойдется без пристального внимания прессы, да и большие деньги не исключены.

Команда Геотеха состояла из трех человек, работающих в большом фургоне песочного цвета. Руководила ими энергичная и довольно педантичная молодая женщина по имени Пегги Мур; фирменный комбинезон был ей очень к лицу. Она с места в карьер осведомилась у Макса, что именно надо искать.

— В техзадании об этом сказано как-то расплывчато, — уточнила она.

— Что-нибудь необычное, — сказал Макс.

Этот ответ тоже не относился к числу конкретных. Мур на миг нахмурилась и пристально взглянула на собеседника с плохо скрытой враждебностью; график у нее чересчур плотный, чтобы еще нянчиться с бестолковыми клиентами.

— Не уловила.

— Мы и сами толком не знаем, что ищем, — пояснил Макс. — Мы думаем, что здесь могут быть погребены объекты искусственного происхождения. Мы бы хотели, чтобы вы сказали нам, что обнаружится в земле — если вообще что-то обнаружится.

— Мистер Коллингвуд, а нельзя ли хотя бы в общих чертах? Какие объекты — наконечники стрел? Индейские кладбища? Бочки из-под мазута? От этого зависит, каким образом мы будем действовать.

— В прошлом месяце тут откопали яхту.

— Я видела это по телевизору. Так это тут, да?

— Ага. Мы бы хотели знать, нет ли там чего-нибудь еще.

— Хорошо. Когда мы в курсе, это экономит нам массу времени.

— Ладно.

— Мы уже нашли грабли, пока калибровали аппаратуру.

Внутри фургон был забит компьютерами, принтерами, дисплеями и радиоаппаратурой. Сам радар был смонтирован на небольшом тракторе.

— Изображение передается в фургон по радио, — объяснила Мур. — Оно высвечивается на главном экране. Мы будем высматривать затемнения, необычную окраску — словом, все, что предполагает наличие объектов искусственного происхождения.

Была уже середина ноября, и день стоял ужасно холодный. Тяжелые тучи сулили снегопад, но за весь день упало лишь несколько снежинок.

Кроме Мур, в команду входило еще два техника: Чарли Рамирес, мрачноватый мужчина, управлявший трактором и радаром, и специалист по радиотехнике Сара Вайнбарджер — блондинка с прямыми волосами, тоненькая как тростинка.

Из-за пронизывающего холода Мур и Чарли водили трактор по очереди. Чарли не любил холода и много говорил о Неваде.

— Здесь я очутился только потому, что мою работу на южной границе прикрыли. Как только граница откроется, я сматываюсь отсюда.

Снедаемый любопытством Макс поинтересовался, нельзя ли понаблюдать за ходом операции изнутри фургона.

— Это против правил, — отрезала начальница команды.

— Да я никому не буду мешать!

— Ничуть в этом не сомневаюсь, мистер Коллингвуд. Но для нас это может иметь последствия. — Ее взгляд был холоден, как ноябрьские небеса. — Сами понимаете.

Они наметили поисковый маршрут, и Чарли повел трактор к вершине холма. Миновав ветрозащитную полосу, он въехал на гребень и сделал резкий правый разворот в сотне ярдов от места первоначальной находки, завершая прохождение первой из серии перекрывающихся прямоугольных полос.

Уйдя в дом, Макс занял место у окна столовой. Трактор тарахтел до самого вечера, методично утюжа участок Ласкеров ярд за ярдом.

8

Этот омытый временем
Ветхозаветный причал...

Уолтер Асквит, «Древние берега»

В этот день команда техников не обнаружила ничего, но Макс уверил Ласкеров, что все идет, как надо, и полетел домой. Второй день поисков — пятница — тоже не принес никаких результатов, и работы свернули до понедельника.

Эйприл просила Макса и Ласкеров говорить о находке как можно меньше, и сама следовала этому правилу, не обмолвившись коллегам по институту ни словом. Но ей хотелось поделиться хоть с кем-нибудь. Энтузиазм Макса не уступал ее собственному, и потому в последующие дни, пока радар безрезультатно обшаривал владения Тома Ласкера, они встречались по вечерам, чтобы вместе пообедать, выпить, но главное — ради долгих и жарких бесед.

Эти беседы укрепляли их надежды и постепенно вели к возникновению неофициального союза. Однако о том, что составляло их конкретные упования, они говорили нечасто. Эйприл

рассчитывала, что удастся воспроизвести технологию производства трансурановых элементов, а Макс надеялся, что Землю действительно посещали инопланетяне и что доказательства тому лежат где-то неподалеку. Но Макс подозревал, что рано или поздно на поверхность всплывет более прозаическое объяснение: Эйприл могла проглядеть нечто важное. Обычно ей удавалось развеять его сомнения между пиццей и пивом — хотя лишь на время.

Самой же Эйприл опереться было не на кого. Вообще-то она считала, что обладает железным характером и не принадлежит к числу людей увлекающихся или одержимых тщеславием. И все же ей хотелось бы услышать мнение со стороны, получить подтверждение специалистов. Но ставка была чересчур велика, и Эйприл знала, к чему привела бы преждевременная информация: в бой двинулись бы тяжеловесы, отодвинув Кэннон в сторонку.

Ей просто надо было с кем-нибудь поговорить! Ласкеры, сидящие на эпохальном открытии, смотрели на происходящее чересчур благодушно, чем раздражали ее. Разумеется, они заинтересованы, возможности интригуют их, но запала у них маловато. У Эйприл даже сложилось впечат-

ление, что, скажи она Тому Ласкеру, что на его участок рухнула летающая тарелка, он пошел бы на нее посмотреть, но только после того, как накормит скотину.

Макс — дело другое. И в этот трудный период он стал единственной ее поддержкой.

Самые будоражащие возможности они предпочитали не обсуждать всерьез, подшучивали над тем, как все это скажется на их собственной жизни. Эйприл расписывала фото Макса на обложке «Тайма» — он высовывается из кабины «Молнии» в залихватски распахнутой летной куртке. Человек года! А он рассуждал о Нобелевской премии для женщины, подарившей миру вечную гарантию на автомобиль.

Дни шли за днями, но геологический радар так и не обнаружил ничего существенного. В душе Макса начало крепнуть убеждение, что все это чересчур хорошо, чтобы оказаться правдой. Эйприл напомнила ему, что разведка была предпринята наудачу, но, даже если она кончится ничем, у них в руках все равно остается бесценная находка.

— Открытие уже не спрячешь, — заметила она, прибавив, что написала статью о результатах своих исследований. — Я не хочу публиковать ее, пока мы не проникнемся уверенностью, что там

больше ничего нет. Не стоит подавать повод к эпидемии кладоискательства.

— Согласен, — кивнул Макс. Они сидели в закусочной торгового центра в Фарго, находящегося на границе двух штатов, смакуя пиццу-пепперони. — Но если там что-то есть, какова вероятность наткнуться на это?

Эйприл прикрыла глаза:

— Почти нулевая. Дно озера чересчур обширно. — Она высыпала в кофе пакетик заменителя сахара и принялась размешивать его. — Речь идет о солидной части территории США и Канады. Если уж на то пошло, что-то может лежать прямо *здесь.* — Она указала на пол. — Кто его знает? Район Фарго тоже какое-то время находился под водой.

Макс послушно воззрился на кафель:

— Интересно, сколько стоит эта яхта?

— Макс, если мы не ошиблись, ты можешь сам назначать цену. — Она проводила взглядом женщину, пытавшуюся справиться и с ворохом покупок, и с верещавшим ребенком. — Надеюсь, нам удастся найти ответы хоть на какие-то вопросы. По правде говоря, у меня скверное ощущение, что мы столкнулись с тайной, разрешить которую не сможет никто и никогда.

— Было бы недурно найти что-нибудь такое, что поможет нам выяснить, кому же принадлежало судно.

— Останки. Нам нужны останки, — сказала Эйприл с таким пылом, что двое детишек, шагавших мимо них с воздушными шариками, замерли и уставились на нее. — Послушай, они оставили яхту. Это означает, что случилось нечто непредвиденное. Шторм, например. А может, на них напали туземцы.

— Или, — подхватил Макс, — они просто не смогли за ней вернуться.

— Это чудесное судно, — возразила Эйприл. — Лично я бы ни за что не оставила его, если бы уезжала. Я вообще не стала бы его нигде оставлять. Нет, по-моему, велика вероятность, что случилось нечто непредвиденное. — Голос ее стих, словно отдалившись. — Ох, Макс, не знаю... Не хочу строить догадки. — Она откусила кусочек пиццы и очень тщательно его прожевала, прежде чем продолжать: — Если нечто непредвиденное действительно случилось, весьма велика вероятность, что их основное транспортное средство все еще здесь.

* * *

Вообще-то Максу следовало бы пребывать на верху блаженства. Викерс-музей в Саут-Бенд должен был вот-вот получить солидные субсидии — это сулило серьезные перспективы для компании Макса. Кроме того, поступило два заказа на гидропланы «Каталина», на которые у Макса имелся выход, а «Популярная авиация» намеревалась опубликовать статью о «Закатной авиации». Позиции компании настолько укрепились, что Макс начал подумывать, не оставить ли «Белую молнию» себе.

И все же его снедало какое-то беспокойство. Геологический радар подбирался к западной границе владений Тома Ласкера, не обнаружив ничего необычного. Эйприл же говорила чуть ли не о звездолете. Но, может быть, поиски пошли в неверном направлении? Как ни крути, не в озеро же они приземлились!

Наверное, стоит обдумать все это еще раз. Как там говорила Лайза Ярборо? «Поищите лучше, где они устраивали пикник».

Погода держалась холодная. Макс начал регулярно смотреть новости «Лесли в десять», передаваемые из Гранд-Форкс по кабелю. «Лесли

в десять» понемногу раскручивали происшествие в Форт-Мокси каждый вечер. Началось с футболок с «дьявольской шхуной». Потом репортаж о рассерженных горожанах, предупреждающих городской совет, что болтовня о дьяволе скорее отпугнет людей, чем привлечет их в Форт-Мокси. Далее последовало интервью с мужчиной, утверждавшим, будто ему удалось откопать совершенно невредимый «шевроле» 1937 года выпуска в парке Дрейтона. Передавали и мнения приезжих: что яхта предвещает конец света; что она свалилась с самолета; что это рекламная выходка какого-нибудь кораблестроителя; и, наконец, что это уловка американского правительства, чтобы заманить канадских туристов.

Том пожаловался по телефону, что шатер смердит слонами, заставив его, Тома, впервые порадоваться тому, что южные ветры — редкость. Эйприл ярилась из-за того, что яхта не упрятана под замок, а, наоборот, выставлена на всеобщее обозрение, но Том чувствовал свою ответственность перед людьми, бок о бок с которыми прожил жизнь, и продолжал выставлять яхту. Заодно он выслал ей брошюру и футболку с изображением яхты и надписью «Я дьявольски рад, что побывал в Форт-Мокси». Брошюра оказалась

недурно оформленной: на обложке была изображена яхта, лежащая на вершине гребня, зловеще вырисовываясь на фоне полной луны. История находки лаконично излагалась в нескольких строках после набранного готическим шрифтом заявления, что «ученые озадачены». Там же было несколько фотографий дома Ласкеров и снимков жизни городка, выгодно представляющие «Фургон первопроходцев», ресторан Клинта и мотель «Северная звезда».

Макса не оставляла мысль, что поиски ведутся не там, где следует. И в тот день, когда прибыли футболка с брошюрой, он решил проверить это предположение.

Главное отделение библиотеки Фарго расположено в деловом районе, на перекрестке Первой авеню и Третьей улицы. Это двухэтажное квадратное строение, вклинившееся между унылыми каменными и кирпичными зданиями, кое-где скрашенными деревьями и кустами.

Под вечер, как раз перед часом пик, Макс миновал полицейский участок и въехал на стоянку перед административным центром. К вечеру заметно потеплело, шедший с полудня снег сменился дождем, и над асфальтом стелился стылый туман. Вокруг зажженных, несмотря на ранний

час, фонарей сверкали радужные ореолы, а грузные свинцовые тучи едва ли не цеплялись за крыши домов. Выбравшись из машины, Макс запахнул куртку поплотнее и рысцой припустил к библиотеке, находившейся в половине квартала от стоянки.

У стеллажей и столов толпились старшеклассники, в воздухе висел тяжелый дух сырого хлопка. Пройдя в справочный отдел, Макс собрал все атласы, какие только смог найти, и потащил их к столу.

Озеро Агассис оказалось самым крупным среди множества озер Северной Америки ледникового периода. Оно было морем в полном смысле этого слова, покрывая площадь в 110 тысяч квадратных миль. Образовалось оно в результате таяния континентального ледового щита. Но через несколько тысячелетий те же ледники, отступая на север, открыли выход в залив Гудзон, и озеро Агассис просто-напросто вытекло.

Воспоминания о нем сохранились в виде озера Вудс, реки Ассинибойн, озера Рейни, озера Ред в Миннесоте, реки Ред на севере и озера Виннипег. Но в пору величия воды озера покрывали равнину слоем в триста футов глубиной.

Макс проверил, когда здесь появились туземцы.

Оказывается, достаточно рано, чтобы полюбоваться озером Агассис. А что еще они видели?

Волокна ели в швартовых свидетельствуют о том, что яхту привязывали, а не просто бросали якорь. Для этого нужна бухта. А где на разумном расстоянии от фермы Тома Ласкера могла находиться бухта, дающая защиту от непогоды?

Где бы вы построили причал на берегу озера Агассис?

Длина береговой линии привела Макса в ужас, простираясь от северной оконечности провинции Саскачеван до водопада Святого Антония в Миннеаполисе — пожалуй, добрых десять тысяч миль побережья. И все-таки шанс есть. Яхта стояла у причала, ее оторвало и унесло, вскоре после чего она села на мель или была потоплена штормом. Несокрушимым этот вывод не назовешь, но такая вероятность существует. Значит, гавань должна была находиться где-то по соседству. Скажем, на западном берегу между Фарго и Виннипегом.

Макс еще долго разглядывал карты.

Что требуется от хорошей бухты? Разумеется, чтобы у берега было достаточно глубоко. Следовательно, встает вопрос о характере рельефа. Но это можно проверить. Еще бухта должна обес-

печивать укрытие от течения и ветра. И быть достаточно глубокой, чтобы яхта могла маневрировать без риска сесть на мель даже во время отлива. Значит, не должно быть пологих склонов. Подобных местечек не так уж много.

Во всяком случае, Макс искренне на это надеялся.

* * *

Поднявшись в воздух, Макс набрал высоту и повернул к западу, высматривая береговую линию. Но не нашел ее. Долина Ред-Ривер на юге поднимается, и плоскогорье, так сильно выделяющееся у границы, становится почти невидимым. С воды берег должен был казаться здесь совершенно плоским. Значит, глубоководных стоянок здесь быть не могло.

Макс повернул на север, и под крыльями замелькал заснеженный пейзаж, среди которого вехами высились силосные башни да временами попадались одинокие поселки, связанные между собой длинными, спокойными двухполосными дорогами. Древний берег стал виден лишь после того, как самолет оказался в округе Кавалер.

У дамбы Херцог шоссе №5 проходит в ложбине. Макс снизился до четырех тысяч футов, чтобы

присмотреться получше. Покрытые снегом поля лежали в запустении и недвижности, нарушаемой лишь одиноким пикапом, подъезжавшим с востока. Возможно, ложбина маскирует древний берег, и Макс несколько раз пролетел над ней, так и не придя к окончательным выводам. К сожалению, если берег был действительно здесь, тут вряд ли что найдешь. Сделав на всякий случай фотографию. Макс полетел дальше.

Второй подозрительный участок он нашел к югу от Валгаллы, в стороне от шоссе №32.

И еще один — в Канаде.

Итого, три варианта.

Ближе всех к ферме Ласкера оказался участок в Валгалле. «Он и будет первым», — подумал Макс, поворачивая на юг.

* * *

По пути он связался с Эйприл.

— Не бог весть что, — подытожил он, — но хоть что-то.

— Разумеется, — без энтузиазма откликнулась она. — Все ж лучше, чем то, чем мы заняты теперь. А кому принадлежит эта земля?

— Если хочешь, я выясню.

— Да. Давай. И получи для нас разрешение

оглядеться.

Том встретил его в аэропорту Форт-Мокси. Идея Макса его тоже не вдохновила, но, пожав плечами, он взял тот же тон, что и Эйприл:

— Можем съездить туда, если хочешь.

Они поехали на запад по шоссе №11, миновали ферму и выехали на край плоскогорья Пембина, где свернули к югу по шоссе №32. Холмы и гребни с запада от дороги тянулись непрерывной цепью, с каменными россыпями у подножия и поросшей у вершины лесом. Именно тут и расположилась Валгалла — благоденствующий степной городок, состоящий из щитовых домиков, лесных и продуктовых складов.

А через десять минут пути на юг от города деревья расступились, и впереди открылся подковообразный каньон.

— Гребень Джонсона, — сказал Ласкер.

Каменистые склоны каньона на юге и западе были почти отвесны, пологим оказался лишь северный склон, густо поросший лесом, как и дно долины. На обочине стояла машина, и двое мужчин рубили дрова прямо у дороги, складывая их в кузов пикапа.

Каньон, просторный возле устья — по крайней мере ярдов двести шириной и глубиной раза в

два больше, у дальней стены сужался на треть. Дальше от шоссе вел проселок, углублявшийся в лес и взбиравшийся на северный гребень, петляя, как серпантин.

Солнце уже опускалось к вершине западной стены, над которой по обе стороны возвышались на пятьдесят — сто футов соседние склоны. Ласкер выехал на обочину, заглушил двигатель и поинтересовался:

— И докуда подымалась вода?

— Зависит от того, о каком периоде идет речь. Но не поднималась настолько, чтобы южная сторона могла послужить удобной бухтой. Зато довольно долго можно было завести судно вон туда, — Макс указал на дальнюю стену, — причалить к пирсу и сойти на берег, не замочив ног.

Ласкер с прищуром смотрел против закатного солнца. В вышине кружила стая птиц, однако слишком далеко, чтобы их разглядеть.

— Может, оно и так. По-моему, это территория краснокожих.

Адвокатская контора Арки Рыжего Папоротника располагалась в похожем на барак офисном здании из серого асбоцемента на окраине Кавалера, столицы округа. С одной стороны от него разместился ортодонтолог, а с другой — финансо-

вый консультант. Стоянка была рассчитана мест на двадцать, половина из которых оказалась занята. Ласкер отыскал свободное местечко рядом с запретной зоной и втиснул машину туда.

Как только они переступили порог, на них посмотрела энергичная молодая особа, сидевшая за компьютером.

— Добрый вечер, джентльмены. Чем я могу вам помочь?

Узнав их фамилии, она позвонила по телефону, и четверть часа спустя их ввели в кабинет, загроможденный дубовым столом, кожаными креслами и рядом книжных шкафов со стеклянными дверцами. Боковые стены покрывали почетные знаки и дипломы, а вот задняя была демонстративно отдана охотничьему луку и вееру из пяти стрел.

Арки Рыжий Папоротник оказался молодым мужчиной среднего роста, с темными, угрюмыми глазами и густыми каштановыми волосами; одет он был в серый твидовый костюм. «Свежеиспеченный юрист», — подумал Макс. Войдя через внутреннюю дверь, Арки поздоровался с Ласкером, как с давним знакомым, осведомился о его семье и пожал руку Максу.

— Итак, — начал он, когда все уселись, — что

именно вы, джентльмены, хотите делать на гребне Джонсона?

Разговор повел Ласкер, как уговаривались заранее.

— Мы хотим получить разрешение провести исследования геологическим радаром. Поискать, нет ли там чего.

Адвокат склонил голову к плечу, будто не расслышал:

— В самом деле? Зачем? Что вы надеетесь найти?

— Просто хотим оглядеться. Посмотреть, есть ли там хоть что-нибудь. Мы согласны ничего не извлекать из земли.

Рыжий Папоротник вытащил из нагрудного кармана очки и аккуратно водрузил их на переносицу.

— Почему бы вам не выложить напрямую, что именно вы ищете? Том, там что, еще одна яхта?

Ласкер оглянулся на Макса.

— Да мы ведем изыскания по всему району, мистер Рыжий Папоротник, — включился Макс. — Разве узнаешь заранее, что и где найдешь?

«Откройся ему», — одними губами произнес Ласкер, и Макс вздохнул. Открыться адвокату? Это в корне расходится с одним из наиболее фун-

даментальных принципов Макса.

— Мы полагаем, — сказал Макс, — что там могли сохраниться предметы времен палеолита.

Адвокат чуточку прищурился и повернулся к Ласкеру:

— Значит, это все-таки связано с яхтой? Верно?

— Да, — ответил тот. — У нас есть слабая надежда, и только, что на вершине гребня Джонсона что-то похоронено. Но все это может оказаться иллюзией.

— Тогда почему бы вам не поделиться своими сведениями об этой яхте? — кивнув, спросил Рыжий Папоротник.

— Все было напечатано в газетах, — попытался уклониться от ответа Макс.

— Да ничего в них не было! Ну, откопали на ферме старую посудину. В очень хорошем состоянии, словно она пролежала в земле не больше недели. И включающую огни по ночам. — Он устремил пристальный взгляд на обоих посетителей. — Хотите получить доступ на гребень Джонсона? Тогда говорите начистоту, в чем дело.

— А нам гарантирована тайна? — уточнил Ласкер.

— Я бы хотел иметь возможность изложить это губернатору, если понадобится. Но даю вам

гарантию, что, пока вы мне ничего не скажете, мы не сдвинемся ни на йоту.

— О каком губернаторе речь? — недопонял Макс.

— О главе администрации местных сиу, — пояснил Ласкер. — Зовут его Джеймс Ходок.

— Во главе сиу стоит губернатор?!

— Вожди командуют краснокожими только в кино, — отрезал адвокат. — А теперь расскажите о яхте.

Макс кивнул:

— Быть может, она намного старше, чем выглядит.

За окном пронесся тяжело груженный трейлер, и все здание затряслось. Макс рассказал об открытии Эйприл, пристально наблюдая при этом за адвокатом и ожидая, что тот вот-вот сочтет их психопатами.

Но Рыжий Папоротник даже бровью не повел и не обмолвился ни словом. Дослушав до конца, он поинтересовался:

— Итак, вы предполагаете, что некто плавал по озеру Агассис на яхте?

Столь прямолинейно изложенное предположение прозвучало глуповато.

— Не знаем, — отозвался Макс. — Это возмож-

но.

— Ладно. — Открыв стол, Рыжий Папоротник извлек листок бумаги. — Сколько вы готовы заплатить за право доступа?

Ласкер заерзал:

— Арки, поскольку мы не собираемся причинять никакого ущерба, то надеялись, что ты просто пустишь нас поглядеть.

— Конечно. Надеюсь, ты понимаешь, Том, что, будь моя воля, я бы не раздумывая дал вам разрешение. Но у совета племени свои правила, и мне волей-неволей приходится им подчиняться. — Он выжидательно посмотрел на посетителей.

— Пожалуй, сотню мы можем наскрести, — решился Макс.

Рыжий Папоротник утвердительно склонил голову — не в знак согласия, а отвечая каким-то своим мыслям.

— А как именно вы намерены вести поиск?

— При помощи геологического радара.

Адвокат что-то записал на своем листке, наморщил лоб и приписал еще что-то. Потом поднял голову:

— Не представляю, как я могу принять меньше тысячи.

— Но это же нелепость! — вскочил Макс.

— Это обычная процедура, — возразил Рыжий Папоротник. Он выдержал многозначительную паузу, чтобы дать прочувствовать посетителям весомость своего заявления. Макс мысленно поставил на предприятии крест. Конечно, остаются и другие подходящие места, но гребень Джонсона — просто-таки идеальная гавань. Если причал был где-то поблизости, то именно там.

— Нет, тысячу нам не потянуть, — проговорил Макс. — Но может быть, вы все-таки примете во внимание, что, если мы действительно что-то найдем, выгода будет обоюдной.

— Не сомневаюсь. — Рыжий Папоротник вздохнул. — Ладно. Знаете, что я сделаю? Позвольте мне поговорить с губернатором. Быть может, ради такого дела он захочет сделать исключение и согласится на умеренную цифру. Сколько вы можете предложить? — вежливо улыбнулся он Максу.

— Как насчет пяти сотен?

Рыжий Папоротник на миг прикрыл глаза:

— Полагаю, он сочтет это вымогательством. Но попытаюсь. — Он снова что-то записал. — Я составлю контракт. — Он улыбнулся. — Разумеется, вы понимаете, что любые находки, относящиеся к истории коренных американцев, остаются

собственностью племени. Все остальное, представляющее какую-либо ценность, мы будем использовать на паях согласно обычным условиям.

— А именно? — осведомился Макс.

Рыжий Папоротник извлек еще лист бумаги.

— В данном случае должен подойти раздел четвертый. — Он протянул документ Ласкеру: — Это типовое соглашение со всяким, кто проводит археологические изыскания на территории племени.

— По-моему, нам нужен адвокат, — резюмировал Макс.

Похоже, эта мысль Рыжего Папоротника позабавила.

— Я всегда рекомендую это всякому, кто вступает в правовую сделку и нуждается в консультации. Я напишу договор, а вы можете зайти во второй половине дня и подписать его, если пожелаете. — Он встал, давая понять, что разговор окончен. — Могу ли я еще чем-либо вам служить?

— А вы им когда-нибудь пользовались? — Макс восторженно оглядел лук.

— Он принадлежал моему отцу, — ответил адвокат, будто считал такое объяснение исчер-

пывающим.

* * *

Пегги Мур выросла, в Плимуте, штат Нью-Хэмпшир, под сенью Белых гор. Школу она окончила в Нью-Йорке, трижды побывала замужем и не очень-то жаловала тех, кто вставал у нее на пути. В Геотехническом институте она совмещала целый ряд обязанностей, но руководство командой геологического радара было самой любимой из них. И не потому, что эта работа казалась самой многообещающей, а потому, что приносила наиболее ощутимые плоды. Ничто не могло сравниться для нее с удовольствием сидеть перед монитором, высматривая геологические образования, сулящие нефть, — ну, разве что, кроме находки костей мастодонта, сделанной в Небраске и ставшей знаменательным пунктом карьеры Пегги.

Она предполагала, что на ферме Ласкера они ищут вторую яхту. Но теперь, без каких-либо объяснений, их послали на вершину гребня Джонсона. Какого же черта они выискивают?!

Этот вопрос не давал ей спать по ночам. Пегги заподозрила, что тут замешано нечто противозаконное — чем же еще может объясняться столь

упорная секретность? Однако Макс (напомнивший Пегги первого мужа) кажется слишком уж осторожным, чтобы впутаться во что-то уголовное, а Ласкеры явно чересчур просты для этого. Сомнение у нее вызвала только Эйприл Кэннон, которую Пегги не успела толком узнать. В той угадывается какая-то жестокость; пожалуй, она способна преступить закон, если на то найдутся серьезные основания. Но ответа на главный вопрос это не дает. Что они ищут? Клад? Зарытые наркотики? Потерянный тайник с баллонами нервно-паралитического газа?

Пегги поглядела на Сару, отслеживающую сигнал с радара Чарли. В последние дни погода чуточку улучшилась, стало теплее, и Чарли без жалоб выписывал по гребню поисковый маршрут. Данные поступали в систему, и та преобразовывала их в изображения скал и глины.

Пару дней было не по-зимнему тепло, и укрывший землю снег растаял. Из-за раскисшей земли езда по гребню стала опасной, и Пегги прокладывала поисковый маршрут очень осторожно, чтобы держать Чарли подальше от обрыва. Пристально следя за его продвижением, она время от времени велела ему сдавать назад, жертвуя полнотой охвата ради безопасности.

Радар давал приличное изображение пластов на глубину около сотни футов. Для археологических нужд — если принять предположение, что именно такова цель изысканий — этого более чем достаточно.

Западная часть гребня Джонсона, верхушка дальней его стены, плоская и поросшая травой, являет собой плато ярдов сто пятьдесят в поперечнике, вытянувшееся на пару тысяч ярдов с севера на юг. С южной стороны зияет овраг, отделивший плато от соседних холмов, а с севера сплошной стеной высятся деревья.

Макс просил сосредоточить внимание на кромке обрыва.

— Помедленнее, — велела она Чарли, находившемуся чересчур близко от края.

— Понял, — отозвался Чарли, одетый в пуховую лесорубскую куртку и шерстяной треух с опущенными ушами.

Пегги ужасно хотелось найти хоть что-нибудь, и не только затем, чтобы наконец сориентироваться в происходящем, но и потому, что, будучи профессионалом, она намеревалась выдать заказчику результат, хоть тот и без надобности усложняет работы. И потом, ее раздражало недоверие Макса и его компаньонов. Никто не

собирается красть у них бусы, наконечники стрел или чего там еще. Кроме того, было еще одно обстоятельство, указывающее на геологическую мотивацию: не очень-то смахивают они на людей, заинтересованных в откапывании старинных горшков. Но она объяснила им, что если бы они хотели отыскать, к примеру, золото, то непременно должны сказать об этом, чтобы добиться положительного результата.

Пегги сидела, закинув ноги на пульт и прихлебывая кофе, когда на экранах появилось очень странное изображение.

— Ни черта себе! — только и вымолвила Пегги, задержав на своем дисплее стоп-кадр.

9

За озаренные луной места, где некогда смеялись люди,
Почившие теперь в земле ничтожным прахом...

Уолтер Асквит, «Древние берега»

Макс находился в Таксоне, чтобы поторговаться за бомбардировщик «Галифакс», когда ему вдруг позвонила Эйприл.

— По-моему, мы получили эту штуку, как на блюдечке, — приглушенным голосом сообщила она. — Что-то погребено на гребне.

— Что? Еще одна яхта? — Макс глядел из окна пустынного здания маленького частного аэропорта на стоящий на взлетной полосе «Галифакс» в окружении аукционеров.

— Нет, куда крупнее! Примерно сто пятьдесят футов в поперечнике. Именно там, где ты и предполагал. У откоса.

— Черт!

— Макс, оно круглое.

— Что?

— Сам знаешь.

Последовало долгое, полное значительности молчание на обоих концах провода.

* * *

На компьютерных распечатках было что-то вроде куполообразного строения.

— Провалиться мне сквозь землю, если я видела нечто подобное, — сказала Пегги. — Это не похоже ни на дом лесника, ни на силосную башню. И уж ни в коем случае это не ферма. — Она с подозрением взглянула на Макса. — Как я понимаю, вы должны знать, что это такое.

Макс знал, что надеялся найти. Но абрис находки выглядел не очень-то аэродинамическим, и Макс лишь отрицательно покачал головой.

— А что вам еще приходит в голову? — поинтересовалась Эйприл.

— Ничего. Ничегошеньки. Просто большое круглое строение. Примерно пятисот футов в окружности.

— А в высоту?

— Двадцать футов у периметра. Тридцать или около того у вершины купола. — Они все вместе сидели в аппаратном фургоне, стоящем в опасной близости от обрыва, прямо над находкой. Ветер упорно толкался в борт фургона, будто

хотел столкнуть его в пропасть. — И еще одна странность: площадка тут в основном скальная, покрытая лишь несколькими футами почвы. Ясно? Но эта штука выстроена в выемке. Вот поглядите, видите эти тени? Это сплошной гранит.

Эйприл попросила увеличить изображение.

— Выемка тоже круглая, — продолжала Пегги. — М-м, я бы сказала, что ее сделали специально для того, чтобы вместить купол.

Макс переглянулся с Эйприл.

— А вот еще. — Пегги указала на потемнение, находящееся под передней частью объекта (разумеется, если считать, что его передняя часть обращена к откосу). — Это канал, вырубленный в скале.

Канал выходил из-под строения и вел прямо к обрыву.

— А из чего купол сделан? — спросила Эйприл.

— Не знаю. Но могу утверждать наверняка, что не из камня.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Сужу по отраженному сигналу. Он почти как у стекла. — Пегги постучала кончиками пальцев по столу. — Просто не представляю, как подобное сооружение могло очутиться в этом месте. Будь мы на равнине, я бы сказала, что это брошенный

ангар. Оно достаточно просторно для этого. Но с какой стати строить ангар здесь? Эта штука смахивает на беседку, выстроенную для того, чтобы посиживать на террасе, любуясь долиной. Верно? — Она в упор взглянула на Макса. — Да только террасой тут и не пахнет.

Макса покоробило от ее раздраженного тона. Ему захотелось взять и выложить ей все. Но что тут скажешь? Что если его предположения верны, то она только что нашла летающую тарелку?.

Выбравшись из фургона, они уставились в землю, будто могли одним лишь усилием воли сделать ее прозрачной, чтобы заглянуть вглубь. Всю ночь шел снег, но крепкий ветер, дувший весь день, оголил вершину гребня. Солнце зашло, и температура стремительно падала.

Вдали разъезжал взад-вперед трактор с радаром в поисках других объектов. Его двигатель периодически взревывал, вспарывая вечернюю тишину. Далеко внизу по шоссе №32 ползла пара светящихся фар, да пара сельских домиков затеплила свет в окошках. Окружающий пейзаж мало-помалу погружался во мрак.

Эйприл застала Макса врасплох. Взяв его под руку, она увлекла его вдоль обрыва, подальше от Пегги.

— Насчет канала, — сказала она. — Ты думаешь то же, что и я?

— Он для яхты, — кивнул Макс.

Она затрепетала от волнения:

— По-моему, мы сорвали банк.

— Пожалуй.

Некоторое время они хранили молчание, и Макс смаковал свои ощущения.

— А как по-твоему, — наконец подала она голос, — сиу дадут разрешение на раскопки?

— Несомненно. Им это тоже на руку.

Повернувшись спинами к ветру, они устремили взгляды во тьму.

— Не по душе мне превращать это в коммерческое предприятие, — проронила Эйприл. — Мне бы хотелось пробраться туда потихоньку и никому ни гугу. Но теперь речь идет о более обширном проекте.

Макс поддержал ее:

— Провести раскопки будет не так-то просто. Эта штуковина намного больше, чем яхта. — Промерзшая земля поскрипывала под ногами. — И вообще, может, лучше обождать до весны?

— Нет, — решительно поджала губы Эйприл. — Я не собираюсь дожидаться целых полгода! Тут можно в считанные дни набрать целую армию

добровольцев. Когда мы покажем Лайзе, что нашли, она наверняка профинансирует нас, так что с этим проблем не будет. — Она поплотнее закуталась в пальто. — А можно поместить объявление в университетском вестнике, чтобы набрать землекопов среди студентов. Опять же в Форт-Мокси, в Кавалере и Валгалле множество народу, кому в эту пору года заняться нечем. Вряд ли мы столкнемся с особыми проблемами, набирая рабочую силу. Прежде всего сюда надо доставить тяжелое оборудование. — Глаза ее сияли во тьме, и вся она была теплой и какой-то уязвимой. — Как ты думаешь, Макс? Это оно?

Как и Макс, она боялась безоглядно верить в открытие, пока не убедится наверняка.

— Не знаю.

А расположенная на востоке долина Ред-Ривер уходила к горизонту, будто пытаясь дотянуться до низких звезд.

* * *

Лайза Ярборо провела приятный вечер в компании полудюжины друзей, сперва посмотрев шоу «Кошки», а потом отправившись в тайский салон. Машину она вкатила в гараж лишь около половины второго ночи. Зайдя в дом, она заперла

дверь и включила автоответчик на воспроизведение поступавших звонков.

Голос Эйприл сказал:

— Позвони мне, как только придешь.

Может, и стоило обождать с этим до утра, но в голосе подруги прозвучало сдержанное волнение, распалившее любопытство Лайзы.

Эйприл сняла трубку уже на втором гудке.

— Что у вас там? — с ходу поинтересовалась Лайза.

— На гребне что-то захоронено. Мы пока не знаем, что это такое, но этой штуке там явно не место.

— Она имеет отношение к яхте?

— Это мы узнаем, когда откопаем ее. Не хочу загадывать. Может, там просто сделали силосную яму. Даже не знаю. Но большущая штуковина. И круглая. Лайза, я в этом деле уже не объективна, но нынешним владельцам земля принадлежит с двадцатых годов. И они утверждают, что там ничего такого не было.

— Ладно. Сколько тебе надо?

* * *

У них довольно скоро возникла привычка изобретать прозаические объяснения существо-

вания купола. Как ни крути, их наберется не одно и не два — к примеру, тут был санаторий для ищущих уединения, какая-нибудь тайная правительственная лаборатория, заброшенный тренировочный полигон Национальной гвардии. Но на уме у них было совсем не то, что на языке.

Под руководством Макса доставили экскаватор. За день до того, как строительная компания «Королева Севера» начала работы, Макс, Эйприл и Ласкеры решили отпраздновать это событие и собрались вечером в «Фургоне первопроходцев», украшенном рождественскими гирляндами якобы по поводу грядущих праздников, но каким-то образом касавшимися охоты Макса за гаванью и успешного ее завершения. И тут, будто лишь для того, чтобы подстегнуть настроение, буйное и келейное в одно и то же время, приехал Рыжий Папоротник и привез поздравления от губернатора племени.

Они сидели за угловым столиком, наблюдая за плавным кружением пар под песню Бака Клейтона «Не пинай меня, малышка, когда я в тоске». Музыка проникла Максу в самую душу, настроив его на сентиментальный лад, заставив ощутить себя одиноким и счастливым. «Перебрал спиртного», — решил он.

Какой-то незнакомый тип, симпатичный блондин лет тридцати, пригласил Эйприл потанцевать. Она улыбнулась и пошла с ним, и это пришлось Максу не по душе.

— Его зовут Джек, — сообщил Ласкер. — Он работает на складе.

А главное, сказала Эйприл минут через пять, это что бы ни случилось на гребне, яхта у них останется в любом случае. По ее мнению, это не подлежащее сомнению доказательство посещения Земли высокоразвитой цивилизацией.

— Но, — добавила она, — я прямо горю от нетерпения посмотреть на купол вблизи. — Глаза ее сияли.

Когда же Макс как бы между прочим поинтересовался у Ласкера, что тот намерен делать с яхтой, великан взглянул на приятеля с удивлением:

— Продам, как только выясню, сколько она стоит.

— Она бесценна, — промолвила Эйприл.

— Ненадолго. Мне не терпится избавиться от этой чертовщины.

— Почему?! — ошарашенно спросила Эйприл.

— Потому что мне надоел цирковой шатер и майки с картинками. Мне не по вкусу, когда мне обиняками дают понять, будто я мало делаю для

города. Нет, я обращу ее в наличные, как только подвернется подходящая возможность.

Макс тешил себя мыслью, что, может быть, тоже приложил руку к отысканию НЛО, и воображал, как показывает президенту рубку управления. «Это навигационные приборы, господин президент. А вот здесь, справа, стартер генератора гиперполя». Нет, там не будет никакого генератора гиперполя. А будет... тахионный двигатель, что ли? Или квантовый? «По нашим оценкам, на крейсерской скорости до Альфы Центавра одиннадцать дней пути». Произнести эту фразу Максу хотелось чрезвычайно.

Предполагая появление телесериала, он уже гадал, кто будет играть Макса Коллингвуда. Лучше бы кто-нибудь сильный, но в то же время уязвимый. Он уже числил себя в списке самых завидных женихов «Эсквайра». А вот он дает интервью Ларри Кингу (интересно, будет он волноваться, когда телекамеры заработают?). Макс решил, что если все пойдет хорошо, то он оставит «Молнию» себе, выстроит музей боевых самолетов и сделает ее центральным экспонатом.

Мемориальный музей Коллингвуда.

Они старались не привлекать к себе внимания, но алкоголь горячил кровь, и сидеть тихо

становилось все труднее. Они поднимали тосты друг за друга, за Лайзу Ярборо, за команду геологического радара, за озеро Агассис, а еще за Форт-Мокси («центр американской культуры к западу от Миссисипи»).

— По-моему, — заметил Макс, — тут нам понадобится археолог. Сдается мне, можно нанять кого-нибудь, чтобы руководить раскопками. Это поможет обойтись без оплошностей, неизбежных, если мы будем делать все сами.

— Я против, — тут же возразила Эйприл.

— Прошу прощения?

— Не нужен нам никакой археолог. — Она разглядывала свой бокал в полусвете электрических свечей. — Не нужно вовлекать сюда никого лишнего без крайней необходимости. Стоит привести сюда археолога, и он тут же заявит, что мы дилетанты, и постарается взять руководство работами в свои руки. Понемногу он перетянет одеяло на себя, и вся честь достанется ему, — сказала Эйприл, всем своим видом заявляя: уж я-то знаю толк в таких делах, можешь мне поверить. — Пойми, большинство ученых по природе своей хищники. Иначе им не выжить. Дай такому палец, и он всю руку отхватит. — Она перевела дыхание. — Слушай, давай говорить прямо. Это

не обычные археологические раскопки. В этом деле лучше нас не разбирается никто.

— Понятно. Из ученых ты тут одна и не хочешь подпускать никого другого, — констатировал Макс.

— Макс, да ведь это же наше дитя! — рассердилась она. — Ты хочешь, чтобы в драку полезли тяжеловесы? Попробуй — и увидишь, долго ли мы продержимся у руля.

* * *

Строительная компания «Королева Севера» обеспечила малый экскаватор и бригаду. Экскаватору нелегко было одолеть бугры, ведущие на плато, но как только он прибыл на место, работы пошли без помех.

— Только не повредите эту штуку, хорошо? — сказал Макс.

— Мы будем осторожны, — заверил его бригадир — седовласый, крепко сбитый мужчина в толстой куртке. Ему сказали, что это старое зернохранилище, в котором могут быть спрятаны несколько ценнейших произведений искусства (Макс стал весьма изобретателен). — Конечно, сами понимаете, мы только поможем вам подобраться к этой штуке поближе, а после придется

копать вручную, а это уж без нас.

По периметру района раскопок вбили колышки, натянув на них шпагат с белыми ленточками, развевавшимися на ветру. Пока бригада «Королевы Севера» выдвигалась в исходное положение, Пегги Мур в красном свитере, надетом по случаю существенного потепления, стояла у фургона, сложив руки на груди. Трактор с радаром Чарли поставил всего десятком ярдов дальше.

В фургоне в это время царила атмосфера, наэлектризованная до предела. Эйприл заняла пост у главного дисплея (правила, запрещающие посторонним находиться в фургоне, были давным-давно позабыты) и руководила раскопками оттуда. Макс постарался убедить себя в том, что под землей таится всего-навсего силосная яма или старинное индейское жилище. Марсиане отдалились на многие световые годы.

Экскаватор занял позицию перед разметкой и застыл. Экскаваторщик посмотрел на планшет, переговорил по радиотелефону и продвинул машину еще на пару ярдов. Поднятый ковш раскрыл свои челюсти, помедлил и вонзил их в грунт. Земля задрожала.

Экскаваторщик потянул за рычаги, ковш поднялся, развернулся, оставляя след из мелких

камешков и просыпавшейся почвы, и вывалил свой груз в сторонке. Затем стрела вернулась к начатой яме. По плану надо было вырыть вокруг находки широкую траншею. Настоящие раскопки купола начнут завтра добровольные землекопы Эйприл, набранные в основном из числа местных фермеров, которым нечем заняться в это время года.

С затянутых тучами небес упало несколько снежинок.

Пегги Мур достала видеокамеру и начала снимать ход работ на пленку. А она не дура! Макс осознал, что должен был и сам догадаться так поступить. Не исключено, что видеоматериалы будут стоить кучу денег еще до окончания раскопок.

Фактически в ближайшее время придется обнародовать свои находки и созвать пресс-конференцию. Сколько еще времени пройдет, пока пресса не заинтересуется происходящим на гребне Джонсона? Но что сказать на пресс-конференции, вот в чем вопрос. Нельзя объявить о находке НЛО, а после откопать старый нужник.

* * *

К закату на плато появился ров двенадцати футов шириной и тридцати глубиной. Подковообразный, как каньон, ров охватывал участок раскопок с трех сторон, на расстоянии пятнадцати футов от объекта. В ров уложили дощатый настил, поставили лестницы и настелили поверх него деревянные мостики.

— Тут нужна осторожность, — пояснил бригадир. — Есть риск, что земля обрушится, и если вы подкопаете под мостиками, а без этого, наверно, не обойдется, тогда надо будет принять меры, чтобы они не сломались. Лучше пригласите профессионала, знающего толк в этом деле.

— Спасибо, — сказала Эйприл. — Мы будем осторожны.

Он протянул ей документ на подпись. Эйприл заглянула в бумагу.

— Тут изложены сопутствующие опасности, меры предосторожности и рекомендация нанять специалиста по технике безопасности.

— А заодно эта бумага освобождает вашу компанию от ответственности за несчастные случаи, — заметила Эйприл.

— Ага, а как же. — Он подставил планшет.

Пробежав документ глазами, Эйприл подписала его. Бригадир вручил ей второй экземпляр, она сложила лист вчетверо и спрятала в карман.

Экскаватор тронулся в обратный путь по проселку, двигаясь против легкого ветерка, метущего поземку. Бригадир с удовлетворением оглядел итоги своей работы и сказал:

— Счастливо, люди. Будьте поосторожнее.

Когда он ушел, Макс и Эйприл медленно обошли ров кругом, посвечивая на его дно фонариками.

— Придется изрядно покопаться, — заметил Макс.

— Народу у нас хватает, — отозвалась она.

10

Торговцы, фермеры, чиновники, студенты,
Простолюдины – шли толпою,
Шли чередою неизменной...

Уолтер Асквит, «Древние берега»

Поутру шумная толпа добровольных землекопов собралась в актовом зале муниципалитета Форт-Мокси. Прессу представлял Джим Стейвсант, городской серый кардинал, а также редактор и издатель еженедельника «Новости Форт-Мокси». Стейвсант толком не знал, ради чего собирают рабочих, кроме того, что на гребне Джонсона будут какие-то раскопки, но для городка, не богатого новостями, это событие тянет на передовицу.

Ровно в восемь Эйприл постучала по микрофону, дождалась, пока собрание утихнет, и поблагодарила всех за приход.

— Нам почти ничего не известно об этой постройке, — сказала она. — Мы не знаем, ни насколько она прочна, ни какую ценность она представляет. Пожалуйста, будьте поаккуратнее,

чтобы ничего не повредить. Мы не торопимся.

Стейвсант, заодно исполнявший и обязанности фотокорреспондента, сделал пару снимков.

— Если вы наткнетесь на что-нибудь, кроме почвы и камней, пожалуйста, позовите прораба.

— Это что, чего-нибудь индейское? — поинтересовался мужчина в красной клетчатой куртке из переднего ряда.

— Мы не знаем, что это, — улыбнулась Эйприл. — После того как вы нам поможете это выяснить, мы вам непременно сообщим. Пожалуйста, останьтесь со своими бригадами. Завтра вы можете явиться прямо на место работ. Или прийти сперва сюда, если хотите. В восемь отсюда поедет автобус и будет ходить туда-сюда каждый час до двух часов. Мы заканчиваем в половине пятого. Вы можете закончить, когда пожелаете, но, пожалуйста, отметьтесь у своего бригадира, если только хотите, чтобы вам заплатили.

Собравшиеся рассмеялись. Они пребывали в отличном настроении — на них нежданно-негаданно свалился заработок под Рождество, да и погода держится.

— Есть вопросы?

— Ага, — подал голос один из студентов. — На месте будет какое-нибудь горячее питье?

— На месте будет фургон с раздачей горячего кофе, горячим шоколадом, сандвичами и гамбургерами. Горячий шоколад и кофе бесплатно. Пожалуйста, не мусорьте на месте. Там будут урны, пользуйтесь ими. Всех, кто будет мусорить, попросят удалиться. Еще вопросы будут?

Землекопы потянулись к выходу, на ходу застегивая куртки.

Толпа покидала старое щитовое здание и рассаживалась по автобусам, машинам и пикапам. Стейвсант сделал еще несколько снимков и подождал Эйприл, чтобы поинтересоваться:

— Доктор Кэннон, а что там такое на самом деле?

— Джим, честное слово, не знаю и не хочу строить безосновательные догадки. Скорее всего это просто старое зернохранилище начала века. Дайте мне пару дней, а потом приходите и поглядите собственными глазами.

Стейвсант кивнул. «Новости Форт-Мокси», как правило, публикуют статьи, которые люди хотят увидеть напечатанными: о поездке в Аризону, о воссоединении семьи, о благотворительном празднике. Поэтому владелец, репортер и редактор не привык иметь дело с людьми, уклоняющимися от ответа на вопрос. Да вдобавок

жизнь ему осложняет проблема, совершенно не знакомая ежедневным газетам: трехдневный разрыв между новостью и появлением «Новостей» на свет. А срок сдачи следующего номера уже прошел, так что подверстать в него материал уже не удастся.

— Как-то не верится, чтобы кому-то пришло в голову строить зернохранилище на вершине гребня. Это немного нерационально, как по-вашему?

— Джим, мне уже пора.

— Пожалуйста, уделите мне всего минуту. Доктор Кэннон, вы ведь химик, не так ли?

— Да.

— А какой интерес химику участвовать в раскопках?

К подобному допросу Эйприл оказалась совершенно не готова.

— Это мое увлечение.

— А тут есть археолог? Настоящий? Руководящий работами?

— Ну, правду сказать, нет. В общем-то.

— Доктор Кэннон, пару месяцев назад у нас в районе откопали яхту. Этот проект имеет к ней какое-нибудь отношение?

— Даже не знаю. — Эйприл чувствовала, что

вот-вот запутается. — Джим, прошу прощения, я должна идти.

Тут она увидела Макса и, помахав рукой, заспешила к нему. Но Стейвсант не отставал.

— Тут у нас поговаривают об НЛО.

Она остановилась, понимая, что должна крепко подумать, прежде чем сказать хоть слово. Но ничего путного в голову не пришло.

— Ничего не могу вам сказать, — выпалила она.

Разумеется, произнести более фатальную глупость было бы трудновато.

* * *

Они взяли в прокат три фургона: один для кухни, другой под координационный центр, а третий — для отдыха «генералов». А еще установили палатку для хранения инвентаря.

Макс поселился в Форт-Мокси в мотеле «Северная звезда», позвонил Стелле, сказал, что задержится тут на несколько дней, и попросил организовать доставку его автомобиля.

Ласкер согласился взять на себя руководство административной стороной работ. Без лишних слов он наметил общий план, назначил прорабов, организовал рабочие бригады и составил такой

график смен, чтобы рабочие проводили в тепле столько же времени, сколько и под открытым небом.

Кроме того, он не считал зазорным для себя взять в руки лопату. Его почин стал очень популярен, особенно когда к нему присоединились Эйприл и Макс. Так что дела пошли быстро, и в тот самый день, когда «Новости Форт-Мокси» вышли в свет со статьей об НЛО, Лем Хардин, работавший на полставки на лесоскладе, докопался до твердой зеленой поверхности.

НЛО НА ГРЕБНЕ ДЖОНСОНА? УЧЕНЫМ НЕЧЕГО СКАЗАТЬ

Джим Стейвсант. Форт-Мокси, 17 декабря

Доктор Эйприл Кэннон, руководящая раскопками на гребне Джонсона, сегодня отказалась опровергнуть упорные слухи о находке летающей тарелки.

Кэннон возглавляет команду из более чем двухсот землекопов, пытающихся откопать таинственный объект, недавно обнаруженный в результате интенсивных изысканий при помощи геологического радара. Археологи Университета

Северной Дакоты утверждают, что гребень Джонсона – неподходящий участок для поисков захоронений или поселений коренных американцев, и теряются в догадках, чем объяснить инициативу Кэннон.

Информационные агентства тут же подхватили эту новость и разнесли ее по всей стране.

* * *

Макс узнал об успехе, когда издали донеслось громкое «Ура!». Он уже встал из-за стола и потянулся за курткой, когда зазвонил телефон.

— Крыша, — сообщил Ласкер.

Весть быстро разлетелась по всему участку, люди бросали тачки и торопливо взбирались по лестницам, чтобы посмотреть на находку. Взглядам тех из них, кому удалось подобраться достаточно близко, открылась маленькое изумрудное окошко, видневшееся на дне котлована.

Когда Макс подошел, Эйприл уже стояла рядом с находкой на коленях, сняв перчатки. Макс спустился к ней.

— На ощупь, как выпуклое стекло, — сказала она. — По-моему, прозрачное.

Взяв фонарик, она включила его и поднесла к расчищенному участку, но солнце светило чересчур ярко. Эйприл нетерпеливо стащила с себя куртку и накрылась ею с головой.

— Что там? — не утерпел кто-то из рабочих.

— Пока не понятно. — Эйприл поглядела на Макса. — Свет туда проникает.

— Ты замерзнешь, — сказал Макс, но тоже сунул голову под куртку. Внутрь действительно можно было заглянуть.

Эйприл достала папку, собрала несколько крупинок и сунула их в конверт. Затем огляделась и заметила Ласкера.

— Теперь поосторожнее. Рядом с этой штукой никаких лопат! Мне плевать, даже если на раскопки уйдет целый год. Только не повредите ее. — Эйприл натянула куртку и перчатки и выбралась из ямы. — Не знаю, но, на мой взгляд, на крышу сарая это не похоже. Может, мы и в самом деле наткнулись на что-то стоящее. — Клапан конверта был покрыт самоклеящимся составом. Эйприл запечатала его и спрятала в карман. — Макс, можно попросить тебя об одолжении?

— Что прикажешь?

— Не подбросишь меня самолетом в институт?

— Но ведь основные события разыгрываются

здесь!

— Здесь они будут позже, — покачала она головой. — А сегодня основные события будут в лаборатории.

Эйприл так и не поняла, откуда пресса так быстро узнала о находке. Бригада новостей «Лесли в десять» прибыла еще до того, как они с Максом успели покинуть плато, а вслед за телевизионщиками подоспели и газетчики.

— Нет, — сказала она им. — Ни о каких НЛО я ничего не знаю.

Она решительно заявила, что понятия не имеет, откуда пошли слухи, что они не искали ничего конкретного — просто поговаривали, что на гребне что-то зарыто, а им удалось откопать какой-то кусок стекла.

— Вот и все, — подытожила она. — На этом пока все.

Кэрол Дженсен из «Лесли в десять» настаивала на официальном заявлении для прессы.

— Как вам завтра утром? — предложила Эйприл. — Годится? В девять. Это даст нам возможность выяснить, что мы обнаружили. Но, пожалуйста, сенсаций не ждите.

Макс доставил ее в аэропорт Челлис. Не теряя времени, Эйприл прыгнула в свой автомобиль,

отмахнувшись от его приглашения на ленч.

— Я позвоню, как только что-нибудь прояснится, — пообещала она напоследок.

Макс отправился в свою контору, заказал пиццу и включил телевизор как раз во время полуденных новостей. Новости оказались скверными. На экране он увидел себя — он стоял рядом с Эйприл и выглядел круглым дураком, а она явно уклонялась от прямых ответов. Но что хуже всего, репортеры опознали в нем владельца «Закатной авиации».

В «Полуденных новостях» делали упор на мнимые сенсации, связанные с НЛО, и упоминали о том, что две недели назад на вершине горы в Айдахо ожидали приземления инопланетян. «Не являются ли раскопки в Форт-Мокси еще одним примером подобного заблуждения? — вопрошал комментатор. — Следите за нашими передачами».

Во второй половине дня новость крутили уже по Си-эн-эн, где вслед за репортажем с гребня Джонсона шла информация о сезонном обострении душевных заболеваний. Далее следовало интервью с явно помешанным юношей, утверждавшим, что в плоскогорье Пембина таится источник энергии, помогающий людям познать

свою истинную природу. В Миннесоте какие-то фермеры утверждали, что видели, как нечто светящееся приземлилось в лесу близ Саук-Центра. В Пенсильвании и Миссисипи ходили рассказы о похищении людей инопланетянами. А в Лавлок, штат Невада, водитель, врезавшийся в валун в нетрезвом состоянии, утверждал, будто за ним гнался НЛО.

— Макс, да ты теперь знаменитость! — сказала Сейл. Макс и не заметил, как она появилась на пороге. На ней был безупречно отглаженный китель компании воздушных грузоперевозок «Тор», синий с золотым кантом. Ее волосы длиной до плеч взметнулись мягкой волной, когда Сейл повернулась, чтобы закрыть дверь.

— Я уже на пути к славе и богатству, — вздохнул Макс.

Сейл села напротив него.

— Надеюсь, ты его одолеешь. — Она изобразила капризный настрой. — А я сегодня увидела «Зеро»[5].

— И?..

---

[5] notes: 5

Мицубиси A6M, известный под названием «Зеро» — японский истребитель морского базирования; в начале второй мировой войны был лучшим истребителем в Тихоокеанском театре военных действий; в конце войны часто использовался для полетов камикадзе

— Если ты действительно нашел НЛО, то все это покажется тебе детскими игрушками.

— Только не держи пари на этот счет, — ухмыльнулся Макс.

— Не стану, Макс, — улыбнулась она в ответ. Макс ощутил, как в душе всколыхнулась волна тепла. — Послушай, я лечу в Виннипег. Ты занят?

Он покачал головой:

— Просто жду звонка. Ты туда надолго?

— Туда и обратно. Везу груз телекоммуникационных запчастей. — Взгляд ее обрел серьезность. — Макс, а она в самом деле там?

— Сомневаюсь.

— Жаль, — расстроилась Сейл. — Кстати, почему бы тебе не слетать со мной? Ты мог бы показать мне, где вы копаете.

Макс увидел себя выходящим из вашингтонской студии после интервью с Ларри Кингом. Сейл его поджидает, но он лишь отмахивается от нее. «После поговорим, я спешу на передачу „Сегодня вечером“.

— Макс! — окликнула она.

— Ага. Конечно, полетели. — Но ему воистину не терпелось узнать о результатах исследований Эйприл сразу, как только они появятся. — Каким самолетом?

— «Бетси».

— Ладно. Я только закончу тут и присоединюсь к тебе.

Он позвонил Эйприл. Она на звонки не отвечала, и Макс наговорил на автоответчик, как связаться с С-47. Затем оставил записку Стелле, ушедшей на ленч, натянул куртку и вышел на взлетную полосу.

Сейл уже сидела в кабине, занимаясь предполетной проверкой самолета. С-47 сохранил свои боевые эмблемы. Единственной данью его нынешней миссии стало изображение колотушки и надпись «Компания грузоперевозок Тор», приютившиеся на хвосте.

Макс залез в самолет через грузовой люк и закрыл его. Салон был забит упаковочными ящиками. Пробравшись между ними, Макс занял кресло второго пилота. Сейл, общавшаяся с Вышкой, подняла руку, давая понять, что заметила его.

Пропеллеры медленно вращались.

— А что это за спешка с телефонами? — поинтересовался Макс. Обычно подобные грузы доставляются наземным транспортом.

— Кто-то напортачил, производство стоит. Вот я и получила заказ. По большей части мой бизнес

держится на том, что я разгребаю кучу, когда кто-нибудь завалит дело. — Она ухмыльнулась. — Так что без работы я не останусь.

Она вывела самолет на северную взлетную полосу. По серому небу плыли тучи. «Вечером будет снег», — подумал Макс, наслаждаясь своим ощущением С-47. Это выносливая и исключительно послушная машина. Если вам надо доставить груз через линию фронта, то лучшего самолета и пожелать нельзя.

— Поехали, — сказала Сейл, давая полные обороты. Прокатив по бетонке, С-47 взмыл в небеса.

Больше года назад Макс обнаружил, что роман с Сейл у него не получится. Как только это выяснилось, ему стало легко говорить с ней. Она чудесно умеет слушать, а в ее деликатность Макс верил безоговорочно.

— Меня пугает, — признался он, — что дело вынесено на общее обозрение. Теперь вся страна считает, будто мы знаем, что там может быть НЛО. В результате мы выглядим чокнутыми.

— А что ты сам-то думаешь?

— Что эта штука окажется чем-то иным.

— Тогда чего ж ты копья ломаешь?

Макс немного поразмыслил.

— Ну а вдруг... — Услышав ее смех, он осекся.

— Вот видишь? Вы и есть чокнутые. Впрочем, меня это не волнует. Если ты действительно нашел НЛО, то радоваться надо. — В кабине было холодно, и она включила обогрев. — Если он действительно там, Макс, я хочу на нем прокатиться. — Она поглядела на Макса, а он засмеялся и показал ей большой палец.

Подняв машину до четырнадцати тысяч футов, Сейл повернула на север. В мирной, озаренной солнцем кабине С-47 стало совсем уютно.

— И кому он будет принадлежать? — спросила Сейл.

— Наверно, сиу.

— Почему сиу?

— Он на их земле. — Мысль о краснокожих, управляющих самым совершенным в мире космическим кораблем, позабавила его. — Любопытно, а что скажет по этому поводу Бюро по делам индейцев?

— Даю руку на отсечение, что индейцам не разрешат оставить его себе.

У Хоупа они легли на курс вдоль Мейпл-Ривер на север. Когда самолет пролетал над Приятной долиной, зазвонил телефон. Сейл подняла трубку, послушала и передала ее Максу.

Звонила Эйприл.

— Макс, это сто шестьдесят первый, — задыхающимся голосом вымолвила она.

— Как и яхта? — Он стиснул трубку и заметил заинтересованный взгляд Сейл. — Ты уверена?

— Да, Макс. Я уверена. — Эйприл даже не пыталась скрыть свой восторг.

— Поздравляю, — произнес Макс. Сейл с любопытством наблюдала за ним.

— И я тебя. Слушай, нам надо сейчас же туда возвращаться.

— Я уже примерно там. Лечу в Виннипег. Вернусь под вечер, и полетим обратно. Годится?

— Вполне. Позвони, когда будешь здесь.

Пообещав позвонить. Макс напомнил:

— А ты думала о завтрашней пресс-конференции?

— Да, думала.

— Похоже, у нас больше нет причин держать рот на замке.

«О чем?» — одними губами произнесла Сейл.

Максу показалось, что он слышит, как лихорадочно крутятся шестеренки в голове Эйприл.

— Мне было бы спокойнее, если бы мы потянули с этим, пока не откопаем всю штуку целиком.

— Подобную роскошь тебе вряд ли позволят.

— Как я понимаю, вы нашли НЛО, — пару се-

кунд спустя сказала Сейл.

— Нет, новости не настолько хороши. Но хороши. — Макс вкратце объяснил, что к чему.

Она устремила на него теплый взгляд широко распахнутых глаз:

— Макс, я рада за тебя.

Гребень Джонсона приближался. Макс смотрел вниз, на череду холмов, гладких и белых в свете солнца, и на низкую, плоскую седловину, внезапно обрывающуюся в пропасть.

— У вас там порядком народу, — заметила Сейл.

Вообще-то даже чересчур много. Люди виднелись повсюду, а на автостоянке яблоку негде было упасть.

— Должно быть, к нам уже нагрянули туристы.

Сейл положила машину в вираж, начав долгий, плавный разворот.

— Наверно, это еще цветочки. Может, тебе пора подумать о регулировке движения и правилах безопасности? — Достав из бардачка полевой бинокль, она поднесла его к глазам, чтобы поглядеть на гребень. — По-моему, твои работники не очень-то продвинулись.

Макс потянулся к телефону, но она удержала его руку:

— А не лучше ли сделать это лично? Тем более что я с удовольствием и сама бы взглянула.

Отложив бинокль, она подала штурвал от себя. Самолет пошел на снижение.

— Ты что, собираешься приземлиться прямо здесь? — удивился Макс. — В нескольких милях восточнее есть аэропорт.

— А это дорога к нему? — указала она вниз.

Двухполосная дорога из Форт-Мокси была забита до отказа, и машины еле двигались короткими рывками.

— Она самая.

— На это у нас нет времени. Слушай, Макс, я с удовольствием полюбуюсь на НЛО вблизи. Ты же видел землю. Есть возражения?

В длину плато, плоское и лишенное растительности (если держаться подальше от краев), насчитывает около двух тысяч ярдов. Снежные наносы прикрывают его лишь местами, в виде узких полос.

— Приличный боковой ветер.

Сейл поглядела вниз и взглядом дала понять, что бояться нечего.

— Меньше двадцати узлов. Для «Бетси» это сущий пустяк.

— Мало ли что.

— Не волнуйся, Макс, — рассмеялась она. — Если кто-нибудь подаст жалобу, я скажу, что ты протестовал всю дорогу.

Десять минут спустя она посадила машину на плато, даже не расплескав кофе. Все находившиеся на земле уставились на большой самолет, медленно кативший к участку раскопок. Когда Макс распахнул дверцу, Ласкер уже дожидался его.

— Надо было сразу догадаться, что это ты, — начал Том, но тут увидел Сейл и прикусил язык. Лицо его приобрело дурацкое выражение, неизменно появляющееся на лице каждого мужчины, оказавшегося рядом с ней.

— Сейл, — представил Макс, — это Том Ласкер, наш номинальный босс.

Они обменялись рукопожатием.

Туристы и зеваки были повсюду. Они вовлекали землекопов в разговоры, толпились на мостиках и всячески мешали работе. Многие стояли у края раскопа, другие подходили чересчур близко к обрыву.

— Надо что-то сделать, — сказал Макс.

— Я пытался приставить людей, чтобы они не подпускали зевак, — вздохнул Ласкер. — Но те агрессивны, к тому же их слишком много,

за всеми не уследишь. Да вдобавок никто из присутствующих не располагает реальными полномочиями.

Макс наблюдал за бесконечным потоком автомобилей, подъезжающих к плато.

— Ладно, попросим полицию поставить на подъезде какой-нибудь кордон. Может быть, ограничить число туристов, допускаемых сюда одновременно?

— Полицейские за такое браться не захотят.

— Им придется, пока кого-нибудь не прикончили. Надо ввести пропуска для наших людей.

— А что нам делать до того? Из-за этого бардака мы топчемся на месте.

Макс порывисто вздохнул:

— Отпусти людей пораньше домой. — Он поглядел на кишащую толпу. — А кто тут шеф полиции?

— Эмил Датабл.

— Ты с ним знаком?

— Мы вращаемся в разных кругах, но я с ним знаком.

— Позвони ему. Объясни, что тут происходит, и попроси о помощи. Скажи, что нас буквально вытеснили с раскопа, и попроси прислать людей, чтобы очистить территорию.

— Ладно, — кивнул Том.

— А тем временем, — повернулся Макс к Сейл, — ты, наверное, хочешь посмотреть, что там такое?

— Да, если ты не против.

По деревянному мостику они перешли через главную траншею. Дальше повсюду высились кучи земли и было проложено еще несколько канав поменьше. По пути Макс заглядывал в каждую из них. Наконец он остановился:

— Здесь.

Раскоп стал шире, чем утром. И зеленое окошко тоже.

— Смахивает на стекло, — заметила Сейл.

Минут через пять к ним присоединился Ласкер и сообщил:

— Копы на подходе.

— Отлично. Кстати, Том, Эйприл говорит, что это тот же материал. Может, мы и в самом деле заполучили НЛО.

— Вряд ли, — покачал головой Ласкер.

Макс из осмотрительности не позволял надеждам чересчур разгораться, но комментарий Ласкера — а главное, его тон — подействовал на них, как ледяной ливень.

— Почему вряд ли?

— Пойдем со мной, — поморщившись, как от зубной боли, отозвался Ласкер.

Он повел их обратно к главной траншее и спустился по лестнице. Макс и Сейл последовали за ним. В траншее было холодно и сумрачно. Под ногами поскрипывали доски настила. Повсюду трудились рабочие — одни копали, другие оттаскивали землю и грузили ее в бадьи. Бадьи при помощи блоков поднимали на поверхность, где и опорожняли.

— Здесь. — Ласкер указал на изогнутую стойку, выступающую из западной стены траншеи футах в пяти над его головой и уходящую в землю. — Их тут несколько штук. Верхний конец прикреплен к объекту. А этот конец, — он указал на нижнюю часть стойки, — уходит в скалу. Чем бы эта штука ни оказалась, черта лысого она способна сдвинуться с места хотя бы на дюйм.

11

Вся макроиндустриальная система прогнозируется по стабильному и статистически предсказуемому уровню износа и уничтожения продуктов производства. Разумеется, если принять предположение, что речь идет о наиболее употребительных продуктах. Значительное снижение любого из этих двух факторов немедленно отразится на производстве и вызовет сокрушительные возмущения в экономике.

Эдуард Денев, «Индустриальный фундамент и мировое сообщество», издание третье

— Для начала я бы хотела положить конец слухам о летающих тарелках, — сказала Эйприл прямо в объективы телекамер. Стоявший рядом с ней Макс предпочел бы оказаться за тысячу миль отсюда, но старался не подавать виду. Стену позади них украшал государственный флаг. — Не знаю, откуда пошли эти слухи, но только не от нас. Впервые я узнала о них из «Новостей Форт-

Мокси». — Она улыбнулась Джиму Стейвсанту, стоявшему футах в пяти от нее с видом крайнего самодовольства.

Собрание проходило в актовом зале муниципалитета Форт-Мокси. Макс был просто подавлен числом и именами съехавшихся журналистов. Прибыли представители Си-эн-эн и Эй-би-си, телеграфных агентств и нескольких крупных ежедневных газет Среднего Запада и даже один корреспондент «Джапан таймс». Макс Тауэр, знаменитый фельетонист из «Чикаго трибьюн», сидел в первом ряду. Крохотный степной городишко прославился на всю страну — по крайней мере хотя бы на несколько часов.

Накануне вечером Эйприл с Максом приняли решение не замалчивать ничего, кроме догадок. Если информацию дадут по Си-эн-эн, то не стоит рисковать и нарываться на сокрушительные комментарии. Эйприл отрепетировала заявление для прессы, а Макс задал ей все вопросы с подковыркой, какие только пришли ему в голову. Но одно дело репетиция, и совсем другое — реальная аудитория. Эйприл не оратор, а Макс боится выступлений перед публикой, как огня.

— Но кое-какие новости у нас есть, — продолжала Эйприл, вынув из портфеля стопку

листов. — Вот данные лабораторного анализа образца парусины, найденной на яхте Ласкера, а также образца наружного покрытия объекта, найденного на гребне. Химический элемент, из которого сделаны эти объекты, имеет атомный номер сто шестьдесят один.

Фотокорреспонденты подошли поближе и защелкали затворами.

— Этот элемент находится в дальнем конце периодической таблицы, хотя точнее было бы сказать, за ее пределами.

Поднялось сразу несколько рук.

— Что именно это означает? — спросила высокая молодая женщина из центра зала.

— Это означает, что до сей поры мы с этим элементом не сталкивались. Правду сказать, не так уж давно я была убеждена, что подобный элемент должен быть крайне нестабилен и существовать не может.

Новые руки.

— А кто мог произвести это вещество?

— Об этом мне ничего не известно.

В руках у некоторых слушателей появились сотовые телефоны. Публика начала напирать, протягивая Эйприл микрофоны и выкрикивая вопросы. Эйприл попросила обождать с вопроса-

ми до конца ее заявления. Затем в общих чертах описала цепь событий, начиная с обнаружения судна. Она назвала Макса и Тома Ласкера, воздав им должное (а может, возложив ответственность) за находку на гребне. Потом подробно описала результаты испытаний материалов с яхты и из раскопа.

— Вы сможете получить их перед уходом. — Далее Эйприл призналась, что вразумительного объяснения дать не может, и добавила: — Но мы знаем наверняка, что объект на гребне является строением, а не транспортным средством. Так что всякие измышления на сей счет исключаются. — Эйприл пленительно улыбнулась. — Оно смахивает на старое паровозное депо.

В зале снова поднялись руки.

«Виннипег Фри пресс»: Доктор Кэннон, вы утверждаете, что земная наука не способна произвести подобный материал?

Си-эн-эн: Удалось ли вам установить возраст находки?

«Гранд-Форкс геральд»: Поговаривают, что этим раскопки не исчерпываются. Планируете ли вы начать изыскания где-либо еще?

— По одному, пожалуйста, — загородилась ладонью Эйприл и посмотрела на репортера «Фри

пресс». — Если кто-то на такое и способен, он мне не известен.

— А как насчет правительства?

— Вряд ли. Но лучше спросите у них сами. — Она повернулась к корреспонденту Си-эн-эн. — Этот элемент не подвержен распаду, так что точному датированию он вряд ли подлежит. Но судя по всему, для постройки купола строителям пришлось углубиться в скалу. Возможно, нам удастся установить, когда проводились земляные работы. Но пока мы этого не делали.

— А у вас нет фотографий? — помахала блокнотом женщина слева от нее.

Эйприл дала знак Джинни Ласкер, стоявшей рядом с демонстрационной доской, и та откинула лист, закрывавший эскиз купола.

— Насколько мы можем судить, — сказала Эйприл, — вся наружная поверхность сделана из одного материала. Кстати, на ощупь он похож на гнутое стекло.

— Стекло? — переспросил корреспондент Эйби-си.

— Ну, с виду точь-в-точь как стекло.

Новый град вопросов:

— А что внутри?

— А вы уверены, что ничего не напутали?

— А сможем ли мы воспроизвести этот материал теперь, когда он у нас появился?

И так далее.

Эйприл старательно подыскивала ответы на все вопросы. Она не представляет, что находится внутри купола. Она организовала проверку тех же образцов другой лабораторией, и результаты оказались идентичными. Она не представляет, можно ли научиться производить аналогичные материалы.

— Если это нам удастся, — добавила она, — то мы сможем делать паруса, которые прослужат очень долго.

— Насколько долго? — уточнил репортер «Фарго форум».

— Ну-у, о-о-очень долго, — ухмыльнулась она.

* * *

Вопросы безопасности они разрешили вполне успешно. Рабочим раздали пропуска, и полиция не позволяла зевакам заходить на территорию раскопок.

Даже не будь всего остального, уже одна пресс-конференция дала бы Максу понять, какого джинна он выпустил из бутылки. Он дал несколько интервью, стараясь не выходить за намеченные

рамки. «Что тут произошло на самом деле? Кто построил купол?» Макс отказывался пускаться в догадки. «Мы знаем не больше вашего». И сказал, что предпочитает оставить за прессой право на досужие домыслы.

Журналистов на раскопе собралось больше, чем землекопов. Они фотографировали, задавали вопросы и стояли в очередях, чтобы взглянуть на прозрачную зеленую поверхность, расчищенную уже в нескольких местах.

Как раз перед полуднем Том Ласкер зашел к сидевшему в фургоне Максу. Телефоны звонили без умолку, и с раскопок сняли несколько человек, чтобы те помогали отвечать на звонки.

— Макс, эта история пошла в эфир, — сообщил Том. — Ее крутят во всех выпусках новостей без исключения. Кстати, звонил Чарли Линдквист. Он нас обожает.

— А кто такой Чарли Линдквист?

— Председатель городского совета Форт-Мокси. Знаешь, что он сказал?

— Нет. И что же?

— Он сказал, что это получше Несси. Чтоб меня разразило. — Том ухмыльнулся от уха до уха. — И самое нелепое. Макс, что это действительно так. Это величайшее событие в наших краях со вре-

мени Сухого закона. Кавалер, Валгаллу и прочие городки ждет процветание.

Снаружи послышался возбужденный гомон. Макс выглянул в окно и увидел, что Эйприл прокладывает себе путь к фургону сквозь толпу репортеров.

— По-моему, она им нравится, — заметил он.

— Ага, еще бы! Она им подкинула обалденную сенсацию.

Дверь распахнулась, и Эйприл, пятясь, втиснулась внутрь.

— Дайте мне час, — крикнула она кому-то, — и я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы.

— Добрались до моего детства, — сообщила она, захлопнув дверь и привалившись к ней спиной. — Кое-кому из них хочется вытащить из этого очередную историю о том, как обездоленные афроамериканцы выбираются из грязи в князи. — Она со вздохом плюхнулась в кресло и только тут заметила Ласкера. — Привет, Том. Добро пожаловать в психушку!

— Да у меня дома не лучше. Народу не протолкнешься, такого еще не бывало, да еще армия репортеров. Нынче утром, когда я уезжал, они донимали расспросами детей.

— Быть может, именно так отныне будет вы-

глядеть наша жизнь, — развела руками Эйприл.

— Я как-нибудь с этим справлюсь. — Макс упивался происходящим.

— Эй, я голодна, как волк! У вас тут какой-нибудь сандвич не завалялся?

Макс достал ей из холодильника сандвич с ростбифом и пепси. Эйприл развернула сандвич и откусила изрядный кусок.

— Ты здорово смотрелась, — заметил Макс.

— Спасибо. — Ее губы изогнулись в улыбке. — Я чуточку волновалась.

— По тебе не скажешь, — соврал Макс, потому что она нуждалась в поддержке.

Кто-то постучал. Ласкер откинулся на стуле и выглянул в окошко. Потом открыл дверь, впустив седовласого, худого, но невероятно высокого мужчину.

Посетитель взглянул на Эйприл в упор, как на врага:

— Доктор Кэннон?

— Да. — Она с вызовом посмотрела на него. — Чем могу служить?

Пришедший буквально источал холодную ярость. Его редеющие, подстриженные бобриком волосы агрессивно топорщились. Подернутые влагой глаза прятались за линзами бифокальных

очков — похоже, давно нуждающихся в замене на более сильные. Он скользнул взглядом мимо Ласкера и Макса, будто те были пустым местом.

— Моя фамилия Эйхнер. Я заведующий кафедрой археологии в Северо-Западном. — Он посмотрел на Эйприл с высоты своего роста; судя по тону, свое моральное превосходство он ставил еще выше. — Как я понимаю, это вы распоряжаетесь этим... — он помолчал, — ...мероприятием?

Тон его был полон снисходительности. Эйприл не спускала с него глаз:

— По какому вы делу, доктор Эйхнер?

— Мое дело — сохранение прошлого, доктор Кэннон. Простите за банальность, но эта находка, это бог весть что, откапываемое вашими людьми, может представлять громадную ценность.

— Мы знаем.

Он бросил ледяной взгляд на Макса — дескать, попробуй-ка возрази!

— Тогда вы должны знать, что существует изрядная вероятность повреждения, а следовательно, и невосполнимой утраты. Все идет совершенно бесконтрольно. На раскопках нет ни одного профессионала.

— Вы имеете в виду профессионального археолога.

— А кого ж я еще могу иметь в виду?!

— Как я понимаю, — встрял Макс, — вы претендуете на это место.

— Откровенно говоря, — Эйхнер по-прежнему обращался к одной лишь Эйприл, — я чересчур занят, чтобы заниматься полевыми изысканиями. Но вы просто-таки обязаны пригласить сюда кого-нибудь, знающего толк в своем деле.

— Однако, доктор Эйхнер, — возразила Эйприл, — мы работаем с предельной осторожностью.

— Предельная осторожность дилетанта — это звучит малоубедительно. — Он достал буклет с надписью «Национальная ассоциация археологов» и протянул его Эйприл. — Я предлагаю вам позвонить в любой университет с приличной кафедрой. Или в Комиссию по древностям. Ее номер на второй странице. Они с радостью помогут вам подобрать кого-нибудь.

Эйприл не шевельнулась, и он швырнул буклет на стол.

— Я не могу помешать тому, что вы тут вытворяете. И очень жаль. Будь такое возможно, я бы положил этому безобразию конец сию же секунду. Поскольку такой возможности у меня нет, я взываю к вашему разуму.

— Спасибо. — Взяв буклет, Эйприл не глядя бросила его в сумочку.

Эйхнер посмотрел на нее, потом на сумочку:

— Я говорю вполне серьезно. Вы несете профессиональную ответственность. — Распахнув дверь, он пожелал всем здоровья и удалился.

Добрую минуту царило молчание.

— Наверно, он прав, — подал голос Ласкер.

— Нет, — покачал головой Маке. — Ни на грош. Кафедра археологии в Северо-Западном знает о подобных раскопках ничуть не больше нашего.

— Я согласна, — поддержала его Эйприл. — Тем более что Шлиман был дилетантом.

— Помнится, я где-то читал, — заметил Ласкер, — что в Трое он жутко напортачил.

Сбывалось все, на что Эйприл возлагала надежды. Она сделала открытие века и, пожалуй, увековечила себя. В один прекрасный день Эйприл Кэннон окажется среди гигантов науки. В этом ей уже ничто не может помешать. Она пока толком не поняла, что же открыла, но в эпохальности открытия сомнений нет.

В тот же вечер о находке говорили по всем каналам, уже всерьез, не поминая о сезоне помешательств. «Час новостей с Джимом Лерером» показал ряд химиков, почти единодушно сходив-

шихся в том, что где-то была допущена ошибка или произошло недоразумение.

— Но, — сказал Алан Наримото из Миннесотского университета, — если доктор Кэннон права, это открытие неоценимой значимости.

— Как это? — спросил Лерер.

— Если на время забыть о нашей исходной посылке и представить, что мы сумеем воспроизвести процесс производства этого элемента... — Наримото покачал головой и повернулся к коллеге Мэри Эспозито из Университета Дюка, подхватившей эстафету.

— Тогда мы смогли бы, — завершила она, — сделать ткань для вашего костюма, Джим, которая пережила бы вас.

Эй-би-си показала сюжет, в котором Эйприл стояла рядом с куполом, держа в руках рулон скотча шириной в два дюйма.

— Это обыкновенная клейкая лента, — проговорила она, отрывая футовый кусок ленты и наклеивая его на картонную коробку и затем срывая. Лента потянула за собой изрядный кусок картона. — В отличие от картона наш элемент крайне слабо взаимодействует с другими веществами. — С этими словами она оторвала еще кусок скотча, крепко прижала его к стене купола

и отпустила. Скотч медленно отделился и упал на землю. — Ему не страшны ни снег, ни вода, ни грязь — даже клейкая лента. — Камера сделала наезд на зеленую поверхность. — Подумайте, какой замечательный получился бы из него защитный лак для вашего автомобиля.

Комментарии были хоть и осторожными, но не враждебными. Эйприл считала, что выглядела хорошо — этакий образчик сдержанности и уверенности. Только факты, мэм!

Атомный номер бог весть где — за углом и напротив, отсюда не видать. «Этот элемент находится в периодической таблице невероятно далеко. Вообще-то можно без натяжки сказать, что он находится за ее пределами». Научный обозреватель «Тайма» побелел как мел. Вот это был славный день! Сегодня вечером ученые всей страны впервые прочтут эту информацию. Эйприл пока не публиковалась, но это не беда, потому что у нее есть доказательства. Отныне она войдет в легенды. Чудесное чувство!

В мотеле «Северная звезда» бара не было. От возбуждения Эйприл не могла ни спать, ни читать и уже было собралась позвонить Максу, чтобы предложить пойти отпраздновать событие еще разок (хотя оба они явно перебрали на радостях

во время обеда в Кавалере с Ласкерами), когда зазвонил телефон.

Звонил Берт Кода, заместитель директора Колсоновского института, работающий там со времен второй мировой войны. Институт давным-давно заменил этому усталому, издерганному, отчаявшемуся человеку и жену, и семью, и Бога, и страну.

Без лишних экивоков он с ходу выпалил:

— Эйприл, ты что, из ума выжила?!

Это не могло не пробудить ее от грез.

— В каком это смысле?

— Ты сегодня выступала перед камерами.

— И что?

— Ты даже словом не обмолвилась об институте. Ни единым.

— Берт, это не имеет ни малейшего отношения к институту.

— Что ты городишь?! Насколько я помню, во время нашей последней встречи ты еще работала на нас. И когда же ты уволилась? Ты что, смотала удочки, когда я отвернулся?

— Послушайте, я просто старалась не впутывать институт в это дело.

— Почему? С какой стати тебе такое вздумалось?

— Потому что тут идет речь об НЛО, Берт. Может, о зеленых человечках. Вы хотите, чтобы институт ассоциировался с зелеными человечками? Я полагаю, что Колсоновскому положено держать марку оплота научной мысли.

— Пожалуйста, перестань юлить.

— Я и не собиралась.

— Еще как собиралась! Это же бесплатная реклама, да притом в безмерных количествах! Что-то я не слышал сегодня болтовни об НЛО.

— Еще услышите.

— Плевать! — В голосе его зазвучали угрожающие нотки. — Эйприл, тебя показывают по всем программам. Как я понимаю, завтра ты будешь во всех газетах. Ты, Эйприл. Не Колсоновский институт, а Кэннон. — Он порывисто вздохнул. — Ты хоть слышишь, о чем я говорю?

— Но это скверная реклама!

— Скверной рекламы не бывает. Когда репортеры выстроятся к тебе в очередь, а это уж непременно, будь так любезна, упомяни о своем работодателе, переплачивавшем тебе не один год. Как ты, сможешь себя заставить?

Эйприл выдержала паузу. Она с удовольствием бросила бы вызов этому сукину сыну. Но, откровенно говоря, она страшилась его.

— Ладно, — проронила она наконец. — Если вам так хочется.

— О да, именно этого мне и хочется.

Эйприл мысленно увидела, как он откинулся назад с закрытыми глазами и выражением отчаяния на лице, появляющимся всякий раз, когда он сталкивается с вездесущей глупостью.

— Да, я очень этого хочу. Кстати, можешь упомянуть, что мы особо хороши по части экологии. Ах да, еще вот что... Мне было бы любопытно узнать, где ты была и за чей счет трудилась, когда познакомилась с этим делом впервые.

12

Чуточку блистающего времени между двумя вечностями; второго шанса у нас не будет больше никогда!

Томас Карлейль,
«Герои и героическое в истории», т. 5

Назавтра температура упала до минус двадцати по Фаренгейту. Земля закаменела, люди начали обмораживаться, а у Мака Эберли, пожилого фермера, зазвавшего на гребень половину своего семейства, начались боли в груди. Во время праздников погода совсем испортилась, и Эйприл неохотно признала, что придется устроить сезонный перерыв. Уплатив землекопам щедрую премию, она объявила, что работы будут возобновлены при первой же возможности. И уточнила: весной. А на следующий день разыгрался буран. В канун Нового года индекс зависимости обмораживания от скорости ветра достиг ста градусов ниже нуля.

Рассказ о находке довольно скоро вытеснили из газет более животрепещущие новости: Суперкубок, банковский скандал, связанный

с жуткими историями о сексе и наркотиках, и судебное разбирательство по нашумевшему делу об убийце-маньяке.

Эйприл опубликовала результаты своих исследований, и новый элемент по традиции назвали «кэннонием». Североамериканская коллегия физиков наградила ее Спингармовской медалью, а Национальная академия наук устроила банкет в ее честь. Но долгая задержка все равно легла ей на душу тяжким грузом.

Макс вернулся в Фарго и зажил прежней жизнью, обналичивая свою новоприобретенную славу. Люди, заинтересованные в покупке, продаже или восстановлении старых военных самолетов, предпочитали «Закатную авиацию» другим компаниям. Кроме того, Макса начали постоянно приглашать в качестве оратора на различные мероприятия. Он никогда не любил говорить перед аудиторией, но приглашения подкреплялись суммами до тысячи долларов за полчаса. Так что он прошел краткий курс ораторского искусства и обнаружил, что с опытом приходят раскованность и даже умение захватить внимание публики и вызвать смех. Он произносил речи на мероприятиях Ротари-клуба, на деловых обедах, на вручении университетских

наград и на собраниях «Рыцарей Колумба». Но когда он выяснил, что Эйприл получает в среднем по шесть тысяч, то поднял свои ставки и очень удивился, когда большинство заинтересованных лиц охотно пошли на его условия.

Однажды он провел выходные с отцом, и тот пришел в восторг. Впервые на памяти Макса полковник с гордостью и удовольствием представлял сына своим друзьям.

Теперь Макс всегда обедал в компании Эйприл и в один прекрасный момент обнаружил, что в его душе зреет чувство к ней. Ему пришлось сознательно подавлять это чувство, чтобы поддерживать с ней чисто деловые отношения. Макс твердил себе, что предприятие на гребне Джонсона сулит чересчур большие перспективы, чтобы идти на осложнения, вытекающие из романтических отношений с женщиной, вступившей в дело в роли его партнера. А расовые предрассудки могли еще более осложнить дело, потому что нельзя сбрасывать со счетов риск, что его ухаживания приведут к взаимному отчуждению. Тем более что она не делала никаких шагов ему навстречу. И все же когда Эйприл познакомила его с лейтенантом полиции и призналась, что питает к тому искреннюю симпатию. Макс пал духом.

Время от времени они брали «Молнию» и летали над плато. Раскопки совсем замело, о царившей на гребне лихорадочной деятельности свидетельствовали лишь конусообразные груды земли. Однажды в морозный январский день Эйприл попросила приземлиться.

— Не могу, — отозвался Макс.

— Почему? Сейл здесь приземлялась.

— Я не знаю, глубок ли снег. У Сейл был дюйм, а у нас, наверное, фут. А под ним может оказаться лед.

— Жаль.

В феврале совершенно неожиданно стало неестественно тепло, воздух прогрелся градусов до пятидесяти. Такая погода продержалась подряд несколько дней, и Эйприл приехала на машине в Форт-Мокси, захватила Ласкера и вместе с ним осмотрела раскопки. Оба они прекрасно понимали, что приступать к работам еще рано, но мысль о пассивном ожидании в течение еще нескольких недель казалась обоим невыносимой.

— Может, нам повезет, — заметила Эйприл, — и, когда чуть подморозит, можно будет продолжить работы.

Ласкер эту идею не одобрил, но Эйприл уладила дело с Лайзой Ярборо, и весенняя кампания

начала набирать обороты.

* * *

Теплая погода продержалась восемь дней. Землекопы вернулись на участок, и работа закипела. Они выгребли снег из раскопа, высыпали его в каньон и начали энергично вгрызаться в промерзшую землю, методично очищая дюйм за дюймом. В результате этих усилий им удалось очистить переднюю часть купола, все такого же изумрудно-зеленого и напоминающего стекло. Ко всеобщему разочарованию, двери там не оказалось.

Они предполагали, что вход должен быть спереди, то есть на участке, обращенном к пропасти, но столкнулись с глухой стеной. Правда, оставалась еще масса работы, но из-за близости к пропасти продвижение было медленным и небезопасным.

От обрыва купол отделял трехфутовый карниз, являвший собой землю вперемешку с камнями, наполнившими канал, отмеченный еще на радарных распечатках. Быть может, войти через канал и несложно, но близость его к пропасти влечет немалый риск. Прежде чем решиться раскапывать канал, Эйприл хотела до конца очистить все строение. Дверь наверняка где-нибудь

да найдется.

Заодно возвели несколько модульных домиков в качестве складских и штабных помещений.

Землекопы завели обычай брать с собой фонарики, с помощью которых они время от времени пытались заглянуть сквозь кэнниониевую стену. Некоторые утверждали, что смогли что-то разглядеть, а кое-кто божился, что некто смотрел на них изнутри. В результате гребень заслужил репутацию, сперва давшую повод к шуткам, а потом породившую у большинства работников стремление покинуть плато до сумерек.

Двадцать второго февраля, в день рождения Вашингтона, погода вернулась к норме. Долина Ред-Ривер промерзла насквозь, и двадцать третьего Макс справлял собственный день рождения с Эйприл и Ласкерами под завывание метели. Впрочем, ночью ветер стих, и наступившее утро было солнечным, ясным и морозным. Настолько морозным, что рабочих пришлось распустить по домам задолго до заката.

Но к тому времени почти весь купол был освобожден от плена навалившейся на него земли. Он все еще был местами завален грудами земли и камней, но уже возвышался отдельным строением, радуя глаз своей элегантной простотой.

Совершенно круглая стена, как и куполообразная крыша, после мытья засверкала, как новенькая.

Макс уже проводил взглядом первые машины, покатившие вниз с плато, когда услышал вопли и смех, доносившиеся из-за поворота стены купола.

У задней стороны здания собралась группа людей. Двое землекопов вытирали стену, а остальные прикрывали глаза от солнца, чтобы лучше видеть. Несколько человек заметили Макса и возбужденно замахали ему.

Они нашли на стене изображение.

Голова оленя.

Изображение было предельно простым и ясным: одной дугой намечен изгиб плеча, другой — рога. Здесь точка глаза, там — скобка морды.

Изображение было нанесено белым цветом, контрастно выделяясь на фоне темной кэнниевой стены. Как и само строение, рисунок отличался непритязательной, плавной чистотой линий, без росчерков и завитушек.

* * *

Сняв фотоаппарат с плеча, Эйприл оглядела купол в начинающихся сумерках. С пасмурного неба сеял снежок.

— Идеально! — Она щелкнула затвором, чуть сместила точку съемки и сделала еще один снимок. Снег с шорохом осыпался вдоль стен. — Он очарователен в снегопад, — промолвила она, вместе с Максом шагая вдоль периметра строения и делая снимок за снимком. — Такое может случиться один-единственный раз за всю историю человечества! — Она снимала купол, голову оленя, окружающие холмы и стоянку. И Макса. — Встань-ка вон туда, Макс, — распорядилась она, а когда Макс замялся, засмеялась и за руку отвела его на нужное место, как маленького, велела стоять смирно и сделала еще несколько снимков. — Ты будешь помнить этот момент всю свою жизнь. А порой будешь готов пойти на убийство, только бы вернуть этот миг обратно.

Макс знал, что это правда.

Он тоже сфотографировал ее на фоне громадного строения, приникшего к земле, будто изготовившееся к прыжку доисторическое чудище.

— Здорово, — сказала Эйприл. — Это здорово!

И вдруг, когда Макс меньше всего этого ждал, бросилась к нему в объятия и поцеловала его.

Назавтра армия телевизионщиков вернулась с подкреплением. Они интервьюировали всех и каждого и проявляли особенный интерес к оле-

ньей голове. В тот вечер работа задержала Макса на гребне допоздна. На плато еще не совсем стемнело, когда Том Брокау открыл финальный сюжет вечерних новостей, по традиции призванный пробудить у зрителя положительные эмоции.

— В Северной Дакоте группа исследователей возобновила раскопки чрезвычайно таинственного объекта, — сообщил он. Одновременно на экране появились общие планы участка раскопок, снятые и с земли, и с воздуха. — Вы видите объект, найденный менее полугода назад в нескольких километрах от канадской границы. Руководство раскопок разговорчивостью не отличается, но люди, имеющие к ним отношение, не исключают возможности того, что объект оставлен тут инопланетными гостями. Так ли это? — Брокау улыбнулся. — Посмотрите репортаж Кэрол Дженсен из нашего филиала КЛМР-ТВ в Гранд-Форкс.

Крупный план Дженсен, одетой в модное пальто, на фоне выпуклой стены. Ветер треплет ее непокрытые волосы, а она старается не подавать виду, что замерзла. (Трудно даже поверить, что в других областях страны бейсболисты уже выбежали на стадионы для весенних тренировок.)

— Том, нам довелось услышать массу кривотол-

ков об этой находке со времени ее обнаружения в ноябре прошлого года. Эксперты всей страны в один голос утверждают, что образцы материала, взятые с объекта, называемого куполом, просто не должны существовать. Кроме того, они заявляют, что не имеют представления, как подобный материал мог быть произведен. Однако он существует. И небольшая группа археологов-любителей возобновила раскопки. И уже до их окончания мы получили первые убедительные доказательства посещения Земли инопланетянами.

«Ага, — подумал Макс, — отлично. Пока что нам не пришлось говорить этого самим».

Остальные каналы подошли к делу примерно так же — не без опаски, но с энтузиазмом. Убедившись, что все чисто, пресса не могла упустить столь грандиозную новость, не раструбив о ней на весь мир.

Натянув куртку, Макс вышел на улицу. Уже взошла луна, озарив купол и отбросив резкие тени на круглое углубление, в котором он выстроен. Теория Пегги Мур о том, что углубление сделано намеренно, чтобы дать место для купола, теперь казалась не подлежащей сомнению. Скалистый берег находился слишком высоко над уровнем

воды, прикинул Макс, вообразив древнее озеро. Поэтому пришельцы сделали в скале котлован, поставили на его дне свою верфь и пробили канал в последних футах скалы, преграждавших судну путь к воде.

Со временем внутреннее море отступило, оставив строение высоко над землей, а за десять тысяч лет ветер занес углубление землей.

Быть может, удастся найти кусок скалы, вынутый отсюда? Макс подошел к обрыву и вгляделся вниз.

* * *

Гарри Эрнест был единственным на весь Форт-Мокси правонарушителем. В Чикаго он проникся страстью к настенным росписям при помощи аэрозольных красок. После смерти матери он перебрался жить к родственникам в Северную Дакоту (отца своего он не знал).

Главной проблемой Гарри было то, что в захолустье типа Форт-Мокси свободолюбивой натуре вроде него просто негде скрыться. Он единственный вандал к северу от Гранд-Форкс, и потому, стоит только какой-нибудь разухабистой надписи появиться на стене водонапорной башни, церкви или концертного зала «Олень»,

как помощник шерифа уже знает, где искать виновного.

К чести Гарри и к огорчению его родни, он не предал своего искусства даже в столь неблагоприятной обстановке. Но поскольку он не сомневался, что расплата неминуема, то научился выбирать в качестве полотен такие здания, где его труды принесут самые обильные плоды. И когда по телевизору показали купол, на Гарри снизошло вдохновение.

Том Брокау еще не успел попрощаться с телезрителями, как Гарри уже собирал баллончики с краской, припрятанные на чердаке. «Пожалуй, золотая и белая будут отлично выделяться на фоне темной стены», — подумал он.

Он всерьез пораскинул умом над выбором достойного послания миру и наконец решил, что чем проще, тем лучше. Он просто выразит те же мысли, которые запечатлел на бесчисленных кирпичных стенах в самом Чикаго и его окрестностях.

Около одиннадцати, когда весь дом затих, Гарри взял из верхнего ящика дядиного бюро ключи от машины, вылез из окна своей спальни и потихоньку вывел семейный «форд» из гаража. Полчаса спустя он обнаружил, что подъездную

дорогу перекрыла полиция, из-за чего ему пришлось проехать мимо и остановиться в полумиле дальше. Оттуда он двинулся прямиком через лес, пока не наткнулся на дорогу, и преспокойненько прошел по ней пешком.

Купол возвышался над долиной округлой тенью на фоне мерцающих звезд, и Гарри решил, что надпись будет прекрасно видна с шоссе №32, когда солнце озарит ее.

Вокруг виднелось несколько времянок, в одной из которых горел свет и кто-то расхаживал внутри. Больше на всем плато не оказалось ни души.

Гарри зашагал по плато, негромко насвистывая и вовсю наслаждаясь собой. В тени купола он остановился, чтобы проверить баллончики. Снова похолодало, но краска разбрызгивалась отлично. Вполне удовлетворившись, Гарри постоял минуточку, подставив лицо ветру. Ага, именно ради этого и стоит жить — ветер в волосах, предчувствие снегопада... И вызов, брошенный миру в лицо.

Гарри улыбнулся и прошел по узкому карнизу перед куполом, ничуть не опасаясь разверзшейся рядом бездны. Дойдя до середины, он повернулся, чтобы оглядеть свой холст, и попятился, пока каблуки не оказались за краем. К счастью, ветер

дул с запада, так что строение защищало его. А это важно, если имеешь дело с аэрозольными красками.

Гарри обрадовался, обнаружив, что купол сделан из стекла — по телеку на этот счет были разногласия. Но о стекле что-то толковали, так что Гарри взял эмаль.

Направив на стену луч фонарика, Гарри обнаружил, что она просвечивает, и подошел поближе, пытаясь заглянуть внутрь, но тут же подумал, что никакой внутренности вовсе нет, что эта штука может быть сплошной.

Пожав плечами, он достал баллончик.

Первое слово будет написано золотом. Задрав голову, Гарри смерил стену взглядом. Угол невыгодный, но тут уж ничего не попишешь — стена слишком близко.

Ночную тишину нарушал лишь посвист ветра да гул самолета где-то вдали.

Гарри примерился и нажал на головку распылителя. Краска вырвалась из сопла узким веером мельчайших капелек, и ладонь ощутила приятное давление реактивной струи аэрозоля.

Но в отличие от водонапорных башен и церквей купол воспротивился взаимодействию с окружающим миром. Капли не удержались на

поверхности. Какая-то часть струи сконденсировалась и сбежала вниз каплями, крайне малая толика краски задержалась в стыках и выщербинах, но почти весь аэрозоль отразился от стены и завис в воздухе золотым облаком.

Повисев на месте всего лишь какое-то мгновение, облако начало рассеиваться и оседать.

Гарри даже не понял, что стряслось — просто лицо его вдруг увлажнилось, глаза ужасно защипало.

Вскрикнув, он выронил баллончик и упал на колени, растирая глаза кулаками. Рука его задела что-то во тьме, и Гарри осознал, где находится, не мог не осознать этого. Затем земля исчезла из-под ног, и он рухнул в бездну.

Макс, сидевший в своем кабинете ярдах в ста от него, услышал крик, высунул голову из дверей, но решил, что это какое-нибудь животное.

13

Во всем бескрайнем море полночи
Вперед влечет нас только свет...

Уолтер Асквит, «Древние берега»

Поисковая партия нашла Гарри к полудню. Родственники заявили о его пропаже в восемь утра, машину нашли в девять тридцать, а землекопы наткнулись на фонарик и аэрозольный баллончик на карнизе перед куполом в начале одиннадцатого. Дальше все было проще простого.

Мысль о том, что кто-то хотел причинить находке вред, возмутила Макса до глубины души. Он даже не испытывал жалости к подростку, пока не подошел к обрыву и не поглядел вниз.

Арки Рыжий Папоротник приехал под вечер, осмотрел карниз вместе с Максом и тряхнул головой.

— Прямо не верится!

Макс согласился с ним.

— Не исключена возможность иска от родственников, — добавил Арки. Эта реплика ошарашила Макса.

— Но ведь он приехал нахулиганить!

— Это не важно. Он ребенок, а это опасная зона. Хороший адвокат докажет, что мы не обеспечили мер безопасности. И будет прав.

Пар дыхания облачками повисал в воздухе — день стоял ясный и холодный, температура опустилась градусов до пятнадцати.

— Когда же люди научатся отвечать за собственные действия?

Рыжий Папоротник, одетый в толстую шерстяную куртку с капюшоном, лишь развел руками:

— Этому парнишке мы уже ничем не поможем, но сделаем так, чтобы подобное не повторилось. Таким образом мы по крайней мере продемонстрируем добрые намерения, если такая необходимость возникнет. — Он указал Максу на стоянку, куда как раз въезжал зеленый фургон, выкативший из-за деревьев, обступивших подъездную дорогу. — Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Фургон остановился, и оттуда выбрался индеец в голубой джинсовой куртке, на вид лет тридцати, среднего роста, с черными волосами и темно-карими глазами. Помахав рукой, он двинулся к ним. Что-то в его облике подсказало Максу, что с этим человеком лучше вести себя аккуратнее.

— Это мой шурин, — сообщил Рыжий Папоротник. — Адам Пробивающий Дырку Сквозь Небо, прошу любить и жаловать.

Тот протянул ладонь для рукопожатия и уточнил:

— Можно — просто Небо.

— Адам будет возглавлять службу безопасности, — продолжал Арки.

— Какую еще службу безопасности? — удивился Макс.

— Возникшую сегодня утром, — не смутился адвокат.

— Мои люди подтянутся в пределах часа, — кивнул Небо, окидывая плато взглядом. — Нам нужен будет штаб.

— Какая-нибудь из этих хижин подойдет? — предложил Рыжий Папоротник.

— Да, вполне.

Макс было заспорил, что у них нет лишнего места, но адвокат не дал ему и слова сказать.

— Если ты хочешь продолжать работы, Макс, то обязан обеспечить безопасность. Я рекомендую Адама.

Адам переступил с ноги на ногу, устремив на Макса совершенно бесстрастный взгляд.

— Ага, конечно, — согласился Макс. — Кто бы

спорил.

— Хорошо. — Небо извлек из бумажника визитную карточку и протянул ее Максу. — Здесь мой номер. Мы разместимся и приступим к делу под конец дня.

У Макса возникло ощущение, что он попал в компанию мошенников. Есть ли у Адама нужная квалификация? Только охочих до стрельбы аборигенов тут и не хватало! Рыжий Папоротник будто прочел его мысли.

— Адам — консультант по вопросам безопасности. В основном для авиакомпаний, железных дорог и транспортных фирм.

Небо посмотрел на Макса и перевел взгляд на купол.

— Работа мне предстоит уникальная, но могу вас уверить, что больше никаких происшествий не будет.

В течение часа подъехала пара грузовиков, прибыли рабочие и принялись возводить забор из металлической сетки. Установленный футах в тридцати от купола забор должен был окружить его со всех сторон. Теперь всякому желающему свалиться с карниза пришлось бы сперва преодолеть восьмифутовую преграду.

— Частные автомобили за ограду пропускаться

не будут, — пояснил Небо.

Макса это вполне устраивало. Он до сих пор ломал голову, как это юный вандал умудрился брызнуть краской себе в глаза. Уже начал распространяться слух, что парнишка посветил фонариком сквозь стену, чтобы заглянуть внутрь — и что-то увидел.

* * *

Забор был возведен в течение двадцати четырех часов. Затем Небо сразу же установил по периметру раскопа дежурные прожекторы и пять телекамер.

Прибыли одетые в форму охранники-сиу. Первый из них, повстречавшийся Максу, вполне соответствовал представлениям Макса о типичном индейце — крупный, черноглазый и немногословный. Звали его Джон Малый Призрак, и настроен он был весьма по-деловому. Представления Макса проистекали из сотканного Голливудом образа людей порой благородных, порой неистовых, но почти всегда безгласных, так что его потрясло знакомство сначала с индейцем-адвокатом, а потом с индейцем — консультантом по вопросам безопасности. А то, что с Джоном Маленьким Призраком он чувствовал

себя гораздо спокойнее, чем с Небом или Рыжим Папоротником, как ни парадоксально, вселило в него тревогу.

Провели полицейское расследование обстоятельств смерти Гарри Эрнеста. Заполнили бланки, задали Максу несколько вопросов. (Он сказал, что пробыл на плато до полуночи и вряд ли тут кто-то был, когда он уезжал. Об услышанном ночью «зверином» вопле он успел напрочь позабыть.) Полицейские сказали, что это совершенно очевидный случай гибели в результате несчастного случая при совершении хулиганских действий. Нет никаких оснований обвинять кого-либо в халатности. Так они и доложат, так и будет записано в материалах следствия.

Макс побывал на похоронах. Людей на кладбище было мало, да и те, судя по всему, пришли по дружбе к опекунам мальчика. Подростков не было. Опекуны вели себя на диво сдержанно.

На следующий день Рыжий Папоротник известил Макса, что иск вряд ли последует.

* * *

Туристы продолжали прибывать целыми толпами. Их допускали на плато, но за забор заходить не разрешали. Полицейские открыли еще одну

подъездную дорогу с западной стороны плато и установили одностороннее движение.

Дверь пока что никто не нашел.

Забор загораживал и переднюю часть Купола, так что стало можно вести раскопки канала, не опасаясь за жизнь рабочих.

Перед объективами телекамер туда привезли девушку в инвалидном кресле, отличницу одной из местных школ, чтобы она дала зачин. Мило улыбаясь и позируя перед камерами, она копнула землю. И уж тогда землекопы взялись за работу.

С самого начала было ясно, что дело затянется, потому что работать приходилось в тесноте. Одновременно копать могли лишь два человека. Тем временем небо снова затянуло тучами, стало теплее, пошел снег. По всей окружности здания целая армия людей, вооруженных метлами, обметала стены и полдюжины стоек, поддерживающих строение. Эйприл и Макс наблюдали за происходящим на экране охранного монитора в контрольном модуле.

Для большинства землекопов наступила последняя неделя работ. Им заплатят, поблагодарят и отпустят на все четыре стороны. Чарли Линдквист запланировал торжественный обед в муниципалитете Форт-Мокси и организовал

выпуск дипломов для рабочих, гласивших «Я помогал откопать Купол». (К тому времени здание уже приобрело заглавную «К».) Пресса проявляла все более пристальное внимание, число посетителей тоже прибывало. Шоссе №32 было забито машинами на многие мили в оба конца.

Эйприл время от времени спускалась в раскоп, чтобы пройтись вдоль стены. Ей нравилось находиться рядом, касаться Купола ладонью и думать о том, что на этом самом месте стояло совершенно чужое существо, озирая голубые воды давным-давно исчезнувшего ледникового озера.

Но сегодня стена стала какой-то не такой. Эйприл стояла позади Купола, рядом с оленьей головой, устремив взгляд на длинный, плавный изгиб склона, поднимающегося к северному гребню, и пытаясь разобраться в собственных ощущениях. С виду все осталось по-старому.

Эйприл коснулась выпуклой поверхности, прижала к ней ладонь.

Стена была теплой.

Ну, в общем, не совсем теплой — но и не такой холодной, как положено. Эйприл медлила, не решаясь отнять ладонь от стены, словно боясь спугнуть нежданное тепло.

* * *

Небосвод на западе потемнел, ветер усилился. Работы прекратились, землекопы принялись натягивать над раскопом полотнища брезента, чтобы раскоп не замело снегом. Когда с этим было покончено, всех отпустили по домам.

Никто не хотел быть застигнутым пургой по дороге, в том числе и Макс.

— Ты готова? — спросил он у Эйприл.

— Да. Ступай, я сейчас же следом.

Ветер уже закружил поземку. Скоро видимость будет почти нулевой.

— Эй, — натягивая куртку, сказал Макс, — как насчет того, чтобы я забежал за пиццей?

— Отлично. Увидимся в мотеле.

Макс кивнул и поспешно выскочил за порог. Ветер едва не вырвал дверь у него из рук.

Подойдя к воротам, он поздоровался с дежурившей в охране Андреа Ястребицей. Кроме того, она вроде бы исполняла роль дикторши на радио Дьявольского озера и была чертовски хороша собой.

— Добрый вечер, мистер Коллингвуд, — ответила она. — Вы уж там поосторожнее. Дорога ужасно скользкая.

— А вы? Вы-то когда уедете?

— А мы останемся до утра или до того времени, когда подоспеет смена. Там видно будет.

— А вы уверены, что так лучше? — нахмурился Макс.

— Уверена. Нам здесь куда безопаснее, чем вам в дороге.

* * *

Буран несся над бескрайней равниной со скоростью пятьдесят миль в час, превратив все вокруг в неистовую снежную круговерть, заметая дороги и дома, застилая их белой пеленой. Нельзя было разобрать, где верх, где низ. Всякий, кто отважился выехать в такую погоду, видел немногим дальше собственных «дворников».

Эйприл сетовала на задержку, вызванную метелью. Мысли ее теперь были заняты почти исключительно одним лишь Куполом. Ей не терпелось узнать, что там внутри и кто его построил, так что изрядную часть времени она проводила, наблюдая за кропотливой работой по очистке канала.

Еще в день знакомства с яхтой Тома Ласкера Эйприл начала вести дневник. Упрекая себя за избыток самомнения, она все-таки заключила, что столкнулась с событиями исторической важ-

ности, а поэтому подробный отчет впоследствии будет представлять немалый интерес. В первые дни она довольствовалась изложением методик и результатов анализа. Но после того как Макс нашел гребень Джонсона, она пустилась в рассуждения. А когда устроила сезонный перерыв в раскопках, то обнаружила, что пишет мемуары — и в результате начала описывать свои эмоциональные реакции.

Оленья голова сбила ее с толку — рисунок казался настолько человеческим, что заставил Эйприл усомниться в выводах собственных исследований. Во всяком случае, при взгляде на этот простой, незатейливый рисунок все, во что она верила, показалось ей полнейшей белибердой. Почти всю вторую половину дня Эйприл потратила, пытаясь поточнее сформулировать собственные ощущения, а после достоверно изложить их в дневнике. Тут очень важно не показаться читателю психически ненормальной.

Спрятав дневник в ящик стола, она прислушалась к ветру. Пора идти. Отключив компьютер, она вышла в метель минут через десять после Макса.

Преодолевая сопротивление ветра, Джон Малый Призрак распахнул ворота, а потом пред-

ложил ей переночевать на месте.

— На дороге опасно! — перекрикивая вой разбушевавшихся стихий, он словно бросал Эйприл слово за словом.

— Я буду осторожна, — пообещала она.

Юркнув в машину, она с радостью захлопнула дверцу, отгородившись от вьюги, отдышалась и включила зажигание. Двигатель мерно заурчал. Заднее стекло облепил снег. Достав щетку, Эйприл выбралась, обмела стекло и подождала, пока в кабине станет достаточно тепло, чтобы снег на стекле таял, потом осторожно дала задний ход, выводя машину со стоянки, и направила ее к прогалине среди деревьев, обступивших подъездную дорогу. Вокруг машины неистовствовали снежные вихри, рев бурана заглушал все остальные звуки.

Может, Малый Призрак и прав: стоило остаться.

Эйприл свернула налево, к западному выезду. Ей предстояла долгая дорога по гребню — несколько сотен ярдов, на протяжении которых она в полной мере испытала ярость бури, но продолжала ехать прямо и открыла дверцу, чтобы видеть колею, оставленную предыдущими машинами. Добравшись наконец до леса, где под

сенью вязов и кустов бузины царило относительное безветрие, она вздохнула с облегчением.

Проехав мимо стоящей на обочине пустой «тойоты», Эйприл направила машину вниз по дороге.

Сугробы в безветренных местах наметает на диво быстро, и ехать ей приходилось споро, чтобы не увязнуть. Беда в том, что сугробы заслоняли дорожные столбики и кюветы, да вдобавок дело усугублялось тем, что эта вспомогательная дорога была открыта буквально на днях и Эйприл еще не изучила ее.

Она продолжала пробиваться вперед, сползая по крутым спускам и юзом протискиваясь через крутые виражи. Двигатель надрывно взревывал, пробиваясь сквозь глубокий снег, но в конце концов Эйприл не справилась с управлением, и автомобиль боком сполз в сугроб. Она попыталась дать задний ход, но машина лишь раскачивалась, погружаясь все глубже.

Проклятие!

Застегнув пальто, она осторожно распахнула дверцу и поставила одну ногу на землю. И тотчас же провалилась по колено. Снег просыпался в сапог, наполнив его холодной сыростью.

Час с четвертью спустя напуганная и насквозь продрогшая Эйприл ввалилась в сторожку.

— Благодарение Господу за ограду, — пролепетала она непослушными губами, — иначе мне бы нипочем вас не найти.

* * *

Андреа Ястребица была ведущей ПЛИ-ГМ на Дьявольском озере. До этой должности она добралась, перепробовав целый ряд работ в резервации, обычно эксплуатируя свое изрядное обаяние индейской девушки при продаже корзин, мокасин и весел для каноэ состоятельным туристам. Она около года проработала во внутренних силах правопорядка, прежде чем обнаружила свой талант радиожурналиста. Началось это с серии воззваний к молодежи касательно наркотиков и преступности. Она по-прежнему продавала автомобили, дезодоранты, компакт-диски и множество всяческих других вещей своим ясноглазым слушателям. На берегах Дьявольского озера не нашлось бы человека, не любящего Снежную Ястребицу.

Ей только-только исполнилось двадцать шесть лет, и Андреа еще не распростилась с надеждами продвинуться. Два года назад здесь побывал один продюсер из Миннеаполиса и, услышав ее передачу, предложил ей попробовать силы на

более широком поприще. Андреа направилась в города-близнецы[6] в полной уверенности, что получила работу, но продюсер врезался на машине в грузовик, а пришедшая ему на смену мымра средних лет с гадючьим взором не придала их устному договору ни малейшего значения.

Андреа собиралась провести несколько передач с гребня Джонсона. Она не сомневалась, что вышла на грандиозный материал, и намеревалась выжать его досуха. Получив у Адама разрешение, она разработала график дежурств таким образом, чтобы он совпадал с ее эфирной сеткой, и набила сторожку своим оборудованием.

Внутри было холодно даже несмотря на электрокамин. В модульных домиках хорошая теплоизоляция, но они не рассчитаны на зимние условия на вершине плато в Северной Дакоте. Ветер продувал домик насквозь. Андреа укуталась в свой толстый шерстяной свитер, искренне мечтая об огне настоящего очага.

Любопытно, удастся ли ей не клацать зубами во время выхода в девятичасовой эфир через ретранслятор? Она уже набросала по своему обычаю тезисы и проглядывала их, когда с улицы

---

[6] notes: 6
Миннеаполис и Сент-Пол

ввалилась Эйприл.

Малый Призрак подхватил ее и усадил в кресло.

— Привет, — проговорила Эйприл, смущенно улыбнувшись. И только тогда узнала старую подругу. — Андреа, неужто это ты?!

— Салют, — отозвалась Снежная Ястребица.

* * *

Когда Эйприл проснулась, за окнами было уже темно, и воздух наполнял сладостный аромат жареной картошки и ростбифа. В углу комнаты мерцали экраны мониторов.

— Как самочувствие? — осведомилась Андреа.

— Нормально. — Эйприл потерла ступню одной ноги о лодыжку другой. Кто-то уже успел надеть на нее толстые, носки. — Что ты тут делаешь? — Ей смутно припомнилось, что она уже задала этот вопрос, но ответа, видимо, не услышала.

Андреа передвинула кресло, чтобы Эйприл видела ее, не поднимаясь.

— Охраняю. За это хорошо платят.

— А почему ты не заглянула ко мне?

— Со временем непременно заглянула бы. Я просто не была уверена, что это прилично. — Андреа пощупала лоб подруги. — По-моему, ты в

полном порядке. И как же это тебя угораздило?

— Чересчур промешкала с отъездом.

Андреа кивнула:

— Не хочешь перекусить? Правда, у нас только свежемороженые полуфабрикаты, но вполне пристойные.

Эйприл выбрала отбивную. Андреа поставила упаковку в микроволновую печь и сообщила:

— Звонил Макс. Мы сказали, что ты здесь.

Царивший в домике уют согревал Эйприл душу. Малый Призрак оказался весьма немногословным, зато был прекрасным слушателем; подобное дарование очень быстро завоевывает человеку популярность. Он почти не отходил от мониторов, хотя те показывали одну снеговую кутерьму в свете прожекторов да пляшущие тени. Они немного поболтали, и в разговоре Эйприл выяснила, что Андреа весьма заинтригована Куполом.

— Я собираюсь сделать передачу о нем, — пояснила она.

— Снежная Ястребица на гребне событий, — улыбнулась Эйприл.

— Именно так, детка. Я вот все прикидываю, не хочешь ли ты появиться нынче вечером в эфире. Не желаешь стать гостьей передачи?

Эйприл поразмыслила над предложением. Конечно, она в долгу перед подругой, но отвечать на телефонные звонки ей как-то не хотелось.

— Пожалуй, сегодня я пас.

Но ей было все-таки любопытно остаться и послушать.

Передача Снежной Ястребицы шла с девяти вечера до полуночи. Хотя темой разговора были раскопки, это не мешало людям звонить, чтобы высказаться по поводу проекта нового налогообложения на недвижимость, школьного образования, склонности округа без всякой надобности повышать расценки почтовых услуг и прочих, не относящихся к делу вопросов. Снежная Ястребица (занятно, как Андреа преобразилась перед микрофоном, став более напористой, даже беспардонной) разделывалась с ними скопом, обрывая на полуслове.

— Эдди, — к примеру, говорила она, — я торчу на гребне Джонсона, отмораживая себе задницу, а вы сбиваетесь с темы. Люди, пожалуйста, постарайтесь держаться в русле разговора. Мы тут говорим о Куполе.

Однако в общем и целом диалог произвел на Эйприл сильное впечатление. Она даже сама не знала, чего именно ждать. Звонившие

в студию были настроены прагматически. Их будоражила таинственность, окружающая раскопки, но слушатели отдавали предпочтение вполне реалистическим трактовкам феномена, и лишь каждый пятый выдвигал завиральные теории. Большинство же, точь-в-точь как Макс, единодушно сходились в том, что тут допущена какая-нибудь ошибка, которая рано или поздно выплывет на поверхность.

Под конец передачи буран начал утихать, и сквозь снежные вихри стал смутно проглядывать силуэт Купола.

И он будто бы светился во тьме.

Эйприл отвернулась, потом снова поглядела на него.

Должно быть, это просто иллюзия, порожденная игрой света от прожекторов. Проблема лишь в том, что они едва просвечивают сквозь снежную пелену.

Более того, снег кажется зеленым.

Свет в сторожке мешал ясно разглядеть происходящее, так что Эйприл натянула сапоги и накинула куртку. Малый Призрак устремил на нее вопросительный взгляд.

— Сейчас вернусь, — шепнула она и вышла.

От изумления у нее перехватило дыхание —

над Куполом сиял мягкий изумрудный ореол.

Снежная Ястребица заметила, что происходит нечто непонятное, но была занята разговором с Джо Гринбергом из Форт-Мокси, а переносного микрофона у нее было. Повернувшись к Джону Малому Призраку, она приподняла брови и указала головой на дверь, только что закрывшуюся за Эйприл.

— Он светится, — сказал Малый Призрак.

— Кто?

— Купол. — Разумеется, весь этот разговор прозвучал в эфире. Ничего страшного, пока что ни малейшего урона. Но он был нанесен мгновение спустя: — Дьявол, надеюсь, он не радиоактивный!

14

У страха глаза велики.

Сервантес, «Дон Кихот»

Валгалла, Кавалер и Форт-Мокси, как и прочие степные городишки по всей Северной Дакоте, — социальные образования такого типа, который можно отыскать, пожалуй, лишь в зонах сурового климата. Их население составляют люди, объединившиеся перед лицом предельной изоляции, понимающие, что покинуть город зимой, не заглянув в сводку погоды, равносильно смерти, разделяющие гордость за свое умение удерживаться от преступлений и наркотиков. Ближайшее место развлечений находится в восьмидесяти милях от Форт-Мокси, а ближайшая аптека — в Канаде. До кинотеатра всего полчаса езды, но зато он работает лишь по выходным, а в охотничий сезон и вовсе не открывается. Все это ведет к тому, что подобные общины приобретают многие черты патриархальных семейств.

Мел Хотчкисс сидел на кухне собственного дома на окраине Валгаллы, вполуха слушая Снежную Ястребицу и воздавая должное вошедшей в обы-

чай поздней вечере, в данном случае состоявшей из вишневого пирога. Он только-только налил себе вторую чашку кофе, когда в разговор вступил чей-то незнакомый голос. Очевидно, случилось нечто непредвиденное. Мел отставил кружку, чтобы подойти к окну и поглядеть в сторону гребня Джонсона, когда Малый Призрак подал реплику, повергшую всю округу в состояние шока: «Дьявол, надеюсь, он не радиоактивный!»

И в самом деле, над плоскогорьем полыхало зеленое зарево.

Десять минут спустя, задержавшись лишь ради звонка брату и другу, Мел с женой, тремя дочерьми и собакой уже катили на запад от городка в своем пикапе с парой чемоданов.

В течение часа в бегство ринулось все население городка. Поглядывая на зловещее зарево, они грузили в машины детей, домашних животных, драгоценности и компьютеры и спешили прочь. Даже немногие, из принципа отказывающиеся верить во что бы то ни было касающееся астрологии, нумерологии, полтергейстов или НЛО, все-таки вынуждены были покинуть родные фермы, поддавшись на уговоры напуганных супруг и доброжелательных подростков. Они направлялись на юго-восток к Лангдону, на восток к

Форт-Мокси и на север к границе, неприкосновенность которой охранялась только дорожными знаками и красными конусами. Никому и в голову не пришло остановиться ради международных любезностей — и вся лавина ринулась в Канаду.

Полиция штата тотчас же примчалась со счетчиком Гейгера, и в половине второго ночи объявила, что никакой опасности нет. Радио– и телестанции разнесли эту весть, но было уже поздно. Городок практически опустел, а дороги вокруг него заполнили разбитые, брошенные на произвол судьбы машины.

Эйприл, Джон Малый Призрак и Снежная Ястребица слушали репортажи и следили за световыми росчерками удаляющихся фар с нарастающим чувством ужаса.

* * *

К счастью, никто не погиб.

Обошлось тремя пожарами и полудюжиной сердечных приступов. Несколько человек перехватили Джимми Патчмана, когда он выезжал со двора, и заставили открыть бензоколонку. Они уплатили за бензин, но Патчман все равно утверждал, что на него напали рэкетиры. Полиция, пожарные и «Скорая помощь» были загружены

до предела и еще до конца недели опубликуют оперативные отчеты о своей деятельности. Муниципалитету Валгаллы пришлось выложить из своей и без того скудной казны девять тысяч долларов за аренду материальной части и выплату сверхурочных работникам аварийных служб. Да еще поговаривали о суде Линча над кое-кем с гребня Джонсона.

Макс узнал обо всем за завтраком и решил, что тут замешан тот же эффект, который заставляет светиться яхту в амбаре Тома Ласкера и который до чертиков напугал Джинни, — только на этот раз в более крупном масштабе. На этот раз без исков не обойдется.

Оставив яичницу с беконом недоеденной, он позвонил в охрану, намереваясь поговорить с Адамом, но попал на Эйприл.

— Ночка выдалась прескверная, — сказала она.

— А я и не догадывался. — Макс перевел дыхание. — Выезжаю.

По пути ему попалось штук пять разбитых машин на обочинах.

В небе рокотали полицейские вертолеты.

На повороте к плато стояла «тойота», и сидевший в ней мужчина горячо спорил о чем-то с дежурным полицейским. Заметив Макса, коп

закатил глаза и дал ему знак проезжать. Это еще больше распалило водителя «тойоты».

В гору Макс не гнал, по пути разглядывая снежные отвалы на обочинах дороги, оставленные бульдозером. У въезда на гребень он миновал одного из охранников-сиу, регулировщика движения. Зажав в одной руке рацию, продрогший охранник махнул второй, чтобы Макс не останавливался.

В восемь утра приехала дежурная смена и принялась убирать брезент. Макс пристально вглядывался в Купол, но яркое солнце мешало понять, испускает ли тот собственное свечение. Остановив машину на обычном месте, Макс приложил ладонь козырьком ко лбу, чтобы лучше видеть.

— С рассветом он погас, — сообщила Эйприл пару минут спустя.

— Точь-в-точь как яхта.

— Да. С той только разницей, что на сей раз включились не габаритные огни. Светилось все здание целиком.

Они записали утренние выпуски новостей на видео, и Эйприл прокрутила один из них для Макса. В репортаже были использованы несколько планов, отснятых с самолета: плато было залито

ровным сиянием.

— Больше смахивает на фосфоресценцию, чем на электричество, — заметил Макс.

— И мы так подумали. — Эйприл отхлебнула кофе.

На улице послышались восторженные вопли. Выглянув в окно. Макс не увидел ничего необычного и поинтересовался:

— Отцы города из Валгаллы голоса не подавали?

— Что ты имеешь в виду?

— По-моему, вчера вечером мы устроили в городе панику, — вздохнул он. — Наверное, они от нас не в восторге.

— Макс, никто не умер, — улыбнулась она. — Хотя я все-таки прослежу, чтобы Адам попридержал Снежную Ястребицу. Не нужны нам прямые репортажи отсюда. Во всяком случае, передаваемые нашими собственными работниками.

— Кем-кем?!

— Андреа Ястребицей. Она одна из сиу, занятых в охране. — Эйприл пересказала обстоятельства, давшие начало инциденту.

— Ну что ж, может, нам и удастся выкрутиться. Есть шансы, что благодаря этому Валгалла начнет стричь купоны.

Тут зазвонил телефон. Эйприл сняла трубку, послушала и сосредоточенно сдвинула брови.

— Вы шутите? — Она выслушала ответ. — Кто?! — И показала Максу сразу два больших пальца. — Выходим!

— Что там? — не вытерпел Макс.

— Мы вошли!

* * *

Пока все старались пробиться в Купол спереди, один из охранников просто-напросто открыл сзади дверь, отмеченную оленьей головой.

Тотчас же собралась толпа, посреди которой стоял герой дня.

— Отличная работа, Джордж, — сказал Адам Небо, подошедший одновременно с Максом.

Героем дня оказался Джордж Чистый Родник — молодой, невозмутимо улыбающийся сиу. Но никакого входа Макс не увидел. В это время с противоположной стороны Купола вышел Том Ласкер.

Чистый Родник, остановившись рядом с оленьей головой, лучезарно улыбнулся. Потом с показной небрежностью протянул правую ладонь, плотно обтянутую ковбойской перчаткой, как на родео, и коснулся стены прямо над мордой

оленя.

Оленья голова отъехала кверху, открыв коридор. Толпа зааплодировала, но заодно чуточку попятилась.

В коридоре не видно было ни дверей, ни окон. Длиной он тоже не отличался, футов через двадцать кончаясь тупиком. В нем не было ничего приметного, кроме полудюжины прямоугольных панелей величиной с клавишу выключателя света, смонтированных на стенах примерно на уровне пояса, по три с каждой стороны.

Эйприл двинулась ко входу, но Чистый Родник ухватил ее за рукав:

— Позвольте мне сперва кое-что вам показать.

— Ладно, что там?

— Смотрите.

В задних рядах послышались возгласы желавших узнать, что там происходит. Кто-то представлялся как корреспондент ЮПИ.

Внезапно дверь без всякого предупреждения закрылась, не оставив ни малейшей щелочки, будто ее там и не было.

— Почему это вдруг? — спросила Эйприл.

Чистый Родник глянул на часы:

— Она остается открытой ровно двадцать шесть секунд.

— Спасибо, Джордж. — Эйприл надавила на морду оленя.

Дверь даже не шелохнулась.

— В чем дело? — удивилась Эйприл.

Чистый Родник демонстративно стащил черную перчатку. С виду она была совершенно обычной.

— Попробуйте вот этим.

Нахмурившись, Эйприл сняла вязаную варежку и натянула перчатку.

— А что, есть какая-нибудь разница?

В ответ Чистый Родник лишь улыбнулся, и этот ответ оказался красноречивее слов. Эйприл притронулась к стене, и проход открылся вновь.

— Черт меня подери! — только и вымолвил Ласкер.

Макс ощутил, как изнутри пахнуло теплом. «Там еще и обогрев работает!»

Эйприл сравнивала перчатку с варежкой:

— Так в чем тут причина?

Ответа на этот вопрос Чистый Родник не знал.

— Просто эта штука срабатывает, когда это делают в моей перчатке. Да и голыми руками этого тоже не сделаешь.

— Странно... — Эйприл посмотрела в коридор, потом на перчатку. — Джордж, если вы не про-

тив, я придержу ее на пару минут. — Она сунула перчатку в карман и посмотрела на Макса. — Ты готов?

— К чему?

— Войти.

Челюсть у Макса отвисла.

— Ты шутишь?! А если нас там замурует?

— Я тоже хочу войти, — вызвался Чистый Родник.

— Нет. Мне будет спокойнее, когда вы останетесь здесь и сможете открыть дверь, если мы не сумеем сделать этого изнутри. Надеюсь, работают обе перчатки?

Они испытали вторую перчатку, и та оправдала ожидания.

— Дайте нам пять минут, — распорядилась Эйприл. — Если мы не выйдем, открывайте.

— Эйприл, — не унимался Макс, — а ты знаешь, как устроена венерина мухоловка?

Она улыбнулась в ответ, будто Макс пошутил, и ступила в коридор. Макс поколебался, ощутил спиной чей-то взгляд и вошел следом.

Внутреннее пространство едва достигало шести футов в высоту и футов четырех в ширину. Макс почти физически ощущал давящую близость грязновато-белых стен, покрытых таким толстым

слоем пыли, что разглядеть их поверхность было просто невозможно. Пол покрывал толстый слой земли.

— Откуда-то поступает тепло, — заметила Эйприл, держа ладони с растопыренными пальцами перед собой, чтобы определить направление воздушных-потоков.

Макс озирался в поисках кнопки открывания двери. Но на глаза ему попались лишь шесть панелей. Две пары находились одна напротив другой. А пятая и шестая панели оказались в противоположных концах коридора. Макс отметил в памяти положение ближайшей к двери панели, чтобы найти ее, когда дверь закроется, и они с Эйприл окажутся в темноте.

Она провела ладонями по стене и принялась отряхивать их от пыли.

— Похоже, тепло идет со всех сторон.

Дверь поехала вниз. Макс едва сдержал желание броситься наружу, пока не поздно, и дверь закрылась.

Но внутри осталось довольно светло — серая полоса, идущая поперек двери, давала достаточно света, а когда Макс протер ее рукавом, сразу посветлело, и через миг Макс узрел людей, стоящих по ту сторону двери.

— Она прозрачная.

— Хорошо, — усмехнулась Эйприл, занятая изучением стенных панелей. Подойдя к расположенной в дальнем конце коридора, она надела перчатку. — Макс, ты готов?

— Валяй.

Она сделала глубокий вдох:

— Один крохотный шажок для женщины...[7] — Она коснулась панели. Затем надавила.

В стене раздался щелчок, и прямо перед ней открылась дверь, ведущая в ротонду.

— Ага! — с торжеством выдохнула Эйприл и вошла.

Внутри царил серый полумрак, едва-едва позволявший толком оглядеться.

— Вот оно, главное место действия! — провозгласила она.

Там царило запустение. Несколько колонн поднимались к потолку, смыкаясь с сетью балок, и все. От середины зала к дальнему концу Купола шел канал.

Дверь скользнула вниз.

У Макса в душе на миг всколыхнулась паника,

---

[7] notes: 7

аллюзия на высказывание Нила Армстронга, первым ступившего на Луну: «Это маленький шаг одного человека и громадный скачок всего человечества»

но он сразу увидел такую же панель, как оставшаяся за дверью, и успокоился.

— Вот и наш канал, — указала Эйприл на траншею. — Яхта входила спереди, а швартовали ее прямо тут.

Рядом с каналом даже были столбики, видимо, служившие этой цели.

Стало трудно дышать.

— Пошли, — сказал Макс. — Воздух тут скверный.

Да и могло ли быть иначе?

* * *

Подперев двери, чтобы те не закрылись, они при помощи пары мощных вентиляторов проветрили помещения. Затем, убедившись, что никакой опасности нет, открыли доступ внутрь для собственных работников и журналистов.

Ров оказался примерно пятнадцати футов в глубину, как раз таких размеров, чтобы вместить судно. Чтобы завести его в укрытие, приходилось складывать грот-мачту, но это не проблема.

Остальные коридорные панели открывали двери еще четырех комнат. Две из них когда-то были то ли жилыми, то ли складскими помещениями, но теперь оказались просто-напросто пустыми.

В других обнаружились шкафчики и трубы. В шкафчиках было хоть шаром покати. Притопленная ванна и унитаз наподобие того, что на яхте, наводили на мысль, что одна из комнат была ванной. Вторая напоминала кухню.

Макса сразу же охватило разочарование. Уж больно все оказалось обыденно. Эйприл выглядела совсем подавленной.

— А что ж мы, собственно, хотели увидеть? — спросил он.

Полнейшая пустота.

Ни космического корабля, ни древних архивов, ни доисторических компьютеров, ни снаряжения.

Ничегошеньки.

15

Истинные силы не в земле лежат, но в нас.

Уолтер Асквит, «Древние берега»

Том Брокау демонстрирует необходимую долю скепсиса.

— Сегодня, — говорит он, — мы получили новые свидетельства того, что инопланетяне посетили Северную Америку в конце последнего ледникового периода. Сегодня ученые вошли в таинственную постройку, не одну тысячу лет таившуюся под землей невдалеке от канадской границы.

Рядом с ним появляется компьютерная карта района Валгаллы и Форт-Мокси, затем следуют кадры воздушных съемок Купола и его абрис.

— Это здание выстроено из материалов, воспроизвести которые земной науке не под силу, как нам сказали. Послушайте репортаж Роберта Бэйзелла с места событий.

Озябший Бэйзелл стоит перед Куполом. Ветер пытается вырвать у него микрофон.

— Привет, Том. — Он полуоборачивается, чтобы

Купол был лучше виден в объективе. — Итак, ученые считают, что это сооружение возведено десять тысяч лет назад. Никому не известно, откуда оно тут взялось и кем были его неведомые строители. Пошедший на его постройку материал, по утверждениям экспертов, прежде был совершенно неведом земной науке. Сегодня группа людей под руководством доктора Эйприл Кэннон впервые вошла внутрь, и вот что они увидели.

Перед зрителями появляется внутреннее помещение Купола. Под аккомпанемент Третьего органного концерта Баха камера плавно панорамирует вдоль зеленых стен и канала.

Макс, в компании Эйприл и Ласкеров смотревший передачу в «Фургоне первопроходцев», вновь ощутил всколыхнувшееся в душе разочарование и обиду. Даже в шкафчиках пусто! Хотя бы старый башмак попался для разнообразия, и то было бы славно.

Хоть бы какой-нибудь пустячок!

— Том, если Купол действительно настолько стар, как утверждают некоторые эксперты, — продолжает Бэйзелл, — то перед нами чудо техники. Температура внутри достигает почти шестидесяти градусов. Как видите, здесь у нас

холодно. Следовательно, вполне логично заключить, что внутри имеется система отопления, сохранившая работоспособность и по сей день. — Вновь переход на общий план плато, где метет поземка, а у людей вокруг Купола подняты воротники. — Следует добавить, что это сооружение светится в темноте... Во всяком случае, светилось вчера ночью. Настолько ярко, что напугало жителей расположенной неподалеку Валгаллы, и те спешно покинули город.

Экран разделен на две половины. Появившийся на одной из них Брокау выглядит озадаченным.

— А вы уверены, что это не ловко подстроенный розыгрыш?

— Это зависит от того, что вы имеете в виду, Том. Эксперты расходятся во мнениях по поводу возраста сооружения, но они единодушны в том, что материал, пошедший на его постройку, не может быть создан ни одним из известных человечеству способов.

В кадре появляется пожилой бородатый мужчина, сидящий за письменным столом на фоне громадного стеллажа, сплошь уставленного книгами. Субтитры сообщают, что это Эллиот Ирден, заведующий кафедрой химии Миннесотского университета.

— Профессор Ирден, — спрашивает Брокау, — вы меня слышите?

— Да, Том.

— Профессор, каково ваше мнение на сей счет?

— Судя по всему, это утверждение подкреплено фактами. — В серых глазах Ирдена пляшут огоньки сдерживаемого волнения.

— Профессор, почему вы сказали «судя по всему»?

— Я бы не сказал, что проблема заключается в самих доказательствах, — поразмыслив, отвечает химик. — Но напрашивающиеся выводы таковы, что тут невольно замнешься.

— И каковы же эти выводы? — спокойно осведомляется Брокау.

Ирден устремляет взгляд прямо в объектив:

— Полагаю, если признать результаты анализов правильными, мы вынуждены будем прийти к одному из двух выводов. Либо под конец прошлого ледникового периода здесь жили люди, достигшие чрезвычайно высокого уровня развития цивилизации, намного превосходящего наш, а после каким-то образом бесследно пропавшие, либо... — Взгляд его устремлен в глаза зрителям. — Нас посещали.

— Вы имеете в виду НЛО, профессор? Инопла-

нетян?

Ирден беспокойно ежится:

— Если есть какая-либо третья возможность, то мне она неведома. — Он поджимает губы. — Тут мы столкнулись с непостижимым. По-моему, разумнее всего было бы сохранять непредвзятость мнений и не делать поспешных выводов.

На экране появляется изображение подсвеченного Купола, да вдобавок озаренного ярким светом луны. Это прямая трансляция съемок, сделанных с воздуха.

— Теперь, когда ученые вошли внутрь, — продолжает Брокау, — ответы на сложные вопросы будут скоро получены. Эн-би-си даст специальный репортаж о тайне гребня Джонсона в спецвыпуске сегодня вечером в девять.

Том Ласкер наколол на вилку кусочек мяса и ткнул ею в сторону экрана.

— Я рад слышать, что мы вот-вот получим ответы на сложные вопросы.

Макс и Эйприл прибыли на гребень Джонсона на рассвете — и успели увидеть, как угасает зеленое зарево. Вслед за ними катили по дороге автомобили прессы, а в небе над плато кружил вертолет.

Факс израсходовал всю бумагу еще ночью, а на

компьютере скопилось несколько тысяч посланий, пришедших по e-mail'у. Чуть ли не каждый житель Земли вдруг загорелся желанием посетить Купол.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала Эйприл. — Но, честно говоря, я даже не представляю, как нам это осуществить. Мы не сможем принять сразу столько народу.

Журналисты и важные шишки уже прибывали в неисчислимом множестве. Эйприл поговорила с прессой, признавшись, как опасалась, что, ознакомившись с результатами ее исследований, коллеги-ученые отрекутся от нее.

Но обошлось без этого. Все подошли к проблеме весьма непредвзято.

Она разъяснила необходимость оградить владения от орд посетителей до той поры, пока не будет собрана информация о том, что таит в себе Купол.

— Так что, — подвела она итог, — мы впустим внутрь всего шестерых репортеров. Троих от телевидения, троих от газет. Выбор кандидатов на ваше усмотрение. Дайте мне на подготовку тридцать минут. Тех, кто пойдет, я попрошу не отходить от сопровождающего. Всякий, кто будет бродить сам по себе, будет выведен. Согласны?

Кое-кто недовольно заворчал, но большинство рассмеялось. Пока пресса пыталась отобрать представителей, Эйприл с Максом направились к оленьей двери. Она всю ночь была подперта лопатой, чтобы внутренние помещения успели проветриться. Эйприл вынула лопату, и дверь тотчас же закрылась. Затем Эйприл сняла перчатку и пальцами коснулась оленьей головы. Как Макс и предполагал, ничего не произошло.

— Итак, мы установили, что дело в перчатке Джорджа, так? — начала она.

— Очевидно, — согласился Макс.

— Но почему? — Она извлекла из кармана шарфик и продемонстрировала Максу. — Куплен в Кмарте, на распродаже, за шесть зеленых. — Она обернула шарфик вокруг ладони и снова коснулась изображения.

Дверь открылась.

— Вуаля! — Эйприл снова подставила лопату.

— А почему она отреагировала на шарф?

— Пока толком не знаю. Что у шарфа есть общего с перчаткой Джорджа, отличающего ее от моей варежки и от голой ладони?

— Черт его знает... — развел Макс руками.

— Перчатка Джорджа, — Эйприл вынула ее из кармана, — сделана из полипропилена. Шарф

— из полиэстера. И то, и другое — продукция технически развитой цивилизации.

— А нельзя ли подробнее? — сосредоточенно нахмурился Макс.

— Это лишь догадка. Но когда Куполом еще пользовались, поблизости могли быть и туземцы. Кто знает, кто еще тут мог оказаться? Скажем, медведи. В общем, как бы ты устроил дверь, чтобы твои люди без труда могли пользоваться ею, а туземцы — да и вообще все остальные — не могли?

— Не знаю.

— А я бы воспользовалась датчиком, реагирующим, скажем, на синтетику. А на все остальное — голая кожа, мех, что-либо иное — дверь бы не отпиралась.

* * *

Нахлынули орды любопытствующих. Они ринулись через пограничные заставы США, напрочь забив шоссе и двухрядные дороги к северу от Фарго и Дикинсона. Они прибывали спецрейсами в Международный аэропорт Форт-Мокси, где обнаруживали, что контора по прокату автомобилей располагает одной-единственной машиной, а на весь город имеется лишь одно такси. Столкновение пяти автомобилей у Дрейтоновского въезда

на шоссе №1-29 создало затор, заблокировавший движение в северном направлении на два часа. На шоссе №18 водители черными словами проклинали пробку, растянувшуюся на многие мили и заставлявшую их двигаться рывками по нескольку ярдов. К исходу первого дня после начала тотальной обработки общественного мнения насчитывалось двое погибших, свыше двадцати раненых и почти двести человек с обморожениями различной тяжести. Ущерб, нанесенный частным владениям, оценивался в четверть миллиона долларов. Этот день остался в памяти людей, как единственный в истории Северной Дакоты день автодорожной бойни.

Полиция весь день пыталась в радиообращениях урезонить водителей. В два часа дня президент выступил по радио и телевидению, призывая людей к спокойствию. (Что довольно странно, поскольку причиной беспорядков послужил отнюдь не разгул страстей.) «Обстановка на дорогах в Валгалле и ее окрестностях, — сказал он, — крайне сложная. Если вам хочется увидеть, что творится на гребне Джонсона, то легче и безопаснее всего это сделать из вашей собственной гостиной».

Мы любим заявлять, что большинство людей

лишено чувства историзма. Это заявление обычно основывается на неосведомленности: кто и что сделал, когда произошло то-то и то-то. И все же кто из нас не ухватился бы обеими руками за возможность посетить Геттисберг[8] в великий день или перекусить в компании Цезаря, если таковая представится? Всем нам хочется прикоснуться к истории, стать частью всесокрушающего прилива. И вот она, возможность, событие высочайшей важности, и разве усидит человек дома перед телевизором, если он может самолично побывать на гребне Джонсона?

По унылым чертам лица и лишенным всякого выражения глазам шефа полиции, грузного мужчины с утробным голосом, нипочем нельзя было догадаться о его сметке и ясном уме. Звали его Эмил Датабл, но подчиненные за глаза тут же окрестили его «Дай-то Бог!», точно подметив его склонность относиться ко всему с сомнением.

Он приехал на плато ближе к полудню. К тому времени Макс с командой помощников уже не первый час сидел на телефоне, отвечая на бесчисленные звонки металлургов, археологов, промышленников, политиков и любителей дико-

---

[8] notes: 8

сражение при Геттисберге 1-3 июля 1863 года фактически решило исход войны между Севером и Югом

винок со всего света.

Датабл был отнюдь не в восторге. Появление этой гадости сильно осложнило его работу. Он понимал, что в его епархии разыгрываются события грандиозной важности, но предпочел бы, чтобы они разыгрались где-нибудь в другом месте.

— Может, придется вызвать Национальную гвардию, — сказал он Максу. — Смахивает на то, что в нашу сторону направляется вся Северная Америка.

— Тоже мне, новость! — отозвался Макс. — Может, стоило бы вообще закрыть въезд на плато и не подпускать людей на пушечный выстрел.

Датабл огляделся, будто опасаясь, что их могут подслушать:

— Вы что, серьезно?! Да дела в округе пошли лучше некуда! Если я закрою эту штуку, то моя работа вылетит в трубу. — Он выглянул из окна. Стоянка была забита сотнями машин. — Послушайте, эта ситуация как нельзя на руку нашим городам. Все еще стоит мороз, и никому тут долго не вытерпеть. Они приезжают, глядят и едут дальше. Затем основная масса приезжих направляется в ближайшие города, чтобы поесть чего-нибудь горячего и пробежаться по магазинам. Все в движении, ничто не стоит на месте. То

есть не стояло до недавнего времени. А сейчас у нас слишком большой поток автотранспорта.

Макс кивнул, в душе порадовавшись, что об этом голова болит не у него.

— Макс, — минутку помолчав, проронил Датабл, — вы, часом, не собираетесь начать пускать их внутрь, а?

— В Купол? Нет. Мы открыли доступ лишь для прессы и исследователей.

— Хорошо. Потому что это затормозило бы дело. Нужно держать их на холоде. Пока нам будет это удаваться, все будет в порядке. — Датабл энергично кивнул. — Только не передумайте! — Он встал и направился к двери, но на пороге задержался. — Если повезет, температура упадет ниже нуля. Это было бы нам на руку.

* * *

Вертолеты прибывали каждые пару минут, доставляя все новые отряды журналистов и важных шишек. Ласкеру нужна была помощь в организации порядка, и Макс вдруг оказался ответственным за приветствия. Эйприл забросали вопросами и просьбами сделать фотографии, и она честно старалась ответить всем. Но день выдался изнурительный, и все они обрадовались,

когда увидели, что солнце садится.

— Нелепость какая-то, — жаловалась Эйприл. — Меня ждет самая интересная на свете находка, а мне нет отбою от репортеров. Мне хочется хорошенько оглядеться внутри.

Так уж получилось, что у журналистов было гораздо больше времени, чем у нее, чтобы осмотреть Купол изнутри.

Были и другие помехи. Еще не успевшая осознать этого Эйприл вдруг проснулась знаменитой — никто из ученых во всей стране не мог похвастаться такой же известностью. В первые же двадцать четыре часа после их выхода на мировую арену (именно так это теперь представлялось) она получила деловые предложения от трех ведущих косметических фирм, желавших, чтобы Эйприл одобрила их продукцию, от пищевой компании («Внеземное наслаждение»), от агентства по прокату автомобилей и от Эм-си-ай.

Она водила по Куполу целые толпы посетителей, давала интервью и устраивала пресс-брифинги. Теперь фотографы обнаружили, что у них есть фотогеничный объект съемки, и пыхали своими блицами непрерывно. Она явно упивалась всем этим, и Макс радовался за нее. Она сообразительнее и проворнее его да вдобавок обладает

чарующей улыбкой и пристрастием к лаконичным заявлениям для электронной прессы.

На третий день после проникновения в Купол начался кропотливый процесс просеивания и устранения скопившейся в нем земли. Были расчищены отдельные секции стены, чтобы впустить внутрь рассеянный солнечный свет.

Подобный свет просачивается летним днем сквозь лиственный кров леса. Но тут, конечно, никаких листьев не было — просто зеленые стены, вероятно, кэнноиевые, ничем не отличающиеся от наружных, окно на уровне груди, охватывающее панораму в двести семьдесят градусов, с осью симметрии в передней части Купола.

Ласкер попросил Макса присматривать за ходом работ, Эйприл описала ему необходимые меры предосторожности, после чего он был предоставлен самому себе. Кроме того, в это же время они успели нанять в качестве пресс-атташе экс-мэра Фрэнка Молла.

Макс думал, что источником настоящей информации станут стены. Ему хотелось узнать, как можно сделать систему, не теряющую работоспособности даже через десять тысяч лет. И все же ему было жаль, что первый контакт принес всего-навсего совершенную систему отопления.

Оставив Эйприл записку, Макс поехал, обратно в мотель, но застрял в пробке и прибыл в Форт-Мокси лишь через два часа, издерганный и раздраженный. Городок пребывал буквально в осаде. Машины стояли повсюду, на улицах было негде яблоку упасть. Макс кое-как пробился к стоянке мотеля, но там свободных мест не оказалось. В конце концов ему удалось пристроить машину на Легхорн-стрит, в шести кварталах от мотеля.

Пешком шагая обратно, он видел юнца в свитере, изображающем Купол, с подписью «Форт-Мокси, Северная Дакота — МИР ИНОЙ». В витрине «Замка и зонта» красовалась целая выставка стаканов, тарелок, полотенец, суперобложек, солонок и перечниц с символикой Купола, а заодно ряд его сувенирных моделей. В расположенном через Бэннистер-стрит от него «Супермаркете Майка» рекламировалось примерно то же самое, но в большем ассортименте.

Навстречу Максу неспешно катили два школьных автобуса, разукрашенные яркими флагами с силуэтом Купола. На передке ехавшего первым было начертано «Туманный дух». В автобусах сидели юноши и девушки студенческого возраста, они радостно махали Максу, проезжая мимо него.

Макс помахал им в ответ, поспешил вдоль по улице (он уже успел озябнуть) и наконец с радостью окунулся в уют своей комнаты в мотеле. Внезапно охватившее со всех сторон тепло выпило из него все силы, и, сбросив куртку на кресло, Макс повалился на кровать.

* * *

Автобусы остановились у ресторана Клинта. Зал оказался полон, где уж вместить еще шесть десятков человек, но Клинт не собирался упускать такую уникальную возможность. Он предложил приготовить сандвичи и кофе на вынос и забронировал приехавшим места на ужин. Когда они удалились, Клинт отметил, что запасы консервированного мяса, пикулей и картофельного салата тают с непредвиденной быстротой, и отправил сына в Гранд-Форкс заказать дополнительные поставки.

В «Замке и зонте» Арнольд Уайтекер дивился скорости исчезновения с полок автозапчастей. Очень хорошо шли игры для детей, способные занять их в дороге, и — зловещий признак — огнестрельное оружие. Да еще бинокли. Спрос на атрибутику Купола взмыл до небес. Арнольд считал, что взял солидную партию этой дребедени,

но та грозила закончиться завтра к вечеру.

Когда же он позвонил, чтобы заказать еще, виннипегский поставщик смог лишь вписать его в список очередников.

Мотель «Северная звезда» был набит под завязку уже вторую неделю подряд. За всю его историю такое случилось впервые. В то самое время, когда Макс уснул в своей комнате, руководство обсуждало вопрос об удвоении тарифа.

Во всяком случае, цена выпивки в «Фургоне первопроходцев» уже заметно выросла. Правда, владелец ресторана Марк Хэнфорд осмотрительно назначил отдельные цены для местных и приезжих. При обычных условиях Марк счел бы подобную практику неэтичной, но времена настали необычайные. Бизнесмену положено приспосабливаться к смене обстановки. Он считал, что никто даже не обратит внимания; именно так и получилось.

Заодно Марк решил предложить городскому совету наградить Тома Ласкера почетным дипломом, ничуть не сомневаясь, что предложение пройдет единогласно.

* * *

Шарлотта Андерсон, сидевшая на переднем сиденье головного автобуса, физически ощущала силовые линии. Они наполняли ее, протекая сквозь пустоту и вознося ее на высочайший уровень сознания, недоступный ей прежде. Надрывный рев мотора автобуса, продвигавшегося рывками по нескольку ярдов, сменился ровным рокотом, и в душе Шарлотты вспыхнула радость триумфа. Цель близка!

Источник энергии находится на юго-западе, мучительно близко отсюда. Несколько лет назад она уже побывала в подобной точке на Аляске, близ Бэрроу. Там Шарлотта тоже стала едина с космосом, установив контакт между своим внутренним «я» и окружающей Вселенной, включившись в великую сеть бытия. Тогда у нее тоже было приподнятое настроение. Но тот неведомый источник был погребен в горном перевале, под ледниками.

Шарлотта — опрятная рыжеватая блондиночка родом из Лонг-Айленда, с аккуратно подстриженными волосами, немного нарочито веселая, словно ее жизнерадостность была наигранной, а не природной — окончила Принстон magna

cum laude[9] и получила степень магистра современной европейской истории. Хотя воспитали ее преданной католичкой, во время учебы в высшей школе Шарлотта поняла, что ее не устраивает религия, так аккуратно разложившая все по полочкам. Господь — не счетовод. Окончив университет, она объявила, что стала унитарианкой[10]. Логика мироздания выходит за рамки рассудочного истолкования, разъяснила она огорченному отцу, человеку дано лишь расслабиться и созерцать ветер, веющий среди звезд. Отец уверил мать, что все будет в порядке, что все это юношеский вздор, и Шарлотта со временем перерастет эти глупости.

Она знала, что кое-кто из парней в группе больше интересуется ею самой, чем источником энергии, но это не так уж и плохо. Дай срок, они окажутся на месте, и этого будет достаточно.

Автобусы приехали из Миннеаполиса, где Шарлотта работала менеджером в «Макдональдсе»,

---

[9] notes: 9

с отличием (лат.)

[10] notes: 10

унитарианцы — последователи монотеистического религиозного учения, отошедшего от христианства и отрицающего «триединство» божества; унитарии считают, что Бог всеобъемлющ и не отдает предпочтения никому из людей, заботясь о спасении всего человечества независимо от вероисповедания, а критерием веры и религиозных практик являются разум и совесть человека

после того, как покинула дом, чтобы найти свое истинное «я». Когда на ферме в Северной Дакоте обнаружилось судно, она сразу поняла, что это лишь предвестник чего-то более грандиозного. И Кюри Миллер из Мэдисоновского института — тоже. Они обсудили это по сети — манхэттенская группа, Кюри со своей группой, Сэмми Ротштейн из Бойси, и Беннетты из Джексонвилля, и прочие друзья по всей стране — и в Филли, и в Сиэтле, и в Сакраменто. Когда ситуация дозрела, более шестидесяти членов телекоммуникационной общины, желая оказаться поближе к месту событий, вылетели в Гранд-Форкс, где Шарлотта и еще несколько человек из района городов-близнецов поджидали их с автобусами. Они арендовали здание муниципалитета Форт-Мокси и провели там две ночи, дожидаясь отставших. Теперь час пробил. Подгадать более удачный момент специально было бы трудно: последние новости с гребня Джонсона воспламенили их энтузиазм (если он вообще нуждался в воспламенении), и Шарлотта со всеми вместе поняла, что впереди их ждет настоящее чудо.

* * *

Потом Эйприл так и не могла вспомнить толком, кто именно из команды Макса первым заметил ряд пиктограмм на стене в задней части Купола. Честь открытия приписывали себе несколько человек, но больше всего Эйприл поразило, что целые легионы журналистов, физиков, математиков и конгрессменов промаршировали мимо, не заметив картинок. Да она и сама их не замечала.

В стеклообразной поверхности обнаружилось шесть пиктограмм — не бросающихся в глаза, не белых, а черных, и потому почти не контрастирующих с темно-зеленой стеной.

Рабочие покинули Купол, оставив на месте тачки и лопаты. На полу осталось еще около двух дюймов земли. Эйприл стояла у стены, внимательно разглядывая пиктограммы. Шесть пиктограмм размером с ладонь располагались двумя вертикальными рядами: дерево, завитушки, смахивающие на дым, яйцо, стрела, пара переплетенных колец и фигура, напоминающая скрипичный ключ.

Выполненные в стиле оленьей головы пиктограммы казались объемными. Эйприл внима-

тельно пригляделась к дереву — верхней левой картинке. Как и другие, та располагалась под самой поверхностью. Вынув носовой платок, Эйприл протерла стену, чтобы видеть яснее.

Дерево вдруг вспыхнуло.

Эйприл испуганно отпрянула.

Пиктограмма осветилась мягким янтарным светом, будто неоновая лампочка.

Эйприл поднесла ладонь к стене, но не ощутила никакого перепада температур.

И ничего не произошло — не открылись никакие двери, не изменилась освещенность. Эйприл снова приложила ладонь к пиктограмме, чтобы проверить, не погаснет ли та.

Дерево продолжало светиться.

Затем в нескольких футах от Эйприл вспыхнуло золотистое сияние. Сияние разгоралось, в нем замерцали звезды. Она пыталась крикнуть, но голос пропал.

И вдруг сияние угасло так же быстро, как возникло. Будто щелкнули выключателем.

Вот только никакого звука не было.

Эйприл простояла без движения добрую минуту. На месте сияния сверкал в солнечном свете чистый круг пола.

* * *

Шарлотта осмотрела штабель коробок, сложенных в задней части автобуса. Одна коробка съехала с места и грозила вот-вот вывалиться в проход. Шарлотта двинулась туда, но Джим Фредерик из Мобила опередил ее, сунув коробку на место. Поблагодарив его, Шарлотта вернулась на свое сиденье.

Они выбились из графика — автодорожная пробка, растянувшаяся на девять миль к северо-востоку от раскопок, задержала автобусы на два часа. Знаки, установленные вдоль дорог, предупреждали посетителей, что доступ на участок открыт лишь до шести. Сегодня не успеть.

Членами сети, как правило, становились студенты или молодые профессионалы — по большей части белые, любители бега трусцой или аэробики, не нуждающиеся в средствах. В шестидесятых они разъезжали бы на «автобусах свободы». Все они свято веровали в то, что жизнь можно сделать лучше для всех и каждого, и средства для этого лежат у всех под рукой.

В автобусе гуляли сквозняки, окна замерзли, но Шарлотта и ее товарищи не теряли бодрости духа. Открыв термосы, они раздавали горячий кофе

и шоколад. Они распевали дорожные песни — от речитативов Толкиена и Гаяна до ритуальных песнопений с прошлогодней генеральной ассамблеи в Юджине[11]. Они расхаживали взад-вперед по проходу, стараясь согреть ноги. И смотрели, как понемногу растет впереди плоскогорье Пембина.

Автобусы свернули на шоссе №32 перед самым закатом. Тут дорожное движение пошло не в пример быстрее, но до Валгаллы они добрались уже после шести. Шарлотта испытывала искушение протрубить отбой и остановиться здесь ради ужина и ночлега. Однако когда к ней подошли с тем же предложением двое ее лейтенантов, она вдруг воспротивилась:

— Давайте хотя бы попытаемся. Если нас сегодня не пустят, у нас есть еще чем заняться.

Выехав на двухрядную дорогу, они довольно прилично разогнались. Водитель — рок-гитарист из Нью-Мексико по имени Фрэнки Атами — показал вперед:

— Вот оно.

Сбоку от дороги светились фонари и было установлено ограждение. Машинам давали от ворот

---

[11] notes: 11

город, где расположен Орегонский университет, основанный в 1872 году

поворот.

— Останови-ка, — велела Шарлотта.

Рядом с барьером, преграждающим въезд, стояли двое полицейских в теплых куртках. Фрэнки остановил автобус и открыл дверь. Шарлотта свесилась наружу, но полицейские дали знак проезжать.

— Офицер, мы приехали издалека, — сказала дрожащая от холода Шарлотта.

— Извините, мэм, — ответил тот, что повыше ростом. — У нас закрыто на ночь. Приезжайте завтра утром.

— А во сколько вы открываетесь?

Но полицейский лишь молча ткнул пальцем в сторону дороги. Фрэнки, глядя в зеркало заднего обзора, осторожно вывел автобус на шоссе.

— Съезжай на обочину, когда сможешь, — попросила его Шарлотта. — Попытаемся взглянуть на него.

Фрэнки с сомнением поглядел на кюветы по обе стороны дороги, уже успевшие стать последним приютом для нескольких машин.

— Это навряд ли.

Совсем упав духом, они ехали на юг, пока гребень совсем не скрылся из виду. Тогда Шарлотта выудила карту и сказала:

— Ладно, первый поворот налево.

Это вывело их на проселок, и уже в сумерках они выехали на участок, расположенный в нескольких милях от плато, но с отличным видом на него.

— Фрэнки, найди подходящее место и остановись, — распорядилась Шарлотта.

Они съехали на обочину. Второй автобус свернул следом и остановился обок с первым. Люди начали сновать между машинами, попивая горячий кофе и шоколад. В задней части автобуса Джим Фредерик начал распаковывать коробки. Порывшись в них, Мэй Томпсон и Ким Мартин достали фонари, наполнили их у дороги керосином и раздали всем по одному.

Кто-то запел. Заря на западном горизонте отгорела, в небе замерцали первые звезды.

И вдруг, будто кто-то щелкнул выключателем, вершина гребня озарилась изумрудным сиянием.

Все застыли в благоговейном молчании.

Спустя добрую минуту к Шарлотте подошла Мэнни Кристофер, программистка из Провидено, проронив:

— Это он.

Они молча обнялись и забормотали поздравле-

ния. Шарлотта зажгла свой фонарь. Это послужило сигналом для остальных, и они объединили сияние фонарей, выстроившись живой цепью лицом к гребню Джонсона.

Шарлотта ощутила тягу, исходящую от объекта, находящегося на плато. Купол, как называют его в прессе. Но в иные времена он носил иное имя, которым наделили его иные существа. Несмотря на холод, лица ее друзей светились теплом и оживлением в мерцании фонарей. «Маяки, — подумала она. — Фонари и лица. Маяки для вселенской энергии».

Она подняла фонарь, и остальные последовали ее примеру.

В эту минуту она любила их всех до единого. А еще любила чудесный мир, в котором ей довелось родиться.

На краткий миг ей удалось увидеть друзей, всю сложность жизни на Земле и звезды в очах Бога.

* * *

— Сегодня гость нашей передачи Си-эн-эн «Один на один», — сказал ведущий, — Альфред Макдоноф из университета Торонто, лауреат Нобелевской премии по физике. Доктор Макдоноф, что на самом деле происходит на гребне

Джонсона?

Макдоноф — худой, хрупкий седовласый человек — посмотрел на него поверх очков:

— Я бы сказал, Тед, что мы видим первое реальное свидетельство, что нас посещали обитатели иных миров.

Ведущий кивнул:

— Сообщают, что в Куполе имеется источник энергии.

— Да. Вряд ли подлежит сомнению, что... — физик помолчал, подбирая слова, — ... это место производит свет и тепло.

— Известно ли нам, как это осуществляется?

— Насколько известно мне, механизм пока никто не искал.

— Почему?

— Потому что определить его местоположение затруднительно. Похоже, нам придется взломать стену, чтобы выяснить устройство объекта. Естественно, никому не хочется, этого делать.

— Доктор Макдоноф. — Голос ведущего чуточку изменился. — Мы слышали, что есть основания полагать, будто находке более десяти тысяч лет. Как вы относитесь к этому утверждению?

— Это не исключено.

— Почему? Как же может освещение работать

спустя такой срок? — Ведущий улыбнулся. — Ведь нам приходится платить за гарантийное обслуживание, чтобы защититься от тостеров, выходящих из строя через пару лет.

Макдоноф ответил ему улыбкой и нечаянно уронил искру в бочку с порохом.

— Уверяю вас, Тед, что если объект на гребне Джонсона и в самом деле является тем, чем кажется, то мы весьма скоро приспособим использованные в нем технические решения к своим нуждам. Полагаю, мы сможем подарить вам весьма долговечный тостер. — Он с довольным видом откинулся на спинку стула. — Правду сказать, мне кажется, что мы сможем подарить вам первый тостер, способный прослужить не одно поколение.

16

Я невольно задумываюсь о том, как бы все обернулось, если бы не дистанционный ключ от гаражных дверей Уэсли Фью.

Майк Тауэр, «Чикаго трибьюн»

Чего я не могу понять, так это что случилось с землей.

Исчезло несколько дюймов земли, обнажив каменный диск примерно пяти футов в диаметре, известково-белый с рельефной черной решеткой и приподнятый над серым полом на дюйм-другой.

— Смахивает на то, что мы открыли сверхсовершенный пылесос, — отозвался Макс, откладывая видеокамеру и разглядывая решетку с приличного расстояния. Тут еще слишком много неизвестного, и последовать за землей Макс вовсе не собирался.

— Вот эта, — указала Эйприл на изображение дерева. — Надо всего-навсего прикоснуться к стене.

— А не попробовать ли нам еще разок?

— Но на сей раз с чем-нибудь более наглядным,

чем земля, — согласилась она.

Внутри стояло несколько деревянных стульев для отдыха рабочих. Макс взял один из них и установил на решетку. Затем приготовился к съемке и дал знак начинать.

Эйприл прижала ладонь к стене напротив дерева.

Пиктограмма начала светиться.

— Есть! — кивнула Эйприл.

Но ничего не произошло, и свечение внезапно исчезло.

Макс поглядел на пиктограммы. Сделаны они со вкусом, но выглядят скорее функциональными, нежели декоративными. И тут ему на глаза попалась немного утопленная в стену пластина у самого пола. Может, еще один выключатель?

— Что ж, давай, — подбодрила его Эйприл. — Попробуй.

Макс нажал на пластину и почувствовал, как что-то щелкнуло. В стене распахнулся круглый лючок дюймов семи в диаметре. Под ним обнаружились провода.

— Ну, хоть что-то, — оживился Макс. — Мы выяснили, что наши выключатели подключены к источнику тока.

— А что, если попробовать другую пиктограм-

му? — предложила Эйприл.

Направив камеру на стул, Макс включил запись.

— Наверно, стоило бы убедиться, что мы не стоим на одной из таких решеток, — подала голос Эйприл.

Макс каблуком расковырял землю под собой и не обнаружил никакой решетки.

— По-моему, нам ничто не грозит.

Рядом с деревом был символ, напоминающий вьющийся дымок. Эйприл притронулась к нему, но тот остался темным.

— Кажется, не работает, — заметил Макс.

— Очевидно. — Почти небрежно Эйприл притронулась к пиктограмме яйца. Та засветилась. — Горит.

Макс попятился на пару шагов и снова включил камеру.

Эйприл бросила взгляд на часы.

В видоискателе светилась красная лампочка. Камера вдруг потяжелела, и Макс передвинул ее на плече чуточку повыше.

Он уже начал подозревать, что феномен не повторится, когда в центре видоискателя вспыхнула крохотная звездочка.

— Двадцать три секунды, — сообщила Эйприл.

Звездочка разрасталась и становилась ярче.

— Боже мой! — выдохнул Макс. — Да что же это такое?!

Сияние охватило стул.

Макс следил за вспышками и переливами света до рези в глазах. А затем все исчезло.

И стул в том числе. Перед ними была лишь чистая решетка.

* * *

Эдуард (он же Дядюшка Эд) Кроули уже третий год работал главой администрации в корпорации «Тредлайн», дочерней компании фирмы «Крайслер», три года назад добившейся независимости и большого успеха благодаря выпуску добротных автомобилей по разумным ценам (девиз компании), с особым упором на качество последующего обслуживания.

Дела «Тредлайн» шли лучше некуда. Придерживаясь принципа разумной командной работы, корпорация избавилась от руководителей с диктаторскими замашками, заменив их людьми, умеющими поощрять инициативу и ободрять подчиненных, способных принимать самостоятельные решения, да при том следить, чтобы все старались добиться успеха. И вот наконец

все утряслось. В прошлом квартале «Тредлайн» получила первые стабильные прибыли, и теперь кривая доходов явно поползла вверх. По мнению Дядюшки Эда, будущее сулило им только процветание.

Его открытый календарь лежал на письменном столе красного дерева. Через четверть часа предстоит беседа с торговыми представителями компании в Германии, которая наверняка затянется до ленча. В час собрание персонала, в тринадцать сорок пять уединение для размышлений, в четырнадцать пятнадцать посещение отдела перспективного планирования. Дядюшка Эд всегда исповедовал теорию «пешего руководства», понимая, насколько важно быть на виду у людей. В три часа совещание с главой юридического отдела, а в четыре — с Брэдли и его инженерами. А с шестнадцати тридцати дверь кабинета открыта для всех. Всякий может заглянуть, чтобы покалякать с боссом.

Правду говоря, посетителей у него бывает не так уж много. Руководители нижестоящего звена и без того заходят к нему по любой надобности, поэтому им не рекомендуется злоупотреблять вечерними часами. А простые работники не очень-то рвутся в кабинет главы компании. Но

время от времени все-таки заходят. К тому же открытая дверь — отличный символ для рядовых работников и отличный пример для начальников любого рода.

Он принялся пересматривать план реструктуризации долгосрочного займа компании в надежде найти в нем лазейку и выудить из нее средства, необходимые исследовательско-конструкторскому отделу. Но в глазах уже рябило от цифр, поясницу ломило. Бросив взгляд на часы, он понял, что ломает голову над планом час с четвертью. Это уже чересчур.

Пора передохнуть и проветрить мозги. Дядюшка Эд встал, подошел к окну и устремил взгляд на горизонт, поверх крыш Индианаполиса. И тут запищал интерком.

— Да, Луиза?

— Мистер Хоскин, линия один.

Уолт Хоскин — вице-президент по финансовым вопросам, суетливый коротышка, так и не научившийся мыслить вне рамок обыденного, — потому-то ему никогда не подняться выше нынешней ступеньки в иерархии. Именно Хоскин и был автором плана, лежащего сейчас у Дядюшки Эда на столе — плана вполне удовлетворительного в пределах традиционных правил,

принципов политики компании и накопленного опыта. Звезд с неба Хоскин не хватает. А чтобы «Тредлайн» смогла на все сто процентов воспользоваться тенденциями, сложившимися на рынке, надо выбираться из накатанной колеи, проложенной Хоскином. Дядюшка Эд снял трубку:

— Слушаю, Уолт.

— Эд, ты смотрел утренние новости? — пискнул Хоскин.

Вообще-то новости Дядюшка Эд не смотрел. Будучи холостяком, он частенько ночевал в кабинете, если засиживался допоздна, как вчера. Так что ни вчера вечером, ни сегодня утром он даже телевизора не видел, не говоря уж о новостях.

— Нет, — спокойно отозвался он. — А что? Что стряслось-то?

— Мы упали на семнадцать пунктов, — произнес Хоскин тоном грешника, возглашающего о Втором Пришествии.

Дядюшка Эд всегда гордился своей способностью хладнокровно встречать всяческие кризисы и потрясения. Но эта новость огорошила его.

— На семнадцать пунктов?! — рявкнул он. — Какого дьявола?!

Он даже представить себе не мог, какая дурная весть или каприз рынка может привести к столь

сокрушительному эффекту.

— Это из-за той штуковины в Северной Дакоте.

— Какой такой штуковины?

— НЛО.

Дядюшка Эд с самого начала игнорировал репортажи с гребня Джонсона, считая их массовым психозом.

— Уолт, — процедил он, пытаясь взять себя в руки, — Уолт, о чем речь?

— По некоторым сведениям, вот-вот появится возможность делать автомобили, способные ездить чертовски долго, чуть ли не вечно!

Дядюшка Эд уставился на телефон:

— Да никто же в это не верит, Уолт!

— Может, и не верит. Но люди думают, что другие поверят, и стремятся избавиться от своих акций. Какая-то женщина сегодня утром на Эйби-си заявила, что машина, сделанная из этого вещества, переживет своего владельца, если только тот будет вовремя менять масло и не попадет в аварию.

Хоскин пребывал на грани истерики. Дядюшка Эд опустился в кресло.

— Эд, ты здесь? — окликнул Хоскин. — Эд, как ты себя чувствуешь?

* * *

Около часа на биржах царила полнейшая неразбериха и растерянность. Затем начались массовые продажи. К полудню рынок пребывал в свободном падении. Индекс Никкей за один день понизился на девятнадцать процентов, а промышленный индекс Доу-Джонса потерял триста восемьдесят пунктов.

* * *

Они вновь и вновь прокручивали запись на видеомагнитофоне.

Стул.

Свет.

Пустая решетка.

Они переключили магнитофон на покадровое воспроизведение, следя, как разгорается сияние, как в нем вспыхивают искры, как оно, словно протоплазма, поглощает стул.

— Повтори, только медленно, — попросила Эйприл.

Стул будто растворялся в воздухе.

На протяжении пары кадров Максу казалось, что ножки и спинка просвечивают, как на фото-

снимке с двойной экспозицией.

Они сидели в модуле конторы. Окружающие их телефоны продолжали звонить без умолку. Вертолеты прилетали и улетали каждые пять минут. Чтобы справиться с наплывом посетителей, Эйприл пришлось нанять ораву студентов, занимавшихся проведением экскурсий и координацией визитов важных шишек. Двое из этих студентов, одетые в темно-синюю форму с эмблемой Купола на рукаве, сейчас старались отвечать на звонки, не спуская глаз с экрана.

— Надо проделать это еще разок, только со светофильтром, — предложил Макс.

Но теперь придется воспользоваться другой пиктограммой: как и дерево, яйцо сработало лишь один раз и более ни на что не годилось.

Эйприл пропустила его реплику мимо ушей, сосредоточенно уставившись в чашку с кофе. Наконец она подняла голову:

— Макс, как по-твоему, что это такое?

— Ну, скажем, приспособление для уничтожения мусора. — Эта мысль показалась ему забавной. Макс бросил взгляд на экран и вдруг заметил нечто неординарное.

— Что? — вскинулась Эйприл, заметив выражение его лица.

Позади почти прозрачного стула на стене просматривались две вертикальные линии.

— В Куполе их нет, — сказал он, пытаясь мысленно обозреть пространство между решеткой и стеной позади нее. Там не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего эти линии, да и на самой стене тоже.

— Что же ты думаешь по этому поводу? — поинтересовалась Эйприл.

И тут воображение Макса разыгралось.

— Подозреваю, что мы отправили этот старый стул в чей-то вестибюль, — проронил он.

* * *

Уверенность в том, что на всем белом свете лишь он один знает правду о зловещей конструкции на гребне Джонсона, усугубила отчаяние Рэнди Кея. Он пытался предупредить брата, пытался поговорить со своей бывшей, чтобы она хотя бы спрятала сына, пытался даже растолковать все отцу Качмареку, но никто не поверил ни одному его слову. Рэнди понимал, насколько нелепой кажется его версия, и не мог придумать ни единого способа убедить родных и друзей, что опасность действительно существует. Убедить хотя бы кого-нибудь. Так что у него не осталось

иного выбора, как попытаться взять контроль над ситуацией в собственные руки.

На самом деле штуковина, названная Куполом, — сигнальный бакен, оставленный для того, чтобы забить тревогу, когда человечество дозреет. Рэнди подозревал, что она простояла на вершине гребня дольше, намного дольше, чем те десять тысяч лет, о которых распинаются все телестанции. Да это и не существенно. Главное, что он знает об опасности и знает, как с ней справиться.

Работая в строительной фирме «Монограмма», Рэнди сейчас занимался ремонтом шоссе №23 в районе Огилви, к северу от Миннеаполиса. Ему становилось дурно при одной лишь мысли о том, что станет с симпатичными домиками за белеными оградами, с тенистыми парками, с обширной сетью дорог после прихода врага.

Конечно, посланный сигнал уже не вернуть, он уже летит сквозь бездны космоса. Так что осталось лишь одно, единственное, что еще можно сделать — прервать сигнал, чтобы твари с той стороны поняли, что взять Землю будет не так-то просто. Рэнди покажет им, что знает об их планах и что им следует приготовиться к долгой и трудной битве, если они вздумают ринуться сюда.

Он приедет на вершину гребня, разгонит машину и расшибет ее к чертям об эту хреновину. В кузове его «Исудзу-Родео» будет лежать пятьсот фунтов тола, а детонаторы будут подключены к радиоуправляемой модели автомобиля, купленной в магазине игрушек. Если все пойдет как следует, Рэнди быстро выпрыгнет из машины, крикнет окружающим, чтобы те укрылись, и превратит Купол в груду мусора. Рэнди искренне надеялся, что никто не пострадает, но даже если внутри кто-то будет, тут уж ничего не поделать. В конце концов люди поймут — хотя, быть может, не сразу. Но как только до них дойдет, что Рэнди сотворил, его покажут по телевидению. И его бывшая раскается, что не слушала его, да поздно, потому что он лучше удавится, чем возьмет эту суку обратно. Даже если ему придется отказаться от мальчика.

Он катил по скоростному шоссе, безмятежно глядя на голые, занесенные снегом поля. Спокойствие снизошло на него, когда он выехал из Миннесоты. В Форт-Мокси он будет под вечер. В газетах писали, что в мотелях Валгаллы свободных мест нет, но Форт-Мокси тоже достаточно близко. Рэнди не придумал, как вернуться в мотель после того, как его автомобиль погибнет, но

это не беда. Едва окружающие увидят внутреннюю начинку Купола, они еще благодарить будут, а кто-нибудь наверняка догадается подвезти его.

Выключатель для бомбы Рэнди сделал из электронных потрохов игрушечного автомобиля, подсоединив к ним запал, но вставив деревянный клинышек между контактами, чтобы те случайно не соединились.

В этот же день Рэнди дважды подстерегли крупные неудачи. Первая произошла, когда он проезжал Дрейтон по шоссе №1-29 — его «подрезал» красный жилой фургон с манитобскими номерами; Рэнди врезал по тормозам, машину занесло, и он выскочил на соседнюю полосу, на волосок разминувшись с тяжелым грузовиком. Когда машина наконец остановилась, развернувшись в противоположном направлении и съехав с насыпи, Рэнди решил, что ему невероятно повезло, и вздохнул с облегчением. И напрасно — клинышек сдвинулся с места, и сдвинулся еще раз, когда Рэнди пришлось включить двигатель на полную мощность, чтобы въехать на крутую заснеженную насыпь. К тому времени, когда он снова выехал на шоссе, клинышек совсем вывалился; хотя контакты и не соприкасались, но были достаточно близко, чтобы между ними

смогла проскочить искра. Так что для взрыва недоставало сущего пустяка.

У северного конца шоссе, как раз перед канадской границей, Рэнди свернул на восток, на шоссе №11, и доехал до Форт-Мокси. Второй раз ему крупно не повезло, когда он подъехал к перекрестку на Двадцатой улице. Он находился на окраине, где не было ничего, кроме лесосклада и одинокого белого здания, вмещавшего «Мороженые деликатесы» и жилище Уэсли Фью. Так уж получилось, что Уэсли, уже шесть недель страдавший от холода со своей работой в банке, как раз вернулся домой, собираясь выпить чего-нибудь покрепче и сразу отправиться в постель. А еще вышло так, что дистанционный ключ от дверей гаража Уэсли был настроен на ту же частоту, что и радиоуправляемый автомобильчик, переделанный Рэнди в запал бомбы.

Гараж задней стеной выходил на Двадцатую улицу. Уэсли въехал в собственный двор как раз в то время, когда Рэнди подкатил с запада. Дорогу Уэсли частично преграждали салазки дочери, и он осторожно объехал их, решив сделать ей выговор, когда она вернется из школы, затем потянулся к кнопке дистанционного ключа, установленного наверху приборной панели. И нажал

на нее в тот самый миг, когда передатчик был направлен в сторону Бэннистер-стрит. Радиосигнал нагнал Рэнди на перекрестке, включив запал его бомбы.

Внезапно на месте перекрестка вспух огненный смерч. Взрывом снесло западный конец лесосклада, сровняло с землей «Мороженые деликатесы», выбило окна в доме Уэсли и разрушило гараж. Сам Уэсли получил переломы обеих рук, множество порезов и ожогов, но остался в живых.

Одним из немногих уцелевших фрагментов автомобиля Рэнди был номерной знак с надписью «НЛО».

* * *

Дорожное движение так осложнилось, что Макс решил принять какие-нибудь меры. Утром он созвонился с Биллом Дэвисом из транспортной фирмы «Голубая сойка», расквартированной под Гранд-Форкс, и договорился об организации вертолетных рейсов. Вдвоем они разработали график полетов между Форт-Мокси, Кавалером, Дьявольским озером и гребнем Джонсона.

* * *

Невысокий и коренастый Мэттью Р. Тейлор подошел к Белому дому кружным путем. Как всегда, он был одет в безупречно отглаженный костюм, вышедший из моды в прошлом году, и скромную рубашку с неброским, не запоминающимся галстуком.

Его отец держал в Балтиморе кондитерский магазинчик, худо-бедно обеспечивавший существование Мэтта и еще шестерых отпрысков. Но старик наделил детей одним бесценным даром: поощряя их интерес к чтению, он не обращал внимания на содержание книг, придерживаясь того мнения, что в конечном счете книги сами за себя скажут.

Когда Тейлору исполнилось девятнадцать, он успел запоем прочесть греческую и римскую классику, Шекспира, Диккенса, Марка Твена и целый ряд современных историков. В старших классах и в Западном Мэрилендском университете он факультативно прошел массу дополнительных дисциплин. А в 1965 году его отправили во Вьетнам, и во время своего второго патруля он получил пулю в бедро. Врачи говорили, что больше он не сможет ходить, но Тейлор

прошел шестилетний курс лечения и теперь мог обойти вокруг Белого дома, всего-навсего опираясь на трость. Со временем, конечно, трость стала символом его самого и его мужества.

Он женился на своей медсестре и вложил деньги в мойку машин, вскоре прогоревшую, и в закусочную, тоже вылетевшую в трубу.

Тейлор никогда не отличался деловой хваткой, зато был щепетильно честен и всегда стремился помочь людям, попавшим в беду. В середине семидесятых, работая клерком в магазине одежды, он поддался на уговоры людей, ошибочно считавших, что они смогут вертеть им как вздумается, и возглавил окружную дорожную комиссию.

Он зарекомендовал себя на диво бдительным стражем общественных интересов и денег. За время его пребывания на этом посту несколько окружных чиновников и пара подрядчиков угодили за решетку, цены снизились, и дорожная сеть заметно улучшилась.

В палату представителей Тейлор был избран в 1986 году, а в сенат — восемь лет спустя. Возглавляя комитет по этике, он провел ряд реформ, сделавших его национальной знаменитостью и вице-президентом. Через шестьдесят дней после его вступления в правящий кабинет удар вывел

первого человека страны из строя, и Тейлор стал президентом согласно Двадцать пятой поправке к Конституции. А впоследствии был избран и сам.

Вся страна обожала Мэтта Тейлора, как не любила никого со времени Франклина Делано Рузвельта. Многие считали его новым Гарри Трумэном. Он обладал несколькими лучшими чертами Трумэна: несгибаемой волей в случае уверенности в своей правоте, цельностью и бескомпромиссностью, а еще стремлением изъяснять свои мысли простыми и внятными словами. Эта привычка порой выходила ему боком, как в тот раз, когда во время визита одного монарха со Среднего Востока он небрежно заметил в пределах слышимости журналистской братии, что было бы осмотрительнее припрятать серебро Белого дома подальше.

Собственную популярность Тейлор относил на счет своего высказывания: американский народ сам понимает, когда он поступает правильно, и к черту всяческие рейтинги!

— Уж такая у них натура, — говаривал он. — Когда дойдет до того, что они перестанут доверять моим суждениям, они отправят меня в отставку. Значит, туда старому сукину сыну и дорога!

О политических последствиях событий в

Северной Дакоте президент тревожился на протяжении всей зимы. Советники твердили, что беспокоиться не о чем, что это очередная утка с полтергейстами, что лучше от подобных вещей держаться подальше, а на пресс-конференциях уклоняться от разговоров на эту тему. Глава государства, заговоривший о летающих тарелках, — покойник. Как бы ни обернулось дело, он покойник. Именно так они и говорили, так что президент держался в стороне от событий, и вот теперь разразилась буря. Сегодня фондовая биржа рухнула на 380 пунктов.

— День уже прозвали Черной Средой, — сообщил министр финансов Джим Сэмсон, теперь изо всех сил делавший вид, что давно уже предупреждал президента о необходимости каких-либо действий.

Момент как раз выдался сложный. На планете полыхает шесть более или менее жарких войн, касающихся стратегических интересов Соединенных Штатов, не считая еще штук пятнадцати горячих точек. Третьим странам вновь грозит голод, начался очередной демографический взрыв, а ООН практически сложила руки. Переход Америки от индустриальной экономики к информационной все еще вызывает серьезные

неувязки. Коррупция высших чиновников остается вечной проблемой, а политическое расслоение общества на мелкие фракции, не желающие даже общаться между собой, продолжается. Однако не все обстоит настолько плохо: торговый баланс выглядит очень даже недурно; долгая битва за снижение безудержно растущего дефицита платежного баланса наконец-то начала приносить плоды; расовая и половая сегрегация, а также сопровождающие их беды начали мало-помалу сдавать позиции; успехи медицины обеспечили людям более долгий срок здоровой жизни. Но главное — пресса относилась к Тейлору по-дружески, что, пожалуй, для политика важнее всего.

Правду говоря, заслуг Мэтта Тейлора в появлении положительных тенденций было ничуть не больше, чем его вины в тенденциях отрицательных. Зато по крайней мере он был уверен, что при любых обстоятельствах будет держать в руках крепкую экономику. А если он лишится последней, то неувязки, сопровождающие перестройку западной экономики, только усугубят ситуацию. Президенту ни за что бы не хотелось в бессильном отчаянии наблюдать, как в Америке вновь появляются полчища безработных и обездоленных. Чтобы противостоять этому, он не

остановится ни перед чем.

— Да это утка, — заметил Тони Питерс. — Такое время от времени случается.

Питерс, председатель президентского совета по вопросам финансовой политики, был давним союзником президента и обладал хорошим политическим чутьем. Из всех людей, дошедших с ним от Балтимора до Белого дома, Питерс пользовался наибольшим доверием со стороны Тейлора.

— Тони, — сказал президент, — если это утка, тревожиться не о чем. А что, если действительно существует металл, способный не ломаться и не изнашиваться?

— Согласен, — подхватил Сэмсон. — Надо выяснить, какие за этим стоят факты.

— Насколько я понимаю, господин президент, — нахмурился Питерс, — это не металл.

— Какая разница? — Откинувшись на спинку кресла, Тейлор сложил руки на животе. — Из этого вещества можно делать паруса, но можно строить и здания. Вопрос в том, что станет с промышленностью, если вдруг появится сырье, из которого можно производить предметы, не подверженные износу? — Он покачал головой. — Предположим, человеку понадобится покупать лишь одну-две машины за всю свою жизнь. Чем

это окончится для «Дженерал Моторс»? — Сняв очки, он швырнул их на стол. — Боже мой, прямо не верится! Сколько лет мы изыскивали способ побить японцев в этой игре. А теперь наткнулись на него, и это обернулось сущей катастрофой!

— Господин президент, — возразил Питерс, — эта сенсация искусственно раздувается бульварной прессой. Наладить массовое производство суперматериалов не под силу никому на свете.

— Откуда ты знаешь? Мы что, изучали эту проблему?

— Да. Все, с кем я беседовал, единодушно сходятся в том, что это невозможно.

— Но ведь оно же существует!

— Люди видели множество молний, прежде чем сумели загнать электричество в заурядную лампочку. Единственное, что нам сейчас нужно, — отвлечь умы от этой ерунды. Возьмите одну из войн или, скажем, пакистанскую революцию, и забейте тревогу.

В этом весь Тони Питерс: он единственный из всех знакомых Тейлора прекрасно понимает, что движет экономикой, и способен понятными словами донести это до окружающих. При этом он знает конгресс, влиятельных политиков и тех, кто держит в руках рычаги реальной власти.

Подобный человек — бесценный помощник для президента, исповедующего активную позицию. Но и он не лишен недостатков. Для Питерса мерилом всего на свете является практический опыт. Он схватывает все буквально на лету и не повторяет чужих ошибок, но как он поведет себя, столкнувшись с проблемой, выходящей за рамки всего того, что было известно прежде? Какой тогда прок от опытности?

— Я хочу, чтобы ты потолковал с людьми, видевшими все на месте, — сказал Тейлор. — Причем из верхних эшелонов, ясно? Выясни, что происходит на самом деле, а не то, что не может произойти, как твердят твои эксперты.

— Вы серьезно?! — воззрился на него Питерс. — Да нам на пушечный выстрел нельзя приближаться к этой штуковине, господин президент! Стоит нам начать задавать вопросы, как об этом тут же станет известно.

— Постарайся организовать это как-нибудь поделикатнее, Тони. А то экономика летит к чертям, будь ей пусто! Найдите кого-нибудь разбирающегося в этих премудростях и раздобудьте ответы. Однозначные ответы! Я хочу знать, насколько реально производство подобных материалов. А если оно реально, то как оно отразится на эконо-

мике. — Президента вдруг охватила безмерная усталость. — И пожалуйста, не надо больше гадать на кофейной гуще.

17

Ибо мы ходим верою, а не видением.

Второе послание к Коринфянам, 5:7

Эл Истер был самым агрессивным цеховым профсоюзным уполномоченным в Дейтоне, штат Огайо, в дочерней компании «Когар Индастриз» — второго такого поди поищи. Простые служащие, посмеиваясь, говорили, что начальнички боятся в одиночку выходить по ночам из опасения, что Эл рыщет по улицам. Руководство осторожно консультировалось с профсоюзом по поводу любых решений, в которых можно усмотреть изменение условий труда, и относилось к рабочим весьма снисходительно. Даже когда Лиз Мюллен уличили в хищении скрепкосшивателей, дискет и разнообразных офисных аксессуаров, чтобы потихоньку приторговывать ими, она отделалась легким испугом. Вместо уведомления об увольнении и тюремной похлебки она получила лишь выговор.

Наиболее действенным оружием Эла была угроза немедленного ответа. Он прямо-таки горел желанием (во всяком случае, так казалось

руководству, а это существа не меняет) объявить полную или частичную забастовку протеста по самым заурядным поводам. Если же Эл решит, что затронуты принципы, стачка может последовать даже за попыткой вынести предупреждение нерадивому служащему или пересмотреть график работ.

Профсоюзный деятель не делал ни малейшего секрета из своей точки зрения, заключавшейся в том, что все начальники — бездушные эксплуататоры и лишь он один защищает права и ограждает благополучие рабочих от захвативших руководство стервятников в человечьем обличье.

Боссы из национального профсоюза не наделяли его полномочиями действовать столь деспотическим образом, однако ограничивались лишь формальными и лицемерными упреками в его адрес, да и то лишь изредка. Уж им ли было не знать, у кого в Дейтоне на руках все козыри! Когда Эл призывал к стачке, рабочие завода откликались все как один. Дней пять спустя мог появиться представитель Национального союза разнорабочих и механиков, чтобы по-отечески пожурить его, но тем временем Эл всегда успевал добиться своего.

Руководство при всяком удобном случае пыталось повысить его или на худой конец удвоить ему зарплату, но всякий раз он отклонял подобные предложения.

— Я нужен людям, — говорил он директору завода Эдриану Коксу, — чтобы помешать вам и вашей своре сожрать их живьем.

Как же, как же! Эдриан прекрасно знал настоящие мотивы отказа: Эл был слишком опьянен властью, чтобы вот так запросто отказаться от нее; ни один руководитель в «Когаре» не обладает такой же реальной властью, как Эл.

Эл недолюбливал руководство «Когара» и по личным мотивам, и из принципа. Он демонстративно носу не показывал в компании, если не возникала нужда припереть руководство к стенке. Поэтому, когда секретарша доложила Коксу, что Эл вошел в здание и направляется в их сторону, Эдриан был неприятно удивлен и почему-то набрал полную грудь воздуха, будто собирался нырнуть в холодную воду.

— А он не говорил, что ему надо?

— Нет, сэр. Дженет спросила, но он прошел мимо, не удостоив ее даже словом.

А секунд через двадцать Эл решительно преодолел последние рубежи обороны Кокса и вошел

в кабинет в тот самый миг, когда интерком пискнул, запоздало предупреждая о его появлении.

На стенах просторного кабинета Кокса висели дипломы и грамоты в деревянных рамочках, а также пара дорогих живописных полотен, подобранных его женой. Сам Кокс сидел за дубовым столом, озаренным солнечным светом, просачивающимся сквозь листья пальм в кадках. Его огорчало, что профсоюзный уполномоченный делает вид, будто всей этой красоты просто-напросто не существует. Эл остановился посреди персидского ковра, дерзко оставшись в кепке, устремил на директора пристальный взгляд и провозгласил:

— Мистер Кокс, полагаю, вы в курсе событий в Северной Дакоте.

Редеющие волосы этого грузного, неряшливого коротышки были спутаны, брюшко проглядывало из-под с трудом сходящейся на животе засаленной рубашки, а из нагрудного кармана торчал испачканный носовой платок. Все это входило в трудолюбиво созданный и старательно поддерживаемый образ.

— Насчет НЛО? — Кокс почувствовал громадное облегчение: дело не касается компании.

— Ага. — Эл плюхнулся на один из стульев у

стола для совещаний. — Что мы предпринимаем по этому поводу?

— По какому? — Кокс подался вперед, заранее догадываясь, о чем пойдет речь. На совете директоров и при переговорах с партнерами уже всплывал вопрос о материалах, которые могут появиться в результате открытия на гребне Джонсона.

— По поводу более прочных шин. — Откинувшись, Эл раскачивал стул на задних ножках. — Что будет с «Когаром», если промышленность начнет выпускать шины, способные набегать двести тысяч миль?

— Этого не может быть.

— Рад слышать. — Коротышка пялился на Кокса, даже не мигая.

— А чего вы от меня ждали? Я знаю лишь то, что говорят по телевизору.

— Ага. Я тоже. — Выражение лица Эла никогда не менялось, застыв в вечно саркастической гримасе. — Вы же знаете, я всегда выступал за более тесное сотрудничество между рабочими и руководством. Как ни крути, цель-то у нас одна. Крепкая компания означает надежные рабочие места.

Кокс не удержался от улыбки:

— Поддерживаю от всей души, Эл.

Активист нахмурился:

— Если эта штуковина и вправду такова, как про нее рассказывают, через три года в этой стране не найдется дела ни шинникам, ни резинщикам. Будь я на вашем месте, я бы послал кого-нибудь сделать предложение.

— Предложение? — приподнял брови Кокс. — Какое?

— Скупить их на корню.

Кокс добрую минуту смотрел на Эла, не находя слов.

— Паниковать пока незачем, — наконец сказал он. Утешение слабое, но ничего другого в голову ему не пришло.

— Если случится худшее, — покачал головой Эл, — вы отвертитесь, получив правительственные субсидии. Время будет трудное, компания пойдет по одиннадцатой статье[12], но вы-то выйдете сухими из воды. Вы лично и все засевшие здесь белые воротнички выговорите себе прибавку к жалованью и будете сетовать на капризы экономики. А вот простые труженики, как всегда, будут втоптаны в грязь. И в конечном счете

---

[12] notes: 12

статья Акта о банкротстве 1978 года; согласно ст. 11, предприятие может продолжать работу, но под контролем комитета кредиторов

останутся с носом.

У Кокса по спине побежали мурашки.

— Эл. — Он старался говорить авторитетно, но голос его все равно дрожал. — Эл, вы просто сгущаете краски. Ничего эдакого не произойдет.

— Ага. Ладно, на вашем месте я бы не сидел сложа руки и дожидаясь, пока все полетит к чертям.

* * *

Эйприл протерла пиктограммы парой влажных тряпок. Все они загорались, едва к ним прикасались, кроме дымка, остававшегося темным при любых обстоятельствах. Но ничего необычного на решетке не возникло. Из чего Эйприл сделала вывод, что для появления света на решетке обязательно должно находиться хоть что-нибудь.

Рядом с каналом она нашла седьмую пиктограмму, более крупную, чем остальные, и похожую на японский иероглиф. Как и дымок, от прикосновения она не засветилась.

* * *

Мэри Макклоски никогда не оставляло чувство единения с Богом. Ни разу в жизни, даже в самые трудные дни — когда пришла весть о гибели Джо-

ди в аварии на шоссе №1-29, когда муж впервые покушался на ее жизнь, когда ей сообщили, что она больна диабетом, — ни разу, ни на единый миг не усомнилась она в том, что Иисус шествует рядом. Эта несокрушимая уверенность поддерживала ее долгие годы и принесла ей, несмотря ни на что, ощущение душевного умиротворения, которое Мэри не отдала бы ни за какие сокровища мира. Словом, Мэри Макклоски в жизни очень повезло.

Она приехала в Форт-Мокси навестить сестру и при обычных обстоятельствах вряд ли проявила бы хоть какой-нибудь интерес к событиям на гребне Джонсона. Но этот спокойный, добропорядочный городок вдруг подвергся нашествию туристов, коммивояжеров, журналистов, студентов и автобусных экскурсий со всей Северной Америки. Поэтому ничуть не удивительно, что происходящее пробудило ее любопытство. К тому же муж сестры, Корки Кейбл, хотел свозить ее посмотреть на Купол. Так что они выехали из дому и влились в поток машин на шоссе №32. Они въехали на плато с одной стороны, медленно проследовали мимо странного зеленого здания, смахивавшего на причудливую зеленую беседку, и съехали с другой стороны, всю дорогу болтая о

марсианах. Для Мэри и ее сестры в этом не было ничего особенного, но Корки просто упивался этой темой.

Они пообедали в Валгалле, в «Кошачьем глазе», после чего поехали обратно. Уже стемнело, настала холодная, ясная ночь, полная шепота звезд, но совершенно безлунная. Они сидели втроем на переднем сиденье «мазды» Кейбла, когда обогнули выступ скалы и увидели зеленое свечение на вершине гребня.

— Вы поглядите! — сказала сестра Мэри.

Корки непременно съехал бы на обочину, чтобы они могли спокойно полюбоваться зрелищем, но дорога была забита машинами. Так что он всего-навсего сбросил газ и полз на скорости миль двадцать в час.

Мэри усмотрела в этом спокойном зеленом сиянии нечто сверхъестественное. Словно сам Господь утвердил на земле маяк для Своих заблудших детей, суля утешение и надежду, что Он помнит и печется о них.

Как ни странно, два часа назад, будучи совсем рядом с Куполом при ярком свете дня, она не ощутила ничего особенного. Но теперь внезапно и полностью значение этого сооружения дошло до нее.

— Нам оно видно аж с самой границы, — поведал Корки, работающий таможенником на пропускном пункте близ Форт-Мокси, но тут он явно перегнул палку: граница все-таки чересчур далеко. Однако сейчас такое казалось вполне возможным. Сегодня все казалось возможным.

— Корки, притормози, — попросила Мэри.

Корки и так еле полз, и сзади их нагоняли, озаряя светом фар.

— Интересно, отчего оно светится, — произнесла сестра. — Может, оно из фосфора?

Мэри внезапно осенило. Если мысленно чуточку сдать назад и, не углубляясь в детали, взглянуть мельком, то можно увидеть женское лицо. И Мэри знала, кому оно принадлежит.

— Это Пречистая, — сказала она.

* * *

Арки Рыжий Папоротник предложил гостю сесть, устроился за столом и вежливо улыбнулся:

— Чем могу служить, доктор Уэллс?

Пакетом Уэллс — высокий, стройный мужчина с седеющими усами — обладал изысканными манерами и сошел бы за аристократа, если бы не был так лопоух.

— Мистер Рыжий Папоротник, насколько я

понимаю, вы представляете интересы племени на гребне Джонсона.

Адвокат кивнул.

— Я пришел к вам с предложением от лица Национального энергетического института. — Уэллс открыл портфель и выудил из него контракт. — Мы бы хотели получить разрешение исследовать источник энергии Купола. — Брови Уэллса подергивались вверх-вниз, выдавая немалое волнение, больше никак не сказавшееся на его поведении. — Существует возможность, что нам удастся проникнуть в суть использованных в здании технических решений. Если там действительно имеются технические решения, поддающиеся применению в наших условиях. Но об этом, разумеется, нам ничего не известно.

— Разумеется, — согласился Рыжий Папоротник.

— Тем не менее мы хотели бы предложить за права собственности приличную сумму, взяв на себя риск и затраты по исследованиям.

— Понимаю. — Рыжий Папоротник взял документ.

— Мы готовы предложить миллион долларов. — Видимо, Уэллс только сейчас до конца осознал величину названной суммы, потому что

у него вдруг захватило дух.

Адвокат принялся методично перелистывать страницы, время от времени задерживаясь, чтобы пристально изучить пункт, привлекший его внимание.

— Как я вижу, вы хотите получить эксклюзивные права на исследования и эксплуатацию открытий.

— Мистер Рыжий Папоротник. — Уэллс подался вперед, напустив на себя по-дружески деловой вид, как он считал. — Давайте играть в открытую. Это выстрел наудачу. НЭИ идет ва-банк, поставив уйму денег на ничтожный шанс в надежде, что на гребне найдется нечто пригодное в дело. Вовсе не факт, что так оно и окажется. Тем не менее мы идем на риск ради всеобщих интересов. А племени останется лишь получить денежки, даже пальцем не шелохнув.

Рыжий Папоротник закрыл контракт и вернул его Уэллсу.

— Боюсь, не пойдет.

— А можно поинтересоваться почему? Что вы теряете?

Адвокат встал:

— Доктор Уэллс, сегодня я очень занят. Если НЭИ захочет выступить с серьезным предложе-

нием, вы знаете, где меня найти.

— А не превышаете ли вы своих полномочий, мистер Рыжий Папоротник? Мне кажется, вам следовало бы предварительно проконсультироваться со своим клиентом.

Рыжий Папоротник всем своим видом дал понять Уэллсу, что на него это не произвело ни малейшего впечатления:

— Я полагаю, что прекрасно знаю свои обязанности, доктор Уэллс. Итак, хотя мне и не хотелось бы вас торопить...

— Ладно. — Уэллс откинулся на спинку стула. — С вами не поторгуешься, Рыжий Папоротник. Чтобы не отнимать время ни у вас, ни у себя, я сразу перейду к последнему пункту повестки дня. Я уполномочен предложить вам два миллиона.

Рыжий Папоротник искоса бросил взгляд на лук отца. Порой он очень сожалел, что индейцы позабыли старые обычаи.

18

Человек без денег подобен луку без стрел.

Томас Фуллер, «Гномология»

За последние пару лет своей работы в муниципалитете Марк Викхем ни разу не видел на ежемесячных собраниях совета более дюжины посетителей. Но сегодня ситуация кардинально переменилась. Должно быть, вечером в муниципалитете собралось все население Форт-Мокси, все девятьсот двадцать семь человек, до отказа набившиеся в просторный актовый зал на втором этаже и заполнившие коридоры. (Присутствие представителей секты Нового Века, снявшей зал на первом этаже, отнюдь не способствовало улучшению ситуации.) Народ все еще прибывал, когда председатель совета Чарли Линдквист объявил собрание открытым.

На повестке дня стояло несколько тривиальных вопросов: запрос на постановление о районировании, заявка на выпуск облигаций дорожного займа и предложение об участии Форт-Мокси в совместной программе школьного образования.

Но пунктом, привлекшим сюда толпу и потому поставленным Линдквистом в самом конце повестки дня, стало требование к городскому совету о прекращении раскопок на гребне Джонсона.

Линдквист, считающий себя местным Соломоном, методично вел подготовку аудитории к цивилизованной дискуссии. В двадцать минут десятого он предоставил слово Джо Торресу — фермеру, отошедшему от дел и поселившемуся в городке.

Торрес, запинаясь от волнения, принялся читать по бумажке подготовленную речь о хаосе, воцарившемся в некогда тихом и умиротворенном городке. Ездить по дорогам стало прямо-таки невозможно. Появились пьяные, драчуны и толпы хулиганов. Приезжие паркуют свои машины буквально повсюду. В ресторанах яблоку негде упасть, зато в супермаркете хоть шаром покати, так что простым горожанам приходится ездить за продуктами аж в Гранд-Форкс, за восемьдесят миль. Теперь сюда потянулись еще и психи с бомбами, вроде того, что позавчера снес «Мороженые деликатесы».

— Я знаю, что это хороший бизнес для Майка и еще кой для кого, но остальным просто роздыху нет.

Встала Агнес Хэнфорд, жена владельца «Фургона первопроходцев»:

— Нельзя упускать такой шанс, пока он у нас еще есть. В конечном счете лучше будет всему городу.

— Тебе-то легко говорить, Агнес, — покачал головой Джо. — Но оно чем дальше, тем хуже. По-моему, надо что-нибудь предпринять. — Будто в подкрепление его слов мимо здания с ревом пронесся автомобиль с вопящим клаксоном и включенным на полную громкость радио, так что стены содрогнулись. — Если мы позволим всему этому продолжаться, придется нанять еще полицейских. — По традиции скудные силы правопорядка Форт-Мокси получали необходимое подкрепление из Кавалера. Джо опять уткнулся в бумажку. — Поэтому я предлагаю, чтобы совет потребовал прекращения раскопок на гребне Джонсона и выдворения всей тамошней публики, а строение, известное как Купол, должно быть ликвидировано. — Он обвел зал глазами и добавил: — Взорвано и вывезено прочь.

Следующей попросила слова Лори Каварачча, владелица мотеля «Северная звезда», прожившая в Форт-Мокси всю свою жизнь. Мотель построил ее отец в 1945 году, после возвращения с тихооке-

анского флота. Теперь Лори заправляла мотелем в одиночку.

— У нас в «Северной звезде» восемь номеров. Еще не было подряд двух дней, чтобы я могла вывесить табличку «Мест нет». Но две недели назад ситуация резко переменилась. Теперь наши комнаты никогда не стоят пустыми. Мы процветаем. По душе ли мне проблемы, с которыми мы столкнулись сейчас в Форт-Мокси? Нет, конечно же, нет! Они не по душе никому из нас. Но решение проблем отнюдь не в том, чтобы закрыть раскопки и расползтись по норам. — Поначалу ее голос чуточку дрожал, но мало-помалу она набиралась уверенности. — Послушайте, люди, большинство из нас не уехали из Форт-Мокси лишь потому, что мы тут родились. Мы любим этот город. Но здешняя экономика всегда дышала на ладан. И вот теперь, впервые на нашей памяти, появился настоящий шанс заработать. Шанс не только для владельцев магазинов. Он на руку всем. Здоровый бизнес принесет пользу каждому. Ради Бога, не убивайте золотого тельца!

— Курицу, — поправил ее кто-то. — Курицу, несущую золотые яйца.

— Пусть будет курица. Рано или поздно это кончится, так что надо доить ее, пока есть такая

возможность.

— А тем временем, — подал голос Джош Эйверилл, поднимаясь с присущим ему достоинством, — они будут так гонять по улицам, что прикончат кого-нибудь, и что тогда?

— В этом городишке никогда гроша ломаного не было, — возразил Джейк Торальдсон, чей аэропорт внезапно превратился в место паломничества. — Люди, да что с вами стряслось?! Вам что, процветание не по вкусу?!

— Какое процветание?! — взвыл Мэми Барк, приехавший из Канады и осевший здесь железнодорожный служащий. — Какое может быть процветание, когда тут рыщет такая орава народа?! Джо прав. Закрыть, и дело с концом!

Арнольд Уайтекер, самозабвенный владелец «Замка и зонта», выступил против этого предложения.

— Что-то я не вижу, чем нынешнее положение кому-либо повредило, — заявил он.

Эта реплика привела в ярость Морриса Джонса, девяностолетнего пенсионера, раньше работавшего почтальоном, а ныне прославившегося на весь город пристрастием к электрифицированным моделям поездов. Двое подвыпивших канадцев врезались на пикапе в прибежище

Джонса, уничтожив итог его сорокалетних трудов по созданию миниатюрной сети железных дорог. Брызгая слюной, Джонс укоризненно погрозил указательным пальцем Уайтекеру:

— Валяй, Арни, молодчина! Главное, позаботься о себе, а на прочих наплюй!

Чтобы решение прошло, требовалось большинство в восемьдесят семь голосов. Флойд Рикетт вызвался возглавить комиссию по составлению проекта решения.

При первой же возможности Линдквист отвел его в сторонку:

— Флойд, постарайся сделать его поглаже? Не стоит обижать никого.

* * *

Дождь неумолчно стучал в окно Овального кабинета. Стук дождя всегда обострял ощущения президента, как бы себя он ни чувствовал. А сегодня он чувствовал себя хорошо.

На письменном столе перед ним лежал экземпляр «Вашингтон пост», заголовки которого возвещали о войне в Индии и голоде в Трансваале. Но были там и результаты нового опроса общественного мнения: «60% населения считают, что Купол связан с НЛО». Да вдобавок двадцать

процентов опрошенных решили, что это правительственный проект. Остальные не знали, что думать, или вообще не слыхали о гребне Джонсона.

Тони Питерс сидел с несчастным видом в своем кресле, закинув ногу на ногу.

— Чуть ли не все считают, что правительство выставило дымовую завесу, — сообщил он. — Впрочем, это неизбежно. Может, мы еще приспособимся к этому.

— Видел транспаранты? — На улице расхаживало около шестисот пикетчиков. «Наведите порядок на гребне Джонсона» и «Скажите правду о Куполе». — Так какова же эта правда? Что нам известно?

Питерс выпрямился и встал.

— Мы поговорили с дюжиной специалистов в дюжине дисциплин, либо побывавших на месте, либо имевших доступ к результатам исследований. Всем им было нелегко признать, что объект внеземного происхождения, но никто не может предложить иного удовлетворительного истолкования.

— По-моему, нам нет никакого дела до того, откуда он взялся и как очутился именно там. — Тейлор сделал глубокий вдох. — Меня волнует,

что из этого всего вытекает? Какого рода энергией располагает это сооружение?

— Ни у кого не было возможности выяснить. Пока что людей пускают только поглазеть по сторонам. Водят экскурсии.

— Ладно. — Тейлор откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. Цейтнот. — А каковы перспективы, Тони? С чем мы столкнулись?

— Трудно сказать, господин президент. — Питерс поморщился, и в уголках его глаз и рта собрались россыпи морщинок. — Эксперты расходятся во мнениях по поводу нашей способности воспроизвести новый элемент. Но зато они сходятся в том, что, если бы нам это удалось, полученные материалы не подвергались бы старению.

— А износу?

— Подвергались бы. Хотя большинство полагает, что они были бы куда более прочными, чем любые из существующих материалов.

Тейлор вздохнул. Надо поговорить с экономистами, но и без них ясно, что это будет означать для промышленности.

— Еще одно, сэр. Известно ли вам, что вчера ночью там видели деву Марию?

— И что дальше? — президент возвел очи горе.

— Нет, серьезно. — Питерс ухмыльнулся, раду-

ясь возможности разрядить обстановку. — Это передавали по Си-эн-эн десять минут назад. Женщина увидела в свечении контуры лица.

— Проклятие, Тони, — тряхнул головой президент. — А как там биржа? Что у нас сегодня?

— Никкей снова рухнул. Несомненно, падение продолжится на Уолл-стрит.

Тейлор устало поднялся на ноги, оттолкнувшись от подлокотников, и поглядел в окно. Холодная трава сверкала зеленью. В такие дни президенту хотелось снова стать ребенком.

— Тони, надо брать это в свои руки.

— Да, сэр.

— Я хочу положить этому конец, пока ситуация не вышла из-под контроля. Это должно стать актом охраны национальной безопасности или чем-нибудь в том же роде. Подбери подходящие аргументы.

— Мудреное дело.

— Почему?

— Боже мой, господин президент, это же индейская территория. Будь там какой-нибудь фермер, тогда да, можно было бы объявить об угрозе здоровью людей или что-нибудь в том же роде. Но это собственность сиу. Если мы попытаемся вторгнуться на их территорию, это повлечет

серьезные политические осложнения. Это придется не по душе вашим собственным людям, а уж пресса и вовсе забьет вас до смерти.

Тейлору показалось, что потолок вот-вот обрушится на него.

— Я вовсе не имел в виду, что мы должны просто-напросто захватить ее. Мы можем предоставить им компенсацию. Выкупить.

— Сэр, полагаю, наиболее разумной тактикой будет выжидание. Не стоит сгоряча совершать поступки, которые потом обернутся против нас.

Тейлор по натуре своей был склонен действовать при первых признаках надвигающейся беды, но занимался политикой достаточно давно, чтобы научиться ценить терпение. Кроме того, он вовсе не был уверен в том, что избрал правильный курс. Мысль об изъятии у коренных американцев части их суверенной территории не понравилась ему. Это дурной вкус. И дурная политика. Но крушение рынка ничуть не лучше.

— Дайте срок, все образуется, — успокоительно заверил его Питерс. — Может, никакой проблемы-то и нет. Так давайте же не будем ее создавать. Что нам надо, так это сосредоточить внимание на Пакистане.

— А что там?

— Наших избирателей там нет. Но убито много людей. Сделайте очередное заявление. Осудите насилие. Можете предложить выступить в переговорах в качестве третьей стороны. Похоже на то, что там скоро все само образуется. Обе конфликтующие стороны уже выдохлись. Не исключено, что мы мимоходом заслужим лавры миротворцев.

Президент вздохнул. Питерс — циник, и проникнуться к нему антипатией очень легко. Очень жаль, что американская политика с такой легкостью способна выродиться до заурядного оппортунизма. Даже если в ней заняты хорошие люди.

* * *

Арки Рыжий Папоротник вырос близ Форт-Тоттен в резервации Дьявольского озера. Младший из пяти детей, он первым получил диплом. Остальные отпрыски женились рано и осели на бесперспективных работах, разбив сердце отца, твердившего, что он готов на все, лишь бы помочь каждому ребенку, жаждущему высшего образования. Отец вручил свой лук Рыжему Папоротнику в честь окончания юридического факультета университета Джорджа Мэсона.

Кроме того, Арки получил поздравления от Джеймса Ходока, одного из членов совета племени, с гордостью провозгласившего, что теперь уже не все адвокаты на стороне правительства. Рыжий Папоротник возгорелся мыслью стать защитником интересов Мини Вакан Ойяте, как называют себя индейцы-сиу Дьявольского озера на родном языке. (Что означает «люди озера Духа».) Он сдал экзамен на адвоката с первой попытки и вернулся в Северную Дакоту, чтобы открыть практику. Он заверял завещания и вел бракоразводные процессы, что приносило хороший доход, а заодно стал юрисконсультом племени, что особого дохода не приносило — зато имело свои преимущества.

Примерно в то же время, когда Мэтт Тейлор ломал голову над правильной линией поведения, Рыжий Папоротник повез Пакстона Уэллса в резервацию, чтобы тот объявил совету племени о новом предложении лично. Уэллс, пребывающий в мрачном расположении духа, явно решил, что молодой адвокат непоколебимо настроен против него, и отказался от всяческих попыток умилостивить его. Всю дорогу он лишь угрюмо глядел в окно на скучный пейзаж.

Наконец-то потеплело. Вдоль дорог громозди-

лись подтаявшие сугробы, по асфальту бежали ручейки.

Администрация племени разместилась в одноэтажном здании из голубого кирпича, прозванного Синим домом. Свежий ветер развевал флаг Соединенных Штатов и знамя Мини Вакан Ойяте. Рыжий Папоротник въехал на стоянку и заглушил двигатель.

— Здесь, что ли? — осведомился Уэллс, окидывая взглядом бескрайнюю равнину, раскинувшуюся со всех сторон до самого горизонта.

Рыжий Папоротник уже не первый раз встречался с людьми вроде Уэллса, взирающими на окружающих свысока, если только те не занимают более высокое положение и не могут каким-либо образом повредить ему. Свое отношение к Рыжему Папоротнику он изменил столь разительно потому, что стал считать адвоката всего-навсего средством достижения цели, эдаким проводником к высшим эшелонам индейской власти — и, конечно, жестоко просчитался.

Они выбрались из машины, и Рыжий Папоротник вошел первым, указывая дорогу.

Синий дом вместил в себя почту, Бюро по делам индейцев, службу здравоохранения индейцев и кабинеты администрации. Рыжий Папоротник

сообщил секретарю администрации, что они прибыли, и направился к кабинету губернатора.

В толпе Джеймса Ходока никто бы не разглядел не только из-за малого роста, но и вполне заурядной внешности. Уэллсу даже подумалось, что глава индейской администрации куда уместнее выглядел бы за прилавком в бакалее, чем в правительственном учреждении. Ни в его осанке, ни в голосе не было ни малейшего намека на властность или стальную волю, которая могла бы проявиться в случае нужды. Его темные глаза смотрели на собеседника с открытым дружелюбием, да и держался он вполне по-свойски. Рыжий Папоротник всегда считал, что главный дар Ходока заключается в его умении заставлять людей выкладывать все начистоту — талант редкий не только среди индейцев, но и среди остального населения Земли.

Как только они вошли, Ходок встал из-за письменного стола и протянул гостю руку для пожатия.

Уэллс тряхнул ее, пробормотав, как рад он возможности побывать в резервации, и сел.

Украшен был кабинет в индейском стиле — боевыми плюмажами, тотемами, шаманскими магическими колесами и ритуальными труб-

ками. Около стола находился книжный шкаф и кофейный столик с булькающей кофеваркой. В широкие окна струился солнечный свет.

— Губернатор, — прокашлявшись, начал Уэллс, — я представляю интересы организации, которая поможет вашему племени достичь вершин благосостояния. Перед нами открываются грандиозные возможности.

— Арки мне сказал, — будто не слыша его, отозвался Ходок, — что вы проявляли интерес к покупке части нашей территории.

— Да, сэр. — Уэллс изо всех сил старался напустить на себя чуткий, заботливый вид. — Губернатор, позвольте мне говорить без излишних экивоков. Национальный энергетический институт является консорциумом индустриальных и финансовых предприятий, готовых предложить вам весьма солидную сумму за территорию, известную под названием гребня Джонсона. Весьма и весьма солидную, сэр.

Ходок даже бровью не повел.

— Вы хотите купить территорию в вечное и безраздельное пользование?

— Именно так. И готовы прилично заплатить. — Уэллс скривил губы в жухлой, лишенной тепла оборонительной улыбке. Должно быть, в

детстве его лупили все подряд, решил про себя Рыжий Папоротник. — Давайте играть в открытую.

— Поддерживаю от всего сердца.

— Губернатор, весьма сомнительно, что на гребне действительно имеется нечто, представляющее реальную ценность, и вы это знаете. И я это знаю. Правительственные чиновники уже побывали там и решили, что повода для беспокойства у них нет, — уверенно изрек Уэллс, но Рыжий Папоротник тотчас же усомнился в правдивости его слов. — Так что это выстрел вслепую. И все же существует ничтожно малая вероятность, что там найдется нечто полезное, и мы готовы заплатить за возможность поиска. И, должен уточнить, заплатить весьма хорошо.

Он извлек из портфеля голубую папку, чековую книжку в кожаном переплете, а из кармана — ручку с золотым пером.

— Почему бы нам не уладить дело прямо сейчас? Скажем, пять миллионов вас устроит? — Он снял с ручки колпачок. — С такими деньгами вы сможете сделать для ваших людей очень многое. Правду говоря, губернатор, хотелось бы мне заглянуть к вам лет через пяток, чтобы посмотреть, как расцветет резервация.

Ходок сумел скрыть свое изумление перед на-

званной суммой и осторожно бросил взгляд на Арки, но тот выражением лица дал понять, что против, потому что, сколько бы Уэллс ни предложил, это лишь начальная и слишком ничтожная цифра.

— К нам проявил интерес целый ряд корпораций, — сообщил губернатор. — Они хотели бы построить там гостиницы. И рестораны. Дисней хочет устроить парк развлечений. Не сочтите меня жадиной, доктор Уэллс, но в сложившейся обстановке пять миллионов — как кот наплакал.

Рыжий Папоротник подумал, что может гордиться губернатором.

— Понимаю, — вытаращил глаза Уэллс. — Они уже сделали конкретные предложения?

— О да. Они весьма щедры. А ведь эти люди хотят лишь взять землю в аренду. А вы хотите одним махом получить то самое, что придает этой земле ценность. Если мы продадим ее вам, у нас не останется ничего, кроме наличности. Доктор Уэллс, при нынешнем положении дел это должна быть громадная наличность.

Уэллс опустил глаза к чековой книжке:

— Вы хотите загнать меня в угол, сэр. Но я понимаю ваши доводы и уполномочен вести торг. Можно ли попросить вас назвать сумму, которая

бы вас устроила?

Ходок ненадолго прикрыл глаза:

— А не проще ли будет, если вы сразу назовете обозначенный вам предел торга, чем сэкономите время и себе, и мне?

Уэллс беспокойно заерзал. Арки про себя отметил, что невооруженным глазом видно, как тот усиленно скрипит мозгами.

— Пятьдесят миллионов, — наконец проронил он едва слышным голосом.

— Очень хорошо, — согласился Ходок. — А каков порядок оплаты?

Рыжий Папоротник встретился с ним глазами. «Ни в коем случае».

— Десять процентов — по подписании контракта. Остальное по вступлении оного в фактическую силу. — Уэллс протянул авторучку губернатору. — Итак, мы договорились?

На сей раз Ходок не сумел скрыть, как потрясен:

— Вы должны понимать, что я неправомочен принимать подобные решения. Это дело совета.

— Разумеется. Но мистер Рыжий Папоротник заверил меня, что вы пользуетесь значительным влиянием. Не сомневаюсь, что, если вы выскажетесь в пользу договора, совет поддержит вас.

Ходок старался изобразить сомнение на лице, но не преуспел в этом. Уэллс улыбнулся, проникнувшись уверенностью, что совет ухватится за деньги обеими руками.

— По-моему, Арки вечно преувеличивает мое влияние. — Ходок устремил взгляд на своего адвоката. — Простите, мистер Уэллс, не будете ли вы любезны оставить нас на минуточку наедине?

— Конечно. — Уэллс мимолетно усмехнулся Рыжему Папоротнику в лицо: сукин ты сын, вогнал меня в расходы, но поглядим, как тебе удастся теперь отговорить его. — Я подожду в соседней комнате.

Открыв голубую папку с контрактом, он пододвинул ее к Ходоку и вышел из кабинета.

— Не советую, — впервые подал голос Рыжий Папоротник.

— Почему? — расплылся в улыбке Ходок. — Боже мой, да разве можно отказываться от таких денег?!

— Цена уже не опустится. Иначе с какой же стати они предложили так много?

— Может оказаться, что все это пустышка. В итоге мы кончим тем, что будем там продавать футболки. Послушай, Арки, да нам просто не нужно больше пятидесяти миллионов. Ты пони-

маешь, сколько всего можно понаделать на такие деньги? Знаешь, ведь он прав. Эти деньги могут досыта накормить множество ртов. По-моему, нам не следует жадничать. Именно так я и скажу на совете.

— Этот человек не из тех, кто просто так даст нам хотя бы ломаный грош, — возразил Арки. — Он ни за что не предложил бы пятьдесят миллионов, если бы не считал, что земля стоит куда больше. Несравненно больше. Порекомендуйте совету добиться нового предложения. Результат еще изумит вас самих.

Восторг Ходока понемногу пошел на убыль.

— Ты всерьез полагаешь, что я выйду перед советом и порекомендую отказаться от таких денег? Тем более что мы можем остаться просто-напросто ни с чем? Даже если я буду активно противиться этому предложению, меня слушать не станут. — Он перевел дыхание, чтобы успокоиться. — Растолкуй мне свои доводы, если таковые вообще имеются.

Арки очень не понравилось положение, в котором он поневоле оказался. Не надо быть ясновидящим, чтобы понять, кто станет козлом отпущения, если что-нибудь пойдет не так.

— Если Уэллс и его люди наложат лапу на

землю и все к ней причитающееся, они будут эксплуатировать ее лишь с мыслью о наживе. Кто знает, чего мы лишимся?

— Боевым кличем эту реплику, пожалуй, не назовешь.

— Пожалуй. Но не получим ли мы второй Манхэттен?[13]

— Арки, ты что, не расслышал? Речь идет не о двадцати шести зеленых.

— Может, оно и так. Но если вам нужен боевой клич — тогда учтите, что сейчас у нас в руках открытие, способное привести к созданию совершенно новых технологий. Быть может, губернатор, дорога в будущее пролегла прямиком с гребня Джонсона. А вы готовы отдать его вот так вот запросто.

* * *

— Я бы поступил точно так же, — заметил Макс. — Сграбастал бы деньгу, и ноги в руки.

Арки поморщился, как от зубной боли:

— Именно так они и поступят.

---

[13] notes: 13

голландский колониальный чиновник Петер Миньюит в 1626 году купил остров Манхэттен у индейцев в обмен на товары предположительной общей стоимостью около двадцати четырех долларов; указанная в тексте сумма, видимо, ошибка автора

Впрочем, это не помешало ему уписывать за обе щеки рыбу с хрустящим картофелем. Они втроем — Эйприл, Арки и Макс — обедали в отдельном кабинете в глубине ресторана Мела в Лангдоне. Из-за невероятного наплыва посетителей к «Фургону первопроходцев» стало невозможно протолкнуться.

— Совет решит, что отказываться от столь значительной суммы просто преступно. Да и я, честно говоря, чувствую себя как-то неуютно, уговаривая их отказаться. — Арки выглядел совсем убитым. — Вы представляете, что будет со мной, если они последуют моему совету, а гребень окажется совершенно никчемным?

— Тебя скальпируют? — с невинным видом поинтересовался Макс, но Арки будто не слышал его.

— Впрочем, это не играет никакой роли. Они огребут деньгу, и ноги в руки — точь-в-точь как ты сказал.

— Проклятие, — бросила Эйприл. — Если проект запродадут на сторону, нам завтра же дадут под зад коленкой.

— По-моему, нашего мнения никто и спрашивать не станет, — заметил Макс, вполуха прислушиваясь к ропоту голосов, позвякиванию

ножей и вилок, да изредка раздающимся взрывам смеха.

— Арки, — проговорила Эйприл, — я не вынесу, если открытия здесь будут делаться без моего участия.

— Понимаю, — с сочувствием поглядел на нее адвокат. — Однако, судя по всему, на дальнейшие события я уже никак не могу повлиять.

— Сколько времени у нас в запасе? — спросила Эйприл.

— Должно быть, люди Уэллса уже подобрали рабочие команды, готовые ринуться сюда, как только бумаги будут подписаны. Завтра в конце дня состоится внеочередное заседание совета специально для рассмотрения этого предложения. Если совет его примет, а это уж непременно, Уэллсу останется только снять телефонную трубку, и вы станете прошлым.

* * *

Дьявольское озеро, Северная Дакота, 15 марта (АП)

Сообщают, что финансовый консорциум готов уплатить сто миллионов долларов за территорию на гребне Джонсона в резервации сиу на Дьявольском озере,

где расположен Купол – археологическая находка, якобы имеющая внеземное происхождение. Согласно информированным источникам, завтра вечером совет племени проведет экстренное заседание, чтобы рассмотреть это предложение, неоднократно повышавшееся за последние несколько дней. Официальные лица с обеих сторон от каких-либо комментариев воздержались.

* * *

Когда они вернулись в «Северную звезду», Макса там дожидалась бандероль.

— Фильтры, — пояснил он. — Для видеокамеры. Может, удастся разглядеть, что происходит, когда загорается свет.

В мрачном расположении духа они разошлись по своим комнатам, но минут через пять Эйприл постучалась к Максу.

— Входи, — сказал он. — Я как раз хотел позвонить тебе.

— Что же делать?! — Она пребывала на грани истерики.

В комнате имелось лишь одно кресло, так что Макс уступил его Эйприл, а сам уселся на кро-

вать.

— По-моему, мы сами не можем сделать практически ничего, раз тут замешаны такие деньги.

— Макс, да пятьдесят миллионов — сущие гроши. Слушай, возможно, мы нашли выход. — Это заявление далось ей не без труда, будто Эйприл говорила о чем-то сверхъестественном. — Стул вовсе не развеялся во прах. Он отправился куда-то.

— По-твоему.

— По-моему. — Она устало потерла лоб. — Тебе известно, что есть еще и седьмая пиктограмма?

— Нет, — удивился Макс. — И где же?

— Рядом с каналом. Там, где они привязывали яхту.

Макс прикрыл глаза и вообразил себе интерьер Купола.

— На одном из столбов?

— Да. Она с виду смахивает на иероглиф. И не загорается, когда к ней притрагиваешься. Я даже пыталась сунуть стул в канал, но это не сработало. Но по-моему. Макс, они именно так приводили яхту на место откуда угодно.

— Прости, но в такое я нипочем не поверю, — покачал головой Макс. — Уж больно это смахивает на научную фантастику. «Скотти, перешли-ка

меня на планету».

Они посидели молча, прислушиваясь к завыванию ветра.

— Макс, я считаю, что все это на самом деле.

— Ну что ж, желаю тебе успешно доказать это. Для чего бы эти пиктограммы ни были предназначены, срабатывают они только по одному разу. Что толку от системы транспортировки на дальние расстояния, срабатывающей только раз?

Эйприл забралась в кресло с ногами и обняла колени.

— По-моему, они срабатывают лишь по разу, потому что хлам, который мы туда посылаем, загромождает приемную решетку. Кто-нибудь должен убрать его с той стороны. А иначе система спотыкается.

— Таких необоснованных догадок я еще не слыхал.

— Макс, мы же видели, как стул тает. Он таял, а не взрывался. Он не разрушился. Он куда-то отправился. Весь вопрос в том, куда именно?

— Сдается мне, что это полнейшая белиберда, — тряхнул головой Макс.

— Возможно. — Эйприл набрала полную грудь воздуха и медленно-медленно выдохнула его. — Мне кажется, было бы лучше сообщить Арки все,

что нам известно.

— То бишь заявить ему, что у нас есть дверь в иное измерение? Или на Марс? Он подумает то же, что и я: это чушь собачья.

В глазах Эйприл плескалось отчаяние.

— Но он не станет так думать, если мы продемонстрируем ему это на практике.

— И каким же образом мы это продемонстрируем? Мы умеем только отправлять вещи в небытие. Это ровным счетом ничего не доказывает.

Ни Максу, ни Эйприл не хотелось вслух констатировать очевидное.

19

Радостно пускаемся мы по морям, не хранящим следа,
Без страха стремимся к неведомым берегам.

Уолт Уитмен, «Поездка в Индию»

Неутихающие степные ветры мчали над прерией, напирали на стены, сотрясали оконные стекла. Эйприл изо всех сил зажмурилась. Ей было явно не по себе, но уверенность в собственной правоте придавала ей сил.

У мотеля остановилась машина, хлопнула дверь, и оживленный гомон переместился с улицы в коридор.

Будь в запасе немного времени, можно было бы измыслить какой-нибудь эксперимент, способный устранить риск хоть отчасти. Но времени не было. Эйприл вздохнула.

Сквозь тонкую стенку доносилось невнятное бормотание телевизора Макса.

Итак, что ей может грозить?

Есть опасность аннигилировать. Но от стула не осталось ни щепочки, не было и никаких призна-

ков его истребления. Стул просто утратил свою материальность. Он куда-то отправился.

Есть опасность оказаться во враждебной среде — к примеру, в метановой атмосфере. Но, судя по всему, пришельцам Северная Дакота пришлась весьма по душе — значит, в том месте, куда отправит ее Портал, царят практически земные условия.

Есть опасность застрять. Но где это слыхано, чтобы Портал пропускал только в одну сторону?

В полночь она наполнила термос, сунула в полиэтиленовый пакет пару сандвичей и немного фруктов, зарядила фотоаппарат, натянула куртку «Миннесотские Близнецы» и осталась вполне довольна собой. Сорок минут спустя она уже миновала полицейский пост у въезда на извилистую дорогу, ведущую к гребню. Купол, углубленный в скалу, отсюда был не виден, но сегодня его сияние казалось более ярким, чем прежде. Эйприл пришло в голову, что, возможно, он все еще заряжает свои батареи, и мысленно отметила необходимость начать регулярные замеры интенсивности его свечения.

Было холодно, температура упала ниже минус десяти. Остановив машину у самых ворот, Эйприл открыла бардачок и вытащила оттуда блокнот.

Потратив на раздумья минут пять, она наконец сформулировала послание, записала его и оставила открытый блокнот на переднем сиденье. Потом взяла фонарик и вышла из машины.

В дверях сторожки показался охранник Генри — мужчина среднего возраста, которого Эйприл знала лишь по имени.

— Добрый вечер, доктор Кэннон. Что-нибудь забыли?

— Нет, Генри. — Вырывающиеся из ее рта облачка пара казались желтыми от света недавно установленных натриевых газонаполненных ламп. — Просто не спится. Вот и решила заехать — может, смогу поработать.

Он с нескрываемым неодобрением взглянул на часы:

— Ладно уж. Тут больше никого нет. Я имею в виду, из персонала.

— Спасибо, — кивнула Эйприл.

Генри удалился в сторожку, а Эйприл прошла сквозь ворота и направилась прямиком в Купол, закрыв дверь, чтобы не впускать холод.

По ночам в Куполе воцарялась таинственная атмосфера, порожденная сплетением света и тьмы, загадочным свечением ниш. Свет двигался вместе с Эйприл, освещая ей дорогу и угасая у нее

за спиной. Когда она приблизилась к решетке, та тоже озарилась лучом света, будто Купол знал, что вознамерилась предпринять Эйприл.

Она вдруг замялась. Хорошо, что здесь нет Макса, иначе пойти на попятную было бы просто невозможно. До этой самой секунды Эйприл пребывала в уверенности, что непременно пойдет на попятную. Но страх вдруг бесследно испарился. Неведомое ждало ее за этим порогом, освещенная решетка выглядела не только безопасной, но даже какой-то призывно манящей. Пора трогаться в путь.

Включив фонарик, Эйприл подошла к пиктограммам. Точнее, к выключателям.

Стоит коснуться одного из них, и у тебя будет двадцать три секунды, чтобы подойти к решетке и встать на нее.

Она переводила взгляд со стрелки на кольца и скрипичный ключ.

Итак, стрелка.

Символы призрачно мерцали в полумраке. Эйприл прикоснулась к стене самыми кончиками пальцев. Затем надавила.

Стрелка осветилась.

Набрав полную грудь воздуха, Эйприл решительно приблизилась к решетке и ступила на

нее. Канава, некогда служившая каналом, уходила во тьму. Противоположная стена Купола терялась во мраке, словно свет уступал дорогу раскинувшейся над землей бескрайней ночи. Эйприл поправила ремешок фотоаппарата на плече — это обыденное движение подействовало на нее успокоительно — и застегнула «молнию» куртки под самое горло, борясь с внезапно нахлынувшим желанием соскочить с решетки.

* * *

За окнами еще царила непроглядная темень, когда резкая телефонная трель вырвала Макса из глубин сна. Перевернувшись с боку на бок, он на ощупь отыскал трубку и поднял ее.

— Алло.

— Мистер Коллингвуд? Это Генри Коротыш. Из охраны ворот.

Макса охватили недобрые предчувствия. Сон с него как рукой сняло.

— Слушаю, Генри. Что стряслось?

— Мы не можем найти докторшу Кэннон.

У Макса будто камень с души свалился.

— Она спит в соседнем номере.

— Нет, сэр. Она приехала сюда около половины первого и пошла в Купол. Но сейчас ее там нету.

Макс бросил взгляд на часы. Четверть четвертого.

— Мы посмотрели во всех зданиях. Ее нигде нет. Мы ничего не можем понять.

— А ее машина на месте?

— Да, сэр. Через ворота она не выходила.

Макс пребывал в полнейшем недоумении. Онто думал, что разговор, состоявшийся вечером, носил чисто гипотетический характер.

— Генри, а вы посмотрели в дальних комнатах Купола?

— Мы во все углы заглянули.

— Ладно. Звоните в полицию. Я выезжаю.

Макс дал отбой и набрал номер Эйприл. На звонок никто не ответил. Воззрившись на телефон, Макс вынужден был в конце концов признать, что она вполне могла воспользоваться решеткой. Охваченный сильнейшим беспокойством, Макс торопливо оделся, сел в машину и погнал к гребню Джонсона. Следовало сказать Генри, чтобы заглянул в канал. Может, она упала и лежит там без чувств, а охрана просто-напросто проглядела ее.

Взяв сотовый телефон, он набрал номер ворот. Ответил другой голос — Джордж Чистый Родник.

— Как дела? — осведомился Макс.

— Пока ничего нового. Полицейские выехали. — Последовала долгая пауза. — Макс, если она под открытым небом, долго ей не выдержать. Очень холодно.

— Знаю. Вы смотрели в канале?

Джордж обменялся с кем-то парой фраз и снова взял трубку.

— Да, в канале смотрели. Послушайте, мистер Коллингвуд, мы тут еще кое-что нашли. Записку, адресованную вам. Лежала на переднем сиденье ее автомобиля.

— Мне? — У Макса в груди похолодело. — И что там?

— Вы хотите, чтобы я ее прочел?

— Да, Джордж, будь так добр.

— Ладно. В ней написано... Секундочку, тут темновато. В ней написано: «Дорогой Макс, я иду по стрелке. Раз ты это читаешь, значит, возникли непредвиденные осложнения. Очень жаль. Мне нравилось работать с тобой вместе». — Джордж хмыкнул. — О чем это она пишет?

Свет фар упирался во тьму над дорогой, будто тщетно тужился ее разогнать.

— Толком не знаю, — отозвался Макс, покривив душой. На самом деле он уже понял, в чем дело.

* * *

«Мужчина в белом» жив и здоров. Те, кто помнит классический английский фильм с Алеком Гиннессом в главной роли, играющим изобретателя немнущейся и непачкающейся ткани, сумеют понять, что сегодня творится в легкой промышленности. Капиталовложения в нее катастрофически снижаются с того самого момента, когда возникли первые слухи о возможности создания ткани, по своим свойствам весьма схожей с показанной в фильме. Многочисленные специалисты в один голос утверждают, что это лишь вопрос времени. Рано или поздно технология Купола с гребня Джонсона, создавшая сверхустойчивые материалы, станет доступной повсеместно. К чему это приведет, предсказать невозможно. Но сейчас десятки тысяч человек внезапно лишились работы, в промышленности царит полнейший хаос. Наша газета никогда не одобряла вмешательства правительства. Но в данном случае момент для такого вмешательства настал.

(Передовица «Уолл-стрит джорнэл»)

* * *

Входя в Купол, Макс кипел от негодования. Он сердился на Эйприл Кэннон, поставившую его в дурацкое положение, и осыпал ругательствами себя, не сумевшего догадаться, куда она клонит, и отвести беду.

Что же теперь делать?

На сей раз Купол произвел на Макса весьма гнетущее впечатление.

Генри Коротыш был внутри с двумя полицейскими.

Один из них — молодой, едва достигший совершеннолетия, светловолосый, рослый, с острым подбородком и крупным носом — заглядывал в канал. Его партнер, лысый и раздражительный, при появлении Макса прервал разговор с Джорджем Чистым Ручьем.

— Вы мистер Коллингвуд, сэр?

— Да.

— Я помощник шерифа Ремиров, — сообщил тот, извлекая блокнот. Макс с первого взгляда опознал в нем блокнот Эйприл. — Что это означает?

«Я иду по стрелке».

— Что это за стрелка? — поинтересовался млад-

ший полицейский.

— Не знаю, — помявшись, ответил Макс.

— Вы даже не имеете представления, что она пытается вам сказать? — с неудовольствием осведомился Ремиров.

— Ни малейшего.

— С какой же стати она написала вам послание, которого вы не поймете? — сердито спросил полицейский, не поверивший ни единому слову Макса.

Макс поморщился. За всю свою жизнь он так и не научился непринужденно лгать. Да и водить полицейских за нос было ему не по вкусу. Он редко сталкивался с ними и потому всякий раз нервничал, когда ему приходилось общаться с блюстителями порядка.

— Просто не представляю, — вымолвил он.

Ремиров раздраженно повернулся обратно к Джорджу:

— А вы уверены, что она не могла незаметно выйти через ворота?

— У нас над воротами установлена телекамера, — возразил тот.

— Это не ответ на мой вопрос.

— Полагаю, такое не исключено. Но у нас всегда кто-нибудь следит за мониторами.

— Значит, полной уверенности у вас нет, — резюмировал Ремиров.

— Нет, пока не просмотрим записи.

— Так почему бы нам не просмотреть записи? — с преувеличенной вежливостью осведомился помощник шерифа.

Макс отошел в сторону, чтобы взглянуть на решетку. По ее виду не угадаешь, воспользовалась ли ею Эйприл на самом деле или нет. На решетке не осталось ни отпечатков подошв, ни каких-либо других следов.

Тут в Купол вошел Рыжий Папоротник в куртке из буйволовой кожи и ботинках на толстой подошве. Перебросившись парой слов с Джорджем и полицейскими, он наконец заметил Макса и сообщил:

— Они собираются организовать поисковую партию.

— Хорошо, — согласился Макс.

Последовала долгая неловкая пауза.

— Джордж сказал мне, что она оставила тебе записку. Макс, где она?

— Полагаю, она погибла, — отозвался Макс. Теперь, когда он произнес вслух то, о чем подумал, как только услышал о записке, это предположение показалось ему менее реальным.

У Рыжего Папоротника на скулах заиграли желваки.

— Каким образом?

Макс с удовольствием провел бы демонстрацию, но его останавливало то, что каждая пиктограмма срабатывает лишь один раз. Поэтому он просто указал на решетку и набор выключателей и объяснил, что произошло.

— А это, — он начертил пальцем в воздухе круг перед верхним символом во второй колонке, — и есть та самая стрелка.

— То есть ты хочешь сказать, что это прибор для исчезновения предметов, и она испробовала его действие на себе?! — поразился Рыжий Папоротник.

— Именно этого я и боюсь.

— Сукин ты сын! У вас что, вообще никакого здравого смысла нет, что ли?!

— Слушай, — примирительно отозвался Макс, — у меня даже в мыслях не было, что она на это пойдет.

— Ага. А может, следовало получше за ней приглядывать?

Макс было запротестовал, но Арки лишь отмахнулся:

— Ладно, виноватых мы можем найти и после.

Она считала, что отправляется куда-то в другое место. Как же она собиралась вернуться?

— Не знаю. На эту тему она со мной не распространялась. Насколько я понимаю, она надеялась, что с той стороны найдется аналогичное устройство. Если только другая сторона существует.

Арки повернулся к подошедшему к ним Джорджу:

— Когда, ты говоришь, это было?

— Она вошла в ворота в половине первого.

Арки посмотрел на часы. Десять минут пятого.

— Пожалуй, можно считать, что своим ходом она уже не вернется. — Скрестив руки на груди, он укоризненным тоном поинтересовался: — Итак, куда мы направим стопы?

Макс чувствовал себя круглым идиотом. «Ну тебя к черту, Кэннон!»

Арки мрачно взирал в пространство. В уголках его глаз и рта играли тени, выдавая душевную борьбу.

— Может, оно будет и к лучшему, если племя продаст землю. Что-то люди здесь погибают уж чересчур легко. — Выпрямившись, он направился к двери. — Пускай полиция начинает свои поиски. Все-таки есть шанс, что она ушла и заблудилась в горах. — Он замешкался. — Да, Макс...

— Слушаю.

— Дай мне слово, что не последуешь за ней.

Это требование смутило Макса. Уж кто-кто, а он ни за что на свете не выкинул бы подобного фортеля! Это же глупость несусветная! Но в каком-то потаенном уголке души его вспыхнула радость, что Арки заподозрил, будто он на такое способен.

— Не последую, — искренне пообещал Макс. — Ни в коем случае.

По лицу адвоката пробежала тень каких-то неясных чувств.

— Хорошо. Ладно, пусть поиски идут своим чередом. А ты тем временем постарайся все разузнать о ее ближайших родственниках.

О ближайших родственниках? Только сейчас Макс осознал, что не знает об Эйприл Кэннон практически ничего. Надо будет справиться в Институте Колсона.

Арки помедлил в дверях:

— Макс, ты больше ничего не хочешь поведать мне об этой штуковине?

— Нет. Откровенно говоря, я и сам больше ничего не знаю.

* * *

Макс устало выслушивал рапорты поисковых партий о безрезультатных розысках, а за окном уже занимался рассвет, заливший горизонт призрачной бледностью. В окне вагончика Максу снова мерещилась девчушка с каштановыми кудряшками. А он-то думал, что избавился от этого воспоминания, похоронил его на дне памяти.

Эйприл Кэннон нравилась ему, и Маке не мог заставить себя поверить, что ее уже нет, что она исчезла во мраке страны воспоминаний. На всех четырех мониторах пульта застыл стоп-кадр: угасающее изображение стула с вертикальными линиями, просвечивающими сквозь ножки и спинку.

Линии могут оказаться чем угодно — к примеру, дефектом пленки или объектива. Но не исключено, что это кусочек интерьера какого-то другого места — видом они смутно напоминают колонну. Перед мысленным взором Макса рисовался деревянный стул в галерее древнегреческого храма.

Если это действительно средство транспортировки, оно просто обязано работать в обоих направлениях. Тогда почему же Эйприл не вернулась?

Потому что система уже не нова. В конце концов, дым-то не действует! Может, Эйприл просто застряла.

И это можно проверить.

Макс закрыл объектив видеокамеры светофильтром, набрал полную лопату снега и направился в Купол. Там не было ни души — поиски сосредоточились на окрестных холмах. Когда под ногами захрустел земляной пол, Макс вдруг осознал, что впервые оказался здесь в полнейшем одиночестве.

Соорудив из снега посреди решетки небольшую горку, Макс поставил камеру на стул, направил ее на решетку и включил запись.

Затем нажал на стену у стрелки.

Та засветилась.

Макс попятился, пристально уставившись на снежную горку и машинально считая секунды.

Воздух над решеткой будто воспламенился. Полыхание разрасталось, превратившись в золотое облако, замерцавшее искрами и вспыхнувшее ослепительным блеском, так что Макс вынужден был отвернуться. И вдруг все угасло.

Снег бесследно исчез. Не осталось даже лужицы.

Ладно. Подхватив камеру, Макс рысцой при-

пустил к вагончику и сунул кассету в видеомагнитофон.

Для начала он прокрутил запись с нормальной скоростью, просто чтобы проверить, все ли отснято. Но даже при этом было заметно, как снег перед окончательным исчезновением стал прозрачным.

Перемотав пленку к началу, Макс снова включил воспроизведение. Как только началась иллюминация, он остановил кадр и начал прокручивать запись в покадровом режиме. Свет стал ярче, затуманился и разросся. В тумане вспыхнули звездочки. Казалось, будто свечение активно отыскивает снежную горку. Сияющие щупальца охватили снег, и он начал просвечивать. Кадр за кадром он становился все прозрачнее, ничуть не утрачивая при этом четкости. И когда от него остался только намек, в кадре обозначился другой образ.

Макс оцепенел.

Перед ним появился обезглавленный торс Эйприл с безвольно обвисшими руками. В душе Макса плеснулось безмерное чувство утраты, слезы ярости ослепили его и уже хлынули из глаз, когда он внезапно осознал, что, может быть, это ее куртка.

Что это всего-навсего ее куртка.

«Миннесотские Близнецы». На экране видна даже эмблема. Ни малейших сомнений. Вот только спереди что-то не так. Висит какой-то цилиндрический предмет. Кусок трубы, что ли?

Нет, фонарик. Корпус фонарика, но без рефлектора.

И корпус вроде бы разбит.

Стандартный, недорогой фонарик, сделанный из пластика, один из тех, что с самого начала использовались здесь на раскопках. Но что с ним случилось?

Макс ломал над этим голову минут пять. Что бы он сам сделал, если бы застрял там, в этом невесть где? Он попытался бы передать сообщение.

Я здесь.

И... что еще?

Фонарик сломался?

Он перевел дыхание.

Что-то сломалось.

Транспортная система сломалась.

Он позвонил Арки.

— Она своего добилась. Это Портал. Переход.

— Откуда ты знаешь?

— Ее куртка на той стороне. У меня есть кадры.

У адвоката вдруг пропал голос. Макс буквально

въяве увидел, как тот трясет головой, пытаясь уяснить, что к чему.

— Ты уверен?

— Да. Уверен.

— И что нам делать дальше?

Ответ был кристально ясен.

— Нужно ехать в магазин электротоваров.

* * *

Они вытащили владельца магазина прямо из постели и с ходу купили мотор-генератор, два галлона бензина, вольтметр, строительную электродрель мощностью в полторы лошадиные силы и еще ряд мелочей, а потом отвезли все это в Купол. При помощи дрели Макс внедрился в заднюю стену строения.

Внутри стены обнаружилась полость, занятая плоским прямоугольным кристаллом, смонтированным в рамке, размером приблизительно со стандартную монтажную плату и толщиной в четверть дюйма. В прозрачном веществе кристалла виднелось несколько крохотных выжженных точек. От кристалла к пиктограммам шли провода с цветовой разметкой.

— Наверное, это распределительный щит, — предположил Макс.

— Нам эту штуку ни за что не починить, — с ужасом посмотрел на него Арки.

— Это зависит от того, в чем проблема. Если что-то случилось с интегральной схемой, прошитой в кристалле, то мы, пожалуй, бессильны. Но может статься, там просто отошел какой-нибудь контакт. Или питание накрылось. — Макс пожал плечами. — Я бы не взялся сооружать нечто подобное, но с виду эта схема не так уж сложна.

— Вряд ли причина в питании. Если там нет источника энергии, то Эйприл ни за что не попала бы в место назначения.

— Пожалуй, что так, Арки. Но кто его знает? Давай посмотрим, что еще у нас тут имеется. — И Макс принялся копаться позади кристалла.

Там обнаружилась еще связка кабелей — один уходил в пол, другие загибались вверх. Несколько кабелей были связаны в пучок.

— Один из них наверняка идет к источнику питания, — сказал Макс. — А этот пучок, готов побиться об заклад, приводит в действие сам транспортный механизм — уж и не знаю, где он и как устроен.

— Тут с ходу не разберешься, куда они все идут, — заметил Арки.

— Ничего, мы попробуем срезать на пово-

ротах. — Макс встал коленями на резиновый коврик, взялся за кабель, предположительно идущий от источника тока, и осторожно потянул. К его великой радости, кабель отсоединился очень легко, открыв электрический разъем, словно контакты только вчера почистили и смазали. — Порядок. Дай-ка мне вольтметр!

Но добраться до кабеля оказалось не так-то просто, и в конце концов Максу пришлось расширить отверстие. Но зато результат оказался обнадеживающим.

— Постоянный ток, — сообщил Макс. — Восемьдесят два вольта.

— Странное число, — проронил Арки.

— Сомневаюсь, что они играют в эти игры по нашим правилам.

Арки залил бензин в бак генератора. Потом при помощи регулятора выставил напряжение, разделал покупной кабель и скрутил концы проводов так, чтобы они подходили к разъему, находящемуся с задней стороны кристалла. Макс нажал на стрелку, и та засветилась.

— Порядок, — подытожил он. — Пожалуй, пора попытаться поймать пулю зубами.

В глубине души он отчасти надеялся, что ничего не получится, и тогда можно будет со спокойной

совестью отказаться от попытки последовать за Эйприл. Но теперь его приперли к стенке, и настало время Максу задуматься, хватит ли у него духу встать на решетку.

Отключив генератор, он подстыковал к разъему родной кабель, затем поставил генератор на решетку, пристроил рядом инструментальный ящик и взял большой адвокатский блокнот.

— Ох, не нравится мне все это, — вздохнул Арки. — Если что-нибудь пойдет не так, я рискую лишиться лицензии. — Он открыто улыбнулся Максу, и тут Макс внезапно понял, что заслужил уважение адвоката, и на душе у него сразу как-то полегчало. — А зачем бумага-то?

— Для связи. — Макс продемонстрировал толстый черный фломастер. — Если мы там застрянем, а эта штука не сработает, я вывешу записку.

Неуклюже вскарабкавшись на решетку, он зажмурился. Потом медленно открыл глаза.

— Ладно, Арки. Жми на кнопку.

20

... в неизведанные воды,
К далеким и враждебным берегам...

Уильям Шекспир, «Зимняя сказка»

Мир утонул в ослепительном сиянии. Своды Купола стали прозрачными, и сквозь них начал просачиваться голубовато-белый солнечный свет. Лиловые холмы то обретали, то вновь теряли резкость очертаний. Пол вдруг куда-то провалился, и Макс полетел, но не вниз, а словно скользя на планере. Под горло внезапно подкатила волна дурноты. А затем он рухнул на четвереньки на твердь земную.

Прямо перед ним красовалась эмблема «Миннесотские Близнецы». Куртка висела на отломанной ветке, установленной у стеклянной стены.

Он оказался внутри Купола близ вершины невысокого холма. Со всех сторон его обступал лес, промелькнувший перед глазами, когда переход только начался — вот только теперь он стал подлинным, хотя и ни чуточки не похожим на земные леса.

Зелени не было и в помине — растительность

предпочитала темно-лиловые оттенки. Деревья, похожие на людей, ослушавшихся богов и вросших в землю, украшали громадные белые и желтые цветы. С толстых узловатых ветвей свисали сочные алые и желтые плоды. Землю покрывал толстый ковер листвы.

Солнце касалось горизонта, но понять, что это — рассвет или закат, — было невозможно.

Здешний Купол, сделанный из прозрачного, неокрашенного стекла, чем-то напоминал ультрасовременную беседку. Дверь, в отличие от Купола совсем не потайная, стояла приоткрытой. Уровень пола в беседке оказался на добрый фут ниже, чем уровень земли за ее стенами. И что же сие означает? Что беседка, как и Купол, давно заброшена?

В лесу царила тишина, если не считать жужжания насекомых да изредка раздающегося шелеста крыльев. Где же Эйприл?

Она наверняка никуда не ушла бы отсюда по собственной воле. Неужели ее увели силой? Втянув носом теплый воздух, напоенный сладковатыми ароматами, Макс постарался отбросить эту мысль.

Стоило ему толкнуть дверь, как та рухнула в траву. От неожиданности Макс подскочил, но тут

же засмеялся над собственной пугливостью.

Когда Эйприл прибыла, дверь (очевидно, давным-давно не открывавшаяся) была приперта скопившейся снаружи землей, и Эйприл пришлось снять дверь с петель, чтобы открыть ее.

Макс с некоторой опаской ступил в проем. Крупная птица, хлопая крыльями, пронеслась в высоте и скрылась среди деревьев. Вдали слышался рокот прибоя.

Когда Макс громко окликнул Эйприл, в ответ раздался лишь чей-то стрекот.

Где же она?

Поглядев на спутанную траву и кусты, он окинул взглядом окрестности. У основания холма виднелась прогалина, где кусты росли не настолько густо, чтобы мешать ходьбе. Эйприл могла уйти в любом направлении.

На время отложив эту проблему, Макс вернулся в беседку. Диаметр ее основания доходил футов до двенадцати, а вершина почти равнялась с макушками деревьев. Вместо решетки тут была круглая платформа в точности того же размера, а позади нее высился столб с рядом пиктограмм. Все напоминающие иероглифы трехмерные пиктограммы цвета охры отличались от земных, кроме одной, хотя и были выполнены в том же

стиле.

Исключение же являла оленья голова — билет Макса домой. Он прикоснулся к пиктограмме — сначала легонько, потом надавил.

Ничего не произошло.

Ему представилось, как Эйприл стоит здесь спиной к заклиненной двери и пытается привести транспортную систему в действие.

Макс критически оглядел пиктограммы. Не исключено, что она отправилась на следующую станцию, в другой мир, в надежде, что оттуда, быть может, удастся отыскать путь домой.

Весьма и весьма мрачная перспектива.

Очередной скачок в пространстве мог стать жестом отчаяния. Впрочем, нет: она оставила здесь свою куртку, как бы говоря: «Я здесь. Приди и выручи меня».

Здесь пиктограмм оказалось целых восемь. Пять представляли собой геометрические фигуры, шестая напоминала цветок, а у седьмой имелись крылышки.

Предположительно семь новых пунктов назначения. «Господи Боже, на что же это такое мы наткнулись?!»

Макс еще раз оглядел лес, чтобы убедиться, что никакая тварь не подкрадется к нему сзади, пока

он будет занят. Первым делом надо обеспечить дорогу обратно.

Диск платформы был сделан из чего-то сродни жесткой резине, с округлой выпуклостью посередине.

Открыв инструментальный ящик, Макс достал дрель и принялся пробиваться к электронной начинке столба. Тут это тоже далось нелегкой ценой, и он потратил целых сорок минут, чтобы сделать отверстие, открывающее доступ внутрь. К тому времени уже стало ясно, что на дворе закат, а не рассвет.

Внутри столба обнаружился такой же кристалл, как и в Куполе. Пока что все идет хорошо. Силовой кабель выглядел нормально, и Макс проверил провода, идущие к пиктограммам. Здесь был выдержан тот же принцип, что и на гребне Джонсона: от каждой пиктограммы шел пучок проводов с цветовой разметкой, уходивший в столб. Однако трех кабелей недоставало — три пиктограммы не были подключены вообще ни к чему. К сожалению, оленья голова не принадлежала к их числу.

Поглядев на кристалл, Макс забеспокоился. Если проблема заключается в схеме, можно считать себя покойником.

Высота столба составляла футов десять. Кверху он понемногу сужался, изгибаясь в сторону платформы, и превращался в линзу янтарного цвета. А сзади на столбе была лесенка. Прихватив дрель, Макс вскарабкался по лесенке и проделал отверстие у самой линзы. Пучок проводов здесь разветвлялся, и к штекерам шли одиночные провода. Провод от оленьей головы, белого цвета, отсоединился.

Макс попытался восстановить контакт, затем спустился и вернулся с куском изоленты. Это помогло.

Спустившись, Макс достал блокнот с фломастером и написал:

«Арки,
Я в полном порядке. Эйприл куда-то ушла, я пошел ее искать. Жди.»

Убрав сломанный фонарик, он снял куртку с ветки, сыгравшей роль вешалки, вырвал листок из блокнота и сунул его в карман куртки так, чтобы снаружи демонстративно торчал уголок, и уложил ее на диск. Покончив с этим, он подошел к столбу и, затаив дыхание, нажал на оленью голову. Пиктограмма засветилась, а двадцать три секунды спустя труды Макса были вознагражде-

ны праздничным сверканием над платформой. Когда сияние угасло, от куртки простыл и след.

В десятку!

На следующем листе Макс написал еще одну записку и приклеил ее изолентой к двери:

«Эйприл,

Я здесь. Пошел искать тебя и вернусь с минуты на минуту.

Макс».

Возможно, холм, на котором выстроили беседку, имел отчасти искусственное происхождение — к вершине его шли истертые ступени, почти целиком занесенные землей. Макс осторожно двинулся вниз, в душе жалея, что не додумался прихватить с собой оружие. Полковник ужаснулся бы подобной халатности сына.

Он снова позвал Эйприл, в ответ донеслось лишь эхо.

Макс и боялся за нее, и чувствовал досаду. Ей, конечно, хотелось хоть чуточку обследовать окрестности, и вполне можно понять, почему она не осталась в беседке дожидаться спасателей, которые могли и не прийти вовсе. (Кстати, любопытно было бы знать, насколько она верила в Макса?) Но было бы куда приятнее найти ее

на месте.

В какую же сторону идти?

Вдали слышался неумолчный рокот прибоя.

Скорее всего она ушла именно в ту сторону, как поступил бы на ее месте каждый.

Теперь, когда Макс оказался в лесу, кроны деревьев заслонили небосвод, да вдобавок стало заметно темнее. Хорошо бы отыскать Эйприл и вернуться до наступления темноты. Холм с беседкой главенствует над местностью и потому виден издалека, но ночью тут может прийтись туго.

Макс двинулся в путь. Идти было нетрудно — растительность, хоть и пышная, не настолько густа или высока, чтобы затруднять продвижение. Почва оказалась каменистой, так что Макс время от времени собирал камни в кучку, чтобы отметить дорогу. Животные на глаза ему не попадались, хотя в кустах слышался шорох, а иногда и ветки качались.

По пути Макс обратил внимание, что чувствует прилив энергии. Может быть, дело в погоде. Здесь, под открытым небом, воздух на диво чист и свеж.

Так он шел быстрым шагом около получаса. Начали сгущаться сумерки, растительность поредела. В конце концов дорога вывела его из леса

на широкий пляж. Слева высились сероватo-рыжие скалы, подсвеченные сзади последними отблесками догорающей зари. А впереди до самого горизонта раскинулись голубые воды, и свежий, пропахший солью ветер пощипывал ноздри. Да, пожалуй, от Северной Дакоты сюда путь неблизкий.

Эйприл он заметил почти сразу. Она сидела у самой линии прибоя перед постреливающим искрами костром. Рев и грохот прибоя заглушал все остальные звуки — потому-то Эйприл и не слыхала призывных криков. Взгляд ее был устремлен в морскую даль, так что Макс подошел почти вплотную, когда она его наконец заметила.

И тотчас же вскочила.

— Макс?! Добро пожаловать на тот свет! — Длинная волна обрушилась на берег и с шелестом побежала вверх по песку, угасая. Эйприл протянула было руку для пожатия, но тут же махнула ею и бросилась к Максу в объятия. — Рада тебя видеть.

— Я тоже. Я о тебе беспокоился.

Эйприл льнула к нему, крепко прижимая к себе.

— У меня скверные новости. Домой нам не вернуться.

Макс чуть отстранил ее от себя, чтобы встретиться с ней глазами.

— Как раз напротив. Все работает.

С блестящими от слез глазами Эйприл снова притянула его к себе и поцеловала, прижавшись влажной щекой к его щеке.

Уже заметно похолодало, и немного погодя они присели к костру. Вдоль полосы прибоя, из-за прилива вползающей все выше, летели штук пять птиц с длинными клювами и перепончатыми лапами. Одна из них опустилась позади откатывающейся волны и потыкала клювом в песок.

— А я-то думала, что застряла здесь навсегда, Макс.

— Понимаю.

— Тут чудесно, но я не хотела бы торчать тут вечно. — Она помолчала и вдруг спросила: — А ты уверен? Ты проверял?

— Ага. На все сто процентов.

Уверенность Макса обрадовала ее.

— Мы бы тебя не бросили, — добавил он.

Она протянула ему пакет с сандвичем:

— Арахисовое масло. Больше у меня ничего не осталось.

У Макса со вчерашнего вечера маковой росинки

во рту не было, а за всей этой суматохой с исчезновением Эйприл о еде он как-то и не вспомнил, так что сразу же впился в сандвич зубами.

— Здорово! — Прожевав, он поинтересовался: — Ты знаешь, где мы?

— Явно не на Земле.

Макс подобрался поближе к костру.

— Надо было прихватить твою куртку.

— Ничего, перебьюсь.

Море стало совсем темным, на небе замерцали первые звезды. Сказочный лес высился в отдалении черной стеной.

— Любопытно, кто здесь обитает? — вымолвил Макс.

— Я никого не видела. По-моему, этой транспортной системой давным-давно не пользуются.

— Ты твердо уверена? — Макс не отрывал взгляда от набегающего на берег пенного вала. — Это не Земля? Трудновато переварить такое с ходу.

— Да ты оглядись по сторонам, Макс! Да и сила тяжести не та. Здесь она вроде бы поменьше. — Эйприл пристально взглянула на него. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. Во всем теле необыкновенная легкость.

— А солнце ты видел?

— Да.

— Это не наше светило.

Она не стала развивать эту тему, а Макс предпочел ничего не отвечать.

— Надо возвращаться. — Он посмотрел на часы. — Арки будет беспокоиться.

Она кивнула:

— Отчасти мне даже не хочется возвращаться. Почему бы нам не провести эту ночь здесь? Вернуться можно и завтра.

Лишь пару часов спустя до Макса дошло, что в этом предложении мог содержаться намек. Все это происшествие настолько выбило его из колеи, что мыслить связно он не мог.

— Надо известить наших, что с нами ничего не случилось.

— Ладно.

В небе будто включили праздничную иллюминацию, там вспыхнули миллионы костров, осветивших море и не давших ночи раскинуть над землей черное покрывало. Гребни волн засверкали. Появились грозовые тучи, и Макс изумленно воззрился на них, потому что их тяжкие утробы оказались полны звезд.

— Странно, — проронил он. — Минут пять назад небо было совершенно ясным.

— Сомневаюсь, что эти облака находятся в атмосфере, — шепнула в ответ Эйприл.

Макс нахмурился.

— Погляди. — Она широким жестом обвела горизонт, над которым зависла грозная туча, пронизанная текучим светом и бесчисленными бело-голубыми искорками. — Я уже видела подобное облако.

Максу силуэт этого грозового облака тоже показался знакомым — уж больно оно напоминало шахматного коня.

— По-моему, это туманность Конская Голова.

— Мне кажется, ты прав, Макс. — Голос Эйприл дрожал. Она встала и двинулась к полосе прибоя.

Макс провожал ее глазами, прислушиваясь к треску костра и мерному рокоту волн, накатывающихся на берег. Пожалуй, в самый первый раз с тех пор, как девочка погибла в пылающем самолете, в душе Макса воцарились мир и покой.

21

Ты жуткий посланец Земли в Небесах...

Сэмюэл Тейлор Колридж,
«Гимн перед рассветом»

Лондон, 14 марта (Би-би-си нью сервис).

Возросшее в последнее время число убийств на работе в Великобритании, вероятно, можно отнести на счет событий на гребне Джонсона, заявил в своей статье в «Экономисте» промышленный психолог Тимоти Клейтон. «Люди боятся лишиться работы даже сильнее, чем во времена Великой депрессии, – утверждает он. – Они не знают, кто в этом виноват, но все чаще и чаще вымещают злобу на начальниках, секретарях, разносчиках газет и вообще на любом, кто попадется на пути».

*** * ***

Пятеро членов совета племени — четверо мужчин и женщина — сидели в ряд за длинным

деревянным столом перед залом. Позади них украшало стену знамя Мини Вакан Ойяте и щит сиу Дьявольского озера с подобающими ему изображениями черепа бизона и восходящего солнца. Почетное центральное место занял губернатор Ходок.

Зал был битком набит журналистами и фотографами, так что для членов племени места почти не осталось. Но некоторые из них все-таки ухитрились втиснуться внутрь, в то время как остальные предпочли дожидаться в коридорах и за стенами Синего дома. Настроение царило приподнятое, и когда Уэллс вышел вперед, даже кое-кто захлопал в ладоши.

— Губернатор, — сказал он, — и многоуважаемые члены совета. Как вам известно, я представляю интересы людей из Национального энергетического института, которые надеются, что им будет позволено исследовать археологическую находку на гребне Джонсона и сохранить ее для будущих поколений. Для того, чтобы осуществить эти работы, мы предлагаем заплатить Мини Вакан Ойяте в обмен за их землю двести миллионов долларов.

Толпа затаила дыхание. Начались было неуверенные аплодисменты, но Ходок тут же постучал

молотком, требуя тишины. Довольный собой, Уэллс улыбнулся, достал какое-то письмо и заглянул в него.

— Однако мое руководство поручило мне проинформировать вас, что некоторые из наших инвесторов сомневаются в целесообразности подобного использования их средств и грозят отозвать их. Наше предложение может быть аннулировано в любой момент. — Он сложил письмо, сунул его обратно в карман и с видом чрезвычайной озабоченности продолжал: — Леди и джентльмены, берите деньги, пока их вам дают. Может так случиться, что, едва я выйду из этого зала, обстоятельства могут кардинально перемениться.

— Спасибо вам, доктор Уэллс, — кивнул губернатор. — Совет искренне признателен вам за то, что вы пришли сегодня вечером и обратились к нам.

Уэллс сделал полупоклон и сел.

— По этому вопросу у нас в повестке дня стоит выступление еще одного лица. — Губернатор посмотрел направо, где вместе с Арки сидели Эйприл и Макс. — Доктор Кэннон, прошу.

Эйприл, одетая в темно-синий деловой костюм и туфли на высоких каблуках, глядела с побед-

ным видом, словно только что открыла средство от рака.

— Уважаемый губернатор, — начала она, — уважаемые члены совета! Двести миллионов долларов кажутся большими деньгами...

— Это и есть большие деньги, — поправила ее пожилая женщина из переднего ряда.

— ...но сегодня произошло событие, в корне изменившее стоимость вашей земли. — Эйприл выдержала эффектную паузу. — Купол является воротами. Это дорога к иным мирам.

Зал никак не прореагировал, и Макс понял, что смысл сказанного не дошел до сознания аудитории. Даже представители прессы ожидали продолжения.

— Сегодня утром мы вдвоем вошли в это здание и вышли на другой планете. Это означает, что в Куполе таится секрет мгновенного переноса сквозь пространство. Существует способ, позволяющий любому из нас отправиться в Фарго, в Лос-Анджелес или в Китай в мгновение ока.

Будто электрический ток пробежал по аудитории. Запыхали блицы, откуда ни возьмись в руках корреспондентов появились сотовые телефоны.

Ходок застучал своим молотком.

Следуя совету Арки, Эйприл описала планету, находящуюся с той стороны Портала, — юный край девственных лесов и морей, озаренных светом звезд.

— Более того, — продолжала она, — мы считаем, что этот выход — не единственный. Возможно, другие ворота ведут в новые леса. Это нам пока не известно. Но нам известно наверняка, что в распоряжении Мини Вакан Ойяте оказался мост, ведущий к звездам. Не стоит продавать его за какие-то несколько миллионов долларов. Не стоит продавать его даже за несколько миллиардов. Он стоит несравненно больше.

Она села, и в зале воцарился хаос. Прошла добрая минута, прежде чем губернатору удалось восстановить хотя бы относительный порядок.

— А теперь, — сурово провозгласил он, — мы бы хотели заслушать прения по данному вопросу.

Следующей встала Андреа Ястребица:

— Я бы хотела напомнить совету, что речь идет о двухстах миллионах долларов. Я знакома с Эйприл Кэннон и рада за нее. Если ворота, о которых она толкует, действительно существуют, то они имеют громадное значение. Но для будущего. Сегодняшние же факты таковы, что среди нас есть люди, бедствующие именно сейчас. С таки-

ми деньгами мы можем очень многое сделать и для себя, и для своих детей. Я заклинаю совет не упускать подобную возможность.

За ней высокий мужчина в кожаной куртке поведал притчу о койоте, пожелавшем слишком многого и оставшемся ни с чем.

Один за другим люди вставали, чтобы рассказать о подростках, вставших на дурной путь, о мужчинах и женщинах, погубленных наркотиками, о том, каково быть обездоленным представителем богатого общества. Все это время Уэллс с ханжеским благочестием взирал в потолок.

— Окружающий свет, — заявил старик лет девяноста, — вспоминает, что мы здесь есть, только когда ему чего-нибудь от нас надобно. Но сколько бы они ни предложили, они все едино стараются нас объегорить. Так что вы уж будьте поосмотрительнее.

И это было самое обнадеживающее замечание из всех, пока не встал Арки.

— С горечью слушаю я то, что говорится тут сегодня вечером, и тревожусь за свой народ. Снова повторяется старая история: белый человек предлагает нам деньги, а мы и рады побыстрее за них ухватиться, даже не обращая внимания

на суть сделки.

Описанные вами проблемы проистекают не из отсутствия у нас денег. Скорее причина в том, что мы утратили собственное наследие. Мы забыли, кто мы и кем могли бы стать. Говорю я вам, братья и сестры, если мы еще раз поддадимся соблазну, то лучше уж нам не увидеть следующего восхода солнца.

По толпе прокатился ропот. Журналисты протягивали вперед диктофоны, направляли на адвоката телекамеры, чтобы не упустить ни единого слова. Арки снова обернулся к совету:

— Мы можем увидеть новый мир. Быть может, настал час прекратить тщетные попытки прижиться на клочках земли, которые пожалованы нам бледнолицыми, будто милостыня. Быть может, настал час поступить так, как поступили бы наши праотцы. Давайте удержим в своих руках лесной мир, открытый Эйприл Кэннон. Давайте попытаемся сделать его своим. Таков выбор, стоящий перед нами сегодня: или взять деньги у этого человека, или начать жить так, как нам завещано.

Как только совет удалился на совещание, пресса набросилась на Эйприл. Пока она отвечала на вопросы, Макс отвел Арки в сторонку:

— По-моему, ты не убедил собравшихся.

— А я и не пытался, — улыбнулся адвокат. — Я глядел в их сторону, но говорил с воинами былых дней.

* * *

Дьявольское озеро, Северная Дакота, 15 марта (АП)

Совет племени сиу Дьявольского озера сегодня отверг двести миллионов долларов, предложенные консорциумом деловых предприятий за участок земли на гребне Джонсона, где проводятся пресловутые раскопки. Их действия, видимо, обусловлены открытием так называемого звездного моста. (См. передовицу, выше.) Отмечены волнения среди членов племени. Сегодня небольшая группа провела здесь демонстрацию протеста, и полицейские принимают меры по предотвращению беспорядков в случае новых выступлений...

* * *

Они совершили путешествие сквозь Врата еще раз, прихватив с собой репортеров, пустившихся в путь без особого рвения. И в ту же ночь страну охватила «Купольная лихорадка», как окрестил это явление Джей Лено. Первые полосы всех газет занимали фотографии пляжа с туманностью Конская Голова над горизонтом и людей, исчезающих во вспышке золотого сияния. А по мере того как рассвет двигался по планете все дальше на запад, Купол и девственный мир становились сенсацией номер один повсюду.

Охрана тотчас же была усилена. Начали прибывать, по большей части на вертолетах, крупные шишки из ведущих университетов, исследовательских организаций, государственных и федеральных учреждений. Время от времени наведывались иностранные сановники, и в какой-то момент вконец истерзанный Макс вдруг осознал, что его только что представили президенту Франции. Эйприл подготовила слайд-фильм, в котором демонстрировалась яхта Тома Ласкера, результаты различных испытаний материалов, пошедших на постройку яхты и Купола, первые этапы раскопок и ночные виды Купола,

снятые с воздуха.

К тому времени Эйприл уже разрешили уволиться из Колсоновского института. Она по-прежнему оставалась единственным на раскопках человеком, хотя бы отчасти обладающим квалификацией, необходимой для общения с различными специалистами. (Список очередников, желающих посетить Купол, а заодно и новую планету, уже разросся до четырехзначных чисел.) Шестнадцатого числа она провозгласила, что через десять дней будет созван комитет из видных ученых, чтобы наметить исследовательские подходы и принципы. Самыми насущными вопросами, поставленными перед комитетом, будут: «Как нам быть с планетой по ту сторону моста?» и «Как нам подготовиться к первому контакту?»

* * *

«Коламбус, Огайо, 16 марта.

Президенту Мэттью Р. Тейлору

Белый дом, Вашингтон, округ Колумбия 20003

Дорогой президент Тейлор,

Я знаю, что вы очень заняты, но надеюсь, у вас найдется время, чтобы помочь

моему папе. На прошлой неделе он лишился работы на бумажной фабрике. То же самое случилось и еще у некоторых других ребят.

Я учусь в пятом классе школы имени Теодора Рузвельта и сказал кое-кому из друзей, что хочу написать вам. Мы знаем, что вы поможете.

Спасибо.

Ричи Викерсхэм».

* * *

Эйприл Кэннон собралась закатить обед — для Макса, для Ласкеров и для Арки, — чтобы отметить благоприятный исход голосования совета, все-таки отклонившего предложение Уэллса. Но она не рассчитывала на побочные эффекты перехода из разряда человека, пользующегося некоторой известностью, в число международных знаменитостей.

Как только пейзажи девственной планеты, отснятые сборной телегруппой, облетели мир, всякая возможность анонимности для нее и для Макса развеялась в прах. Репортеры объявились в «Голубом свете» в Графтоне, пока посетители еще

толпились вокруг их стола и просили автографы.

В «Фургоне первопроходцев» репортеров оказалось еще больше. В конце концов Эйприл со товарищи пришлось отправиться к Ласкерам и устроить импровизированную пресс-конференцию на веранде. Когда Эйприл, надеясь наконец-то избавиться от толпы, предложила закруглить торжество, Макс вдруг воспротивился.

— Мы открыли им лишь полуправду, — сказал он. — Давай выложим все. Это не будет стоить нам ничего, зато мы заслужим их благосклонность. А уж она-то может нам еще пригодиться.

По замыслу Макса его обращение к журналистам должно было послужить своеобразным транквилизатором, этаким расплывчатым высказыванием о том, что некто оставил неоценимый дар всему человечеству. Но когда он предстал перед многочисленными объективами и микрофонами, эмоции взяли верх. (Пожалуй, он к тому моменту уже хлебнул лишнего, не настолько много, чтобы сойти с рельсов, но достаточно, чтобы ослабить тормоза.)

— Все вы видели пейзажи нового мира, — провозгласил он. — Но фотографии и даже видео не способны по-настоящему передать чувства, охватывающие человека на этой планете. Море

там теплое, пляж просторный, и, подозреваю, скоро выяснится, что фрукты съедобны. Мне повезло встретить на берегу красивую женщину, и я не так уж рвался обратно в Северную Дакоту. — Журналисты рассмеялись. Эйприл встретилась с ним глазами и улыбнулась, но, видимо, поняла, куда он клонит, потому что ее губы беззвучно произнесли «Нет». Однако было уже поздно. — Подобного места вы не отыщете нигде. Это чистейшее чудо. — Он поглядел за окно, где по равнине гуляла метель, наметая сугроб на углу амбара, и проронил: — Это Эдем.

И уже через несколько минут все сколь-нибудь значимые телестанции прервали свои программы ради экстренного выпуска новостей.

Преподобный Уильям (Старина Билл) Эддисон, в прошлом водитель грузовика, занимавшийся доставкой пива, в прошлом продавец недвижимости, в прошлом системный аналитик, а ныне основатель и движущая сила программы телепроповедей, называемой им «Проект сорок» — по числу лет, проведенных иудеями в пустыне, а также по логотипу телевизионного канала, транслирующего его передачи. Заодно он служил пастором Церкви Добровольца в Уитбурге, штат Алабама. Вера Билла была вполне искренней. Он

веровал в то, что конец близок, он веровал, что люди по природе своей чертовски испорчены и нуждаются в помощи свыше на каждом шагу, а еще он веровал, что Билл Эддисон являет собой исключение из общего правила.

Он был раскаявшимся грешником. Он был бабником. Он познал зло алкоголя, в свои юные годы в Чаттануге он заводился с пол-оборота. Он декларировал свою непокорность любым властям, даже духовным, во всех доступных формах.

И все с ним произошло точь-в-точь как с Павлом — дорога привела его прямиком к Господу. Правда, в случае Билла этой дорогой оказалось шоссе №1-95. Однажды дождливым днем Билл направлялся в Джексонвилль, намереваясь провести ночь в компании блудницы, когда его машина утратила управление и скатилась в кювет. Машина взорвалась, и Билла отшвырнуло под дерево, стоявшее футах в ста от места аварии. Но за десять минут, прошедшие от момента взрыва до прибытия полиции, Господь воззвал к Биллу и наделил его высокой миссией. Теперь эта миссия от маленькой церквушки на южной окраине Уитбурга распространилась на сто одиннадцать телевизионных ретрансляторов не только в Штатах, но и в Канаде.

Наутро после необдуманной реплики Макса Билл разглагольствовал на эту тему перед своей телевизионной паствой. Он стоял посреди забитой книгами студии, обычно используемой им для того, чтобы придать своим нравоучениям блеск высокой учености.

— Вчера ночью, — вещал он, — мне не спалось, уж и не знаю почему. Обычно я засыпаю без труда, братья и сестры мои, ибо никогда не ложусь в постель с отягощенной совестью. Но вчера ночью что-то мешало мне уснуть. И я задался вопросом, не хочет ли некто воззвать ко мне.

Я вовсе не утверждаю, что это был Бог. — Последнее слово он произнес так, будто в нем было два слога. — Слушайте внимательно, друзья мои. Я не утверждаю, что это был Бог. Но, как говорит Святой Павел в Послании к Римлянам, настал уже час мне пробудиться ото сна.

Я спустился в гостиную и немного почитал. В доме царила тишь. И я включил телевизор, Си-эн-эн, дабы человеческий голос сопутствовал мне в моем уединении.

Если нынче утром вы читали свою газету или смотрели программу новостей, то вы знаете, что я узрел. Ученые утверждают, будто они отыскали дверь в новый свет. Я смотрел, затаив дыхание.

Показывали пейзажи нового света, его бескрайние пурпурные леса и синие моря. И нависшие над ним небеса.

И я не ведаю, на что мы набрели в попытке утолить свое ненасытное любопытство. Но это не может не встревожить всякого доброго христианина. Поначалу я думал, что все это розыгрыш, но подобную ложь легко раскрыть. И тем из вас, кто спросит, я отвечу: да, я верю, что репортажи, полученные из Северной Дакоты, — чистейшая правда.

Кое-кто из вас может вдобавок спросить: «Преподобный Билл, а как вы относитесь к этим новостям? Что это за штуковина, которую они кличут Куполом?» Ответы мне неведомы. Но я поделюсь с вами своими подозрениями и расскажу, почему считаю, что сии Врата надобно запереть на вечные времена.

Эти ученые в общем и целом — безбожники. Но один из них, похоже, каким-то чутьем угадал то, что я считаю непогрешимой истиной о земле по ту сторону дакотского моста. Этот край очаровал его, он сказал, что с удовольствием остался бы в его мирных лесах. И назвал его Эдемом!

Братья и сестры мои, я возглашаю вам, что это именно так! Что частичкой души этот человек,

будь он даже атеистом, а он почти наверняка и есть атеист, какой-то глубоко схороненной живой частичкой души своей он узнал давно утраченную родину и возжелал, нет, взалкал возврата!

Мы знаем, что Господь не уничтожил Эдем. Быть может, Он хотел, дабы тот сохранился в назидание и напоминание нам о том, что мы утратили, как дорого обошлась нам наша самонадеянность. Не ведаю. Никто не ведает.

Верующие уловили намек и хором возгласили «Аминь».

— Вы можете заявить: «Но, преподобный Билл, в Библии не упоминаются ни пурпурные леса, ни странное облако». Но это ничему не противоречит! Там сказано, что Господь Бог сотворил два светила великие, одно для управления днем, а другое для управления ночью. Но сказано ли там, что второе светило — наша нынешняя луна, а не то великое облако, что мы узрели нынче по телевизору?

Братья и сестры мои, говорю вам: мы идем на ужасающий риск, ступая обратно сквозь эти Врата. Если это действительно Эдем, то мы поступаем вопреки воле Всемогущего.

* * *

Экрон, Огайо, 17 марта (ЮПИ)

Шинная компания «Гудьир» сегодня опровергла слухи о том, что массовые увольнения, произведенные на прошлой неделе, каким-либо образом связаны с открытиями на гребне Джонсона. «Это смеху подобно, – заявил представитель компании. – У нас ведется перестройка и реорганизация. Но мы уверены, что в нашей стране шины всегда будут пользоваться высоким спросом».

К текущему часу фондовый рынок упал на 650 пунктов. Наибольшие потери отмечены в автомобильной и самолетостроительной промышленности. Аналитики объясняют взлет уровня продаж страхом, что не за горами техническая революция принципов транспортировки, связанная с освоением техники Купола.

В Бостоне «Юнайтед текнолоджиз» сегодня опровергли слухи о том, что планируются массовые увольнения.

(Из полуденного выпуска новостей

Си-эн-эн)

* * *

Джереми Карлуччи от волнения едва дышал. Он любил говорить людям, что он астроном, еще с четырехлетнего возраста, когда впервые увидел Марс и Венеру с открытой веранды дедушкиной фермы на севере Кеноши[14]. А сейчас близится конец его долгой и славной карьеры.

И вот теперь он стоит на песке пляжа в пяти тысячах световых лет от Кеноши, под ночным небосводом, сверкающим алмазами и звездными вихрями. Громадные текучие облака под Конской Головой озарены внутренним огнем, будто летняя молния, замороженная в полете ужасающим холодом межзвездных бездн.

— Как величественно! — выдохнул кто-то позади него.

На востоке восходил укутанный туманным облаком шар.

Юные гиганты звездного класса А особенно потрясающи. Туманности — колыбели новых звезд. Восторг Джереми достиг такого накала, что ему хотелось издать торжествующий вопль.

---

[14] notes: 14
город на озере Мичиган

— Надо построить здесь обсерваторию, — шепнул он Максу.

— Постоянная Хаббла, — вымолвил Эдуард Баннерман из Института фундаментальных исследований. — Вот что должно стать нашим первым приоритетом. Надо выяснить, как увеличить ворота, чтобы пронести сюда необходимое оборудование.

Ветер раскачивал кроны деревьев, а с моря накатил пенный вал, обрушившийся на берег и заструившийся вверх по пляжу.

Баннерман — миниатюрный, с резкими чертами лица и редеющими седыми волосами — проследил взглядом за волной, потом поднял глаза к Конской Голове.

— А ведь до гребня Джонсона отсюда меньше двух миль, — заметил он.

Волна потеряла разбег и ушла в песок.

— Это абсурд, — продолжал он. — Что же стряслось с фундаментальными законами физики?

* * *

ЧУДО В СЕВЕРНОЙ ДАКОТЕ
Врата работают.

Команда из одиннадцати человек побывала сегодня на поверхности планеты, находящейся, по утверждениям астрономов, в тысячах световых лет от Земли...

(Передовица «Уолл-стрит джорнэл» от 18 марта)

Есть ли люди в Эдеме? Если да, то мы можем вскоре услышать о них. Те, кто построил мост между Северной Дакотой и туманностью Конская Голова, вероятно, проявят еще меньше понимания, чем коренные американцы в те дни, когда их земли полетели в тартарары...

(Майк Тауэр, «Чикаго трибьюн»)

* * *

Тони Питерс покинул свой кабинет в здании администрации сразу же после закрытия бирж. Лицо его приобрело землистый оттенок, и чувствовал он себя так, будто вмиг состарился не на один десяток лет. Когда он вышел на Западное Административное авеню, вдруг зазвонил его сотовый телефон.

— С вами хочет поговорить *сам*, — сообщила секретарша. Президент на выходные уезжал в Кэмп-Девид. — Вертолет сядет на лужайку минут через десять.

Питерс догадывался, что разговор состоится. Он устало проволок свой портфель сквозь толпы протестующих на Пенсильвания-авеню («Разбомбить Купол!») и вошел через центральные ворота в то самое время, когда военный вертолет начал снижаться. В глобальной экономике случилось непредвиденное. И в голову Питерсу пришло лишь одно-единственное предложение для президента.

— Мир нужно переубедить, — говорил Питерс полчаса спустя в присутствии полудюжины советников. — Колеса ушли с рынка прошлой осенью потому, что люди возмечтали, будто автомобиль не будет изнашиваться каждые пять лет. Теперь они считают, что автомобили могут вообще исчезнуть, и самолеты с лифтами заодно. А также шины, радары, карбюраторы и бог ведает что еще. Ткните пальцем в любой предмет, и окажется, что он как-нибудь да связан с транспортом.

Люди, сидящие за столом для совещаний, беспокойно заерзали. Вице-президент — высокий,

седеющий, мрачный мужчина — не поднимал глаз от блокнота. Государственный секретарь — бойцовый пес от юриспруденции, якобы пребывающий на грани подачи заявления об отставке, потому что Мэтт Тейлор предпочитает сам быть собственным госсекретарем — сидел, подперев голову кулаками и закрыв глаза.

Президент посмотрел на Джеймса Сэмсона, секретаря казначейства.

— Согласен, — отозвался тот. Желания продолжать он не изъявил, так что президент пометил что-то в книжке в кожаном переплете, всегда лежавшей у него под рукой, и постучал карандашом по столу.

— Если принять, что это устройство действительно работает и может быть приспособлено для обычных путешествий, каковы будут последствия для экономики?

— Теоретически, — сказал Питерс, — технический прогресс всегда идет на пользу. В конечном счете мы получим грандиозные выгоды от разработки дешевого и практически мгновенного метода перемещения в пространстве. Насколько я понимаю, для работы оборудования требуется не больше электричества, чем для обычного телевизора. Выгоды очевидны.

— А в ближайшем будущем?

— Не обойдется без некоторых неурядиц.

— Некоторых неурядиц? — цинично усмехнулся Сэмсон, тщедушный, выдохшийся, быть может, стоящий на краю могилы. Он оказался не прав, уверяя президента зимой, что Куполу не стоит придавать значения, но тем не менее коллеги продолжали считать его самой светлой головой в администрации. — Хаос — было бы ближе к истине. — Голос его дрожал. — Или крах. Катастрофа. Как кому больше нравится. — Он кашлянул в носовой платок. — Не забывайте, господин президент, нас, здесь присутствующих, не волнует, что будет лет через десять. Если пустить это дело на самотек, то, может статься. Соединенные Штаты не уцелеют и не успеют получить эти самые выгоды. А уж президента Тейлора не будет ни в коем случае. — Он зашелся в кашле, резко оборвав тираду.

Тейлор кивнул:

— Будут еще мнения? Адмирал?

Адмирал Чарльз (Бомбардир) Боннер — председатель Объединенных штабов. Обликом своим он буквально олицетворяет типичного представителя офицерской верхушки: высокий, деловитый, в безупречно отутюженном кителе. Хотя ему уже

перевалило за шестьдесят, он до сих пор смотрится молодцом. А легкая хромота при ходьбе осталась ему в напоминание о крушении самолета во Вьетнаме.

— Господин президент, — начал он, — это устройство, если оно существует, скажется на обороне весьма пагубным образом. Если снаряжение такого рода станет общедоступным, возникнет реальная возможность перебросить ударные группировки — а то и целые армии — в самое сердце любой страны мира. Без всякого предупреждения. И вряд ли найдется защита против подобного вторжения. Все, что для этого понадобится, — только собрать приемную станцию. — Он огляделся, оценивая, произвела ли его речь желаемое воздействие. — Ни одно место на земле, куда можно добраться пикапом, более не гарантировано от вторжения штурмовых отрядов.

Тейлор лишь вздохнул:

— Вы предлагаете, чтобы мы присвоили это устройство, адмирал? И что дальше?

— Я предлагаю уничтожить его. Господин президент, военные тайны не вечны и даже не слишком долговечны. Когда эта штука появится в чьем-либо арсенале, а такое непременно слу-

чится, отпадет всяческая нужда в носителях, как стратегических, так и тактических, а заодно и во всем остальном, что у нас имеется. Отправляйтесь туда, выкупите эту чертову землю у краснокожих, если удастся, отнимите, если придется, но непременно отправляйтесь туда, возьмите эту штуковину и обратите ее в груду лома.

Гарри Итон, глава администрации Белого дома, покачал головой:

— Сиу предлагали за эту землю двести миллионов, и они только что отвергли предложение. Вряд ли они вообще захотят ее продать.

— Предложите миллиард, — подал голос Ролли Грейвс, директор ЦРУ.

— Сомневаюсь, что они продадут ее, — повторил Итон. — Но даже если продадут, дело это весьма скользкое. Дайте им миллиард, и пресса в самый день выборов поинтересуется, что получили налогоплательщики за свои денежки. И что же мы им скажем? Что сделали это, чтобы защитить «Дженерал моторе» и «Боинг»?

— Меня как-то мало волнует, что вы им скажете, — огрызнулся Боннер. — Подобное оборудование превращает все ракетные войска разом в груду металлолома. Подумайте об этом, господин президент.

Марк Аннойк, министр внутренних дел, в чьих жилах течет эскимосская кровь, подался вперед:

— Нельзя просто так взять и отнять у них землю. Это равноценно политическому самоубийству. Боже мой, да нас тут же обвинят в том, что мы снова ограбили коренных американцев. Могу представить себе, какими будут заголовки газет!

— Распрекрасно можно отнять ее у них, — отрезал Итон. — И сразу же следует устроить какой-нибудь несчастный случай, который разнесет эту чертову будку к чертям!

— Согласен, — поддержал его Боннер. — Надо прикрыть ее, пока можно.

Элизабет Шумахер, советник по науке, сидела в дальнем конце стола. Эта сероглазая, погруженная в собственные мысли женщина участвовала в стратегических совещаниях крайне редко. Тейлоровская администрация, сосредоточенная только на снижении дефицита платежного баланса, считалась не слишком дружески расположенной к научной общественности. Президент знал об этом и сожалел, но готов был принять на себя роль козла отпущения, лишь бы добиться поставленной цели.

— Господин президент, — произнесла Шумахер, — находка Купола — событие неоценимой

важности. Если вы его уничтожите или позволите уничтожить, то можете не сомневаться, что грядущие поколения никогда вам этого не простят.

Больше она не проронила ни слова, но эта единственная реплика произвела должный эффект.

Переливание из пустого в порожнее тянулось еще часа два. Итон стоял стеной. За спасение Купола выступали только Аннойк и Шумахер. Тони Питерса снедали сомнения, но мало-помалу он склонялся к мнению, что следовало бы попытаться извлечь из гребня пользу, попытав судьбу с экономикой и прочими побочными явлениями, каковые могут проистечь от этой находки. Но, будучи по натуре человеком осторожным и лояльным по отношению к главе государства, он воздержался от рекомендаций принять такой образ действий. Остальные присутствующие упорно стояли на своем: необходимо изыскать способ избавиться от находки.

Когда совещание завершилось, президент отвел Питерса в сторонку:

— Тони, я хотел поблагодарить тебя за сегодняшний вклад в дискуссию.

Питерс кивнул:

— И как же мы поступим?

До сих пор Тейлор никогда не отличался нерешительностью, но сегодня вечером впервые на памяти Питерса не мог прийти к окончательным выводам.

— Хочешь услышать правду? Я не знаю, как поступить. Я думаю, эта штуковина подорвет экономику, и никому не ведомо, с чем мы останемся, когда выберемся из этой передряги. Но при этом я еще и считаю, что Элизабет права. Если я позволю разрушить Купол, историки выпустят мне кишки.

Во взгляде его застыло выражение сильнейшей тревоги.

— Так какую же линию мы изберем?

— Не знаю. Тони, в самом деле не знаю.

* * *

— Слушаем, Чарли из резервации.

— Приветик, Снежная Ястребица. Я хотел высказаться насчет собрания.

— Слушаем.

— Когда я вчера туда пришел, я думал в точности, как ты. Я думал, следует захапать денежки.

— И что же вы думаете теперь?

— Ты видела картинки?

— С той стороны? Да.

— По-моему, Арки прав. По-моему, пора собирать манатки, двигать туда и давить на рычаг.

— Сомневаюсь, что Арки предлагал именно это.

— Предлагал-предлагал, и я его поддерживаю обеими руками. Слушай, Снежная Ястребица, из резервации нам не вырваться ни за какие деньги. Так что пусть оставят свои двести миллионов себе. А мне дайте море и лес!

— Ладно, Чарли. Спасибо, что высказались. Вы в эфире, Мадж с Дьявольского озера.

— Привет, Снежная Ястребица. Послушайте, я считаю, что человек, звонивший до меня, абсолютно прав. Я готова отправляться.

— В дикие леса?

— Точно. Давайте трогаться.

— Ладно. Джек из резервации, ваше слово.

— Эгей, Снежная Ястребица, я ведь тоже там был.

— На собрании?

— Ага. Ты ни капельки не права. Мы можем начать жить по новой, и мы будем офигенным дурачьем, если прошляпим такой шанс. Я за то, чтоб укладываться — и вперед. И уж на сей раз мы европейцев на пушечный выстрел к себе не подпустим. А как зайдем, то сделаем, как сказал

этот, как его там: запрем двери на засов.

22

Наши знания – факел чадящий,
Озаряющий путь лишь на шаг
Среди жути и хлябей зияющих...

Джордж Сантаяна, «Сонет III»

Арки был непреклонен.

— В этот девственный мир не войдет больше никто, пока мы не проникнемся уверенностью, что это безопасно.

— Черт побери, Арки! — взорвалась Эйприл. — Мы никогда не сможем проникнуться уверенностью, что это абсолютно безопасно!

— Тогда, быть может, следует вообще выбросить это из головы. Взять за Купол самую лучшую цену, какую удастся, и предоставить другим беспокоиться об исках.

— Каких еще исках?!

— Исках, которые возбудят против нас, как только какая-нибудь тварь сожрет одного из твоих разлюбезных академиков.

— Никто никого не сожрет.

— Откуда ты знаешь? Ты можешь это гарантировать?

— Конечно, нет.

— Тогда, пожалуй, стоило бы всерьез поразмыслить об этом. — Он перевел дыхание. — Нам надо задаться вопросом, в самом ли деле мы хотим, чтобы вся эта публика слонялась там.

— Они не слоняются. — Эйприл выдержала паузу, чтобы успокоиться и говорить ровным голосом. — Эти люди знают свое дело. Кроме того, нельзя же оставлять Купол себе в единоличное пользование. Мы должны позволить посмотреть на него как можно большему числу людей.

— Тогда позволь спросить тебя снова: а что будет, если кто-нибудь из них погибнет?

— Там нет крупных хищников.

— То есть ты не видела крупных хищников, Эйприл, а это не одно и то же. А как насчет болезней, каких-нибудь диковинных микробов?

— Если они и есть, уже слишком поздно. Мы с Максом побывали там и вернулись.

— Знаю, — сурово взглянул на нее Арки. — До этого мне тоже нет никакого дела. Слушай, пока что все делалось с наскока, а теперь пора взяться за дело всерьез, пока мы не прогорели. Для начала я хочу, чтобы вы с Максом замерили все физические характеристики до единой. Тем временем мы прикроем экскурсии до того времени, когда

Адам не подтвердит, что там безопасно. Хорошо? Я не хочу, чтобы хоть кто-либо входил туда до того. Даже вы.

— Арки, — возмутилась она, — не можем же мы ни с того ни с сего закрыть ворота и объявить, что там опасно!

— Мы только что сделали это, — только и сказал он.

* * *

Адам собрал свою команду, в которую входили Джек Быстрая Нога, Андреа Ястребица, Джон Малый Призрак и еще два человека, не знакомых Эйприл, после чего начал извлекать из ящиков и раздавать автоматические винтовки, гранаты и пистолеты.

— Вид такой, будто вы собрались охотиться на динозавров, — заметила Эйприл.

— Лучше перестраховаться, чем потом раскаиваться, — пожал Адам плечами и дал знак своим людям становиться на решетку, затем нажал на пиктограмму стрелки и присоединился к ним, напоследок сказав Эйприл: — Увидимся вечером.

Он как раз убирал в подсумок запасной магазин, когда они начали таять.

Макс вошел, неся в руках пару желтых воздуш-

ных шариков и свою видеокамеру.

— Я-то не против, — с ходу заявила ему Эйприл, — но это создает нехороший прецедент. И что же нам делать теперь? Посылать вперед спецназ, прежде чем заглянуть в любое другое место?

— Это если другие места вообще есть, — отозвался Макс. — Не знаю. Но по-моему, это не такая уж глупая мысль.

Эйприл хмыкнула, но ничего не сказала.

— Как ты думаешь, строители этой системы там еще есть? — поинтересовался Макс.

Взор Эйприл затуманился.

— Прошло десять тысяч лет. А это срок немалый.

— Может, для них это не так уж и много.

— Может, и так. Но Купол брошен давным-давно. А в Эдеме тоже ни малейших признаков недавних визитов. Тебе это о чем-нибудь говорит?

За панорамным окном виднелись туристы, фотографирующиеся на фоне достопримечательности номер один.

— Любопытно, где эта транспортная сеть кончается? — проронил Макс.

— Мне давно не терпится выяснить это, — с загоревшимися глазами откликнулась Эйприл.

Наружная дверь открылась, в коридоре послышались шаги, и в дверном проеме показался Арки Рыжий Папоротник. Приветственно взмахнув рукой, он стащил куртку, бросил ее на спинку стула и сообщил:

— Поговаривают, что вас собираются сделать почетными членами племени.

— Мне это нравится, — улыбнулась Эйприл.

Насколько Макс помнил, до сих пор подобной чести удостоился только Сэм Хьюстон[15]. Недурная компания.

— Мне тоже, — подхватил Макс.

— А что теперь? — Арки взглядом указал на воздушные шарики.

— Хотим посмотреть, что еще имеется в нашем распоряжении.

Шарики украшала надпись «Форт-Мокси» и изображение Купола. К обоим были привязаны довольно длинные нитки. Макс, будто иллюзионист, готовящийся к фокусу, подтащил два стула и установил их по обе стороны от решетки, вне пределов захвата поля, упиваясь главной ролью в этом представлении. Затем привязал к спинкам стульев один шарик так, что он парил как раз над

---

[15] notes: 15

Сэмюэл Хьюстон (1793-1863) — американский генерал, возглавлявший борьбу за отторжение Техаса от Мексики

центром решетки.

— Что ты затеваешь? — осведомился Арки.

— Мы не хотим заклинить систему, — пояснила Эйприл. — Если мы отправим стул, и никто не снимет его с приемной решетки, пиши пропало: канал для нас потерян. Надо отправить что-нибудь такое, что не останется на месте.

— Хорошо, — кивнул Арки.

— Готов? — спросила Эйприл, остановившись рядом с пиктограммами.

Макс навел резкость на шарик и включил запись.

— Снимаю.

Эйприл нажала на символ колец.

Досчитав до двадцати трех, Макс увидел, как шарик исчез. На пол по обе стороны от решетки упали два куска нитки, будто срезанные ножницами.

— У меня вопрос, — тут же подал голос Арки. — Что будет, если человек не до конца вошел на решетку, когда эта штука активируется? Что, половина его останется здесь?

Эйприл поглядела на него, словно ребенок, которого застали в тот момент, когда он залез рукой в банку с вареньем:

— Хороший вопрос, советник.

Они повторили процедуру с последним символом — скрипичным ключом — и вернулись в дежурку, чтобы оценить результаты.

* * *

Максу казалось, что кольца означают искусственную среду обитания. Уж здесь-то наконец можно встретить кого-нибудь лицом к лицу.

Быть может, так и будет. В кадре второй экспозиции проявилось еще одно изображение — стена с окном. Ничем не украшенная стена наводила на мысль о судне или каком-нибудь военном сооружении. Окно оказалось длинным, заметно длиннее изображения. А по ту сторону, кажется, стояла ночь.

— По-моему, это помещение, — прокомментировала Эйприл.

Сидевший за рабочим столом Арки подался вперед, чтобы получше разглядеть экран:

— И как нам реагировать, если там кто-то есть?

— Скажем «приветик» и улыбнемся, — отозвался Макс.

— По-моему, надо относиться к этому вопросу со всей серьезностью, — нахмурился адвокат. — Послушайте, эта станция, полустанок или что

оно там еще — не работает очень давно. Но это не значит, что брошена вся система. Нам надо решить, как надо себя вести, если кто-нибудь встретится. — Он помедлил, будто не желая развивать эту тему. — К примеру, следует ли нам вооружиться?

Эйприл задумчиво покачала головой:

— Сдается мне, что затевать войну с теми, кто выстроил эту штуку, не стоит ни за что на свете.

— Однако он тоже прав, — вставил Макс. — Следует проявлять осторожность.

— Почему бы нам не посмотреть вторую? — опускаясь обратно в кресло, предложил Арки.

То есть скрипичный ключ. Макс включил на воспроизведение следующую запись.

И снова воздушный шарик начал таять у них на глазах, но на сей раз в качестве фона проступила комната с ковром. Возможно, раньше стены были покрыты панелями, но теперь стояли совершенно голыми. Никакая мебель в кадр не попала.

— Откуда-то падает свет, — отметила Эйприл.

— И что ты об этом думаешь? — поинтересовался Макс.

— Может, это всего-навсего еще один Купол. — Эйприл готова была отправиться в путь хоть сейчас. — Выяснить это можно только одним

способом.

— Думаю, надо отказаться от этой затеи, — немного поразмыслив, отозвался Макс. — Если там действительно кто-то есть, мы только напортачим. Давай воспользуемся твоим комитетом, чтобы придумать, как нам с этим быть.

— Он соберется только через шесть дней. Чем больше информации мы сможем предоставить ученым, тем лучше они смогут справиться со своей задачей. И потом, специалистов какого рода ты хочешь пригласить для подобной работы?

— Я догадываюсь, куда ты клонишь, — прищурился Макс.

— И тем не менее я согласен, — поддержал ее Арки. — Подобных специалистов просто-напросто не существует. Если кому-то придется идти, то для этой роли вполне подойдем и мы, — с упором на местоимении закончил он. Этот акцент не ускользнул от внимания Макса и Эйприл.

— Арки, не обижайся, пожалуйста, — сказала она, — но там адвокат не требуется. Позволь нам сперва самим проверить.

— А вот тут я не согласен. — Он выпрямился, развернул плечи и словно даже вырос. — Должен быть представитель племени.

— Ты шутишь? — приподнял брови Макс.

— Я никогда не шучу, — улыбнулся Арки.

* * *

Макс подготовил дорожный набор, включающий в себя мотор-генератор, ящик с инструментом, два фонарика, две кварты воды и ставший уже традиционным большой блокнот с комплектом черных маркеров.

Одинокий Клен, исполнявший обязанности начальника службы безопасности, пока Адам со своей группой обследовал Эдем, вручил Арки револьвер тридцать восьмого калибра.

— А мне? — тут же встрял Макс.

— А вы владеете огнестрельным оружием? — спросил Клен.

— Вообще-то нет. — Макс не стрелял ни разу в жизни.

— Тогда выбрось это из головы. С пистолетом ты будешь куда опаснее для нас, чем те, кого мы встретим, — сказал Арки и устремил взгляд на Эйприл.

— Я тоже нет, — отозвалась она.

— По-моему, вам следовало бы взять меня с собой, — озабоченно взглянул на них Клен.

— Мы прекрасно справимся сами, — заверил его Арки.

— Это, наверно, чья-нибудь гостиная, — недовольно поморщилась Эйприл. — Вряд ли нам потребуется такая уж большая огневая мощь.

Макс установил свой дорожный комплект посреди решетки и положил рядом лопату.

— Когда мы прибудем, — сообщил он Клену, — я попробую послать лопату обратно. Дайте мне полчаса или около того, на случай, если придется заняться на месте ремонтом. Если к тому времени ничего не произойдет, шлите нам сандвичи.

— Мы вывесим записку, если застрянем, — подхватила Эйприл. — Но пусть за нами никто не идет, если мы об этом не попросим. — Она обвела взглядом спутников. — Верно?

Арки кивнул. Макс тоже, но не столь решительно.

Они втроем ступили на решетку. Клен остановился рядом с пиктограммами и спросил:

— Готовы?

И Эйприл сказала «да».

* * *

В комнате пахло мускусом. Стены покрывала светло-зеленая ткань, украшенная растительными орнаментами. Бледный свет исходил отовсюду, примерно такого же рода, что и в Ку-

поле.

На несколько секунд все замерли неподвижно, оглядываясь по просторной, пустой комнате, в которой очутились. Стояла полнейшая тишина, ниоткуда не доносилось ни малейшего шороха. Решетка у них под ногами по конструкции отличалась от двух других, зато размерами в точности соответствовала им. Ступив на красный ковер, Макс тотчас же испуганно отдернул ногу, когда она начала погружаться.

— Черт побери, что это за пол за такой? — удивилась Эйприл.

Макс сделал еще попытку. Пол выдержал вес его тела, но ходить будет трудновато. Интересно, каким это тварям такой пол кажется удобным?

Свет перед Максом стал ярче.

Комната изгибалась буквой Г, одна сторона вдвое длиннее другой. В торцах короткой части обнаружились два выхода, ведущие в сумрачные коридоры. На стене позади решетки нашелся знакомый комплект пиктограмм, расположенных на панели, укрепленной под углом к стене. На сей раз их оказалось девять — диски с рисунками были вмонтированы в дерево заподлицо. Одна из пиктограмм изображала оленью голову, а остальные восемь не имели аналогов ни в Куполе, ни в

беседке Эдема.

Эйприл разглядывала их довольно долго и наконец промолвила:

— Мир без конца и края.

Макс кивнул, затем положил лопату на решетку и тронул оленью голову. Пиктограмма озарилась теплым светом.

В положенное время лопата исчезла со вспышкой света — но зеленоватого, а не золотого.

— Под цвет интерьера, — одобрительно заметила Эйприл.

— Недурно, — сказал Арки. — Приятно знать, что можно выбраться отсюда по-быстрому в случае необходимости.

Отдельные участки высокого потолка терялись в тени за хитросплетениями балок.

— Воздушного шарика тут нет, — констатировал Арки, но на его лице отпечаталось изумление, и Макс проследил направление его взгляда. В потолке обнаружилось прямоугольное отверстие размером примерно шесть на восемь футов, а в нем просматривалась другая комната. Свет там был включен, но не ярче, чем в этой. И никаких признаков лестницы.

— Вряд ли там кто-нибудь есть, — высказалась Эйприл.

— Наверное, шарик вылетел в верхнюю комнату, — предположил Макс.

Тут оказалось на несколько градусов холоднее, чем в Куполе. Макс застегнул куртку и обернулся к решетке, чтобы собрать снаряжение и отправить его обратно.

— Я чувствую легкость, — объявил он.

— Пожалуй, так оно и есть, — согласилась Эйприл. — Тоже дело в тяготении.

— Значит, мы не на Земле? — уточнил Арки.

Она лишь молча покачала головой.

Адвокат все время переводил взгляд с одного дверного проема на другой и обратно. Оружием он не бряцал, но его правая рука покоилась в кармане куртки.

Окон в комнате не оказалось. Эйприл извлекла фотоаппарат из футляра и сделала несколько снимков. Макс и Арки заглянули в коридоры. Стоило двинуться вперед, как свет начинал загораться перед идущим и гаснуть позади. Ковер оставался все таким же губчатым.

Один коридор кончился тупиком в ромбовидной комнате, другой же миновал ряд пустых комнат, а затем сворачивал под прямым углом направо. И никакой мебели.

Они шли, держась плотной группой.

— Не нравятся мне места с ограниченной видимостью, — проронил Арки. — Предлагаю вернуться.

— Даже не узнав, где мы?! — Эйприл шумно передохнула и поглядела на Макса. — А ты как думаешь, Макс?

Вообще-то Макс с радостью поддержал бы Арки, но ни за что не хотел сознаваться в этом при Эйприл.

— Может, прогуляемся еще немного вперед? — неуверенно предложил он.

— Двое против одного, — улыбнулась Эйприл.

— А я и не знал, что у нас тут демократия, — сделал круглые глаза адвокат. И неохотно согласился: — Ладно уж, попробуем.

Свернув за угол, они увидели новые комнаты и еще одну дыру в потолке. И снова ни окон, ни следов недавнего пребывания.

— Хотя заброшенным этот домик не выглядит, — сказала Эйприл. — Тут ни пылинки. Он просто кажется пустым.

Они свернули налево, и Макс начал рисовать карту.

— И куда же это окна подевались? — спросил Арки.

Макс поморщился: ступать по уходящему из-

под ног полу было не так уж легко, лодыжки уже ныли от неестественной нагрузки.

Коридор привел их в длинную, узкую, как пенал, комнату. Уткнувшийся в свою карту, Макс ступил не глядя и тут же повалился вперед, потому что пола под ногами не оказалось. И лететь бы ему не меньше двух этажей, если бы Эйприл не уцепилась за его куртку, задержав на миг и дав возможность Арки ухватить Макса за плечо. Вдвоем они вытащили его обратно, и Макс без сил опустился на мягкий пол, чтобы справиться с дурнотой.

Дыра в добрых пять футов шириной тянулась во всю длину комнаты. В противоположном конце ее пол как ни в чем не бывало продолжался и вел к дверному проему, открывающемуся в очередной коридор.

Убедившись, что Макс не пострадал, Эйприл опустилась на колени у края дыры и сообщила:

— Это не разрушения. Так это здание выстроено с самого начала. Это шахта.

— Посреди пола? — удивился Арки. — Что за полоумный сумасброд проектировал это здание?

Пути вокруг дыры не было, так что они возвратились и свернули в другую сторону. Но и там продолжали натыкаться на отрезки, лишен-

ные пола, — причем в таком количестве, что дальнейший путь экспедиции определялся этим курьезным феноменом.

По пути они осматривали все комнаты подряд, мало-помалу выяснив, что это и не комнаты в общепринятом смысле, а некие объемы бесконечно варьирующейся формы, — одни чересчур узкие и тесные для человека, другие, подобно комнате с приемной решеткой, неправильной формы, а стены третьих так и вовсе сходились под какими-то произвольными углами, разрушая симметрию пространства.

И никакой мебели, равно как ни малейшего намека на лестницу или прочие средства перемещения с этажа на этаж. Цвет и текстура ковров и стен от комнаты к комнате менялись. Но, что самое странное — ни единого окна; неизбежно напрашивалась мысль, что все это сооружение находится под землей.

Макс был готов протрубить отбой с того самого момента, когда спутники вытащили его из шахты, и теперь лишь дожидался, пока кто-нибудь другой выскажет такое предложение вслух. А тем временем занимался картой, хотя теперь все время смотрел под ноги при ходьбе.

Свет все так же разгорался впереди и угасал

позади, вызывая тревожное ощущение, что кто-то невидимый движется на самом краю поля зрения. Макс начал притворяться, что трудится над картой, а сам тем временем высматривал что-нибудь ненормальное. И немного погодя высмотрел.

— Где? — насторожился Арки. — Ничего не вижу.

— Вон там. — Макс указал на угол, из-за которого они вышли всего минуту назад.

— Я тоже видела, — подхватила Эйприл.

— Что видела? — Арки жестом фокусника извлек револьвер.

— Свет изменился, — пояснил Макс. — Смотри, вон там светлая полоска.

Потянуло легким сквозняком.

Светлое пятно в точности соответствовало их собственному. Прямо на глазах оно заскользило к ним навстречу, будто кто-то крался следом.

— Там ничего нет, — произнес Арки, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Просто свет.

Но они все равно попятились, а свет побежал вперед.

— Макс, ты можешь вывести нас обратно к решетке? — широко раскрыв глаза, спросила Эйприл.

— Вряд ли. — Макс внимательно изучал карту. — Я знаю лишь единственный путь — тот, которым мы сюда пришли. — Он устремил глаза на приближающийся свет.

— Так не пойдет, — возразил Арки.

Они тронулись в прежнем направлении, и адвокат пошел замыкающим.

— Попытайся найти обходной путь.

При первой же возможности они свернули налево в надежде найти еще один перекресток и ускользнуть от коридорной твари. (Потому что к этому времени Макс начал думать об этом явлении, как о твари. Все виденные и читанные фильмы ужасов и книжки про вампиров вдруг очень живо встали в памяти.)

— Знаете, — призналась Эйприл, — я все думаю, что эти ворота будто бы подготовлены для посетителей. Ну, для туристов, что ли. Для гостей, катающихся на яхте по озеру. Да и Конская Голова — это же все местные достопримечательности. Может быть, и эти коридоры тоже.

— И что же это за достопримечательность? — поинтересовался Макс. — Лабиринт, что ли?

— Не исключено. Не знаю. А может, это аттракцион.

Они перешли на быстрый шаг. Бегущий свет не

отставал. В конце концов Эйприл попридержала шаг, обернулась, поравнявшись с Арки, и с наигранной жизнерадостностью поинтересовалась:

— Привет, есть там кто?

Макс стоял позади нее, наблюдая, как нечто приближается, замедляет ход и чуть подается назад. Он как раз боролся с желанием удрать, когда взор его вдруг затуманился, и внезапно Макс увидел Эйприл впереди. Она мерцала, как изображение на экране плохо отрегулированного телевизора, и голова у Макса закружилась. Желудок вдруг подкатил под самое горло, и Макс упал на колено, стараясь одолеть дурноту. Закрыв глаза, он тряхнул головой, но увидел лицо Эйприл, ее шевелящиеся губы, протянутые руки и застывший взгляд. Он смотрел на нее сверху, из-под самого потолка.

— Ну же, Макс, — сказал Арки, поднимая Макса на ноги. — Приди в себя!

Затем Арки схватил Эйприл за плечо и потащил назад. Теперь они отступали в самом спешном порядке.

Пробежав через клиновидную комнату в следующий коридор, они свернули налево, затем направо. В голове у Макса быстро прояснилось — наверное, от хлынувшего в кровь адреналина.

— По-моему, оторвались, — пропыхтел Арки.

Они миновали широкий зал, обогнув шахту по дуге, и задержались у дверей с противоположной стороны. Свет в зале никак не изменился, и Макс попытался привести мысли в порядок.

Ему хотелось отнести искаженное восприятие тех секунд на счет минутной слабости и сосредоточиться целиком и полностью на поиске дороги обратно к решетке. Макс всю жизнь гордился своим умением ориентироваться. Даже в этом лабиринте он ни на миг не усомнился, что знает, куда идти.

— Мы вот здесь, — показал он точку на импровизированной карте. — А надо попасть сюда.

Идти надо было около мили. Макс вывел всех через дверной проем в коридор. А пару секунд спустя они повернули налево и вошли в комнату с решеткой.

По спине у Макса побежали мурашки.

— Этого не может быть, — выдохнул он.

— Макс, ты гений! — У Арки явно отлегло на душе.

— Это невозможно, — потряс головой Макс. — Просто не может быть, чтобы мы оказались в той же комнате.

Они пересекли помещение, беспокойно погля-

дывая на противоположный проем — тот самый, через который они вышли. Макс бросил взгляд на панель выключателей. Они выглядели точь-в-точь как те, что были раньше. Да и комната выглядела как прежде.

— После разберемся, — отмахнулась Эйприл от сомнений. — Что меня тревожит, так это то, что не дело так проводить первый контакт. — Но говорила она при этом вполголоса. — В учебниках истории наше бегство будет выглядеть не очень достойно.

— К черту учебники истории, — огрызнулся Макс. — Учебникам истории будет известно только то, что скажем мы. Пошли.

— Ты в самом деле хочешь остаться? — спросил Арки вызывающим тоном: или оставайся, или не отнимай у нас время.

— Надо будет непременно вернуться, — заявила она, но все-таки встала на решетку.

— Вот следующий раз и опишем. — Макс надавил на оленью голову и присоединился к ним.

Оставшиеся секунды растягивались прямо-таки до бесконечности. Максу вспомнилось, как он еще в детстве забрел в пустой дом и был напуган шумом на чердаке. Так и тут — как только их охватил свет, сквозь который проступили стены

Купола, Макс почувствовал себя точь-в-точь как тогда, выбежав на залитую солнечным светом улицу.

23

Дело Америки – это бизнес.

Калвин Кулидж

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ГРЕБНЯ ДЖОНСОНА ОТКРЫВАЮТ ВТОРУЮ ПЛАНЕТУ

Валгалла, Северная Дакота, 22 марта (АП)

Команда исследователей сегодня вошла во вторые ворота и оказалась на планете, где, как они выразились, «все в помещении». Согласно утверждениям пресс-атташе Фрэнка Молла, никаких следов недавнего пребывания живых существ не обнаружено. Он также добавил, что посетителей не будут допускать до тех пор, пока не изучат природу пункта прибытия.

* * *

Не обнаружив никаких признаков опасности, двадцать третьего марта Эдем вновь открыли для прессы и исследователей. Каждую группу

обязательно сопровождали проводник и работник охраны. Экскурсии проводились каждые два часа. Способ транспортировки очень беспокоил людей, и некоторые из-за него даже отказывались от путешествия на Эдем. Но те, кто все-таки решались, неизменно возвращались в приподнятом настроении.

Все они подписывали бумагу о принятии на себя всей ответственности за собственную жизнь и здоровье. Правда, Арки угрюмо предупредил коллег, что подобные документы редко сказываются на решениях суда.

Анализ крови Макса, Эйприл и команды охранников, побывавших в Эдеме, не показал никаких отклонений от нормы.

Эйприл обрадовалась, что вопрос с Эдемом наконец-то разрешился, и с упоением показывала его ученым. (Что касается второй станции, получившей название Лабиринт, было решено отложить дальнейшие исследования до той поры, когда будет время все основательно продумать. Макс упорно отказывался верить, что утратил ориентацию, и начал склоняться к мысли, что Лабиринт являет собой шар, причем не слишком большого радиуса.)

Еще Эйприл проводила неофициальные кон-

ференции и устраивала внеочередные научные вылазки для специалистов, если притязания последних представлялись ей обоснованными. Она даже начала считать себя кем-то вроде распорядительницы девственной планеты и призналась Максу, что обожает купаться в лучах славы. Портрет каждого из них хоть однажды, но украсил обложку какого-нибудь еженедельника. Запустили в производство фильм о местных событиях, и пошел слух, что играть Эйприл будет Уитни Хьюстон.

* * *

За воротами следила Андреа Ястребица, когда с Эдема прибыли два геолога. Оба бородатые и сероглазые, они были так увлечены разговором, что не обратили на Андреа ни малейшего внимания. Зато ее внимание привлекло оброненное кем-то слово «нефть».

Час спустя эта новость вышла на первое место в репортажах всех информационных агентств.

* * *

Главным пунктом повестки дня пленарного заседания Генеральной Ассамблеи должно было

стать предложение Танзании о дальнейшем ослаблении таможенных барьеров. Но газеты, занятые лишь домыслами на тему звездного моста в Северной Дакоте, теперь трубили о том, что в Эдеме нашли нефть.

Если разговоры об иных мирах и транспространственных перекрестках казались делегатам ООН бессмысленными и не имеющими прямого отношения к политике реального мира (себя они считали реалистами, крепко стоящими обеими ногами на земле), то уж что такое нефть, они понимали прекрасно.

Бразилия значилась первой в прениях по вопросам новой политики международной торговли, но все до единого присутствующие знали, куда сегодня заведут дебаты.

— Проблема, стоящая перед нами сегодня, — начала представительница Бразилии, дородная черноволосая женщина с толстой шеей и бегающими глазами, — выходит далеко за рамки установки таможенных тарифов. Мы видим новый мир, каким-то курьезным образом расположенный далеко за Соединенными Штатами, а не в них. Подробной информации об этой планете у нас нет. Нам не известно, велика ли она и насколько она гостеприимна. Пока что представляется, что она

весьма гостеприимна. — Она взглянула через зал на сидящую напротив делегацию США. — Бразилия предлагает членам Ассамблеи признать, что открытие столь неоценимой важности не может являться суверенной собственностью одного государства. Врата должны быть открыты для всего человечества. — Представительница замолчала, чтобы выслушать реплику референта, кивнула и отхлебнула воды из стакана. — Бразилия уверена, что Соединенные Штаты, всегда стоявшие во главе борьбы за права человека, признают исконное человеческое право исследовать, а в конце концов и населить этот странный новый свет. Мы призываем Соединенные Штаты публично признать это право.

* * *

Маргарет Яката никогда всерьез не претендовала на президентское кресло. Быть может, страна уже готова увидеть на высшем посту женщину, но только не женщину японского происхождения. И Яката, забыв о собственных амбициях, которые привели ее в губернаторский особняк в Сакраменто, воспользовалась своим немалым политическим влиянием, чтобы получить пост вице-президента для Мэтта Тейлора.

Признательность Тейлора выразилась в том, что он сделал ее представителем США в ООН, где она завоевала всеобщее уважение как поборница всеобщего сотрудничества в решении экологических проблем. Кроме того, она зарекомендовала себя стойким защитником коллективной безопасности, поддерживая все свежевылупившиеся демократические режимы без исключения.

— Демократии, — то и дело повторяла она представителям полицейских государств, — это высочайшая надежда на мир во всем мире, потому что они не затевают войн между собой.

Теперь она сидела в своем кабинете в ООН, видя на экране одного монитора выступление делегатки от Бразилии, а на экране второго — реакцию президента родной страны. Кто-то вручил ему записку. Прочитав ее с невозмутимым видом, он посмотрел прямо на Маргарет и сообщил:

— Иран собирается потребовать, чтобы гребень Джонсона подвергся инспекции ООН, после чего перешел бы под международную юрисдикцию.

— Они могут рассчитывать на солидную поддержку, — отозвалась Яката.

— Знаю. Они нашли новую палку, которую можно вставлять нам в колеса. — На лице президента мелькнуло выражение боли.

— Господин президент, гребень Джонсона пугает многих. Даже бритты дергаются. Они мне сказали, что будут голосовать за нас, если мы гарантируем, что он исчезнет. В противном случае они ничего не обещают.

— Вы слышали про нефть?

— Да, слышала.

— И каково ваше мнение?

— Если принять во внимание, что сулят дальнейшие исследования, то, по-моему, это сущий пустяк. Но все здесь присутствующие задумались о природных ресурсах. Золото там тоже есть? Уран? И есть ли этому конец? Между прочим, насколько я понимаю, палестинцы намерены потребовать землю в Эдеме. — Она усмехнулась. — Израиль их поддержит.

— Это просто кошмар!

— Японцы хотят, чтобы Купол передали в руки ООН и уничтожили. Говорят, что инопланетные технологии ворот сокрушат экономику Земли.

— Тут они не одиноки. Весь мир ужасается при мысли о том, что планета словно стала меньше. Всего за одну ночь.

Яката вздохнула:

— Насколько трудно будет воспроизвести технологии Купола, господин президент?

— Нам пока не удалось толком их рассмотреть, Маргарет. Но мои люди утверждают, что можно сдублировать все что угодно, если есть действующий образец.

— Именно так я и думала. Господин президент, вам известно об этом больше, чем мне, но, по моему мнению, люди, забившие тревогу, в чем-то правы. — Она поразмыслила о том, что собирается сказать, и собственное предложение пришлось ей не по душе. Она не из тех, кто утратил веру в науку или в само человечество. И все же... — Мэтт, хотите выслушать предложение?

Он кивнул.

— Уничтожьте эту дрянь. Сровняйте с землей. Устройте несчастный случай. Обнаружьте, что она перестала работать. Сделайте хоть что-нибудь, чтобы вывести ее из строя. А затем, когда с этим будет покончено, пригласите ООН на опознание, чтобы не было ни малейших сомнений в личности трупа.

* * *

Факс Арки гнал бумагу круглые сутки. «Шашлыки Санни», «Хутеры», «Международная блинная», «Вендис», «Макдональдс», «Стейк и эль» и дюжина прочих сетей общественного питания изъявляли

желание построить на гребне Джонсона свои рестораны. «Шератон», «Хьятт», «Холидей-Инн» и «Бэст-Вестерн» подали заявки на постройку гостиниц. Компания Олбрайта хотела выстроить торговый городок, а пять нефтяных компаний просили разрешения установить поблизости свои бензоколонки.

Некоторые компании начали подумывать о работе по ту сторону Портала. Лесоперерабатывающие фирмы желали обследовать леса Эдема. Специалисты по недвижимости считали, что пляж, озаренный туманностью Конская Голова, нуждается в набережной и киосках по торговле хот-догами. Начали поступать запросы и на проведение изыскательских работ от нефтяников.

Группа под названием «Курды за лучший мир» выслала прошение на выделение территории, уведомив Макса, что они надеются отправить в Эдем шестьдесят тысяч человек с целью организации независимой колонии. Представители ущемленных национальностей со всего света делали заявления для прессы, из которых следовало, что отныне подобные требования пойдут сплошным потоком. В Вашингтоне формировался «Крестовый поход бедноты», предъявлявший свои права на лучшую жизнь.

— Может, они и правы, — заметила Эйприл. — Может, нам следует открыть Врата и пускать всех желающих. Кому от этого будет хуже?

— А что будет, если мы попытаемся поселиться там, и вдруг явятся настоящие хозяева? — нахмурился Арки.

— Сомневаюсь, что там есть хоть какие-нибудь хозяева, — возразил Макс. — В Лабиринт я бы никого не пустил, но в Эдеме пусто, по-моему.

— Может, его хозяева предпочитают, чтобы там было пусто, — сверкнул на него глазами Арки. — Я бы на их месте избрал именно такой вариант.

— В этом-то вся и суть, не так ли? — мгновенно отреагировал Макс.

— В чем?

— Ты не хочешь подпускать к этой земле никого, кроме собственного народа.

Арки хотел было возразить, но лишь пожал плечами:

— Больше никто не отнесется к ней так, как она того заслуживает. Отдайте ее любой из этих групп, и лет через пять там будет что-то вроде Фарго. И это в лучшем случае. — Он устремил взгляд в пространство поверх головы Макса. — Это новый, девственный мир. Мы однажды уже позволили чужакам поселиться на наших зем-

лях. Вряд ли стоит повторять старые ошибки.

* * *

— Мы испытываем озабоченность по поводу Портала. — Джейсон Флери воззрился на Ходока сквозь трифокальные линзы очков в роговой оправе. В его внешности смутно ощущалась какая-то неопрятность, чему он был обязан окружавшей его атмосфере дотошной, вплоть до самоуничижения, честности. Вот уж чего не ждешь от представителя правящего кабинета! — Губернатор, вы, несомненно, понимаете, что у вас в руках оказалось нечто ценное, что фактически оно является достоянием национальным. Вам известно, что произошло в ООН?

— Да. Там пытаются доказать, что Купол принадлежит всему миру.

— И как вы к этому относитесь?

— Эта земля принадлежит Мини Вакан Ойяте.

— Понимаю, — сочувственно кивнул Флери. — Надеюсь, что понимаю. Но существуют политические реалии. Завтра Организация Объединенных Наций будет обсуждать требование к США, чтобы гребень Джонсона был объявлен международной территорией. При обычных обстоятельствах над подобной идеей оставалось

бы только посмеяться. Но Купол являет собой уникальную всепланетную проблему. Люди в ужасе перед тем, что может произойти, если заложенные в Куполе технические решения станут общедоступными. Отдельные региональные экономики уже сейчас пришли в полнейший упадок. Например, индустрия автомобильных запчастей в Марокко развалилась. Цены на нефть упали ниже пола, а текстильная и швейная промышленность во всех крупных западных странах просто-напросто гибнет. Гибнет, губернатор. — Он устало откинулся на спинку кресла. — Не мне вам рассказывать, что творится на фондовой бирже. Золото поднимается, несколько крупных западных банков лопнуло, капиталовложения повсюду парализованы. Северная Корея грозится забросать Южную атомными бомбами, если ее не допустят к Куполу. Мы подвергаемся жесточайшему давлению, сэр. В конце концов все полетит под откос.

По стеклам барабанил ледяной дождь. У крыльца остановился школьный автобус, и дети поспешили скрыться от дождя в здании. Должно быть, экскурсия — детишки хотят узнать о прошлом родной страны.

— Мы прекрасно осведомлены об этих про-

блемах. Мне кажется, они порождены массовой истерией, а не каким-либо явным воздействием гребня Джонсона. Однако мы готовы прийти на помощь, — сказал губернатор. Флери произвел на него впечатление вполне приличного человека и пришелся губернатору по душе. — Мы считаем, что сейчас нужна исследовательская комиссия, которая будет вносить предложения по внедрению технологий Купола, а также по изучению полученной информации. Мы охотно примем участие в обсуждении деталей создания подобной комиссии.

Ответ губернатора Флери понравился.

— Нам первым же делом пришла на ум аналогичная мысль, губернатор. Но, правду говоря, мы сомневаемся, что это поможет.

— Позвольте поинтересоваться почему?

Члены совета предполагали, что правительство попытается оказать давление, но предложение Флери казалось им на редкость разумным.

— Люди больше не верят правительствам, не верят в их честность и компетентность. Я бы не хотел вдаваться с вами в выяснения, справедливо ли это суждение. — В уголках губ Флери заиграла улыбка. — Правда заключается в том, что до тех пор, пока Купол существует, люди будут бояться.

Они не поверят, что правительственная комиссия — достаточно надежный страж их интересов. Откровенно говоря, мы тоже. На какое-то время это поможет, но ненадолго. Во всяком случае, если люди не верят, что дело пойдет, дело не пойдет.

В комнате будто повеяло ледяным дыханием зимы.

— Что именно вы хотите этим сказать?

— Я предпочел бы, чтобы сказанное осталось между нами.

— Продолжайте.

Флери встал и закрыл дверь кабинета.

— Находка должна исчезнуть. Она должна быть уничтожена. Мы хотели бы предварительно выкупить ее у вас. Мы предложим весьма круглую сумму, больше, чем вы получили бы от группы Уэллса. А затем произойдет несчастный случай.

Губернатор кивнул:

— И ничего не останется...

— Ничегошеньки.

— И как вы предлагаете организовать такое?

Ответа на этот вопрос Флери не знал.

— Это не моя епархия. Вероятно, взорвут его к чертям и заявят, что причиной тому присущая объекту нестабильность или, скажем, инопланетная система самоуничтожения. Они

изобретательны на сей счет, — с несчастным видом поведал он. — Но вы получите справедливую компенсацию. Более чем справедливую.

Долгую минуту губернатор хранил полнейшую неподвижность. Потом наконец проронил гробовым голосом:

— Некоторые из моих людей готовятся перебираться туда.

— Простите?

— У нас появился второй шанс, мистер Флери. Шанс вспомнить, кем мы были раньше. И правительственные платежи тут совершенно ни при чем. Или резервации. Или планета, перенаселенная настолько, что не продохнуть. Нет, мы оставим Эдем себе. И сохраним контроль над пунктом перехода.

— Вы не можете так поступить!

— Мистер Флери, мы не можем поступить иначе.

* * *

Самым прибыльным и лакомым кусочком телевизионной империи Старины Билла было утреннее ток-шоу, официально именуемое «Проект сорок», но за кадром прозванное «Завтрак с Иисусом». В то самое время, когда губернатор

Ходок беседовал с представителем президента, Билл сидел в декорациях «Проекта сорок», записывая очередную передачу. Его окружали Добровольцы, как официально нарекали всех, кто присоединялся к нему в трудах ради Господа.

Несмотря на разговорную форму передачи, в самом разговоре не было ничего достойного внимания. Беседа шла ни шатко ни валко: заламывание рук по поводу исторжения Бога из школ сменялось гневным перстом, указующим на приводящее в смятение сходство между показом насилия по телевизору и древнеримскими гладиаторскими боями. Специальным гостем передачи сегодня была писательница, дотошно изложившая в своей первой книге, как ей удалось избавиться от пагубного пристрастия к алкоголю и необузданному блуду. Посреди передачи она описала случай, когда ее двадцатилетний сын воспользовался невменяемым состоянием матери и подговорил ее подписать с ним на паях долговое обязательство по покупке машины в рассрочку. А пару недель спустя сын объявил, что не может выплатить свою часть пая.

Билла подобные рассказы всегда явно ошарашивали. Его зрители любили наблюдать за реакцией Билла на человеческие слабости и лег-

коверие. Он славился тем, что молотил кулаком по столу, заикался и брызгал слюной, а порой просто зажмуривал глаза и сидел неподвижно, а по щекам его струились слезы. Когда же рассказ подходил к кульминационной точке, режиссер исправно давал самый крупный план его лица.

На сей раз Билл просто сидел, обратившись в живое воплощение страдания. Зрители видели, как порывисто вздымается и опадает его широкая грудь. Затем он помахал ладонью перед лицом, будто хотел развеять дым, застилающий взор.

— Порой я воистину недоумеваю, — возгласил он, — почему Господь продолжает вершить дело Свое по-старому. Я не хочу сказать, что я умнее Всемогущего, но, будь моя воля, я заправлял бы миром совсем не так. Я бы активно защищал невинных и излил бы огнь и серу пламенную на головы грешников. — Он испустил тяжкий вздох. — Но наш Бог — Господь милосердный. Многотерпеливый Господь.

Если кому-то из его многочисленных зрителей и пришло в голову, что это заявление попахивает ересью, то в письмах об этом никто не упомянул.

* * *

Майк Свенсон, владелец «Супермаркета Майка» в Форт-Мокси, был страстным поклонником передач Билла. Он слышал эту реплику, и она почему-то уязвила его. Майк долго ломал голову, в чем причина его беспокойства, но сообразил лишь под вечер, составляя очередной заказ товаров на неделю.

«Выбирай свои желания с оглядкой».

* * *

В Северной Дакоте губернатора Эда Полинга любили. Он каким-то чудом ухитрился найти способ финансировать школьное образование и одновременно серьезно снизить налоги. Он реорганизовал администрацию штата, снизив затраты на ее содержание и притом заставив ее работать более эффективно. Он создавал новые рабочие места, он выбивал федеральные фонды для ремонта разрушающихся мостов и дорог. Эд помогал даже фермерам. При его правлении Северная Дакота твердо встала на путь в солнечное завтра.

Однако из своего кабинета в Бисмарке он уже

увидел, как над гребнем Джонсона сгущаются грозовые тучи. Крах фондовых бирж за считанные дни разрушит экономику штата и зачеркнет все, чего Эд добился тяжкими трехлетними трудами. Все крупные банки Северной Дакоты зависли на краю пропасти. Несколько корпораций увязли в беде по уши. А многие из людей, перед которыми Эд чувствует себя в долгу, вложили свои деньги в эти корпорации. «Надо что-то делать».

Он понимал, что президент непременно должен позвонить. Звонок застал Эда во время совещания с экономическими советниками. Он вернулся в свой кабинет, закрыл двери и выключил магнитофон автоответчика, после чего сказал:

— Здравствуйте, господин президент. — Потом, даже не пытаясь скрыть иронию, добавил: — Как наши дела?

— Здравствуйте, Эд. — Если ситуация и пошла вразнос, Мэтт Тейлор этого не выдаст ни жестом, ни звуком. Более того, когда имеешь дело с Тейлором, возникает впечатление, что ситуация никогда не пойдет вразнос. Пожалуй, в этом и заключается самая суть волшебства его личности. — У нас все отлично.

— Хорошо. — Эд решил не углубляться в эту

тему.

— Эд, я бы не хотел, чтобы разговор записывался.

— Магнитофон выключен.

— Мы с вами еще не говорили о Куполе.

— Вчера я видел результаты опроса, согласно которым семьдесят процентов американцев не способны отыскать Северную Дакоту на карте, — рассмеялся Эд.

— Это ненадолго.

— Знаю.

— Эд, вы можете что-либо предпринять, чтобы избавиться от этого чудища?

Будь у Эда такая возможность, он бы давным-давно так и поступил.

— Я бы с радостью, но это территория сиу, что в наших краях почти равнозначно священной земле. Нам надо, чтобы вы ввели чрезвычайное положение. Сделайте это — и я в ту же минуту пошлю туда Национальную гвардию.

— А вот с этим у нас немного не выходит, Эд. Сиу не представляют никакой военной угрозы, они не совершили ни малейшего преступления. Я не могу так вот запросто послать к ним войска, иначе следующей осенью меня побьют камнями до смерти. — Президент сумел заставить себя из-

дать рокочущий гортанный смешок. — Я заранее вижу карикатуры в передовицах, изображающие меня этаким Кастером[16].

Эд сочувственно вздохнул:

— А вы не пробовали откупиться? Всему на свете есть цена.

— Мне тоже так казалось. Но теперь я начинаю задаваться вопросом, не решили ли наши индейские братья тягаться с Соединенными Штатами. — Тейлор помолчал. — Эд, нет ли у вас каких-нибудь предложений?

— Если возникнет угроза национальной безопасности, мы сможем реквизировать эту землю. Разумеется, даже в таком случае я не буду знать, как с ней быть. Это дерьмовейшее из всех щекотливых положений на свете.

— Да не могу я вот так запросто подмять под себя закон. Пресса теперь уж никому и ни в чем спуску не дает.

— Может, нам повезет, — задумчиво проронил Эд. — Может, что-нибудь пойдет наперекосяк, и вы сможете двинуть войска.

---

[16] notes: 16

Кастер Джордж Армстронг (1839-1876) — генерал, погибший 25 июня 1876 года вместе с возглавляемой им Седьмой кавалерийской бригадой в битве с индейцами племен сиу и шайенов при Литл-Биг-Хорне (Малом Большом Роге); индейцев возглавляли вожди Сидящий Бык и Безумный Конь

* * *

Касс Дикин вернулся из Эдема, пребывая в душевном благорасположении, граничащем с эйфорией. Будучи ботаником, он ухитрился набить карманы образчиками флоры внеземной эволюционной системы. Ему не полагалось брать с собой ни былинки, он даже подписал бумагу, вменявшую ему это в обязанность, но охранники не вездесущи, а упустить такую возможность было бы просто преступно.

Он только что сошел с решетки в компании Хуана Барсера, астронома из Калифорнийского политеха, и Дженис Решевски, математика из Айви-Лиг. Возле пиктограмм с планшетом в руках стоял невозмутимый индеец, отметивший их фамилии в списке. С той стороны ворот дожидались отправки на Землю еще девять человек; группа Касса покинула Эдем первой.

Они втроем возбужденно, едва удерживая себя в руках, обсуждали небывалое переживание — еще бы, не всякому выпадает наяву прогуляться по поверхности другой планеты! — когда решетка засветилась.

Охранник посмотрел на пиктограммы — всему свету уже было известно, что именно они

управляют транспортной системой. Касс вгляделся в разгорающееся свечение, ожидая увидеть следующую группу экскурсантов, и краем уха расслышал, как охранник пробормотал себе под нос:

— Не та картинка.

Касс не догадывался, что это может значить, но даже невооруженным глазом было видно: что-то стряслось. Охранник положил ладонь на рукоятку пистолета, но не выхватил его.

Золотое сияние, разгоравшееся уже несколько секунд, достигло высшего накала и начало понемногу угасать.

На решетке так никто и не появился.

Зато Касс вдруг ощутил, как что-то шевельнулось на самом дне его сознания, и перед глазами у него все поплыло. Изогнутые стены Купола показались ему знакомыми, от его цельности к горлу подступил комок. Он парил в воздухе, поддерживаемый восходящими теплыми потоками. Они смешивались с его кровью, и он плыл вдоль длинного окна, роняя слезы радости, нашел и заполнил собой открытый коридор и протек по нему, устремляясь к полоске дневного света, открывающего путь в пустоту, не знающую ни конца, ни края.

И вдруг Касс обнаружил, что глаза у него закрыты, земля отчаянно раскачивается, а его собственные ладони сжимают голову. Лицо оказалось холодным и мокрым.

— Подождите, — произнес чей-то голос, — не шевелитесь.

— Касс, все будет в порядке, — подхватил второй голос.

— Сюда! — крикнул третий.

Касс открыл глаза и увидел, что с ним говорил индейский охранник.

— Не волнуйтесь, помощь на подходе, — сказал тот.

— Спасибо. Я уже пришел в себя.

Но тьма уже нахлынула снова, обволакивая его, как туман. Касс слышал, как где-то разговаривают люди, но в его собственном сознании снова и снова звучал испуганный голос охранника: «Не та картинка».

24

Быть может, фантом Касса Дикина и не станет таким же знаменитым, как тень отца Гамлета, но он наверняка до чертиков напугал массу народу.

Майк Тауэр, «Чикаго трибьюн»

* * *

Касс Дикин понимал, что коллеги дожидаются его рассказа об Эдеме, но все еще не оправился от потрясения. Самолетом он вернулся в Чикаго, но не мог спать ни в полете, ни в собственной постели. Вечером он не выключил в доме свет, и всю ночь его мучили кошмары.

Утром он позвонил на работу и сказался больным, после чего, чувствуя потребность в человеческом обществе, отправился позавтракать в кафе «Минни», а затем в Публичную библиотеку Лайл.

В начале двенадцатого он появился в «Баре и гриле Коллендер». Пристрастием к алкоголю он никогда не отличался, потому что слишком легко набирал лишний вес. Но тут выдался случай особый, и Касс решил дать себе послабление.

Взяв пиво, он вскоре затеял беседу с продавцом

из магазина фирмы «Шевроле», расположенного через дорогу от бара. Пожилой, представительный продавец даже за кружкой пива не мог избавиться от профессиональных привычек, но как раз именно это Касса очень устраивало — сегодня он был очень даже настроен послушать чужую болтовню.

Продавец (звали его Харви) начал рассуждать о воцарившемся в промышленности состоянии неопределенности и неуверенности и тут же принялся превозносить удовольствие от езды по американским захолустным дорогам.

— Знаете, что я вам скажу? — ухмыльнулся он. — Ежели б даже можно было сделать этот киношный трюк — войти в будку здесь, а выйти в Бисмарке — все равно «Шевроле-Блейзер» эта штука не заменит. И плевать мне, что бы там кто ни говорил.

Через некоторое время Касс обнаружил, что продавец пристально разглядывает его.

— Эй, приятель, тебе что, нехорошо? — Улыбку Харви сменило озабоченное выражение.

— Да нет, все нормально.

— Ты уверен? А то вид у тебя не очень.

Это стало последней каплей, и Касс выложил все без утайки, подробно описав свой полет по

Куполу, странное ощущение, будто нечто поглотило его, и свою уверенность (возникшую по здравом размышлении о произошедшем), что его сознание было невесть кем захвачено.

— И это невесть кто или что, — с расширившимися от ужаса глазами прошептал он, — было невидимое.

Продавец кивнул и посмотрел на часы.

— Ну что ж, мне пора.

— Оно было там, — вел свое Касс. — Господи помилуй, да оно прошло сквозь ворота! Охранник знал это, но ничего не сказал. — Он взмахнул рукой, опрокинув стакан. — Слушайте, я понимаю, что это кажется бредом, но это правда. Они там выпустили на свободу нечто неведомое.

Десять минут спустя репортер попытался взять у него интервью, но Касс уже твердо решил, что не произнесет больше ни звука. Конечно, слишком запоздало.

* * *

Суи-Фоллз, Южная Дакота, 27 марта (Рейтер)

Сегодня полицейские захватили у мотеля поблизости отсюда обвиняемого в покушении на убийство Кармена (Пу-

гача) Малаччи. Малаччи, числившийся в общенациональном розыске после покушения на федерального судью в Милуоки, был захвачен после того, как местные жители сообщили полиции о его местопребывании, узнав его по портрету, показанному в телевизионных новостях. Малаччи заявил, что направлялся на гребень Джонсона, Северная Дакота, где надеялся сбежать сквозь ворота в Эдем.

Полиция отмечает, что при задержании он не оказал сопротивления. Он был арестован на обратном пути в свой номер после завтрака в блинной...

* * *

Карт Холлис проходил мимо груженной лесом железнодорожной платформы, направляясь в депо, располагавшееся в паре миль дальше, когда ветер вдруг заговорил с ним.

Карт работал в паре с диспетчером Дж. Дж. Бендером, открывая товарные вагоны для таможенного досмотра. Они как раз покончили с поездом в сто восемьдесят шесть вагонов длиной и уже направлялись обратно. Бендер и таможенная инспекторша шли ярдах в сорока впереди,

сунув руки в карманы и прижав планшеты с ведомостями локтями к бокам.

Бендер с инспекторшей шли бок о бок, пригнув головы навстречу ветру, дувшему с северо-запада. Все трое шли с восточной стороны поезда, укрываясь от ветра за вагонами. Карт не придавал непогоде такого значения, как его спутники. Те двое изрядную часть своей жизни проводят в помещении, а Карт поработал на своем веку и путейцем, и строителем, и грузчиком, и дорожником. Безжалостное солнце и хлесткие ветра успели выдубить его лицо, когда Карту едва-едва перевалило за тридцать.

Теперь он доживал седьмой десяток, и тело его начало понемногу выходить из строя. Плечи, колени и бедра болели не переставая. Кроме диабета, его порой мучили боли в груди. Но обращаться к докторам он боялся.

Тяжко ступая, он ровным шагом шел по глубокому снегу. В депо его ждет куда больше работы, так что Карта вполне устраивало тащиться в хвосте, в то время как другие спешили укрыться под крышей. Карту всегда нравились долгие прогулки назад после досмотра поездов. Дело было под вечер, солнце уже клонилось к закату. На параллельном пути дожидались отправки на экспорт

два дизеля. В промежутке между вагонами Карт заметил пикап, направляющийся по шоссе №75 на север, в сторону границы.

Дети его давным-давно перебрались в Калифорнию и Аризону, а Дженис, делившая с ним супружеское ложе тридцать семь лет, весной умерла, и теперь Карт остался совсем один.

Ветер реял в сумерках, шевеля ярлыки, прицепленные к бревнам, и присыпая вагоны снежком. А потом выдохнул имя.

– *Карт!*

Карт остановился и посмотрел на хмурое небо.

Его спутники как ни в чем не бывало вышагивали впереди. На верху цистерны сидела сойка, разглядывая его одним глазом.

– *Карт!*

На сей раз уже более внятно. Лица его коснулось холодное дыхание.

По шоссе №75 на юг пронесся тяжелый грузовик, водитель переключил передачу, и двигатель натужно взревел. Вокруг не было ни души, кроме таможенного инспектора и диспетчера. Угасающий свет дня озарял приземистые, тяжеловесные, ржавеющие вагоны.

— Эй, кто тут? — спросил Карт.

При звуке его голоса сойка испуганно сорвалась

с места и понеслась по небу куда-то на юго-восток. Карт провожал ее взглядом, пока она не скрылась из виду.

И снова до него донесся то ли шепот, то ли отдаленный вздох.

– *Карт!*

Озадаченный, почти напуганный, Карт остановился. Шедшая впереди таможенная инспекторша тоже остановилась и оглянулась на Карта.

По ту сторону поезда никто не прятался. Никого не оказалось и в пустом вагоне рядом с Картом. Ни единого человека, кроме тех двоих, что мерным шагом отдалялись от него.

Сердце Карта отчаянно заколотилось.

Вдруг взор его как-то сместился, помутился и вновь прояснился. И тогда Карт взглянул на вагон сверху.

И на себя тоже.

Если он и был напуган, то теперь страх отступил, развеялся, а взамен на душу снизошли небесный покой и безразличие. Карт равнодушно взирал, на собственное тело, распростертое на земле.

А еще он ощутил присутствие Дженис — молодой, смеющейся и бесстрашной, какой она была до того, как долгие зимы и безденежье подточили

ее характер. С сияющим взором она склонялась над ним.

Но вдруг свет потускнел, Карт увидел наклонившегося к нему Бендера и ощутил прежнюю горечь утраты.

— Карт, что стряслось?

Этого Карт и сам не знал.

— Чего-то поплохело, — сказал он и, помолчав, добавил: — Я слыхал свое имя.

— Что? Погодите, лежите спокойно. Я позвоню в депо, чтобы прислали машину.

— Тут кто-то есть, — пытаясь оттолкнуть Бендера, произнес Карт.

— Он прав, — подтвердила таможенная инспекторша. В глазах у нее застыл ужас. — Я тоже слышала это.

* * *

Олень понемногу истекал кровью.

Джек Макгвиган медленно провел мотонарты сквозь густой кустарник и осмотрел след. На белом снегу горели алые капли.

Конечно, можно было убить животное много часов назад, но Джеку слишком нравилось тропить дичь, мало-помалу настигая ее, отыгрывая у нее дюйм за дюймом, хотя и давая зверю

вполне приличный шанс выжить. Но теперь олень уже не мог бежать — отпечатки копыт утратили чистоту и отчетливость, передние их края смазались. Следы говорили о неуверенности животного, порой оно даже спотыкалось.

Теперь Джек частенько замечал его впереди. Олень слабел, силы его были на исходе. Остановив мотонарты, Джек стащил лыжную маску и вынул из сумки сандвич. Пускай себе бежит, теперь это уже не важно. Спешить незачем.

Покончив с сандвичем, он налил себе кофе из термоса.

Сегодня в лесу множество птиц. Джек любил лесных обитателей, любил запах чащи, небо, цепляющееся за вершины деревьев, посвист ветра среди веток и звонкий щелчок хорошо смазанного затвора винтовки, досылающего патрон. Все это снова и снова напоминает, что ты здесь совсем один. Тут легко затеряться и позабыть о существовании бетона городов и гомона детей.

Только так и должен жить человек — в лесах Господних, как дома.

Порой под конец охоты Джек начинал чувствовать себя чуть ли не преступником. Следы одним лишь своим видом внушали ему жалость. И снова он, как много раз прежде, начал раздумывать о

почти мистической взаимосвязи между охотником и жертвой — ни злобы, ни ненависти. Олень уже примирился со своей участью и встретит последний выстрел, пытаясь подняться с колен, но понимая, кто стоит перед ним, и чувствуя соединившие их незримые узы, ведущие свою историю с ледникового периода.

Джек вовсе не пытался сделать вид, что понимает эту взаимосвязь; он просто признавал ее, как и олень. Пил он кофе без спешки. Покончив с этим, он сложил целлофановый пакет от сандвича и аккуратно сунул его в сумку. (Время от времени ему встречались люди, бросающие мусор в лесу, и никто не приводил его в такое бешенство, как эти свиньи. В прошлом году примерно в эту же пору Джеку повстречался такой стервец, оставивший за собой след в виде пустых банок от пива, и когда Джек уходил от его костра, тот плевался кровавой слюной.)

Пора кончать.

Час пробил, и Джек прикончит зверя, как всегда, единственным выстрелом.

— Я иду, — произнес он фразу, уже ставшую для него вступительной частью последнего ритуала. Забравшись на мотонарты, он повернул ключ зажигания и ягодицами ощутил проснувшуюся

мощь двигателя. Напуганные птицы сорвались с мест.

Джек снова вывел машину на след. Вот здесь зверь постоял и пролез в кусты. Тут он сполз по крутому склону. Джеку пришлось сделать крюк чуть ли не в целую милю, чтобы съехать на дно оврага, но минут десять спустя он снова катил по следу, ведущему поперек замерзшего ручья.

Самец был матерый, с восемью ветками на рогах, и когда Джек наконец настиг его, олень попытался спрятаться в густых, покрытыми снегом зарослях — но, конечно же, скрыть свои следы он не мог. Джек передернул затвор, дослав патрон в патронник. Глаза их встретились — наступил последний момент взаимного узнавания, — и олень сделал вялую попытку отпрянуть.

Джек вскинул винтовку, нацелил ее в самое сердце зверя и нажал на спуск. По лесу прокатилось эхо выстрела. Во взгляде оленя промелькнуло изумление. Птицы тучами взмыли в небо, потревоженные деревья закачали ветвями, сбрасывая снег.

Из груди оленя заструилась кровь, передние ноги его подломились, он рухнул мордой в снег, дернулся раз-другой и обмяк.

Джек немного постоял, любуясь первобытной

красотой этой сцены и дожидаясь, когда кончится агония. Как только животное вытянулось неподвижно, он повернулся к мотонартам и взял кусок полиэтилена, приготовленный, чтобы завернуть тушу. И в этот момент солнце перекрыла какая-то тень.

Джек поднял голову, предполагая увидеть облако, но краешек неба, видневшийся среди ветвей, был холодным и белым. Джек вытащил полиэтилен, расстелил его рядом с тушей и разгладил, слушая, как скрипит под ногами снег. Олень запутался в кустах, и Джеку пришлось сломать несколько веток, чтобы вытащить передние лапы животного.

Температура резко упала.

Джек в тревоге оглянулся на след нарт, уходящий за поворот ярдах в тридцати от него, а потом вновь появляющийся у вершины невысокого холма примерно на таком же расстоянии от поворота.

Вдруг порыв ветра пронесся по кронам деревьев. Где-то глубоко в душе, в чаще, посреди которой жил настоящий Джек Макгвиган, что-то шелохнулось — некое существо, вовсе не являющееся частью самого Джека.

И волной нахлынул гнев.

Безумие.

Птицы и мелкая дичь окружали его со всех сторон. Его коснулось дыхание теплого потока воздуха. Дальний шум моторов на шоссе сливался с вековечным молчанием природы. Его охватило ощущение непричастности к происходящему, отстраненности, что ли. А еще в его душе внезапно вспыхнула ярость при виде оленя, мотонарт и стоящего человека — которым мог быть только он сам.

Потом он ощутил под своими ладонями теплые и живые верхушки деревьев. Они раскачивались, роняя на землю снег и обломанные ветки.

Нечто пробиралось между ветвями. Солнечный свет изменился, сдвинулся, заискрился. Кто-то гнездился в нем самом. Вскинув оружие, Джек оглянулся. Воздух согрелся. Оленья кровь ярко алела на девственно белом снегу.

* * *

— Просто кошмар, — вздохнул Тейлор, приглушив звук и откинувшись на спинку кресла.

Тони Питерс растирал лоб над левой бровью, где у него всегда начинались мигрени.

На экране шли кадры, транслируемые из ООН, где на Совете Безопасности вот-вот должны были

начать голосование по вопросу о передаче Купола под международный контроль.

— И тогда, — мрачно проронил президент, — нам придется наложить вето на эту чертову затею.

Питерс считал, что можно было бы оседлать гребень волны, и потому взялся ободрять президента, чтобы тот не принял никаких поспешных решений.

— Все знают, что вы не отдадите суверенную территорию ни с того ни с сего. Мы не могли бы этого сделать, даже если бы хотели. Это частные владения.

— Вот уж не знаю, — рассмеялся Тейлор. — Существует масса прецедентов по переуступке территории частных владений. Впрочем, это не играет никакой роли. Просто это было бы неправильно.

— А заодно стало бы политическим самоубийством.

— Так вы считаете, что все здесь происходящее должно просто-напросто послужить нам предостережением?

— Нет, конечно же, нет! Все просто напуганы, но все равно желающих воспользоваться случаем, чтобы посадить нас в лужу, пока хватает.

— Это им чертовски хорошо удается. — Президент подлил себе шерри и протянул бутылку Питерсу. Тот лишь молча покачал головой. — Тони, кто бы мог поверить, что в райских кущах есть нефть? — Тейлор перевел дыхание. — Прямо вздохнуть спокойно не дадут.

— Это как раз не играет роли, — возразил советник. — По какой цене можно выбросить на рынок нефть, которую придется доставлять через эту штуковину по бочке за раз?

Весьма дельное замечание, и президент немного развеселился, радуясь хоть такой малости добрых новостей.

— Это будет играть роль. Со временем. Если этого добра там много, то мы уж как-нибудь отыщем способ доставлять его сюда, это ясно всякому. Но суть проблемы не в этом, не так ли?

— Да.

Тейлор понимал, что на кон поставлены не только экономика и результаты выборов. Невероятно, но вдруг появилась лестница, ведущая в небеса. Он едва осмеливался гадать, к чему это приведет, но закрывать ее не хотел. Человек, совершивший подобное, через век-другой будет смотреться весьма неприглядно. А Мэтт Тейлор, как и всякий президент, хотел оставить в истории

добрый след. Сперва он думал, что вполне удовольствуется Белым домом. Но едва переступив порог Овального кабинета, он начал завидовать Вашингтону, Линкольну, Рузвельту и Трумэну. Он считал, что его никогда не поставят на одну доску с ними, потому что достичь истинного величия можно только в годину бедствия. У всякой администрации возникают свои проблемы, но пока на поверхность не всплыл Купол, все шло довольно обыденно: не надо учреждать правительство, не надо спасать Союз штатов, не надо противостоять Гитлеру.

И вот час беды пробил. Выпала пиковая дама, и теперь только он может выбрать козырь, которым ее побить.

Так чем же бить, черт ее дери?!

— Тони, — промолвил он, — по-моему, с нас хватит. Сиу не горят желанием помочь нам, так что придется найти другой способ прикрыть их контору, и наплевать, что для этого потребуется. Я не собираюсь пассивно смотреть, как страна разваливается у меня на глазах.

* * *

Валгалла, Северная Дакота, 27 марта (АП)

Сегодня утром житель Северной Дакоты погиб, выбежав из леса на находящееся к югу отсюда шоссе №32, прямо под колеса мебельного фургона. Очевидно, погибший Джон Л. Макгвиган охотился вне сезона. Брошенные им мотонарты были найдены примерно в миле от места происшествия. Согласно рапорту полиции, они находятся в рабочем состоянии. Объяснений, почему он бросил нарты и бежал, у полиции нет. Следствие продолжается.

Вдова Магвигана Джейн и двое осиротевших детей скорбят об утрате.

* * *

— Доктор Дикин, вы абсолютно уверены в том, что видели?

— Да. — Касс посмотрел прямо в объектив телекамеры. — Абсолютно.

— А почему люди с гребня Джонсона ничего об этом не сказали? Они что, держат это в секрете?

— Вряд ли, — поразмыслив, отозвался Дикин. — То есть я хочу сказать, что это существо, или кто оно там, было невидимым. Они могли и не знать о его существовании.

— Значит, вы утверждаете, что сквозь Врата вошло нечто невидимое.

— Полагаю, да.

— И теперь оно свободно разгуливает по Северной Дакоте.

— Да. Я склонен думать, что так.

— Итак, — интервьюер повернулся к камере, — возможно, на Землю прибыл невидимый пришелец. Мы вернемся к вам через минуту, чтобы попытаться выяснить, существует ли взаимосвязь между переживаниями доктора Дикина, сегодняшними сообщениями о бестелесном голосе на дальней железнодорожной станции и загадочной гибелью охотника близ гребня Джонсона.

25

Я путешествую с ветрами,
Мой шепот в шелесте листвы.
Из поэзии оджибуа

Отрывок из «Часа новостей с Джимом Лерером» от 28 марта.

Беседа Джима Лерера с доктором Эдуардом Баннерманом из Института фундаментальных исследований, физиком, дважды нобелевским лауреатом, по вопросу о «дакотских вратах».

Баннерман: В действительности они могут являться тем, что физики называют мостом – так сказать, связкой между отдельными вселенными. Например, туманность Конская Голова в небесах Эдема вовсе не обязана быть нашей Конской Головой. Толком мы не знаем. И, честно говоря, может сложиться так, что правду мы не узнаем никогда. Между прочим, если это действительно так, то людей, рассчитывающих путешество-

вать тем же способом из Сан-Франциско в Нью-Йорк, ждет большое разочарование.

Лерер: Они не попадут в Нью-Йорк?

Баннерман: Ну, подозреваю, что попадут. Вот только это будет не наш Нью-Йорк.

* * *

Джери Тулли исполнилось уже восемь лет, но ее интеллектуальное развитие задержалось где-то на уровне трех лет. Специалисты предупреждали, что на заметный прогресс надеяться не стоит. Никто не знал, почему с Джери стряслась подобная беда. Не было ни внешних причин, ни дурной наследственности. А двое ее младших братьев развивались вполне нормально.

Ее мать раньше работала секретарем суда, но оставила всякую надежду на карьеру, перебравшись с мужем-пограничником в Форт-Мокси.

Школу Джери посещала в Валгалле, где был единственный на всю округу спецкласс. Она полюбила школу, где ее заботливо опекали, и завела там множество друзей. По утрам в семействе Тулли всегда царило приподнятое настроение, подогреваемое энтузиазмом Джери, дожидающейся отъезда.

Ехать до Валгаллы нужно было тридцать пять миль. Обширность школьного округа не давала возможности обеспечить доставкой автобусом всех детей из спецкласса, а потому родители Джери договорились, что будут привозить ее сами, а округ покроет расходы.

Джун, мать Джери, со временем полюбила эти рейсы туда-сюда дважды в день. Девочке нравилось кататься, и она нигде не чувствовала себя счастливее, чем в машине. Вторая половина поездки, когда Джун оставалась одна, предоставляла ей передышку, когда можно было просто смотреть на проносящиеся мимо поля или сунуть в магнитофон кассету с радиоспектаклем и слушать его.

Происшествие с Картом Холлисом случилось в четверг. На следующую ночь отец Джери должен был идти в полночный дозор. К его возвращению жена приготовила тосты по-французски, бекон и кофе. Пока они завтракали, произошла странная вещь. Единственный раз в жизни Джери забрела далеко от дома. Позднее решили, что она собралась в школу, но, не имея представления ни о расстоянии, ни о дне недели (была суббота), надумала отправиться туда пешком.

Не замеченная никем, кроме своего двухлет-

него братишки, она надела калоши и пальто, покинула дом через двери веранды, вышла на шоссе №11 и повернула направо. Дом Тулли стоит на самой западной окраине городка, так что всего минут через пять она прошла уже мимо развалин «Мороженых деликатесов» и двухъярусной развязки на перекрестке шоссе. Столбик термометра все еще держался около минус пятнадцати.

В трех четвертях мили от Форт-Мокси шоссе №11 довольно резко виляет к югу и почти сразу же снова поворачивает обратно на запад. Будь дорога чиста, Джери почти наверняка шла бы вдоль обочины, и через несколько минут ее нашли бы и подобрали. Но беда в том, что легкий снежок только что припорошил шоссе, а Джери не умела обращать внимания на мелочи и потому на первом же повороте пошла прямо в поле. Минуты через три снег стал глубже, она свернула направо, еще более отдалившись от дороги.

К тому времени в доме обнаружили, что она пропала. Поднялась суматоха, напуганные родители затеяли поиски, ограничиваясь пока ближайшими кварталами.

Утром Джим Стейвсант, главный редактор и издатель еженедельника «Новости Форт-Мокси», направлялся к Куполу, на пресс-конференцию,

на которой должен был быть опровергнут факт проникновения сквозь Портал некоего бестелесного духа. Пропустить подобной событие Джим никак не мог. Он только-только выехал из города в западном направлении, когда его внимание привлекло какое-то движение на земле Джоша Маккензи справа от дороги. Столб взвихренного смерчем снега двигался на диво равномерно. Да и выглядел он идеально правильным, как в учебнике: узкий у основания, широкий сверху. Обычно подобные явления выглядят как бы чуточку размытыми, неправильными, да и траектория их движения на равнине совершенно хаотична. Но этот смерч на вид казался чуть ли не осязаемым, и двигался он взад и вперед вдоль одной линии.

Стейвсант остановился, чтобы посмотреть.

В происходящем было что-то гипнотическое. Крепкий ветер раскачивал машину и вроде бы должен был развеять смерч, однако никак не сказывался на нем.

Стейвсант никогда не садился в машину без видеокамеры, благодаря чему время от времени ему доводилось отснять материалы, которые охотно покупала либо программа «Лесли в десять», либо какая-нибудь другая местная передача новостей. (К примеру, в День благодарения он снял

отличный материал о заторе на шоссе №1-29, а прошлым летом — пикет разгневанных владельцев ранчо, не пропускавших через границу грузовики с импортной говядиной.) Смерч продолжал «расхаживать» взад-вперед медленно и равномерно. Джим включил камеру, сделал несколько шагов по снежной целине и включил запись.

Пользуясь трансфокатором, он пару минут снимал эволюции смерча, когда тот вдруг остановился.

И двинулся к человеку.

Джим продолжал снимать.

Смерч приближался с одной и той же скоростью, не замедляясь и не ускоряясь. И вообще он вел себя как-то странно — словно осознавая, что творит.

Дующий в лицо ветер цеплялся за одежду и чуть ли не валил Джима с ног, но никак не сказывался на смерче. Инстинкты Стейвсанта начали трубить об опасности, и он попятился к машине.

Смерч остановился.

Странно. Словно вихрь отвечал человеку.

Джим стоял, не зная, что предпринять. Смерч сдвинулся в сторону, немного отступил и снова переместился вперед, в исходную позицию.

Все это Джим увидел сквозь видоискатель камеры. За нижним обрезом рамки кадра горел красный индикаторный светодиод.

– *Ты ждешь меня?*

Смерч снова подступил. Ветер начал трепать воротник куртки и волосы Джима.

Джим сделал шаг вперед. Смерч отступил.

Стейвсант, как и всякий житель Форт-Мокси, после открытия Купола успел по самую макушку наслушаться всяческих фантастических баек и теорий, так что теперь, без всякой подачи со стороны, мгновенно выдвинул гипотезу о существовании в прерии некой совершенно неизведанной формы жизни, решившей объявиться ему. Эта идея вызвала у него смешок, но заодно заставила задуматься, во что же он верит по-настоящему.

Джим двинулся вперед.

Смерч снова отступил.

Джим продолжал шагать, утопая в глубоком снегу, который набился в ботинки и леденил лодыжки. Смерч отступал, сверкая на солнце и удерживаясь на неизменном расстоянии от Джима. Стоило тому замедлить шаг, как смерч тоже притормаживал. Оставалось лишь надеяться, что все это будет понятно и на экране.

Еще одна машина съехала на обочину, и Джим начал прикидывать, как все это объяснить. Перед его мысленным взором предстал заголовок из следующего номера «Новостей»: «Сумасшедший редактор взят под опеку».

Ладно, тащиться дальше бессмысленно. Полям не видно ни конца, ни краю, они тянутся до самого Виннипега. Решив кончать с этим преследованием, Джим вслух сказал:

— Извини, дальше я не пойду.

Смерч отошел еще ярдов на шестьдесят, после чего рассеялся.

А в снегу на том месте открылось нечто темное.

Джери Тулли.

В тот день Стейвсант обрел веру. Статья, которая действительно появится в «Новостях Форт-Мокси», будет излагать лишь весьма усеченную версию истины.

* * *

К несчастью, готовой церкви в Форт-Мокси под рукой не оказалось. Но Господь всегда печется о своих чадах, и на сей раз позаботился о Коре Йенсене. Кор собирался на время переехать в Аризону, чтобы пожить с сыном и невесткой.

Но не хотел избавляться от своего чересчур просторного дома, пока не станет ясно, как сложатся отношения с семьей сына. Так что возможность сдать дом в краткосрочную аренду заезжему телевизионному проповеднику подвернулась как нельзя кстати. Ему даже в голову не пришло, что в результате от него навсегда отвернутся соседи — по большей части лютеране и методисты, предпочитающие более сдержанные формы богослужения, нежели осанны и риторические громы и молнии, извергаемые Стариной Биллом.

Дом Кора нуждался в кое-какой реконструкции, чтобы послужить новой цели. Добровольцы сломали три стены и получили достойный зал для собраний. (С Кором они заключили договор, согласно которому обязывались впоследствии вернуть дому прежний вид.) Они установили декоративный задник из мореных деревянных панелей и стеллажей, забитых книгами, чтобы сохранить атмосферу студии Билла. Затем установили орган, звукомонтажный пульт и оборудование связи по последнему слову техники. Через два дня после их прибытия, как раз ко времени традиционной субботней вечерни, Церковь-в-глубинке была готова к службе.

Ровно в 19:00 по местному времени дом содрог-

нулся от буйной вступительной музыкальной темы Билла — «Это вера, как встарь», и примерно через тридцать тактов перед камерами появился сам Билл, поприветствовав свою обширную телевизионную аудиторию из Форт-Мокси. Он провозгласил, что Добровольцы прибыли на битву с сатаной, и по его команде набившиеся в дом восемнадцать человек (благодаря чудесам электронной техники звучавшие, будто несколько сотен) завели громогласное исполнение псалма «Бог наш могучий оплот». Хор, находившийся в спальне второго этажа, драпировками и перилами замаскированной под хоры, подхватил псалом, и все вместе очень быстро достигли нужного настроения.

— Братья и сестры, — Билл воздел руки к небесам, — наверное, вы недоумеваете: почему это Добровольцы отправились на самую границу Дакоты? А потому, что многие из нас почувствовали, что мы нужны Господу здесь. Сегодня вечером мы пребываем в тени, отброшенной гребнем Джонсона. — Он посмотрел сквозь линзы объективов прямо в гостиные по всей стране, где собрались у телевизоров верующие. Сидящие дома зрители всегда твердили, что у них складывается впечатление, будто он говорит непосредственно с

ними. — Всего в нескольких милях отсюда ученые открыли свои врата в иной... — Он выдержал актерскую паузу. — ... свет.

Иной свет.

И что же за свет они нашли? Они говорят о деревьях и водоемах, о белых цветах и безобидных тварях, о прекрасных небесах и теплом солнце. Они изъясняются словами, которые весьма знакомы всякому, кто хоть раз заглядывал в Книгу Бытия. — Он улыбнулся. — Конечно, ученые этого не понимают. Они не узнают тот мир, потому что сами слишком сильно принадлежат миру сему.

Но мы-то знаем, где они, братья и сестры мои!

— Аминь! — хором возгласила аудитория.

После службы репортеру из «Виннипег Фри пресс» Альме Киниата удалось загнать его в угол.

— Преподобный Эддисон, — спросила она, — вы действительно верите, что мы открыли Рай?

Они находились в его кабинете на втором этаже новоявленной церкви. Обстановка выглядела по меньшей мере спартанской, а по сравнению с могуществом и влиятельностью владельца кабинета — и вовсе убогой. Он поставил сюда только стол и два стула. На столе мраморные подставки поддерживали Библию, «Божественную волю»

Меткалфа и «Оксфордский теологический вестник». На стене висел портрет матери Эддисона.

— Да, — сказал он, — я искренне в это верю. Наверняка нам этого нипочем не узнать, хотя мне кажется, что если бы я там побывал, то смог бы дать однозначное заключение.

Ответ Альме понравился. Проповедник отзывчив, и статья получится солидная.

— Так вы собираетесь отправиться туда, в Эдем?

— Нет. Ноги моей там не будет. Смертному возбраняется ступать в сад Эдемский.

— Но вы же сказали, что узнаете Рай с первого же взгляда?

— О да! Всякий его узнает.

— Но люди, побывавшие там, вовсе не сделали подобных выводов.

— Я подразумевал — «всякий христианин». Извините, я привык думать обо всем в категориях верующих.

— И как же вы его узнаете?

Веки Эддисона затрепетали.

— Райские кущи наделены божественной сущностью. Адама и Еву очень рано отослали укладывать вещи. Дальновидный шаг, если мне будет позволительно это заметить. — Он осклабился,

будто крупный дружелюбный пес. — Благодаря этому сад Эдемский остался чист. Некому было загадить. О да, это место священно, и я полагаю, что всякий, кому не безразлично благополучие собственной души, признает этот факт тотчас же. Вспомнит об ангеле.

— Об ангеле?

— Да. «И поставил он ангела с пламенным мечом»[17]. Могу вам сказать, что лично я бы не хотел оказаться среди тех, кто вторгнется во владения Господа.

Альма осталась при убеждении, что сам Эддисон ни на грош не верит собственным словам, но все равно опубликовала статью, турнув сатану из порядочной части края.

Но насчет Билла она, между прочим, заблуждалась — в своих признаниях он ни капельки не кривил душой.

* * *

Андреа Ястребица помогла собрать дорожный набор и отошла.

---

[17] notes: 17

весьма искаженная цитата из третьей главы Книги Бытия: «И поставил на востоке у сада Эдемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни»

Видеозапись пробного запуска пиктограммы колец показала стену, лишенную особых примет, с длинным окном. За окном было темно. На этом сведения о последнем из пунктов назначения, связанных с Куполом, полностью исчерпывались. Почему-то всем казалось, что там холодно, поэтому отправляющиеся оделись потеплее.

— Знаете, — заметил Арки, — а ведь рано или поздно мы где-нибудь да застрянем. Это всего лишь вопрос времени.

— Верно, — согласилась Андреа. — Надо разработать тест. Способ добиться уверенности, что мы сможем вернуться домой.

— Если тебе придет в голову что-либо дельное, непременно сообщи, — откликнулась Эйприл. Ей не терпелось заглянуть во все уголки Вселенной, куда можно добраться из Купола; но при том она знала, что после этого непременно отправится в Эдем и начнет исследовать *тамошние* линии. Рано или поздно это кончится плохо.

Андреа заняла место рядом с пиктограммами, а Эйприл, Макс и Арки стали на решетку.

— Мы готовы, — сообщила Эйприл, и Андреа нажала на изображение колец.

— Процедура обычная. — Макс потряс лопатой. — Прежде всего проверим возможность

возврата, а уж после все остальное. — Он повернулся к Андреа. — Мы пошлем обратно лопату. Если номер не пройдет, повесим записку.

Андреа кивнула.

Макс попытался расслабиться. Закрыв глаза от разгорающегося света, он набрал в грудь побольше воздуха. Наверное, это и спасло ему жизнь.

Еще во время первых своих перемещений Макс обнаружил, что с закрытыми глазами не испытываешь такого головокружения. Заметив, как за опущенными веками вспыхивает сияние, он вдруг перестал чувствовать собственное тело, словно прекратил существование. Потом сияние угасло, вес вернулся, а вместе с ним и телесная оболочка.

Но дышать было нечем.

Ужасающий холод охватил его, и Макс рухнул на решетку. В ушах трубно ревела кровь, сердце грохотало, как молот.

Вакуум? Они материализовались в вакууме!

Изо всех сил вцепившись в него, Эйприл оступилась и свалилась с решетки, потащив Макса за собой.

Они оказались в длинном цилиндрическом помещении, заполненном машинами. Темное окно из видеозаписи действительно оказалось

окном, и черноту ночи по ту сторону не нарушала ни единая звездочка.

Единственным источником света была громадная эллиптическая галактика, видневшаяся сквозь окна противоположной стены. Несмотря на всеохватный ужас, Макс не мог не подивиться величественности этого зрелища.

Залитый серебряным светом Арки заковылял к панели транспортного устройства, установленной на столбе, как в Эдеме. Со своего места Макс разглядел две колонки пиктограмм.

Арки оглядел пиктограммы и встретился взглядом с Максом. Макс разглядел в искаженных чертах его лица упрек — и еще что-то.

– *Давай!*

Макс видел взгляд, полный страдания.

– *Вперед!*

Арки глазами указал в сторону решетки. Макс поднял Эйприл, а Арки нажал на одну из пиктограмм. Она засветилась, но пальцы его примерзли к панели, и оторвать их Арки не мог.

Жуткий холод выжал из легких Макса остатки воздуха, взгляд его помрачился, мир застлал черный туман. Теперь Максу хотелось только одного: чтобы все это поскорее осталось позади.

Но рука Эйприл крепко держала его, тащила

обратно. Макс ступил на решетку, и Эйприл свалилась рядом с ним.

Арки рухнул на колени, провожая их взглядом.

Комната начала угасать, и Макс завопил бы от выжигающего глаза сияния, но в его пылающих легких не осталось ни атома воздуха.

* * *

Видеозапись, показанная в «Контрапункте» Эн-би-си, зафиксировала все до мелочей. Зрители всей страны видели, как жутковатая снежная колонна целенаправленно движется по экранам. Если хоть какая-нибудь программа новостей за всю историю телевидения и смогла напугать всю зрительскую аудиторию, то именно эта.

— А ребенка нашли в снегу, — мягко осведомился ведущий программы, — когда вы прогнали это существо прочь?

— На мой взгляд, все обстояло не совсем так, — возразил Стейвсант.

— И как же именно это обстояло, Джим?

— Оно вело себя так, будто пыталось показать мне, где ребенок.

Ведущий кивнул:

— Фил, нельзя ли прокрутить последние кадры еще разок?

На экранах появился кружащийся снег, систематически удаляющийся, застывающий, приближающийся, затем снова удаляющийся и так далее. К сожалению, зрителям не была видна связь между этими состояниями снега и продвижением человека с камерой, и все же они видели вполне достаточно.

— А верно ли то, — продолжал ведущий, — что прежде Джери не совершала ничего подобного?

— Так утверждают ее родители. Не вижу причины не доверять им.

— А как по-вашему, почему она сбежала из дому в этот раз?

— Не знаю. По-моему, просто так получилось, и все тут.

— Джим, а нет ли резона в слухах о том, что ее кто-то приворожил? Что это существо пыталось увести ее прочь из города?

— Я так не думаю, — отрезал Стейвсант.

Камера совершила наезд до крупного плана на ведущего, обратившего вопросительный взгляд на зрителей.

26

О сын мой, прощай!!!
Ты ушел за великую реку...

Из поэзии племени черностопов

Если в этот период в Форт-Мокси кто-то и стал настоящей жертвой несправедливости, то именно Джери Тулли. Но заодно Джери получила бесценный дар, и этот дар являлся оборотной стороной несправедливости.

По каким-то неведомым причинам, так и оставшимся непонятными для легиона осматривавших ее специалистов, Джери росла неправильно, и ее череп никогда не был достаточно просторен, чтобы вместить ее мозг. Следствием этого стало отставание не только в росте, но и в развитии. В ее представлении мироздание являло собой сущий бедлам, капризный и непредсказуемый, где принцип причинности практически не соблюдался.

Удовольствия Джери практически полностью сводились к чему-то осязаемому: улыбке матери, кукле-астронавту, ставшей самой любимой игрушкой девочки, играм с младшими братиш-

ками и пицце, (по вечерам накануне выходных). Телевизором она почти не интересовалась и не могла участвовать в играх, интересующих нормальных детей. Она приходила в восторг, когда гость обращал на нее внимание, и была без ума от «Звездных войн», но только увиденных на большом экране, в кинотеатре.

После того как Джим Стейвсант привел Джери домой в тот морозный апрельский день, Джун Тулли сразу ощутила в дочери какую-то перемену, но никак не могла уловить, в чем она состоит. Ощущение было настолько эфемерным, что она даже ни разу не упомянула об этом при муже.

Уже по самой природе своего несчастья Джери не осознавала, чего лишена, и потому ни чуточки не страдала. Эта простая точка зрения служила безмерным утешением ее родителям. Но когда она, замерзая, упала в снег поодаль от Одиннадцатого шоссе, с ней произошло нечто необъяснимое. Она была напугана, но не за свою жизнь, потому что не понимала, что такое опасность. Она была напугана, потому что не знала, где очутилась и где ее дом. Да еще никак не могла согреться.

Вдруг что-то вторглось в ее сознание. Рассудок ее раскрылся, как цветок под солнцем. Она вдруг поднялась в небеса и оседлала ветер, познав

упоительную радость, не сравнимую ни с чем известным ей прежде. Она вышла далеко за тесные рамки своих возможностей и представлений.

За эту пару секунд Джери постигла сложную взаимосвязь между теплом и ветром, напряжение между чистыми небесами и набухшими влагой тучами. Она взмывала вверх и пикировала к земле, словно и сама стала ураганом — существом, сотканным из солнечного света, снега и крепких ветров.

До самого конца жизни ее убогий рассудок будет цепляться за воспоминания о небесах, когда тьма, хаос и бессилие на время покинули ее. Когда Джери на мгновение уподобилась Богу.

* * *

Адам и Макс вернулись в скафандрах, чтобы забрать тело Арки. Два дня спустя они пришли проститься с ним на тихую католическую панихиду, состоявшуюся в церквушке резервации. Священник, урожденный житель Дьявольского озера, произнес древние слова прощания на языке сиу.

Оплакать погибшего пришли и индейцы, и их друзья. Было много привлекательных девушек и девять игроков юношеской баскетбольной

команды, в которой Арки был помощником тренера.

Макса уведомили, что от него ждут нескольких слов о происшедшем, как от одного из тех, ради кого Арки пожертвовал собой. Макс достал блокнот, чтобы набросать тезисы. Но когда настало время говорить, лежавший в кармане блокнот был позабыт. Максу не хотелось, чтобы люди думали, будто он без бумажки не может выразить свои чувства к человеку, спасшему его жизнь.

— Арки не знал толком ни Эйприл, ни меня, — стоя перед церковной кафедрой, начал он. — Всего несколько месяцев назад мы были совсем незнакомы. Сегодня мы с Эйприл находимся здесь не только благодаря его мужеству, но и потому, что он не потерял головы даже в предельно трудной обстановке. Наверное, он понимал, что не сможет спасти себя, и потому отдал свою жизнь ради спасения наших.

Макс порывисто передохнул. Слушатели подались вперед, чтобы не пропустить ни слова.

— Впервые переступив порог его кабинета, я обратил внимание, что на стене позади него, на самом видном месте, висит лук. Не скрывая гордости, он объяснил, что это отцовский лук. Лук — оружие воина. Мой отец тоже был воином.

И он бы гордился таким сыном. — Голос Макса дрожал. Ему снова привиделась девочка за окном самолета.

Впервые пройдя сквозь Врата вслед за Эйприл, Макс думал, что это воспоминание покинуло его навсегда, но сейчас с холодной ясностью осознал, что оно останется с ним на всю жизнь.

В подобных случаях у племен обеих Дакот и Северо-Запада принято преуменьшать свою скорбь. Вместо оплакивания они превозносят жизнь и деяния духа, облеченного плотью и временно проживавшего среди людей. Во время подобных празднеств проходит и ритуальная раздача подарков членами рода.

В конце церемонии подросток, назвавшийся братом Арки, вызвал вперед Макса, к великому его изумлению.

— Мы кое-что для вас приготовили, — сказал юноша, протягивая Максу длинную узкую коробку, обернутую домотканым полотном. Собрание заинтересованно зашевелилось.

Поблагодарив юношу. Макс открыл сверток. Внутри оказался лук.

— Я не могу его принять! — запротестовал Макс.

Джеймс Ходок встал и повернулся так, чтобы

его услышали все.

— Говоря вашими же словами, лук — оружие воина.

Собравшиеся одобрительно загудели.

— Я не воин, — стоял на своем Макс, — я бизнесмен.

— У вас дух воина, мистер Коллингвуд, — улыбнулся губернатор племени. — Арки отдал жизнь за вас, и род решил, что луком должны теперь владеть вы. — Заметив, что Макс все еще колеблется, прибавил: — Арки и сам пожелал бы, чтобы лук перешел в ваши руки.

* * *

Один из студентов ввел посетителя в кабинет, вопросительно посмотрел на Эйприл и удалился.

— Мистер Асквит? — Эйприл встала, протягивая руку.

— Рад познакомиться, доктор Кэннон. — Асквит вяло пожал ей пальцы. — Не знаю, слыхали ли вы обо мне.

В его интонации сквозила как раз такая доля самоопровержения, что Эйприл сразу догадалась: сам Асквит считает себя отнюдь не второстепенной особой. Разумеется, это тот самый Уолтер Асквит, дважды лауреат Пулитцеровской пре-

мии, критик, эссеист, поэт и романист, автор ряда едких социальных памфлетов, самый свежий из которых, «Последние новости из Вавилона», по данным «Нью-Йорк таймс», уже полгода держится на вершине списка бестселлеров. Эйприл вспомнилось, как во время ее учебы в колледже к ним приехал с циклом лекций человек, чья долгая карьера писателя и редактора уже клонилась к закату. Они разбирали асквитовский цикл очерков «Увязшие в варварстве» — серию сокрушительных выпадов против разнообразных литературных деятелей и произведений, в одном из которых сам лектор на мгновение всплывал на поверхность из небытия, чтобы тотчас же получить между глаз стрелу великого человека. Лектор горделиво показал студентам страницу и строку, где он упоминался, и Эйприл поняла, что эта пощечина стала вершиной его карьеры. Наверное, похожие чувства испытывал брадобрей Данте.

— Мне знакомы ваши работы, мистер Асквит, — отозвалась она. — Чем могу служить?

Про себя же Эйприл подумала, что из этого крупного, одутловатого, сутулого мужчины с седыми волосами, зачесанными на плешь, бросающего короткие, уверенные реплики, получился

бы хороший судья.

— Я бы хотел провести некоторое время в Эдеме, — заявил он.

Записав на листке номер телефона гостевой службы, Эйприл через стол протянула его Асквиту:

— Вас с радостью внесут в список.

— Нет, по-моему, вы не поняли. Я уже побывал там. Я хочу вернуться. Честно говоря, я бы с удовольствием разбил там палатку и пожил какое-то время.

Эйприл демонстративно взглянула на часы. Чины и звания уже не производили на нее никакого действия. Возмутительные требования остаются возмутительными, чьи бы уста их ни изрекали.

— Извините, мистер Асквит, вряд ли мы можем позволить...

— Доктор Кэннон, я прекрасно представляю научное значение Купола. Но сомневаюсь, что вы осознаете психологические и философские последствия своего открытия. Человечество, черепашьим шагом двигавшееся вперед, подошло к развилке. Мы ступили в обширный лес. Известный нам мир затаился в предчувствии чего-то нового, но не знает, чем это новое обернется. Потому-то на фондовых биржах и воцарился хаос,

потому-то и расхаживают перед Белым домом демонстранты, потому-то Объединенные Нации и схлестнулись в самых пылких дебатах за последнее десятилетие. Когда вы пару недель назад перешагнули бездну, войдя в этот неведомый, новый свет, вы открыли новую эру.

Кто-то должен описать все это. Кто-то должен наделить повседневные события историческим и литературным значением. Мы привыкли считать, что если из всего двадцатого века будут помнить лишь одно конкретное событие, то этим событием будет посадка на Луну. Но... — Асквит посмотрел Эйприл прямо в глаза. — Посадка на Луну — сущий пустяк, доктор Кэннон. Поворотный момент — не столетия, а всей современной истории — настал сегодня. Я знаю, что вы начали приглашать специалистов — математиков, геологов, астрономов и бог знает кого еще. Все это на пользу, это необходимо делать. Но мы нуждаемся также и в человеке, единственной обязанностью которого было бы решать, а каково же значение происходящего здесь. Стоять поодаль, пока остальные измеряют, взвешивают и рассуждают, дабы приложить эти события к прогрессу человеческого духа. — Сложив ладони вместе, он опер подбородок о пальцы. — Полагаю, я как нельзя

лучше подхожу на эту роль. Фактически я уже проделал обширную подготовительную работу, имею кое-какие наметки и был бы весьма польщен, если бы меня удостоили честью принять участие в происходящем.

«А он, пожалуй, в чем-то прав», — подумала Эйприл.

— И что же именно вы задумали? Серию очерков?

— О нет, ничего подобного! Я бы предпочел нечто более фундаментальное. Труд всей жизни.

— Позвольте мне поразмыслить об этом. Я свяжусь с вами.

— Рабочее название «Древние берега». — Он протянул Эйприл визитную карточку. — Надо начинать без промедления.

С этим он удалился. Эйприл решила, что согласится на предложение. Подобная огласка ничуть не повредит. Но сначала надо обсудить это с Максом.

Эйприл взялась за оставленные для нее записки. К Пег Молл, их координатору, звонил человек, назвавшийся менеджером рэп-группы «Шелудивый пес». Музыканты хотели дать концерт на гребне Джонсона. Пег сообщала, что они сулили продать двести тысяч билетов.

* * *

Когда зазвонил телефон, Макс и Эйприл обсуждали план отправки ремонтной бригады в зал, где погиб Арки. (Это место уже успело стать несравненно более заманчивой целью для исследователей, чем Эдем.)

Эйприл сняла трубку, с минуту слушала молча, потом сказала «спасибо», положила трубку на рычаг и повернулась к Максу.

— Ряд инвесторов формирует корпорацию по управлению путешествиями на все планеты, связанные с Куполом. Нам предлагают три четверти миллиарда долларов за исключительные права.

— Цена растет, — заметил Макс.

— Они называют свою компанию «Небесные туры», — печально усмехнулась Эйприл.

* * *

Детройт, 1 апреля (Рейтер)

Газета «Детройт фри пресс» сегодня сообщила, что «Детройтские львы» намерены отправиться в Фарго, Северная Дакота. Согласно анонимным источникам, клуб заключил сделку с Мануэлем

Коразоном, главой конгломерата «Прерия Индастриз», и факт продажи будет обнародован завтра. Ожидая одобрения остальными членами лиги, команда в следующем году переедет по новому адресу и будет переименована в «Пришельцев Фарго».

«Прерия Индастриз» специализируется преимущественно на производстве сельскохозяйственного оборудования.

Спецвыпуск программы Ларри Кинга на Тиэн-ти от 1 апреля. Гость: Дмитрий Полкаевич, получивший Пулитцеровскую премию за «Стальные мечты», аналитическую историю СССР. Тема: новая русская революция. (Обусловленная тогдашними страхами, что в России зреет правый переворот.)

Кинг: Значит, вы не считаете, что вероятно возрождение национализма?

Полкаевич: Ларри, мир меняется прямо на глазах. Правду говоря, в России есть элементы, способные породить свою собственную разновидность фашизма, будь у них такая возможность. Равно как имеются желающие возродить учение Ленина. Но ход истории уже обрек и тех, и других

на уход в небытие.

Кинг: Хорошо, я рад это слышать. Позвольте еще спросить, прежде чем мы обратимся к телефонным звонкам: куда ведет нас ход истории?

Полкаевич: Предсказание будущего — занятие рискованное.

Кинг: Да. Но вы же только что заявили...

Полкаевич: Что некоторые тенденции развития общества самоочевидны. Ларри, вы, конечно, следите за развитием событий близ канадской границы?

Кинг: Вы о Куполе? (Улыбается.) Просто не знаю, куда от них деться. Откровенно говоря, на следующей неделе мы планируем провести передачу оттуда.

Полкаевич: Звездный мост — это Рубикон.

Кинг: Для русских политиков?

Полкаевич: О да. И для армянских тоже. И для китайских. Ларри, я мысленно уже не считаю себя просто москвичом или даже русским. Нет, мы с вами теперь граждане Земли. Эпоха государственных границ и правительств, своими мелочными дрязгами сеющих рознь между народами, уходит в прошлое.

Кинг: То есть правительства становятся излишними?

Полкаевич: Да, если речь идет об отдельных правительствах. Я считаю, что скоро мы станем свидетелями возникновения единого мирового сообщества. К сожалению, переходный период будет представлять немалую опасность. Люди склонны презирать свои правительства, но будут сражаться насмерть, чтобы сохранить их. И страхи их не лишены основания. Если мировое правительство окажется деспотичным, куда же от него бежать? Хотя теперь, пожалуй, у нас есть ответ на этот вопрос. (Хмыкает.)

Кинг: Дмитрий, ваша реплика, что вы больше не считаете себя русским, весьма интригует меня. Не могли бы вы чуточку развить эту тему?

Полкаевич: Ларри, теперь мы знаем, что не одиноки во Вселенной. Где-то в ее просторах есть и другие разумные существа, причем совсем близко от нас. Это знание заставит нас сплотиться.

* * *

ФБР. СЕКРЕТНО.

КОМУ: Следственному управлению IV

ОТ: Агентурного центра, Мортон, Айдахо

КАСАТЕЛЬНО: ориентировки SIR/27

В данном регионе формируется груп-

па ультраправых с целью захвата входа во внеземное пространство на гребне Джонсона, Северная Дакота. Они намереваются объявить новую планету суверенной территорией, после чего тут же потребовать предоставления ей прав штата.

В приложении А перечисляются активисты группы. Почти все имеющие отношение к руководству состоят на учете. В приложении Б содержатся заявления для прессы и публичные выступления лидера группы Джона Филдера и ее основателя Абнера Райта. Обратите внимание на их озабоченность по поводу того, что Купол находится в руках иностранцев (по-видимому, они имеют в виду сиу), и их недвусмысленное намерение отобрать его силой. Будем информировать по мере развития ситуации.

КОМУ: Директору таможенной службы, Чикаго, Иллинойс

ОТ: Директора регионального пропускного пункта, Форт-Мокси, Северная Дакота

КАСАТЕЛЬНО: Статуса Купола

Как вам известно, люди покидают страну и входят в нее через так называемую транспространственную дверь на гребне Джонсона. Пожалуйста, сообщите, следует ли считать гребень Джонсона пропускным пунктом в таможенном отношении. Конечно, никто не доставляет грузов, представляющих коммерческую ценность, во всяком случае, насколько нам известно. Но имеются также законы об охоте и рыбной ловле, а также прочие, имеющие в данном случае определенное значение.

Если будет принято решение учредить на месте таможенный пункт, прошу принять во внимание, что это потребует увеличения численности личного состава.

* * *

Рейтинг «Проекта сорок» взмыл до небес. Как следствие, критический настрой Старины Билла также воспарил к горним высям.

Среди врагов Билл числил почти всю прессу, либеральных политиков и церкви с левым уклоном, сиречь разнообразные силы, потворствующие

моральному падению американского народа. Ему приписывали все мыслимые преступления, но особенно упирали на мошенничество и лицемерие. Его обвиняли в выклянчивании денежных пожертвований, называли религиозным прощелыгой и даже подозревали в неверии в Бога.

Строго говоря, все эти обвинения были далеки от истины. Если начать с конца, то Билл не раздумывал о теологии настолько всерьез, чтобы тревожиться о мелочах, но свято верил, что нелицемерными молитвами каждый может проторить тропку к Господу в палаты. «Не стесняйтесь пользоваться телефоном, — любил повторять он. — Только говорите, не кривя душой, и Бог никогда не бросит трубку».

Он свято верил в собственную непогрешимость, потому что наделял надеждой отчаявшихся, оставшихся без руля и без ветрил, и одаривал отверженных чувством сопричастности. Всякому, кто приходил к нему, кто бродил по разнообразнейшим Синаям своей жизни, духом стремясь к Добровольцам, он приносил спасение, избавление от мук и наставление.

О да, Билл веровал! Господь стоял обок с ним, когда под пение хора и глас труб люди с рыданиями очищались от грехов и клялись исправиться.

И уж наверняка он творил все это отнюдь не ради денег.

Деньги — это хорошо, этого Билл никогда не отрицал. Но всегда считал их естественным побочным продуктом праведных деяний, следования путем Господним, жития по Писанию. Истинным источником его вдохновения служило ликование, вспыхивавшее в душе, когда Билл лицезрел аудитории в англоговорящих странах по всему миру и ощущал их отклик на правду Господню. Он любил покорять их властью Благой Вести, держать их чувства в своих руках и при помощи возвышенной риторики разбивать оковы, привязывающие их не к бытию земному, а к прозаическому быту.

Билл прозревал романтику, таящуюся в повествовании о Боге-изгнаннике, любившем свой народ и пошедшем на римский крест за всех, кто рождался на Свет. Да! Такое люди понимают и любят. А Билла они любят за то, что он сделался частью Благой Вести.

Его вторая передача из Форт-Мокси состоялась во время самого последнего бурана в сезоне. Биллу нечасто доводилось видеть снег в таких количествах, и это зрелище вдохновило его. Глядя на несущиеся за окном снежные хлопья, он

постиг любовь Бога к Адаму вопреки ослушанию того. И почувствовал, что сердца людей бьются в унисон с его собственным.

— Но Адам вернулся в сад Эдемский.

— Аминь! — вскричали Добровольцы.

— О Господи, мы нуждаемся в Твоей защите!

— Аллилуйя!

— Дай нам знамение! Покажи неверующим, что стоишь на нашей стороне!

Билл призвал слушателей написать своим представителям:

— Требуйте, чтобы мы покинули запретный край, ибо мы глухи к Его словам! — Слезы выступили у него на глазах. Ветер начал усиливаться. Билл ощутил Присутствие. — Покажи им силу Свою, Бог Авраама. Заклинаю именем Сына Твоего!

Уловив намек, хор запел гимн. Стены задрожали, люди возрыдали, ветер прильнул к зданию. Надежная Аманда Декстер, неизменно закатывающаяся в истерике в кульминационный момент всякого удачного богослужения, провизжала свою безграничную благодарность Создателю и рухнула, конвульсивно содрогаясь.

Они пропели несколько псалмов, пока ветер бился в стекла. Билл ощутил, как в его душе что-то

раскрывается, и могущество Ангела Господня входит в него. И снова познал чистейшее ликование от обращения людей на путь Господа. Он влился в Ангела и стал един с ним, направляя ветры, наблюдая, как снег заваливает крышу и ставни, забивает водосточную трубу, укутывает здание, сглаживая острые углы и резкие очертания.

Внезапно он снова оказался в студии-церкви. Орган смолк, а рухнувшие в проходах изнеможденные Добровольцы помогали друг другу встать на ноги, оглашая воздух возгласами «Аллилуйя!», и без сил валились на стулья.

— Восхвалите Господа! — воскликнул побледневший, землисто-серый Марк Мейер, глядя в лицо Биллу. — Вы ощутили это?!

— Да, ощутил, — дрожащим голосом отозвался Билл. Сегодня он отчетливо, как никогда, осознал, что побывал в дланях Всеблагого. И добавил: — По-моему, нам было дано знамение. По-моему, нам на самом деле было дано знамение!

Тут он вспомнил о телекамерах. И пока он ломал голову, пошла ли в эфир его реплика, свет погас.

— Проверьте пробки! — крикнул кто-то.

Его люди не придали значения маленькому перебою с подачей электроэнергии и с ликованием

продолжали распевать «Победа в Иисусе».

Билл надел радионаушники с микрофоном, чтобы переговорить с Гарри Степлсом, шефом команды техобслуживания.

— Пару секунд, и свет будет, — заверил его Гарри.

В зале царила непроглядная темень. Даже через окна не пробивался ни единый лучик света, из чего следовало, что уличные фонари тоже погасли.

— Всем оставаться на местах, пока электричество не будет включено вновь! — распорядился Билл.

В это время режиссер сообщил, что трансляция прервана, и добавил:

— Но вырубились мы с лязгом.

То есть студия в Уитбурге успела вовремя подключиться и заполнить эфир религиозной музыкой.

Добровольцы только что допели «Иисусе». Они радовались, торжествуя над-темнотой, как и над всем остальным.

В наушниках снова раздался голос Гарри:

— Преподобный, электричество отказало снаружи. Отопление тоже отключилось.

На лестнице заплясали лучи света электрических фонариков.

— Ладно, давайте закрываться и убираться отсюда, — вздохнул Билл. Они разместились в мотелях близ городка Моррис, провинция Манитоба, в получасе езды на север от границы. Билл повернулся к собранию. — Вы отлично справились. Поехали домой.

Добровольцы направились, к дверям, натягивая пальто и сапоги. Билл ждал, беседуя с людьми. Послышался звук открываемой двери.

И тут же грубый мужской голос рявкнул, напрочь разбив настроение всего вечера:

— А это еще что за черт?!

Кто-то захныкал.

За дверью была сплошная снежная стена.

* * *

Фрэнк Молл сидел дома, слушая концерт Моцарта, когда свет погас и музыка оборвалась. Сквозь свое витражное окно Фрэнк увидел, что уличный фонарь, установленный прямо перед домом, тоже погас.

Пег вышла из своего кабинета с фонариком в руках и направилась к распределительному щитку.

— Да тут все накрылось, — сказал ей Фрэнк, беря телефонную книгу.

— К сожалению, все наши бригады технического обслуживания в данный момент заняты, — произнес автоответчик электрической компании. — Пожалуйста, не кладите трубку. Вам ответят.

Положив трубку, Фрэнк закинул ноги на подушечку.

— Должно быть, обрыв линии где-нибудь.

На улице стоял мороз, но дом был хорошо утеплен.

Они с Пег поболтали в темноте, наслаждаясь передышкой, неожиданно вклинившейся в рутину будней. Потом Ходж Элиот, живущий через дорогу от них, с керосиновой лампой в руках вышел на крыльцо и посмотрел куда-то вдоль улицы.

Зазвонил телефон.

— Фрэнк? — зазвучал в трубке голос Эди Торальдсон. — С домом Кора случилось что-то странное. Мы высылаем взвод.

Речь шла о команде быстрого реагирования, которую Фрэнк некогда возглавлял.

— А что? Что стряслось-то?

— Толком не знаю. Видимо, кто-то погребен. Насколько я знаю, из Кавалера выехала полиция. Я подумала, что было бы неплохо, если бы и ты кинул взгляд.

— Ладно, — озадаченно произнес он.

Пег с тревогой взглянула на мужа:

— Что там?

— Не знаю. Эди говорит, что кого-то погребли. Вот только что это, черт подери, означает? — К этому моменту он уже надел пальто. — Держи дверь на замке.

До дома Кора всего шесть кварталов пути. Фрэнку пришлось пережидать во дворе, пока проедет колонна машин с добровольными пожарными. Потом он задним ходом сдал на улицу и повернул налево. Две минуты спустя он остановил машину у обочины позади толпы, забившей улицу на полквартала от дома Кора. Фрэнк подъехал как раз вслед за командой быстрого реагирования. Кругом густо росла бузина, и разглядеть, что случилось, было трудновато. Зато прекрасно слышен был шум толпы.

В это время подъехала пожарная машина, и толпа расступилась, давая ей дорогу. И тогда Фрэнк наконец-то узрел, в чем дело.

На месте дома Кора, с недавнего времени ставшего Церковью-в-глубинке, высился двухэтажный снежный цилиндр. И венчал его затейливый завиток, будто крем — трубочку с мороженым.

27

Он требовал знамения.

Майк Тауэр, «Чикаго трибьюн» (из комментария по поводу Старины Билла и причудливого бурана возле Церкви-в-глубинке)

Гарри Миллз любил говаривать, что он — возделанная нива, несущая доброе семя. Он тридцать лет проработал в конгрессе Соединенных Штатов Америки, восемь в роли председателя сенатской комиссии по вооруженным силам, а при Мэтте Тейлоре стал вице-президентом. Людям Гарри говорил, что у него нет иных политических целей, кроме служения народу. Когда у него появится шанс претендовать на высший пост, ему исполнится уже семьдесят семь.

Поэтому он решил уйти в отставку по окончании первого срока Тейлора на посту президента, будучи еще достаточно молодым, чтобы насладиться бездельем. Можно будет писать мемуары, путешествовать по стране, навещать внуков, расселившихся от Спокана до Кей-Уэст, и вернуться к серьезной игре в бридж — страсти, оставленной

четверть века назад.

Проблема лишь в том, что он уже, наверное, слишком стар. Он утратил интерес к политике и вкус к власти. Ему больше не доставляет удовольствия ни воздействие на жизнь общества, ни работа бок о бок с тем, кто принимает кардинальные решения, ни даже традиционные воскресные теледебаты. Сегодня ему пришлось принимать короля Иордании, хотя Гарри всем сердцем желал посидеть дома с Мэриан, сбросить ботинки и посмотреть по телевизору какой-нибудь хороший фильм.

Как обычно случается на подобных аудиенциях, на него набросилось полдюжины кровопийц, желавших с его помощью протиснуться в повестку дня. Одним из них был директор НАСА Рик Кьюф — невысокий (едва-едва пять футов шесть дюймов), узкоплечий и узколобый (в обоих смыслах), уклончивый, рассеянный и частенько меняющий тему разговора без малейшего предупреждения. Один из столичных ученых мужей как-то заметил, что общаться с Кьюфом — все равно что пытаться поддерживать непринужденную беседу с человеком, прячущимся за деревом. Гарри подошел к столу с закусками — тут-то директор НАСА и настиг его.

Кьюфа Гарри очень не любил. Тот приобрел популярность благодаря прошлым заслугам — раньше директор был астронавтом, — и его гораздо больше интересовала собственная карьера, нежели дела вверенной ему организации.

Покачивая бокалом с коктейлем из рома и кока-колы, Кьюф старался напустить на себя вид человека, пострадавшего от косности и глупости бюрократического аппарата. Обменявшись с Гарри любезностями, он ринулся в бой.

— Мистер вице-президент, у нас возникла проблема. Это насчет штуковины на гребне Джонсона. Мои люди начинают сомневаться, есть ли у них будущее.

Когда была популярна идея пилотируемых космических полетов в военных целях, Кьюф стоял за нее горой, но в последние годы не менее пылко выступал за использование космоса на благо экономике, науке и национальной безопасности.

— В каком это смысле? — не понял Гарри.

— Вы что, серьезно?! Да что проку от носителей и челноков, когда можно просто ходить? — Кьюф одним духом опустошил стакан. — Что президент намерен предпринять по этому поводу?

Разговоры о Куполе уже навязли у Гарри в зубах. Человек неробкого десятка, он был убежден,

что со временем все уладится и жизнь пойдет своим чередом.

— Расслабьтесь, Рик. Для НАСА дело всегда найдется.

— Ну так пусть кто-нибудь скажет об этом моим людям, потому что они уже посматривают на сторону. Мистер вице-президент, они начинают сваливать! И это преданные люди. Незаменимые. Как только у них возникает ощущение, что их труд никому не нужен, они уходят. Организация просто гибнет!

«И твоя должность вместе с ней», — подумал Гарри, а вслух сказал:

— Я поговорю с президентом. Не сомневаюсь, что он охотно сделает заявление о намерениях.

— По-моему, он может сделать кое-что получше. Хотите выслушать мое предложение?

Гарри молча покручивал бокал пальцами, ожидая.

— Ликвидируйте этот район. Пошлите звено «эф-сто одиннадцатых» и сровняйте этот гребень с землей. Извиниться вы можете после, и никто не пожалуется. Никто.

* * *

ВИНОВНИК ЧУДОВИЩНОЙ КАТАСТРОФЫ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ПОДВЕРГНУЛСЯ НАПАДЕНИЮ «ПРИШЕЛЬЦА»

Гранд-Форкс, Северная Дакота, 2 апреля (ЮПИ)

Водитель, виновный в субботней автокатастрофе на шоссе №1-29, повлекшей столкновение семи автомобилей, заявил, будто «нечто» вырвало у него руль и повело машину через разделительную линию на встречную полосу. Двадцатидевятилетний Джон Калвер из Фарго настаивает, что вчера он не мог взять под контроль свою «хонду». Полиция утверждает, что Калвер был явно пьян, когда врезался в ехавший навстречу автофургон, начав тем самым серию столкновений, унесших три жизни.

* * *

Пресс-конференции на гребне Джонсона проводились ежедневно в час дня. Сборная команда репортеров в скафандрах побывала на галактической станции, по-видимому, расположенной в космическом пространстве. Подтвердить или опровергнуть это предположение пока невозможно, так как выхода из зала найти не удалось. Но если станция действительно расположена вдали от небесных тел, то отсюда следует, что искусственная гравитация осуществима на практике. Запланирована научная экспедиция на станцию.

Однако сегодня никто ни о чем не желал слышать, кроме Пришельца.

Стоя рядом с Адамом Небо, Эйприл произнесла краткое заявление, признавая, что не исключена весьма малая вероятность проникновения сквозь Портал некоего существа.

— Но нам так не кажется. Мы практически уверены, что на самом деле имел место лишь небольшой сбой. В результате сбоя открылся канал между гребнем Джонсона и одной из других станций.

— Лабиринтом? — уточнил Питер Арнетт из

Си-эн-эн.

— Да.

— Эйприл, — напирал он, — когда вы откроете Лабиринт для нас?

— Как только будет достоверно установлено, что он необитаем, Питер. — (Не то слово. Надо было сказать «пуст», это прозвучало бы менее зловеще.) — Но мне хотелось бы подчеркнуть, что мы провели там более двух часов, не заметив никаких признаков жизни. Нас никто не преследовал, не нападал и не угрожал нам. Когда мы вернулись, система реактивировалась сама по себе. Никто не появился, и нет никаких доказательств чего-либо иного, кроме неполадок. Надеюсь, это положит слухам конец.

— Значит, вы не видели вообще ничего? — осведомился корреспондент «Ле Паризьен».

— Именно так.

— Но что же вы ожидали увидеть, если существо невидимо? — подхватил представитель «Лондон таймс».

— Ну что тут скажешь? — развела Эйприл руками. — Мы ничего не видели, больше мне сказать нечего. Если «Таймс» хочет пуститься в домыслы, милости прошу.

— А что вы думаете по поводу заявления Ди-

кина? — спросил репортер «Правды». — Дикин клянется, что сквозь Врата кто-то все-таки вошел.

Эйприл напустила на себя несчастный вид:

— Вам следовало бы спросить об этом у доктора Дикина.

Репортеры, как и все остальные, любят сенсации. Эйприл понимала, что они колеблются между своим природным скепсисом и безмолвной надеждой, что в этих слухах что-то есть. Всякому понятно, что благодаря таким новостям газеты и продаются. В преогромных количествах.

Конечно, Эйприл говорила далеко не искренне. Охранником, увидевшим, что загорелась не та пиктограмма, был Джордж Чистый Родник. Джордж тоже убежден, что сквозь Врата кто-то вошел. Но они уже убедились на горьком опыте, что сообщать публике обо всем, что знаешь, далеко не безопасно.

— Стоит сказать на пресс-конференции, что мы думаем на сей счет, — сказал Макс, — и паники не миновать.

— Никакой паники не будет, — не согласился Адам. — Это правительство любит решать за народ, как тот себя поведет в той или иной ситуации. По-моему, лучше сказать правду.

— Правду люди склонны преувеличивать, — устало поглядел на него Макс. — Ты давно не ездил по округе? В окрестных городках двери вечером запирают на засов. И детишек гулять почти не отпускают.

* * *

«Полуденные новости», КЛМР-ТВ, Фарго

Анкор: Сегодня в Форт-Мокси и его окрестностях происходят еще более странные события, Джули. Вначале мы показали эксклюзивное интервью, которое нам дал человек, утверждающий, что он разговаривал с невидимым существом, обитающим в приграничном районе.

(Панорама на железную дорогу с высоты птичьего полета. Видно депо, ряд цистерн и пустых платформ. Постепенный отъезд с переводом камеры на горизонт.)

А вот еще один рассказ о так называемом Пришельце, посетившем наш город. Репортаж Кэрол Дженсен из Нойеса, штат Миннесота.

(Мы видим Дженсен, стоящую рядом с железнодорожными путями, перед белой цистерной.)

Дженсен: Вот здесь это и произошло, Клод. Мы находимся в маленьком депо в Нойесе, Миннесота, примерно в миле к югу от канадской границы.

Пару дней назад работник железной дороги встретился здесь с внеземным существом, якобы появившимся из Купола на гребне Джонсона. Этот работник, Карт Холлис, после инцидента был доставлен в больницу, но сегодня он пребывает в добром здравии и находится с нами здесь.

(Общий план. Рядом с журналисткой стоит Холлис.)

Как вы себя чувствуете, мистер Холлис?

Холлис: Спасибо, нормально.

Дженсен: Что же здесь произошло на самом деле?

Холлис (нервничает): Кто-то позвал меня по имени. Вроде бы как ветер. (Пытается воспроизвести звук.)

Дженсен: А кто-нибудь еще слышал его?

Холлис: А то как же. Инспекторша слыхала. Спросите вон у нее. Вот тут все и было.

Дженсен: Он сказал что-нибудь еще?

Холлис: Не словами.

Дженсен: А чем же, если не словами?

Холлис: Толком не знаю. Вызвал у меня потешное ощущение.

Дженсен; Какое же, мистер Холлис?

Холлис: Вроде как я полетел. Слушайте, если по правде, так я напугался... (Колеблется.) Напугался

до чертиков.

Дженсен: И что же было дальше?

Холлис: Я сомлел.

Дженсен: Вот так, Клод.

(Переход на общий план, показывающий товарную станцию с верхней точки.)

Здесь голос слышал еще один человек. Стало ли это депо местом встречи человека с внеземным существом? Или просто в тех местах, где многие люди сообщают о странных событиях, воображение начинает выкидывать с людьми разные фокусы?

Анкор: Спасибо, Кэрол. Теперь перейдем к самому Форт-Мокси. Смотрите очередной репортаж Майкла Уайдмена из Церкви-в-глубинке, где вчерашняя вечерня была прервана весьма необычным образом.

* * *

Участнику пенсионной программы «Холиок Индастриз»

Дорогой пенсионер!

Как вам известно, экономика страны переживает крайне трудные времена. Пенсионные фонды зависят от экономического благосостояния страны, и наш

фонд – не исключение. Многие годы мы вкладывали все свои силы в защиту наших ресурсов, умеренно и осторожно инвестируя имеющиеся средства. Но никакие пророки не могли предвидеть падение последних месяцев, равно как и принять меры против него.

Пенсионная программа вашей фирмы, как и программы многих других корпораций, за считанные дни претерпела существенное обесценивание вложений. К счастью, в нашем распоряжении имеется резервный фонд, отложенный специально для того, чтобы дать нам поддержку в подобных экстренных ситуациях. Но уже сами масштабы проблем, подрывающих национальную экономику, вынуждают нас распоряжаться резервами крайне осмотрительно. Чтобы вы и в дальнейшем могли спокойно рассчитывать на регулярность выплат, мы вынуждены сократить вашу майскую пенсию на 421 доллар, до 1166 долларов 35 центов. Надеемся, что это снижение пенсии будет лишь одноразовой акцией. Уверяем вас, что попечители пенсионной программы

прикладывают все свои силы, стоя на страже нашего общего будущего.

Мы искренне признательны вам за поддержку и понимание в этот трудный период.

Дж. Б. Холдуэй, исполняющий обязанности директора

* * *

В тот же самый день, когда «Холиок Индастриз» разослала своим пенсионерам скверные новости, в «Дер Тагесшпигель» было опубликовано заявление Хайнца Эрхардта из Берлинского университета, прошлогоднего лауреата Нобелевской премии по экономике. Эрхардт признал, что после новостей из Северной Дакоты мировую экономику залихорадило.

— Краткосрочный спад неизбежен, — сказал он. — Но зато возникает возможность промышленного применения открытий в производстве материалов и транспорте. Нет никаких оснований полагать, будто они окажутся непригодными для применения, и человечество шагнет в период процветания, какого еще не знала история.

Но весь мир остался глух к его словам. К исходу

дня коэффициент Доу-Джонса упал еще на 240 пунктов и продолжал катиться под гору.

* * *

«Ларри Кинг в прямом эфире».

Гость: доктор Эдуард Баннерман из Института фундаментальных исследований.

Кинг: Доктор Баннерман, высказывание о том, что самой грандиозной новостью является существование так называемой галактической станции, приписывается вам. Чем вы его обоснуете?

Баннерман (смеется): Ларри, грандиозны все эти новости до единой. Но вероятность, что станция, на которой погиб Арки Рыжий Папоротник, действительно расположена в космическом пространстве, дает грандиозный толчок целой цепи невероятных событий.

Кинг: Почему?

Баннерман: Позвольте объяснить это простыми словами.

Книг: Хорошо.

Баннерман: В этой комнате предметы падают вниз. Согласно рапортам, галактика своего положения в окне не меняет. Таким образом, данная станция не вращается. А если и вращается, то

крайне медленно. А это факт величайшей важности, поскольку он наводит на мысль, что коль станция находится вдали от массивных планет, то на ней имеется установка искусственной гравитации.

Кинг: Я понимаю, что это может иметь важное значение. Но...

Баннерман: Ларри, если бы нам удалось создать установку искусственной гравитации, то мы смогли бы снизить, а то и полностью аннулировать воздействие земного тяготения. Словом, получить антигравитацию. Подумайте, какие выгоды она предоставит даже простому домовладельцу, например. Хотите передвинуть диван? Прицепите к нему антигравитационный диск и пусть диван летит себе в соседнюю комнату.

* * *

Гораций Гибсон начал самостоятельную жизнь, работая страховым агентом. Вскоре работа ему наскучила, и Гораций вступил в морскую пехоту, поднялся по служебной лестнице до командира батальона, получил Серебряную звезду за Персидский залив и медаль Славы за Иоганнесбург. О его подразделениях столько писали, что вырезками можно было бы оклеить кабинет Гибсона. В

1996 году он ушел в отставку, попробовал новую гражданскую работу, на сей раз торговлю недвижимостью, и продержался на ней почти год. А в годовщину ухода из армии Гибсон вступил в корпус судебных исполнителей США.

За два года он поднялся до командира группы специальных операций, расквартированной в Пайнвилле, Луизиана.

Люди Горация любили. Он охотно брал на себя руководство, когда обстоятельства того требовали, и не жалея сил добивался, чтобы операция под его руководством достигла максимального эффекта при минимальном риске.

Он был дважды женат и оба раза развелся. Его жизнь казалась обеим экс-женам чересчур непоседливой и нерегулярной. Оба его сына (не без основания) винили в этих домашних катастрофах Горация и поддерживали с отцом довольно натянутые отношения. Гораций так и не нашел, чем заполнить зияющую дыру в личной жизни, и в результате подолгу задерживался на работе. Его начальник Карл Россини любил подшучивать над Горацием, повторяя, что ему нужна женщина. Самое же смешное состояло в том, что Гораций действительно нуждался в женщине и сам знал об этом.

Пока же он развлекался, когда подворачивалась возможность. С годами таковая подворачивалась все реже, и причиной тому был не только возраст, но и возрастающая разборчивость. Но иногда радости выпадали и на его долю, одна из которых приняла облик Эмили Пэсинджер, роскошной молодой особы, повстречавшейся Горацию во время благотворительной вечеринки в пользу Пайнвилльской библиотеки. Они несколько раз вместе отобедали, пару раз сходили в кино и начали вместе бегать трусцой по утрам. Однако Гораций отметил, что она не горит желанием завязать более прочные отношения, и отнес это на счет своего послужного списка. Она не хочет стать третьей жертвой.

Посему Гораций предпринял кампанию, имевшую целью продемонстрировать, что теперь он не только стал более зрелым, но и одомашнился. Первым шагом стало приглашение Эмили отобедать у него дома, и когда она согласилась, Гораций с энтузиазмом взялся за подготовку к вечеру. Купив пару телячьих огузков и бутылку дорогого шампанского, потратившись на керосиновую лампу, призванную создать романтическую атмосферу, он целый день отдал уборке. В тот же вечер, через двадцать минут после того как он

открыл шампанское, зазвонил телефон.

28

О, за хижину в какой-либо пустыне...

Уильям Купер, «Задача»

Худой бородатый мужчина озирал Тихий океан из своего дома в Лагуна-Бич. По спокойной глади вод неспешно шел сухогруз, по ясному небу были разбросаны кудрявые облака.

Держался мужчина как-то неуверенно, и стороннему наблюдателю пришлось бы порядком поломать голову, чтобы понять, куда направлено его внимание. В правой руке у него был бокал сухого белого вина.

Подобно гавани, город раскинулся перед ним как на ладони. По прибрежному шоссе непрерывным потоком катили машины. Он бросил взгляд на часы, как делал каждые две-три минуты уже на протяжении часа.

Зазвонил телефон.

Отвернувшись от окна, мужчина уселся за письменный стол.

— Алло?

— Грег, все готово.

В Фарго почти два часа.

— Ладно. Они знают, что мы идем?

— Пока нет. Слушай, насколько сильно ты можешь повлиять на федералов?

— Не очень.

— Постарайся.

Человек из Лагуна-Бич смотрел на авиабилеты.

— Выше голову, Уолтер. До встречи через несколько часов.

* * *

ШЕСТЕРО ПОГИБШИХ, СОТНИ РАНЕНЫХ ВО ВРЕМЯ АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ЛОКАУТА

Сиэттл, 4 апреля (АП)

Недовольство рабочих сегодня переросло в полномасштабный мятеж на трех ведущих аэрокосмических фирмах, когда руководство отказалось принять обратно рабочих, уволенных вследствие несанкционированной забастовки. Вспышка насилия последовала за беспорядками, возникшими после одновременного объявления о «корпоративной перестройке» на прошлой неделе, повлекшей массовое

сокращение числа рабочих мест.

ПОСЕТИЛ
ЛИ ФОРТ-МОКСИ ПРИШЕЛЕЦ?

Имеются сообщения нескольких источников, что неизвестное существо с другой планеты прошло сквозь Врата, расположенные на гребне Джонсона, и теперь свободно разгуливает в районе Форт-Мокси. Ходят слухи о голосах в звуке ветра, о похищении детей, о буранах, бушующих вокруг отдельных людей. А также погиб человек при загадочных, можно даже сказать, зловещих обстоятельствах.

На прошлой неделе Джек Макгвиган бросил свои мотонарты в лесу в стороне от шоссе №32 в округе Кавалер и выбежал на шоссе, где его сбил мебельный фургон. Водитель фургона сказал, что Макгвиган словно убегал от кого-то или от чего-то.

Полиция округа Кавалер завалена сообщениями о подозрительных случаях, а те, кто недавно побывал в этой местности, сообщают, что впервые за всю историю люди начали запирать двери.

Тем временем стали распространять-

ся еще более нелепые слухи. Старина Билл Эддисон, за время своей карьеры заездивший не одну небесную лошадку, предупреждает, что мы вторглись в сад Эдемский и выпустили ангела-мстителя. А возможно, дьявола. На сей счет преподобный Эддисон высказался весьма туманно.

Складывается впечатление, что, откопав Купол, мы дали жизнь очередному мифу; подобные мифы время от времени возрождаются и приобретают популярность. Пока что обстоятельства смерти мистера Макгвигана нам не известны, но вероятный сценарий восстановить нетрудно: он браконьерствовал; решил, что его обнаружили, и бросился бежать; потерял ориентацию и выбежал на шоссе. Подобные инциденты происходят ежедневно. Голоса близ Форт-Мокси, вне всякого сомнения, можно отнести на счет разыгравшегося воображения туристов, видимо, под влиянием кого-то из местных жителей, знающих свою выгоду. Читать обо всем этом интересно, но мы настоятельно советуем вам не терять почвы под ногами. В конечном счете объяснения могут оказаться вполне прозаическими.

(Передовица «Фарго форум», 4 апреля)

*** * ***

Пит Паппадополо проработал на складе «Эй-

Би-Си Пистонс, Инк.» четыре года и недавно был впервые назначен на руководящий пост. Его брак пошел прахом за полгода до этого, когда жена сбежала с оптовиком, перепродающим пиво, и оставила сына-астматика на руках у Пита.

Пит подрабатывал на второй работе, доставке китайских блюд, чтобы платить за сиделку и медицинское обслуживание. Спал он плохо, постоянно пребывая в подавленном состоянии духа; жизнь его стала совсем пустой. Он тосковал о жене, и врачи посадили его на транквилизаторы. Но вот подоспело повышение, принеся солидную прибавку к жалованью и надежды на дальнейшее продвижение, поскольку «Эй-Би-Си» собиралась распространить свою деятельность в смежные области. Более того, приступы у ребенка пошли на убыль — и по частоте, и по интенсивности; болезнь миновала критический рубеж.

К несчастью, «Эй-Би-Си» тоже переживала период перемен. Ее развитие должно было финансироваться вторичной эмиссией акций, но стоимость капитала компании в последние недели пошла на убыль, и банки, долго выжидавшие и наблюдавшие за развитием событий, взяли финансовое предложение обратно.

В результате «Эй-Би-Си» обнаружила неожидан-

ный избыток персонала. Руководство ответило на это устранением тысячи восьмисот руководителей среднего и младшего звена. Пит, недавно вышедший из профсоюза, чтобы перейти на более высокую должность, к своему ужасу обнаружил, что лишен вообще какой бы то ни было защиты.

За день до получения официального уведомления (устный телеграф в «Эй-Би-Си» работал на диво оперативно) Пит приобрел пистолет тридцать восьмого калибра и пустил его в ход против директора своей фабрики и коллеги, давшего понять, что получит повышение, предназначавшееся для Пита.

Директор выжил, хоть и был ранен шесть раз. Коллега получил пулю в сердце. Компания ответила наймом дополнительного штата охраны.

* * *

Джеймс Ходок любил одиночество. Он до сих пор не забыл, как смотрел много лет назад в школьное окно на занесенную снегом и продутую всеми ветрами прерию, воображая себя единственным обитателем мира, скрытого за горизонтом. Ему чудились залитые солнцем леса, зеленые реки и ласковые ветра, напоенные ароматами цветов. Там тропы заросли травой,

а земля свободна от утрамбованных проселков, межевых столбов и обветшавших амбаров.

Из кухни, где его жена Мария занималась стряпней, доносился звон посуды и негромкая музыка радиоприемника. На коленях у Джеймса лежала открытая книга, но он не сумел бы ответить на вопрос, как она называется. События на гребне занимали все его мысли с утра до вечера с тех самых пор, как Арки позвонил, чтобы сообщить об открытии. Теперь Арки не стало, а люди в резервации и окрест по ночам боятся высунуть нос из дома. Джордж Чистый Родник напрямую сказал, что оттуда что-то сбежало.

— У меня нет ни тени сомнения, — заявил он.

На столе у окна лежала собранная мозаика-головоломка под названием «Величественное молчание», изображающая покрытый снегом серый пик, вознесшийся над долиной, заросшей густыми лесами. На переднем плане бежит каменистый поток. За всю свою жизнь Джеймс собрал добрую тысячу таких головоломок.

Его всегда огорчало, что для Мини Вакан Ойяте не осталось места среди девственных пейзажей, подобных изображенным на мозаиках. Всю свою жизнь Ходок мечтал о том, чтобы сиу смогли вернуть свой утраченный мир, вот только даже не

догадывался, как этого добиться. Однако, считая, что это было бы лишь восстановлением справедливости, в душе он пылко верил, что со временем подобное непременно произойдет.

Но сейчас тучи стали сгущаться. Джеймс понял, что для него долгая ночь начнется на день раньше. Сиу позабыли старые обычаи, обратившись к бледнолицым техникам, только и мечтающим убрать с карт все белые пятна. Именно это больше всего и не нравится в них Джеймсу: они хотят знать все на свете, не понимая, что лес без темных уголков хорош только для лесоруба.

Теперь же открылась дорога к звездам — с земли сиу. Арки понимал это с самого начала, предупреждал, что Купол может оказаться куда более ценным, нежели любые ценности, которые могут предложить за него в обмен. Быть может, перед ними вот-вот откроются врата нового, девственного мира.

К дому подъехал правительственный автомобиль, и Ходок вздохнул. Оттуда выбрался Джейсон Флери, сам не свой от волнения. Приехавшие с ним двое не тронулись с места.

Ходок встретил гостя у дверей и провел его в свой кабинет.

— Насколько я понимаю, вы прибыли не с доб-

рыми вестями.

— В наши дни уже ни для кого не бывает добрых вестей, — покачал головой Флери.

Губернатор племени поставил на стол две чашечки кофе.

— И что же они намерены сделать?

— Прежде я должен осведомиться, господин губернатор, записывается ли наш разговор.

— А что, это играет какую-нибудь роль?

— Только в том, насколько свободно я буду себя чувствовать.

Ходок сел на кушетку рядом с гостем.

— У меня нет такой аппаратуры.

— Хорошо. Я и не думал, что есть. — Флери набрал в легкие побольше воздуху, будто собираясь нырнуть в холодную воду. — Не знаю, с чего начать.

— Давайте помогу. Вы собираетесь захватить нашу землю. Снова.

Запало долгое молчание. Наконец Флери откашлялся.

— Сэр, у них просто не осталось иного выбора.

— Конечно, — согласился Ходок. — Я ничуть в этом не сомневаюсь.

— Официально мы просто принимаем меры, чтобы предотвратить панику среди жителей

окрестных городов и южных провинций Канады, встревоженных слухами о том, что нечто прорвалось на Землю сквозь Врата в Куполе.

— Какую еще панику? — приподнял брови Ходок.

Флери улыбнулся, пытаясь разрядить обстановку, но это не помогло.

— Губернатор, люди в самом деле напуганы, и вам это известно ничуть не хуже, чем мне.

— Дайте лишь пару дней, и все образуется само собой.

— Несомненно. И тем не менее погиб человек, а на нас постоянно оказывают политическое давление. Правительству остается только действовать, иного выбора нет. Оно реквизирует гребень Джонсона и временно возьмет его под свою опеку, пока не убедится, что ситуация стабилизировалась.

— И когда же ситуацию сочтут «стабильной»?

Взгляды их встретились. Ходок по глазам Флери понял, что тот собирается с духом для решительного объяснения.

— То, что я скажу в стенах этой комнаты, не должно выйти наружу.

— Если желаете, так и будет.

— Этот момент настанет, когда Врата вместе с

Куполом будут уничтожены.

— Понимаю.

— Произойдет несчастный случай. Не знаю, как его организуют, но это единственный выход.

— Спасибо за честность, — спокойно кивнул Ходок. — Я должен повторить еще раз, что гребень Джонсона принадлежит Мини Вакан Ойяте. Мы воспротивимся всякой попытке отобрать его.

— Постарайтесь понять, — принялся увещевать его Флери, — в ход пошли силы, до конца не подвластные никому.

Губернатор вдруг почувствовал себя пылинкой, застрявшей среди шестерен исполинских часов.

— Джейсон, я все это прекрасно понимаю. Но меня просят избрать для моих внуков резервацию, где они могли бы обладать девственными лесами. Нет, скорее это вашим людям надо избавиться от страха. Сам Купол не несет в себе разрушительного начала. Трудности, осаждающие сейчас ваш мир, порождены невежеством. И страхом.

Во взгляде Флери застыла мука.

— Многие из нас разделяют вашу позицию. У вас куда больше друзей, чем вам кажется.

— Ни один из которых не готов открыто заявить об этом.

— Президент... — Флери мучительно подбирал слова. — Президент числит себя среди ваших друзей. Но он вынужден перейти к действиям, ибо так велит ему долг перед народом.

— Сожалею. — Ходок встал, демонстрируя, что разговор окончен. — Искренне сожалею.

— Губернатор, послушайте... — В голосе Флери прозвучала нотка отчаяния. — Изменить что-либо не в нашей власти. Уже имеется судебное постановление. Оно будет вручено вашим людям в течение часа.

— Совету племени?

— Вашим представителям на гребне Джонсона.

— Адам его не примет.

— Потому-то я и приехал сюда — объяснить, что происходит. И просить вашей поддержки. Мы выплатим щедрую компенсацию.

— А что вы мне предложите в обмен на будущее моего народа? Держитесь подальше от гребня, мистер Флери. Он принадлежит сиу, и мы его не отдадим.

* * *

Сняв трубку, Макс услышал голос Ласкера.

— Послушай, Макс, — сказал тот. — Тут такое дело... Тебе следует об этом знать.

— Ты продал яхту.

— Ага. Макс, послушай, они предложили целую кучу денег. Мне столько в век не потратить.

— Ну и ладно, Том.

— Я вот не знаю, не скажется ли это как-нибудь там у вас. Я боялся...

— Где яхта сейчас?

— Ее грузят на трейлер.

— Уэллс?

— Нет. Это правительственные деньги. Эти парни из казначейства.

* * *

Судебное постановление Адаму Небо вручала судебный исполнитель США Элизабет Сильвера — женщина возрастом лет под пятьдесят, высокая, стройная, бесстрастная. В ее черных волосах уже появились седые пряди.

Ее сопровождал шеф полиции Датабл.

В тесном кабинете Адама в блоке охраны теперь стало буквально негде повернуться — стены, до вчерашнего дня совсем голые, не считая ритуального барабана и фотографии жены в рамке, теперь были увешаны оружием. Луки, древние ружья, старый армейский револьвер Адама — на обозрение было выставлено все, что ему удалось

откопать.

— Мистер Небо, — Сильвера извлекла из кармана куртки документ, — вот постановление федерального суда, требующее, чтобы данные владения, Купол и все причитающееся, за исключением личного имущества, было передано в ведение федерального правительства. Упомянутая акция считается необходимой, поскольку данный район признан представляющим общественную угрозу.

Начальник службы безопасности даже пальцем не шевельнул, чтобы принять постановление, и она положила бумагу на стол.

— У вас есть время на раздумья до полуночи. — Тон ее смягчился, словно она предлагала дружеский совет. — Чем раньше вы покинете участок, мистер Небо, тем лучше будет для всех заинтересованных лиц.

— Мы не уйдем, — холодно бросил Адам.

— Такой возможности вам не дано, — глядя ему в глаза, отрезала Сильвера. — Вы обязаны подчиниться решению суда.

— Это наши владения. Если вернетесь, чтобы отобрать их у нас, приходите с оружием.

Во взгляде Сильверы блеснула сталь.

— Я сожалею. У вас есть время до полуночи. —

Она повернулась, дошла до двери, но на пороге помедлила. — При сложившихся обстоятельствах вынуждена вам напомнить, что неподчинение приговору федерального суда является преступлением. Тут у меня нет никакой свободы выбора, мистер Небо. Я волей-неволей должна буду привести приговор в исполнение. Всеми доступными средствами.

* * *

Ходок дожидался звонка Адама, и когда тот наконец позвонил, губернатор выслушал краткий рапорт с пристальным вниманием. Когда начальник службы безопасности спросил об инструкциях, губернатор заколебался.

— Адам, а насколько далеко вы готовы зайти?

— Я не хочу соглашаться на такое.

— Вы готовы защищать гребень?

— Да, хотя предпочел бы обойтись без этого. Но вряд ли у нас будет выбор.

— Однако вооруженное сопротивление не приведет к победе, — подчеркнул губернатор.

— Что же вы тогда предлагаете? Снова уступить?

— По-настоящему вопрос звучит так: сумеем ли мы найти способ удержать девственную планету

в своих руках?

— Если федералы готовы бросить против нас силу, то вряд ли.

— Итак, — подытожил Ходок, — мы можем взять деньги и остаться доживать свой век здесь либо сражаться в надежде победить.

— Да, — откликнулся Адам. — Третьего не дано.

Губернатор оглядел свой кабинет. Облупившиеся стены, треснувшие оконные стекла, даже камин словно напоминает о плене.

— Согласен. Мы должны сражаться.

— Вы пришлете к нам подмогу?

— Я приеду. Но полиция не настолько глупа, чтобы позволить вашим братьям и сестрам присоединиться к вам. Поговори с теми, кто с тобой сейчас. Выясни, кто останется.

— Сейчас же и поговорю.

— Хорошо. Я выезжаю. — Повесив трубку, губернатор бездумно воззрился на телефон.

Тот зазвонил снова.

— Алло?

Незнакомый голос попросил позвать к телефону Джеймса Ходока.

— Это мое имя.

— Джеймс, я Уолтер Асквит. Я слышал о про-

исходящем.

— По-моему, я с вами не знаком.

— Это не важно. Зато я вас знаю. Послушайте, далеко не все в этой стране потеряли головы от ужаса. Полагаю, кое-какая помощь вам не помешает.

Слушая Асквита, Ходок вдруг вспомнил одну из реплик Флери. «У вас куда больше друзей, чем вам кажется».

* * *

— И вы все собираетесь остаться? — переспросила Эйприл.

— Да, — ответил ей Адам. — Мы будем оборонять гребень.

Макс был просто потрясен новостью.

— А президент в курсе?

— Это приказ президента.

— Боже мой, Адам, — недоумевал Макс, — неужели вы собираетесь устроить перестрелку с судебными исполнителями Соединенных Штатов?

— Это безумие, — поддержала его Эйприл. — Вас всех отсюда вынесут ногами вперед. Что нам надо, так это потолковать с адвокатом.

— Сомневаюсь, что разговорами с адвокатом

мы чего-нибудь добьемся, — возразил Адам. — К тому же это не я так решил.

Глаза Эйприл стали совсем круглыми:

— Адам, губернатор не мог просить от вас чего-нибудь подобного! Тут какое-то недоразумение.

— Можешь спросить у него сама, когда он приедет, — абсолютно невозмутимо отозвался Адам.

Макс прямо ушам своим не верил.

— Что же это, по-вашему, такое, детские игрушки, что ли?! Нельзя же взять да и послать федеральное правительство куда подальше!

— У нас есть кое-какой опыт именно по этой части, — отрезал Адам.

— Черта лысого! Может, у ваших дедов, но не у тебя. — Макс поглядел за окно, где Одинокий Клен разговаривал с группой посетителей. — И ни у кого из здесь присутствующих, если уж на то пошло.

Адам взглянул на Макса в упор:

— Сейчас мы подошли к тому рубежу, где должны спросить себя, чего мы в действительности стоим. Все должно вот-вот разыграться заново, Макс. Мы этого не позволим. Если нам придется постоять за свою землю и сложить за нее головы, то именно так мы и поступим.

29

Куда же податься,
Чтоб жить веки вечные?

— Раз, два, три, проверка, — произнесла Андреа.

— Вот так хорошо, — возбужденно отозвался Кит. — Слушай, у нас тут не прервется связь с тобой нынче вечером, а?

— Надеюсь, что нет. — Андреа решила, что произнесла это вполне уверенно.

— Ладно. Мы готовим специальную подводку и сначала вклинимся в эфир, а уж после дадим тебя. Так что ты пойдешь во главе.

— Хорошо.

— Насколько я могу судить, ты будешь гвоздем всей программы. Перебежать тебе дорогу не позволят никому.

— Что ж, наверное, настал мой звездный час.

— Надеюсь. Да, еще, Ястребица, слушай, постарайся... — Слова поглотили помехи.

Андреа переключилась на вспомогательную частоту — та же проблема. Эти сукины дети глушат ее. Невероятно!

Она сняла трубку. Но сколько ни ждала, гудок так и не зазвучал.

* * *

Джо Рескули сидел за рулем уже почти двенадцать часов, когда наконец свернул на шоссе №32, идущее в северном направлении, чтобы одолеть последние мили до Купола. В машине вместе с ним была его жена Эми и свояченица Тереса. Они приехали из Сакраменто, проделав весь путь за три дня. Тереса занималась физикой элементарных частиц. Джо толком не представлял, что это значит, но зато знал, что работа у нее хорошая, вкалывать чересчур много не приходится, и восхищался этим. «Она зарабатывает на жизнь тем, что знает», — гордо говорил он друзьям на винзаводе. Сам Джо не помнил дня, когда ему не приходилось бы лить семь потов за каждый цент.

Тереса уже не первый месяц только о Куполе и говорила, и энтузиазм ее был настолько заразителен, что Джо с Эми начали подумывать о поездке на гребень Джонсона. Но побывать там хотели все трое, а доехать на машине гораздо дешевле, чем лететь самолетом.

Вот так они тут и оказались. Тереса сказала, что

надо задержаться на гребне до сумерек, чтобы посмотреть, как строение светится. Эми голосовала за это предложение обеими руками, она всегда поддерживала сестру в любом начинании. Джо давно понял, что она не единожды раскаялась в своем замужестве. Эми ни разу даже не заикнулась на эту тему, но это видно по ее глазам. Не выйди она замуж за Джо, она сейчас работала бы в каком-нибудь институте, имела бы отдельный кабинет, докторскую степень и уверенность, что она оставит свой след на земле.

В тени гребня было уже темно, мела поземка, крепкий ветер раскачивал старенький «бьюик». Джо знал, что на гребень ведет узкая извилистая дорога, и вовсе не горел желанием выписывать по ней кренделя на закате при таком ветре. Но сестры так разволновались, что не успокоятся, пока не увидят то, ради чего приехали.

— Вон. — Эми указала на установленный рядом с шоссе транспарант с большой желтой стрелкой и надписью «Купол». Но кто-то перечеркнул плакат жирной линией и набитой по трафарету надписью «Закрыто».

— Не может быть! — поразилась Тереса. — Он должен быть открыт до заката!

Сразу за поворотом обнаружилась подъездная

дорога, но ее перегораживал барьер. Рядом стояла полицейская машина, и офицер подгонял поток машин. Джо притормозил и опустил стекло. Полицейский раздраженно махнул им, чтобы проезжали.

— Что стряслось, офицер? — осведомился Джо.

— Проезжайте, пожалуйста. Его прикрыли.

— Ладно. — Джо постарался скрыть удовлетворение. — А во сколько он откроется утром?

— Ни во сколько. Его прикрыли насовсем.

— Насовсем? — недоверчиво переспросила Тереса. — Почему? Офицер, мы приехали издалека! — Ее голос сорвался на фальцет.

— Мэм, нам-то толком ничего не говорят. Суд постановил его закрыть как источник опасности.

— Вы шутите?!

— Прошу прощения, но вынужден просить вас не задерживаться.

Полицейский отошел, дожидаясь, когда они отъедут. Тут же следом подкатил еще один автомобиль. Полицейский только вздохнул.

В этот момент с севера подъехал черный «форд» восемьдесят восьмого года и остановился у барьера. За рулем сидел пожилой индеец, пассажиров в машине не было. Джо с негодованием увидел,

как перед ним открывают дорогу. «Форд» въехал, и заграждение вернули на место.

— Эй, в чем дело? — спросила Тереса. — А почему пустили его?

— Это казенная машина, — пояснил фараон.

Джо свирепо воззрился на него, но легавый не придал этому значения. Бросив взгляд на Джо, он молча указал вдоль шоссе.

— Ну, кто-то у меня получит письмишко, — буркнул Джо, поднял стекло и ударил по газам.

* * *

Ходок предполагал, что у полицейского заграждения его ждут неприятности. Всю дорогу из резервации он пребывал в полнейшей уверенности, что его не впустят на гребень. Быть может, даже арестуют. Но вопреки ожиданиям его все-таки впустили. Уже выезжая на дорогу, Ходок понял, в чем тут причина. Он старик, и власти надеются, что он поумерит пыл воинственной молодежи в Куполе. Во всяком случае, по их мнению, сам он никакой угрозы не представляет.

Он осторожно огибал повороты, попутно отмечая, что полиция получала подкрепление. Через некоторое время деревья поредели, и он наконец выехал на вершину гребня. На стоянке сиротливо

приткнулось всего около полудюжины машин.

Купол поблескивал в угасающем свете дня, настраивая душу на возвышенный лад. По чистым и ясным очертаниям Купола легко было понять, что его создатели любили Землю именно такой, какой она была в дни строительства, а по ту сторону ворот такой мир существует и поныне. Ходоку захотелось потолковать с теми, кто прилетел в такую даль, чтобы пройтись под парусом по девственному морю. Они словно догадывались, в каком положении окажутся индейцы, и оставили им в дар нетронутую планету.

Вышедший из сторожки Адам помахал ему рукой.

Заглушив двигатель. Ходок выбрался из машины:

— Рад видеть тебя, Адам.

— А я вас, губернатор... — Адам хотел было что-то добавить, но замешкался и промолчал.

— Ну, в чем дело?

— Участок очень трудно оборонять. Во всяком случае, с горсткой людей.

— Ты предпочтешь отступить?

— Нет. Этого я не говорил. — Тут чуть ли не над самыми их головами пролетел вертолет, вздымая пыль из раскопа. — Фоторекогносцировка, — про-

комментировал Адам.

Ходок кивнул:

— Подъездную дорогу перекрыли. Так что же ты предлагаешь?

— Приготовиться к неизбежному. Не дожидаться, пока они нанесут удар.

— И как вы это сделаете?

Они уже подошли к сторожке и остановились у порога.

— Начнем с того, что свалим несколько деревьев поперек дороги. По крайней мере это их немного задержит.

— Вдоль всей дороги стоит полиция.

— Я знаю.

И тут Ходок понял, куда клонит Адам. Полицейским и в голову не приходит, что обороняющиеся отважатся на сколь-нибудь решительные действия. Как ни крути, люди здесь давным-давно не стреляют друг в друга. Ряд одновременных засад очистит дорогу. А пара удачно расположенных снайперов сможет продержаться очень долго, если свалить несколько деревьев. Это могло бы удаться.

— Нет, — отрезал Ходок.

— Губернатор, не можем же мы здесь сидеть и вот так просто дожидаться, когда начнется

атака.

— Неужели ты думаешь повлиять на исход схватки, убив пару-тройку полицейских?

В черных глазах Адама полыхнул гнев:

— Если нам суждено отправиться за великую реку, не следует уходить в одиночестве.

— Нет, — повторил Ходок. — Пролей кровь единожды, и она потечет рекой, пока не погибнут все. Я предпочел бы более благоприятный исход.

— И как же вы надеетесь организовать благоприятный исход?

— Я связался с высокопоставленными друзьями. Помощь уже в пути.

— Высокопоставленные друзья? — усмехнулся Адам. — С каких это пор у сиу завелись подобные друзья?

— С очень давних, Адам. Быть может, ты их просто не замечал.

Они вошли в сторожку. Малый Призрак и Сандра Белое Крыло вскочили, но не утратили невозмутимости. Губернатор хорошо знал Малого Призрака — тому уже под тридцать, он содержит жену и двух детей, долго маялся без работы. Но сегодня эти обстоятельства отошли на второй план.

Сандра тоже один раз приходила к губерна-

тору за помощью, когда ее отец врезался на автомобиле в газонасосную станцию. Заглянув в ее сияющие глаза, Ходок вдруг поймал себя на мысли, что она очаровательна. За все эти годы он каким-то образом умудрился проглядеть столь очевидное обстоятельство. С головой ушел в прокладывание своей узенькой жизненной тропки. Жаль.

Она работает в ресторане, обслуживающем посетителей резервации. До слуха Ходока дошло, что она обручилась с белым — столяром, электриком или что-то в этом роде, живущим у Дьявольского озера. Ей еще не исполнилось и двадцати одного года. Губернатор подумал, что следовало бы приказать ей покинуть гребень, но это было бы несправедливо — и по отношению к ней, и по отношению к ее братьям. Она решила стоять на этом рубеже, и он не имеет права отказать ей в этой привилегии.

Вдоль стен стояло оружие — винтовки М-16. Ну по крайней мере у них есть хоть какая-то огневая мощь.

— А еще у нас есть гранатомет, — сообщил Адам. — Так просто им нас не взять.

— Кто здесь еще? — спросил Ходок.

— В Куполе Уилл Горн, Джордж Чистый Родник

и Андреа. Макс и доктор Кэннон еще здесь, но я не сомневаюсь, что скоро они уедут. У них гости.

— Тут все еще есть гости? — удивился Ходок.

— Трое, с последней экскурсии.

— Надо обсудить план обороны. — Губернатор опустился в кресло.

Тут распахнулась дверь, и вошел Макс.

— Прямо не верится, что такое возможно, — виноватым тоном проговорил он. — Я пытался дозвониться до сенатора Виковски, но, судя по всему, линия отключена.

— Они хотят, чтобы мы не могли поговорить ни с кем, — усмехнулся Ходок. — Впрочем, по-моему, это не имеет значения.

В душе губернатор пожалел Макса, пребывающего в состоянии полнейшей растерянности. Нелегко найти в душе отвагу, когда война стучится в дверь.

Поглядев в окно на закатное солнце, он с грустью осознал, что рассвета может уже не увидеть.

* * *

Эйприл беседовала с уезжающими исследователями, про себя гадая, не станут ли они последними людьми, повидавшими Эдем. Перед

ней сидели Сесил Морин — полная, добродушная особа, бактериолог из Колорадского университета; Агата Грин, гарвардский астрофизик, до сих пор пребывающая под впечатлением чудес Конской Головы; и Дмитрий Рушенко, биолог из «Смит-Клайн Бичем Фармасьютикалз».

— Я бы с радостью туда перебралась, — заметила Грин.

— А правда, — поинтересовалась Морин, — что правительство намерено отнять у вас землю и Купол с ней заодно?

— Очевидно, — кивнула Эйприл.

— Помоги, Господи, всем нам! — горестно покачала головой Морин.

Рушенко распахнул дверцу своего автомобиля.

— Правда на вашей стороне, знаете ли, — сказал он с нью-йоркским акцентом. «Наверное, Лонг-Айленд», — подумала Эйприл.

— Мы знаем.

— Страшно подумать, что Врата могут оказаться в руках правительства, — продолжал он. — Чертовски будет жалко. Хотелось бы мне вам чем-нибудь помочь. — Он сел в машину и включил зажигание.

— Ну, знаете, что я вам скажу, — подхватила Грин. — Будь это в моей власти, им пришлось бы

применить силу.

Эйприл придержала дверцу, пока та усаживалась в машину.

— Мы собираемся остаться. — Эйприл употребила местоимение лишь в фигуральном смысле, потому что сама оставаться не собиралась. Но ей было приятно прибегнуть к такой формулировке. — И вы можете остаться с нами, Агата, если хотите. — Она намеревалась произнести это тоном шутливой бравады, но тут же смутилась, потому что собеседница пришла в полнейшее замешательство.

— Я бы с радостью, Эйприл, честное слово... Но у меня муж и маленькая дочь, — зарделась та.

Остальные просто промолчали.

* * *

Эйприл выгадывала удобный момент, чтобы переговорить с губернатором наедине. Он на улице беседовал с Адамом и остальными, наклонившись навстречу крепкому ветру, разметающему земляные валы, оставшиеся возле раскопа. Должно быть, эти валы и станут первой линией обороны.

— Макс, — спросила она, — зачем они так поступают? Что толку?

Макс мало-помалу проникался ненавистью к Куполу и всему, что с ним связано.

— Не знаю. Может, все дело в культурных традициях.

Эйприл понимала, что Макс с нетерпением дожидается, когда она согласится уехать. Он уже пару раз напоминал ей, что спускаться в темноте по дороге, забитой нервными полицейскими, — предприятие рискованное.

А уже стемнело.

— Ужасно не хочется бросать их здесь, — промолвила она, затевая очередной виток разговора, неоднократно повторявшегося раз за разом на протяжении последнего часа.

— Мне тоже.

— Хотелось бы мне иметь возможность как-то повлиять на события.

— И чего они упираются? Это ведь все равно ничего не даст!

В восемь часов выключили прожекторы, но груды земли по-прежнему были прекрасно видны в зеленоватом сиянии Купола.

— Скверно, что на него не набросишь брезент, — заметил Макс.

Когда губернатор покинул Адама и вернулся в сторожку, Эйприл решила, что подходящий

момент настал:

— Макс, давай с ним поговорим!

Макс уже отчаялся заставить хоть кого-либо взглянуть на факты трезво. У него на глазах Адам Небо и его люди, некогда казавшиеся чрезвычайно разумными и рассудительными, вдруг обратились в шайку фанатиков, вдохновляемых духами павших в битвах, воинов и древней ненавистью. Мысль о том, что можно послать судебные и полицейские власти к чертям, была совершенно чужда его натуре.

Когда они подошли к Ходоку, тот выглядел даже веселым.

— Губернатор, — начала Эйприл дрожащим голосом, — не стоит идти на такое. Вы можете положить этому конец.

— Так вы все еще здесь? — ласково улыбнулся ей Ходок.

Ветер, неистовствующий над плоскогорьем, сотрясал стены домика, будто пытаясь их сокрушить.

— Нам не хочется бросать вас.

— Приятно слышать, — кивнул Ходок. — Но вам нельзя оставаться.

От этого обмена репликами у Макса екнуло сердце. Он вовсе не собирался участвовать в пе-

рестрелке.

— Это совершенно бессмысленно, — сказала Эйприл. — Все равно исход предрешен заранее.

Ходок посмотрел ей в лицо:

— Не загадывайте наперед. — Он отвел взгляд, озирая утопающую во тьме речную долину, луну, пребывающую в третьей четверти, дальние огни Форт-Мокси и его пограничной заставы.

— Вы можете выиграть эту битву в суде, — вставил Макс. — Мне кажется, что у вас есть вполне реальные шансы по суду получить все обратно. Но если вы доведете дело до вооруженного сопротивления... — Тут во взгляде старика промелькнуло странное выражение, заставившее Макса прикусить язык.

— Что? — насторожилась Эйприл. — Вы что-то недоговариваете!

— Даже не догадываюсь, что вы имеете в виду, моя молодая леди, — приподнял брови Ходок, не сумев, однако, скрыть легкого замешательства.

— Так что же? — повторила она. — Вы тут все заминировали? Или что?

Вертолет вернулся, пролетев над серединой плато.

Ходок бросил взгляд на часы.

— Разум подсказывает, что надо обратиться в

суд, — гнула свое Эйприл. — Почему вы не хотите обратиться в суд?

Вопрос угодил в цель, и Ходок просто отмахнулся, не желая более произносить ни слова. Он хотел лишь одного — чтобы она уехала.

— Так почему же? — не уступала Эйприл. — Почему суд не поможет? Вы ждете подвоха? Или чего похуже?

— Пожалуйста, Эйприл, уезжайте. Хотелось бы мне, чтобы существовал иной, более спокойный путь.

— Вы считаете, что они уничтожат Купол, правда? — раскрыла она глаза. — Вы считаете, что никакой суд не сумеет вернуть его вам?

Губернатор поднял глаза к небу, избегая смотреть на нее. Потом развернулся на пятках и вышел за дверь.

— Боже мой, — охнула Эйприл. — Не может быть! Они на такое не пойдут!

— Нет, пойдут. Вынуждены будут пойти. До тех пор, пока люди уверены, что сверхсовершенная техника существует, что она рано или поздно выплывет на поверхность, — он будет продолжать оказывать гибельное воздействие на мир в целом. Существует лишь один способ нейтрализовать Купол.

— По-моему, он прав, — проронил Макс. — Настало время убираться отсюда.

Эйприл все еще пребывала в нерешительности, постигая разверзшиеся в душе бездонные хляби ужаса.

— Нет. По-моему, не настало.

Внутри у Макса все оборвалось.

— Я не уйду, — закончила она. — Я не могу позволить, чтобы это случилось.

* * *

Ровно в двадцать тридцать Брайан Коттер, высокий, импозантный темнокожий американец, уполномоченный Агентства по защите окружающей среды, вошел в пресс-комнату агентства, навстречу объективам телекамер. Еще ни разу ему не доводилось ощущать столь напряженную атмосферу и видеть такое скопление репортеров. Это означает, что была утечка информации.

Коттеру происходящее пришлось весьма не по душе, и принимать в этом участие ему тем более не хотелось. Он понимал необходимость предпринятых президентом шагов, но знал, что воспоминания об этом дне будут годами преследовать его. Наверное, наступит час — и весьма скоро, — когда он всем сердцем будет желать

вернуть время и переиграть эти несколько минут заново.

— Леди и джентльмены, — начал он, — я должен сделать сообщение, после чего с радостью отвечу на ваши вопросы. Мы крайне обеспокоены опасностями, проистекающими от Купола. Наше правительство, как вам известно, не выработало официальной позиции по вопросу о том, на самом ли деле существует там мост к звездам или нет. Однако достаточно солидным свидетельством этого является то обстоятельство, что территория по другую его сторону совершенно определенно находится вне Земли.

Это приводит нас к ряду тревожных выводов. Уже распространяются слухи о том, что на нашу планету проникло некое существо. Мы не представляем, что это может быть за существо, и не сомневаемся, что слухи беспочвенны. Но исключить подобную возможность все-таки нельзя, равно как и проникнуться окончательной уверенностью, что подобное не произойдет в дальнейшем. Имеются и прочие потенциальные опасности. Например, вирусы. Или химическое загрязнение.

Поэтому, в целях обеспечения общественной безопасности, наше агентство затребовало и

получило судебное постановление, предписывающее владельцам находки передать ее под правительственный контроль. Подчеркиваю, это исключительно временная мера, направленная единственно на предотвращение возможной угрозы. — Вид у Коттера был совершенно страдальческий. — А теперь я отвечу на ваши вопросы.

Марис Квимби, «Пост»:

— Мистер уполномоченный, а согласились ли сиу с таким решением?

Коттер покачал головой:

— Марис, постановление федерального суда не требует ничьего согласия. Но, отвечая на ваш вопрос, скажу, что они наверняка поймут мудрость подобного курса действий. — Он указал, на Хэнка Миллера из «Фокса».

— А не поздновато ли беспокоиться о микробах? — спросил тот. — Я хочу сказать, что, если там были какие-то опасные разновидности, можно не сомневаться, что они уже здесь.

— Хэнк, мы не думаем, что имеются серьезные основания для подобных опасений. Наши действия в данном отношении носят чисто профилактический характер.

Закончив пресс-конференцию, Коттер поднял-

ся к себе в кабинет и откупорил бутылку рома из своих запасов.

30

Отвага немногого стоит, коль боги тебе не помогут.

Еврипид, «Просительницы»

Вы смотрите специальный выпуск новостей Эн-би-си.

Силы правопорядка сегодня вечером заблокировали гребень Джонсона, очевидно, намереваясь произвести захват территории. Группа коренных американцев объявила, что они не подчинятся постановлению федерального суда. Сначала мы встретимся с Майклом Пейтманом в Белом доме, а затем переключимся на Кэрол Дженсен, находящуюся в резервации сиу близ Дьявольского озера в Северной Дакоте.

* * *

Дженсен расположилась в Синем доме — здании администрации племени, загнав в угол Уильяма Ястреба. Трансляция на всю страну. Если

ты работаешь в десятичасовых новостях Фарго, это твой звездный час. Она улыбнулась Ястребу, но тот словно и не заметил этого.

— Минутная готовность, — сообщил оператор, наводя камеру на резкость.

— Держитесь естественно, советник, — сказала она. — Мы начнем, когда загорится красная лампочка.

— Ладно, — отозвался Ястреб, одетый в кожаный жилет, фланелевую сорочку и джинсы. «На вид ему лет шестьдесят, — прикинула Кэрол, — хотя лицо так изборождено морщинами, что можно дать и больше».

Снова послышался голос режиссера, сидящего в Фарго:

— Кэрол, все, как обычно. Как будто работаешь для нас. Только когда будешь представляться, не забудь, что выступаешь по-крупному.

— Хорошо.

До эфира остались считанные секунды. Оператор показал пять пальцев и начал обратный отсчет. На камере вспыхнула красная лампочка.

— Здравствуйте, я Кэрол Дженсен. Мы находимся в здании администрации сиу на Дьявольском озере. Мы беседуем с советником Уильямом Ястребом, одним из руководителей племени сиу.

Советник Ястреб, как я понимаю, вы видели пресс-конференцию Агентства по защите окружающей среды, состоявшуюся сегодня вечером?

— Да, Кэрол, видел. — Ястреб плотно сжал губы, но во взгляде его застыла мука. Кэрол надеялась, что его боль видна на экране, олицетворяя трагическое благородство.

— Как вы можете прокомментировать заявление уполномоченного Коттера?

— Уполномоченный не может не понимать, что нет никакой опасности. Ни для кого. Никто не видел никаких существ, вошедших сквозь ворота, и я уверен, что ни один человек не воспринимает всерьез байку о невидимке. И прочее.

— Советник, как вы намерены поступить?

Его лицо омрачилось:

— Мы не позволим отнять у нас эту землю. Она принадлежит нам по праву, и мы будем ее защищать.

— Означает ли это применение силы?

— Если потребуется. Надеюсь, до этого не дойдет.

— Чуть раньше вы мне говорили, что ваша дочь находится на гребне.

— Совершенно верно.

— Заберете ли вы ее домой?

— Она останется со своими братьями, чтобы отстоять свое наследие. — На его обветренном лице застыло выражение гордого неповиновения.

* * *

— Мы в вас не нуждаемся, — сказал Адам. — Вы с Максом должны уехать сейчас же, пока еще не поздно.

— Он прав, — подхватил Макс. — Нам тут нечего делать.

— По-моему, тут дело найдется всем, — печально взглянула на него Эйприл. — Мы чертовски глупы, ленивы или что там еще, чтобы приставить к делу образованных людей, так что вместо этого мы уничтожим Купол. Прямо злости не хватает! Никуда я не поеду! Мое место здесь...

— А вы умеете стрелять? — перебил ее Адам. — Вы будете стрелять?

— Нет. Я не стану никого убивать. Но все равно останусь здесь. — Эйприл понимала, как бессвязно и бессильно прозвучало ее заявление, и на глазах у нее выступили слезы.

— Вы будете только путаться под ногами.

— Если хотите убрать меня отсюда, — не уступала она, — то вам придется швырнуть меня в пропасть!

Макс в отчаянии вскинул руки. Он все пытался начать сложную процедуру прощания и отступления в сторону машины. «Порой, — думал он, — нужно куда больше воли, чтобы сбежать, чем остаться». Он вовсе не собирался возлагать свою жизнь на алтарь безнадежного предприятия и все еще раздумывал, как бы потактичнее удалиться, когда к ним подошла Андреа.

— Может, есть еще один способ, — сказала она Адаму. — Скажем, пригрозить, что уничтожим ворота. Оставим их с носом.

— Не годится, — возразил он. — Именно этого они и хотят.

— А может, и сработает, — не согласился Макс. — Сегодня тут наверняка столько прессы — яблоку упасть негде будет. Это будет информационный кошмар правительства.

— Это станет информационным кошмаром, если мы сумеем передать угрозу в эфир, — заметил Адам. — А такой возможности у нас нет.

— То есть как? Разве Снежная Ястребица не в эфире?

— Нет, — подтвердила Андреа. — И если бы мы смогли каким-либо образом связаться с прессой, то сумели бы оказать на них серьезное давление и заставили отступить.

— Нет. — В голосе Эйприл зазвенела сталь. — Нельзя ставить ворота под угрозу. Иначе просто нет смысла здесь оставаться.

— Мы вовсе не обязаны их уничтожать, — стояла на своем Андреа. — Это просто блеф.

— Именно так они и поймут, — парировал Адам. — Пожалуй, еще и начнут нас провоцировать, чтобы мы привели угрозу в исполнение. — По дороге двигались огни фар. — Им просто придется так поступить.

Зазвонил телефон. Все переглянулись.

— А я думал, телефон не работает, — подал голос Макс.

Они стояли на краю раскопа.

— Должно быть, это представители властей, — решила Эйприл.

Звонил аппарат Макса. Сняв трубку, Эйприл послушала и кивнула.

— Да, он здесь. — Она протянула трубку Максу.

— Алло! — буркнул тот.

Женский голос переспросил, в самом ли деле он мистер Коллингвуд.

— Да.

— С вами хочет поговорить президент.

Макс оцепенел и уставился на остальных. Те устремили взгляды на него. «Кто?» — беззвучно,

одними губами спросила Эйприл.

И тут в трубке зазвучал знакомый голос с резковатым балтиморским акцентом:

— Макс?

— Да, господин президент.

Окружающие удивленно распахнули глаза.

— Макс, наш разговор могут услышать остальные?

— Да.

— Ладно. Я понимаю, что вы можете при желании включить громкую трансляцию. Но лучше не надо. Мои слова предназначены только для ваших ушей.

У Макса вдруг пересохло во рту.

— Господин президент, я очень рад вас слышать.

— А я рад случаю потолковать с тобой, сынок. Итак, слушай: во всей стране воцарился ад кромешный. Все обстоит куда хуже, чем ты, должно быть, подозреваешь. Люди теряют работу, лишаются своих сбережений, и Бог знает, куда это нас вообще заведет.

— Из-за Купола?

— Из-за Купола. Послушай, нам не хотелось бы ничего отнимать у индейцев, и ты это знаешь. Вся страна это знает. Но люди напуганы, и надо взять

события под контроль. Мы проследим, чтобы об индейцах хорошо позаботились. Даю тебе слово. Но эта штуковина в корне отличается от всего, с чем нам до сих пор приходилось иметь дело. Это ведь национальное достояние, верно? Я хочу сказать, что это же не индейцы его туда поместили, они вообще не имеют к этому никакого отношения. Просто уж так получилось, что он оказался на их земле. — Президент замолчал — желая то ли отдышаться, то ли взять себя в руки. Голос его звучал на грани срыва.

— Мне известно об этих проблемах, сэр.

— Хорошо. Тогда ты понимаешь, что я вынужден перейти к активным действиям. Вынужден. Помилуй Господи, Макс, меньше всего на свете нам хочется, чтобы из-за ерундовины была пролита кровь.

— Я уверен, что все здесь присутствующие разделяют ваши чувства.

— Конечно. Конечно. — Голос президента изменился, в нем зазвучали нотки уверенности, словно они уже достигли согласия. — Я знаю о твоем отце, Макс. Он послужил стране чертовски хорошо.

— Да, сэр. Послужил.

— Теперь такой шанс появился у тебя. — Он

мгновение помедлил. — Мне нужна твоя помощь, сынок.

Макс уже догадывался, что последует дальше:

— Я тут не пользуюсь особым влиянием, господин президент.

— Они нам не доверяют, не так ли?

— Нет, сэр. Не доверяют.

— Винить их тут не в чем. Но мне хотелось бы лично поручиться, что они получат щедрую компенсацию за отказ от прав на гребень Джонсона.

— Вы хотите, чтобы я им это сказал?

— Будь так добр. Но еще мне нужно, чтобы ты попытался убедить их взглянуть на проблему с нашей точки зрения. Ты мне нужен, чтобы убедить их отступить, Макс. Единственное, к чему приведет их упорство — они все будут убиты. Ну пожалуйста, мне без твоей помощи не обойтись.

— Но почему я, господин президент? Почему вы не позвали к телефону губернатора Ходока? Или доктора Кэннон?

— Ходок свой выбор уже сделал. Доктор Кэннон еще слишком молода, чтобы иметь влияние на группу индейцев... Ну, сам понимаешь. Буду с тобой честен до конца, Макс. Мы тут просмотрели личные дела всех, кто находится рядом с тобой, и обнаружили, что ты один способен внять голосу

рассудка.

Макс тяжко вздохнул. Он оказался слабым звеном.

— Я скажу им, — пообещал он. — А можно у вас спросить кое о чем?

— Валяй, Макс. Спрашивай что хочешь. Вообще что угодно.

— Ходят слухи, что правительство намерено уничтожить Купол. Вы мне можете дать слово, что в этом нет ни крупицы правды?

На том конце послышалось учащенное дыхание. Потом:

— Макс, мы не станем этого делать.

— Даете слово, господин президент?

— Макс, я могу обещать щедрую компенсацию.

— Что он говорит? — шепотом поинтересовалась Эйприл.

Макс лишь тряхнул головой:

— Вряд ли этого достаточно, господин президент.

— Макс, ты можешь нам помочь. Поговори с ними.

— Меня они не послушают. Кроме того, мне кажется, что они правы.

Тишина на том конце провода затянулась настолько, что Макс было засомневался, что пре-

зидент еще не бросил трубку.

— Знаешь, Макс, — подал тот наконец голос, — если кровопролитие будет, тебе придется до самой смерти жить с сознанием, что ты мог его предотвратить. — Максу живо представился президент: маленький человечек, чем-то смахивающий на хозяина ближайшего писчебумажного магазина. — Мне жаль тебя, сынок. Ну что ж, ты поступил, как должен, и я уважаю тебя за это. Только будь на связи, ладно? Тебе дадут номер, так что ты сможешь дозвониться, если передумаешь. Если нам удастся выпутаться из этого мирным путем, я с радостью увижу тебя в Белом доме.

На этом разговор закончился. Макс записал номер и вручил его Адаму. Даже не взглянув на листок, Адам порвал его на мелкие клочки, распахнул дверь и пустил их по ветру. И только тут до Макса дошло, что единственным человеком, подумавшим, будто Макс Коллингвуд собирается остаться с сиу, был президент Соединенных Штатов.

* * *

Белый фургон новостей «Лесли в десять» катил по прерии на восток, в сторону гребня Джонсона.

Кэрол была вне себя от волнения, вновь и вновь проигрывая в уме интервью и наслаждаясь драматическим эффектом. «Она останется рядом с братьями, чтобы отстоять свою землю». А потом, в конце, свою финальную реплику: «Репортаж Кэрол Дженсен из резервации сиу у Дьявольского озера, специально для новостей Эн-би-си».

И это еще не все. Сюда направляется Роберт Бейзелл, но до его приезда она остается единственным репортером, находящимся на переднем крае. В душе Кэрол надеялась, что самолет Бейзелла где-нибудь застрянет.

Откинувшись на спинку сиденья, Кэрол позволила своему безмерному восторгу на миг захлестнуть ее.

Они проехали через плоскогорье Пембина и снова повернули на север по шоссе №32. Через некоторое время небо впереди озарилось изумрудным сиянием.

Полицейские направляли все машины в объезд. Кэрол показала свои документы, и ей позволили проехать. Впереди, у въезда на дорогу к гребню, мерцали мигалки, и на шоссе падал голубоватый свет софитов. По обе стороны от двухполосной дороги на склоне стояли легковые машины и фургоны. Чанг выключил двигатель и затормо-

зил возле фургона Эн-би-си.

У въезда на дорогу собралась целая толпа журналистов. В центре их внимания пребывал старенький потрепанный «форд». Кэрол узнала Ходока тотчас же. Выбравшись из машины, он беседовал с помощником шерифа. Остальные полицейские без особого успеха пытались держать журналистов подальше от них.

— Хватай камеру, Чанг, — распорядилась она, набирая номер студии на своем сотовом телефоне.

— Кэрол? — тотчас же отозвался режиссер. — Я как раз собирался тебе звонить.

— Мы на месте.

— Хорошо. Ходок только что спустился с горки. Си-эн-эн и Эй-би-си уже включились. Очевидно, он собирается сделать заявление.

Кэрол уже успела выйти из машины и приблизилась к месту действий. Чанг подошел с другой стороны, вскидывая камеру на плечо.

— Даем заставку, — сообщили из студии. — Включаем вас через двадцать секунд.

— Сукин сын. — Кэрол бросила короткий взгляд на спутника. — Чанг, ты готов?

Они вклинились в группу журналистов, прокладывая себе путь локтями и боками, пока

не смогли пробраться поближе. Ходок казался совсем старым и надломленным. Обеспокоенные суматохой полицейские уже начали терять выдержку. Женщина с бляхой судебного исполнителя на груди оживленно обсуждала что-то с шефом полиции Датаблом. Кэрол всегда хорошо читала по губам и разобрала достаточно, чтобы понять: женщина уговаривает шефа позволить, чтобы что-то произошло.

Репортеры пробивались вперед. Вся сцена была залита ослепительным светом, позади на снегу лежали угольно-черные тени.

Помощник шерифа заметил знак, поданный Датаблом, и сдал назад. Тотчас же в сторону «форда» протянулось несколько рук с микрофонами. Как индейцы относятся к изгнанию? Окажут ли сиу сопротивление? Прячут ли сиу что-нибудь? Правду ли говорят о Пришельце?

— Нет, мы ничего не прячем, — отозвался Ходок и взобрался на склон, чтобы его увидели все. — Меня зовут Джеймс Ходок. Я губернатор и председатель совета племени.

— Так что же тут за бешеная секретность? — крикнул кто-то.

— Нет никакой секретности, — озадаченно поглядел на журналистов Ходок. — Мы охотно

делились девственным миром со всеми, кто приходил взглянуть. Но Купол находится на нашей земле.

Репортеры притихли.

— Быть может, — продолжал Ходок, — через этот гребень проходит дорога к звездам. Кое-кого тревожат сделанные тут открытия. Пожалуй, даже пугают. А нам хорошо известно, что, когда приходят перемены, никто не цепляется за старое с такой отчаянной решимостью, как власть предержащие. Они знают, что перемены неизбежны, но если смогут, будут выдавать новое строго отмеренными порциями, будто корм для кур.

Ваше правительство сказало нам, что мы должны уйти. Если мы не подчинимся, нас изгонят силой. А тем, у кого достанет безрассудства остаться на собственной земле, грозят тюрьмой. Или чем-нибудь похуже. И я хочу спросить вас: если эти люди могут захватить нашу землю, потому что они напуганы, чья же земля гарантирована от их посягательств? Если они готовы выхватить у нас наше будущее, то чье же будущее гарантировано от их посягательств?

(Голос режиссера: «Гениально, Кэрол! Он просто великолепен! Попытайся взять у него эксклюзивное интервью, когда все будет кончено».)

— Уже не в первый раз нас заставляют защищать свою землю ценой крови. Но я обращаюсь прямо к президенту Соединенных Штатов. — Чанг сделал наезд до крупного плана. — Господин президент, только вы располагаете властью, необходимой, чтобы положить конец происходящему. Люди, которые погибнут сегодня ночью — и по ту, и по другую сторону, — невинны. Кроме того, они идеалисты, иначе им не пришлось бы сегодня противостоять друг другу. Они — лучшие среди нас, они готовы пожертвовать собой ради того, что им диктуют старейшины. Положите этому конец, пока еще можно!

* * *

Пропуск Тома Ласкера ничуть не помог ему у заграждения — его просто-напросто завернули, не дав никаких объяснений. Он тут же схватился за сотовый телефон, чтобы позвонить Максу, но в трубке раздавались лишь частые двухтональные гудки, обычно указывающие, что линия отключена.

Том слушал все репортажи с места событий и знал, что объявлен ультиматум. Однако только сейчас до него дошло, что дело идет к стрельбе и могут быть жертвы.

Он колебался, не зная, что предпринять, понимая, что надо с кем-нибудь поговорить, но не представлял, кто же тут может помочь. Позвонив Джинни, он рассказал ей о происходящем.

— Поезжай домой, — попросила она. — Не впутывайся в это.

А через минуту она сама перезвонила мужу:

— Кто-то из резервации пытается переговорить с тобой. — Она продиктовала номер и добавила: — Будь осторожен.

Трубку снял Уильям Ястреб.

— Том, — сказал он, — нам нужно как-нибудь передать весточку губернатору.

* * *

Эйприл охватило необычайное спокойствие. Максу оставалось только гадать, из-за чего — то ли она в нем разочаровалась, то ли просто напугана. Они вернулись в административный блок и сидели в мрачном молчании. Во всяком случае, в такой гнетущей атмосфере Макс не мог признаться, что у него на душе. И это причиняло ему невыносимую муку.

— Эйприл, — промолвил он, — а ты уверена, что хочешь остаться?

Она подняла глаза. Ей потребовалась добрая

секунда, чтобы сосредоточиться.

— Да. Я полностью разделяю чувства Адама. Я не могу уйти отсюда и позволить им все захватить.

— Ага. Ладно. — Макс встал. — Ну, тогда я поехал.

— Удачи тебе, — кивнула она.

31

Не пристало человеку зажмуриватьь глаза, когда в него целятся.

Монтень. «О стойкости»

Как только стало окончательно ясно, что сиу не пойдут на попятную, Элизабет Сильвера начала прослушивать телефонные переговоры. Ей было известно о вопросе Ходока Адаму: «Насколько далеко вы готовы зайти?» и об ответе на него. Кроме того, из его разговора с Уолтером Асквитом, писателем, лауреатом Пулитцеровской премии, она заключила, что Ходок планирует устроить что-то вроде демонстрации с привлечением сторонних лиц. Более конкретной информацией она не располагала. Она прослушивала и все другие разговоры, пока не отключили связь, — краткие беседы, во время которых индейцы уверяли свои семьи, что с ними ничего дурного не случится, но они отстоят то, что принадлежит им по праву, — и прикидывала, догадываются ли они о прослушивании, и не предназначаются ли эти реплики специально для ее ушей? Наконец, она выслушала разговор Макса с президентом. Отказ

Макса занять определенную позицию возмутил ее и одновременно убедил, что придется применить силу. Если бы сиу были намерены пойти на переговоры, то время для этого у них было.

Вообще-то Сильверу это поручение не привело в восторг, и дело вовсе не в моральных или политических предубеждениях. Но ситуация сложилась взрывоопасная, сулящая только изрядный профессиональный риск и не приносящая никакой выгоды. Если Элизабет справится как надо, ей придется передать дело в руки спецназа, которому и достанется вся слава. А если хоть на чем-нибудь проколется, это будет стоить ей карьеры.

Официально она передала операцию спецназу еще под вечер. Командир группы Гораций Гибсон приехал на место, чтобы лично позаботиться обо всем. Учитывая, какую вокруг этого Купола подняли шумиху, меньшего Сильвера и не ожидала. Она уже однажды встречалась с Гибсоном и осталась не в восторге от него — слишком уж много бравады. Гибсон ценил собственную персону чересчур высоко и не делал секрета из своего убеждения, что на его людях свет клином сошелся, что они — элита организации. Рядом с ним Элизабет чувствовала себя невежественной

крестьянкой.

Но в этот раз она ощутила чуть ли не жалость к нему, зная о полученных им инструкциях: захватить Купол быстро, чтобы избежать излишней шумихи в прессе, сделать это без потерь и по возможности не причинив вреда никому из индейцев.

Что ж, ни пуха ни пера.

Она знала Горация достаточно хорошо, чтобы заключить, что индейцам лучше бы ему не попадаться.

* * *

Спецвыпуск новостей Эн-би-си, интервью Тома Брокау с министром юстиции Кристианом Полком.

Брокау: Мистер Полк, мы только что посмотрели обращение Джеймса Уолкера, призывающее к предотвращению кровопролития и подкрепленное обвинением в адрес правительства в попытке похитить землю, принадлежащую индейцам-сиу. Чем вы можете ответить на все это?

Полк: Том, мы настроены по отноше-

нию к губернатору Ходоку и сиу весьма благожелательно. Мне бы хотелось подчеркнуть, что предпринятые нами шаги отвечают, по нашему глубокому убеждению, всеобщим интересам. Позвольте еще раз повторить, что мы вовсе не отнимаем землю, а лишь просим передать ее под наш присмотр.

Брокау: А что именно подразумевается под присмотром, мистер Полк? Кто будет на самом деле контролировать использование Купола?

Полк: Разумеется, сиу! Единственное, зачем потребовалось наше присутствие, – это чтобы обеспечить... Послушайте, Том, эта ситуация не знает аналогов в мировой практике. Долг обязывает нас принять все необходимые меры безопасности. Мы ведь даже не представляем, с чем имеем дело, и американский народ нас не поддержит, если мы пренебрежем обязанностями и пустим дело на самотек. Это просто вполне благоразумный шаг.

Брокау: А не можете ли чуть более конкретно указать, какие опасности вас

тревожат?

Полк: Во-первых, мы хотим восстановить спокойствие. Ходят слухи, что через Купол к нам пробралось нечто...

Брокау: Но вы-то не верите подобным слухам, не так ли?

Полк: Нет, лично я не верю. Но речь идет не обо мне. Верят очень многие, и мы должны успокоить их.

Брокау: Значит, вы решили силой отобрать землю сиу только потому, что у некоторых жителей Северной Дакоты пошаливают нервишки?

Полк: Имеются и другие факторы. Нам не известно, какие еще опасности могут там таиться – например, инфекционные заболевания. Вот что нас заботит в первую очередь. Мы обязаны взять эти ворота под контроль.

Брокау: Судя по всему, сиу не собираются подчиняться решению суда.

Полк: Боюсь, такой возможности у них нет.

Брокау: Быть может, у вас и есть основания для страха, потому что на сей раз козыри на руках у сиу. Мистер Полк, а

готовы ли вы применить силу?

Полк: Уверен, что до этого не дойдет.

Брокау: И все-таки – примените ли вы силу, если будете вынуждены?

Полк: Мы абсолютно уверены, что этот вопрос можно решить мирным путем.

Брокау: Спасибо, сэр.

Полк: Это вам спасибо, Том.

* * *

Сидя на временном командном пункте на вершине холма в паре миль к северу от гребня Джонсона, Гораций Гибсон просматривал последнюю партию фотоснимков района операции и уточненный прогноз погоды. Он тщательно изучил досье Адама Небо и потому не надеялся отыскать в обороне ошибки или слабые места. Да вдобавок пребывал в полнейшей неизвестности о том, какое оружие Небо может пустить в ход.

Сиу окопаются, пользуясь земляными валами в качестве укрытия.

Гибсон предпочел бы начать атаку черными дымовыми шашками, вслед за которыми тут же забросать индейцев светошумовыми гранатами. Сначала ослепить их, потом порядком тряхнуть

и десантироваться с вертолетов, пока они не перегруппировались. Однако скорость ветра над плато составляет сорок миль в час, и ожидается, что ночью он усилится. Так что никакой дым скрыть атакующих не в силах. Маневренность вертолетов при такой силе ветра тоже оставляет желать лучшего, но это не так страшно.

Будь его воля, Гораций просто изолировал бы периметр и ждал бы, когда осажденные выйдут. Но Белый дом наверняка будет торопить события, тут уж и сомневаться нечего. Давайте, мол, кончайте с этим!

Район действий Горацию тоже не понравился — на подступах к окопам ни единого укрытия, только голая, более или менее ровная площадка. Полностью простреливаемая зона.

Наиболее практичной стратегией было бы обстреливать валы с «Черных соколов», чтобы загнать обороняющихся на дно окопов — или хотя бы вызвать замешательство, чтобы прикрыть высадку.

* * *

Элизабет Сильвера вместе с шефом полиции Датаблом и полудюжиной полицейских, вооруженных винтовками, заняла позицию на плато

в четверти мили западнее подъездной дороги. Если индейцам вздумается стрелять, позиция у них как на ладони, но зато с нее прекрасно видны обороняющиеся по ту сторону земляных валов. Груды земли находились в тени, а позади позиций Небо установил брезент, натянутый на деревянную раму, чтобы его люди не вырисовывались силуэтами на фоне свечения Купола. Зато в ясном небе сияла почти полная луна. Вертолет рекогносцировки, время от времени совершающий облеты плато, сейчас завис над северной оконечностью плато.

Узнав, что спецназ не просит и не хочет огневой поддержки, Датабл испытал безмерное облегчение. Единственное, в чем нуждались спецназовцы, чтобы полиция не допускала на плато никаких посторонних. Это поумерит прыть прессы.

Элизабет знала, что, когда дойдет до дела, все разыграется очень быстро. Она уже однажды наблюдала Гибсона в действии. Теперь же дожидалась только шифровки, сообщающей время штурма и излагающей специальные инструкции командира для нее. Она вполуха слушала какие-то необязательные разглагольствования Датабла, когда уловила гул какого-то нового летательного

аппарата.

Звук отличался от рокота винтов «Черных соколов».

Странно. В небе над гребнем не должно быть никого, кроме блюстителей порядка.

С юга приближался серый моторно-винтовой самолет. В бинокль Элизабет разглядела на нем опознавательные знаки армии США.

— Какого черта?! — буркнула она себе под нос и переключила рацию на частоту вертолета. — Стрела-один, я Черепаха. У нас непрошеные гости.

— Вижу, — послышалось в ответ.

— Велите ему убираться.

— Черепаха, я вызываю его уже добрую минуту. Не отвечает.

Идущий на бреющем полете самолет быстро приближался.

— Жду указаний, Черепаха.

«Черный сокол» не отставал от самолета, держась футов на тысячу повыше.

— Черепаха, это старый «Мститель», — доложили с вертолета. — Истребитель времен второй мировой. — Еще пауза. — Не отвечает.

— Кто это? — спросила Сильвера. — Есть у него номер?

Вертолетчик продиктовал хвостовой номер, и Датабл записал его.

— Сейчас, минуточку. — Он передал номер водителю одной из патрульных машин.

«Мститель» начал заход на посадку.

— Стрела-один, — вышел в эфир Гибсон, — дайте предупредительный выстрел.

«Черный сокол» выпустил ракету, прочертившую темноту ярким факелом прямо перед антикварным самолетом, в поле зрения пилота. «Мститель» слегка завилял, но остался на прежнем курсе.

— Самолет принадлежит некоему Тому Ласкеру, — сообщил Датабл. — Приписан к Форт-Мокси.

— Ласкер? — переспросила Элизабет. — Да я же его знаю! Это тот, с яхтой.

В этот миг «Мститель» с ревом пронесся над окопами, потеряв что-то по пути, и тут же заложил крутой вираж, с набором высоты уходя на запад.

— Стрела-один, прекратить преследование. — Она повернулась к Датаблу. — Пусть его кто-нибудь встретит на посадочной площадке. По-моему, нам следует порасспросить его кое о чем.

— Он что-то сбросил, — сказал один из полицейских.

Элизабет направила бинокль в сторону раскопа:

— Черепаха, я Стрела-один. Индейцы выбрались из своей норы. Что-то ищут.

— Вас поняла.

— Вперед вышли двое, за кольцо траншей. Погодите-ка, погодите... Ага! Не знаю, что это, но по-моему, они уже все нашли.

Элизабет наблюдала в бинокль, как сиу удаляются обратно в хитросплетения траншей. Ради чего же такого важного Ласкер решился рисковать не только самолетом, но и головой?

* * *

Макс, разумеется, узнал «Мститель» тотчас же. Съежившись за рулем собственной машины, он наблюдал за развитием драмы, со страхом ожидая, что самолет Ласкера собьют в любую секунду.

Но до этого так и не дошло. Двигатель машины впустую пережигал бензин, а Макс все не трогался с места, хотя всей душой мечтал оказаться где-нибудь подальше отсюда. Он злился на себя и терзался угрызениями совести, испепелявшей его изнутри. Но его жизнь однажды уже висела на волоске из-за этой затеи, он уходил в этот чертов

золотой свет, не имея ни малейшей гарантии, что его тело не распылится на атомы. Теперь же на него все смотрят, как на Бенедикта Арнольда[18], и шарахаются, как от прокаженного.

Ну, скажем, не все. На самом деле только Эйприл. Но вот как раз ее-то отношение и язвит его больнее всего. Она бы и по сей день прохлаждалась на пляже, не приди Макс за ней.

Адам и остальные ему симпатичны, Макс даже в какой-то мере разделяет их чувства, но его дело сторона. Это их битва, и нечего вмешиваться. Если Эйприл вздумалось отдать свою жизнь ни за что ни про что, это ее личное дело. Он же пока не намерен отправляться на тот свет. Еще чего! Но как она посмотрела, когда Макс выдавил из себя, что уезжает...

Включив фары, Макс медленно покатил в сторону дороги, понимая, что там повсюду полицейские. Они наверняка вооружены и, наверное, чуточку психуют. Рисковать совершенно ни к чему.

Но тут Макс заметил позади какое-то движение.

---

[18] notes: 18

Бенедикт Арнольд (1741-1801) — американский генерал, перешедший на сторону англичан во время войны за независимость; его имя стало синонимом предательства

Кто-то машет. Адам.

Притормозив, Макс развернулся и поехал обратно.

— Макс, — Адам подошел к машине вплотную, — ты можешь кое-что сделать для нас?

Макс замялся:

— А зачем прилетал Том?

— Доставить вот это. — Адам протянул ему листок.

Поднеся листок поближе к лампочке на приборной доске. Макс увидел, что это записка от Уильяма Ястреба.

> *«Губернатор!*
>
> *Ваши люди на подходе. Два спецрейса сядут в Гранд-Форкс примерно в 23:00. Посылаю сопровождение».*

— Что это? — поднял глаза Макс. — Подкрепление?

— Люди, которые, по мнению губернатора, могут положить этому конец.

Макс только вздохнул:

— Не хочется этого говорить, но тут губернатор просчитался.

— Может быть, — согласился Адам, — но больше нам надеяться уже не на что. Этими двумя

рейсами летят двенадцать или тринадцать человек.

— Проблема в том, что, если даже они способны помочь, им сюда не попасть.

— Вот именно. Дороги перекрыты.

— И чего же вы хотите от меня?

— Чтобы ты доставил их по воздуху. Поговори со своими друзьями в «Голубой сойке». Найми пару вертолетов.

— Ты с ума сошел! Уж сюда-то «Голубая сойка» не повезет никого. Тома вон чуть не сбили.

— Но ведь они твои друзья! — настаивал Адам. — Предложи им кучу денег. Их риск окупится.

Макс уставился неподвижным взглядом поверх руля на темную полоску леса, скрывающего дорогу. Одна из патрульных машин включила мигалку. Но больше никаких признаков жизни.

— Сделаю, что смогу, — наконец вымолвил Макс.

* * *

Полицейские дожидались его у самого въезда на дорогу. Его держали на месте до тех пор, пока не подъехала одна из машин, стоящих на плато. Из нее выбралась Элизабет Сильвера.

— Рада вас видеть, мистер Коллингвуд. Не будете ли вы добры выйти из машины?

Макс подчинился.

— Еще кто-нибудь собирается уйти оттуда?

— Не знаю. Вряд ли.

— А как насчет Кэннон?

— Она считает, что вы собираетесь уничтожить Купол.

— Как я понимаю, это означает «нет».

— Правильно. Нет.

Макс скрестил руки на груди, словно защищаясь, потому что был в компании людей, отказавшихся подчиниться законным властям, и чувствовал себя виноватым, потому что бросил друзей в беде.

— Чем они располагают? — Тон Сильверы смягчился, зазвучав чуть ли не сердечно. Дескать, все мы тут увязли по уши.

— Простите?

— Из оружия. Что у них есть?

— Не знаю. Пистолеты. Винтовки. У них есть винтовки. Не знаю, что еще.

Строго говоря, Макс ни капельки не погрешил против истины — он действительно не интересовался такими деталями. Сильвера кивнула:

— А что сбросил самолет?

К этому вопросу Макс был готов:

— Послание племени. Чтобы все знали, что их поддерживают.

— И все?

— И все. Таков обычай. Ободряющее послание воинам. Ему уже сотни лет.

Сильвера даже бровью не повела:

— Мистер Коллингвуд, вы не можете подсказать нам, как покончить с этим мирным путем?

— Могу. — Макс выпрямился во весь рост. — Уходите. Оставьте их в покое.

— Очень жаль, что вы только так воспринимаете это, — с неудовольствием отозвалась она. — Где вы остановитесь?

— В «Северной звезде». В Форт-Мокси.

— Далеко не уходите. Возможно, нам нужно будет поговорить с вами еще раз.

— Разумеется.

* * *

Он то и дело поглядывал в зеркало заднего обзора, чтобы проверить, нет ли за ним слежки. Но дорога оставалась пустынной. Хорошо бы позвонить Джейку Торальдсону и попросить его подготовить «Молнию» к вылету, но разговоры почти наверняка прослушиваются. Так что при-

дется потерять полчаса в аэропорту Форт-Мокси, пока самолет будут выводить из ангара и прогревать.

В начале одиннадцатого Макс вывел самолет на взлетную полосу, развернул его против ветра и запустил моторы. Оба «Эллисона» с жидкостным охлаждением успокоительно зарокотали. Джейк дал разрешение на взлет — чуточку абсурдный жест в Форт-Мокси, небеса над которым всегда бывают пусты. Макс открыл дроссели, и старая боевая машина тронулась.

То ли причиной тому был гул двигателей, то ли посвист ветра над фонарем, то ли геометрия «Молнии» — а может, гены военного летчика взяли свое, но как бы то ни было, когда машина оторвалась от взлетной полосы, все страхи Макса остались позади. Этот самолет решил исход великого сражения в Тихом океане. Макс посмотрел сквозь прицел. Вооружение самолета, состоящее из двадцатимиллиметровой пушки и четырех пулеметов пятидесятого калибра, было сосредоточено в носу. Огневая мощь «Молнии» в сочетании со способностью летать быстрее четырехсот миль в час делала ее непобедимой. Немцы называли этот самолет «der Gabelschwanz Teufel» — вилохвостым дьяволом.

Теперь вооружение сняли, но Макса на пару секунд вдруг охватило дикое желание иметь его под рукой.

Выровняв машины на высоте девяти тысяч футов, он сразу же заметил другой самолет — на четырнадцати тысячах и заметно севернее. Слишком далеко, чтобы разглядеть опознавательные знаки; впрочем, и так ясно, что они следят за воздушным пространством.

Макс испытывал искус пролететь над Куполом и покачать крыльями, дать Адаму знак, что на него можно положиться, но привлекать к себе внимание было бы неблагоразумно с его стороны.

Второй самолет — моторно-винтовой, так что обогнать его будет нетрудно. Но радар не обгонишь. Ну и ладно, пусть следят за ним хоть до посадки в Гранд-Форкс — а они, несомненно, так и поступят, — что же с того? Как только он приземлится, они утратят к нему всякий интерес.

Выполнив плавный, неспешный поворот на юг, Макс увеличил скорость.

Двадцать минут спустя он приземлился на поле Каспер и остановил «Молнию» перед шеренгой невзрачных зданий аэродрома. На Каспере расквартированы несколько транспортных фирм,

компания сельскохозяйственной авиации и летная школа. А еще — транспортная компания «Голубая сойка». Макс выбрался из самолета даже не дожидаясь, когда тот остановится, и припустил к полинявшему желтому домику конторы «Голубой сойки».

На подлете Макс слушал переговоры диспетчерской службы Гранд-Форкс и теперь знал, что один из спецрейсов уже в зоне аэродрома, а второй будет через полчаса. Сиу послали кого-то встретить самолеты, но Макс понимал, что если и есть шанс доставить таинственных друзей Ходока на гребень, пока еще можно что-то поправить, то надо ему брать дело в свои руки. Найдя таксофон, он выудил из кармана четвертак и снял трубку.

— Макс, еще разок, и помедленнее, — сонным голосом попросил Билл Дэвис.

— Есть работа для двух вертушек, примерно дюжина пассажиров. И пара человек с телевидения. Словом, человек четырнадцать-пятнадцать.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Макс, настолько быстро у меня ничего не получится. Я даже не знаю, кто есть под рукой.

— Ситуация авральная, — бросил Макс. — Мы платим по двойному тарифу плюс премия пи-

лотам.

— Сколько?

— Тысяча. Каждому.

Билл мгновение поразмыслил над предложением:

— Знаешь, как мы поступим? Ты говоришь, тебе нужны две машины?

— Да.

— Хорошо. Слушай, у меня в распоряжении только один человек, которого можно сорвать в такой спешке, но вторую я поведу сам.

Поблагодарив его. Макс набрал другой номер:

— КЛМР-ТВ. Если хотите поговорить с отделом рекламы, нажмите единицу. Если...

Макс бросил взгляд на часы: без двадцати одиннадцать. И продолжал выслушивать речитатив инструкций, пока не вышел на редакцию новостей.

— Редакция новостей, — отозвались на том конце, когда он нажал нужную кнопку.

— Это Макс Коллингвуд, один из тех, из Купола. Я бы хотел поговорить с ведущим программы.

— Минуточку.

Последовала короткая тишина, потом в трубке зазвучал знакомый баритон:

— Алло! Лесли Марки слушает. Коллингвуд, это

действительно вы?

— Да. Это действительно я.

— Вы же должны быть на гребне! Вы звоните с гребня?

— Нет. Послушайте, у меня не так уж много времени на разговоры, но я могу подкинуть вам сенсационный репортаж.

— Годится. — В голосе прозвучало едва сдерживаемое ликование. — Где мы можем встретиться?

Дав ему указания, Макс нажал на рычаг и вызвал Вышку.

— Диспетчерская, — отозвался мужской голос.

— Дежурного, пожалуйста, — попросил Макс, радуясь, что не придется еще раз общаться с автоответчиком.

— Простите, а кто спрашивает?

— Макс Коллингвуд. «Закатная авиация».

— Подождите, пожалуйста, мистер Коллингвуд.

Последовала долгая пауза, в течение которой его дважды заверили, что дежурный диспетчер сейчас подойдет. Наконец раздался знакомый голос:

— Привет, Макс.

Макс был знаком со всеми важными людьми

от авиации в Гранд-Форкс. На сей раз дежурила Мэри Хопкинс, в прошлом вице-президент Дакотской ассоциации авиаторов — высокая, спокойная, скромная женщина, состоящая замужем за вызывающим антипатию биржевым брокером.

— Мэри, прости, что отрываю...

— Ничего. Чем могу служить?

— Сюда летят два спецрейса. Один вот-вот сядет, а второй за ним следом.

— Ага, вижу обоих.

— Я собираюсь взять пару вертушек у «Голубой сойки», чтобы подбросить пассажиров на место. Если ты сможешь устроить, чтобы они держались поближе и разрешишь прямую пересадку, я буду очень благодарен.

— Ты хочешь, чтобы пассажиров задержали в самолетах до прибытия вертолетов?

— Да. Просто поставь их, если сможешь, где они никому не будут мешать, и мы подгоним вертушки прямо к ним. Ладно?

— Макс...

Он знал, что это против правил, и Мэри от этой идеи не в восторге.

— Мэри, сама знаешь, я бы не стал просить просто так. Это очень важно. Вопрос жизни и

смерти.

— Это имеет какое-нибудь отношение к событиям на границе?

— Да, можно сказать и так.

— Ладно, сделаю, что смогу, — решилась она. — Как с тобой связаться?

* * *

Билл Дэвис являл собой три сотни фунтов корысти, цинизма и суховатого чувства юмора. В его послужном списке числилось четыре развода. Недавно он перенес микроинфаркт и теперь начал жить прошлым, словно дни его уже сочтены.

Обшитые деревянными панелями стены его кабинета были сплошь увешаны фотографиями самолетов и летчиков. Верхушку книжного шкафа венчал портрет Джона Уэйна[19] с автографом.

— Рад тебя видеть, Макс. Джордж уже едет сюда. Куда мы направляемся? — Дэвис налил в чашку кофе и протянул ее Максу.

— На гребень, — сообщил Макс, принимая чашку.

— А это не там ли, — нахмурился Дэвис, — отку-

---

[19] notes: 19

Джон Уэйн (1907-1979) — американский киноактер, лауреат премии «Оскар»; снимался в вестернах и боевиках

да собираются прогнать индейцев? Национальная гвардия, что ли?

— Не гвардия, а судебные исполнители. Они хотят прикрыть все к завтрашнему утру, а сиу не хотят уходить.

— Черт, Макс, я не могу посылать туда никого.

— Пусть будет две тысячи, Билл.

— Значит, ты ожидаешь серьезных неприятностей?

— Вовсе нет. Просто у меня нет времени на споры.

* * *

В начале двенадцатого Гораций провел последнюю рекогносцировку, вернулся на КП и первым делом вызвал Карла.

— Скверно, — проговорил он.

— В чем проблема, Гораций?

— В ветре. Карл, давай выждем одну ночь. Дай нам возможность воспользоваться дымом. Иначе выйдет просто бойня. Слишком открытая местность.

— Нельзя, — отрезал Россини.

— Сукин ты сын, Карл, неужели нельзя обождать одну-единственную ночку?! Послушай! — Он приподнял трубку так, чтобы Россини услы-

шал вой ветра. — Какого черта такая спешка?!

— Извини, Гораций, но все должно быть закончено до рассвета. Мне плевать, что для этого потребуется.

— Тогда мне придется обработать окопы, прежде чем я хоть кого-нибудь высажу на землю. Утром у тебя будет гора индейских трупов. Этого ты хочешь?

— Любой ценой, Гораций.

Гораций грохнул трубкой. Она не попала на рычаг и упала в снег.

* * *

— Не цельтесь в людей, — распорядился губернатор. — Оставим это на крайний случай.

— Но почему?! — вскинулся Малый Призрак. — У нас же война!

— Знаю, — кивнул Ходок. — Но время работает на нас. Чем дольше мы сможем оттягивать решение, тем лучше для нас.

Они встали в круг у края раскопа. Ветер яростно хлопал брезентом, загородившим их от свечения Купола.

— Объясните, пожалуйста, — подала голос Андреа.

— Помощь близка. Если мы будем все еще здесь,

когда она прибудет, и если ситуация будет еще поправима, пожалуй, у нас есть шанс дожить до утра. А то и удержать леса в своих руках.

— Но они же будут пытаться убить нас! С какой же нам стати не...

— Потому что как только мы прольем кровь, — отрубил Ходок, — пути назад уже не будет. Не высовывайтесь. Отстреливайтесь. Но никого не убивайте. Если можно будет этого избежать.

Адам отвел Андреа Ястребицу и Джорджа Чистый Родник в сторонку:

— Я хочу, чтобы вы расположились на флангах. Джордж, ты у стоянки. Будь осторожен. Их ждут проблемы. Мы продемонстрируем, что безнаказанно они вертолеты не посадят. А ринуться в лобовую атаку не могут. Так что будут вынуждены пуститься на уловки. Быть может, попробуют обойти нас и захватить Купол.

— Это им ничего не даст, — возразил Джордж. — Они застрянут в яме.

— Зато Купол будет у них. Это может поставить все дальнейшее под вопрос. Они также могут попытаться зайти с тыла. — Адам посмотрел на Андреа. — Это, видимо, означает, что они могут попробовать подняться по обрыву. Я смотрел вниз, но ничего не увидел. Но я бы непременно

попытался это сделать, будь я на их стороне.

— Будет ли сигнал, когда открывать огонь? — спросила Андреа.

Лицо Адама скрывала тень.

— Нет. Это на ваше усмотрение. Но первый выстрел пусть сделают они.

* * *

Международный аэропорт Гранд-Форкс — не слишком оживленное место по сравнению с О'Хейр или Хартсфилдом, но и он обслуживает несколько крупных авиалиний, так что работы диспетчерам хватает.

Оба реактивных самолета, доставивших пассажиров спецрейсов, сразу же поставили напротив административного здания. Макс кружил сверху, пока Вышка сажала вертолеты «Голубой сойки», боровшиеся с сильным ветром.

Макс переговорил с пилотами самолетов, сообщив им, что координирует перелет и хотел бы, чтобы они пересадили пассажиров прямо в вертолеты, да как можно быстрее.

Они ответили согласием, после чего Макс получил инструкции Вышки, направлявшие его на посадку с запада, а затем, по его просьбе, в ремонтный ангар. Передав «Молнию» с рук на

руки механикам, Макс подъехал на попутном перевозчике багажа к месту пересадки и увидел, что несколько пассажиров уже успели забраться в вертолеты. Остальные дожидались своей очереди. Работник аэропорта помогал разгружать тележку. Лесли Марки прибыл вместе с оператором. Среди пассажиров Макс заметил Уолтера Асквита, уже побывавшего на гребне и проникшегося желанием написать книгу о Куполе. Лица одного-двух других тоже показались ему смутно знакомыми, и он уже собирался поинтересоваться их именами, когда его окликнули. Обернувшись, он увидел приближающегося Уильяма Ястреба.

— Спасибо вам за все, что вы для нас сделали, Макс, — сказал тот.

— Не за что. Надеюсь, это поможет.

В черных глазах высокого, широкоплечего индейца читался гнев, и Макс без труда вообразил его скачущим верхом во главе войска, атакующего Седьмую кавалерийскую бригаду[20].

Билл Дэвис помахал им с пилотского сиденья.

— Советник, — крикнул он, напрягая связки, чтобы перекрыть рев двигателей, — если хотите

---

[20] notes: 20

все 264 человека Седьмой кавалерийской бригады погибли в битве с индейцами-сиу и шайен при Литл-Биг-Хорне

быть там к полуночи, пора трогаться!

Ястреб поглядел на Макса:

— Вы летите, Макс?

— Нет, — покачал головой Макс и неубедительно добавил: — Там и без меня тесно.

— Удачи вам, Макс, — протянул руку Ястреб.

Странная реплика при подобных обстоятельствах.

— И вам тоже, советник.

Лесли Марки уже завел оживленный разговор с пассажирами, но Ястреб забрался внутрь, и гул винтов заглушил все остальные звуки.

Первый вертолет оторвался от земли, и кто-то положил ладонь Ястребу на плечо, чтобы убедиться, что он не вывалится. А затем вертолет Дэвиса тоже взмыл в воздух, заслонив луну.

Перевалив через здание, вертолеты устремились на север. Макс проводил их взглядом. Безумцы. Если они все не сложат там головы, то могут считать себя счастливчиками.

Сам он поступил совершенно правильно. Он все устроил, отправил людей Ходока в путь, а теперь может спокойно отправляться домой и смотреть все по телевизору.

Гул вертолетных винтов стих до чуть слышного рокота, а затем потонул в реве подлетающего

реактивного самолета.

Максу захотелось смыть пережитые треволнения глотком-другим пива, перед тем как отправиться домой. Вообще-то перед вылетом он не берет в рот ни капли, но сегодня можно сделать исключение. Он стоял, задумчиво воззрившись в небеса, когда снова послышался гул вертолетов.

Идущих назад!

Вот уже вдали показались их огни.

Дьявол! Что там еще?! Макс рысцой понесся к зданию, нашел телефон и позвонил на Вышку. Через минуту Мэри наконец взяла трубку и лаконично объяснила:

— Федералы.

32

Верный друг – крепкая защита.

Сирах, 6:14

Макс попытался было уговорить Билла Дэвиса, предлагая много денег, просто-таки громадные деньжищи, но Дэвис на эту наживку не клюнул, и Макс его ни капельки не винил. Не подчинись Билл приказу Вышки вернуться, он поплатился бы лицензией, а то еще и за решетку угодил бы.

— А мы не можем добраться другим транспортом? — осведомился Уильям Ястреб, тревожно переводя взгляд с Макса на пассажиров и обратно, словно они могли в любую секунду пасть духом и пойти на попятную.

— Насколько я знаю, нет.

— А вы-то, Макс? — встрял Лесли Марки. Способность Марки сочетать легкомысленную издевку с неколебимой цельностью натуры, сделавшая его самым популярным в округе телеведущим, заставила Макса занять оборонительную позицию. — У вас разве нет собственного авиатранспорта?

— Нет. «Закатная» реставрирует и продает антикварные самолеты. Мы не занимаемся пе-

ревозками.

Ястреб бросил взгляд на часы:

— Макс, но должен же быть какой-то способ!

Макс начал в душе жалеть, что не взлетел пораньше. Сейчас он был бы уже на полпути к Фарго.

А может, выход все-таки есть! Бросившись к телефону, он набрал номер Сейл. Выслушав тираду автоответчика, назвался, надеясь, что она вот-вот снимет трубку. Не дождавшись, он попытался перезвонить ей в контору. Трубку снял Бумер Клэвис.

— Воздушные перевозки «Тор».

— Бумер, это Макс. Сейл на месте?

— Как делишки, Макс? Могу дать ее номер. Она во Флориде.

Вот и все.

— И когда вернется?

— Ну, где-нибудь в среду. В Тампе открывают музей авиации.

Макс промолчал.

— Макс, подожди минуточку, — продолжал Бумер. — Сейчас, только найду ее номер...

— Спасибо, не трудись. Мне от него ни малейшего толку.

Макс тупо посмотрел на телефон, потом огля-

нулся на людей, сгрудившихся вокруг него. С виду самая заурядная группа. Двенадцать мужчин и женщина, все люди немолодые. Тут они кажутся какими-то неуместными — будто направлялись на выходные в Майями, да заблудились.

Взгляды их были прикованы к Максу. Он повесил трубку и проронил:

— Ничего не могу поделать...

Высокий седовласый мужчина предложил взять в прокат автомобили.

— Нас не пропустят, — возразил Ястреб. — Добраться туда можно только по воздуху.

— А кто такая Сейл? — поглядела на Макса женщина.

— Владелица С-47. Она же пилот.

— А что такое С-47? — осведомился Ястреб.

— Транспортный самолет. Я думал, она согласится рискнуть и посадить машину на плато. Она уже проделывала это однажды.

Один из гостей был прикован к инвалидному креслу с электроприводом.

— А вы можете управлять С-47? — синтезированным голосом поинтересовался он.

— Я? Нет.

— А вы когда-нибудь летали на нем? — спросил тощий бородач из заднего ряда.

— Да, — признался Макс. — Но я не сумею посадить его на вершине гребня.

Один из гостей, смахивающий на профессионального полузащитника в отставке, рыжеволосый, с пронзительным взглядом, от которого мороз подирал по коже, уставил этот пронзительный взгляд на Макса и вопросил:

— А почему?

— Ну, хотя бы потому, что там еще лежит снег. К тому же темно.

— Макс... Вас ведь Максом зовут? — напирал полузащитник.

— Да.

— Макс, нам больше не на кого надеяться. Я готов рискнуть, если вы возьметесь. — Он оглядел окружающих, и те согласно закивали.

— Это не самая удачная мысль, — заметил Макс.

— Звоните Бумеру, — распорядилась женщина, — и давайте трогаться.

— Велите ему установить лыжи, — послышался голос откуда-то с краю группы. — Кроме того, Макс, если вам понадобится помощь с машиной, здесь найдется еще пара пилотов.

Макс неохотно поблагодарил его. Он позволил увлечь себя через выход на улицу, где тотчас же

были пойманы пять такси. Макс растолковал водителям, куда ехать, пообещал накинуть полсотни за скорость и сел в последнее такси, вместе с женщиной и полузащитником. Машина сразу же рванула с места.

— Знаете ли, — произнесла женщина, — ваши люди не очень-то хорошо все это организовали.

Макс ждал, что она улыбнется, но женщина осталась совершенно серьезной.

Через пару минут они уже неслись на юг по шоссе №1-29.

* * *

Над гребнем вовсю гулял крепкий ветер. Эйприл и Уилл Горн пристроились на корточках позади одной из груд земли. Горн сказал, что проволочная сетка, ограждающая раскоп, будет снесена первой.

Адам преклонялся перед Эйприл — она готова пролить за них свою кровь, ничего не требуя взамен. В ее присутствии они уже не чувствуют себя такими одинокими. Стоит лишь надеяться, что она доживет до утра.

Адам организовал линию обороны позади земляных отвалов, спиной к котловану. К несчастью, отступать будет некуда. Продолжать бой, сидя в

яме, — дело безнадежное.

Видимо, судебные исполнители вскоре после полуночи попытаются двинуться вперед, чтобы выбить обороняющихся с позиций. Если повезет, спасательная партия прибудет раньше. Хотя — чем она может помочь?

Эйприл замерзла. Ей никак не удавалось убедить себя, что действительно дойдет до кровопролития. Пожалуй, она может считать себя привилегированной особой, потому что ни разу не слышала звука настоящих выстрелов. Насилие существовало только за стеклом телеэкрана, в новостях и боевиках, а не в жизни. Не в ее собственной жизни.

— Смотрите, — подал голос Горн.

Три машины отделились от группы стоявших у въезда на дорогу и двинулись вперед. Фары их были погашены, но это не имело значения, потому что плато было залито ярким лунным светом. Машины выдерживали солидную дистанцию между собой. Горн что-то передал по радио.

У Эйприл вдруг стало как-то пусто в груди. Ей и хотелось бы чем-нибудь помочь, а не просто наблюдать за происходящим со стороны, но заставить себя взять в руки винтовку она не могла.

В какой-то мере они сами заварили эту кашу,

она и Макс — так увлеклись открытием, что упустили из виду политические последствия. Можно ведь было не афишировать свои находки, держать все под спудом. Пресса подымала бы их на смех, ну и пусть. Не так уж трудно было немного потерпеть насмешки и подумать о политических последствиях. Так нет же, ей было не до того — она упивалась вниманием прессы. Созывала пресс-конференции. Мела языком, как помелом.

Проклятие!

Один из трех автомобилей, черный новенький «шевроле», начал набирать скорость. Обогнав два других, он по широкой дуге повернул в сторону Купола, подкатив к изгороди с юга. Задняя дверца распахнулась, и оттуда выбралась женщина с мегафоном в руке.

— Губернатор Ходок. — Усиленный техникой голос загрохотал над плато.

Ходок осторожно вышел на открытое место:

— Чего вы хотите?

Эйприл посмотрела на часы. Ровно полночь.

Судебная исполнительница опустила мегафон:

— Губернатор, пора уходить.

Ветер трепал его седые волосы.

— Нет.

— Вы оказываете неповиновение властям. —

Она двинулась вперед, подойдя почти вплотную к ограде. — Не стоит так поступать.

— Вы не оставили мне иного выбора.

Горн положил ладонь Эйприл на плечо:

— Как начнется стрельба, не высовывайтесь. А еще лучше — спускайтесь в ров и держитесь у самой стенки. Через какое-то время они могут ослабить натиск и предложить нам сдаться. Тогда покажите им вот это и сдавайтесь. Но только долго не тяните.

Он протянул ей большой полотняный платок.

Белый флаг.

* * *

— Они вгрызлись в землю по периметру. — Радист прижал наушник к уху и взглянул на командира. — Гораций, мы заряжены и нацелены.

— Ладно, — кивнул Гибсон. — Как дела у скальной группы?

— Они на месте и готовы тронуться.

План довольно прост. Индейцы вытянуты в линию, а за спиной у них ров. Если удастся оттеснить их в ров, бой можно считать законченным.

Стрела-два разбомбит проволочную ограду, преграждающую путь к земляным валам. Когда

ограда рухнет, последует залп светошумовыми гранатами по позициям индейцев и шквальный огонь из автоматического оружия. Единица и Тройка займутся высадкой десанта, пока скалолазы (расположившиеся в безопасном укрытии футах в двадцати ниже края плато) зайдут с тыла. Если повезет, сражение закончится за считанные секунды.

* * *

На аэродроме им пришлось снова ждать, пока Бумер, Макс и двое гостей (назвавшиеся Уолли и Скоттом) закончат крепить лыжи на С-47. Самолет стоял на полузаброшенной взлетной полосе позади арсенала Национальной гвардии. Как только самолет приготовили к вылету, пассажиры торопливо покинули корпус «Закатной авиации» и поднялись на борт. В грузовом отсеке нашлись скамьи, но назвать их комфортабельными было бы трудновато.

Макс с тяжелым сердцем следил, как пассажиры один за другим исчезают в утробе большого самолета. Подошедший Ястреб остановился рядом с ним.

— Спасибо. Я знаю, что вам не хочется этого делать.

— Вряд ли на такое найдутся охотники, — отозвался Макс.

Заканчивая предполетную проверку, он уведомил Вышку, что летит в Форт-Мокси, и получил разрешение на вылет.

Скотт сел в кресло второго пилота:

— Не против?

— Нет, — пожал плечами Макс. — Вы летали на подобных?

— Я просто хочу посмотреть работу профессионала, Макс, — небрежно отозвался тот.

Гадая, закончится ли пальба к моменту их прибытия, Макс завел моторы, и старый транспортник покатил вперед.

Поднимая машину в воздух, Макс пытался представить вершину гребня. Видимо, на посадку следует заходить с юго-востока. Тут тормозной путь коротковат, а более длинный ведет к обрыву. Можно свернуть чуточку севернее, и в крайнем случае машина врежется в деревья, а не свалится с обрыва — но тогда в запасе будет ярдов на шестьдесят меньше.

Эх, была бы здесь Сейл!

В грузовом отсеке царило подавленное настроение.

* * *

— Может, это они? — Эйприл указала на одинокий вертолет.

— Навряд ли. — Горн разглядывал вертолет в бинокль. — Чересчур много стволов из него торчит. — Он поглядел на Эйприл. — Не высовывайтесь.

Страх вновь шевельнулся в ее душе шершавым комком.

Вертолет держался в отдалении, крейсируя на расстоянии трехсот ярдов. Подошедший сзади Адам опустился на колени рядом с ракетометом:

— Ладно, Уилл. Ты уверен, что умеешь пользоваться этой штукой?

— Да, — тихонько отозвался тот. — И все-таки я считаю, что надо сбить вертушку.

— Нет. Действуй согласно плану.

Горн буркнул что-то неодобрительное, зарядил оружие и вскинул его на плечо.

— В результате мы оповестим их, что у нас есть ракеты, и никакого толку, — пожаловался он.

— Совершенно верно, Уилл. Совершенно правильно. — Адам сжал плечо Эйприл. — Все будет хорошо.

— Готов, — доложил Горн.

В этот момент вертолет, видимо, получил команду и сделал вираж, устремившись к оборонительным позициям. Под брюхом у него замерцали вспышки, и Адам пригнул Эйприл к земле, скомандовав:

— Огонь!

Выпустив длинный огненный шлейф, ракета пронеслась мимо надвигающегося вертолета, и в тот же миг перед позициями цепочкой прогремели взрывы. По земле градом забарабанили металлические осколки, ветер потянул за собой облако черного дыма. Вертолет с воем пронесся над Куполом, и вдали затарахтели автоматические винтовки.

Длинная секция забора бесследно исчезла, словно и не было. Теперь на ее месте красовался ряд полыхающих воронок.

— Все целы? — окликнул Адам.

Один за другим защитники Купола назвались.

— Отлично, — подытожил он. — Теперь они знают наверняка, что у нас есть зенитные ракеты. Поглядим, умерит ли это их прыть.

* * *

— Вы смотрите новости Эн-би-си.

Только что закончилась комедия положений

«Энжи», и на экране появился Том Брокау, стоящий перед изображением карты с помеченным на ней местоположением гребня Джонсона.

— Сообщают, что поблизости от Купола отмечена ружейная стрельба. По нашим предположениям, судебные исполнители начали штурм, пытаясь силой отобрать Купол у группы индейцев-сиу, отказавшихся подчиниться постановлению суда, предписывающему им покинуть территорию. Операция проводится в обстановке полнейшей секретности, и сейчас мы не располагаем никакими подробностями. Пресс-конференция должна состояться через двадцать минут. Пока же нам известно следующее...

* * *

— Сукины дети! — Гибсон, сидящий в одном из вертолетов, резко нажал на кнопку рации. — Скальная группа, без моей команды с места не трогайтесь!

Чарли Эванс вместе со своими двумя скалолазами расположился на узком карнизе футов на двадцать ниже края площадки.

— Понял, — откликнулся Чарли.

— Минуты через две-три. — Он переключил частоту. — Стрела-три!

— Стрела-три слушает.

— Следуйте за нами на посадку.

Еще не хватало, чтобы эти ублюдки сбили один из «Черных соколов». Приземлившись среди деревьев на южном конце плато, Гибсон собрал свой штурмовой отряд: девять человек, не считая скалолазов, и объявил:

— Что ж, леди и джентльмены, придется нам попотеть.

* * *

— Идут, — сказал Малый Призрак. — Передай дальше.

Вынырнувшие из-под сени деревьев тени двинулись в сторону Купола.

— Держитесь, — призвал Адам.

Спецназовцы надвигались неровной боевой линией, в своих черных одеждах почти невидимые на фоне деревьев, несмотря даже на лунный свет. Адам выждал, когда до них останется ярдов сто пятьдесят, и похлопал Малого Призрака по плечу:

— Давай, Джон. Цель повыше.

Малый Призрак послал полдюжины пуль в небеса. Тени замерли, выждали пару секунд и снова двинулись вперед.

— Адам, — проронил Малый Призрак, — этот номер не пройдет. Если мы хотим их остановить, пора браться за дело.

* * *

Макс заметил вспышки с расстояния миль в десять.

— Мы опоздали, — сказал он Скотту.

Тут же ожило радио:

— С-47, вы вошли в запретную зону.

— Э-э, вас понял, — встрепенулся Макс. — Заблудился.

— Рекомендуем вам курс двести семьдесят.

— Оставайтесь на прежнем, — тут же подсказал Скотт.

— Там идет война, — нахмурился Макс. — Мы уже не сможем ей помешать.

— А может, еще не поздно.

«Ладно уж, — подумал Макс. — Пропадаю ни за грош...»

С северной стороны на экране радара появилась четкая отметка.

— Идут на нас, — резюмировал Скотт.

Макс кивнул, стараясь выглядеть непринужденно, словно проделывает подобное ежедневно. Потом включил интерком.

— Ну что ж, мы будем на земле через пару минут. Пристегнитесь.

Впереди уже выросли горные хребты. Высмотрев среди них гребень Джонсона, Макс довернул машину чуточку южнее. Видимость отличная, ветер силой в сорок узлов дует строго с северо-запада.

— Погода не блеск, — проронил Макс.

Его второй пилот кивнул:

— Вы отлично справитесь.

По радио ледяным тоном сообщили, что он подлежит аресту.

Макс снизился до двух тысяч футов, сбросил скорость и в пяти милях от плато выпустил закрылки. Посадочная площадка оказалась меньше, чем ему помнилось. Впереди виднелся Купол и вспышки выстрелов.

Из темноты вынырнул боевой вертолет и пристроился параллельным курсом. Макс бросил взгляд в его сторону и увидел, что в открытом люке вертолета сидит человек в черной форме с автоматической винтовкой на коленях.

— С-47, поворачивайте! — рявкнуло радио. — Вы находитесь в запретной зоне!

Плато стремительно надвигалось. Макс слегка потянул штурвал на себя.

Трассирующая очередь прошила тьму, задев нос машины.

— Если понадобится, мы будем стрелять в вас!

— Блефуют, — бросил Скотт.

Макс перевалил через рощицу, убавил газ и ощутил, как передние шасси коснулись земли.

Самолет подскочил и опустился снова.

В наушниках вопили. Теперь опустилось и хвостовое шасси, тоже снабженное лыжей.

Макс заглушил двигатели. Вся беда с приземлением на лыжах в том, что тормоза не работают. Невозможно даже включить двигатели на реверс. Остается лишь пассивно ждать, когда самолет остановится сам по себе.

Справа надвигался Купол. Теперь стал слышен треск автоматных очередей.

— А что в конце поля? — поинтересовался второй пилот.

— Еще один полет, только недолгий.

Самолет миновал Купол. Пассажиры в грузовом отсеке притихли, и слышался только взвизгивающий шелест снега под лыжами. Они проскользнули между стоянкой и парой поспешно отъехавших патрульных машин, из-под колес которых фонтанами бил снег.

А впереди, на самой границе света фар, зияла

бездна.

Макс на миг задумался, не завести ли двигатели, чтобы поднять машину в воздух, или дернуть самолет влево, чтобы врезаться в деревья. Но было уже слишком поздно и для того, и для другого. Осталось только ждать до самого конца.

Голос в наушниках умолк.

Макс вцепился в кресло.

Самолет подскочил на сугробе.

Бездна разверзалась все шире и шире, раскинувшись от горизонта до горизонта.

Самолет замедлил бег.

И остановился.

«Черный сокол» с ревом пронесся мимо.

Еще немного, и передние лыжи сорвались бы в пустоту.

— Всем оставаться на местах, — велел Макс пассажирам.

— Отличная посадка, Макс, — похвалил второй пилот.

Выглянув в боковое окно, Макс отстегнулся и выглянул с другой стороны.

— Масса места, — резюмировал он, усаживаясь в кресло и включая левый двигатель.

— Эй, — всполошился Скотт, — поосторожнее!

— Все в порядке. Эта малышка развернется

даже на острие иглы.

Это заявление было недалеко от истины. Под аккомпанемент протестов отдельных пассажиров и вновь ожившего голоса в наушниках Макс развернул самолет и повел его обратно к Куполу.

* * *

Пока Макс разворачивался, Гибсон понял, что настал подходящий момент.

И пару секунд спустя защитникам Купола пришлось залечь под шквальным огнем. Прикрывающая левый фланг Андреа увидела, как вылетевшая из-за края обрыва железная кошка впилась в землю.

* * *

— Самолет идет сюда, — сообщил заместитель Гибсона.

Самолет, направляющийся примерно в сторону позиций Гибсона, прокатился через стоянку, мимоходом осветив ее фарами.

— Это и слепому видно! Какого черта эти дураки затеяли?!

Радист прикрыл наушники ладонями, чтобы лучше слышать.

— Стрела-два запрашивает приказ.

— Приказ на что?!

— Наверно, открыть огонь, Гораций.

— Дьявол, нет! Должно быть, там сплошь чокнутые!

Радист снова прислушался:

— Скалолазы уже наверху.

* * *

Макс свернул к Куполу. Вокруг грохотали выстрелы.

— А нельзя ли двигаться побыстрее? — послышался голос Асквита из грузового отсека.

— Макс, не время для полумер, — поддержал его «полузащитник».

Предложение подхватили еще несколько голосов, на диво разных по тембру. Макс прибавил газу и направил самолет прямо к дыре в ограде, в самую гущу перестрелки. Пули забарабанили по фюзеляжу, и Макс сразу представил, как разгневается Сейл, когда получит самолет обратно. Один иллюминатор разлетелся вдребезги.

Упершись в груду земли, самолет остановился.

— Ладно. — Макс заглушил двигатели.

Сзади уже отпирали грузовой люк. Оператор Лесли Марки — высокий, светловолосый пар-

нишка лет двадцати, опустился в проходе на корточки, чтобы подготовить свое снаряжение. Покончив с этим, он включил софит и произнес:

— Ладно, пошли.

Лесли Марки, уже говоривший что-то в микрофон, кивнул Уолтеру Асквиту, остановившемуся в проеме люка. Асквит выпрыгнул из самолета прямо навстречу пулям. Одна попала ему в ногу, а вторая в грудь, и он тяжело рухнул на снег.

* * *

Находившийся впереди Гибсон ужаснулся, увидев случившееся. Тут же из самолета выпрыгнули еще двое, накрыв упавшего своими телами, чтобы защитить его, а в открытом грузовом люке толпились люди. Еще ни разу Гибсон не сталкивался с таким идиотизмом. Вот же безмозглые сукины дети!

— Прекратить огонь! — бросил он радисту и повернулся к заместителю. — Прямо глазам не верю.

И тут вдруг осознал, что вся страна видит его на экранах. Увидел Лесли Марки, распростершегося на земле, чтобы не попасть под пули, но продолжающего говорить в микрофон. Увидел оператора, панорамирующего с раненого на обо-

ронительные позиции и на вооруженных людей по обе стороны.

За пару секунд стрельба постепенно прекратилась.

К месту событий подлетел черный правительственный автомобиль, и выскочившая оттуда Сильвера со всех ног бросилась к упавшему.

— Какого черта?! В чем дело?! — Тут она увидела Асквита и осеклась. — Что случилось?..

Пассажиры продолжали один за другим выбираться из самолета — одни справлялись с этим без труда, другим потребовалась помощь. Начали подъезжать полицейские машины с включенными мигалками. Появилось инвалидное кресло.

— Кто вы такие? — строго спросила Элизабет.

Пара человек назвались, но Гибсон находился слишком далеко, чтобы расслышать фамилии. Элизабет бросила взгляд в его сторону. Гораций ломал голову, как лучше уладить дело: пожалуй, согнать этих людей в кучу, а заодно воспользоваться преимуществом прекращения огня и вклиниться в позиции индейцев. Это можно сделать. Наверняка.

— Вы видели, что здесь произошло, — говорил Марки в микрофон. — У вас на глазах был ранен Уолтер Асквит, прошлогодний лауреат Пулитце-

ровской премии по литературе.

«Асквит?! — изумился Гибсон. — Боже мой, это обойдется нам чертовски дорого!»

«Полузащитник» преклонил колени рядом с Асквитом, пытаясь остановить кровотечение, пока седобородый старался устроить того поудобнее.

— Да есть тут у вас врач?! — воззвала женщина как раз в тот миг, когда подъехала машина «скорой помощи».

Глаза Асквита остекленели, и он скончался, вцепившись в рукав «полузащитника».

Тело положили в машину «скорой». Как только она отъехала, Гибсон вышел вперед и назвался.

— Попрошу вас всех пройти со мной.

— Зачем? — вопросил седобородый. Ростом он не выделялся, и черты лица его говорили о кротости характера, но, представ перед спецназовцем, он едва сдерживал гнев. — Чтобы вы могли продолжать свою войну?!

Гибсон воззрился на него. Дело все более и более осложняется.

— Просто арестуйте всю компанию, — вполголоса процедила Элизабет.

— Кто вы? — спросил Гибсон у седобородого. Двоих в этой толпе он узнал, но седобородый был

ему незнаком.

— Стивен Джей Гулд. — Тот возвысил голос, чтобы его не заглушил вой ветра. Камера приблизилась, и софит осветил его лицо, чтобы его увидела вся страна. — Мы не собираемся идти вам навстречу. Если правительство хочет убить еще кого-нибудь, пусть начинает с нас.

Они принялись выстраиваться в шеренгу, образуя живой барьер между противниками.

— Гулд, — проговорил Лесли в микрофон, — палеонтолог.

В кадре появился высокий мужчина с аристократической наружностью.

— Чарльз Курран, теолог. — Лесли поднес ему микрофон.

— Это не просто диспут о правах собственности. — Курран словно собирался призвать к порядку недисциплинированного ребенка. — Гребень Джонсона не принадлежит ни одному правительству или даже правительствам. Он принадлежит всем и каждому. — Теолог посмотрел прямо в объектив. — Сегодня его защитники в осаде. В таком случае все мы в осаде.

— Артур Майер Шлезингер-младший, историк.

Карие глаза Шлезингера за стеклами очков в роговой оправе гневно полыхнули, и Гибсона вдруг

охватило ощущение бесполезности оружия.

— Скотт Карпентер, астронавт.

Второй пилот Макса, все еще полный сил — хоть сейчас на орбиту, — кивнул невидимой аудитории.

— Грегори Бенфорд, астрофизик и писатель.

Бенфорд — среднего роста, бородатый, одетый в чересчур просторную, наверняка с чужого плеча, охотничью куртку — едва удостоил Гибсона взглядом и взмахом руки позвал губернатора. Ходок неуверенно занял место в шеренге:

— Джеймс Ходок. Вождь Мини Вакан Ойяте — Народа Озера Духа. Спасибо, — вымолвил Ходок, посмотрев налево и направо.

— Гарри Марковиц, экономист.

Марковиц скрестил руки на груди, олицетворяя собой непокорность.

— Ричард Уилбур, поэт.

Уилбур кивнул, мысленно пребывая где-то далеко, измеряя взглядом пропорции пространства, отделяющего Купол от окружающих холмов, словно бы узнавая знакомую, памятную местность.

— Дэвид Шрамм, астрофизик.

В шеренгу встал «полузащитник», испачканный кровью Асквита:

— Стивен Хокинг, физик.

Как и остальные, Хокинг был одет не по сезону, словно его оторвали от дела в других, более теплых краях и в спешке затолкнули в самолет. Он холодно смерил Гибсона взглядом с головы до ног.

— Уолтер Ширра, астронавт.

Карие глаза, квадратная челюсть, средний рост. Гибсон узнал его. Он где-то читал, что Ширра — самый общительный и жизнерадостный из астронавтов. Но сегодня в его взгляде не было даже искорки благодушия.

— Урсула Ле Гуин, писатель.

Она все еще стояла, глядя на место, где пал Асквит. На ее одежде тоже алела кровь.

— И Карл Саган, астроном.

Как и остальные, Саган источал гнев и отчаяние, события последних часов поколебали присущий ему оптимизм.

— С нами был еще Уолтер Асквит, — провозгласил он. — Уолтер был поэтом.

— Знаете, — низким, полным угрозы голосом пророкотал Гибсон, — даже вам не встать выше закона.

— Порой закон просто глуп, — отрезал Марковиц.

Подошедшая сзади Эйприл Кэннон заняла место между Ширрой и Хокингом.

А Гибсон уже прикидывал в уме, что скажет начальству.

33

Наша песнь достигнет
Той дальней земли...

Из поэзии южных пайютов

Они провели вечер по ту сторону ворот, расположившись на берегу безымянного моря. Подложив под головы рюкзаки, Саган и Шрамм лежали на песке, разглядывая незнакомые созвездия; Карпентер, Уилбур, Хокинг и Ширра безмолвно сидели вокруг угасающего костра, прислушиваясь к шелесту прибоя и ощущая то же, пожалуй, что испытывают люди, выброшенные морем на неведомый берег. Ле Гуин, Курран и Ходок сбросили обувь и шлепали босиком по воде, гадая, что лежит за морем. Шлезингер, Гулд и Марковиц обменивались с Эйприл мнениями о транспортной системе, доставившей их сюда, и прикидывали, во что выльется ее адаптация к местным условиям.

— Городам конец, — высказался Марковиц.

— Города имеют социальную значимость, — не согласился Гулд. — Хотя бы как места, откуда можно удрать.

Макс держался особняком, испытывая робость, пока Эйприл не заметила его. Вручив Максу банку коки, Эйприл затащила его в круг друзей.

— Не знаю, поблагодарили ли мы тебя, — вымолвила она. — Если бы не ты, ничего этого уже не было бы.

Марковиц засмеялся и обнял его за плечи.

— Да, Макс, нравится вам это или нет, но это вы привели нас сюда. Что бы ни произошло в дальнейшем, это будет на вашей совести.

* * *

— На самом деле вопрос заключается в том, — заметил Саган, когда похолодало и все сгрудились вокруг костра, — куда мы отправимся дальше?

— В каком это смысле? — уточнила Эйприл.

— По-моему, он имеет в виду, что правительство в чем-то право, — пояснил Уилбур. — Я с ним согласен.

— Поддерживаю, — подхватил Ширра. — Начав эксплуатацию Купола, мы выходим далеко за рамки человеческого опыта. Взять хотя бы то, что возникнет экономика совершенно нового типа. Разве не так, Гарри?

— О да, — кивнул Марковиц. — Но мы можем подготовиться. Адаптироваться. — Он с улыбкой

махнул рукой в сторону моря. — Будущее ждет нас где-то там.

— На нас лежит ответственность, — через свою электронику проговорил Хокинг. — Более того, своим сегодняшним решением мы сами возложили ее на себя. Теперь уж на попятную не пойдешь.

Море дышало покоем, тихо накатывая волны на пляж, вольготно раскинувшийся под чужими небесами.

— Но нас подстерегают опасности, — проронил Ходок.

Курран согласно кивнул:

— Риск пропорционален масштабам свершения, как и страх. — Он ухмыльнулся. — Нам придется за многое ответить.

— Нам нечего бояться, — откликнулся Шрамм.

— Стивен прав, — высказался Шлезингер. — Перед нами новый мир. А старые миры всегда не в ладах с новыми идеями.

Бенфорд открыл коробку со сладостями, насадил кусочек на прутик и поднес его к огню.

— Итак, речь идет о том, что во главе должны пойти мы?

— По-моему, вам просто придется, — ответил Макс.

Несколько лиц обернулось к нему. Макс подметил, что эта перспектива не так уж пугает их. Ле Гуин потыкала палкой в костер. Дрова затрещали, туча искр взвилась в темное небо.

— Не слишком ли самонадеянно? — произнесла писательница.

Шрамм откупорил две банки пива и одну из них протянул Бенфорду.

— Конечно, самонадеянно. Но мне кажется, что немного самонадеянности тут не повредит.

— А ведь нас могло и не оказаться на месте, когда нужна была помощь, — заметил Курран. — Я еще не уверен, но, по-моему, вчера вечером мы совершили федеральное преступление.

— По-моему, нам не о чем беспокоиться, — улыбнулся Саган. — Мэтту Тейлору понадобится наша помощь, да еще как!

— Ага, — отозвалась Эйприл. — Я с искренним удовольствием помогу президенту. Ведь он едва нас не прикончил.

— Его загнали в угол, — возразил Шлезингер. — А сейчас весь мир загнан в угол, и мы приложили к этому руку.

— Согласен, — подхватил Хокинг. — Я считаю, пора пораскинуть умом, как нам его оттуда вытащить.

Бенфорд кивнул:

— А для начала нам потребуется сформировать положительное общественное мнение.

— Вот именно, — поддержал его губернатор, только что ставший свидетелем могущества общественного мнения.

— Может, провести цикл передач? — предложила Эйприл. — Пусть люди узнают, каково тут на самом деле. Что мы можем получить.

— И чем рискуем, — добавил Карпентер. — Нужна полная откровенность. И раз уж об этом зашла речь... — Он посмотрел на Ходока. — Как насчет сиу? Вы хотите помочь?

Все взгляды обратились к индейскому губернатору.

— Мы будем настаивать на том, чтобы эту планету не превратили во вторую Северную Америку. К тому же будем контролировать использование Портала. А в остальном мы с радостью окажем всяческую помощь.

На северном небосклоне, как раз над морем, красовалась Конская Голова, создавая сильнейшее впечатление надвигающейся грозы.

— У нас будет забот невпроворот, — заметил Ширра.

Они смотрели на звезды, прислушивались к

шепоту ветра и наслаждались уютным теплом костра.

— Жаль, что не все мы дошли сюда, — проронила Ле Гуин.

Уилбур кивнул, пряча лицо в тени:

— Заметки Асквита по поводу Купола у меня.

— На публикацию хватит? — осведомился Хокинг.

— О да, вполне. — Уилбур пошарил позади себя рукой, нашел куртку и накинул ее на плечи. — Прекрасно написано. Быть может, в конечном счете он переживет всех нас.

ЭПИЛОГ

Эйприл Кэннон проводила взглядом свой рюкзак, исчезающий в золотом сиянии, пока семеро ее спутников (одним из которых стал ее ушедший на пенсию шеф Харви Кек) последний раз проверяли снаряжение. Потом обернулась к Максу:

— Значит, ты точно не хочешь пойти с нами? — В зеленоватом свете она выглядела очаровательно.

— Нет, — покачал он головой. — Я не люблю сюрпризы, а вы наверняка встретите их во множестве.

Она притронулась к его руке:

— Мы будем осторожны.

Группа отправлялась в экспедицию по исследованию линий Эдемской станции, в достатке запасшись продуктами и водой, скафандрами, кислородными масками, портативными аналитическими лабораториями, запчастями и разнообразнейшей научной аппаратурой. Если все пойдет хорошо, они вернутся через две недели с множеством сведений о мирах, лежащих по ту сторону Эдема. (Лабиринт решили не трогать, во всяком случае, пока.)

— Макс, а ты-то чем займешься? Купишь остров на Багамах и удалишься от дел?

— Собираюсь выпотрошить Пришельца, — ухмыльнулся он.

— Он вроде бы уже ушел. Я бы оставила его в покое, — поежилась Эйприл.

— По-моему, на нас лежит обязанность отыскать его.

— Обязанность перед кем?

— Сам не знаю. Может, перед этим существом. Я питаю к нему симпатию.

— Он может быть опасен.

— Не исключено. Но нам известно, что у него есть чувство юмора. А еще он спасает детей. Мне бы очень хотелось с ним потолковать.

Харви дал Эйприл знак. Пора отправляться.

— Будь осторожен, Макс, — попросила она.

— Непременно. — Он владел своим голосом не без труда. — Ты тоже. Возвращайся, ладно?

— Можешь на меня положиться. — Вдруг, совершенно неожиданно, она бросилась к нему в объятия, теплая и податливая, и подняла лицо. И Макс запечатлел на ее губах долгий, крепкий и нежный поцелуй.

ОТ АВТОРА

Озеро Агассис существовало. Я позволил себе небольшие вольности с его береговой линией, но в остальном ничуть не погрешил против истины. Всякий желающий может пролететь на самолете над западными окраинами долины Ред-Ривер на севере, близ канадской границы, и древние берега будут прекрасно видны.

Джек МакДевит
Берег бесконечности

От начала времен мы стояли на берегу, открывающемся в бесконечное море. Оно манило нас, но веками мы проникали в него лишь телескопами и воображением. Потом мы научились строить лодочки и достигли ближайших барьерных островов. Сегодня наконец у нас есть настоящий четырехмачтовый барк, корабль, который унесет нас за любые существующие горизонты.

Халид Алнири, «Берег бесконечности». Речь в честь Уэсли

Мы знали издавна, что контакт может в конце концов произойти и, когда это случится, переменится все – наша технология, наше самосознание, наше представление о вселенной. Мы предвидели этот удар молнии и пытались угадать его последствия в течение девятисот лет. Мы представляли себе иной разум, рисовали его страшным или приятным, до невозможности чуждым и до боли знакомым, божественным, отстраненным, безразличным. Так вот, я думаю, что молния готова ударить. А мы с тобой будем на ее острие.

Солли Хоббс в разговоре с Ким Брэндивайн, близ Алнитака

Все даты, если не указано иное, даются по календарю Гринуэя, первый год которого совпадает с первой посадкой на этой планете в 2411 году новой эры. Год Гринуэя почти совпадает по длительности с земным, что сыграло свою роль в выборе этого мира для терраформинга.

Пролог

— Не надо!

Кейн стоял в дверях, залитый кровью.

— ...нет выбора!.. — крикнул Трипли, поднимая флаер с площадки. — Сделай для нее, что можешь.

Как он и боялся, эти гады на экране не показались. Но он *видел* их жуткого спутника, призрачный предмет, плывущий в лунном свете. Он шел на северо-запад, к пику Надежды. Оставалось полагать, что призрак их эскортирует. Охранник, черт бы его побрал.

Деревня ушла назад, и Трипли оказался над озером. Он перешел на ручное, поднялся на полторы тысячи метров и выжал из машины все, на что она была способна, — то есть не очень много. Флаер задребезжал, заскрипел, но набрал двести пятьдесят километров в час. К своему удивлению, Трипли заметил, что нагоняет.

Как это может быть? Разве что этот *предмет* сбавил скорость, заманивает?

В ясном небе плавали три луны Гринуэя, все в первой четверти. Они озаряли дальние пики, холодное темное озеро, плотину, ускользающее

облако.

Что это вообще такое?

Оно стянулось в сферу, волоча за собой длинные туманные щупальца. Как комета, подумалось ему, непохожая ни на одну, проплывающую мимо этого мира. Смертоносная, умелая, хищно-изящная на фоне заснеженных гор.

Но возвратный сигнал локатора становился громче. Да, он нагоняет.

В эти первые мгновения тишины после случившегося ужаса Трипли слушал ветер и гул электроники и отчаянно хотел вернуться в прошлое и все исправить.

А похожий на комету предмет все замедлял ход. И начал таять.

Трипли затормозил.

Он знал, что корабль продолжал бы идти прямо. И рассмеялся, поймав себя на этом названии. *Корабль*, которого никто не видит, который не отображается на экранах, который умеет затеряться, абсолютно не боясь обнаружения.

Вот в чем была проблема. Он не может преследовать, если его не ведет сигнальное облако. А это облако придется убить, чтобы выжить самому. Каким образом все так отчаянно вышло из-под контроля?

Убить облако.

Да живой ли вообще этот чертов предмет?

Они миновали северо-западный берег. Внизу лежал темный лес, впереди поднимались Серые Горы.

Оно повернулось к нему навстречу.

У него на глазах оно растянулось по небу, открываясь для него, расширяясь, как *цветок,* ожидая, готовое его принять. В нем были тычинки, освещенные луной, и за ними ровно пульсировало что-то, питающий орган, жизненная сила.

Он на миг заколебался, вдруг испугавшись, и снова дал полный газ. Либо он убьет этого гада, либо сам погибнет.

Закрыть вентиляцию. Проверить окна и двери. Чтобы ни одна частица *этого* не попала в кабину.

Ночь оказалась цепью ошибок. Он каждый раз принимал неверные решения, погубил людей, и один Бог знает, какую силу он спустил на этот мир. Но сейчас, быть может, он хоть что-то исправит.

Ветер завывал у коротких крыльев, и создание плавало в лунном свете, ожидая. Сквозь туманную вуаль просвечивали созвездия.

Она была несказанно прекрасна, эта смесь

тумана и звездного света, невесомо плывущая по ветру. Трипли прицелился точно в центр. Он пропашет его насквозь, развернется и будет рвать его снова и снова, рвать, пока не развеет по небу.

И когда это будет сделано, он вернется на курс убегающего корабля. Должен быть способ его выследить. Но не все сразу. Коммуникатор загудел, сообщая, что кто-то хочет выйти на связь.

Кейн.

Видение задвигалось, пытаясь отодвинуться в сторону. Прилив радости охватил Трипли. Оно его боится! *Нет, сукин ты сын!* Он поправил курс, держа предмет в невидимом перекрестии.

Зуммер загудел снова.

Он знал, что скажет Кейн: «Она мертва». И еще: «Брось его». Но слишком поздно уже для здравого смысла. Ведь это же Кейн и говорил с самого начала: «Следуй здравому смыслу». Но невозможно было разобраться, решить, что делать…

Трипли собрался, не зная, чего ждать. Облако при его приближении стало реже, но это могло быть иллюзией — так рассеивается туман, когда в него входишь.

— Извини, — сказал он, не зная точно, к кому обращается.

И ударил в облако. Насквозь. Вылетел в чистый

свет звезд.

Обернувшись, Трипли увидел, что пробил в середине дыру. Облако таяло.

Он вывернул круто вправо, на второй заход. Теперь он был уверен, что облако для него безопасно. Кажется, упругость облака пропала. Оно мучилось.

Он снова пронизал его под другим углом, разгоняя в ночи его обрывки, наслаждаясь местью.

Это тебе за Йоши.

А это…

Все пропало. Тихий гул электроники сменился визгом и затих.

На приборной панели мелькали лампочки. И вдруг стало тихо, только ветер шумел.

Флаер падал в ночь.

Трипли сражался с управлением, бешено стараясь запустить машину, а деревья рвались ему навстречу. Над ним, очерченное светом Глории, самой большой луны, облако пыталось восстановиться. И в эти последние мгновения, полные страха и отчаяния, из пика Надежды вырвался яркий сноп белого света. Второе солнце. Оно ширилось, поглощая мир.

И Трипли испытал последний в жизни наплыв удовлетворения. Это наверняка тот корабль. По

крайней мере хозяева этой твари мертвы.

А потом и это потеряло значение.

1

Канун Нового года, 599 г.

Теперь кажется очевидным предположение, что зарождение жизни на Земле было событием уникальным. Можно, конечно, пуститься на увертки, указывая, что мы видели пока что всего несколько тысяч миров из миллиардов тех, что плывут по плавно изогнутым коридорам, которые мы когда-то назвали биозонами. Но слишком много мы видели берегов теплых морей, над которыми не парят чайки, которые не выбрасывают на берег ни раковин, ни водорослей, ни плавника. Мирные моря, окруженные песком и камнем.

Вселенная оказалась похожей на девственный, величественный, но стерильный заповедник, на океан, где нет гостеприимных берегов, на котором не видно ни парусов, ни признаков, что кто-то уже его переплывал. И невозможно сдержать трепет при виде серого света этих невообразимых расстояний. Вот почему,

быть может, мы превращаем огромные межзвездные лайнеры в музеи или распродаем на слом. Вот почему мы стали отступать, вот почему от Девяти Миров осталось фактически шесть, вот почему сокращается фронтир, вот почему возвращаемся мы на свой остров.

Мы возвращаемся на Землю. В леса нашей невинной юности. К берегам ночи. Туда, где не слышно ветра с моря.

Прощай, Центавр. Прощай, все, чем мы могли стать.

Элио Кардиа, «Берега Ночи», «Путешественники», 571 г.

— Новая вспыхнет через три минуты.

Доктор Кимберли Брэндивайн оглядела с десяток лиц, собравшихся на брифинг. Из-за их спин на нее смотрели объективы, передающие событие в сеть. Позади нее транспаранты гласили: «ПРИВЕТ, ВСЕЛЕННАЯ!», на другом было написано «СТУЧИМ В ДВЕРЬ», на третьем — «ЕСТЬ ЗДЕСЬ КТО-НИБУДЬ?»

Вдоль стен стояли плоские экраны, показывавшие техников, склонившихся над терминалами на «Тренте». Это были рабочие группы, которым

предстояло зажечь новую, но изображения устарели на четырнадцать часов — столько времени шло сообщение по гиперсвязи.

Все присутствующие были привлекательны и моложавы, разве что сами себя иногда по-другому оценивали. Как бы ни был энергичен и полон жизни человек, иногда его возраст выдают глаза. В них появляется твердость, приходящая с годами, уходит яркость и глубина. Ким было лет тридцать пять. У нее были идеальные черты лица и волосы цвета воронова крыла. В прежние эпохи для нее одной запускали бы корабли. В своем веке она была лишь лицом в толпе.

— Если мы до сих пор никого не нашли, — говорил представитель «Сибрайт коммюникейшн», — то, очевидно, лишь по одной причине: искать некого. А если есть, то так далеко, что искать бессмысленно.

Она дала стандартный ответ, объясняющий великое молчание, указав, что даже за девятьсот лет люди обследовали лишь несколько тысяч звездных систем.

— Но вы можете оказаться правы, — признала она. — Может быть, мы *действительно* одиноки. Но факт тот, что мы пока этого не знаем. Поэтому и продолжаем пытаться.

Для себя Ким уже давно решила, что он прав. Даже амебы до сих пор не нашли на внешних мирах. Очень недолго, в начале космической эры, была теория, что жизнь может существовать в морях Европы или в облаках Юпитера. Был даже кусок метеорита, о котором полагали, что он содержит следы марсианских бактерий. Никогда ближе к внеземной жизни люди не подходили.

Но собравшиеся тянули руки.

— Только один вопрос, — предупредила она.

Этот вопрос она отдала Кэнону Вудбриджу, научному консультанту Великого Совета Республики. Он был высокий, темный, бородатый, вида почти сатанинского, но единомышленник — из тех, кто не пытается подколоть.

— Ким, — сказал он, — как ты думаешь, почему мы так боимся оказаться одни? Зачем мы так рьяно ищем во вселенной свои отражения? — Он покосился на экраны, где техники продолжали свой почти что ритуал.

А откуда ей знать?

— Понятия не имею, Кэнон, — ответила она.

— Но ты с головой ушла в проект «Маяк». А твоя сестра посвятила свою жизнь той же цели.

— Может быть, это заложено в нашей генной схеме.

Эмили, ее сестра, на самом деле ее клон, исчезла, когда Ким было семь лет. Ким задумалась, стараясь дать убедительный ответ, что-нибудь насчет того, что в природе человека общаться и исследовать.

— Подозреваю, — сказала она, — что, если там действительно ничего нет, если вселенная *на самом деле* пуста, может быть, многих из нас постигнет чувство бессмысленности пути.

Она знала, что дело не только в этом. Еще — в первобытной потребности *не быть одному.* Но, попытавшись выразить эту мысль, она запуталась в словах, отступила и поглядела на часы.

Минута до полуночи в канун Нового года, двести одиннадцатого года Республики и шестисотого от высадки Маркенда. Минута до взрыва.

— Как со временем? — спросил один из журналистов. — Они укладываются в расписание?

— Да, — ответила Ким. — По крайней мере в десять утра сегодняшнего дня укладывались. — Сигнал гиперсвязи проходил 580 световых лет от «Трента» до Гринуэя за четырнадцать с чем-то часов. — Я думаю, можно спокойно допустить, что вспышка новой неминуема.

Она включила верхний экран, и на нем появилось изображение выбранной звезды. Альфа

Максима имела класс яркости АО. Линии водорода в спектре четко выражены. Температура на поверхности 11000°С. Светимость в шестьдесят раз больше светимости Гелиоса. Пять планет, все голые. Как и любой из известных миров, кроме подвергнутых терраформингу.

Это будет первая из шести новых. Все они вспыхнут в участке космоса объемом примерно в пятьсот кубических световых лет, и все с интервалом в шестьдесят дней. Это будет демонстрация, которая не может не привлечь внимания любого возможного наблюдателя. Последний способ сказать звездам: это мы.

Но она верила, как верили почти все, что лишь великое молчание будет на это ответом.

Мы живем у берегов ночи,
На краю вечного моря.

Все это называлось проектом «Маяк». Спонсором его был Институт Сибрайта, в котором работала Ким. Но даже там, среди тех, кто продвигал проект вперед, кто годами работал для претворения его в жизнь, царил глубокий всепроникающий пессимизм. Возможно, дело было в том, что все участники проекта умрут задолго до первого возможного ответа. Или, как от всей

души верила Ким, в глубоком чувстве, что это финальный жест, последнее «прости», а не серьезная попытка наладить общение.

Эмили, отдавшей этой великой цели свою жизнь, было бы за нее стыдно. Вот тебе и пример, подумала Ким, как мало на самом деле значит ДНК.

«Трент» находился на расстоянии пяти АЕ от цели. Это был древний грузовик, специально перестроенный для проекта «Маяк». Сразу после детонации его команда и техники проекта будут переведены на другое судно, и оно уйдет в гиперпространство от греха подальше. «Трент» останется следить за процессом, пока его не поглотит взрыв.

Ким перебросила переключатель, и в центре помещения возникло компьютерное изображение «ЛК-6», модифицированного древнего транспорта. Этот «ЛК-6» был нагружен антиматерией, помещенной в магнитный пузырь. Сейчас он перемещался в гиперпространстве и через несколько секунд должен был возникнуть в ядре звезды. Если все пройдет, как задумано, взрыв дестабилизирует звезду и, по теории, возникнет искусственная новая.

Часы в правом нижнем углу показывали время,

и счетчик отстукивал секунды, одновременно последние секунды столетия и последние секунды до прибытия «ЛК-6».

Ким смотрела, как числа убывают до нуля. Год перевалил за отметку 600, а в 580 световых годах отсюда снаряд со своим грузом вошел в сердце звезды.

По всему институту зааплодировали люди. В комнате совещаний царило странное, почти мрачное настроение. Альфа Максима была старше Гелиоса, и было такое всеобщее чувство, что обрывать ее существование как-то *неправильно.*

— Леди и джентльмены! — сказала Ким. — Снимки будут завтра, и мы представим их вам на следующей конференции.

Она поблагодарила за внимание и сошла с кафедры. Люди потянулись из зала.

Вудбридж высунулся из окна, глядя на территорию института. Она была покрыта тонким слоем снега. Ким подошла к нему.

— Интересно, — сказал он, — надо ли извещать о своем присутствии, если мы не знаем, кто наши соседи?

Он был одет в черную мантию с серебряным поясом, а в зеленых глазах застыла задумчивость.

— Правильный вопрос, Кэнон, — сказала она, —

но наверняка у всякого, кто сумел развиться до межзвездных путешествий, хватит ума не стрелять в незнакомцев.

— Трудно сказать. — Он пожал плечами. — Если мы ошибаемся, расплата будет существенной. — Он поглядел в чистое яркое небо. — Очевидно, что Тот, кто проектировал космос, решил расположить Свои творения подальше друг от друга.

Натянув куртки, они вышли на террасу. Ночь была холодна.

Сибрайт располагался всего в нескольких сотнях километров к северу от экватора, но Гринуэй не был теплым миром. Основное его население разместилось в экваториальных широтах.

На северном конце террасы, подальше от зданий, размещалась группа телескопов. Рядом с одним из них стояла женщина-техник и разговаривала с девочкой. Телескоп смотрел на юго-запад, где световой точкой сияла Альфа Максима.

Девочку звали Лира. Она была дочерью женщины-техника, лет десяти от роду, и вполне могла надеяться прожить еще два столетия.

— Интересно, думает ли она, что еще увидит эту новую, — сказал Вудбридж.

Ким отступила в сторону.

— Спроси у нее.

Он спросил, и Лира улыбнулась слегка презрительной улыбкой, как улыбаются дети, когда видят, что взрослые пытаются подстроиться под их уровень.

— При моей жизни этого не случится.

И при жизни ее детей тоже, подумала Ким. Свет идет очень медленно.

Вудбридж повернулся к ней.

— Ким, — спросил он, — могу я задать тебе личный вопрос?

— Конечно.

— У тебя есть предположения, что могло статься с Эмили?

Странный был вопрос, будто с потолка. А может быть, и нет, если подумать. Эмили хотела бы сегодня быть здесь. Вудбридж ее знал и в этом мог быть уверен.

— Нет, — сказала Ким. — Она села в такси, а в отеле ее не видели. Это все, что мне известно.

Она посмотрела в сторону телескопов. Мать Лиры решила, что на улице слишком холодно, и загоняла девочку в дом.

— Мы больше никогда ничего о ней не слышали.

Вудбридж кивнул:

— Трудно понять, как такое может произойти. — Они жили в обществе, почти не знавшем преступности.

— Знаю. Семье это было тяжело. — Ким запахнулась от ночного холода. — Она бы поддержала «Маяк», но была бы очень нетерпелива.

— Почему?

— Очень много времени он требует. Мы пытаемся сказать «привет» по-научному, но ответ будет только через тысячелетия. В лучшем случае. Она бы хотела получить результат в тот же день.

— А ты?

— А что я?

— Как тебе эта перспектива? Я думаю, что тебя тоже «Маяк» не удовлетворяет.

Она поглядела на небо. *Пусто, сколько хватает глаз.*

— Кэнон, — сказала она. — Я хочу знать ответ. Но это не определяет мою жизнь. *Я — не моя сестра.*

— У меня такое же настроение. Но должен признать, я бы предпочел, чтобы мы оказались одни. Так спокойнее.

Ким кивнула.

— А почему ты спросил? — поинтересовалась

она. — Насчет моей сестры?

— На самом деле ни почему. Просто вы очень похожи. И обе влипли в одно и то же дело. Сегодня там, в зале, слушая тебя, я почти что чувствовал, будто она вернулась.

Ким вызвала такси и вышла на крышу. Поджидая флаер, она просмотрела почту и нашла сообщение от Солли: «Не забудь про завтра».

Солли был в институте пилотом и таким же энтузиастом подводного плавания, как Ким. Несколько дней назад они наметили спуск к обломкам «Каледонии». Это будет к концу дня, когда придет передача с «Трента» и все ее как следует отметят, а журналисты разойдутся сочинять репортажи.

Ким уже спускалась к этим обломкам. «Каледония» была рыбацкой яхтой. Она лежала на глубине двадцати морских саженей у острова Капелло со стороны океана. Ким нравилось ощущение отсутствия времени, которое вызывал погибший корабль, — ощущение, будто она живет одновременно в разных эпохах. И еще эта экскурсия будет отдыхом от долгой напряженной работы последних недель.

Такси приземлилось, и Ким влезла внутрь, приложила браслет к гнезду и велела отвезти ее

домой. Флаер поднялся, развернулся к востоку и стал набирать скорость. Улетая, Ким услышала звук горна — последний привет от кого-то, кто еще остался праздновать то ли взрыв, то ли Новый год. Потом машина поплыла над лесами и парками. На севере светились огнями башни Сибрайта. Парки сменились песчаным пляжем, и флаер поплыл над морем.

Гринуэй был в основном водной планетой. Единственным континентом на нем была Экваториии, и Сибрайт располагался на ее восточном побережье. В самой широкой части материк достигал семисот километров. У покрывающего всю планету океана имени не было.

Флаер заскользил низко над водой, над заливом Бэгби, над хотбольными кортами на острове Бранч. Он пролетел над каналом, миновал пару яхт и начал подход к острову Корби — двухкилометровой полоске земли, такой узкой, что у стоящих на ней домов окна зачастую выходили на океан с двух сторон.

Дом Ким, как и многие дома в этом районе, был скромным двухэтажным особняком с низкой круговой верандой. Углы были скруглены для защиты от ярости ветров, которые над океаном дули почти постоянно.

Флаер спустился на взлетную площадку за домом, приподнятую над начинающимся приливом. Ким вылезла и минуту устало постояла, слушая море. Дома на острове были темными, кроме дома Дикенсонов, где все еще праздновали Новый год. А на берегу горели костры — мальчишки, наверное.

У нее был трудный день, она устала и была рада оказаться дома. Только Ким подозревала, что дело не в шестнадцати часах, которые она не была дома, скорее дело в том, что она знала: сегодня что-то важное пришло к концу. «Маяк» включен, и пиаровской стороной проекта теперь займется кто-то другой. А она вернется к своей работе по добыванию фондов. Чертовски хилая карьера для астрофизика. Но факт тот, что она в специальности не блещет, зато обладает несомненным талантом уговаривать людей становиться спонсорами.

Черт побери.

Она направилась к дому, и кеб взлетел. Зажегся свет, перед Ким открылась дверь.

«Добрый вечер, Ким, — сказал Шепард. — Я вижу, программа прошла удачно».

Шепард — это был ИР дома.

— Да, Шеп, все нормально. Насколько мы знаем,

все идет по плану.

Как и любой ИР, Шепард теоретически не обладал самосознанием. Все это была имитация. Настоящий искусственный разум не поддавался науке, и существовало общее убеждение, что он невозможен. Но трудно было понять, где кончается имитация и начинается ИР.

— Конечно, еще часов двенадцать мы не будем знать точно.

«Тебе звонили несколько раз, — сказал он. — В основном с поздравлениями».

Он показал список имен — почти все друзья и коллеги и несколько родственников.

— А тот по крайней мере один, где не было поздравлений? — спросила она.

«Этот тоже тебя хвалил. Но звонил он не поэтому. Это был Шейел Толливер».

Шейел? Имя из прошлого. Шейел был преподавателем истории в университете, когда она там училась. Великолепный учитель, и он заинтересовал ее, хотя ее специальностью была физика. Тогда ей было плохо, погибли ее родители при аварии флаера — первой, зарегистрированной в Сибрайте за пять лет. Она была на втором курсе, и Шейел ей помог. Он был всегда готов с ней общаться, если ей надо было поговорить, ободрял

ее, внушал уверенность в себе и в конце концов заставил в себя поверить. Но это было пятнадцать лет назад.

— Он сказал, чего он хочет?

«Сказал только, что хочет с тобой говорить. Мне кажется, ему не очень хорошо».

— Где он?

«В Темпесте».

За триста километров отсюда.

Ей было приятно, что он ее помнит. Но трудно было понять, почему он позвонил через столько лет.

— Действительно, странно, — сказала она.

«Он просил тебя позвонить, как только вернешься домой».

Она посмотрела на время. Час ночи.

— Утром позвоню.

«Ким, он высказался совершенно точно».

— Это может подождать. Наверняка он не ждет, что я буду звонить ему среди ночи.

Она пошла на кухню, сделала себе кофе, поболтала с ИРом еще минут двадцать и решила лечь спать.

Она приняла душ, выключила свет и постояла у окна, глядя на волнорезы. Альфа Максима ушла за крышу, и ее не было видно. Костер на берегу

был брошен, но еще не погас. Ким смотрела на взлетающие в ночь искры.

«Красиво», — сказал Шепард.

Что-то не давало ей покоя, и она не могла понять что. Отлив прекратился, но еще не сменился приливом, и море стихло. Можно было даже представить себе, что океана там вообще нет, что он ушел во тьму вместе с Эмили.

В этот вечер ей никак не удавалось избавиться от воспоминаний о сестре. В последний день они резвились в прибое. У них был резиновый морской конек, с которого Ким все время соскальзывала. *Эмили, спасай!* И красивая женщина, чью внешность ей предстояло когда-нибудь унаследовать, каждый раз делала вид, что испугалась, и с шумным плеском кидалась ее спасать. И то, что когда-нибудь Ким предстоит *стать* Эмили, наполняло ее невозможным счастьем. У них были фотографии Эмили в семь лет, и мама всегда при виде их качала головой. «Посмотри, разве это не Ким?» — говорила она, хотя хорошо знала, чьи это фотографии.

А в конце того дня Эмили сказала, что уезжает на год и три месяца. Для ребенка — целая вечность. Ким разозлилась и не разговаривала с ней в такси всю дорогу до дома.

Больше она сестры не видела. И не было за эти годы ни одного дня, когда ей не хотелось бы вернуть эту поездку в такси.

Через несколько месяцев, когда она собиралась в школу, мама усадила ее и сказала, что случилось кое-что, еще точно не известно, что именно, но…

Ее не смогли найти. Эмили должна была приехать домой, и она вернулась на Гринуэй раньше времени. Она вышла из космопорта в Терминал и села в такси с еще одной женщиной, чтобы ехать к себе в отель. Но туда она не приехала. И никто не знал, что произошло.

Кто-то шел по берегу — женщина с собакой. Несмотря на холод. Ким смотрела, как они скрылись за изгибом отмели, и пляж снова опустел.

— Да, Шеп, красиво, — сказала она.

Потом натянула пижаму, которая, конечно, была подключена к системам Шепарда и могла создавать разнообразные ощущения. Шторы зашелестели под внезапным бризом, когда она забиралась в кровать. Шепард отключил свет.

«Включить тебе программу, Ким?» — спросил он.

— Да, пожалуйста.

«Выбрать мне самому?»

Обычно она предоставляла ему выбор. Так

интереснее.

— Да.

«Спокойной ночи, Ким», — сказал он.

* * *

Сайрес говорил извиняющимся голосом.

– Ким, — сказал он, — *введение корабля в звезду не получается. Значит, все программирование бесполезно.*

В приглушенном свете центра управления он был до невозможности красив.

– Это значит, что заряд взорвать не удастся.

– Верно.

Она поглядела на экраны, на Альфу Максима.

– Времени переписывать программу нет.

Он кивнул:

– Работа провалилась.

– Может быть, и нет, — сказала она. — *Если нажать изо всех сил, можем успеть.*

– Ким, мы оба знаем, что это невозможно. — Он поглядел на нее широко открытыми глазами. — *Давай признаем, что усилия бесполезны и воспользуемся моментом.*

– Сайрес…

– Я люблю тебя, Ким. И какое нам дело, взорвется звезда или нет?

Шепард разбудил ее в семь. Апельсиновый сок и тосты были уже готовы.

«Знаешь, — заметил он, — его нельзя назвать человеком ответственным, твоего командира».

— Я знаю.

«Так, может, я перепишу программу?..»

Сок был превосходен.

— Оставь как есть, — сказала она.

«Как скажешь, Ким. — Он засмеялся. — А тебе звонят. Профессор Толливер».

В семь утра?

— Соедини, — сказала она.

Шейел Толливер постарел. Живость ушла из черт его лица. Оно стало землистым. Борода, когда-то черная, стала серой. Но он улыбнулся, увидев ее.

— Ким, я прошу прощения, что звоню так рано. Хотел поймать тебя, пока ты не ушла на работу.

— Я очень рада слышать вас, профессор. Давно уже мы с вами не говорили.

— Да, давно. — Он сидел, опираясь на подушки, в резном кресле с подлокотниками в виде драконьих лап. — Я тебя видел вчера ночью. Ты держалась отлично. — Ким показывали почти по всем новостям. — Кстати, я должен тебя поздравить. Ты сделала отличную работу.

Она не стала скрывать, что ей эта работа не нравится.

— Это не та профессия, которую я выбирала.

— Да. — Его вид выдавал неловкость. — Но человек никогда не знает, как сложатся обстоятельства. Ты, насколько я помню, хотела быть астрономом.

— Астрофизиком.

— Но ты отлично смотришься на трибуне. А я когда-то считал, что из тебя получился бы приличный историк.

— Спасибо, я это ценю.

Он еще погрустнел, почти помрачнел.

— Мне надо с тобой поговорить об одной очень серьезной вещи, и я хочу, чтобы ты меня выслушала.

— А что мне может помешать?

— Погоди несколько минут с вопросами, Ким. Позволь сначала спросить тебя о проекте «Маяк». У тебя в нем есть влияние?

— Абсолютно никакого, — сказала она. — Я там всего лишь пиаром занимаюсь.

Он кивнул:

— Жаль.

— А почему?

Он тщательно подбирал слова:

— Я бы хотел, чтобы его остановили.

Она уставилась на него:

— Почему?

Существовали группы протеста, считавшие, что взрывать звезды безнравственно, даже если там нет экосистем. Но она не могла поверить, что ее трезво мыслящий старый учитель связался с *этой* толпой.

Он переложил подушки.

— Ким, мне не кажется благоразумным объявлять о своем присутствии, когда мы не знаем, кто это услышит.

Тут же ее уважение к нему упало на несколько пунктов. Такие чувства она могла ожидать от кого-то вроде Вудбриджа, который всегда считал науку лишь способом совершенствования техники. Но Шейел — это было совсем другое дело.

— Я думаю, что все подобные опасения беспочвенны, профессор.

Он уперся в щеку указательным пальцем.

— Нас с тобой связывает одна вещь, о которой ты, быть может, не знаешь, Ким. Йоши была моей внучкой.

— Йоши?

— Амара.

У Ким перехватило дыхание. Йоши Амара — так

звали женщину, улетевшую в том такси вместе с Эмили. Она была коллегой сестры в последней экспедиции на «Охотнике».

Они обе вернулись с «Охотником» после очередного бесплодного поиска внеземной жизни, прерванного досрочно из-за сбоя оборудования. На лифте они спустились в Терминал, где у них были заказаны номера в отеле «Роял палмз». Взяв такси, они исчезли с планеты.

— Верно, — сказала Ким. — Я об этом не знала.

Он пошарил рукой рядом с собой, взял чашку и отпил глоток. В воздух поднялся клуб пара.

— Помню, когда я первый раз тебя увидел, — сказал он, — поразился, как ты похожа на Эмили. Но ты тогда была молода. Сейчас вы совершенно идентичны. Вы — клоны? Если можно задать такой вопрос.

— Да, — ответила Ким. — Несколько наших экземпляров растянулись на четыре поколения. — Если не считать оттенков выражений лица и стиля причесок, их невозможно было различить. — Значит, вы знали Эмили?

— Я ее только один раз видел. На отвальной перед отлетом экспедиции. Меня пригласила Йоши. Твоя сестра была удивительной женщиной. Несколько *одержимой,* впрочем. Но и Йоши

была такая.

— Наверное, все мы такие, профессор, — сказала Ким. — По крайней мере те, кого стоит знать.

— Вполне согласен. — Он долгую секунду смотрел на нее внимательно. — Что ты знаешь о ее последней экспедиции? О рейсе «Охотника»?

На самом деле не очень много. Ким не думала, будто там есть, что знать. Эмили хотела найти внеземную жизнь. Предпочтительно разумную. А все остальное ее очень мало интересовало, кроме Ким. Эмили пережила два брака — мужей попросту не устраивала жена, которой никогда нет дома. Она все время уходила в полеты на «Охотнике», иногда больше чем на год. Ничего они не находили, и каждый раз она возвращалась с убеждением, что в следующий-то раз все будет по-другому.

— Они очень недалеко ушли. Обнаружились неполадки двигателя, и пришлось вернуться.

Ким была озадачена. Что он хочет от нее услышать?

От его улыбки возникло ощущение, что она снова студентка. Действительно, это было так давно, когда он преподавал им песни рабочих изучаемой эпохи — времен терраформинга на Гринуэе? Вся аудитория качалась в ритме «Гра-

нитного Джона» и «Похорони меня в глубоком синем море».

— Я думаю, что это не все, — сказал он. — Мне кажется, они что-то нашли.

— Что-то? В каком смысле — что-то?

— Что-то из того, что они искали.

Будь это кто-нибудь другой, она бы просто нашла повод прекратить разговор.

— Профессор Толливер, если это так, то они забыли об этом сообщить, когда вернулись.

— Я знаю, — сказал он. — Они держали это в секрете.

— Зачем бы им это нужно было? — Ким взяла свой наилучший тон стиля «Давайте-будем-рассуждать-разумно».

— Не знаю. Может быть, они испугались того, что нашли.

Испугались? Капитаном корабля был Маркис Кейн. Герой войны, которому в музее памяти Могучего Третьего было отведено целое крыло. Погиб несколько лет назад, спасая детей из лесного пожара в Северной Америке.

— Трудно в это поверить, — сказала она.

— И тем не менее я думаю, что так оно и было.

На «Охотнике» было только четыре человека. Кейн, Эмили, Йоши. И еще Кайл Трипли, глава

Фонда Трипли, который спонсировал экспедиции. Он тоже исчез, и все это было странно. Трипли и Кейн жили в долине Северина в западном горном районе Экватории. Через три дня после возвращения «Охотника» из экспедиции и исчезновения двух женщин произошел взрыв, которому до сих пор не нашли объяснения. Взрывом снесло восточный склон пика Надежды. Тогда погибло триста человек. Трипли так и не был найден. Считалось, что он похоронен где-то в обломках.

Большинство экспертов Института считали, что это был метеор, но никаких его следов не обнаружили. Сила взрыва примерно соответствовала небольшой атомной бомбе.

— Все это взаимосвязано, — сказал Толливер. — Экспедиция «Охотника», исчезновение, взрыв.

Про это годами слагались легенды. Это было любимой темой сторонников теории заговора. Может быть, какое-то зерно в этом и было. Но никаких фактов, и Ким было очень неприятно разговаривать сейчас с Толливером о пике Надежды.

Грустно было видеть, что старый учитель скатился до суеверий о заговорах и пришельцах.

Сумасшедших теорий взрыва было достаточно.

Некоторые утверждали, что с планетой столкнулась черная микродыра. Сторонники этой теории изучали бортовые журналы кораблей и самолетов, бывших тогда в другом полушарии Гринуэя, выискивая доказательства, что дыра вынырнула из океана. Как те, кто тысячу лет назад искал разгадку Тунгусского феномена. Как оказалось, *был* там выброс под пасмурным небом, и это говорило в пользу теории. Хотя все знали, что черных микродыр попросту не бывает.

Другие были убеждены, что это какой-то эксперимент правительства вышел из-под контроля. Одни считали, что это был эксперимент группы изучения путешествий во времени, другие — что изучалась возможность передачи масс. Третьи утверждали, что при попытке приземления взорвался корабль пришельцев из антиматерии. — Ким, — спросил Толливер, — что ты знаешь о Кайле Трипли?

— Я знаю, что он был богатым дилетантом, который хотел создать себе имя.

Трипли был исполнительным директором «Интерстеллар инкорпорейтед». Компания занималась восстановлением и обслуживанием прыжковых двигателей, перемещающих корабли в гиперпространстве.

— Он был человек практичный — другим в этом бизнесе делать нечего, — сказал Толливер. — Тебе не приходилось читать его биографию, написанную Коркелем?

Ей не приходилось.

— Он совершенно ясно говорит, что Трипли не удовлетворился бы нахождением какой-нибудь бактерии. Он хотел найти разумное существо. *Цивилизацию.* Это была единственная цель Фонда — единственная цель его существования.

Как у Эмили.

Одним из самых унылых мест во всех Девяти Мирах был заброшенный радиотелескоп на дальней стороне земной Луны, спроектированный только для поиска радиосигналов искусственного происхождения. Самый универсальный из всех построенных, он прекратил свои функции в проекте SETI после полутора столетий бесплодной работы и, в конце концов, стал использоваться для других целей. Сейчас он был заброшен, как памятник несбывшейся мечте. *Мы одиноки.*

Сигналов не было никогда. Никаких признаков суперцивилизации, построившей сферы Дайсона. Никаких посещений. Все это приводило к единственно возможному заключению.

Ким беспомощно развела руками, ища способ

закончить разговор.

— Профессор…

— Ким, меня зовут Шейел.

— Шейел. Я готова была бы согласиться со всем, что ты говоришь, потому что это исходит от тебя. Но я не могу не помнить…

— Об опасности слишком доверять источнику, когда речь идет о справедливости довода. Разумеется, после этого ты можешь перевести меня в ненадежные источники.

— Я об этом думаю, — признала она. — Наверное, ты знаешь что-то, чего мне не говоришь.

— Знаю. — Он поправил подушки. — «Охотник» ушел от Сент-Джонса двенадцатого февраля 573 года. — Сент-Джонс — это был форпост системы Цинекса, последний колодец перед пустыней неизвестного. — Он направлялся к Золотой Чаше в Туманности Кольца. Скопище старых желтых солнц. Первая остановка намечалась возле… — он посмотрел на что-то, чего ей не было видно, — QCY449187, звезда класса O. Но, конечно, туда они не добрались.

— У них возникли неполадки в прыжковых двигателях, — сказала Ким.

— Согласно записям, да. Они вышли из гиперпространства посреди пустоты, сделали времен-

ный ремонт и вернулись. Но вернулись они не на Сент-Джонс. Кейн считал, что Сент-Джонс эту неполадку устранить не сможет. И потому они направились аж в Небесную Гавань и прибыли тринадцатого марта. Ирония судьбы заключалась в том, что «Охотник», владелец которого нажил себе состояние на ремонте прыжковых двигателей, должен был пострадать от подобной неисправности. Но все же…

Значит, вот что.

— Понимаю, — сказала Ким тоном, который давал понять, что она не видит пока что ничего, относящегося к делу.

Он показал другую картинку. Йоши, Трипли и Эмили в костюмах с эмблемой Фонда. У Йоши были резные скулы и гипнотизирующие черные глаза. Белый шарф подчеркивал ее моложавость. Ким увидела на шарфе монограмму и спросила о ней.

— Это полумесяц, — объяснил он, и глаза его затуманились воспоминанием. — Она их любила. Собирала. Они были у нее на украшениях и монограммах. Но не в этом дело. Через час после приземления в Небесной Гавани Йоши позвонила мне.

Это заинтересовало Ким.

— И что она сказала?

— «Деда, мы нашли золото».

– *Золото?*

– Да. Она сказала, что еще позвонит, но пока ей неудобно говорить. И просила меня ничего никому…

— Шейел…

— Это могло значить только одно.

Ким попыталась не проявить раздражения.

— Может быть, она говорила о счастье в любви?

— Она сказала «мы».

— Ты говорил с Кейном?

— Конечно. Он сказал, что ничего особенного не случилось. Сказал, что ему очень жаль всех троих, исчезнувших через несколько дней после возвращения, но что он понятия не имеет, что с ними сталось.

Она долго молча смотрела на него.

— Шейел, — сказала она наконец, — я не совсем понимаю, что ты хочешь, чтобы я по этому поводу сделала.

— Ясно, — сказал он ничего не выражающим голосом. — Я тебя понимаю.

— Честно говоря, ничего из услышанного меня не убеждает, что они установили контакт. Ведь

ты это подразумеваешь?

— Я ценю твое время, Ким. — Он потянулся отключать связь.

— Погоди, — сказала она. — Мы оба в этом инциденте потеряли близких. Это больно. Особенно потому что мы не знаем, что случилось. Моей матери это не давало покоя до самой смерти. — Ким вздохнула, понимая, что сейчас самое время кончить разговор. — Есть еще что-то, чего ты мне не говоришь?

Он поглядел на нее долгим взглядом.

— Ты упомянула контакт. Я думаю, они привезли кое-что с собой.

Разговор уже и без того стал достаточно необычным, чтобы что-нибудь ее могло сейчас удивить. Но его ответ был к этому близок.

— Какого рода кое-что?

— Не знаю. — Его глаза на миг затуманились, будто он Перестал видеть, что перед ним. — Прочти отчеты о Последующих событиях в долине Северина. Много лет после взрыва местные жители утверждали, что видели в лесу всякие явления. Огни, видения. Есть сообщения о беспокойном поведении лошадей и собак.

Ким уже начала тяготиться разговором, и Шейел это заметил.

— Люди покинули город, — настойчиво сказал он. — Уехали.

— Уехали, поскольку от взрыва ослабла плотина. Ремонт обошелся бы слишком дорого, и власти поощряли переезд. А у людей остались плохие воспоминания.

— Плотину снесли, Ким, — сказал Шейел, — поскольку все собрались уезжать. Ким, я там был. И что-то там есть, находящееся на свободе.

Она слушала шелест циркулирующего в комнате ветерка.

— Ты что-нибудь *видел,* Шейел?

— Я это *ощущал.* Поезжай посмотри сама. После наступления темноты. Хоть это ты можешь сделать, о большем я не прошу.

— Шейел…

— Но не езди одна.

2

Возможно, мы никогда не узнаем, что случилось на пике Надежды. Те, кто утверждает, что склоны горы похоронили той апрельской ночью секретный правительственный эксперимент, пошедший вразнос, не могут объяснить, каким образом правительство, известное своим патологическим неумением хранить какие бы то ни было секреты, сохраняло этот много лет подряд. Теория о том, что в этом месте на планету упала черная микродыра, не заслуживает внимания до тех пор, пока не будет доказано, что подобный экзотический объект вообще может существовать. Что же до гипотезы о взрыве антиматерии, то Комиссия, проведя исчерпывающее расследование, не нашла ни одного возможного источника. По крайней мере в настоящий момент события на пике Надежды не имеют удовлетворительного объяснения.

Отчет Комиссии Совета, 3 марта 584 г.

На самом деле Ким и ее подопечные, то есть

комментаторы, спонсоры и политические тяжеловесы, парили на относительно близком расстоянии от Альфы Максима. Они сидели в креслах, расположенных в четыре ряда, кто-то пил кофе или сок, один-два откинулись назад, будто действительно здесь можно было упасть. Свирепое сияние солнца было приглушено. Видимый его размер был равен удвоенному видимому размеру Гелиоса в полдень.

Две пары часов висели среди звезд, отсчитывая время до взрыва.

Ким, стоя позади, комментировала:

— «ЛК-6» остается две минуты до прыжка в ядро звезды. Когда это произойдет, он попытается материализоваться в зоне с высокой плотностью обычной материи.

Кэнон Вудбридж, сидящий впереди, слушал и одновременно говорил по телефону.

— Уже этого одного хватило бы для мощного взрыва. Но «ЛК-6» еще и несет груз антиматерии. Этой реакции будет достаточно для дестабилизации звезды.

Стоящий рядом техник дал сигнал, что операция выполняется по графику.

— С «Мак-Коллума» поступило сообщение, что последние члены экипажа прибыли с «Трента» и

они начинают отход.

Один из наблюдателей поинтересовался границами безопасности.

Сколько времени пройдет, пока ударная волна достигнет «Трента»?

— Никому из персонала опасность не грозит. Они будут достаточно далеко, когда первые эффекты взрыва новой достигнут их бывшего местоположения. Кстати, «Трент» не будет уничтожен взрывной волной. Свет достигнет его раньше, и этого будет достаточно.

Не может ли она объяснить подробнее?

— Новая звезда излучает массу фотонов. Представьте себе почти сплошную стену, движущуюся со скоростью света.

Часы показали цепочку нулей.

— Введение выполнено, — сказала Ким.

— Ким! — окликнула ее представительница одной корпорации, которая почти автоматически поддерживала действия Института. — Сколько пройдет времени, пока мы увидим первые эффекты?

— Это как раз вопрос темный, Энн. Честно говоря, мы и понятия не имеем.

Среди наблюдателей были и скептики, считавшие, что Институт слишком широко замахнулся

и что взрыв звезды просто выходит за пределы человеческих возможностей. И им приятно было бы стать свидетелями неудачи. Одни не любили Институт, другие не любили его директора. Третьим просто не нравилась перспектива, что человек будет владеть такой силой. Среди них был и Вудбридж. Несмотря на его ремарки вчера вечером, Ким знала, что на самом деле его опасения имели своей основой недоверие к человеческой природе.

Шли минуты, и ничего не происходило. Упал какой-то мелкий предмет и стукнулся о невидимый пол. Наблюдатели начинали ерзать. Как подсказывал их опыт, взрыв должен произойти, как только будет нажата кнопка.

Первые признаки напряжения появились в момент ноль плюс восемнадцать с чем-то минут. Вокруг пояса Альфы Максима возникли яркие линии. В хромосфере стали заметны возмущения. Из солнечной поверхности ударили фонтаны света.

В момент ноль плюс двадцать две минуты солнце стало видимым образом раздуваться. Процесс шел медленно, будто воздушный шар постепенно наполняли водой. По сферической поверхности прокатывались огромные приливные волны,

выглаживая, возмущая, сотрясая.

В двадцать шесть минут одиннадцать секунд звезда взорвалась.

Часто можно с разумной точностью угадать возраст человека по чертам внешности, выбранным его родителями. В разных эпохах в моде бывали разные цвета кожи, типы тела, окраска волос. Понятие красоты менялось: в одном веке женщины были хорошо развиты — их центр тяжести, как заметил однажды Солли Хоббс, располагался на несколько сантиметров перед ними. В другие эпохи в моде были стройные женщины с мальчишеской фигурой. Сложение мужчин менялось от атлетического до субтильного. Теперешняя мода рассматривала массивность как проявление несколько дурного вкуса. Родившиеся в ближайшие несколько лет мужчины будут напоминать балетных танцовщиков.

В восьмидесятые родители выбирали для обоих полов классические черты лица: удлиненный овал, широко расставленные глаза, прямой нос. Девушки-подростки в общей массе выглядели так, будто сошли с пьедесталов Акрополя. Ким родилась раньше, когда в моде был эльфийский тип. Она пыталась компенсировать это, придерживаясь сухой деловой манеры, и избегала

запрограммированной склонности лукаво скашивать взгляд и чарующе улыбаться. И прическу выбрала такую, чтобы скрыть уши слегка эльфийской формы.

Соломон Хоббс родился в эпоху, когда предпочитали бицепсы и плечи, хотя он дал им несколько увянуть. Он был одним из четырех звездолетчиков Института. Но Ким познакомилась с ним не на работе, а из-за общего интереса к подводному плаванию. Солли давно уже состоял в клубе «Морские рыцари», когда Ким туда вступила.

У него были ясные синие глаза, каштановые волосы, вечно в беспорядке, и небрежная жизнерадостность, неуместная в культуре, где развлечение считалось серьезным делом, предназначенным для сохранения должного психологического равновесия.

Когда зажегся свет и гости ушли, Ким поймала такси, высадившее ее возле причала Солли. Погружение к «Каледонии» будет для них способом отметить наступление нового года. Они ждали этого погружения неделями, но Ким, когда они под холодным ветром огибали остров Капелло, стала пересказывать разговор с Шейелом. Рассказ этот был ей неприятен, поскольку ее старый учитель представлялся в виде психа, но что-то ее

подталкивало рассказать. Когда она закончила, он осторожно спросил, насколько она доверяет Толливеру.

— Если бы ты меня спросил два дня назад… — сказала она.

— Люди, старея, теряют связь с действительностью. — Солли прищурился на солнце. Шлюп поднимался и опускался. — Бывает.

Они прислушались к морю.

— Такое чувство, — сказала Ким, — будто я почти должна что-то сделать ради Эмили.

— Эмили бы тебе сказала бросить эту ерунду.

Ким рассмеялась. Это действительно было смешно. К Эмили немедленно прилипала любая причудливая идея, но что-то было в ней такое, что хотело выйти за пределы обычной физической вселенной. При выборе между днем и ночью она бы всегда выбирала ночь.

— Нет, — сказала Ким. — Она бы хотела, чтобы я что-то сделала. Не отмахнулась бы просто так.

— Что именно? Взять и побежать в Северин?

Она состроила гримасу:

— Я знаю, об этом даже думать глупо.

Солли пожал плечами:

— Сделай из этого отпуск.

— Надо мне будет снова с ним связаться. С

Шейелом. Мне не нравится, как мы закончили разговор.

— И ты не хочешь позвонить ему и просто сказать…

— Именно. Что не стала возиться и искать.

Они оба рассмеялись. Ветром захлестнуло брызги на борт.

— Солли, я просто скажу, что у меня не было времени. Что займусь этим, когда смогу.

— Ты разве мне не говорила, что этот человек был хорошим учителем?

— Да, он был хорошим учителем.

— И ты собираешься ему сказать, что не нашла времени что-то для него проверить? Что была слишком занята? Хотя дело касалось твоей сестры?

— Солли, я действительно не хочу в это встревать.

— Тогда не встревай. — Датчики засекли обломки, и Солли взял на несколько румбов влево. — Проходим над ней, — сказал он.

— Подумай, что будет с моей репутацией, если пройдет слух, что я гоняюсь за призраками?

— Ким, почему ты не хочешь поверить ему на слово? Мы оба знаем, что ты спать не сможешь, пока этого не сделаешь. Подумай, до Северина

всего несколько часов. Съезди. Что он там сказал такое? Призрак?

— Он не сказал, что именно. «Что-то там есть, и оно на свободе».

— Ну так это может быть все что угодно.

— По-моему, он полагал, что я узнаю это, когда увижу.

— Так попробуй. Когда ничего не случится, ты сможешь ему сказать, что пыталась.

Солли бросил якорь, и они надели гидрокостюмы. Ким аккуратно сложила свою одежду на койку в каюте, потом сняла серебряные серьги и положила их сверху. Сережки в виде двух дельфинов остались в память о романе, ничем более не примечательном. Потом Солли и Ким сели на палубу и возобновили разговор, натягивая ласты и регулируя конвертеры. Ким знала, что погружения не будет, пока не решится вопрос с Толливером.

— Ты думаешь, я должна это для него сделать? — сказала она.

— Я думаю, что ты должна это для себя сделать. — Он натянул маску, подогнал, присоединил конвертер и сделал глубокий вдох. — Могу поехать с тобой, если хочешь.

— В самом деле?

— У меня не будет дежурства еще пару недель. Времени хватит, если ты надумаешь.

На самом деле она уже надумала.

— Ладно, — сказала она. — Мне послезавтра надо выступать перед «Обществом правильных действий». То есть в среду. А в следующую субботу мероприятие по сбору средств в Небесной Гавани.

— А что за мероприятие?

— Крещение «Королевы звезд». Наверное, на выходные — подходящее время.

— Кажется, мне не хочется тебя спрашивать, что такое «Общество правильных действий».

— Общество, с которым *правильно* будет встретиться.

Солли усмехнулся:

— Это деловой завтрак?

— Да.

— А зачем ждать до выходных? Орлиное Гнездо — место туристское. Дешевле заглянуть туда на неделе. Почему бы не поехать в среду? После «Необходимого общества».

— «Правильного общества».

— Без разницы.

— У тебя вдруг прорезался интерес.

— Ночь в долине Северин с красивой женщи-

ной? Почему бы и не быть интересу?

Отношения у них с Солли были чисто платоническими. Когда они познакомились, Солли был женат, так что они успели стать друзьями прежде, чем появилась возможность стать любовниками. Он сразу ей понравился. Когда Солли стал доступен после того, как жена не стала продлевать брак, она подумывала показать ему свой романтический интерес. Но он явно не хотел идти навстречу. Это, сказал он, самый лучший способ положить между ними пропасть. Она подумала, не скрывает ли он чего-нибудь — может быть, есть другая? А может, он сказал, что хотел сказать. Постепенно этот довод стал казаться ей вполне естественным.

— Я посмотрела сегодня утром ВР, — сказала она, — после разговора с Шейелом. — Ким натянула конвертер на плечи и подсоединила. — Целый час рассматривала лес в Северине. Лес как лес.

— Это не то же самое, что там побывать, — сказал Солли.

Судно качнула волна. Солли сполоснул маску в воде и надел.

— А что там случилось с Кейном?

— Он вышел в отставку после случая с «Охотником». Кажется, жил одиноко. Я о нем не искала

ничего специально.

— Ага.

— Что значит — «ага»? Что ты этим хочешь сказать?

— О нем не искала, а вообще искала? Значит, тебя это заинтересовало?

Она закатила глаза к небу.

— Да просто из любопытства. Он оставался в долине Северин до полной эвакуации. Пока не снесли дамбу. Потом он переехал в Терминал, а потом улетел с планеты. Обосновался в конце концов на Земле, в Канаде. Жил, насколько я понимаю, на пенсию.

— Он жив?

— Погиб несколько лет назад, спасая детей. На лесном пожаре.

Солли натянул ласты.

— И об экспедиции «Охотника» всегда рассказывал одинаково?

— Психи, подозревающие межпланетный заговор, с него не слезали. Кажется, поэтому он и улетел с Гринуэя. Однако ты прав, он утверждал, что ничего необычного в экспедиции «Охотника» не случилось. Они вылетели, потом обнаружилась поломка двигателя. Они вернулись. Что случилось с теми женщинами, он не знает. Счи-

тает, что Трипли погиб при взрыве.

— На пике Надежды?

— Да.

Солли сполз в воду, и его голос зазвучал у нее в наушниках.

— Но *есть* человек, с которым ты могла бы попытаться поговорить.

Он поплыл вниз, и она за ним.

— И кто это?

— Бентон Трипли. Сын Кайла. У него офис в Небесной Гавани. Когда будешь там на выходные, не стоит ли к нему заглянуть? Есть шанс, что он тебе что-нибудь расскажет.

— Не знаю. — Она нырнула и несколько раз продула легкие, проверяя, что конвертер функционирует. Воздух был свеж и прохладен. Удовлетворившись, она пошла вниз. — Я думаю, хватит просто посмотреть тот лес и на этом закончить.

Столбы солнечного света бледнели. Промелькнула стайка длинных радужных рыб. Океан Гринуэя быстро заполнялся омарами, тарпанами, китами, водорослями и кораллами.

Ким плыла вниз, сквозь чередующиеся холодные и теплые слои. Солли, плывший сзади, включил наручную лампу.

«Каледония» шла между островами с девят-

надцатью пассажирами и экипажем из трех человек, когда сорвался дикий шторм. Происшествие стало легендарным, поскольку на борту было несколько знаменитостей и поскольку спаслось всего два человека. Одним из них был несчастный капитан, впоследствии обвиненный комиссией в небрежности, отсутствии должного обучения экипажа, плохом управлении судном, невыполнении необходимых процедур в аварийной ситуации. Обвинения усугублялись подозрением, что в ночь аварии он резвился у себя в каюте с замужней пассажиркой.

Штурвал яхты находился в морском музее Сибрайта. Ныряльщики спускались к обломкам и брали, кто что хочет. Даже Ким, которая к таким вещам относилась почтительно, сняла щеколду с двери каюты. Сейчас эта щеколда находилась в хрустальной коробочке и была спрятана в спальне, поскольку смущала гостей. Существовало движение за объявление этой зоны морским заповедником, чтобы установить следящее оборудование и тем положить конец действиям мародеров. Ким с лицемерием, которое, очевидно, глубоко свойственно душе человека, такие меры поддерживала. Свою совесть она успокаивала тем, что щеколду передаст в музей. В свое время.

Она не стала включать наручную лампу, наслаждаясь темнотой и плотностью воды. Внизу показалось дно. Мелькнул косяк рыбок, привлеченный лампой Солли.

Уже можно было разглядеть обломки. Корпус лежал на правом борту, наполовину ушедший в ил. Руля не было, рангоута не было, настила тоже не было. Все, что можно было снять, сняли. И все же корабль сохранял какое-то жалкое достоинство.

Океанское дно Гринуэя, в отличие от земного, не было усеяно обломками тысяч лет морских путешествий и войн. Затонувшие корабли у восточного побережья можно было пересчитать по пальцам. И только «Каледония» была кораблем в собственном смысле слова, остальные — это все были скиммеры. Потеря судна была событием таким редким, что немедленно порождала массу фольклора. Они подплыли ближе, Ким включила фонарь.

— Жутковатый, как всегда, — сказал Солли.

Ким бы выбрала другой эпитет. Может быть, «забытый». Или «заброшенный».

А может, Солли и прав.

Они подплыли к носовой палубе.

Второй из спасшихся свидетельствовал, что

капитан судна сделал все, что было в его силах.

Имя незадачливого шкипера было Джон Халверт. Он сигнальным фонарем указывал пассажирам путь в спасательные шлюпки, и во всех реконструкциях инцидента он неизменно стоял с высоко поднятым фонарем, помогая людям выбраться с аварийного судна. Но все это было уже поздно, и «Каледония» за несколько секунд перевернулась и пошла ко дну. Вопреки всем рассуждениям комиссии по расследованию историки считали, что никакие действия капитана не могли бы ничего существенно изменить. Но, как всегда, было необходимо найти виноватого.

Ким ему очень сочувствовала. Ей казалось, что Халверт символизирует человеческое начало: сражаться в безнадежных обстоятельствах, нести ответственность за собственное несовершенство и все равно не выпускать из рук фонарь. А в результате — никакой разницы.

Он умер, не прожив и года после катастрофы, и тут же сложилась легенда, что его дух витает возле обломков.

Ныряльщики лишь в хорошую погоду спускаются к «Каледонии». Но когда бушует ветер и дождь застилает горизонт, приплыви туда и погляди в воду, и ты увидишь свет фонаря. Это мечется по

палубам и трапам капитан, сгоняя в спасательные шлюпки своих пассажиров.

Это Ким читала в «Истинных призраках Экватории». В одной из версий легенды утверждалось, что он обречен ходить с фонарем вечно, пока не будет спасена последняя жертва катастрофы.

Очевидно, Солли знал, о чем она думает.

— Вот он, — показал он пальцем, привлекая ее внимание к светящейся медузе над иллюминатором.

Они заплыли в рубку и оглядели пустые стойки. Здесь ничего не осталось. Даже стойки штурвала не было. Но можно было представить себе беспечных пассажиров, высыпавших на палубу в предвкушении приятной недели в море и вдруг накрытых грозной непогодой.

Вынырнув у правого борта, Ким и Солли повернули к корме. Ким наручным фонарем посветила внутрь. Каюты, разумеется, были пусты и голы.

Через сорок минут ныряльщики всплыли, взобрались на шлюп и переоделись. Потом достали обед: индейку, салат и холодное пиво. Начинало темнеть. Небо было ясным, море — гладким как стекло.

— Здесь хорошо видно, что значит правильная организация сцены, — сказал Солли. — Дей-

ствительно, такое чувство, что здесь *может* происходить что-то сверхъестественное. Рассказы эти, конечно, чистая фантазия, но рядом с погибшим кораблем я начинаю в этом сомневаться. Вот так будет и в лесах Северина.

— Другая система правил, — согласилась Ким. — Убери свет, и тут же могут появиться оборотни. — Она коснулась сенсора, и из динамиков донеслась тихая музыка.

Они сидели в каюте за накрытым столом. На горизонте виднелась пара мелких островков, вдали двигался какой-то парусник. Солли соорудил себе сандвич и начал его есть.

— Ким, — сказал он, прожевав и проглотив кусок, — ты веришь, что призраки бывают?

Она посмотрела на него с любопытством и поняла, что он говорит серьезно.

— Если встретим настоящего призрака, это перевернет все наши представления об устройстве мира.

— А я не так в этом уверен.

— Почему?

— Я когда-то служил на «Персеполисе». Там была каюта с привидениями.

— Какими именно?

— Странные шумы. Голоса, неизвестно кому

принадлежащие. Места, где пробирала дрожь.

— А ты что-нибудь из этого видел?

Он подумал и ответил:

— Да. Помню, как на вахте проходил мимо нее и слышал внутри голоса.

— Пассажиры, наверное.

— Это было, когда там уже перестали возить пассажиров, Ким, и сделали из нее склад.

— Ты заглянул?

— Первые несколько раз — да. Ничего не увидел. А потом уже не обращал внимания.

— Я не то чтобы тебе не верила, — сказала Ким, — но мне бы надо было убедиться самой.

Они молча ели. Солли выглянул в сторону материка, еле видного на востоке.

— Платон верил в призраков, — сказал он.

— Платон? — усомнилась Ким.

— Он считал, что призраки появляются от излишнего винопития. — Солли рассмеялся, увидев реакцию Ким. — Именно так. Он где-то говорил, что если человека слишком привлекает его земная жизнь — слишком много удовольствий, слишком много секса, то после смерти его душа прилепляется к плоти и не может освободиться. Он считал, что именно поэтому духи держатся около кладбищ. Вроде как пришиты к своим

бывшим телам.

Ким доела сандвич, зачерпнула клюквенной подливки и запила все это пивом.

— Тебя действительно заинтересовало это дело в Северине, Солли?

Он снова наполнил стаканы.

— На самом деле нет. Но когда солнце заходит, мир становится совсем другим.

— Ничего себе позиция для звездолетчика!

Он с наслаждением поднес пиво ко рту.

— Наверное, я слишком часто бывал в темноте.

Альфа Максима разлетелась взрывом, который будет виден за миллиарды световых лет. Конечно, если ответ придет с такого расстояния, ни один человек его уже не увидит — к тому времени этот вид превратится во что-то другое.

Новостные каналы кипели разговорами о «Маяке», в том числе комментариями религиозных и экологических деятелей, которые, в необычном для себя единстве, объявляли подобные взрывы действиями против Бога или окружающей среды.

Ким понимала возражения людей против взрыва солнц, даже с такими планетными системами, где не было ничего, кроме железа и метана. Поглощенные вчера миры вращались вокруг Альфы

Максима невообразимое количество времени, и казалось недостойным их трогать.

Она заставила себя отвлечься от этих мыслей и вернуться к Шейелу Толливеру. Был соблазн позвонить ему после возвращения с погружения и поговорить как ни в чем не бывало, убедиться, что он на нее не обижен. Но она решила, что не стоит.

Большую часть следующего дня она провела, совещаясь с Мэттом Флекснером, пытаясь выработать план по выжиманию дополнительных фондов из центрального правительства. Надвигались выборы, и премьер понимал, что каждый из его возможных оппонентов готов сделать из выданных институту средств хороший пример швыряния денег на ветер.

Задача, как Ким ее понимала, состояла в том, чтобы показать, чем Институт полезен налогоплательщикам, склонным считать его способом создания рабочих мест для чересчур образованных кадров, которым больше деваться некуда. Ким неприятно было это признавать, но налогоплательщики были не так уж и не правы. Конечно, этим мнением она с Мэттом не делилась. Только Солли знал о ее истинных чувствах.

Мэтт Флекснер работал в Институте сто лет — в

буквальном смысле. В тридцать лет он служил одной из его витрин: физик мирового класса, совершающий прорыв в исследовании многомерной структуры космоса. Но продление жизни сделало явным то, что ученые и без того знали: истинно творческая работа делается в молодости или не делается никогда. Гении увядают быстрее роз в июле. И никакие генетические ухищрения, известные науке, этой грустной реальности отменить не могли.

Мэтт приспособился, передал незаконченную работу в руки помоложе и ушел на менее напряженные участки. В пиар, грустно подумала Ким, понимая: сама она оказалась там сразу. Пусть Мэтт вышел из игры, он все же в ней был. Его будут помнить.

Конечно, он все еще выглядел на тридцать. У него был широкий лоб, необычная улыбка и прямой нос. Борода и волосы не поседели, и он был невероятно одаренным теннисистом.

В работе Ким была его правой рукой.

Она сказала ему, что ее пару дней не будет. Свой график она определяла сама. Никто не интересовался, когда она приходит и уходит, если она делала свое дело. А сейчас ее делом было убедить членов «Общества правильных действий»

в том, что Институт — благодарный объект для спонсирования.

Неплохо было бы, подумала она, найти какое-нибудь сверхъестественное существо в долине Северина. Откроется целая новая область научных исследований.

Домой она вернулась рано, поспала час, сделала себе чашку горячего шоколада и села в гостиной.

— Шеп, — сказала она, — погляди, что можешь найти о Маркисе Кейне после 573 года.

«Ищу», — ответил ИР.

Небо было серым, холодным, в дом колотился стылый ветер.

«Не очень много. Он был художником с определенной известностью».

— Художником? Ты уверен, что это тот самый человек?

«О да, это одно и то же лицо. Очевидно, его работы пользовались некоторой репутацией».

— Ладно, что еще?

«Покинул Гринуэй в июне 579 года рейсом, идущим на Землю. Несколько лет работал в Канаде консультантом по дизайну пилотских кабин. Уволился в 591 году. Переехал в Старый Висконсин. Погиб в 596 году».

— Он больше не служил капитаном звездолета?

После экспедиции «Охотника»?

«Ничего такого я не нашел».

Странно. Три человека исчезли, а четвертый бросил свою профессию.

От деревни Северин не осталось ничего, кроме нескольких зданий, торчащих из озера, разлившегося после уничтожения плотины. Само это озеро, получившее точное название Печаль, было приличного размера, больше двадцати километров в поперечнике, и окружено лесом. Кое-где валялись груды всплывших деревьев.

— Шепард, — сказала Ким, — перенеси меня туда. Гостиная растворилась, сменившись берегом озера.

«Погодные условия?»

— Весенние. Апрель. Можешь добавить дождь.

Кресло Ким стояло возле уреза воды. Поднимался ветер, лодка с двумя рыбаками шла к берегу. По озеру в сторону Ким шла полоса дождя. Возле берега из воды торчали кирпичные стены и трубы.

Ким долго сидела у воды. Поскольку она не надела одежду со стимуляторами, шторма ощутить она не могла, и иллюзия была бы нарушена. Поэтому Шепард держал дождь поодаль, к северу.

Нигде не было искусственного света, если не считать фонаря на лодке.

— Ближайший город, Шеп? — спросила Ким.

«Орлиное Гнездо. Население около семнадцати тысяч. Примерное расстояние тридцать три километра».

Орлиное Гнездо. В художественной галерее Гульда есть несколько набросков Кейна с изображением этого города. Ким задумалась.

— Шеп, дай мне поговорить с Эмили…

Электроника ИРа тихо загудела.

«Ким, ты действительно этого хочешь?» Годы прошли с последнего разговора.

— Сделай, Шеп.

Огни стали ярче и снова потускнели. Ким все так же сидела на берегу озера, но уже не одна. «Привет, Кимберли».

Эмили была одета в тот же свободный наряд — просторный топ и мешковатые штаны, который был на Ким. Обе они были босы. Раньше, когда Ким вызывала пропавшую сестру, бывало по-другому. Тогда она была подростком и говорила со взрослой женщиной. Теперь они были ровесницами.

— Привет, Эмили, рада тебя снова видеть.

Годы не ослабили горечь потери. Может быть, дело было в том, что тело так никогда и не нашли. Ким не оставила надежду, что сестра, *ее другое я,*

когда-нибудь вернется.

«Ты меня видишь во всех зеркалах. Как жизнь?»

— Отлично. Я работаю в Институте Сибрайта.

«Чудесно. И что ты там делаешь?»

— Пиар. Средства добываю.

«Извини?»

— Не совсем то, чего мне хотелось. Но я это хорошо умею. И платят неплохо.

«Приятно слышать. — Эмили села на бревно. — Я не ожидала оказаться здесь. Что-нибудь случилось?»

— Нет… то есть да. Ты помнишь Йоши Амара?

«Конечно. Она была в нашем экипаже в последнем полете».

— Мне позвонил мой старый учитель. Оказалось, что он родственник Йоши.

«Правда? И чего он хотел?»

— Хотел, чтобы я покопала историю ее исчезновения.

«Вот как».

— Эмили, что с тобой случилось? Куда ты отправилась в ту ночь?

«Хотела бы я сама знать. — Она провела ногой черту на песке. — И что, думает он, ты можешь сделать такого, чего еще не сделали?»

— Ты знаешь рассказы о пике Надежды.

«Я знаю, что Маркис никогда бы не стал красть топливный элемент. А если бы и стал, то он бы сделал это чисто и никого бы не взорвал».

Ким наклонилась вперед. Ей бы хотелось обнять Эмили, приникнуть к ней, не дать неумолимо раствориться в темноте.

— Шейел говорит, что в этой долине есть что-то непонятное. Он наталкивает меня на мысль, что вы что-то привезли с собой и это что-то вырвалось на свободу.

Она вздохнула:

«Что я могу на это сказать? Наверное, за твоим бывшим Учителем надо бы уже присматривать». Ким глядела мимо Эмили на озеро.

— Эмили, у тебя была когда-нибудь причина не доверять кому-нибудь из них? Кейну или Трипли?

«Нет, — ответила она. — Кайла иногда заносило. Но я бы доверила ему свою жизнь. Не задумываясь».

— А Кейн?

«Такого человека, как Маркис, можно встретить только раз в жизни. Надеюсь, что тебе тоже когда-нибудь так повезет, Ким».

— А Йоши?

«Йоши? Здесь мне трудно сказать, я ее до последней экспедиции почти не знала. Вроде бы ничего. Несколько поверхностна. Но она была очень молода».

Они уже говорили об этом исчезновении много лет назад. И маловероятно, что Шеп даст свежую информацию. Но эти вопросы помогали Ким думать.

— Я согласилась поехать в долину Северина с Солли.

«Зачем?»

— Поискать то, что вы привезли оттуда, где были.

«Что ж, я надеюсь, Солли тебе скрасит поездку. Потому что путешествие вряд ли будет интересным. — Она склонила голову набок. — Там довольно холодно».

Но Ким чувствовала только тепло гостиной.

— Мне тебя не хватает, Эмили. Так хочется, чтобы ты вернулась.

«Я знаю, прости. Хотела бы я, чтобы можно было вернуть то время и сделать все заново. Чтобы кончилось по-другому».

3

Я сидел и слушал лекцию астронома,
И публика в зале хлопала громко и бурно.
И тогда – так быстро, что не уловишь, – от его болтовни я устал.
До рассвета, до яркого света бродил я потом одиноко
В волшебной, влажной ночи и иногда, иногда
Глаза поднимал на молчание прекрасных звезд.

Уолт Уитмен, «Листья травы», 1865 г. н.э.

«Общество правильных действий» давало деловой завтрак в первую субботу каждого месяца в отеле «Пионер» в деловом центре Сибрайта. Оно спонсировало выдающихся студентов, предоставляя им дополнительные гранты на обучение, эмоционально поддерживало тех, кто уже шел на спад, и устраивало Зимний Карнавал. Еще оно каждый месяц награждало кого-нибудь за выдающийся поступок.

В день, когда на завтраке присутствовала Ким, награда досталась девятнадцатилетней женщине, удержавшей своего напарника по скалолазанию от смертельного падения. Наблюдая за церемонией, Ким восхищалась подвигом молодой женщины, которая смогла почти десять минут удерживать напарника на краю глубокой пропасти.

Представляя себе этот героический поступок, Ким ежилась, не уверенная, что могла бы повторить его. А молодая женщина нервничала перед лицом публики. Опустив глаза, она промямлила благодарственные слова, и Ким ощутила некоторое удовлетворение. *У каждого из нас свой страх.*

Дальше решали мелкие вопросы с прошлого собрания, слушали результаты годичной ярмарки на празднике зимнего дерева. Потом настала очередь Ким.

Ведущий прочел ее биографические данные с распечатки, которую она ему дала. Согласно им она была астрофизиком, специализирующимся по эволюции галактик. Во время деловой части завтрака кто-то утверждал, что необходимо подумать о предложении *кардинального* расширения членства, и ведущий не удержался от шутки, что

вряд ли есть человек, настроенный более кардинально, нежели специалист по строительству галактик. Ким встала под вежливые аплодисменты.

Это была хорошая публика. У Ким было то преимущество, что все ожидали скучного выступления профессионала. Она уже давно знала, что правильным началом при работе с группой будет нарушение старого правила о необходимой вступительной хохме. Ее целью было привлечь их на свою сторону, и это она всегда делала, отдавая должное работе, которую выполняют ее слушатели, и превознося эту работу при всякой возможности. Говоришь с библиотекарями — назови их хранителями цивилизации. Учителя — передний край образования. И для групп вроде «Общества правильных действий» у нее тоже были подходы.

Ким начала с поздравления юной скалолазке по поводу ее храбрости.

— Люди говорят нынче, что мир идет к закату, — сказала она. — Но я скажу, что пока еще есть такие люди, как Эми, нам не о чем волноваться. — Девушка очаровательно вспыхнула. — Если бы я могла быть уверена, что через сто лет «Общество правильных действий» еще будет существовать,

отмечать живущих среди нас героев и оказывать помощь тем, кому она нужна, я была бы спокойна за судьбу Республики.

Теперь они были у нее в руках.

Она сравнила их цели с целями Института, чуть натянув факты, поскольку Институт никогда и никому помогать и не думал — по крайней мере непосредственно. Но натяжка не очень большая — в долгосрочной перспективе прогресс науки приносит пользу людям. И если сейчас движение вперед идет не так быстро, как раньше, тоже ничего страшного. Ее слушатели были озабочены будущими судьбами нации. Они были заинтересованы в проекте «Маяк» и хотели показать, что они не из тех, для кого звезды священны.

— Если, — заключила она, — в результате придет ответ и кто-нибудь прилетит посмотреть, на что же мы на самом деле похожи, я бы привела этого пришельца сюда к вам и усадила за этот завтрак. Это было бы отличное начало всему. Благодарю за внимание.

Она под бурные аплодисменты сошла с трибуны и села на место. Всего она говорила около тринадцати минут. Солли, ждавший у входа в столовую, видел почти все.

— Совсем у тебя стыда нет, — сказал он, когда

они остались одни.

Она ухмыльнулась:

— Честно говоря, если бы я могла привести наших первых посетителей на завтрак в «Общество правильных действий», а не в Совет, я бы это сделала тут же.

Солли для полета в долину Северина взял напрокат двухмагнитный «старлайт» лимонного цвета. Они вышли на крышу и сели в машину.

— Я думала, мы поездом поедем, — сказала она.

— Мы всегда ездим поездом, — ответил он. — Я думал, для разнообразия можно бы и слетать.

— Ладно. Может, заедем сначала в Орлиное Гнездо? Там обоснуемся.

Он включил магниты, машина взлетела с площадки и взяла курс на запад.

Почти весь предыдущий вечер Ким изучала фольклор и предания Северина. Конечно, были рассказы о видениях, странных огнях, голосах в лесу. Это все происходило годами, задолго до катастрофы на пике Надежды. Но после этого все стало намного интенсивнее, хотя, быть может, это жители Орлиного Гнезда хотели создать туристский бум.

Основной славой Северина к моменту взрыва

было то, что здесь родился и жил Маркис Кейн. Художник. Герой войны. Капитан звездолета. Единственный уцелевший из экипажа «Охотника».

И поклонник классического детектива Евы Колон — Вероники Кинг. Кейн одно время был президентом общества «Алые рукава» — группы, занимающейся частными расследованиями и названной в честь одного из самых знаменитых подвигов Вероники.

Во время войны Гринуэя с Пасификой — единственного в истории Человечества межпланетного конфликта — он был капитаном героического Триста семьдесят шестого и прославился знаменитой атакой на «Хаммурапи» — единственный случай, когда линейный корабль был выведен из строя малым кораблем-одиночкой.

После заключения мира Кейн уволился с флота и полстолетия водил звездолеты между Девятью Мирами и их колониями. У него был блестящий послужной список, ни одной претензии ни от одного работодателя, ни одной проблемы какого бы то ни было рода. Его экипажи на него молились, и никто из его людей никогда о нем плохого слова сказать не мог.

Ким попросила ИР «старлайта» показать фото-

графии: Кейн в летной школе на земной Луне, Кейн — молодой лейтенант в силах самообороны Гринуэя, Кейн ведет корабль, Кейн в парадной форме. Она нашла шесть свадебных фотографий и шесть невест; свидетельство о приеме в общество художников Северина, выпускную фотографию, на которой восемнадцатилетний Кейн состроил гримасу почти проказливую. Несколько похвальных газетных статей: Кейн сумел подчинить себе корабль, когда началась взрывная декомпрессия, Кейн спасает детей во время наводнения в Северине, Кейн отговаривает самоубийцу, собирающегося прыгать из окна.

Он любил носить вышитые рубашки и свободные брюки, заправленные в сапоги. Еще — яркие куртки и широкие пояса. На поздних фотографиях, когда он уволился из Фонда, он отрастил черную бороду и волосы до плеч. Что-то было темное, напряженное в этих фотографиях последних лет. Пожилой Маркис Кейн глядел со снимков со смешанным выражением презрения и усталости.

И был еще Кейн-художник. Выставленные работы были в основном портретами, пейзажами, было несколько экспериментальных картин. Почти все портреты были женскими. Один из них,

датированный 575 годом, через два года после экспедиции «Охотника», ее поразил.

— Это же ты, — сказал Солли.

— Боже мой! Это была Эмили.

— Твоя сестра была у него натурщицей?

Она снова глянула на дату:

— В какой-то степени. Он использовал виртуальную модель. Портрет написан через два года после ее исчезновения.

Эмили стояла у окна, через который был виден летний лес, кучи листьев, а над деревьями висела планета с кольцами. Куртка Эмили была небрежно наброшена на плечи, оставив одну грудь обнаженной, но даже намека на эротику не было в этом портрете. Было видно, что Эмили одновременно и прекрасна и несчастна. Работа называлась «Осень».

— Кажется, она где-то здесь, — заметил Солли. «Осень», как и несколько других картин, находилась в галерее Орлиного Гнезда. Может быть, стоит на них взглянуть.

— Почему он продолжал писать Эмили? — подумала она вслух.

Лицо Солли было подсвечено зеленым сиянием приборов.

— Я думаю, он не стал бы этого делать, если бы

не… — начал он.

— Если бы не что?

— Если бы он ее не любил.

— Или если она была жива.

— Или и то и другое, — заключил Солли. — Такая возможность есть.

В 576 году, через три года после катастрофы, Кейн расплатился с долгами, закрыл счета, попрощался с немногочисленными друзьями, поглядел, как воды Северина закрыли его виллу — как раз тогда снесли плотину, — и переехал в Терминал.

Флаер пересек реку Таконда, примерно делившую Экваторию пополам. Машина влетела в полосу дождя, день стал холоднее. Солли был в разговорчивом настроении, рассуждал о пике Надежды, о том, что хорошо бы, если бы там в самом деле что-то оказалось. Ким испытывала смешанные чувства. Ей хотелось разгадать старую загадку, выяснить хоть что-нибудь о том, что случилось с Эмили. С другой стороны, ей бы не хотелось обнаружить что-нибудь, что расстроит Шейела.

Машина летела в спускающихся сумерках. Местность становилась все более дикой. Вокруг поднимались горы.

Буря усиливалась, флаер начало трясти в потоках воздуха. Солли поднялся выше, уходя от вихрей.

Наконец под крылом раскинулись сельские пейзажи, вспаханные поля, силосные башни, озера. Медленно двигался в наступающих сумерках поезд. Потом опять пошли леса, и только иногда попадались одиноко стоящие дома или вдруг, непонятно откуда, теннисный корт или плавательный бассейн. Дорог, конечно же, не было.

Семьдесят пять процентов жителей Гринуэя жили в городках и деревушках, рассеянных по тысячам островов или скрытых лесами Экватории. Несколько больших городов Республики привлекали лишь тех, кто делал карьеру или искал себе пару. Остальные предпочитали жить на природе, смотреть раз в день на проходящий поезд, проводить дни на рыбалке.

По местным стандартам Орлиное Гнездо было маленькой столицей. Оно раскинулось на обоих берегах Северина в тридцати трех километрах от пика Надежды. Половинки города соединялись парой мостов оригинального проекта, на которые, если верить горожанам, съезжались посмотреть люди со всего Гринуэя. Еще в Орлином Гнезде было несколько горнолыжных

трасс мирового класса, пешеходный маршрут с потрясающим видом на Пропасть Мертвеца, семь больших казино и мемориальный музей художников-мультипликаторов.

Ким и Солли прилетели под самый вечер, приземлились на крыше гостиницы «Шлюз», взяли номер и спросили дорогу к галерее Гульда, находящейся на наземном уровне в квартале от гостиницы. Когда они туда явились, человек в толстом черном свитере заканчивал обслуживать покупателя. Хотя видимых признаков наступающей старости в нем еще не замечалось, он двигался с нарочитостью, заставляющей предположить, что ему уже хорошо за сто.

— Вы мистер Гульд? — спросила Ким. Человек просиял и слегка поклонился.

— Да, — сказал он. — Зовите меня Хорхе. Хотите выпить? Они согласились на стакан сидра, и Ким представила себя и Солли. У Гульда на витрине был выставлен «Вечер на Лире» Лизы Бартон. Это была работа эмпирейской школы, которая обращалась к космическим темам для достижения эффекта. Работа Бартон была автопортретом. Художница сидела в кресле на фоне явно враждебного лунного пейзажа, разглядывая скопление шаров, висящее над ближним горизонтом.

Ким поняла, что это скопление находится в созвездии Змея за двадцать семь световых лет — куда как далеко от населенного людьми пузыря. Картина излучала благородство, одиночество и величие как туманности, так и женщины. Владелец заметил заинтересованность Ким.

— Есть только сто отпечатков, — сказал он. — Подписаны самой художницей. Этот я могу вам отдать за вполне разумную цену.

— Спасибо, не надо, — ответила она. — Я интересуюсь Маркисом Кейном. У вас, насколько я понимаю, хранится его «Осень»?

— О да! Это из лучших его работ. — Он посмотрел на Ким, широко раскрыл глаза и задержал дыхание. — Это действительно вы?

У него задрожал голос.

Ким никогда раньше не видела этого человека и на мгновение растерялась, не зная, как оценить его реакцию.

— Эмили, — произнес он. Солли придвинулся к ней ближе. Натурщица «Осени».

Ким улыбнулась.

— Нет, — сказала она. — Это не я.

Гульд встал, чтобы приглядеться получше. Потом поджал губы и кивнул.

— Да, — сказал он. — Я считал, что натурщица

погибла. Еще до того, как он это написал. — Он покачал головой. — Но вы очень похожи. Вы родственницы?

— Я ее сестра.

Гульд резким движением завернулся в свитер, будто защищаясь от холода.

— Простите. Я не подумал.

— Ничего страшного, мистер Гульд. Это было уже давно.

— Да. Конечно. — Он внимательно рассматривал Ким. — Вы так же прекрасны, как она.

— Спасибо, вы очень любезны.

Он помолчал, собрался с мыслями.

— Как я уже сказал, «Осень» находится у меня. Но она не продается.

Солли глянул на Ким.

Он ожидал, что мы будем потрясены.

— Она только выставляется, — продолжал владелец галереи. — Это действительно редкая ценность.

— Мы можем ее посмотреть? — спросила Ким.

— Конечно. — Он не двинулся с места, все так же разглядывая черты лица Ким.

— Расскажите мне о Кейне, — попросила она, чтобы вывести его из ступора.

— У нас есть пять его оригиналов, помимо «Осе-

ни». И одной из картин, «Глории», тоже моделью служила Эмили.

Он провел их в дверь, ведущую в глубь здания, и включил свет. «Осень» висела в резной раме ручной работы. Вспыхнул дополнительный свет, рассчитанный на придание картине максимального эффекта.

Ким смотрела на нее, на женщину в окне. Полоска инея. Покрытый листьями газон. Планета с кольцами, почти касающаяся верхушек деревьев. Она опускалась к закату. Трудно было сказать, откуда это видно, но это было так. Еще виднелась пара лунных серпов, которых Ким не запомнила на компьютерном изображении.

«Осень» дышала *утратой.* Деревья согнулись под темным ветром, гигантская планета была написана октябрьскими цветами, и даже ее кольца говорили о кончине.

Эмили была красива и печальна.

— Отлично рисует для пилота, — сказал Солли.

— Один из лучших художников, что были на нашей планете. Мы только сейчас начинаем это понимать, — ответил Гульд.

Глорией называлась самая большая луна Гринуэя. Эмили шла, забывшись, у воды с лунной дорожкой. Плечи у нее были обнажены, одна

рука у щеки, глаза задумчиво светятся. Картина была датирована тремя годами *до* полета.

«Тора» — это был портрет дочери Кейна лет десяти. В «Речном походе» люди на плоту летели по усыпанной камнями белой воде. В «Ночном полете» межзвездный лайнер устремлялся вперед на фоне синего газового гиганта.

Ким спросила о датах. Все были написаны до экспедиции «Охотника».

— Мне это кажется, — спросила она Гульда, — или действительно есть разница настроений между ранними и поздними работами?

— О да, — ответил он, — несомненно, есть. — Он коснулся клавиатуры и включил экран. На нем появилась «Доставка почты» — на картине был изображен грузовой корабль, пересекающий туманность. Он был приземистый, серый, линялый, ходовые огни бросали жутковатые тени на надстройки. Туманность очерчивала силуэт корабля, излучая сумеречный свет. — Это последняя из его известных работ.

— После пика Надежды все как-то стало мрачнее, — сказал Солли.

— О да. Начиная вот с этой вещи. — Гульд вызвал на экран пейзаж. — Он вошел в темный период, из которого фактически уже не выходил.

Это «Штормовое предупреждение», 574 год. — Перед глазами зрителей представали скрученные деревья, очертания дальних развалин на фоне летних молний и бурлящих облаков. — Когда его признают, это назовут началом готического периода.

— Вы его знали? — спросила Ким. — Лично знали?

— Я его хорошо знал. Когда он жил в этих местах.

— У вас есть отпечатки этой картины? «Штормового предупреждения?»

Гульд заглянул в каталог.

— Да, остались еще два. Но они не подписаны.

— Не важно, — сказала Ким, радуясь, что от этого цена будет ниже. — И сколько такой стоит?

— Двести.

— Недешево, — заметил Солли.

— Я беру, — сказала Ким.

— Издание ограничено, — успокоительно сказал Гульд. — Можете быть уверены, что ценность вашего отпечатка не уменьшится.

Он извинился и исчез на узкой лестнице, ведущей вверх.

— Чертовски дорого, — пожаловался Солли.

— Знаю, но нам надо, чтобы он с нами говорил.

Что-то надо купить.

Он показал на обнаженную танцовщицу.

— Верно, — согласилась она.

Гульд вернулся с ее отпечатком и показал ей.

— Прекрасно, — сказал он. — Это превосходное вложение, сами увидите. Хотите, чтобы я его вставил в раму?

— Нет, спасибо, я его возьму как есть.

Она задумалась, куда его можно будет повесить, и пожалела, что не взяла чего-нибудь из ранних периодов Кейна. Произнеся над картиной несколько одобрительных звуков, Гульд свернул ее и вложил в футляр.

— А он был подавлен после события на пике Надежды? — невзначай спросил Солли.

Гульд приложил пальцы к вискам, будто даже вспоминать было больно.

— О да. Он уже никогда не был прежним.

— А что изменилось?

— Это трудно объяснить. Он всегда был дружелюбен, открыт, легко шел на разговор. Ну, может быть, это и преувеличение. Но он не был трудным человеком, как часто бывает с талантами. И все это исчезло. Он стал искать уединения. Я в те времена почти каждый вечер ездил в Северин, там жила моя жена. То есть мы еще тогда не были

женаты. И я пользовался этим предлогом, чтобы зайти к нему, посмотреть, что он делает. Он тогда не был так известен, как сейчас. Но я знал, всегда знал, что настанет день и он будет великим художником.

Он продавал свои работы через меня. В те времена за них давали немного, совсем не так, как сейчас. Но деньги ему не были нужны. Он просто занимался живописью. Вы меня понимаете?

Она кивнула.

— Я вам не говорил, что я там был, когда это случилось? Когда взорвалась гора? Это было страшно. Деревня находится внизу и была защищена от взрыва, иначе бы мы все погибли. Но по небу летели скалы и деревья. Мы не могли понять, что случилось. Потом налетела пыль. Люди задыхались и погибали… — Глаза Гульда затуманились. — Мы с Сашей делали что могли, но… — Он развел руками. — Ладно, не стоит рассказывать.

Ким и Солли стояли молча и ждали.

— Я тогда собирался заняться его работами. Покупать их самому, потому что их недооценивали, и ждать, пока цены поднимутся. Сейчас они в тридцать, в сорок раз дороже, чем были тогда. И спрос все еще превышает предложение. — Он

повернулся к «Осени». — Вот поглядите. Есть *кто-нибудь* сейчас такого масштаба? Разве что Краббе или Хоскин. Нет, Хоскин, пожалуй, нет. — Он мотнул головой, отвергая мысль о Хоскине.

— Вы, случайно, не знали Кайла Трипли? — спросила Ким.

— Трипли? Нет, не знал. Он жил на вилле, поодаль от всех. С обычными людьми он не общался — это было ниже его Достоинства.

— Можно сказать, что они с Кейном были друзьями?

— Да нет, пожалуй.

— Он был у Кейна работодателем.

— Это совсем не то, что друг.

Ким с трудом отвела глаза от «Осени».

— Еще одно, мистер Гульд, — сказала она. — Я интересуюсь тем, что вызвало этот темный период. У вас не было ощущения, что его причиной мог быть не только взрыв? Может быть, гибель женщины?

— Я знаю, что на него очень подействовало то, что случилось с *ней.*

Гульд многозначительно поглядел на изображение Эмили.

— Он это говорил?

— Это видно в его вот этой работе. Но прямо

— нет, не говорил.

— А еще что-нибудь?

— Ничего, что я вам уже не сказал. Он просто в какой-то степени ушел в свою раковину. Шатался по своему большому дому. Даже свой кабинет запер.

— Запер кабинет? Как это?

— В прежние времена, когда я к нему заезжал, мы сидели в кабинете и выпивали. Гостиная у него была слишком чопорная, он ее не любил. А потом вдруг мы с ним стали общаться только в гостиной и кабинета я больше не видел. Вряд ли это что-то значило, но это было странно. Будто он там женщину прятал.

Они пообедали в ресторанчике под названием «Рюкзак». Пошел снег, подул холодный ветер. Солли задумчиво расправлялся с мясом и гарниром.

— Сейчас закончим, — сказал он, — и отправимся, пожалуй.

— Ага, пока погода не стала еще хуже. — Прогноз сообщал, что снегопад к полуночи прекратится, а мороз будет крепчать.

— А я удивился, что ты выбрала эту картину, — сказал Солли.

— А что такое? Она красива.

— Я думал, ты хочешь купить ту, где Эмили.

«Осень». Ты от нее не могла глаз оторвать.

Она подняла бокал с вином и посмотрела через него на огонь камина, любуясь игрой света.

— Да нет, — сказала она. — Я хотела такую, которую можно повесить на стену.

Солли поглядел на нее:

— Это все еще мучительное воспоминание?

— Да. — Она пожала плечами. — И еще — обнаженность.

— Я не знал, что ты такая пуританка.

— Только если натурщица так похожа на меня.

Солли был ее давним другом. В эту ночь она была ему особенно признательна, может быть, потому что он с ней поехал, хотя и говорил, что она преследует иллюзию. Что ж, так думали они оба.

В этот вечер, стоя вместе с ним на пешеходной дорожке, откуда открывался вид на Орлиное Гнездо, под густым снегопадом, в нескольких километрах от Северина, она чуть не предложила, чтобы они провели эту ночь вместе. Забыли о призраках. Но когда Солли сказал, что уже поздно и надо идти, она оставила эту мысль и застегнула куртку.

4

Самое знаменитое из видений – это, конечно, Северинский фантом, который наблюдали в разрушенной деревне, давшей ему имя. За последние двадцать пять лет было более двухсот его подтвержденных появлений. Несколько случаев гибели людей также приписывают этому призраку. В наше время мало найдется людей настолько неразумных, чтобы искать приключений в этой долине после наступления темноты.

Тери Капер, «Легенды северо-запада», 597 г.

Когда они взлетели с крыши «Шлюза» и взяли курс на юг, было уже половина двенадцатого.

Снег валил ровно и сильно. Огни казино и клубов заволокло бурей, и они быстро исчезли, когда «старлайт» набрал высоту. Экраны показывали почти полное отсутствие в воздухе других машин.

— Ты так же замерз, как и я? — спросила она у Солли. Солли откинулся в кресле с чашкой кофе,

предоставив ИРу вести машину.

— В этом есть хорошая сторона, — сказал он. — Представь себе, как тепло тебе будет, когда ты доберешься до своей кровати.

Локаторы показывали реку, текущую меж широких лесистых берегов. Ким выглянула в снежную темноту и увидела идущую с запада группу огней. Поезд, наверное, хотя трудно было сказать точно.

Она стала разглядывать распечатанную карту деревни.

— Когда прилетим в Северин, — сказала она, — наверное, стоит не только приземлиться и малость пошататься вокруг.

— В такую вьюгу? Что ты еще можешь сделать, Ким?

— Воспользоваться возможностью заглянуть на виллу Трипли.

— Зачем?

— Кто знает, что там удастся найти.

— Через двадцать семь лет?

— Мы же ничего не теряем, если посмотрим.

— Ладно, как скажешь, — согласился он. — Но если Трипли связан со взрывом или с пропажей женщин, полиция бы это обнаружила.

— Насколько мне известно из прессы, полиция

ничего не искала.

— Да? Почему?

— Такой вопрос никто не поднимал. Я полагаю, просто не было существенных причин думать, что Трипли имеет какое-то отношение к тому или другому случаю, а семья эта очень влиятельна. У них и без того было горе. Считалось, что он погиб в этом взрыве. И что бы полиция выиграла от расследования? В этих обстоятельствах раздражать семью никто не хотел.

— Ладно, заглянем, если хочешь, — сказал Солли. — Мы знаем, где это?

Она ухмыльнулась:

— Я почему-то отметила это место на карте.

— А зачем нам к Трипли? Может быть, лучше поглядеть на дом Кейна, раз мы здесь?

«Старлайт» попал в сильный встречный ветер.

— Дом Кейна под водой, — показала она на карте.

— Я не всерьез, — сказал он.

— А ты когда-нибудь вообще бываешь серьезен?

— Только не на охоте за призраками.

В кабине было холодно. Солли запахнул куртку, и Кии включила обогрев сильнее.

— Если бы я знал, что мы собираемся в экспеди-

цию, — сказал Солли, — я бы предложил сделать это днем.

Ким подумала, как она скажет Шейелу: «Мы прилетели в долину. Побыли в лесу. И даже заглянули в дом Трипли. *Ничего».*

Но это надо сделать сейчас. Не хочется еще раз возвращаться утром.

На экране ближнего вида появилась встречная машина — патрульный флаер. Он прошел на расстоянии двухсот метров, но впрямую его не было видно.

Орлиное Гнездо осталось в темноте позади, и огней в пределах видимости не было. ИР вел машину на юг вдоль русла Северина, отображая свой извилистый путь на экране. Долина сужалась и входила в первый каньон из тех, что вели к плотине.

Машина уходила в ночь, и легенды все сильнее занимали мысли Ким. Даже на Солли, кажется, подействовало. Они разговаривали пониженными голосами, как в пустой церкви, и Ким заметила, что кутается в куртку, хотя в кабине и стало тепло. Разговор в основном состоял из подбадривающих замечаний вроде того, что в такую погоду ни один нормальный призрак наружу носа не высунет. Или вот что Солли только что

заметил, как вон там что-то движется. Ха-ха.

Ким вспомнила рассказ Солли о корабельной кладовой с привидениями. В этот момент, в снежной буре, в кабине, освещенной только приборной панелью, это казалось вполне возможным.

На высоте несколько сот метров над землей машина вышла из шторма. Впереди высились остатки плотины.

Ее не снесли до конца. Расшатанные секции убрали, но остальные стояли на месте, и река ревела в нагромождении камней среди бетонных столбов. Казалось, что эти столбы шевелятся — эффект отражения огней флаера на воде. Машина спустилась ниже, и мелькнули последние хлопья снега.

Они пролетели над развалинами плотины. С южной ее стороны река вылетала из узкого коридора и растекалась озером. Небо было все так же густо покрыто тучами, и озера не было видно, пока флаер не оказался точно над ним.

Солли приказал ИРу включить прожекторы. Он подчинился, и пара лучей пронзила тьму, но ничего не было видно, кроме воды.

— Почти как внутреннее море, — сказала Ким, вспомнив, что в самом широком месте озеро

больше двадцати километров.

Они летели сквозь ночь под тяжелым небом, почти не разговаривая. Наконец на экране показалась береговая линия. В основном лес. Кое-где холмы, кое-где поля. А на мелких местах из воды торчали каменные стены.

Деревня до затопления располагалась на южном берегу озера и тоже носила название Северин. После затопления озеро разлилось и поглотило ее почти целиком.

Ким глядела вниз, на укрытый снегом мир.

— Удивительно, что никто не заявил своих прав на эти места, — сказала она. — Отстроить деревню сейчас было бы просто.

Они стали кружить, разыскивая виллу Трипли. Судя по карте, она находилась на невысоком холме за границей деревни, метрах в ста к северу от конюшен Скотта Рэндала — известного в то время заводчика скаковых лошадей. Конюшни они нашли — от них остались несколько разрушенных зданий и пара изгородей. Дальше было просто.

— Трудность в том, — сказал Солли, — что здесь нигде нет открытой площадки.

— Вон там. Полоска берега.

Солли посмотрел без энтузиазма.

— Идти далеко, — сказал он.

Но другой возможности не было, и ИР посадил машину прямо в снег.

Ким натянула капюшон и надела маску от ветра, пока Солли переобувался. Поверхность озера рябила в свете прожекторов, и когда Ким высунулась наружу, ветер попытался вырвать дверь у нее из рук.

Деревня почти не была видна — два-три дома торчали из воды. У самого берега стояла сторожевая башня, а в песке тонуло белое здание с надписью ЗАКУСКИ.

— Это берег Кабри, — сказала Ким, вспомнив карту. Солли вылез и осмотрелся. Ветер сбрасывал волосы ему на глаза.

— Ты что, ничего на голову не взял? — спросила Ким.

— Нет, — ответил он. — Не знал, что едем на прогулку.

— Замерзнешь. — Она посмотрела на задние сиденья. — Где-то у меня там есть альпинистская шапочка.

— Нормально, Ким, ничего со мной не случится.

Она все же нашла шапочку и протянула ему, но он ответил упрямым взглядом. Ким пожала плечами и включила наручный фонарь.

— Может, тебе тогда здесь подождать?

— Пошли, — буркнул он, застегивая ворот куртки и засовывая руки в карманы.

Ким включила обогрев куртки, и они направились к деревьям. Снег скрипел под ногами. Ветер ровно дул от озера, и они шли к нему спиной. Никто из них не заговаривал, пока они не дошли до защищающих от ветра деревьев.

— Как ты? — спросил он, когда они укрылись от ветра. Волосы у него были заснежены.

— Нормально. — Из-под капюшона она глядела, будто в туннель.

Он показал направление и пошел вперед. Что-то стряхнуло снег с верхних ветвей.

Ким поглядела вверх, подумав о диких животных.

— Солли! — спросила она шепотом. — Как ты думаешь, здесь нет зверей, которых стоит опасаться? Может быть, пум? Или медведей?

Терраформисты в мудрости своей не забывали ничего. На Гринуэе даже комары были.

— Не знаю, не думал об этом.

— А у тебя, случайно, оружия с собой нет?

— Нет, — ответил он. — Если на что-нибудь напоремся, отобьемся палкой.

— Отлично, — ухмыльнулась она. — Главное

— быть готовыми.

Пробравшись через чащу и несколько полян, они вышли на тропу, которая вроде бы шла в нужную сторону.

Они миновали разрушенный дом, заросший молодым лесом, почти незаметный — его было видно только метров с двух. Сбоку тропы стояла скамейка.

— Когда-то эта дорожка вела на берег, — сказал Солли. Ким посмотрела на карту:

— Ага, вот она.

— Мы правильно идем?

— В нужную сторону. Уже недалеко.

— Тебе не кажется, что стоило бы вернуться и прийти сюда утром?

— Мы уже здесь, Солли. Давай быстро посмотрим, чтобы я могла сказать, что была тут, и можно будет возвращаться.

После гибели Трипли вилла и обстановка достались по завещанию Саре Бейнс, его матери. Сара закрыла дом, но не смогла его продать. Деревня пустела. Людей мучили воспоминания и опасения, все боялись, как бы не взорвалась и остальная часть горы, и плотина могла в любой момент рухнуть.

И потому никто в доме не жил с тех пор, как

Трипли вернулся из последнего рейса.

На поляне с рухнувшим навесом они сошли с тропы, перебрались через ручей, съехали по склону и запутались, выбирая направление, потому что не подумали о компасе.

— Я-то точно не виноват, — сказал Солли. — Я думал, что мы будем сидеть в своем флаере и смотреть на озеро.

Теперь впереди шла Ким. Деревья снова встали тесно. Кое-где снега намело выше ее ботинок, он забивался внутрь, И ноги стали мерзнуть.

Трудно было определить направление. Один раз они выскочили на болотистый участок берега. Пришлось повернуть, пройти шагов сто по своим следам и попробовать пойти в другую сторону. Ким никогда не любила пеших походов и начинала уже жалеть о своей затее, когда их путь пошел вверх.

— Может быть, это оно, — сказала она. — Вилла на верхушке низкого холма.

Идти было скользко. Они падали по очереди и бултыхались в снегу, и Солли, который, наверное, предпочел бы сохранить недовольный вид, не мог удержаться от смеха.

Но они поднялись на вершину и там была вилла!

Если за деревянной изгородью когда-то и был газон, он давно скрылся под кустами и бурьяном. Сама вилла стояла в переплетении хвойных деревьев и дубов. Она поросла лианами, ветра давно снесли крышу. И входной двери тоже не было.

Ким посветила фонарем на здание, сравнила с принесенным снимком.

— Да, — сказала она, — это она, вилла. Вопросов нет. Они обошли здание сзади. Боковая стена развалилась. Окна были разбиты, рамы высажены. Над северным крылом разрослись дубы.

Дом был кирпичный. Двухэтажный, со стеклянным куполом, овальными окнами, ротонда, башенка. Кайл Трипли дешевку не покупал. Ким стояла в снегу, завороженная развалинами.

— О чем ты думаешь?

— Наверное, о бренности всего сущего. И еще мне интересно, бывала ли здесь Эмили.

Следом за Солли она перешагнула порог ротонды. Приятно было убраться с ветра. Ким посветила фонарем на интерьер, почти полностью разрушенный. Купол двумя этажами выше покрылся грязью и зарос травой. Во времена Трипли через него были видны звезды.

Стены облупились и потрескались. Провисшая лестница вела на второй этаж и переходила в кру-

говую галерею. На обоих уровнях было несколько дверных проемов, а на нижнем — камин.

Одна дверь висела в раме на единственной петле, другие двери не сохранились. Центральный коридор открывался позади ротонды и вел к дому. Солли посветил в него, и в конце показались ступени, ведущие вниз. Пол потрескивал.

— Осторожнее ступай, — сказал Солли.

Пол замело землей и листьями. В комнатах первого этажа было пусто. Ким посветила вверх, пытаясь рассмотреть второй этаж. По стенам метнулись тени.

— Вряд ли мы здесь что-нибудь найдем, — заметил Солли. По твердой поверхности заклацали когти. Какое-то животное метнулось прочь от света, но Ким не успела рассмотреть.

— Белка, наверное, — предположил Солли.

— Или крыса.

Вокруг дома завывал ветер, стучали ветки.

Будь Ким одна, она бы сейчас это бросила и вернулась к флаеру. Она с избытком выполнила свои обязательства перед Шейелом. И перед Эмили.

Но они проделали долгий путь сюда, и Солли, наверное, сочтет, что ей надо хотя бы осмотреть верхние комнаты.

Сначала лестница. Подняться и посмотреть, что

там такое. Солли пошел впереди, ощупывая ступеньки. Вся конструкция качалась и проседала. Возле верхней площадки одна доска поддалась под ногой. Солли потерял равновесие и чуть не спустился быстрее, чем хотел, но Ким успела его схватить и втащить обратно. В этот момент она не могла не сравнить себя с той девушкой из «Общества правильных действий».

— Может, я это плохо придумала, — сказала она, еще дрожа. Они осторожно поднялись до конца и быстро заглянули во все двери. Кое-где провалился потолок, комнаты занесло землей и опавшими листьями. Ковры сгнили.

Наверху нашелся остов старой кровати и комод без ящиков, разбитый стол, пара стульев. И *пахло* здесь очень сильно.

Из разбитых стен торчали трубы. Раковины, ванны и души были полны накопившимся за десятилетия мусором.

Они спустились вниз.

Комнаты первого этажа были не так сильно разрушены, поскольку чуть лучше были прикрыты от стихий. Но и здесь не осталось целой мебели. С потолка свисали провода, полы сгнили, а в углу лежал полуобглоданный труп белки, завалившийся за столик, который, когда протерли

столешницу, оказался шахматным. Ким где-то читала, что Кейн любил эту игру, и подумала, не играл ли он с Трипли. И если да, то кто выигрывал.

В кухне и столовой нашелся поломанный стул и раскиданная посуда. Сквозь пол проросли стебли трав.

Солли стоял посреди ротонды, со скучающим видом посвечивая фонарем по углам. Ему уже надоело, и он был готов возвращаться.

Ким направилась к ведущей вниз лестнице.

— Только гляну, — сказала она, ощупывая перила на прочность.

— Осторожно, — предупредил он.

Ступени проседали под ногой.

— Наверное, тебе стоит остаться здесь, — предложила она. — Твоего веса лестница может не выдержать.

Он подумал, поглядел на лестницу, покачал перила и посмотрел как шатается вся конструкция. Потом посветил фонарем вниз. Там вроде бы ничего опасного не было: длинный стол пара стульев и несколько мусорных баков у стены.

— Кажется, это можно пропустить, — сказал он.

— Это займет минуту.

Она спустилась, осторожно пробуя каждую ступеньку, и была рада, когда добралась до пола. В подвале было не так холодно и сыро, как наверху.

Здесь были три комнаты и ванная. В одной комнате стоял поломанный диван, в другой на полу сохранились остатки ковра.

На столе были гнезда ввода данных и связи с электронным оборудованием. Какая-то стойка свисала с потолка. Наверное, устройство ВР.

— Что-нибудь нашла? — спросил Солли, светя на лестницу.

— Тут было что-то вроде лаборатории. Сейчас поднимусь.

Стены были обшиты кедровыми панелями, почти сохранившимися. Пол был из искусственного кирпича. Магниты на стенах показывали, где когда-то висели картины.

— Хм, — сказала она, — а это уже интересно.

— Что? — спросил Солли, и лестница закачалась.

— Не пытайся спуститься, — предупредила Ким. — Это мусорный бак.

На нем была этикетка: ЭМК 4471886. Ким сверилась со своими записями: это был номер «Охотника».

Бак был наполовину заполнен металлическими деталями, скомканной бумагой и тряпками. Еще были пустые картриджи из-под сжатого воздуха, банки из-под чистящей жидкости и пустая винная бутылка. Нашлись также обертки от еды, упаковки от компьютерных дисков и стопки печатных страниц.

На них были списки имен, возможно, доноров Фонда, выписки со счетов, записи закупок, результаты испытания различных конфигураций двигателей и куча всяких других данных, назначение которых Ким определить не смогла. Но самой последней датой было 8 января 573 года. До того как Трипли ушел в последний рейс на «Охотнике».

Некоторые баки были выпотрошены, возможно, животными. Ким переворачивала их один за другим и рассматривала содержимое, обнаруживая ржавые провода и окаменевшие салфетки, пыльные тряпки, исцарапанные кожухи мониторов, пакеты из-под сока.

Кто-нибудь более усердный мог бы не пожалеть времени и систематически изучить этот мусор. Кто знает, что тут может быть? Но становилось холоднее, а работа казалась бессмысленной.

Ветер бродил по дому как живой. В стенах

раздавались звуки, ветви деревьев скреблись в верхние окна. Ким обводила фонарем комнату, и темнота отступала и тут же возвращалась обратно.

— Кажется, ничего здесь нет, — сказала она Солли. — Сейчас поднимусь.

Она взгромоздилась на стол, разулась и стала растирать ноги, потерявшие всякую чувствительность. Когда кровообращение восстановилось, Ким надела носки, вывернув их наизнанку. Это не очень помогло, потому что они заледенели, но все-таки что-то.

Обувшись, Ким спрыгнула на пол и тут среди мусора заметила женскую туфлю. Невозможно было сказать, какого цвета она была когда-то, но у нее была любопытная волокнистая подошва, какой Ким ни разу не видела.

Что это может быть?

Ким сунула туфлю в мешок с инструментами.

— Ким! — В голосе Солли звучало нетерпение. — Мы идем или нет?

— Иду, — ответила она.

Он осветил ей путь, стараясь не светить в глаза, предупредил, чтобы поднималась осторожнее, потому что лестница может в любой момент провалиться. Ким уже прошла полпути, когда

сломалась подпорка и вся конструкция просела на несколько сантиметров. Ким потянулась схватиться за ограждение, Солли подался вперед, будто хотел броситься на помощь, но сообразил, что лучше не добавлять к нагрузке на лестницу еще и свой вес. В этот момент фонарь Ким выхватил его силуэт, и что-то за его спиной метнулось обратно в темноту.

Ким застыла, забыв о качающейся лестнице.

— Не торопись, — сказал ей Солли. Она не сомневалась, что *видела* это.

Кусок тьмы, заразившей дом. Кусок, отломившийся и ушедший.

Поднявшись наверх, Ким посветила в кухню, заглянула во все двери и встала посреди ротонды, чтобы осмотреть второй этаж.

— Что случилось? — спросил Солли. Теней нигде не было.

— Ничего, — сказала она.

Он не поверил, конечно, но не стал настаивать, только проследил за ее глазами.

— Может быть, ты что-то нашла?

Она протянула ему туфлю.

— Ты что-нибудь подобное видел?

Он посветил фонариком.

— Конечно, — сказал он. — Захватный боти-

нок.

— Что?

— Захватный ботинок. — Он взял туфлю у нее из рук и придавил к стене. Туфля сразу прилипла, потом отпала. — Он малость выдохся, но именно такие применяют на звездолетах в невесомости.

— На звездолетах. — Ким приложила туфлю к своей ноге. Мала. Значит, это не Эмили.

— О чем ты думаешь, Ким?

— Думаю, чья это может быть туфля.

Ветер утих, и облака несколько рассеялись. Над озером пробилась одна из трех лун.

Ким и Солли вернулись по своим следам, добрались до места, где заплутали, и свернули прочь от реки. Следы оставались глубокими и ясными, и Ким и Солли пошли по ним с энтузиазмом, зная, что в машине будет сухо и тепло.

Но вдруг следы прервались. Посреди тропы — вот здесь они еще есть, а здесь, на следующем шаге, их уже нет. Ким и Солли включили фонари.

— Наверное, ветром занесло, — сказал Солли.

Это было невероятно, но казалось, что они раньше просто материализовались на этом месте. Ее левый след, его правый, а дальше — девственный снег.

Ким обернулась, осветила фонарем деревья и тропу. Все было неподвижно.

— Да, — сказала она. — Конечно, ветер.

Они заторопились, ожидая, что следы вот-вот появятся снова. Свет фонарей качался впереди. Разговор стих, и Солли подхватил привычку Ким время от времени оглядываться. Потом тропа разделилась, и они остановились в нерешительности.

— Куда? — спросила она.

— Озеро слева, — шепнул Солли. — Будем держаться озера. Он говорил неуверенно, и это ее испугало больше всего. Они потеряли дорогу, как должно было случиться. Ким на ходу зацепилась за колючий куст и порвала куртку.

Наконец они выбрались на поляну с разрушенным сараем, и здесь снова появились следы. Полагалось бы обрадоваться, но следы просто *были*, появились посреди поляны. Здесь — нетронутый снег, а там — снова следы, будто Ким и Солли просто исчезли из мира на этом месте. От этого зрелища у нее по коже побежали мурашки.

— Идем, — сказал Солли.

Какая-то часть разума, не поддавшаяся страху и наблюдающая вспышку эмоций со стороны, предположила, что это сценарий ВР, то, чего в

настоящем мире происходить не может.

Либо Шейел был прав.

Выйдя на опушку, они увидели озеро и флаер. Ким подавила порыв побежать к нему, и они направились по берегу шагом, двигаясь с комической быстротой.

Лес стоял за спиной, темный и безмолвный. Далеко на востоке по небу двигался свет — поезд с острова Терминал держал курс на Орлиное Гнездо. Солли щелкнул пультом, и флаер зажег огни. Открылся люк, вывалилась лесенка.

Из воды что-то блестело. Отражение, фонарь — *что-то.*

Ким остановилась, проверяя, что на задних сиденьях ничего нет. Потом влезла внутрь, Солли вошел за ней и закрыл люк. В обычных обстоятельствах она бы сразу стала снимать мокрые ботинки и носки. Сейчас она просто сидела, пока Солли вставлял карточку в панель и нажимал кнопку ПУСК.

«Соломон, — спросил ИР, — а куда лететь?»

— Вверх, — ответил Солли. — Вверх.

5

Те, кто поднимается к вершине организации, кто живет ради того, чтобы управлять другими, неизбежно становятся жертвами уязвленного самолюбия, необходимости утвердить себя. Вот почему их так легко напугать и так легко ими манипулировать. Вот почему они так опасны.

Шейел Толливер, «Записки», 482 г.

— Ты действительно не испугался?

Солли прикрыл глаза и грустно покачал головой, будто от встречи с бескрайним невежеством.

— Нет, я *действительно* не испугался. Я *замерз.*

Они сидели за кофе, салатом и фруктами в ресторане гостиницы. В утреннем солнце четко вырисовывались горы, небесные дороги были забиты спешащими на отдых туристами. Вынырнувший из-за горы Белой поезд плыл над верхушками деревьев.

— Ладно, — сказала она. — Я тоже.

При свете дня было трудно поверить, что она могла так перепугаться. Она узнала о себе нечто, чего не знала раньше и не хотела бы знать. Она трусиха.

— И все равно странная это была штука со следами, — сказал он.

— Да, странная.

Он нахмурился и сменил тему:

— А где ты собираешься повесить эту картину Кейна?

— Не знаю. На мой вкус, она мрачновата.

— Почему ты тогда не купила какую-нибудь другую?

— Надо было, — согласилась она.

На еду ушел почти час. Наслаждаясь величественным видом гор и пропастей, Ким размышляла. Приятно было избавиться от обязательств перед Шейелом. Мы поехали, проверили, что там в лесу, скажет она ему с чистой совестью, и ничего не нашли. Совсем ничего. Он, конечно, будет разочарован. Но, быть может, ему необходимо вернуться к реальности.

Солли рассказывал, как учился кататься на горных лыжах, и спросил ее, умеет ли она проходить повороты. Она не умела, и ее удивило, что он предложил сюда вернуться и поучиться, когда

позволят их расписания.

— Здесь есть школа для новичков, — сказал он.

Она подумала, что уже стара для обучения горным лыжам, но…

— Согласна, если ты хочешь.

И была вознаграждена улыбкой.

В номере Солли стал собирать вещи, а Ким решила пока позвонить и рассказать. Набрав номер Шейела, она села на диван. ИР снял трубку, спросил, кто она, и тут же соединил.

— Ким? — Судя по голосу, он обрадовался ее звонку. — Приятно, что ты так быстро позвонила.

Он не включил видео.

— Я в Орлином Гнезде, — сказала она.

— Ты собираешься в долину?

— Я там была ночью.

— Чудесно! Ох, кстати, извини, что не включаю изображение. Я не одет.

— Ничего страшного, Шейел.

— Ты что-нибудь видела?

— Что, например?

— Что-нибудь. Любую необычную вещь.

Вдруг оказалось, что она не может ему соврать.

— Я не уверена, — сказала она, отбросив заготовленный ответ.

Она рассказала о пропавших следах. И чуть не рассказала о движущихся тенях за спиной Солли, но это звучало бы уже чистым психозом.

— Да, — сказал он. — Это и есть то, что там, кажется, происходит регулярно. Или происходило, когда там еще жили люди.

Он порекомендовал пару книг по этой теме и под конец спросил, по-прежнему ли она убеждена, что там ничего необычного не происходит.

— Я думаю, это ветер их занес, Шейел.

— Ты действительно считаешь это возможным? Ладно, не важно. Что ты собираешься делать дальше.

— А что тут делать? — Она подождала ответа, но он молчал. — Может быть, ты для меня можешь кое-что сделать.

— Если это в моих силах.

— Можешь ли ты узнать размер обуви Йоши?

Он задумался:

— Это может быть непросто. Она исчезла давно, и не знаю, сохранилась ли какая-нибудь ее обувь.

— Она разве не клон?

— Да. А, я тебя понял. Да, конечно.

— Когда узнаешь, оставь сообщение у Шепарда.

— Хорошо, я сегодня это сделаю. — Солли вошел в комнату, готовый к отъезду. — А можно спросить зачем?

— Я тебе скажу, если это что-то даст.

Ким не могла устоять против желания предложить снова пролететь над долиной Северина. Солли согласился, и они снова летели на юг над рекой, на этот раз в ярком свете дня. Было солнечное безоблачное утро, не по сезону теплое. Внизу из туннеля Калберстона к югу от города вынырнул поезд. Калберстон, двадцатишестикилометровый туннель, был самым длинным магнитно-левитационным туннелем на Планете.

Ким и Солли летели низко, любуясь видом, скользя над каньонами и внутри ущелий. Выпавший ночью снег укрыл землю одеялом. Перед самой плотиной через поляну брели два оленя. По просьбе Ким Солли развернул флаер, но олени уже исчезли.

Над озером они снизились. Недалеко от берега Кабри болтался плот, оставшийся от тех времен, когда Северин кишел пловцами. Он медленно покачивался, будто поджидая кого-то.

Над виллой Трипли они остановились и повисели в воздухе, рассматривая ее. При свете дня она казалась еще более обветшалой.

Окрестности ее были прекрасны в своей пустынности, укрытые одеялом свежего снега, украшенные купами дубов среди возвышающихся пиков. Поверхность озера блистала под солнцем. Остовы домов производили странное смешанное впечатление бренности и величия. Ким подумалось, что есть в покинутых местах нечто, притягивающее внимание.

— Насмотрелась? — спросил Солли, которого парение по кругу не развлекало.

Она кивнула, и он велел ИРу лететь обратно в Сибрайт. Несколько минут они молчали. Потом Солли протянул руку, налил две чашки кофе и одну протянул ей.

— А как мы попали в это событие с «Королевой звезд»? — спросил он.

Мысли Ким были далеко — она думала об исчезнувших следах, пытаясь придумать объяснение, любое *возможное* объяснение. Направленный ветер. Местные шутники. Вопрос Солли дошел до нее не сразу, и ей пришлось повторить его про себя.

— У Мэтта всюду друзья, — ответила она. — Там будет много важных шишек, и он решил, что для нас это хороший пиар.

Из старого лайнера сделали отель. Торжествен-

ное открытие намечалось на субботу.

— Ты подумала о моем предложении?

Озеро уплывало прочь.

— Каком?

— Поговорить с Бентоном Трипли. Раз ты все равно летишь в Звездную Гавань, это труда не составит. А он может что-нибудь знать об «Охотнике» и о своем отце.

— И ты думаешь, он согласится разговаривать со мной?

— А почему нет? У него репутация человека открытого.

— Да, — сказала она. — Что я теряю? Надо будет рано уехать, но я попробую.

Посмотрев номер офиса «Интерстеллар», она нажала кнопку коммуникатора.

Ответил мужской голос:

— «Интерстеллар», администрация.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я доктор Ким Брэндивайн, работаю в Институте Сибрайта. В следующую пятницу я буду в Небесной Гавани. Могу ли увидеться с мистером Трипли? Если у него есть время.

Солли закатил глаза.

— А на какую тему вы хотите с ним говорить, доктор Брэндивайн?

— Мне хотелось бы поговорить с ним о событии на пике Надежды.

— Понимаю. Вы сказали в пятницу?

— Да.

Пауза.

— К сожалению, такой возможности нет. Время мистера Трипли расписано на много дней вперед. Я могу записать вас на одиннадцатое августа.

— Августа?

— Да. Это все, что я могу для вас сделать.

— Спасибо, не надо.

Она отключила связь, обернулась и уставилась на Солли:

— Чего ты?

Он пожал плечами.

— Нет, если хочешь что-то сказать, скажи.

— Ким, он же *президент компании!* Ты могла бы действовать получше, чем говорить, что, может быть, если у него есть время, ты хотела бы с ним увидеться. Если возможно.

— А что бы ты предложил?

— Не быть такой застенчивой. И подготовить историю получше, чем пик Надежды. Ты пишешь книгу, и тебе нужна от него информация.

Она показала на коммуникатор.

— Трепаться всякий может. Хочешь попытать

счастья? Посмотрим, сумеешь ли ты меня пропихнуть.

— Поздно, — сказал он. — Ты эту возможность отрезала. Надо будет попробовать другой подход.

Она ждала, глядя на него.

— Дай ему стимул, — сказал Солли.

— Что?

— Стимул. Подумай об этом с точки зрения пиара. «Интерстеллар» что-нибудь делает для Института?

— Да, — сказала она. — Это один из основных спонсоров. Конечно, не от собственной щедрости. Для них так списывается приличная сумма налога. И идет хорошая реклама.

— Отлично. Организуй формальное признание. Табличка с его именем. Организуй и представь ему.

— Премия Соломона Дж. Хоббса.

— Вполне звучит.

— За службу возвышенную и безграничную.

— Примерно так я и думал.

Вообще-то идея неплохая. И ничего не будет стоить — только приза. Надо будет только протолкнуть это через Мэтта. Он тут же клюнет.

— Думаешь, Трипли на это поддастся? За такой недолгий срок?

— Ты что, серьезно? С этими типами, возглавляющими организации, всегда играй на самолюбии — и не ошибешься.

Ким подавила мысль о том, что с этого надо было начать. Но Солли, конечно, был прав. Она написала несколько вариантов девиза для премии, подумала, как ее назвать, и составила докладную.

Потом, поскольку время поджимало, позвонила Мэтту и изложила дело. Он выслушал, идея ему, как и следовало ожидать, понравилась. Потом он сообщил, что через несколько дней ей предстоит выступать перед Обществом гражданского процветания, и сказал, что перезвонит.

Перезвонил он через двадцать минут.

— Все устроено, — сказал он. — Тебе назначена встреча в офисе «Интерстеллара» в пятницу в два часа дня.

— Отлично, — сказала она. Связь была только голосовая, поэтому триумфальную улыбку можно было не скрывать.

— А тебя эта история и в самом деле захватила, — сказал Солли.

Они летели по безоблачному небу. Вдалеке другой аппарат летел на север.

Ким соединилась с Шепардом.

«Привет, Ким, — сказал домашний ИР. — Чем могу помочь?»

— Сегодня утром не звонил Шейел Толливер?

«Нет. Известить тебя, если будут звонки?»

— Да, будь добр.

«Еще что-нибудь?»

— Что ты мне можешь рассказать об «Охотнике»? Корабле фонда Трипли? Что у нас по нему есть?

Короткая пауза.

«Фонд Кайла Трипли больше не существует. Он распущен тринадцать лет назад Бентоном Трипли и заменен…»

— Ладно, не надо. Расскажи о корабле.

«„Охотник“, — начал Шепард, — вошел в строй третьего средизимника 544 года».

Средизимник — это был месяц гринуэйского календаря, добавленный между декабрем и январем для коррекции продолжительности года. Обычно в нем было двадцать два дня, но иногда день опускался, как когда-то в земном феврале для согласования звездного и планетного календарей.

«В основном корабль использовался для дальних исследовательских экспедиций в ранее неизвестные области космоса. В 578 году был

продан компании „Олвей резерч“.

— Где он сейчас?

«В настоящий момент корабль принадлежит компании „Ворлдвайд интериор“ и находится на ее территории в Небесной Гавани».

— Скажешь после этого, что ты не везучая? — спросил Солли. Ким включила вспомогательный экран.

— Покажи нам корабль, Шепард. Каким он был в 573 году. На мониторе появился указатель. Ким пролистала сборник схем. Корабль был маловат для звездолета, скорее яхта богача, построенная лично для Трипли. Она была сделана в виде копии его дома на Кедровом острове. Главная палуба на втором уровне, галерея с лестницами с двух сторон. Ковры, комната отдыха, кабинет, полетная палуба, центр управления. Снаружи башенки и балконы. Расположенные повсюду видеопанели создавали стандартную иллюзию окон внутри и кругового обзора на внешних палубах. Человек мог сидеть у себя на крыльце и смотреть в космос.

Прыжковые и главные двигатели находились в корме. Грузовые трюмы, кладовые и ангары располагались внизу.

Ким повернула корабль и сняла верх.

— У тебя здорово получается, — сказал Солли.

— Что именно?

— Собирать и отображать данные.

— Я этим на жизнь зарабатываю. Ты что, думаешь, мы потенциальных доноров из шляпы вынимаем?

— Ты по ним ведешь поиск?

— Естественно, Солли. Финансировать Институт — на это нужно много денег. У нас нет времени действовать методом проб и ошибок.

— Но есть же законы о неприкосновенности частной жизни?

— Они достаточно расплывчаты. Почти все, что ты делаешь, где-то фиксируется, надо только знать, где искать. Хочешь, я тебе покажу какие-нибудь эпизоды из твоей жизни?

— В другой раз.

Ким улыбнулась, приблизила на экране переднюю секцию «Охотника» и стала осматривать интерьер. Шикарная отделка. Кожа. Комнатные растения. Картины на стенах. Типичное обиталище высшего руководителя вдали от дома.

Сама Ким только раз бывала на межзвездном лайнере. Ей было двенадцать лет, и они всей семьей летали на Минагву, где у матери были родственники. Если память ей не изменяет, каюты

были тесные, стены уныло-серые, и казалось, что полет никогда не кончится. Страшно интересно было, когда корабль выскочил возле яркого золотого солнца той планеты. Минагва — это было приятное местечко, двойная планета, обе обитаемые, обе с океанами. Но она не стоила лишений перелета. Улетая через два месяца на Гринуэй, Ким про себя решила, что это в последний раз. Больше никогда она не будет летать в этих консервных банках. Это обещание Ким сдержала и не летала на звездолетах больше никогда. Хотя она готова подумать, если кто-нибудь предложит ей полет на «Охотнике».

В 574 году его продали президенту нефтеперегонной компании. В следующие шесть лет он несколько раз переходил из рук в руки, пока его не купила «Ворлдвайд» при банкротстве очередного владельца. В основном он использовался для поездок членов правления и для катания политиков.

Ким просмотрела спецификации, проверила параметры ходовых и навигационных систем, систем жизнеобеспечения, бортового ИРа и вообще всего, что может пригодиться. Удивило ее то, что рация на корабле была всенаправленная и усиленная.

Но это объяснялось задачей «Охотника» и ожиданиями его пассажиров. Они искали не просто жизнь, они искали разум. И успехом эти поиски могли увенчаться двояко: открытием города или встречей с другим кораблем. Если попадется город, то нужно широкополосное вещание. Здравствуйте, все. На Ким это произвело впечатление: люди мыслили масштабно.

— Шепард, — позвала она, — соедини меня с «Ворлдвайд».

ИР выполнил просьбу, и на экране появилась графика «Ворлдвайд»: анимационное изображение звездолета, подлетающего к спутнику корпорации. Открылся ангар, и оттуда засиял свет. Появилась рука и золотом написала девиз: «СТИЛЬ И СУТЬ». Потом перед Ким появилась молодая женщина — высокая, светловолосая, собранная.

— Добрый вечер, доктор Брэндивайн, — сказала она, прочтя имя у себя на мониторе. — Меня зовут Мелисса. Чем я могу быть вам полезна?

— Здравствуйте, Мелисса. Я — сотрудник Института Сибрайта. Мне бы очень хотелось посмотреть на корабль «Охотник». Лично.

Мелисса улыбнулась и отвернулась посмотреть на что-то, чего на экране не было видно.

— Разумеется, доктор. Я не вижу здесь трудностей. Когда вы хотели бы это сделать?

— В пятницу.

— Рады будем вам служить. Вас устроит четыре часа дня?

— Да, спасибо. Кстати, — сказала Ким, — еще одно. Я особенно интересуюсь историей этого корабля.

— А! — улыбнулась Мелисса краями губ. — Эпизод на пике Надежды?

— Да, и это тоже. Вы не скажете, можно ли посмотреть бортовой журнал последнего полета корпорации Трипли?

— О, боюсь, что нет, доктор Брэндивайн. Мы к этому не имеем отношения. Я хочу сказать, что этого журнала у нас никогда не было.

— Вот как? А вы не знаете, у кого он может быть?

— Я уверена, что он был передан в Архивы, когда корабль был продан впервые. Это требование закона.

— Спасибо, Мелисса. — Ким отключилась и снова обратилась к Шепарду: — Я хотела бы отправить сообщение по гиперсвязи.

«Кому?»

— Я точно не знаю. Властям Сент-Джонса.

Посмотри их административную структуру и сам сообрази кому.

«Понятно. Текст?»

— Запроси план полета «Охотника», последний рейс Фонда Трипли. Гринуэй, 573 год. Уточни дату и все, что будет нужно, и отправь.

«Это надо передать немедленно?»

— Как только будет готово.

«Передача в обе стороны займет четыре дня, Ким. Плюс еще время на составление ответа».

— Годится. А сейчас соедини меня с Архивами, пожалуйста.

Появилась круглая печать Республики: белая звезда на зеленом поле. По верхнему краю шла надпись: РЕСПУБЛИКА ЭКВАТОРИЯ, а по нижнему — девиз: МИР, СПРАВЕДЛИВОСТЬ, СВОБОДА. Под звездой было написано: Национальные Архивы. Печать исчезла, сменившись изображением молодого человека за письменным столом. Он с заинтересованным видом ждал, что скажет Ким. Очевидно, виртуальный секретарь.

— Добрый вечер, доктор Брэндивайн, — сказал он. — Меня зовут Харви Страттон. Чем я могу быть вам полезен?

— Мистер Страттон, действительно ли Архивы хранят бортжурналы межзвездных полетов?

— И межпланетных тоже, доктор.

— Можно ли будет посмотреть журнал одного рейса, выполненного в 573 году?

— Гм. — Его лицо затуманилось. — Это подпадает под законы о неприкосновенности частной жизни. Боюсь, вам понадобится постановление суда.

— Суда?

— Да, конечно. Все бортовые журналы охраняются этими законами. Вы — работник правоохранительных органов?

— Нет, — сказала она. — Мне надо для научного исследования.

Солли наблюдал с живым интересом.

— Но есть срок, после которого эти материалы становятся общедоступными, — сказал молодой человек.

— То есть их можно будет когда-нибудь получить?

Он поглядел куда-то вбок.

— Для межзвездных кораблей, находящихся в частном владении… — Он нашел наконец то, что искал. — Срок сорок пять лет с момента даты приобретения.

— И это значит…

— Они станут доступными через восемнадцать

лет. — Молодой человек улыбнулся. — Боюсь, что это вам мало поможет.

Он стал перебирать различные основания, по которым суд может вынести постановление. В основном речь шла о юридических или инженерных вопросах. Праздного любопытства в этом списке и близко не было. Ким отключилась.

«Что дальше?» — спросил Шепард.

— А что бы ты посоветовал?

«Мне кажется, что это не лучшее поле деятельности. Маленькие зеленые человечки, призраки. Наверное, есть более удачный способ тратить время, Ким».

У Солли заблестели глаза.

— Тебе твой ИР часто читает нотации?

Ким не отреагировала.

— Что случилось на пике Надежды, Шеп?

«Не знаю, но могу предположить».

— Будь добр.

«Мне кажется не совсем невероятным, что кто-то неосторожно использовал небольшое количество антиматерии. Иначе трудно объяснить количество выделившейся энергии и отсутствие остатков метеорита».

— Что мог бы делать кто бы то ни было с антиматерией на склоне горы?

«Возможно, пытался уйти от преследователя. Взрыв произошел через три дня после того, как Кейн и Трипли вернулись с „Охотника“. Оба они жили в этих местах. Один из них исчез. Мне кажется достаточно правдоподобным, что перед нами результат неудачного воровства».

— Ты полагаешь, что Трипли украл собственное горючее? Зачем?

«Возможно, его взял Кейн, Трипли его вернул, но не умел правильно с ним обращаться. Разумеется, это предположение без каких бы то ни было фактов».

— Что ты мне можешь рассказать о Бентоне Трипли?

Шепард вывел все на экран. Бентон был клоном своего отца.

На самом деле половину населения Гринуэя в этот период составляли клоны. Бентону было под сорок, он не был женат, но активно интересовался женщинами. Он входил в советы директоров полудюжины влиятельных организаций, являлся близким другом премьера, лауреатом десятка филантропических премий, исполнительным директором «Интерстеллар инкорпорейтед» и президентом «Недостижимой цели», которая стала наследницей Фонда Трипли. Эта организация

собирала средства на различные рискованные предприятия. Бедноты давно уже не было, но бывали дети, внезапно осиротевшие или выброшенные из семьи, люди, которые нуждаются в дополнительных возможностях образования, грантах на исследования и так далее. «Недостижимая Цель» была на переднем крае подобной деятельности.

На самом деле «Недостижимая цель» в свое время помогла и Ким, дав ей средства на образование после гибели родителей. Время от времени появлялся инспектор, проверяя, что у Ким все в порядке, и каждый месяц приходили денежные переводы. Потом Ким деньги вернула, но всегда была благодарна «Недостижимой цели» за поддержку в тот момент, когда это было нужно.

Бентон Трипли был точной копией своего отца, если не считать того, что он был чисто выбрит. Он был высокий, загорелый, с зачесанными назад волнистыми каштановыми волосами и доброжелательной улыбкой, которой Ким ни на минуту не верила. А это еще одно отличие: Кайл был честен. Во внешности Бентона было что-то, не вызывающее доверия.

Шепард вывел серию фотографий. Вот Бентон пожимает руки промышленникам и политикам,

вот он в окружении женщин на разных курортах, вот он в суде защищается от обвинения в нечестных методах ведения бизнеса. Он успевал повсюду.

ТРИПЛИ ПРИВЕТСТВУЕТ ДЕЛЕГАЦИЮ ОСТРОВА БЭРРИНДЖЕР. ТРИПЛИ КОНСУЛЬТИРУЕТСЯ С ПАРТНЕРОМ «НЬЮ-ЙОРК ЭСТЕР-ХАУС». ТРИПЛИ ВЕДЕТ ЭКСКУРСИЮ ШКОЛЬНИКОВ ПО НЕБЕСНОЙ ГАВАНИ.

Но что-то полезное Ким в этих картинках нашла. В офисе было три модели кораблей. *Три.*

И это был именно тот клин, который ей нужен.

Шепард позвонил, когда флаер подлетал к острову Корби.

«Сообщение от Шейела Толливера».

— Запусти.

Голос Толливера назвал размер обуви.

«Еще что-нибудь, Ким?» — спросил Шепард.

Она поглядела на Солли, и он без слов понял, что размер совпал с той туфлей, которую они нашли.

— Да. Поставь кофе.

— Это почти ни о чем не говорит, — заметил Солли. — Сколько еще женщин носят обувь такого размера?

— Полно, — согласилась она. — И сколько из

них крутятся около звездолетов?

6

Мы не одни.
Где-то так далеко, что и вообразить нельзя, города освещают тьму и возвышаются башни над изрезанными берегами. Кто живет в этих далеких городах, кто смотрит с этих башен, мы не знаем и не можем даже догадываться. Но наступит день, когда мы появимся в их небе и обнимем наших братьев и сестер.

Шим Падва, «Далекие башни», 321 год.

— Надо сделать больше, — сказал Мэтт. — Действовать с опережением. Выдать призы. Неплохой способ приобрести друзей для Института. Богатых друзей. Руководство распорядилось назвать премию именем Мортона Кейбла — по имени человека, который создал прорыв в работе над проблемой подпространственных путешествий. К счастью, Кейбл был связан с Институтом.

Ким охотно согласилась («Идея классная, Мэтт!») и предложила, чтобы, ввиду пристрастия Трипли к украшенным кораблям, награде была

придана именно такая форма, а не стандартный вид медали. Мэтт согласился, а детали оставил на ее усмотрение.

Такси прилетело за ней в пятницу рано утром. Над океаном еще держался туман. Флаер поднялся в чистое небо и направился в сторону материка. Личных машин на Гринуэе было мало, потому что такси были дешевым, удобным и быстрым транспортом. На море не было судов, только шла на запад чья-то яхта. В воздухе висели еще несколько такси, кружа над островами в ожидании вызова.

Мэтт устроил так, что представить Трипли должен был Аверилл Хопкин, известный авторитет по гиперпространственным двигателям. Он уже находился в Небесной Гавани по работе, связанной с консультациями компании «Интерстеллар», так что все оказалось очень удобно. У Хопкина была темная кожа, темные глаза и никакого состояния. Его жизнь была полностью посвящена физике. Вряд ли он даже знал, как развлекаться.

Такси высадило ее у терминала. Через пятнадцать минут она уже была на «Морском орле» — магнитно-левитационном поезде, летящем на юг над парками Сибрайта. Справа проплы-

вали корпуса Института, слева пляжи. Выйдя из города, поезд плавно прибавил до шестисот километров в час, кое-где поднимая пенный след на открытой воде.

В окне мелькали леса, берега и реки. Пассажиры опустили шторы и углубились в ноутбуки или книги. Кто-то спал, кто-то, надев шлем, общался с библиотекой поезда.

Ким вывела на экран «Осень» и долго смотрела на свое изображение. От этого становилось жутковато, но возникало странное ощущение собственной красоты и силы. Увлечение Маркиса своим предметом было очевидным.

Какая-то пассажирка, проходя мимо, задержалась возле Ким. Та стерла экран.

В первые дни после исчезновения Эмили Ким иногда сидела возле матери, разговаривающей с компьютерной имитацией пропавшей дочери. Отец был против. Он говорил, что Эмили и его дочь. И лучше будет для всех дать ей покой. Он был прав: от таких разговоров было жутко, и Ким пообещала себе, что сама никогда так делать не будет. Если человека нет, значит, нет. А притворяться с помощью техники что это не так — просто болезнь. Оказалось, однако, что это обещание было легче дать, чем выполнить.

Подростком Ким регулярно разговаривала с Эмили, а потом и с погибшими родителями. Отец в компьютерной имитации убеждал Ким так не делать. «Тебе надо жить своей жизнью, Ким, — говорил он хмуро. — Надо самой справляться».

От этих встреч всегда оставалась боль. Зрелость, в частности, во многом заключалась в том, чтобы оставить иллюзии в прошлом. Но для этого, как оказалось, надо было взглянуть в глаза реальности, признать перед самой собой, что их больше нет. В какой-то степени она понимала, что эти разговоры приносят ей вред, особенно разговоры с Эмили, потому что женщина, исчезнувшая, когда Ким ее еле помнила, оставалась с ней еще с дюжину лет. И когда Ким смогла наконец отказаться от виртуальных разговоров, лишь тогда она осознала глубину своей потери.

Она нашла снимок Эмили, Йоши и Трипли, снятый на прощальном завтраке перед отлетом «Охотника». Эмили была одета в безупречно скроенные темно-зеленые слаксы, светло-зеленую блузку, белый с желтоватым отливом жакет. Весь ансамбль подчеркивал эффект темных глаз с золотыми искрами.

К моменту поступления в Фонд Трипли у Эмили уже была репутация отличного менеджера,

заработанная в одной телекоммуникационной фирме. Ким пару минут послушала адрес, зачитанный в загородном клубе, где описывались цели Фонда, его достижения и планы. «Там где-то есть жизнь, — говорила Эмили. — И с вашей помощью мы надеемся ее найти».

Эмили говорила пылко, ощущая пафос момента. У нее были все качества хорошего оратора: она знала, к чему ведет, умела пошутить и умела вложить мысль в одну фразу. Аплодисменты после ее речи были громкими и горячими, и было ясно, что Эмили может завоевать любого, кого хочет.

Она дважды была замужем, но к моменту исчезновения была одинокой. Детей у нее не было.

Терминал находился на экваториальном острове в двух километрах от берега. «Морской орел» ушел от материка возле Микаи, миновал несколько скалистых мысов и начал замедлять ход, приближаясь к туннелю Чибасту. Свет в салоне стал ярче, над морем показались чайки. Птицы научились держаться подальше от поездов, кроме тех мест, где поезда сбрасывали скорость до безопасных величин. Отсюда поезд пойдет через барьерные острова, набирая и сбавляя скорость в ритме, диктуемом туннелями. Сейчас он был на экваторе и шел на запад.

Ким начала читать приключения любимого детектива Маркиса Кейна — Вероники Кинг. Четыре книги о ней она уже прочла после возвращения из Северина и пыталась сейчас начать очередную, но все время отвлекалась. Она обдумывала интервью с Бентоном Трипли, формулировала вопросы, которые надо будет задать.

Поезд остановился на острове Клевис, и почти все пассажиры вышли, но сразу столько же и зашло. Когда поезд тронулся, Ким пошла в вагон-ресторан позавтракать.

Когда она доела цыпленка с гарниром, поезд уже вышел из последнего туннеля, перепрыгнул бухту Моргантаун и влетел в густой дождь. Здесь горы подходили к самому берегу. «Морской орел» нырнул в ущелье и пересек Эдмонтонский Каньон, состоявший из горных гряд и разломов.

Поезд летел в двадцати метрах над водой вдоль обрыва, когда Ким вернулась к Веронике Кинг и ее «Лампе демона». Основным трюком каждого сюжета была критически важная информация, неизбежно спрятанная на самом видном месте. «Лампой демона» назывались археологические раскопки глубиной в несколько слоев на большом пустынном острове Кавале. Были убиты два человека, и утверждалось, что мотив связан с

некоторой башней. Но на этом плоском ландшафте башни не было ни одной. Да нет, была: место раскопок было башней, ушедшей под землю за несколько сот лет и перемен климата.

Ким дочитала книгу, когда «Морской орел» уже снизился до уровня моря и горы ушли назад. Она сидела не с той стороны поезда, но знала, что уже должен быть виден небесный причал.

Пассажиры, увидевшие его в первый раз, неизменно ахали. Небесные причалы были если не самыми невероятными из инженерных сооружений человечества, то наверняка самыми зрелищными. Они существовали в пяти из Девяти Миров, и еще один строился на Тигрисе. Небесный причал Гринуэя, соединенный с Терминалом, находился в двенадцати километрах от поезда. Он парил в облаках, нависая над центром города своей огромностью.

Люди повставали с мест, сгрудившись у правой стороны вагона. Ким увидела причал краем глаза, солнце блеснуло на его обветренных боках. Почему-то при виде причала Ким наполняла неясная гордость.

Через несколько минут поезд втянулся в здание вокзала и остановился. Пассажиры потянулись в нескончаемые ряды магазинов и переходов,

залов ожидания и ресторанов. Ким осмотрелась и неторопливо направилась к лифту. Здесь кишели распространители религиозных брошюр, активисты политических и общественных кампаний, собирающие подписи. Кто-то требовал снятия директора одного из поездных маршрутов, кто-то еще агитировал в поддержку исследований по проблеме долгожительства.

У Ким еще оставалось время, поэтому она подошла к киоску выпить сока. Пришла мысль, что она оказалась в положении Шейела: нужно вести разговор очень осторожно, иначе Бентон Трипли примет ее за сумасшедшую.

Лифт ходил каждый час. В нем была зона отдыха, комната виртуальной реальности, сувенирная лавка, где продавались чашки и футболки с эмблемами небесного причала, кафе и частный клуб «Четыре луны», члены которого могли посидеть в шикарном баре, сыграть на бильярде, занять кабину ВР или просто подремать.

Кафе называлось «У Ника». Драли здесь безбожно, а бутерброды на вкус были пластиковые, но кофе хорош. На стенах висели автографы знаменитостей, которым случалось ездить в этом лифте. Оказавшись в лифте, Ким прошла прямо к «Нику» и села за угловой столик.

Лифт мог везти 120 человек, но сейчас на борту была едва ли половина. Ким заказала кофе и канталупу, выглянула в окно, за которым тянулся широкий ряд магазинов, и услышала объявление, что лифт через минуту отправится. Со щелчком закрылись шлюзы.

Пол вздрогнул, заработали невидимые моторы. Своды вокзала с их толпами и яркими вывесками магазинов ушли вниз, замелькала паутина проводов и тросов, и десять минут ничего другого и видно не было. Лифт поднимался по центральной опоре, пока не вышел из плотных слоев атмосферы. Здесь, где не было погодных воздействий, он вынырнул на солнечный свет.

Среди пассажиров были особо важные персоны, также направляющиеся на «Королеву звезд». Ким допила кофе, канталупу почти не тронула и пошла по кафе, здороваясь и возобновляя знакомства. Здесь были Мак-Вильям из «Экстрон индастриз», Ларри Диксон из Национального филантропического общества и Джазз Уайт, контрболист, участвующий в рекламной кампании «Королевы звезд».

Лифт вынырнул из защитной сетки, и кафе залил солнечный свет.

Ким вышла в зону отдыха и нашла диван с

подушками. Пассажиры покупали сувениры, а детишки почти все ушли в комнату виртуальной реальности. Многие припали к окнам, любуясь видом.

Как и на «Охотнике», окна были на самом деле экранами, передававшими изображение с внешних имиджеров. Прозрачные панели были рискованными с точки зрения герметизации, и потому их давно заменили. Но разницу можно было заметить, только если пристально всматриваться.

Мэтт добился приглашения на церемонию крещения «Королевы звезд», напирая на то, что ее двигатели проектировал Макс Эстерли, когда-то бывший директором Института, и что поэтому представитель Института должен присутствовать в тот великий день, когда знаменитый лайнер будет превращен в отель. Ведь даже табличка с именем Эстерли была установлена в кают-компании судна. Но истинной целью Мэтта было, конечно, напомнить собравшимся воротилам о преимуществах высоких технологий и о том, что ничто стоящее не дается бесплатно. Работой Ким было сделать так, чтобы они в это поверили.

Он ей дал несколько тезисов, которые надо

довести до сознания слушателей: если общество не движется вперед, оно начинает загнивать. Уже загнивает. Чтобы что-то сделать, надо что-то менять. Главной силой современных научных исследований является Институт. Последнее, наверное, было некоторым преувеличением, но говорилось при каждом удобном случае и потому стало звучать истиной.

Ким не была полностью согласна с подходом Мэтта. Утверждение, что общество загнивает, произносилось в каждую эпоху. Людям всегда казалось, что они живут в разрушающемся мире. Сами-то они, конечно, никак не загнивают, но все вокруг катится вниз. Такое утверждение давно стало общим местом, и Ким не думала, что упоминание о нем во время ланча на «Королеве звезд» вызовет что-нибудь, кроме скуки.

И все же она думала, не происходит ли *действительно* какое-то движение вниз. Не просто прекращение научных исследований. Нечто большее, чем просто обращение общества к своим удовольствиям в ущерб всему остальному. Некоторые пророки конца света утверждали, что человечество просто постарело, истощилось в некотором метафизическом смысле. Что ему нужна трудная цель. Может быть, нужно найти нечто,

ему подобное, среди звезд, такое, с чем можно сотрудничать и соревноваться. Обмениваться военными байками. А сейчас этот биологический вид просто сидит на заднем крыльце, ожидая, пока его призовет Господь.

В основном такой пессимизм исходил с Земли, где шел уже конец третьего тысячелетия по стандартному календарю. Как показывает история, в такие моменты всегда поднимался вопль о наступающей ночи человечества.

Какова бы ни была истина, Ким считала, что перерезание ленточки на «Королеве звезд» — неподходящий момент, чтобы бросать в зал эту дохлую кошку.

Изобретение искусственной гравитации сняло необходимость кольцеобразности космических станций, но эта традиционная форма соблюдалась всюду, кроме строящейся сейчас станции на Тигрисе. Одно время казалось, что вот-вот будет изобретена антигравитация, но это открытие продолжало ускользать от ученых, и сложилось мнение, что оно невозможно. А жаль. Именно такого рода перспектива нужна Институту, чтобы вдохнуть энтузиазм в публику, собравшуюся на «Королеве звезд».

Лифт начал тормозить. Ким любовалась облач-

ными грядами и закруглением выглядывающей из-под них планеты. Люди вокруг засуетились, хватая свои сумки, покупая последние сувениры, одевая детей. Среди родителей держалось поверье, что в Небесной Гавани гуляют сквозняки. Двигатели взвыли, лифт остановился, открылись двери. Пассажиры по одному вышли в вестибюль отеля «Вид на звезды» и стали вставлять карточки в регистрационные щели. Ким взяла свой багаж, посланный вперед, прошла к себе в номер, приняла душ и стала работать над своим выступлением. Из окна ей была видна хвостовая часть Небесной Гавани — огромный противовес лифта, вытянувшийся к самой внутренней луне — Жаворонку.

Первым пунктом в ее расписании была премия для Бентона Трипли.

Оставалось время чуть соснуть. Потом она оделась и осмотрела себя в зеркало. С удовлетворением отметив, что выглядит она отлично, Ким поехала на лифте на палубу «С», где размещались офисы корпораций.

Это была роскошная секция, удаленная от туристской и рабочей зон. Здесь были темные панели, толстые ковры на полу и комнатные растения. На стенах висели пейзажи. Из неви-

димых динамиков неслась тихая музыка. Свет был приглушен, и таинственно мерцали надписи цифровых экранов на дверях офисов.

«Интерстеллар инкорпорейтед» располагалась за парой двойных дверей из матового стекла. Когда Ким вошла, ей навстречу из-за стола поднялась молодая темнокожая женщина.

— Добрый день, доктор Брэндивайн, — сказала она. — Вас ждут. Прошу за мной.

Она провела Ким в небольшой конференц-зал. Съемочная группа уже была готова. Сразу вслед за Ким вошел Аверилл Хопкин с усталым видом. После минутного разговора она поняла, что он не в восторге от необходимости вести презентацию. Он нервничал, злился и совсем не радовался, что будет выступать перед публикой. Но от него было не избавиться, и сейчас он стоял, перебегая глазами с Ким на кафедру и обратно и поглядывая на время.

— Терпеть не могу таких вещей, — сказал он.

— Такова цена славы, — сказала она, стараясь не показать, что это ее забавляет. Чуть не напомнила, что любой проект на девяносто процентов состоит из пиара, но благоразумно промолчала.

— У меня есть более важная работа, Ким, — сказал он. — А этого я просто не умею.

Она взяла его за руку выше локтя. Мышцы были напряжены.

— Расслабься, Ави, — ободряюще улыбнулась она одной из лучших своих улыбок. — От тебя ничего не нужно. Главное — это твое присутствие. Можешь встать головой на стул, и все решат, что так себя ведут гении.

Он мрачно кивнул, приняв ее характеристику без тени скромности.

Трибуна стояла на низкой платформе рядом со столом, за которым расположились четыре стула. За трибуной на стене гордо висел герб компании в обрамлении синих и белых лент — цвета «Интерстеллар». Ким положила коробку с медалью на стол, предварительно показав медаль Хопкину.

Зал стал заполняться сотрудниками корпорации. Кое-кого из руководителей Ким знала и представила им великого физика. Они поздоровались почти заискивающе, и Ким с удовольствием отметила, что Хопкин несколько успокоился.

Вошла высокая блондинка, и все замолкли, глядя на нее. Ким знала, что это Магда Кеннел, главный помощник Трипли. Магда взяла дело в свои руки, представилась Хопкину, рассеянно поздоровалась с Ким и стала давать указания. В комнате собралось уже человек двадцать. Усадив

всех, Магда, очевидно, получила откуда-то сигнал. Она кивнула, взошла на трибуну, и голоса стихли.

— Леди и джентльмены! — сказала она. — Я рада приветствовать вас в нашей корпорации. Как вам, быть может, известно, мистер Трипли давно и всерьез поддерживает Институт Сибрайта…

Она еще несколько минут говорила что-то в этом духе, превознося действия своего босса, поддерживающего то, что достойно поддержки. Потом она отступила в сторону. Открылась дверь справа, и вошел сам Бентон Трипли.

Публика яростно захлопала. Было ясно, кто платит этим людям зарплату.

Трипли, одетый для такого случая официально, в белое, сел слева от Ким. Он изящно ей улыбнулся, она ответила тем же. Ким не была с ним знакома. На всех мероприятиях Института «Недостижимую цель» всегда представляла Магда.

Вблизи чувствовалось, что в Бентоне больше электричества, чем было в его отце. Материалы, просмотренные Ким, рисовали образ серьезного мрачноватого человека, рассудочного, склонного к резкой краткости. Но он не создавал впечатления невидимой глубины. А вот этот Трипли выглядел куда более добродушным, если не счи-

тать глаз. В них проглядывала решительность, от которой Ким холодела.

Не тот мужчина, с которым она хотела бы поужинать. Но в нем было бесспорное обаяние, и оно Ким окатило волной, когда Бентон одарил ее широкой улыбкой. От этой улыбки ей захотелось, чтобы первое неприятное впечатление оказалось неверным.

Магда представила Ким, а затем Хопкина, у которого был несколько испуганный вид. Физик неуклюже взгромоздился на кафедру, выложил на нее свои записки и начал. Он сказал о проекте «Маяк», описал еще несколько проектов, над которыми шла работа. Он объяснил, почему в век затягивания поясов наука нуждается в частной помощи. Потом пустился в рассуждения о тех конкретных проектах, которые особо хотел рекомендовать аудитории, но тут Ким удалось перехватить его взгляд и показать жестом, что надо закругляться. Хопкин понял и прервал себя на середине фразы.

— Но сегодня мы собрались не для этого, — неуклюже закончил он. — Мы сегодня награждаем мистера Трипли медалью Мортона Кейбла за его выдающийся вклад в поддержку дела науки.

Трипли встал и вышел к нему на трибуну.

Ким достала коробку, расстегнула ее и передала Хопкину. Он ее открыл и вытащил модель «Охотника» 573 года. Блеснули в свете ламп алюминиевые башни и ходовые трубы. Хопкин поднял модель, чтобы все ее видели. Раздались аплодисменты. Хопкин прочел вслух надпись:

Медаль Мортона Кейбла
Бентон Трипли
За выдающийся вклад в поддержку целей науки,
признанный Институтом Сибрайта
12 января 600 года.

Вручив Трипли модель, он пожал ему руку и сел на место.

Трипли наклонился к микрофону.

— Очень красиво, — сказал он. — Мой отец был бы горд.

Он добавил несколько соответствующих случаю замечаний насчет того, что «Интерстеллар» и в дальнейшем будет поддерживать научные исследования и что он рад возможности внести вклад в доброе дело. Трипли поблагодарил всех за присутствие, добавил еще пару общих фраз и под аплодисменты вернул кафедру Магде.

После церемонии Трипли пригласил Ким и Хоп-

кина к себе в кабинет и показал, где собирается поместить свою награду: рядом с «Царственным» — флагманом адмирала бен-Хаддена, который командовал флотом Гринуэя в войне с Пасификой.

Но вид у него был усталый. Может быть, его утомили бесконечные церемонии этого дня, встречи с функционерами вроде Ким. Она чувствовала, что он действует на автопилоте. Трудно было не прийти к выводу, что, когда он не на сцене, берет верх его другая личность. И все равно было видно, что награда в виде «Охотника» — попадание. Ким не была уверена, что он узнает корабль.

Кабинет был велик по масштабам Небесной Гавани и обставлен со вкусом, но без экстравагантности. Повсюду висели памятные медали, грамоты и фотографии Трипли с различными высокопоставленными деятелями. Окно во всю стену выходило на плавную дугу планеты. Почти вся видимая местность была белой.

На столе стоял портрет девушки, играющей с собакой. Это его дочь, Чола, как пояснил Трипли. В каминной решетке приветливо горел виртуальный огонь. Вдоль двух стен шли книжные полки. На них было томов восемьдесят, антикварные книги в кожаных переплетах. И, как заметила Ким, кроме «Охотника» и «Царственного», было

еще три других корабля.

— Вы хорошо подготовились, — сказал он, указывая на «Охотника». — Кофе хотите?

— Да, спасибо, — ответила она. — Черный.

Хопкин отказался.

— Я рада, что вам понравилось, — сказала Ким.

Трипли наклонился к интеркому и передал желание Ким.

— Отлично впишется в этот флот, — произнес Трипли, оживившись и сияя глазами.

Кем бы он ни был, но мальчишества в нем еще много, решила Ким.

«Царственному» была отведена отдельная полка. Другая модель стояла в футляре на столике, выделенном для этой цели. Остальные два корабля располагались по разным сторонам кабинета — один на боковом столе возле кресла, другой висел на стене.

— Как настоящие, — сказал Хопкин, переходя от модели к модели и рассматривая их. Ким подозревала, что ему это совсем не интересно — просто способ скрыть неловкость.

— Спасибо.

Прибыл кофе. Ким и Трипли взяли по чашке, обменялись замечаниями по качеству напитка. Хопкин сказал тоном, означающим, что теперь

он переходит к делу:

— У вас отлично налажена работа, Бентон. Но я хочу спросить, нельзя ли мне предложить вам одну вещь?

— Конечно.

— Конструкция двигателей. — Хопкин презрительно поморщился. — Можно сделать гораздо лучше.

— Конструкция стандартная, — ответил Трипли несколько озадаченно.

У Хопкина была мысль, как увеличить выход энергии. Ким почти сразу потеряла нить, когда он стал описывать интенсификацию магнитных полей в момент проникновения в гиперпространство. Она слишком мало знала физику, чтобы уследить за логикой рассуждений, но Трипли слушал внимательно, что-то записывал, время от времени задавал технические вопросы и наконец кивнул головой.

— Изложите это на бумаге, — сказал он. — Я хочу видеть готовое предложение.

Ким отметила, что он ни разу не спросил о стоимости.

Основная проблема полетов в гиперпространстве была связана с верхней границей скорости, эквивалентной в реальном Пространстве 38,1 све-

тового года в день. Запрет Кариса. Этого вполне хватало для перелетов между Девятью Мирами и для экспедиций в их окрестностях, но были и другие места, куда хотели бы попасть исследователи. Например, в центр галактики. Путешествие туда и обратно заняло бы четыре с половиной года. Ким спросила, может ли идея Хопкина вывести корабли за пределы запрета Кариса?

— Нет, — ответил он. — Не думаю, что это вообще возможно. Зато можно будет сэкономить значительное количество горючего и тем увеличить дальность полета.

Ким рвалась заговорить о пике Надежды.

— Похоже на тот двигатель, — сказала она, — который мог бы использоваться на «Охотнике».

Хопкин мигнул, не совсем поняв, к чему это упоминание.

— Бентон, — сказал он, — не хочется мне обрывать разговор, но мне действительно пора. — Он встал и благожелательно улыбнулся. — Приятно было повидаться с тобой, Ким.

Он наклонился, поцеловал ее в щеку, пожал руку Трипли и исчез за дверью.

— Если то, что он говорит, можно будет сделать, — сказал Трипли, — это будет очень полезно. — Он поднял глаза от своих заметок к модели

«Охотника». — Я так понимаю, что внешний вид приза выбирали вы?

— Нам показалось, что это будет уместно. Самый знаменитый из кораблей Фонда.

Появился поднос с сыром, Ким взяла кусочек.

— Я удивлен, что вы знали об этих моделях, — сказал Трипли.

— Они очень хорошо здесь смотрятся, мистер Трипли. Это модели настоящих кораблей?

— Меня зовут Бен, доктор. Можно вас называть Ким?

— Конечно, Бен.

Трипли с нежностью посмотрел на «Царственный». На лбу у него появились морщины.

Корабль был длинный и узкий, обводы загибались под неожиданными углами для обмана вражеских локаторов. Красивый корабль. Интересно, почему военные корабли любой природы так манят. Из-за своей утилитарной природы, оттого, что построены для единственной цели? Похоже на сбивающее с толку определение красивой женщины, данное Айзенштадтом, но в этом случае оно казалось верным.

— На нем служил мой дед, — сказал Трипли.

— Во время войны?

— Он был у бен-Хаддена рулевым.

В голосе Трипли прозвучала очевидная гордость. Он замолчал и откинулся на спинку кресла, давая ей оценить сообщенный факт.

Другие модели тоже поражали.

Одна была в виде блюдца.

— Это «Чола», — сказал Трипли, глядя на фотографию девочки с собакой. — Корабль корпорации. У нас сейчас два таких.

И лайнер.

— А это «Упорный». Увы, его уже много лет как нет. Но это был первый наш корабль. Наш старт, можно сказать.

Последний корабль имел форму расплющенной капли, установленной на эллиптической платформе. Ходовых труб Ким у него не заметила. Чем-то он напоминал черепаху.

— Этот корабль принадлежал моему отцу, — сказал Трипли. — Как видите сами, полностью вымышленный.

— Без ходовых труб? — предположила она. Трипли кивнул:

— Не очень продуманная конструкция, но она внушила мне интерес к этому делу.

— Игрушка вашего детства?

— Да.

— И как называется этот корабль?

Он сумел придать себе застенчивый вид.

— Я называл его «Доблестным».

— Похоже на название эсминца. Хотя он не похож на военный корабль. — Обычно игрушечные военные корабли щетинились оружием.

— Для мальчишки любой корабль — военный.

Из всех пяти моделей эта была сделана наиболее тщательно, со всеми деталями антенн, тарелок сенсоров, люков. Темная поверхность была обработана так, чтобы захватывать свет. В отсветах камина корабль был то черным, то лиловым. Ким потрогала его. Ощущение в пальцах было как от тесаного мрамора.

— Наверное, «Доблестный» — подходящее имя.

— В свое время он сражался со всеми пиратами и монстрами вселенной. — Трипли снял его с полки и подержал в руках, будто взвешивая свое детство. — Мне его передала бабушка.

— А потом вы узнали, что пиратов не бывает.

— Увы, это так. По крайней мере они не летают на звездолетах. — Пальцы Трипли погладили полированный корпус. — Как говорит старая пословица? Материя наших снов…

Среди книг на полке были «Принципы образования галактик» Харкурта, «Одни во вселенной» Аль-Кафира, «Берега ночи» Мак-Адама, «Насколь-

ко видит глаз» Магрудера и «Пределы знания» Равакама.

Не тот подбор книг, которого ожидаешь от человека, управляющего большой корпорацией. Хотя никогда не знаешь.

В камине затрещало. Полено раскололось и осыпало комнату искрами.

— Красивый корабль «Охотник», — сказала она, чтобы направить разговор в сторону Кайла Трипли.

— Да, красивый. Я там был несколько раз, еще мальчишкой. Но в полете, к сожалению, ни разу.

— Он принадлежал Фонду Трипли где-то лет сорок? — спросила она.

— Тридцать три года и семь месяцев, если быть точным.

— И его продали после гибели вашего отца? — спросила Ким, нарочно путая факты, чтобы не проявлять излишней осведомленности в деталях.

— Его исчезновения, — поправил он. — Тело его не было найдено. Но продали его действительно через несколько лет после этого. Сохранять его у себя не было смысла — никто не интересовался исследованиями глубокого космоса. По крайней мере из тех, с чьим мнением считались. Вы же

знаете, для чего он использовался.

— Да, знаю.

Она знала, что Бентону в момент гибели отца было одиннадцать лет. Он жил с матерью и вряд ли часто видел прыгающего среди звезд Кайла.

— А вы не унаследовали интерес отца к межзвездным экспедициям?

Он пожал плечами:

— Не особенно. Он хотел найти в космосе жизнь. Конечно, если она там есть, я бы не отказался быть тем, кто ее обнаружит. Но не могу сказать, что готов посвятить этому деньги и время. Слишком много есть других дел. А шансы очень малы.

Он глянул на коммуникатор, посмотрев, сколько времени. Сигнал, что встреча заканчивается.

— Бен, — спросила она, — вы не думаете, что «Охотник» как-то связан со взрывом на пике Надежды?

Кажется, его лицо на миг окаменело, но трудно было сказать точно. Голос стал явственно прохладнее.

— Абсолютно не знаю. Но не понимаю, какая тут может быть связь.

— Тогда много говорили об антиматерии, — сказала она.

Его лицо сделалось подозрительным.

— Ким, я уверен, что вы собрали все подробности, которые смогли найти. Вот что: я тоже слышал такие теории. Видит Бог, я среди них вырос. Но я честно не могу себе представить, зачем бы Маркис или мой отец брали горючее с «Охотника», везли его в ту деревню и взрывали гору. Или, если на то пошло, как они *могли бы* это сделать. Вытащите элемент из магнитного контейнера, и она взорвется тут же. — Он глядел на нее взглядом не сердитым, но настороженным. Даже разочарованным. — А как *вы* думаете, Ким, что там случилось?

Она позволила себе отвести глаза.

— Не знаю, что и думать. Ведь действительно это был взрыв антиматерии…

— Нет никаких признаков.

— Продукты взрыва наводят на такое предположение.

Он покачал головой, показывая ей, что перестает верить в ее здравый смысл. Она могла бы сказать, что единственными людьми в округе, имевшими доступ к антиматерии, были Кайл и его отец. Но не надо было настраивать его против себя. В конце концов, она же не могла утверждать, что больше никто этого доступа не имел.

— Позвольте мне высказаться начистоту, —

сказал Трипли. — Вы думаете, что мой отец и Кейн проводили какой-то эксперимент и этот эксперимент вышел из-под контроля. Или что они были участниками кражи.

— Я этого не говорила!

— Это явно подразумевалось. — Он глядел на нее в упор. — Но этого не было. Мой отец не был физиком-экспериментатором. Он был инженером. И не мог участвовать в предприятии подобного рода. *Не мог.*

— А Маркис?

— Кейн был *капитаном звездолета.* — Он выпрямился в кресле. — Нет. Оставим это. Послушайте: я не больше любого другого знаю, что случилось в Северине. Но я чертовски хорошо знаю, что дело не в том, будто мой отец возился с топливным элементом. Может быть, это был метеор. Просто и ясно.

— Бен, — спросила она, — а не знаете ли вы, зачем Йоши Амара могла бы находиться на вилле вашего отца в момент взрыва?

Глаза его стали колючими.

— Что вас наводит на такую мысль? Я не слышал, чтобы *такое* обвинение выдвигалось.

Она слишком далеко зашла. Что теперь ему сказать? Что она нашла *туфлю* размера Йоши?

— Есть некоторые факты, — сказала она, бросаясь вперед.

— Можно ли спросить какие?

— Предмет одежды. Возможно, принадлежавший ей. Точно сказать нельзя.

— Понимаю. — Он снова поглядел на «Охотник». — Меня не убеждает. Ким, я надеюсь, вы к этому не будете возвращаться. Что бы там ни случилось, действующие лица давно мертвы.

Она кивнула:

— Не все. Некоторые все еще интересуются, что случилось с их родственниками.

Он хлопнул в ладоши:

— Вот оно что! Вот почему вы так похожи на Эмили.

— Да.

— Сестра? Дочь?

— Сестра.

— Мне очень жаль, — сказал он. — Действительно жаль. Я понимаю ваши чувства. Но это наша общая потеря, с которой надо просто смириться. — Он вышел из-за стола и проводил ее до двери. — Оставьте это, Ким. Я не больше вас знаю, что с ними случилось, но давно уже научился с этим жить. И вам советую.

«Ворлдвайд интериор» специализировалась на

внутренней отделке личных и корпоративных яхт высших руководителей. Компания о себе говорила, что, после того как «Интерстеллар» ставит электронику, «Ворлдвайд» создает среду и превращает корабль в дом.

Экскурсоводом Ким оказался Джейкоб Айзекс. Он, как гласила поговорка, перевалил в четвертую четверть, то есть был старше ста пятидесяти лет. Джейкоб начал седеть, походка его потеряла энергичность.

— Начальство считает, что я создаю достоинство, — сказал он Ким с улыбкой.

Действительно, в обществе, где почти каждый выглядел Молодым, люди, не скрывающие свой возраст, имели преимущество и им часто отдавали предпочтение при приеме на работу и в служебной карьере.

Они обходили виртуальный «Охотник», и Джейкоб рассказывал о возможностях корабля. Не о разрешающей способности локаторов или преимуществах ходовых систем, а о более косметических качествах. Конструкция корпуса и эстетические соображения. Обратите внимание на равновесие архитрава и портика. Посмотрите на террасы второго уровня. Такой корабль можно было бы поставить в самом аристократическом

месте Марафона, и он не казался бы неуместным. Если, конечно, не считать ходовых труб сзади.

И посадочного модуля, закрепленного под кораблем.

Ким объяснила, что работает над историей корпоративного флота за последние пятьдесят лет и потому заинтересовалась компанией «Ворлдвайд». Как и когда она начала заниматься отделкой корабельных интерьеров?

— Наша основательница, Эстер де Соль, начинала с торговли продуктами питания. Компания «Де Соль и Уиннетт». — Айзекс посмотрел на Ким, будто ожидая, что она вспомнит эту фирму. Она кивнула, будто вспомнила. — Легенда такова, будто Эстер полетела на Землю навестить родственников и обратила внимание, как плохо кормят на борту. Здесь она увидела свой шанс. Она приобрела контракт и стала снабжать звездолеты превосходной кухней по разумным ценам. Дальше пошло само. Много есть корпораций, которые занимаются обслуживанием двигателей и электронных систем, но отделкой должны были заниматься сами перевозчики. Дело было дорогое, хотя и необходимое, и делалось методом проб и ошибок.

— А теперь вы занимаетесь внутренней отдел-

кой всех видов.

— И внешней тоже. Мы называем это косметикой. Продуктами питания, кстати, мы больше не занимаемся — это направление мы продали много лет назад. Зато занимаемся всем остальным.

Он повел ее в операционный отсек посмотреть сам корабль. Тот плавал рядом со станцией, двое техников заменяли антенну.

— Он куда-то летит? — спросила Ким.

— Завтра, на Пасифику.

Айзекс подвел ее к входной трубе:

— Хотите заглянуть внутрь?

— Да, если можно.

Воздушный шлюз выводил на палубу, в галерею с дюжиной дверей. Складной трап вел на верхний уровень, и другой такой же, напротив первого, — на нижний.

Внутренняя отделка поражала элегантностью. Ковры и мебель высшего сорта. Арматура из серебра. Окна с гардинами, мебель полированная, стены декорированы фотографиями из недавнего прошлого «Охотника». Но ничего, относящегося к временам Фонда Трипли. И трудно было удержаться от сравнения «Охотника» с суровыми спартанскими судами, на которых Институт возил своих техников по окрестностям звезд.

Почти всю главную палубу занимал центр управления полетом. Айзекс провел Ким через него, показал столовую и комнату отдыха.

Кабина пилота находилась наверху. Они поднялись и остановились, ощущая дыхание истории. Последний полет Маркиса Кейна в качестве капитана. Внутри стояла пара кожаных кресел перед приборной панелью с экранами. Ким вошла и села в левое — кресло пилота.

Остальную часть второго уровня занимали жилые помещения. Интересно, где была каюта Эмили.

Служебные помещения — трюмы, кладовые и системы жизнеобеспечения — находились на нижнем уровне. Здесь было просторно, если учесть скромные размеры корабля, и уровень был разделен на пять герметических отсеков и центральный коридор, идущий вдоль хребта корабля.

— Кайл Трипли с самого начала планировал долгие полеты, — сказал Айзекс. — И потому у «Охотника» такие просторные трюмы, как сами видите. А система очистки воды, когда ее ставили, опережала свое время.

Грузовые трюмы находились с обеих сторон от прохода. У каждого был отдельный погрузочный

люк, отдельный кран, сортировщик и съемная палуба. Джейкоб показал холодильный отсек.

— Почти все это пространство нами сейчас не используется. В каботажных полетах это не нужно.

Левый погрузочный люк был шириной в отсек, куда он открывался.

— Трипли всегда верил, что найдет где-нибудь развалины, построенные не нами. Не людьми. И он хотел иметь возможность привезти образцы, не стесняясь размерами люков.

– *Развалины?*

– Да. Он был убежден, что другие цивилизации развились когда-то, но считал, что они уже все погибли. Что найти живую цивилизацию очень мало шансов. И что наша собственная уже на стадии упадка. И был прав.

Ким удивилась:

— Прав? В чем?

— Хм! — Настала очередь Айзекса удивиться. — Доктор Брэндивайн, мы же летим ко всем чертям. Вы это знаете. Сейчас каждый сам на себя не похож. Не то что в старые времена.

— А! — сказала она.

Они вышли, беседуя, и Ким соглашалась, хотя и не считала, что времена изменились к худшему.

Коридор закончился у входа в отсек силовой установки.

— Джейкоб, — сказала Ким, — я бы хотела знать, можно ли мне взглянуть на эксплуатационные журналы.

Солли был уверен, что эти журналы, в отличие от бортовых, хранятся на корабле в течение всей его жизни.

— Если хотите, — ответил он. — Не вижу в том никакого вреда. — Он постучал по панели управления, установленной рядом с дверью. — Но мне казалось, что эксплуатационные журналы — чтение скучное.

— Дело в том, что я об этих вещах знаю недостаточно. Эксплуатационные журналы дадут мне почувствовать, что это значит — держать такой корабль в рабочем состоянии.

— Может быть, мне связать вас с начальником эксплуатации? Он ответит на все ваши вопросы.

— Нет-нет, — отказалась она. — Не надо людей беспокоить.

Айзекс пожал плечами и вызвал меню. Ему не сразу удалось найти то, что он хотел. В конце концов, его профессией был пиар. Но через несколько минут Ким увидела историю эксплуатации Экваторианского Межзвездного Корабля (ЭМК) с

бортовым номером 4471886. Джейкоб поднялся и уступил место Ким.

Она пролистала записи настолько небрежно, насколько была способна, делая невинные замечания о степени смазки и периодах между осмотрами двигателей, все время делая вид, что ее интересует это так, вообще.

Потом вернулась к началу. «Охотник» вступил в строй третьего средизимника 544 года.

— Чертовски много работы требуется, чтобы содержать такой корабль, — сказала она.

Айзекс согласился. Она стала листать дальше, привыкая к системе, выдававшей вид обслуживания или ремонта и подпись техника, который его выполнял. Заметила серьезный профилактический ремонт, сделанный в 572 году перед отлетом на Сент-Джонс. Через пару недель был последний осмотр на дальнем форпосте перед отлетом «Охотника» к Золотой Чаше.

Тридцатого марта корабль вернулся в Небесную Гавань и прошел еще один генеральный осмотр. Ким бегло проглядела записи и увидела, что был заменен шлюз в грузовом трюме левого борта и потребовался ремонт прыжковых двигателей. Интересно, что было со шлюзом, но в журнале об этом ничего не было. Что до двигателей, здесь

Ким не хватило знаний, чтобы понять значительность повреждений. Указывались номера замененных деталей и сообщалось, что двигатель исправен.

Фамилия техника была Герхард. Можно было бы узнать и имя, но это не важно.

Ким просмотрела еще несколько страниц, поблагодарила Айзекса за помощь и ушла.

7

Где вы теперь, и слава и мечты?

Уильям Уордсворт, «Предвестия бессмертия», 1807 г. н.э.

На следующий вечер Ким села в шаттл, идущий к «Королеве звезд». Бывший лайнер сиял иллюминацией, и с земли казалось, что в небе появилась новая звезда, по крайней мере на эту ночь.

Двух одинаковых межзвездных лайнеров не бывает. Даже корабли одинаковой конструкции красят и оснащают так, что не возникает сомнения в их уникальности. Некоторые имеют внешность стиля рококо, похожие на большой замок прошлого столетия, другие напоминают торговые пассажи с пешеходными дорожками и парками, третьи отличаются строгой эффективностью современного гостиничного комплекса. Конечно, есть некоторые ограничения, накладываемые основным предназначением корабля, — чтобы он не развалился при наборе скорости или смене курса.

«Королева звезд» была похожа на небольшой

город на блюде. Подлетная труба была сконструирована так, чтобы давать максимальный обзор. Ким видела виртуальные изображения «Королевы», но оригинал, увиденный вблизи, заставил ее задержать дыхание.

Новые владельцы очень постарались создать впечатление живого корабля, который в любой момент может полететь к Сириусу или Солнцу. Огромный цифровой баннер посередине корабля гордо сообщал его имя черными буквами.

В шаттле было человек десять. В основном, как решила Ким, старшие сотрудники различных корпораций Небесной Гавани, приглашенные на торжество. Один мужчина пытался втянуть ее в разговор, но Ким жалась и мялась и он отстал. Она вообще-то не была против дорожных приключений, но сейчас ее слишком донимали собственные мысли, чтобы флирт доставлял удовольствие.

У причала шаттл встретила музыка, носильщики-автоматы и агенты гостиниц, готовые помочь. Чья-то съемочная группа поодаль смотрела на кого-то, кого Ким не видела.

Она однажды бывала на «Королеве», сразу после колледжа, интерном Института, и сейчас прошлась по выставке, чтобы освежить память о той

поездке. Вот памятник Максу Эстерли, на котором он изображен за консолью компьютера, — очевидно, он работал над конструкцией двигателей, которые сделали возможным создание лайнеров класса «Королевы». Вот президентская каюта, где Дженнифер Гранвиль создавала Устав. На стеклянной палубе, названной так за открывающийся с нее вид, от руки наемного убийцы погиб Пий XIX, последний из официально признанных пап. Мемориальная доска на входе в главную столовую, откуда специальный отряд начал штурм группы минагванских террористов, захвативших корабль и удерживавших его семнадцать мучительных дней — этот акт был прелюдией к войне.

Али Бакаи и Наримото Добрый тайно встретились на «Королеве звезд», чтобы заключить Ариманский мир, которого не хотели избиратели ни того, ни другого. Знаменитый Якима Таи давал здесь свой последний концерт, после которого они с женой покончили жизнь самоубийством. В баре средней палубы висела мемориальная доска, отмечающая вымышленное место, где Вероника Кинг встретила своего помощника, телохранителя и биографа Архимеда Смита. Еще одна доска отмечала каюту, в которой Дель Делласандро на-

писал «Ипохондрики тоже болеют». А в главном вестибюле написанная маслом картина увековечила момент величайшей гордости «Королевы»: нападение крейсеров Пандика Второго возле Пасифики, когда «Королева» везла повстанцам припасы, технику и запчасти.

Ким посмотрела на мониторе номер своей каюты. В каюте ее ждал букет орхидей с наилучшими пожеланиями от Коула Мендельсона, координатора сегодняшнего вечера. Каюта была маленькой, как и следовало ожидать на межзвездном корабле. Но она была и роскошной, несколько излишне для такой тесноты. Отделка, драпировка, покрывала на кровати, мебель — все казалось слишком ярким.

Обычно Ким пошла бы сразу в душ, но сейчас она села на кровать и сбросила туфли. Потом подключилась к терминалу и ввела фамилию Герхарда с указанием для поиска: ТЕХНИК, ПРЫЖКОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ.

Ответ пришел сразу. Параметрам поиска удовлетворял Уолт Герхард, работающий на компанию «Интерстеллар» в Небесной Гавани.

Ким набрала номер оператора «Интерстеллар» и попала на клон Мелиссы.

— Я ищу Уолта Герхарда, — сказала она.

Клон Мелиссы глянул на монитор прочесть имя Ким.

— Извините, доктор Брэндивайн, он сейчас не на работе.

— Вы не могли бы соединить меня с его квартирой?

— Это не в наших правилах. У вас что-то срочное?

— Нет, ничего. Вы не могли бы мне сказать, когда его можно увидеть?

— Минутку, пожалуйста. — Женщина коснулась клавиатуры, снова посмотрела на экран и поджала губы. — Завтра он в дневной смене. Что-нибудь ему передать?

— Нет, ничего. Спасибо.

Не стоит слишком светиться. Если тогда случилось что-то необычное, лучше никого не настораживать.

Торжество проходило в главной столовой. Перед ораторами и почетными гостями стоял стол на возвышении. Стены были увешаны флагами и вымпелами, ленты и цветы повсюду.

Ким надела бордовое вечернее платье с орхидеей из букета Коула. Вырез был скромным, но платье облегающим, и Ким сообразила, что это будет подчеркнуто затененным освещением три-

буны. Из опыта она знала, что собравшиеся здесь воротилы считают Институт конторой скучной, устаревшей и сухой. Поэтому она тщательно подрывала это мнение. Оказалось, что женское обаяние этой задаче не вредит, а также часто может использоваться для раздувания щедрости жертвователей.

Коул оторвался от какого-то разговора, заметил ее, помахал рукой и направился к ней. Он был рыжим, неопределенного возраста, с длинными тонкими пальцами, а на лице у него было добродушное, но слегка отсутствующее выражение — кажется, это было частью форменной одежды советников по отношениям с общественностью. Ким улыбнулась в ответ, зная, что Коул точно так же думает о ней.

— Рад тебя видеть, Кимберли, — сказал он, они обнялись, она поцеловала его в щеку и поблагодарила за цветы.

Они встречались на деловых завтраках, по которым Коул ездил последний год, налаживая контакты, подчеркивая преимущества использования «Королевы звезд» для конференций переубеждая всех, кого нервировал даже полет с планеты на лифте. Он был отличным продавцом — то есть умел смотреть людям прямо в глаза,

делая самые абсурдные заявления. Но он их делал жизнерадостно, подмигивая, так сказать, если можно так выразиться, знаете, я это глубоко не изучал, но дело стоящее, это не совсем так, понимаете, дело все равно отличное, и вы за свои деньги получаете настоящий товар.

Он представил ее гостям, и она внимательно запоминала имена и лица. Это сегодня будет полезно, а в будущем тоже может пригодиться. Не так легко повернуться спиной к человеку, с которым когда-то был на «ты».

— У меня для тебя есть особый гость, — сказал он, ведя ее через зал. В сторону Бентона Трипли. Бентон увидел их, извинился перед своими собеседниками и пошел навстречу. Потом он появился перед ней, как-то фрагментированный, будто его было слишком много, чтобы охватить взглядом. Он скользнул глазами по ее голым плечам, посмотрел в глаза с таким видом, будто заключил, что она — низшая раса и ничто его не убедит в обратном, но что он это ей в вину не ставит.

— Рад снова вас видеть, Ким, — сказал он непринужденно. Она сказала, что тоже рада, и Коул был приятно удивлен тем, что они знакомы.

— Старые друзья, — улыбнулся Трипли. Не

прикасаясь к ней физически, он, казалось, сразу заявил на нее свои права. — Не мог удержаться и не прийти, когда услышал, что вы будете выступать, — сказал он.

Произошел обмен еще несколькими подобными репликами, и Трипли отошел, увидев человека, с которым ему надо было поговорить. Ким почувствовала, что ей стало легче дышать.

К началу торжества в банкетном зале собралось человек четыреста. Конечно, это была толпа избранных, красиво облаченных в шелка и атлас. Мужчины в золотых или белых шейных платках и вошедших в последнее время в моду кушаках, женщины в облегающих вечерних платьях, иногда почти не оставляющих простора воображению.

Официанты внесли блюда с мясом, овощами и фруктами. Перед Ким оказалась бутылка вина, но она пока пить не стала, решив отложить это на после выступления. Она сидела возле трибуны рядом с исполнительным директором отеля Таликой Мак-Кей. Это была миниатюрная шатенка с ангельскими глазами, благожелательной улыбкой, искрящейся речью и состраданием акулы. Ким дважды видела ее в действии, когда события начинали идти не так, как задумано.

Трипли сидел в центре зала, занятый серьезным разговором с соседями, но иногда его взгляд падал на Ким. Когда это случалось, в его глазах появлялась сила и вся комната расплывалась, а Трипли оказывался в фокусе. «Я знаю твою тайну, — казалось, говорил он. — Ты — женщина, которая гоняется за призраками. Ты пришла сюда и притворилась человеком науки, но ты всего лишь красивая пустышка и больше ничего».

За главным столом сидели Мак-Кей и Ким, президент Ассоциации путешественников Гринуэя и Абел Доннер, который руководил переоборудованием лайнера в отель. Мак-Кей выполняла функции церемониймейстера.

Когда обед подошел к концу, Мак-Кей взошла на трибуну, приветствовала всех на открытии отеля «Королева звезд», слегка подчеркнув слово «отель». Он, сказала она, продолжит традиции прославленного лайнера. Она кратко описала возможности «Королевы звезд», рекомендовала их для обучения руководителей и представила президента и председателя совета директоров, каждый из которых кратко выразил свое удовольствие от этого представления.

Она описала некоторые из отпускных программ, которые будет предлагать отель, указала

на особые отношения, всегда существовавшие между «Королевой звезд» и Институтом Сибрайта, после чего повернулась к Ким, которая как раз гадала, что это за особые отношения.

— Наш главный оратор на сегодняшнем вечере…

Ким поняла, что за политика привела ее на сегодняшнее торжество. Кто-то из правления «Королевы звезд» был обязан одолжением кому-то из Института. Им нужен был представитель, Институту была нужна реклама, и вот, пожалуйста — Брэндивайн на трибуне. Она понимала, что должна выступить с рекламой Института, но знала также, что от нее ждут добрых слов об отеле.

Трибуны пережили века технического прогресса, потому что служили барьером, за которым оратор может укрыться. Ким не любила их именно из-за этого: они закрывали ее от публики. Если бы можно было, Ким отодвинула бы трибуну в сторону.

— Спасибо, доктор Мак-Кей, — сказала она, потом произнесла обычные приветственные слова, рассказала пару собственных шуток и описала тот случай из своей жизни, когда она побывала на «Королеве звезд». — Я была тогда интерном в Институте, и мы должны были лететь в физи-

ческую лабораторию на Жаворонке. Оказалось, что только что причалила «Королева», она вернулась с Кариби. Мелкая деталь, но я ее никогда не забываю. Сколько от нас до Кариби? Восемьдесят с чем-то световых лет? На борт лайнера пускали посетителей, а у нас как раз было время, и мы сюда пришли — вон через тот вход. Мимо папоротников. В этот самый зал. Капитан и двое офицеров пожимали руки пассажирам, прощались, а я пыталась себе представить, откуда они явились, как огромна пустота между Гринуэем и Кариби.

Все мы знаем: были времена, когда все полагали, что такое путешествие невозможно. И никогда не будет возможно. То, что мы принимаем как данность, было чьей-то мечтой.

Автоматический зонд с Земли к Альфе Центавра мы запустили девятьсот лет назад. Альфа Центавра, как вы, конечно, знаете, всего лишь в четырех световых годах от Солнца. В *четырех.* Но этот зонд *все еще летит.* Он даже полпути не прошел. И мы спрашиваем себя: зачем они дали себе этот труд? Когда зонд долетит, их давно уже на свете не будет. Уже две тысячи лет как они будут мертвы. Так зачем они это делали?

А зачем мы только что взорвали Альфу Мак-

сима? Нас тоже много тысяч лет как не будет в живых к моменту прихода возможного ответа. — Ким остановилась и выпила воды. — Я вам скажу зачем. Зонд к Альфе Центавра мы запустили по той же причине, по которой построили прыжковые двигатели, дающие силу «Королеве»: мы не любим горизонтов. Не любим пределов. Мы всегда стараемся за них заглянуть. Ведь не останавливаемся же мы у края воды? Что для нас берег, как не стартовая площадка, с которой мы бросаемся в будущее?

Трипли отвлекся и смотрел в какую-то точку на потолке.

— Сегодня мы собрались проводить на покой один из символов этой мечты. «Королева» полтора столетия возила людей и грузы между Девятью Мирами. Она заслужила отдых. И приятно знать, что она нашла свой покой там, где будущие поколения смогут ее *коснуться.* Смогут узнать хоть немногое из того, что она значила.

От «Королевы» Ким перешла к исследовательским кораблям» работающим на Институт, вспомнила вклад Макса Эстерли в технологию прыжковых двигателей и закончила выражением надежды, что эти корабли будут и дальше раздвигать границы.

— Многие из нас задаются вопросом: почему космос так велик, так непомерно огромен, что мы видим лишь малую его долю? Как бы мощен ни был телескоп, существует целая вселенная света, который просто еще не успел до нас дойти. Пятнадцать миллиардов лет прошло, и он просто еще не добрался. Что ж, быть может, это устроено для того, чтобы нас уверить: как бы далеко мы ни зашли, всегда останется горизонт, бросающий нам вызов. Всегда впереди очередной поворот реки.

Трипли вернулся в зал из эмпирей, где витал, заметил, что Ким на него смотрит, и постарался придать себе вид благосклонного интереса.

После речи к ней подходили люди и спрашивали о текущих проектах Института — безошибочный знак, что презентация была сделана хорошо. Говорили о «Маяке», и президент Ассоциации путешественников Гринуэя, красивая блондинка в зеленом с белым платье, поинтересовалась, можно ли осуществить что-нибудь подобное в гиперпространстве: послать сигнал «всем, всем, всем» и чтобы не пришлось ждать ответа два миллиона лет.

— Проблема в направленности, — ответила Ким. — Невозможно послать передачу, расхо-

дящуюся во все стороны. В гиперпространстве связь обязана быть направленной. Но если бы мы знали, где живут обитатели неба, то могли бы послать им свой привет.

Когда отошли последние собеседники, Коул и Мак-Кей пожали ей руку и тут же подошел Трипли.

— Речь была отличной, Ким, — сказал он, когда они остались одни. — Но я знаю, что вы сами в это не верите.

— Во что я не верю? — довольно прохладно спросила она.

— Что мы не останавливаемся у края воды. Что не любим пределов. — Он говорил так, будто это само собой разумелось.

Ким, разумеется, никак не была выше того, чтобы сделать небольшую натяжку, говоря с возможным жертвователем. Но в то, что любопытство и погоня за знаниями — основа человеческого характера, она действительно верила.

— А вы? — спросила она.

— Что я?

— Вы миритесь с границами?

— Это другое дело.

— Почему?

— Я — это я. А вы говорите о биологическом

виде.

— Мы все устроены примерно одинаково, Бен. Когда вы *действительно* захотите замкнуться в статус-кво и сидеть на крылечке, дайте мне знать. Мне очень хочется посмотреть.

— Переводить разговор на меня — это демагогический прием. А на самом деле настало время взглянуть правде в глаза Ким. Мы миновали вершину. Все вот это, — он обвел рукой зал, — очень грустно. Звездолеты возвращаются домой. Мне это не нравится, для моего бизнеса это плохо. Но такова реальность. Мы отступаем на Девять Миров, и большие корабли кладут в нафталин. Я не скажу этого никому другому, а если вы меня процитируете, буду все отрицать, но мечта, о которой вы говорили, умерла еще до вашего рождения. Просто ее труп еще не остыл.

— Если вы правы, — сказала Ким, — то у нас нет будущего. Но я еще не готова бросать карты.

— Рад за вас. — В его голосе звучал холодок. — Но вы не хотите смотреть в глаза фактам. Гринуэй и другие миры уходят в себя навсегда. Уже никто никуда не стремится. Для огромного большинства людей жизнь стала слишком хороша. Сиди дома и развлекайся. Пусть все делают машины. Я вам скажу, что я думаю о «Маяке»: пусть завтра

кто-то откликнется и, если это не будет для нас угрозой, никто и не почешется.

Ким пила клубничный коктейль, одновременно холодный и согревающий. Отличный напиток.

— Вы считаете, что все катится под гору.

— Последние дни империи, — сказал он. — Хорошее время для жизни, кроме самого конца. Если вы — гедонист, как все люди.

— И вы гедонист, Бен?

Он задумался над вопросом.

— Не только, — сказал он после паузы. Его глаза впились в глаза Ким. — Нет. Вам не стоит принимать меня за гедониста.

За вечер Ким обошла столько гостей, сколько смогла. Каждого она приглашала в Институт, обещала частные экскурсий и знакомство с группой, осуществившей проект «Маяк». К двум часам ночи, когда она вернулась к себе в номер усталая и более чем слегка навеселе, она была довольна своей работой на благо боссов.

Но после шести часов изнурительной нагрузки она не могла сразу заснуть.

Взяв из автомата чашку горячего шоколада, она переоделась в пижаму, проглядела книжные полки и выбрала «Королеву в огне» описание

службы корабля во время войны с Пасификой. Полчаса она почитала, а потом велела номеру погасить свет.

Свет медленно погас. Женский голос спросил, не нужно ли ей еще что-нибудь.

Ким подумала и выдала инструкции.

Она легла на спину, глядя в темноту, и думала о словах Трипли. «Конец империи». Наверняка люди всегда говорят что-нибудь подобное. «Люди всегда думают, что живут в разрушающемся мире».

Вокруг нее появилась полетная палуба «Королевы звезд».

«Капитан, у нас компания», — прозвучал ровный голос Сайреса Клейна.

На экране отобразилась ситуация. К ним наперехват с левого борта неслись восемь отметок.

Ким села в кресло командира:

«Вы их можете идентифицировать, мистер Клейн?»

«Через секунду, капитан», — ответил он, щурясь и ожидая, пока сигнал прояснится.

«Предполагаем худшее, — сказала она. — Полный вперед. Экраны поднять. Где наше сопровождение?»

8

Правда похожа на наготу: иногда она необходима, но всегда опасна, и ее не должно показывать открыто. Правда придает жизни величие, но лишь вежливая выдумка делает жизнь терпимой.

Рэндл Абрам, «Письма к моему сыну», 241 г.

Утром Ким позавтракала с Коулом, поблагодарила его за гостеприимство, отправила сумку в Терминал и села на шаттл до Небесной Гавани.

Рабочие подразделения «Интерстеллар» находились в нижних ангарах Сливовой Палубы, названной так за цвет стен. Ким вышла на служебную палубу и спросила, может ли она говорить с Уолтером Герхардом. Сообщив свое имя, она села ждать. Через несколько минут в дверь заглянул мускулистый человек с кожей цвета черной слоновой кости.

— Доктор Брэндивайн?

— Мистер Герхард?

Он улыбнулся и протянул руку:

— Вы хотели меня видеть?

— На несколько минут.

— Я ничего не покупаю.

— Я ничего и не предлагаю. Могу я повести вас на ланч?

Он поглядел на нее внимательно, пытаясь понять, что ее сюда привело.

— Еще рано, доктор. Но все равно, спасибо. Чем я могу быть вам полезен?

— Насколько у вас хорошая память?

— Не жалуюсь. — Он завел ее в кабинет. — Вы из кадров?

— Нет. Я не связана с компанией.

Он предложил ей стул и сел сам.

— Так что вы хотите, чтобы я вспомнил?

— Я хочу вернуться на двадцать семь лет назад.

— Немало.

— Вы делали ремонт прыжковых двигателей на яхте, принадлежащей Фонду Трипли. На «Охотнике».

Его лицо закаменело.

— Не помню, — сказал он. — Двадцать семь лет — это долгий срок.

— У «Интерстеллар» должны сохраниться записи. Как вы думаете, имеет смысл у них проконсультироваться?

— Не при таком сроке.

— Вы действительно не помните, что делали на «Охотнике»? Совсем?

— Нет. — Он встал. — А почему я должен помнить? И вообще, что все это значит?

— Я делаю работу по Фонду Трипли. «Охотник» — это ключевой момент. Он был личной яхтой Кайла Трипли.

— Из такого давнего я ничего не помню. — Герхард тянулся к двери, ему явно не терпелось уйти. — Еще вопросы?

— Я не из полиции, — сказала она. — Я никого ни в чем не подозреваю.

— Простите, что вынужден прервать нашу беседу, но мне действительно нужно работать.

И он буквально вылетел из комнаты. Ким только уставилась ему вслед.

* * *

Катастрофа, в которой погибли родители Ким, была из тех аномальных событий, которые считаются невозможными. Люди иногда погибают. Они падают на горных восхождениях, выходят в море в шторм, погибают от судорог в воде, но транспорт — вещь безопасная на сто процентов. Или очень близко к тому.

Потом Ким взяла к себе тетя Джессика, и среди многих даров этой милой женщины Ким получила любовь к таинственным историям. Хотя для знакомства с Вероникой Кинг ей понадобился Маркис Кейн.

В поезде на обратном пути Ким углубилась в «Ужас Паркингтона», одно из ранних приключений эксцентричного частного сыщика. Дом детектива на Мур-Айленде был полон археологическими находками эпохи раннего заселения. Атмосфера была готической, драма сюжета разворачивалась в развалинах среди океана или в далеких горных убежищах, где из окон комнат и мансард глядело безумие их строителей.

Но Ким не удавалось выбросить из головы беседы с Трипли и Герхардом. Исполнительный директор убедил ее, что, если что-нибудь и произошло в последнем полете, он этого не знает. И не хочет знать.

А Герхард что-то скрывал. Интересно, какую тайну он может охранять? Судя по его реакции, эта тайна до сих пор может причинить ему неприятности, даже после стольких лет. Единственное, что приходило ей в голову, это то, что на «Охотнике» не было неисправности или была, но *другая,* не та, о которой было заявлено, и Герхард подде-

лал записи. Если так, значит, «Охотник» вернулся не из-за необходимости ремонта. Но какие еще могут быть причины?

Даже если Шейел прав и контакт был, зачем такая секретность?

«Морской орел» стал слегка покачиваться, и в салон проник свежий соленый воздух. Иногда пролетал встречный поезд.

Ким открыла канал в свой офис.

— Привет, Ким! — сказала Андра. — Как там «Королева звезд»?

— Ушла из этого мира, — ответила Ким. — Ты занята?

— А как же! У меня всегда работы по горло. Ты сама знаешь. — Знаю. Когда разгребешь эту кучу, сделай кое-что для меня. В 573 году был взрыв в долине Северина. Взлетел на воздух склон горы, много людей погибло. Слыхала про это?

— Смутно. — Это значило «нет».

— Это случилось на пике Надежды. Я тебя прошу, чтобы ты нашла по этому событию все, что сможешь, и выложила мне. Репортажи, статьи, рапорты полиции — все, что будет. Один из погибших, Кайл Трипли, только за пару дней до того вернулся из межзвездной экспедиции на «Охотнике». Примерно в то же время исчезли два

других члена экипажа, женщины. — Ким назвала имена. — Найди по ним все, что будет, узнай, чем они занимались в свободное время, с кем дружили — все вообще. И по Кайлу Трипли тоже. Он был исполнительным директором «Интерстеллар». И еще я хочу знать, был ли кто-нибудь арестован и вообще предъявлялись ли обвинения.

— Ладно. А можно спросить зачем?

— Сама еще не знаю, Андра. Ты можешь сегодня после обеда мне все это выдать?

— Если ты хочешь.

— Заранее спасибо. И пошли это все ко мне домой, я прямо туда. И еще, Андра…

— Да?

— В Вилинг-Бэй есть женщина-археолог, Тора Кейн. Посмотри, ты мне можешь организовать завтра поездку туда к ней?

Ким откинулась в кресле, положив электронную книгу на колени, и закрыла глаза. По спине бежала беспокойная дрожь.

Дома она нашла записку от Мэтта с поздравлением по поводу события «выдающегося, если судить по репортажам». Кроме того, на три часа у нее была назначена встреча с Торой Кейн в месте, названном Колсон-сайт, рядом с кабиной для вызова такси.

Если не считать бывших жен, единственным известным родственником Кейна и единственным человеком, с которым он поддерживал близкие отношения, была его дочь Тора. В отчетах приводились ее слова, что отец никогда уже не был прежним после события на пике Надежды, что он пытался остаться жить в Северине, надеясь на восстановление деревни. Но никто больше этого не хотел. Слишком много горьких воспоминаний. А потом сообщили, что плотину будут сносить.

Бывшие жены устроили каждая свою жизнь. Кажется, они не держали зла на Кейна, но было очевидно, что после истечения срока брака никаких отношений не сохранялось.

Ким смотрела снимки дочери Кейна, когда прибыли файлы с информацией по Эмили, Йоши и пику Надежды.

Взяв себе на обед сыр и фрукты, Ким вернулась в гостиную, села за кофейный столик, сходила за вином и велела Шепарду начинать.

Конечно, почти все, что Андра накопала по Эмили, Ким давно и хорошо знала. Дата поступления в школу, написанные ею статьи, должность младшего руководителя в «Вайдбейз коммюникейшн» до перехода в Фонд.

Но, читая статьи, глядя на фотографии, помещенные среди характеристик, данных ей коллегами, Ким начала понимать, что никогда и близко не понимала настоящую Эмили Брэндивайн.

Одна выдержка из типичного эссе Эмили выдавала ее глубочайшую увлеченность:

> Где-то далеко другие глаза, не наши, смотрят на звезды. И пусть не будет в этом никакого сомнения. Будь это не так, пришлось бы нам признать, что наше существование почти лишено смысла – можно только есть, пить и размножаться. Мы пробудились к жизни на берегу бесконечного моря. Какая бы сила ни сделала это, она, несомненно, хотела, чтобы мы не были одиноки, чтобы мы ушли в это море и составили карты его течений и глубин, исследовали его острова и обняли встреченных нами мореплавателей.
>
> К сожалению, эти острова дальше друг от друга, чем мы могли бы себе представить. Среди нас многие считают, что нужно все это оставить и просто сидеть дома. Быть довольными нашими теплы-

ми солнцами, плавать вдоль берегов. Но я скажу, что если мы пойдем этой дорогой, то потеряем то, что более всего сохраняет нас: тягу рваться в неизвестное. Если же мы будем верны себе, то неизбежно настанет день, когда мы поднимем бокалы с братьями и сестрами, рожденными под светом чужих солнц.

Несколько пафосно, но в искренности автора сомневаться не приходится. Эмили не готовилась стать ученым и потому заключения строила более на основе эмоций, нежели фактов. Человечество не может быть одиноким, потому что вселенная так *огромна.* Потому что нам надо с кем-то поделиться своими мыслями о ней.

Реальность же, конечно, состояла в том, что появление жизни на Земле, очевидно, потребовало стечения обстоятельств столь необычного и счастливого, что это событие вполне может оказаться и уникальным. Вполне возможно, что человечество является единственным разумным видом на всех этих миллиардах световых лет. Ночью, в темноте, у Ким закрадывалось подозрение, что так дела и обстоят. Она никому бы в этом не призналась, даже Солли. Слишком много лет она

агитировала за проект «Маяк» — единственный проект Института, который мог заинтересовать нужных людей.

Йоши Амара письменных работ не оставила, если не считать ее диссертации, относящейся к термодинамике атмосферы. В команду Трипли она попала, когда ей было чуть за двадцать. Полет на «Охотнике», как определила Ким, был ее первым путешествием за пределы родного мира.

Она посмотрела видеозаписи. Эмили уговаривает Торговую палату Альгонды поддержать общественное финансирование для пожилых граждан; Эмили выступает перед первокурсниками Университета Меллинды семьдесят первого года, преподавая то, что обычно преподают уже аспирантам; Эмили участвует в симпозиуме по теме «Куда лежит наш путь?» — симпозиум был посвящен не космическим исследованиям, а уменьшению населения, и Эмили увлеченно отстаивала идею агитировать народ заводить побольше детей.

Ким переключилась на файл Трипли и увидела Кайла на заседании основателей Фонда, старающегося объяснить, почему важно продолжать поиск внеземного разума. Он и мысли не допускал, что таковой может не существовать. Ему

пришлось повозиться — спор был нелегок. Кто-то из публики заметил, что все мы знаем, как ведут себя люди, и если внеземные разумные существа действительно существуют и ведут себя так же, как мы, то, быть может, лучше их не искать. Пусть себе живут.

К полуночи Ким заключила, что все товарищи Эмили по «Охотнику» — Трипли, Амара и Кейн, пилот — были именно такими, как казались. Может быть, действительно, все они, кроме Кейна, балансировали на грани фанатизма, и Эмили в том числе, но не приходилось сомневаться, что достигни они успеха в своем поиске чужой цивилизации, встреть хоть что-нибудь живое за пределами Сент-Джонса, они бы растрезвонили об этом на весь мир.

Значит, Шейел ошибся. Не мог не ошибиться. И все же оставалась большая вероятность, что туфля с виллы принадлежала Йоши.

И Герхард что-то скрывает. По записям выходит, что он почти тридцать лет назад выполнил рутинный ремонт. А когда она об этом упомянула, он тут же понял, о чем идет разговор. По взрыву на пике Надежды и его последствиям Андра прислала несколько сот документов.

Ким рассматривала изображения местности

до взрыва и сразу после. Конечно, был кратер диаметром километр с четвертью, будто бросили атомную бомбу. Деревья далеко вокруг были вырваны с корнем и обгорели. Долину выкосило.

Картин разрушений было буквально сотни — разбитые дома, пылающие пожары, пробивающиеся в руины спасатели, уцелевшие, застывшие в шоке или бесцельно бредущие среди развалин.

Расследование оценило мощность взрыва в несколько килотонн. Но радиации не было. Правительственная комиссия записала в заключении: «Причины не установлены».

Никаких записей о пропаже топливного элемента с какого-либо корабля не обнаружилось, равно как и о неправильной утилизации отработанных элементов. Конечно, в планы преступника не входило быть пойманным, а записи не так уж трудно подделать.

Расследование взрыва и расследование исчезновения двух женщин велись независимо. Ни одно не дало результата.

Мемориальный музей «Могучего Третьего» был посвящен подвигам Третьего флота во время короткой, но кровавой войны с Пасификой. Когда-то доминировала теория, что межзвездной войны не будет никогда из-за ограничений потребляе-

мой энергии, проблем подчинения враждебного населения целой планеты, невозможности навязать бой межзвездным силам противника, если те захотят его избежать, и того простого факта, что никто не сможет украсть столько, чтобы стоило тащить домой.

Все эти рассуждения рухнули, поскольку основывались на допущении, что война есть рациональное действие, предпринимаемое ради рациональной цели.

Очень мало лидеров в истории подсчитывали соотношение затрат и прибылей перед тем, как ввязаться в бой. Короли часто провоцировали конфликты с единственной целью: накормить свои войска за чужой счет. Либо для того, чтобы убрать из страны десятки тысяч недовольных и направить их агрессию в другую сторону, как было во время Крестовых походов, а еще — на Тигрисе во время Андрейских войн.

Историки все еще спорили о деталях постепенного шестидесятилетнего сползания к единственной известной межзвездной войне между Гринуэем и Пасификой. Это была война, которой ни одна сторона не хотела. Критическим фактором оказалось всеобщее убеждение, что вооруженный конфликт невозможен, а потому

оба правительства безоглядно пользовались угрозами и демонстрациями силы.

Стрельба началась с того, что эсминец флота Пасифики принял круизный корабль за шпионский и открыл огонь, убив 212 пассажиров и почти всех членов экипажа. Когда Пасифика отказалась принести извинения (корабль действительно отклонился от курса), шаги, ведущие к войне, промелькнули как в ускоренном показе.

Конфликт бушевал полтора года. Было несколько больших битв. На третьи стороны налагали эмбарго, в налетах на военные цели погибли десятки тысяч людей, электронное оружие глушило энергетические сети и компьютерные системы.

Имя Маркиса Кейна было в этой войне прославлено. Он начал ее капитаном корабля сопровождения и закончил командующим эскадрой эсминцев. Получил полдюжины орденов. Отомстил за самое большое зверство этой войны — нападение на Хаталан, — уничтожив линейный крейсер «Хаммурапи», который возглавлял атаку. Но самым его известный подвиг был совершен в битве у Армагона, когда его эскадра прорвала атакующий строй эсминцев. Его собственный корабль, знаменитый 376, получил серьезные повреждения и одно время считался

погибшим. Кейн привел его назад истыканным пробоинами, с разрушенной навигационной системой, с вышедшим из строя вооружением, с перебитым наполовину экипажем. Но он появился в родных небесах под всеми вымпелами.

Подвиг вошел в легенды и песни. О нем были написаны книги, и мало кто из мальчишек Гринуэя не играл в капитана Кейна на Триста семьдесят шестом.

Третий флот был главной атакующей силой Гринуэя. Он добыл почти все победы и понес почти все потери. Его командующий стал премьер-министром за свои заслуги, а его ветераны все еще собирались в память побед.

Мемориальный музей Могучего Третьего располагался на мирном холме на восточной окраине Сибрайта, где, согласно преданию, впервые высадились на Гринуэе люди с Земли. Он гляделся в воды отражающего его озера за тщательно подстриженным зеленым газоном и пешеходными дорожками. Посадочные площадки принимали ежедневно сотни посетителей.

Ким вышла из такси и пошла к музею по извилистой тропе мимо группы древних дубов. Считалось, что два самых старых были посажены первыми пассажирами «Созвездия». Но это со-

бытие произошло шестьсот лет назад, а такими старыми даже дубы не бывают. Однако легенда была красивая, и никому не приходило в голову ее оспаривать. День был прекрасен, полон солнца и запаха моря. Повсюду были студенты, туристы, дети. Ким вошла в здание, сверилась с путеводителем и пошла в восточное крыло. Вся эта секция была посвящена Триста семьдесят шестому и Маркису Кейну.

Здесь были фотографии героя, детали самого корабля и муляж полетной палубы. За стеклянной стеной стояло подлинное кресло командира. На коридор смотрела лазерная пушка корабля. На стендах лежали личные вещи экипажа, в том числе китель самого Кейна. Здесь же лежали подлинные бортжурналы на двух дисках, сверкавших алмазным блеском на подлокотнике кресла командира. Копии их продавались в сувенирной лавке музея. И лежал кусок окровавленной тряпки, которым инженер связывал топливные трубы, когда корабль получил пробоину.

Ким прочла копию письма, посланного родителям звездолетчика, погибшего на задании.

Она вошла в трехмерный дисплей ВР и прошла весь полет, видя его глазами Кейна. Вышла

она потрясенная храбростью и умением этого человека.

Кейн не мог участвовать в обмане. Ни при каких обстоятельствах, которые вообще можно себе представить. Значит, если он сказал Шейелу, что ничего не случилось, это закрывает вопрос. И все же…

— А, Ким! — Она обернулась и увидела приятное лицо Микела Алаама, директора музея. — Рад, что ты нас не забываешь.

— Доброе утро, Микел. — Она обняла его и подставила щеку для поцелуя. — Как живешь?

У Алаама были волосы до плеч. Была в нем некоторая замкнутость, свойственная директорам музея, авторам беллетристики и гробовщикам.

— Спасибо, нормально. И что тебя привело к Могучему Третьему?

— Интересуюсь Маркисом Кейном.

— А, да. Потрясающий человек. Он здесь был на открытии. Даже помог нам как консультант, когда мы составляли экспозицию.

Остались фотографии этого события: Кейн пьет кофе с техниками, Кейн у лазерной пушки, Кейн смеется с чьими-то детьми.

— Правда? А когда это было?

— О, давно. Я тогда был еще интерном, но мне

посчастливилось его видеть. Даже пожать ему руку.

Алаам задумчиво посмотрел на свою ладонь.

— И что ты можешь мне о нем рассказать?

— Мало что. Он был другом Арта Уэскотта, который тогда был директором. Я думаю, его вся эта шумиха несколько смущала. Но мы были в восторге, что он к нам приехал. Это был день открытия музея.

— То есть это было…

— Где-то в семьдесят пятом. Да, это же и был наш первый год. — Алаам задумчиво посмотрел на имитацию палубы. — Да. Он обошел стенды, со всеми говорил, подписывал автографы. Достойный человек. Не то что некоторые из тех…

Зал был полон света. Как репутация Кейна.

Такси, уносившее Ким, плыло вдоль берега по серому небу.

Впереди, оседлав береговую линию, стояла гора Моргани, господствующая над бухтой Колеса. Долгое время Моргани служила естественной крепостью для череды диктаторов, правивших островной империей. Эстер Хокс вырезала в ее склонах Черный Зал, твердыню, из которой командовала войной против мятежных отрядов, много лет безуспешно пытавшихся ее свергнуть.

Сегодня Моргани и ее укрепления вместе с защищаемой ими гаванью создавали для Сибрайта ошеломляющий задний план. Черный Зал был главной приманкой для туристов и хлебом для археологов.

Сама конструкция насчитывала четыреста лет. Она была построена в темные века, суровая завеса которых накрыла Гринуэй сразу после того, как он объявил о своей политической независимости. Пушки, лазеры, пусковые установки ракет остались стоять в окружающих горах, а центральный командный пункт, откуда Хокс лично наблюдала за своими оборонительными сооружениями, ежегодно посещался десятками тысяч людей.

Черный Зал стал одним из главных символов той эпохи, а поэтому, каким-то необъяснимым образом, — и символом ее романтики. Ким любила этот музей, находившийся под управлением Исторического общества Сибрайта. Большая часть старой крепости была закрыта для туристов, потому что это было небезопасно, но войска в мундирах ушедших времен все еще дважды в день маршировали по главному двору. Покои императора также были открыты для публики вместе с картинной галереей и библиотекой. Хокс

и ее наследники много собрали и еще больше награбили. Сегодня все это было выставлено на стендах.

У подножия Моргани никогда не затихал океан. Прибой колотился в скалы, нескончаемо кружили чайки, а на каменистых берегах дети собирали ракушки.

Такси пролетело мимо фасада Черного Зала и поплыло над бухтой. Здесь далеко в воду выдавались пирсы и причалы, выстроились вдоль берега склады. Когда кончились войны, цивилизация передвинулась на юг, и потому портовые строения были почти заброшены. Некоторые из них были построены на развалинах пятисотлетней давности. Вандалы и грабители работали здесь столетиями, а теперь археологические партии пытались восстановить подробности обыденной жизни века диктаторов.

Машина спустилась к воде, пролетела над берегом, направляясь на запад, и приземлилась среди группы модульных вагончиков возле двух обшарпанных флаеров с маркировкой Исторического общества Сибрайта. Ким открыла люк и спрыгнула на утоптанную глину с редкой травой. С моря тянул сырой и холодный ветер.

По краям котлована работали люди, вытаски-

вая из ямы бревна, обломки бетона и стальные балки. Двое мужчин оторвались от работы, смерили глазами Ким и обменялись одобрительными взглядами.

Молодой человек, очевидно, студент, смахивал щеточкой землю с какого-то обломка электроники. Прервав работу, он подошел.

— Чем могу служить, мэм?

— Я ищу доктора Кейн, — сказала Ким. Парнишка нажал кнопку коммуникатора.

— Тора, тут к тебе гостья.

— Сейчас буду, — ответил женский голос.

Через пару секунд из вагончика вышла женщина в широкополой шляпе и в комбинезоне. Студент склонил голову в ответ на благодарность Ким и вернулся к работе.

— Доктор Брэндивайн? — спросила женщина, протягивая руку. — Я Тора Кейн.

На шляпе у нее, как заметила Ким, было изображение Глории. Тора увидела, куда она смотрит.

— «Арбакль», — пояснила Тора.

«Арбакль» — это был грузовоз, потерпевший аварию на Глории почти полстолетия назад. Место аварии стало археологическим заповедником, и туда пускали только ученых по специальным свидетельствам.

Тора была одного роста с Ким, темно-рыжие волосы зачесаны назад, губы полные, груди выдаются из-под комбинезона. У нее были внимательные и темные глаза ее отца. Глядя в них, Ким видела, что, если отвлечься от всего прочего, можно подумать, что смотришь в глаза капитана звездолета.

— Спасибо, что нашли время для разговора со мной, — сказала она, пожимая протянутую руку.

— Мне это только приятно. — Тора глянула в сторону такси Ким. — Меня наградили какой-нибудь медалью?

Налетел порыв холодного ветра.

— Я хотела бы задать несколько вопросов о вашем отце, — сказала Ким.

— А… — сказала она, будто сама должна была догадаться. — А можно спросить, почему это вас интересует?

— Эмили Брэндивайн — моя сестра.

У Торы шевельнулись мышцы на горле.

— Я должна была узнать фамилию. И лицо.

— Мне бы очень хотелось узнать, что с ней случилось.

— Понимаю. — Тора повернулась к выходу из бухты, и Ким не видела ее лица. — Мне бы очень хотелось вам помочь. Но я на самом деле ничего

не знаю. Когда «Охотник» вернулся, отец остался на борту понаблюдать за процедурами прибытия. Остальные трое ушли с корабля, и больше он их никогда не видел.

— Вы точно знаете?

— Да, точно.

— Прошу вас, не поймите меня неправильно, если я спрошу: откуда вы это знаете?

— От него самого. Вы думаете, это его не тронуло? Все это произошло почти одновременно: катастрофа в деревне, гибель Трипли, исчезновение женщин. — Порыв ветра подтолкнул их в сторону раскопок. — А почему бы вам не отправить такси и не зайти?

Ким отпустила машину, и Тора провела ее к вагончику.

— Тут не слишком удобно, зато не холодно.

Она открыла дверь, и Ким вошла в волну теплого воздуха. Здесь было тесно и душно. Одна комната плюс умывальная. На стене — карты береговой линии. Два стола, заставленные банками, кусками электрооборудования, монетами, инструментами, свечами, игрушками, обломками керамики.

— Как идет работа? — спросила Ким.

— Неплохо. Кажется, мы откопали частную

резиденцию Габриэлли.

— Габриэлли?

— Одного из советников Хокс. Если это так, может быть, удастся понять, почему убили Рентцлера. Впрочем, вам это не интересно. — Тора поднесла к лицу кусок нагретой материи, предложила Ким другой такой же и села на холщовый стул. — Ким, — сказала она тоном, в котором неожиданно послышалось сожаление, — мы здесь с вами обе — проигравшая сторона. Я не стану делать вид, будто то, что случилось с отцом и со мной, сравнимо с вашей потерей, с исчезновением Эмили, но его жизнь тоже была погублена.

— В каком смысле?

— Погибли люди. Ходили слухи об антиматерии. Все остальные участники экспедиции исчезли. А людям нужен виноватый. Он один остался в живых — по крайней мере из тех, кто был под рукой. И потому виноватым оказался он.

— В документах этого нет.

— Друзья стали относиться к нему холодно. Люди, которых он знал годами, поворачивались спиной, переходили на другую сторону улицы. Кто-то даже пытался подать в суд, но не было доказательств. В конце концов он уехал из долины,

но слухи ползли за ним. Люди вроде вас — извините меня — появлялись и задавали вопросы. Без обвинений, но подоплека была очевидна. Мой отец был достойным человеком, Ким. Он никогда никому не причинил вреда и не участвовал ни в чем, о чем тогда ходили слухи.

— Например, в краже топливного элемента.

— Да, например, в краже топливного элемента. — Тора встала, налила две чашки кофе, одну подала Ким. — Боюсь, я ничего не смогу вам сказать такого, что было бы вам полезно.

Вошли два человека, представились и вышли. Ким спросила:

— И вы не считаете, что может быть связь между возвращением «Охотника» и событием на пике Надежды?

— Не считаю. Я понимаю, почему их пытаются связать, но «Охотник» был проверен. *Вся антиматерия, которая там должна была быть, оказалась на месте.* Об этом все забывают. Мой отец ничего преступного не сделал. Он достиг всего, чего в жизни хотел. У него не было причин красть топливный элемент. Или что бы то ни было.

— А что же там, по вашему мнению, случилось?

— У меня нет теории. Я только знаю, что это все погубил жизнь моего отца. Он уже никогда не водил корабли — вы это знаете?

— Да, знаю.

— Когда Трипли погиб, Фонд прекратил полеты, а больше никто его на работу брать не хотел. Конечно, никто не вспоминал пик Надежды. Просто, видите ли, нам сейчас не нужны капитаны, так что спасибо. Послушайте, Ким, я знаю: это больно. Но мой вам совет, бросьте вы это дело.

«Тебе был звонок от доктора Флекснера, Ким».

Ким сбросила куртку на софу.

— Ладно, Шеп, попробуй с ним соединиться.

«Это было пару минут назад. Он был у себя в офисе».

Ким взяла стакан апельсинового сока и села в переговорное кресло.

«Он был не в себе», — добавил Шепард.

— В каком смысле?

«Раздражен. Обозлен. Как бы там ни было, соединяю».

Стены исчезли, и Ким оказалась в офисе Мэтта. Да, он явно был не в себе.

— Привет, Ким. — Он сидел за столом и писал. — Есть у меня к тебе вопрос, — сказал он, откладывая перо, но не поднимая глаз.

— Давай.

Теперь он поднял на нее глаза.

— Что ты там сделала Бентону Трипли?

— В каком смысле?

— Мне сегодня утром позвонил Фил. А ему явно звонил Трипли. И Трипли в ярости.

— Отчего?

— Конкретно не ясно. Но это связано с тобой. Когда ты была на презентации, ты спрашивала его об инциденте на пике Надежды?

— Мы об этом говорили.

— Ты намекала, что его отец был замешан в преступлении?

Ким попыталась вспомнить разговор.

— Нет, — сказала она. — С чего бы мне на это намекать?

— Вот об этом я и спрашиваю.

— Этого не было.

— И то хорошо. Потому что все преимущества от награждения его медалью Мортона Кейбла мы более чем утратили.

— Мэтт…

— Ты *действительно* вломилась к нему в дом?

— Нет!

— А он говорит, что да.

Ким почувствовала, что терпение у нее готово

лопнуть. Дыши глубже и владей собой.

— Я осмотрела дом и усадьбу в долине Северина. Но это уже не его дом. Там все заброшено.

— Ты до конца в этом уверена? Ты проверила записи о владении перед тем, как туда соваться?

— Нет, но…

— Так я и думал. Директор сегодня утром должен был перед ним извиняться.

– *Извиняться?* — Перед глазами мелькнул образ Трипли. Он улыбался. — За что? Что бы там ни было в бумажках, дом заброшен!

— Трипли счел, что Институт сует нос в его дела, — вздохнул Мэтт. — Ким, мы его заверили, что здесь недоразумение и вопрос закрыт. Я не знаю, что ты там затевала, но *вопрос закрыт,* понимаешь?

— Мэтт, это я делала от своего имени.

— Ким, ты *ничего* не делаешь от своего имени. Ты — представитель Института. Ты же каждую неделю по два раза выступаешь от *нашего* имени. — Глаза Мэтта затвердели. — Ты бросишь это дело и больше близко к нему не подойдешь. Это ясно?

Ким не опустила глаз.

— Мэтт, я вчера говорила с одним техником из «Интерстеллар» насчет ремонта «Охотника»

после возвращения. Он мне солгал.

— Откуда ты знаешь?

— По лицу видела.

— Отлично. Это убедит каждого, кто усомнится в твоих словах.

— Слушай, Мэтт, если тут ничего нет, почему Трипли так вскинулся? Что он прячет?

— Это просто. Там погибло много людей — при взрыве. Если выяснится, что его отец как-то за это отвечает, на него подадут сотни исков.

— После стольких лет?

— Я не юрист, но могу сказать, что он потеряет очень много, если ты найдешь какие-то свидетельства вины его отца.

Очевидно, кто-то вошел в офис Мэтта. Это было за спиной у Ким, и потому она не видела кто. Но Мэтт так воззрился на посетителя поверх ее головы, что дверь закрылась, и Мэтт снова переключился на Ким.

— Мэтт, я не представляю себе, как смогу просто так все это бросить.

Он прокашлялся.

— Ким, я отлично понимаю, что это для тебя значит.

— Мэтт, ты понятия не имеешь, что это для меня значит.

— Ладно, прости. Я слышу, что ты говоришь. Но проблема в том, что для поддержки расследования нет доказательств. И если ты будешь упорствовать, то Институт прогорит, ты окажешься на улице, а ничего больше ты не достигнешь.

Целая минута ушла у Ким на то, чтобы овладеть собственным голосом.

— И как же мы найдем доказательства, если искать не будем?

Вид у Мэтта стал страдальческий.

— Ким, я не знаю. Но ты должна понимать, что ты представляешь Институт круглые сутки без выходных. Любые твои действия отражаются на нас. — Он поставил локти на стол и подпер сцепленными руками подбородок. — Я понимаю, что это по отношению к тебе несправедливо. Но и ты пойми, *что* поставлено на карту.

— Деньги.

— Куча денег.

Ким позволила себе опустить веки.

— Еще что-нибудь?

— Нет, это все, что я хотел тебе сказать.

— Спасибо, — сказала Ким и прервала связь, оказавшись вновь в своей гостиной. Она поднялась, взяла куртку и вышла на террасу.

Море было холодным и серым.

9

Приди со мной к туманной пелене
У полосы заката, западней Сент-Джонса…

Крес Виллард, «К западу от Сент-Джонса», 487 г.

Одной из главных задач Института было как можно более полное использование интереса к проекту «Маяк». Мэтт уже организовал интервью с членами экипажа «Трента». Это было не очень удобно, потому что сигналы гиперсвязи походили с запаздыванием. Журналистам приходилось подать вопросы письменно и приходить за ответами на следующий день. О непринужденности или о том, чтобы из ответа сразу возникал следующий вопрос, говорить не приходилось. А потому никому особенно не хотелось беседовать с экипажем «Трента». Журналистов в экспедиции не было, потому что время полета было дорого, а репортажи не стали бы хитами. Слишком все это было далеко. А возможность существования иного разума никто уже не принимал всерьез. Интерес возбуждала не цель эксперимента, а

сама возможность взорвать звезду.

Поэтому информационная служба Института решила сделать упор на этом аспекте и на тех выгодах для человечества, которые открывает такая возможность. К сожалению, никто не мог сказать, что же это за выгоды. Разве что улучшение конструкций магнитных бутылок. Улучшение контейнеров антиматерии. Может быть, системы отклонения гравитации, которые позволят электронным устройствам работать в еще более сильных гравитационных полях.

Крей Эллиот, младший специалист-пиарщик, кивал и записывал. Ким не скрывала своего неудовольствия.

— Мы все время пытаемся продавать науку под тем соусом, что кто-нибудь сможет купить себе зубную щетку получше, — ворчала она. — Куда девалось бескорыстное любопытство?

— Надо быть практичными, — отвечал Крей. Он был талантлив, кипел энтузиазмом и жизнерадостностью. Жизнерадостность ее больше всего и раздражала.

Но он был прав — надо было подчеркивать практический аспект: увеличение эффективности дальних межзвездных полетов, элементы, дающие горючее для отопления и освещения

целых городов, и с повышенной безопасностью.

Ким возражала:

— Межзвездные полеты сокращаются, энергии у нас и без того больше, чем мы можем использовать, и пока еще не было ни одной аварии с топливными элементами — по крайней мере известных мне. Ни разу.

Если не считать, возможно, пика Надежды.

— Не важно, — отвечал Мэтт. — Это все детали. А на детали никто не обращает внимания.

Может быть, он и был прав. Не впервые им делать небольшие натяжки. Два года назад Институт не стал опровергать слухи о неизбежном прорыве в работе над антигравитацией. Хотя такая работа не велась и все физики, которых знала Ким, считали антигравитацию невозможной. Слухам верили поскольку люди считали, что если можно вызывать гравитацию искусственно, то можно и нейтрализовать ее действие. Хотя это было совсем другое дело. Чтобы вызвать гравитацию не надо изгибать время и пространство, достаточно создать магнитные поля, позволяющие людям ходить внутри звездолета.

Ким подозревала, что слухи могли быть пущены самими пиаровцами. Когда она заговорила об этом с Мэттом, он с благородным негодованием

такие предположения отверг. Благородное негодование — это всегда был верный признак, что Мэтт врет.

Сейчас, слушая его инструкции, Ким сама удивлялась, что просто не встанет и не выйдет. Деньги здесь платили хорошие, Институт занимался достойным делом, но на самом деле ей доставляло удовольствие делать то, в чем она была так талантлива. Да, но пока она здесь, карьера, которой она желала, о которой мечтала, к которой готовилась, даже не начнется.

Она вспомнила, как говорила Шейелу, будто оправдываясь: «Не та область деятельности, которую я бы выбрала».

И ему стало неловко за нее. «Никогда не знаешь, как сложатся обстоятельства».

И так было всегда. Она была из тех, кто никогда не ходит на встречи выпускников.

Вернувшись в кабинет, она нашла сообщение от Шепарда.

«Это ответ на твое письмо на Сент-Джонс», — сказал он.

— Пожалуйста, выведи его на экран, Шеп.

«Сейчас, Ким. Пожалуйста, обрати внимание, что я все даты дал по центральному времени Гринуэя».

От: Начальника департамента архивов.

Кому: Д-ру Кимберли Брэндивайн.

Дата: Понедельник, 15 января 600 г.

Тема: План полета «Охотника».

В ответ на Ваш запрос сообщается следующая информация:

Ответ: План полета «Охотника» ЭМК 4471886, зарегистрирован 11 февраля 573 г.

Отлет с Сент-Джонса 12 февраля 573 г. 03:58.

Прибытие в QCY4149187 17 апреля 573 г., начало наблюдения за Золотой Чашей.

Об отбытии от Золотой Чаши должно было быть сообщено, когда это станет известно, но ожидалось, что это будет приблизительно 1 июня 574 г.

Дж. Б. Стэнли, Начальник департамента архивов.

* * *

На всю экспедицию отводилось пятнадцать месяцев. Ким нажала клавишу вызова Солли.

— Привет, Ким! — просияло его изображение

на экране. — Как прошло собрание?

— Как всегда. К тебе есть вопрос.

— Давай.

— Надо было сразу его задать. Когда «Охотник» улетал с Сент-Джонса, там проверили прыжковые двигатели?

— Ты имеешь в виду на станции?

— Да.

— Только если об этом просили. Двигатели должны были быть проверены сотрудниками самого Фонда перед отбытием корабля из Небесной Гавани. Если ты спрашиваешь, вероятна ли поломка на таком раннем этапе полета, направлявшегося далеко в глубину, я бы сказал, что нет. Но такое случалось. И если честно сказать, прыжковые двигатели — головная боль. Очень нетрудно просмотреть то, что вызовет неполадки.

— А что бывает, если прыжковые двигатели сдыхают в гиперпространстве?

— Прощай, любимая, — ответил он. — Разве что их удается починить.

— А связь?

— Связи не будет. Чтобы можно было с кем-нибудь связаться, корабль должен сначала прыгнуть в обычное пространство.

— Не слишком оптимистичная перспектива.

Солли пожал плечами:

— Реальность, диктуемая физическими законами, моя милая.

— А такое случалось?

— Не знаю. Иногда корабли пропадают. — Он подождал ее реакции, но Ким никак не реагировала. — А что? Ты что-то нашла?

— Ничего, — ответила она.

Ким вывела на экран запланированный маршрут, провела линию между Сент-Джонсом и намеченной звездой 187. Где-то на этом пути двигатели замолчали, корабль вышел из гиперпространства, люди сделали временный ремонт и вернулись на Гринуэй. Значит, они даже близко не подошли к Золотой Чаше. На самом деле обратный путь из ближайшей точки траектории до Небесной Гавани требовал сорока дней пути, и потому корабль не мог пролететь больше недели пути от Сент-Джонса, когда возникла неполадка.

Неделя.

И все равно это большое расстояние. Звездолет может за неделю пройти около 270 световых лет.

Ким отметила траекторию в этой точке. Где-то между отметкой и Сент-Джонсом двигатели вывели корабль из гипера.

— И что из этого? — спросил Солли, будто читая ее мысли. — Я в том смысле, что мы с самого начала знали о поломке. Какая разница, где она случилась?

— Вернемся в квадрат-один, — сказала Ким.

— Какой еще квадрат-один?

— «Мы нашли золото». Шейел уверен, что это означает какой-то вид контакта. Допустим, что он прав. Что «Охотник» что-то там нашел. И тогда возникает вопрос: где они были когда это случилось?

— И ты можешь сказать, где они были?

— Возле звезды.

— Откуда ты знаешь? — спросил Солли.

— Иначе не складывается. Если контакт был установлен с какими-то обитателями планеты или с орбитальной установкой, это означает близость звезды. Если контакт был с кораблем, то спросим себя: был этот корабль вблизи звезды или в пустоте. Если в пустоте, что он мог там делать?

— Чинить двигатели? — спросил Солли, поняв, к чему она ведет.

— Именно. Каковы шансы, что на двух кораблях одновременно выходят из строя двигатели и что они оба выныривают в пустом пространстве?

Нет, что бы там ни случилось, оно случилось возле звезды.

Ким поглядела на траекторию «Охотника».

— Вблизи их курса я насчитала семь звезд. Если они кого-то встретили, это было в окрестности одной из них.

Солли покачал головой.

— Ладно, допустим, ты права. Допустим, была какая-то встреча. Но это было двадцать семь лет тому назад. Ты думаешь, эти небожители до сих пор ошиваются поблизости?

— Это не обязательно должен был быть другой корабль. Они могли найти планету с жизнью.

Он сел на край стола и прикинул этот шанс.

— Да, это могло быть.

— Там всего семь звезд, — сказала она. — *Семь.*

— Надеюсь, ты не станешь мне говорить, что хочешь организовать экспедицию.

— Нет.

— Это хорошо.

— Мэтт подумал бы, что я хватила через край.

— Именно так он и подумал бы и был бы не так уж не прав. Послушай, Ким, это все догадки. Все, что у тебя есть реального, — это туфля да загадочное сообщение, посланное домой одним из членов экипажа, и оно может вообще ничего не

значить. Кстати, его могли неправильно понять. Тебе не приходило в голову, что Йоши могла так назвать Золотую Чашу?

— Они не дошли до Золотой Чаши, Солли. Даже близко не подошли.

— Да ладно. — Он пожал плечами. — Я хочу сказать, если они нашли там дерево или город, почему не сказать прямо? Зачем такая таинственность?

На это у нее ответа не было. Он посмотрел на время.

— Мне пора. Надо сдать пару рапортов.

Она заметила, что Солли сказал это с облегчением. Он боялся, что она станет напирать и поставит себя в дурацкое положение, пытаясь убедить Мэтта, что Институт должен послать поисковую группу.

— Солли, — спросила она, — когда бортовой журнал корабля попадает в Архивы, его там кто-нибудь смотрит?

— В обычных обстоятельствах я себе не могу представить, зачем это было бы нужно. Но если ты спрашиваешь, видел ли кто-нибудь бортовой журнал «Охотника» за рейс к Золотой Чаше, я почти наверняка скажу «да».

— Из-за исчезновений?

— Да. Полиция должна была искать любые признаки чего-нибудь необычного, случившегося за время экспедиции. И то, что это не имело последствий и никто не обыскивал дом Трипли, убеждает, что они ничего не нашли.

— От полиции могли откупиться.

— Возможно. — Потянулось длинное молчание. — Ким, — произнес наконец Солли. — Мэтт прав. Почему ты не оставишь это дело как есть?

Она бы и сама хотела. Ким абсолютно не вдохновляла перспектива идти против начальства, ссориться с Трипли, создавать у Солли впечатление о своей навязчивой идее. Но где-то там пропала Эмили, и все это казалось с ней связанным.

— Не могу я просто так это бросить. Я хочу знать, что там случилось. И мне плевать, кто на меня обидится или на кого подадут иск.

Солли поглядел на нее долгим взглядом и кивнул:

— Если я чем-нибудь смогу помочь, дай мне знать.

— Можешь. Как нам увидеть этот бортжурнал?

Он судорожно вздохнул:

— Надо кого-нибудь подкупить.

Подкупить?

– А без нарушения закона никак нельзя?

— Я не знаю способа. И дело обстоит так: ты должна решить, насколько ты серьезна. Если да… — Он пожал плечами.

Ким никогда сознательно не нарушала закон.

— Этого мы сделать не можем.

— Я так и думал. — Солли посмотрел с экрана, пытаясь внушить ей, что все будет хорошо. — Ладно, мне пора.

Экран опустел. Ким продолжала смотреть на него, откинувшись в кресле, потом снова включила экран и вывела «Осень». Эмили глядела на нее задумчивыми глазами.

Где ты, Эмили?

Ей вспомнились страшные первые дни после того, как Эмили пропала, когда они ждали известий. Родители пытались ее защитить, уверить, что Эмили возвращается домой, что она куда-то поехала и скоро объявится. Но Ким видела пустоту у них в глазах, слышала, как напряженно звучали их голоса. Они знали.

Наверное, они с самого начала полагали, что ее не найдут живой. Убийства в Экватории случались крайне редко, в год их набиралось не больше полудюжины при населении в шесть миллионов. Обычно это бывали бытовые убийства, и только

иногда — какой-нибудь маньяк. Убийца Святой Лука, названный так, потому что к телам своих жертв прикалывал стихи из Библии, бушевал на западном побережье два года и убил за это время семь человек. За последние десятки лет это был самый страшный случай.

И что больше всего должно было поразить родственников Эмили, это то, что загадку так и не решили. Тело найдено не было.

Так что по сравнению с этим могла значить небольшая взятка?

Ким набрала код Солли, и он появился на экране — вопреки ожиданию не очень удивленный.

— Можем ли мы это устроить? — спросила она.

Он поглядел на нее неодобрительно:

— Моя прекрасная подруга входит в штопор?

— Да, — ответила она. — Если это требуется. Можно это устроить?

— Я кое-кого знаю, — сказал он.

— И сколько это будет стоить?

— Не знаю. Может быть, пару сотен. Я позвоню тут разным людям, а потом свяжусь с тобой.

Ким собиралась позавтракать с представителем Теософского общества братом Кендриком. Ее целью было не просить пожертвований, а убедить Общество, что никаких пагубных долго-

срочных эффектов от проекта «Маяк» не будет. А это, как она надеялась, приведет к тому, что Общество перестанет выступать молчаливой оппозицией Института.

Они завтракали в «Кашмире», где специализировались на кухне архипелага Себастьян. Брат Кендрик выразил озабоченность Общества по поводу того, что серия новых звезд может сделать необитаемым пространство объемом в восемь миллионов кубических световых лет.

Ким указала, что никаких человеческих поселений нет вблизи зоны, которую техники называли целевой.

— А не человеческих? — спросил он.

Этот вопрос застал Ким врасплох.

Брат Кендрик, как почти все обитатели Гринуэя, был человеком неопределимого возраста, но предпочитал проповедовать, а не разговаривать. Его манера выдавала лишь слегка скрытую покровительственность, взгляд не отрывался от глаз Ким, и было очевидно, что он говорит, преодолевая тщательно контролируемую злость. У него была аккуратно подстриженная черная борода и длинные волосы. Теософы не были рабами моды.

— В этой зоне их нет, — сказала Ким. — Мы

специально провели обширные наблюдения, чтобы убедиться…

— А сколько звездных систем находятся в поражаемой зоне? — спросил брат Кендрик.

— Несколько сотен.

— Несколько сотен. — Он произнес это так, будто подобное число граничило со святотатством. — И вы проверили каждую планету всех этих систем?

— Не всех, — признала Ким. — Почти все системы представляют собой множественные звезды, которые не могут удерживать планеты на стабильных орбитах. У других нет миров в биозоне…

— Доктор Брэндивайн! — Он выпрямился, весь — борода, глаза и прямой позвоночник. — Истина такова, что мы до сих пор мало что знаем о происхождении жизни, и потому мне кажется несколько самоуверенным заявление, будто мы умеем определять хоть сколько-нибудь достоверно, каковы необходимые для нее условия. Единственное, в чем мы можем быть уверены, это в том, что несколько сот звездных систем в ближайшее столетие получат мощную лучевую ванну. И мы можем уничтожить как раз то, что мы ищем.

Появился официант. Ким заказала салат. Подобные споры не вызывали у нее аппетита. Ее собеседник заказал блюдо из вареного риса и угрей.

— Брат Кендрик, — сказала она, — мы с самого начала осознавали эту опасность и за четырнадцать лет провели большую работу, чтобы удостовериться: никто не пострадает.

Он заговорил менее враждебно:

— Я знаю, что вы хотели поступить правильно, доктор Брэндивайн. Но нам кажется, что мы слишком бесцеремонно взялись за такое дело.

Официант принес вино, и Ким предложила тост за Теософское общество. Брат Кендрик заколебался:

— В этой ситуации, боюсь, это может быть неуместно. Давайте лучше выпьем за ваше здоровье, доктор Брэндивайн.

Вино было безвкусным.

— Я вас могу заверить, что мы сделали все, что было в пределах разумного.

— Кроме одного: не отменили программу.

Кендрик был одет в белую рубашку с серой лентой и серый пиджак. Глаза у него были того же оттенка, и была в нем какая-то общая серость, наводящая на мысль, что он изжил в себе челове-

ческую природу и его ничем не проймешь. Ким ощущала всю тяжесть его моральной правоты.

— Когда испытывали первую водородную бомбу, — сказал он, — существовали определенные опасения, что взрыв вызовет цепную реакцию. Взорвет всю планету. Ученые интуитивно понимали, что шанс на это очень мал, и потому рискнули. Рискнули всем, чем мы были тогда и чем могли стать потом. — Кендрик посмотрел на бокал и осушил его залпом. — Доктор Брэндивайн, чем отличается их поступок от того, что сделал Институт?

— В этой зоне не было никого, — повторила она. — Никому не мог быть причинен вред.

На его медальные черты упала полоска солнца.

— Будем надеяться, что вы правы.

Ким была рада вернуться к себе в кабинет. Когда Мэтт спросил, как прошел завтрак, она пожаловалась, что брата Кендрика не удалось сдвинуть с места. Никакие аргументы об условиях, которые должны создаться, чтобы появились органические молекулы, на Кендрика не действуют.

— Он считает, что любые меры, кроме непосредственного осмотра, неадекватны.

— Жаль, — сказал Мэтт. — Но мы должны были

попытаться.

— В следующий раз говори с ним сам.

— Я говорил с ним в прошлый раз. — Мэтт постукивал пальцами по столу. — Я надеялся, что он восприимчив к женскому обаянию.

— Ты у меня в долгу, — сказала Ким.

Он кивнул.

— За мной завтрашний ланч. Кстати, тебя искал Солли.

Солли в данный момент находился на семинаре, и ей пришлось ждать до конца дня, чтобы с ним поговорить. Его изображение появилось у нее на экране, когда она уже собиралась домой.

— Не выходит, — сказал он.

— С Архивами? Я думала, у тебя там есть концы.

— У них сейчас большая чистка. Очевидно, поймали одного из своих сотрудников, когда тот средства Архивов переводил на собственный счет. — Солли пожал плечами. — Так что извини.

В этот вечер Ким ужинала на острове Калико с молодым человеком, знакомым по «Рыцарям моря». Он был из тех, кто не делает изо всех сил карьеру, но и не отдается целиком неразбавленной лени. По этому среднему пути сейчас

шли многие, держась подальше от всего, что рутинно требовало бы их времени, а вместо этого следовали различным академическим или другим интересам. Они посвящали жизнь любительским спектаклям, или шахматам, или уоллболу. Разъезжали по пляжам планеты, если позволяли средства. Жизнь коротка, утверждал сегодняшний кавалер Ким, хотя теперь жизнь была длиннее, чем во все прошлые времена. Он посвящал свое время поискам «Марморы» — магнитно-левитационного брига, исчезнувшего где-то в средних северных широтах другого полушария.

— Найду «Мармору», — говорил он, — и тогда моя жизнь будет прожита не зря.

Он говорил, как Кайл Трипли.

Как Эмили.

Может быть, как она сама.

10

Люди настолько слабы умом и так легко поддаются мгновенным желаниям, что тот, кто пожелает обманывать, всегда найдет добровольных жертв.

Никколо Макиавелли, «Монарх», ч. 2, 1513 г. н.э.

Сара Трипли Бейнс, мать Кайла, вдова, жила теперь в Орлином Гнезде, где жила и во время происшествия. Поиск дал несколько строчек сведений и пару картинок. Женщина любила официальную одежду и была очень эффектна, даже несмотря на возраст. По ее поведению было ясно, что она полностью осознает свой шарм.

Сара была президентом архитектурного клуба, ежегодно присуждавшего премию за лучший проект общественного здания. Она входила в совет директоров Университета Тулпы и оставалась активной участницей гимнастических соревнований. Ким видела по ВР ее выступление перед публикой, которую Сара хотела убедить поддержать один строительный проект. Выступление было чуть тяжеловесным, но потрясающе

искренним.

Ким запросила ее номер в справочнике, взяла виртуальный проектор Института и пошла в переговорную кабину, чтобы никто не подсоединился к разговору. Для проектора она выбрала в качестве модели высокую, рыжеволосую аристократичную женщину, ввела номер Сары, запросив только звуковую связь, — правила хорошего тона при звонке незнакомому человеку.

Ответил домашний ИР.

— Здравствуйте, — сказала Ким. — Вас беспокоит Кей Брэддок. Могу ли я говорить с Сарой Бейнс?

«Вы позволите узнать, какое у вас дело к миссис Бейнс?» Ким замялась.

— Я работаю над книгой о долине Северина, — сказала она. — Насколько я понимаю, миссис Бейнс была очевидицей события на пике Надежды, и я хотела бы знать, не уделит ли она мне несколько минут, чтобы сообщить некоторые детали.

ИР попросил подождать, и Ким поежилась. Взятка, а теперь еще вот это. А потом что? Взлом? Раздался голос Сары:

— Кей Брэддок? — Дикция у нее была великолепная. — Боюсь, я о вас не слышала.

— Наверное, я не слишком известна, — сказала Ким. — Спасибо, миссис Бейнс, что согласились со мной говорить.

На пульте Ким зажегся сигнал видео, и перед Сарой появился рыжеволосый образ.

— Почему вы обратились именно ко мне?

— Я видела ваше прошлогоднее выступление перед выпускниками Тулпы насчет проекта расширения. Мне показалось, что вы очень наблюдательны и очень внимательно относитесь к благосостоянию и истории общества.

— Спасибо, вы очень любезны, — раздался голос, и Сара появилась на экране. Она сидела в сером полинексовом кресле, на коленях у нее свернулся черный кот. Женщина была высокая, ясноглазая, серьезная, привыкшая руководить, но ей явно была приятна возможность появиться в книге. — Что за книгу вы пишете? Трудно представить себе, что еще можно добавить к материалам, уже собранным по пику Надежды.

— Я пишу с точки зрения женщины. Меня интересуют долговременные эффекты, проявляющиеся у членов семей жертвы катастрофы.

— Ага, — сказала она, и в ее голосе зазвучал живой интерес, который никак не успокоил поднимающееся в душе Ким чувство вины. — Насчет

этого я вам много могу рассказать.

Она предупредила Ким, что *не была* очевидицей, что прилетела сразу после катастрофы, когда еще пылали пожары. Она описала в общих чертах эти первые часы, страдания, которым была свидетельницей, тела, истерики, пустой взгляд людей, пораженных шоком. Она не стала описывать изменения своих чувств по мере того, как все яснее становилось, что ее сын погиб.

— Да, — сказала она, — я знала, что Кайл вернулся. Он мне позвонил из дому. Обычно он после рейса задерживался дня на два в Терминале, чтобы разобрать результаты полета с людьми из Фонда. И отметить успех, наверное. Это было в его манере: он любил людей и друзей у него было много. Жаль, что в тот раз он этого не сделал. Тогда бы его не было там, когда взорвалась гора.

— Вы прежде всего направились в дом сына? — спросила Ким.

— Конечно.

— Он был поврежден?

— От воды. Пожарные поливали все. Но других повреждений не было, катастрофу вилла пережила невредимой.

— Но там никого не было?

— О да! — Голос Сары упал до шепота. — И его

не было. Бедняга Кайл. Его так никогда и не нашли. — Глаза женщины затуманились. — И его флаера тоже не было. Наверное, он был в воздухе, поблизости от взрыва. Он часто любил полетать в горах для отдыха.

— Примите мои соболезнования, миссис Бейнс.

Сара осмотрела блузку, ища, чего поправить. Блузка была зеленой, вышитой белым узором в форме нот. Очень красивая вещица.

— Ничего, это было уже давно. — Она коснулась пальцами глаз.

Впервые в жизни Ким поймала себя на жестокости. Но все равно повела дальше.

— Я хотела спросить, не расскажете ли вы мне, о чем вы подумали и что почувствовали, когда вошли на виллу.

— Это вы сами можете угадать, миз Брэддок.

— Вас мучил страх.

— Конечно.

— Вы ничего не нашли, что могло бы подсказать, куда он улетел?

— Нет.

— И ничего вообще необычного?

Сара бросила на Ким подозрительный взгляд.

— Нет. Учитывая, что творилось снаружи, на

вилле все было вполне нормально. Только мой сын пропал.

— И через какое это было время после взрыва?

— Кажется, через два часа. Не больше. Еще не все аварийные службы прибыли. — Она помолчала, качнула головой. — Бывают в жизни несчастья. Он был хорошим сыном. Открытая и богатая душа.

— Миссис Бейнс, вы не заметили, не оставил ли он записок или материалов о своей экспедиции? Все это могло бы помочь… — Ким запнулась, не зная, что сказать дальше.

Лицо Сары закаменело.

— Я все эти слухи знаю, миз Брэддок. И заверяю вас, что, если бы там случилось что-нибудь необычное, я бы знала об этом первой. В доме ничего, связанного с экспедицией, не было. По крайней мере из того, что я видела. Ни записей, ни видео. Ничего.

— Понимаю.

— Рада, что понимаете. — Она разгадала тайные мотивы Ким, но не была оскорблена. — Когда все кончилось, я пыталась эту виллу продать. Но с самого начала запрашивала слишком много, и возможность от нее избавиться была упущена. Прошло время, и я уже не могла сбыть ее с рук.

В конце концов я подарила ее какой-то религиозной секте. Насколько я знаю, они все еще ею владеют. Наверное, ждут, что долина восстановится.

— Наверняка вы сохранили его вещи.

— Его книги. И некоторые мелочи. Обстановку я бросила почти целиком. — Сара погрузилась в воспоминания. — Была там скульптура пары ястребов, которую, как я знала, хотела бы взять Мара…

— Мара?

— Мать Бентона. Себе я оставила лампу. Когда-то я подарила ее Кайлу на день рождения. А Бену отдала книгодержатель и модель корабля.

— «Доблестный».

— Да. Откуда вы знаете?

Ким улыбнулась, пораженная дикой мыслью. *Кто и зачем мог бы сделать модель звездолета без ходовых труб? А не может быть, чтобы Трипли сделал набор визуальных изображений чужого звездолета? И по ним построил уменьшенную копию? Забавно, если Трипли-младший сидит у себя в кресле, а великая тайна стоит над ним на полке.*

— У меня было мимолетное знакомство с Беном, — сказала она сочувственно. — Я знаю, что

эта модель много для него значит.

— Да. — У Сары увлажнились глаза. — А больше ничего там и не было. Мало что осталось от целой жизни.

Ким хотела было спросить в лоб, не видела ли она там признаков пребывания Йоши, вообще указаний, что на вилле жила женщина. Но этот вопрос никак было не задать таким образом, который не вызвал бы враждебной реакции. Да и Сара все равно такой вещи не признала бы.

— Спасибо, миссис Бейнс, — сказала Ким после паузы.

— А какое будет заглавие?

— Заглавие чего?

— Вашей книги?

— А! — Ким подумала. — «Последствия».

— Но вы же пришлете мне экземпляр?

— Разумеется, — ответила Ким. — Почту за честь.

Национальные Архивы размещались в центре Кейдона в Салониках, столице Республики, в озерном краю в ста двадцати километрах к западу от Сибрайта. Салоники — это был город-музей, город воздушных тротуаров, фонтанов и мраморных памятников истории Гринуэя. Вот Джордж Паткин объявляет о рождении Республики. Вот

Миллисент Ходж выпускает первую партию лосося в озеро, которое потом получило имя Макор. А в парке Либерти-Грин бывший астроном Шепард Попандопуло, в честь которого получил имя домашний ИР у Ким, запускает ракету на Генри Хокса, сына диктатора в битве у Близнецов.

Архивы находились в длинном двухэтажном здании, выходящем на торговые ряды и озерцо. Вокруг озера росли хвойные деревья. По ухоженным газонам шли тропинки, а к главному входу вели широкие мраморные ступени, охраняемые статуей Эрика Кейдона, первого премьера.

Ким вздохнула и еще раз посмотрела на портрет нужного человека. Манвиль Плимут, помощник комиссара отдела транспортных записей. Поскольку с Солли Плимут был знаком, грязная работа досталась Ким.

Она надела серебристый парик и контактные линзы, меняющие цвет глаз.

«К концу дня он всегда выходит из Зала Свободы», — сообщил ей Солли. Готовясь к операции, он морщился, несколько раз упомянул о *навязчивой идее.* Убеждал ее еще раз подумать, что она делает. Предлагал вспомнить о своей и ее карьере, которые обе подвергались риску. Даже пригрозил вообще все это бросить. Тогда у нее

бы не осталось шансов на успех, и он это знал. Наконец, убедившись, что она в любом случае не отступит, он остался с ней.

Зал Свободы — это была центральная ротонда здания. Здесь хранились важнейшие документы Республики: Декларация прав личности, отвергавшая абсолютную власть Грегори Хокса, четвертого и последнего в династии диктаторов; Устав правления, определявший механизмы правления и оговаривающий права и обязанности граждан; Канберийское заявление Джозефа Олбрайта, которое в тяжелейшие для революции дни придало повстанцам новые силы.

Здесь хранилось множество разных журналов, писем, дневников и предметов, накопившихся за 327 лет истории Республики: приветствие Стэнифлда Бродеру, когда Земля сняла эмбарго, державшееся целый век; рукописные заметки Амаля, описывающие жертвоприношение врачей в Дюбуа; дневник капитана «Царственного», первого межзвездного корабля Республики.

Ким со скучающим видом обошла галерею, делая вид, что разглядывает экспонаты в витринах.

Солли говорил, что Зал — единственное место во всем здании где установлена серьезная систе-

ма безопасности. Круглосуточное наблюдение. Но обычные, неправительственные записи хранились в восточном крыле. С ними никогда не было проблем, поэтому особо их и не охраняли. Но туда еще *надо попасть.* А для этого необходимо, чтобы сканер определил твою ДНК и дал допуск.

Вот тут и будет нужен Манвиль Плимут.

Ким подождала несколько минут, пока он вышел в Зал из восточного крыла. Плимут закрыл за собой дверь и быстро пошел через ротонду, не глядя по сторонам. Она снова сверилась с портретом и пристроилась сзади, следуя за ним на Авеню Республики.

Плимут был помешан на фитнессе. Он ежедневно, без выходных посещал спортивный центр под названием «Блокгауз».

Ким шла за ним под закатным солнцем. В этой части города стояли общественные здания: городская ратуша, суд, лицензионный комитет, торговая палата, Законодательное собрание, Национальная художественная галерея. Плимут шел быстро, отмеривая шаги длинными ногами. Ким приходилось почти бежать. По дороге она краем глаза увидела Солли, стоящего рядом с деревом.

Но Плимут шел не туда. Он направлялся на

север, прочь от «Блокгауза», по улице, через парк, мимо фонтана. Наконец он свернул в магазин одежды. Через минуту он вышел оттуда с пластиковым пакетом и остановился еще что-то купить у электронного киоска.

Когда Плимут шел, мускулы его играли. Он был *крупен,* даже в мире крупных людей. Еще у него были неординарно широкие плечи и узкая талия. Однажды он оглянулся, и Ким притворилась, что смотрит на верхушки деревьев. Плимут снова пустился в путь, на этот раз к югу, мимо музея Клакнера, а там свернул на длинную пешеходную улицу, которая вела через небольшой лесок прямо к «Блокгаузу». Удостоверившись в этом, Ким отстала, чтобы не мозолить глаза.

«Блокгауз», вопреки своему названию, был не коробкой, а состоял из расширяющихся закруглений, три этажа по фасаду, сзади ниже, много темного стекла. К портику вели широкие ступени. Плимут взлетел по ним, перепрыгивая через две ступеньки сразу, и скрылся внутри.

Ким небрежно вошла вслед за ним. Он уже был в мужской раздевалке. Но было понятно, куда он направляется.

В женской раздевалке было около двадцати женщин; они переодевались и принимали

душ. Ким заняла шкафчик, взяла полотенце, переоделась в тренировочный костюм и, следуя инструкциям Солли, вышла в зал общих тренировок. Здесь человек десять — двенадцать обоего пола работали на тренажерах. Плимута среди них не было.

Ким сделала несколько сгибаний колен, пока надо было ждать. Вот появился Плимут в шортах и свитере, с полотенцем, обмотанным вокруг шеи. Он поглядел на Ким, и она улыбнулась, приглашая его подойти.

— Привет, — сказал он. — Кажется, я вас здесь раньше не видел.

— Я в первый раз. Решила попробовать.

— Здесь хорошее место. — Он протянул руку. — Майк меня зовут.

Ким знала, что он не любит имени Манвиль и никогда им себя не называет.

— Привет, Майк. Кей Брэддок.

— Вы недавно здесь живете, Кей?

— Только что переехала. Из Терминала.

— Вам здесь понравится. Салоники — город большой культуры. Тут много чем можно заняться. Он совсем не такой *коммерческий…* — он запнулся, вдруг подумав, что его слова могут показаться обидными, но они уже были сказа-

ны, — как многие другие города.

Она поняла, что он хотел назвать Терминал. Не быстро он соображает, этот мужик. И хорошо. Ким показала, что не обиделась, поставила таймер на двадцать минут и полезла на тренажер. Если Плимут к тому времени еще не закончит, она просто продлит время.

Тренажер сам подогнался под ее размеры. Вокруг запястий и щиколоток обвились петли, к ягодицам и бедрам прижались подушки.

— Вы этим регулярно занимаетесь? — спросил он.

При работающем тренажере разговаривать трудно, но Плимут не боялся трудностей.

Машина задвигалась, сначала осторожно, растягивая руки и ноги, разминая плечи, сдавливая колени, массируя ягодицы.

— Да, — ответила Ким. — Люблю тренироваться. Дальше она слушала замечания о театрах и музеях, о том, как он приехал в Салоники после войны, нашел себе дом и больше нигде жить не будет, и какая сейчас хорошая погода. Наконец он подобрался к тому, чтобы пригласить ее поужинать.

— Тут у озера есть прекрасное местечко…

Он был достаточно приятен, чтобы Ким отказа-

лась от предубеждения против чиновников (тем более странного, что она сама была таковым). И какое-то небольшое обаяние у него все же было.

— Конечно, — сказала она. — С удовольствием.

Ужин — это небольшая жертва. Плимута это устроило, и он затих, отдавшись своему тренажеру.

И Ким тоже.

Машина набирала темп. Она растягивала целые группы мышц и выполняла серию переходов в сидячее положение в довольно быстром ритме. Потом звонком известила Ким о перемене упражнения, и Ким стала доставать руками носки.

В основном она оставалась пассивной, расслабленной, с закрытыми глазами, ощущая мышечную радость упражнения. Она не очень любила тренажеры, а предпочитала тренироваться по-старому, но у этой системы определенно были хорошие стороны. Чуть ли не спать можно, выполняя отжимы.

Машина работала, пока у Ким не заныли мышцы. Ощутив ее дискомфорт, машина сбавила темп, но недостаточно. Тут Ким заметила, что машина Плимута пуста. Он слезал с тренажера, вытирая пот с лица и шеи.

— Встретимся в вестибюле? — спросил он.

Тренажер как раз выполнял сгибание колен. Не самый лучший момент, чтобы сохранить достоинство или хотя бы найти разумный ответ. Поэтому они засмеялись, и Плимут посмотрел на таймер, где еще оставалось целых шесть минут. Ким кивнула. Она выйдет, как только тренажер остановится и она сможет переодеться.

— Отлично. — Он швырнул полотенце в бак, широко улыбнулся и вышел из зала. Ким тут же нажала на «СТОП». Тренажер остановился и выпустил ее.

Сейчас бы ей полежать спокойно, чтобы спина и плечи перестали ныть. Но, увы, нет времени. Ким выбралась из машины и, стараясь сохранять непринужденный вид, подошла к баку. В зале убавилось народу, а те, кто был, раскачивались в своих тренажерах и не обращали на нее внимания. Ким развернула свое полотенце, под его прикрытием достала полотенце Плимута, а свое бросила.

Через десять минут она отдала пакет с полотенцем стоявшему в коридоре Солли, а сама пошла ждать встречи со своим кавалером.

* * *

Весь вечер у нее на душе скребли кошки, что она вот так использовала Майка Плимута.

Ресторан, который он выбрал, оказался своеобразным бистро под названием «Калитка». Оттуда открывался прекрасный вид на озеро и холмы. Свечи, тихая музыка, поленья в камине. Кормили отлично, вино подавалось хорошее, а Майк проявил мечтательность, которая сперва ее поразила, а потом захватила воображение.

Он родился на Пасифике и участвовал в войне.

– *На их стороне,* — уточнила Ким.

— Конечно.

Здесь нашлось совпадение: он был на борту «Хаммурапи» когда эскадра Кейна его подбила. Плимут долго дрейфовал в спасательной капсуле, пока его не подобрал патруль «гринов».

— Домой я так и не вернулся.

— Почему?

— Сам не знаю. Завел друзей. Прижился. Все меня приняли.

Он еще добавил, что изменился после того, что пришлось пережить в капсуле.

— В какую сторону? — спросила Ким.

— Наверное, лучше понял, чего я хочу в этой

жизни. Что в ней важно.

— И что же?

— Друзья. — Он подкупающе улыбнулся: — Красивые женщины. И доброе вино. — Глаза его рассеянно скользнули по горящим свечам. — Запах горячего воска.

Нет, этот человек определенно мог бы ей понравиться.

Погоди, напомнила она себе, это же *чиновник* ! Хуже того, он работает на правительство. Фанат тренировок. А так он, наверное, каждой заливает.

Плимут потянулся через стол и застенчиво тронул ее руку. Ким затаила дыхание, почувствовала, как заколотилось сердце. Ей представилось, как он подхватывает ее на руки и уносит на какой-нибудь далекий остров. Как они гуляют по лунному берегу.

Ага. Его как раз заинтересует женщина, выставившая его дураком.

Она быстро обдумала, не бросить ли затеянное дело. Но не, могла. Никак не могла. К тому же все равно поздно. Она уже назвалась чужим именем.

И все же мелькнула мысль, что скажет Солли, если она вечером не появится в отеле.

Выйдя из «Калитки», они еще час погуляли по берегу озера разговор стал интимным — в том смысле, что она увидела тягу в его глазах и услышала подтекст в его рассказах о работе и о живущих у него трех дворнягах.

— Еще я люблю ходить под парусом, — сказал он. — У меня я есть лодка на озере Уинслет.

— А подводным плаванием занимались?

— Нет, но хотел бы попробовать. А вы?

Она кивнула.

— Как-то странно, что вы работаете на правительство.

Тут же она поняла, что этого говорить не надо было, и пожалела, что сказанного не вернешь.

Но он только пожал плечами, будто привык к таким словам, и объяснил, что занимается этим не только ради жалованья. У него есть вкус к статистике и к порядку. Ему нравится заниматься упорядочением истории по журналам и дневникам — ничего нет на свете более хаотичного, — по отчетам исследователей и записям торговых операций, а потом хранить ее в документах, уже приведенную в порядок.

— Каталогизация событий дает мне ощущение контроля над ними. Да, я понимаю, как это звучит.

В другой раз такая работа показалась бы Ким упражнением для отупения. Но в голосе Плимута звучала увлеченность. И он, кажется, понимал, что она думает: что это работа для блеклого интеллекта. Так что он пожал плечами и рассмеялся, будто над собой, и Ким почувствовала себя почти безоружной.

— Прирожденный библиотекарь, — сказал он.

Подхватить разговор — это потребовало от Ким несомненного искусства. Назвавшись вымышленным именем, ей пришлось выстроить целую цепь лжи. Она сказала, что она преподаватель. Математику преподает. Нашла себе место в университете Данфорта и должна начать через две недели. Поначалу ей каждый раз было трудно вспомнить, что ее зовут Кей. И она была очень не в своей тарелке.

К концу вечера ей уже было трудно вспомнить, что она говорила вначале, в какой области математики она специализируется, название школы, в которой она работала в Терминале, точную дату прибытия в Салоники. А этот вопрос возникал? Да, точно возникал.

А откуда она родом?

— Из Орлиного Гнезда.

— У меня там брат живет. Вы из какой части

города, Кей?

А какую часть она знает? Надо придумать название.

— Из Кальяна, — сказала она, надеясь, что он тоже знает города.

— А, да.

Судя по его реакции, он это место знает. Или он играет с ней? Или сам тоже о чем-то врет?

Ким поняла, что сегодняшний вечер она запомнит навсегда. И ей представилось, как она через много лет вспоминает Майка Плимута и с болью думает, что с ним сталось.

— Вообще-то мне пора домой, — сказала она наконец.

— Да, уже поздно, — согласился он.

Он настоял, что ее проводит, и потому она назвала отель — не тот, в котором остановились они с Солли. Такси отвезло их к отелю. Пока оно плыло по облачному небу к посадочной площадке, они оба молчали.

— Я вас увижу снова? — спросил он, будто что-то понял, будто знал, что второго вечера не будет.

— Можете найти меня в отеле, Майк.

После этого снова воцарилось молчание. Огни вставали вокруг, и она поняла, что им обоим неловко, но только она знала почему. Такси

приземлилось, Ким вылезла на резкий ветер. Он вышел вместе с ней, и они постояли еще, держась за руки, глядя друг на друга.

— Майк, — сказала она, — это был прекрасный вечер.

— Что-нибудь не так? — спросил он.

— Нет, я просто устала. Был тяжелый день.

Он нежно поцеловал ее. Тело Ким напряглось, и он грустно улыбнулся, почувствовав ее напряжение.

— Я рад, что встретил тебя, Кей.

Он стиснул ее руку, посмотрел в сторону лифта и обратно на такси.

— Я был бы очень рад повторить завтра такую встречу.

— Да, — ответила она, — это было бы хорошо. — Но она не хотела, чтобы он звонил ей днем. Еще узнает, не дай Бог, что она здесь не живет. — Заедешь за мной в девять?

— Можешь не сомневаться.

— Отлично. И ты мог бы, наверное, оставить мне свой номер. На всякий случай.

— Ты прекрасная женщина, Кей.

Он стоял возле такси и глядел ей вслед, когда она шла к площадке лифта. Она вошла, нажала кнопку вестибюля. Он помахал рукой, она по-

махала в ответ, и двери закрылись. *Ты идиотка, Кей.*

* * *

— Ну и как? — спросил Солли.

Она пожала плечами:

— Нормально.

— Тебе не показалось, что он догадался?

— Нет. Он понятия не имеет.

— Отлично. Я отослал пакет Алену. Он не в восторге.

Ален — это был приятель Солли из институтской лаборатории.

— Он знает, что мы затеяли что-то незаконное и если нас поймают, он тоже влипнет.

— Он же знает, что мы его не заложим.

— Без разницы, — сказал Солли. — Не надо быть гением, чтобы допереть, кто нам помог.

Ким искренне не нравилось, какой оборот принимает дело.

— На сегодня работа кончилась, — сказал Солли. — Завтра все получим, и тогда ночью туда пойдем.

— Знаешь, Солли, — сказала она, — я начинаю думать, стоит ли это все того?

Он всем своим видом показал, что не удивлен.

— Что *я* об этом думаю, ты знаешь. Скажи только слово, и все это прекратится. Я не думаю, что этим можно чего-то достигнуть. Я не верю, что ты узнаешь что-то, чего не знала раньше. Я согласен, что Йоши могла быть в доме Трипли, но для этого тоже есть сравнительно простые объяснения. В конце концов, что удивительного, что он взял ее к себе на пару дней, если она этого хотела.

— Она собиралась в гостиницу с Эмили.

Солли пожал плечами:

— Не доказано ведь, что они *обе* сели в такси. Использовалось удостоверение Эмили. А Йоши поехала к Трипли. Ее накрыло взрывом. Она до сих пор где-то там. Поскольку никто не думал, что она там, ее особо и не искали.

Но ее тело нашли бы в общем поиске.

— Если хочешь все бросить, — сказал он, — сейчас неплохой момент.

И тут случилась странная вещь: она поняла, что Солли уговаривает ее отступить. Но будет разочарован, если она послушается.

И еще одну вещь она поняла: она не отступит. Иначе всю оставшуюся жизнь будет гадать, в чем же была правда.

11

В каждом честном человеке живет вор. Надо только дать ему волю.

Делия Томас, «Анналы Кариби», 449 г.

Пакет прибыл в середине дня. Ким и Солли достали из него тонкую пленочную перчатку, завернутую в прозрачную оболочку. Ким положила перчатку в карман не разворачивая.

День они провели, разглядывая достопримечательности и виды, хотя Ким слишком волновалась, чтобы получить от этого удовольствие. Когда солнце стало клониться к закату, они встали на движущийся воздушный тротуар, ведущий к центру Кейдона. Холодало, и поднялся ветер.

В густых сумерках здание Архивов казалось поблекшим. Уходили, кутаясь в пальто, последние посетители. Снег с каменистых дорожек и посадочных площадок был сметен. Когда Солли и Ким подошли ближе, с посадочной площадки поднялось такси, направляясь в сторону озера, покрытого блестящей корочкой льда. Солли был непривычно молчалив.

— Ты уверен, что визуального наблюдения

нет? — спросила Ким в третий или четвертый раз.

— Уверен. Только в Зале Свободы, или если системе не понравится твоя ДНК.

Ким подумала, что будет значить для ее карьеры, если ее поймают. Вообще она весь этот день почти ни о чем другом не думала. И хорошо бы, если бы под рукой был флаер на случай поспешного бегства. Но парковать флаер на площадке — это может привлечь внимание. Солли настаивал, что если они попадутся, это все равно будет не важно. Они тогда не успеют выйти из здания, как уже будет известно, кто они такие.

— Ты уверена, что хочешь это сделать? — спросил он в очередной раз.

— А что с нами сделают, если поймают?

— Несколько месяцев работ на фермах. Может быть, еще пара дней в кубе.

Куб — это была прозрачная камера, поставленная на видном месте, чтобы каждый, кто знал осужденного преступника, мог поглядеть, как низко он пал. В таких случаях извещали родственников и друзей, и они могли прийти лично или посмотреть прямо из своего дома. Ким решила, что это для просвещенного общества очень жестокий метод наказания.

Ей уже виделись заголовки: «ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА ИНСТИТУТА АРЕСТОВАНА ЗА КРАЖУ СО ВЗЛОМОМ. ЭКСПЕРТЫ ГАДАЮТ: ПОЧЕМУ БРЭНДИВАЙН ПОШЛА НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ?»

Они подошли к входной двери и свернули на дорожку, идущую вокруг здания.

— Нет смысла идти вдвоем, — сказала Ким. — Я знаю, что я ищу, так почему тебе не подождать на улице? Мы…

— Я уже слишком далеко зашел, — ответил Солли. — Может быть, я тебе понадоблюсь.

Они свернули к боковому входу, взошли по пандусу и остановились перед стеклянной дверью. За ней был коридор с дверями кабинетов. Датчик щелкнул, включаясь, и появилась надпись:

ПОЖАЛУЙСТА, ПРИЛОЖИТЕ ПАЛЬЦЫ К ОБЪЕКТИВУ. ДО ОКОНЧАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ НЕ ДВИГАЙТЕСЬ.

Ким оглянулась, проверяя, что никто не наблюдает. Потом вынула из кармана пакет, вытащила перчатку, надела на руку, натянула туго и показала Солли.

— Отлично, — сказал он.

Ким приложила пальцы к обозначенному месту. Замок щелкнул, дверь открылась. Ким и

Солли вошли внутрь, дверь за ними закрылась.

Коридор был длинный и темный, двери по обеим сторонам, серый потолок заждался ремонта. Двери были прозрачными. Когда Ким и Солли подходили посмотреть, что за ними, на дверях мигали номера и обозначения. Стандарты, Кадры, Техническое обслуживание, Планирование, Безопасность, Специальные операции.

Казалось, в здании больше никого нет.

— Тут даже в рабочие часы всего девять или десять сотрудников, — сказал Солли.

— Помощники комиссара.

— Верно. И несколько директоров. А еще — системные аналитики. Рутинная работа автоматизирована. Насколько я мог понять, после закрытия никого нет.

Это утверждение оказалось спорным. Они прошли еще несколько метров, и тут за спиной щелкнул замок. Открылась дверь кабинета, оттуда вышел человек в зеленом комбинезоне и посмотрел на них с любопытством.

У Ким остановилось сердце. Первым импульсом было бежать.

— Иди спокойно, — шепнул ей Солли, крепко беря за руку. Он внимательно прочел надпись на двери, кивнул, будто нашел, что искал, и пошел

прямо к работнику.

Тот нахмурился. У него была оливковая кожа, широкие плечи, а по выражению лица можно было понять, что у него был трудный день.

— Привет, — сказал он. — Чем могу служить?

Солли махнул в его сторону удостоверением.

— Проверка безопасности, — сказал он. — Здесь все тихо?

— Насколько я знаю.

— Отлично. — Солли многозначительно посмотрел на одну из дверей кабинетов. — Спасибо.

Он толкнул дверь и удовлетворенно кивнул, когда она не открылась. Ким поняла намек и попробовала дверь с другой стороны коридора. Так они миновали человека в комбинезоне и пошли дальше по коридору, время от времени проверяя двери кабинетов.

Он смотрел им вслед, пока они не дошли до поперечного коридора и не скрылись из глаз.

— Как ты думаешь, Солли? — спросила Ким.

— Не знаю. Не уверен, что мы не прокололись. — Они прислушались, не послышатся ли шаги. Все было тихо. Выглянув, они увидели, что человек выходит из здания. — Кажется, все чисто.

Солли заглянул в свои записки, пошел к следующему пересечению коридоров и свернул налево. Они пришли в крыло с надписью АРХИВНЫЕ ЗАПИСИ и нашли дверь с табличкой НЕКОММЕРЧЕСКИЕ МЕЖЗВЕЗДНЫЕ ПОЛЕТЫ.

Солли достал из бумажника связку универсальных ключей. Это были пластиковые карточки, закодированные на много существующих моделей замков каждая. С четвертой или пятой замок щелкнул, и дверь открылась.

— Ты мог бы быть хорошим взломщиком, — сказала Ким.

Солли был польщен.

— Здесь нет защиты от взлома. Там, где находится Инструмент — там да. Если туда хоть комар залетит, сразу воют сирены, бегут охранники, падают щиты. А здесь совсем другое. Эти старые записи никому не нужны.

Они вошли и закрыли за собой дверь.

За дверью была каморка. Окошко выходило во внутренний двор. Ким села за единственный терминал и вызвала меню. Меньше двух минут ей понадобилось, чтобы найти файл ЭМК 4471886 «Охотник», дата прибытия 30 марта 573 года, журнал командира.

— Есть! — сказала она, вставила в компьютер

дискету и дала команду переписать.

Солли поднес палец к губам. Шаги снаружи. Он отодвинулся, чтобы его не заметили через дверь. Ким спряталась за столом.

Голоса. Прошли двое, слышались голоса, потом смех. Ушли.

Ким, к своему удивлению, ощутила какой-то восторг. Она стиснула плечо Солли.

— Что такое? — спросил он.

— Надо будет еще как-нибудь такое проделать.

Шейел поправил подушки в кресле.

— Ким, рад тебя слышать. У тебя есть новости?

— Скорее всего нет. Я хотела сказать тебе спасибо, что ты выяснил размер обуви Йоши.

— Это было нетрудно. А теперь ты мне не скажешь, зачем это надо было?

— Мы нашли у Кайла на вилле захватный ботинок. По размеру подошел.

— Вот как?

— Это все, что у нас сейчас есть. И это, возможно, ничего не значит.

Он молчал.

— Мне нужна дополнительная информация.

— Конечно. Если у меня она есть.

— Что-нибудь искусственное могло быть в теле Йоши? Такое, что обнаружил бы датчик.

Он прикрыл глаза.

— Не думаю.

— Любое искусственное усовершенствование. Или ремонт организма.

— Нет, — ответил он. — По крайней мере, насколько я знаю. В детстве она как-то упала. Пришлось наращивать пару зубов.

— Вряд ли это нам поможет. Ладно, Шейел, посмотрю, не найдется ли другой путь. А ты, если что-нибудь придумаешь, позвони.

Он кивнул:

— Спасибо, Ким. Спасибо за все, что ты пытаешься сделать.

Она отключила связь, посмотрела на записанный на бумажке код и набрала его.

— Да? — отозвался голос Майка Плимута.

Видео Ким не включала.

— Привет, Майк. — Голос Ким был нежнее облака.

— Привет, Кей. Я так и думал, что ты позвонишь.

— Да, но я хочу извиниться. Сегодня вечером не получится.

— А. Понятно. Ты не заболела?

— Нет, все в порядке.

— Может быть, в другой раз?

Ким выгнала Солли из комнаты, но сейчас хотела бы, чтобы он был здесь.

— Не думаю. Не вижу смысла.

— А… — Он пытался подобрать слова — понять ситуацию или хотя бы сохранить достоинство.

— Ты извини. — Ким подумала, не сочинить ли что-нибудь, чтобы поберечь его чувства. «Я уже своего добилась, а вчера я врала». — Просто я сейчас не свободна.

— Понимаю. — В комнате настала тишина. — До свидания, Кей.

Он отключился, а она все еще смотрела на коммуникатор.

— До свидания, Майк.

Они попросили доставить в номер сыр и вино и сели смотреть бортовой журнал «Охотника». Ким вставила диск, включила экран, отщипнула сыр и повернулась к Солли.

— Готов?

Он кивнул, и она запустила программу.

Пошли заголовки, идентифицирующие корабль, время и место, состав коммерческого груза («отсутствует») и указывающие общий характер рейса. Дата по времени Сибрайта была 12 февраля. Дата отлета с Сент-Джонса.

Первые визуалы, снятые с внешней станции,

на которых показан «Охотник» и работающие на нем техники и инженеры. Солли объяснил, что они делают: эти проверяют систему жизнеобеспечения, а те устанавливают запасы воды.

— У нас два набора записей, — объяснил он. — В один идут данные от различных систем корабля, жизнеобеспечения, навигационных приборов, силовой установки и прочего. Во втором содержатся визуальные записи всего, что происходит в кабине пилота. Имиджеры записывают только движения. Если в кабине никого нет или пилот спит… — Солли развел руки ладонями вверх, — все пусто.

— А много у пилота работы, Солли?

— Это трудная профессия, Ким. Требует высокого уровня интеллекта, обширных знаний, быстрой реакции…

— Солли! — Ким устало закрыла глаза.

— Открыть тебе секрет?

— Давай. Мне можешь довериться.

— Пилота в любой момент можно выбросить за борт, и ничего не случится.

— Правда?

— Более чем. У пилота три работы: разговаривать с землей, говорить ИРу, куда лететь, и брать на себя управление, если ИР портится. Чего ни-

когда не бывает.

— И это все?

— И это все. Кстати, с землей может разговаривать и ИР.

Солли пустил запись ускоренно. Техники замелькали, быстро заканчивая свою работу, и экран опустел. Время прыгнуло на два часа вперед. На следующих кадрах Маркис Кейн входил в кабину пилота.

Это был Кейн, проживший уже сорок лет после войны, но, разумеется, не было особой физической разницы между человеком, сидевшим в кабине «Охотника», и гордым портретом в экспозиции мемориального музея Могучего Третьего. Более поздний был уже не так худ, но черты лица стали чуть более резкими. А в остальном это был один и тот же человек.

Он был одет в синий тренировочный костюм с эмблемой на плече: «Охотник» на орбите у планеты с кольцами и девиз НАСТОЙЧИВОСТЬ. Кейн был коротко стрижен и чисто выбрит. В нем были естественная молодость и жизненная сила, которые к нему привлекали. Герой войны с душой художника.

Кабина пилота не сильно отличалась от того, что видела Ким на «Охотнике». Кресла были

другие, покрытие пола светлее, стены темнее. Но расположение приборов то же самое.

Кейн сел в левое кресло и взял блокнот. Ким смотрела, как он методично проходит по списку проверки. Процедура заняла десять минут. Закончив, Кейн встал и вышел. Помня расположение помещений на «Охотнике», Ким знала, что кабина пилота выходит в верхний этаж ротонды. Имиджер прекратил запись. Часы перескочили на шестнадцать минут вперед, Кейн вернулся, сел в кресло и начал нажимать кнопки.

«Говорит „Охотник“, к вылету готов».

«Охотник», вылет разрешаю».

Кейн тронул рычажок на подлокотнике кресла.

«Тридцать секунд до старта, ребята. Пристегнитесь».

На его плечи опустились ремни и застегнулись. Кресло подвинулось вперед.

В момент вылета «Охотника» Сент-Джонс был на самом краю разведанного космоса. Это и сейчас было так. Более дальних форпостов не существовало. Много сотен экспедиций уходило за эти пределы, но для такого обширного региона это было малосущественно. Между Девятью Мирами все время шли споры, кто должен нести

финансовое бремя поддержки дальней станции. Движение кораблей сокращалось, и станция уже не окупалась. Поговаривали о ее закрытии.

«Охотник» двинулся вперед. Ким видела, как отсоединялись провода и трубопроводы. Причал в окнах и потолочных экранах поплыл назад, все быстрее и быстрее, и исчез из виду. Ускорение прижало Кейна к креслу. Он переговаривался со своими людьми и сообщал журналу, что корабль вышел из порта, лег на курс и что условия полета нормальные.

Солли прокрутил запись вперед. Кейн был один в кабине, глядел на приборы, иногда переговаривался с ИРом. Примерно через четверть часа он снова заговорил в интерком:

«Через пять минут начнем предпрыжковое ускорение. Эмили и Кайл знают, что это такое. Йоши, когда оно начнется, двигаться будет нельзя. Это будет продолжаться около двадцати пяти минут. Если тебе надо что-нибудь сделать, сейчас самое время».

— Прыжковые двигатели питаются от главной установки, — пояснил Солли. — Системам нужно почти полчаса постоянного ускорения в одно g, чтобы набрать энергии для прыжка в гиперпространство.

Кейн переключился на канал, вероятно закрытый, и сообщил Кайлу Трипли, что «Охотник» следует поставить по прибытии на генеральную переборку. Ким прокрутила запись вперед, пока на консоли не загорелась группа лампочек.

«Входим в гипер», — сообщил Кейн.

Лампочки мигнули, потускнели, вспыхнули ярче, снова замигали.

Кейн поглядел на приборы, остался доволен и сообщил пассажирам, что прыжок завершен. Опросил всех и объявил, что можно ходить. Потом поднялся, потянулся и вышел из кабины. Имиджер отключился.

Часы перескочили на семь минут, и Кейн вернулся вместе с Трипли. Руководитель экспедиции успел обдумать выбор места назначения и был решительно настроен направиться *туда,* а не *сюда.* Там много старых звезд класса «G», а здесь слишком сильное излучение от расположенных рядом молодых супергигантов. Вот новый список мест, куда надо будет лететь. Сейчас они полетят к прежней серии намеченных целей, но потом надо будет внести коррективы. Может Кейн это сделать без лишних трудностей?

Капитан предложил ему оставить список.

«Не вижу проблем, Кайл, — сказал он. — Надо

только рассчитать, как это скажется на длительности полета. А во всем остальном…» — Он развел руками, показывая, что готов сделать все, что хочет Кайл.

Остаток этого первого дня и еще долго после кабина пилота была почти все время пуста. Цифры таймера каждый раз прыгали на несколько часов вперед. Календарь начал отщелкивать даты. Каждый день ровно в 8:00 Кейн входил в рубку, иногда один, иногда с кем-нибудь и смотрел на приборную панель. Он разговаривал с ИРом, спрашивал, нет ли отклонений от нормы, не предвидится ли трудностей, нет ли чего-нибудь, на что он должен обратить внимание. Эти разговоры превратились в церемониал.

— Это предосторожность, требуемая правилами, — пояснил Солли. — Корабли строятся с большой избыточностью, так что трудно себе представить событие, которое вызвало бы неполадки без того, чтобы не сработали сигналы тревоги. И все же мы все выполняем эти рутинные процедуры. Я думаю, на самом деле смысл в том, чтобы создать у пилота ощущение, будто ему есть что делать.

Здесь Ким впервые увидела Йоши Амару. Она была живой, горячей и полной энтузиазма

относительно целей экспедиции, абсолютно уверенной, что возвращение будет триумфальным. Красивая женщина, отметила Ким. Черные волосы, темные глаза, оттененные золотой цепью и золотым браслетом.

— Очевидно, у нее были деньги, — сказала Ким Солли.

Кайлу Трипли явно нравилось в кабине. Он здесь проводил времени больше всех, если не считать пилота. Иногда он разваливался в правом кресле, скрестив ноги, обычно читая, иногда делая какие-то заметки. В присутствии Кейна или кого-нибудь из коллег он говорил, как будет интересно увидеть кривизну новой планеты, скользнуть в ее ночь, посмотреть на светлые пятна континентов. Ким понимала, что это он говорит уже в несчетный раз, а ночь остается непроницаемой. Как в течение всей истории человечества.

«Можешь себе представить, — повторял Трипли, — что будет значить, если мы их найдем? Не просто, что они есть, а что мы их найдем?»

Ким видела то, чего явно не видел Трипли: Кейн не верит, будто они что-то найдут, будто есть что находить, а если есть, то оно так затеряно среди звезд, что надеяться на успех не приходится.

Можем летать через терминаторы планет еще сотни раз, и все безрезультатно, молча говорили его глаза, пока нам не надоест и мы не найдем более полезное применение ресурсам Фонда.

Но он явно не считал нужным обескураживать своего нанимателя. Да, говорил он, в Золотой Чаше полно звезд класса «G», желтых солнц вроде Сола или Гелиоса. Время полета от одной к другой сравнительно невелико. За год можно будет облететь их много.

«Мы и облетим их много, — говорил Трипли. И добавлял: — На этот раз получится, Маркис. Я это знаю».

Кейн постоянно отвечал кивком и отсутствующим взглядом соглашаясь с Трипли, и Ким понимала, что этот разговор ведут не они первые. И никто ни разу ничего не нашел.

Она выискивала признаки напряжения между этими двоими, но не было ничего, что говорило бы, будто они не ладят. Кейн был хладнокровен, сосредоточен, скептичен и методичен. Трипли верил в свою интуицию и следовал своим эмоциям. Но инстинкты у него были хорошие, и он, в общем, был в здравом рассудке, если не считать пунктика насчет внеземного разума. У него было свое видение мира, и он не давал реальности

его нарушать. Если бы он был предан религии, он был бы среди тех, кто утверждает, что Бог и небо существуют, иначе в чем же смысл жизни? Общее впечатление у Ким складывалось такое, что этот человек так по-настоящему и не стал взрослым. Но было ясно, что в нем абсолютно нет ничего злого. Возможность, что он убил Йоши, Ким отмела. Он никого не убил бы.

Позже, в разговоре с Эмили, Кейн дал более реалистичную оценку.

«Нам нужна сотня таких судов, — сказал он. — Тысяча. И направить каждое по своему маршруту. Тогда мог бы быть шанс».

Эмили тоже правильно оценивала шансы.

Здесь Ким впервые увидела сестру с близкими ей людьми. Она вошла в кабину пилота на третий день пути, и Ким наконец ее увидела. Кейн уже был в кабине, проделывая утренний ритуал. Она подошла сзади и *сжала его плечо.* Кейн повернулся к ней, и Ким поняла, что им мешает присутствие имиджера, регистрирующего все, что происходит. Солли глянул на нее, но ничего не сказал.

Эмили изящно села в правое кресло. На ней был полетный костюм, открытый у шеи как раз настолько, чтобы видна была линия грудей.

Кейн сообщил, что все в порядке. Это было ничего не значащее замечание, простой треп, но голос его упал на октаву.

— Они любовники, — сказала Ким больше себе, чем Солли.

Конечно, ничего такого явного не было. Кейн и Эмили глядели друг на друга с деланным безразличием, которое бывает только у влюбленных, скрывающих свое чувство.

Йоши только исполнилось двадцать. Школьные оценки обещали ей хорошую карьеру, но ее тоже захватила *Мечта.* Кейн при каждом удобном случае предупреждал ее, что такие экспедиции уже много раз были. Что это кажется легким, когда сотни звезд класса «G» расположены в узкой полосе. Что вопреки предположению, будто достаточно просто найти нужную звезду, нет гарантий, что эта нужная звезда существует. Нет уверенности, что хоть у одной звезды, кроме Солнца, возникла жизнь. Восприми такую возможность, говорил он. Может быть, мы одни во вселенной.

«Этого не может быть, — отвечала она. — Основной принцип науки: ничего уникального не бывает».

Ким обратила внимание, что никто из экипа-

жа «Охотника» не говорил о том, чтобы найти *амебу*. Судя по разговорам о том, как провести первый контакт, какую технологию надо искать, какие опасности может представлять непомерно развитый внеземной разум, было понятно, что найти травинку — предел мечтаний для многих и многих, — было бы для этой группы резким разочарованием. Им как минимум надо было раскопать какие-нибудь развалины, свидетельство, что другой разум существовал.

«Пока мы не докажем, что разум мог зародиться и в других местах вселенной, — как-то сказал Кейн, — надо принимать и такую возможность, что человек есть божественное творение».

Йоши рассмеялась, но Кейн улыбнулся ей в ответ.

«А как еще ты его объяснишь? Молчание вселенной?»

У нее не было ответа.

Ким слушала, как они обсуждают свои планы. Прежде всего рассчитать биозону данного солнца, потом уже найти эту неуловимую травинку. Когда это будет сделано, когда будет найден живой мир, тогда надо будет искать следы разума, в прошлом или в настоящем.

Все это было слишком оптимистично. Но, в кон-

це концов, как однажды сказал Трипли, именно потому этим стоит заниматься.

«Если бы жизнь была в любой звездной системе, это же не было бы так увлекательно?»

К четырем часам утра Ким и Солли отсмотрели первые шесть дней полета, стараясь уловить признаки враждебности между членами экипажа, признаки чего бы то ни было, что могло бы привести к убийству. Конечно, могло мешать то, что они слышали только разговоры в пилотской кабине, где каждый говорящий знал, что его записывают, и все же было ясно: экипаж отлично между собой ладит. Кейн почти всегда присутствовал при этих диалогах, и с ним редко бывало больше одного человека, разве что когда приходили Йоши и Трипли с сандвичами и пивом.

Имелись расхождения во мнениях, незначительные и неизбежные в группе людей, говорящих о политике или истории, науке или философии или увлеченных виртуальными играми. Ким и Солли никогда такими играми не увлекались, но слышали, что в них есть довольно значительный сексуальный подтекст. Однако никаких признаков трений между Кайлом и Кейном или между женщинами не было. Очевидно, существовало какое-то согласие, но Ким не могла

определить его точную природу.

Солли уснул. Ким тоже вымоталась, но она хотела продержаться и узнать, что случится дальше. Если, конечно, что-нибудь вообще случится. Она проматывала разговоры, чтобы вернуться к ним потом и прослушать более внимательно. Иногда Кейн сидел в кабине один и читал или писал заметки либо набрасывал что-нибудь в блокноте. Ей показалось, что она увидела эскизы «Осени».

Ким проматывала записи вперед и вдруг впервые увидела *пустую* кабину пилота. Гудела сирена, мигали лампочки. Ким заметила время: 23:17, 17 февраля. Пятый день экспедиции.

Картинка на экране разделилась пополам — добавилась темная зона, в которой Ким узнала двигательный отсек.

Она разбудила Солли.

— Проблемы в прыжковых двигателях, похоже, — сказал он.

— Но ведь они в полете? В планирующем? Прыжковые двигатели в этот момент ничего не делают.

— Они все равно включены, — пояснил Солли, — и чертова уйма вещей может выйти из строя. — Он вытащил на экран поток данных и

некоторое время на него смотрел. — Вспомогательные системы питания. Избыточная система для целей безопасности. Отслеживает поток антиматерии в период прыжка. Если возникает неполадка, берет управление на себя.

— То есть двигатели будут нормально работать и без этой системы?

— Будут, конечно, но лучше так не делать.

— Почему?

— Антиматерия — капризное горючее. Имеет тенденцию вырываться из-под контроля. И если не будет вспомогательной системы, а у тебя возникнет перегрузка любого рода, можешь складывать ручки и прощаться с миром.

Солли отмотал запись к тому моменту, когда Кейн вошел в двигательный отсек. За ним шла Эмили, завернувшись в халат. Кейн остановился у консоли, нажал кнопку, и сигнал тревоги затих.

«Все в порядке, — сказал он. — Опасности нет».

Он сел к монитору и стал листать схемы. Тут подошли и остальные.

«Вспомогательная система питания, — сказал Кейн. — Экспедицию придется свернуть».

«Свернуть? — пораженно произнесла Эмили. — Это настолько серьезно? Мы не сможем починить?»

Ким на ее месте спросила бы, что им грозит.

«Я могу сделать времянку. Но не стоит мотаться возле Золотой Чаши без ВСП».

«А почему нет? — спросил Трипли. — Каков риск?»

«В цифрах объяснить трудно. Это страховочная система, которая нам нужна не будет, если не будет. Ты меня понял. Но мое мнение вообще не важно. Правила требуют возвращения».

«А кто будет знать?»

«Я. Если мы здесь погибнем, ответственность будет на мне. — Он перевел дыхание. — Кайл, это еще не конец света. Будет новый день».

«Да. — Трипли поглядел на двигатель так, будто тот намеренно его подвел. — Ладно, что мы сейчас делаем?»

«Мне нужно несколько часов над ним поработать. Кое-какой временный ремонт. Мы выйдем из гипера, и я его сделаю. Когда кончу, прыгаем обратно и летим домой».

— Они должны выйти из гиперпространства, — пояснил Солли, отвечая на не заданный вопрос Ким. — На случай, если что-нибудь пойдет не по плану. Предосторожность, чтобы не остаться в гипере навеки.

— Вот оно, — сказала Ким. — Вот где будет

встреча.

«Домой? — переспросил Трипли. — А почему не на Сент-Джонс? Тащиться до самого дома?»

«Работа большая. Такой на Сент-Джонсе сделать не смогут. Наложат заплату, как я сейчас сделаю. Но нам, чтобы снова получить сертификат на полеты, надо вернуться в Небесную Гавань».

Эмили подняла глаза на Трипли.

«Мне очень жаль, Кайл». — И лицо у нее было сочувственное.

«Ладно, — сказал он. — Делай, Маркис. И черт побери все».

Кейн обратился к ИРу:

«„Охотник“, прервать полет. Выйти из гипера».

— Погоди минуту, — сказала Ким. — Они возле звезды?

— Не знаю, — ответил Солли. — Зависит от того, что значит *возле.* Если ты имеешь в виду внутри планетной системы то очень вряд ли.

— Тогда это неправильно. Они должны были выйти посмотреть. Должны были решить выйти возле одной из семи звезд.

Солли покачал головой:

— Этого не произойдет.

Трипли вышел из кабины пилота, Эмили и Кейн пристегнулись. ИР отсчитывал минуты,

потом корабль вышел из гиперпространства. Он находился в достаточно плотной зоне Ориона, и небо было полно облаками звезд. Ничего такого, что наводило бы на мысль о близком солнце, не было видно.

Они перемотали запись вперед. Кейну понадобилось два часа на ремонт. Потом он оповестил остальных, что они отправляются, и началось предпрыжковое ускорение. Через двадцать пять минут корабль без приключений вошел в гипер и начал полет к Небесной Гавани.

Небо на востоке посветлело, окна тряс резкий ветер.

— Не верю, — сказала Ким.

Солли выключил компьютер, поглядел на нее многозначительно, вернулся на диван и закрыл глаза.

— Похоже, это была ложная тревога.

Ким разбудил коммуникатор.

— Ким? — раздался голос Мэтта. — Ты где?

— В Салониках, — ответила она.

— Ты когда собираешься вернуться?

— Я думала, ты мне позвонишь, если я буду нужна. — Ким включила только звук.

— Ты мне нужна.

Она вздохнула:

— Ладно. Что мы делаем?

— Завтра прибывает делегация терапевтов и хирургов. Мы им предложили экскурсию по Институту.

— Ладно, буду. Когда?

— В десять утра.

— Уже еду.

— Будет возможность для хорошего пиара. Будут репортеры и Джонсон.

Ведущий космолог мира. Внимание прессы гарантировано.

— Мы устраиваем ланч. Я бы хотел, чтобы ты сопровождала экскурсию, а потом поговорила с ними за едой.

Ким выслушала, сказала, что займется этим, и готова была отключиться.

— Погоди, у меня еще не все.

— Что случилось, Мэтт?

Солли тихо постучал и просунул голову в дверь. Она сделала ему знак заходить.

— Ты совала нос к Саре Бейнс? Задавала вопросы?

— К Саре Бейнс? А кто это такая? — Она отчаянно поглядела на Солли.

Тот произнес одними губами: «Отрицай все».

— Это бабка Трипли, черт возьми! У нас еще од-

на жалоба от него. Он сказал, что кто-то взял у его бабки интервью для книги. Название она вспомнить не может. Но Трипли, кажется, не очень тебе доверяет. Он сунул ей твою фотографию.

— И?

— Она говорит «нет». Но Трипли все равно думает, что это так. Это так?

— Думаю, что да, Мэтт.

Послышался тяжелый вздох.

— Ким, что мне с тобой делать? Ты решительно настроена потерять работу? Мы это уже проходили, и больше это повторяться не должно. Ты будешь держаться подальше от Трипли. Это ясно?

— Это ясно.

— Не надо так со мной разговаривать. Ты же со своей карьерой играешь, не с моей. Если эта ерунда случится в третий раз, я должен буду выставить тебя на улицу.

— Мэтт, у меня нет выбора…

— Черта с два, Ким. Я не хочу проявлять нечуткость, но твоя сестра погибла давным-давно. Остынь, Ким. Ради блага своего и других.

Она подняла глаза на имиджер.

— Мэтт, мы, кажется, нашли туфлю Йоши на вилле Трипли. В Северине.

Долгая пауза. Потом:

— Совпала ДНК?

— Нет. Совпал только размер. Но это *захватный ботинок.*

Слышно было, как Мэтт это обдумывает.

— Это пахнет судебным процессом. Ким, ты копаешься в том, что было очень давно. Ты хватаешься за соломинку.

— Знаю, — сказала она. — До завтра.

— Он прав, — заметил Солли.

Она поглядела на него.

— Надо найти ее тело.

— Йоши? Как ты собираешься его искать?

— Это может быть не так уж трудно. Она носила золото.

12

Вот унеслась любовь, подобно дыму, И это – окончание всего. Не в силах я, что был тебе любимым, Унизиться до друга твоего!

Артур Саймонс, «После любви», 1910 г. н.э.

Ким ночным рейсом вернулась в Сибрайт и выступила в Институте на завтраке перед терапевтами и хирургами. Выступление прошло удачно, но Мэтт только сказал, что рад снова ее видеть. Тон его был одновременно заботливым и обвиняющим. Он всегда умел вызвать у нее чувство вины. Ким объяснила, что у нее сегодня сумасшедший день, и исчезла, пока он не успел начать на нее давить. Первым же поездом она уехала в Ваконду, где находился Амберланский университет. Солли ждал ее на физическом факультете, где одолжил ручной сканер, который техники настроили на поиски золота.

В ответ на вопросы сотрудников, не нашли ли они жилу, Ким кивнула и сказала, что им с Солли светит серьезное богатство.

Прибор был настроен на обнаружение в диапазоне тридцати меров количества золота, примерно соответствующего браслету Йоши.

Потом они сели на «Снежный ястреб», который связывал несколько городов центрального пояса Республики, от Сибрайта на востоке до Алгонды на западе через Орлиное Гнездо.

Уединившись в купе первого класса, они сразу стали заново просматривать бортовые журналы «Охотника».

Солнце уже садилось, когда поезд вышел из Ваконды-центральной и набрал скорость, так что окружающий пейзаж слился в полосы и исчез в темноте. Солли растянулся в мягком кресле, Ким села на поперечную скамейку, обхватив руками колени.

Они снова вернулись к моменту, когда «Охотник» вышел из гиперпространства, и смотрели, как Кейн чинит ВСП.

Снова прогнали этот кусок, помедленнее.

Кейн закончил работу, известил ИРа и исчез с экрана. Через сорок минут, побрившись и надев чистую форму, он появился в кабине пилота. Вместе с ним вошла Эмили, глядя на огромные звездные облака.

«Где-то там», — сказала она, имея в виду ино-

планетян.

«Может быть, — ответил Кейн. С ней он всегда говорил куда более прямо, чем с Трипли. — Но если не будет сумасшедшего везения, одной жизни мало, чтобы их найти».

Она села в правое кресло.

«Восемь минут до прыжка», — сказал корабль.

Кейн откинулся назад и полузакрыл глаза.

«Нам повезло, — сказал он. — Первая серьезная проблема за… сколько? Дюжину экспедиций, если не больше. Неплохо».

Она поглядела на него, явно упав духом. Эмили не хотела возвращаться домой.

«Куда больше дюжины. Как ты думаешь, Маркис, сколько займет ремонт?»

Он прикинул.

«Надо снять установку и заменить. Пару дней. Не больше. Но перед вылетом кораблю нужно будет пройти общую профилактику».

Они продолжали разговор в этом духе, пока ИР отсчитывал секунды. Потом разговор заглох, когда Кейн занялся приборной панелью. Напряжение, всегда нарастающее перед прыжком, стало ощутимым.

Через тридцать секунд остановились главные двигатели и «Охотник» вошел в режим плани-

рования.

— Ничего, — сказал Солли, несколько разочарованный будто они этого раньше не видели и не знали, что ничего не произойдет. Процедура прыжка зашла слишком далеко, чтобы ее можно было остановить. Если бы рядом с ними появились инопланетяне и замахали ручками, все равно уже нельзя было ничего сделать.

«Снежный ястреб» шел через долину. В небе висели две луны Гринуэя, плывя через космы облаков. По обеим сторонам пути поднимались темные склоны. Деревья мотали верхушками в кильватерной струе поезда. Далеко на севере сияли огни какого-то города.

«Нельзя было ожидать этого прямо сейчас, — сказал Маркис. — Надо быть терпеливыми».

«Мы и были терпеливыми».

— Ладно, — сказал Солли. — С инопланетянами вопрос закрыт. Теперь ищем мотивы для убийства. — Он поглядел на Ким. — Ты думаешь, если кто-то убил Йоши и Эмили, он не взял себе золота?

— Если бы это был грабитель, то наверняка взял бы. Но у нас главный подозреваемый — Трипли. Как ты думаешь, он убил бы из-за побрякушек?

— Ты в самом деле думаешь, что он это сделал?

— Нет. Но не могу заставить себя верить, что их убил грабитель. Где бы ни была сейчас Йоши, ее золото при ней.

Ким и Солли прокрутили на скорости еще несколько разговоров, все рутинные и обыденные — что кто будет делать, когда прилетим домой, как провести это неожиданное свободное время. Трипли ясно дал понять, что собирается организовать следующую экспедицию, как только сможет, и что надеется на службу своего теперешнего экипажа. Это не было записано в журнале, но было ясно по разговорам, которые велись в пилотской кабине. И все собирались вернуться.

Это несколько снизило досаду, особенно у Йоши, которая была интерном и, наверное, боялась, что ее не пригласят снова. Шли недели, общий тонус восстановился и был достаточно высок, когда корабль стал в док в Небесной Гавани.

Йоши сказала Кейну, что в эту ночь останется с Эмили в отеле «Ройял палмз» в Терминале, а потом поедет ненадолго к семье и вернется к новой экспедиции. Не было никаких признаков, невербальных сигналов, что она говорит неправду.

Трипли пообещал поторопить ремонтников. Он оценивал время до нового вылета примерно в

месяц. Кейна это устраивает?

Кейна это устраивало.

Трипли сообщил ему, что он получит премию за свои действия, и оставил Кейна в кабине одного. Имиджер мигнул и погас.

Запись была кончена.

— Сколько бы мы ее ни гоняли, — сказал Солли, — а будет все то же. Ничего не случилось.

Перелет домой потребовал сорока одного дня. Ким и Солли стали смотреть запись снова, не очень понимая, что хотят найти. Когда Трипли говорил о Йоши, было слышно, что он к ней неравнодушен. И он казался слишком мягким человеком, чтобы учинить над кем-нибудь насилие — психическое или физическое. Вот его клонированный сын, подумала Ким, это совсем другое дело.

Они пересмотрели разговоры Кейна с другими членами экипажа, слушали, перематывали вперед-назад. Ким смотрела на Эмили и думала, как ослепительно выглядела сестра, какая была энергичная, вдохновленная великой целью. И ей оставалось жить всего несколько дней.

Но постепенно вырисовывались несоответствия. Она смотрела игру слов между капитаном и Эмили, возвращалась к началу экспедиции и

сравнивала поздний разговор с ранним.

— Замечаешь? — спросила она у Солли.

Он наклонился, прищурился на экран. Ким остановила изображение за несколько дней до конца полета. Кейн и Эмили разговаривали все более серьезно о программе физической подготовки к следующему полету.

— Что именно? — спросил Солли. — Ничего не вижу.

— Куда девалась страсть?

— Какая страсть?

— Ты считаешь, что это разговор любовников?

— Я *никогда* по их разговору не сказал бы, что они любовники.

— Солли, они раньше это скрывали. То ли от других, то ли от имиджера. Сейчас скрывать нечего.

— Может быть, поругались. Сама понимаешь, мы же далеко не все видим.

— Нет, не так. Между ними в обратном полете нет напряжения. После разрыва так себя не ведут. Это просто дружеские отношения между хорошими друзьями по работе. Совсем другое.

Поезд подходил к окраинам Орлиного Гнезда.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Солли.

Ким отключила программу, но не отводила глаз от экрана, пока поезд не остановился.

— Сама точно не знаю.

Они остановились в «Шлюзе», и Ким почти всю ночь слушала разговоры Кейна и Эмили. Вначале глубокая страсть капитана была очевидной. Он любил ее сестру. Это было видно в глазах, в каждом жесте, в интонации. Интересно, как ведут себя эти двое, когда нет записывающих устройств.

Но при возвращении было по-другому. И не потому, что, как предположил Солли, они поссорились. В этом случае они держали бы себя друг с другом холодно. Язык жестов был бы преувеличенным. Она бы увидела злость в поведении кого-нибудь из них или обоих.

Но этого не было. Они относились друг к другу как старые друзья. Не больше, но и не меньше.

Снова и снова она слушала последний разговор при подлете к Небесной Гавани.

«Спасибо, Маркис».

«За что?»

«Что доставил нас обратно. Я же понимаю, как мы на тебя давили, чтобы ты продолжал экспедицию».

«Ничего, я этого ожидал».

Они были на ночной стороне Гринуэя. Космическая станция была похожа на освещенную елочную игрушку. Два ее хвоста также были освещены, один направлен в сторону Жаворонка, другой опущен в облака.

«Как всегда, Маркис, с тобой было приятно провести время».

Ким покачала головой. Это замечание было деланным. Страсти было в нем как в цветной капусте.

«С тобой тоже, Эмили. Но я надеюсь, через пару недель снова будем вместе».

«Я тоже. Мне уже надоело возвращаться ни с чем».

Станция на экранах стала больше, «Охотник» подходил к доку. Уже были видны люди в рабочих секциях, а техник в скафандре уже ждал с соединительным кабелем. Корабль слегка тряхнуло, и он остановился. Линия лампочек на консоли отчаянно замигала и потускнела.

«Пора домой», — сказал Кейн.

Они отстегнулись и вышли из кабины, Эмили впереди. Если они что-то друг другу и говорили, это уже не записалось.

На последних минутах Солли вышел из своей комнаты, запахнувшись в мягкий желтый халат.

— Теперь, — сказал он, — Кейн останется на корабле еще несколько часов оформлять документы. Потом он поедет в Терминал и остановится в отеле. Трипли полетит домой. Йоши твоя сестра подзовут такси, скажут, чтобы их отвезли в «Ройял палмз», но туда не прибудут. — Таков сценарий.

— Но мы думаем, что Йоши так или иначе попала в долину Северина. Это может значить, что Эмили была с ней.

— Может.

— О'кей. — На улице было еще темно. — Если мы собираемся завтра вести поиски, сейчас хорошо бы отдохнуть.

Они заказали по сети снаряжение для подводного плавания и складную лодку, а также флаер, а потом пошли завтракать. Когда они поели, флаер со снаряжением уже ждал на стоянке.

Ким подключила золотоискатель к входному разъему для связи с бортом, чтобы результаты отображались на вспомогательном экране.

Через несколько минут после полудня они взлетели с крыши отеля и повернули на юг, к Северину. День был холодным и ясным.

— А как получилось, — спросил Солли, когда они летели, — что и Кейн и Трипли жили в одной

и той же деревне?

— Трипли здесь не жил, — ответила Ким. — Северин — туристское место, и он сюда приезжал на каникулы. А также в межсезонье. Трипли любил уединение.

— Кейн сюда переехал в пятьдесят девятом, получив виллу в наследство от родственника, восхищавшегося его военными подвигами. Он тогда уже начинал завоевывать себе имя как художник и решил, что здесь будет идеальное место для работы. В деревне тогда было население всего тысяча человек, и не удивительно, что эти двое встретились. Когда Трипли понадобился пилот на «Охотник», Кейн оказался рядом.

Пик Надежды возвышался над группой вершин на юго-западе. Машина подлетала к Северину, идя низко, всего метров на тысячу над землей. Широкая река не была судоходна: она спускалась к плотине каскадом порогов. По обе стороны к воде подступал густой лес. Иногда попадался фермерский дом, всегда разрушенный. Пейзаж был густо укрыт снегом.

Внизу грузовой поезд шел на запад. Он плыл над самыми деревьями, и они кланялись за ним волной, тут же выпрямляясь. Поезд шел к туннелю Калбертсона, ведущему сквозь толщу горы.

Отсюда его не было видно, но заметно было, как поезд, подходя к нему, замедлял ход.

Точных координат виллы Трипли Ким флаеру дать не могла, и потому перешла на ручное управление, скользя над озером. Оно было покрыто стеклянным льдом.

Солли включил локатор. На дисплее появились группы данных настройки, экран мигнул и позеленел. Ответ отрицательный.

Впереди на холме одиноко стояла вилла Трипли.

Она, казалось, была выдернута из реального мира, как черная дыра, как сингулярность, где законы физики слегка искажены. Где исчезают следы.

Машина спустилась на уровень крон деревьев и проплыла над самой крышей. Дисплей остался зеленым.

Служебные постройки тоже ничего не дали.

Ким облетела ближайшие окрестности виллы. Почти вся бывшая земля Трипли покрылась молодым лесом и густым кустарником. Изгороди повалились, группа елей на восточной стороне казалась мертвой.

Ким расширила зону поисков на несколько километров к западу, летая по сетке, обшарила

землю до самой гряды холмов, защитившей город в ночь взрыва. Проверила гребень, заглянула на дальний склон до той черты, где земля становилась каменистой.

По карте она вернулась назад и пролетела над деревней. Центр Северина был под водой. Ким опустилась так низко, что намочила полозья. Дисплей остался зеленым.

— Ты думаешь, что убийца спрятал ее возле ратуши? — спросил Солли.

— Если это был маньяк, кто знает, на что он способен? Убийца, вероятно, мог бы бросить труп в озеро, которое тогда было намного меньше, или в реку. Или он мог закопать ее к северу от города, в земле, которая теперь стала дном озера. В любом случае она еще под водой. И потому Ким систематически облетала поверхность озера, покрывая ее квадратами, пока за полтора часа не облетела целиком.

Это, подумала Ким, исключило самые вероятные места.

Она взяла курс на восток вдоль южного берега. Почти сразу экран замигал.

— Что-то есть, — сказал Солли. Интенсивность показаний падала и нарастала по мере движения машины.

Здесь. Сплошной лес.

— Вижу железную изгородь, — сказала Ким.

— И несколько надгробий. — Они заросли густым кустарником и были почти не видны.

И пара кованых железных ворот.

— Кладбище, — сказал Солли. Он зафиксировал место, что бы не потерять его, когда они выйдут за пределы диапазона сканера.

Ким села на поляне метрах в ста от кладбища. Возник короткий спор, кто пойдет, а кто останется.

— Это мой сценарий, — настаивала она. Солли пожал плечами.

— Только все время говори со мной.

— Все будет нормально.

Она закрыла куртку, вылезла из флаера и направилась в лес. День был холодный, ясный и очень тихий. Снег скрипел под ногами.

Ким тут же потеряла путь и должна была вернуться. Солли видел из флаера кратчайший путь, но он был загорожен оградами, кустарником, ручьями или прочими препятствиями. Со второй попытки Ким нашла ворота. Над ними была арка с надписью КОНЕЦ ПУТИ.

— Не очень большой душевной тонкости люди, — сказала она.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Солли.

— Потом объясню.

— Ладно. Ты уже вошла?

— Да. Дай мне направление.

Солли посмотрел на карту и определил, где она находится.

— Вправо на шестьдесят градусов.

На кладбище было полно надгробий, и оно сильно заросло. Ким пошла в указанном направлении.

— Отлично, — сказал Солли. — Так и иди.

Ким по дороге смотрела на надписи. Некоторым уже больше двухсот лет.

— Вот здесь, — сказал Солли. — Ты прямо на нем стоишь. Ким глядела на каменного ангела.

— Здесь только могила, — сказала она. — И *старая.* Муж и жена. Оба похоронены в начале прошлого столетия.

— Другого места нет. Это должно быть здесь.

Ким поглядела еще раз. Осмотрелась, увидела группу вязов, пару склепов и еще несколько надгробий, наполовину скрытых кустарником.

— Не может быть.

— Еще как может. Идеальное место. Здесь никто копать не станет.

— Но убийца должен был разворошить могилу.

Кто-нибудь бы заметил. — Может быть, эту пару похоронили с обручальными кольцами. — Здесь никто не стал бы прятать тело, Солли. Его бы бросили в лесу или привязали бы камень и утопила в озере.

Она вернулась к флаеру, они взлетели и возобновили поиски над южным побережьем, потом к востоку. Пока ИР отрабатывал маршрут поиска, Ким и Солли перекусили ветчиной и яблоками. День шел к концу.

К сумеркам Солли сдался.

— Знаешь, вряд ли мы что-нибудь найдем.

— Где мы еще не смотрели?

— У Трипли был флаер.

— Да.

— Если бы у меня был флаер, а я хотел бы избавиться от трупа, я бы не стал копать ямы. Слишком много работы и слишком легко тебя могут поймать.

— Мы обыскали озеро.

— К черту озеро, я бы полетел к морю и там его выбросил.

— Если он это сделал, — сказала Ким, — значит, нам не повезло. — Она постучала пальцем по приборной консоли. — Взрыв произошел через три дня после их прибытия. Надо предположить,

что все происходило быстро и ему пришлось избавляться от тела где-то здесь.

Солнце окрасило гребень пика Надежды.

— На вершине горы? — предположил Солли.

— Там сплошной гранит. Ничего там не похоронишь.

— Река, — сказал Солли. — Но выше. С той стороны плотины.

— А зачем туда?

— Там вода глубже. Посмотри по своей карте.

Целые участки плотины не пострадали. Шлюзы были открыты. Река с шумом прорывалась сквозь них и сквозь щели бетона, с южной стороны она вылетала с ревом, падая с высоты пятьдесят метров в нижний бьеф.

Они летели низко над плотиной. Машину резко качнуло ветром, и Ким вякнула. Флаер запоздало предупредил, что здесь часто бывают завихрения воздуха. «Надо соблюдать осторожность», — добавил он.

Обломки плотины были похожи на монолитный алтарь или, быть может, на забытую в реке огромную челюсть.

Бортовой ИР извинился за резкое вождение, заверил, что постарается быть аккуратнее, но пожаловался, что они поставили ему потолок,

который не дает подняться на более спокойную высоту.

Они смотрели на плотину. На верхней ее стороне река шла лоскутами бурной и спокойной воды, струй и омутов, песчаных отмелей и сломанных деревьев. Она налетала на разбитую плотину, прорывалась насквозь и падала с пятидесяти метров в Каньон, уносивший ее к озеру.

Солли велел ИРу спуститься ниже, но тот пожаловался, что это будет неразумно.

«Ветер сильный, — сказал он. — Лучше останемся там, где мы есть».

Солли вздохнул.

— Ким, — сказал он, — давай поменяемся местами.

Она покачала головой:

— Ручное управление ничего не даст. Если ему не понравятся твои действия, он возьмет управление на себя.

— Поменяемся, — сказал он.

Она послушалась, и они поменялись местами, пока флаер просил инструкций. Когда они уселись, Солли поглядел налево, нашел панель с надписью «ДАННЫЕ А» и открыл ее.

— Что мы делаем? — спросила Ким.

— Отключаем ИР.

Он показал кабель в желтой оплетке и отсоединил его от черной коробки. Флаер тут же потерял курс и начал падать. Солли перебросил пару выключателей, и из палубы выскочил штурвал. Солли попробовал его, потянул ручку на себя и выровнял машину.

— Не знала, что это можно сделать.

— Век живи, век учись, — ухмыльнулся Солли. — Готова?

— К чему? Ты решил сбросить нас в реку?

— Изгони страх, — сказал он.

— Ага. Господи, в руки Твои…

Он выбрал один из больших фрагментов плотины и посадил машину куда плавнее, чем Ким ожидала.

— Молодец, — сказала она. Он кивнул:

— Профессионализм — вещь незаменимая.

Экран замигал.

— Вот оно, — сказала Ким.

— Кажется, у самого подножия плотины.

Это было правдоподобно. Брось что-то в воду, привязав груз, и если оно вообще будет двигаться, то дальше этого места не уйдет.

Солли поглядел на темнеющее небо.

— Сегодня уже слишком поздно этим заниматься. Почему нам не вернуться завтра и не работать

при свете дня?

— Это когда мы уже так близко? Это всего несколько минут. Давай сделаем. Узнаем, что у нас есть.

Солли нахмурился:

— Такое течение и бетонные глыбы могут сделать из ныряльщика отбивную.

— Это только значит, что надо будет осторожно, — сказала она. — И вообще это не так опасно, как выглядит.

— А выглядит очень опасно.

Они огляделись в поисках места, откуда начать.

— Вон там, — сказал Солли.

Он показывал на глыбу, кусок плотины, который отвалился и погрузился в воду. Он лежал почти плоско, погрузившись одним концом, а другой торчал из воды под углом градусов десять. Только-только места для флаера.

— И лучше ничего нет? — спросила Ким.

— Места для посадки есть и получше. — Он оглядел пару пляжиков у берега. — Но оттуда тяжело будет попасть к реке.

На самом деле глыба лежала очень удобно, если удастся посадить на нее машину. Солли осторожно снизил флаер, следя, чтобы полозья были

параллельны поверхности бетона, приподняв передний конец машины.

— Держись, — велел он.

Он ощущал бетон, как человек, спускающийся в темноте по лестнице, ощущает следующую ступеньку. Порыв ветра сбил флаер в сторону. Солли поднял машину и зашел снова.

Ким мысленно приказывала машине сесть, ведя себя так, будто сама сидит за штурвалом, говоря себе *тише, тише.* Флаер коснулся бетона, взлетел, снова опустился. Опустилась корма машины, и вдруг показалось, что бетон лежит круче, чем это виделось с воздуха, и что они сейчас соскользнут в воду.

Но флаер уже стоял на бетоне.

Солли еще минуту не выключал двигатель. Ничего не случилось, и он заглушил мотор.

— Ничего себе, — сказал он, переводя дух.

Ким подождала, пока успокоится пульс.

— Я с самого начала знала, что ты сможешь.

Солли открыл дверь, вылез и пошел вверх по бетону.

— Скользко, — предупредил он.

Один из них должен был остаться возле датчика и направлять ныряльщика. Ким начала снимать серьги. Солли покачал головой:

— Останешься ты.

— Почему?

— Посмотри на реку. — Ему приходилось перекрикивать ветер и рев воды.

Ким вышла, поставила ноги на мокрый бетон и кивнула.

— Да, трудновато. А поэтому здесь должен остаться ты.

— Отчего?

Место поиска было в нескольких метрах от глыбы. Неплохо. Ким достала фал.

— Если ты будешь нырять и с тобой что-нибудь случится, мне тебя не вытянуть. Мускулы нужны на страховке.

Он впился в нее глазами:

— Просто ты упряма.

— Кто бы говорил. И вообще, это моя затея. Солли, мне будет куда приятнее знать, что ты готов прийти на помощь, если надо, чем если ты будешь там, где я тебе никак не смогу помочь, если что случится.

Он уставился на нее, и она видела, что он раздражается все сильнее. Потому что знает, что она права. Ким вытащила гидрокостюм из флаера.

— Давай закончим с этой работой.

— Не нравится мне это все.

Из бетона торчала пара железных штырей.

— Расслабься, — посоветовала Ким. Она закрепила фал за штырь, другим концом пристегнув к поясу. — Если что не так, ты меня вытащишь.

Они еще пару минут поспорили. Потом он сдался. Ким поглядела на пенную воду, бурлящую у нижнего конца бетонной глыбы, и мелькнула мысль, так ли она все это хорошо придумала и не надо ли было подождать. Она была готова сдаться, когда Солли покачал головой, опустил приемник в воду и поглядел на нее сердито.

— Упрямая ты.

— Ну и что?

Он скривился, очевидно, не расслышав, но она пожала плечами и сказала в рацию маски:

— Ничего страшного, если я спущусь на пару метров. Он кивнул и губами произнес слово «упрямая».

Ким натянула ласты, подключила сопла к поясу, прицепила фонарь к руке и натянула на плечи конвертер. Он посмотрел на нее с тревогой.

— Удачи.

Она улыбнулась в ответ, стараясь выглядеть уверенно надвинула маску и соскользнула в воду.

— Неплохо, — сказала она.

— Глыба распадается, — сказал Солли. — Долго она не продержится.

Ким нырнула, услышала щелчок включившегося конвертера — он начал извлекать кислород из воды. Ее сразу стало мотать в беспорядочных течениях. Ким проверила рацию. Солли ответил, она включила фонарь и пошла вниз, нащупывая путь вдоль гладкой поверхности бетона. Вода была мутной, видимости почти не было. Ким спускалась, пока не нащупала дно. Оно было густо покрыто илом и камнями.

— Прямо впереди, — сказал Солли. — Около двенадцати метров.

Сначала вода была относительно спокойна. Ким отодвинулась от стены, пытаясь держать контакт с дном. Она пробиралась среди обломков, затонувших деревьев, разбитых машин, глыб бетона. Напор воды отбрасывал ее в стороны, мотал так, что пропало всякое чувство направления.

Но это было неважно. На экране у Солли были отметки и цели и ныряльщика.

— Сносит вправо, — сказал он.

Течение стало сильнее. Пришлось его компенсировать струей из сопел. Это опасно, когда не видишь ничего.

— Снова сносит вправо. Цель — восемь метров

прямо по курсу.

Порыв течения бросил ее вперед. Река хватала ее, пытаясь унести. Ким заякорилась за кожух какого-то двигателя и перевела дыхание.

— Какая там видимость, Ким?

— Полметра.

— О'кей. Ты сейчас прямо над целью. Фонарь давал только туманное сияние.

— Ничего не вижу.

— Оно там.

— Его могло занести илом.

— Не удивительно. Может, всплывешь? Вызовем бригаду с нужным оборудованием и вернемся завтра.

Свет от чего-то отразился. Справа. Ким неохотно врылась каблуками в дно, отпустила кожух и поползла вперед. Кусок пластика. Торчит из ила.

— Солли, кажется, что-то есть.

— Что именно? Что ты видишь?

Так, внутри пластика…

— Туфля.

— Ты уверена.

— Да. — Ким потянула пластик на себя. — Солли, это нога.

— О'кей, спокойнее.

— Это *кто-то.*

— Ты видишь труп?

— Думаю, да.

— Мужчина или женщина?

— Ты что, шутишь? Я вижу ногу, и это все.

— О'кей. Как ты?

Она поняла, что он думает.

— Все в порядке.

— Как он выглядит? — Опять чисто деловой тон.

— Небольшой. Полагаю, это женщина. Или ребенок.

Она отстегнула фал от пояса, чтобы привязать к пакету. Но потеряла равновесие, и река подхватила ее и понесла кувырком.

Голос Солли остался спокойным:

— Обстановка, Ким? Что там у тебя?

Ее ударило обо что-то твердое, но она нашла опору для рук.

— Ким?

— Меня подхватило течением. — Она висела на ветке дерева.

— Мне спуститься?

— Нет, — сказала она. — Ради Бога, нет.

Течение пыталось сорвать маску. Ким ухватилась за нее, вернула на место и прислушалась к собственному дыханию.

— Я думаю, самое время сейчас подняться, Ким. Известим власти, и пусть они дальше этим занимаются.

— В какую сторону верх? — спросила она. Вопрос был не совсем дурацкий. Ей нужны были указания, чтобы вернуться обратно, а не всплыть где попало, чтобы ее унесло через плотину.

— Тебе нужно сместиться метров на шесть вправо. Тогда ты всплывешь прямо передо мной. Там самая спокойная вода.

Что тоже не очень много.

Но выполнить эти инструкции в воде было трудно. И Ким начала уставать. Сколько времени она уже под водой? Она включила сопла, чтобы сдвинуться направо.

— Стой! — тревожно крикнул Солли. — Не туда!

Но ее уже подхватила река. Она схватилась за что-то за кусок железа, и повисла.

— Ким, что у тебя?

Она сразу поняла. Ошибка понимания: «вправо» для него не было «вправо» для нее.

— Прости, — сказал он, сообразив. — Моя вина. Как ты?

— Нормально.

— Ты не волнуйся, что попадешь куда-нибудь,

куда тебе не хочется. Фал у меня.

У нее ныли плечи. Она перебралась к омуту и воспользовалась минутной передышкой, а потом ее понесла река. Течение стало сильнее, и вдруг Ким закувыркалась, и ее поволокло. Она во что-то влетела. Перед глазами замелькали искры, и фал дернул за пояс. Река неслась мимо, маска сбилась на лоб. Ким глотнула воды и влетела в переплетение ветвей. В живот уперлись куски дерева и железа, река старалась ее вытащить, но Ким висела.

Поток ревел в ушах, придавливая к ветвям и не давая дышать.

Ким вернула маску на место и через выходной клапан попыталась отлить воду. Но это было медленно, и Ким продула маску сама. Маска тут же снова начала наполняться.

— Ким! — крикнул Солли где-то далеко. — Как ты?

Она попыталась ответить, но лишь наглоталась воды. Выпускной клапан, казалось, ничего не делает, и река обливала стекло с двух сторон.

— Ким, что там?

Она снова вылила воду из маски, стараясь оторваться от дерева. Но фал вернул ее на место.

Фал. Он запутался.

И то ли река стала слишком сильна, то ли Ким слишком устала. Она уже не могла бороться, не могла даже подумать о том, чтобы куда-то пробиваться.

— Держись, — доносился голос Солли. — Если ты меня слышишь, я иду к тебе. Держись…

Она хотела ему ответить, попросить, чтобы он позвал на помощь, чтобы не лез в воду. Но она не могла избавиться от воды в маске, не могла ничего сказать, не могла даже закричать.

Ким сорвала маску, отцепила шланг, вцепилась в загубник и набрала полные легкие воздуха. Мысли чуть прояснились. Надо было выбираться из бурной реки…

Здесь нельзя оставаться.

Она попыталась высвободить фал, выбраться из ветвей, но каждым движением надо было бороться с потоком.

Солли пойдет по фалу. Но ему здесь не уцелеть, как и ей.

Что-то ударило в лодыжку. Течение давило, плечи отчаянно ныли, и она чуть не потеряла загубник. Одной рукой она держалась за пояс чтобы не оторвало фал, другая удерживала загубник.

Теоретически она так может провисеть несколько дней. Пока работает конвертер, можно

надеяться, что Солли приведет помощь. Но Солли не бросился за помощью, он идет к ней сам.

Если она ничего не сделает, они оба погибнут. Она-то уж точно.

Фонарь погас.

Ким пыталась распутать зацепившийся за дерево фал, но он был безнадежно перекручен. Приняв решение, Ким отстегнула его и оттолкнулась от ветвей.

На миг она поднялась в потоке, и он ударил ее о стену. Загубник вырвало. В стене были дыры, просветы, и ее тянуло туда. Вода прижимала ее, била конвертером о стену, проталкивая в узкость. Ким отчаянно искала руками загубник.

Ее сунуло в дыру и зажало головой вперед, а загубник должен был быть впереди, *обязан* был быть впереди, но она не могла его нащупать.

Это был шлюз. Сток. Но его наполовину забило мусором. Конвертер, висящий на спине, застрял между илом и бетоном.

Ким нашла загубник, благодарно сунула его в рот и сделала глубокий вдох. Воздух был невыразимо приятен. Но Ким боролась с паникой.

Обратно она выбраться не может и пролезть насквозь тоже не может. Пока она держится за свою дыхательную систему, она останется там,

где застряла.

Ким снова попыталась вывернуться.

Насколько далеко та сторона плотины? Насколько далеко она *может быть?* Наверняка не больше двадцати метров.

Ким сделала глубокий вдох, вынула загубник и расстегнула зажим конвертера. Течением прижало к ремням, но она сумела их сбросить, и река оторвала ее от конвертера, бросив прямо в сток. Ее несло мимо стен и камней, Ким старалась только прикрыть голову. Один раз на несколько отчаянных секунд ее снова зажало, но почти тут же препятствие рассыпалось.

Поток нес ее сквозь тьму. Время от времени Ким поднимала голову, надеясь найти воздушный карман, но находила только воду и бетон.

Она ударилась обо что-то металлическое — экран, может быть, решетку. Она нащупала путь в обход, и ее снова подхватило течение. Она напоминала себе, что река только проходит через плотину, а потом течет дальше. Через секунду она выплывет наружу.

Ею овладело любопытное спокойствие. Будто где-то глубоко в душе она сдалась, смирилась перед темнотой и рекой приняла их.

И вдруг давление исчезло. Ким падала.

Падение длилось бесконечно. Речной поток превратился в туман, и река мелькнула внизу, белая вода и тени на ней. Ким набрала полные легкие воздуху, вытянулась ногами вперед и ушла в тихую глубину. Потом, радуясь, что руки и ноги, кажется, еще работают, она вытолкнулась на поверхность.

13

Я не верю, будто правда когда-нибудь станет известна, а к истории испытываю глубокое презрение.

Джордж. Дж. Мид, 1871 г. н.э.

История – чушь.

Приписывается Генри Форду, 1915 г. н.э.

Все кончилось благополучно.

Когда воздушные спасатели добрались до Солли, он был прижат к затвору шлюза гидростанции. В воде он проторчал почти четыре часа.

И был не слишком доволен.

И все же и он и Ким, оба появились на следующее утро на сцене, когда полиция доставила мумифицированный труп. Он был завернут в пластик.

Операцией командовал высокий, темнокожий, темноволосый полицейский, представившийся как инспектор Чепанга.

— Расскажите, что вам известно, — попросил он.

На нем был черный пуловер с кольцевым

воротником. Борода у него была выстрижена клинышком, и он глядел на Ким усталыми безразличными глазами, будто ему приходится вылавливать трупы из Северина с огорчительной регулярностью. В теперешние времена процветания и законопослушания это вряд ли могло случаться чаще, чем раз в несколько лет.

— Это Йоши Амара, — сказала Ким.

Солли пытался дать ей понять, что не все надо говорить, но она не видела в этом смысла. Незачем ни защищать Трипли, ни ставить палки в колеса расследованию, если оно будет.

— Откуда вы знаете? И откуда вы знали, что она там?

Ким объяснила насчет туфли и насчет золота и рассказала, как они вели поиски.

Чепанга слушал, иногда кивал, часто хмурился. Наконец он оглядел Солли с таким видом, как будто хоть этот-то должен был быть получше.

— Вам чертовски повезло, что вы остались живы, — буркнул он, и не надо было даже гадать, что он был бы доволен не меньше, если бы Ким не создала для него проблемы.

Мешок с телом был нагружен камнями. Мало что осталось, кроме зубов и костей. А еще браслета и ожерелья.

— Вилла Трипли? — спросил Чепанга.

— Да.

Он поглядел на реку:

— След уже давно простыл.

Солли и Ким отпраздновали спасение из Северина в самом дорогом ресторане, который удалось найти. Они пили за храбрость и удачу друг друга, и Ким наслаждалась моментом. Она уверила Солли, что он вел себя героически, пусть даже спасательная операция пошла не так, как он планировал. Ее искренне тронуло доказательство его готовности ради нее рискнуть собой. Он воспользовался первой возможностью поворчать насчет ее дурацкого упрямства, и она признала, что была куда как неосмотрительна. Но очаровательно было его настойчивое предложение, чтобы в следующий раз она его послушала для разнообразия. Она улыбнулась, пожала его руку и настояла на том, чтобы налить ему из графина. Солли глядел на нее настолько сурово, насколько ему удалось изобразить. Он был — по-своему — самым обаятельным человеком, которого она знала. Ну, может быть, не таким обаятельным, как Майк Плимут. Но Солли был неповторим.

К концу обеда позвонил помощник Чепанги и подтвердил, что это действительно Йоши Амара.

Потом они вернулись в отель, и Ким попыталась связаться с Шейелом. Прием был не слишком хорош, неполадки где-то на линии, и изображению старого учителя, когда оно появилось, не хватало четкости. Оно размывалось по краям, особенно над плечами, и то и дело становилось почти прозрачным. Добавить сюда еще его мрачную манеру, и перед тобой призрак.

— Мне очень жаль, — сказала Ким ничего не значащие слова, особенно если учесть, что жертва мертва уже почти тридцать лет.

— Убита? — спросил он.

— Полиция ведет расследование, но… в общем, это почти установлено. — Ким сообщила очень мало деталей — на самом деле она мало их и знала.

— В реке, — сказал он.

— Мне очень жаль. — Она не знала, как еще ответить.

— Спасибо, Ким. Я очень благодарен за все, что ты сделала.

У него был вид… *пустой.* Ким поняла, что до этого момента он не расставался с надеждой окончательно.

— Что ты теперь будешь делать?

— Ждать результатов расследования.

— Я не хотела бы говорить неприятные вещи, но, учитывая, что виновники мертвы, вряд ли оно будет подробным.

Изображение прояснилось.

— Но ведь они захотят узнать правду об этом деле, — сказал он.

— Может быть. У меня есть сомнения.

— Понимаю. — Изображение снова выцвело до силуэта. — Ким, — сказал он, — а ты закончила?

— Ты имеешь в виду, буду ли я копать дальше?

— Да, именно это я имею в виду. Потому что я честно не понимаю, вообразить не могу, что там случилось. Я много изучал материалов о Трипли и Кейне. Я достал все, что можно было достать. И просто не верю, что кто-то из них был способен на убийство.

— В точности мои мысли.

— И ты будешь продолжать?

— В тех пределах, в которых смогу.

— Тогда я тебя прошу быть осторожной. Убийца может быть все еще там.

— После стольких лет? — Она постаралась сказать это скептически.

— С тобой там кто-нибудь есть?

— Да, — ответила она. — Мой коллега. Соломон Хоббс.

— Это хорошо. Держись к нему поближе.

Чепанга в тот же день провел виртуальный допрос. Он попросил Ким повторить всю историю в мельчайших подробностях. Когда она закончила, он спросил, почему ее заинтересовало это дело.

— Конец века, — сказала она. — Это мне напомнило о пропавшей сестре.

Он явно надеялся на большее. И спросил Солли, имеет ли тот что-либо добавить.

Солли ничего добавить не имел.

— Мы с ней друзья, и я хотел ей помочь.

— Отчего она умерла? — спросила Ким.

— У нее была сломана шея.

— И что вы теперь собираетесь делать?

— Мы, разумеется, проведем тщательное следствие. Хотя никуда не денешься от факта, что это было очень давно. Дела такого рода… но мы сделаем, что в наших силах.

Он поблагодарил за затраченное время и погас.

— Кажется, он нам хочет сказать, что дело закрыто, — сказал Солли.

— Он считает, что это сделал Трипли, а Трипли мертв. По крайней мере мертв перед лицом закона.

— Да, я тоже так подумал. — Солли посмотрел

на нее пристально и странно.

— Что такое? — спросила Ким.

— Ты обещала Шейелу, что будешь давить дальше. И как ты собираешься давить?

— Не знаю. Наверное, есть что-то, что мы можем сделать. — Она все еще радовалась своему спасению из реки. Кто бы мог подумать, что маленькая Кимми окажется таким молодцом? — А как ты насчет сходить в город?

— Целиком за. — Он налил им обоим, выпил, извинился и вышел к себе в спальню. Через минуту он появился в пиджаке лимонного цвета. — Совершенно новый я. Как тебе?

— Ослепительно.

— Купил на прошлой неделе. Для особых случаев.

— Отлично. Это создаст нам нужное умонастроение для следующего шага.

– *Нам?* А почему *нам?*

Ким наклонила голову и посмотрела в его немигающие глаза. Она посылала подсознательный призыв о помощи и знала об этом, и знала, что Солли это знает.

— На тебя я никак давить не буду, Солли.

— Конечно же. А каков будет следующий шаг? — спросил он осторожно.

— Найти, что случилось в отношениях Кейна и Эмили.

Они пошли в театр. Танцоры, живая музыка, знаменитая группа певцов, комик. Зал был полон. Потом они походили среди летающих тротуаров, любуясь фонтанами и бистро.

Поужинать они зашли в «Вершину мира». Но не успели они сесть, как пришло текстовое сообщение от Мэтта:

Как мы поняли, полиция нашла тело Амары в Северине. Некоторые интересуются, почему в деле замешан сотрудник Института.

Слово «некоторые» переводилось как Филипп Агостино когда-то чудо современной физики, понявший потом, что его интересует не наука, а власть. Сейчас он был директором Института.

— Подозреваю, — зловеще сказал Солли, — что этот интерес даст тяжелый осадок.

Но после пережитого в реке неприятности с начальством казались не такими уж страшными. Ким заказала бутылку вина куда более дорогого, чем могла себе позволить, налила в оба бокала и подняла тост, обращаясь к Солли:

— За все, что ты сделал.

Потом, в номере отеля, она снова посмотрела последний разговор между Кейном и Эмили,

когда «Охотник» подходил к Небесной Гавани. В кабине пилота свет был приглушен, и разговор шел как между давними коллегами.

«Спасибо, Маркис».

«За что?»

«Что доставил нас обратно. Я же понимаю, что мы на тебя давили, чтобы ты продолжал экспедицию».

«Ничего, я этого ожидал».

«Как всегда, Маркис, с тобой было приятно провести время».

— О'кей. — Ким вернулась к разделенному экрану: снова Эмили и Маркис, разговор, произошедший на несколько недель раньше, после отлета с Сент-Джонса. — Смотри теперь.

Они молчали. Эмили сжала плечо Кейна и села в правое кресло.

«Идем по графику», — сказал он.

Она наклонилась к нему, насколько позволяли ремни.

«Может быть, на этот раз будет успех».

«Надеюсь, Эмили. Искренне надеюсь».

— Слушай голос, — сказала Ким. — Смотри на язык жестов. Двое на экране сидели, говоря о чем-то обыденном. Но поведение, но тяга каждого из них наклониться к другому, коснуться, выдавали

взаимную страсть.

Ким задержала кадр, в котором они смотрели друг на друга задушевным взглядом.

— Не знаю, — сказал Солли. — Что ты хочешь доказать? — *Несоответствие.* Она прокрутила разговоры в уме и уставилась на горизонт.

— Давай сменим тему, — сказал Солли. — Мне недавно звонили из Института. Харви попросил отпуск. Им нужен пилот на замену.

— Куда?

— На Таратубу. Черная дыра возле туманности Миранды. Кандидат на сотворение вселенной. «Томас Хаммерсмит» должен лететь через две недели.

Было подозрение, но очень мало свидетельств, что Таратуба создала ложный вакуум, коллапсировала в новый большой взрыв. Младенческая вселенная. Это событие, *если* оно произошло, могло бы развиться в иной пространственно-временной континуум, навеки отделенный от этой вселенной. Но теория утверждала, что если это произошло, то возле дыры будет регистрироваться излучение Кунг Че. Представлялся шанс *пощупать* огонь сотворения. Узнать что-то об условиях до него.

— Тебя долго не будет, — сказала она.

— Несколько месяцев. — Он посмотрел ей в глаза. — Что скажешь? Тебе это создаст трудности?

— Нет. Конечно, нет.

— Понимаешь, этого никто не трогал тридцать лет.

— Конечно.

— Ты думаешь, это как-то связано?

— С чем?

Как будто он прочел ее мысли:

— С альтернативными мирами. С местом, где ты и я сидим в той же комнате, ведем тот же разговор, только, быть может, Догадались, что происходит.

Она пожала плечами:

— Это не моя область, Солли. Но я бы не отказалась обменяться впечатлениями с той Брэндивайн.

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

— Интересно, — сказал он неожиданно, — есть ли такое место во вселенной, где мы — любовники?

Он это выпалил, будто хотел успеть до того, как помешает какой-то запрет. После этого он сразу смутился, и Ким знала, что он взял бы свои слова назад, если бы мог.

Она взяла его за руку, не зная, что сказать.

Между ними всегда существовало безмолвное понимание, дистанция, созданная сознанием, что не стоит рисковать давней дружбой ради секса. Однако иногда бывали непроизвольные намеки от Солли, признаки, что он не совсем доволен сложившимся положением. Но у Ким не было никого ближе его, и она не хотела его терять.

— Надеюсь, что так, — сказала она осторожно, с улыбкой, но безразличным тоном.

Пока Солли звонил портье и заказывал билеты на утренний «Снежный ястреб», Ким уселась перед дисплеем и снова стала смотреть бортжурналы «Охотника».

Эмили и Кейн.

«Я люблю тебя», — говорили первые записи, и страсть была взаимной. Ее нельзя было ни с чем спутать.

А потом:

«Как всегда, Маркис, с тобой было приятно провести время».

Невербальные символы были почти что *профессионально* верными. Ни сексуального напряжения, ни прикосновений, ни улыбок томления. Ничего. И голоса дружелюбные, но безразличные. «Передай, пожалуйста, кофе».

— Все неправда, — сказала она вслух.

— Если поймешь, в чем дело, — сказал Солли, потягиваясь и вставая с дивана, — дай мне знать. Утром увидимся.

Ким снова вывела разделенный экран — Кейн и Эмили в начале экспедиции, Кейн и Эмили прощаются. Она прогнала обе записи на нормальной скорости, вернулась назад и прогнала их вчетверо медленнее. И тут она это увидела.

О Господи!

Перемотала назад и посмотрела снова. Сомнений не осталось.

Она постучала в дверь:

— Солли!

Он вышел, зевая и застегивая халат, с выражением бесконечного терпения на лице.

— Да, Ким? — сказал он, выражая преувеличенную готовность слушать.

Она отрубила звук и прокрутила ему записи.

— Смотри на кресла.

Он опустился на диван. Рядом с ним горела настольная лампа.

— А что я должен увидеть?

Слева, где крутился ранний разговор, запись подошла к концу, Эмили наклонилась и начала вставать. Ким остановила запись.

Справа все еще шел разговор. Эмили снова

наклонилась и потянулась вверх. Ким запустила оба изображения синхронно, замедленно. На каждом Эмили сбрасывала ремень грациозным движением левой руки, а другой отталкивалась от подлокотника.

Ким нажала паузу.

— Видишь?

— Сдаюсь, — ответил Солли.

— Смотри на сиденья.

На левом экране пластик сиденья сохранял характерные очертания человеческого зада. На правом он был безупречно гладким.

— Странно, — сказал Солли.

Они прокрутили другие фрагменты. Когда человек сидел в правом кресле и вставал, сиденье сохраняло отпечаток, медленно возвращаясь к обычной форме.

Для всех, кроме Эмили. Эмили в обратном полете.

Но в полете туда она тоже оставляла отпечаток. Ким прокрутила первый разговор из полета назад.

«Нельзя было ожидать этого прямо сейчас, — сказал Маркис. — Надо быть терпеливыми».

«Мы и были терпеливыми».

«Я знаю».

Эмили несколько минут посидела молча. Потом отстегнулась.

«Мне пора».

Кейн кивнул, и она встала.

Ким остановила картинку.

Отпечатка не было.

— Солли, скажи мне, что я думаю. Ты это всегда хорошо угадываешь.

Он почесал затылок:

— Я бы сказал, что в обратном полете нам показывают *виртуальную* Эмили.

— То есть журналы подделаны.

Солли перевел дыхание:

— Да, я бы так сказал. Но отсутствие складок на сиденье еще не обязывает к такому выводу. Может быть, свет плохо падал.

— Насколько трудно это сделать? Подделать бортовые журналы?

— Нелегко. Надо точно сделать все визуальные изображения. Проверить соответствие подделки и потоков данных. Когда «Охотник» делает прыжок, приборы должны это показать.

— А ты бы мог это сделать?

— Сфабриковать журнал? — Он сверкнул зубами под лампой. — Да. Думаю, мог бы. При наличии времени и помощи со стороны коллег.

— Так зачем нужна виртуальная Эмили?

— Потому что настоящая не хотела сотрудничать…

— …Или не функционировала. — Они уставились друг на друга.

— Может быть, — сказал Солли. — Вот что: никакой подделанный журнал не выдержит серьезной проверки. Значит, если ты права, мы можем показать это убедительно. Все, что есть на визуальных записях, должно быть согласовано. Освещение всегда *примерно* одинаково, но оно меняется, когда люди двигаются. Полностью подделать его невозможно. Слишком много деталей, и их никак нельзя сделать абсолютно верными.

Ким отвернулась от экрана к окну и стала глядеть на город.

— Кейн?

— Да, конечно. Это должен был быть Кейн. Кто-то, знающий корабль до винтиков.

— И это дает нам итоговый вопрос: что сталось с Эмили?

— Давай не будем перескакивать, Ким. Пусть сначала посмотрят в лаборатории и подтвердят, что ты права.

Она кивнула, села у телефона и вызвала справочник. Ей нужна была таможенная служба

Небесной Гавани. Найдя номер, она позвонила.

На экране появился таможенник в форме:

— Таможня Гринуэя.

— Здравствуйте, — сказала Ким. — Моя фамилия Брэндивайн. Я могла бы задать вам гипотетический вопрос?

— Разумеется, мэм.

— Он касается прибывающих пассажиров. Если кто-то должен быть на корабле, а его там нет, вы об этом будете знать?

— Да, мэм. Пассажиры должны физически пройти через таможню.

— А члены экипажа?

— Они тоже, мэм.

— То есть у вас есть список, и вы всех сверяете с ним. И если кто-то не выходит из корабля…

— А, извините, я вас не понял. Если человек не выходит из корабля, это нас не касается. Нас интересуют только люди, желающие попасть на Гринуэй.

Ким зашла с другой стороны.

— Скажите, таможня ведет списки пассажиров, сходящих с прибывающих кораблей?

— Да, — ответил таможенник.

— Вы беседуете с каждым?

— Не лично. Таможенные декларации обраба-

тываются электроникой.

— Если, например, я значусь в списке, представила декларацию, но не вышла, вы будете об этом знать?

— Нет, мэм. Нам это не будет известно.

Ким поблагодарила и отключилась.

— Начинаю понимать, почему Эмили не попала в отель. — Она налила себе выпить, но только смотрела на бокал. — Она просто не сошла с «Охотника».

— Этого мы не знаем.

— Солли, какое наказание полагается за подделку бортового журнала?

— Зависит от обстоятельств. Может быть, даже уголовное. Самое меньшее — это полная дисквалификация. Бортжурнал — дело святое.

— Значит, такие вещи без серьезной причины не делаются.

— Правильно понимаешь.

— Ладно, давай я спрошу еще одну вещь. Если бы ты создал липовый набор журналов, куда бы ты девал настоящие?

Солли наморщил лоб, обдумывая.

— Зависит от обстоятельств. Если бы я убил человека и выбросил в люк, я бы оригиналы просто *уничтожил.* Но если бы такую вещь сделал кто-то

другой, а мое участие состояло бы в том, что я помогаю это скрыть, я бы их *сохранил* — на случай, если придется доказывать, что убийца не я.

— Я тоже так подумала. Солли, а кто может для нас проанализировать эти записи? Есть кто-то, кому можно доверять?

— Есть у меня один друг, — сказал Солли.

— В Сибрайте?

— Да.

— Отдай ему это завтра. Пусть пообещает хранить тайну и посмотрит, подтверждаются ли наши подозрения. Сколько времени это займет?

— Трудно сказать. Зависит от того, сколько у него работы. И сколько мы хотим заплатить.

— Ладно, сделай так, чтобы эта работа стоила его времени. Позвони, когда будет результат.

— А что собираешься делать ты?

— Пошатаюсь здесь еще немного. Посмотрю, что еще можно найти.

Ким связалась с портье и отменила заказ на утренний поезд.

14

Много демонов водится в лесах и водах,
в глуши и в темных омутах…

Мартин Лютер, «Застольные беседы»
DLXXIV, 1569 г. н.э.

— Конечно же, я вас помню, — приятно улыбнулся Джордж Гульд и протянул руку. Было видно, что он лихорадочно припоминает, как ее зовут. — Вы сестра натурщицы Маркиса Кейна.

Он помахал указательным пальцем, будто говоря: «Как можно такое забыть?»

— Ким Брэндивайн, — сказала она. — Я хотела вам сказать, как благодарна за того Кейна, которого вы мне продали.

— О да, да, это была очень хорошая покупка, миз Брэндивайн. Очень правильный поступок. — Он вышел из-за конторки и оглядел свои запасы. — Вы интересуетесь другими его работами?

— Может быть, в другой раз, — сказала она. — Есть там одна или две, которые я бы хотела добавить к своей коллекции.

— А зачем ждать? — Он потер руки. — У нас есть очень либеральный платежный план. Какие

картины вы хотели бы посмотреть?

— Да, — сказала она, не отвечая на вопрос. — У Кейна великолепные работы.

— Несомненно. Я вам говорил, что знал его лично?

— Да, вы упомянули.

— Так что я мог бы вам показать?

— Джордж, я сегодня не планирую покупки. Не люблю накапливать долги. Я так считаю, платить надо сразу. Вы согласны?

— Ну…

— Конечно, согласны. — Ким вспомнила «Осень» и «Ночной полет» и намекнула, прямо не говоря, что вскоре попытается купить обе. — Блестящие композиции, — сказала она. — Он гений.

— Иногда нужно время, чтобы мир признал уровень таланта.

Он настоял, чтобы она посмотрела другие работы Кейна. Одна называлась «При свечах» — там ужинала пара на обзорной палубе звездолета. Рядом с бутылкой вина трепетала свеча, стены были укрыты тяжелой фиолетовой драпировкой, а рядом со столом стоял официант с подносом. Влюбленные были красивы и поглощены друг другом. Над ними через прозрачную крышу сияли красные и оранжевые кольца недавней

сверхновой, озаряя сцену жутковатым светом.

На другой, под названием «Прохождение», корабль-наблюдатель летел на фоне пульсара, выхваченный светом пробегающего луча звезды.

— Они были бы украшением любого собрания, — сказал Гульд.

Ким согласилась:

— Как, должно быть, чудесно было его знать!

— Да. Мы с ним были довольно близким друзьями, если честно.

— Я вам завидую. — Ким улыбнулась самой невинной улыбкой. — А какой у него был дом? Вы, кажется, говорили в прошлый раз, что он жил в Северине?

Гульд предложил ей кресло, и они оба сели.

— Да, верно. Именно там он и жил. Моя жена тоже тогда там жила. — Он повторил всю историю, а Ким терпеливо ее выслушала. Потом он спросил, знает ли она, что Кейн был героем войны.

— Знаю, — сказала Ким. — Расскажите мне о его вилле.

Гульд вспомнил, что гостиная была холодно официальна, сам Кейн жил в кабинете и там принимал друзей.

— Иногда, — сказал Гульд, — в город приезжали его друзья, с которыми он служил на флоте. — Он

покачал головой, вспоминая. — Да, Кейн и его друзья умели веселиться.

— Здесь красивая местность, — сказала Ким. — Наверняка из его дома открывался хороший вид.

— У него была палуба сбоку дома, где можно было сидеть по вечерам и смотреть, как солнце уходит за горы…

Так продолжалось еще несколько минут, пока Ким не почувствовала, что готова задать серьезный вопрос, который ее сюда и привел.

— Я правильно вас поняла? Вы сказали, что у него была в доме тайная комната?

— Тайная комната?

— Да. Когда я в прошлый раз здесь была, вы мне сказали что последние пару лет он запечатал часть дома. И никому ее не показывал.

— А, да, я забыл. Это был его кабинет. После происшествия на пике Надежды он перестал пускать туда гостей и перешел в гостиную.

— А как вы думаете почему? Восстанавливал ее, что ли?

— Нет, вряд ли. — Гульд состроил гримасу, означающую интенсивную работу мысли. — Из кабинета виден пик Надежды. Может быть, он просто больше не хотел на него смотреть. А может быть, просто у него развилась причуда. Это с

художниками бывает.

— Я тоже так думаю, — подтвердила Ким. — Он *никого* туда не пускал?

— Насколько я знаю, никого.

— Интересно, может быть, он тогда там начал работать? Писать?

Или прятал что-то, к чему никого не хотел подпускать? Например, бортжурналы «Охотника»?

– Сомневаюсь. У него была мастерская перед домом.

— А где был кабинет?

— Позади.

— И вы никогда его не видели после того, как он запечатал дверь?

— Нет, никогда. — Он перевел взгляд с нее на работы Кейна. — Так почему вы не хотите, чтобы я отправил к вам домой этих двух красавиц?

Кейн пришлось уплатить прокатной компании за оба гидрокостюма, порванных до невосстановимости, за маску и конвертер, оставшиеся на дне. Вопросов там задавать не стали, но сильно поморщились, когда она попросила напрокат резиновую лодку и еще один гидрокостюм. Ей объяснили, что размер залога будет существенно больше.

Через час Ким в арендованном флаере поднялась с посадочной площадки отеля в холодный пасмурный день и снова повернула на юг. Несколько минут она летела над поездом, но тот быстро ушел вперед и затерялся среди неровной местности.

Ким не сказала Солли, что собирается сделать, поскольку он настоял бы на своем участии. С ним было бы спокойнее, но Ким не терпелось получить результаты анализа бортжурналов «Охотника». И еще надо было преодолеть свой дурацкий страх перед местным демоном. Ким сказала себе, что после пережитого в реке ни одной живой твари не боится.

Ким посмотрела по расписанию, что за поезд прошел. Трансконтинентальный. Везет мануфактуру, электронику, древесину и механизмы из Соррентино к побережью. Ким всегда любила поезда. И сейчас тоже на поезде было бы приятнее.

Местоположение виллы Кейна она обвела на карте кружком. С северной стороны, где теперь глубокая вода.

Ким взяла пеленги от дома Кейна на плотину, на ратушу (на глубине пятнадцати метров под водой, но башня гордо возвышается над озером) и на бывшую станцию обслуживания флаеров

на невысоком холме, который теперь стал островом.

В мрачном свете река казалась холодной. Ким пролетела над ней и через несколько минут приземлилась на берегу Кабри.

Один из полозьев флаера оказался в воде. Переодеваясь в гидрокостюм, Ким глядела на опушку леса. От воды тянул ветерок, и ветви деревьев слегка покачивались. Ни голубая сойка не пролетит, ни олень не подойдет к берегу напиться.

Ким открыла люк и вылезла на песок. Он заскрипел под ногами. Ветер был холодным, Ким включила обогреватель и натянула на уши шерстяную шапочку. Небо нависло сверху, тяжелое и хмурое.

Вытащив с заднего сиденья лодку, Ким включила надув, поставила мотор и стащила лодку в воду. У нее было прозрачное дно. Ким бросила внутрь ласты, весло и конвертер. И пакет со снимками деревни Северин около 573 года. К этому Ким добавила сорок метров шнура с маркерами через каждые два метра и сделала из тяжелого камня импровизированный якорь.

Потом она закрепила на руке фонарь с имиджером и застегнула пояс вокруг талии. К нему она прикрепила сумку для инструментов, вложив

туда компас и лазерный резак. Проверив, что все нужное с ней, она оттолкнула лодку от берега и запустила водометный двигатель.

Озеро было неспокойно. Хотя у мотора было дистанционное управление, Ким правила вручную, сидя на корме и направляя лодку прямо в озеро.

Она пошла по пеленгу от плотины, пока ратуша и мастерская по ремонту флаеров не оказались на одном направлении. Здесь она заглушила мотор и поглядела вниз сквозь дно лодки.

Вода была прозрачна. Внизу стояла скамейка, рядом лежал брошенный флаер. За флаером просматривались какие-то стойки. Детские качели. Они покачивались, проплывая под лодкой.

Ее слегка болтало на волне.

Ким увидела дом, но это не был дом Кейна — не той формы. Схема показала, что это, очевидно, дом соседа с юга врача, который хорошо себя показал во время катастрофы.

Ким шла прямо, пока не увидела то, что искала: павильон с аркой, каменную стену — дом.

Это был он. От длинного центрального здания углом расходились крылья и внутренние дворы. Крышу с ее гребнями ни с чем нельзя было спутать.

Ким бросила свой самодельный якорь через

борт и увидела что канат ушел на четырнадцать метров. *Глубоко.* Она привязала его к уключине, натянула снаряжение и соскользнула в воду. Тут же ей стало спокойнее, будто она скрылась от враждебных глаз.

Направившись ко дну, она включила сопла.

Сверху струился серый свет. Вода становилась то холодной, то теплой, по мере того как Ким проходила разные слои. Проплыл мимо угорь. Ким включила фонарь, и несколько рыбок брызнули прочь. Лодка висела наверху темным силуэтом.

Ким выровнялась у второго этажа, рядом с круглым окном. Внутри оно было покрыто слизью. Но можно было разглядеть кровать, шкаф, пару стульев. Из отдушины выплыла рыбка, повернула к фонарю и исчезла.

Ким спустилась к входной двери. Не было ни электричества, ни ручки, ни иного способа просто ее открыть. Ким проплыла мимо, нашла выбитое окно и заплыла внутрь.

Фонарь высветил диван, камин и экран внизу стены. Это, очевидно, и была та чопорная гостиная, которую описал Гульд.

Интересно. Кейн не позаботился вывезти мебель, уезжая, бросил ее на милость поднимающейся воды.

Она выплыла в коридор. Сбоку поднималась лестница, валялись разные стулья и столы, среди обломков лежала пара балок.

Ким поплыла в другое крыло. Дверь открылась с трудом. Внутри была обстановка, в которой, очевидно, работал Кейн. Перевернутый деревянный стол валялся вверх ногами, как дохлое животное. Посреди слизистого ила лежали свертки, быть может, холсты. Повсюду валялись кисти и обломки мольберта. На стенах можно было разглядеть наброски или фрагменты набросков. В основном женские лица на фоне фонарей, деревьев, интерьеров. Но всегда ясно видна была женщина.

Наброски были не закончены, будто автор прикидывал различные идеи. Выражение лица было почти всегда задумчивым, грустным, печальным. Ни намека на жизнерадостность. Прически менялись, иногда волосы были короткими, иногда до плеч, как носили в семидесятых. Но Ким поразило, что каждая из фигур, возникавших в свете фонаря, была изображением Эмили.

Ее самой.

У нее волосы зашевелились.

Ким вынула из сумки имиджер и стала делать снимки, стараясь заснять все.

Она отправилась сюда, надеясь найти насто-

ящие бортжурналы «Охотника». Сейчас эта возможность казалась маловероятной, но у стола был ящик, и Ким его открыла. Там была только пара тряпок.

В дальнем конце комнаты была дверь, ведущая к крытой галерее, а за ней находилась умывальная. Ким вошла и увидела в галерее пластиковые контейнеры и цветочные горшки. В умывальной оказалась аптечка, Ким ее открыла. В одной баночке еще был воздух. Она всплыла к потолку.

Ким вернулась тем же путем, в гостиную и в дальнее крыло.

Она открывала ящики, взламывала шкафы, если петли не поддавались. Она искала всюду, потом пошла на верхний этаж и обшарила спальни и ванные. В кухонных шкафах нашлась пара разбитых кастрюль. Ким потрясло, что несколько наград Кейна валялись в грязи, в том числе медаль «За доблесть», высшая награда Республики. Казалось странным, что никто здесь не побывал до нее и не присвоил это сокровище.

Тора должна была ее сохранить.

Ким обтерла медаль и сунула ее в сумку.

Вдруг она ощутила в воде какое-то движение.

И почувствовала, что она не одна.

Она прислушалась, ничего не услышала и

осмотрела комнату в поисках другого выхода. Если будет необходимо, то выходить придется только через разбитое окно, рискуя зацепиться за торчащие из рамы зубья стекла. Ким резко повернулась, будто желая обнаружить невидимого наблюдателя. Но комната была пуста, если не считать метнувшихся по стенам теней.

Глухо.

Нетрудно было представить себе дух Маркиса Кейна, блуждающий по затопленному дому. Наверху, на солнце, Ким бы просто улыбнулась с добродушным презрением к своей трусости. Но здесь…

«Что-то есть в нас такое, — подумала она, — что стремится принять паранормальное. Ни наука, ни жизненный опыт ни чего не значат, когда гаснет свет».

Она вернулась в коридор, осветила его лампой и направилась в задние помещения дома, остановившись осмотреть шкафчик и небольшой письменный стол. За ней увязалась стайка рыб — длинных и радужных, сопровождавших ее, но отскакивавших назад, когда она пыталась приблизиться. Их общество было ей приятно.

Слева открылась еще одна спальня. Здесь мебель стояла более или менее на месте. Одежда

или постель — трудно было различить — лежала на полу кучкой.

Ким плыла по коридору к последней двери, находившейся с правой стороны коридора.

Святая святых.

Дверь была закрыта.

Ким нажала, сперва легко, потом изо всех сил. Дверь не поддалась. Ким взяла резак и сделала отверстие, в которое можно было пролезть.

Внутри стоял письменный стол, алтарь, несколько шкафов и столов. И кресло.

Ким проникла внутрь.

На той стороне комнаты был шкаф. Справа стена была закрыта драпировкой. В двух стенах были большие окна. Вот это окно выходило на Орлиное Гнездо. А то, что слева, открывалось на пик Надежды. Ей представилось, как Кейн сидит и смотрит на солнце, заходящее за изломанный пик. О чем он думал?

Она обшарила комнату, заглядывая в ящики, пытаясь не высыпать то, что в них было, будто это имело значение. Осмотрела шкаф, в котором была одежда и несколько нераскрытых пачек бумаги для эскизов. Закончив, она выплыла на середину комнаты, направив фонарь куда придется.

Луч коснулся драпировки на стене. Она все еще висела на месте после стольких лет.

Она закрывала *внутреннюю* стену.

Ким вспомнила наброски Эмили в западном крыле, фрески, которые делал Кейн для местных библиотек.

Включился конвертер, и она вздрогнула. Он тихо заурчал, обновляя воздух.

Что там за драпировкой?

Ким подняла фонарь. Что-то, наверное, было резкое в этом движении, потому что сразу исчезли сопровождавшие рыбки. Ким выплыла к середине комнаты, преодолевая естественную плавучесть, прижимающую к потолку. Подплыла к гардинам, коснулась их, пытаясь отвести в стороны, но они распались в руках. Ким попыталась еще раз и убрала еще одну секцию.

На этой стене был набросок.

Планета с кольцами.

Ким сдернула остаток драпировки.

Трудно было разглядеть в этом неверном свете, но планета была частью фрески с изображением женщины. Еще одна Эмили. Не было сомнения: ей улыбалось ее собственное изображение, смелое и спокойное. Она выглядела так же, как на «Охотнике», в том же синем жакете, открытом

у горла, с волосами до плеч, с задумчивыми глазами. Окольцованную планету она держала в левой руке.

И в правой у нее тоже что-то было.

Ким подплыла ближе, посветила, пригляделась.

Это было похоже на панцирь черепахи.

Ким глядела, пока холод воды не стал забираться в кости. Расплющенная капля на эллиптической платформе.

Игрушечный военный корабль.

Похожий на черепаху корабль из офиса Бена Трипли.

«Доблестный»!

Более того: хотя почти весь эскиз вылинял от такого долгого пребывания под водой, фон был полон звездными полями и… чем еще? Клубящимися облаками? Невозможно сказать наверное. Но в одном углу было характерное изображение галактики NGC2024. Туманность Лошадиной Головы.

Лошадиная Голова, планета с кольцами, черепаховый панцирь и Эмили. Ничего не приходило в голову, кроме какой-то дурацкой песенки про черепах.

Казалось, что вода становится холоднее и авто-

матический подогрев костюма за ней не успевает. Ким повернула ручку на пару градусов и стала делать снимки.

Самое логическое объяснение было таким: «Доблестный» был настоящим кораблем и Кейн когда-то на нем служил, но вряд ли эта информация могла быть неизвестна Бену Трипли, который был знаком с любыми типами звездолетов. В конце концов, это была его профессия. Ким приблизилась и всмотрелась в корабль.

Ходовых труб нет. Как и на модели.

У какого корабля может не быть ходовых труб?

У нее перехватило дыхание. Модель с полки — это копия корабля чужой цивилизации? Корабля инопланетян? Лошадиная Голова находится в Орионе, и была бы видна по курсу «Охотника». Если бы действительно был контакт, Кейн и Кайл Трипли могли отразить это каждый по-своему, один в живописи, другой — созданием в мастерской уменьшенной копии. Ранняя догадка, что модель корабля Бена Трипли является копией корабля другой цивилизации, вдруг приобрела полное правдоподобие.

Что-то привлекло ее взгляд. Что-то шевельнулось, мигнуло за пределами луча фонаря. Возле дыры, которую она вырезала в двери. Рыбка

мелькнула в луче?

Ким убрала имиджер, думая, стоит ли вызывать специалистов, чтобы восстановили стену и вынесли ее на солнце. Вилла заброшена, и никаких юридических последствий быть не должно.

Эта мысль исчезла, когда Ким поняла, что из коридора падает свет. Тусклый, еле заметный, но он был.

Ким погасила фонарь и отступила в угол. Подводная жизнь. Что это еще может быть? Какой-нибудь светящийся угорь, наверное. И все же она подобралась к окну. В раме торчали обломки стекла.

Ким последний раз оглядела комнату, подавляя беспричинный страх, и заметила кружку, наполовину занесенную илом. Подняв и обтерев ее, она увидела эмблему Триста семьдесят шестого. Кружку она положила вместе с медалью «За доблесть».

Свет стал ярче. Зеленое такое свечение, как от фосфора.

Ким оттолкнулась от стены и медленно проплыла по комнате, так, чтобы заглянуть в коридор, не слишком приближаясь.

На нее смотрела пара глаз. Больших, зеленых, немигающих. Смотрела прямо на нее.

Разумные глаза.

Безумные.

Никакой головы не было видно, только глаза, плавающие почти независимо друг от друга там, в коридоре. Большие, *огромные.* Слишком огромные для любого существа, которое могло бы поместиться в коридоре.

Сердце застучало, Ким чуть не потеряла загубник. Она нырнула прочь от двери, через всю комнату, включила сопла и вырвалась сквозь разбитую раму, прихватив с собой стекло и дерево.

Она рванулась к поверхности, и в голове билась мысль, что ничего не было при этих глазах, ни головы, никаких признаков тела.

Она вынырнула уже в темноте. Огляделась, увидела лодку бешено поплыла к ней, почти ожидая, что ее сейчас что-то схватит и уволочет вниз. Ким перевалилась через борт, обрезала якорь, сорвала с себя маску и запустила мотор.

Лодка поползла с доводящей до исступления медлительностью.

Ким не знала, где флаер. Небо было полно звезд, но берега лежали совершенно ровные, всюду одинаковые. Ким заставила себя действовать медленнее. Посмотрела на компас, направила лодку на юго-восток.

За спиной что-то фыркнуло, но ничего не было видно.

Ближе к берегу пришлось покружить возле леса, где виднелись дома и полоски пляжей. Время от времени показывались огни, мигающие среди деревьев параллельно ее курсу, будто следящие за ней.

Наконец фонарь выхватил из темноты желанный силуэт флаера. Ким резко повернула к берегу, выбежала на пляж и бросилась к машине. Оказавшись внутри, она велела флаеру взлетать.

«Куда?» — спросила машина.

— Куда угодно, — ответила она. — *Вверх.*

15

Не знаю я пути к созвездию Дракона.

Джордж Томас и Ливия Хоув, «Варьете Арктура», акт второй, 600 г.

— Этого нельзя было делать! — говорил Солли. Он был в ярости. — Нельзя было идти одной. Ты это знаешь.

— Да, — сказала она. — Теперь знаю. Больше никогда так не сделаю.

Он помолчал. Потом сказал:

— Ким, это наверняка был угорь или что-то в этом роде.

Ким находилась в номере отеля в Орлином Гнезде, сидя в халате на диване, подобрав ноги. Виртуальный Солли сидел в виртуальном кресле в проекционной зоне. За его спиной через широкое окно виднелся океан. Солли был дома.

— Не был это угорь, — с напором сказала Ким. — И мне это не примерещилось! — Она не смогла сдержать слез, и это еще больше ее сконфузило. — Это было на самом деле, Солли!

— Ладно, ладно, — сказал он.

— Что бы это ни было, оно там было, и это не

был человек. Но взгляд был *разумный.* Эта штука смотрела прямо мне в душу.

— Ладно, — сказал он. — Но больше мы в воду не полезем, правда?

Ким сглотнула, овладевая собой.

— Ладно, — сказала она, но голос ее еще дрожал.

— Может, это был кальмар или что-то в этом роде, который пролез туда за тобой?

— Озеро пресноводное.

Солли долго молчал. Потом спросил:

— Ты это засняла?

— Нет, — ответила она. — Мне было малость не до этого.

— Так что же это было, по-твоему?

— Ты действительно хочешь знать, что я думаю? Да? Так вот, я думаю, что Шейел был прав. Я думаю, что они что-то с собой привезли. И пусть это звучит по-сумасшедшему, но я знаю, что я видела — то есть *не* знаю, но оно там было, и это не кальмар.

— Хочешь, чтобы я приехал?

— Нет, с меня хватит. Я через пару часов лечу домой.

Солли вздохнул с облегчением.

— Но ты не собираешься возвращаться к озе-

ру?

— Нет. — Ким деланно рассмеялась. — Ни за что на свете.

— А что с лодкой?

— Я сказала прокатной конторе, где ее найти. Они взяли с меня за доставку, но меня это устраивает.

— Ну и хорошо. — Солли явно успокоился, и Ким была приятна эта его реакция. — А теперь давай минутку подумаем. Как эта штука могла пройти таможню? Как попала в лифт?

— Не знаю. Может быть, она была *внутри* кого-то. Может быть, она подчинила себе Эмили. И поэтому ее не было видно в бортжурналах.

— Ким! — Глаза Солли на миг потеряли фокус. — Чего ты начиталась? Ты хоть представляешь себе, как это звучит?

— Солли, ответов у меня нет. Я только видела то, что видела.

— Ладно. — Он посмотрел оценивающим взглядом. — Ким, уверена, что уже пришла в себя?

— Я в норме.

Ну да, как же.

— Я так понял, — сказал Солли, — что журналов «Охотника» тебе найти не удалось? В смысле настоящих?

Она поглядела в окно. Солнце сверкало на гранях пиков. Снаружи лежал нормальный мир.

— Нет. Но что-то там есть. — Она показала снимок эскиза на стене.

— Боже мой! — Солли наклонился вперед, прищурился. — Это же снова Эмили!

— Кажется, она была его любимой моделью.

— Это точно. Что у нее в руках?

Ким дала крупный план, посмотрела, как Солли разглядывает планету и корабль. Рассматривая «Доблестного», он нахмурился.

— А это что за штука? Черепаха?

— Какой-то корабль. Что странно, так это то, что такая модель стоит в кабинете Бена Трипли.

— Та же конструкция?

— Да.

— А какого черта она делает на этом эскизе?

— Солли, это *может быть* корабль инопланетян. Может, именно его они видели в космосе. — Ким поправила подушки. — Я думаю, они вышли из гипера возле одной из семи звезд и увидели вот это. — Она встряхнула фотографию. — Надо поискать и выяснить, существовал ли когда-нибудь корабль, похожий на этот. Трипли об этом не знал, так что я уверена, что такого корабля не было. Смотри, у него же нет ходовых труб — по

крайней мере на модели нет, по рисунку сказать трудно. Насколько я знаю, все, что строили мы, построено с ходовыми трубами. Если я права, то корабль либо вымышленный, либо чужой. Если вымышленный, как он мог появиться и на фреске Кейна и на столе у Трипли?

Солли забарабанил пальцами по креслу.

— А зачем Трипли — Кайлу Трипли — нужна была бы модель?

— Не знаю. Получи ответ на это — быть может, и все остальные ответы прояснятся.

— Ладно, — сказал Солли. — Сменим тему.

— Да?

— Ты была права. Журналы полностью поддельные. По крайней мере с того момента, как произошла поломка двигателей.

— Возможно, это и есть первый вопрос. Была ли поломка?

— Вероятнее всего. Если нет и если при этом контакт был, он выглядит как запланированная встреча. А это сильная натяжка. Нет, думаю, можно допустить, что поломка была настоящей.

— О'кей. Если то, что мы видели в журнале, точно ее описывает, достаточно ли было ее, чтобы заставить корабль выйти из гипера?

— Несомненно. При любой неполадке двигателя

надо сначала выйти из гипера, а потом начинать с ней возиться. Правило техники безопасности. Потому что иначе, если что-то случится, о тебе никто никогда ничего не узнает.

— Это уже кое-что. Теперь мы знаем, что журналы верны до момента возникновения неисправности. И что виртуальная Эмили появляется примерно в это время.

— И каков будет наш следующий шаг? — Солли заговорил чуть более низким голосом — прилив тестостерона подтолкнул его в ту сторону, в которую он идти не намеревался. — Что, если я прилечу в Северин и посмотрю, не удастся ли *мне* заснять эту штуку?

— Нет, Солли, я ее боюсь. Не хочу вообще иметь с ней дела.

— Не слишком научный подход.

— Плевать.

— Ладно.

Ким видела, что Солли несколько неловко, будто он думает, что должен немного поспорить, может быть, настаивать на том, чтобы прилететь. И она сменила подход:

— Ты уже решил насчет полета к Таратубе?

— Пока нет. А что? Ты тоже хочешь?

— Я хочу поговорить с Мэттом, не даст ли он мне

взять «Мак». Если да, мне нужен будет пилот.

«Мак» — это был «Карен Мак-Коллум», один из двух звездолетов Института, находящихся сейчас на Гринуэе.

— Зачем тебе звездолет? Куда ты собралась?

— Хочу взять быка за рога.

— Не говори красиво. Что ты имеешь в виду?

— Надо выяснить, действительно ли была встреча «Охотника» с чужим кораблем.

— И как ты предлагаешь это сделать?

— Полететь туда и пошарить вокруг.

— Ким! — Он разглядывал ее, пытаясь найти в ее предложении смысл. — Речь идет о событиях почти тридцатилетней давности.

— Если они нашли цивилизацию, она никуда не делась.

— Но мы, кажется, говорим о *корабле.* И ты думаешь, этот корабль до сих пор там околачивается?

— Может, и нет, но это не важно.

— Как это?

— Следы все равно остались.

Ким сошла с поезда в заповеднике Бланшет и взяла такси до Темпеста, где располагался университет Орлин. Она впервые прилетела сюда после выпуска из университета, и ее поразило,

как изменился город. Рекреационный комплекс «Мак-Фарлен» был заброшен, большая часть восточного кампуса стала общественным парком, а дома, кроме одного-двух, вылиняли и облупились.

И все же приятно было снова увидеть знакомые места, быть может, из-за их обыденности, принадлежности к солидному, предсказуемому миру. Здесь призракам делать нечего. От университета исходило спокойствие — от астрономического центра Томпсона, где все так же принимали постоянный поток изображений со всех обсерваторий из Рукава Ориона, от студенческого клуба «Пьяччи» с кафетерием, от парка Палфри, где она часто делала задания в хорошую погоду. К северу стоял лесок, и через него почти был виден дом, где Ким когда-то жила.

А вот тут, у конца тихой улицы, стоял дом, где Шейел Толливер собирал группы аспирантов и преподавателей на ланч и дискуссии по любым вопросам.

Никогда не ищите в дипломатических решениях сложности. За очень редкими исключениями, все они исходят — и это точное слово — из чьих-то эгоистических интересов. Кстати, не национальных интересов. Мы говорим о личностях.

Тогда Ким в это не поверила, приписав растущему с возрастом цинизму стареющего преподавателя. Она была идеалистки. Сейчас, несмотря на сохраненную веру в достоинство среднего человека, она была убеждена, что людям, чьи стремления направлены к власти, доверять нельзя — они, преследуя личные цели, забывают о благе людей.

Последний сбор неформальной дискуссионной группы Шейела случился за два дня до диплома. Это был прощальный сбор, студенты принесли сувениры для обмена, а Шейелу дали медаль с надписью ЗА НЕОСЛАБНУЮ АДЕКВАТНОСТЬ. Обыгрывалось его утверждение о том, будто стандарты группы настолько высоки, что даже *адекватность* — уже достижение.

Дом был построен из камня и стекла в стиле лесной усадьбы, с садом на крыше и большим эркером, выходящим сельскую дорогу. Над восточным крылом господствовал портик, сзади располагался бассейн. Уличный фонарь был включен для встречи Ким.

Она вспомнила, как стояла у бассейна на последнем собрании и пила лимонад — странно, какие мелкие детали застревают в памяти — с Шейелом, еще одним преподавателем и несколь-

кими студентами, и разговор как-то перескочил на прискорбное состояние истории человечества: бесконечный калейдоскоп крови, отчаяния, коррупции, упущенных возможностей, угнетения, а зачастую — самоубийственной политики. И Шейел высказался по поводу того, что считал коренной причиной:

Есть обратная зависимость между властью, которой обладает человек, и уровнем функционирования его разума. Человек ординарного ума, приобретая власть любого рода, приобретает преувеличенное представление о своих способностях. Возле него собираются подхалимы. Решения перестают подвергаться критике. А возможности вмешиваться в жизнь других растут, и склонность это делать укрепляется. В конце концов получается Людовик Четырнадцатый, считавший, что сделал Франции много добра, хотя оставил после себя разрушенную страну.

Открылась дверь, и вышел Шейел. Посмотрев вверх, он помахал снижающемуся такси. Ким помахала в ответ. Флаер сел на площадку, и Шейел подошел подать ей руку.

— Рад тебя видеть, Ким, — сказал он. — Словами не передать, как я тебе обязан.

— Я рада была помочь.

Они стояли на ярком солнце, разглядывая друг друга. Шейел был одет в темно-синюю свободную рубашку с длинными рукавами и светло-серые штаны. Ким обратила внимание на бледность, которой на виртуальных изображениях не было заметно.

Такси улетело.

— Какие у тебя планы на этот день? — спросил он. — Можно тебя соблазнить остаться к ужину?

— Это очень мило с твоей стороны, Шейел, — сказала она. — Я бы хотела, но у меня напряженный график.

— Жаль, — сказал он, пропуская Ким в дом.

Она не помнила деталей обстановки, но книжные полки вдоль стен были на месте, и все те же стеклянные двери вели во внутренний двор. И в деревянной раме все та же копия Главного Листа, принципы которого легли в основу Устава правления.

— Я как раз вспоминала времена, когда ты нас тут собирал, — сказала Ким.

Он, казалось, был озадачен, и Ким было решила, что он забыл, как был открыт его дом для студентов.

— Да, — ответил он после паузы. — Сейчас я этого уже не делаю.

— Жаль, — сказала Ким. — Это было очень интересно.

— Сейчас приняли правила, которые запрещают собрания вне кампуса. — Шейел пожал плечами, оставляя тему. — Что прикажешь тебе налить?

Ким выбрала красное вино, и они ушли в кабинет Шейела.

— Мне жаль, что мы так мало выяснили о Йоши, — сказала она. — Полицейские сказали, что будут этим заниматься, но, как я уже говорила, я в этом далеко не уверена.

Она не поняла, что он смешал для себя. Цвет был лимонный, а пахло мятой.

— Я вполне понимаю, Ким. Ты что-нибудь узнала о своей сестре?

Она задумалась, не зная, как это сказать. *Что-то,* конечно, узнала.

— Нет, — сказала она. — Никаких следов.

— А как ты себя чувствуешь? — спросил он. — Я читал репортажи, ты чуть не погибла.

— Да, это было приключение, — согласилась она.

Он поднес бокал ко рту.

— Мы всегда гадали, то ли Йоши была как-то ранена, то ли заблудилась — кто знает?

В кабинете были два ее портрета в рамах: на одном ребенок лет четырех стоит в патио, держа Шейела за руку. На второй, выпускной фотографии, девушка была во всей своей элегантности.

— Не знаю, утешение это или нет, — сказала Ким, — но она, по всей видимости, погибла сразу.

Предварительный отчет полиции еще не был составлен, и Ким не знала, страдала ли Йоши перед смертью. Но сказать такое все равно было уместно.

Шейел поглядел влажными глазами.

— Ужасно, когда так резко прерывается молодая жизнь.

Ким ничего не сказала.

Он посмотрел пристально:

— Я полагаю, ты вряд ли прилетела просто меня проведать. Что ты хочешь мне сказать?

Она ответила таким же пристальным взглядом:

— Сначала я хотела бы задать вопрос.

Он наклонился к ней.

— Когда ты впервые ко мне с этим обратился, ты сказал что в долине Северина что-то бродит на свободе. И если я в этом сомневаюсь, то могу туда поехать и провести там несколько часов.

— Да, вероятно, я что-то в этом роде сказал.

— Кажется, ты сказал, после заката.

— Я не помню разговора в подробностях.

— «Я это чувствовал. Поезжай посмотри сама. Но не езди одна». Вот что ты сказал.

— Согласен.

— Я это сделала, Шейел.

По комнате прошел холодок.

— И?..

— Ты был прав. Там что-то есть. Что ты об этом знаешь?

— Только то, что там что-то гнетущее. Пару раз я видел огни в лесу. Но ничего такого, что можно подержать и пощупать. — Он опустил глаза. — Высказывались мнения, что именно поэтому люди оттуда уезжали.

— А как они могли остаться? — спросила Ким. — Ведь плотину разрушили?

— Ее решили не восстанавливать именно потому, что люди покидали деревню. — Шейел полузакрыл глаза. — Тут богатая история. Посмотри в любом источнике. — Он подошел к полкам и снял несколько книг, постучал пальцами по одной из них, с серой обложкой и картинкой, изображающей освещенный луной призрак. — Особенно рекомендую вот эту: Кэтрин Клайн,

«Призраки Северина».

Призрак не имел ничего общего с видением, которое предстало Ким.

Он перебрал остальные тома, комментируя в том же стиле, выкладывая их перед Ким.

— Они сильно перегружены подробностями, но свидетельства явные.

Ким проглядела книги, пока он наливал вино.

— Я там был несколько раз. Это уже годы прошли после моего разговора с Кейном. Плотину давно снесли, и деревня обезлюдела. Ты там была, ты знаешь, о чем я говорю.

Мне она не давала покоя. Быть может, потому что я *знал,* что это связано с исчезновением Йоши. Я тогда чувствовал, как что-то движется в темноте. Долина меня испугала. Меня не легко испугать, но ей это удалось. — Шейел ушел в себя. — А почему — мне не скажешь, что видела ты?

— На самом деле, ничего, — сказала она. — Но там очень *тихо.* Ты понимаешь?

Он кивнул:

— Ты узнала что-нибудь об «Охотнике»? Контакт был?

Она показала картинки:

— Я думаю, они встретили чужой корабль, и он,

мне кажется, выглядел так.

Шейел наклонился, открыл ящичек стола и вытащил лупу. Навел ее на снимок.

— Ты действительно так думаешь?

Подавленный тон разговора сменился возбужденным интересом.

— Да, я так думаю. У меня нет доказательств. Даже серьезных доводов нет. Но я думаю, что так это было.

Шейел поглядел на фотографию фрески и вытаращил глаза.

— Боже мой, это же Эмили!

Медаль «За доблесть» сверкала в лучах полуденного солнца. Тора Кейн протянула руку, взяла ее и повертела, рассматривая. Прочла имя отца на обороте.

— Где вы ее взяли?

— В долине Северина.

Тора заметно помрачнела.

— Вы никак не хотите оставить это в покое?

— Я думала, вы захотите, чтобы она у вас была.

— Это зависит от обстоятельств.

— Каких?

Они стояли на берегу бухты Колеса, там же, где говорили в прошлый раз. Ким держала руки в карманах куртки. Прилив отступил, по песку

бродили чайки.

— От того, что вы еще мне можете рассказать. Когда вы закончите разнюхивать, вы собираетесь выдвинуть обвинения против моего отца?

— Вы думаете, он совершил что-то противозаконное?

— Послушайте, Ким… — она прикусила язык на этом имени, — Маркис никак не был совершенством. Он был вспыльчив, не слишком тактичен, иногда забывал, что у него есть дочь. Но он по сути своей был человек достойный, и я знаю, что ни в чем мерзком он замешан быть не мог.

— Вы были когда-нибудь на вилле?

— В доме в долине? Конечно.

— Вы там бывали после взрыва на пике Надежды?

— Да. Я время от времени навещала отца. Я там жила детстве. Когда я выросла, мои родители не стали продлевать брак. Но я туда наезжала при каждом удобном случае.

— Могу я спросить, когда это было?

— Я уехала с виллы в шестьдесят девятом. Потом наезжала раз или два в год.

— Вы не помните, была ли в кабинете фреска?

— В кабинете? Нет, не помню, чтобы была.

— А вы бы увидели ее, если бы она была?

— Конечно. Послушайте, к чему вы клоните?

— Сейчас там фреска есть.

— И что?

— На ней изображена моя сестра.

— А! — Тора глянула на солнце. — Хорошо. Но я не вижу, что отсюда следует.

— Доктор Кейн, насколько я понимаю, ваш отец закрыл часть дома после экспедиции «Охотника». Вы что-нибудь об этом знаете?

— Часть дома?

— Кабинет.

— Это было его личное пространство. Ничего необычного в этом не было.

— Вас туда пускали?

Ким видела, что она обдумывает ответ.

— Нет, — сказала она. — В последние годы — нет. Он держал его запертым.

— Он не говорил почему?

— Нет. И меня это действительно не интересовало. И не понимаю, какое вам вообще до этого дело.

Ким кивнула:

— Благодарю вас.

— Теперь, если вы меня извините…

— Я прошу прощения, — сказала Ким. — Я понимаю, что вам не очень приятна моя личность…

Тора промолчала.

— Но я восхищаюсь вашим отцом.

— Рада слышать.

— Не думаю, что вам надо бояться за его репутацию.

Тора вздохнула, повернулась и пошла. Ким глядела ей вслед. До какой-то степени она сама верила тому, что сейчас сказала.

На следующий день у нее было выступление в Клубе Мореплавателей, который к морю отношения не имел, а был просто собранием пожилых граждан. Название означало, что эти люди полагают, будто проплыли свой жизненный путь, а теперь прибыли в тихую гавань, где собираются с удовольствием провести оставшееся время.

Печать клуба, изображенная на его баннере, содержала якорь и пять звезд — по числу главных принципов клуба, и его девиз: «Держись спиной к ветру». Ким прочла основные принципы, чтобы включить их в свое выступление. Это были стандартные трюизмы, вроде «Всегда держись на волне» или «По-настоящему неудачная попытка — это та, которая не была сделана».

Институт, сказала она мореплавателям, очень похож на их клуб.

— Его дело — расширять горизонты и бродить

по космосу. И не всегда удача приходит с первой попытки. Так устроена жизнь. Так устроена наука. Как и вы, мореплаватели, мы не боимся неудач, и только так мы и узнаем новое.

Как обычно, она хорошо владела аудиторией и была награждена восторженной овацией. Ведущий искренне поблагодарил ее за то, что согласилась прибыть, многие рвались задавать вопросы или говорить комплименты, один попытался назначить свидание, а председатель клуба отвел ее в сторонку и объяснил, что каждую весну пятьдесят процентов взносов клуба обычно передаются достойному учреждению, как правило, образовательному. Он хотел, чтобы она знала, что ее речь произвела на него сильное впечатление, что остальные члены правления разделяют его чувства и что Институт может рассчитывать оказаться получателем ежегодного дара.

Она знала, что это будет немалая сумма, и была рада, что может отнести в Институт такую хорошую новость.

Мэтт ее ждал. Ким по общей атмосфере кабинета поняла, что не с хорошими вестями. Что-то случилось. Вряд ли коллеги знают подробности, но в них чувствовалось то же напряжение, что и в начальнике.

— Ты меня хотел видеть? — спросила она, остановившись в дверях.

Он разговаривал с ИРом — что-то насчет ожидаемого соотношения затрат и прибылей — и жестом показал ей войти, не прерывая разговора. При этом он на нее не смотрел, но в голосе его появилась холодная нотка. Закончив разговор, он повернулся, покачал головой с таким видом, будто живет во вселенной, к которой никак не приспособится, жестом попросил Ким закрыть дверь и, не говоря ни слова, включил ВР.

Ким села. На экране появился Бен Трипли.

— Это получено час назад, — сказал Мэтт.

Трипли сидел на краю стола, и вид у него был очень недовольный.

— Фил! — сказал он, очевидно, обращаясь к директору Филиппу Агостино. — Я просил вас сказать доктору Брэндивайн, чтобы она перестала влезать в мои дела. Сейчас из-за нее мне устроили допрос в полиции, и она совершенно недопустимым образом треплет имя моего отца. — Над плечом Трипли была видна передняя секция «Доблестного». — Должен вас известить, что я в настоящий момент пересматриваю вопрос о поддержке, которую оказываю Институту, поскольку у вашей организации слишком много

свободного времени и она склонна копаться в давно опровергнутых слухах. Ставлю вас в известность, что, если в результате этого инцидента будет нанесен ущерб моей собственности или репутации, я с сожалением буду вынужден прибегнуть к защите закона.

Изображение мелькнуло и погасло.

— Прокрутить еще раз? — спросил Мэтт.

— Да, — сказала Ким. — Но без звука.

Он уставился на нее, захваченный врасплох, ожидая, что она отменит просьбу. Она этого не сделала, и он запустил запись снова. Ким подошла к столу, чтобы остановить воспроизведение, когда ей будет нужно.

— Директор дал мне указание попросить тебя написать заявление, — сердито сказал Мэтт.

— Трипли — псих.

— Он влиятельный псих, Ким.

Она остановила изображение. Трипли стоял с раскрытым ртом, наклонясь вперед, тыча пальцем в их сторону.

— Посмотри на это, Мэтт, — сказала Ким. Она попыталась увеличить изображение «Доблестного», но он и так занимал весь кадр.

— Ну вижу. Похоже на книгодержатель. Что дальше?

— Это модель звездолета.

Он пожал плечами:

— И?

— Мэтт, я уверена, что «Охотник» встретил корабль инопланетян.

— Ким…

— Доказать не могу, но ручаюсь чем хочешь. — Она показала на «Доблестный». — И вот как он выглядел. — Как эта модель.

— Да. Я понимаю, что это звучит глупо, но почти на сто процентов уверена.

— Если так, зачем Трипли держит это в секрете?

— Я думаю, он об этом не знает. Ни об экспедиции, ни о модели. Я считаю, что его отец сделал эту модель в местной мастерской сразу по возвращении. После взрыва бабушка Бена нашла корабль на вилле, решила, что это игрушка, и отдала внуку.

У Мэтта был такой вид, будто ему ботинки жмут.

— И какие у тебя факты?

Она рассказала ему о подделке бортжурналов, показала снимки картин на подводных стенах Кейна. О призраке в коридоре она промолчала.

— Как ты узнала, что журнал фальсифициро-

ван?

— Его проанализировали.

— Кто?

— Эксперты.

— Об этом ты рассказывать не хочешь.

— Лучше не стоит.

Мэтт сделал глубокий вдох.

— Ким, мне очень жаль. Ты — ценный сотрудник организации, и я бы предпочел тебя не терять, но ты действительно не оставила мне выбора. Я хочу, чтобы ты пошла к себе в кабинет и написала заявление. Дату поставь через тридцать дней после сегодняшней. Таким образом я смогу выбить тебе зарплату за месяц. Но на работу не приходи. — Он глядел на нее через стол. — Сама знаешь, я бы так не поступил, если бы мог, но я же тебя, черт возьми, предупреждал! Предупреждал, что так будет.

Он с мрачным видом показал ей рукой на выход. Но, когда она направилась к двери, остановил ее.

— Ким, — сказал он, — если тебе нужна будет рекомендация, то сделай так, чтобы обратились ко мне, а не к институту.

Эти слова до нее не дошли.

— Мэтт, это несправедливо. Я ничего плохого

не сделала. Не нарушила ни одной процедуры…

— Ты ослушалась директивы. Я же тебе говорил держаться подальше от этого… — Он запнулся, подыскивая слова, не нашел и в досаде описал рукой круг.

Ким полыхнула на него взглядом:

— А тебе плевать, в чем истина?

— Ким, что есть истина? Одна женщина мертва, другая пропала. Если это работа Кайла Трипли, это тоже уже не важно, потому что он ушел в лучший мир. Так что мы не ищем правосудия.

Ты нашла настольную модель и эскиз на стене, и на этом основании делаешь вывод, что кто-то встретил инопланетян. Если так, какого черта они об этом не сказали кому надо? И вообще никому?

— Не знаю, Мэтт. Но если тут ничего нет, зачем они подделывали журналы?

— Я не знаю, так это или нет.

— Можешь проверить, если хочешь. А когда ты это сделаешь и убедишься, что я тебе сказала правду, я бы очень хотела взять «Мак-Коллум».

Мэтт вытаращил глаза:

— Ким, ты просто чудо, я это говорю тебе от всей души. Но ты, кажется, не слышала, что я сказал: ты у нас больше не работаешь.

— Как прошло? — спросил Солли.

— Меня уволили.

На стенке у Ким висел снятый крупным планом «Доблестный» из кабинета Трипли.

— Черт побери, Ким, я же тебе говорил, что этим кончится.

Она тряслась от ярости, злости, чувства полной несправедливости.

— Может, как-то пронесет. Только посиди тихо какое-то время. Дай им шанс успокоиться и понять, что ты им нужна.

— Нет, — сказала она. — Думаю, этого не будет.

Они сидели, обнявшись, и какое-то время молчали.

— Послушай, — сказал наконец Солли. — У меня есть друзья в Абельштадте. — Абельштадт — это был большой научно-исследовательский центр на Пасифике. — Обещать ничего не стану, но могу замолвить словечко. Я думаю, это достойная возможность. И ты снова можешь стать исследователем.

— Спасибо, Солли. Может, потом. А сейчас у меня есть более срочное дело.

— Ты будешь дальше здесь копать?

— Вполне. А что мне теперь терять?

— Попадешь под судебный иск. И вообще, что

ты еще можешь сделать? Куда податься?

— Я хочу доказать, что встреча была.

— И как ты это сделаешь?

— Рация «Охотника». Она же, как ты помнишь, всенаправленная. И с бустером.

Лицо Солли засияло.

— И ты думаешь, это получится?

— А что? Нужна только соответствующая аппаратура.

Ким и Солли обменялись взглядами.

— Тебе нужен будет звездолет. Я не думаю, что Мэтт согласился одолжить тебе «Мак-Коллум»?

— Вообще-то нет.

— И как ты собираешься решить этот вопрос?

— Я думала *угнать* звездолет.

— Ким!

— Я серьезно, Солли. Если придется, я это сделаю.

— В этом я не сомневаюсь.

— Солли, я не могу просто так все бросить. Если мы правы, это будет главное научное открытие всех времен. Мы получим славу, бессмертие, все, что хочешь.

— Богатство? — спросил Солли.

— Я думаю, невообразимое.

— Ага. Да, богатство — вещь хорошая. Но риск

чуть великоват. Тебе придется вычеркнуть меня, Ким. Извини, но я провел черту перед воровством. Чем эта операция и была бы. — Он покраснел, губы его были поджаты, глаза тверды. — Прости, Ким, но это за чертой.

Действительно. Как она могла ожидать другого?

— Я тебя понимаю, Солли.

— А если зафрахтовать рейс? Или, еще лучше, взять корабль в аренду. Я его поведу.

Ким подумала. Нет, нужно специальное оборудование связи, которое есть на кораблях Института.

— Я тебе помогу расплатиться.

— Не поможет. Нужна ГЕСДО.

Так обозначалась гибкая единая система дальнего обнаружения. Она могла обнаружить импульс радиовещания за сотню световых лет.

— Ким, — сказал Солли. — Брось ты это.

Фирма «Гипер-яхт инкорпорейтед» имела парк звездолетов от изящных моделей для президентов корпораций до космобусов экономического класса. Но самые дешевые не имели лицензий на полеты за пределы Девяти Миров, а те, что получше, были невозможно дороги. А самое худшее — если бы Ким смогла заплатить цену и даже

уговорить Институт дать ей оборудование, его нельзя было бы установить.

Отбросив эту мысль, Ким пошла домой смотреть на океан.

И рассылать резюме. Они разойдутся по дюжине институтов на всей планете, но Ким мало питала надежд на положительный ответ на любое из них. В графах «Текущие проекты» и «Последние результаты» мало что можно было написать.

«Нахожусь на грани установления контакта с разумным внеземным видом».

А как же.

Она вполне могла бы получить работу как сборщик средств но не хотела всю оставшуюся жизнь клянчить деньги. Можно просто уйти на покой, как почти все население. Получать ежемесячное содержание от правительства и сидеть на крылечке.

Она пошла побродить по берегу. Пляж особенно притягателен зимой, и унылая бесцветность вполне соответствовала ее настроению. Люди попадались очень редко. Одевшись в изолирующий костюм, Ким каждый день обходила остров вдоль крутых склонов, иногда нагибаясь рассмотреть ракушки.

Берег моря — место особое, думала она. Как опушка леса, как подножие горного хребта, где стоишь на краю обыденной жизни и смотришь на что-то совсем другое. Иногда Ким оставалась и после сумерек, глядя на прилив, давая ночи окутать душу. Берег для нее был сакральным местом, одним из тех, где соприкасаешься с бесконечностью.

Здесь было два океана: океан воды и океан пространства-времени, и после темноты они как-то сливались в одно. Выбери нужную точку, где единственным реальным звуком будет плеск прибоя, пойди по песку и ощути, как кровь пульсирует в ритме волн.

Берег океана есть, по определению, место встречи обыденного и величественного. Мы слушаем раковину и слышим шум собственного сердца.

Каждый день, приходя домой, она находила послание от Солли:

«Как ты? Как жизнь? Я говорил с людьми из Абельштадта. У них есть для тебя место, если ты согласна. Надо, конечно, пройти интервью, но договоренность уже есть. Я им про тебя рассказал, и они в восторге от перспективы».

Она отвечала вежливой благодарностью.

«Спасибо за все, что ты делаешь, но я не уверена,

что мне это нужно». Орбитальный научно-исследовательский центр Моритами неожиданно пригласил ее на интервью на должность стажера-исследователя. Оно проходило в административном здании центра в Марафоне и прошло хорошо — интервью были одной из специальностей Ким. Когда ей сказали, что придется жить вне планеты, она поняла, что получила работу. Ей сказали, что позвонят, и она вышла на яркое солнце со смешанными чувствами. Однако хорошая сторона в том, что она снова займется астрофизикой.

Снова?

Правду сказать, она никогда по своей специальности не работала.

Дома ее ждал Солли.

— Как прошло? — спросил он.

Она не удивилась, что он знает. Мир физиков и астрономов был очень тесен, и информация расходилась быстро.

— О'кей, — сказала она. — Думаю, они меня возьмут.

Солли был одет в костюм для морских прогулок, на голове у него была капитанская фуражка с якорем. Фуражка была надета набекрень — такое он себе позволял только в присутствии Ким, поскольку знал, что выглядит в таком виде смешно

и Ким это всегда веселит.

— Значит, ты получила, что хотела.

— Да.

— Больше не надо собирать средства.

— Нет.

— Так что, может, все и к лучшему.

Что-то такое прозвучало в этой фразе, или в тоне, или просто в нем самом, но вдруг Ким разозлилась и разревелась. Она так отчаянно хотела пойти по следу «Охотника». Узнать, что там было. Что сталось с Эмили.

— Ничего, детка, — сказал он, прижимая ее к себе и гладя по щеке.

— У тебя щека мокрая будет, — сказала она.

Он держал ее, пока она не успокоилась. Потом отступил на шаг, и его синие глаза засветились.

— Послушай, — сказал он, запнулся, снял фуражку, запустил пятерню в волосы, снова надел фуражку — на этот раз прямо. — Если ты еще не передумала, можем взять «Хаммерсмита».

Она вытаращилась, боясь, что ослышалась.

— Ты их уговорил дать нам корабль?

— Не совсем так, — ответил он. — Но я думаю, что мы могли бы его *взять.*

Через двадцать минут Ким позвонила в центр Моритами.

— Спасибо, что рассмотрели мою кандидатуру, — сказал она, — но меня некоторое время здесь не будет.

16

Хватай рюкзак, и давай-ка вскочим
На товарняк до созвездий ночью.

Бад Уэбстер, «Баллада о Канзасе Мак-Грифе» 1998 г. н.э.

— Ты знаешь, — спросил Солли, — сколько времени надо добираться до места, где был «Охотник»?

— Сорок дней, семнадцать часов и двадцать семь минут до места назначения.

— Я поражен. Ты отлично подготовилась.

— Спасибо.

— Транспорт — это далеко не все, что нам нужно. — Взгляд его стал задумчивым, обращенным внутрь. — Делая это, мы ставим на карту все. Карьеру, репутацию, свободу — сама понимаешь. И потому я тебя спрашиваю: ты уверена?

— Солли, — сказала она. — У нас получится. Я *знаю,* что получится.

— Я не об этом спрашивал.

— Уверена ли я, что готова сделать все, чтобы найти правду? Да. Абсолютно. Уверена ли я, что мы на правильном пути?

Об этом ей уже пришлось подумать. Но холодный безумный взгляд той твари в воде впечатался ей в душу навеки и вызвал двоякое чувство. Она уверена, что что-то произошло там, в космосе, и следы этого существуют в долине Северина. Но она не была уверена, что хочет узнать об этом больше. Этой истины она, быть может, предпочла бы не знать.

И все же…

— Да.

— Тогда о'кей. Мы это сделаем. К счастью, «Хаммерсмит» готов к вылету, провизия на борту, водяные танки полны, и он готов лететь к Таратубе.

Ким видела, как он тяжело дышит.

— Солли, — сказала она, — все будет в порядке. Мы это сделаем, они какое-то время будут из себя выходить. Но мы привезем свидетельства *контакта.* Нас встретят с духовым оркестром.

Захват «Хаммерсмита» должен был пройти до смешного легко. Институт всегда старался выполнить все подготовительные операции заранее. Солли, который помогал снаряжать экспедицию, наблюдал за погрузкой припасов на борт, и потому оставалось только подняться на корабль, включить двигатели, состряпать удовлетвори-

тельную легенду для диспетчера и взлететь. Но «Ворлдвайд интериор» предложила бесплатно переоборудовать жилые и рабочие помещения корабля, и потому, когда Ким и Солли прибыли, на борту было несколько сотрудников фирмы, а до момента отлета к Таратубе оставалось двадцать два часа.

Ким раньше не бывала на «Хаммерсмите». После краткого осмотра Солли признал, что «Ворлдвайд» улучшила интерьеры корабля.

— Хотя тут еще есть, что улучшать, — добавил он.

Четверо рабочих укладывали ковры, ставили мебель и выполняли косметический ремонт по всему кораблю. Даже грузовой трюм выкрасили под красное дерево.

Флот Института, состоящий из пяти кораблей, обслуживался на орбитальных доках «Марлин». Солли и Ким прилетели на шаттле из Небесной Гавани, взяли свои вещи из багажа и взошли на борт мимо бригадира и нескольких рабочих. Как и заверил ее Солли заранее, никто не стал задавать вопросов.

Ким рассмотрела «Хаммерсмит» с борта шаттла. Это была переоборудованная яхта, довольно тесный корабль с тремя уровнями. На верхнем

этаже находились жилые помещения и кабина пилота, на среднем — жилые помещения, лаборатории и зона отдыха. Грузовые трюмы, запасы провизии и системы жизнеобеспечения располагались внизу. Механизмы занимали два этажа в корме корабля.

Какие бы удобства ни были на этой яхте в дни ее роскоши, их принесли в жертву богам целесообразности. Несмотря на свежую покраску и новые ковры, «Хаммерсмит» был похож на старый отель, заброшенный и кое-как восстановленный новым хозяином. Была в нем *изношенность* которую не могла скрыть никакая реставрация.

Корпус щетинился антеннами, тарелками локаторов и кучей других устройств, о назначении которых Ким понятия не имела. Имя и эмблема корабля были впечатаны спереди, а по всему корпусу шла черными буквами надпись ИНСТИТУТ СИБРАЙТА.

Солли предложил ей выбрать любую каюту. Пассажирских кают было восемь, каждая на двоих. Средние по обе стороны холла содержали кабину пилота и центр управления экспедиции. На верхнем уровне в корме был конференц-зал.

Ким поздоровалась с человеком, устанавливавшим расписные панели, и увидела еще

нескольких, работающих в комнате отдыха. Выбрав каюту рядом с кабиной пилота, она сложила там вещи.

Солли стоял в коридоре, жуя тост.

— Как жизнь? — спросила она.

Он беспомощно развел руками:

— Готовы к отлету, как только «Ворлдвайд» уберется.

— А когда это будет?

— Трудно сказать. Кажется, они сами не знают.

— А нельзя их попросить уйти?

— И так, чтобы они не спросили зачем? Трудно.

Ким набрала заказ на кофе и сыр.

— А сколько их здесь, Солли? Рабочих?

— Четверо из «Ворлдвайда» и техник «Марлина». — Он посмотрел на время. — Наверное, они скоро прервутся на ланч. Если бы они при этом ушли, мы могли бы взлететь.

Она задумчиво посмотрела на автомат-раздатчик.

— А что, если эта штука поломается?

Солли вошел в центр управления и открыл в черной стене панель, показав автоматическую кухню.

— Можно будет готовить вручную, если при-

дется. — Он улыбнулся. — Хочешь тостов к сыру?

— Нет, спасибо.

— Можем за один раз сделать двадцать штук.

— А у нас хватит еды на четыре месяца?

— Не беспокойся. Питаться будем хорошо. На «Хаммерсмите» запасов на семнадцать человек на полгода. — Он стал серьезен. — Но есть одна вещь, которую надо обсудить.

— Да?

— Мы действуем в предположении, что твоя идея оправдается и мы вернемся с хорошими новостями, которые нас избавят от неприятностей за угон этой колымаги.

— Так и будет, Солли.

— Может быть. Но опыт меня учит, что ничего не случается так, как запланировано. Особенно в подобных предприятиях. — Они подошли к кабине пилота и заглянули внутрь. Три кресла, несколько консолей, экран в потолке, два вспомогательных справа и слева. В левой стене еще два, имитирующие окна. — Честно говоря, я настроен не оптимистично. Я думаю, мы чего-то не видим, и просто не верю, что мы туда слетаем и сделаем то, что ты хочешь сделать.

— Поняла. — Ким хотелось бы, чтобы он ей верил, но она самого начала знала, что он настроен

скептически. Это ее не удивило. Но все же зачем он это сказал? Он пошел с ней только потому, что ей нужен. — Мы его найдем, — сказала она уверенно.

— О'кей, может быть. Но было бы неглупо разработать тем временем альтернативный план.

— На тот случай, если мы вернемся с пустыми руками?

— На тот случай, если мы решим, что возвращаться не стоит. — Он глубоко вздохнул. — Послушай, Ким, ни ты, ни я не хотим предстать перед судом.

— Солли, — сказала она, — ты все еще можешь остаться, если хочешь.

— Если я это сделаю, как поступишь ты?

Ким не ответила, опустив глаза к чашке с кофе.

— Вот именно. Поэтому я лечу…

— Спасибо.

— Да нет, не ради тебя. Не настолько я псих. Но есть большой шанс, что ты права, и ради него стоит рискнуть. Я не хочу остаток жизни гадать, не надо ли было решиться. И я рискую. Но если не получится, Ким, у меня есть друзья на Тигрисе.

— Понятно.

— Я с ними переговорил. На всякий случай.

Она кивнула.

— Если все повернется не так, как нам хочется, мы устроимся на Тигрисе на одной горе. У них есть договор о выдаче с Гринуэем, но он касается только преступлений, за которые полагается смертная казнь. И нам ничего не грозит.

Техник «Марлина» ушел на ланч, но работники «Ворлдвайда» разбились на смены. Прошел полдень, а шанса на отлет не представилось.

Где-то после обеда появился крупный молодой человек с багажом.

— Ой-ой, — сказал Солли.

— Кто это?

— Уэбли. Космолог, назначенный в экспедицию к Таратубе.

Услышав его голос в коридоре, Солли вышел поздороваться, Ким следом за ним.

Один из рабочих показал Уэбли в сторону жилых помещений. Уэбли самодовольно улыбался, а на Ким посмотрел так будто ее тут и нет.

— Солли, рад тебя видеть. А больше пока никого нет?

Солли первым делом представил их друг другу, а потом сообщил Уэбли, что никого больше пока нет.

Уэбли был одет в куртку, какие носят на островах Калипика, в белую рубашку с пышным

воротником, темные брюки и красный шейный платок. Голос у него был какой-то очень тихий, и к нему приходилось прислушиваться, но держал он себя с таким видом, будто прислушаться к нему стоит. У него была неухоженная рыжая борода, чуть отличающаяся по оттенку от шейного платка.

— Все по графику?

— Да, — коротко ответил Солли. — До минуты.

— Прекрасно. — Он поправил рукава и посмотрел на время. — Могу я спросить, где мое помещение?

— Номер восемь, — сказала Ким. — В конце коридора.

Когда он ушел, Солли повернулся с встревоженным лицом.

— Это все мне не нравится, — сказал он. — Может быть, придется отставить нашу затею.

Ким покачала головой:

— Давай не будем так легко сдаваться.

Она пошла по коридору мимо двери Уэбли. Оттуда уже доносилась музыка. Серьезная, классическая. Наверное, Форверк или Бенадо.

Сначала надо избавиться от рабочих.

Бригада «Ворлдвайда» все еще наводила порядок, проверяла оконные рамы, вешала занавес

в конференц-зале, прикручивала стол в комнате отдыха и устанавливала ящики на нижнем уровне. Тот, кого Ким посчитала бригадиром, был почти старик, кандидат на членство в клубе Мореплавателей.

— Как дела? — спросила она небрежно.

— Работаем, — ответил он, вытирая рот рукавом. Казалось, ему очень жарко. — Одного человека нам не хватает. И так всегда. Откладывают все до последней минуты, а потом кто-нибудь берет выходной.

— А зачем откладывать до последней минуты?

Он скривился:

— Да, знаете, почему-то так всегда случается.

Он отводил глаза, и Ким понимала, что он врет. На самом деле просто деньги не переходят из рук в руки. Для «Ворлдвайд» это работа на налоговую скидку и не стоит в списке приоритетных.

— К пяти закончите? — спросила она.

— Трудно сказать. — Судя по выражению лица, она вызывала у него доверие. — Если не успеем, это же сверхурочные, понимаете?

В углу комнаты техник из «Марлина» закрыл панель и стал собирать инструменты. — Закончили? — спросила его Ким.

— Вполне.

Он попросил ее подписать наряд: обновление оборудования ВР. Ким подписала, он поблагодарил и ушел.

Ким повернулась к Мореплавателю и спросила, как его зовут.

— Лео Истли, — ответил он.

Ким надела на себя самую свою начальственную маску.

— Лео, вы с вашими людьми отлично поработали, но нам придется удовлетвориться тем, что уже сделано. Оставьте как есть, мы сами закончим.

Он уставился на нее. Седые волосы нависали над глазами.

— Времени не осталось, — объяснила она.

— Почему? — спросил он. — Я думал, у нас целый день. Мы еще не кончили.

— Нам надо тесты прогнать.

— Давайте, мы мешать не будем.

— Нет, вы не поняли. Это прецизионные тесты ускорения массы. Присутствие на борту лишних людей исказит результаты.

— Вы уверены?

— Да. Простите, но это необходимо.

Он протянул блокнот:

— Тогда распишитесь, что все сделано и у вас нет претензий.

— Это ради Бога.

— Я здесь напишу, что произошло. Это может сказаться на гарантиях.

Она улыбнулась:

— Нормально, это мы переживем.

Она подписалась. Лео собрал людей и увел их через шлюз в туннель. Не успел скрыться последний, как появилась багажная тележка.

«Это „Хаммерсмит“?» — спросила она.

— Да, — ответила Ким.

Тележка показала сумки:

«Куда мне их сложить?»

— Где их владельцы?

«По моим последним сведениям, они направились в Счастливый Харрис».

— Что это такое?

«Коктейль-бар».

— В Небесной Гавани?

«Да».

— Отлично, можете оставить их прямо здесь.

«В туннеле?»

— Да, ничего страшного. Я ими займусь. — Когда тележка уехала, Ким подозвала Солли. — Еще идут, — сказала она, разглядывая таблички. — Уэнтворт, Маленький Олень, Моритами, Хендерсон. Сейчас они в баре.

— В любой момент они могут появиться, — сказал Солли. — Надо либо убираться, либо бросить это дело.

— Уэбли еще на корабле. Ты хочешь взять его с собой?

— А ты думаешь, он хотел бы лететь с нами?

— Вряд ли.

— Тогда сделай что-нибудь.

— Это я и собираюсь сделать.

Этот тип людей был ей знаком. Он принадлежал к той относительно немногочисленной группе ученых, которые считают, что никто на свете лучше их не видит ядро атома или сердцевину звезды или чем они там занимаются. Нет в жизни ничего более важного, чем их уголок научного знания и признания другими их места в нем. Они по-детски верят, что именно они — центр космоса. Этот факт перевешивает все остальное и является их главной слабостью.

Он открыл на стук и посмотрел на нее, будто пытаясь вспомнить, кто она такая и почему стоит в дверях.

— Профессор Уэбли, — сказала она. — Мы должны по графику выполнить некоторые инженерные испытания. Это займет примерно час. Будет сильный шум и сильная вибрация.

— Вот как? Никогда раньше это не делалось.

— Наверное, вы никогда раньше не прибывали так рано.

— Как раз наоборот, мадам, я всегда прибывал так рано.

— Как бы там ни было, мы должны выполнить основные виброиспытания двигателя, и грохот будет невыносимый. Я лично пойду в «Домино», чтобы этого не слышать. — Ким чуть вздохнула, склонила голову и нацепила самую пленительную свою улыбку. — Я бы очень была рада вашему обществу, если вы согласны.

— Видите ли, доктор Брэндивайн, я не думаю…

— Я бы очень хотела услышать, над чем вы сейчас работаете.

Уэбли наморщил лоб:

— Мне приятен ваш интерес, но меня сейчас несколько поджимают сроки.

Он поглядел на нее, как на докучливого ребенка, пожелал приятно провести время и закрыл дверь.

Ким слегка поклонилась, повернулась и ушла.

— Вот тебе и мое обаяние, — сказала она Солли через минуту.

Он ухмыльнулся:

— Соблазнительница получает афронт?

— Похоже на то.

— «Хаммерсмит», — обратился Солли к ИРу, — запускай главные. Подготовка к вылету.

— Подтверждаю, — ответил голос ИРа. Женский. Ким нахмурилась. Не похищать же этого типа!

— Прибыл шестичасовой шаттл, — ответил Солли на незаданный вопрос. — Если там Моритами и вся компания, они будут здесь с минуты… — Он остановился и показал на дисплей. Там по туннелю шли трое мужчин и женщина. — Упомяни только о черте…

— Солли, что будем делать?

— Нам нужно что-нибудь, что горит, — сказал он.

— Горит? Зачем?

— Вопросы потом. Что у нас есть горючего?

Звездолет — не лучшее место для поиска дров. Мебель, одежда, панели — все огнеупорное.

— Погоди секунду, — сказал он, встал и вышел в центр управления. Слышно было, как открылась кухонная панель.

Через две минуты оттуда донесся дым.

— Тостер, — ухмыльнулся Солли. — Двадцать тостов за раз. А теперь беги и встань возле каюты Уэбли. Как только начнется, помоги ему

выбраться.

Да, это будет одно из лучших мгновений Солли. Ким пошла по коридору, и в это время заорала сирена. Включился интерком.

— Говорит капитан. Причин для паники нет, но в передних отсеках загорание. Всех пассажиров просят немедленно покинуть корабль. Говорит капитан. Повторяю, непосредственной опасности нет. Не допускайте паники…

Дверь каюты открылась, Уэбли высунулся в коридор, огляделся, увидел Ким и помрачнел. Он хотел уже было что-то сказать, но увидел клубы дыма у нее за спиной. Запах горелых тостов был весьма ощутимым.

— У нас пожар, — сказала Ким.

— Послушайте, девушка, — спросил возмущенный Уэбли, — как это может быть?

— После поговорим, профессор. Сюда, к выходу.

Но Уэбли повернулся, раскрыл чемодан и стал собирать вещи.

— На это нет времени! — сказала Ким, позволив себе поднять голос. — И тут же вдохновенно добавила: — Взрыв может быть в любую секунду.

Уэбли этого хватило. Он захлопнул чемодан, схватил его под мышку, другой рукой прихватил

какие-то вещи и выломился из каюты.

— Полный непрофессионализм! — заворчал он. — Почему, куда бы я ни попал, никто своего дела не знает?

— Сюда, сэр, — показала ему Ким на входной туннель. Он бросился туда и исчез.

Снаружи завыла тревога.

— Все чисто, — доложила Ким.

— Отлично. Закрывай люк.

— Как?

— Не надо, я отсюда закрою. Поднимайся и пристегнись, Через минуту взлетаем.

— Но Уэбли не успеет уйти.

— Он в туннеле?

— Да.

— Ничего с ним не сделается. Когда мы отойдем, туннель герметизируется автоматически. Не волнуйся.

Через несколько секунд она уже сидела в кресле рядом с Солли.

— До меня сейчас дошло, — сказала она, — перед сколькими людьми мне придется извиняться, когда все это кончится.

— Включая меня, — сказал он.

Ким встала и посмотрела на сиденье.

— Видишь? — показала она. — Отпечаток *есть.*

— Диспетчер, — сказал Солли в микрофон, — говорит «Хаммерсмит». Требуется срочный вылет из-за нештатной ситуации. Запрашиваю инструкции.

— «Хаммерсмит», говорит диспетчер. Объясните природу нештатной ситуации. У нас только сообщение о загорании на борту.

— Отставить загорание, диспетчер. Сообщение вызвано неисправностью системы связи на нашем конце.

— В чем состоит нештатная ситуация?

Ким снова села в кресло. Ремни опустились и пристегнули ее.

— Ложный вакуум Таратубы появился раньше расчетного времени.

— Ждите инструкций, «Хаммерсмит».

— Солли, — спросила Ким, — а они вообще знают, что такое Таратуба?

— Сомневаюсь. Но так лучше — меньше вопросов.

Ким оглядела экраны полного обзора. Никаких препятствий, если не считать одну кабельную линию. Солли может ее просто отстегнуть, и ничего уже их не остановит.

— А почему нам просто не дать ходу? — спросила она.

— Чтобы никого не стукнуть. И еще потому, что тогда сразу вызовут патруль. И даже если мы избежим тюрьмы, мои пилотские права гарантированно сгорят.

— «Хаммерсмит», говорит диспетчер. Вылет разрешаю. Данные передаются.

Солли ответил, посмотрел на мигающие лампочки, указывающие, что идет загрузка данных, потом обратился к ИРу:

— Хэм, отцепляй концы и поехали.

«Выполняю», — ответил ИР.

– *«Поехали»?* И это весь старт? — поразилась Ким.

Корабль стал уходить от дока «Марлин».

— Кажется, я сейчас выдал профессиональный секрет, Ким. Когда прилетим к месту назначения, я ему скажу «приехали».

— Нет, серьезно?

— Если серьезно, то пилот на борту нужен только на случай проблем. Нештатных ситуаций. А еще, наверное, чтобы пассажиры не беспокоились. Они нервно относятся к полностью автоматизированным кораблям.

— Такси полностью автоматизированы, и никого это не тревожит, — сказала Ким.

— Про него ты знаешь, что сама сможешь его

повести, если что.

Они уходили от орбитальной станции, выравниваясь по путеводным звездам.

«Ускорение начнется через минуту», — сообщил ИР.

— «Хаммерсмит», говорит диспетчер. — Это был новый голос, погуще и обладающий властью.

— Слушаю вас, диспетчер.

— К вам обращается начальник диспетчерской службы. Немедленно вернитесь в док.

— Солли! — Ким показала на дисплей, где появилась зловещая тень корабля-преследователя.

— Вижу.

— Они знают.

— Естественно, знают. С ними поговорил наш пассажир. — Солли открыл микрофон. — Диспетчер, мы не в состоянии выполнить команду.

— Солли…

— Хэм, — сказал он, — продолжай запрограммированное ускорение.

«Продолжаю».

— Все будет нормально, Ким, — ободрил ее Солли. Тяга стала более заметной, станция исчезла с экранов. Заговорил новый голос, женский, нетерпеливый:

— «Хаммерсмит», говорит орбитальный пат-

руль. Вам приказано немедленно вернуться в порт.

— Держись, — сказал Солли. Ускорение нарастало.

— А не лучше ли нам прыгнуть?

— Прыжковые двигатели питаются от главных. Надо набрать скорости, чтобы они сработали.

— И сколько? То есть сколько времени ее набирать?

— Минут двадцать пять.

– *Двадцать пять?* — Это было просто смешно. — Черт бы побрал «Ворлдвайд» с ее панелями. Солли, у нас нет двадцати пяти минут!

— «Хаммерсмит», вернитесь к станции, иначе мы примем соответствующие меры.

— А у них есть способ нас остановить?

— Кроме как разнести в клочья?

— Да, конечно.

— Только поле Терси.

— Глушитель.

— Да. Он заглушил бы наши главные. Но это блеф.

— Почему ты так уверен?

— Раскрути двигатель на полную, а потом резко заглуши, и он может взорваться. Шансов — пятьдесят из ста. Такого они не сделают, не получив

разрешения от Института. А на это нужно время. К тому же Агостино не согласится. Не захочет рисковать кораблем.

Система связи была забита голосами: патруль снова потребовал остановиться, начальник диспетчеров требовал вернуться, и как это ни странно, Уэбли требовал сказать, какого черта они затеяли?

— Расслабься, — сказал Солли, — и наслаждайся полетом. А при этом было бы неплохо мне сказать, куда точно мы направляемся.

— Дзета Ориона. Алнитак. Точнее, место в двадцати семи небольшим световых лет от Алнитака. — Ким сунула руку в карман и достала диск с данными. — Вот здесь указано. В пределах этого пузыря в любом месте.

— Алнитак, — сказал он. Самая восточная звезда в поясе Ориона. — А почему она? Догадка? Или ты знаешь что-то, чего мне не говорила?

— Помнишь, ты спросил меня, знаю ли я, сколько времени займет полет?

— Конечно. Ты дала очень точный ответ.

— Сорок дней, семнадцать часов двадцать шесть минут. Это полное время обратного полета по бортжурналам «Охотника».

— По липовым?

— Да. Но я не могу себе представить, зачем бы им менять время. И это время дает нам Алнитак. А есть и еще кое-что. — Она показала ему снятую крупным планом фреску Кейна. — Видишь? Туманность Лошадиной Головы?

— Ага.

— Она видна от Алнитака.

Патрульный корабль шел параллельным курсом справа в нескольких сотнях метров.

Солли отключил связь, и голоса затихли.

— Они меня нервируют.

— А может, не стоило этого делать?

— Только если ты хочешь слушать угрозы.

Он включил таймер, отсчитывающий время до прыжка. Ким смотрела пристально, пытаясь взглядом заставить цифры меняться быстрее.

Оставалось несколько минут, когда ИР объявил о передаче от нового источника, со спутника.

«Из Института».

— Это Агостино, — сказала Ким.

— Хочешь с ним говорить?

— Нет, — ответила она. — Лучше поговорим, когда вернемся. Когда будет что-то, чем можно козырнуть.

Патрульный корабль не отставал до последнего мига, когда энергия потекла в прыжковые двига-

тели и Солли перевел «Хаммерсмит» в гипер.

17

Трудно уловить момент, когда начинается любовь, легче понять, когда она началась.

Генри У. Лонгфелло, «Каванох», XXI, 1849 г. н.э.

Аналитики, которым Солли показал бортжурналы «Охотника», считали, что записи верны до того момента, когда начались неполадки с двигателем. Добавить еще день на ремонт, и тогда Трипли и его экспедиция оказываются возле Алнитака между 17 и 18 февраля. Такие оценки также совпадают с временем обратного пути до Гринуэя.

— Если все это верно, — сказала Ким, — то добыть доказательства будет легко.

В Сибрайте сейчас было 28 января. Предполагая дату контакта «Охотника» с инопланетным кораблем близкой к 17 февраля и считая, что наверняка при этом был радиообмен, Ким вычислила, где должны находиться радиоволны в данный момент, и рассчитала курс перехвата для «Хаммерсмита». Все просто.

— Это единственный допустимый сценарий, — сказала она Солли. — Здесь они встретили другой корабль. Это значит, что была сделана по крайней мере *попытка* радиосвязи.

— Ты чертову уйму фактов выводишь из рисунка черепахи на той фреске. Могут быть и другие объяснения. Они могли найти планетную цивилизацию. Может быть, доиндустриальную, без света, без радио, без ничего. Только факелы и местный аналог лошадей. В таком случае…

— Так быть не могло, — сказала она.

Они сидели в центре управления, поставив кресла под углом друг к другу, и пили кофе.

— Почему?

— Алнитак — слишком молодая звезда. Это первое. Ей еще нет десяти миллионов лет. Так что местной жизни быть не может. И слишком сильное ультрафиолетовое излучение. В миллионы раз сильнее, чем у Гелиоса.

— Вот как?

— Да. Оно бы все выжгло. Нет, они могли встретить только звездолетчиков.

За два столетия до того уже выполнялось исследование Алнитака. Насчет планетной системы было небогато: единственный мир, захваченный газовый гигант, далеко на периферии.

— Слишком давно была эта радиопередача, — сказал Солли. — Она слишком широко размазалась. ГЕСДО — хорошая система, но и она может не поймать такой слабый сигнал. Или не выделить его из шума.

Но Ким не зря столько времени потратила, изучая возможности системы.

— Если сигнал там есть, мы его обнаружим.

Первый день они провели в хозяйственных хлопотах, обживая каюты, обследуя корабль. Солли, конечно, был с ним знаком, но ему приятно было показывать корабль Ким. Она поначалу не пришла в восторг и подумала, не обидело ли это Солли. Но уж слишком корабль напоминал ей гостиницу Института для не особо важных гостей.

Они переходили с палубы на палубу, и он показывал ей возможности зоны отдыха и секции ВР. Они осмотрели два комплекта двигателей, главные, перемещавшие «Хаммерсмит» в реальном пространстве, и подпространственный интерфейс — прыжковые двигатели. ТМИ был так мал, что помещался в руках.

Ким с удовольствием отметила, что переход в гипер не имел побочных эффектов.

В зрелом возрасте она никогда не была в подпространственном полете. Сейчас она уже знала,

что некоторые люди плохо себя чувствуют во время прыжка, у других бывают сдвиги перспективы, стены кажутся не сплошными, что сила искусственной гравитации уменьшается или увеличивается, а некоторые говорят, что ощущают мысли окружающих. Имелись случаи необычных снов, резких припадков депрессии или сильной эйфории. Солли ей сказал, что это бывает. На звездолетах держат хороший запас антидепрессантов и транквилизаторов. Он видел, как людей поражала сильная головная боль, судороги желудка, зубная боль без видимой физической причины.

— Но это только неудобство, — сказал он. — Вроде морской болезни.

— Хотя, — добавил он, — эффекты бывают жутковатые. Сны до необычайности живые. И еще я видал другие странные вещи. Одна женщина вернулась в детство, а один мужчина говорил, что видел конец своих дней. Иногда проявляются подавленные личности. Один пассажир утверждал, что стал одержимым. А другой говорил, что с ним на борт вошел оборотень.

— Оборотень?

Синие глаза Солли внимательно поглядели на нее.

— Ты ведь ничего необычного не видела?

— Спасибо, со мной все хорошо. — Она была очень горда собой.

— Расскажи мне про Алнитак.

Ким откинулась в кресле.

— Звезда класса «О». Прилично раскалена, ярче Гелиоса примерно в тридцать пять тысяч раз.

— Солнечные очки не забываем.

— Да уж. Имеет две звезды-спутника, обе достаточно далеко, но не настолько, чтобы могли сформироваться планеты. А если сформируются, то нестабильные.

— Ты же сказала, что там есть планеты.

— Захваченная, — напомнила Ким.

– *Алнитак.* — Он будто пробовал слово на вкус.

— Арабское слово, означающее «перевязь».

Для первого ужина на борту они выбрали комнату совещаний и зажгли свечи. В окнах, будь это настоящие окна, видны были бы только ходовые огни судна, если бы Солли их включил. Вместо этого он запрограммировал вид Млечного Пути, каким он предстает подлетающему межгалактическому кораблю.

Ужин прошел тихо. Обычно Солли брал на себя большую часть разговора, но в этот вечер ему было мало что сказать. Свечи, вино и диск галак-

тики создавали неповторимую атмосферу. Еда была хороша. Но Ким ощущала тяжесть своего решения и страх, что оно ошибочно, что она могла чего-то не учесть и погубила карьеру Солли. И свою тоже. Наверное, сейчас на них, ругаясь, выписывают ордера.

— Хотела бы я найти хоть какое-то объяснение, — сказала она, — почему они об этом молчали. Ведь контакт — это было бы событие века.

— Не знаю, — сказал Солли. Она оторвалась от еды:

— Мы более или менее полагаем, что насчет инопланетян у нас у всех чувства одинаковые. Что каждый хочет их найти, если они есть. Кроме разве что Кэнона Вудбриджа и Совета. Но, может быть, многие предпочли бы сохранить статус-кво. Кто предпочел бы *не* знать, что мы не одиноки.

— Я один из таких, — сказал Солли. Его лицо было обрамлено светом свечей.

— Ты шутишь.

— Я никогда не шучу. Понимаешь, Ким, сейчас жизнь вполне хороша. У нас есть все, чего можно хотеть. Безопасность. Процветание. Хочешь работать? Вот тебе работа. Хочешь всю жизнь пролежать на пляже? Пожалуйста. Что нам дадут

инопланетяне, чего у нас и без них нет? Лишние поводы для волнения?

— Это может быть способ узнать, кто мы.

— Пустой штамп. Я знаю, кто я. И мне не нужна философия какого-то создания, которое меня, быть может, считает хорошим куском отбивной. Здесь есть обратная сторона, и серьезная, если вспомнить твое приключение в Северине. И ты меня прости, я *только* обратную сторону и вижу. Для тебя и для меня она, быть может, окупается. Но вся человеческая раса в долгосрочной перспективе никак не выиграет.

Ким отодвинулась от стола и уставилась на Солли:

— При таком настроении я не понимаю, зачем ты в это ввязался.

— Ким, если они существуют, то встреча с ними — только вопрос времени. Мне это не нравится, я бы это предотвратил, если бы мог. Но есть у меня такое чувство, что встреча неизбежна. Если она случится, это будет великий миг. Я просто хочу быть его участником. И еще: лучше знать заранее, если это случится.

— Инстинкт охотника, — сказала Ким.

— То есть?

— Спрячься в кустах. Убей или тебя убьют. Ты

действительно думаешь, что так сложатся взаимоотношения двух межзвездных цивилизаций?

— Вероятно, нет. Я только сказал, что так *может* случиться. А поскольку сейчас положение вещей меня более чем устраивает, я не вижу, зачем что-то менять. Зачем рисковать?

— Солли, как ты думаешь, зачем мы полетели на Марс?

Солли макнул блинчик в суп, откусил кусок и стал задумчиво жевать.

— На Марс мы полетели, — сказал он, — поскольку поняли, что исследование солнечной системы принесет долгосрочные экономические выгоды.

— Ты действительно думаешь, что мотивами были именно они? Долгосрочные экономические выгоды?

— Так пишут в учебниках истории.

— В учебниках истории пишут, что Колумб отправился в плавание, чтобы найти торговый путь в Индию.

— В последний раз мне говорили, что это так и было.

— Это было *прикрытие,* Солли. Чтобы помочь Изабелле принять правильное решение. Заложить драгоценности, поспорить с советниками,

а все для того чтобы последовать призыву своей ДНК.

— Призыву ДНК? — Солли развеселился. — Ким, у тебя всегда был поэтический дар.

Она терпеливо ждала, пока он допьет вино.

— Итак, — спросил он, вытирая губы салфеткой, — к чему же звала ее ДНК?

— Не к открытию торговых путей.

— А к чему?

— К странствиям, — сказала Ким. — Исследованиям, ступить ногой, лично или через представителя, туда, где еще нога не ступала.

— Понял, — ответил Солли. — Но мы это сделали. Мы ступили ногой во множество разных мест за последние столетия. И при чем тут инопланетяне?

— Мы смирились с тем, что мы одни.

— Вероятно, так и есть. — Солли потянулся к графину и налил ей и себе. — Может быть, кто-то где-то и существует, но так далеко, что никакой разницы. С практической точки зрения, я считаю, можем и дальше действовать так, будто мы одни.

— Проблема здесь в том, — сказала Ким, — что мы стали нелюбопытными и самодовольными. Заскучали. Мы отказываемся от всего, что было

ценного в нашем биологическом виде.

— Ким, мне кажется, ты преувеличиваешь.

— Может быть. Но я считаю, что нам нужно что-то, что подпалит нас снизу. Вселенная стала *скучной.* Мы летали в десять тысяч звездных систем, и всюду одно и то же. Тишина. Стерильность.

— И потому Эмили и оказалась на «Охотнике»? Она тоже так думала?

— Да, — ответила Ким. — Она пыталась объяснить мне свои чувства, когда мы ходили с ней к морю.

— Ты это *помнишь?*

– Она спрашивала меня, знаю ли я, почему корабли всегда ходят вдоль берега? Почему никогда не уходят в море?

— А, — сказал Солли.

— Потому что там ничего нет. Только вода на тысячи километров, пока не обплывешь всю планету и не приплывешь к западному берегу Экватории. Откуда и выплывал.

Вот тут мы и стоим, Солли. На берегу, глядя на океан, который никуда не ведет. Насколько нам известно. — Ким зажмурилась. — Но если там действительно некуда идти, я думаю, у нас не слишком долгое будущее.

После ужина они посмотрели «В бегах» — бестолковую комедию погони, где несколько неправдоподобных персонажей вдруг узнали, что они — клоны какого-то преступника из исторических архивов и оказались объектом отчаянной охоты. Можно было и поиграть в эту историю интерактивно, но они оба устали, а потому просто смотрели.

К концу Ким заснула и проснулась уже за полночь, одна в каюте. Проектор отключился, Солли, очевидно, ушел спать, и Ким еще посидела, глядя на Млечный путь.

Для еды они в конце концов выбрали центр управления. Он был меньше и потому более уютный, чем столовая. Ким и Солли положили скатерть на консоль, и оказалось, что этого вполне достаточно.

Солли менял виды в окнах. Иногда глазам Ким представали звездные поля или вымышленные планеты, иногда водопады и горы, а то и центр Сибрайта.

— А каково там, снаружи, на самом деле? — спросила она.

— Полная чернота, — сказал он. — Конечно, беззвездная. Огни корабля кажутся тусклее.

— А кто-нибудь бывал за бортом во время по-

лета в гипере?

— Нет, — ответил Солли. — По крайней мере мне об этом не известно.

В этой среде не ощущалось движения, она была скорее *условиями,* чем *пространством.* Семь недель до Алнитака. Долгое время, если его надо провести наедине с одним и тем же человеком. Даже если это Солли.

Корабль в гиперпространстве полностью отрезан от внешнего мира. Он не получает данные ни от локатора, ни по связи, никак. И передавать он тоже не может. Солли мог бы выйти, чтобы удовлетворить любопытство и узнать, состоялась ли в конце концов экспедиция на Таратубу. Он думал, что под нее могли отдать «Мак-Коллум». И еще было интересно, получил ли огласку угон «Хаммерсмита» и пытается ли Институт с ними связаться. Но на это уйдет время, придется переставлять часы, а Ким должна будет вносить коррективы в программу расчета перехвата. И они не стали этого делать.

Одним из самых любопытных свойств гиперпространства является то, что время, кажется, течет в нем независимо. Устройства отсчета времени после подпространственного полета всегда надо было переставлять. Иногда вперед, иногда

назад. Никто не знал, в чем тут дело, но разница, к счастью, всегда составляла доли процента, и потому навигации не мешала. Это было существенно, поскольку полеты ТМИ можно было осуществлять только вслепую.

Ким и Солли быстро привыкли к режиму. Они завтракали когда вставали, а обедали и ужинали в одни и те же часы. Ким по утрам читала — широкий спектр книг, включавший биографии политиков и ученых. Прочла два классических романа, до которых не доходили руки: «За Плутоном» Блэкмена — исследование изменений культуры, вызванных проникновением во вселенную, и «Узкие горизонты» Раннингуотера — историю заката и окончательного распада организованной религии. Еще добавила несколько романов и эссе. И, конечно, много читала книг по специальности.

В первые дни они после ланча часто играли в шахматы, но Солли все время выигрывал, и они перешли на покер, подобрав себе несколько виртуальных партнеров. Еще они участвовали в виртуальных беседах с Цезарем, Ньютоном, Микелом Кашвади и другими классиками. В первые недели было забавно наблюдать, как Мартин Лютер и Генри Менкен говорят, не слыша друг

друга.

На шестой день они попробовали интерактив с Вероникой Кинг — «Смеющаяся джиния». Ким любила приключения Кинг за то, что это было не просто «найди, кто убийца». Нет, здесь надо было разгадывать загадки, в которых преступление могло быть, а могло и не быть. Жертва преступления всегда находилась в запертой комнате или под надзором системы безопасности, не заметившей ни одного нарушения. В «Смеющейся джинии» один археолог всю жизнь ищет гробницу Макариоса Ханта — ньюмианского диктатора и массового убийцы второго столетия. Он ее находит, но взрывом закрывает ее снова и никому не рассказывает ни где она расположена, ни что он там видел.

Им она настолько понравилась, что на следующий вечер они попробовали «Молекулярного бога» — историю о физике, которому попадаются дневники Эмбри Сикела, человека, чьи работы привели к созданию прыжкового двигателя. Физик завладевший невероятно ценным историческим документом, его сжигает, а сам выпрыгивает с седьмого этажа.

В каждом случае в распоряжении детективов есть свидетели документы — а детективов, конеч-

но, играли Солли и Ким. Потом они меняли роли. Ким особенно понравилось играть огромного телохранителя Архимеда Смита.

Большую часть времени они развлекались в виртуальных средах. Ким предпочитала искусственные ландшафты, выбирая такие, которых нет и никогда не будет, где цвета и формы как картинах импрессионистов, где фонтаны плавают в воздухе и льют в лазурное небо осязаемый свет. Солли был консервативнее: он предпочитал морские пейзажи, горы, а особенно любил виды Египта, пирамиды и храм из Долины Царей. Иногда храм был изображен в виде развалин, иногда в дни своей славы.

Никто из них не стремился к одиночеству, но, поскольку Солли как-то линял среди абстракций Ким, она перестала их строить, перейдя к более обыкновенным пейзажам.

У нее было много времени на размышления, и большую часть его она пыталась себя убедить, что поступила правильно. Ее мучила совесть из-за Солли и понимание, что она ни за что на свете не хотела бы причинить ему горе.

Она была у него в серьезном долгу. Он помог ей пережить крутые времена, потерю единственного мужчины, которого она, как ей думалось,

любила. Он сбежал с бухгалтершей, оставив Ким записку с пожеланием счастья. Ким теперь понимала, что у них все равно бы ничего не вышло, но это переживание все еще грызло ее после всех прожитых лет. Солли и Энн, которая тогда была его женой, ее чуть ли не удочерили. Потом, когда Энн решила не возобновлять брак, Ким всегда приходила к Солли, когда ему надо был излить душу, и даже знакомила его с подругами.

У них было много добрых воспоминаний, и они даже гордились про себя, считая, что во многих отношениях они ближе любовников. Они вместе встречали праздники, поддерживали друг друга, радовались достижениям друг друга. Когда айбольная команда, в которой играла Ким, победила в чемпионате среди любителей, Солли, на которого групповой спорт наводил тоску, был на трибунах.

Они стали еще ближе, когда Энн ушла. Но между ними была черта, и они оба ее не переступали.

Однако Ким начала строить фантазии насчет Солли, и однажды вечером на третьей неделе решила, что пора делать предложение.

Была ее очередь выбирать вечернее развлечение. Она выбрала «Ворона», исторический

роман о временах второго века Экваториии, когда рухнули закон, порядок и цивилизация. Вороном называли черную драгоценность, предположительно реликт неизвестной и, возможно, не человеческой технологии. Он попадает в руки Клеи, молодой женщины, которая должна его доставить через множество опасностей в руки законного владельца. Ее всячески преследуют пираты, грабители, продажные чиновники, а также, что всего опаснее, главарь бандитов Аранка.

В программе был селектор обнаженности, который Ким установила на довольно скромный уровень. Когда все было готово, вино налито и закуска положена, они запустили игру.

Клея, конечно, имела внешность Ким. *Была* ею.

Уже у нее был флаер, и она готова была лететь последний отрезок пути, как вдруг из лесу появился раненый, за которым гонится толпа. У преследователей пистолеты, толпа вне себя от злости. Беглец видит Клею и кидается к ней. Она — его последний шанс.

Она колеблется, потом откидывает люк. Человек прыгает на борт под градом лазерных лучей. Флаер дает козла, но все же взлетает, и они вне опасности.

Но человек быстро теряет кровь.

Клея его осматривает и видит, что он умирает, но пытается сделать что может. Тем временем другой флаер бросается в погоню. В зрелищном бегстве она заманивает преследователя к тунелю, где его сбивает вылетающий поезд. Но ее флаер тоже сильно поврежден и вынужден сесть.

— В чем дело? — спрашивает она своего пассажира. — Что им нужно?

Он достает «Ворона» и тут же умирает. Ким замечает движение в окружающем лесу. Она прячет драгоценность под сиденье, и тут из лесу выбегают кочевники и берут ее в плен.

Они говорят о том, чтобы продать ее в рабство. Клея пытается понравиться своим похитителям, исполняя яростный танец с факелами. Именно этот кадр заставил Ким выбрать «Ворона». Зритель никогда не видит танцовщицу как следует, он видит только огонь и тень, темп и ритм. Страсть и соблазн.

Ее двойник извивался и вертелся, а Ким сидела со смешанным чувством удовлетворения и нервозности. Не слишком тонкий получился подход. Если ДНК Изабеллы открыла путь Колумбу, ДНК Ким сейчас делала то же самое для Солли. У нее на губах играла улыбка. Вечная женственность.

Реальная или виртуальная, цивилизованная или варварская — всегда одно и то же.

Солли глядел на игру теней, но не смотрел на *нее*.

Он, конечно, знал, что происходит, и было видно, что он пытается играть в свою игру, притворяясь, что его интересует сценарий. Но лицо его было заметно напряжено.

На этом месте Ким потеряла нить сюжета. Весь мир (странно как человек думает привычными терминами, ведь «весь мир» состоял только из «Хаммерсмита») для нее сузился до глаз Солли, прищуренных, глядящих прямо вперед и в то же время знающих о ней.

— Я не думаю, — сказал он наконец, также не глядя на нее, — что это удачная мысль.

Она помолчала почти целую минуту. Будто они примерзли к креслам, освещенные только пляшущим светом ВР.

— Ладно, — ответила она после паузы. — Как скажешь.

Солли взял пульт и выключил проектор. В кающте стало темно, только горели лампочки безопасности внизу стены.

Они сидели не двигаясь.

— Ким, — раздался его голос, тихий и будто

очень далекий. — Я думаю, что я тебя люблю.

Вот так. Открыто и напрямую.

Она поднялась и встала перед ним, охватила его руками за шею и притянула к себе.

— Я всегда тебя любил.

— Я знаю.

Именно поэтому миг был такой пугающий. И особенно радостный.

Он посадил ее рядом с собой. Губы их чуть соприкоснулись, отодвинулись, вернулись.

— Я этого не планировала, — сказала она.

Слышно было, как бьется его сердце. Или ее. Теперь уже было не разобрать.

Щека у него была горячей, и Ким прижалась к нему, упиваясь страстью момента. Он дрожал. Но был все так же осторожен.

— Все нормально, Солли, — сказала она. Не в силах освободиться сразу от десятилетнего стереотипа, он отодвинулся чуть-чуть, чтобы видеть ее.

— Я в этом не уверен, — сказал он.

— Так будь уверен. — Она взяла его руку и положила себе на грудь.

* * *

Койки не были переносными и не были достаточно широки для двоих, а потому после первой пары ночей, проведенных на ковре в комнате отдыха, они вернулись в свои каюты. Как заметил Солли, «Хэм» не был сконструирован для любви.

Ким нашла такое положение чрезвычайно неудовлетворительным. Солли согласился, снял матрасы с двух коек, добавил несколько диванных подушек, сложил это все в третью каюту и превратил ее в общую спальню. Получилось вполне удобно.

Как и можно было бы ожидать, настроение на корабле резко пошло вверх. Солли сообщил ей в виде небрежного замечания, что первую неделю она провела, с его точки зрения, в состоянии общей хандры. Она вспомнила и решила, что он вероятно, прав. Тогда, несмотря на его присутствие, ей было одиноко, потому что это она все затеяла, она настояла, что стоит рискнуть своей судьбой. Это на нее ляжет ответственность, если они ничего не найдут. И лишь потом она узнала, что Солли считает неудачу лучшим исходом.

Что ж, теперь Солли взошел на борт. Так сказать.

Ким начала считать эти дни самыми счастливыми в своей жизни. К концу четвертой недели она не могла понять, как она так долго ждала.

В полночь тридцать вторых суток пути, тридцатого февраля, должна была быть взорвана следующая новая звезда.

— Если нам повезет, — сказала Ким, — «Маяк» устареет раньше, чем мы взорвем Озму.

Это была третья из намеченных звезд.

Несмотря на радость от того, что не надо было больше сдерживаться в общении с Солли, начало нарастать раздражение из-за отрезанности от мира.

— Не в новостях дело, — объяснила она. — Дело в том, что сидишь как в коконе.

— Тебе нужно просто больше музыки и свечей, — сказал Солли. — Очевидно, тот же эффект, который вызывает галлюцинации на лайнерах. Только там он не так силен, потому что на борту тысячи людей. Играют в казино, сплетничают, ставят любительские спектакли, но даже там людей настигает чувство крайнего одиночества. А нас тут только двое.

— Я как-то читала про женщину, — отозвалась Ким, — которая три месяца провела на необитаемой планете, пока ее не спасли. У нее с собой было

все, что ей нужно, но она чуть с ума не сошла, зная, что она одна на всей планете.

Солли кивнул.

— У тебя так же? — спросила она.

— Конечно, — ответил он. — В кораблях бродит эхо. Как старых домах. Но знаешь что? Если это тебя достает, можем прыгнуть обратно в нормальное пространство и хоть с кем-то поговорить. Спросим Фила Агостино, как дела.

— И сколько времени это займет? Поговорить с кем-нибудь из Института?

— Несколько дней туда и обратно.

— Так что не стоит, правда?

— Стоит, если тебе это нужно.

— Нет, — сказала она. — Летим дальше.

Этой ночью они выпили за проект «Маяк». Выпили из хрустальных бокалов, которые принесла с собой Ким, и Солли выразил горячую надежду, что, когда свет от новых звезд через несколько столетий достигнет Гринуэя, люди еще вспомнят Ким Брэндивайн.

Она зарделась:

— Почему меня?

— Это будет напоминание о временах, когда мы думали, что мы одни, пока Ким Брэндивайн не открыла дверь.

— Выпьем за это, — сказала Ким, наполняя бокалы.

— У меня есть для тебя более важное, за что нам выпить.

Она засмеялась, поставила бокал, поцеловала Солли и прижалась к нему грудью, ощутив тепло от зажегшегося в его глазах света.

— А что может быть важнее?

— Ким, — сказал он, — я знаю, что сейчас особые обстоятельства и не хочу придумывать больше, чем есть на самом деле. Но я хочу, чтобы ты знала: когда мы вернемся домой, откуда бы ни было, я не хочу, чтобы все стало, как было.

Этого момента она и боялась и ждала.

— Я думаю, не стоит принимать подобные решения прямо здесь.

— Почему? Или это значит «нет»?

Они сидели на импровизированной кровати, оба полуодетые. Шла приключенческая картина про Нельсона, четырехмачтовый военный корабль стрелял в другой такой же. Звук они отключили и уменьшили изображение, так что корабли просто плавали в середине комнаты.

— Нет, это не так. Я только думаю, что не надо спешить.

Она сама не понимала, почему говорит нечто,

настолько противоположное своим чувствам.

— Ладно, — сказал он.

— Солли, давай сейчас об этом не будем. Будем радоваться тому, что есть.

— Ладно. — В его голосе не было слышно восторга.

— Я хочу сказать, сколько уже лет, как ушла Энн?

— Семь.

— Вот столько ты и ждал, пока решишься?

Она сама поразилась своей злости. *Это* еще откуда взялось? Солли помолчал. Потом извинился и ушел к себе в каюту. Черт побери. Ссора влюбленных. Недолго пришлось ее ждать.

18

Мы не могли знать, кто мы такие, пока не услышали шепот звезд.

Чанг Вон То, «Разум и творение», 404 г.

Никогда не ложитесь в постель сердитыми.

Эту ночь они спали вместе, как все ночи после «Ворона», но любовь была наигранной, сдержанной, осторожной. Можно было бы сказать, *дипломатичной.*

— Как тебе? — спросила она, когда они лежали уже потом, чувствуя, что напряжение не прошло.

— Отлично.

— Нет, Солли, я же знаю. Солли, я не хочу, чтобы ты на меня сердился.

— Я не сержусь.

Так оно и пошло. Странно, что раньше она его никогда таким не видела. Она знала, что он может быть хмурым, может обижаться, иногда даже держаться холодно. Но здесь было что-то более глубокое, степень обиды, которая ее удивляла и ранила.

Может быть, он сожалеет о потерянных годах, а

ее считает за это ответственной. То, что они засунуты в корабль, тоже не помогает. Все слишком концентрированно получается. Слишком много уединения.

Наутро все стало получше. Он извинился и согласился, что, конечно же, надо подождать, не следует слишком поспешно брать обязательства, которые, быть может, ни один из них не готов выполнять.

В следующие дни они разнообразили наполненные страстью вечера любовными контактами своих представителей, ставя романтические представления, в которых их альтер эго развлекались экзотическими способами, но только друг с другом. Чужих в игру не принимали.

Кульминация первой фазы полета наступила к концу дня 7 марта, на тридцать девятый день. Автоматические системы «Хаммерсмита» информировали, что предстоит выход в реальное пространство. Они ждали этого события в центре управления и пили кофе, предвкушая охоту.

«Пять минут», — сказал ИР.

Ким набросила ремни на плечи.

— Момент ноль, — сказал Солли. — Ни пуха.

Корабль всегда был полон технических звуков — выполняемое обслуживание, система

жизнеобеспечения, двигатели на холостом ходу (обычный для них режим). Ким быстро привыкла к этим звукам и замечала их только тогда, когда специально слушала или когда менялся тон. Сейчас, при подходе к точке назначения в двадцати семи световых годах от Алнитака, заработали прыжковые двигатели, энергия потекла сквозь стены.

Ким медленно закрыла глаза. Она представила себе, как возвращается домой с фактами, показывает Агостино верные доказательства того, что контакт был, собирает пресс-конференции, принимает поздравления со всего мира. И даже через тысячу лет люди, вспоминая полет «Хаммерсмита», будут почтительно понижать голос.

Но *настоящей* задачей, подумала она, будет организовать *вторую* встречу.

Перспектива представлялась радужной, и Ким предвкушала грядущую славу, когда сработали прыжковые и корабль оказался в нормальном пространстве.

— О'кей, вот оно, — сказал Солли. — Приехали.

Он включил верхний экран. Тот сразу наполнился звездами.

— Пора работать, — сказала Ким, настолько взволнованная, что еле-еле сдерживалась.

Он потянулся и хлопнул ее по руке.

— У нас часов тридцать до того, как сигнал сюда дойдет. Но раз мы не можем доверять часам, давай включаться сейчас.

Когда подлетаешь к созвездиям достаточно близко, они распадаются. Звезды, находившиеся на родном небе рядом, расходятся далеко в стороны. Яркое исключение из этого правила — пояс Ориона. Три его сверхъяркие звезды остались на своих классических местах, только до них теперь было меньше тридцати световых лет, а не тысяча пятьсот, как для наблюдателей с Гринуэя. Они слепили глаза и господствовали на небе.

Самой западной была Минтака, «Пояс». Официально она называется Дельта Ориона, наименее яркая из трех, со светимостью около 20 000 солнечных. У нее есть относительно тусклый спутник, с такого расстояния не видимый, на орбите с радиусом порядка половины светового года.

Эпсилон Ориона, средняя звезда, известна также под арабским именем Алнилам, «Пояс жемчужин». Она вдвое ярче Минтаки. Ее окружает дымка, вызванная неправильной туманностью NGC 1990, светящейся, как пасмурное небо, отражающее огни города.

И наконец, к востоку находится Дзета Ориона.

Алнитак.

Ким смотрела, как она плывет по главному экрану центра управления, — это «Хаммерсмит» поворачивался к ней. Алнитак тоже собрал вокруг себя дымку от туманности Пламени и излучающей туманности IC434«Мы движемся курсом к Алнитаку, — сообщил ИР. — Набираем скорость до тридцати четырех километров в секунду».

— Отлично, Хэм, — сказал Солли.

Рабочие антенны корабля навелись на огромную звезду. Из гнезд в корпусе появились еще антенны и выровнялись по главной оси.

— Забавно, — сказала Ким.

— Что именно?

— Я всегда думала, что капитан склоняется над консолями, бьет по кнопкам, вносит коррективы, вообще суетится. А ты мог бы тут сидеть и читать роман, и никто бы ничего не заметил.

— У нас хороший пиар, — ответил Солли. — Может быть, тебе стоит подумать о работе на ассоциацию пилотов.

Двигатели смолкли.

«Набор скорости закончен, Солли», — сообщил ИР.

— О'кей, Хэм. Запускай ГЕСДО.

Из двух отверстий, сделанных для приема

зондов, высунулась пара коммуникационных пакетов. Через одиннадцать минут появилась вторая пара. Потом третья, и так пока вышли шестнадцать устройств.

Несколько часов пришлось ждать, пока пакеты выстраивались по широкому полю, нацеленные на звезду. Потом они раскрылись по одному, как гигантские белые цветы.

Ким во время развертывания не выходила из центра управления, разве что в туалет и быстро поесть. Около двадцати трех часов Хэм объявил, что ГЕСДО вошла в строй. Создалась радиотарелка с эффективным диаметром как у орбиты внешней луны Гринуэя.

Солли улыбнулся Ким:

— Хочешь отдать команду?

— Еще как! Хэм, включить ГЕСДО!

Мигнули лампочки.

«ГЕСДО включена».

Из динамиков донеслась тихая буря помех. Справа от Ким включился вспомогательный экран. Мигнул идентификатор системы, сообщая, что она работает.

— Включить поиск по программе, — сказал Солли.

«Включен».

Шум помех стал тише.

— Что дальше? — спросила Ким.

Солли поглядел на верхний монитор, следящий за Алнитаком, и усилил увеличение так, что звезда стала диском.

— Дальше — ждем.

Ким переключила сигнал на свои наушники и несколько минут слушала. Пустота оживала радиоволнами, какофонией воя, писков и бормотания, затихающим криком звезд, исчезающих в черных дырах, частым стаккато пульсаров, шорохом столкновения водородных облаков. Программа ГЕСДО отфильтрует все, что может оказаться когерентным сигналом. Если «Хаммерсмит» сможет обнаружить вещание «Охотника» (а при невероятной удаче — и еще чье-то), ИР немедленно включит сигнал оповещения.

Солли велел Хэму отрубить звук.

Ким прикинула разные возможности. Если за один день улететь очень далеко и принять исторически важные радиосигналы? Конечно, надо было бы быть ближе к дому. До Гринуэя было полторы тысячи световых лет, до Земли — тысяча шестьсот, и никакие радиопередачи сюда пока еще не дошли. А было бы занятно иметь такой телескоп, чтобы увидеть отсюда Землю. Там в

этот момент Генрих Шестой сидит на английском троне, а Жанна д'Арк бегает в школу.

Солли поднялся с места.

— Больше мы пока ничего сделать не можем. Пойдем?

Она удивилась, как он может захотеть уйти в такой момент, хотя до периода высокой вероятности было еще несколько часов.

— Да нет, — ответила она, — я пока здесь посижу. Она так и не вышла, и через два часа он вернулся с нарезанным мясом и фруктами.

Этой ночью они долго разговаривали, не спали, ожидая не зазвучит ли сигнал. Оказавшись здесь, где были видны звезды, *облака* звезд, но ни одного солнца, Ким поколебалась в своей уверенности. Глупо, конечно: она много раз проверила все расчеты, оборудование было адекватно задаче, законы физики очень точно описывали распространение радиоволн в вакууме. Но «Охотник» — это было так давно по человеческим меркам. И что у нее действительно есть, кроме наброска Кейна на стене и подделанного бортжурнала?

Солли, проживший всю жизнь в братстве звездолетчиков, полагавших, что космос принадлежит только людям, пытался ее ободрить, но его выдавала интонация.

Почти весь следующий день они провели, сидя у приборов. Ким слушала космический шум и глядела на часы. Завтракать она не стала и пыталась читать, меняя книжки. Солли занялся калибровкой приборов, которым скорее всего она и не была нужна.

После легкого обеда они поставили очередную загадку Кинг. Только посмотреть, не участвуя. Но Ким постоянно отвлекалась. Спать они не пошли. Около полуночи Ким растянулась на диване, прикрыв глаза локтем, слушая тишину.

— Это может занять на пару дней больше, — сказал Солли. — Если не неделю. Здесь мы не можем точно установить, где мы.

На экранах клубилась вечная пустота. Солли собирался еще что-то сказать, когда заговорил Хэм:

«Есть сигнал».

Ким сразу очнулась.

«Передача принята в 0 часов 3 минуты. Без визуала. Передается только аудиосигнал. На стандартной частоте».

— Прокрути, — сказал Солли.

Было 0:06.

— С самого начала.

Ким села на диване.

Динамик пискнул и смолк.

Через секунду он пискнул два раза.

— Это «Охотник»? — спросил Солли у ИРа.

Три писка. *Четыре.*

«Не знаю точно. Вероятность, что сигнал искусственного происхождения, превышает девяносто девять процентов».

В памяти «Хаммерсмита» хранились характеристики передатчиков «Охотника». Располагая временем и достаточным материалом он мог бы ответить на вопрос Солли совершенно точно.

— А это больше никто быть не может! — воскликнула Ким. — Мы их нашли!

Она вслушалась, но динамики молчали.

— Это все? — спросил Солли.

«Да. Сигнал принят четыре минуты назад».

— Если примешь что-нибудь еще, Хэм, выдавай нам сразу.

— Они считали до четырех, — сказала Ким. Началось снова.

Один. Два.

— Какого черта они делают? — спросил Солли. Три.

— Они кого-то увидели. Четыре.

Ким готова была кричать от радости.

— Кого-то, с кем не могут говорить! Они пытаются поздороваться!

Снова. Один…

— А что это за приветствие такое — считать до четырех?

— Другого общего языка у них нет. Если это действительно инопланетяне, то могли бы ответить, посчитав до пяти. — Ким сцепила ладони и вознесла молитву тому, кто всем этим заведует, кто бы он ни был. Потом бросилась в объятия Солли. — Солли, это наяву!

— Давай-ка пока еще подождем радоваться…

Сигналы прекратились. Ким отпустила Солли, сцепила руки и стала ждать.

— Если они действительно кого-то встретили, — сказала она, — то мы услышим только одну половину разговора.

Потому что тот корабль почти наверняка использует направленный сигнал, а не круговой, как у Трипли.

— Ты думаешь, они принимают ответ? — спросил Солли.

Снова начались сигналы по той же схеме.

— Нет, — ответила она. — Пока нет.

Сердце ее колотилось. Сигналы прекратились, потом зазвучали снова.

Один. Два. Три. Четыре.

«Характеристики сигнала проанализиро-

ваны, — сказал ИР. — Подтверждаю, что это „Охотник“.

Ким представила себе сцену: где-то возле Алнитака корабль Трипли занят ремонтом — то есть *был занят* ремонтом; трудно отделить сейчас прошедшее от настоящего, — и вдруг видит *нечто.* Расплющенную каплю. *Черепаху. «Доблестного»,* Один. Два. Три. Четыре.

— Ну давай! — взмолилась Ким.

Солли смотрел на нее.

— Ты думаешь, они все еще не получили ответа?

— Думаю. Как только тот корабль ответит, они попробуют что-то другое.

— И что?

— Понятия не имею, Солли. Что угодно… Один…

— Почему они не отвечают? — воскликнула Ким.

— Может быть, не знают как. — Солли тоже начал путать настоящее и прошедшее. Они же в некотором смысле вернулись в прошлое.

— Не могут не знать, Солли. Как это может быть?

Она мечтала увидеть хоть один визуал. Будь *она* на борту «Охотника», она бы засняла «Доблест-

ный» и послала бы изображение тому кораблю, предлагая чужаку сделать то же самое. Хороший дружественный жест. И изображение появилось бы в передаче. И она бы тогда без вопросов поняла, что происходит.

А пока продолжался счет до четырех. Интервалы между писками менялись, указывая, что сигналы посылаются вручную. Весь счет занимал секунд восемь. Последовательности были разделены минутными интервалами.

— Мы используем мультиканал? — спросила Ким. Просто на случай, если инопланетяне что-то передадут, а их антенна *случайно* будет направлена куда надо, чтобы Хэм мог их услышать.

— Да, мы бы их уловили. Но я бы не стал на это ставить. Как раз был промежуток между сигналами. Ким пыталась представить себе состояние мыслей экипажа «Охотника» и гадала, что видели они в своих телескопах, что они нашли. Будь это возможно, она бы сейчас с радостью убила Маркиса Кейна. Как до них не дошло, что такое событие может вызвать интерес в будущем, и исходный сигнал будет перехвачен? И что надо подумать о тех, кто этим займется?

Солли поглядел на таймер:

— Запаздывают.

Молчание длилось. Пять минут. Семь.

— Может быть, они это бросили.

— Нет. — Такого не могло быть. Никто не бросит, если сидит и смотрит на корабль инопланетян. — Они бы так не сделали.

— Могли, если чужак улетел.

У Ким похолодело в животе. Такой возможности она не учла. Она предполагала, что виды, научившиеся летать к звездам, в такой ситуации испытают одинаковое любопытство. Назовем это Софизмом Брэндивайн.

Но если была встреча, а потом неожиданно прервалась, это не объясняет последующих событий. Нет, не так все просто.

— Наверное, они сменили подход, — сказала она. — Что-то такое, чего в передаче не видно.

— Например?

— Будь я на их месте и не получи ответа на радио, я бы начала мигать бортовыми огнями. Может быть, была установлена связь и они готовы обменяться сувенирами и поклясться во взаимной дружбе. Может, они открыли люки и машут руками. Ничего из этого ГЕСДО не увидит.

— Последнее предположение можешь отбросить. Ни у кого не было бы времени влезть в скафандр. — Он посмотрел ей в глаза и спросил с

тревогой: — Что с тобой?

— Солли, если это еще продлится, я просто эмоционально распадусь.

Она всматривалась в изображение Алнитака, будто усилием воли могла увидеть, что там произошло. Где-то там, захлестнутые световой феерией гигантской звезды, были изображения «Охотника» и *другого.*

— Солли, у меня к тебе вопрос.

— Давай.

— Есть ли способ узнать, находится на борту другого корабля жизнь или нет? То есть если мы встречаем корабль, а он молчит, есть ли у нас датчики, способные заглянуть внутрь и определить, есть ли кто на борту?

— Нет, — ответил он. — Любой корабль, подошедший так близко к Алнитаку, должен быть тщательно изолирован от излучения. «Охотник» никак не мог узнать непосредственно, есть ли на том корабле экипаж или это просто автомат. Единственный способ — разговор. И даже тогда нельзя будет сказать точно поскольку может оказаться, что ты говоришь с ИРом. — Солли еще подумал. — Наверное, надо встретиться физически и пожать друг другу руки. — Он усмехнулся. — Или что там у них есть пожимать. А до

того все это только догадки.

Сперва Ким не сообразила, где она. «Охотник» снова посылал сигналы. Бип. Бип. Бип. Но на этот раз по другой схеме — один-три-пять-семь. Приглашая тот корабль ответить «девять». Они сменили метод — значит, получили ответ?

Она снова лежала на диване, Солли набросил на нее покрывало.

— Это они делают уже часа два, как я думаю.

— Ты думаешь?

— Был перерыв посреди сигнала. Он длился четырнадцать минут. Может быть, что-то их закрыло. Тот газовый гигант котором ты говоришь.

Было больше четырех утра. Четыре часа назад они приняли сигнал «Охотника».

— Хочешь пойти поспать? — спросила она его.

— Ага. Я думаю, что на одну ночь мне этого хватит. А ты?

— Я пока останусь.

— О'кей. — Он встал, нагнулся к ней, нежно поцеловал. — Никогда бы не подумал, что они что-то нашли, а на них не обращали внимания. «Слушайте, мы тут нашли настоящих инопланетян, но они нас в упор не видят. Куда они направляются? Понятия не имеем».

— Ладно, — сказала она. — Даст Бог, получим больше, чем сейчас есть. — Она посмотрела на монитор, на котором мигал новый отсчет. — Представляю себе, как сижу напротив Агостино с записью, на которой только морзянка от «Охотника».

Солли остановился в дверях.

— Если даже ничего больше не найдем, — сказал он, — мы можем с уверенностью доказать, что Кейн подделал бортжурналы. К чему бы ни относились эти передачи, а ни одна из них не была записана. — Он стал на ходу снимать рубашку. — Позови меня, если что…

Он вышел, Ким зевнула, залезая под покрывало и слушая радиошум. Один, три, пять, семь. Снова и снова.

Но сейчас она уже не спала. Она встала, налила себе кофе. В центре управления всегда было прохладнее, чем в других частях корабля. Система жизнеобеспечения слегка барахлила.

— Давай, «Доблестный»! Отвечай, — сказала Ким.

Ким стала пить кофе. «Охотник» продолжал посылать морзянку.

Направление радиосигнала показывало точно на Алнитак. «Охотник» вышел из гипера возле

звезды, может быть, вблизи газового гиганта. И там встретил другого зеваку, пришедшего полюбоваться на звезды. Сигнал изменился.

Один. Два. Три. *Пять.*

Пять?

Потом *восемь.*

Ким щелкнула интеркомом.

— Слышу, — ответил Солли из своей каюты. — Что это значит?

Серия затихла.

— Новая серия, — сказала Ким. — Чуть более сложная. Солли, я думаю, они получили ответ.

— Почему?

— А зачем иначе уходить от простых последовательностей?

Она представила себе сцену на борту: люди подпрыгивают, хлопают друг друга по спинам, вопят от восторга.

— И какой же будет следующий номер? — спросил он.

— Тринадцать, — сказала она. — Если так было на самом деле, вот что они слышали. Тринадцать сигналов с другого корабля.

— Было бы хорошо, если бы у нас была почва для гипотез поконкретнее, — сказал Солли. Но он вышел в центр управления прямо в пижаме и

стиснул руку Ким. — Надеюсь, что ты права.

Пожатие перешло в объятие.

Она *была* права. В этом Ким была уверена. И находилась в этот миг на вершине восторга.

Солли стоял рядом и покачивал ее в объятиях, ожидая следующей серии.

Когда она началась, Ким насчитала одиннадцать. И все: Одиннадцать сигналов.

— А что на этот раз? — спросил Солли.

— А кто его знает? Одиннадцать — простое число. Но это должен быть ответ на передачу того корабля.

— Например?

— Один, два, три, пять, семь. Простые числа. А может, они послали первые пять нечетных.

Солли покачал головой и сел в кресло.

— Ким, — сказал он рассудительно, — у нас ничего же конкретного нет.

— А что ты хотел бы? — резко спросила она, отодвигаясь. — Мы знали, что услышим односторонний разговор. Без картинок больше желать нечего.

Система снова затихла. Ким и Солли ждали, молчание тянулось пятнадцать минут.

— Может быть, они пытаются решить, что делать дальше, — предположила Ким.

— А что бы сделала ты?

— Встретилась бы лицом к лицу. Пустила бы визуалы. Если бы они прошли нормально, предложила бы встретиться физически. Выслать десантный бот.

Солли кивнул.

— Ты думаешь, с обменом визуалами могли быть проблемы?

Она подумала и кивнула:

— Да.

— Например?

— Что, если у нас от их вида с души воротит и они это заметят? Или мы у них вызываем органическое отторжение? Но в какой-то момент это придется пробовать.

Их перебил ИР:

«Принимаем видеосигнал», — сказал он медовым голосом. Взгляд, которым обменялись Ким и Солли, нес бурю эмоций. Солли передал изображение на верхний дисплей. «Усиливаю», — сказал ИР.

— На экран, — велел Солли.

Они смотрели на эмблему «Охотника», корабль и планета с кольцами. И через миг изображение расплылось и возникла Эмили! Она сидела в кресле, и у Ким сердце сжалось от боли. Эмили была

так молода, и она лучилась эмоциями. Волосы были убраны назад, она была одета в свободную белую кофту и улыбалась счастливой улыбкой.

«Мы знаем, что ничего этого вы не поймете, но (невосстановимо) здравствуйте. Вас приветствует Гринуэй. Можем ли мы… (невосстановимо).

Сердце Ким бешено забилось.

Один за другим выходили члены экипажа «Охотника» и каждый произносил фразу. Трипли фонтанировал. Несмотря на все сходство с Бентоном, Кайл сильно от него отличался. Он был мягче, подвижнее, *живее.*

Йоши была нежной, прекрасной, с сияющими глазами и неотразимой улыбкой. Она пожелала счастья новым друзьям и выразила надежду, что начинается новая эра в истории обоих видов.

— Кажется, это то, что надо, — сказал Солли.

Ким покачала головой, думая, как могут быть истолкованы эти образы обитателями другого корабля. Вообще, видят ли они эти изображения. Какова вероятность, что их аппаратура совместима с таким сигналом?

— Это очень простая технология, — сказал Солли. — У них почти наверняка должна быть такая возможность.

Последним вышел Кейн. Он говорил из каби-

ны пилота, и говорил в манере деловой, но не резкой. Он сказал, что рад встрече с обитателями другого корабля. Это замечание заставило Ким обрадоваться еще сильнее.

— Поздравляю, — сказал Солли.

Кейн спросил, может ли «Охотник» им чем-нибудь помочь. Он был единственным, кто сумел не показать голосом пафос, естественно порожденный этим моментом.

Он глядел с картинки прямо на них примерно минуту. Потом исчез. На экране снова мелькнула эмблема «Охотника», и картинка погасла.

«Конец приема», — произнес ИР.

Ким все еще стояла, слишком заведенная, чтобы сидеть на месте.

— Все бы отдала, только бы узнать, что им ответили!

— Найди настоящие бортжурналы.

Она кивнула:

— Надо будет, когда вернемся. Это первым делом.

Солли сложил руки на груди и уставился в экран.

— Надеюсь, Кейн их не уничтожил.

— Конечно же, нет! Самый торжественный момент в истории человечества. Кейн ни за что

бы не стал уничтожать записи. Нет, он их где-то спрятал.

— Но где? И почему?

— Не знаю. Узнаем.

Разговор длился долго, до следующей передачи.

— Знаешь, — сказал Солли, — мне не дает покоя вопрос Кейна. Почему он спрашивал, может ли он помочь? Инопланетянин был лишен хода? Терпел бедствие?

— Может быть. Все равно, черт бы побрал Кейна. Нельзя углубляться в это море догадок.

— Я бы на твоем месте был ему благодарен.

— Это еще почему?

— Если бы он сделал все, как положено, все это дело было бы кончено двадцать семь лет назад. И ты бы к нему и близко не подошла. А вместо этого он тебе оставил такую вкусную загадку и шанс на бессмертие. Так что скажи спасибо.

«Визуалы», — сказал ИР.

Появилась Эмили.

«Здравствуйте еще раз, — сказала она. — Хотите прибыть на борт?»

— Это еще что? — спросил Солли. — Они что, думают, там на борту есть хоть кто-то, говорящий *по-английски?»*

— Дело не в словах, — объяснила Ким. — Дело в тоне. В невербальном языке. Но вряд ли чужой культуре будет полностью понятен наш язык жестов.

В изображении появился разделенный экран, и рядом с Эмили материализовался «Охотник». Он плавал на фоне реки звезд. За ним через все небо выгнулась оранжевая дуга кольца планеты. Открылся люк грузового трюма и вспыхнули лампы, осветив его изнутри. Половина экрана с Эмили погасла, на ее месте возникла Йоши и поманила в открытую дверь, чтобы обитатели чужого корабля поняли приглашение.

— Неплохо, — сказала Ким.

— Не уверен, — возразил Солли, поджав губы.

— Почему?

— Представь себе, что перед нами в полукилометре корабль, управляемый *не людьми,* а Бог знает кем, и вот он открывает дверь и приглашает меня *внутрь*... — Солли поднял руки к небу. — Ой, вряд ли.

— Солли! — с притворным возмущением воскликнула Ким. — А где же твоя тяга к приключениям?

«Охотник» повторил передачу. Снова повторил.

— Эти, кто бы они ни были, обдумывают, — сказала Ким.

Солли кивнул.

— Трипли испытывает удачу. Надо было перестать. Раз предложил — и хватит.

За «Охотником» был виден кусок звездного неба.

— Солли, — спросила Ким, — а как они делают эти картинки?

Он на секунду задумался.

— Проще всего было бы взять сигнал с любого телескопа. — Он глянул в окно, на переливающиеся звездные поля. — А потом наложить на «Охотник», как они сделали с Йоши.

— Значит, это настоящий вид на звезды в ту ночь и из того положения, в котором они находились?

— Вероятно. Даже наверняка.

— И ты думаешь, что это вид с передних телескопов?

— Может быть. Так было бы естественно. А что? Какая разница?

— Возможно, никакой. Но это дает нам курс, на котором они были в момент контакта.

Ким прикинула, как это могло выглядеть.

— А в какое время суток все это происходило? —

спросил Солли.

Ким посмотрела на отметки времени. Первый радиосигнал был передан с «Охотника» в 11:42 17 февраля 573 года по времени Сибрайта. Сейчас на «Охотнике» было 16:12.

— Сейчас им надо бы, — сказал Солли, — вернуться к радиопередаче и продолжать разговор. Пытаться сделать следующий шаг.

Экран ГЕСДО снова погас.

— Похоже, — сказала Ким, — приглашение не дошло.

Почти два часа ничего не происходило. Потом «Охотник» снова передал изображение открытого люка, на этот раз вместе с Трипли. Но он только помахал в объектив и не пытался указывать на трюм.

— Кажется, у них кончились идеи, — заметил Солли.

Ким грустно вздохнула:

— Мне это удивительно.

— Почему?

— Они столько лет пытались добиться именно этого и оказались настолько не готовы.

— Ты насчет картинок с открытым люком?

— Я насчет того, что здесь все кажется спонтанным. Как ты думаешь? Как будто их застали

врасплох. И это наводит на мысль, что они *не предполагали* возможность успеха.

— А что им *надо* делать? — спросил Солли.

— Коротко говоря, Эмили и ее друзья мало что могут сделать. И должны это признать. Они не могут выучить новый язык, и пока что только балуются с числами. А ведь установить взаимное доверие, скажем, с гигантскими пауками — штука непростая. Я бы сказала, что нужна группа специалистов, иначе дальше привета дело не пойдет.

— А потому?

— А потому они должны заняться вот чем: определить дату *второй* встречи. Если это получится, то большего успеха сейчас никто ожидать не может.

— И как бы ты это сделала?

— У них есть под рукой планета. Ее можно использовать, чтобы назначить встречу. Показать, скажем, пару сотен ее оборотов. Шесть месяцев. «Вернемся через шесть месяцев». Это будет достаточно ясно.

— Как у тебя все легко получается, — сказал Солли. — Жаль, что тебя там не было.

Ким подтянула колени к груди, обхватила их руками.

С ними была Эмили.

Солли стал проявлять легкое нетерпение:

— Как ты насчет завтрака?

— Нет, спасибо. Я буду здесь.

— Ты ничего не пропустишь. А я бы не отказался.

— Так давай, — сказала она. — Я действительно не голодна.

Он покачал головой:

— Придется мне воспользоваться правами капитана и настоять. Это может продолжаться еще сутки или больше, а мне не нужны голодные обмороки на борту.

Ким поглядела на индикаторную панель. Только лампочки светятся.

— Ладно, уговорил.

Он принес две тарелки с ветчиной, бисквитом и нарезанным ананасом. Ким ела задумчиво, подавленно, угнетенная явной неспособностью «Охотника» выработать эффективный план действий. Солли предположил, что инопланетян могла отпугнуть открытая дверь. Или у них есть культуральные особенности, запрещающие дружбу с другими видами. Или…

— Да как это может быть? — возразила Ким. — Этот вид создал звездолеты. Если они долетели

до Алнитака, значит, у них есть прыжковые двигатели. Как же у них могут быть предубеждения относительно разумных видов?

— Может быть, мы представляем для них какую-то религиозную проблему. Считается, что мы не существуем, а обратное утверждение опрокидывает всю теологию.

— Вряд ли космической цивилизации присущ такой образ мысли.

— Да? А у нас нет споров христиан с мусульманами от Гринуэя до Кариби? А универсалисты не смотрят сверху вниз всех, кто не согласен с официальной теологией?

— Это значит, что официальной теологии не существует.

— Не придирайся к словам. У них может быть та же тенденция — не знаю. Может быть, у инопланетян нет такого разнообразия, как у людей. Если они представляют собой один и тот же тип, у них никогда не было необходимости иметь дело с чем-либо *иным.*

Солли неторопливо доел завтрак, откинул голову назад и задремал. Примерно через час он проснулся, пошел к себе принять душ и переодеться. Вернулся он несколько посвежевшим, хотя все еще усталым.

— Мне не верится, что они там сидят и ничего не делают, — сказал он.

— Может быть, они запустили посадочный модуль, — предположила Ким. — Возможно, они пытаются устроить встречу.

— Нет, были бы радиосигналы. «Охотник» должен был бы показать им свои намерения.

Все утро экраны продолжали молчать. Солли и Ким все время возвращались к одним и тем же вопросам. К середине дня Ким уже решила, что качество сигнала ухудшилось настолько, что его нельзя принять.

— Возможно, — возразил Солли, — но маловероятно. Они пошли в тренажерную поработать. Потом, после душа и переодевания, Солли спросил, не думает ли она, что все кончилось.

— Может быть.

— Так что будем делать?

— Еще послушаем. Если ничего не услышим, пойдем к другой точке перехвата и послушаем еще. Это позволит взять второй пеленг и засечь их местонахождение.

— И сколько времени мы здесь пробудем? «Охотник» пробыл возле Алнитака почти два дня.

— Давай подождем завтрашней полночи и еще

чуть. Если ничего не услышим, уходим.

В этот вечер нежность и страсть Солли ошеломили Ким.

— Я так рад, что ты получила что хотела, — сказал он ей после первого приступа любовной страсти. — Мы еще не знаем всего, но хотя бы знаем, что это произошло.

— Ты меня лучше поцелуй, глупый, — вздохнула она.

Этой ночью были смех и слезы, Ким ни себе, ни ему не могла объяснить, откуда они взялись, но они текли и текли.

— Я в постели с бессмертной, — сказал Солли.

И она знала, что он прав. В конце концов они во всем разберутся, получат ответы, узнают, что случилось с Эмили, почему Йоши оказалась в реке и что взорвало склон пика Надежды. Это только вопрос времени, и детишки, рожденные через тысячу лет, будут учиться произносить ее имя.

Никогда, никогда Ким не ощущала себя такой живой, и она не давала Солли покоя, смеясь, когда он в изнеможении падал на спину и молил дать ему отдых.

Где-то около пяти утра, лежа на спине под рукой Солли, она решила, что останется с ним, сделает все, что надо будет сделать. Солли был

с ней в самый замечательный момент жизни, и все, что к этому моменту относится, должно быть сохранено. Их обвенчала сама радость пережитого. Церемония будет только констатацией того, что произошло на самом прославленном из звездолетов.

Утром они долго спали, ели, смотрели ВР, потом направились в центр управления, где экраны ГЕСДО так и остались пустыми. За двадцать четыре часа не было ни одного сигнала. Стало ясно, что, какова бы ни была причина, праздник окончен. Все равно Ким и Солли чего-то ждали. Потом, наскоро пообедав, они стали готовиться к переходу на новую точку перехвата.

— Но у меня мало надежды, — сказала Ким, сильно поостыв от возбужденной радости вчерашнего дня. Ей припомнилась старая аксиома: если хочешь заставить людей поверить в невероятное заявление, представь невероятное доказательство. А есть у нее такое доказательство?

Вспомнив мечту о телескопе, в котором был бы виден Генрих Шестой, она от всего сердца возмечтала направить такой телескоп на окольцованную планету в системе Алнитака. *Увидеть* два корабля, *увидеть*, что произошло. Ее злило, что фотоны, несущие размазанную истину о том,

что случилось с «Охотником» и «Доблестным», летят мимо, а нужными приборами их можно было бы уловить.

В полночь она со вздохом сказала:

— Пора.

19

Каждая отдельная жизнь кончается в одиноком спазме беспомощной агонии.

Уильям Джеймс,«Разнообразие религиозного опыта», VI, 1902 г. н.э.

«Хаммерсмит» ушел в гиперпространство в 0 часов 41 минуту 10 марта, в субботу, чтобы снова выйти за пределы расширяющейся сферы радиосигнала. Корабль останется в плоскости планетной системы Алнитака, но новый пеленг на звезду будет направлен под прямым углом к прежнему. Пролетать надо будет примерно тридцать световых лет, и корабль достигнет места назначения после 20:00. Встали они поздно. Ким проснулась оживленной, нетерпеливо ожидающей конца дня, второго запуска устройств ГЕСДО и не могла найти себе занятие, чтобы сократить ожидание. В конце концов она села играть в шахматы с ИРом, уставив уровень для начинающих.

Солли, всегда делавший то, что нужно сделать, накрыл ужин при свечах. Ким выпила чуть больше, чем надо было, и у нее еще кружилась голова, когда «Хаммерсмит» вышел в реальное

пространство.

На этот раз, поскольку прыжок был намного короче, корабль вышел намного ближе к намеченной точке, и через час они снова слушали «Охотника», который пытался завязать разговор с невидимым собеседником. Но вскоре после начала приема сигнал пропал. К счастью, он снова появился через четырнадцать минут, точно по графику. Это вроде бы подтверждало предположение, что он шел из-за газового гиганта.

Они уже знали, что «Охотник» долго передавал безответные сообщения, пока не получил отклик от «Доблестного». И потому они ждали, читая и дремля, иногда резвясь, как подростки.

— Вот так и должны выглядеть межзвездные перелеты, — сказал Солли.

Через четыре часа после первых сигналов, счета до четырех, «Доблестный», очевидно, ответил. «Охотник» послал четыре сигнала. Эмили и ее спутники появились на экране, произнося свои приветствия. Показали открытый люк.

Как и прежде, передачи прекратились.

Зато теперь был второй пеленг. После учета перемещения звезд линии пересеклись в трех АЕ от Алнитака. Точно на орбите газового гиганта.

И все же «Хаммерсмит» ждал еще два дня.

Наконец, когда стало ясно, что представление окончено, Солли вставил диск записывающее устройство и велел ИРу скопировать запись перехвата с обеих точек. Записанный диск он отдал Ким.

— Если повезет, — сказал он, — эта штука спасет нас обоих от суда.

— Увидим. — Она посмотрела на диск. — Людям будет проще поверить, что у всего экипажа «Охотника» съехала крыша, чем что они действительно что-то видели. И насчет пропавших женщин будет то же предположение. Что нам на самом деле нужно, так это хоть взглянуть на то, что они видели. — Она медленно и глубоко вздохнула. — О'кей, самое время переходить к фазе два.

— К месту преступления?

— Ага.

— А зачем? Какой смысл? Их там давно уже нету.

— Солли, — сказала она, — поставь себя на место команды того корабля. По причинам, которых мы не понимаем, наши люди вернулись и ничего не сказали. Может быть, на борту была стычка, несогласие, как объявить о событии или кому должна достаться слава…

— Это бессмысленно.

— Пусть. Но что-то случилось. Может быть, их напугало то, что они пережили. Может быть, они увидели что-то настолько ужасное, что сошли с ума…

— И мы теперь туда пойдем?

— Мы будем осторожны. И мы не будем захвачены врасплох. Послушай, дело в том, что *оба* корабля знали: контакт был. Для инопланетян это было такое же потрясающее событие, как и для нас. Тогда что они сделали потом? Что бы сделали ты и я?

Солли подпер рукой подбородок и пристально посмотрел на Ким.

— Если предположить, что настоящего разговора не было, а второй корабль просто улетел, мы бы поставили наблюдение.

— Можешь ли ты представить себе вариант, когда бы мы этого *не* сделали? Что просто забыли бы об этом случае?

— Нет, — сказал Солли после секундной паузы. — Нет, хотя так оно и было. Но я бы ожидал, что мы тут же направили бы туда бригаду ученых.

— И они бы там остались на много лет?

— Наверное. Но на *двадцать семь* лет?..

— Ладно, может быть, не так надолго. Не знаю. Но автоматические системы остались бы.

— Наверняка. Мы бы обозначили свое присутствие навсегда.

— Именно. Так что нам надо только показаться у Алнитака, и пусть то, что они там оставили, на нас посмотрит. Полетим к газовому гиганту и сделаем все, чтобы привлечь к себе внимание. Будем искать любые искусственные объекты. Кто его знает, что найдется, если нам улыбнется удача?

С расстояния трехсот астрономических единиц планета была в восемь раз дальше, чем Эндшпиль от Гелиоса или Плутон от Солнца. У нее было семнадцать спутников и система колец, разбитых на три секции. В южных широтах бушевал постоянный шторм, как обычно бывает на газовых гигантах. Время обращения по орбите примерно две тысячи триста лет, и центральное светило даже на этом близком расстоянии было по яркости равно всего трети полуденного солнца Гринуэя.

Солли проложил курс к планете.

— В этой системе уже велись наблюдения, — сказала Ким. — Очень мельком. Экспедиция задержалась только на пару дней. Ничего необычного не нашли, если не считать атмосферных явлений. — Ким говорила о межзвездных об-

лаках, колыбелях новых звезд, турбулентных и взрывчатых, освещенных не только Алнитаком, но и внутренним светом. Ближайшая туманность NGC2024, растянувшаяся на световые годы в беспокойном небе, была калейдоскопом светлых и темных полос, точных геометрических узоров, светящихся поверхностей и глубоких внутренних огней. В ней летали огромные молнии, но так далеко, что казались застывшими.

— Медленные молнии, — сказал Солли. — Как наша цель.

— То есть?

— Мы знали издавна, что контакт может в конце концов возникнуть, и когда это случится, переменится все — наша технология, наше самосознание, наше представление о вселенной. Мы предвидели этот удар молнии и пытались угадать его последствия в течение девятисот лет. Мы представляли себе иной разум, рисовали его страшным или приятным, до невозможности чуждым и до боли знакомым, божественным, отстраненным, безразличным. Так вот, я думаю, что молния готова ударить. А мы с тобой будем на ее острие.

На той стороне неба вытянулась сияющей дымкой длинная полоса IC434, выделяясь на фоне

темной массы туманности Лошадиной Головы.

— Место для художника. — Ким стояла возле окна, любуясь широкой панорамой. Яркие кольца газового гиганта уходили за пределы поля зрения сияющим мостом к семейству лун, все в первой четверти. Ким снова посмотрела на фреску Кейна крупным планом. Не было доказательств, что именно этот мир держит на ладони Эмили, но Ким была готова ручаться головой.

В системе было еще два солнца; одно слишком далеко, чтобы его заметить, второе настолько яркое, что можно было читать при его свете. Ближайшее находилось примерно в 1300 АЕ от Алнитака. Оно тоже было слишком ярким, но куда как слабее своего спутника.

— Считается, что у двойной звезды не может быть планетной системы, — сказала Ким. — Сейчас мы знаем, что это не так, но эти планеты сильно мотает, а некоторые вообще выбрасывает за пределы системы. Особенно если оба компонента системы достаточно массивны и не очень далеко друг от друга. — Ким опустилась в кресло и уставилась на кольца и луны. — Эта тоже долго на орбите не останется. Когда ее отсюда выдернет — это только вопрос времени.

Диск планеты был окрашен в цвета осени.

Шторм казался темным пятном, круглым участком ночи.

— Примерно полтора Юпитера, — оценил Солли, пользуясь привычной единицей для газовых гигантов. — Начинаю понимать, почему они решили здесь остановиться на ремонт.

— Зрелищно, — сказала Ким. — Я смотрела записи о прежних полетах Трипли. Он здесь бывал. Хотел видеть Лошадиную Голову.

Солли долгую минуту глядел на планету среди звездных облаков, потом повернулся к Ким.

— Что будем делать сначала?

Хороший вопрос.

— Выйдем на орбиту. А потом будем ждать.

— Ким, — сказал Солли. — Мы сами критиковали Трипли за неготовность выполнять сценарий контакта. А *мы* готовы? Вдруг что-нибудь случится?

Ким перешла в профессиональный режим:

— Ответственно вас заверяю, что ничего не случится.

Они оба рассмеялись. На самом деле Ким подготовила программу передачи визуалов на случай контакта. Там были изображения «Доблестного» и «Охотника», ее и Солли, интерьеров «Хаммерсмита». Изображения лесов и океанов Гринуэя,

отдыхающих на берегу людей. Анатомический атлас человека и несколько десятков растений и животных. И наконец, изображение трех «Доблестных» и трех «Хаммерсмитов» на фоне колец газового гиганта и сам этот гигант, а потом — четыреста линий, разбитых по десять.

— Мы встретимся, когда планета четыреста раз обернется вокруг своей оси.

— Отлично, — сказал Солли.

День газового гиганта имел длительность между семнадцатью и восемнадцатью часами, так что речь шла примерно о годе. Достаточно времени на снаряжение экспедиции, выработку плана и возвращение.

— Ким, как мне запрограммировать локаторы? Что мы конкретно ищем?

— Поставь максимальный охват и диапазон. А ищем мы что угодно, что будет здесь необычного. Обработанный металл, пластик, все, что не камень, не лед и не газ. А также все, что движется само по себе.

Исходное наблюдение сообщало мало подробностей о газовом гиганте. Диаметр по экватору 187 000 километров, полярный диаметр 173 000 километров. Средняя плотность составляет 1,2 от плотности воды, что указывает на большую долю

легких элементов, водорода и гелия. Наклон оси 11,1 градуса.

Самым поразительным в этой планете были кольца, расположенные в плоскости экватора. Общий диаметр колец достигал 750 000 километров, и они были разделены на три четкие группы. Внутреннее кольцо доставало почти до облаков. Толщина колец была даже меньше километра, поэтому, когда «Хаммерсмит» находился с ними в одной плоскости, их практически не было видно.

Два спутника по размеру превосходили Гринуэй, а одна небольшая луна и внешние спутники еле достигали километров шести в поперечнике. Их орбиты были почти под прямым углом к экватору.

— Полезно было бы, — сказала Ким, — если бы мы точно знали место события.

— В каком смысле — знали бы?

— Высоту. Орбиту, если возможно.

— Не вижу, как это можно было бы определить, — сказал Солли. — На одном из кадров видны кольца, но планета вообще не видна.

— Но мы знаем точное время события, — возразила Ким. — С точностью до минуты. — Контакт произошел 17 февраля в 11:42 по бортовому вре-

мени. — У нас есть снимок колец в этот момент и звездный фон.

— Звезды выглядят одинаково из любой точки системы, — заметил Солли.

– *Звезды* — да, — согласилась Ким.

Но не луны. А наверняка на снимке есть хоть одна луна.

Их было *две.* Они снова прогнали запись. «Охотник» плыл на фоне ночного неба, открывался люк трюма и зажигался свет, выплескиваясь в пустоту. Ким подумала, каким теплым и гостеприимным кажется трюм, особенно когда Йоши на экране улыбается и приглашает зайти. В этом было что-то почти откровенно сексуальное, и невольно подумалось, как это должны были воспринять инопланетяне.

Промоделировав движение спутников, Ким и Солли посмотрели, где они находились в 16:12 17 февраля, когда пошла передача картинки с открытым люком, и согласовали положение спутников с наклоном колец.

— Вот так. — Солли вывел картинку на вспомогательный монитор. — Чтобы все это было так, как мы видим, «Охотник» должен был находиться вот здесь. — Он показал на точку в одиннадцати градусах к северу от экваториальной плоскости

на высоте 45 000 километров. — Но у нас всего двухминутная запись, а этого мало, чтобы отследить орбиту.

— У нас есть вторая картинка, — напомнила Ким. С изображением Эмили, снятая через два часа.

Солли вывел запись на экран, нашел луны, на этот раз три, повторил процесс и победно улыбнулся.

— Кажется, есть, — сказал он.

Ким обрадовалась не меньше его:

— Давай тогда выходим на ту же орбиту. Только я хочу двигаться чуть быстрее, чем «Охотник».

— Зачем?

— Чтобы догнать все, что движется со скоростью «Охотника».

Солли нахмурился.

— Сделай, ладно?

— Хорошо, Ким.

— И давай обследуем все, что можно.

— Что ты конкретно ожидаешь найти?

— Я *ничего* не ожидаю, — сказала Ким, ощущая себя Вероникой Кинг, которая всегда так говорила. — Но может быть что угодно.

Она не хотела высказывать вслух надежду, что инопланетянин еще здесь, болтается, брошенный

командой. Это была одна из возможностей.

Солли передал инструкции ИРу.

— Выйдем на орбиту сегодня вечером, — сказал он. — А полный поиск на орбите займет часов двенадцать.

Что-то непонятное прозвучало в голосе Солли.

— Тебе что-то не нравится? — спросила Ким.

— Я об этом подумал еще до старта, но тогда было вроде бы не время поднимать этот вопрос.

— О чем, Солли?

— Мы безоружны, — сказал он. — Тебе не приходило в голову, что эта штука, если она здесь, может оказаться недружелюбной?

— Мне это кажется маловероятным.

— Почему?

Она глядела на облака звезд.

— Солли, даже если это агрессивный вид, им абсолютно не будет смысла стрелять в незнакомца в такой пустынной глуши. Что им это даст?

— Может, они просто не любят чужих. Ведь что-то с «Охотником» случилось.

— Следует полагать, что они разумны, Солли. Иначе они вообще сюда бы не добрались. — Ей было радостно оказаться с Солли в этой безграничной пустоте. Совсем по-другому себя чувствуешь, когда глядишь в окна и знаешь, что

видишь то, что там на самом деле есть. — Они не стали стрелять в «Охотника». А если и стали, то они не опасны, потому что «Охотник» вернулся домой целым и невредимым.

— Допустим возможность, — сказал Солли, — что они ведут войну с нашим родом. Может, Бен Трипли угадал, назвав корабль «Доблестный». Может быть, это действительно военный корабль.

— Солли, — терпеливо напомнила она, — *они добрались домой целыми и невредимыми.*

— Ты так думаешь? А кто его знает? Может быть, их захватили. А домой вернулось что-то *совсем другое.* — Он состроил страшное лицо и прогудел мотивчик из старого сериала ужасов «Полуночный экспресс».

Ким расхохоталась, но по спине у нее пробежал холодок.

Вскоре после ужина корабль вышел на орбиту «Охотника», отклоняющуюся всего на несколько градусов от экваториальной.

Кольца занимали почти все небо, выгнувшись широкой дугой, под которой нескончаемо клубились медно-золотые облака. В их глубинах сверкали молнии, иногда пролетал огненной звездой метеор.

Это было место вечного покоя и вечной красоты. Можно было подумать, что оно специально создано для услаждения ума и глаз человека.

Ким подумала, что уже одно это стоило бы путешествия среди звезд. Даже если мы действительно одни во вселенной, само существование этого мира и его величественных звездных облаков могло бы привлечь сюда нашу расу из дома предков. Был какой-то декаданс в том, что сейчас происходило, в отступлении к комфорту, обыденности, знакомой обстановке. В убывании интереса ко всему, что считалось когда-то благородным и достойным усилий.

Мы стали жить *виртуальной* жизнью.

Работать никому не надо было, и мало кто поэтому предавался другим занятиям, кроме приятного безделья. Ким всегда считала себя честолюбивой. Но даже она никогда в жизни не испытывала тяги (даже когда предоставлялась возможность) лететь за пределы родных планет. Люди жаловались на долгие недели в спартанской обстановке, на болезнь во время прыжка, на дороговизну межзвездного полета. Всем хватало воображаемых картинок, прекрасных технологических фейерверков, создаваемых в теплых и удобных гостиных. Подкинь полено в камин и

побывай на Бетельгейзе.

Ким стала объяснять это Солли, глядя на сияющие в окнах колыбели звезд, на Лошадиную Голову, на кольца. Присутствие иного разума казалось уже не таким важным, как было несколько часов назад.

— Вступай в клуб единомышленников, Ким, — сказал Солли, когда она договорила. — Мы, те, кто зарабатывает здесь на жизнь, знаем это давно. И действительно, не так уж важно, есть ли в Орионе инопланетяне. Слишком многое нужно увидеть, чтобы копаться во всех подробностях. И если окажется, что мы — единственная часть вселенной, которая умеет смотреть вокруг себя, нас это устроит.

Ким всегда чувствовала, что Солли склонен игнорировать более интеллектуальную сторону жизни. Он читал куда меньше, чем ему бы полагалось, и слишком интересовался практическим и обыденным. Этого человека редко занимали философские вопросы. Несколько раз он ее удивил в этом полете, особенно замечанием о медленной молнии. Спроси Солли, в чем смысл жизни, и он вполне мог бы ответить, что в хорошем обеде или в хороших друзьях. Или в хорошей бабе.

А у Ким было смутное понятие, что жизнь — это

что-то вроде расширения своего интеллектуального горизонта. И стремления к достижениям. Сейчас, глядя в окно, она решила, что в чем бы ни была *ее* цель, она достигнута прилетом *сюда.*

Внизу, в верхней атмосфере, рассеивался свет далекого солнца. Казалось, что там *тепло,* и без усилия можно было вообразить себе широкие океаны и континенты под скользящими туманами. На самом же деле в облаках температура была — 17 градусов Цельсия от вырабатываемого планетой тепла, Неплохо, если, конечно, умеешь дышать водородом и метаном.

Солли сосредоточил сканеры на дуге орбиты, но обшаривал и полную сферу поиска на шесть тысяч километров вокруг. Это отнимало 30 процентов точности и диапазона главного поиска, но эту цену он решил заплатить за то, чтобы не быть застигнутым врасплох. Ким не стала спорить.

Облет планеты занимал час двадцать две минуты. Было уже поздно, но никто из них не проявлял желания пойти спать.

На третьем витке сработал сигнал.

«Впереди органический объект», — сообщил ИР.

Ким с Солли бросились в кабину пилота, и Солли вывел объект на экран в полном увеличении.

Они были на темной стороне планеты, в тени, и потому на экране была только отметка. Но анализы уже начались.

Кальций.

«Объект прямоугольной формы, длиной около двух метров, шириной меньше метра».

Углерод.

Расстояние тысяча двести километров.

Солли сел поудобнее и проложил курс на перехват. Ким почувствовала, как напряглись двигатели. Корабль начал ускорение.

Калий.

Внизу почти все кольцо было в тени, но пара лун отбрасывала свет.

Хлороводород.

Впереди всходило солнце, но видимость пока не улучшилась.

— Уже скоро, — сказал Солли.

Ким чувствовала, будто темнота сгущается у нее под ложечкой.

Они замолчали. Солли усилил обогрев палубы, хотя не было холодно.

Девятьсот километров, сближение продолжается.

Они влетели в лучи восхода.

Натрий.

Отметка стала меняться, становясь то ярче, то тусклее.

— Кувыркается, — сказал Солли.

Корабль полетел к солнцу, пролетел под ним, оставил позади и теперь было видно ясно.

Это было тело.

Ким еле дышала, вцепившись в подлокотники кресла, зная, что Солли смотрит на нее с тревогой.

— Что с тобой, Ким? Шестьсот километров.

Оно было одето в темно-синий тренировочный костюм с наплечной наклейкой. Ким не могла рассмотреть, что на ней написано, но знала это и так. «НАСТОЙЧИВОСТЬ».

Тело кувыркалось на своей одинокой орбите.

Эмили.

Корабль нагнал тело уже на темной стороне. Солли сообщил ИРу, что будет принимать объект на борт через грузовой люк. Потом с тревогой посмотрел на Ким.

— Ким, может быть, тебе лучше…

— Ничего, все в порядке.

Он кивнул:

— Останься здесь. Если что-нибудь случится непредвиденное, пока меня не будет…

— Что значит — *непредвиденное?*

– Внезапное нападение.

— А!

— Сразу давай Хэму команду удирать.

— Он послушается *меня?*

– А как же?

— Ты поосторожнее, Солли.

— Не сомневайся.

— Ты не будешь выходить наружу?

— Не дальше, чем надо будет.

Солли переключил имиджер грузового трюма на экран, чтобы Ким могла видеть, что там происходит. Потом он быстро ее обнял и поспешил вниз. Через несколько минут он вошел в грузовой трюм, одетый в скафандр с реактивным ранцем, и помахал в объектив.

— Ким, — донесся его голос, — ты меня слышишь?

— Слышу, Солли.

— Я откачиваю из трюма воздух. Как только закончу, открою люк.

Он стоял у люка, по высоте в половину его роста и шириной шесть метров.

— Что я должна делать?

— Ничего. Я справлюсь отсюда.

— А если ты выпадешь? — Она не совсем шутила.

— Не бывает. Я привязан.

Двигатели сбавили тягу. Теперь «Хаммерсмит» продвигался не непрерывно, а толчками, вызванными выхлопом рулевых сопел.

Предмет вошел в свет прожекторов, и его можно было рассмотреть подробно. Да, это была Эмили.

— Не могу в это поверить, — сказал Солли. — Какого черта они ее здесь оставили?

— Чтобы не объяснять, как она погибла.

У Ким кровь зашумела в ушах. Значит, эти сукины сыны все же ее убили.

Зачем?

Труп дрейфовал в сотне метров от корабля. Внешние имиджеры показали открытие грузового люка. В раме из света показался Солли на фоне колец гигантской планеты.

Сработали поворотные сопла. «Хаммерсмит» чуть повернулся и почти уравнял скорости с телом. Оно прошло в переднем окне и ушло к левому борту.

— Как ты, Солли?

— Нормально. Сейчас я ее возьму.

Ким увидела, как он высовывается из открытого люка. Через секунду он втянул тело внутрь, бережно положил на палубу, подальше от ими-

джеров.

— Дай мне на нее посмотреть, — сказала Ким.

— Лучше не надо.

Но Ким настояла, и он передвинул тело.

Оно высохло как мумия, ткани ввалились внутрь. Но форма сидела туго. На ногах были захватные ботинки, на руках — белые церемониальные перчатки.

Черные волосы все еще обрамляли лицо, которое, даже мумифицированное, отражало удивление и потрясение. Ким поняла, что смерть наступила неожиданно и сразу.

«Ким, — сказал ИР, — я обнаружил движение. За девятьсот километров».

— Что за движение?

«Не орбитальное».

— В нашу сторону? — Ее надежды воспарили, хоть не без примеси опасений. «Да. Приближается со скоростью почти километр в секунду».

— Закрой люк и восстанови давление в трюме, Хэм. Солли, ты слышал?

— Да. Хэм, объект идет курсом на перехват?

«Я бы назвал это курсом на столкновение, Солли».

— Он замедляется? Держит скорость?

«Он ускоряется».

— О'кей. Готовься сойти с орбиты.

— Погоди, — возразила Ким. — Мы не знаем, враждебен ли он.

— Ведет он себя достаточно враждебно. Если бы они хотели с нами говорить, включили бы радио.

— Солли, послушай, это же то, зачем мы сюда пришли! Если здесь кто-то есть, а мы побежим домой, какой во всем этом смысл?

— Поверь мне, Ким, он нападает.

Солли был прав. Она знала, что он прав, и ярилась невероятно. Что за глупость? *Бежать.*

— Хэм, ты можешь вывести этот объект на экран?

«Нет, Ким. Он слишком далеко. Могу только сказать, что у него нет известной нам ходовой системы». Ким рубанула кулаком воздух:

— Слышишь, Солли? Без труб. Та же технология. Значит «Доблестный» реально существует.

— Слышу, Ким. Ты была абсолютно права. Но он все равно опасен. Хэм, мы готовы двигаться?

«Через пятнадцать секунд».

— Солли, брось! Подумай, что ты делаешь!

— Именно об этом я и думаю.

— Посмотри, какой он маленький!

— Это меня и беспокоит, Ким. Маленькими

бывают торпеды. Ядерные бомбы. А корабли с дружелюбными инопланетянами маленькими не будут.

— Солли…

— Верь мне. Я бы хотел это сделать так, как ты хочешь. Но нам не надо, чтобы нас убили. Хэм?

«Готов, Солли».

— Уносим ноги. Ускорение два g. Курсом на максимальное удаление от объекта.

И Солли добавил, обращаясь к Ким:

— Если эта штука управляется не враждебным разумом, она поймет, что мы испугались, и притормозит. Если она будет продолжать преследование, это нам скажет все, что следует знать.

Солли открыл грузовой контейнер и закрепил в нем тело.

— Они могут думать не так, как мы.

— Никто дружелюбный не решит что-то в тебя запустить, даже не поговорив. Хэм, есть радиоприем?

«Нет, Солли».

— Выведи меня на многоканальный, — сказала Ким. Солли бросил на нее сочувственный взгляд. — Это может быть какое-то недоразумение.

Солли вздохнул так, чтобы Ким слышала.

— Я заперт в глубинах космоса с одержимым ученым.

Ким произнесла в ларингофон:

— Привет, я Ким Брэндивайн на «Хаммерсмите». Мы пришли с миром.

Треск помех.

— Есть здесь кто-нибудь?

— Только мы, гоблины, — произнес Солли. — Я думаю, что это чистая автоматика. Ты прилетаешь, срабатывает сигнал тревоги, она стреляет.

— Не может быть. Это же глупо!

— Вполне возможно, но ручаюсь, что так и происходит. Я бы сказал, что эти ребята довольно противный народец.

Ким попробовала еще несколько раз выйти в эфир и бросила.

— Где находится предмет в данный момент? — спросила она Хэма.

«Быстро приближается. Дистанция восемьсот километров». Солли нетерпеливо ждал, запертый в герметизируемом трюме.

— Солли, ну почему мы не можем рискнуть? — спросила Ким.

— Ким, они действительно враждебны. Надо смотреть правде в глаза. — Прозвенел звонок, Солли сдернул шлем и ушел из поля зрения ими-

джера. — Хэм, что ты еще можешь сказать об этом предмете?

«Оболочка отклоняет лучи локаторов, Солли. К сожалению, дополнительных данных мало. Могу только доложить, что он корректирует курс и скорость и продолжает догонять, хотя сейчас и с постоянной скоростью. По-прежнему идет курсом на столкновение».

Ким слушала с растущим отчаянием. У этого предмета были все признаки снаряда. Отчего они так чертовски тупы? Как и все в этом деле, это было бессмысленно.

Солли вошел в кабину, сел рядом и пристегнулся.

— Захватывающее приключение?

— Кажется, я была не права.

— Похоже на то. — Солли глянул на изображение преследователя в потолочном экране. — Ладно, Хэм, давай стряхнем его. Полный вперед.

Ускорение вдавило в кресла.

— Сколько времени до прыжка? — спросил Солли. «Двадцать одна минута десять секунд. Объект приближается».

Расчетное время встречи замигало на правом экране. 17:40.

— Не успеем, — сказала Ким. — Надо повер-

нуться и попытаться поговорить.

— С торпедой?

Она попыталась собраться с мыслями:

— У нас совсем нет защитных систем?

— Можем выйти наружу и двинуть его дубиной, — мрачно отозвался Солли. — Жаль, что не видно, чтобы он жег горючее.

— А что?

— Он маленький. Оно бы быстро кончилось. Интересно, какая у него силовая установка?

— Можно предполагать, — сказала Ким.

— Давай.

— Одна возможность — магнитные силовые линии. Другая — антиматерия. Или квантовые элементы.

— А как он движется без сопел?

— Может быть, с помощью техники вроде той, которой мы создаем искусственную гравитацию. Только в этом случае поля образуются снаружи корабля. В нужном направлении, и он просто туда падает.

— В любом случае, — заметил Солли, — дальность полета огромна.

— Это да, сомневаться не приходится. Но, быть может, он за нами не угонится. Продолжай подкидывать уголь.

— Ты оптимистка, в отличие от меня. До этой штуки семьсот километров, и скорость сближения сорок восемь в секунду независимо от нашего ускорения.

— А если сманеврировать?

— Можем попробовать, когда оно подберется поближе.

Сейчас объект был достаточно близко, чтобы можно было рассмотреть. Он имел форму гиперболоида, то есть *седла.* Даже было что-то вроде луки и две боковых панели, напоминающие стремена. Хэм показал измерительные линейки, определяющие масштаб: тридцать сантиметров в длину, ширина вполовину меньше. Толщина четыре сантиметра. Меньше настоящего седла. Поверхность гладкая, серая, только ряд черных линз сбоку сиденья. Сиденье белое, без маркировки.

— На бомбу не похоже, — сказала Ким.

— Приятно слышать.

— Может быть, полететь к кольцам и спрятаться там за чем-нибудь?

— Слишком далеко. Но я тебе скажу, что *можно* сделать.

— Что?

— Послать подпространственное сообщение

на Сент-Джонс. Копию Мэтту. Рассказать, что мы нашли и что происходит.

— Не уверена, что мне хочется об этом кричать на весь мир.

— А что такое?

— Потому что мы тогда выпустим открытие из рук.

Солли поглядел на нее искоса:

— Кажется, я начинаю понимать, что сталось с «Охотником».

— Если нас прогонят и мы вернемся ни с чем, кто-нибудь сразу же здесь окажется. Вот что я тебе скажу, Солли. Давай составим пакет, упакуем и подготовим к передаче. Если дело обернется к худшему, мы его пошлем. О'кей?

Он согласился, и Ким объяснила Хэму, что должно быть в письме. Туда надо было включить все, что произошло, в частности обнаружение тела Эмили, и порекомендовать всем, направляющимся в систему Алнитака, иметь средства защиты.

К готовому письму Солли приложил визуалы объекта, и Хэм сжал все это в пакет гиперсвязи, который можно передать за одну секунду.

Тем временем Ким не сводила глаз с навигационного экрана. Объект приближался.

«Пять минут до перехвата», — сообщил Хэм.

— Может, он наводится по теплу, — предположила Ким. — Что, если отключить двигатели?

Солли покачал головой:

— Впервые он нас заметил за девятьсот километров. Для термонаведения слишком далеко. И вообще это слишком примитивно для тех, кто не пользуется реакционной массой. Нет, эта штука держит нас визуально. Лучше драпать дальше.

На экране были показания двух таймеров: один отсчитывал время до перехвата, а другой, отстающий почти на три минуты, — время до возможности прыжка.

— Можем взять посадочный модуль, — предложила Ким.

— Покинуть корабль? — Солли поглядел на нее. — В этом случае можем надеяться разве что дожить тут до конца своих дней.

— Какого черта они это делают? — воскликнула Ким. — Не может же эта штука быть такой тупой!

— Не знаю, — сказал Солли. — Давно не перечитывал психологию инопланетян.

Время до перехвата ушло, перескочило через двухминутный рубеж.

— Хэм, по моей команде выполнишь поворот на

тридцать градусов, отметка пятнадцать, влево.

«Солли, при таком ускорении ты и твой пассажир подвергнетесь сильному напряжению, возможно, с определенной степенью риска».

— Спасибо за заботу, Хэм.

«Я всегда забочусь о благополучии экипажа и пассажиров».

До объекта было пятьдесят километров. Одна минута. Солли ждал, пока на часах останутся последние десять секунд.

— Поворот!

«Хаммерсмит» вывернул влево, резко подняв нос. Ким бросило вправо. Внутренности прижало друг к другу. Сердце заколотилось, в глазах потемнело, и Ким побоялась потерять сознание. Рокот энергии в стенах стал громче, Ким попыталась сосредоточиться на отметке на экране.

— Пролетел мимо, — сказал Солли и посмотрел на нее. — Что-то вид у тебя не очень.

— Все нормально.

«Объект совершает поворот», — доложил Хэм.

Ким сидела, закрыв глаза. Сейчас ей было почти все равно.

— Выиграли минуту, — сказал Солли.

Ким стряхнула с себя оцепенение.

«Приближается», — сообщил Хэм.

Изображение объекта заняло верхний экран. Нелепый этот объект, какое-то дурацкое седло.

— Заходит в хвост, — сказал Солли. И тут же Хэм доложил:

«Сэр, он сбавляет скорость. Уходит влево».

Объект уплыл с экрана и тут же появился снова в другом имиджере.

«Объект идет параллельным курсом. Продолжает сбрасывать скорость».

— Круто вправо, Хэм.

На этот раз объект не отстал.

— Может быть, он не так уж и враждебен, — сказала Ким. — Он мог нам разнести корму, если бы захотел.

— Может быть.

Дальномер дал расстояние в четыре метра. *Четыре.*

«Выровнял скорость и курс с нашими, сэр». Индикатор состояния прыжка показал, что через две минуты можно будет уходить в гипер.

— Подожди, Солли, — сказала Ким. — Дай им шанс.

— У тебя комплекс самоубийцы, милая. Но сыграем в твою игру.

«Объект в двух метрах», — сообщил Хэм.

Изображение стало больше, потом исчезло с

экрана.

— Куда он девался? — спросила Ким после долгого недоуменного молчания. — Слишком близко. Датчики его не берут.

«Объект прикрепился к нам», — сообщил Хэм.

Они застыли недвижно, безмолвно, не дыша.

Ким вцепилась в ручки кресла, поглощенная одной мыслью: никак не предсказать, что могут сделать инопланетяне.

— Что будет, если мы сейчас прыгнем? — спросила она так тихо, что Солли пришлось наклониться к ней.

— Трудно сказать. — Он тоже перешел на шепот. — Может быть, оторвемся от него. Или он прыгнет с нами.

Сердце Ким колотилось возле самого горла.

— Ты по-прежнему думаешь, что это бомба?

— А что еще это может быть?

«Есть готовность к прыжку», — сообщил ИР.

— Ладно, прыгаем, — сказала Ким.

Солли не надо было уговаривать.

— Куда? — спросил он.

— На Гринуэй или на Тигрис?

— Солли, наверное, сейчас не лучшее время открывать дискуссию.

— Назови, куда.

— Гринуэй.

— Уверена?

— Да.

Солли на миг задумался, потом дал ИРу команду доставить корабль домой.

Прыжковые двигатели включились, свет потускнел. Потом погасли экраны, исчез Алнитак, исчезла планета с кольцами, звездные облака.

«Прыжок выполнен успешно», — сообщил Хэм.

— А объект?

«Присутствует».

20

Что же есть такое в уходящем лунном луче, что напоминает пару глаз, наблюдателя из темноты?

Шейел Толливер, «Записные книжки», 591 г.

— Если эта штука собиралась нас взорвать, — сказала Ким, — я думаю, она бы уже это сделала.

— Наверное, ты права. И нам ничего не грозит. Пока что.

— В каком смысле — пока что?

— Нельзя эту штуку тащить домой.

— Почему?

— Это может быть следящее устройство.

— Но ты же так не думаешь?

— Раз это не бомба, то что же?

Ким подумала:

— Может быть, дар.

— Вроде Троянского коня?

— Солли, это уже мания преследования.

— И пусть. Мания преследования — вполне нормальная реакция, когда тебя преследуют. Мы понятия не имеем об их возможностях. А их

намерения пока что не кажутся особенно дружелюбными.

— Ладно, — сказала Ким. — Давай от него избавляться.

— В точности моя мысль.

Объект прикрепился к корпусу неподалеку от главного люка, Солли встал и направился к двери.

— Я им займусь.

— А что ты сделаешь?

Они вышли из кабины пилота и направились вниз. Солли открыл шкаф на главной палубе.

— Единственное, что можно сделать. Выйду наружу и скажу ему «брысь». — Он нахмурился. — Вряд ли это будет опасно, Ким. Если они хотели напасть, они бы уже это сделали. Есть шанс, что они считают, будто мы не заметили этого зайца.

Она кивнула:

— А что я пока должна делать?

— Сидеть в тепле и отдыхать. — Солли выбрал изолированную монтировку и взвесил на руке. — Должно сработать.

— А что, если на этот раз я выйду наружу?

— А какой у тебя опыт внешних работ в космосе?

— А что, это трудно?

— Не очень. Но всегда полезно знать, что делаешь.

— Солли, — сказала она, — стали бы они закреплять у нас на корпусе что-то, что можно просто выйти и снять?

— Ты полагаешь, что нет?

— Именно. Я думаю, что его не отцепить.

— Заодно и узнаем.

Ким достаточно играла в шахматы, чтобы знать основной принцип: всегда предполагай, что противник сделает лучший ход.

— Не нравится мне это.

Солли сумел сделать такой вид, будто у него все под контролем.

— Может быть, надо будет сообразить. А если окажется не так и что-то случится, дай Хэму команду идти к Сент-Джонсу, ладно? Не лети домой. Если мы рискуем выпустить что-то на людей, пусть это случится на форпосте, а не на Гринуэе.

Ким встревоженно смотрела, как он надевает скафандр, и вдруг вспомнила проект «Маяк». *Вот они мы, приходите и берите нас.* Нет, так не может быть. Глупая мысль.

— Знаешь, что меня во всем этом злит? — сказала она ему через переговорное устройство, когда

он влез в скафандр. — Если что, мне ничего не сделать.

— Пока что ты делала все, что надо было, Ким. А теперь посиди спокойно, и я через полчаса вернусь.

Они проверили радиосвязь, отключили гравитацию и включили внешние огни левого борта. Через несколько минут на панели зажегся индикатор открытого люка. Ким велела ИРу наблюдать за Солли через все доступные имиджеры.

«Ким, у него есть камера на шлеме».

— Ты ее можешь включить?

«Конечно».

— Включи.

Картинки появились на трех экранах: вид Солли сбоку, сзади и изображение с его нашлемной камеры. Четвертый имиджер давал изображение объекта.

Солли закрепил конец на страховочном кольце рядом с люком и зашагал по корпусу магнитными ботинками.

Звезд не было, поэтому не было и неба. В этой субвселенной существовали пространство и время, хотя последнее бежало неравномерно, а первое было сжато. Это не было похоже, скажем, на ночь под густыми тучами, потому что даже

тучи были бы *видимы,* воспринимались бы как объекты ощутимые, чей вес давит на наблюдателя. А здесь была истинная пустота, отсутствие чего бы то ни было, вселенная, которая, по теории, не содержала ни материи, ни энергии, кроме тех, что спорадически проникают снаружи посредством прыжковых двигателей.

Ким это напомнило страшные секунды в стоке плотины, когда мир сомкнулся над ней, *похоронил* ее. Когда единственный свет от наручного фонаря погас и растворился в темноте разума и духа, в темноте, которая могла оказаться вечной.

Солли прошел меж антеннами и датчиками, усыпавшими корпус «Хаммерсмита». Она видела, как он подбирается к предмету, как направляет на него свет. Объект закрепился между люком и пакетом датчиков.

— Что ты думаешь, Ким? — спросил Солли.

— Не знаю. Будь осторожен.

Он коснулся предмета концом монтировки. Реакции не было.

— Толкну-ка я его, — сказал он.

— Легонько, — посоветовала Ким.

— Толкаю.

Видимой реакции не было.

— Отлично закрепился, — сказал Солли. — На-

верное, на магнитах.

Он наклонился и попытался просунуть ломик под предмет. Сиденье седла засияло радужным светом. Ким вздрогнула. Солли тоже. На них будто глядел темный глаз.

— Солли! — выдохнула Ким.

— Вижу. — Открывшийся глаз был диаметром с кисть женской руки. Темнота была ощутимой, будто глубокой.

— Осторожнее!

Солли ждал, не произойдет ли еще чего-нибудь. Но ничего не менялось, и он снова попытался просунуть монтировку под предмет. Ким было плохо видно: игра теней и световых пятен, и руки Солли. Жаль, что нельзя занести предмет внутрь и рассмотреть, но это опасно.

Кто бы мог поверить? У них в руках искусственный предмет внеземного происхождения, а они хотят его выбросить!

И еще страшно хотелось, чтобы все это кончилось и Солли вернулся.

Он просунул монтировку и пыхтел, пытаясь ее поднять. И вдруг пакет датчиков и корпус, еле видные в неверном свете, *зарябили.*

Это тут же прекратилось, и Ким даже не была уверена, что ей не померещилось.

Предмет отцепился от корпуса.

— О'кей, — сказал Солли, просунул руку снизу и отделил предмет, как снимают кожуру с апельсина. Потом поднял его повыше, показал, поворачивая его так и сяк, чтобы Ким увидела, а имиджер записал. Потом отшвырнул предмет прочь. Он улетел в темноту, кувыркаясь.

— Класс, Солли!

— Спасибо.

Он сунул монтировку за пояс и направился к люку. Включил канал связи с ИРом. — Хэм, где этот предмет?

«Летит прочь от корабля, Солли. Три километра в час. Без признаков внутренней энергии».

Ким глянула на экран, передававший изображение с камеры на шлеме Солли, и увидела, как луч фонаря входит в шлюз.

Люк захлопнулся, в корабле восстановилась гравитация. На экране была видна скамья напротив той, где сидел Солли, часть панели управления, мигающая желтая лампочка, перила и одна нога Солли.

— Хэм, — сказал он, — следи за предметом, сколько сможешь. Если будут перемены, известить.

«Обязательно, Солли».

Лампочка продолжала мигать, пока давление воздуха не достигло нормы. Тогда она загорелась ровным зеленым светом.

Ким испытывала внутреннюю борьбу. Может быть, «Охотник» запорол первый контакт, и сейчас они сделали то же самое.

— Солли, мы можем стать посмешищем для будущих историков.

— Слушай, Ким, мне это все не нравится. Мы установили, что здесь что-то есть. А теперь, я думаю, надо отдать это специалистам. Пусть явятся, готовые…

Желтая лампочка потускнела. Загорелась ярче.

— …исследовать эту штуку систематически, — закончил Солли.

Стена и панель управления за лампочкой *расплылись*. Как мостовая в жаркий день. Это было мгновение — Ким едва успела заметить.

— Солли, там что, имиджер барахлит?

— Нет, — ответил он. — Я тоже это видел.

Тишина в корабле оглушала. Ким вышла из кабины пилота и стала ждать возле люка. Вышел Солли.

Она включила все лампы у входа и заглянула в шлюз. Все нормально.

— Хэм, — попросила она, — покажи изображе-

ние с нашлемного имиджера, начиная примерно четыре минуты назад. На окно у входа.

Здесь было два больших окна, на обоих изображение неба, как оно видно с Гринуэя. Одно из них погасло, другое показало Солли, входящего во внешний люк.

— Слишком близко, — сказала Ким. — Назад еще на пару минут.

— Да это просто мощность подсела, — сказал Солли.

— Может быть.

В ускоренном обратном показе Солли резко отступил назад, седло полетело к нему, он поймал его и поставил на корпус корабля. Закрепил монтировкой.

Солли, который в окне, возился с седлом. Открылся круглый глаз.

— Вот, — сказала она. — Стоп, Хэм. Крути теперь вперед.

Солли отложил шлем, стянул скафандр и сел стаскивать ботинок.

Стойка датчиков зарябила снова.

— Придержи, Хэм, — сказала Ким.

Солли наморщил лоб. Они несколько раз прогнали этот кадр, потом перешли к тому кадру в воздушном шлюзе, когда гасла и зажигалась жел-

тая лампа и расплывалась панель управления. Казалось, она чуть сложилась и потемнела, будто что-то проплыло перед ней, будто пространство, ею занятое, непонятным образом изменилось.

— Вот это, — спросила Ким, показывая на монитор, — это здесь нормальное явление?

— Нет. — Солли переключился на передний имиджер корпуса, прогнал запись назад, и они посмотрели весь сценарий под другим углом.

Пакет датчиков был теперь впереди, Солли за ним. И на этот раз зарябил Солли.

— Не понимаю, — сказал он.

Ким почувствовала, как сердце заколотилось быстрее.

— А я боюсь, Солли.

Раздев Эмили, они увидели, что она разрезана у талии почти пополам. Плоть обуглилась, торс почти распался, но крови не было.

— Они обмыли ее перед тем, как отправить наружу, — сказал Солли, накрывая изувеченное тело простыней.

— Что это могло быть? — спросила Ким.

— Может быть, лазер, — сказал Солли неуверенно. Труп они положили обратно в контейнер, и Ким напомнила себе, что теперь она хотя бы знает. Но это слабо утешало.

Анализ записей не дал никаких намеков на то, что произошло в шлюзе, если там вообще что-то произошло. Игра света, может быть, или возмущение пространственно-временного континуума. В конце концов, Солли-то был *снаружи* корабля. Может быть, при открытии люка в гиперпространстве возникают побочные эффекты. Никакое другое объяснение не вырисовывалось. И потому они постарались выбросить это из головы и возобновить обычную корабельную жизнь. Разговоры сосредоточились на том, как их могут встретить дома. Полицией или почетным караулом? Ким держалась непоколебимого оптимизма. Не отдавать же под суд людей, которые ответили на величайший вопрос науки и философии всех времен. Солли, у которого было больше жизненного опыта, считал, что от этого Агостино только больше разозлится.

— Потомки нас, конечно, оценят высоко, — говорил он, — но у современников может оказаться другой взгляд на вещи. Помнишь Колумба?

— А что?

— Умер в испанской тюрьме.

Но Ким считала, что Агостино постарается выдоить из экспедиции все что можно, чтобы это с самого начала выглядело как экспедиция инсти-

тута. Если так, то им за свою карьеру волноваться не придется — надо только ему в этом помочь.

Ким искренне считала свой интерес к науке бескорыстным, вызванным только желанием раздвинуть границы знания, влиться в коллективный труд. Она считала, что делает это не для себя. Но не допускала и мысли, чтобы кто-нибудь присвоил себе славу за все то, что она сделала ценой таких трудов и опасностей.

На пятый вечер после Алнитака Ким, погруженная в свои мысли, принимала душ перед ужином.

Поскольку на борту было всего два человека, не было необходимости беречь воду. Ким прополоскала волосы и вытирала лицо, еще не открыв глаза, когда ощутила в комнате какое-то движение.

— Солли? — спросила она.

Однажды он тихо вошел, когда она была под душем, и воспользовался возможностью, завернув Ким в занавеску душа и нежно поглаживая через прозрачный пластик.

Но он не ответил, а когда она открыла глаза, никого не было.

Ким не стала об этом думать, оделась и вышла к ужину, который состоял из цыплят, фруктового

салата и поджаренного хлеба. Они с Солли вели небрежный разговор, когда внезапно заговорил Хэм:

«Солли, я теряю контроль над некоторыми своими функциями. Они куда-то переадресованы. Другому диспетчеру».

— Не может быть, — сказал Солли. — У тебя что, вирус?

«Причину трудно определить, Солли».

— Какие системы от тебя уходят?

«Трудности со связью, диагностикой, жизнеобеспечением. Разрушение продолжается в момент нашего разговора».

— Хэм, чем можно выправить ситуацию?

«Не знаю. Можете рассмотреть переход на ручное управление. Если процесс продолжится, я вскоре стану ненадежным»

— А мы можем? — спросила Ким. — Можем перейти на ручное?

— Вполне, — ответил Солли. — Это только значит, что придется самим щелкать тумблерами. И, может быть, ободрать краску при входе в док. А в остальном — без проблем.

Но вид у него был встревоженный.

Они докончили ужин, уже не в таком безмятежном настроении, как раньше, и пошли в кабину

пилота. Ким прихватила с собой поджаренный хлебец.

Солли снял панель с надписью «Отключение автоматики».

— Хэм, — сказал он, — я буду с тобой периодически связываться. Постарайся локализовать неисправность и устранить ее.

«Понял, Солли. Я прилагаю для этого усилия». Пальцы Солли коснулись рукоятки тыквенного цвета и подали ее вперед. Зажегся ряд оранжевых ламп.

— Пилот начинает отрабатывать зарплату, — сказал Солли.

— И что мы теперь будем делать? — спросила Ким.

— Отдыхать. — Он показал на консоль навигатора, встроенную в стол. — Если увидишь здесь красный сигнал, а меня не будет, позови.

— А если что-нибудь случится, разве не включится сирена?

— Или да, или нет. Если в системе вирус, все становится ненадежным. — Он заметил сомнение на лице Ким и добавил: — Ты не волнуйся. Все будет нормально.

— То есть?

— Корабль все равно еще достаточно сильно

автоматизирован. Он будет греть воду, готовить еду, подзаряжать топливные элементы. Разница только в том, что теперь, если чего-то захочешь, придется нажимать кнопки. — Он замолчал, обдумывая ситуацию. — Если будет различие между заданными условиями и реальными условиями, корабль может не заметить разницы. А это значит, что время от времени надо будет переключать термостат. Проще простого, только некоторое неудобство.

Ким долго собиралась с духом, чтобы задать мучивший ее вопрос.

— Солли, — сказала она, — как ты думаешь, может ли быть… — Она замялась. — Может ли быть — что? — Что вирус взялся с того *предмета?*

– Нет, — ответил он, быть может, слишком быстро. — Это программный глюк, Ким. — Он помолчал и добавил: — Это бывает.

В дальнейшем Ким этой темы тщательно избегала. Каждый вечер они уходили в комнату отдыха и глядели (не принимая участия) «Вечеринку на пятерых» — развлекательную комедию, где главные герои внезапно обнаруживают, что живут по соседству с групповой семьей из двух мужей и трех жен.

Комедия почему-то не смешила, и Ким почти

все время думала, насколько стал корабль ощущаться как пещера. Солли пытался сохранять непринужденный вид, но смеялся не там, где надо.

Перед сном он включил ИР, но не передал ему управление.

— Хэм, как твоя борьба с вирусом?

Окна показали вид океана. Вдали кит пускал фонтан.

— Хэм, отвечай!

Солли покосился на Ким. ИР всегда отвечал сразу. Ким встала, сунула руки в карманы и отвернулась от морского пейзажа.

— Похоже, он полностью распался, — сказала она.

— Очевидно.

— Известны такие случаи?

— Ни одного. Но при этом впервые мне пришлось отключать ИР. Может быть, это на него так действует.

— Хэм! — позвала она. — Ты здесь?

Они пошли в кабину пилота, и Солли сел за консоль запустить диагностику.

— Это займет несколько минут, — предупредил он.

Окна открылись на тот же пейзаж, хотя кита на

этот раз не было.

— Когда мы вернемся, — вдруг спросила Ким, — ты от меня уйдешь?

— Нет. — Солли обнял ее за плечи. — Я тебя люблю. Он притянул ее к себе, и они поцеловались. — Ким…

— Да?

— Ты за меня выйдешь замуж?

Вот так, без предупреждения.

— Да, — ответила она, стараясь говорить ровным голосом. — Мне кажется, что я этого хочу.

Диагностика пискнула, не показав неисправностей. Все в порядке.

— Не может быть, — сказал Солли. — Мы даже не можем вызвать ИР.

В этот вечер Солли достал лучшее из капитанских запасов чтобы отпраздновать помолвку. Они любили друг друга при свечах под тихую музыку, начав в комнате для совещаний, где в окнах был величественный вид с вершины Моргани, потом на площадке третьего этажа, и с неослабевающей силой предались тому же в спальне.

Хотя они были на корабле одни, Ким всегда закрывала дверь спальни. Но на этот раз Солли бросил ее на простыни, и дверь осталась открытой.

Ночь длилась и длилась, и в редких перерывах они говорили о будущем. А когда Солли тянулся к ней, она радостно ему отдавалась.

Он был неутомим в эту ночь. Даже при биологическом двадцатилетнем теле он был невообразим и непревзойден.

Но она не отставала от него, и наступил момент, когда он, лежа головой к ногам кровати, положил ее на себя сверху, распластав по себе спиной.

Она наслаждалась ощущением его тела под своим, его губами на своей шее, его руками, неутомимо изучающими ее. Освещение корабля пригасло до ночного, и коридор за спиной Ким был темен, освещенный только тусклыми ночниками.

Ким закинула голову в экстазе, стонала и вздыхала — и потому что ей самой так хотелось, и потому что знала, что его это разжигает. Глаза ее глядели в коридор.

И по коридору что-то прошло.

Это было дрожание, тень, что-то почти не воспринимаемое. Но это было.

Она попыталась было остановить Солли сразу же, но он был на полном газу.

Что-то там обретало форму.

Пара глаз. Из темноты, возле верхнего края

двери, сразу за ней.

Ким вдруг снова оказалась на вилле Кейна, замороженная недвижным взглядом той твари, в том, другом коридоре. Руки Солли все еще держали ее, ласкали. Она отбросила их, скатилась на пол, не отрывая глаз от видения, и стала нашаривать какое-нибудь оружие. Нашла только ботинок.

— В чем дело? — спросил пораженный Солли.

Глаза были того же изумрудного цвета, но с золотыми блестками. Вертикальные зрачки. Кошачьи глаза. Холодные, бесстрастные, как у хирурга. Как те глаза на вилле Кейна. Но в этих не было безумия, только злоба.

Глаза были без тела.

Солли глядел на нее, но она придержала его рукой, чтобы не двигался, потом нашарила пульт и включила свет.

Солли поглядел на нее, поглядел в коридор.

Там было пусто.

— Ким? — позвал Солли. — Что случилось?

Она не могла шевельнуться от слабости.

— Это было там, за дверью.

— Что *это?* Что было за дверью?

Он вышел в коридор и поглядел в обе стороны.

— Ничего нет. Что ты видела?

Она попыталась описать, но выходило похоже на галлюцинацию.

— Ладно, — сказал он, когда она сравнила это с тем, что было на вилле. — Пойдем выясним.

Она оделась. Солли натянул шорты и взял стойку от лампы в качестве оружия. Они осмотрели все каюты третьего этажа — осматривал Солли, а Ким стояла в коридоре, следя, чтобы ничто не проскользнуло мимо.

Он заглядывал в шкафы, в ящики, под кровати. Они целеустремленно искали, и Ким было приятно, что он, несмотря на абсурдность ее заявления, отнесся к нему серьезно, а не стал сразу доказывать, что у нее галлюцинации.

Спустившись на второй этаж, они повторили процесс, и потом обыскали нижний этаж корабля. Длинные окна показывали все кладовые и ангары. Солли даже спустился в посадочный модуль через открытый кокпит. Модуль был закреплен внизу «Хаммерсмита». Осмотрели зоны систем утилизации, водяных танков и грузовые трюмы. Заглянули в машинное отделение. Когда обыск был закончен, Солли обернулся к ней.

— Ким, здесь негде спрятаться.

— Я это видела, — ответила она. Это было невозможно, и Ким хотела бы забыть об этом,

поверить, что это иллюзия. Сон. Вино, выпитое накануне вечером. Но она была уверена. И Солли это видел.

— Оно там было. Оно исчезло, когда я включила свет.

— Как отражение.

— Но это не было отражение.

— Не было. И не могло быть.

Имелись люки, ведущие к внутренней проводке и системным отсекам. Но снимать их, а потом ставить на место было бы долго. Солли осмотрел их — они были крепко заперты.

— Я это видела!

— Я тебе верю.

Они вернулись к себе, тихо ступая по застеленному ковром полу, выключили свет и вернули освещение корабля в ночной режим. Ким глядела в полутьму, на полоску ночников, автоматически включившихся вместе с ночным режимом корабля. Нет, ничего нет такого, что она могла бы принять за пару глаз.

Больше всего пугало сходство этого видения с тем. Может быть, что-то оттуда последовало за ней сюда?

Она тогда отмела это видение, заперла где-то в уголке подсознания, уговорила себя, что это

была игра света или результат перенасыщения кислородом.

И вот ей снова пришлось его увидеть. И впервые за всю свою взрослую жизнь Ким усомнилась в том, что видит мир адекватно, усомнилась, что вселенная устроена рационально, что ею правят непротиворечивые законы. Что в ней нет места сверхъестественному.

— Ты как, Ким?

Солли наклонился над ней, одеваясь, явно обеспокоенный.

— Нормально.

Вероятнее, справедлив был бы другой ответ.

Ким села к консоли и прокрутила записи с нашлемной камеры Солли, остановив показ, когда появилась рябь на корпусе и в шлюзе.

То, что она видела, было связано с седлом. Это не была бомба, это был *транспорт.*

Если так, то могут ли они с Солли даже говорить друг с другом без опасения быть подслушанными? Что если инопланетяне уже достаточно овладели языком?

Она поделилась этими мыслями с Солли.

— О'кей, — согласился Солли. — Будем вести себя так, будто у нас на борту нежелательный пассажир. Это, кстати, объясняет и что случилось

с Хэмом.

— Другого объяснения и нет. Зато эта штука хотя бы не попытается убить нас во сне.

— Не хочу накаркать, но почему ты так думаешь?

— Потому что она хочет проследить нас до дома.

— Ким, мне неприятно это говорить, — он понизил голос, — но курс уже задан. Если бы он хотел нас устранить, потом ему осталось бы только сидеть спокойно и ждать, пока старина Хэм довезет его до порта.

Они сидели на кровати, глядя в коридор, вдруг ставший чужой территорией, коридором в другой мир.

— Нет, — сказала она. — Он вряд ли знает, какой у нас участок маршрута. Он хочет, чтобы мы функционировали, пока не попадем домой. Пока он не будет уверен.

— Будем надеяться.

21

ЗА ДОБЛЕСТЬ В ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Надпись на медали «За доблесть»

Наутро они снова обследовали корабль, все три уровня, машинное отделение, посадочный модуль, все внешнее пространство, которое только могли вспомнить. Солли снимал служебные панели и вглядывался в схемы и провода. Ничего не нашли.

— Трудно поверить, будто на борту есть что-то, чего не должно быть, — сказал он.

Ким неохотно сказала то, о чем не могли не думать оба:

— Может быть, нам не следует лететь домой.

Они сидели в креслах в комнате совещаний. Был конец дня, оба устали от долгой охоты и были огорчены ее безрезультатностью.

— Ким, — сказал Солли, — мы можем в любой момент прервать полет и позвать на помощь. А что делать потом? Если оно могло залезть на борт так, что мы и не заметили, оно может перелезть и на спасательный корабль. — Он потер глаза. —

Мы сделали все, чтобы проверить: захватчика на борту нет. Так что мы либо летим домой, либо сидим здесь, пока продукты не кончатся.

Во время поиска Ким почувствовала, что Солли относится к ее рассказу все более скептически. В полном свете дня каюты и коридоры «Хаммерсмита» казались менее угрожающими, а опасность отодвигалась. Возможности действий, если удастся действительно найти захватчика, очень невелики. Лучше списать инцидент на плохое освещение, накал страсти и избыток алкоголя.

— Послушай, — сказал Солли, — в худшем случае нам надо только держать контроль над гиперсвязью, не давать ему ничего передавать, и волноваться не о чем. И без разницы, что дальше будет.

— И ты уверен, что мы это можем?

— Я при случае могу даже гаечным ключом связь развинтить.

Но путешествие домой тянулось мрачно. Ким держала дверь спальни закрытой, хотя смысла в этом было немного. Она жаловалась Солли, что будто спит в доме с привидениями. Шли дни, и ничего не происходило, но Ким знала, что это создание на борту скользит среди проводов

и коридоров, только его не видно. Иногда оно мелькало в поле зрения, из света лампы, из пара в душе складывались глаза. Бывало движение в темноте, ощущение холодного тока по лодыжке, звук шепота в переборках. Даже жужжание корабельной электроники иногда звучало зловеще.

Если Солли и видел что-нибудь из этого, он ничего такого не говорил.

Секс стал по необходимости редок. Когда он происходил, это было в спешке, крадучись, будто на корабле был кто-то еще, кто в любой момент мог войти и помешать.

И из него ушла спонтанность. В дни, которые Ким уже почти была готова называть «добрыми старыми», соединения могли начаться вдруг, в любом месте корабля. Сейчас они происходили только за закрытой дверью спальни. И то сначала Ким включала свет и осматривала ее.

Если они оба спали, Ким ощущала себя уязвимой, открытой со всех сторон. Но когда она поставила этот вопрос на рассмотрение Солли, он пришел в такое смятение, что она не стала настаивать на вахтовой системе.

Наверное, он думал о ней как об испуганном ребенке и не мог не задаваться вопросом, с кем же он связался. Но она и чувствовала себя испуган-

ным ребенком. Будь все наоборот, если бы Солли видел что-то в пустых коридорах, этим вопросом задавалась бы *она.* Ким боялась, что потеряет его, и это будет самое худшее, но ничего сделать с собой не могла. Опасность есть, а Солли ей до конца не верит. У нее развилась обидчивость из-за Солли, из-за собственных страхов. И еще — неослабная ненависть к этой *штуке,* которая вторглась на корабль. Она ждала, она *молилась* — в буквальном смысле, — чтобы эта тварь показалась в каком-то более материальном виде.

Усилия Солли по возвращении ИРа в строй не дали заметных результатов. Иногда он получал бессмысленные речевые ответы, требующие, чтобы пассажиры приготовились к ускорению, или что система приготовления еды перегружена и требует замены проводящего узла. Голос предлагал изменения курса и коррекцию параметров плана полета, и желал доброго утра и днем и ночью.

— Оставить бы это человеку, который в этом разбирается, — бурчал Солли, но попыток не бросал.

В отсутствие Хэма ему приходилось иногда пачкать руки. Оказалось, что Солли выполняет такие рутинные работы, как управление элек-

троэнергией. Поскольку некоторые системы отключились вместе с ИРом, он мог не получить предупреждения о сбое, и не было систем, которые могли бы сообщить о природе неисправности. И потому, когда грохнулась внутренняя связь, Солли пришлось несколько часов полазить на четвереньках в поисках дефектного реле. В процедурах самотестирования, которые регулярно выполнялись прыжковыми двигателями, развилось отклонение, из-за которого периодически срабатывала сирена. Солли не удавалось найти его, и он просто отключал сирену, надеясь, что тем временем двигатели не выйдут из строя окончательно. Он говорил, что в этом полете многому научился.

Ким помогала во всем, в чем могла, то есть нечасто. Электроника не была ее сильной стороной, но она задавала вопросы и тоже училась.

Ближе всего они подошли к серьезным проблемам на третьей неделе, когда однажды в три часа ночи заревели сирены, сообщая, что параметры азотно-кислородной смеси вышли за допустимые пределы. Солли проворчал, что проблемы наверняка в системе тревоги, а не в жизнеобеспечении, но продолжал ее перебирать, заменяя все, что можно, пока этот гвалт не прекратился.

К Ким вернулось ее обычное энергичное настроение. Она уже не бродила по кораблю в одиночестве, а держалась поближе к Солли. Она стала больше читать, в основном книги и статьи по своей специальности, но и романы, и книги по истории, и даже Саймона Уэсткота, классика философии второго столетия, который пытался объяснить, каким образом в механистической вселенной развилось сознание.

Иногда, наедине с собой, она ловила себя на том, что разговаривает с гостем.

— Я знаю, что ты здесь, — говорила она, понижая голос, чтобы Солли не услышал. — Почему ты не покажешься?

Ближе к концу полета споры почти заглохли и только изредка о себе напоминали, как испорченная система утилизации отходов, испускающая иногда ядовитый дымок. Просто было больше нечего сказать. За последние три недели Ким ничего необычного не видела. Она пыталась уговорить себя что явление было галлюцинацией, или хотя бы запихнуть этот случай в уголок подсознания, чтобы не мешал, как поступила с тем видением в озере. Да, но тогда она могла убраться из долины Северина. Сейчас она заперта в одном корабле с этой штукой.

И потому возник нелегкий мораторий — тщательно избегать этой темы. Разговоры стали осторожными вместо информативных, дипломатичными вместо откровенных. Как если бы на борту находился носорог, присутствие которого никто не хотел признавать.

Но в последний день, к выходу на предпрыжковое состояние, Солли вытащил этот вопрос на свет.

— Жаль, что наш полет обернулся таким образом.

Тон был такой, будто он не хочет ставить ей в вину ее галлюцинации.

— Это не твоя вина, — сказала она, тщательно сдерживая закипающую злость.

— Надо решить, будем ли мы сообщать об этом инциденте.

Перевод: ты не хочешь признать, что у тебя были галлюцинации?

Они сидели в пилотской кабине. Все было в порядке, часы отсчитывали время до прыжка. Солли ждал, пока зажгутся сигнальные лампы. Тогда он нажмет клавишу ВЫПОЛНИТЬ и корабль прыгнет в родную вселенную.

— Есть вопрос, — небрежно бросила Ким.

— Давай.

— Когда включим передатчик гиперсвязи, как мы узнаем, что он используется?

У Солли выступили желваки.

— Можно ли перефразировать вопрос, Ким? Как я могу *не* знать, что им пользуюсь?

Она попыталась снова:

— Когда мы общаемся по гиперсвязи, на панели состояния что-нибудь отражается?

— Вот тут. — Он показал на пару лампочек на консоли. — Оранжевая зажигается, когда Хэм начинает операцию, то есть открывается канал, а зеленая — когда можно говорить.

Можешь ты это испытать?

— Что испытать?

— Систему. Проверить, что она работает.

— Зачем, Ким? — недоуменно спросил Солли.

— Мне так хочется, Солли. Пожалуйста.

Раньше он бы просто попросил Хэма открыть канал. Сейчас надо было класть панель консоли на колени, сверяться с инструкцией, нажимать клавиши.

— Ну и как? — спросила она.

— Странно.

Лампы не зажигались.

— Проблемы?

— Должна бы загореться индикаторная лампа.

— Значит, если бы сейчас кто-то что-то передавал, мы бы не знали.

Он проверил лампочки. Они обе перегорели.

— Как ты догадалась?

Она пожала плечами:

— Учла такую возможность.

Солли отошел к шкафу с запчастями и принес новые лампочки.

— Значит, это сделал захватчик?

— Мне не нравится, что происходит, Солли. — Ким вдруг ощутила тяжелую усталость, отчаянное желание снова увидеть солнце, настоящий океан. Виртуальные расширения проекций «Хаммерсмита» это желание не удовлетворяли. Как бы просторно ни раскидывалось море, она все равно знала, что она в тесной каюте. — Когда ты ожидаешь подхода к доку?

— Около шести утра.

Было еще только почти десять утра, несколько минут после прыжка.

— Двадцать часов? Почему так долго?

— Из-за сдвига времени в гиперполете, — сказал он. — Никогда точно не знаешь, где материализуешься. И потому мы достаточно далеко от Гринуэя.

— Понятно.

— Пристегнись.

Ким услышала нарастающую мощь прыжковых двигателей. Солли включил внешние датчики и телескопы. Она откинулась на спинку, но не сводила глаз с лампочек гиперсвязи.

На часах осталось меньше минуты. Солли вздохнул.

— Ты в самом деле ждешь, что что-то произойдет?

— Я думаю, уже произошло, — сказала она. — Как бы там ни было, отвечаю на твой вопрос: да, мы должны связаться с Мэттом как можно быстрее. Я хочу ему рассказать, что у нас творится.

— И что ты скажешь? Что на борту, по твоему мнению есть нечто, чего тут быть не должно?

— Именно.

Солли помрачнел:

— Если ты это сделаешь, нам в обозримом будущем вряд ли придется вернуться домой. Ты их напугаешь до судорог, и несколько лет мы проторчим на добром старом «Хаммерсмите».

— Я не знаю, что еще можно сделать, Солли.

Часы дошли до нуля, и он нажал клавишу.

У Ким закружилась голова, но она попыталась контролировать дыхание и думать о другом. Например, как хорошо было с Солли, несмотря

на все проблемы. Например, что в контейнере у них тело Эмили и что кому-то придется за это ответить.

Головокружение быстро прошло, и в окнах засияли знакомые созвездия. На вспомогательных экранах появился Гринуэй и его луны.

— Переход закончен, — сказал Солли.

Ким кивнула, не сводя глаз с лампочек гиперсвязи. Солли открыл канал к Небесной Гавани.

— Говорит «Хаммерсмит». Подхожу на ручном управлении. Компьютер вышел из строя. Прошу помощи.

Ожидая, пока сигнал дойдет до Гринуэя и диспетчер ответит, Солли поглядел на приборы.

— С виду все в норме, — сказал он.

Ким не могла разобраться в своих чувствах. Она хотела бы отмахнуться от проблемы, вернуться домой со своим открытием, радоваться успеху. Но ей хотелось и оказаться правой, чтобы Солли увидел сам, что ее видение имеет сущность. Может быть, себе она тоже хотела это доказать. Ей нужно было подтверждение от *кого-то.*

— «Хаммерсмит», говорит Небесная Гавань. — Женский голос. — Мы вас ждали. Патруль вас проводит.

Она выдала Солли курс и скорость.

— Не слишком хорошо звучит, — сказал он.

Развернув корабль в указанном направлении, он включил главные двигатели. На дальнем навигационном экране появилась отметка.

— Наш эскорт, — сказал Солли.

— Сколько до них?

— Несколько часов.

Что-то привлекло ее внимание. Движение, какое-то шевеление слева. Она оглядела кабину. Ничего не изменилось.

— Проблемы? — спросил Солли.

— Не знаю. — Она коснулась лампочек гиперсвязи. *Теплые.* — Кажется, они снова перегорели.

Он скривился и потрогал их сам, и тут сильно помрачнел. Вынув оранжевую лампу, Солли поднес ее к глазам.

— Точно перегорели.

— Есть способ узнать, не передаем ли мы?

— Да. — Солли нажал кнопку. — Патруль, говорит «Хаммерсмит». Вы нас принимаете?

— «Хаммерсмит», говорит патруль один-один. Подтверждаю прием. Вам нужна помощь?

Мужской голос с бандалайским акцентом. Много раскатистых «р».

— Исходит ли от нас передача по гиперсвязи?

— Погодите. — Голос звучал так, будто человек

старается проявить терпение. Ким обтерла рот, ожидая ответа, который, казалось, шел очень долго. Потом дошел. — «Хаммерсмит», ответ утвердительный. — Голос звучал недоуменно: как это «Хаммерсмит» может вести передачу, а пилот об этом не знает? — У вас проблемы?

— Отказал компьютер, — сказал Солли, выбираясь из кресла. — И еще некоторые мелкие неисправности. — Он отключился и бросился стремглав из кабины. Через минуту он вернулся с бледным лицом. — Ты была права, Ким. В схему кто-то влез, и этот гад пишет домой письма родным.

— Я бы прежде всего сообщила им, где находится Гринуэй. Отключи передатчик.

— Только что.

— Отлично.

Он снова открыл канал.

— Патруль, говорит «Хаммерсмит». Передача прекратилась?

— Нет, продолжается. — Пауза. — «Хаммерсмит», что у вас происходит?

— Я думаю, им надо сказать.

— Не очень хорошая мысль. Если они нам поверят мы можем просто получить ракету в сопло.

— Не верю.

— Напрасно. Ситуация стала сильно напряженной.

Стала ?

— Солли, она такой была все время. — Ким не смогла сдержать упрек.

Он попытался извиниться, но она отмахнулась. Не важно. Все нормально.

Хотя это было не так. Но глубоко в душе Ким стало приятно, что Солли вслух признал ее правоту.

Он снова заговорил с патрулем, сообщая технические детали проблемы.

— Кошмар, — пожаловался он Ким, отключая двигатели.

— Ты что-то говорил насчет гаечного ключа, — напомнила она.

— Именно это нам и надо сделать. Но это внизу, под палубой. Займет полчаса или больше, а этого времени у нас нет.

— Так что же делать?

— Дай мне минуту.

Он дал ей наручный фонарь, велел его включить, открыл какой-то шкафчик и исчез внутри. Слышно было, как он там что-то переставляет, послышался звук вставшей на место панели, и в кабине стало темно. Но это не был нормальный полумрак пилотской кабины, подсвеченной

огоньками приборов. Погасло *все:* экраны, индикаторные лампы, циферблаты, затих электронный шепот. Стало темно и тихо. Ким попыталась сдвинуться и всплыла с места. Искусственная гравитация отключилась.

Включилось аварийное освещение, работающее от отдельной цепи. Позади зажегся аккумуляторный фонарь.

— Это его остановит, — сказал Солли.

— Не хотела бы поднимать этот вопрос, — спросила Ким, плавая в воздухе, — но жизнеобеспечение работает?

— Нет. Отключено все, кроме двигателей — они на своей цепи питания. Но мы продержимся, пока я отключу передатчик.

Они переобулись в захватные ботинки и спустились в нижний этаж, где длинные окна смотрели в грузовые трюмы и кладовые. В свете ламп качались тени от штабелей продуктов, от эзотерического оборудования, предназначенного для экспедиции к Таратубе, от утилизаторов и систем управления гравитацией. Солли открыл какой-то ящик, достал инструменты, остался ими доволен и повел Ким в переднюю часть корабля.

По обе стороны коридора стояли танки с питьевой водой. Ким и Солли пошли вправо и встали

на колени возле танка. Солли закрепил фонарь на магнитной основе и стал снимать панель. Ким посмотрела, встала и отошла назад по коридору. Видна была лестница в корме, обрисованная аварийным освещением. В пусковом ангаре стоял посадочный модуль, и кокпит был похож на голову рыбы, просунутую из-под пола. Круглые иллюминаторы таращились на Ким.

Солли отложил панель в сторону и заглянул внутрь, в лаз.

— Займет время, — сказал он, ныряя туда. — Кое-что еще придется снять, чтобы добраться до передатчика.

Он высунул руку, подобрал фонарь и исчез.

Ким окружила тьма.

Слышно было, как звякают инструменты в руках Солли, иногда скрежещет металл по металлу. Иногда что-то сильно звенело. Этот шум поднимал дух — они все еще рядом.

Через несколько минут Солли удовлетворенно хмыкнул.

— Вот это нашего паразита успокоит.

В этот момент над лестницей вспыхнул свет, и вес вернулся, будто Ким стукнули между лопаток. Хотя обе ноги стояли на палубе, было так, будто в темной комнате неожиданно проваливаешься в

невидимую яму. Ким потянула колено и взвыла.

— Солли, в следующий раз предупреждай!

Ее голос загрохотал эхом от стен.

— Это не я! — крикнул он в ответ.

Свет зажегся всюду — в коридоре, в ангарах, даже в лазе, где был Солли.

— Включился свет! — крикнула Ким.

— Сам вижу. Эта зараза меня перехитрила. Запахло горелым, и Солли вылез наружу.

— Одну проблему все-таки решили, — сказал он. — Теперь никто и ни с кем не свяжется.

— Солли, — сказала она, понизив голос, — почему зажегся свет?

— Кто-то его включил. — В правой руке Солли держал гаечный ключ.

— И что нам теперь делать?

— Избавляться от нашего гостя.

— А как? Мы же его даже найти не можем.

Они вернулись к началу коридора и остановились у подножия лестницы, глядя на площадку. Герметичная дверь была открыта, как они ее и оставили.

— Нам нужна помощь, — сказала Ким.

— Это может оказаться непросто. Я угробил передатчик.

— То есть мы даже местно ни с кем не можем

связаться?

— В пределах человеческого голоса. Я бы отключил только гиперсвязь, если бы знал как. Тут в этом чертовом оборудовании только специалист-инженер может разобраться.

— И что делать? — спросила Ким.

Солли обнял ее и подержал мгновение.

— Держись меня.

Он повел ее вверх по лестнице, с видимой неохотой высунул голову наружу и оглядел коридор в обе стороны.

— Ничего не вижу, — сказал он.

Двери во все отсеки были закрыты, кроме двери комнаты отдыха, открытой всегда. Они осторожно заглянули, ничего не увидели и полезли наверх.

Из пилотской кабины доносилось тихое жужжание приборов. Все включилось снова.

Ким с тревогой увидела красные мигающие сигналы на приборной панели, но Солли успокоил ее, что это всего лишь предупреждение об отказе передатчика.

Патруль все время их вызывал, спрашивал, что случилось, указывал, что они сошли с курса, требовал ответа, заверял, что помощь уже идет. Через два часа, сообщил патруль, они подойдут

борт к борту.

Солли вошел в тот же шкаф и показал, где отключается питание. Это была длинная черная рукоять. Она была поднята, в белом секторе, означающем, что питание включено.

— Это решает вопрос, — сказал Солли. — У нас есть на борту захватчик.

— Она сама никак не могла вернуться на место?

— Никак. Ни включиться, ни отключиться она сама не может.

— Может быть, — сказала Ким, — надо помигать патрулю огнями. — Чтобы знали, что у нас нет связи.

— Они это сами поймут. — Солли плюхнулся в кресло. Эта штука невидима. Но она плотная, так? Должна быть. Иначе она бы рукоятку не повернула.

— Нет, — сказала Ким. — Мы знаем, что это явление *физическое.* Это не то же самое, что *плотное.*

— Ладно, чем бы оно ни было, пора от него избавляться.

— Как?

— Просто. — Он вынул из шкафа два космических скафандра и один протянул ей. — Надевай.

— Зачем? Какой у тебя план?

— Выдуем его за дверь.

Сначала она не поняла. Потом сообразила.

— Разгерметизация.

— Именно. Другого способа я не знаю.

— Блестяще, Солли, — сказала она. — Мне бы и в голову не пришло.

Он пожал плечами:

— Видел в старом кино.

Ким сбросила верхнюю одежду и влезла в скафандр. Она его надевала впервые, и Солли пришлось помочь ей закрепить шлем.

— Нормально? — спросил Солли.

У нее было такое чувство, что воздуху не хватает.

— Ты просто расслабься, — сказал он, что-то делая с ее ранцем. — Как теперь?

— Лучше, спасибо.

— О'кей.

Он показал ей кнопки управления на перчатках, регулирующие температуру, воздушную смесь и все вообще, и надел скафандр сам, пока Ким показывала, что все поняла. Солли закрепил шлем и проверил рацию.

— Так, — сказал он, — а теперь избавляемся от этой заразы.

Они спрятали личные вещи, зубные щетки, одежду, коммуникаторы, потом прошли по всему кораблю, по всем трем этажам, открывая все внутренние люки. Закончив, они вернулись в кабину пилота и сели. Ким огляделась, но не заметила ничего, требующего внимания.

— Кажется, мы готовы, — сказала она.

Солли кивнул и отключил подачу воздуха.

Ким нажала кнопку подлокотника, и привязные ремни пристегнули ее к креслу.

— Готова, — доложила она.

Солли наклонился над консолью и забегал пальцами по клавишам.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Отменяю программы безопасности. Скоро сделаю.

Голос патруля снова спросил, слышит ли его «Хаммерсмит».

— Пожалуйста, мигните огнями, если меня слышите. — И через секунду: — Есть для вас сообщение из Института Сибрайта. Ответьте, пожалуйста, если можете.

— Солли, — спросила Ким, — ты слышал?

— Дело прежде всего.

— О'кей.

— Открываю.

Послышался гул подшипников нижнего люка, вдруг сменившийся ураганом звука. Ветер закружил, попытался оторвать Ким от кресла, мимо пронеслись незакрепленные предметы.

Так продолжалось минуты две, потом все стало тихо.

— Вакуум, — объявил Солли.

Они отстегнулись и пошли вниз, к люку, и выглянули.

Позади сиял Гелиос. Мерцали три яркие звезды пояса Ориона.

— Как ты думаешь? — спросила Ким.

— Должно было сработать. Ни одна известная мне форма жизни тотальной разгерметизации не выдержит.

— И насколько мы оставим люк открытым?

— Я бы оставил на пару часов. Ты не видела, чтобы отсюда вылетело что-то необычное?

— Нет.

— А жаль.

Они вернулись в кабину, и Солли помигал ходовыми огнями.

— Прошу вас сообщить, слышите ли вы нас, — пришел ответ патруля. — Одна вспышка — да, две — нет.

Солли мигнул один раз.

— Вы в опасности?

Одна вспышка. Хотя Ким не видела разницы. Вряд ли патруль сможет подойти быстрее.

Патруль спросил, управляет ли пилот кораблем.

Одна вспышка.

Может ли корабль изменить курс?

Вспышка.

Им дали курс и скорость. Потом стали задавать вопросы о состоянии «Хаммерсмита». В конце патрульный корабль объявил, что непосредственной опасности сейчас нет, и соединил с Институтом. Послышался голос Мэтта:

— Солли, вы оба живы? Ким? Оба живы и здоровы?

Солли мигнул, и послышался ответ патруля:

— Да.

— Мне сказали, что у вас не в порядке связь и вы не можете отвечать. — В голосе Мэтта звучало облегчение. — Но патруль считает, что в остальном все нормально и скоро они вас вытащат. Мы рады будем снова вас видеть. Вряд ли официальные власти будут довольны, но они получают обратно корабль. Может быть, обвинения против вас не будет. Я через несколько часов вылетаю и встречу вас в Небесной Гавани. Вы чего-нибудь

достигли?

— Голос у него подавленный, — предположил Солли. — Как ему ответить?

— Отвечай «да».

Солли мигнул один раз.

— То есть вы что-то нашли?

«Да».

— Разумное?

Ким понимала, что это не надо бы обсуждать публично, и Мэтт это знает, но не смог сдержаться.

«Да».

— Встречу вас в доке.

Он отключился.

— Обвинение, — заметил Солли, — будет, очевидно, зависеть от того, как Филу понравятся результаты.

— Не понравятся, — уверенно сказала Ким. — Мы встретили инопланетянина и убили его. — Она помолчала и вдруг спросила: — А отчего не испытать ИР? Посмотрим, вернулся ли он в строй.

— Хэм, ты здесь? — спросил Солли.

— «Здесь, Солли».

Еще один хороший признак. Солли шумно выдохнул:

— Слава Богу!

— Ты полностью функционируешь, Хэм? — спросила Ким.

«Да, я так думаю».

— Ты знаешь, что с тобой было?

«Я был…»

— Да?

«…захвачен…»

— Продолжай, Хэм.

«…некоторым разумом».

— Искусственным?

«Мне неизвестно».

— Его теперь нет?

«Я не обнаруживаю его присутствия. Хотя подозреваю, что он мог от меня спрятаться, если бы захотел».

— Что ты можешь о нем сказать?

«Его нет в каталоге».

— Это был биологический разум?

Ким задавала вопросы, а Солли слушал.

«Не думаю. Я считаю, что он был молекулярный и получал энергию от электрических полей, возможно, порожденных действием ускоренных квантов. Я не встречал подобной сущности. Кажется, она создана для определенной цели».

— Какой?

«Я бы определил эту цель как захват звездолета».

— Интересно, — сказал Солли, — он должен был захватить нас до того, как мы покинем систему Алнитака?

— Возможно, — согласилась Ким. — Для этого он должен был действовать очень быстро.

«Мне кажется, у него была иная функция. В отношении нас»

— Какая?

«Остаться на корабле и информировать своего… — ИР подыскивал слово, — контролера о месте нашего назначения».

— Кто этот контролер?

«Я не знаю».

— Какой-то дебильный разум! — буркнула Ким. — Отчего сразу хватать, а не представиться?

— Что ты еще можешь сказать о его физическом строении? — спросил Солли.

«Я обнаружил свободные молекулы водорода. Метана. Кислорода. Но, кажется, постоянной физической формы он не имеет».

— Призрак, — сказала Ким.

«Этой связи с фольклором я не понял».

— Ничего, мы тоже, — успокоил его Солли.

— Вот такая штука болтается возле озера Печаль, — сказала Ким.

Солли кивнул:

— Думаю, ты права.

— «Хаммерсмит», — спросили с патрульного корабля. — У вас выполняются внешние работы?

Солли мигнул дважды. Нет.

— У вас открыт воздушный шлюз.

Если эта тварь не убралась… Солли закрыл люк, открыл воздуховоды и включил насосы. Через сорок минут приборы светились зеленым, и можно было снять скафандры.

— Что дальше? — спросил Солли, натягивая одежду.

— Поехали домой, — ответила Ким. — Расскажем Мэтту. Пусть в Институте придумают способ обшарить корабль и проверить, что пришельца нет. А тогда включим приемник и будем ждать мирового признания.

Солли ответил только коротким «угу».

Корабль патруля подошел на расстояние оптической видимости. Он проплыл от левого борта к правому, очевидно, выполняя визуальный осмотр. Он был меньше «Хаммерсмита» но выглядел опасно и серьезно. Медленно повернулась кольцевая антенна.

— «Хаммерсмит», мы идем к вам на борт. Подтвердите прием одной вспышкой.

— Это не входит в процедуру, — сказал Солли. — Наверное, у них приказ отправить нас в тюрьму.

— Я подумала, когда Мэтт… — Тут у Солли изменилось лицо, будто он был поражен чем-то. — Что…

Он махнул на нее рукой, прося тишины, и приставил ладонь к уху. Двигатели сменили тембр. Они загудели громче, и Ким подалась назад — ее *толкнуло* назад, прижало к спинке. Корабль менял курс. И набирал скорость.

— Какого черта? — Солли застучал клавишами консоли. Патрульный корабль требовал вернуться на прежний курс и снизить скорость.

— Что случилось? — спросила Ким.

— Не знаю. Хэм, что происходит? *Хэм!*

Главные двигатели набирали обороты.

— Мы движемся к состоянию прыжка, — сказал Солли.

— Это чертова тварь все еще здесь! — еле выдохнула Ким. Солли снова перешел на ручное управление и рванул ручку аварийного выключения двигателей. Ничего не произошло. Ускорение продолжалось.

— Он захватил корабль. — Ким почувствова-

ла, как сердце сжимает лед. — И направляется домой.

— Этого не будет.

Солли вошел в чулан, где, как Ким теперь знала, находилась рукоятка отключения питания.

Слышно было, как он снял панель, дернул рукоять.

— А, черт! Не работает. Этот гад отрубил всю схему.

— И что мы можем сделать? Солли посмотрел на приборную доску.

— Он летит домой. И нас с собой тащит.

— Можем отрубить двигатели?

— Только если отключим питание. На это нет времени.

Ким стала отстегиваться.

— А если разнести их гаечным ключом?

— Взорвутся на месте. Можно более простым способом.

Она пошла за ним по коридору, вниз по лестнице.

— А каким? У них есть механизм самоуничтожения?

— Нечто в этом роде. Надо только переключиться на прыжковые преждевременно. Раньше, чем они будут готовы. Это немедленная перегрузка. У

тебя диск есть?

— Какой? Ты о чем?

— Тащи его сюда. И быстрее, Ким, пошли.

Он имел в виду диск с перехватом, из записей с «Охотника». Ким забежала в каюту, схватила диск.

— Коммуникатор прихвати, — велел Солли.

Было еще кое-что, что Ким хотела бы спасти, но вроде бы времени паковаться не было.

— Но ведь ты говорил, что система безопасности не даст этого сделать?

— Я ее уже отключил. — Они спешили на первый уровень.

— А как мы это сделаем так, чтобы нас самих не убило?

— Из посадочного модуля, — сказал Солли. — Только надо быстрее.

Они вытащили тело Эмили, Солли повел к ангару и остановился перед приборной доской.

— Никогда раньше этого не делал, — сказал он, вводя команду. В модуле открылись два люка, один в кокпит, другой в грузовой трюм. Ким и Солли закрепили Эмили в трюме, а сами влезли в кокпит. Солли сел в кресло пилота и начал щелкать выключателями. Загудело питание. Вдруг Солли обернулся и посмотрел на Ким, будто у

него зуб заболел.

— Черт, забыл! Сиди пока тихо, — сказал он. — Я сейчас вернусь.

Сжав ее руку, он выбрался наружу.

Она смотрела, как он бросился прочь по коридору. Что такого важного он мог забыть, чтобы…

Люк со щелчком закрылся. Ким глядела в пустой ангар.

— Солли?

Двигатели снова сменили тембр.

Ким попыталась вызвать по коммуникатору.

— Солли! Где ты?

Лязгнула дверь между ангаром и коридором. Ким похолодела от страха.

– *Солли!*

– Ким, — донесся его голос из коммуникатора. — Ким, прости меня.

— Нет! — завизжала она. — Не делай этого!

— У меня нет выбора, Ким. Послушай…

— Я не понимаю!

— Я не могу взорвать «Хаммерсмит» из модуля.

— Но ты же сказал…

— Я соврал. Прости, я соврал. Иначе ты бы осталась со мной, а этого я допустить не мог.

— Тогда брось это! Пусть разбирается патруль. Они его взорвут ко всем чертям!

Она пыталась открыть дверь и выбраться из модуля, но зажигали красные огоньки, сообщая, что наружное давление падает. Все загерметизировалось.

— Времени нет, Ким. Они не станут нападать на корабль Института за просто так. И эта тварь удерет. Она вернется домой на «Хаммерсмите» и расскажет всем, где мы живем.

— Солли, прошу тебя, не надо!

Модуль задвигался, выходя из направляющих.

— Я не умею водить эту штуку!

— Тебе и не придется. Запуск выведет тебя из корабля, а потом просто скажи компьютеру, чтобы доставил тебя к патрулю. Или подожди, пока они тебя подберут.

— Солли, я не хочу без тебя жить!

— Я знаю, детка, и всегда знал.

Она застучала кулаками по люку:

— Нет, Солли! Нет-нет-нет-нет…

— Прощай, Ким. Не забывай меня.

Она зажмурилась, но слезы хлестали из-под век. Двигатели дернули вперед. Загудело, защелкало пусковое оборудование. Модуль выпал, и Ким оказалась одна среди звезд.

В кокпите раздался голос:

— Посадочный модуль, ответьте патрулю. Что

у вас происходит:

— Не надо, Солли! — кричала она в голос. — Я возвращаюсь! Модуль, вернуться на «Хаммерсмит»!

Но кокпит озарила ослепительная вспышка. И слышно было, как патруль сказал:

– *Святый Боже…*

22

Настоящие друзья – наша величайшая радость и величайшая скорбь. Можно чуть ли не пожелать, чтобы истинных и верных друзей когда-нибудь не стало.

Франсуа Фенелон, «На смерть герцога де Шевреза», 1714 г. н.э.

Ким еле помнила, как ее подобрал патруль. Что-то ей дали успокоительное, приставили к ней женщину-офицера, пока транквилизатор подействует, и Ким провалилась в кошмарный сон, в котором Солли был жив и говорил с ней, будто ничего не случилось, но она знала, что он мертв, что это лишь отсрочка до возвращения в реальный мир.

Отдельными кадрами запомнилось, как ее несут на носилках, вкладывают в лифт в Небесной Гавани, грузят во флаер.

Реальный мир, в который она вернулась, состоял из белых простыней, неудобной подушки и Мэтта Флекснера. И впечатление, что еще кто-то невидимый стоит за ним.

— Как себя чувствуешь, Ким?

В памяти были провалы. Ким помнила посадочный модуль, но не помнила, как туда попала. Помнила, как нашли Эмили, но не помнила, как следили за ней на орбите. Знала, что Солли больше нет. Но это знание глушилось общим отупением.

— Нормально, — сказала она. — О'кей.

— Ты не хочешь нам рассказать, что случилось?

Вдруг стоящий сзади человек стал четко виден. Кэнон Вудбридж. Одетый в черные брюки и серый свитер. Ким не видела его с момента запуска проекта «Маяк». Он выступил вперед, изобразил улыбку, подтянул к себе стул и поздоровался.

Ким ответила, и тут же сказала:

— Мэтт, Солли погиб.

— Мы знаем. Как это случилось?

— Где мы?

— В госпитале «Дружба». Тебя освободили, все в порядке.

— Они там есть. Инопланетяне.

Вудбридж посмотрел долгим взглядом.

— Что случилось? — спросил он. — Откуда взялось тело Эмили?

Все стало возвращаться на место, все ускользавшие ранее детали.

— Она осталась там, — ответила Ким.

— Где?

— Алнитак.

– *Где?* — переспросил Вудбридж.

— Это одна из звезд пояса Ориона, — объяснил Мэтт. Видно было, как пульсирует жилка на шее Вудбриджа.

— Пожалуйста, Ким, объясни нам, что случилось, — попросил он неожиданно спокойным голосом.

Она рассказала все. Объяснила, что они хотели выяснить, куда летал «Охотник». Рассказала, как они перехватили радиообмен между экспедицией Трипли и неизвестным кораблем, показала диск. Описала объект, который их преследовал, рассказала, как Солли выходил на обшивку, чтобы его снять.

— Но это не помогло, — сказала она. — Что-то попало на борт. И попыталось захватить корабль.

— Ким, ты уверена? — спросил Мэтт.

— Да, уверена. Это есть в бортжурнале корабля.

— От бортжурнала мало что осталось, — тихо сказал Мэтт.

Конечно. Мозг работал еще на четверть нормы. «Хаммерсмит» погиб. И Солли вместе с ним.

— Сейчас это все не важно, — сказал Вудбридж. — Что бы ни случилось, это все позади.

— Надо предупредить людей. Может быть, обо всей зоне Алнитака, — взволнованно произнесла Ким. — Даже объявить ее под запретом. Чтобы никто туда не совался.

Вудбридж нахмурился:

— Не вижу, как это можно сделать.

— Но почему? Эти существа — они *злонамеренны,* Кэнон!

— Потому-то мы и не можем этого сделать. Видишь ли, — он повернул стул, пододвинулся к кровати, положил скрещенные руки на ее спинку и уперся в них подбородком, — мы бы так и поступили, если бы могли. Но у нас нет способа осуществить такой запрет. Даже с судами, зарегистрированными на Гринуэе, не говоря уже о чужих кораблях.

— Тогда дайте предупреждение.

— И что будет, если мы это сделаем? — Он говорил с доверительной интонацией, будто советуясь с ней.

— Все частные корабли немедленно туда ринутся, — сказала она, секунду подумав.

— Именно так. Это и произойдет. Вот твой коллега, — он показал глазами на Мэтта, — уже

думает, как бы туда добраться. Правда, Мэтт?

— Нет, если эти штуки смертельно опасны.

Вудбридж изобразил уверенную улыбку:

— А это значит, что в конце концов кто-то им даст наш адрес. Если твой рассказ и твое толкование верны, у нас будут серьезные неприятности.

— Так что же вы собираетесь делать?

— Ничего.

— Не поняла?

— Ничего. Совсем ничего. Мы хотим, чтобы люди туда не совались — это наша главная забота.

— Ты только что сказал, что этого сделать невозможно.

— Я сказал, что мы не можем приказать туда не лезть. Или предупредить. Но туда все равно никто не летает. Когда на Алнитаке выполнялось последнее наблюдение?

— Двести лет назад, — ответил Мэтт.

Вудбридж с довольным видом поднял глаза к потолку.

— Это я и имею в виду. Это далеко, никому там ничего не надо, и туристы туда не летают. Если мы ни о чем не скажем, ничего и никому, можно спокойно допустить, что в ближайшее время посещений этого района не будет.

— А не в ближайшее? — спросила Ким.

— Правительство начнет продуманную подготовку. В рамках этой подготовки наверняка будут посланы автоматические зонды, и мы сможем выяснить, что там происходит, без ненужного риска. Конечно, для этого надо, чтобы ни одно слово об инопланетянах не вышло за пределы этой комнаты. — Он посмотрел на Ким. — На твою лояльность, как я понимаю, мы можем рассчитывать.

— А я-то ждала почетного караула, — попыталась пошутить Ким.

Вудбридж изобразил улыбку.

— Я что-нибудь организую. — Он поднялся и посмотрел на Мэтта. — Разумеется, Институт откажется от обвинений.

— Хм, — сказал Мэтт. — Вряд ли Фил на это пойдет.

— Никуда он не денется. Инцидент исчерпан. Угона корабля не было, были неполадки связи.

— Я ему передам ваши слова, — сказал Мэтт. — Но как мы объясним гибель «Хаммерсмита» совету попечителей?

Вудбридж натянул куртку и пошел к двери.

— Не знаю. Расследование еще не закончено. Скажите Агостино, что я позвоню ему сегодня и сообщу о причине несчастного случая. Кста-

ти, уже установлено, что это был несчастный случай. — Он смотрел на Ким, но обращался по-прежнему к Мэтту. — Когда следующая вспышка новой?

— Через пару недель.

— Это будет третья.

— Да.

— И именно она определит временную последовательность. Одинаковые интервалы между событиями.

— Верно.

— Это укажет на то, что события вызваны искусственно.

— Да.

— Отмените ее.

– *Отменить?* — сказал потрясенный Мэтт. — Это невозможно!

— Думаю, в данных обстоятельствах Совет согласится, что объявлять о своем присутствии — не слишком разумная мысль.

— Кэнон, свет от новых дойдет до Алнитака только через тысячу лет!

— Мэтт! — В комнате повисло напряжение. — Через несколько дней будет постановление суда, приостанавливающее операцию по соображениям охраны окружающей среды. Там будет сказано

только о приостановке. Но больше вы устраивать эти взрывы не будете.

Мэтт поглядел на Ким, и было ясно, что он считает ее в этом виноватой.

— Кстати, Кэнон, есть еще одна вещь, которую ты должен знать, — сказала Ким. — Это создание на корабле…

— Да?

— Есть еще одно или очень похожее в долине Северина.

Вудбридж наморщил лоб:

— Северинский фантом?

— Да. — Ким увидела, как Вудбридж переглянулся с Мэттом. Слишком много странных историй сразу.

— Мы посмотрим, — ответил Вудбридж.

— Кэнон, — спросила она. — А раньше этого не случалось? Скрытие результатов?

Он озадаченно погладил бороду.

— Не понимаю, о чем ты.

— Двадцать семь лет назад.

— А! «Охотник». Нет. Мне по крайней мере не известно. — Заметив скептическое выражение ее лица, он добавил: — Я бы не стал тебе врать, Ким.

— О'кей, — сказала она.

У дверей Вудбридж остановился.

— Я рад видеть, что ты поправляешься. И мне чертовски жаль Солли.

Шепард встретил ее с бурной радостью. Он был счастлив видеть ее снова после такого долгого отсутствия. Его, как он сказал, сильно встревожили сообщения о ее неудачных приключениях. И он страшно сокрушался о гибели Солли, которого любил.

За это время накопились письма.

В основном от друзей и родственников, с советами и предложениями, с выражениями радости, что она, как выяснилось, не воровка. Институт выпустил пресс-релиз, где разъяснялось, что весь инцидент с «Хаммерсмитом» был недоразумением. Несколько адвокатов предлагали Ким подать в суд на кого-нибудь, чаще всего на Институт — за выпуск в рейс корабля с неисправными двигателями и за диффамацию, Шейел выражал заботу, говорил о своем предположении, что инцидент связан с «Охотником», выражал удивление и благодарность за то, что Ким сделала так много. И еще он говорил, что очень хочет узнать, что она выяснила.

По заявлению властей, причиной смерти Эмили явились обширные ранения груди и живота,

нанесенные, вероятнее всего, лучом частиц из лазера. Заклубились скандальные слухи: любовники поссорились, и женщину выбросили в шлюз; Кейн и Трипли вступили в сговор и убили двух женщин — наверное, за то, что они отказались участвовать в каком-то диком сексуальном ритуале; на борту «Охотника» все время кипели оргии, и после бурной ночи произошло убийство; Кейн и Трипли были гомосексуалистами, и им надоели постоянные приставания женщин, тогда они одну убили, чтобы это было уроком для другой. Власти обещали провести полное расследование, но репутация обоих мужчин тем временем катилась вниз. И Ким чувствовала свою вину за это.

Официальная версия переносила место смерти Эмили за несколько световых лет от Алнитака, чтобы не вызывать интереса к этой зоне.

Ким все еще понятия не имела, как и почему погибли эти женщины. Она чувствовала свою вину за обвинения, выдвинутые против Кейна и Трипли, но, насколько она знала, эти люди вполне могли бы сделать все, в чем их теперь обвиняли. В конце концов, кто-то же убил женщин?

В Институте ее приняли холодно. Друзья Солли, которых был легион, размышляли, часто в ее

присутствии и вслух, что нашлось такого важного, что стоило жизни Солли, как получилось, что она ушла на посадочном модуле, а Солли остался в корабле с — по утверждению официального отчета — «перегруженными прыжковыми двигателями». От нее требовали ответов, а историю, которую она сочинила насчет того, что они летали проверять слухи о первом контакте, сочли неубедительной. Ким стала парией.

Агостино восстановил ее на работе, но, когда она пришла к нему поблагодарить, он ее не принял. Ей сообщили, что Агостино винит ее в срыве проекта «Маяк». Она заметила в разговоре с Мэттом, что этот проект теперь не нужен.

— Не важно, — возразил Мэтт. — Многие вложили в «Маяк» всю свою жизнь. А нам он приносил деньги — это ты лучше других знаешь. К тому же публика не знает, что он стал лишним. Она думает, что он просто провалился.

Когда тело Эмили отдали, Ким организовала похоронную службу.

Церемония прошла в погожий день апреля под ясным небом. Ким выбрала для службы рощу неподалеку от Института, и там собрались друзья и родственники. Пришли «Рыцари моря», интересовались ее самочувствием и приносили

соболезнования.

Через два дня аналогичная церемония была совершена в память Солли.

Ее провели на голом холме у моря. Здесь были родственники Солли, почти никого из которых Ким раньше не видела. «Рыцари моря» были и здесь с плещущим знаменем, на котором была их эмблема — трезубец на белом фоне. Представители Института шли толпами, даже Агостино появился.

Друзья Солли по обычаю выходили вперед и говорили о нем. Остальные стояли и вытирали глаза.

С океана дул соленый ветер. Один композитор, которого Солли когда-то вез с Земли и с которым подружился, написал для похорон кантату «Хотя завтра и не наступит». Он привел с собой певца, и тот спел ее, а Ким слушала, не вытирая слез.

В конце концов, как она и знала с самого начала, было названо ее имя.

Стоящий среди «рыцарей» брат Солли показал на нее.

— Ким Брэндивайн, — объявил он. — Юная дама, ради которой Солли отдал жизнь. — Все посмотрели на нее с ожиданием. — Ким, может быть, ты выйдешь и скажешь пару слов?

Она надеялась, что ее оставят в покое. Но выступить — это было самое меньшее, что она могла сделать в память Солли, и потому она была готова. Она приняла транквилизатор заранее, но он никак не смягчил горе и чувство потери, и Ким забыла все, что подготовила, и кое-как, запинаясь, произнесла несколько банальных фраз, тут же унесенных ветром.

— Самый самоотверженный человек, которого я знала…

На горизонте уходил вдаль парус, и казался куда менее реальным, чем морской пейзаж, который она видела на «Хаммерсмите», стоя рядом с Солли.

Небо было безоблачным, ярко сияло солнце. — Меня бы сегодня здесь не было…

Она подавила слезы и сумела возвысить голос над ветром.

— Видит Бог, я его любила!

И чей-то детский голос спросил:

— И поэтому она его бросила, мама?

Когда она договорила, брат Солли вежливо ее поблагодарил, дал слово еще нескольким ораторам, объявил, что напитки подают в южном павильоне и закрыл церемонию.

Ким еще несколько минут стояла не в силах

двинуться. Несколько «рыцарей» подошли поговорить, пожелали благополучия. И тут перед ней мелькнули светло-синие глаза Солли. Они принадлежали молодой темноволосой женщине.

— Я — Патриция Кейс, — сказала она. — Сестра Солли. Хотела вас получше рассмотреть.

Она произнесла эти слова, будто откусывая куски льда, повернулась и ушла, сдерживая слезы.

Впервые в жизни Ким встретилась с направленным на нее открытым презрением.

— Это не так было, как вы думаете… — начала она вслед уходящей женщине. — Все совсем не так…

Средства массовой информации подали ее в том же свете: беспомощная пассажирка в исследовательской экспедиции, которую надо было спасать, когда после выхода из гипера прыжковые двигатели пошли вразнос.

Ее приглашали на интервью, в телепередачи, делали соблазнительные предложения об эксклюзивном изложении событий на «Хаммерсмите». Она от всего отказывалась.

Дома ждало сообщение от Бена Трипли. Она прокрутила его и была удивлена, когда он посмотрел на нее печальным взглядом и поздоровался. У нее замерло сердце. Она ожидала, что Бен скажет

о том, что она погубила репутацию его отца, что он ее предупреждал, что так и будет. Он, однако, избегал упреков и только сказал, что понимал: от этого всем будет тяжело. Он выразил сожаление по поводу Эмили.

— Я не знаю, что произошло, — сказал он, — и даже представить себе не могу, но мне очень жаль. Мне бы хотелось, чтобы все было иначе.

Что она могла ответить? Дескать, вы все время были правы? Я тоже не знаю, что случилось, может быть, ваш отец ни в чем не виноват, но что сделано, то сделано. Может быть, если бы Кейн и ваш отец все рассказали, когда вернулись, все было бы хорошо. *Я тут не виновата.*

После долгого обдумывания она записала письмо. В нем она благодарила, выражала уверенность в том, что, когда закончится расследование, его отец будет обелен. Потом прокрутила это письмо, решила, что оно ужасно, и стерла.

Со звонком Шейелу она тоже тянула, потому что не знала, что сказать. Врать Шейелу ей не хотелось, но соглашение с Кэноном Вудбриджем не позволяло сказать правду. Но все равно с кем-то надо было поговорить, а Шейел был единственным, кто у нее остался.

Она набрала код. Через секунду появилось его

кресло с драконом, Шейел вошел в картинку и сел в него.

— Ким! Рад тебя видеть. — Он был одет в темно-коричневый халат.

Они обменялись вежливыми словами, хотя Ким видела, как ему не терпится узнать о полете «Хаммерсмита». Он с последнего их разговора похудел и побледнел. Серебристые волосы и борода стали клочковатыми.

— Я мало что могу тебе рассказать, — сказала она. — Просто хотела сказать, что у меня все в порядке.

— Понимаю. — Он сильно сдал за это время. Наверное, так и не оправился после того, что узнал о Йоши. — Ты потеряла друга.

— Да, Солли Хоббса.

— Я читал о том, что он сделал. Таких друзей мало. — Он протянул руку в сторону и взял чашку, от которой шел пар. — Что ты собираешься делать дальше?

Хороший вопрос.

— Я думаю, что должна извиниться перед Беном Трипли.

— И когда ты это будешь делать?

— Может быть, завтра, если договорюсь о встрече.

— Ты хочешь сделать это лично?

— Да, думаю, так надо. И все равно я хочу поближе рассмотреть «Доблестный».

— «Доблестный»?

Этого она не собиралась говорить, но ведь он, черт побери, все равно знает.

— Корабль на фреске. Помнишь эту модель?

— А, да. Как я мог забыть?

Что-то было странное в его глазах, но Ким не стала гадать, что это может значить. Возможно, игра света.

Она связалась с секретаршей Трипли, и та сказала ей, что может выделить ей время к концу завтрашнего дня. Ким согласилась и позвонила Торе Кейн.

Тора ответила сразу же, но без изображения.

— Да, Кимберли? Чего вы хотите?

Ключ к бортжурналам «Охотника», подумала Ким, которой пришлось врать дочери капитана. Больше никого не осталось.

— Я хотела принести свои извинения. Понимаю, что доставила вам неприятные минуты.

— Да, мне действительно нужно было, чтобы кто-нибудь мне это объяснил. — Слышно было, как шумит океан. — Еще что-нибудь?

— Да. Я хочу, чтобы вы знали: я не верю, что в

этих смертях виноват ваш отец.

— Несколько запоздало. — Тора еле сдерживала ярость. — Вы смешали с грязью его имя. Вы это понимаете? Вы уничтожили его! — Тут ее голос вдруг сел, она шумно сглотнула слюну. — Все, ради чего он жил, все, что он совершил, — все это уничтожено. И говорят о нем одну только ложь!

— Может быть, удастся добраться до правды.

— Это просто. Знаете как? Зайдите в музей и посмотрите. — Не голос, а чистый яд. — У вас все?

Нет! Где бортжурналы «Охотника»?

– У вас есть что-нибудь или *доступ* к чему-нибудь, что может нам рассказать, что случилось в той экспедиции?

Пауза. Жаль, что не видно лица той женщины.

— Нет, — донесся ответ. Но по долгой паузе было ясно, что это ложь.

— Тора, без вашей помощи я этого не смогу сделать.

— Доктор, окажите мне услугу. Не делайте *ничего*, ладно? С меня вот так хватит вашей помощи.

Тора отключила связь.

Ким подошла к окну и стала глядеть на море.

Она знает.

— Шеп? «Да, Ким?»

— Я хочу говорить с Солли. Сколько понадобит-

ся времени…

«Собрать данные и построить личность? Недолго. Ты только должна дать мне подробности экспедиции. Но я бы тебе не советовал…»

— Сделай.

«Ким, тебе часто советовали не…»

— Сколько времени нужно, Шеп?

«Не могу сказать, пока не увижу, что есть в моем распоряжении. Если доступ через сеть, сможешь говорить с ним сегодня вечером».

Через час Ким всходила по ступеням музея Могучего Третьего.

Не требовалось лишней проницательности, чтобы предугадать, что она увидит: Маркиса Кейна заменили на другого героя битвы при Армагоне. Экспозиции, посвященной атаке на «Хаммурапи», более не было. Витрина, где были предметы с Триста семьдесят шестого, опустела. На ней была надпись, что готовится новая экспозиция, посвященная подвигам флотских врачей.

Даже фотографий, на которых Кейн помогал работникам музея, тоже не было.

Ким пошла искать Микела и нашла его в обществе важных персон, которым он на имитаторе показывал ход атаки небольшой лодки на военный корабль. Увидев ее, он жестом показал,

чтобы она подождала у него в офисе, но Ким вернулась к пустой витрине. Через пятнадцать минут Микел подошел к ней.

— Рад, что вы живы и здоровы, — сказал он. — Это наверняка было страшное переживание.

— Да, нелегкое.

Микел сел не за свой стол, а на диван.

— Вам что-нибудь принести? Кофе, быть может?

— Нет, спасибо. Микел, а что сталось с экспозицией Кейна?

— Мы ее убрали.

— Это я вижу. Почему?

Он вытаращил глаза:

— Вы шутите? И это спрашиваете вы? Он же убийца! Что я должен был делать?

— Это еще неизвестно.

— Либо он убийца, либо он прикрывал Трипли, если тот убийца. Подробности уже не важны. — Микел смотрел взглядом обвинителя. — Странно, что вы возражаете. Ведь это же *вашу* сестру выбросили в люк. Я думал, вам будет приятно, что мы убрали выставку.

— Мы не знаем, что там на самом деле случилось.

— Ким, вы меня извините, — в голосе Мике-

ла зазвучали интонации чиновника, — но я не совсем понимаю вашу позицию. Кейн виновен в *чем-то,* возможно, в убийстве, возможно, в помощи и укрывательстве как минимум, и это известно всем.

Она сунула руки в карманы и посмотрела через окно кабинета на экспозицию, на модели военных кораблей, портреты капитанов. У левой стены в объемном дисплее прокручивалась битва при Армагоне.

— Сюда приходят дети, — говорил Микел. — И как же нам тут прославлять *убийцу?*

– Микел, — сказала она. — Когда выяснится правда, боюсь, вам станет неловко.

У Микела был такой вид, будто тема ему давно надоела.

— Не вижу, как это может случиться. Сколько людей было на корабле? Ну хорошо, если так или иначе выяснится, что он ни в чем не виноват, мы просто все поставим на место, и все будут довольны.

— Все будут довольны.

— Ким, вы что-то знаете, чего не знаю я?

— Нет.

Он глубоко вздохнул.

— Послушайте, Ким, мне самому это не нравит-

ся. Это был шок — узнать про Эмили. Про Кайла Трипли я почти ничего не знал, но Кейн… у нас очень немного героев. И терять одного из них очень больно. Особенно этого.

— Тогда не отдавайте его.

— Привет, Солли!

На нем была зеленая рубашка, открытая у ворота, темно-синие штаны и кепочка с козырьком, в которой он ходил под парусом. Шеп показал его в кресле капитана на яхте.

«Привет, Ким. Рад тебя видеть».

По лицу Ким потекли слезы. Она знала, все время знала, что не надо было бы этого делать. Но психоаналитики в один голос твердили, что это лучшая терапия после неожиданной потери. Если ею не злоупотреблять.

— Ненавижу тебя за то, что ты сделал!

«Не было смысла погибать нам обоим. — Он улыбнулся, и Шеп показал улыбку именно такую, как надо. — Как ты?»

— Лучше.

Она глядела на него, мечтая, чтобы силой воли можно было его вернуть. Схватить это изображение, держать, не выпускать никогда. Почему-то казалось, что это будет просто. Протянуть руку и выдернуть его в мир.

«Как среагировали на новости, что ты привезла? Почетный караул был?»

— Решили не разглашать. Я говорила с Вудбриджем. Он беспокоится, как бы туда не полетели другие.

«Неудивительно».

— Если бы я могла поступить по-своему, я бы выяснила, где живут эти гады, и послала бы против них флот.

«Не очень похоже на миролюбивую Ким Брэндивайн, которую я знал».

— А я не миролюбива. Они убили Эмили. Убили тебя. — Он кивал, соглашаясь. — Солли, они лишили меня всего, что мне дорого!

«Не всего. Это преувеличение».

— Как ты можешь такое говорить?

«Потому что тебя ждет долгое будущее. Жаль, что меня при тебе не будет, чтобы разделить его с тобой. Но мы рискнули, и вышло не совсем так, как я рассчитывал. — Солли сдвинул кепочку набекрень. — А что тебе ответил Вудбридж?»

— Согласился, что они очень опасны и что контакта следует избегать.

«Да, они опасны, но, Ким, послушай…»

— Да?

«Вудбридж меня нервирует. Он слишком пра-

вильный».

Да нет, нормальный.

«Ты ему не говорила про Архивы?»

— Нет.

«Хорошо. И не говори. — Он посмотрел на нее долгим взглядом. — Что дальше?»

— Хочу уладить дела с Беном Трипли.

«Поедешь туда сама?»

— Завтра.

«О'кей».

— Не одобряешь?

«Дурак он набитый. Ты ему ничего не должна».

— Все-таки…

«О'кей. Только ты с этими людьми поосторожнее. Не доверяй никому из них».

— Солли, Бен вполне нормальный человек. Малость заведенный. Как бы там ни было, а я чувствую свою вину. Все считают, что Эмили убили Кейн и его отец.

«Может, так и было. Кто еще был на корабле?»

— Я все равно не верю.

«Тогда ты знаешь, что тебе надо сделать?»

— Конечно. Найти бортжурналы «Охотника».

23

Привычность и невидимость – две стороны одной медали.

Олан Кейбел, «Реминисценции», 516 г.

«Доблестный» стоял на полке, полированный и блестящий. Ким про себя ехидно улыбнулась, вспомнив, что Трипли не догадывается о сущности сверкающей безделушки. Нехорошее, конечно, чувство — ехидство, но никуда его не денешь.

— Я не была уверена, что вы согласитесь меня видеть. — Они были в офисе наедине.

Трипли скрыл эмоции за отстраненным тоном:

— А почему нет, Ким? — Он не встал из-за стола и не предложил ей сесть.

— Я не хотела, чтобы так вышло, как получилось, — сказала она.

— Я это знаю. — Он откинулся на спинку кресла. — Но все мы знаем цену благим намерениям. Вы уничтожили репутацию моего отца. — Бен не повышал голоса. — Он не убивал этих людей. Он никогда никому не причинил вреда.

— Я тоже так считаю. Я думаю, во время полета случилось что-то непредвиденное. Из-за чего и произошла трагедия. — Ким опустилась в кресло. Вся отрепетированная речь рассыпалась. — Это не моя вина.

— В той или иной степени — да. Но сейчас делу ничем не поможешь. Я знаю, что вы действовали не из мстительности. Лучше бы вы с самого начала меня послушали, когда я пытался вас предупредить. Но… — он пожал плечами, — сейчас уже немножко поздно.

— Бен, я никак не могла отказаться от этих поисков. Вопрос был в том, чтобы узнать правду.

— И вы узнали правду, Ким?

Ее глаза посмотрели на «Доблестный».

— Часть правды.

— Часть. — Тут загудел интерком на столе, Трипли взял трубку, послушал, сказал в нее, что займется этим позже, и вернулся к разговору. — И какую же правду вы узнали.

Действительно, какую! Что «Доблестный» — копия той штуки, которую экспедиция Трипли обнаружила по ту сторону от Сент-Джонса? Что «Охотник» подвергся вторжению внеземных существ? Как это объяснить? Она глядела на «Доблестный» как на священную реликвию.

— Скажите, откуда у вас эта модель?

Он бросил на Ким озадаченный взгляд:

— А при чем здесь она?

— Сделайте мне одолжение, Бен, расскажите.

Он пожал плечами:

— Я ее получил от бабушки.

Ким встала, подошла к модели, провела пальцами по панцирю:

— Можно?

— Конечно.

Она взяла кораблик и стала небрежно рассматривать.

— Я бы хотела такую штуку для моего племянника.

Он глянул на модель корабля:

— Могу сделать вам эскиз, если хотите.

— Была бы благодарна. Очень красивая вещь.

— Кажется, я уже говорил, что она принадлежала моему отцу?

Ким кивнула:

— Вам его передала бабушка.

Бен шевельнул желваками:

— Именно. Я так понимаю, это *она* вам сказала.

— И за это я тоже прошу прощения.

— Ничего страшного. У меня сегодня велико-

душное настроение. Скажите, а почему такой интерес к модели? Что в ней такого?

— Потерпите секунду, сейчас расскажу. — Ким поднесла модель к лампе, любуясь сверканием полированной поверхности. — Когда вы были мальчиком, вас не волновало, что у корабля нет ходовых труб? Главных двигателей? И вообще непонятно, как он перемещается?

— Ким, — спросил он в полном недоумении, — о чем мы вообще говорим?

Ким поставила перед ним корабль, села на стол и вытащила фотографию фрески Кейна. Бен взял ее, посмотрел, внимательно пригляделся к кораблю в руке Эмили. Еще раз поглядел на «Доблестного», нахмурился, включил настольную лампу.

— Откуда у вас это? — спросил он.

— Фреска на стене виллы Маркиса.

Бен глядел то на фотографию, то на модель.

— Это одно и то же?

— С виду — да.

— А каким чертом оно попало на картину Кейна?

Искренне удивленный, Трипли отложил фотографию, подложил ладони под модель и поднял ее, рассматривая, будто видит в первый раз. Он

разглядывал антенны, тарелки датчиков, люки. Внизу на корпусе была длинная дверь, то ли в грузовой трюм, то ли в ангар посадочного модуля. Вот знакомая кольцевая антенна гиперсвязи. А вот бугорок, который для мальчика мог быть ракетной установкой.

Вдруг лицо Трипли потемнело. Он взвесил модель на руке и нахмурился.

— В чем дело? — спросила Ким.

— Не понимаю. — Он смотрел на модель, взвешивая ее на руке. — Он кажется легче, чем был. — Бен поставил корабль на стол и почесал в затылке, провел пальцами по кормовой секции. — Странно.

Ким заметила, что он прищурился.

— Здесь на корпусе должна быть царапина. А ее нет.

— Не поняла.

— Тут была царапина. Ее можно было заметить, только если присмотреться. — Он пригляделся. — И пушка *не такая.*

Ким впервые заметила короткий штырь, торчащий из носа «Доблестного».

— В каком смысле — не такая?

Он тронул ее пальцем:

— Дуло закругленное.

— И что?

— А должно быть на ощупь неровным. То, что там раньше было, отломалось.

— То есть вы хотите сказать, что модель починили? Или…

— Это не моя модель. Это копия.

— Вы уверены?

— Конечно, уверен! — Бен положил модель на стол, продолжая на нее смотреть. — Черт меня побери, если я понимаю, как это может быть. — Он поднял фотографию фрески Кейна, потом нажал кнопку интеркома. — Мэри, зайдите, пожалуйста, ко мне.

Мэри, темнокожая девушка из приемной, просунула голову в кабинет:

— Да, мистер Трипли?

Он показал ей на «Доблестный».

— Это дубликат, — сказал он. — Вы не знаете, что случилось с оригиналом? Его кто-то разбил и поставил копию?

— Нет, сэр. Насколько мне известно, нет.

— Тогда я ни черта не понимаю, — сказал он, когда Мэри вышла. И посмотрел на Ким. — А *вы* об этом что-нибудь знаете?

— Нет. — Она тоже ощупывала модель, пытаясь найти зазубрину. — А эти повреждения всегда

были?

— Сколько я помню эту модель.

— Странно, — сказала Ким. Потом посмотрела на время и встала. — Ладно, я не хочу отнимать у вас целый день, Бен. Хотела только извиниться перед вами за причиненные хлопоты и еще сказать: я уверена, что, когда все выяснится репутация вашего отца будет восстановлена.

Он посмотрел на нее пристально, в упор.

— Расскажите мне, что вы знаете о «Доблестном».

Она покачала головой:

— Что вы можете знать, как он там оказался?

— Понятия не имею.

— Спасибо, что уделили мне время, Бен. — Она направилась к двери.

— Не за что. — На этот раз он поднялся. — Спасибо, что пришли. Вы дадите мне знать, если выясните? Насчет этой модели?

— Конечно.

Идя к двери, она чувствовала на себе его взгляд.

Ким ехала по главному тротуару, пытаясь разобраться в услышанном. Зачем кому-то красть *копию?*

Сойдя с тротуара, она смешалась с толпой на

променаде, откуда открывался величественный вид на океан.

Зачем?

Медленно бредя между магазинами, она прикидывала возможности. В магазинах торговали в основном сувенирами и одеждой. Вот «Транслюкс», где продают наборы для путешественников. Косметический салон. «Локис», торгующий играми и головоломками. В окне «Локиса» был выставлен постер, на котором художник нарисовал искаженную перспективу. На ней лестница поднималась от площадки к площадке внутри зала и потом, без видимого спуска, соединялась с нижней площадкой. По такой лестнице можно идти вечно и не прийти никуда. И все равно трудно было заметить, где меняется перспектива и лестница возвращается вниз.

Тут Ким поняла, зачем подменили «Доблестный». И кто это сделал.

Через десять минут она влетела в вестибюль «Интерстеллар». Она открыла дверь, ожидая увидеть только Мэри, но приготовив историю на случай, если встретит Бена.

Секретарша сидела в приемной одна. Когда Ким вошла, она подняла глаза.

— Здравствуйте, доктор Брэндивайн. Вы что-

нибудь забыли?

— Ручку, — сказала она, притворяясь, что рассматривает диван, на котором сидела. — А, вот она.

Ким вытащила приготовленную ручку из рукава и показала.

— Что ж, — сказала Мэри, — долго искать не пришлось.

— Да. — Ким пошла к двери, по дороге засовывая ручку в нагрудный карман. Перед столом она остановилась. — Кстати, Мэри, не скажете ли вы мне одну вещь?

— Конечно, если знаю.

— Эта история со звездолетом мистера Трипли. У вас что, проблемы с охраной?

— Нет-нет, насколько я знаю, никаких. Это впервые я услышала, что что-то взяли. Наверняка эта штука найдется. Кто-нибудь ее передвинул, когда убирал.

— А уборщики к вам приходят?

— Ночью.

Наконец-то все начинало складываться в картину. Все дело в восприятии, и Ким оказалась так же слепа, как Трипли. Но кто бы мог подумать?

Воодушевленная Ким спустилась на лифте и поехала в заповедник Бланшет. Оттуда она

взяла такси до Темпеста, сказав адрес Шейела. По пути она еще раз прорепетировала, что скажет ему — смесь предупреждений и поздравлений. В радужном настроении она была готова торжествовать, почти ожидая, что он при ее приближении выйдет шагом триумфатора. Увидев ее приезд, он поймет, в чем дело, и сам захочет показать свой трофей.

Конечно, тут были этические проблемы, но Ким их оставила на то время, что такси несло ее через ясный день. К ним можно будет вернуться потом. Ведь речь вообще не идет о *краже.* Шейел, как и она сама, просто хотел решить давнюю загадку. И взять след.

И видит Бог, они теперь возьмут след!

Показались стоящие вокруг дома деревья. Домашний ИР должен был сообщить Шейелу о прибывающей гостье, но двери остались закрытыми.

Ким вылезла и расплатилась.

Такси улетело.

Ким направилась к входу. Дом смотрел на нее молча.

— Шейел, поздравляю! — сказала она.

День был приятен и тих. Жужжали насекомые, голубая сойка смотрела с любопытством, сидя на

ограде фонтана.

— Шейел?

Ветерок потянул по верхушкам деревьев.

Ким заглянула в пустые окна. Сойка взлетела и села на крышу.

Ким включила коммуникатор. Ответил женский голос: «Прошу прощения, доктор Толливер сейчас не может разговаривать. Если хотите, можете оставить сообщение».

— Я Ким Брэндивайн, — сообщила Ким. — Я сделала для доктора Толливера некую работу. Не могли бы вы меня с ним соединить?

«Простите, доктор Брэндивайн, но он не любит, когда его беспокоят. Как только он ко мне обратится, я обязательно передам, что вы звонили».

И ИР отключился.

Где же Шейел? Надо было позвонить ему прежде, чем бросаться в такой дальний путь, но она думала, что он дома, и хотела застать его врасплох. И вместе с ним отпраздновать прорыв. Лично.

Она обошла дом вокруг, но никого не увидела ни внутри, ни снаружи.

Куда он мог деваться?

Есть только одно такое место.

Шейел всегда говорил, что очень мало действий

направляются разумом. Люди действуют под влиянием эмоций, восприятия, предубеждения. Они будут верить во все, во что привыкли верить, отметая все свидетельства противоположного. Пока не заплывут слишком далеко и не разобьются о скалы реальности.

Если она правильно вычислила Шейела, он сейчас сам напоролся на какие-то скалы. Она вызвала по коммуникатору Шепа.

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

«С удовольствием, Ким».

— Смоделируй мне одну сущность.

«Извини?»

— Считай это интеллектуальным упражнением.

Она сообщила ему все, что знала о захватчике на корабле, о твари в озере. Видимая внетелесность. Зеленые глаза. Зеленый оттенок. Электрические поля. Свободные молекулы водорода. Метан. Кислород.

«Модель я построить могу, — сообщил через несколько минут Шеп, — но не думаю, что такая форма жизни может развиться естественно».

Ким вызвала такси и сейчас смотрела, как оно подлетает.

— Не важно. Что у тебя получилось?

«Неравномерное распределение заряда по отдельным элементам».

— Объясни.

«Живая система, не требующая сплошной оболочки, кожи или панциря. Возможно, что скопления противоположных зарядов, заключенные, скажем, в кармане ионизированного газа, могут вполне эффективно функционировать в виде такой системы».

— Вроде живой батарейки.

«Это было бы сверхсильное упрощение. Объясняю более подробно…»

— Не надо, достаточно. Такая система может достичь разумности?

«Я не знаю точно, как определить разумность. Но она может выполнять очень сложные задачи».

— Например, вести звездолет?

«Вероятно».

— Откуда она будет черпать энергию?

«Ты указала на зеленый оттенок. Зеленые глаза. Это может указывать на присутствие хлоропластов. Они могут преобразовывать свет.

Ким велела флаеру взлетать.

— Как можно сражаться с таким созданием?

«Заманить его в зону особо сильных ветров.

Разделить молекулы. Приложить достаточно сильное внешнее давление, чтобы оно не смогло поддерживать свою целостность».

— Раздуть на части.

«Именно».

— У меня может не оказаться под рукой урагана. Что еще есть?

«Думаю, оно может быть уязвимо для короткого замыкания».

Ким направилась на такси в город, в магазин техники, где работала пожилая женщина в строгом черном костюме. Волосы у нее были седые, лицо спокойное. Она казалась здесь неуместной — из тех блестящих культурных дам, которые ведут разговоры об искусстве в собственном салоне.

— Могу ли я вам помочь? — спросила она с безупречной дикцией.

— Да, — ответила Ким. — Мне хотелось бы знать, не заказывал ли вам недавно кто-нибудь модель звездолета? — Она показала фотографию «Доблестного». — Вот такого вида.

— Вы знаете, да, — ответила женщина, приглядевшись. — Нечто подобное мы делали. У нас даже образец остался.

Ага, Шейел, попался!

— А вы не могли бы сделать такой же для меня? — спросила Ким.

— Ту же модель?

— Да, если можно.

— Будем рады. — Женщина посмотрела на экран, выбирая время. — Завтра в это время вас устроит?

— Ой, — сказала Ким, — боюсь, что нет. Я здесь проездом. Уезжаю ближайшим поездом. Я думала, вы сможете это сделать при мне.

Женщина кивнула, поглядела на экран.

— Это займет около часа.

— Вполне годится. Сделайте, я через час приду.

— С доплатой за срочность.

Третье издание «Доблестного» было не хуже двух других. Когда все это закончится, будет отличный сувенир.

Владелица упаковала игрушку, получила плату, и Ким поехала на станцию, успев увидеть хвост грузового поезда, уходящего на восток. Он мигнул огнями, когда ее поезд выезжал из-за поворота.

Поездка от заповедника до Орлиного Гнезда занимала почти два часа. Ким попыталась поспать, но была слишком напряжена. Оставив попытки, она стала просто смотреть в окно.

В двадцать минут девятого по местному времени она вошла в вестибюль «Шлюза», зарегистрировалась, поднялась к себе в номер и включила телефон.

— Мне нужен флаер сегодня вечером.

«Будет сделано, доктор Брэндивайн, — ответил электронный голос, не мужской и не женский. — Вам какую модель?»

— Ту же, что была у меня в прошлый раз, если есть.

«Есть. Что-нибудь еще вам угодно?»

Ким подумала:

— Да. Распятие, осиновый кол и серебряную пулю.

«Простите?»

— Нет-нет, это шутка.

Потом она позвонила в спортивный магазин «Плаза» и заказала портативную микроволновую печь.

— Я еду в заповедную зону, где запрещено разводить костры. «Ага, — сказал автоматический клерк. — У нас как раз такая есть. Какой размер предпочитает мадам?»

— Самый большой из всех, что у вас есть.

«Семейный. Очень хорошо. В такой печи можно приготовить большую лесную птицу».

— Вот и прекрасно, это то, что мне нужно.

Оставалось только время наскоро перекусить, и отель известил, что флаер ее ждет, а пакет из «Плазы» доставлен. Ким натянула куртку, оглядела комнату. Последний раз в «Шлюзе» с ней был Солли. И уговаривал ее не возвращаться в Северин без него.

Ким сунула в карман лазерный резак, подобрала запасной экземпляр «Доблестного» и вышла на крышу.

Через десять минут она летела на юг по ночному небу, озаренному дальними вспышками молний над западными горами. Красивый был вечер, ясный и тихий. В легкой дымке поднимались две луны. Еще одна стояла прямо над головой.

Вдали начали таять огни города. Ким попыталась расслабиться в затемненной кабине, предвкушая реакцию своего старого учителя. Она думала, он будет рад ее видеть, показать свой трофей. И, может быть, будет рад иметь свидетеля, которого можно увлечь за собой. Но в этом Ким не была уверена.

На экранах показался воздушный экипаж, ближе к востоку, идущий параллельным курсом. Это был черно-белый «Всадник туч» — шикарная ма-

шина, любимая важными шишками и главами корпораций.

Ким смотрела ему вслед, пока он не свернул и не исчез.

«Доктор, вы не указали место назначения», — напомнил ИР по имени Джерри.

— А у нас его пока нет, — сказала она. — Держись курса на юго-запад, к пику Надежды.

До нее начало доходить, что Шейел вряд ли захочет отдавать «Доблестный».

Обязана ли она — с этической точки зрения — требовать его возвращения? Настаивать? Может быть. Но в глубине души ей было приятно, что Шейел смог им завладеть. И на самом деле ей не хотелось видеть, как он вернется к Трипли. Какое у него право на подобное сокровище? Оно досталось ему случайно, и он сам не понимал его значения.

«Мы прибыли, доктор, — сказал Джерри. — Каковы ваши дальнейшие инструкции?»

Внизу ничего не было видно. Даже озеро терялось во мраке.

— Кружим, — сказала она. — Высота шестьсот метров. Вдоль береговой линии. Ищем приземлившийся флаер.

«Я вам сообщу, если обнаружу».

Машина пошла вдоль береговой линии. Ким искала свет, но видела только сплошную темноту. Через некоторое время Джерри доложил, что описал полный круг.

«Ни на земле, ни в воздухе вблизи нас нет воздушных судов», — сообщил он.

— Ты уверен?

«Да. Пожелаете расширить зону поиска?»

— Нет. — Шейела здесь пока нет, но он прилетит еще до утра. — В деревне есть открытое место, можешь там сесть. Но дверь не открывай.

У Ким не было иллюзии, что закрытая дверь может остановить этих *созданий.* Но так она чувствовала себя спокойнее.

Она положила руку на микроволновку, попыталась еще раз вызвать Шейела, но опять нарвалась только на ИР.

Она была почти уверена, что знает, как Шейел собирается поступить с «Доблестным»: он должен быть приманкой, заманить фантома, тот *объект,* который остался после катастрофы на пике Надежды. Шейел Толливер хотел провести первый контакт. Он верил, как верила когда-то она, будто имеет дело с существом, способным воспринимать разумное. С таким, с которым можно вести разговор.

Смертельно опасная наивность.

Флаер опустился между разрушенными домами. На безоблачном небе уходили в бесконечность звезды.

Ким выключила огни, но двигатель глушить не стала.

24

Забавно и странно, что люди, считающие свой взгляд на мир научным, упрямо опровергали – перед лицом свидетельств противного, – что призраки существуют, что они проявляют себя и что они, по всей видимости, особо интересуются домами на океанском побережье.

Эми Конн, «Знаменитые призраки Сибрайта», 591 г.

Разрушенные дома отбрасывали в лунном свете длинные тени. С озера задувал резкий холодный ветер, завывал в покинутом городе и сотрясал флаер. Ким надоело сидеть в машине и выглядывать наружу, как испуганный ребенок. В конце концов она открыла дверь и вылезла на землю, но была настороже.

Где-то около полуночи Джерри нарушил ее размышления:

«Приближается воздушное судно».

На экране появилась отметка. Флаер летел с юго-запада, от острова Терминал.

Ким вернулась в кабину.

— Можно его вызвать? «Попытаюсь».

Ким нащупала за спиной дубликат «Доблестного» и поставила рядом с собой на сиденье.

«Канал открыт, доктор Брэндивайн».

— Шейел, это ты?

— Ким! — с неподдельным удивлением произнес Шейел. — Где ты?

— Мне за тебя стыдно, — сказала она. — Ты взял звездолет этого человека.

Долгая пауза.

— Да, я это сделал.

— И что ты собирался с ним делать?

— Хочу поговорить с его пилотом. Если получится. Буду рад, если ты будешь со мной. Где ты?

— На земле. В деревне.

— На востоке есть полоска открытого пляжа. Я сяду там.

Ким глядела на приближающиеся огни.

— Это невозможно, Шейел. То, что ты задумал.

Голос Шейела прозвучал разочарованно и удивленно:

— А почему?

— Чем бы ни был местный гоблин, разговаривать с ним не получится.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. Поверь мне на слово. Он вроде ИРа,

лишенного тела. Создан для выполнения определенных функций, насколько я могу судить. Может быть, нечто вроде автоматического пилота. Но переговоры он вести не может.

— Давай обойдемся без поспешных заключений, Ким. — Флаер начал снижаться. — Все указывает на то, что он разумен.

— Эта штука сумасшедшая, Шейел. И опасная.

— Он здесь потерян и одинок. Застрял здесь почти на тридцать лет. Начать надо с того, чтобы это понять.

— Шейел…

— Если хочешь поздороваться с незнаемым, то нет другого способа это сделать, кроме опасного. Я принимаю эту возможность. Но о злонамеренном ИРе я никогда не слышал.

— А я слышала.

— Ты даешь волю своему воображению, Ким.

— Нет, черт возьми! Я знаю, о чем я говорю. Брось это, хотя бы до тех пор…

— Кажется, ты перепугалась, Ким. Ты меня огорчаешь. Но я тебя понимаю, после того, что тебе пришлось…

— Шейел, не будь глупцом! Это та штука, которая скорее всего убила Эмили и Йоши. Послушай, давай этой ночью все обсудим. Прилетай в Орли-

ное Гнездо, выслушай меня. Если утром ты еще захочешь это сделать — ладно, я буду с тобой.

Огни флаера исчезли за деревьями.

— Ким, ты знаешь достоверно о ком-нибудь, на кого он напал?

— Нет, но…

— Вот в этом и дело. Сегодня мы с тобой будем творить историю. Ты со мной?

— Шейел…

— Ты знаешь, что у меня на борту?

— Да, знаю.

— Нет, не знаешь. Ты думаешь, у меня копия инопланетного корабля.

— Нет, у тебя *сам* этот корабль.

— О! — В голосе Шейела зазвучало уважение. — Молодец, Ким. Просто молодец. Давно ты знаешь?

Она хотела соврать, сказать, что поняла, как и он, когда увидела одинаковые корабли на фреске и в офисе Трипли.

— Какое-то время. Ты ведь не сказал мне всей правды?

— Ты насчет разговора с Йоши? Да, не сказал. Немножко утаил. Она сказала мне, что они везут корабль. Но на вопросы отвечать не стала. Сказала, что я скоро все узнаю.

— И что ты подумал? Что они его спрятали где-то вблизи нашей системы?

— Честно говоря, Ким, я не знал, что и думать. Заподозрил, что они привезли что-то совсем не такое, как мы ожидали. И я не был уверен, что они не спрятали это в озере. Вот почему я сюда так часто приезжал. — Слышно было, как выключили двигатель и открылась дверь. — А теперь мне надо все подготовить. Прилетай ко мне, если хочешь.

— Лучше бы ты этого не делал, Шейел.

Ким приказала флаеру взлететь, найти вторую машину и приземлиться рядом. Он взлетел и направился вдоль берега к востоку.

Машина Шейела стояла на пляже Кабри, где Ким высаживалась с Солли.

— Осторожнее, — сказала Ким флаеру, хотя в этом не было нужды. Места было еще много. И обратилась к Шейелу: — Мы не знаем, что может сделать это создание, если получит свой корабль.

— Ничего оно с ним не сделает. — Шейел стоял рядом с флаером, вытаскивая что-то из грузового отсека.

— Почему?

Машина Ким приземлилась среди высокой тра-

вы. Ким открыла дверь и выскочила на землю.

— Потому что я его просканировал. Он работает на антиматерии. А сейчас он без горючего. Без антиматерии.

— А!

— Так что теперь мы знаем, что взорвало склон пика Надежды.

— Кажется, да.

Шейел вытащил из флаера раскладной стол, закрепил его ноги и поставил на песок возле воды. Покачал, проверяя, что стол стоит прочно.

Потом открыл футляр, убрал его и вытащил «Доблестного». Посмотрел на него пристально и почтительно и поставил на стол.

Ким могла бы отобрать его силой. Могла бы забросить в свой флаер и улететь. Но что-то ее остановило. Невозможность такой грубости по отношению к старому учителю, желание посмотреть, что будет, а может быть, просто нежелание принимать решение.

Какова бы ни была причина, она не стала этого делать.

Шейел принес аккумуляторную лампу, поставил на стол рядом с кораблем и включил. «Доблестный» засверкал. Ким подошла ближе, пытаясь принять то, что уже знала: этот корабль

построен инопланетянами. Он летал среди звезд. В нем заключалась сущность, подобная той, что витала в коридорах «Хаммерсмита».

Шейел внимательно смотрел на нее. Впервые она увидела в его глазах недоверие.

— Красивый, правда?

— Ты говорил, что просканировал его. Что там внутри.

— Если не считать прыжковой и ходовой систем, точнее их отсутствия, вполне как наш. Центр управления, жилые помещения, кабина пилота или что-то в этом роде. Без кресел. Сидеть не на чем.

— А ходовой системы нет?

— Я не нашел. Но надо, чтобы его посмотрели специалисты.

Ким вспомнила о предложении Кейна помочь.

— Может быть, он терпел бедствие, когда «Охотник» его нашел.

— А почему ты…

Его внимание отвлеклось чем-то на озере. Ким проследила за его взглядом и увидела отражение. Может быть, далекой молнии. Она посмотрела на пик Надежды и увидела вспышки у вершины.

— У тебя есть фотографии того, что внутри? — спросила она.

Он медленно повернулся к ней.

— Да.

— Можно посмотреть?

— Конечно.

Но он не шевельнулся их доставать. Внимание Шейела было все на озере.

Она снова увидела яркое пятно. Далеко, но на этот раз ярче. Ой-ой.

Правая рука Шейела поднялась в жесте торжества.

Там, над водой, могло быть облако светлячков, но оно двигалось с пугающей точностью, поднимаясь на глазах по спирали — облако, дымка, туман.

Шейел вскинул вторую руку.

— Назад! — сказала Ким. — Во флаер!

Облако засверкало звездочками, заклубилось, заиграло. И стало намного больше. И ярче.

— Оно идет сюда, — сказала Ким.

— Привет! — крикнул Шейел, и эхо донеслось ему в ответ. — Я знаю, что вы меня не понимаете. Но говорить нам надо.

Облако было красиво, но его целеустремленное приближение пугало Ким.

— Мы принесли ваш корабль! — Шейел повернулся, показывая на «Доблестный».

Налетел порыв ветра, сотрясая деревья. Ким вдруг заметила, что среди деревьев садится еще один флаер. Тот самый «Всадник туч». Он мигнул огнями и выключил двигатель. Шейел был слишком занят, чтобы это заметить.

Через секунду из леса вышли три человека, двое мужчин и женщина. Они оценили обстановку и рассыпались цепью. Кажется, у них было оружие. И тут из лесу вышел четвертый.

Трипли.

— Мы хотим с вами говорить! — продолжал обращаться Шейел к явлению. — Мы ваши друзья!

Облако приближалось.

Ким оценила дистанцию между собой и флаером, посмотрела, куда идут вновь прибывшие — на случай, если она решит схватить корабль и бежать.

Трипли стоял и смотрел, переводя глаза с Шейела на облако и обратно. Он оказался не так туп, как думала Ким.

Облако было в нескольких метрах от берега. Оно плыло над водой, будто вода его поддерживала. В нем возникли несколько светящихся пятен, рассыпались случайным образом по верхнему уровню, и Ким увидела, как они превращаются в глаза — точно такие, как на затопленной вилле

Кейна.

Люди на берегу застыли.

Глаза были безумны. В них не было холодной злобы, как в тех, на борту «Хаммерсмита». Безумие в чистом виде.

Ким подалась к своему флаеру.

Там, где эта сущность касалась поверхности, вода рябила и клубилась, и Ким вспомнила исчезнувшие следы на снегу.

Трипли оказался рядом с ней.

— Боже мой, Ким, — шепнул он, — что это за штука?

Бывшие с ним люди достали оружие. Они были одеты в серые мундиры и вели себя профессионально. Женщина стояла в нескольких метрах от Ким. Нашивка с фамилией гласила: «БРИКЕР».

— Я думаю, это экипаж «Доблестного», — сказала Ким, поняв, что раз Трипли здесь, то он знает правду о своей игрушке. И ей понравилось, что она смогла сказать это нормальным голосом. — Хорошо, что вы привели подмогу.

— Охрана. Я думал, что вор может оказаться опасным.

— Вы за мной следили?

— Конечно. У вас масса талантов, Ким, но актерского среди них нет.

Шейел шагнул в воду, продолжая говорить, поднимая руки в приветствии. Изумрудное сияние разгоралось и гасло, будто внутри билось огромное сердце.

— Прочь от него, Шейел! — крикнула Ким.

Оно напоминало пелену, прозрачное, бледное, неземное. На глазах у Ким Шейел зашлепал к нему, и оно раскрылось, чтобы его охватить. Резкий порыв ветра почти развеял облако, можно сказать, *вывел из фокуса.* Но оно быстро собралось.

Охранники Трипли шепотом обменялись несколькими словами и подняли оружие.

Шейел будто вдруг осознал опасность. Он закричал, упал назад, а эта сущность одним движением поднялась и охватила его со всех сторон.

Охранники ждали команды стрелять, но Трипли колебался.

Сквозь складки пелены был виден силуэт Шейела. Тело сотрясали судороги. Пелену пронизывали вспышки зеленого света.

Потом Шейел обмяк, и оно бросило его дымиться на мелководье, а само поплыло к берегу. Ким поняла, что оно направляется к столу и к «Доблестному».

Трипли дал сигнал, и его люди открыли огонь.

В лесу завопили перепуганные звери.

Охранники расположились грамотно, и существо попало под перекрестный огонь. Шипя, прорезали темноту лазерные молнии. Они ударяли в эту тварь, и она дергалась, пронзенная цветными взрывами. Иногда выстрелы уходили мимо, разрывая озеро и лес. Ночь наполнилась паром, гейзерами, криком. Вдруг существо с поразительной быстротой метнулось в сторону и обволокло охранника.

Ким бросилась на помощь, но Брикер почти небрежным движением сбила ее с ног.

— Не лезь, лапонька, — сказала она. — Погибнешь ни за грош.

Трипли, у которого не было оружия, вытащил ее из-под огня.

Поляна превратилась в каскад ослепительного света, величественное пиротехническое шоу. Крики смешались с воркотом лазеров и писком птиц.

Ким вспомнила о своем оружии, вырвалась из рук Трипли и побежала к своему флаеру.

Битва шла вдоль береговой линии, озаряемая яркими вспышками. Пелена отпустила свою жертву, оставшуюся недвижно лежать на песке, и повернулась к Трипли. Ким показалось, что

в безумных глазах сверкнуло узнавание. Не обращая внимания на двоих стрелявших, пелена поплыла к Трипли. Он оглянулся в поисках оружия, но ничего лучше палки не было.

Двое оставшихся охранников обрушили на существо всю свою мощь. Оно задрожало, раздался странный вой, но тварь тут же обрушилась на Трипли, обволакивая его амебными складками.

Ким вытащила микроволновку из футляра — она была похожа на складную жестянку. Потянув за края, Ким раскрыла ее в куб размером примерно в полметра.

Существо вместе с Трипли исчезло в лесу. Охранники бросились следом, все еще стреляя, но уже не так часто, Поскольку батареи начали садиться. Лес озарился вспышками. Разлетелся ствол дерева, кто-то вскрикнул — неясно было, мужчина или женщина.

Ким поставила куб на землю и развернула магнетрон — оранжевый шарик размером с бейсбольный мяч. Его она вставила в гнездо.

Рубиновые вспышки лазеров за спиной стали еще реже. Потом прекратились совсем. Осталась только медленная пульсация зеленого свечения.

Стало абсолютно тихо, только слышалось ее собственное трудное дыхание.

Зеленый свет направился к ней.

Ким подумала, не бросить ли все, прыгнуть в свой флаер и убраться, но это значило бы бросить именно *все.* И «Доблестного» тоже.

Пелена проплыла сквозь кустарник, остановилась.

Безумные глаза уставились на Ким.

Господи!

Оно меня знает.

Оно приняло меня за Эмили!

Ким вытащила из контейнера блок батарей и пульт дистанционного управления. Сунув пульт в карман, она автоматически прочла надпись на батареях. Тысяча ватт в течение четырех часов. Она стала подключать батареи к устройству, но руки не слушались, она уронила батареи, подобрала, стараясь не отрывать глаз от пелены.

Пелена ждала. Смотрела. Давала ей время.

Кретин.

Будто прочтя эту мысль, пелена раскрылась как гигантский цветок, готовясь ее поглотить. В прозрачных складках пульсировал электрический свет.

Ким подключила батареи, вытащила лазер и стала вырезать круглую дыру в передней панели. Тварь придвинулась ближе, перекрыв доступ воз-

духа. Глаза исчезли, Ким окатило волной тепла от сгустившегося тумана.

Выбив кулаком вырезанный диск, Ким поставила печь на ножки, навела прямо вперед, чуть наклонила вверх и нажала кнопку на пульте.

Тварь задергалась.

Ким не снимала пальца с кнопки, а пелена дергалась и трещала. Ким поймала электрический разряд в плечо, услышала запах горелого мяса, но стиснула зубы, не крикнув, приподняла печь и повернулась с ней кругом. Туман дергался отскакивал от невидимого луча.

Ночь наполнилась электричеством. Облако отступило и задергалось в головокружительном крещендо. Вдруг остались только туман и угасающие искры, как в костре, когда в него выплеснут ведро воды.

— С приветом от Солли, — сказала она, продолжая расстреливать облако.

Оно плыло обратно к озеру, против ветра.

Против ветра.

Значит, жив еще, гад.

Ким зашлепала за ним по воде, неуклюже держа печь и продолжая стрелять. Вода поднялась до бедер. Ким оступилась, качнулась вперед. Печь выпала в воду.

Ким подобрала ее, подняла в руках и снова нажала кнопку на пульте. Печь зашипела, пустив клуб черного дыма.

Ким бросила ее, поспешила к берегу и вытащила Шейела из воды. Потом побежала в лес, увидела Трипли, скорчившегося у дерева, Брикер лицом вниз на полянке, двух валяющихся в кустах охранников. Все с виду мертвые.

Светлячки над озером кружились и набирали силу. Ким подобрала «Доблестного», перенесла его к флаеру и бросила на заднее сиденье рядом с дубликатом.

— Джерри, — велела она ИРу, — взлетаем. Обратно в отель.

Пелена собиралась снова. На глазах у Ким она становилась крепче, ярче, но тут флаер поднялся в воздух. К ее ужасу, пелена отделилась от озера и полетела за ней.

— Быстрее, как можно быстрее! — велела Ким флаеру. Они взлетели среди рассеянных туч в небо, полное лун. Внизу, поднимаясь вслед за флаером, пелена выпускала щупальца. Она менялась, меняла форму сама пелена, сворачиваясь в шар. За ней плыл туман, как хвост за кометой.

Этой штуке нужен «Доблестный». Больше ничего ей не нужно.

Вернулись старые воспоминания? Ким была уверена, что эта штука спутала ее с Эмили. И она намеренно бросилась к Трипли, который стоял в сторонке и никому не мешал.

— Джерри, свяжись с воздушными спасателями.

«У нас трудности, доктор Брэндивайн?»

Ким пришлось подавить истерический ответ.

— Небольшая проблема.

Джерри открыл канал, и ответил мужской голос:

— Служба спасения в воздухе. Пожалуйста, назовите себя.

— Ким Брэндивайн. Я на флаере «редберд». — Джерри передал номер корпуса и описание машины. — У нас беда.

Пелена быстро нагоняла.

— Пожалуйста, опишите суть вашей ситуации, Ким.

— Да, это немножко непросто. Возле деревни у озера Печаль лежат пять человек. Вы их найдете без труда. При них два флаера.

Это привлекло внимание оператора:

— Что с ними?

Датчики поймали пелену, и на экране замигал ее маркер.

— Они убиты.

Долгая пауза, затем новый голос — на этот раз женский.

— Ким, говорит супервизор службы спасения в воздухе. Вы докладываете об убийстве?

— О *пяти* убийствах.

«Доктор Брэндивайн, — сказал Джерри, — у нас позади источник энергии. Я не могу определить его природу».

— Неудивительно.

— Ким, опишите, пожалуйста, обстоятельства, в которых вы находитесь, и суть аварийной ситуации. Вы ранены?

«Он приближается, — доложил Джерри. — Он опасен?»

— Смертельно, — ответила Ким. — Не давай ему догнать.

«Мы летим почти на максимальной скорости».

— Я не ранена, — сообщила Ким службе спасения, хотя левое плечо горело и болело адски. Кроме того, она растянула колено, когда падала с микроволновой печью.

— Что случилось с людьми у деревни? Кто их убил?

«Он приближается, — доложил Джерри. — При нашей скорости он догонит нас примерно через

девяносто секунд».

— Быстрее лететь можно?

«Мы летим на максимальной тяге, доктор Брэндивайн».

— Служба спасения, — обратилась Ким, — тут у нас напряженка. Если со мной что-нибудь случится, используйте микроволновку.

— Повторите, Ким.

— Нет времени.

— Вам на помощь вылетает наряд. Нам бы очень помогло, если бы вы описали вашу ситуацию. Постарайтесь сохранять спокойствие.

Ким отключила рацию.

— Джерри, мы можем послать им картинку этой пелены?

«Картинку чего?»

— Нашего преследователя.

«Да, можем, доктор Брэндивайн». — Посылай.

Озеро бешено проносилось внизу. Береговая линия скрылась из виду. Пора принимать решение.

Черный и красивый, лежал на заднем сиденье «Доблестный». *Какие ты миры видал, дружок?*

Ким открыла футляр с дубликатом и включила свет. Даже копия могла стоить небольшого состояния.

«Ким, извещаю, что я передал изображение

службе спасения в воздухе, а запись этого полета отправил диспетчеру».

— Отлично, посмотрим, что они с этим сделают. — Ким взяла дубликат и положила рядом с собой. — Открой дверь, Джерри.

«Прошу прощения, я не могу это сделать. Открывать дверь в полете опасно».

— Это необходимо, чтобы избежать контакта с нашим преследователем. Открывай.

«Прошу вас, не обижайтесь, доктор Брэндивайн, но я знаю только то, что та машина выглядит странно, а о ее опасности для нас я могу судить только с ваших слов».

Ким вздохнула и посмотрела вниз, ища панель, которую показал ей Солли. Нашла она ее почти сразу и быстро открыла. Кабель в желтой оплетке.

— Прости, Джерри, — шепнула она и выдернула вилку. Перебросив те же выключатели, что тогда включал Солли, она взяла машину под ручное управление.

Флаер опережал пелену на считанные секунды. Сквозь складчатые вуали проглядывали звезды, и среди них три гиганта Пояса Ориона — Минтака, Алнилам и Алнитак.

Быстро приближался северный берег. Ким спу-

стила машину к воде.

Пелена не отставала. Ким взяла в руки дубликат звездолета, отстегнула ремни и открыла дверь. Ветер взвыл и попытался ее захлопнуть. Ким вставила ногу, придерживая дверь, и вздохнула. Хотелось бы показать корабль, чтобы преследователь его видел, но только она просунула его в щель, как ветер вырвал звездолет у нее из рук.

Он завертелся и упал в воду.

Но пелена, к ужасу Ким, будто и не заметила его, продолжая приближаться. Либо она не видела приманки, либо распознала подделку.

Ким пробурчала ругательство, которого до этого дня не употребляла, и схватила «Доблестный», *настоящий.* Попыталась определить свое местонахождение. Сто метров от берега. Пеленг на сломанный пирс — тридцать градусов. Слева в воду выдается коса.

С колотящимся сердцем Ким выбросила за борт самый ценный артефакт за всю историю человечества.

Но пелена все равно не свернула.

Пелена гналась *за ней.*

Машина взмыла от воды, чуть не зацепив верхушки деревьев.

— Идиот тупой! — крикнула Ким, когда дверь с

лязгом захлопнулась. — Я его в озеро выбросила!

25

Отвага порождается нуждою.

Уильям Шекспир, «Король Иоанн второй», 1596 г. н.э.

Флаер летел слишком медленно.

Пелена догоняла. Уже можно было рассмотреть глаза — на этот раз их было четыре, расставленные в передней секции облака, как окна в кокпите флаера.

Облако подтянулось к хвосту флаера, заполнив кормовой экран, пристально глядя, будто оно видело сквозь систему наблюдения, видело Ким. Оно *коснулось* машины, начало поглощать рули и задние сопла. Ким дернула ручку на себя, резко набирая высоту. Облако попыталось повторить маневр, но поворот был слишком крут, и оно распалось, рассыпалось по небу. Ким поздравила себя, выровняла машину на двух тысячах метров и повернула к Орлиному Гнезду — на максимальной скорости.

Спасатели окликали ее, спрашивали, что происходит, где находятся тела, в чем суть аварийной ситуации, и предупреждали о немыслимых штра-

фах, если посланные ею изображения окажутся виртуальными.

— Эта штука настоящая, — заверила их Ким.

— Что это такое?

Позади снова начали собираться светлячки. Вот гад!

— Ким, что там у вас происходит?

— Меня преследует *нечто.* Что именно, я не знаю.

— Ладно, держитесь от него подальше. Помощь уже идет.

— Скажите им, чтобы они поосторожнее. Эта штука смертельно опасна.

— Что вы еще можете о ней сказать?

— Что ее разрушают направленные микроволны.

— Микроволны. — Разговор в сторону от микрофона. — Откуда она появилась?

— Не знаю. Но она собралась снова у меня за кормой и меня преследует.

— Будем на месте через пару минут.

Ким увидела приближающиеся от Орлиного Гнезда огни.

— Спасибо.

Сейчас она опережала пелену на несколько километров, и та казалась просто размытым об-

лачком на фоне луны. Но было видно, как снова формируется комета и начинает двигаться на фоне других облаков.

Датчики сообщили, что комета набирает скорость. Приближается быстро, и скорость приближения увеличивается.

Ким ждала, наблюдая за ее приближением, как она заполняет небо за кормой. С экранов злобно смотрели безумные глаза. Когда Ким не могла больше выдержать, когда пелена стала заволакивать хвостовое сопло, она снова резко вывернула флаер, заставив облако кувыркаться по небу.

Идиотская проклятая тварь.

Длинные щупальца коснулись правой плоскости крыла. Огни погасли, на консоли яростно замигал красный сигнал, и двигатель заглох. Флаер стал падать. Небо завертелось штопором, желудок Ким попытался выскочить через горло. Отказ двигателя — предполагалось, что этого не может случиться никогда. Но если это случится, до перезапуска надо выждать минуту. Чтобы автоматика проверила линии. Ким сдерживалась, сколько могла, пока флаер кувыркался вниз. Потом нажала кнопку. Магнетика сработала, двигатель завелся.

Проносились холмы и деревья.

Ким дернула штурвал на себя, сумела набрать высоту выше препятствий, но продолжала лететь низко. В более плотном воздухе. Наверное, пелене двигаться в нем труднее.

Ее не было на экранах, но были видны ее остатки, длинные перистые хвосты на фоне звезд. А красная лампа все еще мигала.

Аккумуляторы.

Ким запросила состояние источника питания.

ПРИ ТЕКУЩЕЙ ИНТЕНСИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАШИНА МОЖЕТ ПРОДЕРЖАТЬСЯ В ВОЗДУХЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ.

— Ким! — новый голос, мужской. — Берите на северо-восток и набирайте высоту. Мы ее перехватим отсюда.

Сверху и справа показался патрульный флаер полиции.

— Рада вас видеть, парни! Будьте начеку, с этой заразой шутки плохи.

Пелена собиралась снова.

Появился второй полицейский флаер. Ким поискала их частоту, надеясь услышать, что они говорят друг другу, но без Джерри ей это не удалось.

Тревожная лампа яростно мигала. Садись, пока

не хлопнулась. В других обстоятельствах Ким выбрала бы ближайший клочок земли, но сейчас она продолжала лететь курсом на Орлиное Гнездо.

Полиция открыла огонь из мощных лазеров. Больших, куда больше тех, что были в руках у людей Трипли.

Под огнем лучей пелена зарябила оранжевым и белым. От нее стали отлетать куски. Взмыли в воздух щупальца, и создание стало таять.

Полицейский флаер подлетел ближе и стал расстреливать облако в упор.

— Может, не надо… — начала Ким.

Это было похоже на мини-грозу, но вдруг разряды прекратились, огни погасли, и флаер полиции исчез в темноте. Чуть позже возле самой земли взорвался огненный шар.

Радио замолчало.

Запасов энергии должно было хватить на тридцать минут. Напряженно. Где же можно приземлиться, чтобы эта чертова штука не достала?

— Ким, продолжайте движение. — Снова спасатели. — Уходите из этого района.

— Пытаюсь. — Небо за кормой потемнело. — Стрельба здесь прекратилась.

— Мы знаем.

Локаторы снова нашли пелену.

— Нужно что-то поэффективнее лазера. У вас есть что-нибудь, способное давать направленные пучки микроволн?

— Ищем. Ким, вы быстрее можете?

— Я теряю энергию. Не уверена, что доберусь до города.

— Все равно. Держите на восток. Подальше от гор. Ищите место для посадки. Мы подняли еще машины.

На восток.

— Если на этот раз у вас не будет ничего получше, люди снова погибнут без толку. И я вместе с ними. Наверное, стоит вызвать флот.

— Поверьте нам, мы свое дело знаем.

Ага, как же.

Пелена снова приближалась, набирая скорость в ночном небе.

Чертов дурак Шейел. Почему никто никогда не хочет слушать?

Цепочка огней убегала внизу, устремляясь к горам. Мирная, обычная, обыденная ночь. Летящий на помощь флаер на экране пока не показывался. В этой просторной тишине двигались только поезд и преследователь Ким. Но она сумела от него существенно оторваться.

И все же это создание намеревалось ее убить, и Ким не видела, чем она может этому помешать.

Цепочка огней начала уходить из виду — поезд входил в туннель Калбертсона.

Ким смотрела ему вслед.

— Служба спасения, какой длины Калбертсон?

— Двадцать шесть километров, Ким. Почему вы спросили?

Ким бывала внутри, и сейчас она представила себе туннель. Но вспоминалось только, что там темно и ничего не видно.

Она посмотрела на расписание поездов в Орлиное Гнездо. Полдюжины пригородных и восемь пассажирских дальнего следования. Грузовых поездов было больше, но их расписание было не так точно. Триста четвертый должен был идти вскоре из Уорлденда с западного побережья. Товарный. Везет флаеры, Мебель, строительные материалы. Девять вагонов, полная автоматизация. Людей на борту нет. Должен прибыть через двадцать минут.

Ким открыла канал к службе спасения в воздухе.

— Можете проверить, прибывает ли сегодня триста четвертый и идет ли он по расписанию?

— Могу, конечно. — Пауза. — А зачем?

— Сделайте, объясню потом.

Ким вызвала карту маглевных маршрутов. Товарный пойдет по западной линии. Через Калбертсон. Его скорость на открытом месте равна 400 километров в час. Но в туннеле под горой он снижает ее до 220.

— Поезд прибывает вовремя, Ким, — ответил спасатель. — По расписанию.

— До секунды?

— То есть?

Она рассказала, что хочет сделать. Слышно было, как он затаил дыхание. Этого делать нельзя. Слишком опасно. Он считает, что она должна просто лететь вперед, а они тем временем уберут эту пелену.

— Не получится. Лазерами ее не убить, а у меня кончается энергия. На земле оно меня возьмет голыми руками.

— Почему оно за вами гонится?

— Мои политические взгляды ему не нравятся! — огрызнулась Ким. — Не знаю. — В небе появились новые огни. — Ваши люди прибыли.

— Ладно, продолжайте движение.

Ким насчитала четыре полицейских флаера. На этот раз они держали дистанцию и стреляли издали, уходя в сторону, когда облако повора-

чивало к кому-нибудь из них. Ким восхитилась координацией экипажей, атакующих под разными углами. Но облаку, кажется, особого вреда все это не приносило.

Ким направила флаер к туннелю.

Красные и белые лучи лазеров за спиной полосовали, как сабли. Потом Ким изменила угол, и уже их не видела.

Небо позади озарилось вспышкой.

Служба спасения несколько минут молчала. Теперь она заговорила:

— О'кей, Ким, кажется, вы были правы. Мы попробуем по-другому.

— Как?

— Пересадим вас на другую машину прямо в воздухе. Это быстрее, чем садиться.

Ким посмотрела на лес внизу.

— Нет.

— Это абсолютно безопасно.

У Ким при одной мысли об этом засосало под ложечкой.

— В этом я не сомневаюсь. Но оно гонится за мной. Не за флаером. Так что пересадка не поможет.

— Вы уверены?

— Да. Слушайте, давайте отложим обсуждение

на потом?

— Извините, я понимаю, что вам сейчас трудновато.

— Готова с этим согласиться.

— Мы просто никогда ничего подобного не видели.

— Понимаю, на этот случай нет инструкций.

— Ким, мы делаем все, что в наших силах.

— Да, понимаю. — Ким заговорила спокойнее. — Но я собираюсь попробовать туннель.

— Нам эта мысль не кажется удачной.

— Предложите лучше.

На том конце замолчали.

— Мне нужна ваша помощь.

— Одну секунду.

— Побыстрее. Время поджимает.

Внизу лежал южный маршрут, по которому ходили поезда между Орлиным Гнездом и Терминалом. Он представлял собой магнитную ленту шириной в длину ладони. В лесной местности он обычно проходил на уровне деревьев и закреплялся на прочных металлических рамах. Там, где он оказывался под нужным углом, от него отражалась луна.

Было бы сейчас солнце, был бы виден путь, прорезанный через лес маглевами. Двигаясь на

сверхзвуковой скорости, они порождали звуковой удар и взрывные волны, разметывающие все вокруг. Деревья и кусты по обе стороны стелились по земле подальше от проходящих поездов. Эффект был, как раздавшиеся волны Красного моря — только здесь раздавалась зеленая стена леса.

Ким выбрала маглевский путь, уходящий на запад, и полетела вдоль него к горам. За Орлиным Гнездом пики сгрудились в обширную горную страну, самую высокую на планете. Они были покрыты снегом, величественны, и были бы непреодолимы, если бы не туннель. Подходы к нему избороздили древние горообразовательные процессы: глубокие каньоны, внезапные хребты, пропасти.

— Алло! Спасатели, вы меня слышите?

Глухо. Ким представила себе ладонь, закрывшую микрофон, а вокруг спорят люди, куда-то звонят.

— Для начала, — сказала Ким, — отключите все предохранительные устройства.

Любые, которые остановят поезд, если обнаружат препятствие.

— Понятно, док. Если вы не передумали…

Они узнали ее звание, значит, проверили, кто она такая.

— Хорошо. Теперь мне нужны детали. Какова длина туннеля? Точная длина? Размеры сечения? Есть ли повороты? Если да, то где и сколько? И когда туда войдет товарный поезд? Мне нужно время до секунды.

— Это может быть трудно узнать.

— Чего там трудного? Нажмите пару кнопок.

— Можем не успеть.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Том. Том Пейс.

— Так вот, Том, вы моя единственная надежда…

— Ким, — сказал Пейс, — наверное, вам надо знать. Мы связались с военными.

— Это хорошо. Когда они будут?

— Через час.

— Да, поздновато. Вы узнали для меня цифры?

— Ищу.

Впереди поднималась серая стена, а внизу чернела пасть туннеля. Слишком рано. Ким круто повернула к северу. Выигрывая время, но давая пелене подобраться ближе.

Энергии осталось на тринадцать минут.

— Ким, я нашел вашу информацию.

— Давайте.

— Прежде всего, туннель прямой.

Слава Богу.

— Ширина от девятнадцати до двадцати пяти метров, в разных местах по-разному. Высота восемнадцать метров, но путь находится в трех метрах от земли, так что на самом деле ваш клиренс всего пятнадцать метров. Длина туннеля 26,1 километра. Товарный поезд войдет туда в 21:42:45. Скорость при входе 220 километров в час. Повторить сведения?

Ким посмотрела на спутниковые часы. 21:31 с секундами. Она ввела числа в компьютер, получила результаты и поставила таймер.

— Ким, это неудачное решение.

— Знаю, Том.

С юга приближалась пелена — светящееся пятно на фоне звезд.

Ким закончила поворот и снова взяла курс на запад, пытаясь рассчитать так, чтобы войти в туннель точно в 21:35. Локаторы нашли направляющий рельс, и она пошла по нему.

— Удачи, — пожелал Том. — Предохранители отключены.

Надо отдать ему должное — он говорил спокойно.

Таймер подсказал, что через минуту она должна быть в туннеле. Ким глянула на быстро прибли-

жающиеся пики и посчитала, что идет точно по графику.

Пелена сократила расстояние и нагоняла. Горы возвышались вокруг, и деваться уже было некуда, кроме как в туннель. Преследователь не отставал.

В 21:34:40 Ким подключила Джерри. Он тут же стал принимать сигналы от датчиков флаера.

«Ким, что ты наделала?» — спросил он возмущенно.

— Надо пройти в туннель, — сказала Ким. — Для этого мне нужен ты.

Он не стал терять времени на споры, чуть сбросил высоту, снизил скорость.

— С того конца пойдет поезд в 21:42:45, — сказала она. — Возможное отклонение — тридцать секунд.

Джерри не ответил, и Ким предположила, что он проверяет расписание.

«Вы правы. Я подаю жалобу».

— Подавай, только проведи нас через туннель. Небо закрыли гранитные своды.

«Вы отдаете себе отчет, что поезд может отклониться от расписания?»

— Не отклонится.

«Ноль», — произнес таймер, и они ворвались

в туннель. Огни отразились от каменных стен. Внизу бежал направляющий рельс.

«Надеюсь, вы понимаете, что отключение пилота есть преступление, караемое штрафом либо тюремным заключением, либо и тем и другим».

— Не отвлекайся, — посоветовала Ким.

«Известно ли было вам, что заряд аккумуляторов очень низок?»

— Да.

«Кажется, произошла авария. Как вы смогли пережечь систему?»

— Джерри, оставь это на потом. Вытащи нас отсюда, и я тебе все заменю. Обещаю.

«Очень странно».

— Что именно?

«Вслед за нами в туннель вошел другой летательный аппарат».

— Ну и хорошо. — Пелене придется несладко в кильватерной струе флаера. — Попался ты мне, сукин сын.

Огни флаера врезались в темноту. Ким вцепилась в кресло, изо всех сил откидываясь назад. Мелькание стен стало Медленнее.

Ким глянула на приборы. Скорость упала до 170 км/час. И продолжала падать.

— Джерри!

«Ким, при этой скорости мы не можем держать устойчивость».

— Джерри, нельзя сбавлять скорость! Надо держать двести иначе мы не выйдем живыми!

«Невозможно. Зацепимся за стену».

— Джерри…

«Не я же создал эту ситуацию!» — голос был обвиняющий сварливый.

21:37. Пять минут на выход из туннеля.

— Джерри, надо попытаться…

«Прошу прощения, у меня нет другого выхода, как держать скорость, позволяющую управлять».

Флаер снизил скорость до ста пятидесяти.

«Это вопрос вероятности. Нам никак не пройти этот туннель на той минимальной скорости, которую вы требуете. Есть небольшая вероятность, что поезд опоздает. Если так…»

Ким выдернула вилку и попыталась править сама, но туннель ревел слишком быстро, она не могла удержать машину и ей пришлось сбросить скорость до ста двадцати, до ста.

Пелена осталась далеко позади, но не отставала.

В 21:40 была еле пройдена половина туннеля.

Ким держала скорость восемьдесят. Мир замедлялся. Мелькнула жалость к самой себе,

сожаление о Солли, о том, что придется умирать молодой, о неразгаданной тайне.

Таймер досчитал до 21:42:45. Товарный уже в туннеле или чертовски скоро здесь окажется, и флаер столкнется с ним на относительной скорости триста километров в час.

Ничего хорошего.

Направляющий рельс подтолкнул снизу. Ким удержала машину, но еще сбросила скорость.

Впереди мелькнул свет. Прожектор товарного поезда.

Кончилось кино.

Ким включила реверс, и флаер упал на рельс, пошел юзом, развернулся, перевалился вниз и влетел в стену. Ремни врезались в тело. Свет в кабине погас, что-то затрещало, загорелось, и Ким повисла вниз головой на сиденье.

Стены туннеля, опоры направляющего рельса — все исчезло в конусе ослепительного прожектора.

Флаер прижало под рельсом носом вперед, а хвост торчал на пути поезда. Ким нажала кнопку, отстегивающую ремни, выпала с сиденья.

Выбив дверь, она вылезла наружу. Туннель дрожал.

Неверным шагом Ким попыталась отойти на

несколько метров от флаера, последний раз увидела светящуюся пелену, очерченную силуэтом в световом конусе.

Опоры пути стояли через каждые десять метров. Ким бросилась к основанию ближайшей из них, схватилась и втянула голову в плечи. Поезд промчался мимо, подхватив разбитый флаер. Ким зажмурилась и попыталась зарыться в бетон, а над рей пронесся ураган ветра и визжащего металла. Земля тряслась.

26

Если правда, что артефакты – фрагменты погибших миров, то правда и то, что они – зеркала нашего мира.

Тайа Делларио, «Краткий очерк минагванской археологии», 588 г.

Ким очнулась в уютной комнате, залитой солнцем. На окнах висели желтые шторы, из колонок слышалась тихая музыка. Тут же открылась дверь, и кто-то вошел. Человек в белом халате врача — то ли мужчина, то ли женщина.

Ким не помнила, как сюда попала, не помнила ничего после поминальной службы по Солли. Она попыталась рассмотреть посетителя, но тут заметила, что не чувствует правой ноги.

— Боюсь, что она сломана, — сказал врач. Мужчина. Высокий, темнокожий, с низким голосом. Лица Ким не могла рассмотреть. — Но мы вас за несколько дней вылечим.

— Я в больнице? — спросила она.

— Да. — В темных глазах, казалось, светится приятное воспоминание о чем-то. — Как вы себя чувствуете?

— Не очень.

Она ехала на поезде в Орлиное Гнездо. Да, так. Она была в Орлином Гнезде. Искала Шейела.

Врач постучал ручкой по экрану монитора, кивая сам себе. — Вы отлично поправляетесь, — сказал он. — Наверное, будете немножко дезориентированы какое-то время, но ничего серьезного с вами не случилось.

— Это хорошо, — ответила она.

Медленно стала вспоминаться битва у берега.

— Ким?

Шейел погиб. Все погибли.

— Ким, вы меня слышите?

— Да, доктор.

— Я хочу у вас кое-что спросить. Прежде всего, почему бы вам не назвать мне ваше полное имя?

Он подтянул стул и стал спрашивать о ее профессиональных обязанностях, как она начала заниматься сбором средств, хорошо ли это у нее получалось. Он спросил о ее дне рождения, о том, что она в последнее время читала, где она училась и что изучала. Спросил, помнит ли она, как попала в больницу. Ким запнулась, и он ей сказал, что ничего страшного, волноваться на эту тему не стоит, память вернется.

Она убегала с «Доблестным».

Врач спросил ее мнение по различным политическим вопросам, узнал, есть ли у нее флаер, поинтересовался, как ей нравится жить в доме на берегу. И еще он просил ее объяснить, как может быть, что вселенная бесконечна.

Патрульный флаер снова подлетел слишком близко. Она попыталась отогнать воспоминание, списать его на бред. Избавиться от него. Но это было на самом деле.

А потом был *туннель*.

— Кстати, здесь есть человек, который хочет с вами говорить. Специально просил соединить его, как только вы очнетесь. Как вы себя чувствуете, можете с ним говорить?

— Кто это?

— Некто мистер Вудбридж.

Да, он быстро сориентировался.

— Да. Могу.

Ким посмотрела на врача. Тот улыбнулся, взял ее за запястье и сказал, что все будет хорошо.

— Что сталось с пеленой? — спросила она.

Врач наморщил лоб:

— С какой пеленой?

— С тем предметом. Который пытался меня убить.

— Извините, Ким, — сказал он, — я, честно,

ничего об этом не знаю. Но я не уверен, что вам сейчас стоит с кем-нибудь говорить. Может быть, вам лучше отдохнуть.

Она бросила «Доблестный» в озеро. Господи, это же было на самом деле!

— Ничего, все в порядке. — Она попыталась приподняться на подушках, врач ей помог. — Соедините меня с ним.

— О'кей, но всего на пять минут, не больше. Чем-нибудь я вам еще могу помочь?

— Мне бы поесть.

— Сейчас пришлют завтрак.

Врач ушел, и Ким закрыла глаза.

Включился проектор, и перед Ким появился виртуальный Вудбридж.

Он сидел в старомодном дубовом кресле. Из-за неуклюжего положения Ким на кровати проектор был наклонен, и Вудбридж смотрел из-под самого потолка.

— Ким, как ты себя чувствуешь?

— Надо немножко подлечиться, а так все хорошо.

— Что случилось?

Ким замялась.

— Говори свободно, линия защищена.

Она колебалась не поэтому. Рассказать о

«Доблестном» и его потере Вудбриджу или правительственной лаборатории, чтобы они занялись поисками? Или семье Трипли? Нет, черт возьми. После всего, что ей пришлось пережить, он принадлежит ей — если вообще кому-нибудь принадлежит. В любом случае она не чувствовала, будто у нее есть долг перед кем бы то ни было.

— Мне позвонил Шейел Толливер, — сказала она, — и попросил встретиться с ним в Северине.

Она предположила, что Шейел, наверное, связался и с Беном Трипли, поскольку Трипли тоже туда приехал. Но она не успела узнать, в чем дело, как на них напал этот *предмет.*

Она описала нападение и последовавший бой.

— Любопытно, — сказал Вудбридж, когда она закончила. — А что Толливеру там было нужно? И зачем ему нужен был при этом Трипли? — Он нахмурился. — Ким, ты мне чего-то недоговариваешь?

Он попытался просветить ее взглядом Мефистофеля. Но Ким за последнее время сильно закалилась и сама удивилась, как легко привыкла обманывать.

— Нет, — сказала она. — Я в таком же недоумении, как и ты.

— Насчет этой *пелены.* Мне сообщили, что от

нее не нашли и следа.

— И хорошо.

— Мне кажется, у нее есть сходство с той тварью, которую ты описывала на «Хаммерсмите».

— Я уверена, что это тварь той же породы, Кэнон.

— Есть ли причины полагать, что в окрестности найдутся еще такие же?

— Мне такие причины не известны.

Вудбридж посмотрел пристально.

— Это хорошо. Будем надеяться, что так оно и есть. А сейчас с тобой хотят говорить местные власти. Хорошо обдумай, что ты им скажешь. Никаких указаний на «Охотник» Или на «Хаммерсмит». Ничего насчет других миров. О'кей? Ты встречалась с друзьями, а что это было и почему напало, ты понятия не имеешь.

— Кэнон, а почему ты их просто не отгонишь?

— Нельзя. Люди подумают, будто мы что-то скрываем. Ким, тебе ничего не грозит. Я уверен, ты им скажешь только то, что захочешь. — Он улыбнулся и отключился.

Вошел служитель с завтраком, а за ним — сестра.

— Доктор Брэндивайн, — сказала она, — там с вами хотят говорить люди из полиции…

— Ремонт туннеля обойдется в полмиллиона! — Мэтт Флекснер бурно дышал. — Весь следующий год поезда будут ходить в обход. Ты, Ким, теперь не слишком популярна у транспортников. И у налогоплательщиков тоже.

— Мне действительно очень жаль, — сказала она. — Но это было лучшее, что я могла сделать в тех обстоятельствах.

Помимо сломанных костей, у нее были еще внутренние травмы, несколько ожогов, и она бы истекла кровью, если бы не быстрота воздушных спасателей и везение, что они смогли добраться до нее с западного конца туннеля.

— Ким, давай обойдемся без сарказма. Ведь ты представитель Института, и сейчас все это сыплется нам на головы.

— Да постарайся же ты понять, Мэтт: я спасала свою жизнь. Точка зрения Института в этот момент не была для меня главной.

Он поостыл.

— Знаю. Проблема в том, что тебе не советовали соваться в туннель. Но я рад, что ты выбралась оттуда живой.

— Приятно слышать.

Он кивнул:

— Думаю, я это заслужил.

— Именно.

У Мэтта на столе лежала пачка снимков пелены, выделенных из репортажей.

— Так что же это за штука все-таки?

— Вероятно, искусственная форма жизни. Скорее всего она прилетела на «Охотнике» пассажиром.

Мэтт выкатил глаза:

— Как это могло случиться?

Вообще Мэтт — это был не тот человек, на которого можно положиться в трудную минуту, но держать язык за зубами он умел. А Ким надо было иметь возможность поговорить хоть с кем-нибудь. Особенно если она собирается сделать так, чтобы «Доблестный» подвергли исследованию. Она все еще обдумывала, что с ним делать, когда она выудит его из озера. Отнести домой и сунуть к себе в комнату? Молчать про него, пока она сама не узнает о нем все, что можно? В любом другом случае она немедленно выпускает «Доблестный» из рук.

— Мэтт, — сказала она. — Я тебе расскажу все, что знаю, но сначала ты мне пообещаешь одну вещь.

— Ладно, — сказал он, скрестив руки на груди, будто кто-то усомнился в его честности. — Скажи

какую.

— Ты ничего никому не скажешь о том, что сейчас услышишь, без моего предварительного разрешения. Полное молчание.

— Сначала скажи мне, о чем пойдет речь.

— Нет. Без этого условия я тебе не скажу ничего.

Мэтт поиграл желваками, но промолчал.

— О'кей, — произнес он после паузы. — Что там у тебя?

— Звездолет. Микрозвездолет. Неземной конструкции.

Мэтт вытаращил глаза: — Ты шутишь?

— Ты от меня много слышал шуток? — Ни разу в жизни Ким не видела, чтобы Мэтт так растерялся. — Мне сказали, что я отсюда выйду через пару дней. — Восстановительные процедуры шли быстро. — Встреть меня при выходе, и я тебе его покажу.

— Покажешь? Где он?

— Придется нанять лодку.

Пришлось взять еще подводное снаряжение. Мэтт совсем не умел плавать и волновался, что будет, если возникнут трудности при погружении Ким. Он боялся, что она еще не совсем выздоровела, но она заверила его, что все в порядке. Надо

только не слишком нагружать ногу.

Он сделал единственно возможное заключение:

— Значит, он в озере, — сказал Мэтт, когда они отплыли от северного берега.

— Конечно.

— Даже если это так, Ким, я потону, когда попытаюсь на него взглянуть.

— Тебе не придется погружаться.

— То есть его видно с лодки?

— Надеюсь, что нет.

— А тогда…

— Потерпи немного.

У Ким был локатор, но понадобилось два часа, чтобы найти то, что она искала. За это время Мэтт окончательно потерял терпение.

— Он *маленький*, — сказала она ему наконец.

— Насколько маленький? — нахмурился Мэтт. Она развела руки на полметра.

— Вот такой. Это микрозвездолет.

Наконец локатор нашел его, и Ким перевалилась через борт, включила сопла, погружаясь в прозрачную воду, и нашла кораблик без труда. Вытащив его из ила, она вернулась к поверхности и отдала находку Мэтту. Он состроил скептическую гримасу, взял корабль и стал его

рассматривать.

— Ты откажись от предположения, что инопланетяне одного размера с нами.

До него постепенно стало доходить. Всю обратную дорогу до Орлиного Гнезда Мэтт держал корабль на коленях и повторял фразы вроде: «Похоже на то, что так может быть» и «Черт его знает, может, и так».

— Только молись Богу, Ким, если это розыгрыш.

Они завернули микрокорабль в бумагу, сунули в чемодан и положили на заднее сиденье флаера.

— Ладно, — сказал Мэтт. — Первым делом надо собрать группу, чтобы его как следует изучить. Надо будет его разобрать, узнать, как он работает. Может быть, можно будет понять, что у него была за команда.

Мэтт многозначительно посмотрел на нее, и подтекст был ясен: если она ошиблась, они оба будут выглядеть дураками.

— Есть проблема, — сказала Ким, когда они взлетели.

— Какая на этот раз?

— Ты начнешь собирать экспертов, и через час об этом будет знать весь мир.

— Ты мне хочешь сказать, будто Вудбридж про это не знает?

— Если бы он знал, мы бы сейчас с тобой тут сидели кораблем в руках?

Мэтт заиграл желваками.

— Ким, тут ничего не поделаешь. Его надо будет проинформировать.

— Тогда скажи кораблику «до свидания».

— Я не…

— Слушай, Мэтт, подумай сам. Как только Совет узнает, что у нас в руках, он тут же это отберет. Объявит секретным. Ты только и успеешь, что вынуть его из контейнера.

Мэтт долгое время молчал. Ким смотрела, как он изучает находку, потом поднимает глаза к небу.

— Ты права. Ладно. Давай подумаем, кому можно доверять. Сведем число таких людей к абсолютному минимуму. Снимем где-нибудь лабораторию, подальше от Института.

— Так уже лучше.

— Можем сказать Филу.

— Нет.

— Ким, он, конечно, сволочь, но секреты хранить умеет. Ему можно доверять.

— Плевать мне, можно ли ему доверять. Нет

причин ему говорить.

Они спорили еще долго. Наконец Мэтт отступил, когда Ким просто отказалась рассматривать эту идею.

Он сидел и глядел в окно всю дорогу до отеля, держась за «Доблестный», решительно стиснув зубы и храня молчание, и в глазах его застыло ликование.

— Ким, — сказал он, когда они приземлились на крыше, — позволь задать тебе вопрос. Почему ты так решительно настроена? Совет признал бы твою роль в открытии, ты бы прославилась, ты стала бы богатой. Чего ты хочешь, кроме этого?

— Я хочу войти в группу, которая будет его изучать. Хочу быть на месте, когда начнутся события. И… — Она замялась.

— И?

— Я хочу узнать, что произошло с Эмили. Почему она погибла и почему ее выбросили за борт. И кто это сделал.

Проведенный на озере день пробудил аппетит у них обоих.

— «Голубой плавник»? — предложила Ким.

Это был ресторан, специализировавшийся на кухне западного берега.

— А что делать с *этим?* — спросил Мэтт.

— Вот, уже начинается. Лучше взять его с собой.

Для ужина еще рано, и ресторан был почти пуст. Ким и Мэтт нашли столик в углу, а чемодан поставили на стул у стены. Ким заказала *сендзи,* коктейль из рома с клубничным ароматом. Мэтт, который пил редко, отступил от своих обычаев спросил себе «Тирольский пистолет». Потом они снова стали обсуждать главное событие дня. У Мэтта был сильный голос, глубокий бас, и, когда он заводился, его было слышно довольно далеко. Поэтому он нарочно старался говорить потише.

— А как ты думаешь, что бы стал делать с этим Совет? — спросил он.

— Не знаю. Но думаю, что эти инопланетяне — психи. Так что Вудбридж прав в своих опасениях. Когда добудем отсюда всю информацию, которая в нем есть, — Ким глянула на чемодан, — отдадим это ему.

— И как ты будешь это объяснять?

— Этого делать не придется. Отдадим ему корабль и опубликуем все, что узнаем об этом корабле. — Принесли выпивку и они выпили за здоровье друг друга. — Хотя вряд ли узнаем особенно много. Кэнон будет раздражен, что его сразу не посвятили. Но он поймет, почему так

сделали, и вообще к тому времени это будет не важно.

Этой ночью из своего номера Ким связалась с Шепардом и попросила его вызвать Солли.

«Ты играешь с огнем, Ким».

— Знаю.

«Я не верю, что эксперты сохранят это в тайне».

— Солли, я не знаю, что еще можно было бы сделать. Я подумала было сказать Вудбриджу…»

«Нет. Твоя первая мысль насчет Вудбриджа верна. Отдай ему корабль, и ты больше никогда его не увидишь».

— Так куда же я отсюда направлюсь?

«Невозможно строить планы, пока ты точно не будешь знать, что там произошло».

— Ты снова о бортжурналах.

«Верно».

— Я все еще не знаю, где они могут быть, Солли.

«Но кто-то же должен это знать?»

— Ага. — Ким посмотрела ему в глаза. — Мне на ум приходит только один человек.

К отчаянию Мэтта, Ким после возвращения в Сибрайт забрала «Доблестный» себе. Она дала ему подержать корабль, пока они ехали в поезде

и пока она вела флаер к университету Столицы. Там она выпросила у друзей немного лабораторного времени и сняла полный комплект виртуальных снимков снаружи и внутри. Потом под именем Кей Брэддок по общественному телефону заказала посылочный ящик из «Юнайтед дистрибьюшн» в Марафоне.

— Я точно не знаю, кто придет за моей посылкой, — сказала она клерку и попросила идентификационный номер. Потом вложила кораблик в пластиковый контейнер с обилием упаковочного материала и сунула его в посылочный ящик. Утром она явилась на работу и получила задание написать серию статей для «Парагон медиа» о работе Института. Мэтт целый день шастал в ее кабинет. Как там «Доблестный»? Он оглядывался через плечо и называл корабль «безделушкой». Где она? Кто-нибудь за ней наблюдает? Что Ким собирается делать дальше?

Она его заверила, что все в порядке, предмет спрятан там, где его никто не найдет. Может, это была наглая ложь, но она произвела желаемый эффект, одновременно успокаивая Мэтта и беспокоя. А если с тобой что-то случится, спрашивал он, что тогда?

Она пожимала плечами. Она будет осторожна.

Мэтт принес список людей, привлечение которых стоит рассмотреть. Она взяла список и пообещала его изучить.

А насчет того, что она собирается делать — Ким собирается еще раз нарушить закон. Она мысленно вздохнула, подумав, как быстро прошла долгий путь от законопослушной дамы, которая выступала перед собравшимися гостями на взрыве первой из новых звезд. Мэтт согласен ей помочь?

— Нет. Я этого делать не буду. И думаю, что и тебе не стоит. Что бы это ни было. — Он посмотрел на нее осудительно. — Ничего мне не рассказывай. Не хочу знать.

В тот же день Ким отправилась в магазин электроники.

— Мне нужен универсальный разъем, — сказала она.

Это был обычный инструмент Вероники Кинг.

«Простите, мэм, — ответил автоматический продавец. — Мы не держим подобного оборудования».

— А вы не могли бы подсказать, где его можно найти?

«Не знаю, право. Эти приборы разрешены только для правоохранительных ведомств».

Ким зашла в магазин для сотрудников правоохранительных органов, где предлагались различные мундиры, широкий набор несмертельного оружия и все виды приборов связи. Здесь Ким нашла микропередатчик, называемый профессионалами «меткой». Она случайно упомянула универсальный разъем, и продавец подтвердил, что их так просто не купишь.

— Вот форма, — объяснил он, показывая ей бумагу. Форма предназначалась для требований на приборы, обычным гражданам не доступные, вроде приборов для наблюдения.

Институт финансировал лабораторию электроники в Гастингс-колледже, километрах в пятидесяти от Сибрайта. Филиалом в Гастингсе управлял Чад Бимер, которого Ким хорошо знала и который ей симпатизировал.

— Меня за это могут выставить с работы, — сказал Чад, когда она ему объяснила, чего от него хочет.

— Я никому не скажу.

Он прищурился. У него была репутация парня очень осторожного, и вполне заслуженная. Но он был хорошим техником.

— А зачем тебе?

— Не хочу тебе врать, Чад.

Бимер был намного меньше большинства мужчин своего поколения. Его родители выбрали долговечность за счет роста. Ему будет отпущена лишняя пара десятилетий.

— О'кей. За мужиком следишь?

— Объяснение не хуже всякого другого.

Он кивнул:

— Загляни через пару дней.

Мэтт был не очень доволен выбранным ею образом действий. К концу дня он попросил ее зайти, закрыл кабинет и велел, чтобы их не беспокоили.

— Слушай, это тянется вечность. Когда ты мне дашь к нему доступ?

— Как только смогу, Мэтт, — сказала она как можно рассудительней. — Когда займем и оборудуем лабораторию.

— Это еще пара недель, Ким.

Она не уступала. Он сдался и отпустил ее, когда она заверила, что приняла меры на случай, если с ней что-нибудь произойдет. Она действительно это сделала: записала подробные инструкции, как найти «Доблестный», вложила их в конверт и отдала одному из «Рыцарей моря», указав, что при необходимости этот конверт должен быть передан Мэтту.

Ее собственные меры для гарантии того, что важная информация не будет потеряна, убедили ее, что она права насчет Маркиса Кейна: он тоже хотел сохранить бортжурналы для истории. Где-то должен быть след. Даже если он был таким чудовищем, каким его сейчас выставляли все информационные программы, он вполне мог захотеть сохранить свои подвиги для публикации после того, как ускользнет от закона.

И этот след почти наверняка вел к его единственной дочери — Торе.

Ким вернулась домой рано, смешала себе коктейль и попросила Шепарда включить симулякр Шейела.

«У меня по нему мало данных», — возразил ИР.

— Сделай, что сможешь. И обнови.

Раздалось электронное бормотание, которым обычно Шепард информировал ее, что для решения задачи слишком мало средств, но… Потом появилось электронное изображение Шейела. Он сидел в своем драконовом кресле, полузакрыв глаза, явно в меланхолическом настроении.

«Добрый день, Ким, рад тебя снова видеть».

— А я тебя, Шейел. Мне ужасно жаль, что ты погиб. Жаль, что так обернулось.

«Мне тоже. Похоже, меня погубила целеустрем-

ленность дурака».

Они переглянулись.

«Оно не должно было быть мстительным, — сказал он. — Оно много лет там прожило, не делая никому вреда».

— Ты ожидал, что появление «Доблестного» вызовет реакцию. Думаю, это и случилось.

«Жаль, что теперь я ничего не могу изменить. Хорошо хотя бы ты не пострадала, Ким. — Он переложил подушку. — А где оно теперь?»

— Исчезло, хотя мне это дорого обошлось. — Она подобрала ноги на диван и обвила их руками. — Шейел, я хотела, чтобы ты знал: я это дело не бросила. Кажется, у меня хорошая догадка насчет того, что там случилось. И что Йоши убило то же самое, что убило тебя».

«Да, это похоже на правду. А ты уже знаешь, как это могло быть?»

— Пока нет. Но надеюсь узнать через пару дней.

«Ладно, когда все выяснишь, я буду благодарен, если ты вернешься ко мне и расскажешь».

— Да, — сказала она. — Разумеется.

Тора Кейн жила в отдельно стоящем коттедже в дубовой роще в десяти километрах к северо-западу от Сибрайта. Ким несколько дней подряд

туда ездила и бродила вокруг по утрам, отмечая, когда Тора уезжает на раскопки — в девять пятнадцать — и когда возвращается — обычно в шесть тридцать. У Торы был свой флаер, собаки не было. Насколько можно было понять, она жила одна.

Ким нашла за домом сарай, где можно было добыть лестницу, если надо. Это было везение: она думала, что придется лезть на дерево.

Ходить ей было тяжело: несмотря на успехи современной медицины, нога еще не совсем зажила, и Ким знала, что врачи бы решительно ее осудили, узнав, что она делает.

Дома она вместе с Шепардом работала над созданием виртуального юриста, убедительного и внушающего доверие. В качестве прототипа она выбрала Акилу Селби, знаменитого адвоката прошлого столетия по уголовным делам. Селби был противником смертной казни и специализировался по защите безнадежных дел. Он спас от смерти целый ряд садистов и убийц а иногда даже добивался их освобождения на горе ничего не подозревающей общественности.

Селби давал проявляться признакам старения, дал волосам посеребриться, лбу наморщиться, приобретая вид зрелости которая так ценится в залах суда, и в то же время сохраняя здоровье

человека тридцатилетнего.

Ким его чуть изменила, сделала синие глаза карими, подстригла волосы по современной моде, убрала бороду, сняла несколько фунтов с талии. Еще она заострила его лицо, сделав впалые щеки и тонкий нос.

— Как тебе? — спросила она Шепарда, когда перед ней стоял готовый продукт.

«Выглядит хорошо, — согласился ИР. — *Мое* внимание он бы привлек».

Закончив с внешностью, Ким стала работать над голосом, убирая выраженный акцент жителя Терминала, медоточивую тональность, которая казалась бы фальшивой человеку седьмого столетия. Добавила чуть-чуть сипоты и подрегулировала скорость речи. После всех корректив образ заговорил как уроженец Рубинового архипелага.

Потом Ким занялась своим снаряжением.

К микропередатчику прилагался приемник и гибкая антенна для удаленного приема. Ким арендовала флаер и установила на нем антенну, а потом пошла спать и спала без сновидений.

Утром позвонил Чад.

— Готово, — сообщил он.

Наутро она прилетела и забрала разъем. Пока-

зывая, как он работает, Чад сказал:

— Только если тебя с ним поймают, я ничего про это не знаю.

Она обещала ему, что никто из нее и слова не выжмет. Тем же вечером Ким приземлилась в километре от дома Торы и остальной путь прошла пешком. В доме горел свет и было движение. У Торы был гость. Даже несколько гостей. Рядом с площадкой стояли три флаера.

Но Ким знала, что хозяйкин флаер — это оранжевый с черным «кондор». Несколько минут она смотрела, убеждаясь, что снаружи никого нет, потом покружила вокруг площадки и закрепила микропередатчик на стойке полоза — там, где она уходила в гнездо. Удовлетворенная своей работой, Ким отступила в лес и включила приемник. Сигнал доходил громко и чисто.

27

Ни одно сокровище не застраховано от воров, если хоть один человек знает, где оно спрятано.

«Записки» Колина Колина, 2440 г. н.э.

На следующий день Ким встала рано. Она съела легкий завтрак и изменила внешность, превратившись в молодого мужчину, даже с усами, которые, как она думала, придавали ей лихой вид. Потом на арендованном флаере она полетела к дому Торы Кейн, рассчитав время так, чтобы быть еще в воздухе, когда Тора выйдет из дому. Тора вышла с чашкой в одной руке и кожаным футляром под мышкой другой, села в свой флаер и улетела.

Ким отслеживала ее полет до самых раскопок. Потом она села неподалеку на поляне, не желая оставлять изображение своего флаера в памяти домашнего ИРа. В этих краях были еще дома, но ни одного в пределах видимости. И вроде бы никто не наблюдал за ней снаружи.

Конечно, не было способа удостовериться, что ее не засечет какая-нибудь система охраны. В

этом случае Тора получит изображение молодого человека, и план рухнет, но сама Ким останется необнаруженной.

Она обошла виллу, взяла лестницу из сарая и залезла на крышу. Здесь она вынула из кармана универсальный разъем и закрепила его на карнизе. Он был выкрашен в тускло-коричневый свет, как и сама крыша, и наблюдателю с флаера будет незаметен.

Удовлетворенная, Ким слезла, поставила лестницу на место и улетела.

Она вернулась домой поработать над репликами Акилы Селби, но не успела начать, как позвонил Мэтт, спрашивая, как она — очевидно, он хотел спросить, не арестовали ли ее уже? Еще он сообщил, что нашел лабораторию, но начать там работать можно будет только через пару недель. Он снова спросил, не передумала ли она и не допустит ли она его к «безделушке». Это слово он произносил так таинственно, что всякий, кто услышал бы этот разговор, понял бы, что это шифр.

— Лучше оставить все как есть, — ответила Ким.

— Не понимаю, почему ты мне не доверяешь.

И Ким снова, как обычно, стала ему говорить,

что *ему* она доверяет, но такие вещи имеют тенденцию становиться известными, что лучше перестраховаться и так далее.

Он оставил эту тему и сообщил, что сократил список потенциальных исследователей до шести.

— Не больше трех, — потребовала Ким, понимая, что и это слишком много.

Они договорились, что не будут зондировать возможных кандидатов, пока не получат доступ к лаборатории.

Отключившись, Ким немного посидела, рассматривая отпечаток картины Кейна «Штормовое предупреждение». Это был зловещий ландшафт — разрушенные башни вдалеке, надвигающаяся гроза.

Ким несколько раз просмотрела сценарий Селби и наконец осталась довольна. Тогда она загрузила его в переносной компьютер, поужинала и пошла на долгую прогулку в сумерках. Приливы на Гринуэе не были так размеренны, как это было бы при одном спутнике. Они все время то надвигались, то отступали, притягиваемые в разных направлениях Гелиосом и четырьмя лунами.

Сейчас был самый низкий отлив, океан отступил далеко, и берег обнажился так, как бывает

только раз в месяц. Ким шла вдоль воды, волны омывали ей ноги, в небе стали появляться звезды. Они были далекими-далекими, и Ким снова удивилась, как могут быть неразумными существа, научившиеся преодолевать такие дальние расстояния. И все же война с Пасификой была делом не очень давнего прошлого.

Очевидно, такие вещи вполне могут случаться. Люди, создавшие физическую теорию и построившие прыжковые двигатели — это совсем не те люди, что принимают политические решения, или позволяют увлечь себя сумасшествию телеканалов, или подчиняются вековым традициям, которые когда-то служили сохранению наций, а теперь стали не только бесполезными, но и вредными.

Не следует полагать вид разумным только потому, что он порождает разумных индивидуумов. Теорема Брэндивайн.

Может быть, ее запомнят именно за такие принципы, а не за открытие «Доблестного». Ким улыбнулась и решила, что это бы ей больше понравилось.

На следующее утро она отправилась в парк Бэйсайд, чтобы воспользоваться кабиной связи: если что-то пойдет не так, как она хочет, ее не

удастся выследить.

Кабина находилась в торговом квартале возле галечной дорожки поодаль от океана. Сезон только начинался, и людей на улицах было мало: несколько студентов университета в перерывах между занятиями, несколько гуляющих местных. Туристов пока не было. Утро было ясным и безоблачным, воздух еще не согрелся, и с моря тянул свежий ветерок.

Ким подключила программу Селби и набрала номер Торы.

По дорожкам бегали детишки с воздушными шариками, гоняясь друг за другом. К берегу один за другим шли пенные гребни.

— Да? — ответил голос Торы. Она включила только звук.

— Доктор Кейн? — Говорила Ким, но Тора должна была слышать сконструированный голос Селби. — Меня зовут Гэбриел Мартин. Я был юристом у вашего отца.

Ким увидела картинку. Тора была одета в легкую белую рубашку и свободные брюки. Рабочая одежда. Звонок ее удивил.

— И чем я могу быть вам полезной, мистер Мартин?

Ким послала изображение Селби, и искусствен-

ный адвокат теперь должен был материализоваться в проекционной зоне у Торы. Высокая, аристократическая фигура.

— Доктор, прежде всего позвольте мне сказать, что Маркис был моим близким другом, а не только клиентом. Я ему серьезно обязан. Не хочу сейчас вдаваться в детали, поскольку в данный момент они не важны.

К сожалению, я уже ничего не могу сделать для него, упокой Господь его душу. Но я имею возможность передать некую информацию, которая может показаться полезной вам.

Упокой Господь его душу. Когда Ким вставляла эти слова, ей они нравились. Настоящий разговор адвоката с клиентом. Но сейчас они прозвучали так искусственно, что Ким испугалась, как бы Тора не распознала подделку. Этого не случилось.

— Я ценю ваше внимание, мистер Мартин. А что это за информация?

Тора видела адвоката, стоящего возле обширного стола, где лежали диски, ручки и толстый блокнот. На стенах висели свидетельства с лентами, памятные таблички и фотография, на которой Мартин пожимал руку самому премьеру.

— Я затрудняюсь сформулировать, доктор, поскольку это всего лишь слухи, но ко мне они

пришли из вполне надежных источников.

Тора ждала, пока он перейдет к сути.

Ким продлила ожидание только на то время, которое потребовалось Мартину для заявления, что информация, которую он собирается передать, строго конфиденциальна, и если Тора ее будет распространять, ему, Мартину, не останется ничего другого, как все отрицать и устраниться от любого дальнейшего участия.

— Да-да, — сказала она, начиная проявлять нетерпение. — Все так. Так в чем дело?

— Насколько мне известно, власти нашли бортжурналы «Охотника». *Настоящие.*

Тора побледнела, но взяла себя в руки.

— Ничего не понимаю. Какие журналы? Я так понимаю, что они были отданы в Архивы много лет назад.

— Доктор Кейн! — Ким произнесла это одновременно укоризненно, сочувственно и показав хорошую информированность. — Я понимаю ваше нежелание говорить на эту тему. В конце концов, речь идет о нарушении законов. Нарушении, в котором вы участвовали.

— Прошу прощения?

Тора говорила холодным тоном. Наверняка она гадала, сколько известно Мартину, но больше ее

интересовало, что известно властям.

— Все в порядке, — сказала Ким под маской Мартина. — Эта информация стала мне известна, поскольку у вашего отца были друзья на самом высоком уровне. Те люди, которые не хотят ни дальнейшего ущерба его репутации, ни неприятностей для его дочери, ни судебного процесса о недвижимости, как могло бы произойти в случае, если была бы доказана обоснованность определенных обвинений или даже возникли бы достаточные сомнения о его роли в инциденте на пике Надежды, а также, возможно, в смерти Йоши Амара и Эмили Брэндивайн. Мне известно, что вы — единственная наследница своего отца. И вам следует осознавать, что любые денежные средства или материальные ценности, полученные вами от этой недвижимости, также могут быть затронуты любым неблагоприятным решением.

У Торы был вид человека, припертого к стене. Ким даже поежилась от внезапного приступа совести, но сказала себе, что другого способа нет. Эта женщина могла бы всего этого избежать, если бы пошла навстречу.

— Даже сегодня? — спросила Тора. — Разве нет срока давности?

— Боюсь, что нет. В случаях такого рода, где имела место гибель людей и преднамеренная фальсификация для ухода от ответственности… — Адвокат печально покачал головой. Ким понятия не имела, правда ли это, но без разницы. Тора сейчас в это верит, а только это и нужно.

— Насколько надежна ваша информация, мистер Мартин?

О'кей, пора закругляться. Ким добилась, чего хотела.

— Она верна, доктор Кейн.

Тора внимательно рассмотрела адвоката.

— Если мне нужна будет ваша помощь, могу я к вам обратиться?

— Конечно! Я буду рад помочь вам всем, чем смогу.

— Спасибо, — неуверенно сказала Тора.

— Надеюсь, что моя информация вам пригодится. Всего хорошего, доктор. — И Ким отключилась.

Из кабины она вышла, но позвонила домой по коммуникатору и подключилась к своей системе наблюдения. Метка на флаере предупредит ее, если Тора куда-нибудь полетит, а разъем на крыше даст подслушать любые разговоры.

Она пошла бродить по торговым рядам. Откры-

та была только пара магазинов. Ким рассматривала купальники у спортивного прилавка, когда прозвучал сигнал.

— Да, Шеп? — сказала она.

«Она звонит в музей Могучего Третьего. Хочешь послушать?»

— Да, пожалуйста.

Послышались далекие гудки. Потом ответил автоматический голос: «Доброе утро. Мемориальный музей Могучего Третьего».

— Могу я говорить с Микелом Алаамом?

«Как вас представить?»

— Тора Кейн.

«Одну минутку. Я посмотрю, на месте ли он».

Пока она ждала, Ким вспомнила должность Маркиса как президента «Алого рукава». Вспомнила Веронику Кинг. Прячь на открытом месте.

«Пропавшее письмо».

Случайный наблюдатель мог бы заметить улыбку в углах ее губ.

Черт меня побери, подумала она.

— Привет, Тора, рад тебя слышать. Как жизнь?

Ким узнала вежливый тенор Микела.

— Отлично, Микел, спасибо. — Пауза. — Давно не общались.

— Да, давно. — Ему, наверное, неловко, поду-

мала Ким. Скорее всего это первый их разговор после снятия экспозиции, посвященной ее отцу. — Что я могу для тебя сделать?

— Я хотела спросить, будешь ли ты в музее сегодня утром, попозже.

— Да, я буду здесь. У меня в десять тридцать совещание. Ты хочешь приехать?

— Да, думала заглянуть, если это удобно.

— Тора, мне жаль, что так вышло.

— Я понимаю, Микел, это не твоя вина. — Но по ее тону этого не чувствовалось. — А когда ты освободишься?

— Совещание будет не дольше часа. А потом я в твоем распоряжении.

Ким услышала в его тоне недовольство. Он думает, что она приедет упрашивать насчет стенда ее отца.

— Можем мы вместе позавтракать? — Это было не то требование, не то приглашение.

— Да, вполне. С удовольствием.

Дальше были обычные вежливые слова, насчет приятно будет увидеться, хотел позвонить, но был слишком занят. Потом они обменялись заверениями, что очень рады будут друг друга увидеть, и прекратили разговор.

Так, что теперь?

Прячь на видном месте.

Ким надеялась выследить Тору Кейн на пути к бортжурналам «Охотника». Риск состоял в том, что она может уничтожить записи на месте. Ким надеялась, что для этого у Торы слишком сильная жилка ученого, но уверенности не было. Как бы там ни было, ей повезло. Ей даже не надо следить за меткой, как она планировала. Зато есть возможность добраться до них первой. Организовать все так, чтобы мрачное предупреждение Габриэла Мартина показалось правдивым.

Но времени было мало.

Она вызвала Шепарда.

«Что я могу для тебя сделать, Ким?»

— Шеп, мне нужно некоторое письмо от Могучего Третьего. Скопируй их бланк и дай мне письмо от них, в котором они соглашаются принять сегодня некоего Джея Брэддока по поводу работы над материалами войны с Пасификой. Письмо должно гарантировать Джею Брэддоку право обхода музея.

«А что за работа над войной с Пасификой?»

— Пусть тебя это не волнует. Такой работы нет.

«И подписать письмо я тоже должен?»

— Скопируй подпись Микела Алаама. Он там директор.

«Ким, это подлог».

— Я не знаю другого способа поставить на документе его имя. Электроника Шепарда издала какие-то забавные звуки.

«Знаешь, Ким, ты становишься профессиональным бандитом».

— Ничего не поделаешь.

«Куда ты сейчас направляешься?»

— Покупать одежду. Мне нужен новый наряд.

Ким прибыла в музей в десять сорок, снова одетая мужчиной и щеголяющая усами. Она надела тугое белье, чтобы скрыть груди, и просторную вышитую блузку, чтобы спрятать то, что не удалось стянуть. Волосы у нее стали ярко-рыжие. Цвет кожи был слегка изменен, а на глазах появились темные линзы. Микел, как она была уверена, ее не узнает. Еще она вложила в карман два тщательно подписанных диска для данных.

Душевно улыбнувшись девушке в приемной, она как могла изменила голос и спросила директора.

— Меня зовут Джей Брэддок. Я сотрудник профессора Тисдейл.

— Простите, мистер Брэддок…

– *Доктор* Брэддок, — мягко поправила Ким.

– *Доктор* Брэддок, но он сейчас на совещании.

Табличка с именем сообщала, что девушку зовут Вилма Лаженн. Наверное, аспирантка.

— Это небрежность с его стороны, — настаивала Ким.

Вилма сверилась с компьютером.

— Он не освободится до середины дня.

— Этого не может быть, — произнесла Ким и с достоинством показала письмо, которое сделал для нее Шепард. — У меня с ним назначена встреча. В десять сорок пять.

Вилма посмотрела на письмо, нахмурилась, закусила нижнюю губу.

— Не знаю, что вам и сказать, доктор Брэддок. Когда он выйдет, я проинформирую его о вашем присутствии. Больше я ничего не могу сделать.

— Когда вы ожидаете окончания совещания?

— Около одиннадцати тридцати, сэр. Но на самом деле трудно сказать точно.

— Это совершенно не годится, — сказала Ким. — Совершенно. Как вы понимаете, я связан сроком. Профессор Тисдейл будет очень недовольна.

Она приняла удрученный вид и посмотрела с надеждой на Вилму, приглашая ее предложить свои услуги. Когда она не догадалась этого сделать, Ким скрестила руки и улыбнулась ей.

— А знаете, я думаю, мне могли бы помочь вы.

На самом деле нужно совсем немного.

— Я бы рада, — неуверенно сказала девушка, — но я тут всего пару недель работаю.

Ким взяла свое письмо, сложила и сунула в карман.

— Вы знаете, кто такая профессор Тисдейл? — Кивок. — Вы, быть может, знаете и то, что она работает над дефинитивной историей войны с Пасификой.

— Да, — сказала девушка, клюя на приманку. — Я об этом слышала.

— В музее до недавнего времени был стенд, посвященный кораблю номер 376 и битве при Армагоне. В восточном крыле.

— Да, мы его разобрали где-то неделю назад. Когда стала известна правда о Маркисе Кейне.

Ким позволила себе проявить негодование.

— Да, это ужасно, правда?

Вилма всем своим видом показывала, что ей неловко, как это музей вообще мог устроить стенд для возвеличивания подобного типа.

— Как бы там ни было, — продолжала Ким, — на этой выставке были некоторые фактические данные, которые нам были бы очень полезны. Я хотел бы спросить: вы можете мне показать, где сейчас эти материалы? И дать мне к ним доступ

ненадолго?

Девушка оглянулась, ища, с кем посоветоваться — или на кого спихнуть решение.

— Я не знаю, могу ли я это сделать, сэр.

Ким попыталась улыбнуться с отчаянным видом.

— Я вам обещаю, что ничего не нарушу. Это будет огромная помощь, а нужно мне всего несколько минут.

Вилма пыталась решить, не будет ли ей чего за выполнение этой просьбы.

— Профессор Тисдейл и Микел — близкие друзья, — с надеждой добавила Ким.

Губы девушки изогнулись в улыбке. Кажется, ей понравился Джей Брэддок. Интересный поворот.

— Тогда конечно, — сказала Вилма. — Сейчас, поищу ключ. Она вошла в какой-то кабинет, оттуда послышались голоса. Через минуту выглянул темнокожий мужчина с ледяными синими глазами. Он нахмурился и исчез, будто его и не было. Появилась Вилма с пультом дистанционного управления.

— Это доктор Тернбол, — сказала она без дальнейших пояснений, будто доктор Тернбол был известен широко и повсеместно.

Вилма отвела Ким к грузовому лифту, и они спу-

стились в чрево здания. Вилма нервно жалась к стенке, пока лифт не остановился и не открылись двери. Зажегся свет, и Ким увидела хранилище, разделенное на секции. Вилма неуверенно оглянулась, но потом сообразила, куда идти.

— Сюда, — сказала она, направляясь вглубь. Зажегся еще свет, Вилма нажала кнопку на пульте, щелкнули замки и открылись двери двух ячеек. — Вот здесь материалы со стенда Триста семьдесят шестого.

Кресло командира, детали пусковой установки, другие реликвии битвы при Армагоне — все это уже покрылось пылью. Рядом кто-то поставил контейнеры, но экспонаты еще не начали паковать.

— Что конкретно вы ищете, доктор Брэддок?

Ким хотела бы, чтобы Вилма ушла, но женщина стояла рядом. То есть ей было сказано проследить, как бы посетитель чего не унес. Что ж, резонно.

— Подробности функционирования командного пульта в течение битвы, — сказала Ким.

Она сунула руку в карман, убеждаясь, что подмена на месте. Эти диски она пометила так же, как диски на стенде: 376 ВИЗУАЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ, 17 ИЮНЯ 531 и 376 СИСТЕМНЫЕ ДАННЫЕ, 17 ИЮНЯ 531. Самая знаменитая дата в пестрой истории

Гринуэя.

Здесь были и материалы, которых на исходном стенде не было — в основном интерьеры Триста семьдесят шестого и других кораблей, участвовавших в битве: ящики и кресла, копия каюты капитана, ряд кружек с эмблемами кораблей, мундиры, копии писем, направленных Советом семьям погибших.

Ким мысленно отмела все это в сторону и стала думать, где журналы.

— Могу я чем-нибудь помочь, доктор Брэддок?

— Зовите меня Джей, — предложила Ким. Она поняла, что не ошиблась насчет впечатления, которое произвела на женщину, улыбавшуюся теперь призывно. Явно аспирантка не знала, где здесь что: она и нужную секцию нашла с трудом. Лучше не привлекать ее внимания к дискам. — Нет, пожалуй, Я думаю, я здесь все найду.

Вилма чуть отступила, и Ким увидела пакет, завернутый в пластик, с наклейкой ЖУРНАЛЫ. Пакет был нужной формы, и лежал он на рабочем столе, который когда-то стоял в тактическом центре Триста семьдесят шестого. Ким покопалась в других материалах, ожидая, пока Вилма отвернется, потом взяла пакет и сняла пластик. ВИЗУАЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ и СИСТЕМНЫЕ

ДАННЫЕ, 17 ИЮНЯ 531.

И тут запел лифт. Кто-то спускался.

Вилма отвернулась на звук, и Ким уронила диски в карман, вынимая подмену.

Лифт остановился, открылись двери.

Послышались голоса.

Микел и какая-то женщина.

Тора.

— Ой! — сказала Вилма радостно. — А вот и доктор Алаам. Наверное, совещание кончилось раньше.

— Он знает, что я здесь?

— Я попросила ему передать.

Ким притворилась, что изучает подмененные диски, потом быстро завернула их и положила обратно на стол. В дверях стояли Микел и Тора, оба удивленные.

— Что тут происходит? — спросил Микел, переводя взгляд с Вилмы на Ким. — Это и есть Брэддок?

— Да, — ответила Вилма.

— Я полагал, что вы ждете меня наверху. — Он внимательно посмотрел на Ким, и у нее замерло сердце в ожидании, что сейчас он ее узнает. — Я вас знаю? — спросил он.

— Мы встречались пару раз, — сказала она,

старяясь говорить пониже. — Профессор Тисдейл по-прежнему работает над историей этого периода, а я собираю материалы.

— Да, припоминаю, — произнес он. — Что ж, рад вас снова видеть, Брэддок. Мы, разумеется, рады помочь. Только я бы предложил, чтобы в будущем вы предупреждали нас о своих посещениях.

— Они предупредили, — сказала Вилма. — У него от нас письмо.

Она дипломатично не сказала «от вас», что было для Ким большой удачей.

— Ах вот как. — Микел еще обдумывал это замечание, когда на сцене появилась Тора Кейн.

— Простите, может быть, мы не вовремя?

Ким вежливо улыбнулась:

— Нет, я думаю, что я уже посмотрел все, что мне было нужно.

— Уже? — удивилась Вилма. — Так быстро?

— Нам надо было только проверить пару фактов. — Ким кивнула Торе, которая стояла, скрестив руки на груди и делала вид, будто рассматривает консоль командира. Ким еле сдержала улыбку: они ждут, чтобы она ушла, чтобы забрать диски.

Нет, наверное, Микел ничего не знает. Тора

играет в ту же игру, в которую сейчас сыграла Ким. Интересно, какую историю она сочинила для директора. А может, просто подкупила его без объяснений. Как бы там ни было, а пока они с Вилмой здесь, ничего не произойдет.

Ким вежливо попрощалась и вместе с аспиранткой вошла в лифт. Вилма явно приглашала сделать следующий шаг. Когда Брэддок его не сделал, она с разочарованным видом вышла на первом этаже. Ким поднялась на крышу.

«Кондор» Торы стоял рядом с площадкой для такси. Ким подошла, сняла микропередатчик, влезла в такси и в хорошем настроении взлетела.

Она вставила визуальный журнал и велела Шепу его прогнать.

Стена над диваном изменила структуру, появился экран, и Ким увидела пилотскую кабину «Охотника». Там работал техник, и нашивка на его плече гласила: СЕНТ-ДЖОНС, ТЕХНИЧЕСКИЕ СЛУЖБЫ.

Кадры были те же, что и в записи из Архивов. Ким прокрутила ускоренно. Техники быстро закончили работу, исчезли, и картинка мигнула. Таймер прыгнул на два часа вперед, и появился Кейн.

Ким переключилась на обычную скорость. Кейн повернулся к имиджеру, зубы решительно стиснуты, губы поджаты. Он произнес все пункты проверки, встал с кресла и вышел. Имиджер отключился. Через шестнадцать минут по времени корабля он включился снова.

— Говорит «Охотник», к вылету готов, — сказал Кейн диспетчеру Сент-Джонса.

— «Охотник», вылет разрешаю.

Кейн предупредил пассажиров, что до вылета тридцать секунд, и его ремни застегнулись на кресле.

Ким смотрела все это снова: вылет «Охотника», предупреждение Кейна Кайлу в первые минуты полета, что корабль по возвращении надо будет перебрать, потом прыжок в гиперпространство. Она видела, как по одному входили пассажиры, слушала знакомые теперь разговоры. Места, когда Кейн был в кабине один, она проматывала.

Экипаж «Охотника» вел разговоры о том, что надеются найти в Золотой Чаше. О Мечте.

Больше ничего существенного не было. Постоянные заверения Трипли: «Маркис, на этот раз мы найдем, я это знаю» — звучали с особенным смыслом.

Снова было видно, как Кейн без ума от Эмили. А

она от него. Ким задумчиво смотрела, не ожидая отклонения записи от знакомого пути до прибытия «Охотника» к Алнитаку. Может быть, и тогда этого не случится до встречи с инопланетянином. Но здесь Ким ошиблась.

Было почти три часа ночи, когда Кейн в халате появился в кабине пилота с чашкой кофе в руке. Он сел, проверил показания приборов, посмотрел на время и включил привязные ремни. «О'кей, люди, пристегнулись». По интеркому зазвучали голоса:

Йоши: «Может быть, мне кто-нибудь скажет, что происходит?»

Эмили: «У нас для тебя сюрприз». Йоши: «Посреди ночи?» Трипли: «Да. И он того стоит». Йоши: «Так что же это? Маркис, что мы делаем?» Ким застопорила кадр, откинулась в кресле и посмотрела на изображение Кейна, подсвеченного огнями приборов. В отредактированной версии этого не было. Не было сюрприза для Йоши.

Теперь Ким знала, почему Уолт Герхард, техник «Интерстеллар», так не хотел говорить о ремонте прыжковых двигателей, протокол которого он подписал. Ремонта не было. Не было повреждений.

28

Мы ценим Истину, и не потому, что мы принципиальны, но потому, что мы любознательны. Нам нравится верить, что мы не потерпим манипуляций с фактами. Но строгое знание того, что случилось, часто приносит больше вреда, чем пользы. Мистика и мифология – более безопасные пути именно потому, что они открыты манипуляциям. Ценность Истины преувеличена, дамы и господа.

Е. К. Уитлоу, заключительное слово на процессе импичмента Мейсона Сингха, 2087 г. н.э.

БОРТЖУРНАЛЫ «ОХОТНИКА»: 17—19 ФЕВРАЛЯ 573 г.

«Я такой красоты никогда не видала».

Это был голос Йоши. Но виден был только Кейн, свободно сидящий в кресле. Он смотрел вправо, куда-то за поле зрения имиджера. Вспомнив устройство «Охотника», Ким поняла, что он глядит в широкие двойные окна. На потолочном экране отображалась окрестность Алнитака:

огромные клубящиеся облака, черная масса Лошадиной Головы, сверкающая туманность NGC2024, сама гигантская звезда и стремительные кольца газовой планеты.

«Мы так и думали, что ты не захочешь пропустить такое зрелище. — Голос Эмили. — Такого мы тоже нигде больше не видали».

Эмили появилась на картинке и села в левое кресло.

«Я бы предложила сегодня поужинать на террасе».

«Точно так и я подумал. — Трипли. Ким по языку жестов Эмили и Кейна заключила, что Трипли в кабине нет. — На самом деле у нас это стало традицией, когда мы сюда попадаем».

Кейна отвлекло что-то на приборной доске. Он что-то подкрутил, всмотрелся и нахмурился.

«А вот это уже интересно».

«Что именно, Маркис?» — спросил голос Трипли.

«Не знаю. Локатор дает отраженный сигнал…»

«Что за отражение?»

«Металл. Движется перпендикулярно плоскости системы».

Эмили наклонилась поглядеть поближе.

«А что такого? Куски железа в космосе — вещь

обычная».

«В этом есть какая-то определенность. — Кейн помолчал. — Но не надо ликовать раньше времени. Я уверен, что это ерунда».

Но на лице Эмили появилась аура надежды.

«Маркис?» — снова Трипли.

«Кайл, я дал его тебе на монитор. Но мы пока еще слишком далеко».

«Ты думаешь, это может быть искусственный предмет?»

«Я думаю, что это кусок железа. — Кейн нажал клавишу на панели. — Как всем известно, Фонд требует, чтобы в любой необычной ситуации мы записывали все, что происходит на борту, пока ситуация не будет разрешена. За исключением, конечно, личных помещений. Полная запись начинается через минуту. Так что натягивайте штанишки, детки».

«А можно показать изображение этой штуки?» — спросила Йоши.

«Она еще слишком далеко».

«Насколько?»

«Семьсот тысяч километров. Она на орбите, собирается нырнуть за планету. Через несколько минут мы ее потеряем».

«Надеюсь, не насовсем», — сказала Эмили.

«Ни в коем случае». — Кейн смотрел, как предмет уходит вниз и исчезает за краем огромной планеты.

«Кайл, я думаю, мы хотим посмотреть поближе?»

Трипли расхохотался.

«Конечно. Почему бы и нет, раз мы здесь?»

«И когда мы ее снова увидим?» — спросила Йоши.

«Не знаю. Мало было данных, чтобы построить орбиту».

«Просто продолжаем следить», — сказал Трипли.

«Понял. — Кейн дал инструкции ИРу. — Если пустимся догонять, наверняка придется вертеться. Всем пристегнуться».

«Охотник» повернулся, выровнялся, и включились главные двигатели.

Объект появился только через три четверти часа. Кейн безуспешно попытался вывести изображение.

«Все еще слишком далеко», — сказал он.

«Маркис! — Это заговорил ИР. — Объект находится на длинной нерегулярной орбите, снижающейся. Должен вскоре столкнуться с планетой. Примерно через шесть недель».

«Когда мы его настигнем?» — спросил Трипли.

Кейн передал вопрос ИРу.

«Завтра до полудня», — последовал ответ.

В кабине пилота тускло горели две лампы. Окна почти полностью занимали кольца и луны. В 2:17 ИР разбудил Кейна.

«Маркис, у нас есть определение».

Объект был *гладким.* Совсем не такой кусок природного железа, как они ожидали. Он был похож на панцирь черепахи.

Кейн смотрел почти десять минут, достраивал изображение, постукивал пальцами по консоли, кивал про себя. Потом он включил интерком:

«Ребята, — спокойно сказал он. — Мы нашли аномалию».

Все стали по одному сходиться в кабину пилота, босиком, в халатах, настороженно-возбужденные. Эмили поглядела на потолочный экран, остальные уставились в окна, куда Кейн подал изображение.

«Это с достройкой, — сказал он. — Но думаю, очень близко к реальности».

Все молча смотрели. Йоши стояла рядом с Трипли, и, казалось, они тянулись друг к другу. Лицо Эмили сияло.

«Не очень большой», — сказал Кейн.

«А какого он размера?»

«Чуть больше полуметра в длину и две трети этого в ширину».

Ким почти физически ощутила воцарившееся в кабине разочарование.

«Похоже на игрушку, — сказала Йоши. — Кто-то что-то выбросил за борт».

Предмет кувыркался, медленно поворачиваясь то одним, то другим концом.

Трипли стоял возле настольной лампы. Он выключил ее, чтобы было лучше видно.

«Просто в порядке предположения, — сказал он, — есть возможность существования местной жизни?»

Эмили покачала головой:

«Алнитак испускает слишком много ультрафиолета».

«Но ведь мы не знаем наверняка, что ее не может быть».

Стали видны антенны и датчики. Кейн постучал по окну:

«У него кольцо Клейсона».

Далеко не сразу все сообразили, что это значит. Кольцо Клейсона означало возможность совершения прыжка. «Если не учитывать размер, — спросила Эмили, — кто-нибудь такую

конструкцию когда-нибудь видел?»

Кейн покачал головой.

«Я провел поиск в базах данных. Эта штука не похожа ни на что».

«Это зонд, — сказала Эмили. — Наверное, остался после наблюдения».

«Не может быть», — возразил Кейн.

«Почему?»

«Кольцо Клейсона».

«Бывают зонды с кольцом Клейсона», — не сдавалась Эмили.

«Не такого размера. Слишком мал. Мы не умеем умещать прыжковую систему в такие габариты. Разве что за последнее время был сделан прорыв».

«Ты предполагаешь, — спросила Йоши, — что это — артефакт внеземного происхождения?»

Она судорожно вздохнула от смелости собственного предположения.

Кейн встал, подошел к окну и стал рассматривать объект.

«Я не хочу возбуждать неоправданных надежд, но не думаю, что мы или какой-нибудь известного нам типа корабль оставил здесь этот предмет».

Все переглянулись. Появились осторожные улыбки. Эмили закрыла рот рукой. Трипли огля-

дел комнату, будто боялся, что сейчас кто-то предложит более прозаическое объяснение. Йоши стояла недвижно перед окном, рядом с Кейном.

«Пусть нас не обескураживают его размеры, — сказал Кейн. — Может быть, с ним все-таки можно говорить. На борту может оказаться ИР какого-то типа».

«Позвольте мне задать вопрос, — начал Трипли. — Должна ли разумная жизнь иметь большие размеры?»

Эмили кивнула:

«Теоретически — да. Должен быть большой мозг».

«Это теория. Но так ли это на самом деле?»

Никто не знал.

Кейн поднял глаза от консоли. Он был один в кабине пилота.

«Кайл», — сказал он в коммуникатор.

Трипли и женщины появились буквально через секунду.

«Наблюдается истечение энергии, — сказал Кейн. — Объект не мертв».

«Потрясающе! — Трипли взметнул кулак в воздух и обернулся к женщинам. — Леди, мы их нашли!»

Все стали обниматься. Эмили поцеловала Кейна, который сделал вид, что смутился, а Йоши обняла его за шею.

«С этой минуты, — сказал Трипли, — мы будем действовать в предположении, что они там на борту живые».

«Охотник» догнал «черепаху» над кольцами где-то вблизи северного полюса. Кейн приблизился к объекту до сорока метров со стороны Алнитака, чтобы имиджеры не ослепли.

Все сгрудились в центре управления, кроме Кейна, который остался в кабине. Трипли сел за консоль связи, посмотрел на коллег и дал сигнал Кейну, виртуальное изображение которого занимало кресло. Кейн кивнул, и Трипли положил палец на кнопку передачи. Кейн заметил было, что передачу может выполнить ИР, но слишком уж исторический был момент.

— О'кей, — сказал Кейн. — Когда будешь готов…

Трипли один раз нажал на кнопку и с сияющим лицом оглядел своих спутников.

«Быть может, — сказал он и снова нажал кнопку, на этот раз трижды, — сейчас было послано первое сообщение от человечества… — он нажал кнопку в четвертый раз, — его звездным собра-

тьям».

Все переглянулись в ожидании. В окнах на фоне лунного ландшафта кувыркался похожий на черепаху предмет.

«Там темно», — сказал Кейн.

Эмили покачала головой.

«Нет, он слишком мал. А жаль. Но с меня хватит того, что предмет искусственный».

«Рано сдаешься, — сказала Йоши. — Кайл, попробуй еще раз».

Трипли снова передал послание. Один, два, три, четыре.

В полутьме центра сияли цвета колец.

«Думаю, Эмили права, — сказал Трипли. — Если бы там кто-то был, нам бы ответили».

Сигнал послали третий раз. Потом Йоши села к консоли и стала терпеливо повторять передачу.

«Знаете, что надо учесть? — произнес Кейн, рассматривая изображение. Он показал на предмет, смонтированный на носу „черепахи“, — что-то вроде скобы или вилки. — Объект может быть способен к нападению».

«А зачем им нападать?» — спросила Эмили.

«Ты тычешь палкой в незнакомого зверя. Я только говорю, что это *может* случиться. И, наверное, это стоит учесть».

«А чего им в нас стрелять? — спросил Трипли. — Они же нас даже не знают».

Кейн говорил без намека на эмоции.

«Подумай о наших сравнительных размерах. Мы этак раз в семьсот больше. Если там действительно есть кто-то живой, я бы на его месте наверняка нервничал».

«Так что ты предлагаешь?» — спросила Эмили.

«Чтобы мы были в любой момент готовы сдать назад. То есть, если я скажу, что мы уходим, в тот же момент все должны пристегнуться, и без споров. Вряд ли такой случай произойдет, но если да, то я хочу, чтобы не было дискуссий».

«О'кей, — сказала Эмили, даже не пытаясь скрыть, насколько не принимает это всерьез. — Если они начнут стрелять, бежим. Вряд ли кто-то будет с этим спорить».

«А что теперь? — спросила Йоши. — Приемник у них, кажется, отключен. Что мы еще можем сделать?»

«Помигать ходовыми огнями», — предложила Эмили.

Трипли согласился:

«О'кей».

Кейн отключил огни, включил снова. Выждал несколько секунд, отключил, включил.

Так продолжалось некоторое время. Потом Трипли спросил, у кого еще какие есть идеи.

Йоши предложила:

«А что, если нам отстать, чтобы нас не сочли назойливыми? Пусть сами сделают шаг, если хотят. Они же наверняка любопытны не менее нас».

Все согласились, что это стоит попробовать, и Кейн отодвинулся на пять километров, выйдя на параллельную орбиту.

Следующие несколько часов прошли в долгих, повторяющихся и, в общем, бессмысленных разговорах. Вряд ли черепашка была военным кораблем, поскольку Алнитак — территория необитаемая и стратегического значения тоже иметь не могла. Это вряд ли был торговец — по тем же причинам. Значит, оставалась только одна возможность: корабль исследовательский. *Если* корабль не полностью автоматический и если это *действительно* корабль, то на нем должна быть команда ученых. А если так, то почему они не отвечают?

Трипли предложил снова попробовать радио. Решили послать счет «один-три-пять-семь» и передавать его автоматически. Послание гнали два часа без результата, потом сдались и перестали.

«Надо начать обдумывать, что делать, если они

не ответят», — поставила вопрос Эмили.

«Это просто, — ответил Кейн. Все удивленно обернулись к нему. Обычно Кейн избегал вносить предложения о ходе экспедиции, ограничиваясь только техническими вопросами. — Наделаем побольше снимков и полетим домой».

«Ну нет, — возразил Трипли. — Ни в коем случае».

«Даже если отвлечься от всего остального, — сказала Йоши, — они движутся без собственной тяги по снижающейся орбите. Если там кто-то есть, этот кто-то погибнет».

«А если мы привезем с собой только снимки, — заметил Трипли, — научная общественность шарахнется от нас как от зачумленных».

«Я могу предположить три причины, по которым они не отвечают, — сказал Кейн. — Первая: корабль автоматический. Вторая: на борту все мертвы. Третья: они затаились. Они ведь летят по снижающейся орбите, а это наводит на мысль, что у них авария. Они не могут убежать и, очевидно, не могут драться. Перед ними корабль огромных размеров, каких они никогда не видели. И потому они надеются, что мы просто отстанем. Или…» «Или?»

«Они надеются, что мы подойдем». «Ты дума-

ешь, они подают сигнал бедствия?» «Наверняка. Если могут». «А мы можем как-то его перехватить?» «Мы слишком мало знаем об их аппаратуре. Если это гиперсвязь, что возможно, для перехвата нам нужно было бы астрономическое везение».

Эмили предложила снова попробовать радио. «А чем на этот раз будет лучше?» — усомнился Трипли. «У них было время убедиться, что мы не враждебны. Может быть, теперь они больше будут склонны рискнуть». Кейн дал ИРу указание снова передавать счет до четырех.

«Никогда не рассматривал возможность чего-либо подобного, — сказал Трипли. — Мы всегда считали, что в случае контакта с инопланетянами они будут, как мы, — желать общения».

В динамике зазвучал новый тон. Короткий сигнал. Потом пара. Потом три.

«Это от черепахи», — сказал Кейн. Четыре. И *пять.*

Трипли хлопнул ручищей по консоли. Счет продолжался до восьми.

Воцарилось ликование. Люди вскидывали кулаки, обнимались, хлопали друг друга по рукам. Даже немного слез появилось.

«Господи, они на самом деле есть!» — восклик-

нул Трипли.

«Мы это записываем? — спросила Эмили у Кейна. — В журнал идет?»

Капитан посмотрел прямо в имиджер.

«Да. Через тысячу лет это будут показывать в школах».

Трипли притащил четыре бокала и бутылку вина.

И тут пришел еще один сигнал.

Потом два.

«Снова считают», — сказал Трипли.

Три. Пять.

Восемь.

Все переглядывались, но продолжения не было.

«Восемь, — сказал Трипли. — Что будет после восьми? Они ждут от нас ответа».

«Тринадцать», — пожала плечами Эмили.

«Почему ты так решила?»

«Каждое число — сумма двух предыдущих».

«Меня убеждает», — согласился Трипли, переключил передатчик на ручное и передал ответ.

Снова пошли сигналы: один, два, три, пять, семь.

«Простые числа», — сказала Эмили.

Трипли улыбался во весь рост, радуясь игре:

«Одиннадцать!» — И он передал ответ.

Эмили стояла возле окна, глядя на крошечный кораблик.

«По-моему, пора передавать визуалы».

Трипли согласился:

«Наверное. Но что им показать?»

«Что должно их сейчас больше всего интересовать?»

«Мы», — сказала Йоши.

«Именно! — Трипли сиял. — Пусть кто-нибудь их поприветствует. Кто-то из женщин…»

«Почему из женщин? — спросила Эмили. — Я думаю, что показать надо всех. Пусть видят все, что у нас есть».

«О'кей. Давайте так и сделаем. Эмили, ты их искала долго. Будь первой».

Эмили была неподдельно тронута.

«Ладно, согласна». — Она уже что-то писала в блокноте.

Кейн, несмотря на радостный подъем, все же заметил:

«Их лингвистическое искусство может оказаться не слишком развитым».

«Это не для них. Это для школьников будущих поколении». «Которые и этот разговор тоже слышат», — напомнила Йоши.

«Ничего, они поймут».

Эмили села и показала жестом, что она готова. Трипли подстроил изображение и нажал кнопку передачи.

«Ты в эфире», — сообщил он. Эмили поглядела прямо в имиджер и улыбнулась как можно лучезарнее. «Мы знаем, что ничего этого вы не поймете, но все равно здравствуйте. Вас приветствует Гринуэй. Можем ли мы чем-нибудь вам помочь?»

За ней выступили остальные. Трипли высказал надежду, что эта случайная встреча принесет много пользы обеим расам. Йоши пожелала добра «нашим межзвездным друзьям» и выразила надежду, что началась новая эра для всех.

Последним говорил Кейн. У него был такой вид, будто он не ожидал приглашения на это торжество, но когда Йоши указала на него как на капитана и сообщила, что у него есть, что сказать, он встал.

«Мы рады нашей встрече. Если мы можем чем-нибудь помочь, дайте нам знать». И он отключил связь.

«Ну, — спросил Трипли, — как мы выступили?»

«Я бы сказал, что вы были непревзойденными,

ребята», — ответил Кейн.

«Ответа нет?» — спросила Эмили.

«Пока нет».

Кейн опустился в кресло. Трипли спросил, насколько вероятно, что на «черепахе» совместимое оборудование, позволяющее принимать визуалы. Кейн заверил его, что это вполне возможно.

Люди ждали. Тянулись минуты. И замигала белая лампочка.

«Входной сигнал», — сообщил Кейн.

Это было похоже на бабочку.

Ким в своей гостиной, готовясь увидеть туманный *предмет*, удивленно подалась вперед. Сердце заколотилось чаще.

Бабочка глядела холодными золотыми глазами. Не фасетчатыми, а вполне как у млекопитающего. У нее была грудь и челюсти и много конечностей, кажется, всего шесть, но точно было сказать трудно. Медленно шевелились пятнистые красно-золотые крылья.

И одета была бабочка в неожиданно обыкновенную зеленую рубашку. Нижняя часть тела не была видна. Выражения лица в человеческом смысле этого слова не было. Куда-то доносился звук — песенный ритм, почти заклинание, прерываемое быстрыми щелчками.

Изображение появилось на мониторах центра управления пилотской кабины, а также в окнах.

Создание поддерживала какая-то конструкция, предположительно, эквивалент стула. На переборке виднелись какие-то измерительные приборы, а кабина пилота — если это была она — казалась нормального размера. Любопытная иллюзия: всякий, принимающий это изображение, сделал бы вопиюще ложное допущение. Бабочка казалась размером примерно с человека.

Она подняла верхнюю переднюю конечность жестом, который мог означать приветствие. Эту позицию бабочка продержала минуту и семнадцать секунд. Потом экран погас.

«Что случилось?» — встревожился Трипли.

Кейн покачал головой:

«Очевидно, конец передачи. Я думаю, они не очень настроены болтать».

«Можем мы показать картинку главного люка снаружи? — спросила Эмили у Кейна. — Нашего главного люка?»

«Нет. У нас нет ничего, что давало бы изображение под этим углом. А что?»

«А грузовой люк?»

«Это можно».

«Что ты задумала?» — спросил Трипли.

«Я думаю, мы должны послать им приглашение». — Ким объяснила свою мысль, но Трипли, выслушав ее, сильно засомневался.

«Ты думаешь, это разумно?»

«А что мы теряем? Если Маркис прав и корабль поврежден, они нас могут понять правильно».

«Ладно, попробуем».

Кейн направил имиджер левого борта на грузовой люк, открыл шлюз и включил там свет. Эмили оправила блузку и пригладила волосы. Когда она была готова, появился разделенный экран, где на одной половине была Эмили, а на другой — открытый люк.

«Здравствуйте еще раз, — сказала она. — Хотите прибыть на борт?»

В окнах снова появилось изображение миниатюрного корабля. Он безмятежно парил на фоне звездных облаков.

Эмили подождала и повторила приглашение.

И повторила в третий раз.

«Кажется, меня оскорбили», — сказала она наконец.

«Что там у них такое? — Прошло уже два часа, и Трипли мог скрыть раздражения. — Думаешь, они восприняли открытый люк как угрозу?»

«Не знаю. В конце концов, перед нами бабочки. Может быть, У них есть опыт общения с пауками?»

«Так что нам теперь делать?» — спросила Эмили.

«Открытая дверь — это жест универсальный, — настаивал Трипли. — Единственное, что он может значить — это приглашение. Почему нам не попробовать еще раз?»

«Пусть их теперь Йоши манит, — предложила Эмили. — Может быть, ей больше повезет».

Йоши заняла ее место перед имиджером, доброжелательно улыбнулась, стараясь принять самый безобидный вид, и сделала дружественное приглашение.

Ответа не было.

«Мне пришло в голову, — сказала она, — что они просто не представляют себе, насколько мы велики. То есть каждый из нас. Они думают, что нас здесь тысячи».

«Ты права», — согласилась Эмили.

«А это значит?»

«Что физическая встреча на данном этапе — не слишком хорошая мысль».

«Есть прием сигнала, — сообщил Кейн. — Только звук».

Он подал его на динамик.

Снова передавались короткие сигналы.

Один.

Два. Три.

И четырнадцать.

«Четырнадцать?» — спросил Трипли неизвестно кого.

«Это не последовательность», — заметила Йоши.

Эмили глубоко вздохнула:

«Согласна. Но что они хотят нам сказать?»

Последовательность повторилась: один, два, три, четырнадцать.

И повторилась еще раз.

«Они нам говорят, чтобы мы убрались, — сказала Эмили. — Четырнадцать не укладывается в серию. Они хотят прервать контакт».

«И что нам теперь делать?» — спросил Трипли. «Лететь домой, — предложил Кейн. — Понять намек и удалиться. Вряд ли мы здесь сейчас можем что-нибудь сделать, кроме как навредить».

«Нельзя этого делать, Маркис! — возмутился Трипли. — Это идиотизм!»

У Эмили был усталый вид. «А ты что предлагаешь, Кайл?»

«Маркис, ты все еще думаешь, что у них нет

хода?»

«Да, тут нет сомнений».

«Тогда нельзя просто так взять и улететь. — Трипли мучился нерешительностью. — Мы не знаем, как далеко они от дома. И не знаем, идет ли им кто-нибудь на помощь. — Он посмотрел на Эмили. — Ты готова их здесь оставить, чтобы их засосало вон туда, — он показал на газовый гигант, — и после этого жить спокойно?»

«А почему не подождать и не посмотреть, не придет ли кто-нибудь к ним на помощь? — предложила Йоши. — Если за разумное время никто не появится, можем попытаться взять их на борт».

«А что такое разумное время? — задал Трипли риторический вопрос. — Пока мы тут спорим, у них может отказать жизнеобеспечение. Бог один знает, сколько они здесь крутятся».

«Но они нам говорят, чтобы мы ушли», — возразила Эмили.

Йоши нахмурилась:

«В этом я не уверена. Может быть, это у них сигнал бедствия. Нарушается последовательность — значит, что-то неправильно. Мы же предположили, что они должны были понять значение открытой двери».

У Трипли кончилось терпение.

«Слушайте, что самое худшее может случиться, если мы их возьмем на борт? Вернемся на Гринуэй…»

«Сент-Джонс ближе».

«…на Гринуэй. Нам понадобится помощь. Нас уже там встретит целая группа. Сделает все, что нужно этим беднягам. Потом мы отдаем им ключи от города и отпускаем домой».

«Если так выйдет, — сказала Йоши, — это потрясающий путь завязать отношения».

«Значит, мы все согласны. Маркис, у тебя есть возражения».

«Я бы не лез в это дело. Но решать тебе, Кайл. Я буду выполнять решение».

«Давайте сделаем».

«Как?» — спросила Йоши.

Трипли глубоко вздохнул:

«Как уже было сказано. Кажется, у этой штуки нет хода. Берем ее на борт».

Эмили и Трипли надели скафандры, спустились вниз и откачали воздух из трюма.

«По моей команде открывайте дверь, — велел Кейн. — Но не раньше. Я не хочу, чтобы вы хватали дозу местной прямой радиации. Будем держаться к звезде другой стороной корабля,

но полной безопасности все равно не будет, так что постараемся действовать быстро. Как только дверь откроется, вам ничего делать не придется, я сам заберу эту черепашку на борт. Но если будет реакция и нам придется маневрировать, будьте готовы за что-нибудь держаться. Как только она окажется внутри, закрывайте дверь. Все ясно?» «Ясно, Маркис», — ответил Трипли.

Сопла с правого борта вспыхнули, и «Охотник» двинулся боком к своей цели.

Эмили и Кайл в шлемах вошли в шлюз и сели на скамью. Экран, вделанный во внешний люк, исполнял функции окна, но Ким со своего места не видела того, что было видно им.

«Пока что ответа нет», — сказал Кейн.

Он сокращал дистанцию почти час. Когда она его устроила, он дал Трипли сигнал открыть внутренний люк воздушного шлюза. Потом внешний.

«Все еще молчит, — сказал голос Кейна. — До взятия на борт около двух минут».

Эмили и Трипли вышли из шлюза, давая Кейну место для маневра.

«Сейчас мы отключим гравитацию. Держитесь от объекта подальше. Если он сделает что-нибудь неожиданное, не препятствуйте. Если кто-нибудь

погибнет, придется писать кучу бумаг, а в такой ситуации до этого недалеко».

«Как ты?» — спросила Эмили у своего напарника.

«Вполне».

«О'кей, — деловито заговорил голос Кейна. — Отключаем гравитацию. Не делайте резких движений».

На фоне внешнего люка появился корабль инопланетян.

«Не подходите, — предупредил Кейн. — „Черепашка“ войдет в люк без помощи. Когда войдет, закрывайте. И дайте ей побольше места».

Панцирь «черепахи» проплыл мимо ходовых огней «Охотника». Ким обратила внимание на то, чего не заметила раньше: гиперболический кораблик был похож на тот, что прицепился «Хаммерсмиту».

«Не волнуйся, все будет в порядке», — сказала Эмили. «В этом я не сомневаюсь, но держите дистанцию, пока не убедимся, что он нам не угрожает. Потом будем думать, как закрепить его для полета домой».

«Может, это надо было обсудить раньше чуть подробнее», — вдруг произнесла Йоши, смотревшая из коридора.

«Черепаха» была уже у самого внешнего люка — Кейн подвигал корабль в ее сторону. Трипли стоял и смотрел — он был слишком близко. Может быть, он был заворожен, но лица не было видно под шлемом. Эмили взяла его за руку и осторожно отодвинула с дороги.

Кораблик вошел в люк. Прошел его и поплыл в трюм. В свет.

«Эй! — вдруг сказал Кейн. — Принимаем визуалы».

Трипли вздрогнул и посмотрел на мониторы. Изображение кораблика дрогнуло и сменилось бабочкой. Она размахивала антеннами, а песенный ритм сместился на октаву вверх.

«Кажется, она перепугана», — сказала Эмили.

«Может быть. — Трипли перевел взгляд с экрана на кораблик. — Скоро они будут благодарны».

Он направился к люку, собираясь его закрыть. Но кораблик *задвигался.* Он направил нос в сторону открытого неба за люком и двинулся вперед. Двинулся рывками, будто тяга была не совсем управляемой.

«Не подходите! — предупредил Кейн. — Он хочет наружу».

Эмили попыталась оттащить Трипли.

«Они испуганы, — сказала она. — Они только

что увидели, какие мы большие. Не делай угрожающих движений».

И тут она — невероятно! — встала перед кораблико м и подняла руки.

«Все хорошо, — произнесла она успокаивающим тоном. — Мы только хотим помочь».

Тут одновременно произошло все сразу. Трипли нажал кнопку, и люк начал закрываться. Кейн крикнул Эмили, что бабочки ее не слышат и чтобы отошла с дороги. Образ бабочки исчез с экрана.

Эмили с глупым упрямством стояла на месте, загораживая кораблику путь к люку, а тот быстро закрывался.

«Пожалуйста! — взмолилась она. — Дайте нам шанс!»

Из носа кораблика вырвались два красных луча. Они ударили Эмили прямо в живот и выбросили ее из люка. Трипли вскрикнул и попытался ее поймать, но только изменил направление ее полета и сам чуть не вылетел. Он смотрел вслед уменьшающейся фигуре, потом повернулся и бросился к «черепашке». Кейн приказал ему остановиться, но было поздно. Начальник экспедиции схватил кораблик и пролетел с ним по инерции к дальней стене трюма. От удара Трип-

ли полетел, кувыркаясь, в невесомости, так и не выпустив кораблик. Люк закрылся.

«Даю одно g», — сообщил Кейн.

Трипли с корабликом упали на пол.

Эмили на экране плыла прочь, оставляя след красных пузырьков.

«Показатели ноль… — голос Кейна надломился. Он взял себя в руки и закончил: — Пульс ноль».

Йоши была неколебима:

«Я считаю, что мы должны их отпустить. Отпустить, улететь сами и обо всем забыть».

«Они убили Эмили! — воскликнул Трипли. — И после этого их отпустить?»

«Они боялись. Они рвались на свободу».

«Нечего им было бояться!»

В разговор вмешался Кейн:

«Никто не хочет смерти этим сволочам так, как я. — Он остановился, играя желваками. — Но здесь особый случай. Йоши права. Направим их к водороду, — он имел в виду газовый гигант, — и отпустим».

Трипли покачал головой:

«Тогда выйдет, что она погибла ни за что. Что мы скажем, когда вернемся? Нашли инопланетян, но они совсем не хотели разговаривать. Не зная, как работает их корабль, мы и спросить не

могли. Не знаем, откуда они. А теперь — задавайте любые вопросы. Да, кстати, у нас Эмили погибла».

«Что ты хочешь сделать?» — спросил Кейн.

«Я думаю, их надо взять с собой. Теперь это неизбежно. Видит Бог, Маркис, мы за это заплатили. И теперь уйти и сделать вид, что ничего не было?»

«Знаешь что, Кайл? — Йоши говорила сдавленным голосом. — Вряд нам за это кто-нибудь скажет спасибо».

«Как это так? Как ты можешь так говорить? Вот же он — Святой Грааль!»

«Открытие наше всех обрадует, но сами мы станем посмешищем».

Трипли отчаянно замотал головой:

«Ты не меньше меня хотела взять их на борт».

«А ты подумай, — предложила Йоши. — Мы не знаем, какие они передали сообщения по гиперсвязи. „Ищите гигантов с открытым люком. Стреляйте сразу“. Что люди скажут, когда увидят, как ты схватил кораблик и ахнул его об стену?»

«Маркис, это попало в бортжурнал?»

«Боюсь, что да, Кайл».

«Господи ты Боже мой. Но ведь они — убийцы!»

«Только потому, что их захватили, — настаивала Йоши. — Так им это виделось. И так это воспримут зрители. Послушайте, я никого ни в чем не хочу винить. Но подумать надо. Репутация, работа — все полетит к чертям. В учебники истории попадем как первейшие кретины человечества. Над нами будут смеяться много веков».

Они сидели в центре управления. Тело Эмили подобрали и положили на койку. Кораблик был показан в середине экранов, удерживаемый гравитацией на грузовой палубе.

«Не можем же мы просто взять и все выбросить!» — взмолился Трипли.

Никто ему не ответил.

29

Муж возвышенного ума более дорожит истиной, чем мнением людей.

Аристотель, 340 г. до н.э.

Ким повторно посмотрела кадры из грузового трюма, остановив на моменте, когда лучи ударили Эмили. Она увеличила кадр и выделила лицо сестры. На нем отразилось скорее удивление, чем боль.

Она погибла быстро, и это уже было какое-то утешение. Но было мгновение, когда гасло сознание и Ким почти прочла ее мысли: «Он у меня в руках, корабль, построенный иной цивилизацией, и я никогда не узнаю, кто они».

Замысел ее коллег приобрел неизбежность греческого Рока. Они отвезут «черепаху» на Гринуэй и узнают, что смогут, о ней и ее обитателях. Но сначала надо нейтрализовать возможность кораблика наносить вред.

Это было исполнено, когда определили, что оружием, использованным против Эмили, была «вилка» на носу. Ее отбили ломом, а после этого кораблик заперли в грузовом контейнере.

Дальше начался горячий спор, приведший к единодушному, хотя и неохотно принятому решению: скрыть исход экспедиции.

«До тех пор, — как сказал Трипли, — пока не придет пора открыть, что мы нашли. Если она вообще придет».

Больше всех против плана возражал Кейн — может быть, потому, что вообще не любил обмана, но еще и поскольку это наверняка потребует фальсификации бортжурналов. Но наконец и он поддался доводу, что, если сообщить о случившемся, каждый из них теряет и работу и репутацию. Они будут считаться безумцами, пока существует род человеческий.

И потому они отвезут кораблик на Гринуэй и сами его изучат. Тем временем, быть может, кто-нибудь из них найдет и решение угрожающей дилеммы, в которую они вляпались.

Этот план требовал, чтобы Эмили осталась здесь, поскольку способа объяснить ее смерть нет. Это Трипли предложил план, что они вернутся в Терминал, закажут для нее гостиницу, с помощью ее удостоверения создадут иллюзию, что она улетела в такси, а потом власти будут гадать, почему она так и не прилетела.

При этом образе действий последним, что надо

было сделать, — выпустить Эмили в пустоту.

И это тоже было в записях, будто Кейн оставил их — кому? Историку? Судье? Записи в бортжурнале кончились похоронной службой. Экран погас и отключился.

Ким сидела среди удлиняющихся теней и слушала океан.

«Ким, тебе звонок от Кэнона Вудбриджа».

— Соедини, Шеп.

На самом деле звонил помощник — молодой человек с мрачноватым самоуважением.

— Доктор Брэндивайн?

— Она самая. — Если молодой человек и назвался, Ким этого не услышала.

— Доктор Вудбридж просит вас завтра приехать в Салоники. Он просил меня передать его извинения, что не может сделать этого сам, но он крайне занят.

— Почему?

— Он всегда занят, доктор.

— Нет, почему мне ехать в столицу?

— Я думаю, это какая-то церемония награждения. Он крайне озабочен тем, чтобы вы там были.

— А вы не можете мне сказать, что за церемония?

— Извините, подробности мне не известны. Но транспорт для вас организован. За вами пришлют флаер завтра в девять утра. Надеюсь, это не будет для вас неудобно?

Через десять минут Шепард сообщил еще об одном звонке.

«Тора Кейн».

Ким вздохнула. Она сидела на диване, безуспешно пытаясь читать последний номер «Космика» и не была в настроении слушать враждебные слова. Все же она выпрямилась и велела Шепарду соединить.

— Брэндивайн? — спросила Тора.

Трудная женщина.

— Здравствуйте, — ответила Ким.

Тора стояла возле древней вазы.

— Верно ли мое заключение, что это вас я видела вчера в музее Могучего Третьего?

— Не думаю, — сказала Ким.

— Пожалуйста, не тратьте мое время зря. Я не дура.

Ким пожала плечами.

— Я его предупреждала, что не стоит их там оставлять.

Она говорила об отце или о Микеле?

— Что конкретно вы хотите? — спросила Ким.

— У меня есть инструкции, которые я должна выполнить. — Она смотрела на Ким, как может человек смотреть на жучка.

— Инструкции? От кого?

— От Маркиса.

— Вот как?

— Сначала я должна быть уверена, что говорю с тем человеком. Вы вчера украли кое-что из музея или нет?

— Минутку. — Ким отключила звук. — Шеп, нас на том конце записывают?

Он проверил.

«Нет».

— Если она начнет записывать, немедленно прерви связь.

«Сделаю, Ким».

— Дай опять звук.

Тора смотрела из-под полуприкрытых век.

— Надеюсь, вы теперь достаточно уверены в своей безопасности, чтобы сказать правду.

— Журналы у меня.

— Тогда вам надо увидеть кое-что еще.

— Что?

— Приезжайте завтра вечером. В семь.

— Вы не можете сказать зачем?

Тора отключилась.

Правительственный флаер опустился на площадку Ким ровно в девять утра. Она села в машину, показала автомату удостоверение, и аппарат, взлетев, взял курс на север по грозовому небу.

Ким устала до изнеможения. Образы из грузового трюма «Охотника» не отпускали. Все время виделись глаза Эмили, бешеный бросок Трипли к «Доблестному».

Что же ей теперь делать?

Кажется, вещь простая: обнародовать. Резонанс будет колоссальный, и команда «Охотника» восстанет в славе — по крайней мере будут сняты некоторые подозрения в грязной игре. Но этого нельзя сделать, не разгласив, что был контакт. А это нарушение ее договора с Вудбриджем.

Если люди узнают, их никто не удержит. Всякий, у кого есть корабль, бросится к Алнитаку, где встретили — кого? Вид, который стал враждебным, когда захватили в плен его корабль?

Флаер опустился на крышу в Центре национальной безопасности. Дождь лил вовсю. Машина заехала под навес, и Ким там уже ждала молодая сотрудница.

Ее провели на несколько этажей вниз и пригласили в небольшой кабинет. Через секунду открылась дверь, и вышел Вудбридж. Он пожал

ей руку, спросил, все ли в порядке в Институте. Она не успела ответить, как вошел помощник и доложил, что все готово.

— Хорошо, — сказал Вудбридж. Более не проявляя интереса к положению дел в Институте, он повел Ким в конференц-зал, где уже тусовались человек двадцать. Это был фуршет. На столах стояли сыр, печенье, вино. Вудбридж стал представлять ее присутствующим, все титулованные — директор того и президент сего, — но тут открылась боковая дверь, и все замолчали. Те, кто еще сидел, встали.

Ким не видела, кто вошел, но услышала голоса в коридоре, почувствовала переполох в комнате и потом увидела, что это — Толбот Эдвард, член Совета. Он вышел вперед (люди раздались в стороны с его дороги) и встал за трибуной. Подождал, пока все усядутся.

— Леди и джентльмены! — начал он. — Рад видеть вас снова. Я здесь не часто бываю.

Эдвард был высок, неимоверно худ, безупречно ухожен. На обеих руках у него были браслеты, а взгляд будто отражался от служителей и гостей, как если бы он ничего вокруг не видел.

— Сегодня мне выпала особенно благодарная задача. — Он оглядел аудиторию, остановил

взгляд на Ким, будто ее узнал. И в самом деле узнал, решила она, поскольку искал женщину, сидящую рядом с Кэноном Вудбриджем.

— Доктор Брэндивайн, не будете ли вы так любезны выйти сюда? Кэнон, и ты тоже.

Он крепко пожал ей руку, но смотрел при этом куда-то вверх. Вудбриджу он улыбнулся и еще несколько минут распространялся о преимуществах науки и о том, как важно, чтобы Республика оставалась на переднем ее крае.

— Время от времени мы в Управлении прогресса любим чествовать людей, возглавляющих наступление. — Кажется, ему понравился этот образ, потому что он еще раз повторил: — Возглавляющих наступление. Сегодня мы хотим высказать нашу благодарность доктору Брэндивайн за особый вклад в космологию.

Вудбридж достал белую коробочку и отдал ему. Эдвард взял коробочку, открыл ее, достал серебряную медаль с красной лентой и показал публике.

— Медаль Брейса Ситвелла «За особые достижения», — объявил он и сделал рукой изящный жест к лацкану Ким, куда и прикрепил медаль. — Поздравляю вас!

Он пожал ей руку, пожал руку Вудбриджу.

Ким никогда и слыхом не слыхала про Брейса

Ситвелла. Она поблагодарила, зардевшись, улыбнулась Вудбриджу и члену Совета.

Эдвард выразил уверенность, что она и дальше будет работать столь же успешно. Потом пожал еще несколько рук, поглядел на часы и исчез.

Люди стали подходить поглядеть на медаль и поздравить.

— Спасибо, — сказала Ким Вудбриджу.

— Это действительно высокая награда, — ответил он. — Самая высокая, которую мы можем дать. Только, увы, никто не знает, за что ее дали вам. Только вы, я, советник и несколько человек технического персонала.

Ким сама не совсем понимала, за что получила награду. Вудбридж положил ей руки на плечи, будто посылая в бой.

— А теперь удастся мне вас уговорить со мной позавтракать?

Ким подлетела к дому Торы Кейн, когда начинало темнеть. Тора стояла на посадочной площадке с каким-то напитком в руках. Такси приземлилось, Ким вылезла.

— Добрый вечер, Брэндивайн, — сказала она.

Ким кивнула и поглядела на свое такси.

— Ему подождать?

— Вреда не будет.

Был приятный вечер конца апреля, солнце только что зашло. Воздух был полон ароматами леса. Две белки гонявшиеся друг за другом по стволу старого дуба, остановились и уставились на женщин.

Они поднялись на крыльцо, и Тора предложила Ким сесть. Она взяла шаткий деревянный стул, Тора села на качели. На столе стоял кувшин и еще один стакан.

— Хотите? — предложила хозяйка.

— Спасибо, — ответила Ким, решив не реагировать на хмурость Торы.

Тора налила себе.

— Как вы узнали, где они?

— Журналы? — Ким пожала плечами. — Я решила, что спрятать их там было бы в его характере.

— В музее, на стенде? Да, это на него похоже.

Напиток был хорош.

Ким посмотрела в глаза Торы:

— Вы с самого начала знали? Знали, что случилось на «Охотнике»?

— Да, знала.

— Вы видели журналы?

— Нет. — Тора поставила стакан и уставилась в густеющую мглу. — Нет. Кровавые детали мне

не хотелось видеть. Но я знала, что произошло. Это его мучило.

— А что случилось на пике Надежды? Каков конец истории?

Тора открыла ящик столика и достала диск.

— Он знал, что кто-нибудь в конце концов сделает то, что сделали вы. Найдет хотя бы часть правды. Не вы, так кто-нибудь другой. — Внутри, за окном, горела лампа. — И он дал мне инструкции: если журналы найдут, это заявление должно быть передано властям. Вы — не власти, но будет логично, если вы его получите.

Ким взяла диск.

— Хотите посмотреть?

— Я это видела.

Ким сунула диск в карман.

— Но вы должны понимать, что я еще не решила, обнародовать ли что-нибудь из этого.

Тора пожала плечами:

— Обнародуйте и будьте прокляты.

Ким встала и повернулась уходить. Тора не встала с качелей.

— Вы должны понимать, что у вас только копия. История «Охотника» не должна быть обнародована частично — только полностью. И если вы этого не сделаете, сделаю я.

Дома Ким сразу вывела диск на экран.

Сначала было изображение «Доблестного». Таймер в правом нижнем углу показал 3 апреля 573 года, 18:48. Ким вспомнила, что взрыв на пике Надежды случился в тот же день чуть после семи вечера.

«Доблестный» стоял на столе. Он был залит светом, и видна была часть устройства, похожего на подвешенный к потолку сенсор. Больше ничего разглядеть не удавалось, но стол был похож на тот, что стояли в подвальной лаборатории Трипли.

В кадре появилась рука, поправила сенсор. Послышался голос Кайла:

«Как теперь, Йоши?»

Рука была в белом рукаве. Она отодвинулась, и снова стал виден только кораблик на столе.

«Теперь хорошо».

И снова Кайл:

«Маркис, мы готовы начать».

«Спускаюсь».

Таймер отсчитывал секунды.

«Готовы?» — спросил голос Трипли.

«Все настроено. — Голос Йоши. И тут же более высоким тоном: — Эй, Кайл, что это?»

Ким ничего не видела.

«Не знаю точно. — Рука снова вернулась, зашла за левый борт кораблика, загородив имиджер. — Э, да у нас тут люк открыт!»

Стол и кораблик *зарябили.*

Из нескольких точек «Доблестного» поднялся туман, будто кораблик включил вентиляцию.

Рука отдернулась.

Голоса смешались:

«Что это?»

«Они живы!»

«Боже мой, Кайл, отойди от него!»

«Вылезай оттуда!»

Освещение резко изменилось, будто перед лампой прошла штора. Что-то, похожее на огромную стрекозу, появилось из-за корабля и выплыло из кадра.

Кайл крикнул Йоши, остерегая ее, и послышались еще крики, но голоса Йоши слышно не было. Кто-то тяжелый — наверное, Трипли — пробежал по полу и загрохотал вверх по лестнице. Раздались новые крики, слышался голос Трипли, потом послышался тошнотворный хруст — падение тела и ломающиеся кости.

Йоши.

Тяжелые шаги загремели вниз. Ким поняла, что Йоши упала с лестницы или ее столкнули,

что Трипли пытается с ней что-то сделать, потом орет, что поубивает гадов — именно такими словами, — и он бросился вверх по лестнице, прочь из лаборатории.

«Доблестный» стоял на столе без изменений до самого конца записи.

Появилось новое изображение: Маркис Кейн в просторной черной рубашке. Дата показывала 11 августа 575 года. Более двух лет спустя.

На лице Кейна появились морщины. Несколько секунд он только смотрел на экран. Ким подумала, что он не уверен в себе. Совсем не тот Кейн, которого она узнала.

«Я не знаю и не могу знать, — сказал он, — кто услышит этот рассказ об „Охотнике“ и о разрушении деревни Северин. Виноваты мы все, все, кто был в этой экспедиции. Ради других, ради, быть может, моей собственной репутации, я бы предпочел, чтобы все события так и остались — некоторые незамеченными, некоторые — необъясненными. Но я должен полагать, что слушатель знает достаточно, чтобы остальное тоже следовало прояснить.

Прежде всего я хочу признать, что основная ответственность за катастрофу, постигшую Северин 3 апреля 573 года, лежит на мне. Я согласился,

вопреки своему мнению, на захват инопланетного корабля. Я предложил и осуществил план его взятия на борт, то есть выполнил тот акт, который непосредственно привел к смерти Эмили Брэндивайн. Далее, мне не удалось отговорить Кайла Трипли от его намерения доставить корабль инопланетян на Гринуэй, хотя я знал, что это чревато катастрофой именно того рода, которая произошла. То, что я не вышел и не признал эти факты открыто, — бесчестно. Я надеюсь, что, когда правда выйдет наружу — что, несомненно, произойдет, — я уже буду мертв и недоступен публичному позору, а лишь божественному правосудию.

Ни в один момент после взятия на борт на чужом корабле не был заметен ни единый признак жизни. Мы предположили, что нападение Кайла на этот корабль убило всех, кто был внутри. По этому поводу мы испытывали смешанные чувства. Совсем не так мы представляли себе первый контакт. Да, но они лишили жизни Эмили.

Кайл намеревался какое-то время хранить наше открытие в тайне и привлечь к исследованию несколько надежных ученых. Он хотел использовать лаборатории, имеющиеся в распоряжении Фонда, для вскрытия артефакта и разгадки его

секретов. Но трудность заключалась в том, что эти лаборатории располагаются в густонаселенных областях.

Мы не знали, какая энергия движет этот корабль. Но мы считали вероятным предположение, что в нем используется единственное известное нам горючее, которое позволяет проникать в подпространство: антиматерия. Такое предположение ставило перед нами весьма сложную проблему. Если это так, то всегда есть возможность утечки из системы хранения. В случае такой утечки, если мощность упадет настолько, что не сможет удержать магнитную бутылку, корабль взорвется вместе с нами и приличной частью окрестностей. Следовательно, нам нужна была лаборатория в достаточно уединенном месте.

В скобках я должен добавить, что мы полагали, будто обладаем достаточным временем, поскольку каждый проведенный нами тест показывал циркуляцию энергии внутри корабля и стабильность всех поддерживающих систем. Разумеется, как показало следующее событие, все это были в основном догадки.

Для уменьшения риска Кайл предложил, чтобы Фонд финансировал лабораторию на Шиммере,

где в случае аварии пострадали бы только добровольцы-техники. До ухода от Алнитака мы послали сообщение по гиперсвязи, приказывающее немедленно начать работы. Тем не менее до полной готовности этой лаборатории должны были пройти месяцы.

В свое оправдание я должен указать, что я настоятельно предлагал оставить артефакт на орбите одного из газовых гигантов в системе Гелиоса, где он ни для кого бы не представлял опасности. Но это значило просить от Кайла слишком многого. Он горел желанием держать находку в таком месте, где мог бы ее осматривать. Он считал, что по крайней мере тела экипажа должны быть исследованы как можно скорее.

Кайл выбрал в качестве базы свой летний дом в Северине. Это был компромисс, где степень риска была ниже, чем, скажем, в Терминале или Марафоне. В то время это казалось разумным.

Я считал, что вероятность катастрофы невелика, хотя основания, на которых я строил это заключение, сейчас непонятны мне самому. Мы полагали, что за несколько дней сможем определить природу горючего и состояние систем его хранения. К несчастью, этих нескольких дней у нас не было.

Пронести артефакт через таможню оказалось просто. Йоши сказала, что это игрушка для ее племянника. Она оценила ее достаточно скромно, и ей было сказано, что такая игрушка обложению не подлежит.

Мы отвезли находку в дом Кайла, где выяснилось, что аппаратура для анализа куда менее мощная, чем Кайл думал. Пришлось разыскивать почти все, что нам было нужно. В результате мы растратили и то небольшое время, что у нас было. Например, даже на поиск сенсора Вановера, чтобы заглянуть внутрь, ушел целый день.

Я не вполне точно знаю некоторые обстоятельства события 3 апреля, поскольку находился наверху, когда оказалось, что возникла проблема. Кайл и Йоши, находившиеся в лаборатории, подняли крик. Я побежал к лестнице и увидел Йоши, которая поднималась мне навстречу. Она была смертельно перепугана.

Потом я увидел *нечто,* весьма напоминавшее живое облако, вышедшее из корабля. Оно тут же напало на Йоши. Когда мы с Кайлом бросились на помощь, облако ее отпустило, и она упала с лестницы, ударилась головой и, очевидно, когда Кайл подбежал к ней, была уже мертва. Тем временем облако двинулось ко мне. Оно нанесло электриче-

ский удар, который меня временно парализовал. Упав на пол, я увидел небольшой корабль, если хотите, миниатюрный посадочный модуль, проплывший мимо меня вслед за облаком. Трудно сказать точнее, что это было, поскольку я еще не владел своими чувствами. Кроме того, я порезал себе руку при падении, и глаза мне заливала кровь. Как бы там ни было, *нечто* выбило в окне дыру, и облако вместе с посадочным модулем — если это был он — исчезли в ночи.

Примерно в этот момент Кайл, очевидно, понял, что Йоши уже ничем не помочь. Он бросился наверх и спросил меня, куда делись пришельцы.

Я показал на окно, и Кайл, ничего не говоря, помчался за ними. Я попытался отговорить его и выбежал наружу, но он уже взлетал с площадки. Я кричал ему, уговаривая вернуться, но он не слушал.

Я вызвал его по коммуникатору. Он сказал мне, что гонится за инопланетянами, что видит их на экране и на этот раз он твердо намерен с ними разобраться. Еще он сказал, что вызовет меня, когда все кончится, и отключился. Я пытался еще много раз с ним связаться, но он не отвечал.

Тогда я вернулся домой посмотреть, что можно сделать с Йоши. Но она была мертва. Через

несколько минут я услышал взрыв, снесший склон пика Надежды. Дом содрогнулся, свет мигнул и погас. Когда я вышел, на землю все еще сыпались обломки.

Повсюду горели пожары. В развалинах слышались крики.

Прости меня Бог, я знал теперь, что это взорвались топливные элементы, что инопланетяне как-то перенесли их в модуль, а виноваты во всем Кайл и я.

Я делал, что было в моих силах, помогая жертвам. Аварийные команды из Орлиного Гнезда и ближайших городов прибыли быстро. Я снова пытался вызвать Кайла, но больше я никогда его не слышал.

В то время я считал, что люди будут знать, кто виноват. Как можно этого не увидеть? Мы только что вернулись, взрыв был вызван антиматерией, Кайл почти наверняка погиб при взрыве. У нас пропал один из членов экипажа, другой погиб в деревне. Ясно, что мы здесь сильно замешаны.

Но я не мог пойти на публичное унижение, и потому я сделал все, что мог, чтобы скрыть это событие от властей. Для этого, я считал, нужно сделать две вещи.

Первая — избавиться от тела Йоши, чтобы оно

не было найдено на месте катастрофы и возбудить дополнительные вопросы. Я завернул тело в пластик и бросил в реку над плотиной, в самом глубоком месте.

Вторая — надо было убрать кораблик. Я решил закопать его в горах и тем отвести в сторону поток подозрений, который, как я знал, на меня обрушится — и так оно и оказалось. Но когда я вернулся на виллу Кайла, к моему ужасу, там уже находилась его мать и сама всем распоряжалась. У меня не было никакой возможности взять кораблик, и я оставил его в надежде, что никто не поймет, что это такое. Через несколько дней, когда я к ней зашел, мать Кайла сказала мне, что отдала эту игрушку внуку.

Существо, напавшее на Йоши, все еще бродит в горах на свободе. О нем слагают легенды, и оно стало местной знаменитостью, хотя, к счастью, очень мало людей относятся к этому серьезно. И их считают сумасшедшими.

Я слегка сочувствую этому существу, затерянному одинокому в чужом мире. Я не верю, что оно хотел вреда Йоши — оно только очищало путь своему кораблю. Иногда я даже приезжал, чтобы его разыскать. Если оно существует и узнает меня, оно держится от меня подальше.

Несмотря ни на что, я с уважением отношусь к погибшему экипажу кораблика. Они убили двух, быть может, трех наших людей. Но они не могли не знать, что взрыв неминуем, и все же взяли горючее с собой. Можем ли мы понять причину этого? Или они поняли, что находятся в населенном месте и принесли себя в жертву ради существ, до которых им не было дела и которые не заслужили их сочувствия?»

Три великих звезды Ориона поднялись из моря около девяти вечера. Ким сидела на веранде и смотрела на них. В соседнем доме праздновался чей-то день рождения, гремела музыка, взлетали ракеты. Потом шум затих, свет погас, но Ким все еще сидела на веранде.

30

Доброты друга человек ожидает,
Но доброта незнакомца…
О, это совсем другой порядок величины.
Шейел Толливер, «Записные книжки», 573 г.

— А ты думала, что это бабка Трипли бросила тело в реку. — Глаза Мэтта лукаво прищурились, что с ними бывало очень редко.

— Я не могла представить себе, кто еще мог это сделать. На Кейна я даже и не думала.

— Ты думаешь, Тора знает?

— Знает.

Они сидели на солнечной веранде дома Ким. Было прохладно, но погода была ясная, и примирительно шелестел прибой.

— Интересно, что скажут таможенники, узнав, что кто-то пронес мимо них контрабандой звездолет. — Мэтт закрыл глаза. — Так что ты теперь будешь делать? Не будешь же ты сидеть на этом, как собака на сене.

— А что ты предлагаешь?

— Выложить все Вудбриджу.

— А потом?

— А потом — ничего. Дальше мы не участвуем.

— Мэтт…

— Послушай, Ким, я отлично понимаю твои чувства. Загублена репутация Кейна и Трипли. Люди считают их убийцами, а на самом деле они несчастные люди, которые все запутали. Но у тебя есть соглашение с Вудбриджем, и он совершенно прав. И мы как-нибудь это проглотим.

Ким глядела на море.

— Мэтт, дело уже не в репутации. Не в политике. Ты подумай о том, что случилось там. У Алнитака.

— Они напортачили.

— Еще как. Они встретили корабль другой цивилизации и *угнали* его, как бесхозную лошадь.

— Знаю.

— Одно из самых главных событий в истории человечества. И надо найти способ это все исправить.

— Так что, дело в *инопланетянах?*

– Именно. Об этом я и говорю.

— Ким, как это можно исправить? Все уже сделано. Финиш. Поздно.

— Может быть, и нет. Надо отправить еще одну экспедицию. Вернуться к Алнитаку и попытаться

снова разговаривать.

— Ничего себе! Это не ты разве называла их мерзкими убийцами? Не ты хотела их всех перебить? Не ты накрутила Вудбриджа? Предупредила, чтобы он никого к этим гадам близко не подпускал? Кажется, я правильно цитирую?

— Мэтт…

— Не ты подбила его прекратить «Маяк»? Кстати, директор очень гордился этим проектом, а твои коллеги *годы жизни* на него потратили.

— Мэтт, я ошибалась. Подумай теперь, что случилось. Экипаж «Доблестного» пожертвовал собой, спасая представителей вида, который их похитил и увез неизвестно куда. Зачем бы им было это делать?

— Не знаю. Может быть, они умом не блистали.

Мимо пробежали два любителя бега трусцой, помахали руками. Ким и Флекснер помахали в ответ.

— Короче, — сказал Мэтт. — Опасны эти существа или нет?

— Конечно, опасны. Но ты подумай, как с их точки зрения должны были выглядеть события. Послушай, мы знаем, что «Доблестный» умел передвигаться в гиперпространстве. Это значит,

что у них была и гиперсвязь. Если они терпели бедствие, как это, очевидно, и было, они уже послали призыв о помощи. Что они должны были послать, когда появился «Охотник»? Еще одно сообщение. Вроде: «Ты посмотри, какая тут громадина появилась!»

— Пусть.

— А что они должны были послать потом?

— «Эта зараза пытается нас схватить».

— Именно. Очевидно, передача оборвалась посередине. Вот почему нас с Солли так недружелюбно встретили, когда мы там появились. Спроси себя, как бы реагировали мы, если бы корабль великанов поймал наш корабль. Неудивительно, что они хотели узнать наш адрес.

Мэтт часто и глубоко дышал. Ким подумала, отчего он так пуглив? Почему среди руководства организации нет таких людей, как Солли?

Флекснер покачал головой.

— Поздно теперь исправлять. Как ты это сделаешь? Сложилась ситуация «Стреляй первым». Даже говорить с ними уже нельзя.

— Еще как можно.

— Ага. Два — четыре — шесть — восемь. Куда как хорошо.

— Мэтт, надо не язык искать. Надо дать что-то,

что они поймут.

Он встал, отошел к краю веранды и стал смотреть на море.

— И что ты предлагаешь?

— «Доблестный». Надо сделать жест — отдать им его.

— То есть?

— Вернуть им «Доблестный». Принести извинения и отдать им корабль, чтобы они поняли, что значат эти слова. Вот мы стоим, открытые для выстрела, показывая, что мы им доверяем, и отдаем им корабль.

— Звучит как точный рецепт, чтобы нас убили.

— Может быть. Но те, кто жертвуют собой ради чужаков…

С хохотом промчалась по двору стайка детей, играющих в пятнашки. Ким смотрела им вслед.

— Дай мне подумать, — сказал Мэтт. — Лучше будет судить, когда мы получше рассмотрим эту штуку. Когда лучше будем знать, какая у них технология. — Он вопросительно посмотрел на Ким. — Ты что-то имеешь против?

— Вряд ли у нас есть время на лабораторную возню, Мэтт.

— А что такое? — насторожился он.

— Потому что все раскроется. Я не верю, что мы сможем сохранить секрет. А когда это случится, корабль мы потеряем и конец всему.

— Вполне можем сохранить секрет, — настаивал Мэтт. — Я очень осторожно подберу людей.

— Нет. У нас только один шанс поступить правильно.

— Ким, что думаем ты и я — не важно. Вудбридж никогда на это не согласится.

— Верно. Поэтому мы ему не скажем.

— Нет. — Мэтт покачал головой. — Этого делать нельзя.

Да ну же, Мэтт, хоть раз покажи, что ты не тряпка!

– Тогда можешь забыть о «Доблестном». Он останется там, где находится.

— Ким, веди себя разумно.

Но Ким развивала свое преимущество:

— Нам надо действовать, пока не разошлась весть, что инопланетный корабль у нас. Надо спланировать рандеву так, чтобы риск был только для корабля и его экипажа. Почисть банки данных, чтобы никто не мог проследить путь к нам, даже в худшем случае. Отрави всех, если надо.

— Ким, ты ставишь меня в ужасное положе-

ние.

— Знаю. — Ким поглядела на него. — Сделай это, Мэтт.

— Фил никогда этого не позволит.

— А ты и ему не говори.

– *Чего?* Как это я могу не сказать *Филу?*

– Мэтт, на этот раз я буду ждать звонка от тебя.

Он встал, вынул из кармана пульт и запустил флаер.

— Я дам тебе знать.

Ким смотрела вслед аппарату, уходящему в небо, потом взяла диск Кейна, пометила его словом БУХГАЛТЕРИЯ и положила на стол. Несколько минут она сидела, глядя на прилив.

— Шеп, дай мне Солли.

«Я возражаю, Ким. Ты сейчас в таком состоянии…»

— Шеп!

Загудела электроника. На этот раз подготовка шла больше обычного, но потом появился Солли в снаряжении ныряльщика. Он нахмурился, сказал по адресу Шепарда что-то, весьма не похожее на комплимент, снял ласты и конвертер, сел на виртуальную скамейку и посмотрел на Ким.

«Привет, детка!»

— Привет, Солли. — На нее нахлынула сла-

бость. — Жаль, что мы больше не можем этого делать.

«Чего делать?»

— Нырять. Нырять в глубину.

Он кивнул.

Ким слушала море.

— Мне тебя не хватает, Солли.

«Знаю. Но погоди, пройдет время. Будут и другие».

— Не говори так.

«Прости. — Он помолчал. — Мне не надо бы здесь быть».

— Это говорит Шепард.

«Нет, это говорю я. — Он посмотрел ей в глаза долгим взглядом. В комнате было очень тихо. — У меня есть предложение».

— Да?

«Только ты не обижайся».

Она знала, что он скажет.

— Я не обижусь, Солли.

«Лучше будет, если ты меня отпустишь. Хотя бы на время, пока снова не наладишь жизнь».

Она глядела на него пристально. Его образ стал расплываться.

— Солли, я не могу этого выдержать — того, что тебя здесь нет.

«Знаю».

— Ничего ты не знаешь. Ты никогда такого не испытывал.

«Ким, все лучшее в моей жизни — это ты. Полет к Алнитаку я бы ни на что не променял. Цена того стоила».

Он расплылся и медленно растаял — совсем не так, как обычно выполнял выход Шепард. Когда он исчез, Ким встала, направилась в спальню, но возле лестницы остановилась.

— Шеп! «Да, Ким?»

— Откуда *ты* знаешь, что случилось на «Хаммерсмите»?

ИР не ответил.

Через два дня Мэтт позвонил и сообщил, что занимается экспедицией к Алнитаку и настроен оптимистично. Ким спросила, что она может сделать.

— Только не лезь в неприятности, — попросил он.

Была середина дня, Ким только что вернулась после выступления на завтраке в Литературном обществе Сибрайта. По острову колотил ливень. В это время года в без четверти три всегда бушевала буря, приходившая с пунктуальностью поезда. Ким вытянулась на диване, слушая дождь, думая

о «Доблестном», когда ход ее мыслей нарушил Шепард.

«Ким, с тобой хочет говорить Тора Кейн. Она сказала, что дело срочное».

Ким оглядела комнату — не прибрано.

— Соедини, Шепард. Только звук. — Раздался щелчок. — Здравствуйте, Тора. Чем я могу быть вам полезна?

— Ким, я сейчас дома. Можешь приехать? Я хочу тебе кое-что показать.

— Конечно. А в чем дело?

— Не по открытой связи. Расскажу, когда приедешь. Пожалуйста, быстрее.

Значит, теперь они на «ты». Ким, недоумевая, вызвала такси. Через десять минут она уже летела на север. Дождь поливал машину, от ветра была сильная болтанка, но, когда Ким подлетала к вилле Торы, буря стихла. Флаер опустился на площадку, и Ким вылезла, велев ему подождать. Она прошлепала по лужам к крыльцу.

«Чем могу служить?» — спросил домашний ИР.

— Доктор Кейн просила меня приехать.

«Извините, доктора Кейн нет дома».

— Не может быть. Вы уверены?

«Ее нет дома. Но я буду рад передать от вас сообщение, если хотите».

Ким глядела на входную дверь, дом глядел на нее в ответ.

На коммуникаторе Ким нашла номер Кейн и позвонила. На втором гудке донесся ответ:

— Кейн слушает.

— Тора, это Ким Брэндивайн.

— Здравствуйте, Брэндивайн. Чем обязана?

— Я у вашего дома. Вы меня просили приехать.

— Вы — где?

— У вашего дома.

— У моего дома? Ничего не знаю. О чем вы говорите?

— Да нет, ничего.

Ким переключилась на Шепа, но тот не ответил.

Вот это плохо. Ким прыгнула в такси и велела лететь домой.

Через два часа она вошла в офис Мэтта. Он поднял глаза от стола, удивившись ее приходу и еще больше — ее виду.

— Что с тобой? — спросил он. Она закрыла за собой дверь и села.

— Кто-то взломал Шепа.

— Ой-ой. И что там могли взять?

— Я думаю, надо допустить худшее.

— Диск Кейна?

— И это тоже.

Мэтт оглядел офис, будто вдруг усомнившись в его безопасности.

— Зачем? И кто это сделал?

— Я могу назвать только одного человека.

— Вудбридж?

— Да.

— А что такое *худшее?* Они знают, о чем мы говорили сегодня утром?

— Наверняка сказать нельзя. Шеп ничего этого не записывал, но вполне возможно, кто-то подслушал.

Мэтт задумчиво кивнул.

— И что же у них теперь есть такого, чего раньше не было?

— «Доблестный».

— Они знают, где он?

— Они знают, что он существует.

— Плохо. — Мэтт вдохнул. Выдохнул. Посмотрел неуверенно. — Я собирался тебе звонить.

— О чем?

— Я говорил с доктором Агостино.

— Кажется, мы согласились ему не сообщать?

— Брось, Ким, будь разумной. Он понимает ситуацию и желает создать контактную группу.

— Вот почему мог быть налет.

— Не верю. Когда это было?

— Около трех.

— А я говорил с ним меньше часа назад. — Было уже почти пять.

— Ладно, — сказала Ким. — Послушай, они попытаются забрать «Доблестный». Нам надо пошевеливаться.

— Мы планировали отлет на той неделе. И считали, что это и есть напряженный график.

— Теперь этого мало. Надо вылетать завтра.

— Это практически невозможно.

— Черт с ней, с практикой. Еще бы лучше смыться сегодня вечером. Всем скажи, что мы летим завтра. Те, кто не явятся, останутся.

— Нужно еще доставить припасы и снаряжение, Ким. Такие вещи за ночь не делаются.

— На этот раз придется. Сделай это за ночь — или ну его вообще.

— Сделаю, что могу, — сказал Мэтт. — Мы берем «Мак-Коллум». Он стоит в порту, готовый к отлету. Нам только люди нужны.

— Тогда пошевели их. Пилот у нас есть?

— Али Кассем. Знаешь его?

— Видела пару раз.

Солли упоминал о нем. Говорил, что это хороший пилот.

Мэтт позвонил поздно вечером.

— У нас срочная просьба, — сказал он. — Ты можешь завтра выступить перед Ассоциацией бизнесменов Терминала?

Это был условный сигнал. Они вылетают завтра вечером.

Ким стала жаловаться, что совсем нет времени на подготовку, он извинился, сказал, что собирался сам там выступать, но возникли срочные дела, и он будет очень благодарен.

— Ладно, — сказала Ким. — Но ты мой должник. И пошла спать довольная.

31

В руке ничего, и в рукаве ничего…

Обычная присказка фокусников девятнадцатого-двадцатого столетий н.э.

Ким спала чутко и проснулась в шесть. Она хорошо позавтракала и собрала вещи. Водолазный костюм и металлодетектор она сунула в чемодан, велела Шепу сообщать звонящим, что она до конца дня будет по делам в Марафоне, и добавлять, что она в отпуске и в обозримом будущем не появится.

Вскоре после девяти она прилетела на вокзал, велела погрузчику доставить ее сумки в Терминал и взяла билет на поезд. В 9:40 она уже ехала в Марафон.

Марафон был городом-садом, и жили в нем люди, предпочитающие уединение или посвящающие жизнь безделью и искусствам. Здесь было больше театров на квадратный метр, чем в любом другом городе мира, больше игровых комнат, больше библиотек, больше бассейнов и, вероятно, больше секса.

Согласно легенде город был назван в память од-

ного ночного представления, когда Анни Малдун, известный персонаж в самом начале истории планеты, взяла все мужское население города, где-то человек сто, и измотала их всех за одну ночь. Во дворе городской ратуши стояла статуя Анни со связкой бананов, переброшенной через плечо. Она была видна из окна въезжающего в город поезда.

Ким вышла на вокзале, позавтракала, взяла напрокат лошадь и поехала на ней через лес, все еще мокрый от утреннего дождя, мимо водопадов и фонтанов до офиса Единого распределения. Он был расположен на верхнем этаже бревенчатого домика. В нижнем располагались почта и бар. Ким поднялась по лестнице, следуя указателям, и предъявила контролю свой идентификационный номер.

Система выдала ее багаж, выложив на конторку так, чтобы была видна этикетка из Орлиного Гнезда.

«Все верно?» — спросила система.

— Да.

«Приложите сюда палец, пожалуйста».

Машине нужен был отпечаток пальца на расписке о выдаче. Ким прижала палец, снесла багаж вниз и взвалила на лошадь. Человек, спав-

ший на веранде, проснулся, посмотрел на Ким и поздоровался. Она ответила, влезла в седло и направилась обратно к станции.

Ехала она медленно. Был прекрасный весенний день, но Ким не обращала внимания на красоту, готовая действовать при первых признаках опасности. В лесу она чувствовала свою уязвимость и задним умом сообразила, что выбрать лошадь вместо такси могло быть неразумным поступком.

На платформе было немного других пассажиров: две семьи с детьми, несколько человек в лыжных костюмах, очевидно, направляющихся в горы, и еще два человека, похожих на бизнесменов, отправляющихся по делам.

Поезд на Терминал появился с востока плавной дугой, выгнувшейся над густым лесом. На высокой скорости ничего не слышно, а вид был закрыт крышей станции, так что он появился внезапно — просто вырос над поворотом, скользнул на место и остался там. Несколько пассажиров вышли, ожидавшие на платформе вошли. Ким с пакетом Доставки вошла за ними.

Поезд был более чем наполовину пуст. Ким нашла купе, где могла уединиться, закрыла стеклянную дверь и села в кресло. Поезд отъехал от

станции, набрал скорость, снова притормозил, маневрируя среди горных гряд к западу от Марафона, потом поднялся над верхушками деревьев и начал набирать скорость всерьез.

Внизу уплывали озера и реки. Городов не ожидалось до Малого Марселя через сто пятьдесят километров. И не потому, что городов в этих местах не было, а потому что скоростные поезда должны двигаться над ненаселенной местностью. И потому редко можно было увидеть человека из окна маглева, летящего на полной скорости.

Ким развернула пакет, открыла его с одного конца, заглянула — и у нее перехватило дыхание. Там, внутри, был выполненный в малом масштабе космический корабль, но это не был «Доблестный». Она посмотрела на этикетку: та самая, которую она наклеивала в Орлином Гнезде.

Сердце застучало молотом. Ким вынула корабль из пакета. Это был Триста семьдесят шестой.

У Вудбриджа оказалось чувство юмора.

В коридоре послышался шум, и дверь купе открылась. Вошел блондин в черном пиджаке, посмотрел на нее и сел напротив. Это был один из пассажиров, вошедших в Марафоне.

Ким закрыла контейнер. Лес за окном летел

полосой, и величественно двигались дальние холмы.

— Что-то не в порядке, доктор Брэндивайн? — спросил вошедший.

— Сами знаете, — ответила она, не глядя на него.

Он помолчал, потом показал ей удостоверение. Имени она не прочитала, но увидела слова НАЦИОНАЛЬНОЕ БЮРО СОГЛАСИЯ, идущие по краю щита-эмблемы.

— Я бы попросил вас пройти со мной.

— Куда?

— Прошу вас. — Он открыл дверь, пропуская ее. Она вышла. — Направо, доктор.

Она пошла по коридору, блондин шел сзади. Они перешли в другой вагон и остановились возле закрытого купе. Шторы на окнах были задернуты. Блондин постучал. Дверь открылась, и сопровождающий отступил в сторону.

В купе Ким увидела Кэнона Вудбриджа. И «Доблестный». Он стоял на сиденье рядом с Вудбриджем, закрытый материей, но Ким узнала очертания.

— Заходи, Ким, — сказал Вудбридж, жестом приглашая ее сесть. — Жаль, что мы встречаемся таким образом. Я понимаю, что тебе это тяжело.

Дверь позади тихо закрылась.

— Привет, Кэнон. — Ким заставила себя улыбнуться. — Не ожидала тебя здесь увидеть.

— Да, я думаю, не ожидала. — Он поглядел на «Доблестный». — Скажи, это и в самом деле звездолет.

Она попыталась принять недоуменный вид. Под его проницательным взглядом это было нелегко.

— Не понимаю, о чем ты.

— Ким! — сказал он с интонацией, подразумевавшей «брось глупости». Дескать, она вполне может ему доверять, все будет хорошо, не надо беспокоиться. — Лучше, если мы будем честны друг с другом. — Он снял материю. — Это корабль из Ориона?

— Кажется, он, — сказала она, признавая свое поражение.

— Невероятно. — Он осторожно тронул корабль, будто боялся, что тот рассыплется. — Такой маленький.

Ким сложила руки и откинулась назад, глядя на противоположное сиденье.

— Я неприятно удивлен, что ты, владея таким важным артефактом, не сообщила мне.

— Я не хотела сообщать никому.

— Да, — сказал он, — это теперь очевидно. Я думал, что могу тебе доверять.

— Я знала, что ты его у меня отберешь.

— Ким, послушай. — Поезд закачался, и Кэнон придержал артефакт двумя руками. — Я не могу понять твоих мотивов. Твой поступок — это совсем не то, что было бы хорошо для тебя или для меня. Что ты собиралась с ним делать?

— Это вещь ценная. — Ким опустила глаза. Обвинен — значит виновен, да, сукин ты сын? — Я хотела ее сохранить.

Он посмотрел пристально.

— Придержать для выкупа? — спросил он после паузы.

— Просто сохранить.

— Ты не перестаешь меня удивлять, Ким. Кажется, ты становишься профессиональным угонщиком звездолетов. — Он положил ткань на место. — А ты ведь действительно бандитка.

— Он мой, и ты это знаешь, — сказала она. — По праву первооткрывателя.

— Брось, мы оба знаем, что это не так. Юридически он принадлежит наследникам Трипли. И могу тебя заверить, мы вернем им его, когда изучим.

— Подозреваю, от него тогда мало что оста-

нется.

— Возможно. — Он вздохнул. — Но это неизбежно. Кто знает, какие в этой штуке содержатся технологии? Если я правильно понял, она много лет стояла в кабинете Трипли-младшего, и он не знал, что это.

— Бен? Да, не знал.

— Трудно поверить. — Что-то за окном отвлекло его внимание, и Ким проследила за его взглядом. Двое детишек на мосту ловили рыбу. — Простые радости, да, Ким?

Она не ответила.

— Ладно, как бы там ни было, а ты не уйдешь с пустыми руками. Ни в коем случае. Скоро мы сделаем публичное заявление, и я прослежу, чтобы твоя роль была должным образом признана.

— Еще одна медаль?

— Да. На этот раз тебя ждет, я думаю, медаль Премьера. Это большая честь. Конечно, это зависит от того, насколько ты готова сотрудничать.

— Спасибо.

— К этой медали прилагается большая премия. И теперь ты сможешь назвать за свои выступления любую цену.

— В конце концов, — сказала Ким, — мы все же встретимся с этими созданиями. — Как ты

думаешь с этим разобраться?

— Честно говоря, Ким, я надеюсь, что мы видели инопланетян в последний раз. Мне они не нравятся. Пусть себе живут где-то там, и нам ничего не грозит, пока мы не попадаемся на их дороге. В зоне Алнитака корабли летают крайне редко. Мы провели исследование. Как ты думаешь, сколько там было кораблей за последнее столетие, если не считать корабля наблюдения и нескольких полетов Кайла Трипли? И твоего, конечно.

— Понятия не имею.

— Ответ — *ноль.* Ни одного. Так что у нас не будет проблем, если сами не накличем.

— Ты собираешься попросту игнорировать тот факт, что существует иная цивилизация? Будто ничего и нет?

— Ким, меня снова удивляет твоя перемена настроения. Несколько дней назад ты хотела послать против них флот.

— Ты знаешь, почему я изменила к ним отношение.

— Свидетельство Кейна.

— Оно меня убеждает, что мы можем иметь дело с этими созданиями, Кэнон.

— О, в этом я убежден. Но после некоторого периода неустойчивости. Риска. Неуверенности.

Кто знает, какой эффект может иметь взаимодействие с чужой культурой? Мы живем отлично, без проблем. Статус-кво сейчас вполне приличный, тебе не кажется? Каждый живет счастливой жизнью. Похоже, что нам нечего приобретать, а потерять в этих контактах есть чего.

— Не похоже на тот дух, который привел нас сюда с Земли.

— Ким, смотри на вещи трезво. Ты хоть немного подумала, что может принести контакт? Даже предполагая, что эти существа не злонамеренны — хотя я сказал бы, что этот вопрос открыт, — подумай о возможном вреде. Что происходит, когда встречаются две культуры с разными возможностями? Что произошло с островитянами Южных морей? С ацтеками? А если хочешь, поверни медаль другой стороной. Если превосходство на нашей стороне, то вред будет нанесен им. И этот принцип действует независимо от намерений более развитого общества.

— Мы можем принять против этого меры.

— Можем? Сомневаюсь.

— Кэнон, сейчас есть шанс узнать совершенно новую точку зрения от разумных существ. Потенциал развития знания беспределен. Но дело даже не в этом. Они в существенном похожи на нас.

Мы теперь это знаем…

— Мы ничего на самом деле не знаем, Ким. Слушай, я же не говорю, что ты не права. Я говорю только одно: *мы не знаем.* Так зачем рисковать?

— У нас есть обязательство, — сказала она. — По крайней мере мы должны поздороваться. Мы — часть вселенной, обладающая способностью *мыслить.* Как же мы можем отказаться действовать только ради того, чтобы исключить риск? Ты говоришь о статус-кво — разве для этого мы существуем?

— Это все для меня малость абстрактно, — вздохнул Вудбридж. — Было бы куда легче, если бы ты спустилась с небес на землю, Ким. И тем не менее, может быть, история когда-нибудь покажет, что ты была права, а я ошибался. Или наоборот. Но сейчас жизнь в Девяти Мирах слишком хороша, а эта шутка из Ориона — очень большое *незнаемое.* И потому мы будем держаться от нее на безопасном расстоянии.

— Ты понимаешь, — сказала Ким, — что это разрушает наше соглашение. — Я больше не обязана хранить молчание.

Он пожал плечами:

— Вот *это,* — он показал на кораблик, — меняет все уравнения. — Наверняка в ближайшие дни

правительство сделает заявление.

Поезд замедлил ход, входя в плавный поворот.

— Вы собираетесь это обнародовать? — спросила Ким. — Зачем?

— А такие вещи в секрете не удержишь. Как только мы начнем привлекать людей к его изучению, вести разойдутся быстро. Мы совсем не так хорошо умеем хранить секреты, как о нас думают.

— Так что экспедиции все-таки полетят к Алнитаку…

— Они полетят к Дзете Тельца. Именно там и произойдет межзвездный инцидент. Будет утечка информации, мы будем конечно, все отрицать. Поэтому все поверят. А там экспедициям ничего не грозит.

— Если я не скажу ничего другого.

— Вот это я и имел в виду, когда говорил о твоем сотрудничестве. Если ты будешь настаивать на своей линии поведения, Ким, мы просто вычеркнем тебя из сценария. У нас есть совершенно иной, где о тебе и речи нет, а потому никто тебе и не поверит. — Вудбридж сдвинул ладони. — Пожалуйста, не думай, что я тебе угрожаю. Я просто пытаюсь описать все как есть. Ты пойми, что мне от этого никакого удовольствия нет, но важно,

чтобы мы избегали контактов с этими созданиями. Ты больше других можешь понять мудрость такого решения.

Он постучал в дверь. Вошли две женщины с контейнером. Они уложили «Доблестный», спросили Вудбриджа, не нужно ли ему что-нибудь. Он сказал, что нет, и они вышли, унеся звездолет.

— Если захочешь нам помогать, Ким, я попытаюсь организовать твое присутствие при вскрытии корабля.

Ее время истекло. Он встал и открыл перед ней дверь.

— Ты талантливая женщина, Ким, — сказал он. — Если тебя это интересует, в аппарате Совета найдется для тебя место.

Ким вернулась к себе, упала на сиденье и уставилась на пролетающие за окном деревья, не видя их. Лес постепенно сменялся болотом. Они уходили дугой к западу, и Ким увидела воздушный причал.

Поезд снова рванулся вперед, миновал несколько гряд холмов и перелетел озеро. Ударная волна раздвигала воду, как нос корабля. С берега вслед поезду смотрел крокодил.

Поезд опять замедлил ход, спустился к земле, пролетел через кипарисовую рощу в обширный

парк. Детишки, играющие в мяч, замахали ему вслед. Пассажиры выглянули в окно и снова вернулись к разговорам и книжкам.

Поезд вышел на главную линию «восток — запад» возле бухты Моргантаун, пронесся мимо обрывов и островов и въехал в Терминал. Медленно прошел над центром города, вплыл в здание вокзала и остановился. Двери открылись.

Ким машинально вышла на платформу. Ни Вудбриджа, ни его людей не было видно. Подобрав сумки, Ким взяла ту, в которой был гидрокостюм и металлоискатель, а остальные пометила на отправку в Небесную Гавань. *Хранить до востребования.*

Кажется, никто за ней не наблюдал. Она посмотрела расписание, увидела, что до следующего поезда в Орлиное Гнездо еще пятьдесят пять минут.

Поезд, из которого она только что вышла, стал заполняться пассажирами. Прозвенел звонок, двери закрылись, поезд поднялся на магнитах и медленно поплыл прочь из станции. Обратно на восток.

Ким вышла на крышу, поймала такси и велела отвезти ее в гостиницу «Бичфронт». Такси поднялось, заложило вираж на юго-восток и быстро

поплыло над городом.

В гостинице Ким спустилась в вестибюль, зашла в магазин, которых там было много, купила себе расческу, подошла к стойке и заказала номер. Потом вернулась к лифту, проехала мимо своего этажа и снова вышла на крышу. Там как раз приземлялись два такси. Она взяла одно из них и велела ехать к станции.

За ней по-прежнему никто не следил. Хорошо. Они получили, что хотели, как она надеялась, и она их больше не интересует. Ким прилетела на вокзал, неспешно подошла к кассе, вставила удостоверение и получила билет на поезд до Орлиного Гнезда. Потом села на скамейку и стала смотреть какое-то ток-шоу по головизору.

Через десять минут пришел ее поезд. Ким вошла, села и стала лениво просматривать библиотеку. Двери закрылись, поезд отправился по расписанию. Он проплыл над домами и парками северной окраины Терминала, перелетел на материк по мосту Вандермеера и стал набирать скорость. Деревья стали реже и сменились полями.

Мерное движение поезда укачало Ким, и она задремала. Ей приснилась та пелена, но она знала, что это сон, и заставила себя проснуться.

Вагон был залит солнцем и детским смехом, Полно было людей с лыжами. Кажется, вся планета ушла в отпуск.

Приблизился столик с напитками, и Ким взяла себе ананасовый сок со льдом.

Поезд вошел в Орлиное Гнездо, когда солнце уже ощутимо опускалось к закату. Ким вышла, пошла к кабине информации для туристов. Найдя то, что искала, она пошла к небесному тротуару и через несколько минут вошла в магазин тканей. Там она купила белую ленту, разрезала ее на шесть полос длиной примерно двадцать сантиметров каждая.

После этого Ким пошла в следующую арку, в пункт проката спортивного снаряжения «Эмпориум». Там она взяла складную лодку, конвертер с соплами и несколько веревок для скалолазания. Все это доставили в «Крылатый транспорт», где она арендовала флаер. Через час с четвертью после прибытия Ким уже летела на юг над местностью, ставшей до боли знакомой. Выйдя к реке Северин, Ким полетела над ее каньонами к плотине и к озеру Печаль.

Тихая вода ярко сверкала под солнцем. Лодок на озере не было. Почти как если бы эта местность отделилась от Гринуэя и влилась в тот мир,

откуда пришла странная пелена.

Вынув из сумки металлоискатель, Ким подключила его к поисковой системе флаера, а потом поплыла над береговой линией, может быть, проверяя, что за ней не следят, или чтобы тут же броситься наутек, если что-нибудь нападет на нее из леса. При этом воспоминании Ким вздрогнула и с усилием отогнала его.

На берегу Кабри кто-то поставил знак в память Шейела, Бена Трипли и его трех охранников.

Ким пролетела над ним, ощущая желание выйти и воздать им почести. Она обещала себе, что еще сюда вернется.

Потом она свернула к северу тем же курсом, которым шла, когда убегала от пелены, и повела флаер через озеро. Она снижалась к группам мертвых деревьев, измеряла углы между направлением на них и на деревню и на вершины гор. Примерно в шестидесяти метрах от берега, где она выбросила «Доблестный».

Здесь!

Спустившись почти к поверхности, Ким медленно полетела над озером, глядя на металлоискатель. Несколько раз он зажегся, но это была не совсем та позиция. Слишком на восток. Слишком далеко от берега.

Наконец пришел сигнал, которого Ким ждала. Обозначив место буйком, она выбрала место и села. Когда она вернулась сюда с Мэттом, она почти ничего не чувствовала, кроме оцепенения, но сейчас, одна, снова ощутила давление этого места на себя, угнетение духа.

Ким постаралась вспомнить Солли, представить себе, что он рядом с ней, успокаивает и уговаривает не тревожиться. Нечего тут бояться.

Вытащив лодку из флаера, Ким сдернула наклейку, и лодка надулась на глазах. Над головой появился коршун и начал описывать круги. Ким обрадовалась компании.

Ким связала шнуры в две веревки, одну двадцать, другую сорок метров длиной, и положила их в лодку. Туда же уложила свои ленточки и два камня с берега, белый и серый.

Когда все было готово, Ким вернулась к флаеру и надела гидрокостюм, пристегнула конвертер и сопла, отцепила металлоискатель и положила его в сумку для инструментов.

Спустив лодку на воду, Ким храбро поплыла к буйку. Глубина двенадцать метров. Глубже, чем она думала, но уж недоступной ее никак не назвать. Ким включила металлоискатель. Ага, сюда, ближе к берегу.

Передвинувшись в указанное место, Ким привязала короткую веревку к серому камню и бросила его в воду в качестве якоря.

Было бы легче работать с напарником, как тогда с Солли над плотиной. Сейчас придется обойтись без помощника, наблюдающего за поисковым экраном. Ким закрепила металлоискатель на фонаре, фонарь надела на руку и перевалилась через борт.

Озеро было холодным и прозрачным, но в глубине темным. Ким камнем устремилась ко дну. Потом медленно повернулась кругом, глядя на экранчик и ожидая блика. Он не вспыхнул, и Ким, отодвинувшись в сторону, стала плавать кругами и тут же потеряла направление. Простой подход не удался.

Ким вернулась в лодку и стала думать. Над головой пролетел флаер, направляясь на юг. Ким подождала, пока он скроется из виду.

Было уже поздно, день начинал менять цвета на вечерние.

Ким взяла вторую свою веревку и привязала ленточки через каждые пять метров. Сделав это, она накинула веревку на плечо, белый камень положила в сумку и спустилась к якорю.

Веревку с лентами она привязала к якорному

канату, отмерила пять метров и отметила это место белым камнем.

Держась за первую ленту, чтобы не выйти за периметр, Ким обшарила все вокруг якоря на пять метров. Вернувшись к белому камню, она переключила внимание на внешность периметра и описала еще круг. Потом перенесла белый камень на десятиметровую отметку и повторила операцию.

На следующем круге она нашла «Доблестный». Он лежал вверх ногами, запутавшись в водорослях. Ким аккуратно его вынула, прижала к груди, поздравляя сама себя, и медленно поднялась к поверхности.

32

Я люблю плавать в запретных морях.

Герман Мелвилл, «Моби Дик», 1851 г. н.э

Мэтт ждал ее у посадочной трубы. Ким несла «Доблестный» в коробке из-под «Джин Тедди», на которой был нарисован этот любимый детский персонаж.

— Это он? — спросил Мэтт.

— Это он. — Ким удивилась, увидев здесь Мэтта, но и вид у него был как у человека, которого ведут на казнь. — Что-нибудь случилось?

— Нет, а почему ты спрашиваешь?

— Так просто. Приятно, что ты пришел нас проводить?

— Проводить? Я лечу с вами.

Ким даже представить себе не могла, что Мэтт подвергнет себя риску.

— Отлично. Нам понадобится вся помощь, которую мы только можем получить. Когда вылетаем?

— Ждем еще двоих, они уже едут. Как только они появятся, где-то через час…

— Чем быстрее, тем лучше, — сказала Ким. — Давай планировать отлет, как только они появятся в дверях.

Он взял ящик, и они пошли к трубе.

— Что-нибудь случилось?

Ким рассказала про Вудбриджа. Мэтт слушал и хмурился.

— У нас есть легенда для прикрытия? — спросила Ким.

— Экспедиция направляется к Таратубе. Ничего необычного. Но он знал, что ты едешь в Терминал.

— Я часто сюда езжу. Ничего необычного и в этом нет. И я заказала номер в гостинице «Бичфронт». Так что несколько часов у нас еще должно быть.

Важно было улететь, пока Вудбридж не выяснил, что в руках у него только декорация, и не начал искать Ким. А если сейчас будут трения с патрулем, то Солли на этот случай в пилотской кабине не будет.

— Ладно, — сказал Мэтт. — Постараемся вылететь побыстрее. Но я не хочу никого бросать. Эти люди все оставили ради нас…

— Но они не знают зачем?

— Им только было сказано, что они об этом не

пожалеют.

— Надеюсь, это правда.

Если «Хаммерсмит» был похож на дешевую гостиницу, то «Мак-Коллум» напоминал заброшенное офисное здание, где организовали временное обиталище для людей, застигнутых пургой. Он был серый, темный и гнетущий. Обычно, когда Ким объясняла, как Институт нуждается в пожертвованиях, она показывала фотографии «Мак-Коллума».

Снаружи корабль походил на ящик с закругленными краями. Каюты были спартанскими, рассчитанными на двоих, а всего корабль мог принять двадцать четыре пассажира. Условия были неплохими: комната отдыха вполне приличная, центр управления модернизированный, а пилоты считали, что это самый надежный корабль во всем скромном флоте Института. Что уже о многом говорило.

Рабочая палуба находилась на верхнем уровне. На крыше стоял телескоп 8,6 метра.

— Мы взяли робота-прыгуна, — сказал Мэтт.

— Какого робота?

— Автоматическая система, которую можно выпустить наружу, чтобы убрать все, что прицепится к корпусу.

Несколько членов группы собрались в пассажирском салоне. Среди них были математик, биолог, лингвист и еще некоторые. Мэтт всех представил, некоторых Ким знала. Они здоровались и тут же начинали задавать вопросы. Что за экспедиция? Куда направляемся?

Они пошли, поверив. Поверив Агостино, храни их Господь.

Ким объяснила, что ей нужно ненадолго уйти в свою каюту. Сейчас должны прибыть еще двое, с минуты на минуту. Тогда она придет и даст ответ на все вопросы.

После этого она извинилась и ушла к себе, попросив Мэтта сообщить ей, как только все соберутся на борту. Через десять минут в дверь постучали. Ким открыла и увидела улыбающееся лицо Али Кассема, капитана корабля.

— Ким, что происходит? — спросил он.

— Привет, Али! — Она посторонилась, пропуская его, и закрыла дверь. — Рада тебя снова видеть.

— И я тебя тоже. Что за секретность?

— Что тебе известно?

— Только то, что мы идем не к Таратубе.

— Сядь, Али. Тебе платят за риск?

— А должны?

— Да.

— Ты говоришь серьезно?

— Очень серьезно.

— Ладно, тогда просвети меня.

Ким вложила все в трехминутный рассказ, опустив только попытку Вудбриджа отобрать «Доблестный». Когда она закончила, Али был потрясен.

— Ты все еще согласен идти? — спросила она.

— А если я решу, что мне это не подходит?

— Тогда у меня будут трудности.

Все оставшиеся прибыли вовремя. Кроме Ким, Мэтта и Али на борту было еще восемь человек. Они собрались в каюте для совещаний, где Мэтт объяснил, что хотел пригласить и других и даже приглашал. Некоторые потребовали деталей, другие ответили, что не могут так быстро выехать. Восемь человек мало для этой задачи, сказал Мэтт, но придется обойтись. Потом он передал слово Ким.

— У нас всего несколько минут до отлета, — сказала она. — И я постараюсь не тратить наше время зря. — Она вышла вперед на приподнятый участок палубы. — Мы установили контакт.

Никто не шевельнулся, не произнес ни слова.

— С инопланетянами. Это правда. Это произо-

шло. На самом деле это произошло даже два раза.

Теперь аудитория была у нее в руках. Посыпались вопросы, но Ким отмела их в сторону. Она описала открытия «Охотника» и «Хаммерсмита», рассказала, что на самом деле произошло в туннеле Калбертсона. Она рассказала, что Совет собирался хранить сведения в тайне, и вот почему никому заранее не объяснили, в чем дело. Она показала им «Доблестный», но не дала его рассматривать.

— Это можно будет сделать потом. Сейчас вам необходимо знать, что мы собираемся возобновить общение, что мы надеемся исправить ошибки, допущенные двадцать семь лет назад, и что мы почти ничего не знаем о том, с чем будем иметь дело. Мы уверены, что сейчас они будут настроены враждебно, и можем допустить, что они попытаются уничтожить «Мак-Коллум» без колебаний. Мы будем одни. Поэтому вы можете пересмотреть свое решение отправиться в этот рейс. — Ким повернулась к Али. — Каждый, кто хочет нас покинуть, может сделать это сейчас. Когда мы стартуем, будет поздно.

— Насколько это опасно? — спросил Мори Пен, антрополог.

— Вы знаете столько же, сколько и я. Я бы сказала, что опасность серьезная.

— Я с вами, — сказал математик. — Шанс поговорить с другим видом? Черт побери, да!

Особого спора не было. Прежде всего на него не хватило бы времени. С другой стороны, цель была слишком заманчива. Те, кто в других обстоятельствах не захотел бы подвергать жизнь риску зачем бы то ни было, например, специалист по ИРам Джил Чейз, были ошеломлены возможностями ситуации. Остались все. Как было сказано, чего вы еще могли ожидать?

Совещание кончилось. Кресла вернулись в положение для ускорения, и Али ушел в кабину пилота.

Мори Пен сел рядом с Ким.

— Не тот способ, который я бы для этого выбрал. Для такой задачи. Надо было бы подготовиться.

— Условия не позволяли, — ответила Ким.

Голос Али предупредил о скором вылете. Свет в каюте потускнел.

Сиденья каюты для совещаний были снабжены отдельными мониторами, которые показывали изображение с наружных имиджеров. Ким переключилась на вид Гринуэя и стала смотреть на Экваторию. Северные снега отступали, кон-

тинент был весь зеленый. Архипелаг Мандан уходил на запад, за край планеты.

Вниз и вниз, в гряды облаков уходил и терялся из виду небесный причал, длинный и изогнутый, как под сильным ветром.

Ким ощутила легкий толчок.

— Стартовали, — сказал Али.

Через сорок с чем-то минут корабль без единого слова со стороны патруля ушел в гиперпространство и Ким облегченно вздохнула.

«Доблестный» сразу попал под тщательный осмотр. После первой волны эйфории некоторые члены экспедиции заключили, что Ким втянула их в легкомысленную — и сумасшедшую — затею. Но репутация Флекснера удержала людей в рамках. Мэтт был человек солидный, рассудительный, не такой, от слов которого можно отмахнуться. Значит, тут есть что-то еще.

В конце концов всем был предоставлен шанс взглянуть на кораблик, но Ким остерегла от попыток его разбирать, положила в стеклянный футляр и поместила в свободную каюту верхнего уровня. Поколебавшись, включила систему сигнализации.

— Не слишком хорошая мысль, — сказал ей Мэтт, — сигнализировать, что не доверяешь сво-

им людям.

Она это знала. Она принесла свои извинения, но объяснила, что они — ученые и что для них соблазн может быть непреодолим.

— Он нам нужен невредимый, — сказала она и объяснила истинную цель экспедиции. — Мы хотим отдать его обратно.

Люди с вытаращенными глазами бросились в спор. Тесла Дюшар, биолог, была просто вне себя.

Но Ким защищала свою точку зрения, и Мэтт, надо отдать ему должное, ее поддержал.

— Рейс «Охотника» принес много вреда. Если мы сможем это исправить и установить конструктивные отношения, то это будет результат куда лучше, чем пустой корабль.

Кое-кто поворчал, но в конце концов все согласились.

Сандра Лизинг, специалист по проектированию и строительству прыжковых двигателей, заключила, что система перехода в подпространство у «Доблестного» никак не может отличаться от той, что принята у людей.

— Вероятно, другого способа вообще нет.

— Для меня, — сказала Мона Васкес, психолог, — важнее другой вопрос: где ходовые сопла? Как он движется в обычном пространстве?

— Единственный способ, который мне приходит в голову, — сказал Терри Танака, физик, — это то, что если ты ничего не отбрасываешь назад, то надо что-то иметь впереди, что будет тебя тащить.

— И что это может быть? — спросил Мори.

— Гравитационное поле. Создаешь перед кораблем гравитационное поле по намеченному курсу, как мы создаем его внутри корабля. И падаешь туда.

— Мы это умеем делать? — спросила Тесла.

— Умеем, — ответил Мэтт. — Но мы не умеем генерировать достаточно сильное поле, чтобы можно было это использовать на практике. Конечно, со временем это станет удобным способом. Хотя бы потому, что не надо будет тащить с собой груз реактивной массы.

Ким прокрутила для своей команды бортжурналы «Охотника» и слышала ахи и охи, когда появился инопланетный пилот.

– *Чио-чио-сан,* — сказал Терри. — Бабочка.

Стали обсуждать реакцию «Охотника» на находку и то, что может теперь ждать их и как на это реагировать.

Ким решила, что необходимо рассказать и о попытке Вудбриджа захватить «Доблестный».

Когда они выйдут из гипера возле Алнитака, наверняка получат официальное сообщение, требующее вернуть артефакт. И надо людей к этому подготовить. Особенно надо привлечь на свою сторону Али.

Но Ким ждала подходящей минуты. Время подлета прошло больше чем наполовину, и это событие отметили вечеринкой. Оказалось, что веселиться группа умеет, и Ким это понравилось. Атмосфера была праздничной, и было много разговоров о пересечениях эпох, как называл это Джил. Он был сух и официален и вскоре приобрел репутацию человека более хладнокровного, чем создаваемые им ИРы. Ким знала его давно, и он казался ей крайним эгоцентристом, преследующим только собственные приоритеты. Но в этой экспедиции оказалось, что его и ее приоритеты совпадают.

К концу вечеринки Пол Мак-Кип заметил, что Институт поступил хорошо, сохранив существование кораблика в тайне.

— Правительство слишком консервативно, — сказал он. — Они бы нас ни за что из дока не выпустили.

Пол был математиком.

Ким покосилась на Али, проверяя, что он слы-

шит, и чуть возвысила голос.

— Есть одна вещь, которую вы должны знать.

— Еще что-то? — рассмеялась Мона.

— Да. Мы не смогли сохранить секрет «Доблестного». И Вудбридж пытался у меня его отобрать.

— И как ты вырвала игрушку у него из лап? — спросил Али.

— Подсунула ему дубликат.

Громовой раскат хохота. Но Али даже не улыбнулся.

— Ты знаешь, что это значит.

— Да. — Ким посмотрела прямо в его темные глаза. — Когда мы выйдем из прыжка, нас будет ждать напоминание.

Али помрачнел, повернулся и вышел. Все смолкли. Ким посмотрела на Мэтта, собираясь пойти за Али и постараться сделать так, чтобы он устоял против давления из дома.

Но Мэтт покачал головой, будто хотел сказать: «Нет. Сейчас не время».

Полет пробуждал воспоминания, и Ким не могла отогнать мысли о Солли. Расстояния, казалось, съежились, будто она ехала в поезде по темной, но знакомой местности и ориентиры, абстрактные, временные, неслись мимо. Места, где она уже бывала. Здесь мы играли в шахматы, и Солли

все время выигрывал, а я злилась. А здесь мы добили решение Вероники Кинг в деле «Балкон с призраками».

А вот здесь Ким в роли Клеи исполняла танец с факелами.

Глупо. Где-то здесь она повела себя неимоверно глупо, и счастье ускользнуло меж пальцев.

Почти все свое время люди работали над планами контакта. Вещание планировалось начать сразу по прибытии, чтобы их нельзя было не заметить. Ким подумала, что это проект «Маяк» в новой модификации.

Шли бесконечные споры о наилучшем определении синтаксиса и словаря.

«В игры с числами больше играть не будем», — напоминал Джил Чейз.

Известно было уже, что в обеих технологиях система обмена аудио– и видеосигналами одна и та же.

— Можем поначалу использовать картинки, — говорил лингвист Эрик Клаймер. — Но было бы больше пользы, — брюзжал он, — знай я заранее, о чем идет речь. Я бы прихватил нужные программы.

Был создан список вопросов, которые надо будет задать, как только установится общий язык.

«Насколько далеко вы знаете свою историю?» Даже для такого вопроса надо было определить общую единицу времени.

«Откуда вы?»

— Этого лучше не спрашивать, — сказал Мори. — Слишком похоже на сбор разведывательной информации.

— А что, если они нам зададут такой вопрос? — усомнилась Сандра.

— Учитывая предысторию, — заметил Пол, — лучше им такую информацию не давать.

Ким кивнула:

— Согласна. — В случае наихудшего поворота событий она не хотела быть виноватой в приходе флота вторжения.

— Но если они поймут, что мы им не доверяем, — возразил Мэтт, — как они тогда будут доверять нам?

— А никак, — ответила Мона. — Но нам особого взаимного доверия и не надо. По крайней мере, вначале. Они наверняка поймут наше нежелание давать информацию подобного рода. Я думаю, лучший для нас подход — быть честными.

— Хорошо, так на какие вопросы мы *хотим* отвечать? — спросил Терри.

— Существуют ли другие цивилизации, — пред-

ложил Али. — Нашли ли они еще кого-нибудь.

«У вашего корабля, по-видимому, есть оружие. Зачем оно вам?»

«Как вы объясняете устройство вселенной? Само ее существование? Почему не существует полного „ничто“?»

«Удалось ли вам установить существование альтернативных вселенных? Если да, что вам удалось о них узнать?»

«Верите ли вы, что у жизни есть духовное измерение?»

— А как определить понятие «духовное»? — возразила Мона.

Никто ничего предложить не мог.

«Что вы делаете в свободное время?»

— А это нам действительно надо? Мы что, хотим узнать, играют ли они в бридж?

Мори, предложивший вопрос, энергично замотал головой.

— Чем занимается человек в свободное время, очень многое говорит о природе общества, о его ценностях, как они есть, а не как их формулируют члены общества.

— А если они нам зададут этот вопрос? — сказала Мона. — Мы что, признаемся, что девяносто пять процентов нашего населения сидят и балде-

ют от электронных фантазий?

— Этого лучше не делать, — сказал Джил. — Если этот народ враждебен, мы только навлечем на себя нападение.

— Значит, соврем, — заключил Мэтт.

— Конечно. — У Джила был раздосадованный вид. — Не создавать же нам себе проблемы на будущее. Может, действительно, больше надо думать о том, что они у нас будут спрашивать, а не мы у них. Что мы, например, ответим, если они будут задавать вопросы для выяснения уровня наших технических познаний?

— Об этом, я думаю, волноваться не стоит. Для этого им только надо открыть стрельбу и посмотреть, насколько быстро мы смоемся из города.

Никто всерьез не верил, что возле Алнитака будут биологические объекты, но все были убеждены, что «Мак» найдет какой-нибудь автоматический форпост, сканер, ждущий появления гигантского корабля. Люди бы обязательно такой форпост поставили, и трудно было себе представить, чтобы разумные существа просто покинули место, где за тридцать лет были уже две встречи. Хотя Ким сообразила, что Вудбридж заставил бы их это сделать. Как это характеризует правление у людей?

Было решено семью голосами против трех, что любая попытка инопланетян закрепить какой-либо объект на корпусе корабля будет рассматриваться как враждебная и контакт будет прерван немедленно. Али потом объяснил Ким, что не придавал значения этому голосованию, поскольку безопасность корабля на *его* ответственности, и пусть она ни секунды не сомневается, что он не станет ни у кого спрашивать разрешения убираться, если ему не понравится любой аспект поведения предполагаемых контрагентов.

Если какой-либо предмет все же закрепится на «Маке», несмотря на все усилия, будет послан робот, чтобы его снять. Чтобы объект не вернулся, робот перед тем, как выбросить в космос, прижжет его разрядом в несколько тысяч вольт. После этой операции люк открываться не будет. Робот одноразовый, и его можно бросить.

Если их никто не окликнет и не приветствует по прибытии, они начнут сами передавать приветствие и ждать дальнейших событий. На «Мак-Коллуме» хватит запасов для десятинедельного пребывания в этой зоне. Если за это время ничего не произойдет, экспедиция оставит автоматический сканер и станцию вещания и

вернется домой.

Как можно было ожидать, на борту возникло несколько романов. Пол и Терри объединились в пару, Эрик создал некоторое напряжение, ухаживая сразу за Моной и Теслой. Мэтт, будучи женат, то ли не стал пользоваться явным интересом Сандры Лизинг, то ли делал это настолько скрытно, что никто не заметил.

Али был со всеми профессионально вежлив, но с женщинами держал дистанцию. Однажды во время разговора в кающе отдыха он между прочим заметил, что отношения между капитаном и пассажирками не способствуют порядку на борту.

Ким была намного моложе всех остальных и знала, что спутники считают ее почти ребенком. Ее это устраивало. Она все еще была слишком полна мыслями о Солли, чтобы заводить любые отношения. А в условиях корабельной тесноты любые тайны становились известны через несколько часов.

В последние дни перед прибытием к Алнитаку стало нарастать напряжение. Известный психолог двадцать четвертого века Эдмунд Тримбл утверждал, что продление жизни замедляет прогресс человечества. Во-первых, говорил он, для большинства людей жизнь является цепью

упущенных возможностей. А потому к семидесяти-восьмидесяти годам люди не только теряют гибкость, но и становятся циниками. Как оказалось, опасения Тримбла были преувеличенными, но не совсем беспочвенными. Средний возраст группы контакта, если не считать Ким и Али (ему было сорок один), равнялся 126 лет. Общее убеждение, диктуемое жизненным опытом, было таково, что обязательно что-то выйдет не так. Например, окажется, что у Алнитака никто их не ждет, возможность упущена, и у людей останутся только «Доблестный», бортжурналы «Охотника», а может быть, еще один *захватчик,* который за ними погонится. В день перед прибытием отметили тридцать шестой день рождения Ким — открыли бутылки и выпили за ее здоровье. Джил достал торт, его украсили лентами и отметили праздник по полной программе — по мнению Ким, куда масштабнее, чем требовало событие.

33

Бродят в ночи корабли и друг друга зовут неустанно,
Голос – короткий гудок, отзвук далекий в тумане.
Так же мы ищем друг друга в жизни, как в океане,
Голос и взгляд, а потом – лишь темнота да молчанье.

Генри Лонгфелло, «Истории придорожной гостиницы», 1863 г. н.э.

Когда корабль прыгнул из гипера в нормальное пространство, Ким сидела в кабине пилота вместе с Али. Снизу послышались восторженные охи и ахи — люди увидели потрясающее зрелище неба у Ориона.

Капитан весь рейс держался отстраненно, бесстрастно, под самоконтролем. Именно так, как хочется, чтобы вел себя капитан в случае опасности. И Ким было сейчас приятно видеть, как у него перехватило дыхание, когда в окнах вспыхнули светящиеся звездные облака. Али погасил свет и встал с кресла.

— Вот почему «Охотник» здесь остановился, Али.

— Рука Всемогущего, — выдохнул он. — Все еще за работой.

Ким узнала назначение приборов на «Хаммерсмите» и постаралась изучить то же на «Мак-Коллуме». Особенно ее интересовали локаторы дальнего действия, которые сейчас были настроены на подачу сигнала при обнаружении объекта, движущегося вопреки законам небесной механики. Сейчас Ким глянула на циферблаты, но ничего необычного не увидела.

Али постоял в хрустальном свете, а потом велел ИРу проложить курс к газовому гиганту. Повернувшись к Ким, он сказал:

— Ну, удачи нам.

— Будем на это надеяться.

Ким созвала группу в центр управления, и люди снова кратко обсудили план. Мэтт спросил, не было ли еще приема сигнала.

Еще. Теперь это казалось неизбежным.

— Нет, пока ничего нет.

Корабль начал передачу визуальной программы. Она состояла из фрагмента обмена числами между «Охотником» и «Доблестным» и записанного изображения Моны Васкес, которая в самой

гостеприимной манере произносила:

«Здравствуйте, мы счастливы приветствовать вас. Здравствуйте».

Слово «здравствуйте» было повторено специально, чтобы дать понять его значение.

— Это будет подходящее начало, — утверждал Мори. «Мы надеемся, — продолжала Мона, — создать почву для долгого сотрудничества, полезного и вам и нам. Мы рады будем обменяться идеями и информацией при первой возможности».

Мона добавила, что она и ее друзья далеко от своего дома и что это путешествие они предприняли специально ради встречи с существами, которых когда-то давно видели возле Алнитака. Название звезды она выделила голосом. Его написание и изображение звезды были показаны за спиной Моны.

Когда передача кончилась, раздались шутливые аплодисменты. После шестидесятисекундной паузы передача пошла снова.

Немедленного ответа не ожидал никто, но надежда не покидала Ким. Хотя после первых часов, когда стало ясно, что немедленного контакта не будет, Ким что-то про себя буркнула, подавила в себе пораженческие настроения и пошла завтракать.

Люди бродили по кораблю, напряженно ожидая, что будет дальше. В основном народ толпился у окон, и возле одного окна Ким увидела Мону с Мори и Терри.

— Здесь получается так, — говорила она, — что лучше начинаешь понимать *глубину* неба. Здесь не Гринуэй и не Земля, где ночью видишь только звезды и луны, и это будто дыры пробили в небе. Здесь, когда смотришь на эти облака, понимаешь, что они тянутся бесконечно. А это не могло не оказать влияния на само развитие цивилизации.

— Если она здесь есть, — сказал Мори.

— Именно, — поддержала Терри. — А ее нет. Тут ни одна форма жизни развиться не может. Ультрафиолета слишком много.

— А не обязательно она должна быть на орбите вокруг Алнитака, — не сдавалась Мона. — Она может находиться где угодно. Чуть подальше, и радиация уже не так сильна.

Они сидели в кружок, и Ким присоединилась к ним.

— Интересно, — спросил Мори, — а какие бы развились общества на Земле, если бы там были такие небеса?

— Религиозных фанатиков, — ответила Ким.

Терри усмехнулась:

— Они и без того были.

Мона покачала головой:

— Не уверена, что в таких условиях возникает религиозный фанатизм. Скорее наоборот, легче выяснить механические аспекты природы, которые у нас не так очевидны.

«Ким, — послышался из кабины пилота голос Али, — тебе гиперграмма».

— Иду.

Когда Ким вошла, на экране был заголовок.

Кому: ГР-717 «Карен Мак-Коллум».
От: СВД.
Тема: Артефакт.
Лично для д-ра Брэндивайн.

СВД — секретариат внепланетных дел.

— Али, дай текст.

— Ким, если хочешь, можешь прочесть это у себя в каюте. — У Али был встревоженный вид. — Это их реакция на твой поступок с Вудбриджем?

— Наверное. — Она улыбнулась. — Они сейчас мало что могут сделать. Давай текст.

Д-р Брэндивайн!

Если объект находится в Вашем распоряжении, имейте в виду, что отказ немедленно передать его в руки властей приведет к возбуждению

судебного дела. Дальнейшие предупреждения посылаться не будут.

Толбот Эдвард.

* * *

Эдвард был начальником Вудбриджа. Тот самый, который вручал ей медаль Брейса Ситвелла.

— И как они хотят, чтобы мы это сделали? — спросил Али. — Он же знает, где мы?

— Берет на понт.

— Не уверен. — Темные глаза Али были не видны в полутьме кабины.

— А что еще?

— Думаю, у нас обнаружится компания. — Али повернулся в кресле. — Ты действительно намерена вернуть кораблик владельцам? Первоначальным владельцам?

— Да.

— Как?

— Просто. Как только найдем.

— Расскажи мне как.

— Просто высунуться из люка и отдать им корабль.

— А это не опасно? Это такие же создания, как то, что пыталось тебя убить в долине Северина.

— Думаю, это была аномалия. Скорее всего существо, брошенное на чужой планете, сошло с ума.

— Будем надеяться, что они не все сумасшедшие.

— Они должны быть разумными, Али. Иначе бы их здесь не было.

Он как-то неясно хмыкнул:

— Быть может. Но для меня это звучит как эпитафия.

В первые дни все занялись обычными делами, каждый своими, и при этом поглядывали на экраны локаторов. Мори и Терри не уставали стоять у окна и любоваться видом. Постепенно предположения, расцветавшие в течение всего полета — о том, что контакт неизбежен, что инопланетяне напряженно ждут появления корабля-гиганта, — стали сначала казаться излишне оптимистичными, затем сомнительными и наконец — безнадежно наивными. Стала закрадываться мысль, что возможность упущена давно и безвозвратно. Загублена неуклюжестью первой экспедиции. Ким даже подслушала случайно замечания, что они с Солли могли бы поступить лучше, если бы чуть подумали.

Сложившаяся ситуация, оглушительное мол-

чание небес, каким-то образом воспринималась как *ее* вина. Обратись она к ним тогда, в январе, с тем, что у нее было, а не бросься сюда одна, они бы все исправили.

Это Ким видела в глазах своих спутников, слышала в их голосах. Дни шли за днями, газовый гигант заполнял окна все сильнее, и менялось отношение людей к «Доблестному». Сначала это была уникальная находка, *канал* к другой цивилизации, а теперь он стал окаменелостью, выброшенной на берег приливом истории, символом человеческой некомпетентности.

— По крайней мере, — сказал Пол, — мы теперь знаем, что не одиноки.

— Может быть, и хорошо будет, если мы их не найдем, — произнес Мори.

Это замечание заставило всех нахмуриться.

— А почему ты так говоришь? — поинтересовался Джил.

— Как ты думаешь, насколько стара их цивилизация? Мэтт позволил себе проявить нетерпение:

— Откуда нам знать?

— Вполне может быть, что и миллион лет. Или шесть миллионов. Можете себе представить, до чего такая цивилизация дошла? И хотите ли вы

действительно с ней общаться?

— А почему нет?

Мори глубоко вздохнул:

— А что мы такое можем сказать, что им было бы интересно?

Ким играла в шахматы с Моной, когда позвонил Али:

— Пожалуйста, поднимись на минутку.

Она оставила игру и поднялась на верхний этаж. Али посмотрел на нее со странным выражением лица:

— Нас сканируют.

— Кто?

Он пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Откуда?

— Тоже не знаю. Проследить не удается. Но кто-то за нами наблюдает.

— Ты думаешь, прибыл флот?

— Может быть. Но вряд ли кто-то из наших. А если так, то они отлично действуют. Телескопы ничего не показывают.

Экраны были пусты.

— Так что это может значить? Что мы нашли то, что искали?

— Я только говорю, что у тех, кто нас сканирует,

технология очень высокая.

— Прекрасно! — Ким хлопнула Али по спине. — И что они могут о нас узнать?

Али обхватил подбородок ладонью.

— Разумеется, куда мы направляемся. Какие у нас двигатели. Может быть, могут провести анализ утечек. Трудно сказать, на что они способны. Если это в самом деле инопланетяне. Вот тут-то и было бы полезно вскрыть их кораблик.

Ким сделала вид, что не слышала.

— Есть вероятность, что они могут заглянуть внутрь нашего корабля?

— Я не думаю, что кто бы то ни было может создать что-нибудь такое, что проникнет в корпус такого типа. Корпус «Мака». Он рассчитан на выживание в среде с высоким уровнем энергии. Мы могли бы подлететь совсем близко к Алнитаку и не поджариться. Так что — нет, вряд ли они на это способны. Но они, вероятно, могут определить возможности нашей электроники, наличие или отсутствие вооружений, строение двигателей — в этом роде.

— Спасибо, я поняла. Что-нибудь еще?

Он пожал плечами:

— Послушай, ты не увлекайся настолько, чтобы забыть, что они имеют склонность кусаться,

ладно?

Ким вернулась в центр управления, созвала всех и передала новость. *Кто-то за нами наблюдает.* Реакция была смешанная — радость пополам с беспокойством. Пол порекомендовал начать передавать пакет вещания для второй фазы. Остальные согласились, и Ким передала Али инструкции. Через минуту он ответил, что передача началась.

Пакет второй фазы содержал словарь с изображением и произношением названий 166 предметов, которые, как надеялась группа, будут общими для обоих видов. Здесь были такие слова, как «звезда», «планета», «облако», «река», «корабль», «дождь», «лес», «лампа». Эрик, который говорил, что учился в актерской школе (во всяком случае, у него была великолепная дикция), произносил названия.

Кроме того, в словаре были глаголы-связки с примерами использования, несколько личных местоимений и вопросительные местоимения вроде «кто», «что», «где», «когда» и «почему». Эрик утверждал, что объяснения последних слов, проиллюстрированные сложными примерами, вряд ли будут поняты, но сами слова были настолько полезны, что попробовать стоило.

Пакет передавался без сжатия, в реальном времени, по тем соображениям, что технологии сжатия у двух рас могут не совпадать. Передача длилась пятьдесят шесть минут и повторялась каждый час.

Во время первой передачи Али позвонил вниз и сообщил, что сканирование прекратилось. Общая его длительность составила семнадцать с половиной минут.

Ким подумала, что неплохо было бы сопроводить передачу изображением «Доблестного». Пока передавался пакет, она рассматривала различные изображения, загруженные в передатчик: вид кораблика спереди, сверху, на фоне сияния Алнитака, силуэтом на фоне голубой планеты, еще десяток изображений. Но она чувствовала, что послать надо только одно.

Наконец она выбрала «Доблестный» в сиянии солнца, видимом с левой стороны, чуть снизу. Вид был величественный — прекрасный корабль, плывущий по яркому небу. Он излучал оптимизм и силу, и Ким надеялась, что инопланетяне так же почувствуют это, как и она.

— На это они должны ответить, — заметил Мэтт, неслышно подойдя сзади. — Еще раз показано, что в группе первого контакта должны

быть пиарщики.

Ким усмехнулась — хорошее правило. Теорема Флекснера. Но это была правда.

Она попыталась проникнуть в мысли инопланетян. Ими должно двигать, хотя бы отчасти, желание узнать, что случилось с кораблем, исчезнувшим много лет назад. И вот те, кто знают судьбу корабля, и они явно готовы о ней рассказать. Как можно устоять против этого?

Когда Али сообщил, что готов к передаче, Ким предложила Мэтту нажать кнопку.

— С удовольствием, — ответил он и передал в пустоту изображение залитого солнцем кораблика.

— В ближайшие часы они ответят, — предсказала Ким. Почти сразу после передачи Али сообщил, что их опять сканировали.

— Но лишь несколько секунд, — сказал он.

Люди ждали, изредка переговариваясь, глядя на экраны в ожидании картинок, следя за состоянием собственной передачи.

Когда она прошла второй раз, Али снова доложил о сканировании.

А через час с лишним — еще раз.

— Похоже, что каждые шестьдесят три минуты, — сообщил Али.

День длился и длился. Наконец Тесла поднялась и пошла в ванную.

* * *

Ужин был в шесть. Он прошел тише обычного, и все уговаривали друг друга, что надо проявить терпение. Али, обычно ужинавший в кабине, сегодня присоединился к обществу.

Вечером сканирования продолжались, всегда с интервалом шестьдесят три минуты семнадцать секунд.

— Наверное, придется подождать, пока те, кто тут есть, не свяжутся со своей базой, — предположил Мэтт. — Если у них ничего нет лучше гиперсвязи, на это уйдет время.

Эта перспектива никого не обрадовала. Но Ким подумала, что такая ситуация намного лучше той, в которой были они с Солли.

Она сдалась в полдвенадцатого и пошла спать. Почитав час сборник политических статей, она в конце концов заснула. Проснулась она около трех, вышла в коридор и направилась в ванную. Внизу, в центре управления, слышались голоса. Сандра, Эрик и еще кто-то.

Сандра смеялась.

Через несколько минут Ким вернулась к себе в

каюту, и тут из коммуникатора затрещал голос Али:

— Ким, очень не хочется тебя будить…

— Давай, Али, я не сплю.

— Ответа мы пока не получили. Но есть кое-что, что ты должна увидеть. Можешь подняться?

Ким набросила халат и пошла в кабину пилота. Али сидел у вспомогательного экрана и повернулся, когда она вошла.

— Прибыл флот.

Ким не знала, чего ожидает, но была сильно разочарована.

— Наш флот?

— Да, конечно. Линкор и пара эсминцев.

— Идет к нам?

Али кивнул.

— Сколько у нас времени?

— До их подхода? Около восьми часов.

— Плохо, — сказала Ким.

— Они появились в телескопах несколько минут назад.

— Но это не они нас сканировали?

— Определенно не они.

Что ж, подумала Ким, хоть кто-то согласен с нами разговаривать.

34

Безмолвие глубоко, как Вечность.

Томас Карлайл, «Сэр Вальтер Скотт», 1838 г. н.э.

К утру ничего не изменилось.

— По правде сказать, — произнес Али, — когда за тобой наблюдает кто-то, кого ты не видишь, чувство не из приятных. Я рад, что флот прилетел. Чувствуешь себя безопаснее.

Ким пила кофе и отвечать не стала. Сейчас все уже знали, что появился флот. Некоторые признались в том же чувстве, что и Али. Но все знали и то, что экспедиции конец.

Мигнуло предупреждение о сканировании, посветило три секунды и погасло. Сейчас шли трехсекундные вспышки с той же периодичностью.

— Как ты думаешь, линкор тоже подвергается этому? — спросила Ким.

— Наверное.

— Интересно, как *они* это истолкуют.

— Уверен, что рады не будут. Наверняка держат людей по боевым постам.

«Сообщение от флота», — доложил ИР.

Али посмотрел на Ким.

— Может, они нам сами сейчас скажут. Давай, Мак, послушаем.

«Только звук. Передаю».

— «Мак-Коллум», говорит капитан линейного корабля «Бесстрашный». — В голосе рокотала властность. — Вам предписывается немедленно покинуть этот район.

Ким посмотрела на Али:

— У них нет полномочий в этой части космоса?

Али состроил гримасу:

— Технически говоря, нет…

— Так скажи им, чтобы приставали к кому-нибудь другому. Пусть не лезет к гражданским кораблям. Сейчас, я сама ему…

Она потянулась к наушнику, но Али задержал ее руку.

— Извини, Ким. Я должен подчиниться. Иначе это будет стоить мне пилотских прав.

— Но ты сказал…

— Я сказал, что *технически* у них тут власти нет. Но мы приписаны к Гринуэю. У них есть юристы.

— Каждый трясется за свою работу, — буркнула

Ким.

— А чего ты ждала? — с раздражением ответил Али. — Мы тут торчим уже неделю. Нашли что-нибудь, ради чего приносить такие жертвы? — Он включил микрофон. — Капитан, начинаем подготовку к немедленному отлету.

— Не так сразу, капитан Кассем, — отозвался «Бесстрашный». — Есть ли у вас на борту доктор Ким Брэндивайн?

Али покосился на нее.

— Перейди на видео, — сказала Ким.

Командир линкора был высокий, светловолосый, с широко расставленными синими глазами и аккуратно подстриженными усами. И следов уступчивости нельзя было высмотреть в этих каменных чертах. Не тот партнер, которого хотелось бы иметь на переговорах.

— Давайте, капитан. Доктор Брэндивайн — это я.

— Доктор, я информирован, что в вашем распоряжении находится предмет, являющийся собственностью правительства. Он с вами?

Ким поглядела на Али, он покачал головой. Врать нет смысла — поднимутся на борт и обыщут. — Да.

Очень хорошо. Прошу вас обращаться с ним

осторожно. Мы вскоре подойдем для стыковки. Надеюсь, вы подготовите предмет к передаче.

Он отключился.

— Это уже, наверное, все равно, — сказал Али. — Ты же не можешь отдать «Доблестный» владельцам, если они даже «здравствуйте» не хотят сказать. — Вид у него был подавленный.

— Мы все еще передаем словарный пакет?

— Каждые шестьдесят минут.

Все разваливалось. «Доблестный» передадут в какие-нибудь правительственные лаборатории, поиски цивилизации, которая его создала, направят по ложному следу, и Ким уже всю жизнь ничего не услышит о бабочках и пеленах. Мир никогда не узнает о самопожертвовании инопланетян на склоне пика Надежды. А когда произойдет встреча, как бы ни была далека эта дата, встретятся два потенциальных противника.

— Каждый час, — сказала она. — Глупо, правда? В этих обстоятельствах. Мы же не получим результата.

— Кажется, что так.

— Прекрати передачу, Али. У нас еще есть время, попробуем что-нибудь другое.

Она вызвала пакет с «Доблестным» — корабль под серпом луны, корабль над миром, залитым

озерами света, корабль на фоне вспыхнувшей новой звезды. Ким сделала хорошую работу, и корабль смотрелся то величественным, то экзотичным, то изящным. Не хватало только яркого пламени из пары сопел.

— Передай вот это, — сказала Ким. — Все картинки передай.

Али дал команду ИРу. Все уставились на консоль. Мигнули лампочки, и изображение ушло в эфир.

На втором этаже была терраса, откуда открывался обзор. Там обычно никого не было, и Ким сейчас поднялась туда и встала в свете звезд, глядя на небо. Линкор с конвоем подойдут меньше чем через два часа.

— Попытка того стоила, Ким. — Голос спугнул мысли. Это был Мэтт с искренней заботой на лице. — Ты себя не вини.

— Я и не виню.

Он сменил тон на более оптимистический:

— Ты подтвердила великое открытие. Мы теперь знаем, что они есть. И у нас есть артефакт. Очень неплохая работа.

— Еще мы знаем, — сказала она, — какой будет их первый вопрос, если мы когда-нибудь сможем с ними говорить.

— Что ж, придется объяснять, как сможем.

– *Убили экипаж и захватили корабль?* Флаг нам в руки, Мэтт.

— Ким…

— Ладно, брось.

Он сел в кресло.

— Они перепугались, Ким. Трудно обвинить Вудбриджа. Он всего лишь следует твоему совету.

В ночи пылало огромное облако звезд.

— На меня не вешай, — ответила она. — Устала я от этой игры. У него была вся информация, которая есть у меня. Он знает, что случилось на пике Надежды. Знает, что совершил экипаж «Доблестного».

— Но на нем ответственность большая, чем на тебе. Если ты ошибешься — что ж, мы можем потерять корабль. Несколько жизней. Если ошибется он, это может быть катастрофа. Бог знает, что может обрушиться нам на головы. Мы же совсем не изучали, что может означать контакт. Несмотря на проект «Маяк», на все экспедиции, мы никогда не продумали возможные последствия до конца. — Кресло скрипнуло, когда Мэтт изменил позу. — Оставь это, Ким. С точки зрения долгосрочной перспективы нам лучше держать-

ся подальше.

— И ты в это веришь, Мэтт?

Из соседнего коридора донесся сигнал, сообщающий о сканировании. Этот *кто-то* снова смотрел на них. Проверял, что они не сменили курс. Интересно, как они восприняли военные корабли. Присутствие флота, успокаивающее Али и некоторых из ее коллег, могло и спугнуть всех по соседству.

— Знаешь, — сказала Ким, — если мы сейчас ошибемся, второго шанса у нас может не быть.

— Мы делаем что можем.

Ким поглядела на звезды, на Мэтта, сидящего с закрытыми глазами, принимающего на себя чужую боль, старающегося делать то, что делал всегда — повернуть по возможности все к лучшему. *С точки зрения долгосрочной перспективы нам лучше держаться подальше.* Он оставил для нее открытую дверь, ведущую обратно в Институт.

— Не понимаю, — сказала она, — почему они не отвечают. Уж о «Доблестном» они должны были бы поговорить.

Он пожал плечами:

— Кто знает? Может, они думают, что мы хотим еще один такой захватить. Или передаем картин-

ки без всякого смысла.

— А в чем будет смысл?

— Не знаю. А какой должен быть смысл?

— «Здравствуйте, мы очень сожалеем».

— Тогда, быть может, надо им показать, что «Доблестный» у нас. Они же не знают на самом деле…

— Ага! Может быть, ты и прав, Мэтт. Мы пока что посылаем…

— Только кучу картинок. Может, надо показать им сам корабль.

Ким открыла канал к пилоту:

— Али, когда будет следующее сканирование?

— Идет как раз сейчас.

— Все еще с интервалом в шестьдесят три минуты?

— Да.

— Сколько у нас времени до прибытия нашего доброго капитана?

— Примерно полтора часа.

— Значит, время еще есть.

— Для чего? — спросили одновременно Мэтт и Али.

— Для выхода наружу. Али, ты можешь сделать так, чтобы на следующем зондировании мы были в тени планеты? Нам нужно прикрыться от этого

солнца.

* * *

Мэтту это не понравилось, но поколебать ее решительности он не смог.

— Как бы там ни было, но я с тобой, — сказал он в конце концов.

— Ты бывал снаружи кораблей?

— А ты?

На том конце коридора была лестница, поднимавшаяся к шлюзу. Ким и Мэтт достали «Доблестный» с витрины, поставили на пол, и Ким тщательно обернула его пластиком.

Али обратился к ней из пилотской кабины, стараясь переубедить. Он напоминал, что у нее нет опыта работы вне корабля. Это опасно. Это бессмысленно. Лучше этого не делать.

Ким поблагодарила его за заботу.

— Я должна попытаться, — сказала она. — Больше у нас ничего не осталось.

Они с Мэттом подняли корабль по лестнице, выбрали пару скафандров и оделись.

Али пришел проверить, что все сделано правильно. Он попытался продолжать уговоры, но кончил словами, что на ее месте поступил бы точно так же.

— Поскольку вряд ли мы сюда вернемся.

Он вышел на площадку, и Ким начала выпуск воздуха из шлюза.

— По крайней мере время выбрано удачно, — сообщил Али по рации скафандра. — Следующее сканирование через восемь минут. А какого события ты ждешь там, снаружи?

— Надеюсь пожать руку инопланетянам.

Открылся внешний люк шлюза. Ким и Мэтт вышли наружу. Это было как выйти ночью на крышу.

Верхняя секция корпуса была плоской и прямоугольной, огороженной перилами высотой в половину человеческого роста. Это было еще в пределах гравитационного поля корабля.

Ким поставила «Доблестный», подошла к краю крыши и заглянула на ту сторону. Голова закружилась, будто она стояла на бесконечно высоком доме, фундамент которого терялся в пустоте. Слева лежал газовый гигант со своей системой колец и лун, закрывая от солнца.

— А что будет, если я свалюсь? — спросила она у Али.

— Ничего. Не упадешь. Но уплыть — уплывешь. И потому лучше не подходить слишком близко к краю.

Мэтт оставался в центре крыши возле «Доблестного».

— Минута до сканирования.

Ким подошла и положила Мэтту руку на плечо. У него был убитый вид.

— Ты хочешь помочь?

— Конечно.

— О'кей. — Ким сняла пластик с кораблика. Мэтт по ее примеру взялся за корабль с одной стороны, она — с другой, и они подняли его с палубы. — Вверх его, — сказала Ким и они подняли кораблик над головой.

Али отсчитывал последние секунды.

— О'кей, ребята, световая отметка. Нас сканируют. Ким будто ощутила покалывание зондирующего излучения, проходящего через три палубы «Мак-Коллума», через нее и обнаруживающего «Доблестный».

— Без толку все это, — произнес Мэтт. — Как религиозный ритуал.

— А это и есть религиозный ритуал.

Ким попыталась приподнять корабль повыше и чуть не упустила.

— Осторожней! — предостерег Мэтт.

— Продолжают сканировать, — сказал Али. — На этот раз дольше.

Ким, помня, что раньше сканирование продолжалось три секунды, начала считать.

— Кажется, на нас обратили внимание.

— Надеюсь, — ответил Мэтт. Она досчитала до девятнадцати.

— Маркер погас, — сообщил Али. — Сканирование кончено.

Ким и Мэтт опустили кораблик на палубу.

— Ким! — снова позвал Али.

— Что?

— Это продолжалось *двадцать шесть секунд.*

Мэтт оглянулся, может быть, высматривая материализовавшиеся среди звезд огни. Но небеса не изменились.

— Можно уже идти домой. Здесь нам делать нечего.

Ким с трудом села возле «Доблестного». В скафандре это было трудно.

— Я еще посижу.

— Ким…

— Все в порядке, я просто еще не созрела уходить. — Дверь шлюза стояла открытая, изнутри лил свет. — Как только мы уйдем, все кончится.

Он подошел и встал рядом.

Она глядела в вечность, поверх гигантского шара с кольцами, мимо россыпи алмазных звезд,

мимо световых рек. И думала об Эмили, погибшей в момент триумфа.

Голос Али:

— Заметили движение.

Терри Танака наблюдала за экранами в центре управления.

— Ким, что-то видно!

Ким с усилием встала:

— Это не «Бесстрашный»?

— Ни в коем случае, — ответил Али взволнованным голосом. — «Бесстрашный» все еще позади нас.

— А где? В какой стороне видно?

— Пеленг ноль шесть ноль, — сказал Али. — Вверх градусов на тридцать.

Ким пришлось вернуться в шлюз, чтобы сориентироваться по носу корабля.

— Объект появился только что, — сообщил Али. — Не знаю откуда.

Хотя и затененная планетой, ослепительная ярость Алнитака пылала. Мэтт приложил перчатку к визору и посмотрел в указанном направлении.

— Ничего не вижу, Ким.

Она тоже ничего не видела.

— Получаем аномальные показания, — доло-

жил Али. — Конфигурация продолжает меняться. Я думаю, это звездолет.

— А что же еще? — удивился голос Сандры. У Ким чаще забилось сердце.

— Форму не меняет? — спросила она.

— Ким, «Бесстрашный» вышел на связь. Кажется, они там несколько возбудились.

— Сколько до него? До предмета с меняющейся конфигурацией?

— Около восьми километров, дистанция уменьшается. Не могу понять, как он оказался так близко, а мы его не заметили.

— Ким, — захлебнулся голос Эрика, — принимаем изображение.

— Текст! — сообщил Пол и взвизгнул: — Это от них!

И Мори:

— Ты уверен? Это же по-английски!

Ким услышала аплодисменты, тут же затихшие. Снова Эрик:

— Я не знаю, о чем это они.

— Ой-ой, — протянула Мона.

— Что они говорят? — спросила нетерпеливо Ким.

— Они спрашивают: «Где они?»

— Где кто? — переспросил Мэтт. По спине Ким

пробежал холодок.

— Думаю, они хотят знать, что случилось с экипажем «Доблестного».

— Ким, — произнес голос Али, — эта штука похожа на облако. Когерентное. Движется направленно.

— Слышу.

— Может быть, это такая же пелена. Лучше бы тебе войти внутрь.

— Мэтт, — сказала она, — ты иди. Закрой шлюз и не открывай, пока я не скажу.

— Плохо придумано, — заявила Терри.

— Ким, вернитесь внутрь оба. И быстро. У вас всего пара минут.

Мэтт быстро подошел к шлюзу и застыл в световом пятне, поджидая Ким. Она поглядела на «Доблестный», выглянула за правый борт, подняв глаза градусов на тридцать к небу. И не увидела *ничего.*

— Давай, Ким! — поторопил Мэтт. — Мы тут ничего не сделаем, только зря погибнем.

Критический момент.

— Сообщи, что они погибли. Мы очень сожалеем, но они погибли. При несчастном случае.

— У нас в словаре нет слова «погибли». И слов «несчастный случай».

Али скомандовал:

— Ким, войди внутрь! Времени уже нет.

— Мэтт…

Мэтт отрицательно мотнул головой и закрыл люк. Потом повернулся и подошел к Ким.

— Это глупо.

— Я тебя одну не брошу.

Ким старалась вспомнить словарь. Там было много слов вроде «камня» или «травы», «дерева» и «листа», «воды» и «земли», «света» и «темноты». Были «облако» и «солнце», «звездолет» и «двигатель». Даже цвета были. Как же описать смерть?

— Скажите так: «У них остановились двигатели. Они ушли темноту».

— Ты уверена, что это надо?

— Уверена, Мори.

— Ладно, делаю.

— Нужен способ выразить сожаление. Есть предложения?

— «Мы хотели бы, чтобы этого не было», — предложила Мона.

— У нас нет слова «хотеть», — возразил Джил. — И синтаксически выходит сложно.

Ким не отрывала глаз от пятнышка на небе, от которого шла к ней пелена.

Споры о том, как обратиться к инопланетянам,

сменились раздраженным молчанием.

— Дефективный словарь! — воскликнула Терри.

— Сделали что могли, — огрызнулся Эрик. — Сначала нужно дать основы, а философию уже потом.

Небо зарябило, звезды исчезли.

— Они здесь, — сказала Ким.

— Ким! — донесся рассерженный голос Али. — Почему ты еще снаружи?

— Эрик, — сказала Сандра, — попробуй такое: «Листья наших деревьев падают на землю».

— Да, — одобрила Ким, — звучит хорошо.

— Надо было писателя с собой взять, — заметил Пол.

Облако приближалось, через его складки были видны звезды.

— А как прозвучит «Наши растения стали сухими?»

— Давай и это тоже. Сожаление в такой момент излишним не будет.

Ким и Мэтт стояли рядом не шевелясь. Пелена была похожа на ту, из Северина, только поменьше.

— Та же модель, — сказал Мэтт. Но у этой не было глаз.

И все же Ким знала, что пелена ее видит. Или как-то ощущает другим чувством, отличным от зрения.

— «Наша жизнь теперь темна», — сказала Ким, обращаясь к Мори, одновременно подавляя желание попятиться. Мэтт, к ее удивлению и к его чести, остался рядом.

— У нас нет слов для обозначения времени. Для понятия «теперь».

— Пошли без «теперь», Мори. — С колотящимся сердцем Ким подняла «Доблестный».

Облако раскрылось, распустилось лепестками как цветок, как делало то, на озере, перед тем, как охватить своих жертв. Ким протянула кораблик.

— Не делай резких движений, — предупредил Али. Ким вообще еле могла двигаться. В скафандре вдруг стало тесно.

— Получаем ответ, — сказала Тесла.

И голос Эрика:

— «Мы это вы».

— Бессмыслица.

— У нас одинаковый разум, — предположил Мэтт срывающимся голосом. — Может быть, они понимают, что мы пытаемся сделать.

— Ты правда так думаешь? — спросила Тесла. Ким искренне надеялась, что он прав. Голос Али:

— Как вы там, ребята?

Ким ощутила, как что-то потянуло «Доблестный». Она отпустила кораблик, он стал падать, но медленно, все еще в гравитации. Потом по полированному корпусу заклубился туман, охватил его, и облако вошло внутрь.

Ким услыхала аплодисменты.

А потом они с Мэттом остались на крыше одни.

35

Первые несколько часов мы бились с фразами вроде «Я есть красный карандаш деревянный коробка». Но постепенно справились с базовым синтаксисом, а Эрик подхватил что-то из их языка, который мы научились воспроизводить на синтезаторе, и тогда мы действительно стали говорить.

Мори Пенн, «Записки», XXVII, 611 г.

Ким не удалось долго праздновать победу. Не прошло и часа, как «Доблестный» уплыл в темноту за пределы досягаемости сканеров и телескопов «Мак-Коллума» и кораблей флота, а Ким уже была арестована капитаном «Бесстрашного» по обвинению в преднамеренном хищении собственности правительства. Вопреки бурным протестам, она была переведена на борт линкора для доставки на Гринуэй.

Но проблемой, по крайней мере главной, было не это. Мэтт пустил в ход все аргументы, которые мог найти, чтобы убедить командира «Бесстрашного» отменить свой приказ о немедленном

возвращении «Мак-Коллума». Али сумел застопорить главную навигационную систему, и таким образом выиграть двенадцать часов, в течение которых команда отчаянно работала, пытаясь установить конструктивные отношения с инопланетянами.

С Ким обращались достаточно хорошо. Передвижения ее были ограничены, но отведенную ей каюту было не сравнить со скромным обиталищем на «Мак-Коллуме». Экипаж был с ней вежлив, хотя и без подчеркнутой приветливости. Людям, очевидно, сказали, что она — серьезный нарушитель, поэтому с ней держали почтительную дистанцию. Капитан отказался ее видеть или с ней говорить, передав через посредника, что не имеет желания выступать свидетелем в суде и рассказывать, что она сказала или не сказала о своих действиях.

Отряд, возглавляемый «Бесстрашным», не уходил, пока «Мак-Коллум» не взял курс домой. Тогда он тоже ушел в гипер и начал длинный перелет к Гринуэю.

Ким в основном читала, занималась физическими упражнениями и спала. Дважды она передавала капитану просьбы, объясняя, что дело идет о научном открытии века, если не всех

времен, и спрашивая, не может ли «Бесстрашный» выйти из гипера на час, чтобы она передала рапорт своему начальству.

— Совершенно излишне, — вежливо ответил капитан через представителя. Он был бы рад выполнить ее просьбу, но он уже отправил рапорт. И «Мак-Коллум» — тоже. У него есть копия последнего, которую он ей передает.

В рапорте содержались потрясающие новости о том, что инопланетяне согласились на встречу в будущем, которая будет проведена через одну пятисотую времени оборота газового гиганта. То есть через несколько месяцев.

И вот на второй неделе августа «Бесстрашный» вышел в нормальное пространство и Ким снова вернулась в Небесную Гавань, ожидая ареста. И снова была приятно удивлена: ее приветствовал сам премьер под музыку оркестра, возгласы публики и суета репортеров, фиксирующих все подробности для потомства.

«Я же тебе говорил и повторяю, — сказал Мэтт, встречая ее у причала и сияя. — Никогда не надо недооценивать силу пиара».

История получилась такая громкая, а новости такие хорошие, что политикам было не отмахнуться. Если потом окажется, что инопланетяне

опасны — что ж, это будет уже на чужой вахте.

В лифте на пути вниз Ким смотрела специальную передачу, озаглавленную «Встреча у Алнитака». В ней Агостино выступал как человек, продолжавший биться над загадкой пика Надежды, когда остальные опустили руки, и в конце концов сложивший эту головоломку. Ким тоже мельком упомянули.

Новости разворошили всю планету. Потом Ким узнала, что сначала Совет пытался все сохранить под спудом, но это просто было невозможно.

Подготовка к следующей встрече уже шла полным ходом. Ким получила от Агостино письмо с поздравлениями за хорошую работу и обещанием, что, если ее не посадят в тюрьму место в экспедиции ей обеспечено.

Анализ результатов сканирования «Доблестного» показал, что Терри была права и что корабль двигался в нормальном пространстве с помощью управления гравитацией. Метод куда более эффективный, чем все, известное в Девяти Мирах, но, к сожалению, не имея в руках корабля, было невозможно определить, как эта система работает.

Это вызвало некоторое раздражение, особенно когда на второй встрече выяснилось, что

инопланетяне вовсе не рвутся объяснять свои технологии. Примерно в это время роль Ким стала известна более четко, и она временно стала мишенью журналистских расследований. Кто-то даже написал книгу, где Ким была выведена предательницей.

Конструкция «Доблестного» также показала необходимость присутствия чего-то вроде этой пелены: детали, требующие периодического обслуживания или регулировки, находились в таких местах, где до них не добраться без серьезной разборки. К ним был доступ через некоторые отдушины, но туда не пролез бы даже миниатюрный организм. Примерный размер члена экипажа был оценен в пять сантиметров с ног до головы — или от крыла до крыла, как мерить.

Все еще несколько пугала информация о природе этих пелен. Даже на ранних стадиях шли споры, какая из двух рас командует. Теперь уже считалось, что пелена — это искусственная форма жизни, биологический ИР, предназначенный для различных целей. Эти создания пилотировали, обслуживали, а при необходимости и защищали звездолеты.

Ким получала приглашения в разные передачи головидения, предложения написать мемуары

и даже принять участие в борьбе на выборах. «Ночное кружево» пригласило ее на открытие памятника на берегу Кабри.

Встреча прошла удачно. Ким в ней участвовала, обе расы поставили у Алнитака постоянные станции, и была попытка провести первый так называемый разговор «лицом к лицу». Человечество представлял Эрик Клаймер, и он стал мировой знаменитостью — в основном из-за картинки, где у него на плече сидит бабочка.

После возвращения домой Ким позвонил Кэнон Вудбридж. Это был их первый разговор после его попытки захвата «Доблестного».

— Ты хорошо поработала, — сказал он.

Был поздний вечер ранней осени. После полета «Мак-Коллума» прошел год и четыре месяца. Почти весь день шел дождь, и звезд на небе не было.

— Очень мило с твоей стороны это отметить, Кэнон.

Он сидел за столом. Проницательные глаза блестели в свете лампы, освещающей гостиную Ким.

— Ты сильно рискнула от имени нас всех, но оказалось, что ты была права.

— Ты как будто этому не рад.

— Нет. Я рад, что они нам не угрожают. — Он наклонился вперед, подпер подбородок пальцем. — Ким, я не хочу, чтобы ты неправильно поняла то, что я сейчас скажу. Я очень рад, что эти создания с Ориона настроены благожелательно. *По-видимому,* благожелательно. Но факт тот, что мы не знаем, как это скажется на нашей жизни в долгосрочной перспективе. Я всегда очень тебя уважал. И мне трудно это сказать, но я хочу, чтобы ты знала: твой поступок — самый безответственный и самоуверенный, какой я только в жизни видел.

И наконец, проявился Майк Плимут. Хранитель Архивов. Как-то зимним вечером он поджидал ее, когда она вышла из Института. Со времени их встречи прошло почти три года.

— Майк! — Ким была смущена, взволнована.

— Привет, Кей! — улыбнулся он.

— Меня зовут Ким.

Он кивнул:

— Я знаю. Тебе много хлопот стоило добыть мою ДНК.

В его голосе не было слышно злости.

— Я прошу прощения. — Они стояли, глядя друг на друга. — Нам был нужен образец. Как ты меня нашел?

— Это было нетрудно. Ты знаменитость.

— Ну… — Ким запнулась. — Я бы хотела извиниться, но…

— Ничего, — сказал он. — Не надо извиняться. Все в порядке.

Вокруг стояли высокие сугробы, и приближалась очередная снежная буря.

— Я рада, что ты приехал. Я бы сама тебе позвонила, но мне было неловко.

— Понимаю. — Он помялся в нерешительности. — Я вот насчет чего думал: у нас же была договоренность поужинать. Я был бы рад…

Она тоже замялась, начала объяснять, что в этот вечер занята, потом подумала, зачем ей это надо, и вообще — какого черта?

— Конечно, Майк. С удовольствием.

Они пошли в «Вид на океан» и заказали по бокалу белого вина, чтобы посмаковать его при свечах. Было еще рано, ресторан был почти пуст и только начинала играть тихая музыка.

Они говорили о путешествиях к Ориону, а когда Ким попыталась сменить тему, спросить, как дела в Архивах, он засмеялся и отмел вопрос.

— Как всегда, — сказал он. — Ничего интересного не было после большого взлома.

Он спросил, что она чувствовала, когда пришло

первое сообщение «Где они?», и о чем думала, когда на нее надвигалась пелена, а она стояла на корпусе «Мак-Коллума», и какое это чувство — находиться в одной комнате с *чио-чио,* как теперь называли инопланетян. Кличка, данная им Терри, прилипла.

Она ответила, что последовательно сменялись радость, страх и что она никогда не была с ними в одной комнате.

— Только Эрик был в одном помещении с ними. Они такие маленькие, и физическая встреча так сложна, что это было один раз — чисто символически. Наверное, мы с ними мало будем проводить времени вместе.

Он спросил ее, зачем корабли были вооружены.

— Это было недоразумение, — ответила Ким. — Устройство, которое убило Эмили — не оружие. Оно используется для проецирования гравитационного поля перед кораблем. И оно меняет пространство. Или материю и энергию, если они окажутся на пути.

Существовала распространенная точка зрения, что новая раса не так способна, как люди. Их цивилизация на тридцать тысяч лет, если не больше, старше нашей, но технология продвину-

лась не сильно.

— Циклическое развитие, — объяснила Ким. Темные века.

Вверх и вниз. — Похоже, что на автоматический прогресс рассчитывать нельзя. У нас тоже была пара периодов темных веков. Один большой, после Рима, и другой поменьше, здесь. — Ким посмотрела на освещенного свечами собеседника. — Не похоже, чтобы эти периодические спады были просто отклонениями. И одно это знание уже стоит той цены, что мы заплатили.

— Так что ты собираешься делать сейчас? — спросил он.

А в самом деле, что? У нее есть предложения со всех Девяти Миров, предложения мест, которые позволят ей навеки бросить работу по сбору средств и стать серьезным астрофизиком.

— Выбирать, — сказала она. — Делать то, о чем всю жизнь мечтала.

Он потянулся через стол и взял ее за руку.

— Я все время о тебе помнил.

Она улыбнулась:

— Это я вижу.

— И ты отсюда уедешь?

— Быть может.

— А я никак тебя не смогу убедить остаться?

Она придвинулась поближе, коснулась его щеки.

— Кажется, Майк, мы с тобой всегда идем в разные стороны.

Потом он отвез Ким домой, на остров, и она пригласила его зайти. Начал сыпать снег.

— Нет, — сказал он, — сейчас не надо. Пусть ты мне будешь должна приглашение. Тогда я буду знать, что увижу тебя снова.

Эпилог

18 января 623 г.

Камень, поставленный в углу берега Кабри, не особо заметен, если не искать. Надпись на нем гласит просто: «В память...» — а дальше идут пять имен: Шейела Толливера, Бентона Трипли, Эми Брикер и еще двоих охранников.

Вероятно, Ким обязана жизнью Эми и ее товарищам.

За двадцать с лишним лет, что прошли с той страшной ночи на берегу, жизнь вернулась в Северин. Деревню отстроили, на озере снова появились лодки, воздвигли станцию маглева. Даже киоск с напитками вернулся, и летом рядом с берегом плавает новый плот. Сейчас был мертвый сезон, начало декабря, но все равно здесь не было так мрачно, как ей помнилось. Сквозь лес проглядывали огни деревни, а если встать у самой воды, видна была и ратуша.

По небу плыли огни. Некоторые из них несли сановников, летящих приветствовать первых гостей иной расы. Ну быть может, не совсем первых.

Завтра они прибудут в Северин, гости и хозяева.

Будут произноситься речи, будут играть оркестры, и откроют второй памятник:

Экипажу «Доблестного», отдавшему свои жизни ради тех, кого никогда не знали.

Термин «экипаж», вероятно, должен был включать в себя и пелену, и Ким это было не слишком приятно. Но не известно, что пришлось пережить этому покинутому созданию, так что лучше забыть и не вспоминать. И все равно Ким чувствовала стоящий позади камень.

Чио-чио не дают кораблям имен, а обозначения не поддаются переводу, так что все согласились, что данное людьми имя для данного случая вполне подойдет. Несколько судов класса «Доблестного» уже прибыли в Небесную Гавань в память этого события.

Родной мир бабочек находился за триста световых лет по ту сторону Золотой Чаши. В прошлом году корабли людей посетили его и вернулись, полные рассказов о невиданных чудесах.

Чио-чио, как и люди, считали, что они одни во вселенной. Как и люди, они были рады найти собратьев во вселенной, которая казалась им гулкой пустотой.

Ким посмотрела на ту строну озера. Там тоже воздвиглись дома.

Такси высадило ее точно там, где они приземлялись с Солли той январской ночью после смены столетий.

Ким оглядела опушку. Вон там мы входили в лес. А там находилась вилла Трипли, несколько румбов к югу от запада. Теперь ее уже нет — много лет назад снесли.

— Все вышло отлично.

Ким произнесла эти слова вслух, будто не была совсем одна.

Солли позабавился бы, узнав, что она все еще собирает средства. Она стала старше и посмотрела в глаза фактам: у нее просто нет абстрактного мышления и математических способностей, которые нужны настоящему астрофизику. Она могла бы пойти по этой дороге, но решила вернуться назад, к работе, которая ей, оказывается, нравится, которую она умеет делать: говорить с людьми и убеждать их пожертвовать деньги на доброе дело. Не очень блестящая карьера, но очень нужное дело. Она все еще занималась им, вкладывая в него единственный настоящий талант, который у нее есть.

А доброе дело — это был Звездный Поиск. Деньги шли потоком, строились и запускались корабли, и раса людей снова двинулась вперед. Нашли

интересные руины в Треугольнике за две тысячи световых лет, по ту сторону от Ориона. Новый телескоп Чанга позволил открыть факты, говорящие в пользу цивилизации второго типа в Андромеде.

На прошлой неделе «Соломон Хоббс» сообщил о следах древней звездной инженерии в районе Омеги Лиры.

Есть и другие тайны. Чио-чио утверждали, что их дальние предки когда-то имели туннель в альтернативную вселенную, но эта технология утрачена.

Ким была довольна, что Эмили и ее коллеги заняли свое место в истории — в основном потому, что «Охотник» не принес непоправимого вреда. Их теперь помнили как людей, начавших контакт.

Но кое-чему человечество научилось. Теперь группы наблюдения проходили тщательную подготовку для осуществления контакта. Аналогичное обучение должен пройти кандидат на получение прав пилота дальнего космоса.

Ким оглядела берег. Он казался меньше, чем она помнила.

Загудел коммуникатор — звонил Флекснер, который летал с ней в Наблюдение.

— Да, Мэтт?

— Ким, ты где? — Голос был чуть сердитый. Она вздохнула:

— Уже еду.

— Отлично. Нам надо знать, что именно ты собираешься завтра сказать, чтобы сообщить это переводчикам. И сделать это надо сегодня.

Она будет говорить не только по собственному праву, но и как сестра Эмили.

— Через десять минут буду.

— Хорошо. И, Ким, вот еще что…

— Да?

— Это значит, что надо будет придерживаться написанного. Ладно?

— Ладно, — ответила она. — Не отступлю ни на букву.

Ким оглянулась в последний раз и влезла в такси.

— Северин, гостиница «Берег».

Флаер поднялся, берег Кабри нырнул вниз, и Ким поплыла среди звезд.